СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

51

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

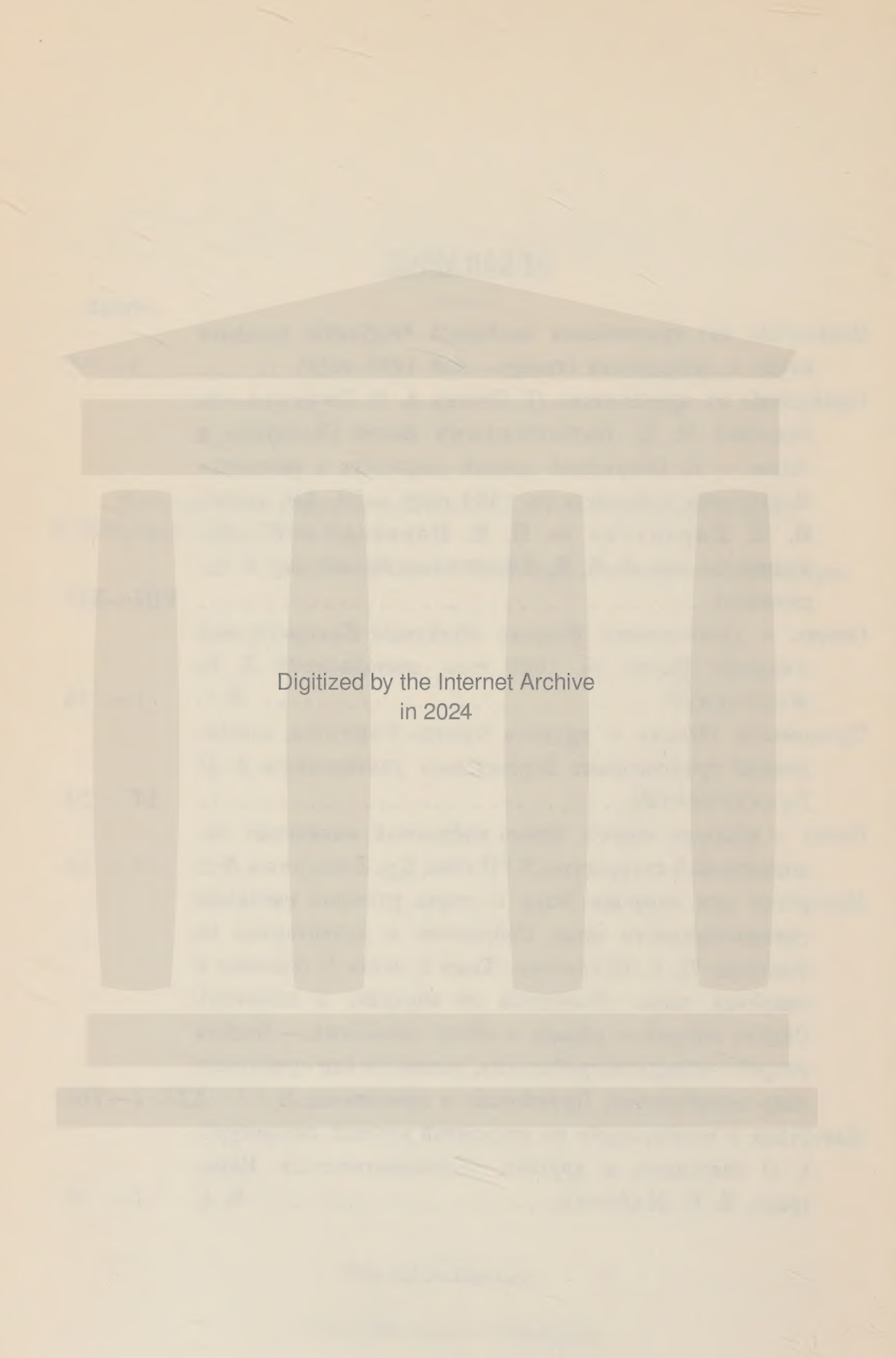
KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1890 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНІЕ.



ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Январь — май 1890 года.

Доложено, что Августѣйшимъ Президентомъ Академіи Наукъ передана на обсужденіе Отдѣленія препровожденная къ Его Императорскому Высочеству Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ записка г. Ростовцова о томъ, что по его мнѣнію необходимо замѣнить русскими словами утвердившіяся въ нашемъ языкѣ многочисленныя иностранныя наименованія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія и общественнаго быта.

По выслушаніи этой записки Отдѣленіе не могло не согласиться, что такая замѣна была бы весьма желательна, но вмѣстѣ съ тѣмъ находило, что приведеніе въ исполненіе этой мысли въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ неодолимыя затрудненія.

На заимствованіе языками иностранныхъ словъ можно смотрѣть различно. Знаменитѣйшій филологъ нашего вѣка Яковъ Гриммъ говоритъ: «Принятіе чужихъ словъ естественно и неизбѣжно; оно не оскорбляетъ народной чести, потому что между всѣми народами происходитъ обмѣнъ предметовъ и словъ, и такое заимствованіе, если оно остается въ надлежащихъ предѣлахъ, можетъ даже способствовать къ развитію и обогащенію родного языка». Эти слова были сочувственно повторены и незабвеннымъ Шафарикомъ въ его Славянскихъ Древностяхъ. При соприкосновеніяхъ одного народа съ другими заимствованія словъ происходятъ по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами. Бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было главнымъ образомъ три: введеніе христіанской вѣры въ IX вѣкѣ, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ а потомъ въ Москвѣ, въ XVII

столѣтіи, и наконецъ преобразованія Петра Великаго въ началѣ XVIII-го. Сближеніе съ Византіею и Болгаріею повлекло за собою введеніе множества греческихъ словъ. «Съ греческаго языка, говоритъ Ломоносовъ, имѣемъ множество словъ русскихъ и словенскихъ, которыя для переводу книгъ сперва за нужду были приняты, а послѣ въ такое пришли обыкновеніе, что будто бы они сперва въ россійскомъ языкѣ родились». То же самое можно сказать и о безчисленномъ множествѣ словъ, принятыхъ изъ западно-европейскихъ языковъ вслѣдствіе переселенія въ Москву питомцевъ польскихъ школъ, а позднѣе въ связи съ петровскими нововведеніями. Рядомъ шло усвоеніе научной греческой и латинской терминологіи. Въ этой послѣдней области, начиная со временъ Екатерины II, многія заимствованія уступили мѣсто удачно придуманнымъ, путемъ перевода, русскимъ словамъ. Но въ сферахъ государственной и общественной жизни чужеземныя названія остались большею частью неприкосновенными. Такъ въ военномъ дѣлѣ преобладаютъ нѣмецкія и французскія наименованія (армія, флотъ, эскадронъ, баталіонъ, солдатъ, матросъ, гардемаринъ, офицеръ, лейтенантъ, капитанъ, ротмистръ, генералъ, адмиралъ, ефрейторъ, фельдфебель, амуниція, мундиръ, эполетъ, портупей, ефесъ, лафетъ, аксельбантъ, штабъ-, оберъ-, унтеръ-офицеръ); въ придворномъ вѣдомствѣ нѣмецкія (камеръ-юнкеръ, камергеръ, гофмейстеръ, шталмейстеръ, гофмаршалъ, фрейлина, штатсъ-дама); въ морскомъ дѣлѣ названія, относящіяся къ строенію корабля,—голландскія, а касающіяся вооруженія его — англійскія; въ служебномъ мірѣ господствуетъ смѣсь нѣмецкихъ и французскихъ терминовъ (министръ, директоръ, инспекторъ, канцелярія, департаментъ, комитетъ, комиссія и проч.).

Въ ряду всѣхъ этихъ иностранныхъ названій русскія, какъ напр. *прапорщикъ* и *поручикъ*, составляютъ рѣдкое исключеніе.

Для замѣны заимствованныхъ словъ туземными возможны два способа: либо образованіе новыхъ словъ, конечно не иначе, какъ посредствомъ производства отъ существующихъ уже въ языкѣ корней, либо посредствомъ составленія одного слова изъ двухъ уже извѣстныхъ. Но какъ бывшіе у насъ опыты подобныхъ словосоставленій, такъ и примѣръ другихъ языковъ показываютъ, что этотъ способъ рѣдко бываетъ удаченъ. Такъ въ чешскомъ языкѣ, гдѣ къ изгнанію иностранныхъ словъ побуждали не одни лингвистическія соображенія, но и политическая вражда къ завоевателямъ, изо ста придуманныхъ новыхъ словъ, можетъ-быть, едва пять оказывались годными и дѣйствительно принялись. Счастли-

вѣе въ этомъ отношеніи былъ нѣмецкій языкъ, но онъ обязанъ тѣмъ своей особенной способности къ словосочетаніямъ, не свойственной въ такой же степени другимъ языкамъ. Другой способъ состоитъ въ прінсканіи въ сокровищницѣ старины родного языка такихъ собственно ему принадлежащихъ словъ, которыя по сходству значеній могутъ служить къ замѣнѣ усвоенныхъ имъ позднѣе иностранныхъ названій. Такъ у насъ нашлось бы нѣкоторое количество могущихъ повидимому быть возстановленными старинныхъ названій должностей, званій и учрежденій, какъ напр.: дружина, воевода, приказъ, дьякъ, пушкарь, рында, стрѣлецъ, размыслъ, конюшій, кравчій, стремянный, оружничій, ловчій, стольникъ, чашникъ, постельничій. Но съ этими словами соединяется, во 1-хъ, то неудобство, что въ значеніяхъ ихъ заключаются оттѣнки, налагающіе на нихъ особенную печать времени, не подходящую къ нынѣшнимъ понятіямъ, а во 2-хъ, число этихъ словъ очень ограничено, и такимъ образомъ съ помощію ихъ могла бы быть устранена лишь весьма малая доля того обилія заимствованныхъ словъ, которое составляетъ предметъ содержанія записки г. Ростовцова.

Читано переданное въ Отдѣленіе Августѣйшимъ Президентомъ письмо бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Н. И. Барсова къ А. А. Кирѣеву съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ напечатанію Академіею Наукъ двухъ рукописныхъ фоліантовъ покойнаго Павскаго, озаглавленныхъ: «Матеріалы для объясненія русскихъ коренныхъ словъ посредствомъ иноплеменныхъ». Трудъ этотъ принесенъ былъ въ 1880 году г. Барсовымъ въ даръ Академіи Наукъ. По разсмотрѣніи его тогда же, Отдѣленіе, признавъ, что это посмертное произведеніе Павскаго не удовлетворяетъ требованіямъ современной филологіи и что польза отъ изданія его далеко не соотвѣтствовала бы тому огромному труду и тѣмъ значительнымъ издержкамъ, какіе были бы сопряжены съ напечатаніемъ двухъ громадныхъ фоліантовъ, въ большей части своей писанныхъ начерно весьма неразборчиво, съ многочисленными, часто перепутанными помарками, опредѣлило передать рукописное сочиненіе Павскаго на храненіе въ академическую библіотеку, гдѣ оно будетъ доступно всѣмъ изслѣдователямъ русскаго языка.

Нынѣ, по поводу письма г. Барсова, Отдѣленіе, желая повѣрить прежнее свое заключеніе, занялось пересмотромъ названнаго труда. При этомъ прежде всего оказалось, что самый планъ его не основанъ на какой-либо опредѣленной и ясно сознанной идеѣ или задачѣ. Судя по заявленію авторъ имѣлъ въ виду объяснить

только коренныя русскія слова; между тѣмъ, рядомъ съ ними появляются въ большомъ числѣ не только не коренныя слова русскаго языка, но и явно заимствованныя изъ другихъ языковъ. Такъ въ самомъ началѣ мы встрѣчаемъ: *алебарда*, *алтынъ*, *ангелъ*, *анисъ*, *апостолъ*, *аршинъ* и т. д.

Затѣмъ и въ объясненіи какъ подобныхъ, такъ и дѣйствительно коренныхъ русскихъ словъ мы находимъ здѣсь ту же наклонность Павскаго, которая поражала въ его «Филологическихъ Наблюденіяхъ» и составляла самую слабую сторону ихъ, заключать по случайному сходству звуковъ о родствѣ словъ между собою или заимствованіи ихъ изъ другихъ языковъ. Такимъ образомъ онъ въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» производилъ, напр., коренное русское слово *дешевый* отъ англійскаго *dogcheap*. Подобными неосновательными и часто смѣшными толкованіями производства словъ рукописный трудъ Павскаго такъ изобилуетъ, что примѣры ихъ бросаются въ глаза (говоря безъ всякаго преувеличенія) на каждой страницѣ обоихъ фоліантовъ. Возьмемъ для примѣра самое обыкновенное слово *бабочка*. Что было бы естественнѣе, какъ поставить его подъ кореннымъ словомъ *баба*, съ которымъ оно состоитъ въ явной родственной связи, можетъ-быть вслѣдствіе какихъ-либо миѳическихъ представленій? Вмѣсто того мы находимъ слово *бабочка* на совершенно отдѣльномъ мѣстѣ, далеко отъ *баба*, съ такимъ объясненіемъ:

«*Бабочка* — отъ лат. *papilio*, фр. *papillon*. Ср. греч. ἠπίολος. Лат. *papilio* кромѣ бабочки значитъ еще палатку, павильонъ. Не потому ли такъ названа *бабочка*, что распущенныя ея крылышки похожи на раскинутую палатку? Въ нѣмецкомъ языкѣ по той же причинѣ бабочка называется *Zweyfalter*, о двухъ полахъ, двухскладная. Областное названіе бабочки *пикаль* происходитъ отъ англо-сакс. *piffaldo*, *fifeld*, которое одинаково съ нѣм. *Zweyfalter*. Быть можетъ, что и лат. *papilio* преобразовано изъ *fifeld*. Въ такомъ случаѣ лат. имя взято отъ цельтовъ и германцевъ».

Можетъ-быть, между словами *бабочка* и *papilio* и есть отдаленное родство по происхожденію отъ того же корня, но производить *бабочку* отъ *papilio* не станетъ ни одинъ филологъ, имѣющій сколько-нибудь здравыя понятія объ истинныхъ пріемахъ сравнительнаго языкознанія.

Возьмемъ на удачу другое, не менѣе употребительное слово *балбесъ*. Вотъ какъ Павскій объясняетъ его:

«*Балбесъ* — рослый, но дурно сложенный и дурно образованный

парень. Нѣм. *plump* значитъ не тесанный, не обдѣланный или дурно, аляповато обдѣланный. Происшедшее отъ сего прилагательнаго имени существительное *Plumpert* совершенно одинаково съ нашимъ *балбесъ*. Окончаніе *ес* у насъ выговорено вм. нѣм. *ert*, которымъ означаются лица презрѣнныя. Ср. *плакса*, фр. *pleurard*, *plompar*. Гриммъ, II, стр. 340. Фр. *balourd* тоже значитъ *балбесъ*, неучъ, болванъ. Ср. Богем. 616 и *bliwon*».

Не станемъ продолжать такихъ выписокъ изъ посмертнаго труда филолога, который своимъ замѣчательнымъ трудомъ въ началѣ 1840-хъ годовъ оказалъ неоспоримую услугу наукѣ русскаго слова. Но къ сожалѣнію, уже и въ въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ», какъ скоро дѣло касалось словопроизводства и сравнительнаго метода, авторъ обнаруживалъ совершенное отсутствіе подготовки въ этой отрасли филологіи. Между тѣмъ приведенные выше примѣры еще не изъ самыхъ неблагопріятныхъ для оцѣнки степени достоинства корнесловнаго словаря. Спрашивается: какой вкладъ въ науку могла бы составить книга, полная произвольныхъ догадокъ и выводовъ, послѣ такихъ трудовъ, какъ Этимологическій словарь Миклошича, нѣмецкій словарь Вейганда, словарь романскихъ языковъ Дица, французскаго—Шелера и др., которыми обогатилась филологія въ послѣднія дѣсятилѣтія?

По поводу изданной П. Н. Батюшковымъ, по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, книги «Бѣлоруссія и Литва» академикъ А. Ѳ. Бычковъ прочелъ составленный имъ отзывъ объ этой книгѣ, который и положено напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

Предсѣдательствующій сообщилъ документъ, доставленный ему почетнымъ членомъ Академіи барономъ Ѳ. Р. Сакеномъ, который получилъ его отъ нашего консула въ сѣверной Норвегіи Д. Н. Островскаго. Этотъ документъ относится до разгрома Печенгскаго монастыря шведами въ XVI столѣтіи и содержитъ списокъ погибшихъ при этомъ случаѣ лицъ.—Положено напечатать его въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

Академикъ Л. Н. Майковъ доложилъ о своихъ занятіяхъ по приготовленію порученнаго ему изданія сочиненій Пушкина. Съ этою цѣлью онъ подвергаетъ пересмотру русскіе журналы, современные Пушкину, какъ для того, чтобы собрать указанія о времени появленія разныхъ произведеній Пушкина въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и для ближайшаго ознакомленія съ сужденіями, которыя высказывала о нихъ тогдашняя критика. Главный

трудъ редактора должно составить приготовленіе правильнаго текста произведеній Пушкина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановленіе исторіи ихъ происхожденія. Для этого необходимо тщательное изученіе рукописей поэта, а также его переписки. Большая часть рукописей Пушкина хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ. Важнѣйшія изъ нихъ необходимо будетъ выписать въ Петербургъ; но для предварительнаго ознакомленія съ ними и въ особенности съ тѣми письмами Пушкина, которыя хранятся въ упомянутыхъ музеяхъ, Академикъ Майковъ находитъ нужнымъ теперь же съѣздить въ Москву, чтобы тамъ сличить изданный текстъ писемъ съ ихъ подлинниками. Кромѣ того, онъ надѣется получить доступъ къ хранящимся въ Москвѣ бумагамъ покойнаго П. В. Анненкова, въ рукахъ котораго остались нѣкоторыя бумаги поэта.

Вслѣдствіе этого доклада положено командировать Л. Н. Майкова на двѣ недѣли въ Москву для разысканія и просмотра автографовъ поэта, хранящихся какъ въ Румянцовскомъ музеѣ, такъ и въ рукахъ частныхъ лицъ.

По возвращеніи изъ Москвы Л. Н. сообщилъ о результатахъ своей поѣздки. Академикомъ осмотрѣны рукописныя собранія Историческаго и Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Въ этихъ двухъ собраніяхъ оказалось болѣе сорока писемъ Пушкина къ разнымъ лицамъ, и въ томъ числѣ 4 никогда не бывшія въ печати; послѣднія списаны, а прочія, уже напечатанныя, сличены съ подлинниками, при чемъ печатный текстъ ихъ исправленъ и дополненъ. Хранящееся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ собраніе черновыхъ рукописей Пушкина осмотрѣно лишь въ общихъ чертахъ, такъ какъ, по мнѣнію Леонида Николаѣвича, его необходимо выписать въ Петербургъ для ближайшаго изученія. Кромѣ того, Акад. Майковымъ собраны свѣдѣнія о рукописяхъ Пушкина, находящихся у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ Москвѣ; наибольшее количество ихъ находится у В. Е. Якушкина и у наслѣдниковъ П. В. Анненкова. В. Е. Якушкинъ выразилъ полную готовность доставить Академіи для пользованія принадлежащія ему рукописи Пушкина; что же касается бумагъ, оставшихся у П. В. Анненкова, то на полученіе ихъ подана надежда; окончательный же отвѣтъ послѣдуетъ по прибытіи Глафиры Александровны Анненковой въ Москву изъ-за границы. Въ заключеніе своего сообщенія Л. Н. Майковъ прочелъ любопытное письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому изъ Кишинева, отъ 6-го февраля 1823

года, найденное въ собраніи автографовъ Московскаго Публичнаго музея и до сихъ поръ не бывшее въ печати.

Академикъ Н. С. Тихонравовъ, присутствуя въ первый разъ въ послѣднемъ апрѣльскомъ засѣданіи Отдѣленія, представилъ вниманію сочленовъ найденный имъ въ рукописи 1744 года текстъ трехъ главъ «Девгеніева Дѣянія». Указавши на связь одного мѣста греческой поэмы о Дигенисѣ съ древне-русскою переводною «Повѣстью отъ древняго писанія сложенною, воспоминаніе являющей преславно, егда Перси и варвари царствующій градъ облегоша бранію», академикъ перешелъ къ разсмотрѣнію текста новыхъ отрывковъ изъ «Девгеніева Дѣянія». Кромѣ немногихъ легкихъ подновленій въ языкѣ, этотъ текстъ совершенно согласенъ съ выписками изъ сборника Мусина-Пушкина, помѣщенными въ «Исторіи Государства Россійскаго» и расходится, въ редакціонномъ отношеніи, съ текстомъ «Девгеніева Дѣянія», напечатаннымъ въ «Памятникахъ старинной русской литературы». Разсказъ о первыхъ подвигахъ Девгенія въ новомъ текстѣ очень близокъ къ соотвѣтствующей главѣ греческой поэмы по трапезунтской рукописи и мѣстами представляетъ дословный переводъ оной. Разсказъ «О свадьбѣ Девгеніевѣ и о восхищеніи Стратиговны» не имѣетъ себѣ прототипа въ извѣстныхъ доселѣ греческихъ текстахъ: редакція этого разсказа по заключающимся въ ней эпическимъ подробностямъ и по богатырскому типу Девгенія ближе къ пѣснямъ, нежели къ поэмѣ о Дигенисѣ по трапезунтскому тексту и, по мнѣнію академика Тихонравова, отличается большею древностію, чѣмъ та обработка сказанія, которая находится въ греческой рукописи, изданной Сафою и Леграномъ. Въ заключеніе Николай Саввичъ коснулся содержанія главы о боѣ Девгенія на Евфратѣ съ царемъ Василіемъ, которой въ трапезунтскомъ текстѣ греческой поэмы соотвѣтствуетъ разсказъ о свиданіи Дигениса съ императоромъ Романомъ.

Въ другомъ засѣданіи Н. С. Тихонравовъ читалъ найденныя въ одномъ пріобрѣтенномъ имъ въ Петербургѣ рукописномъ сборникѣ два письма Н. М. Карамзина къ Новикову изъ Москвы: 1) отъ 14 апрѣля 1816 г. передъ вторымъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, и 2) отъ 3 мая того же года. Отдѣленіе, находя эти до сихъ поръ неизвѣстныя письма Карамзина заслуживающими обнародованія, положило напечатать ихъ въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. Отзывъ А. Ѳ. Бычкова, объ изданной П. Н. Батюшковымъ книгѣ Бѣлоруссія и Литва.

Изданная П. Н. Батюшковымъ книга подъ заглавіемъ: «Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы сѣверо-западнаго края» составляетъ третье сочиненіе въ ряду предпринятыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ видахъ ознакомленія русскихъ читателей съ прошлымъ сѣверо-западной и юго-западной окраинъ нашего отечества. Благодаря появленію этихъ книгъ, мы теперь имѣемъ правдивое, основанное на историческихъ документахъ и на сохранившихся вещественныхъ памятникахъ, изложеніе многовѣковой исторіи, а также вѣрную картину современнаго положенія этихъ исконно русскихъ областей, которыя заграничная печать XIX вѣка, а особенно пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, считала коренными польскими и съ незапамятныхъ временъ будто входившими въ составъ Польскаго государства,—позабывая только одно, что сами поляки появляются въ сѣверо-западномъ краѣ не ранѣе XV вѣка.

Хотя документы, печатавшіеся археографическими коммиссіями: Петербургскою, Виленскою и Кіевскою, Виленскимъ учебнымъ округомъ, другими правительственными учрежденіями и частными лицами, наглядно показывали несостоятельность такого взгляда, но все это было только доступно и извѣстно неболь-

шому кругу ученыхъ изслѣдователей, а масса, благодаря тенденціознымъ сочиненіямъ польскихъ ученыхъ и западно-европейскихъ публицистовъ, нерѣдко пользовавшихся измышленными документами, а также горячимъ проповѣдямъ польскаго духовенства, продолжала быть увѣренною, что наши окраины, вмѣстѣ съ Кіевомъ — матерью городовъ русскихъ, составляютъ край, забранный Россіею отъ Польши. Можно надѣяться, что напечатанный П. Н. Батюшковымъ трудъ, за который нельзя не принести ему искренней благодарности, установитъ трезвый взглядъ на отношенія сѣверо-западнаго края къ Россіи и Польшѣ.

Книга, о которой идетъ рѣчь, заключаетъ въ себѣ очеркъ исторіи Бѣлоруссіи и Литвы, этихъ — какъ справедливо замѣтилъ издатель — двухъ смежныхъ странъ, разнородныхъ по племени и языку, но одинаково тяготѣющихъ къ Россіи. Этотъ очеркъ составленъ двумя учеными профессорами Кіевской духовной академіи, Н. И. Петровымъ и И. И. Малышевскимъ. Въ сжатомъ, но тѣмъ не менѣе содержательномъ и живомъ разсказѣ изложены историческія судьбы сѣверо-западнаго края, заселеннаго разными вѣтвями славяно-русскаго племени, сосѣдившимися съ Литвою и Ятвягами, отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ до 1868 года включительно. Почтенные авторы очерка воспользовались всѣмъ печатнымъ довольно богатымъ матеріаломъ, разсѣяннымъ въ многочисленныхъ изданіяхъ и статьяхъ, и единственно можно пожалѣть только о томъ, что они не имѣли въ своихъ рукахъ прекрасной статьи Ю. Крачковскаго, составляющей вступленіе къ XVI тому актовъ, издаваемыхъ Виленскою Археографическою комиссіею, содержащему въ себѣ до 300 документовъ, относящихся къ церковной уніи въ сѣверо-западномъ краѣ.

Особенною полнотою и интересомъ отличаются тѣ главы, въ которыхъ излагается образованіе Литовско-Русскаго государства, въ составъ котораго вошли многія русскія области, первое соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ вслѣдствіе брака его съ Ядвигою, повліявшее на измѣненіе православно-русскаго направле-

нія жизни въ государствѣ. Съ неменьшимъ интересомъ и болью въ сердцѣ читаются тѣ главы, въ которыхъ излагается печальная лѣтопись угнетенія и приниженія въ краѣ всего русскаго и православнаго, и если иногда дружныя усилія православныхъ отстоять свою народность и вѣру увѣнчивались минутнымъ успѣхомъ, то въ концѣ концовъ польское правительство, по настоянію іезуитовъ, не медлило изданіемъ постановленій, имѣвшихъ цѣлію насильственно совращать православный народъ въ унію, а уніатовъ въ католицизмъ. Съ конца XVII вѣка начинается поистинѣ мартирологъ русскаго народа въ сѣверо-западномъ краѣ: онъ ополячивался и измѣнялъ вѣрѣ предковъ; православные монастыри передавались базиліанамъ, а церкви, приходившія въ ветхость безъ поправокъ, сдавались съ торговъ въ аренду; однимъ словомъ, является полнѣйшій погромъ православія, доходившій до того, что исповѣдывавшихъ греко-россійскую вѣру травили собаками, а молиться въ церкви можно было съ разрѣшенія арендатора-жида. Казалось, что православіе было уничтожено въ конецъ, но жизненная его сила восторжествовала. И вотъ съ конца XVII вѣка занимается заря освобожденія православныхъ людей отъ нестерпимаго гнета. На основаніи договора о вѣчномъ мирѣ, заключеннаго въ 1686 году между Россіей и Польшею, была обезпечена для православныхъ, жившихъ въ сѣверо-западномъ краѣ, свобода вѣроисповѣданія и неприкосновенность четырехъ православныхъ епархій съ монастырями, и вмѣстѣ съ этимъ было предоставлено православнымъ епископамъ принимать рукоположеніе отъ Кіевскаго митрополита. Основываясь на этомъ договорѣ, Россія, начиная съ Петра Великаго, то ходатайствовала, то заступалась за единовѣрцевъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши сѣверо-западный край возсоединился съ Россіей, которая, какъ говорится въ книгѣ, почти достигла въ сѣверо-западной Руси и Литвѣ тѣхъ историческихъ границъ, какія были намѣчены и установлены св. равноапостольнымъ Владиміромъ. Эти области со временъ Екатерины II, имѣвшей въ виду образовать въ нихъ независимую римско-католическую церковь, несмотря на всѣ

препятствія, начинаютъ, мѣрами принимаемыми русскимъ правительствомъ, сближаться и сливаться съ Россіей, хотя на протяженіи ста лѣтъ нерѣдко замѣчались въ правительственной власти колебаніе и ослабленіе. Великое дѣло возсоединенія уніатовъ съ православною церковью и другія мѣры, между которыми первое мѣсто занимаетъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, скрѣпили сѣверо-западную окраину съ Россіей. Да иначе и не могло быть. Въ осьмимилліонномъ населеніи сѣверозападнаго края преобладающими племенами являются Русскіе (3.474.883) и Литовцы (2.295.300). Поляковъ, или точнѣе сказать, ополяченныхъ русскихъ и литвиновъ, считается 744.410, нѣмцевъ 149.020 и евреевъ 1.200.522.

Къ сожалѣнію, на пути полнаго умиротворенія края значительною преградою является исповѣдуемая поляками, литвинами и жмудянами римско-католическая вѣра, которая въ рукахъ духовенства, не только ксензовъ, но и епископовъ, служитъ политическимъ орудіемъ, враждебнымъ мѣропріятіямъ правительства и наклоняющимъ жителей въ сторону Польши, все еще мечтающей о самостоятельности. Заключительныя слова очерка многозначительны.

Они показываютъ, что для русскаго правительства и русскаго общества предстоитъ еще не мало труда въ дѣлѣ окончательнаго умиротворенія края и упроченія въ немъ русскихъ историческихъ началъ.

Таково вкратцѣ содержаніе книги, къ числу достоинствъ которой слѣдуетъ отнести господствующій въ ней спокойный, чуждый полемики тонъ. Здѣсь говорятъ историческіе факты, безъ всякой предвзятой окраски, и какъ-то чувствуется, что излагается правда, а не ложь. Можно было бы пожелать болѣе подробнаго изложенія событій за послѣднее время, но, быть можетъ, авторы признали это неудобнымъ по многимъ причинамъ. Остается пожелать, чтобы этотъ прекрасный трудъ, отличающійся многими достоинствами, сталъ настольною и руководственною книгою для молодого и стараго поколѣній, чтобы онъ содѣй-

ствовалъ къ укрѣпленію въ жителяхъ сѣверо-западнаго края чувства любви къ общему отечеству и къ укорененію во всѣхъ слояхъ населенія той мысли, что этотъ край есть часть Россіи, а не Польши, и что чѣмъ тѣснѣе онъ будетъ сближаться съ Россіей, тѣмъ болѣе и болѣе должны и будутъ покрываться забвеніемъ прискорбные факты прошлаго.

Сто прекрасно исполненныхъ рисунковъ и гравюръ украшаютъ изданіе. Они представляютъ изображенія священныхъ предметовъ, портреты историческихъ лицъ, виды мѣстностей и зданій, снимки съ рукописей и разныхъ предметовъ. Кромѣ того, въ началѣ главъ помѣщены заставки и заглавныя буквы, заимствованныя изъ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Все это болѣе или менѣе способствуетъ усвоенію той исторической идеи, которая проходитъ чрезъ все сочиненіе. Въ концѣ книги приложены алфавитный указатель личныхъ именъ и карта губерній Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Могилевской и Минской, съ показаніемъ границъ Бѣлоруссіи и Литвы по картѣ, изданной въ 1662 году въ Geographia Blaviana. Не могу не сказать нѣсколько словъ о хранящемся въ Кіевскомъ музеѣ церковныхъ древностей крестѣ, которымъ будто бы преподобный Сергій благословилъ великаго князя Димитрія Іоанновича на борьбу съ Мамаемъ. По надписи, исполненной въ XVII вѣкѣ, при отсутствіи другихъ положительныхъ данныхъ, едва ли можно считать этотъ крестъ подлиннымъ и весьма жаль, что изображеніе его нашло мѣсто въ книгѣ. Всѣ приложенные къ сочиненію рисунки сопровождаются небольшими, но отчетливыми объясненіями, написанными М. И. Городецкимъ, за исключеніемъ трехъ, принадлежащихъ перу профессора Малышевскаго, именно біографій Богдана-Өеодора Стеткевича Заверскаго и Іасона-Юноши Смогоржевскаго и описанія развалинъ Новогрудскаго замка. Многія изъ этихъ объясненій сообщаютъ новыя или малоизвѣстныя данныя, что́ придаетъ имъ особенное значеніе. Къ тексту приложено 649 примѣчаній и ссылокъ, наглядно показывающихъ источники, изъ которыхъ были почер-

паемы свѣдѣнія. Въ этихъ примѣчаніяхъ, между прочимъ, находится заимствованное изъ разныхъ документовъ перечисленіе православныхъ монастырей и церквей, находившихся въ краѣ, что̀ является очевиднымъ и неопровержимымъ свидѣтельствомъ не только̀ распространенія, но и господства православной вѣры въ сѣверо-западномъ краѣ.

II. Старинный датскій документъ о разореніи Печенгскаго монастыря въ 1589 году.

Въ норвежскомъ государственномъ архивѣ, въ отдѣленіи Grœnds reguleringen P. 27 L. J., хранится документъ, относящійся до разгрома Печенгскаго монастыря шведами въ 16 стол. Помощникъ начальника сего архива г. H. J. Huitfeldt-Kaas обязательно сообщилъ нашему консулу въ сѣверной Норвегіи копію сего документа съ примѣчаніемъ, что подлинникъ по всей вѣроятности представляетъ собою донесеніе, посланное изъ Вардэ тогдашнимъ губернаторомъ (Lensherre) Jórgen Kaas въ Копенгагенъ датскому дворянину Meilgaard'у, бывшему комендантомъ замка съ 1587 по 1596 г. Въ 1851 году документъ этотъ былъ возвращенъ въ Норвегію при общей передачѣ дѣлъ датскаго секретнаго архива въ норвежскій государственный архивъ.

Означенный документъ, писанный на старомъ норвежскомъ языкѣ, представляетъ собою тетрадку въ 4 листа и содержитъ списокъ жертвъ разгрома, произведеннаго на Сѣверѣ шведами въ 1589 году.

На первой страницѣ записаны имена убитыхъ шведами лопарей: 5 мужчинъ, 3 мальчиковъ, 5 женщинъ и 4 дѣвушекъ и затѣмъ прибавлено замѣчаніе, что въ Волоковой губѣ (Bommenj) были убиты 10 женщинъ съ дѣтьми, но именъ ихъ фогедъ записать не могъ, такъ какъ на мѣстѣ въ живыхъ никого не оказалось.

На страницѣ 2-й записаны имена убитыхъ: 4 мужчинъ, 3 мальчиковъ, 1 женщины и 2 дѣвушекъ, съ примѣчаніемъ, что

названные лопари платили дань его величеству королю Датскому, и Русскому великому князю.

Затѣмъ записано имя Syckum Thudessen, платившаго подати Датскому королю и королю Шведскому и Русскому великому князю.

Далѣе на страницѣ 3-й приведено слѣдующее замѣчаніе:

Фогедъ изъ Вардехуса не могъ собрать никакой подати, такъ какъ въ тотъ годъ лопари были ограблены шведами, отнявшими у нихъ все, что тѣ имѣли. Ни королю Норвежскому и Датскому, ни королю Шведскому, ни великому князю Русскому подати не могли быть собраны. Лопари говорили шведамъ, что за сборомъ податей его в. королю Датскому придетъ фогедъ изъ Вардехуса и чтобы они этихъ податей не брали, но шведы отвѣчали, что для нихъ все одно кому предназначается дань и отняли у лопарей большую часть оленей, такъ что когда пріѣхалъ фогедъ, то онъ по недостатку оленей долженъ былъ остановиться за четверть пути до того мѣста, до котораго онъ обыкновенно доѣзжалъ, собирая подати.

Со страницы 4-й начинается поименный списокъ убіенной шведами братіи Печенгскаго монастыря (Pessanntt). Первымъ записано имя игумена Гурія и 3-хъ іеромонаховъ (prester):

Пахомія (Packum).

Іосифа (Josep).

Іоны (Jionno).

Конецъ 4-й страницы и почти вся 5-я заняты 38 именами убіенной братіи (muncker). На страницѣ 6-й начинается именной списокъ находившихся въ монастырѣ рабочихъ и вѣроятно богомольцевъ (arbedtz folck). Записано ихъ всего 51 человѣкъ и сверхъ того записано еще имя двухъ женщинъ Акулины и Афимьи, жившихъ на монастырскомъ скотскомъ дворѣ и также убитыхъ шведами.

Страница 7-я заканчивается слѣдующею замѣткою:

«Всѣхъ ихъ шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они также всѣ постройки, церковь, большую часть имущества,

скотный дворъ и мельницу. Сожгли также поселокъ подъ названіемъ Викидъ (Wickitt), гдѣ была монастырская гавань, всѣ карбасы и лодки, а находившіяся въ гавани суда изрубили на части».

Стр. 8: «И такъ отъ монастыря не осталось ни одного строенія, кромѣ бани, стоявшей невдалекѣ, да двухъ землянокъ, находившихся на двухъ маленькихъ островкахъ, куда шведы не могли проникнуть. Вардэхусъ 7 августа года 90».

Вѣрность копіи съ подлинникомъ засвидѣтельствована г. Гюйфельдтомъ Косъ, помощникомъ начальника архива, въ Христіаніи 4 мая 1889 года.

Вотъ самый документъ въ подлинникѣ:

Efter Original paa Papir i Norske Rigsarchiv.

(Grœndsereguleringen P. 27 Litr. J. Cancelliet). 4 Blade in folio.

S. 1. Register paa di Finder som Suensken haffuer Slagitt Ihiel paa Nordtfieldt som Eptherfolger Anno 1589.

Wrre.

v Karll:
- Thimofe Wickelssen,
- Iffuen Ollessen,
- Sachrim N.,
- Iórgin Iffuenssen,
- Mettram Torressen,

iij drenge:
- Meckefar Iffuenssen,
- Daniel Maxsessen,
- Simen Maxsessen,

v Quinder:
- Solle Thimosseis,
- Marin Iffuenssdatter,
- Balach N,
- Luckere Regois,
- Nastas Iffuens Konne,

iiij piger:
- Iórgen Iffuensdatter,
- Naist Iffuensdatter,
- Senneue Staffensdatter,
- Noch En pige, heder hindis Fader Iffuen.

x Quinder och bórn aff Bommenj som icke Er schreffuen, widt naffn, for ther icke war folck thilstede, ther Josep Fieldtfogiden war ther.

S. 2. Paasuig.

iiij Karll:	Offuen Pederssen, Iffuan Marguorssen, Oluff Marguorssen, Moritte Pilttessen,
iij drenger:	Iffuen Offerssen, Mickel Ottessen, Roman Ottessen,
j Konne:	Oditte Andrisdatter,
ij piger:	Malle Offensdatter, Agaue Morthensdatter.

Disse forschreffne finder haffuer giffuen skatt thil Kong: Maytt. aff Danmarch och grottfórsten aff Rydtzlandt.

Innier

Syckum Thudessen

Denne Karl skattidt thil Kong: May: aff Danmarck och Kongen aff Suerig och thil grott fórsten aff Rydtzlandt handt bleff och Ihielslagett.

S. 3. Paa Nordtfieldt ther Konde Fieldtfogeden aff Wardóhuuss Ingen schatt faa, wdj thette Aar fordij finderne war Rómpt hen for Suensken, och wdj En Findeby mett Naffn Indier paa for$\frac{ne}{}$ fieldt ther haffuer Suensken thagitt fra Finderne altt thett dii haffde saa att Fieldtfogeden Konde Ingen skatt faa aff thennom och the schatter thil Kong: Maytt: aff Danmarck och Norge och Kongen aff Suerig, och thil grott fórsten aff Rydtzland och Samme finder berette, for Suensken att thett war nu paa thiden, att Kong: Maytt: fogedt aff Wardóhuss schulle komme och opberre skatten aff thennom att the ther for icke wille thage Kong: Maytts. skatt aff Danmarck fra thennom, tha Suaritt Suensken och Sagde the ware thilfredtz huem skatten Kam thil the wille Lige wel thage thendt hen, the haffde och thagitt Rinss-

dyerne fra finderne meste parten att Fogeden aff Wardöhuuss, Konde iche komme wden thendt fierde part aff Reigssen thil fieldtz Som handt pleger att opberre skatten.

S. 4. Disse Eptherschreffne haffuer Suensken Ihielslagitt aff thett Muncke kloster widt Naffn Pessanntt Som Liger En Otte wegsóes fra Wardóhuuss.

Thendt óffuerste Munck medt Naffn Igumandt Gurrij.

iij Prester medt Naffn.

Packum N. — Josep N. — Jionno N.

Muncker.

Fódosra. — Nacharij. — Annodij. — Annopher. — Samsson. — Jiuda. — Felofe. — Annisse. — Iermandt. — Yjoff. — Samson. — Serop Jon. — Jior. — Yssmainna. — Sauffua. — Spiridon.

S. 5. Sauatte. — Kyrilaa. — Semion. — Alaxander. — Calīstratth. — Phefyl. — Ambrosia. — Giermandt. — Daniel. — Fegnast. — Moiesse. — Fóderich. — Lauriuan. — Giórrasfy. — Abraham. — Derofey. — Ploien. — Jeffrin. — Fódossy. — Pauessy. — Annorii. — Filimion.

Diss Eptherschreffne war Arbedtz folck y samme forne Kloster.

Mickifar. — Jepsser. — Protter. — Sauffua. — Anthonij.

S. 6. Ortyn. — Komnan. — Jiepsse. — Iffuan. — Arist. — Iffuan. — Arttime. — Jeraffe. — Fóeder. — Mickitaa. — Mickitaa. — Mickitaa. — Agennatt. — Fóeder. — Mytrick. — Rodiuan. — Gabriel. — Kostenthin. — Kostenthin. — Iffuan. — Luca. — Leuantte. — Fedodt. — Jefim. — Faaman. — Gabriel. — Dementte. — Artyme. — Steffan. — Andree. — Parfey. — Michefor.

S. 7. Annanie. — Steffan. — Amilian. — Philiipe. — Cornille. — Iffuan. — Iffuan. — Daniel. — Steffan. — Fochaa. — Mickitta. — Arckup. — Gabriel. — Issdan.

Quinder som war y Lagaarden y forne Kloster, som Suensken yhielslog widt Naffn:

Kyllinna. — Jefemj.

Thette Eptherschreffne affbrende Suensken y samme Kloster

alle huusse ther war, och Kiercken och thendt stórste part aff altt goudtzitt, och En Lagaardt och En Mólle bleff och affbrentt. Disligest En gaardt widt Naffn Wickitt, Som Monckerens haffn war Som de Lagde Jommer och Boeder op, thendt brende the och op, och alle boeder Suenschen offuerkom y Samme Haffn dem hug dij y stycker.

S. 8. Item bleff ther Ingen husse beholden aff samme Kloster wden En Badtstoffue stodt nogitt fra Klosteritt och tho gammer och bouder, Laa paa ij Sma Oeer, ther Konde Suenschen icke komme thil, Ex Wardóhus then 7 Augustj A⁰ 90:

Afskriftens Overensstemmelse med Originalen beviduer.

H. G. Huitfeldt-Kaas,
Archivfuldmogtig.

Christiania 4 Mai 1889.

III. Два письма Н. М. Карамзина къ Н. И. Новикову.

I.

Москва, 14 апрѣля 1816 года.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичь!

Христосъ воскресъ! Обнимаю Васъ братски и сердечно благодарю за два письма дружескія. Не сомнѣваюсь, что вы искреннее берете участіе въ оказанныхъ мнѣ Государемъ милостяхъ, заслуженныхъ отчасти моими трудами. Впрочемъ есть нѣчто важнѣе заслугъ нашихъ: воля Божія, которая посылаетъ намъ и пріятности и отсутствія земныя съ намѣреніемъ. Ей, я [1]) за истинну признаю истинну вашихъ умныхъ разсужденій; желаю, чтобы вы терпѣли великодушно и утѣшались религіею, которая выше философіи. Въ дряхлости тѣлесной бодрствуйте духомъ, не даромъ глубокая старость называется *маститою:* бальзамъ ея не есть ли мудрость, растворенная любовію, озаренная вѣрою? Страданія облегчатся мыслію о скоромъ ихъ концѣ; счастливая пристань уже близко. Тамъ, внѣ пространства и времени, узнаемъ, что̀ есть истинное наслажденіе! Но, пока мы здѣсь, поговоримъ еще о земномъ.

26 апрѣля, вамъ исполнится 72 года; въ [2]) этотъ день вспомните обо мнѣ и скажите себѣ, что я мысленно обнимаю васъ съ любовію.

---

[1]) Въ копіи: «и».

[2]) Въ копіи: «вы».

Вы спрашиваете: не знаю ли кого изъ вельможъ *сострадательнаго и надежнаго*? Въ Петербургѣ одного человѣка называютъ *вельможею:* Графа Аракчеева: я видѣлъ его однажды, онъ васъ знаетъ по слуху съ хорошей стороны. Посылаю вамъ экземпляръ моихъ сочиненій; одинъ пріятель взялъ у меня книгу о *таинствахъ креста* и еще не возвратилъ; буду ее требовать. Думаю ѣхать черезъ мѣсяцъ въ Петербургъ, чтобы печатать тамъ свою Исторію; всякой день грущу о Москвѣ: можетъ быть, я оставлю въ ней спокойствіе, но да будетъ, чтò угодно Всевышнему! *Желаю не желать* моего, кромѣ добра общаго.

Я и жена моя свидѣтельствуемъ наше душевное почтеніе милостивымъ государынямъ [1]) Натальѣ Ильинишнѣ, Вѣрѣ Николаевнѣ и достойному любезному старцу Семену Ивановичу [2]). Будьте по возможности здоровы и спокойны; не забывайте и любите преданнаго вамъ

покорнѣйшаго Н. Карамзина.

Катерина Андреевна особенно увѣряетъ васъ въ своемъ сердечномъ къ вамъ уваженіи.

II.

Москва, 3-го мая 1816-го года.

Дружеское письмо ваше, почтеннѣйшій Николай Ивановичь, нашло меня въ худомъ здоровьѣ; съ самаго возвращенія моего изъ Петербурга не домогаю и почти ничего не дѣлаю, отъ того мнѣ не весело, и меланхолія одѣваетъ меня своимъ крепомъ. — Скажу вамъ не много словъ: Не стою за философію моихъ сочиненій; — я началъ писать въ юношествѣ, а теперь мнѣ 49 лѣтъ; мысли перемѣняются, или измѣняются черезъ такое время. Я часто, держа перо въ рукѣ, думалъ о незабвенномъ Петровѣ, и такъ не мудрено, что Вы нашли портретъ его въ *моемъ* Филалетѣ. *Вашъ* Филалетъ глубокомысленнѣе: охотно съ нимъ согла-

---

[1]) Въ копіи: «государямъ».

[2]) Гамалею.

шаюсь, что познаніе истиннаго Бога есть важнѣйшая и лучшая изъ всѣхъ наукъ; — но одинъ Богъ *знаетъ* Бога совершенно. Довольно, кажется, есть ли мы узнаемъ здѣсь сладость любви къ Нему съ полною *довѣренностію* къ Его премудрости. Разсужденія ваши о модахъ въ свѣтской философіи [1]) весьма справедливы: у насъ и теперь библія въ модѣ; въ газетахъ, въ журналахъ говорятъ текстами Св. Писанія; но лучше ли стали люди? Не вижу того ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ; авось впредь увидимъ.

Прискорбно мнѣ, любезнѣйшій Николай Ивановичь, что я не имѣю надежды заглянуть въ ваше уединеніе и побесѣдовать съ Вами о нѣкоторыхъ статьяхъ Вашего дружескаго письма. Естьли буду здоровъ, то мы должны *немедленно* ѣхать въ Петербургъ или въ Царское Село, гдѣ мнѣ по Государеву приказанію уже отвели домикъ; останусь ли тамъ, или возвращусь сюда въ августѣ, еще не знаю. Петербургская Типографія требуетъ за напечатаніе моей Исторіи *втрое* противъ здѣшнихъ. Я намѣренъ продолжать ее; все прочее зависитъ отъ Бога. — Графъ Аракчеевъ въ разговорѣ со мною сказалъ, что онъ добраго объ васъ мнѣнія по слуху. Итакъ, можете въ случаѣ надобности отнестись къ нему. О характерѣ его не имѣю яснаго понятія; я видѣлся и говорилъ съ нимъ только однажды, разсказывая ему о своей жизни въ молодости, и упомянулъ о связи моей съ вами по М. [2]). Вотъ почему онъ изъявилъ это мнѣніе.

Итакъ, отъѣздъ нашъ зависитъ теперь отъ моего здоровья; можемъ выѣхать дней черезъ десять. Не вините меня, почтеннѣйшій Николай Ивановичь, естьли не успѣю съѣздить къ Вамъ. Вѣрьте, что люблю васъ искренно; ежели въ портретѣ моемъ не находите выраженія этой искренности [3]), то онъ вѣрно не по-

---

[1]) Ср. письмо Новикова къ Карамзину отъ 30 апрѣля 1816, напечатанное въ «Письмахъ С. И. Г.», 2-е изд., II.

[2]) Вѣроятно: «Масонству».

[3]) Письмо Новикова къ Карамзину отъ 30 апрѣля 1816 г. начинается такъ: «Покорнѣйше благодарю за подарокъ вашими сочиненіями и вашимъ портретомъ».

хожъ; я въ главномъ не перемѣнился. — Жена моя увѣряетъ васъ въ своемъ душевномъ почтеніи, также и любезную Вѣру Николаевну и милостивую государыню Наталью Ильинишну; у обѣихъ цѣлую руку, съ братскимъ чувствомъ обнимая васъ и почтеннаго Семена Ивановича.

На вѣки преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

IV. Поправка къ статьѣ Е. В. Пѣтухова:

«Къ вопросу о Кириллахъ».

Въ статьѣ моей «Къ вопросу о Кириллахъ — авторахъ въ древней русской литературѣ», напечатанной въ XLII томѣ «Сборника 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ» (Спб., 1887), № 3, на стр. 8—9, вкрался досадный недосмотръ, который необходимо исправить. Пользуясь хронологическими данными въ «Словѣ св. Кирилла въ 1-ю недѣлю поста», помѣщенномъ въ пергаменномъ Сборникѣ конца XIV в. б-ки Тр.-Сергіевой Лавры № 9, л. 141 об.—144, для опредѣленія времени составленія «Слова», я, при вычитаніи 2015 (годъ гибели Содома и Гоморры до Р. Хр.) изъ 4500 (число лѣтъ, указанное проповѣдникомъ, которыя прошли со времени гибели Содома и Гоморры), въ разности вывелъ, по ошибкѣ, 1485, тогда какъ слѣдуетъ 2485. Хотя при такой поправкѣ все-равно не представляется возможнымъ сказать что-нибудь опредѣленное о времени составленія «Слова», и предлагаемое исправленіе при рѣшеніи этого вопроса не является существеннымъ, однако должно быть устранено, по крайней мѣрѣ, то мимоходомъ высказанное мною, вслѣдствіе ошибочнаго вычисленія, предположеніе, что цифру 4500, данную проповѣдникомъ, можно объяснять пренебреженіемъ послѣдняго къ сотнѣ лѣтъ, при чемъ считать составленіе «Слова» современнымъ рукописи, въ которой оно находится.

Е. Пѣтуховъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LI, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ЗА 1889 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Л. Н. Майковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Февраль 1890 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1889 годъ,

составленный адъюнктомъ Л. Н. Майковымъ

и читанный имъ въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1889 года.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, предназначенное для изслѣдованій въ области славяно-русской филологіи, продолжало въ 1889 году свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какое было намѣчено его трудами прежнихъ лѣтъ. Согласно Высочайше утвержденному Положенію объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, въ кругъ его занятій входятъ грамматическія и словарныя работы. Въ виду того Отдѣленіе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, занималось установленіемъ правилъ русскаго правописанія, а затѣмъ обратило свои труды на рядъ работъ лексическихъ.

Въ двухъ послѣднихъ отчетахъ по Отдѣленію уже было упомянуто о предпринятомъ имъ новомъ изданіи такъ-называемаго академическаго словаря. Прежній академическій словарь — последнее изданіе его вышло въ 1847 году — обнималъ собою русскій языкъ, древній и новый, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ. Нынѣ предпринятое изданіе словаря имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова;

изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго, а также изъ областныхъ говоровъ, новый словарь сохранитъ только тѣ слова, которыя либо слились съ общеупотребительною рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляютъ особенный интересъ по связи съ современнымъ литературнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, надобно ожидать, что новый словарь будетъ почти вдвое объемистѣе, чѣмъ прежній.

Послѣ приготовительныхъ работъ, на которыя потребовалось болѣе двухъ лѣтъ, въ 1889 году оказалось возможнымъ приступить къ печатанію І-го выпуска новаго академическаго словаря. Какъ приготовительными къ нему работами, такъ и редакціей этого новаго изданія, завѣдывалъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ, посвящавшій этимъ занятіямъ все время, остававшееся у него свободнымъ за исполненіемъ обязанностей предсѣдательствующаго во Второмъ Отдѣленіи, а впослѣдствіи и возложенной на него должности вице-президента Академіи.

Прежде всего Я. К. Гротъ въ одномъ изъ засѣданій Общаго Собранія заявилъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, намѣреваясь приступить къ печатанію І-го выпуска словаря, проситъ академиковъ двухъ другихъ отдѣленій не отказать въ своей помощи при его окончательной редакціи. Члены Общаго Собранія отнеслись къ этой просьбѣ съ полнымъ сочувствіемъ и выразили готовность просматривать корректурные листы словаря для доставленія замѣчаній по каждой спеціальности. Вслѣдъ затѣмъ начато было печатаніе словъ на букву *А*. Понятно, что подобный трудъ, при участіи многихъ лицъ, не можетъ подвигаться быстро и особенно въ началѣ долженъ идти медленно, пока не опредѣлятся съ полною точностью всѣ мелочныя подробности, которыя необходимо разъ навсегда установить для всего обширнаго изданія. Кромѣ членовъ Академіи, къ участію въ просмотрѣ корректурныхъ листовъ словаря приглашены нѣкоторые посторонніе ученые, имена которыхъ будутъ въ свое время опубликованы. Само собою разумѣется, что предварительно каждый листъ подвергается внимательному разсмотрѣнію въ са-

момъ Отдѣленіи. При разсылкѣ первыхъ корректурныхъ листовъ, къ нимъ приложена была объяснительная записка о правилахъ, принятыхъ въ основаніе при редакціи новаго изданія словаря. Такимъ образомъ, въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ производился наборъ текста на букву *А*, составившаго около двухъ листовъ весьма убористой печати. Съ осени начался наборъ и разсылка словъ на букву *Б*. Между тѣмъ обработка дальнѣйшихъ буквъ вчернѣ, равно какъ и выписка примѣровъ изъ писателей, продолжаются постоянно.

Одновременно съ подготовленіемъ новаго изданія словаря общеупотребительной русской рѣчи, Отдѣленіе признало полезнымъ привести въ порядокъ находящіеся въ его распоряженіи лексическіе матеріалы по мѣстнымъ народнымъ великорусскимъ говорамъ. Въ составъ этого свода войдутъ слова, находящіяся въ «Опытѣ областнаго великорусскаго словаря», который былъ изданъ Отдѣленіемъ въ 1852 году, въ «Дополненіи» къ нему, изданномъ въ 1858 году, въ «Словарѣ архангельскаго нарѣчія», напечатанномъ въ 1885 году, и въ другихъ болѣе мелкихъ сборникахъ. Кромѣ того, сводъ этотъ долженъ быть пополненъ изъ матеріаловъ рукописныхъ, а также и изъ печатныхъ трудовъ разныхъ собирателей. Одинъ изъ этихъ почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. А. Иваницкій, доставилъ въ Отдѣленіе рукопись тщательно обработаннаго имъ словаря вологодскаго мѣстнаго говора. Собираніе матеріаловъ для областнаго словаря и приведеніе ихъ въ порядокъ поручено г. Симони.

Покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ въ теченіе многихъ лѣтъ были собираемы матеріалы для словаря древнерусскаго языка. Нынѣ онъ приготовляется къ печати дочерью покойнаго О. И. Срезневскою и печатается подъ редакціей ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова. Въ настоящее время приводится къ концу печатаніе I-го выпуска этого словаря; выпускъ этотъ составитъ около 25 печатныхъ листовъ и будетъ заключать въ себѣ слова на а, б и в.

Кромѣ того, академикъ А. Ѳ. Бычковъ окончилъ печата

ніемъ изданный подъ его редакціей II-й томъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго». Этотъ обширный томъ обнимаетъ собою всего лишь два года царствованія Преобразователя Россіи, 1702 и 1703 годы. Изъ документовъ, вошедшихъ въ настоящій томъ, многіе являются въ свѣтъ впервые; особенно интересны и поучительны свѣдѣнія о переговорахъ по заключенію Россіей союза съ Польскимъ королемъ, Польшей и Литвой противъ Карла XII и объ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ къ Россіи.

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ въ теченіе 1889 года окончилъ печатаніемъ VI-й томъ выходящихъ подъ его редакціей «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ». Въ этомъ томѣ помѣщенъ очеркъ исторіи Академіи, составленный въ прошломъ вѣкѣ академикомъ Миллеромъ и остававшійся до селѣ не изданнымъ. Трудъ Миллера имѣетъ большое значеніе для исторіи академической дѣятельности и академической жизни и справедливо почитается превосходнѣйшимъ пособіемъ, отчасти даже источникомъ для исторіи Академіи. Неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ собиралъ произведенія, составлявшія библіографическую рѣдкость; снималъ копіи съ офиціальныхъ актовъ, записывалъ слышанное отъ современниковъ и очевидцевъ и т. д. Онъ самъ былъ живымъ свидѣтелемъ многихъ событій, совершавшихся въ Академіи или на его глазахъ, или даже при его непосредственномъ участіи. Пріѣхавши въ Россію при самомъ учрежденіи Академіи Наукъ, въ 1725 году, Миллеръ сжился съ нею, принималъ къ сердцу ея судьбы, и составленный имъ очеркъ навсегда сохранитъ свое несомнѣнное значеніе. Въ трудѣ Миллера сообщается много любопытныхъ и важныхъ извѣстій для исторіи Академіи Наукъ, а сверхъ того, въ немъ разсѣяны черты, рисующія нашу умственную и общественную жизнь былого времени. Нельзя однако не замѣтить, что, при всемъ богатствѣ содержанія Миллерова очерка, нѣкоторыя изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній объ Академіи требуютъ тщательной провѣрки по документамъ академическаго архива, и въ иныхъ случаяхъ, именно вслѣдствіе этой провѣрки, освященіе

фактовъ у Миллера оказывается не вполнѣ вѣрнымъ. Но эта самая невѣрность любопытна въ томъ отношеніи, что служитъ яркимъ признакомъ настроенія, сложившагося подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Кромѣ того, сдѣланный Миллеромъ очеркъ судебъ Академіи отличается жизненностью: составитель не ограничивается простымъ изложеніемъ свѣдѣній, почерпаемыхъ имъ изъ офиціальныхъ источниковъ — изъ архивовъ ученой конференціи и академической канцеляріи; онъ сопровождаетъ ихъ такими подробностями, что читатель невольно переносится въ далекое прошлое и видитъ передъ собою дѣйствующія лица въ тогдашней обстановкѣ, съ ихъ пріемами и особенностями. Воспоминанія Миллера знакомятъ со многими лицами, съ которыми сталкивала его судьба въ теченіе его долгой жизни. Историкъ русской литературы обратитъ вниманіе на то, что̀ Миллеръ сообщаетъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Кантемирѣ, Тредіаковскомъ и другихъ нашихъ писателяхъ и ученыхъ.

По плану изданія «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ», трудъ Миллера изданъ въ подлинникѣ, то-есть, на нѣмецкомъ языкѣ, безъ перевода, такъ какъ въ «Матеріалахъ» переводы помѣщаются только современные подлинникамъ, какъ памятники тогдашняго литературнаго языка.

Кромѣ наблюденія за печатаніемъ «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ», М. И. Сухомлиновъ занимался подготовительными работами для возложеннаго на него Отдѣленіемъ изданія сочиненій Ломоносова; онъ подвергъ тщательному изученію первоначальныя изданія произведеній великаго двигателя русскаго просвѣщенія, появившіяся какъ при жизни его, такъ и въ ближайшее время за его смертью. Результатомъ этой работы должно быть установленіе правильнаго текста стихотворныхъ произведеній Ломоносова, которыя войдутъ въ I-й томъ новаго изданія, подведеніе варіантовъ къ этому тексту и, наконецъ, опредѣленіе хронологической послѣдовательности, въ которой стихотворенія Ломоносова были написаны.

Труды ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго за

1889 годъ относились къ области изученія народныхъ легендъ, преданій и повѣрій. Кромѣ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Archiv für Slavische Philologie* и другихъ изданіяхъ, имъ напечатанъ въ Сборникѣ Отдѣленія обширный V-й выпускъ «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха». Выпускъ этотъ заключаетъ семь отдѣльныхъ изслѣдованій, подъ слѣдующими заглавіями: а) Дуалистическія повѣрья о мірозданіи. — б) Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи. — в) Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ Славянъ. — г) Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи. — д) Валькиріи-Вилы. — е) Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія. — ж) Амфилогъ-Evalach въ легендѣ о Святомъ Гралѣ. Ставя себѣ задачею выслѣдить генезисъ различныхъ народныхъ сказаній, миѳовъ и обрядовъ, академикъ Веселовскій привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской, но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ, и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы, а въ то же время попутно касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ научной критики въ приложеніи къ произведеніямъ народнаго творчества. «Объясняя сходство миѳовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ», говоритъ академикъ Веселовскій въ заключеніе одной изъ статей въ своихъ вышепоименованныхъ «Розысканіяхъ»,—«изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство объясняется либо изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствованіе предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мышленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія «заимствованія» вызываетъ такимъ об-

разомъ теорію «основъ», и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folklore долженъ одинаково обращаться въ ту и другую сторону вопроса, въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миѳа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ какъ усвояющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала». Такова точка зрѣнія, на которой стоитъ академикъ Веселовскій въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ; постоянно стремясь сочетать оба вышеуказанные пріема въ толкованіи народныхъ сказаній, онъ предлагаетъ выводы, отвѣчающіе строгимъ научнымъ требованіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проливающіе новый свѣтъ на многія еще темныя стороны славяно-русскаго эпоса и народнаго міросозерцанія.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ хотя и не имѣетъ постояннаго жительства въ Петербургѣ, тѣмъ не менѣе принималъ въ 1889 году участіе въ занятіяхъ Отдѣленія не только исполненіемъ возложенныхъ на него порученій, но и личнымъ присутствіемъ въ нашихъ засѣданіяхъ въ теченіе сентября мѣсяца. Пріѣздъ его, нынѣшнею осенью, въ Россію былъ вызванъ, кромѣ общихъ научныхъ работъ, продолженіемъ его изслѣдованій въ области исторіи церковно-славянскаго языка, грамматическую обработку котораго онъ намѣренъ освѣтить по не изданнымъ до сихъ поръ источникамъ, отъ начала славянской письменности до конца XVI вѣка. Первая часть его труда уже отпечатана; она обнимаетъ собою періодъ съ X по XV столѣтіе — грамматическія разсужденія южныхъ славянъ и отраженія ихъ въ русской литературѣ XVI вѣка. Теперь вниманіе собирателя и изслѣдователя сосредоточено на многочисленныхъ и болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ грамматическаго характера, попадающихся въ различныхъ русскихъ сборникахъ XVI—XVII вѣковъ. Желаніе ознакомиться съ этими сборниками, вникнуть въ ихъ содержаніе и воспользоваться имъ для своего критическаго изданія—вотъ что̀ побудило нашего уважаемаго сочлена провести и въ отчетномъ году нѣкоторое время въ Петербургѣ и Москвѣ. Отпечатанные до сихъ поръ тексты старинныхъ грам-

матическихъ разсужденій, съ объясненіями къ нимъ, составляютъ пять первыхъ главъ труда, предпринятаго академикомъ Ягичемъ; теперь на очереди глава VI-я, которая будетъ посвящена дѣятельности Максима Грека и его ближайшихъ современниковъ и сотрудниковъ. Въ слѣдующихъ главахъ долженъ быть представленъ, между прочимъ, переводъ Доната, трудъ толмача Дмитрія Герасимова (по рукописи, принадлежащей библіотекѣ Казанскаго университета, копія съ которой доставлена академику Ягичу профессоромъ М. П. Петровскимъ), потомъ, въ связи съ этимъ сочиненіемъ, извлеченное изъ него «простословіе» Евдокима (по списку съ рукописи Чудова монастыря, уступленному нашему академику Обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ) и далѣе—рядъ еще другихъ грамматическихъ статей, взятыхъ изъ рукописей, хранящихся въ петербургскихъ и московскихъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ.

Кромѣ этого главнаго труда, академикъ Ягичъ напечаталъ въ теченіе отчетнаго года «Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка» и представилъ въ Академію написанный по ея порученію разборъ сочиненія профессора А. А. Кочубинскаго: «Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія».

Наконецъ, стараніями академика Ягича подвинуто впередъ изданіе нѣсколькихъ сочиненій средневѣковаго чешскаго писателя Хельчицкаго, предпринятое нѣсколько лѣтъ тому назадъ по копіи, доставленной въ Отдѣленіе покойнымъ молодымъ славистомъ Ю. С. Анненковымъ. Главный трудъ Хельчицкаго «Сѣть вѣры» напечатанъ былъ еще подъ редакціей Анненкова. Въ его же бумагахъ была найдена копія и съ другого сочиненія Хельчицкаго «Реплика противъ бискупа»; но академикъ Ягичъ, которому Отдѣленіе поручило окончить начатое изданіе, по разсмотрѣніи этой копіи пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ возможности печатать названное сочиненіе, не свѣривъ имѣвшагося у Анненкова списка съ подлинникомъ, хранящимся въ городѣ Оломуцѣ, въ Моравіи. Поѣздка туда нашего сочлена

ускорила дѣло на столько, что теперь уже приступлено къ печатанію второго сочиненія Хельчицкаго, и въ теченіе будущаго года Отдѣленіе надѣется выпустить въ свѣтъ цѣлый томъ произведеній этого писателя, какъ немаловажное обогащеніе средневѣковой чешской литературы.

Адъюнктъ Л. Н. Майковъ принималъ участіе въ занятіяхъ Отдѣленія съ марта отчетнаго года. За это время имъ напечатано изслѣдованіе о первыхъ шагахъ И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ, составленное на основаніи вновь найденныхъ документовъ, и представленъ для помѣщенія въ Сборникѣ Отдѣленія другой трудъ—«Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятникахъ Цареграда, памятникъ старинной русской письменности», открытый имъ и снабженный его объясненіями. Сверхъ того, адъюнктомъ Майковымъ, по порученію коммиссіи Уваровскихъ премій, написанъ разборъ труда Н. В. Губерти: «Матеріалы для русской библіографіи», и внесенъ въ Отдѣленіе планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина, предпринимаемаго Отдѣленіемъ по мысли Его Императорскаго Высочества, Августѣйшаго Президента Академіи. Планъ этотъ одобренъ Отдѣленіемъ, и къ приготовительнымъ работамъ по критическому изданію Пушкина уже приступлено.

II.

Въ отчетѣ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за 1888 годъ академикъ Сухомлиновъ имѣлъ возможность отмѣтить отрадное явленіе: въ томъ году Отдѣленіе не лишилось ни одного изъ своихъ членовъ. Не столь счастливъ былъ для насъ кончающійся нынѣ годъ: въ теченіе его смерть отняла у Отдѣленія трехъ членовъ-корреспондентовъ—протоіерея С. К. Смирнова, юго-славянскаго ученаго Ив. Кукулевича-Сакцинскаго и англичанина, любителя и знатока русской литературы В. Рольстона. Наша обязанность—помянуть ихъ здѣсь добрымъ словомъ.

Сергѣй Константиновичъ Смирновъ былъ коренной москвичъ; онъ родился 5-го сентября 1818 года, получилъ перво-

начальное образованіе въ Москвѣ въ духовномъ училищѣ и духовной семинаріи, а въ 1840 году поступилъ для высшаго богословскаго образованія въ Московскую духовную академію. Съ этихъ поръ онъ, можно сказать, сроднился съ нею и посвятилъ ей почти всю свою жизнь. Съ 1844 года онъ былъ наставникомъ въ академіи, а съ 1878 года, по принятіи священства, ея ректоромъ, и покинулъ ее только въ 1886 году, когда здоровье его пришло въ полное разстройство. Кончина его послѣдовала 16-го февраля истекающаго года.

Отецъ Смирновъ принадлежалъ къ той замѣчательной группѣ русскихъ ученыхъ, которые, воспитавшись подъ сѣнью обители св. Сергія, въ стѣнахъ старѣйшей школы въ московскихъ предѣлахъ, умѣли съ горячею преданностью православной вѣрѣ соединить основательность научной критики и строгость научнаго воззрѣнія. Во главѣ этой группы стояли незабвенные по своимъ дарованіямъ и трудамъ ректоръ академіи Филаретъ, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій, и профессоръ А. В. Горскій. С. К. Смирновъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ ихъ на поприщѣ академическаго преподаванія и въ разработкѣ исторіи Русской церкви и нашего духовнаго просвѣщенія. Ученолитературная дѣятельность почившаго отца протоіерея была разнообразна: не чуждо ему было и проповѣдное слово, и стихотворство; онъ занимался философіей и филологіей, особенно въ области новозавѣтнаго греческаго языка; но всего болѣе потрудился онъ на историческомъ поприщѣ. Не будемъ перечислять его обильные ученые труды; отмѣтимъ только три важнѣйшіе и наиболѣе извѣстные: «Исторію славяно-греко-латинской академіи» (М. 1855), «Исторію Троицкой семинаріи» (М. 1867) и «Исторію Московской духовной академіи до времени ея преобразованія 1814—1870» (М. 1879). По богатству матеріала и по тщательности его обработки эти сочиненія являются драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію нашего духовнаго просвѣщенія, и Академія Наукъ давно оцѣнила ихъ достоинства, увѣнчавъ каждый изъ названныхъ трудовъ своими преміями. Отецъ Смир-

новъ покинулъ жизненное поприще въ преклонномъ возрастѣ; добрая память объ этомъ трудолюбивомъ изыскателѣ отечественной старины и достойнѣйшемъ наставникѣ и человѣкѣ надолго сохранится въ русскомъ обществѣ, особенно въ томъ учрежденіи, котораго онъ былъ усерднымъ лѣтописцемъ.

Въ иную среду переноситъ насъ личность другого изъ скончавшихся нашихъ членовъ-корреспондентовъ. Кукулевичъ-Сакцинскій былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей національнаго возрожденія среди хорватовъ. Предоставимъ говорить о немъ его соплеменнику, академику И. В. Ягичу, который доставилъ Отдѣленію слѣдующее о немъ воспоминаніе:

«Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій, скончавшійся 20-го іюля (н. ст.) въ Хорватіи, въ своемъ родовомъ имѣніи Пухаковцѣ, на 74-мъ году жизни, принадлежитъ къ самымъ виднымъ представителямъ эпохи возрожденія у южныхъ славянъ, которое для хорватовъ прослыло подъ именемъ «иллиризма». Имя Кукулевича останется навсегда въ благодарной памяти у хорватовъ какъ передоваго борца за ихъ политическія и національныя права противъ несправедливыхъ притязаній мадьяръ. Кончивъ юридическое образованіе въ Загребѣ (онъ родился въ Вараждинѣ въ 1816 году), онъ поступилъ въ 1833 году, какъ дворянинъ, въ мадьярскую гвардію; прослуживъ сперва офицеромъ въ Вѣнѣ, онъ въ 1840 году былъ прикомандированъ къ одному мадьярско-словацкому полку въ Италію, но вскорѣ его увлекло пробудившееся тогда на его родинѣ національное движеніе: въ 1842 году онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Хорватію, гдѣ сразу примкнулъ къ кружку молодыхъ «иллировъ», образовавшемуся около Гая, и началъ живою рѣчью въ политическихъ собраніяхъ и бойкими статьями въ политическихъ и литературныхъ газетахъ отстаивать права родной страны противъ угрожавшаго ей мадьярскаго централизма. Кукулевичъ еще тогда выдавался между всѣми представителями новыхъ идей особенною даровитостью и замѣчательными историко-юридическими познаніями. Поэтому роковой 1848 годъ выдвинулъ его на первый планъ; его краснорѣ-

чивымъ доводамъ обязанъ безсмертный для хорватовъ Еллачичъ блестящимъ избраніемъ въ баны-полководцы; ему, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враницаномъ, было поручено представить это единогласное избраніе, какъ желаніе всего народа, въ Вѣнѣ на утвержденіе. Предвидя опасность, угрожавшую Хорватіи, взявшейся съ младенческою заносчивостью за рѣшеніе вопросовъ не по силамъ, Кукулевичъ заблаговременно сталъ пріискивать союзниковъ. Въ газетѣ *Славянскій югъ* онъ развивалъ мысль о созывѣ всеславянскаго конгресса въ Прагѣ, между тѣмъ какъ путешествія его въ Карловцы къ австрійскимъ сербамъ и въ Бѣлградъ къ Сербскому князю преслѣдовали разумную цѣль — на всякій случай обезпечить дружное и согласное дѣйствіе сербовъ и хорватовъ противъ общихъ враговъ.

«Не наше дѣло входить здѣсь въ оцѣнку событій 1848 года, въ которыхъ Кукулевичъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ политическаго, чтобы не сказать — дипломатическаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи доля отвѣтственности за роковыя ошибки, сдѣланныя тогда южными славянами, падаетъ, конечно, и на него: дорого поплатились хорваты и сербы за свое увлеченіе. Никто не чувствовалъ общаго разочарованія горче самаго Кукулевича. Но онъ не опустилъ рукъ, не предался тупому бездѣйствію. Онъ понялъ, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, и хорватамъ надо было перемѣнить оружіе для борьбы. Кукулевичъ весь отдался наукѣ и въ 1850 году основалъ Общество южно-славянской исторіи, душою котораго и остался до самаго прекращенія его дѣятельности. Испытавъ прежде свои силы какъ поэтъ и романистъ (его драма «Юракъ и Софія» имѣла въ свое время громадный успѣхъ; его стихотворенія съ политическимъ оттѣнкомъ «Славянки» не потеряли значенія до сихъ поръ), онъ сдѣлался теперь историкомъ и археологомъ. Своими богатыми собраніями рукописей и древностей городъ Загребъ обязанъ преимущественно Кукулевичу. Множество его историко-генеалогическихъ монографій появилось на страницахъ «Архива», органа Историческаго Общества, редак-

торомъ котораго онъ состоялъ до конца. Исторія искусства, въ особенности живописи, обязана Кукулевичу важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ «Словаремъ южно-славянскихъ художниковъ»; для исторіи литературы имъ сдѣланъ первый починъ изданіемъ сочиненій древнѣйшихъ далматинско-дубровницкихъ авторовъ. Однимъ словомъ, съ 1850 года Кукулевичъ стоялъ во главѣ литературно-культурнаго движенія, имѣвшаго своимъ центромъ Загребъ. Въ его гостепріимномъ домѣ не только встрѣчались и видѣлись всѣ хорваты, заявившіе о себѣ чѣмъ-либо въ области литературы и науки, но и путешествовавшіе по Хорватіи иностранцы, въ особенности же славяне, въ томъ числѣ и русскіе, имѣли возможность въ домѣ Кукулевича изучать людей и исторію его родины. У многихъ изъ нихъ сохранилось несомнѣнно очень пріятное воспоминаніе о тѣхъ часахъ, которые они провели у Кукулевича и въ его обществѣ.

«Послѣ 1860 года политическія событія снова оторвали Кукулевича на нѣсколько лѣтъ отъ научно-литературныхъ занятій. Но когда хорваты опять пали жертвою дуализма, новое административное устройство окончательно устранило Кукулевича отъ всякаго участія въ политической жизни. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ только наукѣ и культурнымъ стремленіямъ своего народа.

«Заслуги Кукулевича оцѣнены въ славянскомъ мірѣ избраніемъ его въ почетные члены многихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Отзывчивая на всѣ успѣхи славянъ Россія отличала также не разъ Кукулевича; онъ былъ не только членомъ-корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ, но также почетнымъ членомъ нѣсколькихъ русскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ».

Третій изъ нашихъ членовъ-корреспондентовъ, скончавшихся въ истекающемъ году, Вильямъ Рольстонъ (William Ralston Shedden Ralston) принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ на западѣ Европы, которыя, въ послѣднія десятилѣтія, прилагали дѣятельныя старанія къ тому, чтобы знакомить ее съ русскою умственною жизнью.

Вильямъ Рольстонъ родился въ 1828 году и получилъ образованіе въ Кембриджскомъ университетѣ. Онъ предназначалъ себя сперва къ адвокатурѣ, но очень скоро уклонился отъ этой дѣятельности и поступилъ на службу въ Британскій музей. Здѣсь онъ состоялъ болѣе двадцати лѣтъ (1853—1875), дѣля время между библіотечными работами и литературными занятіями; кромѣ того, онъ дважды выступалъ лекторомъ на Ильстерскихъ чтеніяхъ въ Оксфордѣ, и одинъ изъ этихъ курсовъ былъ посвященъ древней русской исторіи. Вообще русскимъ языкомъ и литературой онъ сталъ заниматься еще въ 60-хъ годахъ, и тогда же сталъ печатать въ англійскихъ журналахъ статьи по русской словесности. Въ 1869 году появились сдѣланный имъ переводъ романа Тургенева «Дворянское Гнѣздо» и книга о Крыловѣ, съ приложеніемъ перевода избранныхъ басенъ. Позже были изданы еще три труда его о Россіи: «Songs of Russian People» (1872), «Russian Folk-Tales» (1873) и «Early Russian History» (1874) и, кромѣ того, нѣсколько мелкихъ статей. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ онъ обнаружилъ довольно хорошее знакомство съ нашимъ языкомъ и неподдѣльное сочувствіе къ нашему отечеству. Онъ сдѣлалъ довольно продолжительное путешествіе по Россіи и такъ полюбилъ русскую жизнь, усвоилъ себѣ столько русскихъ обычаевъ, что въ Англіи слылъ болѣе за русскаго, чѣмъ за англичанина. Въ 1879 году онъ писалъ одному изъ своихъ русскихъ друзей между прочимъ слѣдующія строки, которыя могутъ дать понятіе о томъ, на сколько онъ освоился съ нашею рѣчью: «Надѣюсь, если рокъ дастъ мнѣ полное здоровье, пробыть немного времени, въ теченіе настоящаго года, въ Россіи, у одного изъ друзей Тургенева, который пригласилъ меня навѣстить его. Имѣніе его въ Курской губерніи. Если это намѣреніе не исполнится, такъ я сдѣлаю путешествіе, можетъ быть, въ Германію, и тамъ пробуду нѣсколько времени въ Висбаденѣ или въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ можно найдти и цѣлебныя воды, и русскихъ людей. Во всякомъ случаѣ, мнѣ очень хочется еще разъ стараться новымъ и крѣпкимъ усиліемъ схватить и

сдержать этого, всегда передо мною убѣгающаго, русскаго языка». Рольстонъ высоко цѣнилъ проявленія самобытности русскаго духа въ произведеніяхъ нашей словесности; поэтому-то онъ съ особеннымъ увлеченіемъ отдавался изученію произведеній русскаго народнаго творчества; правда, въ этой области онъ не стремился быть строго-научнымъ изслѣдователемъ; но, представляя переводы русскихъ былинъ, пѣсенъ и сказокъ, онъ знакомилъ съ ними западныхъ читателей, и въ этомъ трудѣ, требовавшемъ усердія и любви къ дѣлу, заключается его важнѣйшая заслуга въ сферѣ международныхъ литературныхъ связей. Наша Академія не могла не оцѣнить этой заслуги; избраніе его въ число нашихъ членовъ-корреспондентовъ онъ считалъ для себя великою честью. Смерть Рольстона, послѣдовавшая 6-го августа (н. ст.), не можетъ не возбудить сожалѣнія какъ въ академической средѣ, такъ вообще среди образованныхъ русскихъ людей, въ кругу которыхъ этотъ полезный литературный дѣятель имѣлъ много друзей.

III.

Въ 1883 году была учреждена при Академіи Наукъ на сумму, пожертвованную вдовою профессора Котляревскаго, премія имени ея мужа за сочиненія по славянской филологіи и археологіи; право выдавать эту премію предоставлено Отдѣленію русскаго языка и словесности, и на сегодняшнее число падаетъ первое ея присужденіе. На соисканіе преміи Котляревскаго были представлены только труды одного чешскаго писателя, именно директора гимназіи въ Бернѣ Франца Бартоша, о моравскомъ нарѣчіи и памятникахъ народнаго творчества въ Моравіи.

Изъ числа книгъ, присланныхъ г. Бартошемъ, наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) изслѣдованіе о говорахъ моравскаго нарѣчія, ч. I, изд. 1886 г., и два сборника моравскихъ народныхъ пѣсенъ, изд. 1882 и 1886 гг. По предложенію Отдѣленія, труды эти были разсмотрѣны членомъ-корреспондентомъ Академіи, профессоромъ Варшавскаго университета А. С. Будилови-

чемъ. Изъ обстоятельнаго отзыва, написаннаго ученымъ славистомъ, видно, что изслѣдованіе г. Бартоша о моравской діалектологіи хотя не вполнѣ закончено, тѣмъ не менѣе составляетъ очень почтенное пріобрѣтеніе науки. Въ изданной доселѣ I-й части г. Бартошъ разсматриваетъ четыре изъ моравскихъ говоровъ относительно ихъ строя и состава; разсмотрѣніе это сдѣлано очень подробно и обстоятельно и содержитъ въ себѣ большой запасъ фактическихъ данныхъ, до сихъ поръ не поступавшихъ въ научный оборотъ. Это обстоятельство, замѣчаетъ проф. Будиловичъ,—придаетъ труду г. Бартоша важное значеніе не только въ чехо-моравской, но и вообще въ славянской діалектологіи, которая можетъ указать лишь весьма небольшое число трудовъ подобнаго рода и достоинства. Критикъ находитъ однако нѣкоторые недостатки въ трудѣ г. Бартоша, но, признавая, что они относятся не къ самому матеріалу изслѣдованія, а только къ способамъ его объясненія, онъ полагаетъ, что эти промахи ни мало не подрываютъ значенія книги, какъ драгоцѣннаго сборника весьма надежныхъ и до извѣстной степени уже переработанныхъ матеріаловъ для моравской діалектологіи и этнологіи. На составленные г. Бартошемъ сборники произведеній моравской народной словесности проф. Будиловичъ смотритъ какъ на дополненіе къ его главному труду, но также не отрицаетъ ихъ научной цѣнности, а затѣмъ, принимая во вниманіе всю совокупность работъ г. Бартоша, онъ признаетъ ихъ, согласно §§ 5, 6 и 7 правилъ о преміяхъ Котляревскаго, заслуживающими награжденія половинною преміей.

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, Отдѣленіе присудило назначить г. Францу Бартошу половинную премію въ размѣрѣ 500 руб., а проф. А. С. Будиловичу, въ изъявленіе своей признательности, положило выдать золотую медаль, установленную для рецензентовъ по преміямъ Котляревскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отзывъ о трудахъ г. Франца Бартоша,

составленный членомъ-корреспондентомъ Академіи, профессоромъ Варшавскаго университета А. С. Будиловичемъ.

Разсмотрѣвъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности представленныя на премію Котляревскаго сочиненія директора Брнской гимназіи Франца Бартоша въ числѣ шести, а именно:

1) Dialektologie Moravská. Prvni dil. Brno. 1886;
2) Naše děti, jejich život v rodině, mezi sebou a v obci, jejich poezii, zábavy a hry i prace společné. Brno. 1888;
3) Nové národni pisně moravské s nápěvy do textu vřadenými. Brno. 1882;
4) Národni pisně moravské, v nově násbirané. Sešit I. Brno. 1888;
5) Skladba jazyka českého pro školy středni a ústavy učitelské. Páté vydáni. Brno. 1886;
6) Prostonárodni kalendář въ брнскомъ журналѣ *Obzor* № 13—21,

и сопоставивъ эти труды г. Бартоша съ правилами о преміяхъ проф. Котляревскаго, честь имѣю представить въ нижеслѣдующемъ свое заключеніе о достоинствѣ означенныхъ изданій и о правахъ г. Бартоша на премію Котляревскаго.

Изъ шести поименованныхъ трудовъ лишь первый можетъ быть названъ «изслѣдованіемъ», слѣдовательно, удовлетворяетъ

формальнымъ условіямъ конкурса (§ 7 Правилъ о преміяхъ проф. Котляревскаго). Всѣ остальныя перечисленныя изданія не имѣютъ характера «изслѣдованій». Такъ, № 2 представляетъ собственно картину обстановки и условій дѣтской жизни моравскихъ поселянъ, отчасти и горожанъ, въ которую включенъ сборникъ дѣтскихъ пѣсенокъ, отчасти съ напѣвами, описаніе дѣтскихъ игръ, занятій и т. п., безъ научныхъ примѣчаній или справокъ; въ № 3 имѣемъ тоже не изслѣдованіе, а сборникъ 417 моравскихъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами, составляющихъ весьма цѣнное впрочемъ дополненіе къ сборнику Сушила; то же должно сказать и о № 4-мъ, заключающемъ въ себѣ 540 новыхъ народныхъ же пѣсенъ съ напѣвами; въ № 6 собрано довольно значительное число пословицъ, поговорокъ, повѣрій, связанныхъ съ разными днями и мѣсяцами, сельскими занятіями и празднествами, безъ всякой даже попытки научнаго ихъ освѣщенія; наконецъ, № 5 представляетъ также не изслѣдованіе, а учебникъ чешскаго синтаксиса для среднеучебныхъ заведеній, притомъ же изданный не впервые, а въ пятый разъ, съ буквальнымъ воспроизведеніемъ въ этомъ пятомъ изданіи третьяго, вышедшаго въ 1882 году. Сверхъ того, изданія, исчисленныя подъ №№ 2, 3, 4 и 6, и потому еще не подходятъ вполнѣ подъ условія конкурса, что относятся собственно къ этнографіи, а не къ славянскимъ древностямъ, литературамъ или діалектологіи, что́ требуется § 7, а, б, в Правилъ о преміяхъ проф. Котляревскаго. Наконецъ, и по времени появленія въ свѣтъ №№ 3 и 5 не соотвѣтствуютъ § 11 Правилъ, ибо первое изъ этихъ изданій вышло въ свѣтъ еще въ 1882 году, второе же представляетъ простую перепечатку съ изданія того же 1882 года.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я остановлюсь подробнѣе лишь на «Моравской діалектологіи» г. Бартоша, такъ какъ на ней одной могутъ основываться его права на премію Котляревскаго. Остальныя его изданія могутъ, конечно, быть приняты при этомъ въ соображеніе, но лишь на второмъ планѣ и въ смыслѣ болѣе нравственномъ, чѣмъ формальномъ.

«Моравская діалектологія» по изложенному въ предисловіи плану должна состоять изъ двухъ частей: первая посвящается разнорѣчіямъ словенскому, дольскому, валашскому и ляшскому, вторая же —ганацкому, горацкому и чешскому. Вышла въ свѣтъ и представлена на конкурсъ лишь первая часть, которая и должна быть нами разсматриваема какъ самостоятельное цѣлое. Приложенный въ концѣ книги «Реальный лексиконъ», по словамъ автора, также будетъ продолженъ и законченъ во второй части «Діалектологіи», но и въ настоящемъ видѣ онъ не лишенъ извѣстной цѣльности, по крайней мѣрѣ для характеристики народнаго быта восточной Моравіи и прилегающей къ ней Силезіи. Итакъ, забудемъ пока объ ожидаемой второй части «Діалектологіи» и остановимся на готовой первой.

Въ краткомъ предисловіи авторъ излагаетъ планъ своего труда, указываетъ на важность діалектологіи для исторіи народныхъ переселеній, для успѣховъ обученія въ народной школѣ, для обогащенія и освѣженія литературнаго языка и для изученія народной психологіи. Въ концѣ предисловія авторъ сообщаетъ нѣсколько—скудныхъ впрочемъ—свѣдѣній о способѣ собиранія имъ діалектологическаго матеріала во время двухлѣтнихъ странствованій по селамъ восточной Моравіи и упоминаетъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ ему при изученіи восточно-моравскихъ говоровъ.

Самое сочиненіе распадается собственно на три части: грамматическую, лексикальную и реальную.

Въ первой разсмотрѣны болѣе или менѣе обстоятельно разнорѣчія или, по автору, нарѣчія: словенское, дольское, валашское и ляшское, съ относящимися къ нимъ говорами (стр. 5—136). Въ видѣ прибавленія къ этой грамматической части находимъ характеристику нѣкоторыхъ морфологическихъ пріемовъ, нѣкоторыхъ синтаксическихъ и фразеологическихъ особенностей, свойственныхъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣмъ разсмотрѣннымъ восточно-моравскимъ разнорѣчіямъ (стр. 138—197).

Во второмъ, лексикальномъ отдѣлѣ книги я насчиталъ болѣе

4300 словъ, имѣющихъ областной характеръ по формѣ, значенію или употребленію (стр. 198—305).

Въ третьемъ, реальномъ отдѣлѣ труда собраны въ 24 рубрикахъ слова и выраженія, имѣющія отношенія къ сельскохозяйственной и вообще домашней жизни крестьянъ, затѣмъ слова и выраженія ругательныя, ласкательныя, сравненія и т. п. (стр. 305—339).

Въ приложеніи, наконецъ, напечатано десять сказокъ и разсказовъ на тѣхъ говорахъ, которые разсмотрѣны въ сочиненіи (стр. 340—365)

Уже изъ этого общаго обзора содержанія можно видѣть, какъ обширенъ и разнообразенъ матеріалъ, собранный г. Бартошемъ, а отчасти и обработанный имъ въ указанныхъ рубрикахъ. Значительность его вклада въ моравскую діалектологію будетъ еще яснѣе, если мы сравнимъ отдѣльныя главы его труда съ соотвѣтственными частями «Чешскословенской діалектологіи» покойнаго Шемберы [1]), которая до выхода книги г. Бартоша была главнымъ пособіемъ при изученіи моравскихъ говоровъ. Разнорѣчію моравско-словенскому Шембера посвятилъ одну страницу (66), а г. Бартошъ—46 страницъ (5—51); разнорѣчію дольскому Шембера — 1 страницу (45), г. Бартошъ — 8 (51—58); разнорѣчію валашскому или горнобечевскому первый— 2 страницы (52—53), второй—34 (59—93); разнорѣчію ляшскому или опавско-остравицкому первый—7 страницъ (55—61), второй—39 (97—136).

Есть отдѣльные говоры, которымъ г. Бартошъ отвелъ болѣе мѣста, чѣмъ Шембера всѣмъ означеннымъ разнорѣчіямъ вмѣстѣ: такъ, говору злинскому, какъ своему родному, г. Бартошъ посвятилъ 20 страницъ (5—25). Довольно подробно описаны также говоры льготецкій (44—51), староицкій (84—90) и нѣкоторые другіе.

Притомъ же характеристика разнорѣчій и говоровъ у Шемберы основана почти исключительно на звуковыхъ и лексикаль-

[1]) Základové dialektologie československé. Vídeň. 1864.

ныхъ особенностяхъ, тогда какъ у г. Бартоша разсмотрѣны, сверхъ того, важнѣйшія морфологическія, отчасти и синтактическія особенности, такъ что у послѣдняго получается несравненно болѣе полная и наглядная картина діалектическихъ отношеній восточной Моравіи.

Да и самое качество матеріаловъ, полученныхъ Шемберою изъ вторыхъ рукъ, г. же Бартошемъ собранныхъ или провѣренныхъ лично, на мѣстахъ распространенія того или другого говора, ставитъ трудъ послѣдняго значительно выше «Основъ чешскословенской діалектологіи» Шемберы.

Наконецъ, г. Бартошъ впервые обратилъ серьезное вниманіе на такія особенности моравскихъ говоровъ, которымъ прежде не придавали значенія, напримѣръ, на сонантный выговоръ нѣкоторыхъ согласныхъ, на отношенія метрическія и акцентуаціонныя, на степень смягчаемости согласныхъ и т. п.

Все это придаетъ труду г. Бартоша важное значеніе не только въ чехо-моравской, но и вообще въ славянской діалектологіи, которая можетъ указать лишь весьма небольшое число трудовъ подобнаго рода и достоинства.

Но не могу при этомъ умолчать, что и трудъ г. Бартоша оставляетъ еще весьма многаго желать, чтобы быть вполнѣ достойнымъ своего названія.

Прежде всего мы не находимъ въ этомъ сочиненіи мотивированной систематики моравскихъ разнорѣчій. Судя по предисловію, г. Бартошъ принимаетъ для славянской Моравіи семь болѣе или менѣе самостоятельныхъ діалектическихъ единицъ, которыя онъ именуетъ «нарѣчіями», а именно: словенское, дольское, валашское, ляшское, ганацкое, горацкое и чешское. Но каковы ихъ взаимныя отношенія и степени сходства или различія, этого авторъ подробнѣе не разбираетъ, такъ что мы даже не знаемъ, принимаетъ ли онъ въ этомъ отношеніи систематику Шемберы, различавшаго группы: западно-моравскую, восточно-моравскую и словенско-моравскую (стр. 38, 66), или держится какой-либо иной группировки.

Да и въ характеристикѣ тѣхъ «нарѣчій», которыя вошли въ первую часть «Діалектологіи», мы не находимъ строгаго различенія примѣтъ родовыхъ отъ видовыхъ, разнорѣчій отъ говоровъ. Въ группѣ, напримѣръ, говоровъ моравско-словенскихъ, обнимающей у г. Бартоша четыре вида и 13 разновидностей, вовсе нѣтъ характеристики цѣлой группы, а лишь обзоръ отдѣльныхъ ея членовъ. Въ группѣ второй, дольской, черты общія и частныя также не выдѣлены съ достаточною ясностію, при чемъ возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе и то обстоятельство, что принципомъ дѣленія дольскаго «нарѣчія» на двѣ подгруппы принятъ покрой платья (стр. 51, 54).

Лишь въ «нарѣчіяхъ» валашскомъ и ляшскомъ авторъ предпослалъ обзору отдѣльныхъ говоровъ довольно обстоятельную характеристику каждой изъ этихъ діалектическихъ группъ. Но за-то въ группѣ ляшской недостаетъ исчерпывающей характеристики отдѣльныхъ говоровъ, за исключеніемъ одного сѣверноопавскаго. По объясненію автора, это произошло отъ затрудненій, встрѣченныхъ имъ въ прусской Силезіи со стороны мѣстныхъ властей (стр. 134).

Вообще, въ «Діалектологіи» г. Бартоша замѣтно, что авторъ былъ какъ бы подавленъ множествомъ собранныхъ имъ данныхъ и не могъ переработать ихъ на столько, чтобы подняться до нѣкоторыхъ обобщеній, хотя бы классификаціоннаго лишь рода.

Да и разработанъ относящійся къ восточно-моравскимъ говорамъ матеріалъ весьма неравномѣрно: злинскому, напримѣръ, говору посвящено 20 страницъ, а дольскому «нарѣчію», обнимающему цѣлую дюжину такихъ говоровъ, всего 8 страницъ. Такая неравномѣрность освѣщенія была бы существеннымъ недостаткомъ въ систематическомъ обзорѣ «Моравской діалектологіи»; но если разсматривать трудъ г. Бартоша, какъ сборникъ болѣе или менѣе обработанныхъ матеріаловъ для таковой, то неравномѣрность этой обработки менѣе бросится въ глаза.

Въ расположеніи данныхъ по фонологіи и морфологіи от-

дѣльныхъ разнорѣчій и говоровъ г. Бартошъ слѣдовалъ вообще грамматической системѣ Миклошича. Но онъ уклонился отъ своего образца въ томъ отношеніи, что точкою отправленія при сужденіи о тѣхъ или другихъ особенностяхъ моравскихъ разнорѣчій принялъ не церковно-славянскій языкъ, какъ это предполагается системою Миклошича, а ново-чешскій литературный языкъ. Но послѣдній развился на почвѣ не моравскихъ, а срединно-чешскихъ говоровъ, и притомъ довольно искусственнымъ путемъ. Въ добавокъ, онъ вовсе не представляетъ такой прозрачности строя, какую имѣетъ, напримѣръ, церковно-славянскій, и благодаря которой онъ, а не ново чешскій литературный языкъ, можетъ служить внѣшнею нормой и мѣриломъ при характеристикѣ ново-моравскихъ, какъ и всѣхъ вообще ново-славянскихъ разнорѣчій и говоровъ. Этимъ методологическимъ промахомъ объясняются многія частныя ошибки въ сочиненіи г. Бартоша. Такъ, напримѣръ, въ замѣчаніяхъ по фонетикѣ онъ весьма часто ставитъ въ одинъ рядъ моравскіе рефлексы столь различныхъ по происхожденію и судьбамъ звуковъ, какъ ѫ и ѧ (ср. стр. 7, 29), ѥ и ѣ (стр. 7, 10, 45, 52, 60, 83, 98, 99), ъ и ы (55, 81, 104), а и о въ обыкновенныхъ слогахъ и въ «полногласныхъ» (9, 11, 41, 100 сл.) и т. п.

По этой же причинѣ авторъ не обращалъ никакого вниманія на хронологическіе слои разнорѣчій, не выдѣлилъ архаизмовъ отъ новообразованій, явленій обычныхъ отъ областныхъ идіотизмовъ.

Не особенно строгое отношеніе къ звуковымъ соотвѣтствіямъ и пренебреженіе къ той группѣ явленій, которая называется аррадикаціей, аналогіей, аттракціей и объясняется взаимодѣйствіемъ психически-смежныхъ корней, формъ, фразъ, располагали по временамъ автора къ довольно смѣлымъ толкованіямъ и словопроизводствамъ, въ родѣ, напримѣръ, brveno изъ drveno (64), bzdury изъ vzdory (109), nadba изъ naděje (144), даже paprad изъ kaprad (87) и т. п.

Но такъ какъ эти и другіе подобные промахи относятся не

къ матеріалу «Діалектологіи», а къ способамъ его объясненія, то они ни мало не подрываютъ значенія книги, какъ драгоцѣннаго сборника надежныхъ и до извѣстной степени переработанныхъ уже матеріаловъ для моравской діалектологіи и этнологіи.

Какъ бы дополненіемъ къ этимъ матеріаламъ служатъ и тѣ сборники произведеній народной словесности, которые изданы г. Бартошемъ, и содержаніе которыхъ вкратцѣ приведено выше.

Судя по библіографическимъ ссылкамъ[1]), къ числу этихъ сборниковъ относится и статья г. Бартоша: Lid a národ, напечатанная въ 1886 г. въ Moravská Bibliotéka и представляющая очерки народнаго быта злинчанъ, подлужаковъ и копаничаръ, съ образцами ихъ рѣчи; но мнѣ не удалось лично познакомиться съ этою статьею, которая не доставлена г. Бартошемъ въ Академію Наукъ, а лишь упомянута въ его препроводительномъ письмѣ при посылкѣ прочихъ книгъ.

Ни одно изъ этихъ послѣднихъ изданій, какъ уже сказано, не подходитъ вполнѣ къ условіямъ конкурса; но какъ дополненія къ «Моравской діалектологіи», содержащія въ себѣ новые и надежные, хотя и не обслѣдованные авторомъ, матеріалы для изученія моравскихъ говоровъ, изданія эти могутъ имѣться въ виду при рѣшеніи вопроса о преміи.

На основаніи всего изложеннаго я полагалъ бы справедливымъ и согласнымъ съ § 5, 6 и 7 Правилъ о преміяхъ проф. Котляревскаго назначить г. Бартошу половинную премію въ 500 руб. сер.

---

[1]) Archiv für Slavische Philologie, X, 217.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LI, № 2.

СЛОВО
О НѢКОЕМЪ СТАРЦѢ.

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ
РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII ВѢКА.

СООБЩЕНІЕ
ХРУСАНѲА ЛОПАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

4*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1890 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СЛОВО О НѢКОЕМЪ СТАРЦѢ.

Вновь найденный памятникъ русской паломнической литературы XVII вѣка.

I.

Издаваемый памятникъ паломнической литературы найденъ въ принадлежащемъ намъ рукописномъ сборникѣ, XVII вѣка, въ 4-ку, писанномъ полууставомъ и, какъ кажется, однимъ лицомъ; на его листахъ 100 об.—104 об. и помѣщено «Слово о нѣкоемъ старцѣ». Обманчивое, въ духѣ Цвѣтника, заглавіе этой статьи не соотвѣтствуетъ ея содержанію, относящемуся преимущественно къ легендамъ Іерусалима. «Слово» помѣчено 1-мъ апрѣля 1640 года — днемъ, когда, безъ сомнѣнія, эта статья списана или написана. Десять лѣтъ спустя рукопись принадлежала нѣкоему попу Ивану, который продалъ ее въ 1661 году Ивану Иванову Денисову за полтину; въ концѣ же XVII вѣка Коширской волости Дмитрій К...въ Денисовъ продалъ ее іеромонаху Никольскаго монастыря Герасиму Шежьмоеву.

«Слово» наше начинается разсказомъ о томъ, что инокъ Елецкаго Черниговскаго Богородскаго монастыря, Сергій, сынъ черкашенина Михайла, былъ взятъ въ плѣнъ въ Крымъ, и къ этому разсказу присоединяется фантастическое сказаніе о пути

изъ Крыма въ Константинополь, Аравію, Іерусалимъ и Египетъ. Первая часть повѣсти—почти несомнѣнный историческій фактъ, такъ какъ, напримѣръ, отъ 1623—1624 годовъ извѣстенъ цѣлый рядъ плѣнниковъ — ельчанъ, черкасцевъ, коширцевъ и пр., которые были въ плѣну въ Крыму и Константинополѣ и потомъ вернулись на родину, сообщая о своемъ плѣнѣ въ патріаршій дворцовый приказъ. Послѣдняя часть «Слова» содержитъ въ себѣ довольно распространенную сказку о Египтѣ, извѣстную въ нѣсколькихъ пересказахъ и потому почти не заслуживающую въ настоящемъ случаѣ вниманія. Но средняя и главная часть повѣсти представляетъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ, найденный пока въ одномъ только спискѣ; правда, нѣкоторыя черты нашего «Слова» напоминаютъ сказочное описаніе загадочнаго Арсенія Солунскаго, но въ общемъ «Слово» это есть оригинальное произведеніе народнаго творчества, заслуживающее изученія съ разныхъ сторонъ.

Весьма вѣроятно, что инокъ Сергій былъ сынъ извѣстнаго украинскаго героя XVI вѣка Михаила Черкащенина, и что, взятый въ плѣнъ Крымскими Татарами, онъ дѣйствительно побывалъ въ Константинополѣ, Іерусалимѣ и, можетъ быть, въ Египтѣ. По возвращеніи на родину онъ, конечно, разсказывалъ о себѣ и о своемъ путешествіи; но что̀ именно онъ говорилъ, осталось неизвѣстнымъ. Съ достовѣрностію можно только сказать, что онъ сообщалъ о своемъ плѣнѣ въ Крыму и затѣмъ о крестившемся мусульманинѣ Мустафѣ Челебеѣ, котораго видѣлъ инокомъ въ лаврѣ св. Саввы Освященнаго, около Іерусалима, и съ которымъ, по видимому, разговаривалъ. Мустафа — лицо извѣстное: въ половинѣ XVI вѣка онъ жилъ въ Москвѣ, затѣмъ въ Крыму и Константинополѣ, откуда и ушелъ въ Іерусалимъ; стало быть, Сергій былъ въ Святомъ Градѣ во второй половинѣ XVI столѣтія. Быть можетъ, онъ разсказывалъ и о пути, и о Іерусалимѣ, и о Египтѣ, но не вѣрится, чтобы человѣкъ, лично видѣвшій Востокъ, могъ сообщить почти однѣ только небылицы и несообразности, какія встрѣчаются на каждомъ шагу въ на-

шемъ «Словѣ»; поэтому весь легендарный элементъ, то-есть, другими словами — весь памятникъ, слѣдуетъ приписать уже не самому Сергію, а перу какого-то посторонняго человѣка, никогда не бывавшаго ни въ Палестинѣ, ни въ Египтѣ. Но въ такомъ случаѣ какая же связь между хожденіемъ старца Сергія и сочиненіемъ неизвѣстнаго намъ автора? Когда этотъ послѣдній жилъ, гдѣ писалъ, какими преданіями руководствовался? Судя по опискамъ, пропускамъ и искаженіямъ словъ, нельзя полагать, что настоящая рукопись есть подлинная рукопись анонимнаго писателя: это лишь списокъ, сдѣланный въ предѣлахъ, какъ кажется, Коширской волости, въ нынѣшней Тульской губерніи. Нѣтъ надобности предполагать, что подлинникъ написанъ въ Черниговѣ, гдѣ жилъ старецъ Сергій. Но, съ другой стороны, «Слово» не могло быть написано и въ сѣверно-русскихъ областяхъ, ибо здѣсь никого не могла интересовать личность черниговскаго старца. Остается допустить, что произведеніе это написано въ одной изъ южныхъ областей Московскаго государства; о томъ же свидѣтельствуетъ и языкъ памятника. Михайло Черкашенинъ — личность, на столько извѣстная и популярная среди малороссовъ стараго времени, что о приключеніяхъ съ его сыномъ знали, конечно, не въ одномъ Черниговскомъ краю, но и въ Тульскомъ, хотя черкасы и считались тамъ уже иноземцами, какъ видно изъ Тульской переписной книги 1677 года. Списокъ помѣченъ 1640 годомъ; но когда явился подлинникъ — данныхъ для рѣшенія не имѣется. Знали, что сынъ знаменитаго героя былъ въ плѣну и въ Іерусалимѣ, и въ уста этого плѣнника, вернувшагося на родину, вложили разсказъ о странахъ Востока, естественно окрашенный чисто народными воззрѣніями; такимъ образомъ предполагаемое «Хожденіе старца Сергія въ Іерусалимъ и Египетъ» смѣнилось неопредѣленнымъ «Словомъ о нѣкоемъ старцѣ». Что мы дѣйствительно имѣемъ дѣло уже съ произведеніемъ народнаго творчества, доказательствомъ тому служитъ связь нашего памятника съ народными пѣснями, духовными стихами и Іерусалимскою Бесѣдою или Повѣстью града

Іерусалима. Языкъ памятника — совершенно безыскуственный, сохранившій въ значительной степени черты южно-велико-русскаго подлинника; можно сказать, что «Слово» не знаетъ буквы ѣ (въ другихъ статьяхъ сборника употребленіе ѣ — правильное), потому что встрѣчающіеся въ немъ четыре случая употребленія этой буквы слѣдуетъ, кажется, приписать перу переписчика. Но этого мало. Преданія «Слова» — иногда очень древнія преданія объ Іерусалимѣ, восходящія ко временамъ XII вѣка, къ игумену Даніилу и Крестовымъ походамъ. За исключеніемъ именъ Михайла, Сергія и Мустафы, повѣсть отрѣшена отъ обстоятельствъ времени, не знаетъ ни Сарацинъ, ни Турокъ въ Іерусалимѣ: арабское владычество началось съ 1187, турецкое — съ 1517 года; съ 1099 по 1187 годъ Святымъ Градомъ управляли христіанскіе короли и всѣ святыни Іерусалима находились въ рукахъ христіанъ. Можно указать на нѣсколько фразъ «Слова», сходныхъ съ Хожденіемъ русскаго игумена XII вѣка Даніила и, неизвѣстнаго времени, Арсенія Солунскаго, и притомъ такихъ фразъ, которыя только здѣсь и встрѣчаются. Быть можетъ, авторъ не пользовался даже и этими сочиненіями, но несомнѣнно, что легенды «Слова» восходятъ къ глубокой древности. Если найдется другой списокъ повѣсти, дѣло изслѣдованія подвинется впередъ; если отыщется иная редакція повѣсти, многое разъяснится въ этомъ неясномъ все-таки вопросѣ. Но необходимо полагать, что въ основѣ нашей повѣсти лежитъ древній разсказъ о іерусалимскихъ святыняхъ, варіировавшійся на разные лады, при чемъ каждая редакція разсказа связывалась съ разными именами. Одинъ изъ такихъ пересказовъ и приписанъ старцу Сергію.

II.

Слово о некоем старце.

Был старец, именем Сергии, Михаила Черкашенина сынъ, из Чернигова град, из монастыря Елецкаго пречистыя Богоро-

дицы. И был в Крим в'затъ, из Криму *а*) продан бысть в' Каѳу [1].

От Крима до Кафы 5 версть, а до Бела град сухим путем итъти 70 версть. А Бел град стоитъ на устие Непру реки, а пал в Чермное море. А около наволока до Каѳы 300 версть. А от Бела град морем бежат 3000 версть до Царя град. До Кипрьского острова Белым моремъ бежат 1000 версть [2].

А от Кипрьского острова до Белых Арапов на верблудех ехатъ 500 версть, а до Черных Арапов 60 версть сухим путем на верблудех же ехат. А до гор Аравинских 30 версть [3].

А из горъ Аравинских летает нагуи пьтица, а емлет по лошаде с человека на всяк день [4].

А от Черных Арапов до Аравинския *б*) горы, до царства Аравинского, 4 версты. Ис тое горы идет золото Аравинское, в'солнычной день, аки вино, течет, и емлют его всего два дни іли три дни [5].

А от Черных Арапов за песчяное море морем бежат 500 вер'сть. А около моря песъчяного живут Синия Арапы; а от тех Арапов до Содом'скаго моря 70 версть [6].

А морем Содомским кораблями на верблудех ехат 4 дни [7].

А до Ерданского устия ехат 60 вер'сть. А верхъ и вниз по Ердане реки 60 версть. Половина тое реки верхъ воды идет, а другая половина воды вниз' идеть; а воды в'ней ни убывает, ни прибывает [8].

А до Изосимовы пустыни от Ердан'ския реки 60 версть; а до Ярасимовы пустыни 20 версть, а до в'ины пустыни 40 версть, а до Иван'на Предотеча гробу 70 версть итьти на ослятехъ. А от Иваннова гробу Предтеча до Скуделничья села 2 версть. А вь Скуделнич'не селе 700 храмов. А от Скуделнична села до Ерусолима 3 версть [9].

А церков во Ерусолиме од'на, Святая Святых, круг'лая,

а) в'задъ кримꙋ *рук.*

б) ааравинскиѧ *рук.*

7 версть, а не кърыта стена тесомъ, на голо на хрусталех; а служ'бу служат во всех служъбах за вес годъ и за все годовыя празники и дни, а однем днемъ отпоют. А притворена церков к тои же церкве Воскресению Христову подле Елеонскую гору, и в' тои церкве гроб Господен[10].

И в' великий четвертокъ огнь у гроба Господня погашет на завтрине и в' те поры молятца день и ноч, чтобы Господь дал огнь; и не будет огнь до 9 часу ночи. И к Воскресению Христову явитца у гроба Господня огнь и в' те дни не сыщетца ни у кого ни в огниве огни, ни в кременю до 9-го часу ночи! Туча станет со въстока, а другая со западу, и ис туч меж теми тучами придет аггелъ Господен с небеси невидимо бысть, то купел Силуямскую *в*) смутит, стражи нощныя и деньныя попадают. От Духа Господня и ог'нь загоряетца у гроба Господня на паникадилѣ, что поставили жены мироносицы у гроба Господня 12 паникадил, и в' те поры возрадуется вес миръ и патриярх *г*). А стражи стрегут купели Силуямъския, чтобы жидове воды не украли ис купели Силуямския *д*)[11].

А в' Скуделничне селе бо Июда пропал, закрыта дира древяною доскою мраморною, печатана красными печатми. И с велика дни открываетца *е*) невидимою силою неб'есною до Воз'несен'ева дни, и с Вознесеньева дни закрываетца, ино засыпают ладаном, по пуду на всякои день: а не засыпати диры, ино в селѣ в Скуделничном' жити не мошно. А мертвых кладут за две сажени от Июдина гроба на все на четыре стороны[13].

А церковь Святая Святых, куде Господь сходил, ино закрыто доскою кипарисною, а верху камен склитъ, а не имет его желѣзо александрийское. И подле тоже есть *ж*) зерцало, во что Господь

в) силꙋамскꙋю *рук.*

г) патриах *рук.*

д) силиамскиа *рук.*

е) открываеца *рук.*

ж) месть *рук.*

смотрился, и всякой человекъ годомъ, что согрешитъ, и онъ посмотритца и видит своя согрешенія вся, и он в' том' каетца[12].

А домъ Давыдов за Ерусолимомъ, 12 версть *з*), в болоте, низу ю пройти не мошно на востоце; страх в нем велик: камение идет с утра и до полудни с небеси, а с полудни поидет на небо, а с неба крык поидут и зык велик, и тутъ страхъ во весъ годъ; а с велика дни до Вознесениева дни—то нет ничего! И с велика дни пономар идетъ в домъ Давыдов стар, а выидет млад[14].

Из' дому Давыдова придет Савина илавра, от Ерусолима за 15 версть; а в нем 4000 келеи, а 10000 братовь, а из одъного студен'ца воду пьют, а хлеб едят на одной трапезе. А гостьти цареградския, имя ему Стовах Челебинъ; а торговал онъ на Москве, в чернецех имя ему Иона, и онъ бедных людеи откупал 50 человек на в'сякои день во Царе граде и в' Кафе на всякои день, и на волю спущал и отпускные грамоты имъ давалъ до Крещения! а с Крещения во Ерусолиме постригъся в Савине илавре и поскимился, а крестил его патрияр'хъ и митрополит[15].

А град Египетъской за Ерусолимомъ, 15 попьрищъ, и на ослятехъ ехат. А стоит Египет град наднимъ юръ рекою, а в немъ 14000 улиц, а во всякой улице по 10000 дворовъ да 14000 бань да 14000 кабаков на царя двора царского и Московское кремль *и*). А даютъ в' Каѳу *і*) мел'кимъ людемъ на цареве дворе конюхомъ и поваромъ и истопьникомъ и помясомъ на 4000 человекъ[16]!

7000 сто 40 восмаго году. Лѣта 7148-го году априля вь 1 день.

з) версть *проп. рук.*
и) икрень *рук.*
і) в'кавꙋ *рук.*

III.

1.

Въ началѣ второй половины XVI вѣка, когда царь Иванъ Васильевичъ долженъ былъ имѣть постоянныя столкновенія съ Крымскимъ ханомъ Девлетъ Гираемъ, среди донскаго казачества выдвинулся атаманъ Михайло Есковичъ Черкашенинъ. Въ 1556 г. онъ вмѣстѣ съ другимъ черкасскимъ атаманомъ Млынскимъ, имѣя всего 300 каневскихъ черкасъ, разбилъ Турокъ и Крымцевъ около Очакова; въ іюнѣ того же года онъ имѣлъ новое столкновеніе съ непріятелями подъ Керцомъ и прислалъ въ Москву крымца и турка [1]). Въ сентябрѣ 1557 г. Михайло Есковичъ, по порученію воеводы Вишневецкаго, прибылъ въ Москву съ предложеніемъ услугъ царю и съ извѣстіемъ, что Вишневецкій укрѣпился близь крымскихъ кочевищъ [2]); около апрѣля 1559 года Михайло Черкашенинъ истребилъ также отрядъ Крымцевъ [3]). Другихъ свѣдѣній объ атаманѣ Михайлѣ не имѣется, и неизвѣстно, гдѣ еще онъ подвизался и какимъ образомъ окончилъ свою жизнь. Въ памятникахъ народной поэзіи не разъ съ любовію говорится о «лицарѣ Михайликѣ», иногда прямо о Михайлѣ Черкашенинѣ. Если бы было точно извѣстно, что народная молва, воспѣвая «лицаря», разумѣетъ указанную историческую личность, и если бы содержаніе историческихъ пѣсенъ вполнѣ согласовалось съ исторіей, то мы могли бы дополнить наши скудныя свѣдѣнія о Есковичѣ новыми данными: слѣдовало бы прибавить, что память о Михайлѣ въ народѣ не умирала, что этотъ воитель въ Кіевѣ нагналъ такого страху на Татаръ, что мусульмане обѣщались

---

1) Татищевъ. Исторія Россійская: Чт. Общ. Ист. и Др. 1848, № 9, стр. 446—448.

2) Русская лѣтопись по Никонову списку. С.-Пб. 1791. VII, 272—284; ср. Карамзинъ, VIII, пр. 470; Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Кіевъ. 1874. I, 153 и сл

3) Карамзинъ, VIII, пр. 559.

оставить городъ въ покоѣ, лишь бы имъ выдали Михайла. Послѣдній былъ выданъ кіевлянами и невидимо для Турокъ ушелъ въ Константинополь, гдѣ «и досі живе в Царіграді; перед ім стоіть стаканчик води и проскура лежить; більш нічого не ість... І буде, кажуть, колись таке времъя, що Михайлик вернеться в Киев...»[1]). Казаки увѣрены, что въ трудную для нихъ годину Михайликъ явится снова и поможетъ имъ противъ враговъ. Въ другой пѣснѣ о польскомъ (то-есть, полевомъ) атаманѣ Михайлѣ Черкашeнинѣ поется какъ о лицѣ, уже убитомъ: «За Зарайскомъ городомъ, за Рязанью Старою... привезли убитаго атамана польскаго... по имени Михайла Черкашенина... плачутъ малы его дѣти надъ бѣлымъ тѣломъ; съ высокова терема зазрѣла молодая жена, а плачетъ, убивается надъ его бѣлымъ тѣломъ» [2]). Повторяемъ: мы пополнили бы свѣдѣнія о личности Михайла Есковича достовѣрными свѣдѣніями о его пребываніи въ Константинополѣ и затѣмъ о его смерти за Старою Рязанью, если бы мы имѣли право сказать, что содержаніе народной казацкой пѣсни соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что и «Слово» представляетъ Михайла какъ будто уже извѣстнымъ лицомъ, которое довольно назвать, чтобы разъяснились и обстоятельства, и время, къ которому пріурочено содержаніе памятника. Изъ пѣсни видно, что атаманъ имѣлъ дѣтей, — акты свидѣтельствуютъ о сынѣ Михайла Черкашенина, Данилкѣ, уважаемомъ лицѣ среди донскихъ казаковъ, погибшемъ отъ руки Крымскаго хана въ 1574 году и послужившемъ предлогомъ ко взятію Азова казаками[3]). Наша повѣсть говоритъ о другомъ сынѣ Михайла, который находился въ Елецкомъ Богородскомъ монастырѣ,

---

1) Антоновичъ и Драгомановъ, I, 50—51; ср. Драгомановъ. Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ. 1876, стр. 251.

2) Кирша Даниловъ. Древнія Россійскія стихотворенія. М. 1818, стр. 374; М. 1877, стр. 261; ср. М. Максимовичъ. Украинскія народныя пѣсни. М. 1834. I, 149.

3) Историческое описаніе земли войска Донскаго. Новочеркасскъ. 1869. I, стр. 24, пр. 61, и стр. 58, пр. 95—96; ср. Антоновичъ и Драгомановъ, I, 230.

въ Черниговѣ[1]), и назывался старцемъ Сергіемъ. Былъ ли онъ въ это время на самомъ дѣлѣ старикомъ, или названъ старцемъ потому только, что состоялъ инокомъ Черниговскаго монастыря, сказать съ достовѣрностію не возможно, хотя послѣднее представляется наиболѣе вѣроятнымъ. Изъ многоглавой Елецкой обители, обнесенной стѣнами (палями), онъ былъ взятъ Крымцами въ плѣнъ и отведенъ въ Крымъ, а изъ города Крыма былъ проданъ въ Кафу (Ѳеодосію). Это случай, на столько заурядный въ лѣтописяхъ, особенно XVI и XVII столѣтій, что можно бы и не останавливаться на другихъ примѣрахъ подобнаго рода. Вотъ однако нѣсколько изъ длиннаго числа ихъ: въ 1482 г. взятъ въ плѣнъ кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ, а въ 1549 г.—семейство князя Вишневецкаго изъ замка Перемира; въ 1586 г. подъячій Михаилъ Огарковъ отправился изъ Москвы между прочимъ для выкупа своего сына изъ турецкаго плѣна; въ 1589 г. взятъ въ плѣнъ князь Збаражскій; въ 1593 году Коробейниковъ и тотъ же Огарковъ видѣли въ цареградской тюрьмѣ до 43 человѣкъ русскихъ плѣнниковъ[2]). Отъ первой четверти XVII в. мы имѣемъ длинный рядъ извѣстій о томъ, какъ русскіе люди попадали въ турецкій плѣнъ въ Крымъ, оттуда продавались въ Константинополь, гдѣ бусурманились насильно, и какъ наконецъ они иногда послѣ долгихъ лѣтъ плѣна возвращались на родину и разсказывали о своей судьбѣ въ патріаршемъ дворцовомъ приказѣ. «Каширенинъ Степанъ Михайловъ сынъ Терпуговъ сказалъ: взяли де его въ полонъ Крымскіе Татарове и свели въ Крымъ, а изъ Крыму

---

1) Елецкій Успенскій монастырь основанъ въ XI в. княземъ Святославомъ Ярославичемъ; въ 1611 г. онъ былъ сожженъ поляками, въ 1618 г. самый Черниговъ достался въ ихъ руки, и только въ 1649 году монастырь былъ освобожденъ Богданомъ Хмѣльницкимъ отъ латинскаго вліянія. См. Филаретъ. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи. Черниговъ. 1873, III, 1—11; ср. Марковъ. О достопамятностяхъ Чернигова: Чт. Общ. Ист. 1847, № 1, стр. 10; Описаніе Черниговскаго Елецкаго монастыря. Черниговъ. 1873, стр. 8.

2) Антоновичъ и Драгомановъ. I, 84; Православный Палестинскій Сборникъ, вып. XXVII, стр. V и 89.

продали въ Царь городъ...»; «Навасилецъ Микифоръ Михайловъ сынъ Лунинъ сказалъ: взяли де его ногайскіе Татаровя въ полонъ, тому лѣтъ съ двѣнадцать, и свели де ихъ въ Азовъ, а изъ Азова продали въ Кафу, а изъ Кафы продали въ Царь городъ...»; встрѣчаются тутъ Ельчане, Бѣлогородцы, Черкашене и пр. [1]). Путешественникъ первой половины XVII вѣка Бопланъ писалъ по этому поводу слѣдующее: sont pour la plupart chrétiens qui l'habitent (Kaffa), qui se servent d'esclaves qu'ils acheptent des tartares qui les ont enlevez de la Pologne et Moscovie... il y a bien 30.000 esclaves: car ils ne se servent en ce pays que de ces fortes de serviteurs [2]). Пѣсня поэтически говоритъ о плѣнѣ Украинцевъ, когда орда имъ «назад руки постягала, під хана погнала»; по словамъ татарскаго писателя Раммалъ-хаджи (половины XVI в.), «плѣнныхъ гнали въ Крымъ, окруживъ ихъ цѣпью верховыхъ и подхлестывая нагайками, клеймили тавромъ, раскаленнымъ въ огнѣ...»[3]). «По количеству набѣговъ крымскихъ и опустошительности нѣкоторыхъ изъ нихъ», говоритъ новѣйшій изслѣдователь,— «XVI вѣкъ есть наиболѣе тяжкій для Московскаго государства. Берега Оки были обыкновенною границею, до которой быстро добѣгали Крымцы: побывать хотя однажды на берегахъ сей рѣки каждый ханъ Крымскій считалъ для себя дѣломъ почти обязательнымъ и въ своемъ родѣ воинскою честью» [4]). Итакъ, Сергій оказался въ Кафѣ, разумѣется, вмѣстѣ со многими своими земляками; когда же однако онъ былъ взятъ въ плѣнъ? Рѣшеніе вопроса столько же необходимо, сколько и трудно. Извѣстны набѣги Крымцевъ 1569, 1571, 1572, 1575, 1589 и 1593 годовъ, —

1) Русская Историческая Библіотека. Спб. 1875. II, 642, 646 и пр.; ср. Антоновичъ и Драгомановъ. I, 92.

2) Beauplan. Description d'Ukranie. Rouen, 1660, p. 52; Описаніе Украины, соч. Боплана. С.-Пб. 1832, стр. 38.

3) Антоновичъ и Драгомановъ. I. 73, 87.

4) Бережковъ. Русскіе плѣнники и невольники въ Крыму: Труды VI археол. съѣзда. Одесса. 1888. II, 346; ср. Антоновичъ и Драгомановъ. I, 73—74.

это главные, помимо которыхъ были и незначительные: въ которую экспедицію сподручниковъ султана плѣненъ Сергій, неизвѣстно, но съ бо́льшимъ вѣроятіемъ можно остановиться на первыхъ четырехъ цифрахъ.

2.

Крымъ — теперь заштатный городъ Ѳеодосійскаго уѣзда Таврической губерніи; «къ востоку отъ Карасубазара, по направленію къ Ѳеодосіи, но уже за предгоріями, стоитъ едва примѣтный нынѣ, но нѣкогда славный городъ, которому Татары даютъ названіе Эски Крыма (Стараго Крыма)» [1]). Еще въ XIV в. городъ назывался Солхатъ, но начиная съ этого времени сталъ именоваться Крымомъ, а этотъ послѣдній сообщилъ свое имя и всему полуострову. Первое несомнѣнное упоминаніе города Крыма въ русскихъ актахъ и грамотахъ проф. Смирновъ находитъ лишь въ концѣ XV вѣка [2]). Крымъ, у писателей XVI и XVII столѣтій — Cremum, Crimum, Crimenda, во времена Броневскаго, путешественника 1578 года, находился уже въ развалинахъ [3]), изъ чего возможно заключить, что Сергій былъ въ г. Крымѣ ранѣе Броневскаго. Для насъ въ данномъ случаѣ любопытно знать разстояніе между городами Крымомъ и Кафою. Турецкій писатель Аали-ефенди пишетъ: «разстояніе между этими городами (Солгатъ=Крымъ, Судакъ=Σουγδαία=Сурожъ и Кэфа=Кафа) другъ отъ друга по одному дню пути» [4]); другой писатель, Элькалькашанди († ок. 1419 г.), разсказываетъ, что «столица Крыма, Солгатъ городъ, на полдня пути отъ моря»[5]). Наша Іерусалимская повѣсть выражается опредѣленно: «отъ Крыма до Кафы 5 верстъ», однако совершенно невѣрно: отъ Стараго Крыма до Ѳеодосіи

1) Кеппенъ. Крымскій сборникъ. С.-Пб. 1837, стр. 338.

2) В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка. С.-Пб. 1887, стр. 70.

3) Кеппенъ, стр. 343.

4) Смирновъ, стр. 56.

5) Смирновъ, стр. 68.

(Кафы) считается около 25 верстъ [1]). Настоящая ошибка не единственная въ «Словѣ»: можно сказать, что всѣ цифровыя данныя выставлены въ немъ чисто случайно, иногда подъ вліяніемъ различныхъ преданій, и не могутъ быть объяснены, если не имѣть въ виду сказочнаго характера повѣсти, гдѣ всего менѣе обращается вниманія на топографію и географію мѣста. Отъ Крыма повѣсть ведетъ насъ къ Бѣлграду (Castrum Album, тур. Аккерманъ). Разстояніе между этими городами оказывается только въ 70 верстъ, и притомъ сушею, да и самый Аккерманъ помѣщенъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, а не въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ. Все это, разумѣется, сказочно и требуетъ нѣкотораго поясненія. Отъ города Крыма трудно попасть въ Аккерманъ сушею, да и разстояніе между ними не 70 верстъ, а много болѣе, хотя бы то было кратчайшимъ путемъ — моремъ. Извѣстно, что Аккерманъ стоитъ при Днѣстровскомъ лиманѣ, не далеко отъ Чернаго моря, въ 9 верстахъ — по свидѣтельству паломника XV вѣка Зосимы [2]), или, какъ теперь считаютъ, въ 18 верстахъ отъ моря [3]). Въ повѣсти говорится, что Бѣлградъ находится на р. Днѣпрѣ, — въ сказкѣ все возможно, но есть какое-то основаніе для такого смѣшенія двухъ рѣкъ; извѣстный польскій историкъ Мартынъ Кромеръ (1512—1589) рѣку Днѣпръ (Borysthenes) называлъ Dnester и Nester [4]); если въ XVI вѣкѣ смѣшивали иногда Днѣпръ съ Днѣстромъ, то не диво, что въ повѣсти мы видимъ смѣшеніе обратное: Днѣстръ смѣшивается съ Днѣпромъ. Отъ Бѣлграда повѣсть еще разъ возвращается къ Кафѣ и упоминаетъ о «наволокѣ», находящемся въ 300 верстахъ отъ послѣдняго города. Цифра эта, разумѣется, не можетъ служить надежною опорой при отысканіи такого термина. Наволокомъ называютъ у насъ рѣчную или морскую

1) Семеновъ. Географическо-статистическій словарь россійской имперіи. С.-Пб. 1865, II, 810.

2) Пр. Пал. Сборн., XXIV, 3.

3) Семеновъ, I, 31.

4) Dictionarium historicum, geographicum, poëticum, authore Car. Stephano, rec. Nic. Lloydius. Oxonii. 1670, p. 202 s. v. Borysthenes.

косу: исходя изъ такого понятія, возможно представить себѣ, что авторъ «Слова» назвалъ наволокомъ древній Ахиллесовъ Дромосъ, Бѣгъ, нынѣшнюю косу Тендра, отмѣченную на всѣхъ болѣе подробныхъ картахъ Крымскаго полуострова. Впрочемъ, отожествленіе наволока съ Тендрой не болѣе какъ гипотеза, которую можно поддерживать лишь при отсутствіи другихъ данныхъ. Дальнѣйшія слова путника, будто бы отъ Бѣлграда до Царьграда моремъ 3000 верстъ, также невѣроятны. Паломникъ Зосима это разстояніе проплылъ «съ нужею» въ три недѣли[1]); другой, современный ему путешественникъ, инокъ Епифаній, прямо пишетъ, что отъ Бѣлграда до Царьграда 500 верстъ [2]), а въ одномъ изъ анонимныхъ путниковъ XVII вѣка разстояніе между этими городами показано въ 700 миль [3]). Если выше повѣсть употребила цифру въ пять разъ меньшую сравнительно съ дѣйствительнымъ разстояніемъ, то въ данномъ случаѣ она пользуется цифрою въ пять разъ большею. Наконецъ, отъ Царьграда по Бѣлому морю (то-есть, Архипелагу) до острова Кипра повѣсть считаетъ 1000 верстъ, и эта цифра—одна изъ немногихъ въ сказкѣ, имѣющая подобіе истины: по словамъ Епифанія, отъ Царьграда до Кипра 1060 верстъ; по другому анонимному путнику, занесенному въ нѣкоторые списки такъ-называемаго «Хожденія Коробейникова», разстояніе достигаетъ до 1120 верстъ[4]), а по третьему анонимному путнику, также вошедшему въ «Хожденіе Коробейникова», между Царьградомъ и Кипромъ разстояніе 13 дней пути [5]).

---

1) Прав. Пал. Сб., XXIV, 3.

2) Прав. Пал. Сб., XV, 1.

3) А. Ѳ. Бычковъ. Описаніе рукописныхъ сборниковъ Импер. Публ. Библіотеки. С.-Пб. 1882, I, 319.

4) Прав. Пал. Сб., XXVII, 7.

5) Прав. Пал. Сб., XXVII, 2—3. Въ XII вѣкѣ раввинъ Веніаминъ Тудельскій проплылъ это разстояніе въ 20 дней: The itinerary of R. Benjamin of Tudela, transl. by Asher. London. 1840, I, 56—57; Три еврейскіе путешественники XI и XII вѣка, переводъ П. Марголина. С.-Пб. 1881, стр. 32—34.

3.

Съ острова Кипра повѣсть 1640 года сразу переноситъ насъ въ область Арабовъ, и притомъ не моремъ, а очевидно — сушею, на верблюдахъ. Мнѣніе, что островъ Кипръ соединенъ съ материкомъ, какъ ни фантастично, находитъ себѣ примѣръ въ западныхъ хроникахъ XII—XIII вѣковъ, хотя оно явилось тамъ изъ одного недоразумѣнія [1]). Здѣсь упоминаются Бѣлые и Черные Арабы, Аравинскія горы, Аравинская гора, по видимому, отличная отъ предыдущихъ и отожествленная съ Аравинскимъ царствомъ, песчаное море, Синіе Арабы и наконецъ — Содомское море. Было бы безполезно гадать, кого разумѣетъ повѣсть подъ Бѣлыми, Черными и Синими Арабами, — бедуиновъ, эѳіоповъ, абиссинцевъ, или какія другія племена; равнымъ образомъ, нѣтъ возможности пользоваться и цифровыми данными «Слова» для опредѣленія, въ какихъ именно мѣстностяхъ жили тѣ или другіе Арабы: эти цифры запутали бы насъ совершенно. Отъ Кипра до Бѣлыхъ Арабовъ повѣсть считаетъ 500 верстъ, отъ Бѣлыхъ до Черныхъ Арабовъ 60 верстъ и отъ Черныхъ до Синихъ Арабовъ также 500 верстъ. Къ области Арабовъ повѣсть пріурочиваетъ три любопытныя сказанія: о птицѣ нагуѣ, о золотѣ и о песчаномъ морѣ; между всѣми ими есть

---

1) Анонимный авторъ Estoire de Eracles empereur et la conqueste de la terre d'Outremer пишетъ (Recueil des historiens des Croisades. Paris. 1844. I, p. 751, c. 26): *la montegne* qui est près d'illuec et *dure dès le mont de Lissidoine* (въ М. Азіи) *jusque en l'isle de Chipre*, est apelée en Grece Atalique. Затѣмъ въ компиляціи Estoire, въ Grandes Chroniques de France selon qu'elles sont conservées à Saint-Dénis, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ находится (Éd. P. Paris, p. 382. C. X): la montaigne qui est d'illec, dure dès le mont de l'Issodonne jusques en l'isle de près Cypre..., наконецъ, въ переводѣ «хроникъ», въ Gesta Ludovici VII regis filii Ludovici Grossi тоже мѣсто читается. (Duchesne Historiae Francorum scriptores, IV, 390 sq., c. 14: mons magnus qui prope eminet et durat a monte Lixodonae usque ad insulam Cypri... Заблужденіе это возникло здѣсь изъ невѣрнаго пониманія авторомъ Estoire переводимаго имъ Вильгельма Тирскаго, у котораго написано (Recueil, I. 1: Historia rerum..., c. 26): *maris sinus* (понятое въ Estoire какъ mons vicinus!) *a promontorio Lissidona usque in insulam Cyprum*, Attalicus dicitur.

нѣкоторая связь,— мѣстная, какъ въ нашей сказкѣ, и по содержанію, какъ увидимъ сейчасъ изъ сличенія нашего текста съ другими средневѣковыми памятниками.

4.

Нагуй, это — новый варіантъ имени извѣстной въ народной поэзіи и повѣстяхъ птицы нóга[1]). Этимъ послѣднимъ терминомъ въ славянскомъ языкѣ передано греческое слово γρύψ (грифъ), какъ видно изъ Библіи[2]). Варіаціи имени нóга многочисленны: нáга, ноготь [3]), неготъ [4]), чешск. noh, сербск. нoj, словацк. knochta, ноевичъ, ноговичъ [5]), черногаръ, черногонъ, ногайщина, нагавинъ [6]), нагай, науй и въ нашей повѣсти — нагуй; въ талмудическихъ разсказахъ ногъ соотвѣтствуетъ нагаръ-турѣ. О мѣстѣ пребыванія нагуя = грифа народная поэзія и повѣсти, какъ и слѣдуетъ ожидать, имѣютъ неопредѣленныя представленія: грифы (грифоны) находятся то въ Европѣ, то въ Индіи, то черногаръ сидитъ на Корсунскихъ воротахъ [7]). Не болѣе опредѣленнымъ представляется характеръ этой птицы. Грифы, какъ замѣтилъ еще Геродотъ, владѣютъ золотомъ гдѣ-то въ сѣверныхъ частяхъ Европы (Роулинсонъ полагаетъ — на Уралѣ[8]); по другимъ разсказамъ, они обладаютъ въ Индіи горами и находящимися въ нихъ смарагдовыми жемчужинами и золотыми брасле-

---

1) А. Н. Веселовскій. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. С.-Пб. 1872, стр. 213; Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, I, 504—505.

2) Второз. XIV, 13; Левит. XI, 13; ср. Востоковъ. Словарь церковно-славянскаго языка. С.-Пб. 1858, I, 252.

3) Веселовскій, Слав. сказанія о Соломонѣ, стр. 213.

4) Пам. стар. русск. лит., III, 52.

5) Шестодневъ Георгія Писида, въ слав. перев. 1385 г. Издано подъ ред. Шляпкина. С.-Пб. 1882, стр. 28.

6) Лѣтоп. русск. литер. и древн., изд. Тихонравова, II, 3, стр. 101.

7) Кирѣевскій. Русскія народныя пѣсни, въ Чт. Общ. Ист. и Др., 1848. № 9, стр. 153.

8) Rawlinson. History of Herodotus. London. 1862. II. 418.

тами, которые зорко оберегаютъ [1]); индѣ говорится, что хотя грифы и выкапываютъ въ горахъ бисеръ и золото, но находку у нихъ отнимаютъ дивы аримаспи [2]), то-есть, повторяется легенда, записанная тѣмъ же Геродотомъ, но отнесенная къ Индіи. Для насъ интересенъ выводъ: грифы владѣютъ золотомъ, добываемымъ ими въ горахъ. Новую обособленность грифъ получилъ въ образѣ науя, преслѣдующаго птицъ, каковымъ явился Вольга Буслаевичъ [3]), или нагая русской сказки, какъ видно изъ слѣдующаго ея отрывка: «Игнатій царевичъ, возьми ты теперь ружье и поди въ чистое поле и настрѣляй гусей и лебедей и насоли ими три чана большихъ; а я выпрошу у батюшки моего нагай птицу, которая насъ вынесетъ отсюда на святую Русь... Нагай птица такъ была велика, что уставились на ея спинѣ три чана съ гусями, и усѣлся Игнатій царевичъ съ своею супружницею... Когда нагай птица будетъ оглядываться назадъ, то ты тотчасъ бросай ей въ ротъ по гусю или по лебедю; а ежели не будешь ей бросать, то она насъ съ себя сброситъ» [4]). Иногда характеръ птицы еще нѣсколько измѣняется, и черногаръ уже «держитъ въ когтяхъ осетра рыбу» [5]) и вообще отличается хищническими и плотоядными наклонностями. Въ этой страсти къ мясу сходятся съ ногомъ «крылатые звѣри» Псевдо-Каллисѳеновой

1) Веселовскій. Замѣтки по литературѣ и народной словесности. С.-Пб. 1883, стр. 57.

2) Starine. XIII. 160.

3) Рыбниковъ. Пѣсни. М. 1861, I, 3.

4) Лѣкарство отъ задумчивости и безсонницы, или Вторая часть Настоящихъ русскихъ сказокъ. С.-Пб. 1815: Сказка о Игнатіѣ царевичѣ и о Суворѣ невидимкѣ мужичкѣ, стр. 28—29; ср. сказку про царя, записанную въ Волынской губерніи: П. П. Чубинскій. Матеріалы и изслѣдованія, въ «Трудахъ этнограф. статист. экспедиціи». Спб. 1878. II, 211—212; II, 328, гдѣ вмѣсто нагая стоитъ «кгрыфъ» и «грыпъ», пожирающій зайцевъ, лисицъ, козъ, гадюкъ, жабъ, мышей и собакъ. Ср. словацкую сказку, указанную М. П. Петровскимъ: Исторія о славномъ королѣ Брунцвикѣ. С.-Пб. 1888: Пам. Др. Письм. LXXV, стр. 18.

5) Кирѣевскій, стр. 153; по другой редакціи: Якушкинъ. Русскія народныя пѣсни, въ «Лѣт. русск. лит. и древн.» I, 2, стр. 138: «Великанъ птица въ носѣ держитъ севру рыбу».

Александріи. Александръ Македонскій для изслѣдованія высоты небесной отправился по воздуху на двухъ крылатыхъ звѣряхъ и управлялъ ими копьемъ, на остріѣ котораго находился кусокъ мяса. То же видимъ и въ сербскихъ повѣстяхъ, гдѣ премудрый Соломонъ летитъ на двухъ нояхъ и управляетъ ими, «држеħи рукама више себе и више нојева на дугачском ражњу печено јагње» [1]). Кромѣ ягненка, ногъ любитъ также телятъ и быковъ. Раввинъ XII вѣка Веніаминъ Тудельскій разсказывалъ о замерзающемъ морѣ въ Китаѣ слѣдующее: «Корабельщикъ беретъ съ собою телячьи шкуры, и если вѣтеръ загоняетъ его въ замерзающее море, то онъ... влѣзаетъ въ шкуру, зашивается въ нее такъ, чтобы вода не могла проникнуть, и въ такомъ видѣ кидается въ море. Видитъ это большой орелъ, такъ-называемый грифонъ [2]), и принимая плавающее тѣло за животное, спускается съ высоты, хватаетъ его своими когтями, несетъ на сушу и опускаетъ гдѣ-нибудь на горѣ или въ долинѣ, съ тѣмъ чтобы растерзать свою добычу» [3]). Греческій писатель VII вѣка Георгій Писида между прочимъ писалъ: «откуду же ногъ велемочную възма силу и вола исторгъ готовымъ хыщеніемь» [4]). Наконецъ, страсть къ лошадямъ—новая спеціальность нога, которую и знаетъ наша повѣсть. Въ чешской повѣсти о королевичѣ Брунсвикѣ разсказывается: Balad wzaw koňskau kůži, i zmazal gi krwj welmi dobře i wsadi do nj Brunswjka, meč k němu wložiw, i zassil geg dobře řemenem, a wloži ho na tu horu. W dewátý den noh přiletj w času swém, w okamženj pochytiw gen, i zaletj s njm daleko na pusté hory [5]). То же самое читаемъ и въ одной русской сказкѣ: «Купецъ... убилъ ледащую клячу, выпотрошилъ,

1) А. Н. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи народныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 73.

2) Ср. словарь Памвы Берынды: Сахаровъ. Сказанія русскаго народа С.-Пб. 1849. II, 5, стр. 65, въ концѣ.

3) Марголинъ, стр. 124; Asher, I, 144.

4) Шестодневъ Р. Писиды, стр. 28, ст. 933—934.

5) W. H (Hanka). Stará powěst o Stogmjrowi a Brunswjkowi knížatech českých. W Praze. 1827, стр. 30—31; ср. Петровскій, стр. 36—37.

положилъ парня въ лошадиное брюхо, сунулъ туда лопату и зашилъ...; вдругъ прилетаютъ вороны чорные — носы желѣзные, ухватили падаль, унесли на гору (ниже говорится: золотую) и ну клевать»[1]). Въ нашей повѣсти говорится, что нагуй-птица летаетъ изъ горъ «Аравинскихъ», гдѣ, вѣроятно, и живетъ[2]), и похищаетъ ежедневно «по лошаде съ человѣка». Такимъ образомъ, грифъ-ногъ похищаетъ птицъ, рыбъ, ягнятъ, телятъ, быковъ и лошадей.

5.

Въ связи съ мѣстопребываніемъ нагуя стоитъ другая легенда о золотѣ. Сказанія о горномъ золотѣ были очень распространеннымъ сюжетомъ въ средневѣковыхъ повѣстяхъ и сказкахъ, и почти всѣ они пріурочивались къ востоку. Достаточно заглянуть хотя бы въ географію Герарда Меркатора, чтобы видѣть, что́ даже въ XVI вѣкѣ часто говорилось о золотоносныхъ горахъ въ разныхъ частяхъ малоизвѣстнаго Европѣ Востока. Онъ пишетъ: nonnulli opinati sunt intus (вулканическихъ горъ въ Америкѣ) liquefactum aurum esse[3]); auri metalla sunt in monte Ilalemo въ Марокко[4]); гора Tmolum auriferum in Lydia[5]). Наша повѣсть знаетъ золото аравинское; его знаетъ и Псалтирь (LXXI, 15), и другія сказанія. Въ сказкѣ «о нѣкоемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ» говорится о «красномъ золотѣ аравитцкомъ»[6]); въ «космографіяхъ» читаемъ: «царство Арапское черное... идутъ отъ нихъ золотыя по всей земли, что добро и красно»[7]); по еврейскимъ преданіямъ (Ельдадъ), золото находится около рѣки Саб-

1) «Золотая гора». Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки. М. 1863. VII. 207, 208; ср. «Подвиги Хотена», въ Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1855. IV, 7, стр. 380—381.

2) Арабскія слова: Arabi (Арабъ) и Oreb (воронъ) одного корня: Stephanus-Lloydius. Dictionarium, p. 118.

3) Atlas Minor Ger. Mercatoris. Amsterodami. 1634, p. 21.

4) Ibid. p. 574.

5) Ibid. p. 601.

6) Пам. стар. русск. лит., II, 409.

7) Книга глаголемая Космографія. С.-Пб. 1878—1881, стр. 16.

батіона и вообще въ области поселенія нѣкоторыхъ Іудейскихъ колѣнъ, которая пріурочивается иногда также къ Аравіи [1]). Другой раввинъ XII вѣка Петахія Регенсбургскій объ арабскомъ золотѣ писалъ слѣдующее: «Въ странѣ Измаильтянъ (Аравіи) золото растетъ какъ трава; ночью находятъ его по блеску и обозначаютъ мѣсто землею или известью, а на другой день приходятъ и собираютъ траву съ золотомъ. Поэтому золотыя монеты тамъ не рѣдкость, и у жителей вообще много золота» [2]); но этотъ же путешественникъ нѣсколько выше подобнымъ же образомъ говорилъ о маннѣ на Араратскихъ горахъ: «Горы эти всѣ покрыты терновникомъ и другими травами, и когда на нихъ нисходитъ роса, то вмѣстѣ съ нею падаетъ нѣчто въ родѣ манны, которая таетъ на солнцѣ. Собираютъ эту манну ночью и спѣшатъ окончить работу до утра, чтобъ манна не растаяла. Обыкновенно же ее берутъ вмѣстѣ съ терновникомъ и травами, которыя рѣжутъ, такъ какъ онѣ очень жестки. Манна бѣла, какъ снѣгъ» [3]). Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ есть нѣчто общее съ нашею повѣстью, по которой изъ горы идетъ аравинское золото въ солнечный день, какъ бы вино течетъ, и берутъ его только въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Еврейскія преданія нѣсколько напоминаютъ разсказъ нашего паломника XII вѣка Даніила, который такъ описываетъ ладанъ на островѣ Кипрѣ: «И ту ражаеться теміянъ ладанъ, спадаетъ съ небесе (въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется: яко роса), и тако взимаютъ на древцихъ. Суть бо по горамъ тѣмъ древца многа и низка, съ травою равна, и на томъ падаеть теміанотъ добрый, и емлютъ его іюля мѣсяца и августа, въ иныя же мѣсяци не спадываетъ, но токмо въ ва два ражаеться» [4]). Эти слова были почти буквально повторены паломникомъ Зосимою въ XV вѣкѣ [5]). Но, представляя

1) Марголинъ, стр. 11, 18.

2) Марголинъ, стр. 47.

3) Марголинъ, стр. 44.

4) Прав. Пал. Сборн., III+IX, 12; ср. стр. 9—10. Ср. Лѣт. по Ипатск. сп. стр. 199.

5) Прав. Пал. Сборн., XXIV, 23; ср. стр. VII.

сходство съ еврейскими сказаніями, они могутъ быть отчасти сближены и съ легендою повѣсти 1640 года: во всѣхъ этихъ преданіяхъ упоминается и солнце, и время собиранія (два мѣсяца у Даніила, два дня въ сказкѣ); древнимъ преданіямъ не достаетъ только сравненія текущаго золота или манны съ виномъ.

6.

Сказаніе о горномъ золотѣ стоитъ въ связи съ легендой о *песчаномъ морѣ*, которое не безызвѣстно въ средневѣковыхъ романахъ и повѣстяхъ. Въ апокрифической книгѣ Ездры (IV, 13) разсказывается, что ассирійскій царь Салманасаръ, по соглашенію, переправилъ десять колѣнъ израильскихъ чрезъ Евфратъ въ землю Ἀρζαρέθ, гдѣ Евреи могли образовать свое царство и совершать богослуженіе на своемъ языкѣ безпрепятственно. Въ I вѣкѣ по Р. Хр. историкъ Іосифъ Флавій разсказывалъ, что потомки этихъ колѣнъ разселились на пространствѣ между Индіею и Эѳіопіею [1]). Псевдо-Каллисѳенова Александрія помѣщаетъ ихъ за Каспіемъ и «горами мрака». Слухи о самостоятельномъ царствѣ утѣшали Евреевъ и возбуждали въ ихъ тоскующихъ сердцахъ страстное желаніе разыскать означенныя царства. «При такомъ-то возбужденіи умовъ явился въ IX вѣкѣ между Евреями одинъ странствователь, по имени Эльдадъ, который къ великой радости соплеменниковъ принесъ извѣстія о мѣстѣ жительства существовавшихъ будто бы самостоятельно въ Азіи и Африкѣ десяти колѣнахъ и о царствѣ Бене-Моше (потомковъ Моисея), окруженномъ столь извѣстною, по еврейскимъ преданіямъ, рѣкою Саббатіономъ» [2]). Саббатіономъ или Самбатіономъ рѣка называется потому, что Евреи нашли здѣсь отдыхъ и покой. По Ельдаду, она находится въ южной Аравіи и Эѳіопіи, а по словамъ раввина XII вѣка Петахіи Регенсбургскаго, въ 10 дняхъ пути отъ

1) Flavii Iosephi Opera. I. 364 (Ant. Iud. IX. XIV. 1).

2) Марголинъ, стр. 4.

гроба пророка Іезекіиля, находящагося не далеко отъ Багдада «Рѣка эта», пишетъ первый изъ нихъ,—«обнимаетъ пространство трехмѣсячной ходьбы въ длину и ширину;... ширина ея 220 локтей или разстояніе изъ лука. Рѣка наполнена пескомъ и камнями, и шумъ ея слышенъ очень далеко. Грохотъ ея камней подобенъ сильнымъ раскатамъ грома, шуму морскихъ волнъ и бурнаго вѣтра; ночью же грохотъ этотъ слышенъ на разстояніи полудня пути... Вода, песокъ и камни въ рѣкѣ находятся въ движеніи всю недѣлю, а въ субботу, начиная съ кануна ея до кануна слѣдующаго дня, все это покоится.... Рѣка же эта ворочаетъ камнями и пескомъ безъ воды съ страшнымъ шумомъ и такою яростію, что если бы она встрѣтила желѣзную гору, то и ее раздробила бы. Рѣка эта въ теченіе 6 дней недѣли движетъ камни и песокъ безъ воды, а въ субботу успокоивается... Въ этой рѣкѣ есть мѣста, что она не шире 60 локтей» [1]). Впрочемъ, легенда о текущей и покоящейся водѣ была извѣстна еще за пять съ половиною вѣковъ ранѣе Eldad'a ben Mahli и пріурочена была къ купѣли Силоамской. У Іосифа Флавія находится замѣчаніе, что Силоамскій источникъ остановился въ своемъ теченіи передъ осадою Іерусалима [2]), а Бордосскій Путникъ IV вѣка прямо говоритъ: Hic fons sex diebus atque noctibus currit, septimo vero die, qui est Sabbatum, in totum nec nocte, nec die currit [3]). Такъ или иначе, но по крайней мѣрѣ въ еврейскихъ преданіяхъ сказаніе о перемежающемся теченіи было пріурочено къ р. Саббатіону еще въ IX вѣкѣ, не говоря уже о послѣдующемъ времени [4]). Около этой рѣки и поселились нѣкоторыя Іудейскія колѣна. Ру-

---

1) Марголинъ, стр. 9, 11—13, 24.

2) Moréri. Le grand dictionnaire historique. A Basle. 1740. VI, 465; ср. Tobler. Die Siloahquelle und der Oelberg. St. Gallen. 1852. S. 38, 53.

3) Tobler. Itinera terrae sanctae. Genevae. 1877. I, 17; ср. Tobler. Die Siloahquelle. S. 38; Прав. Пал. Сборн., II, 28. Это замѣчаніе ускользнуло отъ вниманія проф. Веселовскаго; см. его: Изъ исторіи романа и повѣсти. С.-Пб. 1886. I, 219, 283—293.

4) См. Carmoly. Itinéraires de la terre sainte des XIII—XVII-e siècle, trad. de l'hébreu. Bruxelles 1847, p. 354—356.

дольфъ Эмсскій говоритъ, что они окружены горами и вѣчно волнующимся песчанымъ моремъ [1]); въ посланіи пресвитера Іоанна разсказывается, что въ Индіи находится harenosum mare sine aqua и fluvius lapidum, за которою обитаютъ X tribus Iudaeorum [2]). Эту сказочную рѣку искали всюду: въ Африкѣ, во Фригіи, въ Мидіи до Кавказа, въ Сиріи, у Ливана, въ Персіи, Курдистанѣ, отожествляли Ἀρζαρέθ съ Гангомъ, а Саббатіонъ съ библейскимъ Гозаномъ [3]). По нашей повѣсти мѣстоположеніе песчанаго моря можно опредѣлить съ достаточною точностію: оно находится между «Аравинскимъ» царствомъ и Содомскимъ моремъ и, еще точнѣе, въ 70 верстахъ отъ послѣдняго. Цифра 70, разумѣется, ничего не говоритъ о положеніи моря, но вообще изъ сказки 1640 года видно, что песчаное море находится около Мертваго моря, къ которому теперь и обратимся.

7.

Съ острова Кипра повѣсть перенесла читателя въ Аравію по морю на верблюдахъ; то же самое мы видимъ и въ данномъ случаѣ. Оказывается, по Содомскому морю можно ѣхать 4 дня кораблями на верблюдахъ. Очевидно, что въ воззрѣніи автора нашей повѣсти оба понятія — верблюдъ и корабль на востокѣ — имѣли одно и то же значеніе: ихъ можно было ставить одно на мѣсто другаго, какъ выше, или соединять ихъ оба вмѣстѣ, какъ здѣсь. Въ нашемъ памятникѣ неясно выражено, какъ понимать термины: 4 дня и 60 верстъ, такъ ли, что море можно проѣхать въ 4 дня и еще проплыть 60 верстъ, или въ 4 дня только, а въ 60 верстъ считать длину Содомскаго моря,

---

1) Веселовскій. I, 287.

2) Веселовскій. I, 283; о священникѣ Іоаннѣ см. Карамзинъ, III, пр. 272, 282; Пыпинъ, стр. 90 и сл. А. А. Куникъ. Историческіе матеріалы и разысканія: Уч. Зап. Имп. Акад. Наукъ по 1 и 3-му отд. С.-Пб. 1854. II 5, стр. 761 и сл.

3) Веселовскій. I, 286; Марголинъ, стр. 36.

окружность котораго, по словамъ паломниковъ, не болѣе пяти дней пути [1]). Извѣстно, что по этому морю никогда почти корабли не ходили; въ XVI вѣкѣ плавали по немъ на плотахъ или челнокахъ; также и нынѣ. Путешествіе это вообще сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями; едва ли не впервые проѣхалъ все море на челнокахъ только американецъ Lynch въ 1848 году [2]).

8.

Отъ Содомскаго моря повѣсть ведетъ насъ къ Іордану. Прежде всего длина рѣки будто бы равняется только 60 верстамъ. Что касается до выраженія: «верхъ и внизъ по Ердане реки 60 версть», то такой оборотъ кажется какимъ-то страннымъ, хотя нѣчто подобное мы иногда встрѣчаемъ въ простодушныхъ повѣстяхъ XVI вѣка. Въ одной изъ не изданныхъ повѣстей, записанной русскимъ путешественникомъ въ 1552 году въ Венгріи, мы читаемъ: (камень) «концемъ лежитъ на мѣстѣ, а другимъ концемъ на другомъ мѣстѣ» [3]). Извѣстно, что Іорданъ течетъ не по прямой линіи, а дѣлаетъ чрезвычайно много изгибовъ, такъ что на пространствѣ 60 англійскихъ миль рѣка протекаетъ по крайней мѣрѣ 200 миль [4]). Псаломскія слова: «Море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять» [5]) послужили основаніемъ, изъ котораго возникла легенда о необычномъ теченіи Іорданской воды. Слова Давида, относящіяся къ переходу Израильтянъ съ кивотомъ завѣта черезъ рѣку, сначала были приспособлены къ пониманію ихъ: при упоминаніи о крещеніи Христа, и въ народныхъ стихахъ поется: «Іорданъ предуступаетъ»; «увидѣвше море въ бѣгство обратися, тогда Іордань рѣка вспять возвра-

---

1) Прав. Пал. Сборн., XXVII, 46.

2) T. Tobler. Zwei Bücher Topographie von Jerusalem und seinen Umgebungen. Berlin 1854. II, 907—935.

3) Рук. Солов. № 232, Хлудов. № 219, гр. А. С. Уварова № 558, И. Е. Забѣлина № 163 и проч.

4) Tobler. Topographie. II, 689, 670.

5) Псал. CXIII. 3, 5.

тися»[1]). Потомъ составилась болѣе подробная легенда, занесенная, между прочимъ, въ одинъ изъ списковъ «Хожденія Коробейникова»: «а какъ Господь во Іордани крестился, и тогда то море побѣжало своего мѣста, вдаль подвинулось на три версты, якоже божественное писаніе глаголетъ: Море виде и побѣже, Іорданъ возвратися вспять; тогда виде Іордань рѣка Христа въ себѣ крещаема, и убоявся Создателя своего, обрати теченіе свое назадъ»[2]). Такимъ образомъ, по легендамъ, Іорданская вода раздѣлилась на мѣстѣ крещенія Христа, и одна часть потекла, въ Мертвое море, а другая — въ Тиверіадское озеро. Въ нашей повѣсти говорится о двухъ половинахъ воды: очевидно, предполагается, что Христосъ крестился въ Іорданѣ какъ разъ на срединѣ между обоими морями. Ученый топографъ Іерусалима Тоблеръ находитъ, что около мѣста, гдѣ, по преданію, происходило крещеніе Господне, находится изгибъ Іордана, и вода здѣсь течетъ въ нѣсколько иномъ направленіи[3]). Сказаніе объ обратномъ теченіи рѣкъ встрѣчается у разныхъ писателей. Другое сказаніе, относимое нашею повѣстью къ водѣ Іордана, будто она никогда ни убываетъ, ни прибываетъ, также извѣстно изъ другихъ писателей, — только они говорятъ объ иныхъ водахъ. Кириллъ Скиѳопольскій въ біографіи св. Саввы Освященнаго разсказываетъ, что вода посреди Саввиной лавры οὔτε ἐν τῷ χειμῶνι περισσεύει, οὔτε ἐν θέρει ἀπὸ πάντων σχεδὸν ἀντλούμενον, διαλίπει[4]). Венгерскій паломникъ XVI вѣка Гушти писалъ о Содомскомъ морѣ: mare Sodomorum... in quo nunquam exundat, neque minuitur[5]).

9.

Отъ Іордана повѣсть ведетъ насъ къ монастырямъ св. Зосимы, Герасима, неизвѣстнаго и Іоанна Предтечи, къ селу Ску-

1) Безсоновъ. IV, 17, 143.

2) Прав. Пал. Сборн., XXVII, 46, пр. 6; ср. Карповъ, стр. 248.

3) Tobler. Topographie. II, 689.

4) Cyrilli Scythop. Vita S. Sabae, ed. J. Pomialovsky. Petropoli 1890, p. 80—81; Палест. Патерикъ. С.-Пб. 1885. I, 22—23.

5) Starine. XIII, 26.

дельничу и наконецъ къ Іерусалиму. Зосимова пустынь показана въ разстояніи 60 верстъ отъ Іордана, что̀ совершенно невѣроятно: паломникъ Игнатій считаетъ только 5 поприщъ [1]), а новѣйшіе изслѣдователи, напримѣръ В. Гр. Васильевскій, находятъ пустынь при самомъ теченіи Іордана по сю или по ту его сторону [2]). Монастырь Герасимовъ, по повѣсти, стоитъ въ 20 верстахъ отъ Іордана, разумѣется — къ западу; греческіе писатели и нашъ путешественникъ Зосима указываютъ разстояніе между рѣкою и пустынью всего въ одну милю или поприще, а паломникъ XII в. Фока прямо говоритъ, что монастырь Герасима стоитъ на самомъ Іорданѣ [3]). Что касается до пустыни: в'ины, то несомнѣнно, что это слово испорчено; что́ тутъ разумѣлъ авторъ повѣсти — Саввину ли пустынь, которую онъ ниже называетъ Саввиною «илаврой», или то мѣсто, гдѣ Илія былъ взятъ на небо, или какую-нибудь иную мѣстность, напримѣръ монастырь св. Иліи около Іерусалима? По повѣсти, онъ находится въ 40 верстахъ отъ Іордана, но цифра эта, несомнѣнно, неправильна и при изысканіи помочь не можетъ. Затѣмъ отъ рѣки Іордана до гроба Іоанна Предтечи сказка считаетъ 70 верстъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о мѣстѣ, смежномъ съ вышеуказанными монастырями, то выраженіе: «гробъ» Предтечи, кажется, необходимо понимать въ смыслѣ: «монастырь» Предтечи, ибо собственно гробъ Іоанна Крестителя, какъ его понималъ Даніилъ [4]), нынѣ находятъ въ Себустіэ (древн. Самаріи, Севастіи), то-есть, въ совершенно иной мѣстности. Всѣ монастыри находились по сосѣдству другъ съ другомъ: монастырь Зосимы — въ двухъ миляхъ отъ Герасимова, а позже допускали, что онъ примыкалъ къ монастырю Предтечеву [5]); Герасимовъ монастырь — въ одной верстѣ южнѣе Предтечева [6]), также и

1) Прав. Пал. Сборн., XII, 22.

2) Διήγησις Ἐπιφανίου: Прав. Пал. Сборн., XI, 236.

3) Бычковъ. I, 315, 342; Прав. Пал. Сборн., XXIV, 19; XXIII, 20, 50; XI 236; Tobler. Topographie. II, 715.

4) Прав. Пал. Сборн., III+IX, 96.

5) Tobler. Topogr. II, 714.

6) Прав. Пал. Сборн., III+IX, 49; въ 5 верстахъ: XXI, 44.

далеко отъ Іордана, а этотъ послѣдній монастырь стоялъ около мѣста крещенія Господня [1]). Несообразность мѣстную мы замѣчаемъ и далѣе: отъ монастыря Предтечи до села Скудельнича будто бы только двѣ версты, тогда какъ разстояніе между ними превышаетъ двадцать верстъ; болѣе походило бы на истину, еслибъ указано было такое разстояніе между монастыремъ Иліи пророка и селомъ Скудельничемъ. Наконецъ, отъ послѣдняго до Іерусалима повѣсть считаетъ три версты, и на этотъ разъ не довольно правдоподобно, если принять во вниманіе слова Каллуды: «отстоитъ же сіе село отъ святаго Гроба поприще едино и стадія три» [2]).

10.

Іерусалимская повѣсть, кромѣ города Іерусалима, церквей и горъ его, называетъ еще купѣль Силоамскую, село Скудельниче (въ двухъ мѣстахъ), домъ Давидовъ и «илавру» св. Саввы Освященнаго. Изъ церквей она упоминаетъ Святая Святыхъ (въ вухъ мѣстахъ) и Воскресеніе Христово, а изъ горъ однуи Елеонскую. Разсматривая соотношеніе ихъ между собою, мы поражаемся полною несообразностію ихъ мѣстоположенія и ихъ описанія въ повѣсти. Святая Святыхъ притворена къ церкв Воскресенія Христова подлѣ Елеонской горы: на первый взглядъ это кажется совершеннымъ абсурдомъ. Извѣстно, что Святая Святыхъ (со времени крестоносцевъ Templum Domini, нынѣшняя мечеть ель-Куббе-ес-Сахра, называемая также «мечетью Омара») находится между храмомъ Воскресенія, или Гроба Господня, и Елеонскою горою; послѣдняя лежитъ на востокъ отъ Іерусалима, за Іосафатовою (Кедронскою) долиною, въ разстояніи 17 минутъ пути отъ города [3]), а храмъ Воскресенія Христова находится къ

---

1) Tobler. Topogr. II, 709, 718.

2) Проскинитарій св. мѣстъ, іеромонаха Арсенія Каллуды, пер. Евфимія, 1686 года, въ Пам. Древн. Письм. 1883, стр. 39.

3) Tobler. Die Siloahquelle, S. 60; въ 200 шагахъ (что̀ мало): Карповъ стр. 241.

западу отъ Святая Святыхъ, въ двухъ перелетахъ камня или стрѣлы[1]) или, по другимъ словамъ, въ полпоприщѣ разстоянія[2]). Этихъ простыхъ соображеній достаточно для того, чтобы видѣть, что выраженія повѣсти «притворена» и «подлѣ» не имѣютъ за собою основанія. Эту невѣроятность и невозможность слѣдуетъ объяснять вообще слабостію топографическихъ свѣдѣній и тѣмъ, что подъ названіями Святая Святыхъ, Воскресеніе Христово и Елеонская гора разумѣются тѣ же святыни Іерусалима, но только слитыя вмѣстѣ въ представленіи автора. Этотъ фактъ особенно любопытенъ и важенъ. Смѣшеніе Святая Святыхъ съ Воскресеніемъ Христовымъ мы находили до сихъ поръ только въ позднихъ памятникахъ русской народной поэзіи и не придавали ему какого-либо особеннаго значенія, потому что здѣсь смѣшенія попадаются на каждомъ шагу. Самый городъ Іерусалимъ переносится иногда на Римъ, Царьградъ, Кіевъ и Русею[3]). Церковь гроба Господня называется «соборною церковью святой святыни Богородицы»[4]), церковью Воскресенія Христова[5]), церковью на Сіонской горѣ[6]), просто церковью[7]), *Святая Святыхъ*, наконецъ—Софіею; въ компилятивномъ памятникѣ XVIII вѣка, «Іерусалимской Бесѣдѣ», Софія отожествлена со Святая Святыхъ: «соборная *София Премудрости Божия*, да въ той же церкви стоитъ *гробъ Господенъ*», и «соборная и апостольская церковь (вѣроятно, подъ вліяніемъ 9-го члена Символа Вѣры) *Софіи премудрости Божия*

---

1) Паломники Даніилъ и Зевульфъ: Прав. Пал. Сборн., III+IX, 29, 276; ср. XVIII, 44.

2) Каллудъ, стр. 9.

3) Безсоновъ. IV, 39, 251; Головацкій. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. М. 1878. II, 39, 42; Чубинскій. I, 149; Пов. гр. Іерус., 41; Іерус. Бесѣда, 307; ср. V. Jagić. Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv für slavische Philologie. I, 1, S. 85.

4) Безсоновъ. II, 289.

5) Веселовскій. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. III—V. С.-Пб. 1881, стр. 36.

6) Кирѣевскій, стр. 216; Безсоновъ. IV, 249.

7) Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. 1871. IV, 117; Штейнъ. Бѣлорусскія пѣсни, тамъ же, 1873. V, 676—679; Головацкій. I, 233—234.

о седмидесяти верхахъ, *сирѣчь Святая Святыхъ*» [1]). Если здѣсь отожествленіе Святая Святыхъ съ церковью Гроба непрямое, то индѣ, въ народныхъ стихахъ, уже прямо поется: «Святая Святыхъ Іерусалимская:» потому что въ ней стоитъ гробъ Господень»[2]). Откуда проникъ такой взглядъ въ народную поэзію? Отвѣтить трудно, но несомнѣнно, онъ очень древній, доказательствомъ чего служитъ наша повѣсть, сохранившая древнія преданія объ Іерусалимѣ, а она относится къ 1640 году или, вѣрнѣе, къ половинѣ XVI вѣка. Приведенныя выше слова не даромъ свернулись съ языка калики перехожаго: за нихъ стояло древнее преданіе, проводникомъ котораго была наша Іерусалимская повѣсть. Отожествленіе Святая Святыхъ съ церковью Воскресенія Христова не есть, впрочемъ, взглядъ исключительно русскаго происхожденія. Такъ, въ 1790 году италіанскій писатель Марити замѣтилъ: alcuni scrittori più moderni quantunque celebri istorici, di confondere questo tempio (то-есть, del Signore, Святая Святыхъ) con quello... del S. Sepolcro [3]). Но, не смотря на это, въ нашъ вѣкъ англійскій ученый Фергюссонъ снова выдвинулъ свою теорію мечети Омара и старался доказать, что Святая Святыхъ построена императоромъ Константиномъ, что она-то и называлась первоначально храмомъ гроба Господня, и что знаменитая скала, находящаяся посрединѣ мечети, есть первоначальный гробъ Господень. Существенныя выраженія этой теоріи читаются такимъ образомъ: the building so well known among christians as the mosk of Omar, is the identical church of the holy Sepulchre erected by Constantine [4]). По мнѣнію Фергюссона, нынѣшній храмъ

---

1) Лѣтописи русск. литер. и древн., Тихонравова, II, 3, стр. 42; Пам. стар. русск. лит., II, 308, 307. Связь соборной церкви съ Софіею видна и въ стихѣ о Егорьѣ Храбромъ: Кирѣевскій, стр. 151; Варенцовъ, стр. 104—105; Якушкинъ. Русскія народныя пѣсни, въ Лѣтописяхъ Тихонравова I, 2, стр. 136—137.

2) Веселовскій, стр. 36.

3) Tobler. Topogr. I, 19—520.

4) Williams. The holy city. London. 1849. II, 91. Здѣсь (II, 416—427) изложена вся теорія Фергюссона.

Воскресенія Христова построенъ христіанами въ подражаніе Святая Святыхъ лишь около X вѣка по Р. Хр., когда послѣднею церковью овладѣли мусульмане, и перенесъ на себя всѣ традиціи, связывавшіяся дотолѣ съ мечетью Омара. Эта смѣлая мысль, высказанная авторомъ, никогда не видавшимъ того, о чемъ онъ писалъ, была вполнѣ опровергнута послѣдующими учеными—Вильямсомъ, Вогюэ[1]), А. А. Олесницкимъ[2]) и другими. Но если сначала простыя сужденія, а затѣмъ ученое изслѣдованіе, приводили къ одному и тому же результату, это обстоятельство имѣетъ свое значеніе: очевидно, есть какія-то данныя (хотя и мнимыя) въ пользу подобнаго отожествленія. Фергюссонъ полагалъ, что нынѣшняя архитектура «мечети скалы» (ес-Сахра) можетъ относиться только ко времени Константина (что Templum Domini возобновленъ былъ св. Еленою, на это имѣется преданіе приблизительно отъ 1130 года: sub Constantino imperatore ab Helena reedificatum perhibent[3]), въ чемъ рѣшительно не согласны другіе, относя ее къ гораздо болѣе позднему времени. Свидѣтельства древнихъ писателей, пригнанныя англійскимъ ученымъ къ пониманію ихъ въ его смыслѣ, означаютъ совсѣмъ иное, то-есть, свидѣтельствуютъ о раздѣльности Templum Domini и Воскресенія Христова. Іерусалимская повѣсть, подобно Зосимѣ (XV в.)[4]), начинаетъ прямо со Святая Святыхъ и, подобно стиху о Егорьѣ Храбромъ[5]), знаетъ въ Іерусалимѣ только *одну* церковь, именно Святая Святыхъ; упоминаніе же церкви Воскресенія Христова, къ которой «притворена» первая церковь, должно быть понимаемо только въ такомъ смыслѣ, что преданія обоихъ храмовъ соеди-

---

1) M. de Vogüé. Les églises de la terre sainte. Paris 1860, p. 119, 277, 279.

2) Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ: Прав. Пал. Сборн. XIII, 777 и сл.

3) Vogüé, p. 426; ср. Грефеній, стр. 16. Іерусалимскій Путникъ VI вѣка ок. 530 г.) помѣщаетъ алтарь, гдѣ былъ убитъ св. Захарія, передъ самымъ гробомъ Господнимъ (Tobler. Itinera, I, 58), а Даніилъ и Зевульфъ объ убіеніи Захарія говорятъ: въ Святая Святыхъ (стр. 30, 277); кромѣ того, адскую пропасть одни паломники указываютъ въ церкви Воскресенія Христова, другіе — въ Святая Святыхъ, о чемъ ниже.

4) Прав. Пал. Сборн., XXIV, 17.

5) Кирѣевскій, стр. 151.

нены здѣсь вмѣстѣ и пріурочены къ одной церкви Святая Святыхъ. Попробуемъ представить въ отдѣльности, какія слова повѣсти относятся къ той и другой церкви.

1) Святая Святыхъ круглая, 7 верстъ. Это выраженіе можетъ безразлично относиться и къ храму Гроба (ротондѣ), о которомъ Даніилъ игуменъ замѣтилъ (стр. 16): «образомъ кругло создана», и собственно къ Святая Святыхъ, о которой тотъ же паломникъ писалъ (стр. 29): «кругла образомъ создана». Что̀ означаетъ цифра повѣсти, не достаточно ясно и во всякомъ случаѣ фантастично. Если тутъ видѣть намекъ на окружность храма, то ротонда Гроба имѣетъ въ діаметрѣ 26 аршинъ и 8 вершковъ, или 67 англійскихъ футовъ[1]), и стало быть, окружность ея не болѣе 50—60 саженъ; но и окружность (внѣшняя) мечети Омара, представляющейся въ видѣ правильнаго восьмиугольника, занимаетъ 536 англійскихъ футовъ[2]), то-есть, круглымъ числомъ, 70 саженъ. Такимъ образомъ, первая фраза повѣсти неопредѣленна, въ томъ смыслѣ, что не даетъ основанія видѣть въ ней храмъ Гроба, или Святая Святыхъ.

2) Не крыта стѣна тесомъ, на-голо, на хрусталяхъ. Это выраженіе совершенно темное: какая тутъ разумѣется стѣна, и что̀ за хрустали? Если основываться на терминахъ: не крыта, тесъ, на-голо, то мы могли бы думать, что здѣсь идетъ рѣчь о куполѣ храма Воскресенія Христова, дѣйствительно не покрытомъ, о которомъ игуменъ Даніилъ писалъ (стр. 16): «верхъ же церковный не до конца сведенъ каменемъ, но тако сперенъ[3]) есть древомъ тесанымъ, яко полъстичнымъ[4]) образомъ, и тако есть безъ верха,

1) Михайловскій. Спутникъ православнаго поклонника въ Святую землю. С.-Пб. 1887. II, 231; Williams. II, 160.

2) Tobler. Topogr. I, 522. Подробныя измѣренія мечети архитекторомъ Мауссомъ, съ планами и чертежами, см. въ его статьѣ: Note sur la méthode employée pour tracer le plan de la mosquée d'Omar et de la rotonde du S. Sépulcre à Jérusalem: Revue archéologique, juillet-août 1888, p. 14 et suiv. См. также Wilson. The recovery of Jerusalem. London. 1871. I, 218 sq.

3) Вар.: спертъ.

4) Игнатій (XIV в.) пишетъ: верхъ у ней полъ: Прав. Пал. Сборн., XII, 19

ни покрыта ничимъ». О тесѣ нигдѣ болѣе не говорится, кромѣ Даніила и нашей повѣсти; есть въ нихъ и другія сходныя мѣста, встрѣчающіяся только въ нихъ однихъ, а потому связь повѣсти съ Даніиломъ, по крайней мѣрѣ отчасти, не подлежитъ сомнѣнію. Не стоитъ ли и слово «стѣна» въ связи съ Даніиловымъ словомъ: полъстичный? Терминъ «на-голо» понятенъ: верхъ купола храма не покрытъ, обнаженъ, голъ. Терминъ «хрустали» возбуждаетъ недоумѣніе. Если подъ *стѣною* разумѣть куполъ, то онъ стоитъ, по повѣсти, на хрусталяхъ. Но извѣстно, что онъ опирается внизу на 12 мраморныхъ колоннахъ,— бѣлаго ледовиднаго мрамора, поясняетъ архимандритъ Гревеній [1]). Допуская тожество хрусталей повѣсти съ ледовидными мраморными столпами, мы приходимъ къ заключенію, что вторая фраза описанія Святая Святыхъ относится къ храму Воскресенія Христова.

3) Совершеніе службы въ церкви, описанное народнымъ, живымъ языкомъ, примѣры котораго представляетъ безыскуственная поэзія, таково: «службу служатъ во всѣхъ службахъ за весь годъ и за всѣ годовыя празники и дни, а однемъ днемъ отпоютъ». И калика перехожій, говоря о соборной церкви Богородицы, гдѣ находится гробъ Господень, поетъ: «отъ её *службы вся служутся* по всей вселенной» [2]); индѣ поютъ: «*за всякіе праздники* совершаютъ панихиды»[3]), а въ одномъ стихѣ читается: «святыхъ *годовыхъ* честныхъ *праздниковъ*» [4]). Смыслъ фразы повѣсти тотъ, что богослуженіе совершается во всѣхъ придѣлахъ въ продолженіе цѣлаго года, но только днемъ; а эта фраза представляетъ разительное сходство съ замѣчаніемъ одного анонимнаго французскаго паломника 1187 года: là chantoit

---

1) Горожанскій. Хожденіе арх. Гревенья въ Святую землю, въ Русск. Филолог. Вѣстн., 1884, № 4, стр. 251—312 (изслѣдованіе) и 1885, № 1, стр. 1—43 (текстъ), стр. 7.

2) Безсоновъ. II, 312; ср. Головацкій. II, 27.

3) К. Даниловъ, изд. 1818 г., стр. 104; изд. 1878, стр. 71; Буслаевъ. Историческая грамматика русскаго языка. М. 1868. II, 270.

4) Кирѣевскій, стр. 195, 198.

on chascun jour messe au point du jour[1]), замѣчаніемъ, относящимся къ церкви Воскресенія Христова. Подъ службами, то-есть, придѣлами, слѣдуетъ разумѣть алтари храма Гроба, принадлежащіе грекамъ, католикамъ, армянамъ и другимъ націямъ. Такимъ образомъ, и эта фраза описанія Святая Святыхъ относится къ церкви гроба Господня.

4) «Притворена церковь къ той же церкве Воскресенiю Христову подле Елеонскую гору и въ той церкве гробъ Господень». До сихъ поръ подъ Святая Святыхъ старецъ Сергій разумѣлъ храмъ Гроба, но въ этой четвертой фразѣ, когда пришлось говорить о самомъ Гробѣ, авторъ запутался. Сказать, что гробъ Господень находится въ Святая Святыхъ, было бы правильно съ точки зрѣнія автора, но общій голосъ говорилъ о положеніи гроба въ церкви Воскресенія Христова; поэтому, говоря о гробѣ, автору нужно было пріобщить къ разсказу и храмъ Воскресенія. Но это было трудно, ибо тогда оказалось бы двѣ церкви въ Іерусалимѣ, а между тѣмъ въ представленіи автора сложилась мысль только объ одномъ храмѣ. Съ одной стороны, изъ понятія о единичности церкви, а съ другой — изъ необходимости ввести въ повѣсть храмъ гроба Господня, объясняются, по нашему мнѣнію, самые термины «притворена» и «тойже»: авторъ допустилъ два наименованія, вообразивъ одну іерусалимскую церковь, часть которой, «Святая Святыхъ», есть какъ бы придѣлъ остальнаго, то-есть, того же храма и естественно къ нему примыкала, была «притворена». Путаница автора только та, что онъ помѣстилъ гробъ Господень согласно съ указаніемъ паломниковъ, а не тамъ, гдѣ онъ самъ думалъ. Упоминаніе Елеонской горы, подлѣ которой стоитъ церковь Святая Святыхъ = Воскресеніе Христово, трудно объяснимо. Если принять церковь гроба Господня, тогда вмѣсто «Елеонская» слѣдовало бы читать «Сіонская» гора, но такого смѣшенія не встрѣчается и въ народной поэзіи. Въ одномъ изъ списковъ «Хожденія Коробейникова»

---

1) La citez de Iherusalem, y Vogüé, p. 438, 183.

слово «Елеонская» вставлено тамъ, гдѣ слѣдовало бы читать: Голгоѳа[1]), а Голгоѳа смѣшивается иногда съ Ѳаворскою горою[2]), Ѳаворская же—съ Сіонскою [3]). Этотъ, впрочемъ, не достаточно убѣдительный доводъ получаетъ видъ нѣкоторой устойчивости, особенно если обратить вниманіе на то, что дѣйствительно храмъ Воскресенія Христова стоитъ «подлѣ» или, какъ говорятъ писатели XII вѣка Вильгельмъ Тирскій и Зевульфъ, на склонѣ (in declivo) Сіонской горы [4]). Труднѣе доказать подобное же отношеніе Святая Святыхъ къ горѣ Моріа: правда, эта церковь стоитъ приблизительно тоже подлѣ горы Моріа, но смѣшеніе сей послѣдней съ Елеонскою горою также не можетъ быть доказано прямо [5]).

11.

Упомянувъ о гробѣ Господнемъ, мы вслѣдъ за повѣстью остановимся нѣсколько на схожденіи божественнаго огня на эту святыню. Источниками этого сказанія, по видимому, могли быть: неизвѣстный разсказъ, которымъ отчасти пользовался Арсеній Солунскій, Хожденіе игумена Даніила и Евангеліе. 1) Огонь при гробѣ Господнемъ гасятъ во время заутрени въ великій четвергъ, такъ что его ни у кого не находится («ни въ огниве огни, ни въ кременю»), и съ этого времени христіане молятся о дарованіи небеснаго огня, который появляется лишь въ 9-мъ часу ночи въ субботу. Этотъ разсказъ сходенъ со словами Греѳенья[6]), особенно Арсенія Солунскаго [7]), Познякова [8]) и другихъ; новость въ нашей повѣсти только та, что огонь гасятъ во время заутрени.

---

1) Прав. Пал. Сборн., XXVII, 13.

2) Варенцовъ, стр. 233.

3) Веселовскій, стр. 2.

4) Vogüé, p. 164; Прав. Пал. Сборн., III+IX, 272.

5) Впрочемъ, о смѣшеніи горъ Моріа съ Голгоѳою см. Олесницкаго: Прав. Пал. Сборн., XIII, 783.

6) Хожденіе, стр. 12.

7) Сахаровъ, II, 8, стр. 75.

8) Прав. Пал. Сборн., XVIII, 39.

2) Разсказъ о появленіи тучи представляетъ сходство съ Хожденіемъ игумена Даніила; въ повѣсти читается: «... до 9-го часу ночи. Туча станетъ со въстока, а другая съ западу», а у Даніила (стр. 134): «яко бысть 9-му часу (вечера) минувшю... тогда внезаапу пріиде туча мала отъ встока лиць и ста надъ верхомъ непокрытымъ тоа церкве». У Даніила идетъ рѣчь объ одной тучѣ, въ повѣсти—о двухъ. 3) Сказаніе о святомъ свѣтѣ, на половину соединяясь съ Силоамскою купѣлью, представляетъ необыкновенную странность. Изъ тучъ, съ неба, говоритъ повѣсть,—ангелъ Господень невидимо появляется и возмущаетъ Силоамскую воду; ночные и дневные стражи, стерегущіе, чтобы Евреи не похитили воды изъ источника, падаютъ при появленіи ангела; между тѣмъ отъ Духа Господня загорается огонь на одномъ изъ 12 паникадилъ, поставленныхъ у Гроба Женами-Мѵроносицами, и по этому случаю радуются всѣ христіане и во главѣ ихъ патріархъ. Появленіе ангела заимствовано изъ Евангелія: «Ангелъ бо Господень сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ дверій гроба и сѣдяше на немъ» [1]); фраза о возмущеніи ангеломъ воды въ источникѣ взята также изъ Евангелія, хотя и неудачно: ангелъ Господень возмущалъ воду въ купѣли Виѳездѣ [2]), а не въ Силоамѣ [3]); путаница произошла, вѣроятно, потому, что оба источника отличались цѣлительными свойствами [4]). Разсказъ о паденіи стражей взятъ опять изъ Евангелія: «отъ страха же его (ангела) сотрясошася стрегущіи и быша яко мертви» [5]). Фраза о зажженіи огня отъ Духа Господня очень любопытна. Символъ Святаго Духа—голубь, а участіе голубя при схожденіи божественнаго огня извѣстно изъ другихъ писателей. Даніилъ пишетъ (стр. 126): «мнози бо странници неправо глаголють о схоженіи свѣта свя-

1) Матѳ. XXVIII, 2.

2) Іоанн. V, 4.

3) Іоанн. IX, 7. 11

4) Porter. Jerusalem, Bethany and Bethlehem. London. 1887, стр. 97: there is little else howerer, to identify Bethesda with Siloam.

5) Матѳ. XXVIII, 4.

таго; инъ бо глаголеть, яко *Святый Духъ голубемъ* сходитъ къ гробу Господню; а друзіи глаголють: молніи сходить съ небесе и тако вжигаются кандила надъ гробомъ Господнимъ. И то есть лжа и неправда». Другой паломникъ, Зосима, повторяетъ эти слова почти дословно: «О зажженіи же глаголютъ иніи: яко молнія сверкаетъ, а иніи жъ глаголютъ: яко *голубь* во устѣхъ своихъ огнь носитъ. А все то есть лжа и неистинна»[1]). Интересно, что повѣсть, подобно Арсенію Солунскому, пользуется такимъ сказаніемъ, несостоятельность котораго отмѣтилъ еще паломникъ XII вѣка. Въ разбираемомъ памятникѣ точно обозначено, что огонь загорается на кадилѣ Мѵроносицъ. Разсказъ этотъ основывается, разумѣется, на евангельскихъ словахъ: «и минувшей субботѣ Марія Магдалина и Марія Іаковля и Саломія купиша ароматы, да пришедше помажутъ Іисуса. И зѣло заутра во едину отъ субботъ пріидоша на гробъ, возсіявшу солнцу» и т. д.[2]). Съ именемъ Мѵроносицъ связывался и камень, на которомъ явился ангелъ Женамъ съ вѣстью о воскресеніи Господа, и который помѣщенъ въ преддверіи св. Гроба[3]) (пещера Ангела), и одни изъ воротъ храма Воскресенія Христова, πύλη τῶν μυροφόρων[4]). Преданіе о лампадахъ Мѵроносицъ, по видимому, также древнее; оно извѣстно было и Арсенію Солунскому, у котораго читаемъ: «во гробѣ Господни суть три свѣщи горятъ, что Мироносицы поставили»[5]). О радости христіанъ при появленіи огня на гробѣ Господнемъ упоминаютъ почти всѣ наши паломники. Повѣсть еще разъ возвращается къ Силоамскому источнику и сообщаетъ оригинальное сказаніе объ охраненіи его воды отъ Евреевъ. Силоамскій источникъ (евр. Bad Sumuels, араб. ain Sitti Mariam) находится въ Кедронской долинѣ, къ югу отъ Іерусалима, у подножія Сіона; онъ пользовался большимъ ува-

---

1) Прав. Пал. Сборн., XXIV, 13; ср. стр. IX.
2) Марк. XVI, 1, 2.
3) Прав. Пал. Сборн., III+IX, 17.
4) Васильевскій: Прав. Пал. Сборн., XI, 33.
5) Сахаровъ, II, 8, стр. 75.

женіемъ всѣхъ націй—Евреевъ, христіанъ и мусульманъ, изъ которыхъ послѣдніе, слѣдуя Корану, называли Силоамъ однимъ изъ двухъ райскихъ источниковъ[1]). О цѣлебныхъ свойствахъ его воды упоминается еще въ Евангеліи, а затѣмъ разсказъ съ разными варіаціями повторяется до позднѣйшаго времени. О какихъ дневныхъ и ночныхъ стражахъ упоминаетъ повѣсть, и для чего понадобилась Евреямъ вода? Видѣть ли здѣсь отраженіе разсказа Іосифа Флавія, говорившаго, что римскіе стражи оберегали крѣпости при осадѣ Іерусалима[2]), изъ чего можно было вывести, что они отрѣзали Евреямъ доступъ и къ водѣ Силоамскаго источника, или видѣть тутъ отраженіе евангельскихъ словъ объ охраненіи стражами тѣла Христова, чтобъ ученики не похитили его? Если допустить второе предположеніе, то мы найдемъ, что у автора собственно нѣтъ никакой топографической непослѣдовательности, что ему естественно было, говоря о гробѣ Господнемъ, пріобщить кстати легенду и о Силоамѣ, подъ которымъ онъ, по видимому, разумѣетъ камень передъ дверью Гроба, ὁ ἐπιτεθεὶς τῇ θύρᾳ λίθος, отваленный ангеломъ при воскресеніи Іисуса Христа. Итакъ, начавъ разсказъ о воскресеніи Христа и о появленіи ангела, авторъ съ полуслова, такъ сказать, перебѣжалъ къ другому разсказу — о возмущеніи купѣли Виѳезды (потому, вѣроятно, что тамъ и здѣсь является ангелъ), которую онъ, подъ вліяніемъ третьяго разсказа, назвалъ купѣлью Силоамскою; а эта послѣдняя оказывается въ концѣ концовъ всетаки не тѣмъ или инымъ источникомъ, а камнемъ, или пещерою Гроба. Такимъ образомъ, весь разсказъ повѣсти о схожденіи огня на гробъ Господень, вмѣстѣ съ «Силоамскою купѣлью», относится къ храму Воскресенія Христова.

---

1) Tobler. Die Siloahquelle. S. 25, 47.

2) Flavii Ios. Opera, II, 265: Bell. Iudaic. V, XII, 2: διεκληροῦντο δ' οἱ φύλακες τοὺς ὕπνους, καὶ δι' ὅλης νυκτὸς περιῄεσαν κατὰ διαστήματα τῶν φρουρίων.

12.

Кромѣ всего этого, мы должны остановиться еще на двухъ преданіяхъ, связанныхъ съ церковью «Святая Святыхъ», — на камнѣ и на зеркалѣ. Прежде всего это новое упоминаніе о церкви Святая Святыхъ идетъ гораздо ниже, вслѣдъ за разсказомъ о селѣ Скудельничѣ, а потому рождается вопросъ: какая церковь разумѣется въ этомъ случаѣ—тотъ же ли храмъ Гроба Господня, или собственно Святая Святыхъ, мечеть Омара? Можно бы поддерживать первое предположеніе, ибо авторъ повѣсти знаетъ въ Іерусалимѣ только одну церковь, о которой выше была рѣчь; впрочемъ, такъ какъ не указано топографическаго положенія этой церкви Святая Святыхъ, то приходится доискиваться отвѣта лишь путемъ разбора связанныхъ съ нею преданій.

1) «А церковь Святая Святыхъ, куде[1]) Господь сходилъ, ино закрыто доскою кипарисною, а верху камень склитъ, а не иметь его желѣзо александрійское». Здѣсь необходимо отправляться отъ понятія камня склита, изъ чего станетъ понятнымъ и терминъ: «сходилъ». Въ апокрифическомъ произведеніи, приписываемомъ св. Меѳодію Патарскому (IV в.) и относимомъ нѣкоторыми къ 676—678 годамъ, именно въ древнеславянскомъ его переводѣ, по болгарской рукописи 1345 года читаемъ между прочимъ слѣдующее: Александръ Македонскій на востокѣ «сътвори врата мѣдна и помаза ихъ асингитомъ, ꙗко да аще помыслятъ (нечистые народы) отврѣсти желѣзомъ, не възмогутъ, аще ли растопити огнемъ, то и тако не възмогут', но да абіе отъ нихъ огнь угаснетъ. естьство же асингитово ни желѣзнаго разсѣченіа боится, ни огньнаго растопленіа, всѣ бо бѣсовьскаа умышленіа елика сутъ, тъщетна творитъ»[2]). Въ рукописи XV вѣка въ этомъ же мѣстѣ читается:

1) Куда; ср. «Хожденіе Коробейникова» въ ркп. Соловецк. № 329 (305) Житіе Василія Мангазейскаго, рук. Имп. Общ. Люб. Древн. Письменности, № 3831 (Q. CXCVII), XVII в., л. 1, и изданіе ея, тамъ же.

2) Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы. II, 217; Горскій и Невоструевъ. Опис. слав. рук. Моск. Синод. Библ., II, 3, стр. 750. У Марко Поло просто: замкнулъ татаръ между двумя горами—I, 14; русск. перев., стр. 20.

асигнитомъ и асингитово [1]); въ рукописи XV—XVI вв. ошибочно: аоункитомъ [2]). Въ Сербской Александріи: «и замаза их исикитом (рукк.: асиникить, асикить, асакить), а исикита е така да ни оган не похитити не море, ни желизо дилати не море» [3]). Въ рукописи XVIII вѣка то же мѣсто читается такъ: «и замаза сунклитомъ; сунклитъ же бѣ такова вещь: ни желѣзо его, ни огнь нейметъ; и того ради Александръ царь такою мастію закрѣпи ихъ, дабы имъ ни сѣкирами не разсѣщи, ни кѣмъ (огнемъ?) не мочно сожещи вратъ и не выттибы имъ изъ горъ тѣхъ» [4]). Форма «сунклитъ» встрѣчается и въ русскихъ спискахъ Псевдо-Каллисѳеновой Александріи [5]); тамъ же попадается и форма: «сонклитъ» [6]). Несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло съ сунклитомъ и въ нашей повѣсти, гдѣ желѣзо названо александрійскимъ, вѣроятно, потому, что это сказаніе заимствовано изъ «Александріи». Въ другихъ памятникахъ апокрифической литературы, напримѣръ, въ сказаніи о Соломонѣ и Китоврасѣ, встрѣчаемъ стекло, обладающее приблизительно такими же свойствами: если замазать имъ вещь, то доступъ къ ней будетъ не возможенъ [7]). Такимъ образомъ, съ одной стороны, *ἀσύγχυτος* (не смѣсимый) по юго-славянскимъ переводамъ = асингитъ = асигнитъ = асиникить = асикить = асакить = исикить, съ другой стороны—*ἀσύγχυτος* по русскимъ переводамъ = сунклитъ = сонклитъ

---

1) Ibid. II, 233—234.

2) Ibid. II, 273.

3) V. Jagić. Ogledi stare hrvatske proze: Starine. III, 299.

4) Тихонравовъ, II, 259; ср. Азбуковникъ: Сахаровъ, II, 5, стр. 186; Пыпинъ, стр. 46.

5) Имп. Публ. Библ. Q. XV, № 31, л. 103 об.; ср. «Александрія», изд. Общ. Люб. Древн. Письменности. 1887. LXXXVII, л. 198; ср. П. С. Р. Л. I, 107; Лѣт. по Лаврент. сп. С.-Пб. 1872, стр. 228; Лѣт. по Ипатск. сп. С.-Пб. 1871, стр. 164.

6) Пыпинъ, стр. 30.

7) Тихонравовъ, I, 254; Пам. стар. русск. литературы. III, 52; ср. Веселовскій. Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ. стр. 210—211. Ср. В. Сахаровъ. Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности и вліяніе ихъ на народные стихи. Тула. 1879, стр. 101. О камнѣ шамиръ (талм.), самуръ (мусульм.), которымъ Соломонъ выстроилъ храмъ, см. Веселовскій. Изъ ист. средневѣковой литературы: Ж. М. Н. Пр. 1873 т. I, стр. 166.

(=сѫклитъ=съклитъ)=склитъ=стклo=стекло. Мѣдныя ворота «Александріи» были замазаны веществомъ «несмѣсимымъ», почему проникнуть въ нихъ не было возможности ни посредствомъ желѣза, ни посредствомъ огня. Находясь за такимъ запоромъ, нечистые народы были лишены возможности выйдти оттуда. Разсматривая извѣстіе повѣсти съ этой точки зрѣнія, мы можемъ думать, что здѣсь имѣется въ виду сказаніе о схожденіи Христа во адъ; казалось бы, когда Христосъ вышелъ изъ пропасти, отверстіе ея было закрыто кипарисною доскою и замазано камнемъ склитомъ, такъ что грѣшникамъ и служителямъ ада былъ отрѣзанъ всякій выходъ изъ преисподней. О вратахъ адовыхъ паломникъ Зосима говоритъ тотчасъ послѣ Святая Святыхъ [1]), а Арсеній Солунскій, Гагара и другіе разсказываютъ, что адская пропасть находилась въ $1^1/_2$ саженяхъ влѣво отъ Гроба Господня, то-есть, въ церкви Воскресенія Христова [2]). По нашему мнѣнію, въ повѣсти идетъ рѣчь о знаменитой скалѣ Сахра въ мечети Омара, о которой графъ Вогюэ пишетъ слѣдующее: «Скала Сахра занимаетъ самый центръ мечети. Это известковая груда, составляющая часть природной каменной массы горы Моріа; высота ея мѣняется отъ 1 до 2 метровъ надъ поломъ мечети. Въ юго-восточномъ углу находится очень неправильная пещера, высѣченная въ скалѣ; въ нее *спускаются* по лѣстницѣ въ 20 ступеней, достигающей до дверей, временъ Крестовыхъ походовъ. Въ центрѣ пещеры находится колодецъ, *покрытый каменною доскою*, который мусульмане называютъ «колодцемъ душъ»[3]).

---

1) Прав. Пал. Сборн., XXIV, 20.

2) Сахаровъ, II, 8. стр. 75, 113.

3) Ср. Porter, p. 48: In the roof is a circular hole, cut through the entire thickness of the rock, and in the floor beneath it is a marble slab covering a deep cavity, called «the well of the spirits». The guardian whispered to me that some learned men considered it to be the entrance to Paradise; others equally learned, the entrance to the opposite region; «but», he added, «Allah alone knows the truth». По одному изъ мусульманскихъ преданій, въ этомъ колодцѣ соединяются еженедѣльно дважды души вѣрныхъ для прославленія Бога; ср. Guérin. La terre sainte, son histoire, ses souvenirs, ses cités, ses monuments, p. 126. Такимъ образомъ, камнемъ склитомъ закрыты или бѣсы и грѣшники, или души мусульманъ.

На верху въ природномъ сводѣ находится соотвѣтствующая дира, проходящая отъ одной стороны скалы до другой. Существованіе этого отверстія заставляетъ насъ отожествить Сахру съ lapis pertusus времени Константина. Почитаніе, предметомъ котораго она была въ эту эпоху со стороны Евреевъ, убѣждаетъ насъ, что постоянное преданіе связывало съ этою скалою воспоминаніе о Храмѣ... Сахра—предметъ самаго живаго почитанія со стороны мусульманъ. Я отказываюсь перечислять всѣ басни, существующія на ея счетъ. Ее покрываютъ богатые ковры, шелковыя обои покрываютъ ее отъ солнечныхъ лучей, и рѣшетка закрываетъ ее отъ нескромности толпы» [1]). Эти слова французскаго археолога живо напоминаютъ сжатый разсказъ повѣсти, который на современномъ языкѣ можетъ быть таковъ: а въ церкви Святая Святыхъ есть пещера, куда сходилъ Господь; средина пещеры покрыта *кипарисною* (крѣпкою) доскою, на верху которой лежитъ камень склитъ. Авторъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ здѣсь ес-Сахру, пещеру и лѣстницу ея и «колодецъ душъ»: этотъ-то колодецъ и былъ закрытъ склитомъ, отчего «души» не могли выйдти изъ колодца. Такимъ образомъ, это преданіе повѣсти съ успѣхомъ объясняется на почвѣ мусульманскихъ вѣрованій и относится не къ церкви Воскресенія Христова, а собственно къ Святая Святыхъ.

2) «И подле тоже есть зерцало, во что Господь смотрился; и всякой человѣкъ, годомъ что согрешитъ, и онъ посмотритца и видитъ своя согрешенія вся и онъ въ томъ каетца». Происхожденіе этой своеобразной легенды намъ не извѣстно; быть можетъ, она столь же древняя, какъ древни и другія преданія повѣсти. Слѣдуетъ указать только на замѣчаніе западнаго писателя Іоанна Вюрцбургскаго: «надъ западною дверью (Храма Господня) видно изображеніе Христа» [2]); не находится ли

1) Vogüe. Les églises, p. 279—280; Норовъ. Путешествія въ 1835 г. С.-Пб. 1854. III, 281—285. Со скалою ес-Сахра, несомнѣнно, тожественна скала, именуемая Евреями Eben Schatiyah; см. Vogüé. Le temple de Jérusalem. Paris 1864, p. III.

2) Vogüé. Les églises, p. 286.

оно въ какой-либо связи съ разсказомъ повѣсти о зеркалѣ? Можно вообще полагать, что и это преданіе относится къ церкви Святая Святыхъ. Замѣтимъ здѣсь, что и рукописное «месть», исправленное на «есть», также представляетъ извѣстный смыслъ: «месть — зерцало», то-есть, зеркало, которое мститъ, обличаетъ человѣка въ его дурныхъ поступкахъ.

13.

Отъ церкви Святая Святыхъ переходимъ къ селу Скудельничу или, по чтенію повѣсти, Скудельничному, находящемуся на югѣ Сіонской горы, около Гинномской долины. О немъ повѣсть упоминала уже выше, говоря, что это село находится въ трехъ верстахъ отъ Іерусалима; тамъ же она сообщала съ обычною сказочностью, будто въ селѣ Скудельничѣ 700 храмовъ. Поставленная цифра ѱ написана совершенно отчетливо, но чтобъ она не могла возбудить сомнѣнія въ читателяхъ, другими чернилами и, по видимому, тогда же подъ строкою написано и прописью: семсотъ храмовъ. Въ Іерусалимѣ церковь одна, въ селѣ Скудельничѣ семьсотъ. Эта послѣдняя фантастическая цифра, по нашему мнѣнію, стоитъ въ связи съ грѣховностію самого мѣста, служившаго вмѣстѣ съ тѣмъ и кладбищемъ для умершихъ. О зараженномъ воздухѣ въ селѣ Скудельничѣ говоритъ еще Аркульфъ (ок. 670 г.), приписывая это нехороненію труповъ: alii vero pannis aut pelliculis tecti neglegentius relinquuntur, et sic super terram jacentes putrescunt [1]). По словамъ повѣсти, въ селѣ Скудельничѣ погибъ Іуда, предатель Христа, и здѣсь находится его гробъ. Игуменъ Даніилъ говорилъ объ Іудинѣ дворѣ, не извѣстно гдѣ находившемся, но, полагаютъ, къ сѣверу отъ теперешняго Крестнаго пути, какъ о мѣстѣ отверженномъ: «есть пусто и нынѣ дворище то проклятое, никтоже не смѣетъ на мѣстѣ томъ сѣсти клятвы ради» [2]).

1) Tobler. Itinera, I, 161. Гревеній (стр. 26) и другіе говорятъ о костяхъ и тѣлахъ здѣсь.

2) Прав. Пал. Сборн., III+IX, 28; ср. стр. 187.

Быть можетъ, подобное сказаніе послужило источникомъ и для нашей повѣсти: мертвые кладутся кругомъ гроба Іуды, но не рядомъ, а въ двухъ саженяхъ отъ него. Село Скудельниче особенно любопытно по упоминанію въ немъ диры, закрытой «древяною доскою мраморною» и запечатанной красными печатями. Причинный союзъ «бо» въ данномъ мѣстѣ значитъ «такъ какъ»: такъ какъ въ селѣ погибъ Іуда, то дира закрыта; она закрыта потому, что пропалъ, изчезъ въ ней Іуда. Предатель Христа очутился въ преисподней, отверстіе ея было закрыто доскою и запечатано печатями: Іудѣ не выбраться изъ ада. Замѣчательно сходство этой легенды съ описаннымъ выше камнемъ склитомъ. Впрочемъ, эта дира въ извѣстное время года открывается, и именно на сорокъ дней—съ Пасхи до Вознесенія Господня. Извѣстно по преданію, что въ это время Господь нисходилъ во адъ и разрѣшилъ грѣшниковъ отъ страданій. Это преданіе выразилось здѣсь въ образѣ диры и доски: откроется дира, спадетъ съ нея доска со всѣми ея печатями,—муки грѣшниковъ прекращаются, и по видимому, снимается проклятіе съ предателя; а со времени Вознесенія доска съ печатями снова ложится на диру, и грѣшники снова до Пасхи испытываютъ мученія. Арсеній Солунскій сходственно говорилъ объ адской пропасти, находившейся въ $1\frac{1}{2}$ саженяхъ влѣво отъ гроба Господня. Пропасть, говоритъ онъ (стр. 75),—«стоитъ весь годъ запечатана, только въ Воскресеніе Христово отпадаютъ печати»; эти слова онъ вставляетъ въ главу о схожденіи огня на гробъ Господень. Архимандритъ Гревеній говорилъ нѣчто подобное о самомъ храмѣ Воскресенія Христова: «церковь же святое Воскресеніе», пишетъ онъ (стр. 11),—«за всѣ годѣщѣ стоитъ всегда замчена и запечатана... отворяютъ же церковь когда приидутъ поклоницi. Годищный же отворъ въ Лазареву субботу вечеромъ». Во избѣжаніе стенаній грѣшниковъ доску съ печатями, кромѣ того, засыпаютъ еще ладаномъ, и каждый день идетъ по пуду ладана для того, чтобы только заглушить крикъ: если бы не засыпать диры, говоритъ повѣсть,—то въ селѣ жить было бы не возможно. Здѣсь въ нашей повѣсти мы имѣемъ

дѣло несомнѣнно съ «отдушиною геенскаго огня», которая, по общепринятому мнѣнію, находилась въ Гинномской долинѣ и южной части Кедронскаго потока. Впрочемъ, показанія паломниковъ не всегда согласны между собою: одни указываютъ отдушину на сѣверѣ, другіе—на югѣ отъ Іерусалима. Путешественница V вѣка св. Павла была напугана страшными дѣйствіями демоновъ надъ душами обладаемыхъ — при гробѣ Іоанна Предтечи[1]); но обыкновенное представленіе отдушины совсѣмъ въ противоположной сторонѣ. По нашей повѣсти, «дира» находится въ селѣ Скудельничѣ; по словамъ Грефенія (стр. 37) — между Іерусалимомъ и Виѳлеемомъ; что же касается до Епифаніева показанія: ἀναπνοὴ τῆς γεέννης τοῦ πυρός на Сіонской горѣ, то комментаторъ текста, проф. Васильевскій, находя это извѣстіе неожиданнымъ, доказываетъ, что Епифаній имѣлъ здѣсь въ виду гробницу Давида [2]).

14.

Отъ села Скудельнича переходимъ къ дому Давидову. Извѣстно, что онъ находится у западной городской стѣны, около Давидовыхъ воротъ (Bâb el-Mihrâb, Iâfathor), внутри Іерусалима; полагаютъ, что онъ стоялъ и прежде на мѣстѣ нынѣшней цитадели или башни Гиппика, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ онъ у Іосифа Флавія. Мѣстоположеніе его по нашей повѣсти оказывается *за* городомъ, и притомъ въ 12 отъ него верстахъ. Собственно въ рукописи стоитъ одна цифра 12; пропущенное слово возстановляемъ въ томъ соображеніи, что памятникъ при измѣреніи разстоянія употребляетъ термины: верста и день; но послѣдній не можетъ быть принятъ во вниманіе, такъ какъ смежную съ домомъ Давидовымъ Саввину метохію авторъ находитъ въ 15 *верстахъ*. Драгоцѣнное упоминаніе о томъ, что домъ Давидовъ находится *за* Іерусалимомъ, подтверждается блистательнымъ образомъ древними преданіями,

1) Michaud. Histoire des croisades. Paris. 1841, I, 418.
2) Прав. Пал. Сборн., XI, 2, 12, 17, 23, 105—107.

опять-таки XII вѣка. Паломникъ Зевульфъ пишетъ: «Императоръ Адріанъ (117—138 гг.), прозванный Эліемъ, сызнова выстроилъ городъ Іерусалимъ и храмъ Господень и распространилъ городъ до башни Давида, которая *раньше была на далекомъ разстояніи отъ города»* [1]). Цифра нашей повѣсти (12), разумѣется, сказочная, но весьма важно общее воззрѣніе на мѣстоположеніе этого зданія. Другія подробности о домѣ недостаточно ясны: онъ стоитъ въ болотѣ, «низу ю пройти не можно на востоце», то-есть, по видимому, съ восточной стороны нельзя подойдти къ его основанію. На недоступность дома Давидова указывалось многими паломниками, и объясняется это, вѣроятно, военно-оборонительнымъ положеніемъ крѣпости; еще Іосифъ Флавій замѣтилъ: διὰ τὴν ὀχυρότητα φρούριον μὲν ὑπὸ Δαβίδου τοῦ βασιλέως ἐκαλεῖτο [2]). Домъ, по словамъ Даніила (стр. 25), «есть много твердъ ко взятію, и то есть глава всему граду тому: и блюдутъ его вельми и не дадять влѣсти никомуже вонь лапь». Но почему именно съ востока нѣтъ доступа, остается непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Гренанья (стр. 13), двери Давидова города и были именно съ востока. Равнымъ образомъ темно преданіе и о томъ, что домъ стоитъ въ болотѣ. Напротивъ, извѣстно, что онъ расположенъ на высотѣ даже 200 ступеней [3]) и окруженъ рвомъ; правда, тотъ же паломникъ пишетъ, что «посредѣ его воды въ немъ многи»; но очевидно, не такое замѣчаніе могло дать поводъ къ возникновенію сказанія. Слова Св. Писанія: «Во домѣ Давидовѣ страхъ великъ» часто приводятся паломниками, которымъ запрещенъ былъ входъ въ крѣпость; часто не знали, что́ тамъ находится и что́ происходитъ, вслѣдствіе чего появились разныя легенды о зданіи. Въ XVII вѣкѣ Гагара говорилъ, что въ домѣ Давидовѣ «стоитъ снарядъ и пороховая казна и ядра, и жити въ

---

1) Прав. Пал. Сборн., III+IX, 272; такъ же полагалъ и Марити: Tobler. Topogr. I, 187. Дворецъ Давидовъ внутри Сіонской стѣны упоминается еще въ IV вѣкѣ.

2) Flavii Ios. Opera, rec. Dindorf. Paris. 1847, II, 238(=Bell. Iud. V. IV. 1).

3) Даніилъ, стр. 25.

немъ никто не смѣетъ»[1]); но въ болѣе раннее время Игнатій Смольнянинъ пишетъ: «въ немъ во единой странѣ живутъ сороки, а въ большіа домы не смѣютъ ни заглянути»[2]); другой писатель, Арсеній Солунскій, разсказывалъ иное: «въ домъ Давидовъ нѣтъ силы зрѣти; коли день солнечный осіяетъ, яко солнце зрѣти, и доколѣ солнце не зайдетъ, не дойти до него»[3]). Народная поэзія, отразительница паломническихъ преданій, также не осталась чуждою легендъ о домѣ, воспользовавшись въ этомъ случаѣ словами «Дѣяній Апостольскихъ» (II, 2), относящимися къ Сіонской горницѣ, которыя послужили, вѣроятно, источникомъ легендъ о домѣ Давидовѣ: градъ Давидовъ (Сіонская горница) смѣшанъ съ домомъ Давида. «Въ Давидовомъ домѣ.... бысть шумъ презѣльный, носиму духу бурну», или: «шумъ бурный являшеся во градѣ Давидовѣ»[4]). Паломникъ Антонинъ, изъ Плаценціи (около 600 г.), писалъ, что если придти въ полночь въ домъ Давидовъ, то изъ глубины Іосафатовой долины слышатся voces murmurantium[5]). О подобномъ шумѣ говоритъ Гагара, но пріурочиваетъ его къ храму Воскресенія Христова: «въ томъ же храмѣ въ лѣвую страну щель есть (адская пропасть) величиною какъ можно человѣческой головѣ пройти, и въ той щели шумно вельми: шумъ, аки ось шумятъ»[6]); то же писалъ и Арсеній Солунскій объ адской пропасти церкви Воскресенія: «и приходитъ патріархъ съ діаконы (во время схожденія огня) и приклонивъ свою главу надъ пропастью, и діаконъ также свою главу, и слышатъ чвекотъ въ пропасти»[7]);

---

1) Сахаровъ, II, 8, стр. 114.

2) Прав. Пал. Сборн., XII, 24.

3) Сахаровъ, II, 8. стр. 76.

4) Безсоновъ, V, 39, 43. На крѣпость дома въ народной поэзіи намекается такъ: Іерусалимъ весь повыгубленъ, остался только домъ отца Егорья Храбраго, «да еще былъ оставши второй—Давидовъ домъ» (Якушкинъ, стр. 140).

5) Itinerarium Antonini Placentini: Tobler. Itinera. I. 103; ср. его Topogr. I, 188.

6) Сахаровъ, II, 8, стр. 113.

7) Ibid. II, 8, стр. 75.

о шумѣ въ пропасти записалъ легенду и Греѳеній: «кузнецъ подъ тѣмь мистомъ и донынѣ бѣеть млатомъ и примчющи слушають иже гвозды коваль на Христа» (стр. 9). Въ нашей повѣсти говорится о «крыкѣ и зыкѣ» камней, летящихъ съ утра до полудня съ неба въ домъ Давидовъ, а съ полудня (до утра) изъ дома на небо [1]). Нѣкоторую аналогію о перемежающемся летаніи камней сверху внизъ мы находимъ въ указанной повѣсти 1552 года, когда русскіе видѣли въ Венгріи «пропасть саженей 4, а поперекъ какъ погребное устье, и въ ту пропасть мечютъ великое древіе и каменіе, и тамо идетъ долго гремяче, покамѣста и слухъ человѣчь не иматъ; да какъ часъ помолчавъ, и обратно выкинетъ вонъ, все изломаетъ древіе». Легенда повѣсти о летящихъ камняхъ стоитъ, по видимому, въ связи съ обычаемъ, занесеннымъ мусульманами изъ Мекки въ Іерусалимъ, — бросать камни на гробъ Авессалома, оказавшаго непослушаніе своему отцу Давиду; анонимный французскій паломникъ 1480 г. писалъ: encoires à present les Sarrazins Mores qui passent par là, gectent des pierres contre ledict sepulchre [2]). Но этотъ гробъ находится въ иномъ мѣстѣ, нежели домъ Давидовъ. Собственно бросаніе, быть можетъ, ведетъ начало изъ этого обычая; что же касается до камней, то для объясненія ихъ присутствія въ домѣ нужно имѣть въ виду, что крѣпость построена изъ камней, а также, быть можетъ, понадобится прибѣгнуть къ разсказу паломника XV в. Фабри: На Сіонѣ fuit oratorium David sive tabernaculum.... in medio pavimenti sunt duo lapides altrinsecus positi [3]). Но какъ бы то ни было, мы не находимъ нигдѣ легенды, подобной встрѣчаемой въ нашей повѣсти, и источникъ ея для насъ скрытъ. Описанное явленіе происходитъ въ продолженіе всего года, за

---

1) Премудрый Соломонъ, такъ тотъ отвѣчалъ царицѣ Южской, что если море переполнится, то воды потекутъ на небо: Пыпинъ, стр. 116.

2) Pélérinage, publ. par Ch. Schefer, въ Recueil de voyages et de documents pour servir à l'histoire de la géographie depuis le XIII-e jusqu'à la fin du XVI-e siècle. Paris 1882. II, 79. Cp. Tobler. Die Siloahquelle. S. 277—278.

3) Веселовскій. Разысканія, III—V, стр. 12.

исключеніемъ періода между Пасхой и праздникомъ Вознесенія, когда въ домѣ Давидовѣ все спокойно. Это проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на легенду. Загадочный «крыкъ и зыкъ» перестаетъ только тогда, когда Господь воскресъ изъ мертвыхъ, по преданію, сходилъ во адъ и тамъ освободилъ грѣшниковъ отъ вѣчнаго мученія, то-есть, другими словами, мы замѣчаемъ здѣсь нѣчто сходное съ описанною выше дирою въ селѣ Скудельничѣ, открывающеюся также между Пасхою и Вознесеніемъ, и камнемъ склитомъ: это, вѣроятно, одна легенда объ адѣ, но разбитая, или разныя легенды о немъ, отнесенныя къ разнымъ мѣстностямъ. Послѣднее сказаніе въ главѣ о домѣ Давидовѣ — о пономарѣ: будто онъ со времени Пасхи входитъ сюда старымъ, а возвращается молодымъ. Въ одномъ изъ малорусскихъ народныхъ разсказовъ встрѣчается очень любопытное указаніе на то, что въ «Дімѣ Давидівѣ» совершалось необыкновенное превращеніе одного возраста въ другой, изъ молодого въ старый. «До москаля того», говоритъ разсказъ,—«було пристало штирі жінки: отọ женися на котрі з нас.... Так до ёго взялись, што москаль той нікуди діться! вибрав собі ідну молодицю.... Та якась стара баба ёго навчила: не бери молодшої, а саму старіщу, за себе бери. То й була криниця, оно перекинулась бабою»[1]).

15.

Отъ дома Давидова повѣсть ведетъ насъ къ Саввиной «илаврѣ». Въ опредѣленіи ея топографическаго положенія авторъ путается: сначала онъ отожествляетъ ее съ лаврою св. Саввы Освященнаго, но затѣмъ, ставя ее по близости къ дому Давидову, очевидно, разумѣетъ подъ «илаврою» уже Саввину метохію, которая во времена игумена Даніила и крестоносцевъ находилась въ Іерусалимѣ въ в.-с.-востоку отъ дома Давидова, въ небольшомъ разстояніи отъ послѣдняго, по повѣсти, въ трехъ верстахъ, что̀, разумѣется, немыслимо. Разстояніе лавры отъ Іерусалима

1) Драгомановъ, стр. 99.

въ повѣсти указано невѣрно: 15 верстъ. Старецъ Климентъ и игуменъ Даніилъ считаютъ 12 верстъ[1]), сербскій анонимный паломникъ — 12 миль[2]), на самомъ же дѣлѣ разстояніе — 10 верстъ; по Гагарѣ — 8 поприщъ[3]); въ хожденіи Игнатія стоитъ цифра 50, но извѣстно, что переписчики часто смѣшивали н҃ съ і҃. Саввина Лавра, основанная въ VI вѣкѣ знаменитымъ подвижникомъ, въ короткое время наполнилась громаднымъ количествомъ братіи и въ первые вѣка была населеннѣйшею киновіей Востока. Въ житіи св. Саввы Кириллъ Скиѳопольскій говоритъ уже о 10.000 братіи[4]); разумѣется, это число относилось къ весьма многимъ обителямъ, начальникомъ которыхъ былъ св. Савва. Индѣ говорится, что Савва прибылъ въ Іерусалимъ съ 10.000 пустынныхъ отцовъ[5]). Въ XIV вѣкѣ паломникъ Игнатій сообщалъ, что въ лаврѣ было прежде 14.000 чернцовъ, и что кельи ихъ были видны и въ его время[6]); въ 1400 году въ лаврѣ насчитывалось 11.000 душъ[7]). Греѳеній пишетъ (стр. 35): «было калогиревъ 10 тысущь»; въ первой четверти XV в. Зосима насчитывалъ только 30 старцевъ[8]), а анонимный французскій паломникъ 1480 года напоминаетъ цифру Игнатія: y avoit durant le temps dudict sainct (Саввы) quatorze (mille) moynes[9]). Въ 1594 году Коробейниковъ слышалъ, что тамъ 250 иноковъ, но безъ отъѣзда живетъ только 80 человѣкъ[10]); въ греческой повѣсти Даміана

1) Бычковъ, I, 89; Прав. Пал. Сборн., III+IX, 53.

2) Прав. Пал. Сборн., XIV, 16; ср. греч. повѣсть, 1625 г., въ Севастьяновской рукописи № 523 f. 30 v.

3) Сахаровъ, II, 8, стр. 115.

4) Cyrilli Vita Sabae, ed. Pomialovsky, p. 316—317. Пал. Патерикъ, I, 85. Въ хронографѣ Импер. Общ. Люб. Древн. Письм. № 3773 (Q. CXCIV) цифра невелика (л. 431): «Сава пустынникъ собра 1000 мнихъ и 100».

5) Бычковъ, I, 297.

6) Прав. Пал. Сборн., XII, 21.

7) Цагарели. Памятники Грузинской старины въ Святой Землѣ и на Синаѣ: Прав. Пал. Сборн., X, 126.

8) Прав. Пал. Сборн., XXIV, 20.

9) Recueil de voyages. 1882, II, 88.

10) Прав. Пал. Сборн., XXVII, 99.

1625 г.— ἕως ρ′ [1]); въ 1638 г. Гагара говорилъ о 110 старцахъ [2]). Наша повѣсть, сохранившая древнѣйшія преданія, также говоритъ, что «въ немъ (? лаврѣ) 4.000 келей, а 10.000 братовь». Въ одномъ изъ списковъ «Хожденія Коробейникова» численность келій показана въ 4.010 [3]), а Даніилъ, митрополитъ Ефесскій, въ концѣ XV вѣка записалъ: τὰ κελλία τῶν ποτε ἐκεῖσε ἡσυχαστῶν μοναχῶν ἕως χιλιάδες τεσσαρεσκαίδεκα ὄντα, ὥς φασι. καὶ οἶμαι ὡς ἀληθὸς ὁ λόγος, πολλὰ γὰρ καὶ εἰσέτι καὶ εἰς πλῆθος ὁρᾶται ἄπειρον ὄντα [4]). «А всѣхъ келеи въ томъ монастыри 14 тысящь», говорится въ сказаніи о лаврѣ 1547 года. Община монастыря характеризуется всего одною фразою: «изъ одного студенца воду пьютъ, а хлѣбъ едятъ на одной трапезе». Въ указанной повѣсти 1552 г. есть кое-какое сходство съ этими словами: въ угорскомъ монастырѣ Зановѣ «есть кладязь, а въ немъ вода сладка, что грушевой квасъ подсыченъ; и тотъ квасъ вся братія пьютъ, а опричь того иныхъ квасовъ не пьютъ». Напротивъ, по сказанію Софронія, 1547 года, иноки пьютъ воду дождевую, а въ Саввиномъ источникѣ воды не много: въ ночь можетъ накопиться всего ведра два или три [5]). Въ этой лаврѣ, говоритъ наша повѣсть,—живетъ константинопольскій купецъ Стовахъ Челебинъ. Сначала онъ торговалъ въ Москвѣ, потомъ уѣхалъ въ Кафу и Царьградъ, гдѣ выкупалъ плѣнниковъ на свободу, по 50 человѣкъ ежедневно, и давалъ имъ свидѣтельства въ томъ, что они свободны. Но оставивъ свое занятіе, онъ въ праздникъ Крещенія Господня, 6-го января, крестился въ Саввиной лаврѣ отъ рукъ патріарха и митрополита, постригся и въ схимѣ былъ названъ Іоною. Этотъ купецъ — исторически засвидѣтельствованная личность, которая безъ нашей повѣсти никогда бы не обратила на себя особеннаго вниманія. Этотъ замѣчательный купецъ Стовахъ Челебинъ былъ,

1) Cod. graec. Sebast. (въ Рум. Муз.), № 523. f. 30 v.
2) Сахаровъ, II, 8, стр. 115.
3) Прав. Пал. Сборн., XXVII, 46.
4) Прав. Пал. Сборн., VIII, 21.
5) Сообщ. Прав. Пал. Общ., май 1886 года, стр. 105

безъ сомнѣнія, не кто другой, какъ Мустафа (въ «Словѣ» послѣ: емȣ, очевидно, пропущено еще: мȣ) Челебей, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись: «Мѣсяца марта (1558 года) пришелъ изъ Царя города отъ салтана турского купецъ его Мустаѳа Челебей, а привезъ двѣ грамоты отъ салтана къ царю и великому князю... Да писалъ салтанъ къ царю и великому князю, что отпустилъ Мустаѳу на себя потребная купити, и царь бы и великій князь не велѣлъ взяти и велѣлъ бы въ своихъ государствахъ торгъ ему дати. И Мустаѳа Челебей принесъ отъ себя къ царю и великому князю многіе дары· ихъ дѣтемъ царскимъ, царевичу Ивану и царевичу Ѳедору, бархаты и отласы дорогіе съ золотомъ и ковры шелковые съ золотомъ»[1]). Имя Челебей — не собственное; по словамъ венгерскаго паломника Гушти, оно означаетъ только: praefectus supremusque thesaurius Turcarum caesaris[2]). Такимъ образомъ, Мустафа явился въ Москву, принесъ царевичамъ отъ себя подарки и, надо полагать, торговалъ въ Москвѣ безпошлинно. Однако онъ жилъ здѣсь недолго: въ іюлѣ того же года, то-есть, черезъ пять мѣсяцевъ, стало извѣстно, что онъ покидаетъ русскую столицу и ѣдетъ вмѣстѣ съ новгородскимъ архидіакономъ Геннадіемъ и смоленскимъ купцемъ Василіемъ Позняковымъ въ Царьградъ: «доѣждати ему (Геннадію) съ Москвы съ гостемъ Мустохой Андрѣя (емъ?) и Якова (омъ?) къ Царюграду»[3]). Геннадій и Позняковъ прибыли въ Константинополь черезъ Литву, Валахію и Болгарію, минуя такимъ образомъ Крымскій полуостровъ. Если поѣздка Мустафы съ русскими посланцами состоялась, то онъ попалъ въ Кафу, или свернувъ съ пути, то-есть, идя чрезъ владѣнія крымскихъ Татаръ, чего не могли сдѣлать русскіе, или прибылъ сюда изъ Константинополя.

---

1) Русск. лѣт. по Никон. списку. С.-Пб. 1791. VII, 299—300=Татищевъ, стр. 478—479.

2) Georg. Huszthi. Descriptio peregrinationis 1538—1540: Starine. XIII. 4. 28.

3) Новгор. Лѣтописи, изд. Археогр. Комм. С.-Пб., 1879, стр. 90—91=Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. III, 159; ср. Прав. Пал. Сборн., XVIII, стр. III.

И Геннадій, и Позняковъ были люди очень набожные, и быть можетъ, послѣдующая перемѣна въ духовномъ мірѣ мусульманина не обошлась безъ участія русскихъ паломниковъ. Мы уже видѣли, что Крымъ и особенно Кафа въ XVI в. наполнялись плѣнниками, которые отсюда перевозились въ Константинополь. Положеніе невольниковъ въ Турціи было не особенно благопріятное, такъ какъ они служили здѣсь предметомъ торга и мѣны. Одна украинская дума слѣдующими словами характеризуетъ ихъ бытъ: «Турки, безбожнӣ янычане бѣдныхъ неволникӣвъ въ Цариградъ выпровождали...., бѣдными неволниками невластьма якъ кӣньми мѣняли, брали дорогіи сукна поставы не мѣрячи, сребро-золото не личачи. Отъ тодѣ-то бѣдны невольники въ тяжкій неволѣ плакали, рыдали, объ вѣрѣ христіанській гадали, землю турецьку проклинали»[1]). Освободителемъ этихъ плѣнниковъ въ Кафѣ и Константинополѣ и былъ Мустафа Челебей. Нужно было имѣть много чувства состраданія и быть человѣкомъ очень богатымъ, чтобъ ежедневно выкупать изъ неволи по 50 человѣкъ. Замѣчательный подвигъ мусульманина въ дѣлахъ милосердія и человѣколюбія, свидѣтельствующій о переломѣ въ духовномъ складѣ его жизни, продолжался не одинъ годъ, а до 6-го января неизвѣстнаго года. Затѣмъ онъ «пріиде въ страхъ Божій и отвержеся срацинскія вѣры и иде въ Іерусалимъ и крестися отъ патріарха»[2]). Оставивъ вѣру Магомета, онъ ушелъ въ лавру св. Саввы и здѣсь, принявъ крещеніе отъ Іерусалимскаго патріарха Софронія, провелъ остатокъ дней своихъ въ схимѣ подъ именемъ инока Іоны. Повѣсть наша какъ бы намѣренно останавливается на фактѣ благотворенія и съ особенною любовію отмѣчаетъ дѣятельность турецкаго купца. Не забудемъ, что самъ Сергій находился въ плѣну въ Кафѣ, и теплый разсказъ повѣсти о Мустафѣ невольно наводитъ на мысль: не былъ

1) Изв. Имп. Акад. Наукъ. III, 282; ср. Антоновичъ и Драгомановъ. I, 91, 94.

2) Прологъ, 26-го ноября, синод. изд. 1877 г., л. 206=Веселовскій. Амфилогъ — Evalach: Ж. М. Н. Пр. 1889. IV.

ли этотъ старецъ Сергій выкупленъ изъ плѣна Стовахомъ Челебинымъ? Если бы такая догадка не стояла въ противорѣчіи съ вышеизложенными соображеніями, нуждающимися, впрочемъ, въ лучшемъ обоснованіи, то она могла бы подкупить своею вѣроятностью: пришлось бы только плѣнъ Сергія отнести къ болѣе раннему времени и допустить, что Мустафа прибылъ въ Іерусалимъ ранѣе освобожденнаго имъ Сергія.

16.

Заключительный разсказъ нашей повѣсти—о Египтѣ—едва ли входилъ въ ея первоначальный составъ, такъ какъ онъ почти въ дословномъ видѣ приписывается лицамъ болѣе старшимъ по времени, нежели путешествіе старца Сергія. Кромѣ того, и употребленіе нѣкоторыхъ терминовъ (напримѣръ: поприще) здѣсь иное, нежели въ основномъ текстѣ, гдѣ употребляется исключительно слово: верста. Въ паломнической литературѣ приписываніе статьи одного автора другому — не рѣдкость: Стефану Новгородцу приписано хожденіе по Іерусалиму игумена Даніила, Коробейникову присвоено хожденіе Познякова и много другихъ отдѣльныхъ путниковъ и сказаній другихъ авторовъ. Приводимъ извѣстныя намъ сказанія о Египтѣ, которыя иногда исправляютъ и дополняютъ текстъ нашей повѣсти. Въ XVI в. существовало мнѣніе, что во времена Амасиса въ Египтѣ считалось 20.000 городовъ, и что въ Марокко, во времена князя Гала, сына Іосифова, было болѣе 100.000 домовъ[1]). Старое преданіе впослѣдствіи пріурочено было къ городу Египту, то-есть, къ одному Каиру. Нашъ паломникъ 1466 года, купецъ Василій, разсказываетъ о Каирѣ такъ: «Египетъ градъ вельми великъ, а въ немъ 14 тысящь улицъ, да во всякой улицѣ по двоа врата и по двѣ стрѣльницы, да по два стража, которыа зажигаютъ масло на свѣщницѣ, да въ иныхъ улицахъ домовъ по 15 тысячь, а въ иныхъ улицахъ до 18

1) Ger. Mercator, p. 573. 576; Космографія, стр. 331.

тысящъ дворовъ, да на всякой улицѣ по торгу по великому, а улица съ улицей не знается, опроче великихъ людей»[1]). Другой русскій человѣкъ, «казначей великаго князя», Михайло Гирѣевъ, пишетъ слѣдующее (по рукописи не позже XVI вѣка): «Египетъ великій градъ, 14 мезгитей въ немъ, а у мѣзгити по сту столповъ каменныхъ, а на столпъ возлазять до ста человѣкъ и до 50, и вшедше на столпъ кличють. Да въ немъже 14 тысячъ кермесараевъ, а комаръ въ кермосараи много — до 300 гостей становятся. Да въ немъже 44 тысящь улицъ, а въ улицѣ по 10 тысящь дворовъ и бань 14 тысящь; а дворъ салтановъ, рекше царевъ, съ Москву нашу съ Кремль. А царя не видаетъ никто, а алафу даютъ на царевѣ дворѣ мѣлкимь людемь на всякъ день: конюхомъ, поваромъ, хлѣбникомъ, помѣсомъ, истобникомъ, на 14 тысящи человѣкъ. А станетъ за Ерусалимомъ 15 дней ехати; а рѣка подъ нимъ Нилъ, а течетъ изъ рая, яже глаголется Гіонъ. А за Египтомъ людей живущихъ нѣтъ; а до Махметева гроба отъ Египта 50 день ити, пустымъ мѣстомъ брести на верьблудѣхъ; только небо да земля, а лѣсу нѣтъ. А сказывалъ се великаго князя казначей Михайло Гирѣевъ: былъ, скажеть, въ томъ градѣ Египтѣ сорокъ дней»[2]). Подобная же повѣсть приписана была и синайскому иноку Григорію, который разсказывалъ ее будто бы царю Ивану Васильевичу въ 1547 году, въ иныхъ спискахъ прибавляется еще: 27-го февраля[3]). Левъ Африканъ и французскій путешественникъ половины XVI вѣка Белонъ писали о Каирѣ (въ изложеніи Стефана): Suburbia multa continet, quorum quaedam 3, alia 12 millia domorum habent, urbem autem ipsam 30 millia aedium habere tradunt[4]). Въ Погодинскомъ собраніи рукописей есть также сказаніе, сходное съ разсказомъ Гирѣева, иногда исправляющее и дополняющее его повѣсть.

1) Прав. Пал. Сборн., VI, 8.

2) Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общ. 1853 г., VII, 8, стр. 42.

3) См. Хронографъ Имп. Публ. Библ. F. XVII. № 17, л. 260 (любопытный между прочимъ по собственноручнымъ замѣткамъ Арсенія Суханова); ср. Бычковъ, I, 88.

4) Car. Stephanus. Dictionarium, rec. Lloydius, p. 220.

Наконецъ, то же сказаніе приписывается еще одному автору — нашему старцу Сергію, которому писецъ усвоилъ его, не зная ничего о пребываніи инока въ Египтѣ и желая все-таки отмѣтить его поѣздку въ эту страну. Намъ остается только сдѣлать нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній по поводу сказанія о Египтѣ. Во всѣхъ болѣе раннихъ пересказахъ читается: Нилъ рѣка, а у насъ: Нимъюръ рѣка. Несомнѣнно, это слово испорчено, явившись, быть можетъ, изъ непониманія стараго преданія сербской «Александріи», гдѣ разсказывается, что Александръ Македонскій умеръ «близу Еюпта, на *Меюричю* сирскомъ, на рици Нили» [1]), или: «въ земли *Мюгюрѣціи* сирсціи», чтó соотвѣтствуетъ греческому тексту: εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας [2]). Въ русскихъ спискахъ «Александріи» это мѣсто измѣнено: «на поли виталстемъ», или совсѣмъ пропущено [3]). О кабакахъ въ другихъ пересказахъ не говорится: многолюдные «кермесаи» (караванъ-сараи, гостиные дворы) переведены авторомъ посредствомъ слова: кабаки. Въ разсказѣ Гирѣева читается: алафу даютъ, у насъ: «въ Кавѹ», чтó значитъ: «въ Кафу», такъ какъ и въ началѣ памятника писецъ при упоминаніи этого города писалъ сначала: «Кава», но потомъ исправлялъ на: «Кафа»,—здѣсь же позабылъ этого сдѣлать. Чтеніе Гирѣева, конечно, болѣе правильно.

---

1) Jagić. Ogledi: Starine. III, 328.

2) Веселовскій. Къ вопросу объ источникахъ Сербской Александріи: Ж. М. Н. Пр. 1884, сент., стр. 73; его же: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ: тамъ же, 1885, май, стр. 167; его же: Изъ исторіи романа и повѣсти. С.-Пб. 1886. I, 433 и 63 въ приложеніи, и пр. Мюгюрѣци = Междурѣчіе, Месопотамія; но послѣдняя слишкомъ далеко отъ Нила, равно какъ и сербскій городъ, упомянутый Константиномъ Багрянороднымъ (De. adm. imp. c. 32), Μεγυρέτους.

3) Имп. Публ. Библ. Q. XV, № 31, л. 139 об.; «Александрія», 1887, л. 248.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LI, № 3.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

БЫТА И ЯЗЫКА РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ
П. В. ШЕЙНОМЪ.

ТОМЪ I, ЧАСТЬ II.

БЫТОВАЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ БѢЛОРУССА ВЪ ОБРЯДАХЪ И ПѢСНЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
8 1890.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1890 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Обряды свадебные.

8 I

Дополненія къ предыдущимъ описаніямъ:

А.

Б.

III.

IV.

V.

VI.

VII.

VIII.

[1]) Въ текстѣ этотъ №, по недосмотру, не выставленъ.

XII.

Той же губ., Бобруйскаго уѣзда, д. Михалёвъ .... 252—275

[1]) № 43 пропущенъ.

---

[1]) Ошибочно напечатано 229.

XXI.

Той же губ. Порѣчскаго уѣзда, с. Рипшево.

XXIII.

XXIV.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
3	9 св.	Велешновской	Велешковской
18	10 св.	не заплетаетъ	не заплетаютъ
20	19 св.	Дарўю	Дару́ю
22	7 св.	оцецъ и маця	оцецъ и маци
9	10 св.	сажаютъ и	сажаютъ ее
8	16 —	Мучичицы	Мучицы
16	14 св.	прыми поп	прыми моп
23	10 сн.	писпчки	пспчки
25	3 —	Теща	Цеща
26	12 св.	стѣни	сцѣни
29	10 —	свадьбу	с̆вадзьбу
31	5 сн.	Скрыпю	Ўскрыню
32	1 св.	послѣ «коровай» пропущено:	, состоящій изъ большого пирога, говядины, баранокъ и пряниковъ.
38	11 сн.	Абаратычка	А баранычка
—	7 сн.	Матруньи	Матрунки
35	10 св.	Катнка	Катанка
—	13 сн.	ціпло	циило
51	15 св.	Ленъ, ленъ, ленъ	Лёнъ, лёнъ, лёнъ
58	15 сн.	Невестѣ	Невѣстѣ
70	2 сн.	однаму	одному
—	3 сн.	Зыбнўла мора, зыбнўла	Зыбну́ла мора, зыбну́ла
85	6 —	Зъ барозовой	Зъ бярозовой
76	18 св.	дальняе	дальніе
93	14 св.	Хороямъ	хоромъ
—	7 сн.	тесьцянки	цѭсьцянки
99	15 св.	пдзѩць	пдзѭць
—	2 сн.	Покацилп	покацила
100	6 сн.	сусѣдзы	сусѣдзи
108	8 св.	Цяцѭръ	Цяпѭръ
109	12 сн.	мядку	мядо́чку
111	6 сн.	нэ	не

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
111	4 сн.	Да гуляй, гуляй щука-рыбочка	Да гуляй, гуляй, щука-рыбочка
118	16 св.	Когда же они подъѣхали	Когда же они подъѣдутъ
121	6 сн.	Зъ циха бояре ходзицк	Зъ циха, бояре, ходзицк.
125	17 св.	Какъ	Кабъ
126	1 св.	Перезоу	Перезоў
131	4 сн.	запраси	запроси
144	15 сн.	уплатаньне	уплятаньне
157	17 св.	на вяселье	на вясёлое
158	13 сн.	рабици	робици
163	11 св.	въ домѣ его родителей.	въ домѣ своихъ родителей
171	1 —	вкиснитъ	скиснетъ
184	8 сн.	Ты-жь поѣдзешъ мой брахонько у людзи	Ты-жь поѣдзешь, мой брахонько, ў людзи
188	9 сн.	надумаецця	надумаецца
189	14 —	зъ нею	зъ ею
190	13 сн.	тры раза	тры разы́
191	13 св.	зо своей	со своей
—	12 сн.	ѣдзкць	ѣдзець
192	5 —	перелѣзкць	перелѣзець
—	13 —	молодой	къ молодой
—	14 —	сза	зза
198	5 св.	бацько	бацька
200	1 св.	благословицк	благословице
			№ 1 выпущенъ по недосмотру.
208	18 св.	бацюкна	бацюхна
—	6 сн.	бацюкно	бацюхна
209	8 сн.	прями	прими
213	8 св.	свае	свое
—	15 сн.	ничагу́синки	ничогусинки
214	1 —	у шелковумъ	ў шоўковумъ
215	8 св.	нашъ маршалокъ горда пышны	нашъ маршалокъ горды, пышны
222 надъ	12 св.	пропущена цифра	2
—	11 сн.	Поѣзждай сужонко	Поѣжджай, сужонко,
—	3 сн.	напрадъ пана Богъ	напродъ пана Бога
224	15 сн.	Мусяла	Мусила
230	6 сн.	(Мать только	Мать (только
—	16 —	у столу	ў столу
231	5 сн.	такихъ	такижъ
236	8 св.	внѣдання	снѣданнл
—	3 сн.	драбнюсенькій	дробнюсенькій
238	8 сн.	украю	Украю

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
241	5 св.	И гдѣ	И гдзѣ
250	8 сн.	Альбы	Альбо
251	17 —	уле́цьцѣли	улецѣли
259	5 сн.	Зъ Могалёва	Зъ Могилёва
260	1 св.	Зтаканчиваются	Заканчиваются.
262	6 св.	Нѣтъ табѣ боярынъ сороми	Нѣтъ табѣ, боярынъ, сорома
270	7 св.	бяжыть	бяжыць
—	15 св.	свекровъ	свекровь
272	1 св.	вязлиця	вялиця
275	7 сн.	зельпи	зельли
277	4 св.	У нядзельку	Ў нядзѣльку
—	11 св.	идзю	идзе
—	14 сн.	У нядзельку ранёсенько	Ў нядзѣльку ранюсенько
281	8 сн.	суровещечка	суровешечка
282	2 св.	Ў нядзельку	Ў нядзѣльку
—	11 сн.	Тыкъ	Дыкъ
283	4 св.	на стиянцѣ	на ста́янцѣ
287	7 сн.	саду	сяду
300	17 св.	Богослови Божа!	Богослови, Божа!
—	9 сн.	Злитайцяся соколы	Злитайцяся, соколы
308	— —	Ну-те жонка, корогодъ	Ну-це, жонки, ў корогодъ
313	— —	Ни ля́скай дру́жку канчукомъ	Ни ляскай, дру́жку, канчукомъ
318	8 св.	наша	каша
—	9 —	наша	каша
321	5 св.	Сидзять	Сидзяць
—	6 —	частовати	частоваци
—	8 —	сунимати	сунпматци
326	4 —	сватайки	сватцяйки
—	6 сн.	они	онѣ
342	20 св.	наишевъ	найшевъ
341	2 —	умыцца	умыться
—	5 —	утерется	утереться
—	16 —	идите́	идитё
349	17 сн.	Заполляй	Запаляй
372	2 св.	ни менѣ	на менѣ
380	10 св.	Да поѣдзешь Трохимка женицися	Да поѣдзешь, Трохимка, женицися
381	9 св.	Чаму Мариська	Чаму, Мариська,
—	6 сн.	Красна Мариська до церкаўки	Красна Мариська, до церкоўки
389	16 св.	братцы	братцы
392	10 св.	разрушиць	разрушаць
397	7 сн.	селезеньки	селезенька

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
406	16 сн.	Красныя дзѣўшки на думахъ лежиць	Красная дзѣўшка на думахъ лежиць
407	6 св.	Какъ въ Кремлѣ славномъ городѣ	Какъ въ Кремлѣ, слаўномъ городзѣ
409	9 сн.	солоуемъ	солоўёмъ
411	7 сн.	зеленаго	зелёнаго
—	8 —	цемнаго	цёмнаго
429	14 сн.	давятся	дзи́вятся
432	5 св.	радзенёкъ	радзе́некъ
462	7 сн.	коники	коника
465	2 сн.	нередко	нерѣдко
466	1 св.	не одною во	не одною, во
476	9 св.	входитъ	входзиць
—	11 —	ѣдзиць	ѣдзець
545	12 сн.	Того же	Гродненскаго
—	11 сн.	б) Лашинской волости	Лошинскаго прихода
546	8 сн.	самя	сама
553	3 св.	ктовъ	кто въ
573	3 св.	«По	По
576	5 сн.	селеніяхъ	въ селеніяхъ
585	11 св.	что,	что́
—	— —	что	что́
591	7 св.	вѣнѣ	вѣкѣ
594	2 сн.	основанію	принципу
—	1 —	которое	который
598	14 св.	посуднуютъ	полуднуютъ.
608	15 св.	Дядовъ	Дѣдовъ.
670	1 св.	обряды погребальн.	обряды поминальн.
612	16 св.	Нотовымъ	Поповымъ
—	6 св.	Кто	Хто
—	17 сн.	не родному	неродному
636	2 св.	о при смотрѣ	о присмотрѣ
638	6 св.	Кто	Хто
639	9 св.	со́ха	соха́
640	7 св.	цебѣ	цебе
654	8 сн.	повыповзуюць	повыповзаюць
656	10 св.	маленикое	маленькое
675	10 сн.	моя-жь ты матуличка?	Моя-жь ты, матулечка!
684	11 сн.	И. А. Карскимъ	И. О. Карскимъ
688	6 св.	У ўсимъ	Усимъ
689	12 св.	А мой татуличка не коня будить	А мой татуличка не будить
697	14 св.	ныдругаицца	ныдругаицца
—	16 сн.	А мой же ты гыспыдаречик4!	А мой жа ты гыспыдаречикъ!

1.0

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБРЯДЫ СВАДЕБНЫЕ.

ОБРЯДЫ СВАДЕБНЫЕ.

I.

Витебск. губ. и уѣзда, Королевской волости.

Свадьбы у крестьянъ въ Королевской волости, Витебскаго уѣзда, бываютъ исключительно осенью и зимою: отъ Покрова до заговенья — *большая свадзебница* и отъ Крещенія до Великаго поста — *малая свадзебница*. Въ прежнее, дореформенное время существовало у нихъ обыкновеніе для закрѣпленія брачнымъ союзомъ намѣченную для сына жену, а для себя работницу, сперва совершать обрядъ церковнаго вѣнчанія, и затѣмъ уже, спустя недѣлю, двѣ и больше, играть самую свадьбу (весельле) *по спраўкѣ*, т. е. по завѣщаннымъ преданіемъ обычаямъ. Изъ подъ вѣнца невѣста отправлялась обратно въ домъ своихъ родителей и жила тамъ до свадьбы, и иногда только, и то въ крайнемъ случаѣ, переходила въ домъ жениха, если тамъ нуждались въ работницѣ. Во весь промежутокъ этого времени молодая считалась дѣвушкой, такъ что если она умирала до свадьбы, то ее хоронили какъ дѣвицу, т. е. въ косахъ и безъ платка на головѣ. Любовь у нашихъ крестьянъ при женитбѣ не играетъ почти никакой роли, богатство невѣсты тоже, такъ какъ она ни въ какомъ случаѣ, кромѣ платья, никакого приданаго не приноситъ, поэтому стараются выбрать только здоровую и хорошую работницу.

Задумавъ женить сына, родители отправляютъ одного или двухъ избранныхъ ими сватовъ, съ указаніемъ нѣсколько хатъ, въ которыя они должны зайти, чтобы узнать, гдѣ согласны отдать имъ въ домъ дѣвку. Сваты обыкновенно отправляются туда вечеромъ,

но водки съ собой на этотъ разъ не берутъ и ихъ тамъ также ничѣмъ не угощаютъ. Узнавши, гдѣ можно высватать дѣвку, сваты сообщаютъ объ этомъ родителямъ жениха — и тогда уже, на другой или третій день, отецъ съ женихомъ и сватами отправляются туда съ водкой, въ какое время дня имъ заблагоразсудится. Въ домѣ же невѣсты непремѣнно приготовляютъ имъ яичницу, такъ что говорятъ: дзѣўка ужо *засватана* или *запѣдзина яѣшней*. Тутъ и назначается день свадьбы и количество ведеръ водки, которое женихъ долженъ привезти въ домъ невѣсты, такъ что свадьба дороже обходится жениху, чѣмъ невѣстѣ; кромѣ того женихъ долженъ платить священнику за вѣнецъ, *годзиць куницу.* Эту обязанность исполняютъ сваты, причемъ они должны непремѣнно поднести матушкѣ-попадьѣ пѣтуха. По существовавшему въ недалекомъ прошломъ обычаю невѣста послѣ засватанія ходила съ распущенными волосами и въ вѣнкѣ; теперь этого нѣтъ. Вѣнокъ прежде дѣлался изъ краснаго кумача, вышиною въ четверть аршина, и внизу обшивался галуномъ; онъ надѣвался на самые глаза, поверхъ же вѣнка повязывался красный шелковый платокъ. Такой *вянокъ* совсѣмъ безобразилъ самую красивую невѣсту. Сзади вѣнка прицѣплялись ленты, число которыхъ должно было быть нечетное. Теперь же вѣнокъ большею частію замѣнили цвѣты. Платье къ вѣнцу надѣвается какое угодно—только не изъ лучшихъ, потому что, при постоянныхъ поклонахъ въ ноги всѣмъ присутствующимъ и даже встрѣчнымъ, оно совершенно загрязняется. Кланяться же приходится невѣстѣ, гдѣ ни попало, на улицѣ, часто даже среди грязи. Поклоны свои невѣста начинаетъ сейчасъ послѣ засватанія: при встрѣчѣ съ старшими и вообще почтенными лицами она должна поклониться три раза, равнымъ же и младшимъ по одному разу,— два же раза поклониться никому не полагается. Женихъ послѣ засватанія тоже *кланяется*, но только самымъ близкимъ родственникамъ, а во время самой свадьбы, въ теченіе трехъ дней,— всѣмъ встрѣчнымъ, даже жиду въ корчмѣ. За нѣсколько дней до свадьбы какъ у жениха, такъ и ў невѣсты начинается печеніе хлѣба и вареніе разныхъ мясъ; зарѣзываютъ нѣсколько овецъ,

свинью, ноги и головы которыхъ варятъ на *сьцюдзинь* (студень — холодное); мяса съ капустой или въ видѣ жаркого бѣлорусъ не знаетъ; сладкихъ блюдъ у него тоже никакихъ нѣтъ, десертъ состоитъ изъ сладкаго молока. Если у хозяина есть медъ, то подаютъ его, но въ очень маломъ количествѣ, только для самыхъ важныхъ гостей, какъ напр. для священника и причта. Самое главное на свадьбѣ — водка; на богатыхъ свадьбахъ ее выпиваютъ болѣе 30 ведеръ, на сумму 150 рублей.

Въ Велешновской волости, Витебскаго уѣзда, на-канунѣ свадьбы невѣста зазываетъ къ себѣ въ домъ своихъ подругъ для печенія *коровая*. Коровай дѣлается такимъ образомъ: берутся рогульки, большею частію отъ яблони, ихъ обматываютъ тѣстомъ изъ пшеничной муки и сажаютъ въ печь. Эти рогульки везутся и въ церковь, каждая *свацьця* держитъ нѣсколько штукъ ихъ въ рукахъ. Вернувшись домой, невѣста подноситъ каждому гостю по куску коровая, а ей за это дарятъ деньги. Въ Королевской волости [1]) никакого коровая не пекутъ. Утромъ въ день свадьбы, невѣста изъ своего дома, а женихъ изъ своего отправляются въ церковь. У обоихъ *сваты* и *свацьци* должны быть выбраны изъ среды старшихъ родственниковъ. Кромѣ того при невѣстѣ безотлучно находится одна изъ дѣвушекъ — старшая боярка, при женихѣ — молодой человѣкъ, хотя и женатый, *панибрацьця*. Передъ выѣздомъ въ церковь, при благословеніи, невѣста, кланяясь въ ноги отцу и матери, должна *выть*, причитывая въ родѣ слѣдующаго: «прощай моя мамулинька, прощай моя ро̀днинькая, на кого-жъ я цибе покину, хто жъ будзиць цибе обмывацъ, обшивацъ» и т. д. Если невѣста сирота, то она кланяется и воетъ передъ образами, взывая къ умершимъ родителямъ: зачѣмъ они ее покинули. Въ церкви, во время вѣнчанія, около невѣсты стоитъ старшая боярка, около жениха *панибрацьця*, вѣнцы же носятъ сваты. Сейчасъ же послѣ выхода изъ церкви *свацьци* должны пѣть, а *музыканты ў скрыпки играць*. Прямо изъ церкви свадебный поѣздъ отправляется съ пѣснями и

---

[1] Сосѣдней съ Велешновскою.

музыкой въ ближайшую корчму и разсаживается тамъ за столъ: невѣста садится рядомъ съ женихомъ, остальные гости — какъ попало.

Свацьци вынимаютъ привезенныя закуски: блины, куски вареной баранины, пшенные пироги, достаютъ водку и всѣ завтракаютъ, молодежъ же въ это время танцуетъ, но ничѣмъ не угощается. Вообще какъ дѣвокъ, такъ и молодыхъ *мальцевъ* на свадьбахъ едва разъ когда нибудь покормятъ, старшихъ же гостей безпрестанно угощаютъ. Такъ какъ на свадьбахъ только званыхъ и то почтенныхъ гостей угощаютъ, на крестинахъ же угощаютъ и того, кто даже случайно на нихъ попадетъ, то и сложилась поговорка: *на хрезьбины ходзюць съ брюхомъ, а на свадьбу съ глызáми*. Пробывъ въ корчмѣ часа два, женихъ отправляется съ своими гостьми въ свой домъ, а невѣста въ свой. Въ домѣ жениха, какъ только увидятъ приближеніе поѣзда, мать надѣваетъ на изнанку бараній тулупъ, беретъ въ руки ковригу хлѣба съ солью, отецъ образъ, а кто нибудь изъ гостей набираетъ въ полу своей свитки разнаго рода зерна и такъ выходятъ передъ двери. Молодой слѣзаетъ съ телѣги, кланяется отцу, матери и всѣмъ присутствующимъ. Въ это время его обсыпаютъ зерномъ, стоящіе же кругомъ *свацьци* поютъ слѣдующую пѣсню:

1.

Быстрыя рѣчинька воўной бьецъ,
Мамухна Настульку зъ виньца ждзецъ.
И ў ворóцикыхъ стрѣкаицъ,
И у іе праўдыньки пытаицъ:
«Ци звонка звоны́ звинѣли?
«Ци ярко свѣчи горѣли?
«Ци громко попы спивали,
«Якъ васъ молодыхъ виньчали?»
— Ай громка звоны звинѣли,
— Ай ярко свѣчи горѣли,
— Ай громко попы спивали,
— Якъ насъ молодыхъ виньчали.

Пропѣвъ эту пѣсню, входятъ въ хату и тутъ уже до самаго обѣда никакихъ свадебныхъ пѣсенъ пѣть не полагается: можно играть,

танцовать, пѣть разные припѣвки, но ничуть не свадебныя. За обѣдъ тоже садятся безъ пѣсенъ; женихъ садится подъ образами въ углу, по правую его сторону крестная мать, по лѣвую *панибрацьця*, дальше крестный отецъ и сваты, около крестной матери — *свацьци*. Сперва подается *сцюдзюнь* (холодное), послѣ какой нибудь кислый супъ, дальше — прѣсный, на четвертое же блюдо должно быть непремѣнно такъ называемое *кореньня*, — брюква и морковь, вареныя съ мясомъ или молокомъ. Само собою разумѣется, что послѣ всякаго блюда — водка. Какъ только *кореньня* появятся на столъ, входитъ хозяйка съ двумя пирогами въ рукахъ; ударяя пирогъ объ пирогъ, она кланяется низко на всѣ стороны и приговариваетъ: *Ци нима промижъ васъ госьцики пощенныи кого нибуць свадзьбу намъ почаци?* На это обыкновенно вызывается какой нибудь ловкій молодецъ изъ гостей или изъ постороннихъ зрителей: *я почну! я почну!* Онъ влѣзаетъ на печку за столбъ, который поддерживаетъ полати, и, обхвативъ его руками, держитъ слѣдующую рѣчь:

2.

«Домъ священный, пиръ вясёлый!
Ёсьць ў дому священнымъ, ў пиру вяселымъ
Оцецъ и маци, сестры и брацци,
Стары ба́бки, малыи рыбя́тки,
Вицы, повицы, красныи дзявицы.
Ёсьць и тыи бобылки,
Што ни маюць ни коня, ни кобылки,
На сибѣ хво́рыстъ носюць,
У Бога щасьцця просюць.
Кого конь привёзъ,
Кого Богъ принёсъ,
Кого мамка принисла́,
Кого кобылка привизла́,
Усихъ Богъ прилучіў,
На етый часъ пристановіў.

Обращаясь къ жениху:

Панъ тыснецкій,
Сынъ оцецкій,
Сядзишъ за столомъ,
Якъ соколъ подъ кустомъ,
Табѣ медъ вино ня пъецца,
А мнѣ и воды ня даецца:
У мяне стаў языкъ якъ тросьць,
Зубы якъ косьць,
Горло якъ суконная бёрдо.

При этомъ хозяйка подноситъ ему рюмку водки, онъ выпиваетъ, кланяется на всѣ стороны и говоритъ:

«Благословиця молодому князю пиръ почаци».

Всѣ присутствующіе низко кланяются жениху, потомъ говорившему, который выпиваетъ еще рюмку водки, получаетъ два пирога и сходитъ съ печки. Въ это время музыканты ударяютъ въ смычки, а *свацци* заводятъ слѣдующую пѣсню:

3.

Ай мѣсяць сына жениць,
Зорка дочку замужъ даець,
Ай мѣсяцъ ў радысьци, —
Зоринька ў жа́лысьци.
— Ай свёкырка сына жениць,
Ай цёщынька дочку за мужъ даець,
Ай свёкырка ў радысьци,
Ай цёщынька дый ў жа́лысьци.

Съ этого момента свадьба считается начатою, и одна пѣсня свадебная слѣдуетъ за другою. Между тѣмъ за *кореньнями* на столъ подается каша: женихъ съ *панибрацьцимъ*, взявши въ ротъ по одной ложкѣ, выходятъ изъ за стола, забираютъ съ собой боченокъ водки, узелъ съ пряниками, баранками и конфектами, садятся на телѣгу и отправляются на *пирапой* въ домъ невѣсты. Тамъ между тѣмъ свадьба шла точно такимъ же порядкомъ: тѣ же са-

мыя пѣсни, тѣже церемоніи, только что за столомъ около невѣсты вмѣсто *панибрацьця* сидѣла старшая боярка. Какъ только присутствующіе увидятъ приближеніе жениха на *пирапой*, невѣста садится за столъ, а кругомъ ея боярки. Женихъ съ *панибрацьцимъ* входятъ, наливаютъ въ миску водки и, обходя кругомъ стола всѣхъ боярокъ, подносятъ каждой изъ нихъ по ложкѣ водки, по прянику или конфеткѣ; старшая боярка кромѣ того получаетъ отъ нихъ мелкую монету, а сама невѣста цѣлый узелъ разныхъ сластей. Надѣливши такимъ образомъ всѣхъ боярокъ, *панибрацьця* угощаетъ остальной водкой всѣхъ присутствующихъ уже изъ рюмки, женихъ же влѣзаетъ на лавку и позади боярокъ старается добраться къ невѣстѣ; боярки не пускаютъ, хватаютъ его за руки, за ноги, — визгъ, хохотъ; женихъ отбивается, наконецъ онъ добирается таки до невѣсты, беретъ ее за руку и по лавкѣ выводитъ изъ за стола. Тутъ ихъ уводятъ въ другую хату или клѣть и тамъ угощаютъ лучшими кушаньями. Послѣ *пирапоя*, женихъ съ *панибрацьцами* отправляется обратно домой, но не надолго, только покормятъ лошадей и опять собираютъ *поѣздъ* уже за невѣстой. Это происходитъ обыкновенно часу во второмъ ночи. Передъ выѣздомъ садятся еще разъ за столъ, пьютъ, закусываютъ, послѣ чего женихъ *благословляется* у отца и матери. Пока онъ кланяется, *свацьци*, стоящія кругомъ него, даютъ ему наставленія, какъ онъ долженъ обращаться съ женою: «любиць ды ни баловаць, воли много ни даваць, кыбъ старшихъ слухала, свекра съ свякровый поважала и т. д.» За невѣстой отправляются сваты, *свацьци* и *панибрацьця*, но непремѣнно нечетнымъ числомъ 7, 9 или 11 человѣкъ на нѣсколькихъ парахъ колесъ. У невѣсты послѣ перепоя идутъ безпрерывные танцы. Самые любимые танцы бѣлорусовъ *мяцилица* и *закаблука*. *Мяцилица* танцуется такимъ образомъ: двѣ женщины, или мущина и женщина, берутся подъ руки и кружатся сперва въ одну, потомъ въ другую сторону, что есть мочи, при чемъ поютъ разные *припѣуки*. Иногда мяцелицу танцуютъ и втроемъ. Въ *закаблукѣ* становятся пара за парой,

сколько угодно: сперва ходятъ, послѣ вертятся въ родѣ вальса, потомъ опять ходятъ. Кромѣ того танцуютъ козака, русскую, которая называется *барыней* и *подушечкою*. Танцами занимаются преимущественно женщины и даже самыя старыя, мущины же танцуютъ очень мало и то только молодые мальцы. Какъ только женихъ пріѣдетъ за невѣстой, всѣ дѣвушки выходятъ вонъ изъ хаты. Невѣсту ведутъ въ клѣть, сажаютъ на хлѣбную *дзѣжку* (квашню), покрытую бараньимъ тулупомъ, и подводятъ къ ней какого нибудь маленькаго мальчика изъ ея братьевъ или родственниковъ, такъ называемаго *подкосьника*. Тотъ долженъ сплесть ей распущенные волосы въ двѣ косы, за что и получаетъ отъ *панибрацьця* мелкую монету. Какъ только косы заплетены, невѣсту ведутъ опять въ хату. Здѣсь сваты жениха берутъ ее за руки, а *свацьци*—за руки жениха, и по нѣсколько разъ наталкиваютъ ихъ другъ къ другу, читая при этомъ опять разныя наставленія, такъ напр. сватъ говоритъ жениху: «даси ей мучичицы — спросишъ хлѣбца, даси крупицы—спросишъ кашки, даси лянку́—спросишъ рубашку, даси воўны — спросишъ рукавицы, — а колижъ ня будзець, дыкъ мокрымъ гу́жымъ, кыбъ почытала ро́днымъ мужымъ». Наконецъ кладутъ руку невѣсты въ руку жениха и ведутъ ихъ обоихъ за столъ. Церемонія эта называется *злучаць жыниха зъ нивѣстый*. За столомъ женихъ угощаетъ всѣхъ своей водкой, закусываютъ же закусками хозяина. Послѣ закуски невѣста *благословляется* у отца и матери, опять воетъ и наконецъ усаживается съ женихомъ и *панибрацьцями* на однѣ *колёсы*[1]), на другія колесы ставятъ ея кубелъ съ вещами и узелъ съ закусками, между которыми непремѣнно долженъ быть сыръ и тотъ хлѣбъ, которымъ благословляли невѣсту *съ пыдъ винца*. Поѣздъ съ пѣснями и музыкой уѣзжаетъ. Въ слѣдъ за ними отправляется нѣсколько молодыхъ *вичерниковъ*. Этимъ послѣднимъ дается водка и непремѣнно зажаренный пѣтухъ, такъ какъ они должны, пока доѣдутъ до дома невѣсты, 7 разъ остановиться и закусывать. Такимъ образомъ они пріѣзжаютъ гораздо позже невѣсты, и обыкновенно до того ужь пьяны,

1) Т. е. телѣгу.

что сейчасъ же гдѣ нибудь завалются и засыпаютъ. Цѣль ихъ поѣздки: освѣдомиться, благополучно-ли невѣста прибыла въ домъ жениха? Привезенную невѣсту встрѣчаютъ съ образомъ отецъ и мать и сейчасъ же съ пѣснями уводятъ спать въ клѣть, и всѣ гости укладываются, гдѣ попало, уснуть часокъ. Поутру *свацьци* отправляются въ клѣть *поднимаць мылодыхъ* и свидѣтельствовать невѣсту. Если она окажется *честною*, то всѣ *свацьци* выскакиваютъ на дворъ, скачутъ, бьютъ въ ладони и поютъ разныя непечатныя пѣсни, послѣ чего ведутъ невѣсту съ тріумфомъ въ хату, сажаютъ и опять на дѣжу и повязываютъ платкомъ. Прежде вмѣсто платка, повязывали молодую *наметкой* — длиннымъ бѣлымъ полотенцемъ изъ тонкаго холста, туго накрахмаленнымъ по серединѣ, которое *стояло* на головѣ, въ родѣ шапки, оба же конца свѣшивались по плечамъ. Если же невѣста *прыштрапаушыся*, повязываніе отбывается тихо безъ всякихъ пѣсенъ. Послѣ повязанія невѣста одариваетъ разными подарками всю родню: жениху напр. рубаху, всѣмъ женщинамъ по платку, а мужчинамъ по поясу. Конечно свекрови дается самый лучшій платокъ. На образа же вѣшаетъ свои ручники, а столъ покрываетъ своею скатертью. Какъ только *повяжутъ* молодую, сваты принимаются учить ее хозяйству: одинъ ведетъ ее на дворъ и показываетъ, какъ она должна собирать дрова, но вмѣсто дровъ суетъ ей въ руки солому, разныя тряпки; другой указываетъ ей мѣсто, гдѣ она будто бы должна класть дрова, на столъ или подъ образа; третій даетъ ей въ руки шапку и говоритъ: «вотъ у насъ зъ етымъ зы водой ходзюць, а у васъ якъ»? На это молодая отвѣчаетъ: «ни знаю якъ у васъ, а вотъ я вамъ покажу, якъ у насъ дзѣлаюць», беретъ ведры и отправляется къ колодцу за водой. Тутъ свекровь и *свацьци* начинаютъ ее выхвалять: «нябось вумница, сама знаиць, якъ што надо дзѣлаць, ладно дзицѧтко, ладно! ня слухай етыхъ озорникуў, и у насъ такъ, якъ у васъ: дровы ў печку кладуць, зы водой съ видрàми ходзюць» и тутъ берутся показывать ей дорогу къ водѣ. Принесши воды, молодая накладываетъ дрова въ печку и спрашиваетъ у свекрови сковороду блины *печь*. Здѣсь ее опять об-

ступаютъ сваты, одинъ совѣтуетъ подсыпать золы, «штобъ было скуснѣй», другой подлить водки. Молодая отъ всѣхъ отбивается, наливаетъ тѣсто на сковороду и начинаетъ печь; но ей постоянно мѣшаютъ, пока наконецъ не вступится мужъ, не положитъ на сковороду нѣсколько денегъ и не попроситъ свою мать: «мамынька, выручъ мою жонку, спяки блиноў, а йна пыглядзиць ны цибе, дый повўчицца». Свекровь принимается за блины, а молодая ей прислуживаетъ. Пока завтракъ готовится, пріѣзжаютъ съ музыкой и пѣснями гости, сваты и сватьи невѣсты; ихъ сажаютъ за столъ и снова начинается попойка. Прежде былъ обычай, если молодая оказалась *штрапная*, крестной матери или старшей *свацьци* надѣвали на шею хомутъ, въ которомъ она должна была сидѣть, пока женихъ не поднесетъ ей изъ своихъ рукъ водки, что означало, что онъ прощаетъ жену. Теперь этого не дѣлается. Здѣсь нужно замѣтить, что Бѣлоруссы вообще относятся очень хладнокровно къ цѣломудрію своихъ невѣстъ. Есть даже пословица: «Ци моря пыга́но, што ў имъ сыбака пылыскаўся»? Вслѣдъ за сватьями и сватами пріѣзжаютъ отецъ и мать невѣсты,—кромѣ того приходятъ разныя чужія женщины смотрѣть *молодуху*. Тѣ обыкновенно становятся гдѣ нибудь въ уголъ и поютъ разныя пѣсни, *величаюць госьцей*. Гости бросаютъ имъ мелкіе деньги, которыя потомъ идутъ на выпивку. Во все время за столомъ прислуживаетъ гостямъ молодая. На третій день молодые съ своими гостями ѣдутъ въ домъ невѣсты и этимъ обыкновенно свадьба оканчивается.

Свадьба крестьянамъ обходится очень дорого, главнымъ образомъ много стоитъ водка. За столъ не всѣхъ сажаютъ, водку же подносятъ всякому, даже не званому зрителю; но за то и всякій отправляющійся на свадьбу долженъ принести съ собою ковригу хлѣба. У жениха водки расходится больше, нежели у невѣсты, такъ какъ кромѣ того, что у него выпивается дома, онъ же долженъ еще возить ее и въ домъ невѣсты. Иногда, ежели женихъ бѣденъ, отецъ невѣсты даетъ свою водку на *пирапой*. Это

зависитъ отъ уговора. Самая бѣдная свадьба стоитъ рублей 30, богатая же отъ 150 до 200 рублей.

Вотъ наконецъ свадьба кончена и молодая поселяется въ домѣ свекра. Не отрадная ей тамъ жизнь. Всѣ стараются взваливать на нее какъ можно больше работы, за что она обыкновенно получаетъ только небольшую долю льна и шерсти, если есть овцы, съ чего она должна одѣвать себя, мужа и дѣтей, — денегъ же ей никогда не даютъ. Конечно бываютъ исключенія, если напримѣръ отецъ старъ, мужъ же любитъ и балуетъ жену; тогда наоборотъ и отъ нея не бываетъ жизни свекрови. Въ случаѣ смерти мужа, если дѣти еще малы, не могутъ *заступицьца* за мать, ее обыкновенно выгоняютъ вонъ изъ дому съ дѣвочками и ничего не даютъ; только мальчики остаются въ домѣ отца и получаютъ *долю*. Вообще у Бѣлоруссовъ при раздѣлѣ наслѣдства принимается въ разсчетъ только мужская рабочая сила, родство тутъ играетъ очень малую роль. Такъ есть такіе случаи: отецъ и мать умерли, остались малолѣтнія дѣти, старшая сестра вышла замужъ, взяла себѣ въ домъ *примака* и сама умерла. Примакъ женился на другой. И такъ онъ совсѣмъ чужой и жена его чужая — однако получили хату и все хозяйство, а родной сынъ только долю, и долженъ былъ выйти изъ хаты, такъ какъ примакъ больше его работалъ. Или другой примѣръ: крестьянинъ женился на вдовѣ, у которой былъ сынъ — дѣтей больше не было. Послѣ его смерти пасынокъ получилъ не только землю и хату, но и одежду и все недвижимое имущество умершаго, родные же братья ни къ чему никакого права не заявляли.

Незаконные сыновья-пріемыши, если только живутъ въ хатѣ и работаютъ, получаютъ совершенно равную часть съ законными наслѣдниками. Вдова послѣ смерти мужа ничего не получаетъ, но сынъ обязанъ кормить ее до самой смерти. Впрочемъ иногда крестьяне дѣлаютъ въ пользу своихъ женъ духовныя завѣщанія: *отказываюцъ* имъ коровъ, лошадей, извѣстное количество хлѣба. Этимъ имуществомъ вдова можетъ распоряжаться, какъ ей угодно, отдать дочерямъ и т. п., сынъ же обязанъ все-таки ее

кормить. Духовное завѣщаніе дѣлается по большей части такимъ образомъ: приглашается нѣсколько человѣкъ хозяевъ и завѣщатель передаетъ имъ словесно свою волю. Такія духовныя завѣщанія, хотя нигдѣ не записанныя, по большей части свято исполняются. Иногда просятъ священника написать *духоўную*, но все же хозяева должны быть при этомъ въ качествѣ свидѣтелей. Дочери послѣ родителей ничего не получаютъ, только одежду послѣ матери; также послѣ умершей бездѣтной сестры одежду получаютъ сестры, или племянницы, — то есть наслѣдницы, но не наслѣдники. Если у крестьянина нѣтъ сына, а только дочери, то одну изъ нихъ онъ женитъ, беретъ въ домъ *прымака*, которому и остается все имущество. Если же совсѣмъ нѣтъ дѣтей, то обыкновенно берутъ пріемыша, мальчика или дѣвочку (дѣвочка называется *недычка*), который и пользуется правами родныхъ дѣтей.

Нравы у нашихъ Бѣлоруссовъ очень грубы, ругаются самыми непечатными словами; драться же при всякомъ случаѣ у нихъ вещь самая обыкновенная. Напримѣръ, на свадьбѣ часто случается, что не только сваты между собой передерутся, но и жениху достается. Какъ образчикъ ихъ отношеній между собой приведу маленькій разсказъ: недавно какъ то я зашла въ корчму и встрѣтила тамъ крестьянина, у котораго только что передъ этимъ была на свадьбѣ его дочери. Поздоровавшись, спрашиваю у него: «ну што жъ,якъ твыя̀ дычка̀ жывѐць? ци хырашо̀ ей за мужы̀мъ»? «Ни чо̀го», отвѣчаетъ онъ мнѣ, «мужыкъ любиць, чаго жъ ище надо ей? только свякрова у ей злая и ни дывядзи Богъ. Якже што надысь было: заѣхали ета ко мнѣ зъ обѣдни дычка́ зъ зяцьцимъ — ну мы ихъ пысадзи́ли за столъ, сами сѣли, стали закусываць, ажны глядзь! бяжыць мыя́ свацьця—ўлѣзла ў хату. Я думаў й ина къ намъ ў госьци, я къ ей: здороў свацьцюлинька — садзисься-жъ зъ нами за столъ»! Ажъны ина якъ тресьниць мине по вуху, чуць зъ ногъ ня збила. Я подумаў: ну можа хмильная. Вядома, зъ обѣдни ў корчму зыйшла—што жъ тамъ? ци ни бываиць? я къ ей опяць: «свацьцюлинька тыка́я, сикая—што жъ ты ета расхо-

дзилась, и старуха мыя́ къ ей приступила, стала ла́годзиць, ажны йна и старуху мою: трёсь! зъ однэй стыроны́, зъ другэй! ажны тая пыдъ столъ пыдкацилась. Тутъ дычка́ къ ей пыдскочила! йна и дычку́! Вижу я, што до́брысьццю ничого ни подзѣ́лыиишъ, сгробъ іе у вохапку, дый швырнуў за дзвери ў снѣгъ, а хату захутаў. Штожъ йна тамъ, ни выдзѣлывала зы дзвярми! вила-вила! Зъ целыго свѣта ны насъ напускала — тады сѣла ны кобылу и поѣхала домоў». «Дыкъ за штожъ ета йна билася?» спрашиваю я у него. «А Богъ же іе знаиць! Можа рассердзилася, што сынъ съ жонкый бизъ іе ў госьци поѣхали». Ну, а послѣ жъ што было? «А штожъ! ничого! — нягожъ съ свацьцій судзицца! Трасца зъ ей! Слава Богу што зяць ни у іе, зважный малиць, и водки ня пьець».

У одного крестьянина другой побилъ жену такъ, что та заболѣла. Пошли въ волостное правленіе судиться; здѣсь мужъ *забитой* жены помирился за 10 руб., но съ условіемъ: «коли мыя́ жонка помрець, твой отвѣтъ», то есть, что тотъ долженъ ее похоронить на свой счётъ. Послѣ чего отправились оба въ корчму и пропили тамъ вмѣстѣ всѣ 10 рублей.

Записано А. Ф. Лисовской.

II.

СВАТОВСТВО.

Той же губ. и уѣзда селъ Маделино, Вороново и др.

Къ родителямъ дѣвушки пріѣзжаютъ обыкновенно вечеромъ сваты отъ жениха (отецъ родной или крестный, или братъ старшій), непремѣнно вдвоемъ и подъ предлогомъ какого-либо посторонняго дѣла договариваются и до сватовства. Ежели родители дѣвушки и найдутъ возможнымъ дать свое согласіе, то они все таки рѣшеніе этого дѣла откладываютъ до слѣдующаго раза и назначаютъ сватамъ день для пріѣзда. Въ другой разъ они сватовъ уже поджидаютъ, убираютъ избу по праздничному, приготовляютъ

закуску (яичницу, говядину и т. п.), и по прибытіи сватовъ зовутъ дѣвушку, съ которою вмѣстѣ и даютъ свое согласіе. Въ знакъ согласія какъ родители, такъ и дѣвушка пожимаютъ сватамъ руки, что называется *рукобитіемъ*, послѣ чего сдержать данное слово считается почти уже обязательнымъ. Затѣмъ сваты потчуютъ хозяевъ привезенною ими водкой, а тѣ взаимно угощаютъ ихъ закуской и начинаютъ условливаться о времени *запоинъ*, о томъ, сколько слѣдуетъ привезти водки, когда ѣхать къ священнику и когда наконецъ назначить день свадьбы. Въ назначенный для запоинъ день родители дѣвушки приглашаютъ къ себѣ своихъ родственниковъ. Пріѣхавшихъ сватовъ сажаютъ за столъ, въ почетномъ углу (на кутъ), и они начинаютъ угощать всѣхъ своею водкою и закускою. Обнесши всѣхъ по рюмкѣ, сваты говорятъ: «покажыце жъ намъ, за кимъ пытаимся». Тогда крестная мать дѣвушки подводитъ ее къ столу и навязываетъ на шею отдѣльно каждому свату по полотенцу отъ невѣсты. Сваты въ свою очередь предлагаютъ невѣстѣ рюмку водки, въ которую бросаютъ деньги (20—30 коп.), и даютъ ей закуску: баранки, пряники, а то и конфекты. Цѣлую рюмку водки невѣста выливаетъ въ уголъ своего платка и идетъ съ закускою къ матери, которая въ это время стоитъ около столба у печки, и, плача, приговариваетъ: «мамка моя, прыми подарочки, хоть яны ни вялики, а были бъ щасливы, благослови мяне, мамка!» Мать, принимая тѣ вещи, тоже плачетъ и приговариваетъ: «Дочýшка моя, пирымѣнница моя! хто жъ мои плечки пирымѣниць, хто мои ручки пирымѣниць, хто мнѣ работку робиць пособиць». За столомъ начинается попойка и угощеніе отъ сватовъ, а потомъ подаются кушанья отъ родителей невѣсты. Во время этихъ угощеній женщины поютъ:

1.

Учора пили на корову,
А сягонни на коня,
Кабы наша милая
Здорова была.

2.

Кабъ я вѣдала, молодзенька,
Свою горкую долю,
Яжъ бы послала свойго татухну
Ў долину по калину. 2
Вѣциръ ня вѣиць, сонце ня грѣиць,
Калинка ня зрѣиць. 2,
Кабъ я вѣдала, молодзенька,
Свою горкую долю,
Яжъ бы послала свою мамухну
Ў долину по калину. 2
Вѣциръ ня вѣиць, сонце ня грѣиць,
Калинка ня зрѣиць. 2
Кабъ я вѣдала, молодзенька,
Свою горкую долю,
Яжъ бы послала свойго милого
Ў долину по калину. 2
Вѣциръ повѣiу, сонце прыгрѣло,
Калинка созрѣла. 2.

Эти двѣ пѣсни обязательны, но поютъ и другія, свадебныя.

ЗАРУЧИНЫ.

Свадьба обыкновенно назначается на воскресенье, наканунѣ же, т. е. въ субботу, вечеромъ бываютъ у невѣсты *вечерины* или *заручины.* Въ этотъ вечеръ собираются къ невѣстѣ всѣ приглашенные на свадьбу и всѣ знакомыя ей дѣвушки. Всѣ званые гости обязаны принести съ собою хозяевамъ по ковригѣ хлѣба съ солью. Нанятый на всю свадьбу музыкантъ, называемый *дударомъ*, играетъ, а дѣвушки танцуютъ. Танцы начинаютъ всегда въ тотъ вечеръ отецъ невѣсты съ матерью. Пѣсенъ до пріѣзда сватовъ не поютъ. Пріѣзжаютъ сваты и, войдя въ хату, спрашиваютъ: «добрый вечеръ вамъ, чы ня прымице ночывацъ?» «Ночуйце, сваточки, ночуйце», отвѣчаютъ имъ. Ихъ сейчасъ сажаютъ за столъ, а съ ними и званыхъ гостей, за исключеніемъ невѣсты и дѣвушекъ, которыя въ это время танцуютъ въ другой избѣ. Сваты обязаны привезти съ собою водку и закуску. Сѣвъ за

столъ, они требуютъ мисокъ, наливаютъ туда водку, которую и предлагаютъ всѣмъ по рюмкѣ, а каждому изъ родственниковъ даютъ отдѣльно закуску (что называется *дарами*). Предложивъ потомъ всѣмъ водки и закуски, сваты говорятъ: «покажице жъ намъ того, за кимъ мы страдаимъ». Крестная мать встаетъ изъ за стола, приводитъ невѣсту къ сватамъ и даетъ имъ съ своей стороны дары: сватамъ по полотенцу, а жениху посылаетъ черезъ нихъ рубашку, панталоны, платочекъ и поясъ; кромѣ того каждому члену семьи женихъ посылаетъ тоже подарки: по куску полотна, по платочку, поясу и т. п. Сваты же передаютъ невѣстѣ отъ жениха ботинки и чулки, а также даютъ водку и лучшую закуску (пряники, баранки, сыръ и т. п.). Получивъ эти подарки, невѣста передаетъ ихъ матери, причемъ она кланяется ей до земли, плачетъ и приговариваетъ: «прыми пои подарочки! хоць яны нявялики, а были бъ счасливы; благослови мине, мамынька, на доўгій вѣкъ, на короткую дорогу». Мать, принимая подарки, говоритъ: «Дочўшка! нихай цибе Богъ благословиць на доўгій вѣкъ, на короткую дорогу». Потомъ невѣста кланяется другимъ родственникамъ и плачетъ. Всѣ садятся за столъ и начинается угощеніе: водка тутъ идетъ въ дѣло та, которая привезена сватами, кушанья же хозяйскія. Невѣста въ это время не сидитъ за столомъ, она съ подружками въ другой избѣ танцуетъ, тамъ и музыкантъ играетъ. Въ промежуткахъ подаваемыхъ угощеній, сваты и собравшіяся званыя гостьи поютъ:

3.

Яй ня вѣдала, молодзёшинька,
Што сягонни́ зару́чынки,
Яжъ бы послала свою мамухну
Ў долину по калину и т. д., какъ въ пред. 2 №.

На заручинахъ поютъ еще:

4.

А у насъ сянни заручынки,
Богъ намъ даў;
Шили дары на ўси столы,—
Богъ намъ даў;

Ѣли подарки, круты баранки, —
Богъ намъ даў.

5.

Ай вумная, разумная Матрунка! 2
Поставила сторо́жиньку на броду, 2
Сама сѣла подъ ви́шынкой ў саду. 2
Откуль, откуль красно соўнинько ўзыйдзець, 2
Оттуль, оттуль мой милинькій ўзъѣдзиць. 2
Соко́личекъ коло око́нычыкъ литаиць,
Крыльцомъ вокошычко отчыняиць [1]).
Ай вумнинькій, разумнинькій Паўлютка
Къ тещи на дворъ василёчкомъ сьцелицца,
Ў сѣни лѣзиць — гарну́шычкомъ ко́цицца,
Ў хату лѣзиць червоною мятою,
За столикомъ соколикомъ верци́цца,
Ли Матрунки близёхынько садзицца.

Какъ выходятъ изъ за стола поютъ:

6.

Спасиба свату за цёплую хату,
За сахарную страўку.
А наша потравыньки съ усей заправой,
И зъ пе́рчикомъ, зъ инбе́рчикомъ,
И зъ крынычный водзицей,
И зъ солодкей сыцицей.

Хозяинъ отправляетъ гостей со словами:

«Ахъ чы ни пора, госьційки, вамъ домоў ѣхаць, я ужо и такъ прохарчываўся», а братъ невѣсты говоритъ: «што ты, бацька, отпраўляешъ? ящо ихная короўка ня до̀ина, надо подоиць» (намекъ, что не вся водка выпита). Сваты начинаютъ торговаться, говоря: наша дорога доўгая, може, гдзѣ надо мостъ намосьциць, работникоў наняць, мы людзи ни богатые, може надо будзиць лѣсъ розсыкаць, чымъ будзимъ плациць? ни разбивайци жъ насъ». Наконецъ раздадутъ всю водку главнѣйшимъ лицамъ и поблагода-

[1]) Тутъ выпущено три строки, которыхъ въ подлинникѣ нельзя было разобрать.

ривъ хозяевъ за хлѣбъ-соль, собираются уѣзжать. На дворѣ однако невѣста съ главной бояркой задерживаютъ лошадь. Сваты сначала ихъ нарочно отгоняютъ, но потомъ, принявши вдругъ видъ, будто только сейчасъ узнали, что это сама невѣста, даютъ ей и бояркѣ по рюмкѣ водки и по нѣскольку денегъ и уѣзжаютъ.

ВѢНЕЦЪ.

Въ этотъ день встаютъ рано, готовятъ кушанья, потомъ начинаютъ одѣвать невѣсту къ вѣнцу. Главная сватья надѣваетъ на нее платье, вѣнокъ, косу чешетъ и заплететъ. (Ежели невѣста сирота, то косу ей не заплетаетъ, а только расплетаютъ, посадивши ее на квашню). Потомъ выдвигаютъ на середину избы столъ, ставятъ на немъ водку и закуску, а родители и близкіе родственники садятся подъ иконами; родители берутъ образа, зажигаютъ свѣчу, боярка подводитъ невѣсту прежде къ родителямъ, потомъ, по старшинству, ко всѣмъ сидящимъ за столомъ и начинается благословеніе. Невѣста кланяется до земли по три раза всѣмъ и плачетъ; музыкантъ въ это время играетъ, всѣ благословляютъ словами: «Богъ цябе благословиць на доўгій вѣкъ, на короткую дорогу». Затѣмъ боярка вмѣстѣ съ невѣстой садятся за столъ, пьютъ водку, закусываютъ и, простившись съ родителями и съ остающимися дома, уѣзжаютъ въ церковь. Невѣста во все время ничего не должна ѣсть. Ее везетъ братъ или крестный отецъ, съ нею на повозкѣ сидитъ только боярка. Сватьи ѣдутъ отдѣльно; пѣсенъ въ это время не поютъ, только музыкантъ играетъ мотивы заунывныхъ пѣсенъ. Жениха такимъ же образомъ отправляютъ къ вѣнцу его родители, только онъ вмѣстѣ съ братомъ или какимъ либо холостымъ родственникомъ обязаны ѣхать къ вѣнцу верхами. Пріѣхавши въ церковь, всѣ во время обѣдни усердно молятся. По окончаніи обѣдни священникъ совершаетъ обрядъ вѣнчанія, послѣ чего молодая чета вмѣстѣ со сватами отправляется къ нему въ домъ, гдѣ онъ ихъ записываетъ въ метрику. Молодые выжидаютъ возвращенія сватовъ около церкви и потомъ обѣ дружины вмѣстѣ

отправляются въ корчму, или къ кому нибудь изъ знакомыхъ въ селѣ и тамъ пьютъ привезенную съ собою водку, закусываютъ, танцуютъ и поютъ пѣсни. Изъ церкви женихъ ѣдетъ вмѣстѣ съ невѣстой на своихъ лошадяхъ. Сейчасъ послѣ вѣнца сватьи начинаютъ пѣть слѣдующія пѣсни:

7.

Ай попя, попя, бацька нашъ!
Повинчаў жа ўводзинъ часъ,
А ў тую годзину щасливу.
Ай рэки, рэки Іордани!
Стояли попы рядами,
Тамъ нашаго Паўлюську виньчали:
Ры́зками ру́чыньки звизали,
Нихто ня можыць развизаць,
Ай ни ножычкомъ разрызаць.
Такъ намъ молодымъ виковаць.
Учоры Матрушка смутна была,
Сягоньни Матрушка весила;
Обсѣла не чужына,
Усё Паўлюськина родзи́на.

8.

А ѣхала Матрунка зъ подъ винца,
Ай сѣяла росаду зъ рукаўца.
Ай війся, війся кочаньня,
Дайся до́линька зъ винчаньня,
Щасьцья, богацьця ў рукавѣ,
Разумъ, здороўье ў головѣ.
Матрунка у мамки куханка,
Чы ни было ковалёў раскуваць?
Чы ни былогрыбянцоў расчысаць?
А были ковали ў дорози,
А были грыбянцы ў вози.

Послѣ выпивки и закуски, обѣ дружины прощаются и разъѣзжаются по своимъ домамъ отдѣльно: невѣста со своею дру-

жиною ѣдетъ къ себѣ, женихъ съ своею тоже къ себѣ домой. По дорогѣ поютъ:

9.

А мамынька моя,
Я ужо ни твоя!
Яжъ того пана,
Съ кимъ я повинчана,
На вяночку стояла,
Богу прысигала,
Пярсьцёнка миняла,
За руку дзиржала.

Родители встрѣчаютъ невѣсту; она имъ кланяется въ ноги; ее ведутъ въ избу, сажаютъ со всей дружиной за столъ и даютъ обѣдать. Во время обѣда поютъ:

10.

Сѣла сабѣ Матрунка за столомъ,
За поўнымъ кубкомъ, за виномъ.
«Даруй мине, татухна, чымъ хочышъ».
— Дару́ю, дочушка, дару́ю,
— Хлѣба соли готу́ю.
Сѣла сабѣ Матрунька за столомъ,
За поўнымъ кубкомъ, за виномъ
«Даруй мине, мамухна, чымъ хочышъ».
— Дару́ю, дочушка, дару́ю,
— Кубличыкъ трубычыкъ готу́ю.
«Будзимъ мамынька вичерыць,
«Повичырыўши дзялицьца:
«Табѣ, мамынька, ку́блички,
«А мнѣ, мамынька, трубычки
«Табѣ, мамынька, кручки,
«А мнѣ, мамынька, рушнички,
«Табѣ, мамынька, ўсё добро,
«А мнѣ, мамынька, спрабро.»
— Ѣдзь, моя дочушка, безъ кубла́,
— Чаму моей кудзельки ни скубла?
— Ни сидзѣць было на печи,
— Ни махаць было ногами,
— Работаць было руками.

11.

Прикукобъ мяне, мамухна, сягоньни вечоръ, 2
А заўтры кукобила бъ, ды некого будзиць,
Послала бъ, загадала бъ, ды некимъ будзиць,
Чы будзиць жа такъ, мамухна, якъ пры мнѣ?
Пры мнѣ была хатынька чыстинька
И были лавочки жоўциньки.
— Мамынька, загрыбой пóпилъ, —
А мы твою дочку ухóпимъ,
Загрыбай, мамка, жаръ, жаръ, —
Будзиць табѣ дочки жаль, жаль.
А мяцёна доропіка крушками,
И вязёна Матрунка зъ друшками,
А ў вокошычка скоро свѣтъ,
А за вороцики только слѣдъ.

12.

Бярозка зъ листочкомъ 2 ўсе лѣто шумѣла: 2
«Бяроза моя, бѣлая моя, яжъ цябе кидаць буду.»
— Яжъ цябе ни забуду, вясной къ табѣ буду — ни забуду,
— Вясной къ табѣ буду, шумѣць съ тобой буду.
Матрунка зъ мамкый 2 ўсю восень говорыла:
«Мамухна моя, родная моя, яжъ цябе кидаць буду,
«Яжъ цябе кидаць буду, яжъ цябе ни забуду,
«Яжъ цябе ни забуду, ў госьци къ табе буду,
«Ў госьци къ табе буду, говорыць съ тобой буду.»

Вставши изъ за стола и поплясавъ немного, невѣсту съ подружками выводятъ въ другую избу; затѣмъ приготовляютъ все назначенное, чтобы ее надѣлять. Родители крестные съ подружками подводятъ ее къ дверямъ, она плачетъ и припѣваетъ:

13.

Расчыницися, цисовые дзвери,
Растунicися, добрые людзи!
Пропусьцице мяне за цисовые столики,
За бялёвые скацирки.

Ее опять вводятъ въ избу къ гостямъ и сажаютъ за столъ. Около нея садятся подружки, а на главномъ мѣстѣ подъ образами

садится крестный отецъ. Онъ беретъ два маленькіе пирога, и говоритъ, повторяя три раза: «дýдка голýбка! кабъ ты вѣкъ играла ни пырыставала, а на етытъ часъ пирыстала. Цросиць молодая княгиня пѣсеньку почаць, а бацька зъ маткой висельле сыграць. Чы ня выйщыцца на етый часъ молодэй князь, пѣсеньку почаць, висельле сыйграць? Дамъ яму два бохоны хлѣба на мѣсяцъ и чарычку винца. Ци ёсьць ў домѣ свянцономъ, ў пирѣ вяселомъ, оцецъ и маця, и брацьця и сёстры, и дальніи прыѣзжджые и ближніи прыхожыи? просюць пѣсеньку почаць, висельле сыйграць.» Всѣ отвѣчаютъ: «Богъ благословиць!» (3 раза). Тогда изъ толпы обыкновенно выходитъ одинъ, умѣющій пѣсню столбовую заводить, лѣзетъ на печь, садится около столба и начинаетъ приговаривать: «ахъ, покуль на стоўбъ забраўся, носóвенка подраўся, семъ годоў подъ градами валяўся, покуль етыго виселíйка я дождаўся. Чы ни дали бъ мнѣ чарычку винца, чарычку піўца, промочыў бы я ў роци и могъ бы пару слоў сказаци». Обращаясь къ крестному отцу: «Пане тысéцкій, воевода шли́хéцкій, сядзишъ ты на куцѣ́, якъ золотъ персьцень на руцѣ́; якъ золотъ персьцень шарýюць, такъ цибе, молойца, шанýюць. А яжъ подъ стоўбомъ валяўся, голова моя якъ косьць, а зубы якъ тросьць, вочы по яблоку, жывотъ мой якъ доска. Пане тысéцкій, воевода шлихéцкій! чы ни подослаў бы ты мнѣ на мѣсяцъ хлѣба, чарычку винца, чарычку піўца, могъ бы я табѣ пѣсеньку почаць, висельлíйка играць». Начинаетъ пѣть:

> Звіўся хмѣль зъ тычынкою,
> Злюбіўся Паўлюська зъ Матрункою и т. д.

Тогда отецъ крестный три раза ударяетъ маленькими пирогами одинъ о другой; одинъ кладетъ на божницу, а другой бросаетъ черезъ всю избу запѣвалѣ. Ему тогда подносятъ водку. Тутъ отецъ съ матерью берутъ хлѣбъ съ солью и деньги и начинаютъ благословлять, приговаривая: «надзиляемъ цибе, дочýшка, хлѣбомъ, сольлю и добрэй долей, срыбромъ и ўсимъ добромъ. Циперъ на мяне, дочýшка, ни сподзивайся, раниṅка ўставай, мужа побужай».

Послѣ благословенія родительскаго, запѣвала, сидя все на печи, начинаетъ вызывать всѣхъ для благословенія такими словами: «Госьцiйки дальніи прыѣзджіи, ближніи, прыхожіи, ходзице молодую княгиню надзиляць: хто конёмъ, хто воломъ, хто чыстымъ сирыбромъ. И тыи бобылки, што ни маюць кобылки, надзиляйце молодую Матрунку: ей много надо, далёко поѣдзиць, и мосточки мосьциць и гвоздочки гвоздзиць». Гости начинаютъ подходить къ столу, кладутъ деньги въ приготовленную тарелку, невѣста всякому кланяется, а крестный подноситъ всѣмъ по рюмкѣ водки. Во время этого благословенія, которое длится нѣсколько часовъ, присутствующія тутъ женщины поютъ:

14.

Матрунка братунька [1]) надзиляиць
Сирабромъ, сирабромъ, усимъ добромъ.

Невѣста кланяется, плачетъ и приговариваетъ:

15.

Спасиба за твои, мой брацицъ, дары,
Хоць яны ни вяликы, а были бъ щасливы.

По окончаніи этого обряда, всѣ встаютъ изъ за стола, въ ожиданіи пріѣзда жениха съ дружиной за невѣстой. Женщины поютъ пѣсню бояркамъ невѣсты:

16.

А боярычки пи́счки, 2
Сидзяць якъ лисычки,
А боярычки сёстры,
А ў ихъ носы востры,
Возьмице мишалки,
Замишайце свиннямъ.

А боярки поютъ:

17.

Жаль намъ, Матрунка, на цибе!
Отсылаешъ насъ отъ себе.

---

[1]) Или сястрицу, или сосѣдку и т. п.

Почти одновременно съ окончаніемъ надѣленія невѣсты, пріѣзжаетъ женихъ со своей дружиной, состоящей изъ его родителей крестныхъ, сватовъ, сватей, братьевъ и родственниковъ. Невѣсту выводятъ въ сѣни, а женихъ остается во дворѣ съ дружиной, среди которой начинается взаимное обсуживаніе качествъ новобрачныхъ; они пытаются обмануть жениха, выводятъ ему боярокъ вмѣсто невѣсты, но онъ не дается въ обманъ и прогоняетъ боярокъ. Наконецъ къ нему выводятъ невѣсту, и бросаютъ ихъ другъ другу въ объятія. Всѣ берутся за руки и, по приглашенію хозяина, входятъ въ избу. Женщины въ это время поютъ:

18.

Сваты ў хату лѣзуць, 2
Ў печь поглядаюць:
А чы густа капуста,
Чы вяликъ горщокъ кашы, 2
Чи поідаюць нашы?
— А поідаюць нашы,
— Останницца вашымъ.
А спасиба свату
За цёплую хату
А мы пирамерзли,
А на лютымъ морози, 2
А ў дальній дорози.
Ай ѣхали сваты
По калиновымъ мосту, —
Мосты поломили,
Коній потопили, 2
Сукни помочыли.
А спасиба свацьци
За сахарную страўку.
Ўсё юшка, ды юшка,
Ай дзѣжъ тое мясо?
— А хозяичка ласа,
— Поѣла усё мяса.
Дзѣжъ тая господы́ня,
Што капусту варыла:
Чы корóвычикъ дóиць,
Чы циля́тычыкъ пóиць,
Чы ў хлѣў загоняиць,
А къ намъ ни биваиць?

Прилицѣли гуси
Ды зъ чужей Руси,
Сѣли яны надъ водою,
Стали яны воду пици, 2
Объ лёдъ крыльлимъ бици,
Яны воды ни попили,
Крыльля поразбили.
Прыѣхали госьци,
Ни зъ нашей волóсьци;
Сѣли яны за столами,

19.

Стали медъ, вино пици, 2
Объ столъ кубкымъ бици.
Меду яны ни попили,
Кубки поразбили.
А вы госьційки любоўные,
Будзьцю у насъ.
Гусяцинка, поросяцинка
Дзели васъ,
Піўцо, винцо и горэлычка —
Ўсе ли васъ.

20.

А ѣхали прыданые,
Сами яны выбираные,
Сами яны выбираные,
А коники годованые
Сами яны письме́нные,
А подузы рыменные,
Хуць синія плацьця,
А усё наша брацьця.

Пріѣзжую дружину сажаютъ за столъ, невѣсту рядомъ съ женихомъ. Имъ кладутъ на двоихъ только одну ложку, причемъ поютъ слѣдующую пѣсню:

21.

Щибитаў соловей ў бору,
А на калининкѣ си́дзючы,
Горку ягодку клюючы:
«Ай кабъ жа ко мнѣ зязюля,
«А умѣў бы я зъ ей щыбитаць,
«На однэй вѣточкѣ си́дзючы,
«Одну калинку клюючы.»
— Плакаў Паўлюська за столомъ:
— А колижъ бы ко мнѣ Матрунка, —
— А умѣў бы я зъ ей говорыць,
— Зъ однэй ложычки хлибая,
— Зъ одного кусочка кусая.
Ни хоцѣлося Матрунки
Ай ли Паўлюськи сидзѣци,
Зъ подъ яго шапыньки глидзѣци,
А дли шапыньки собольля,
А вывидзиць Матрунку зъ застольля
И зъ та́ткиныга подворъя.

Въ это время дружину жениха и его самого угощаютъ. Молодые за столомъ мало ѣдятъ. Какъ кончится угощеніе, дружина начинаетъ танцовать, бесѣдовать, а молодыхъ отводятъ въ другую избу и тамъ ихъ отдѣльно угощаютъ какъ можно лучше, и поютъ:

22.

Теща зяця ждала,
Сукнями дворъ слала;
А кыли́ бъ её змога
Наслалабъ и много,
А кылибъ её сила,
Увесь бы дворъ украси́ла.

Какъ накормятъ молодыхъ, дружина собирается отъѣзжать. Молодыхъ подводятъ къ родителямъ, родственникамъ и всѣмъ присутствующимъ въ хатѣ. Невѣста сильно плачетъ и, кланяясь, приговариваетъ:

23.

Добра́ ночь, моя мамухна, добра́ ночь.
А ня тотъ же добра ночь, што на́ ночь,
А тотъ добра ночь, што на увесь вѣкъ,
Ни на одну на мяне—на увесь свѣтъ.

Въ это время сватьи, поютъ:

24.

Шоўковая ни́тычка къ стѣни льнецъ,
Такъ Матрунка мамухнѣ добра ночь даецъ.

Дружина жениха забираетъ невѣсту, женихъ сажаетъ ее въ свои сани и всѣ вмѣстѣ уѣзжаютъ. Во всю дорогу всѣ, кромѣ новобрачныхъ, поютъ:

25.

Ни мамка дочкѣ — мачиха,
Отдала до́чку скрось ночку,
Ни проводничка ни дала,
Ни сама за ей ни прыйшла.
Мяцёна дорожка крушками,
Вязёна Матрунка зъ друшками.
Поѣдзимъ, брацицъ, мы домоў,
Ужо насъ мамухна даўно жджецъ:
«Коли мои дзѣтычки прыѣдуць?
«Коли мою нивѣстку прывязуць?»
Прывязуць нивѣсту ўвъ атласѣ.
Ни хочу нивѣсты ўвъ атласѣ,
Хоць бы ў бѣлинькей сирмягѣ,
А была бъ ў добрэй звягѣ.
Прыѣхаў Паўлюська къ воротымъ,
Стукнуў ботымъ:
Отчини, татухна, мнѣ вороцики,
Ужо мои коники пирабѣглиси,
Ужо я й самъ, молодзецъ, пиратужіўся,
Моя Матрунка пираплакалась,

И сва́цьциньки пирапѣлися,
И дудынька пирыйгралася.

26.

Ў дорозѣ, Паўлюська, ў дорозѣ!
Прывизаў коника къ бярозѣ,
А вырызаў зъ бярезки три розги,
Сикануў коника подъ ношки:
«Бяжи мой, кося, ўсё рысьцьцю,
Къ мойму татухну зъ корысьцьцю,
Къ моей матухнѣ зъ радосьцьцю.

27.

«А куды жъ Матрунычка глидзѣла?
«За пьяницу хоцѣла.
«Куды ѣдзиць—корчомычки ни минець,
«Шинкарычкѣ ўси чарычки побьець.»
— А дзiуные вы людзи! чаму тады ни казали,
— Якъ мяне винчали?
— А циперъ нихай такъ будзиць,
— Якъ самъ Богъ су́дзиць.

28.

«А куды жъ визицё?»
— Ў людзи, ў людзи.
«А чы будзици жъ жалѣць?»
— Будзимъ, будзимъ.
«Чы будзици посьцель слаць?»
— Будзимъ, будзимъ.
«Чы будзици накрываць?»
— Будзимъ, будзимъ.
«Чы будзици цаловаць?»
— Будзимъ, будзимъ.
«Чы будзици обнимаць?»
— Будзимъ, будзимъ.
«Чы будзици почынацъ?»
— Будзимъ, будзимъ.

Ежели на пути новобрачныхъ встрѣчаются деревни, имъ дѣлаютъ тамъ преграды, задерживающiя проѣздъ. Преграды

эти дружина старается, погоняя усиленно лошадей, перескочить; но если это не удается, то даютъ водку, чтобы разобрали заборы. При въѣздѣ молодыхъ въ свою деревню, сосѣди кладутъ на улицѣ куль соломы и зажигаютъ ее. Черезъ такое пламя новобрачные должны проѣхать. Какъ привезутъ невѣсту ко двору жениха, имъ на встрѣчу выходятъ его родители. Свекровь надѣваетъ на себя шубу на изнанку, на голову косматую шапку, держа въ рукахъ икону, пирогъ и *кудель* шерсти. У невѣсты въ это время тоже въ рукахъ икона и пирогъ. Свекровь при встрѣчѣ спрашиваетъ невѣсту: «зъ чымъ же ты ко мнѣ, невѣстычка, прышла?» Та отвѣчаетъ: «зъ хлѣбомъ и сольлю, зъ добрымъ здороўьемъ». Свекровь беретъ у нея пирогъ и икону, молодые кланяются родителямъ въ ноги по три раза, ихъ ведутъ въ избу. Сватьи поютъ:

29.

Выйдзи, свякроўка горбата,
Прыѣхала нивѣстка богата;
Выйдзи, свякроўка соплива,
Прыѣхала нивѣстка счаслива.

Столы въ это время заставлены разными яствами, молодыхъ и дружину сажаютъ за столъ, остальные поютъ:

30.

Суббота нидзѣлинку родзила,
Дай Боже добрый часъ, годзину,
Кабъ Матрунка свякровынькѣ годзила.
Ай ня бось жа, свякровынька, я угожу,
А я зъ тобой кола печи похожу.

Какъ встанутъ изъ за стола, отецъ крестный жениха (дружко) достаетъ привезенную постель невѣсты и приготовляетъ ее для новобрачныхъ. Тогда главныя сватьи берутъ невѣсту, ведутъ ее въ клѣть, тамъ раздѣваютъ ее совсѣмъ, надѣваютъ на нее чистую рубашку, вводятъ къ ней жениха и оставляютъ ихъ однихъ въ клѣти. Въ это время дружко вноситъ въ избу привезенную невѣстой жа-

реную курицу и хочетъ ею подчивать всѣхъ. Но это ему не удается: курицу эту рвутъ у него изъ рукъ, раздираютъ въ куски и разбрасываютъ по полу. Затѣмъ пьютъ водку и поютъ:

31.

Ай ѣли мы пячонки,—
Дай Боже дзяўчонки;
Колупали мы сыры, —
Дай Боже сына.

32.

На свадьбу насъ зазвали,
Чарку горэлки ни дали,
Кабъ я вѣдала, ни пошлабъ.
Чы я бъ сабѣ работы ни нашла бъ?
Лутчы бъ на печи сидзѣла,
Ды бѣлую кудзелю вирцѣла.

Въ это время главный сватъ со сватьями идутъ въ клѣть поднимать молодыхъ и несутъ имъ воды умыться, пьютъ тамъ же водку, которую подносятъ и молодымъ. Всѣ поютъ:

33.

Добрые нашы морозы,
Не сморозили намъ рожы:
Пусьцилли вѣцьци по клѣци,
Пусьцили хвалу́ по сялу́.
Поглядзиця жо́нычки,
Чы ўси нашы дзѣвочки?
—Ўси нашы дзѣвочки,
Однэй Матруньи нѣтуцци,
Погнала йна ў поле.
Подъ калиный спаць лигла,
Ножками калинку дрягну́ла,
Калинка ў подолокъ прыгнула.
А у её дзицюки просили,
«Ни дамъ калины нико́му,

Понесу калину до дому,
А ў свикряткину комору.
А ўчора у насъ морозъ быў,
А сягоньни иній паў
На свикряткину комору,
На Матрункину посцельку.

34.

Яй ложылася на печи,
Яй проснулася ў клѣци, —
Ажну мои ножыньки разуваны
И вуснычки цалованы.

35.

Ў понидзѣлыкъ рана
Плакала молодая:
«Божа мой, Божа!
«Суды мои вялики,
«Воды мои далёки,
«Горы мои высоки
«И свякроўка лихая».
А ў воўторыкъ рана
Сміялася молодая:
«Суды мои поменьшыли,
«Вода моя поближыла,
«Горы мои понижыли,
«Свякрова моя полѣпшыла».

36.

Матрунка у матки кунѣга [1]) была:
Ня видзила зорынька свитовэй
И ня чула питухоў піючы;
Нямножко у свякроўки пожыла,
Почула питушкоў, воду нося,
А ўвидзила зорыньку, сѣни миця.

Когда молодые поѣдятъ, родители жениха посылаютъ его со сватомъ къ матери невѣсты съ челобитной. Ему даютъ отвезти

---

[1]) въ нѣгѣ.

матери рубашку невѣсты, сладкую водку крашеную, пряникъ; (бутылку съ водкой перевяжываютъ красной шолковой лентой). При такомъ появленіи молодаго у родителей невѣсты, тамъ начинается общее веселье. Молодого со сватомъ угощаютъ самыми отборными кушаньями: яичницей, холодною говядиной, пирогами, бабками, медомъ, а всѣхъ своихъ угощаютъ привезенной красной водкой. Молодой зоветъ родителей жены и ея родныхъ въ гости и уѣзжаетъ со сватомъ обратно.

Передъ отъѣздомъ жениха съ челобитной, ему на дорогу поютъ:

37.

А ўчора рэчынька быстро йшла,
А сягоньни рэчынька тихо идзець.
А ўчора Матрунка весила была,
А сягоньни Матрунка смутнинька:
Обсѣла её чужына,
А ўсе Паўлюськина родзина.
А што про што моихъ госьціикоў доўго нѣтъ?
Чы служыньки, чы вѣрныи заспали?
Чы коники, чы вороныи прыстали?
А ўсьсядзь, ўсьсядзь Паулюсинька на коня,
Протры дорожку до мамкиныго ўсе двора.

Послѣ приглашенія женихомъ родителей невѣсты и родныхъ къ себѣ въ гости, при его отъѣздѣ, поютъ:

38.

Кони готуюць,
Возки малююць —
Прыѣдуць.
Трубки качаюць,
Скрыию складаюць —
Прыѣдуць.

Послѣ отъѣзда жениха, родители невѣсты собираютъ большую дружину изъ своихъ родныхъ, чтобы ихъ послать съ приданымъ дочери. Выбранные усаживаются за столъ, берутся за руки и такимъ образомъ выходятъ изъ за стола и уѣзжаютъ, забравъ съ

собою сундукъ невѣсты, куда мать кладетъ ей коровай. Сундукъ ставятъ на телѣгу, на него садятся главный сватъ и сватья невѣсты и, сопровождаемые музыкантомъ и всею дружиною, отправляются съ пѣснями къ жениху. Вотъ тѣ пѣсни:

39.

Ѣхали приданые выбира́ные,
А коники годова́ные, —
Яны людзи письме́нные,
А подузы рыме́нные.
До раду сваты до раду
А ў вяликую громаду.
А бярыця свою пораду,
Бяры́ця ду́дыньку игрунью,
А свацьциньку пяву́нью;
Подъ молодого — ду́жого,
А подъ свацциънькоў ляного,
Кабъ ёнъ шыбинька ня нёсься,
Кабъ ихъ голосокъ ня тресься,
Большій сватокъ напяродъ,
А свацциънька посяродъ.

40.

Казали рэ́чынька бизъ бирагоў,
Ажну наша рэчынька зъ бирагами,—
Казали Матрунка бизъ дароў,
Ажну наша Матрунка зъ дарами.
Два кони, два волы ряку́ бряли,
Пирыйшоушы рэчыньку вёдры гнулися.
Цяжко было, цижало ряку брясьци,
Цижэлей за того дары вясьци́.
Ай дары, дарочки Матрункины,
Што йна ранинька ўставала,
Што йна тонинька ўсё прядала,
Што йна часьци́нько ўсе тыкала,
Што йна бѣлинько ўсе бѣлила,
Што йна ў скрыню ўсе складала.

Когда въѣзжаютъ уже во дворъ, приданки поютъ:

41.

Ай вумная, разумная Матрунка!
Нагнала коникоў поўный дворъ,
Накацила кубликоў поўну клѣць.
Ай у нашаго свата ни клѣци, ни повѣци,
Ни клѣци, ни повѣцо, нейдзѣ кублоў дзѣци.

42.

Ай ѣхали сваты (2) по калиновымъ мосту, — (2)
Мосты поломили, коній потопили,
Коній потопили, сукни помочыли.
А сватку, сватку, проси насъ ў хатку!
Проси насъ ў хатку, коній подкормици,
Коній подкормици, сукни посушыци.

Къ приданкамъ выходятъ родители жениха, чтобы взять сундукъ, но имъ его не даютъ даромъ. Происходитъ довольно продолжительный торгъ и только послѣ хорошаго выкупа мирятся и позволяютъ его взять. Тогда имъ выносятъ водку и пироги, а приданки съ своей стороны то же потчуютъ водкой и пирогами. Обмѣнявшись такимъ образомъ угощеніемъ, приданокъ вводятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Дудари съ обѣихъ сторонъ тоже мѣняются пирогами и входятъ въ избу. Въ это время молодые должны обойти всю пріѣхавшую дружину и всѣмъ кланяться. Приданокъ и всю дружину опять потчуютъ водкой и закуской. Затѣмъ нѣсколько старшихъ сватей идутъ съ невѣстой въ другую избу переодѣвать ее. Снимаютъ съ ея головы вѣнокъ, причесываютъ и надѣваютъ на нее платокъ. Сваты жениха, въ это время поютъ:

43.

Чы хорошъ новый домъ подъ кроўлею?
Чы хороша Матрунка подъ намёткой?
Ай хорошъ новый домъ подъ кроўлей,
Ай хороша Матрунка подъ намёткою.
На её брацилки заглидаюцца,
Што её личыйко попрыгóжѣло,
Што её голоўка покрўглѣла.

Обрядивши молодую, ее накрываютъ платкомъ [1]). Женихъ обязанъ поцѣловать ее, снять съ нея платокъ и ее самую съ дѣжи. Тогда ихъ обоихъ ставятъ рядомъ, накрываютъ длиннымъ полотенцемъ и ведутъ въ избу. Тамъ они, стоя подъ полотенцемъ, кланяются родителямъ жениха и, снявъ съ себя полотенце, такимъ же образомъ сами накрываютъ имъ головы родителей. Сватъ и сватьи невѣсты достаютъ изъ сундука послѣдней новыя полотенца, скатерти и коровай. Коровай этотъ кладутъ на вѣко (крышку отъ квашни) и сватъ, положивъ его на голову, торжественно вноситъ въ избу, кладетъ на столъ и предлагаетъ отцу жениха купить его. Начинается торгъ, послѣ котораго отецъ беретъ коровай и отдаетъ его обратно невѣстѣ. Въ это время сватьи снимаютъ съ иконъ старыя полотенца, и навѣшиваютъ на нихъ новыя, привезенныя невѣстой; столы также застилаютъ ея скатертями. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній, начинается угощеніе пріѣхавшей дружины. За столомъ поютъ слѣдующія пѣсни:

44.

Ай наша Матрунка вяликаго роду,
Ня здзѣлала намъ тревогу.
Якъ золотъ персьцень на руцѣ́,
Такъ яе родзинка на куцѣ́,
Якъ золотъ персьцень шаруюць,
Такъ и родзину шануюць,
Якъ золотъ персьцень полужаюць,
Такъ её родзину поважаюць.
А у нашыго свата дзіўное дзиво:
Цисовая хата, блиновые дзвери,
Зъ пирыпечь печка збита, сочнями накрыта,
Индыкъ хату топіў, зайцъ воду носіў,
Бараны ў ворганы, козлы ў барабаны,
Подцёлки ў свицолки, быки ў гутки,
А старыи корови́цы, якъ ударили ў ладоницы!
А сивыя свиньи отъ смѣху поздыхали.
А у нашыго свата дый дзіўное дзиво:
Цисовая хата, кругомъ хаты мята,

---

[1]) Въ оригиналѣ тутъ, какъ видно, пропущены слова: «и сажаютъ на дѣжу».

И ў хаци богата;
Кругомъ хаты ельле (ель),
А ў хаця весельле.

45.

А сваточыкъ домовэй,
Возьми кубокъ золотэй!
Коли любишъ, частуй насъ,
А ня любишъ, отпраў насъ.
А свацинька молодая,
На ей ка́тнка голубая,
Нидаўне свацьця пошыла,
А ужо рубчыкъ оббила,
По вересу ходзила,
Зъ лучыкъ цицерыкъ ловила,
Подъ осѣцьцю зарыла,
Побрацимо укормила.

46.

А сватóчыкъ, голубóчыкъ,
Подзвинься зъ мисьцéчка,
Подъ тобой сто рублей,
Подъ полой тысича,
А сто рублей табѣ ў мошну,
Тысича ли пявуннійкой,
Якъ пошли твои дары,
А зъ кута ды ў запечыкъ,
Ды кажному чаловѣчку.

Въ этой пѣснѣ, вмѣсто голубочекъ, вставляютъ имя каждаго изъ пріѣхавшихъ гостей и такимъ образомъ поютъ ее каждому отдѣльно, за что величаемые платятъ пѣвицамъ по нѣсколько копѣекъ.

Такимъ же образомъ поютъ и слѣдующія пѣсни:

47.

Дзѣ сядзиць Иваничка,
Тамъ бязъ соўнинька ціпло,
И бязъ мѣсяца видно:
Надъ головой свѣчки цеплюцца,
Въ рукава зори сыплюцца.

48.

Знаю цибе Ванютка,
Знаю цибе сваточыкъ,
Ўнидзѣльку мамка родзила,
Кола рэчыньки ходзила,
Зельле, кореньне копала
И тымъ Ванютычку умывала,
Кабъ яго уроцы ни брали,
Ани винныя похмѣльле,

Ни цяжкое ўздыханьне,
Ни Ганкина цалованьне.

49.

А ўси госьци хороши,
Лѣпши нѣту Ванютки,
Ёнъ ботъ объ ботъ щыўка́иць,
По малюсиньку ступа́иць:
Кабъ ножыньки ни звихнуць,
Кабъ боцика ни скрывиць.

50.

Ай на кимъ (2) собольля шапка (2)
Ай на кимъ, на кимъ?
У Ванютки собольля шапка,
На шапочки цвяточки;
А цвяточки разныи,
На цвяточкахъ пташычки,
А пташычки дробныи,
А поюць пѣсни разныи.

51.

Скакаў, плисаў горнастайка по столу,
Прыближыўся къ Ванюткиныму кишаню.
И Ванютычка сваточыкъ, дай мнѣ сыра!
Захоцѣлыся мнѣ, молодзенькэй, на сына.
Ни даси ты намъ сыра, до души! коня украдзимъ,
Ко бярёзи привяжымъ, цибе розгамъ накажымъ.

52.

Прыѣхали *поциребнички* —
Якъ циребюць ды циребюць,
На столѣ ни крошычки,
Подъ столомъ ни костычки.

53.

А сваточки, соколочки, просици насъ,
Кабъ ни было Матрункѣ худо ў насъ.
— А сваточки, соколочки! ня будзиць;
Нихай йна нашу хатыньку ня гўдзиць.
Будзимъ её ўсей милеинькый жалѣци.
Нихай йна сѣни, хату подмицець,

Нихай йна ў роў шумыньку ни нисець,
Нихай йна подъ порóгымъ положыць,
Нихай йна правэй ножкый прытопчыць,
Нихай йна горючымъ слёзкымъ помочыць.

Какъ встаютъ изъ за стола, гости поютъ:

54.

Дали пиць, дали ѣсьць,
Дайци погуляци;
Панчошки щакочуць,
Погуля́ньня хочуць.
Якъ у насъ, такъ у васъ,
А ўсё поле роўно,
Якъ и намъ, такъ и вамъ—
Погуляци вольна,
Якъ у насъ, такъ у васъ—
По полю крапіўка.
Ты Паўлюська будзь такоў,
Ни давай Матрункѣ потакоў.
Миняй коникоў съ цаною,
Бій Матрунку зъ виною.

Какъ собираются отъѣзжать, поютъ:

55.

Поѣдзимъ домоў, поѣдзимъ!
Кому свою Матрунку прыкажимъ?
Прыкажимъ Матрунку Паўлюську:
Ня бійце Матрунку дубцами,
Навўчайцю Матрунку слоўцами,
Ня бійце яе вяроўкой,
Навўчайцю яе говоркой;
Отъ дубцоў йна дурнѣйць,
Отъ слоўцоў разумнѣиць.

Имъ отвѣчаютъ:

56.

А будзице сваточки нучываць,
А будзице соломки добываць,
А у насъ солома дорога
За яшный снопóчакъ—шастóчокъ,
За сѣна вязку — сирмяжку,
За лубку оўса́ — дзѣўка ўся.

57.

Татаринъ, брацицъ, татаринъ!
Оддаў сяструцу за даромъ,

А русую косыньку за питакъ,
А бѣлые личыйка попіло и такъ,
А братъ ў сястрѣ кохаўся,
Нямножко грошы набраўся.

58.

Ни радывайся, мамухна,
Ни вязёмъ твосй дочки ў задъ,
Ай тольки вязёмъ гусильки [1]),
Ай хорошіе пѣсеньки.

59.

Ай ѣдзьце сваты къ чорту домоў,
А ня гудзьце нашихъ вы дьвороў,
Ай нашы дворы якъ городы́,
Ўсё й драницами укрыты,
Зилѣзнымъ гвоздамъ прыбиты.
Ай вашы дворы якъ хлявы́:
Ўсё соломою укрыты,
Дзирявяннымъ гво́здамъ прыбиты.

Когда гости уѣдутъ, оставшіеся родные жениха садятся ужинать и поютъ:

60.

А баратычка черниынькій, черниынькій
А на имь воўна сучыцца, сучыцца,
А барашычку стрычъ будзимъ, стрычъ будзимъ,
А горэлычку пиць будзимъ, пиць будзимъ.
А господаръ ў бобрѣ, ў бобрѣ,
Прынисець горэлки ў вядрѣ, ў вядрѣ
Господынька ў лисахъ, ў лисахъ
Прынисець горэлки ў мисахъ, ў мисахъ.

61.

Господыня тужыла,
Што вялика дружына,

---

[1]) Скрыпки.

А господаръ тому радъ:
«Садзицися госьци ў радъ!»
А кабъ яны пили, ѣли,
Хорошые пѣсни пѣли.

На третій день послѣ свадьбы, обыкновенно во вторникъ по утру, семья жениха приглашаетъ къ себѣ всѣхъ своихъ сосѣдей изъ деревни. Когда гости въ сборѣ, зажигаютъ свѣчки передъ образами, молятся Богу, потомъ, усѣвшись за столъ, начинаютъ дѣлить коровай. Обязанность эту исполняетъ отецъ крестный жениха. Родителямъ жениха даютъ отдѣльно и бо̀льшую часть, потомъ тоже отдѣльно молодымъ, музыканту, братьямъ и сестрамъ молодаго. Остатокъ коровая ѣдятъ всѣ вмѣстѣ за столомъ.

Вставъ изъ за стола, заставляютъ невѣсту исполнять разныя работы. Прежде всего велятъ ей вымести избу; но гдѣ бы она ни начала мести, туда бросаютъ нарочно разный соръ до тѣхъ поръ, пока молодой мужъ не выкупитъ ея отъ этой работы, предложивъ всѣмъ присутствующимъ водки. Затѣмъ молодой велятъ принести воды; опять начинается та же исторія: всѣ идутъ къ колодцу, зачерпнутую ею воду постоянно выливаютъ, пока мужъ опять не вступится за нее и не выкупитъ ее водкой. Тогда заставятъ ее печь блины. Въ приготовленное тѣсто бросаютъ тряпки и т. п., опять наступаетъ выкупъ. Всѣ смѣются будто бы надъ неловкостью молодой и немного потанцовавши, расходятся по домамъ. Этимъ кончается свадьба и всѣ ея обряды. Иногда родители невѣсты зовутъ еще къ себѣ въ гости семью жениха; въ такомъ случаѣ родители жениха приглашаютъ въ свою очередь къ себѣ семью невѣсты. На этихъ *перезовкахъ*, какъ ихъ крестьяне называютъ, поютъ слѣдующія пѣсни:

62.

Нашэй Матрункѣ трёхъ дёнъ нѣтъ, —
Прыў̆ныло наше подворъе:
Ў голубничку голубы ни гудзяць,
Ў горо́дзи красычки ни цвицяць,

Прыѣхала Матрунка до дому,—
Ў горо́дзи красычки зацвицѣли,
Ў голубничку голубы загудзѣли.

63.

А ужо ни рано, сонце на закацѣ,
А ужо Матрунка на выхо́дзѣ.
Яе мамухна ночывацъ унимацъ:
Ночуй дочушка, ночуй родная!
Ужо рожа расцвитаицъ.
— Мамухна моя, родная моя!
Ня буду я ночываци,
Мнѣ рожы ни щыпаци,
Мнѣ вяночки ни звиваци.

64.

А ўси пѣсни пирапѣли,
Одного шырсьцня ня пѣли:
Полицѣў шырсьце́нь на болото
Загодаў шырсьцень тры работы.
Жына́ мужа продавала,
Оцанила тры рубли.
Мнѣ зъ грошами ни носицца,
Мнѣ зъ ко́ними ни возицца,
А милый ў хаци прыгодзицца:
Стоўкнецъ, змяльнецъ, воды прынесецъ,
Коли здобрыцца, хату подмецецъ,
А коли чортъ надмецъ — бокъ набъецъ.

Записано М. И. Хмѣлевской.

Дополненія къ предыдущимъ описаніямъ.

А.

Той же губ. и уѣзда, Велишковской волости.

Съ самаго ранняго утра вѣнчальнаго дня женихъ безотлучно остается при своемъ «дружкѣ», который какъ бы оберегаетъ его и физически, и морально. Въ виду послѣдняго обстоятельства «дружко» часто напоминаетъ жениху, что онъ не долженъ за-

сматриваться на постороннихъ женщинъ; да и самъ женихъ держитъ себя съ потупленною головой. Эта охранительная роль «дружка» хотя и слабѣетъ при вѣнцѣ, но не кончается до встрѣчи новобрачныхъ въ домѣ родителей невѣсты. «Дружко» есть что-то въ родѣ повѣреннаго невѣсты, такъ что и самый его выборъ часто принадлежитъ ей же.

Гораздо важнѣе охранительная роль другаго лица — опытнаго знахаря, который беретъ жениха подъ свою опеку со дня помолвки молодыхъ. Незнаемый ни кѣмъ, мало замѣтный на своей службѣ, онъ слѣдуетъ за женихомъ въ церковь, въ дорогѣ и ведетъ свою оберегательную службу до совершеннаго окончанія брачнаго торжества. Личность знахаря нарочно бываетъ скрыта отъ постороннихъ; часто и самъ женихъ узнаетъ о своемъ *невидимомъ* покровителѣ лишь по окончаніи всего того, что такъ легко можетъ навлечь какое-нибудь несчастіе на молодыхъ супруговъ. Знахаря знаютъ родители новобрачныхъ и немногіе изъ гостей, когда-либо имѣвшихъ лично къ нему надобность, но они стараются не выказать особеннаго ухода за нимъ, чтобы очень скоро не отличить его отъ другихъ брачныхъ гостей. Упомянувъ о знахаряхъ, слѣдуетъ сказать, что въ Витебской губерніи такія лица имѣютъ большое значеніе въ свадебныхъ дѣлахъ; удачный выборъ знахаря составляетъ не маловажную заботу родителей брачущихся.

Увѣдомленные о предстоящемъ торжествѣ, родственники и друзья дома жениха таинственно спрашиваютъ: «а ти ёсь жа знатокъ?» Получивъ родительское благословеніе и пожеланіе о счастливомъ пути, женихъ ѣдетъ къ вѣнцу вмѣстѣ съ «дружкой» на вороныхъ лошадяхъ, непремѣнно рядомъ, держа въ своихъ рукахъ поводья «дружкиной» лошади; поводья же своей лошади вручаетъ «дружкѣ». Обычай требуетъ, чтобы женихъ и всѣ сопутствующіе ему къ церкви, ѣхали какъ можно быстрѣе, и потому часто случается, что одну или двухъ лошаденокъ «свадебники заѣзжаютъ», какъ выражаются крестьяне. Но, какъ бы ни была быстра ѣзда и какъ бы часто ни требовалось погонять ло-

шадей, женихъ не долженъ не только стегать свою лошадь, но и другимъ какимъ дѣйствіемъ понуждать ее къ бѣгу. Для этой цѣли жениху не даютъ кнута. Какъ за себя, такъ и за жениха лошадей стегаетъ «дружко».

Невѣстинъ поѣздъ состоитъ преимущественно изъ особъ женскаго пола, а потому и самая поѣздка происходитъ или на саняхъ, или на *колесахъ*, приспособительно ко времени года. Впередъ ѣдетъ невѣста съ ближайшей подругой-дѣвушкой; за нею двѣ или три сватьи, молодыя, но уже замужнія женщины, далѣе—знающая брачныя церемоніи сватья, родственницы невѣсты и почетныя гостьи и, наконецъ, мужчины,—что случается рѣдко; такъ что и самый невѣстинъ поѣздъ называется «бабскимъ поѣздомъ» . . . . Лошадьми правятъ мужчины и гонятъ ихъ также немилосердно, какъ и въ поѣздѣ жениха. Топотъ лошадей, стукъ колесъ и разноголосые звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ въ лѣтнее время даютъ знать о поѣздѣ невѣсты на далекое разстояніе. Подобно жениху, отъ начала брачныхъ церемоній и до ихъ окончанія, невѣста старается держать себя, опустя голову и не засматриваясь на сторону. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Витебскаго уѣзда, не смотря ни на какое время года, хотя бы даже и въ іюльскіе жары, невѣста ѣдетъ къ вѣнцу въ шубѣ, поверхъ которой одѣвается еще и суконный армякъ; но въ Полоцкомъ уѣздѣ это не встрѣчается и невѣста ѣдетъ къ вѣнцу въ одеждѣ соотвѣтствующей времени года.

Вплоть до вѣнца женихъ и невѣста дѣлаютъ по три земныхъ поклона всякому встрѣчному, будь онъ даже и дитя, но во время слѣдованія ихъ къ церкви, къ вѣнцу, они ограничиваются поясными поклонами. Они хорошо сдѣлаютъ, если въ это время будутъ избѣгать встрѣчи другъ съ другомъ; въ крайнемъ же случаѣ они встрѣчаются какъ совершенно незнакомые и въ разговоръ не вступаютъ.

Упряжь на лошадяхъ, телѣги и вообще все въ поѣздѣ должно быть въ самой строгой исправности. Считаютъ весьма зловѣщимъ предзнаменованіемъ, если распряжется дорогой лошадь

(что, если можно, стараются не замѣтить), сойдетъ колесо, сломается ось, или-же, въ особенности, если упадетъ изъ телѣги кто-нибудь изъ молодыхъ. Въ такихъ особенно исключительныхъ случаяхъ весь поѣздъ возвращается назадъ домой, откуда снова начинаютъ поѣздку къ церкви, сохраняя въ то же время въ душѣ твердую увѣренность, что приключеніе даромъ не пройдетъ. Перебѣжавшій дорогу заяцъ тоже пророчитъ что-то не доброе. Но встрѣча съ волкомъ считается особенно благопріятною и въ этомъ случаѣ поѣзжане увѣрены, что видятъ не дѣйствительнаго волка, а одного изъ свадебныхъ гостей, когда-либо и кѣмъ-либо въ него превращеннаго, и что такой волкъ вышелъ теперь посмотрѣть на чужое счастіе и вспомнить свое. Общее сожалѣніе объ оборотнѣ и самыя доброжелательныя мысли сопровождаютъ его, несчастнаго, пока онъ не скроется съ глазъ.

Находясь подъ вѣнцомъ, невѣста наровитъ поставить свою ногу на ногу жениха и держать ее такъ во все время вѣнчанія. Примѣтъ касательно молодыхъ во время бракосочетанія очень много; но они общія всему среднему сословію нашей мѣстности и имѣютъ силу не только въ захолустномъ крестьянствѣ, но и у болѣе образованнаго горожанина. Такъ, если у кого плавится вѣнчальная свѣчка, тому придется плакать въ наступающей супружеской жизни; у кого свѣча скорѣе горитъ, тотъ прежде умретъ; у кого ярче — тому предстоитъ веселая жизнь, и на оборотъ, погаснетъ свѣча, или же, падая, переломится — самая скорая смерть, или въ крайнемъ, благопріятномъ случаѣ — продолжительная безвѣстная отлучка одного изъ супруговъ. Бодрость и веселость брачущихся во время вѣнчанія не считается признакомъ особенно благопріятнымъ для нихъ и проч.

Лишь только новобрачные сойдутъ съ церковной паперти, сватья поетъ общую по Витебской губерніи пѣсню, обыкновенно начинающуюся словами:

Ой радъ — радиникъ, (2) и т. д.

Въ концѣ эта пѣснь заключаетъ ту мысль, что поѣзжане обманули попа, дешево заплативъ ему за бракосочетаніе такой

дорогой пары, какъ чета новобрачныхъ. За церковною оградой къ поѣзжанамъ присоединяются музыканты, т. е. два или три скрипача, и свою музыку сливаютъ съ голосами сватей. Замѣчательно, что дуда, весьма уважаемый у крестьянъ нашей мѣстности инструментъ, всегда имѣющій преимущество на вечеринкахъ, въ свадебномъ весельѣ устраняется.

Въ какомъ бы близкомъ разстояніи не находились дома новобрачныхъ, но въ Витебскомъ уѣздѣ тотчасъ послѣ вѣнца всѣ поѣзжане закусываютъ въ избранномъ и непремѣнно хозяйскомъ домѣ, въ погостѣ, и только въ исключительныхъ случаяхъ — въ корчмѣ, предпочитая однако послѣдней и богадельню, гдѣ таковая есть. Эта закуска, какъ составляющая часть большаго свадебнаго обѣда, проходитъ скромно, при пѣніи только нѣкоторыхъ, болѣе общихъ свадебныхъ пѣсенъ. Новобрачные идутъ въ свой домъ порознь, сопровождаемые каждый своею свитой и своими пѣвицами съ музыкою. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Полоцкаго и Дриссенскаго уѣздовъ, новобрачные ѣдутъ изъ погоста вмѣстѣ; женихъ проводитъ невѣсту до дому и, не входя въ него, отправляется со свитою обратно въ свой домъ.

Ѣдутъ ли новобрачные вмѣстѣ или порознь, но если требуется переѣзжать перекрестки и даже простое развѣтвленіе прямой дороги, то, какъ только въ виду свадебнаго поѣзда на этомъ мѣстѣ покажется прохожій или проѣзжій, немедленно весь поѣздъ останавливается и опытная сватья перебѣгаетъ перекрестки три раза, производя различныя заклинанія и плюя по направленію каждой изъ этихъ дорогъ. Если во время шествія новобрачныхъ, или даже и поѣздки, какой-нибудь злонамѣренный человѣкъ броситъ имъ подъ ноги *колотоўку*, то вся жизнь новобрачныхъ будетъ рядомъ супружескихъ раздоровъ и колотушекъ.

Съ наступленіемъ поздняго вечера, около 10 часовъ, послѣ короткаго ужина, женихъ отправляется въ домъ невѣсты съ своею свитою и избранными гостями. Передъ ужиномъ, послѣ пляски и разгула, сватьи заводятъ пѣсню:

«Ды ряду сваточки, ды ряду,
«Становитеся въ одну грымаду» и проч.

При этихъ словахъ всѣ гости выстраиваются въ должномъ порядкѣ, кромѣ родителей, и три раза обходятъ вокругъ стола, при пѣніи пѣсенъ и затѣмъ идетъ торопливая попойка и закуска и, наконецъ, надѣленія деньгами жениха. Передъ этимъ руководящій сватъ или другой болѣе рѣчистый гость, одѣтый въ шубу, шапку и рукавицы, взбирается на печной столбъ и оттуда ведетъ такую рѣчь:

«Отецъ родный и матя, братьтя и сестры, дзядька и дзядзиньне, сваты и сватьтии, госьтики заѣзжіе и захожіе и уси добрые людзи! хто самъ прышоў, кого Богъ прынесъ» и т. д.

Эта послѣдняя рѣчь всегда заканчивается какой-нибудь слишкомъ шуточной фразой. При общемъ смѣхѣ «выкрыкальничекъ» иногда кувыркается и падаетъ на полъ, откуда его поднимаютъ гости, распрашиваютъ про болѣзнь, предлагаютъ различныя лѣкарства и, долго не попадая на дѣйствительное, окончательно излѣчиваютъ больнаго водкой, которая подается ему не рюмкою, а большою ложкой.

Присутствуя на нѣсколькихъ крестьянскихъ свадьбахъ въ Витебскомъ, Полоцкомъ и Дриссенскомъ уѣздахъ, я никогда не видѣлъ этого, заранѣе разсчитаннаго паденія; приходилось неоднократно слышать, какъ гости укоряли «выкрикальничка» за то, что онъ не упалъ и не потѣшилъ ихъ.

Тотъ же церемоніалъ паденія производится и въ домѣ *княгини*, сначала отдѣльно, а потомъ по пріѣздѣ жениха, когда идетъ общій ужинъ или такъ называемое «весельля». Разумѣется здѣсь дѣло идетъ шумнѣе и веселѣе. Все, что придумала старина и что освятили время и обычаи, выливается праправнуками въ широкую форму «весельля». Охмѣлѣвшіе гости трунятъ надъ молодыми, часто приговаривая, что «горэлка горка», «кушаньне горко» и для отогнанія этой горечи требуютъ, чтобы молодые цѣловались, отчего, какъ горэлка, такъ и кушанье пріобрѣтаютъ противоположный, сладкій вкусъ. Ѣздятъ другъ на другѣ верхомъ,

борятся и играютъ въ *перетяжки*, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ и вообще самыми многоразличными способами стараются забыться отъ своей невеселой дѣйствительности и перенестись своими шалостями въ золотой періодъ дѣтства.

Присутствуя при цѣлодневной ѣдѣ и попойкѣ своихъ многочисленныхъ гостей, новобрачные остаются все это время лишь голодными зрителями. За общимъ столомъ имъ подается зажаренная курица, которую они съѣдаютъ лишь вполовину; остатокъ же, завернутый въ скатерть, новобрачные уносятъ съ собою на мѣсто своей временной спальни — непремѣнно холодное помѣщеніе или въ отхожей избѣ, или въ амбарѣ. Здѣсь они спятъ на самой неизысканной постелѣ и подъ прикрытіемъ самой легкой одежды, въ тоже время крѣпко запертые.

Немедленно послѣ «стола» молодыхъ удаляютъ; гости же продолжаютъ веселье, а съ разсвѣтомъ идутъ будить новобрачныхъ. Сватьи набрасываются на перемѣнное бѣлье ихъ, по которому и опредѣляютъ дѣвство «молодухи» .. Въ случаѣ если осмотръ слѣдовательницъ окажется неудовлетворительнымъ, вся вина обрушивается на главнаго свата, который, по пословицѣ: «Свату альбо первая чарка, альбо первая палка» — становится отвѣтственнымъ передъ стороной молодаго и которому поэтому достается довольно серьезно. Заинтересованная женихова сторона бранитъ и стыдитъ свата, а иногда прибѣгаетъ просто къ вещественнымъ мѣрамъ наказанія. Въ Витебскомъ уѣздѣ иногда на шею провинившагося свата надѣваютъ хомутъ со шлеями, зануздываютъ и *возжаютъ*, и въ такомъ жалкомъ украшеніи заставляютъ его исполнять всевозможные танцы, пить водку и кушать. Изнемогая отъ тяжести и сильныхъ движеній, безпрестанно путаясь ногами въ шлеяхъ, сгорая въ то же время отъ стыда и досады — сватъ становится весьма жалкимъ, неповиннымъ можно сказать мученикомъ. Но онъ безропотно несетъ свое наказаніе, какъ вполнѣ заслуженное, и только, когда кнутъ мучителей ужъ слишкомъ его дойметъ, онъ мягко проговоритъ, что «ужъ очень больно»! — Подобные случаи рѣдки, а теперь и

вовсе не существуютъ; но они еще недавно составляли исключительную особенность упомянутой мною мѣстности.

Изливъ всю свою досаду на провинившемся и беззащитномъ сватѣ, его торжественно выносятъ за ворота и бросаютъ; тамъ сватъ уже снимаетъ свои украшенія и отдаетъ ихъ по принадлежности, а самъ по добру, по здорову, уходитъ или уѣзжаетъ домой. Понятно, что такой сватъ, быть можетъ, имѣвшій прежде большую практику, совершенно падаетъ въ общественномъ мнѣніи и уже ни одинъ холостой мужчина не станетъ просить его въ сваты, — что болѣе всего увеличиваетъ горечь положенія несчастнаго.

Въ дополненіе къ сказанному мною касательно вѣнчальнаго дня слѣдуетъ добавить нѣсколько словъ и о торжественномъ отправленіи приданаго «молодой» въ мужній домъ, если дѣвушка оставляетъ родителей и принимается въ этотъ домъ. Чрезъ недѣлю, т. е. по окончаніи «весельля», все имущество молодухи, какъ-то: одежда, обувь, украшенія и проч. связываются въ узлы и складываются въ *скрыню* или въ *кубелъ*. Послѣ обѣда, послѣдняго родительскаго благословенія и наставленія, молодые садятся вмѣстѣ въ телѣгу или сани; лошадью правитъ мужъ. За молодыми ѣдутъ родные и особенно короткіе друзья; позади всѣхъ ѣдетъ мать молодой на парѣ лошадей, которыми сама и правитъ. Она сидитъ на сундукѣ или же *кублѣ*, даже и въ томъ случаѣ, если въ телѣгѣ, или саняхъ есть другое, болѣе выгодное для сидѣнья мѣсто. Хотя подъ приданое впрягается и пара лошадей, а самое приданое бываетъ не очень тяжело, такъ что лошади безъ труда могутъ слѣдовать за прочими поѣзжанами, но, при встрѣчѣ съ прохожимъ или проѣзжимъ, также и при проѣздѣ чрезъ селеніе, везущая приданое мать нарочно отстаетъ отъ прочихъ, дѣлая видъ, будто лошади томятся подъ тяжестью клади и не могутъ угнаться за передовыми.

13 Сообщ. Н. Я. Никифоровскій.

Б.

Той-же губ. и уѣзда, на границѣ Оршанскаго уѣзда, д. Запоженки.

На заручинахъ.

64.

У насъ сянни заручення, —
  Богъ намъ даў!
А вы жоночки, вы лебедочки,
  Чаломъ вамъ!
Чи не залецѣла наша курочка
  Вчóра къ вамъ!
Наша кýрочка—златопю́рочка
  И зъ хохломъ.
Вы не кышкайце, не шугыкайце,
  Нехай вамъ.
А вы жоночки, вы лебедочки,
  Чаломъ вамъ!
Чи не залецѣла наша дзѣвочка
  Вчора къ вамъ?
Наша дзѣвочка знаменитая
  И съ вянкомъ.
Вы не тукайце, вы не люкайце, —
  Нехай вамъ.

Столбовая пѣсня.

65.

Семъ лѣтъ поцѣў,
На гэту свадзьбу хоцѣў,
Семъ лѣтъ на печки валяўся,
На гэту свадзьбу сподзѣваўся;
Покуль на стоўпъ ўзлѣзъ,
Дыкъ увесь облѣзъ.
Бабы лёнъ трепали —
Кострыны ў ротъ попали.
Дайце винца пици,
Ў роци помочици,
Вы градки длинные порадки,
А вы полицы помощницы.
Госьцики собранные, созванные,
Кого кобылка привезла,

Кого матка прынисла,
А хто самъ прышоў,
Помогице, благословице.
Молодой княгинѣ пѣсню почаци.
За гэтымъ разомъ,
За другимъ казомъ,
За трецьцимъ разомъ —
Помогице пѣсню почаци.
Вы, святые Кузьма-Дземьмянъ,
Скуй жа намъ свадзебку,
На чатыре ра́доньки:
Первая радонька —
На жицьце на богатоя, 2
На доўги вѣкъ;
Другая радонька —
На сыноў пахароў;
Трецьця радонька —
На дочакъ, на жне́ячакъ [1]).

Когда расплетаютъ косу:

66.

Куковала зязюля у садочку,
Приклаўши голоўку къ листочку,
А къ ей пташиньки прилетали
А у яе праўдоньки патали:

---

[1]) *Вар.* Грымъ погрымъ!
Цихая бясѣда, вяселая хата,
Благословице нашаму дзицяци
Пѣсню почаци!
Жонушки бѣлоголо́вочки,
Дзѣўшки чарнобрывочки,
Благословице!
Мужички колосовички,
Госьцики прихожіе,
Благословице!
Ближніе прихожіе,
Дальніе пріѣзжіе,
Благословице!
Семъ годъ подъ лаўкой валяўся.
Гётый свадзьбы дожидаўся,
Три годы подъ печкой катауся,
А ўсё гэтый свадзьбы дождаўся.
Ты святой Кузьма-Дземьмянъ,
Да скуй жа намъ свадзебку!
Ды святэй жа Лука,
Солучи намъ гэту пару
Ды на три до́линки:
Ды первая до́линка —
Ды ў поли урожаю;
А другая долинка —
Ў хлѣвы приплоды;
А трецію долинку —
На сыноў на пахароў,
Чацвертая долинка —
На дочакъ, на жне́ячакъ. (Ср. 22 стр.)
Зап. мною тамъ-же отъ дворового.

«Чаго ты, зязюля, кукуишъ?»
— Чаму жъ мнѣ пташиньки ни куковаць?
— Я-жъ была дый звила гнѣздзечко,
— Я-жъ была дый знисла яечко,
— Откуль ўзяўся сизой оролъ,
— Ножками раскопаў гнѣздзе́чко,
— Дзю́бочкой раздзюбаў яе́чко,
— Къ сабѣ и зязюлю ўзяў.
Плакала Гапулька ў святлицы,
Приклаўши голоўку къ сястрицы,
А къ ей дзѣвынки приходзили,
Ды и у яе праўдоньки патали:
«Чаго-жъ ты, дзѣвынька, плакала?»
— Чаму-жъ мнѣ, дзѣвоньки, не плакаць?
— Я-жъ была дый звила вяночекъ,
— Я-жъ была пошла ў таночекъ,
— Откуль ўзъѣхаў Иванька,
— Коникомъ разогнаў таночекъ,
— Ручками разобраў вяночекъ,
— Ды мяне, молоду, къ сабѣ ўзяў.

Когда везутъ невѣсту отъ родителей въ домъ жениха:

67.

Бѣгли коники ўсё лужкомъ,
А за ими Аўдулька беражкомъ.
«Куды вы, коники, бѣгицё?
«Кому вы разлуку несицё?«
— Бѣгёмъ, Аўдулька, мы къ табѣ,
— Несёмъ разлуку мы табѣ;
— Отлучимъ цябе одъ татки,
— А пріучимъ цябе къ Халимоньку.

Когда ѣдутъ съ подъ вѣнца:

68.

Зъ горы, зъ горы, зъ долины
Бѣгли коники чатыре,
Везли карету синюю,
Звинчали Аўдульку силою,

Не такъ силою, за гроши,
Коли Халимонка пригожи.

69.

А хто у насъ паночыкъ? 2
— Иванька у насъ паночыкъ. 2
Ай сядзь жа што на куцѣ,
Постаў ножки на суножки,
Господа Бога на головѣ,
А Прачистая Маць на грудзёхъ,
Штобъ было лехко ў госьцёхъ.

Всѣ 6 зап. мною отъ мѣщанки Юліи (бывшей дворовой).

Когда перепьютъ невѣсту.

70.

Той-же губ. и уѣзда, волостей Королевской и Велишковской.

А родзи Божа ленъ, ленъ, ленъ,
А быя́рычыкъ вонъ, вонъ, вонъ.

Боярки отвѣчаютъ:

А родзи Божа ильнища,
А быярычкамъ гульлища.

Когда пріѣзжаютъ за невѣстой:

71.

А вы, дзѣ́выньки, а вы, жо́ныньки,
Чало́мъ вамъ!
Ци ни зылита́ла наша курычка
Ўчора къ вамъ?
А вы, дзѣ́выньки, а вы, жо́ныньки,
Чало́мъ вамъ!
Ци ни заѣзжала наша дзѣ́вынька
Ўчора къ вамъ?
Наша дзѣ́вынька, наша На́стынька —
И зъ вянкомъ.

72.

Синія рѣчынька волной бьецъ, —
Настульку мамынька зъ винца ждзецъ,

И ў ворóцикахъ стрыкáиць.
И у яе праўдыньки пытáиць:
«Ци звóнка звоны́ зьвинѣ́ли?
«Ци ярко свѣчы горѣли?
«Ци громко попы сьпи́вали,
«Якъ васъ мылодыі́хъ винчали?».
— Ай звонко звоны́ звинѣли,
— Ай ярко свѣчы горѣли,
— Ай громко попы сьпивáли,
— Якъ насъ мылодыхъ винчáли.

Подружки жениху:

73.

Ай вýмныя, разýмныя
Настулька!
Цимъ жа-жъ табѣ Ликсѣинька
Спыдыбаў:
Ци пы разуму, ци пы обы́чыю,
Пы ягó?
Ци пы конику, пы вороинькимъ
Пы ягó?
У яго-жъ коникъ вороинькій —
Ни яго,
Пызы́чаный, пыпрóшоный
У сусѣда.
«А сусѣ́дзинька, а либéдзинька,
«Дай коня,
«Коли Богъ судзиць,
«У насъ будзиць, —
«А у насъ будзиць —
«Оддадзёмъ».

74.

«Ци ня Богъ табѣ даў, Ликсѣйка,
«Што твыя́ Нáстынька хырышá?»
— А ня Богъ жа мнѣ даў, самъ я ўзяў:
— Цемный ночиньки ня дыспаў;
— Зъ вырынóго коника ня ссидаў;
— Самъ свою Настыньку къ сабѣ ўзяў.

75.

Тужи́ла, бядзи́ла сылоўёва мамка:
«Што-жъ то мыйго́ сылове́йки
«Зъ полёту нѣтъ?
«Вѣрно яго пташички улови́ли,
«Ў цёплыя гнѣзьдзечко зысадзи́ли,
«Пшани́цый, ярьі́цый накормили,
«Крыничный водзицый ныпои́ли.»
Тужи́ла, бядзи́ла Ликсѣйкина мамка:
«Што-жъ то мыйго Ликсѣйки
«Зъ поѣзду нѣтъ?
«Вѣрна яго дзѣ́выньки уловили,
«Ў новую святлицу зысадзи́ли,
«То мёдымъ, то виномъ ныкорми́ли,
«Крыничный водзицый ныпои́ли,
«Ў цёплую посьцьльку спаць ныложи́ли».

76.

Ны дворѣ ли рано смиркаиць,
Ликсѣйка коника сидлаиць,
У яго татынька пытаиць:
«Зачымъ ты коника сидлаишъ?»
— Што-жъ табѣ, татынька, до того?
— Сидлаю коника ня твыйго,
— Сіўца́, вырынца́ самъ свыйго.
— Пыѣ́ду ў дорожку то́рныю
— Пы свою́ Насту́льку убо́рную;
— Пыѣду ў но́чыньку ночнўю
— Пы свою Насту́льку вѣчну́ю.

77.

Зъ чи́стыго су поля вѣтры вѣюць,
Зъ Новыго Го́рыда госьци ѣдуць.
Ты-жъ выйдзи, Настулька, сустрѣнь госьцей,
Ты-жъ возьми коника за гры́выньку,
Мылодого Ликсѣйку за ру́чиньку,
Пывядзи́ ко́ника ды стаиньки,

Мылодого Ликсѣйку ды ха́тыньки,
Дай коню, дай коню сѣна, обро̀ку,
Мылодому Ликсѣйку пива мёду.
Выронэ́й конь ня пьець, ня ѣсь,
Князь мылодэ́й ни пыку́шыиць;
Конь выронэ́й дорошку чу́иць,
Князь мылодэ́й жаницца ѣ́дзиць,
А ў тую дорошку то́рную,
Пы свою Настыньку уборную,
А ў тую дорошку тыпта́ную,
Пы свою Настульку кыха́ную.

78.

Ай рано сонцо йграло,
Раній того Настулька ўстыва́ла,
Таткины клѣ́тычки отмыкала,
Чистыя сирыбро выбирали.
За ей ў слѣдъ татка ходзиць:
«Дочўшка родныя, ня ўсё бяри!»
— Татынька родниинькій, много на́дыби:
— Я-жъ иду ў хату быга́тую;
— Я-жъ иду ў сямью вяли́кую,
— Дзѣ дзивяри ня жана́тые,
— Золоўки лябёдки ня отдываны.
— Дзивяроў пыжаню,—симья будзиць;
— Золоўкъ пывы́дымъ—госьци будуць.
— Дзивяри-сыколы — сосѣдзи мои,
— Золоўки-лябёдки — госьци мои.

79.

«Знаць табѣ, Настулька, за́мыжъ хочицца,
«Што у цябе слёзыньки ды ня коцюцца.
«Ты-жъ сходзи, Настынька, ў зялёный садъ,
«Ты-жъ нарви, Настынька, горкій цыбульки,
«Ты-жъ натри, Настынька, ясны во́чиньки,
«Штобъ пошли горки слёзыньки».
Настынька цыбульку сыпсувала,
Зъ ясныхъ вочъ горкихъ слёзъ ды ня пыкацила.

80.

Загорѣлыся калина
Пирядъ зоринькый стоючы;
А тушіў вицярóкъ, — ни утушіў;
Бóльшы искоръя рызносіў.
«Я-жъ цябе, калина, ни утушу́,
«Большый искыркый рызношу́.
«А утушиць, ня утушиць дробный дошъ».
Якъ расплакалась Настулька,
Пирадъ мамухный стоючы.
Унимала мамухна, ни унилá;
Большы жáлысьци пыддылá.
«Я-жъ цябе, Настулька, ня униму,
«Большы жáлысьци пыддаю́.
«А унимиць ня унимиць Ликсѣйка,
«Увотрéць слёзыньки рушничкóмъ,
«Уни́миць жáлыбу куньчучкóмъ».

Родственницамъ невѣсты:

81.

Ходзіў, гуляў гырныстáйка пы столу́,
Прышоў, прыбрёў къ Марьюшкину рукаў:
А Маръюшка оцецькыя дочь дай сыру́.
Пыхоцилыся мылодзёшинькый на сына.

Когда мѣсятъ коровай:

82.

Суботынька нидзѣлинька родзила:
Сыбралыся Настулькина родзина,
Зьнясьли, завязьли семь пудъ муки
Ды ны кырывай.
Моцный Божа! вяликъ будзиць
Нашъ кырывáй.
Субботынька нидзѣлинька родзила:
Сыбрáлыся Настулькина родзина,
Зьнясли, зьвязьли семь пудъ масла
Ды ны кырывáй.
Моцный Божа! Масьлинъ будзиць
Нашъ кырывай.

Суботынька нидзѣлинька родзила:
Сыбралыся́ Настулькина родзина,
Зьнясьли, зьвязьли семь копъ яецъ
Ды ны кырывай.
Моцный Божа! Жовитъ будзиць
Нашъ кырывай.

Старшей бояркѣ:

83.

Якъ я была швачка,
Кырылёўськыя дочка,
Шила, вышивала,
Пы сто рублей брала,
Пы тысячи мѣла.
Хоцѣлыся ды полцинки
Зъ мылодого дзяцинки,
Хоцѣлыся зылотого
Зъ парня мылодого.

84.

Жа́лилась іівылга, жа́лилась,
Ды свойму брацилку сылоўю:
Яжъ зьвила была гнѣзьдзе́чка,
Яжъ занисла была іе́чко,
Откуль ўзяўся ясинъ оролъ,
Ножкыми гниздзечко рызырва́ў,
Носикымъ іечка рызьдзюбаў,
А мяне, мылоду́, къ сабѣ ўзяў.
— Жа́лилась Настулька, жа́лилась,
Ды свойму брацилку Мики́тку:
— Яжъ зьвила была вяно́чыкъ,
Яжъ пышла́ была ў таночыкъ,
Откуль ўзяўся Ликсѣйка:
Ко́никымъ тано́чыкъ рызыгна́ў,
Ру́чкыми вяно́чыкъ рызырваў,
А мяне, мылоду́, къ сабѣ ўзяў.

85.

Пылъ, пылъ, пылъ пы дороги,
Дымъ, дымъ, дымъ пы дубровы—
Ликсѣйка воюицца,—
Ўси людзи дзиву́юцца.

«Ни дзивуйцися людзи,
«Ни одзинъ я воююся:
«Богъ Господзь ныда мною,
«Ўся дружина со мною».

86.

Зы горой заинька выў, выў, выў.
«Хто-жъ цябе, за́инька, больна бiў?
— Бiў мяне Ликсѣйка мылодэй:
— Ци я яму дорошку пирабѣгъ!
— Ци я яму коника пыспудзiў?
— Ци я яму Настульку пыгудзiў?
— Пирябѣгъ дорожку сѣрый воўкъ,
— Пыпудзи́ли ко́ника жырябцы,
— Пыгудзи́ли Настыньку мылоццы.

87.

А ў пынядзѣлыкъ рано синiя моря йграла,
Настулька воду брала, ў свой бокъ пыглида́ла:
Ци ня ѣдзиць Ликсѣйка зъ великый радосьцю,
Зъ великый радосьцю и зъ большый сястрою?

88.

Циразъ боръ дорожка тыпта́ныя,
Туды йшла Настулька кыха́ныя.
На устрѣчу ей Ликсѣйка мыло́дзинькiй.
«Душа мыя́, Настулька, а идзѣ была?
— Паня мой, Ликсѣйка, ў твоимъ са́дзи.
«Душа мыя, Настулька, што робила»?
— Паня мой, Ликсѣйка, вишни щипала.
«Душа мыя Настулька, ў вошто́ вишню клала»?
— Паня мой, Ликсѣйка, ў твою шапку.
«Душа мыя́, Настулька, ў которыю»?
— Паня мой, Ликсѣйка, ў пуховую.
«Душа мыя́, Настулька, кому дыва́ла»?
— Паня мой, Ликсѣйка, твоей мамцы.
«Душа мыя́, Настулька, дыжда́лыся,
«Што зъ моей мамынькый спызна́лыся».

89.

Ѣхыли пыничи́ стрыляючы;
Тольки одзинъ Ликсѣйка ня стрыляиць.
Быць яму, быць яму
Ў Божжимъ дому,
Дзѣ самъ Богъ суды судзиць;
Прячиста Матушка пирясуживаиць;
Сынъ Божій винець дзэржиць,
Сьвита́я Сулука сылуча́иць:
Сылучи-жъ, Го́спыдзи, етыхъ дзѣтокъ!
Ай одно дзицятка рожо́ная,
Другоя дзицятка сужо́ная:
Ликсѣйка дзицятка рожо́ная,
Настулька дзицятка сужо́ная.

Послѣ вѣнца:

90.

Ай радъ радзиникъ Ликсѣйка,
Што ў новый царкоўки пыбываў;
Ны бѣлымъ рушничку пыстыяў;
Зылотыи пярсьцянки прыминяў;
Настульку за ручку пыдзиржаў.

Невестѣ сиротѣ:

91.

«Пыходзи, Ганулька, пы новыхъ сянёхъ,
«Пыглядзи, Ганулька, пы родзи́ны
«Ци ўся твыя́ родзинка сыбралися?
— Ўся жъ мыя́ родзинка сыбра́лися,
— Тольки нѣтъ татки зъ мамкый.
Схувались родныи за три замочки:
Першій жа замочикъ траўка-мураўка,
Другій жа замочикъ — жоўтый пясочикъ,
Трецьцій жа замочикъ грыбыва́я доска.
Узьнимицись, узьнимицись буйные вѣтры,
Развѣйця, развѣйця траўку-мураўку,
Сикониця, сикониця дробны дожжы́,
Розмыйця, розмыйця жоўты пяски,

Ударыця, ударыця люты мыро́зы,
Рызлымайця, рызлымайця грыбову́ доску,
Узьнимиця, узьнимиця татку зъ мамкый,
Пывядзиця, пывядзиця ў го́ринку,
Пысадзиця, пысадзиця ў першымъ раду,
Ў першымъ раду, дый на пираду.

Всѣ 22 зап. Е. А. Бирулей.

92.

Той же губ. и уѣзда, с. Вороново.

Ни щибячицы дробные пташки
Ў долинѣ,
Ай ни будзици моіго свякрутку
Ў пяринѣ.
Я молодзенька рада радзенька,
Што ёнъ спиць.
Свёкоръ ўстаниць, журбу поставиць —
На мяне.
Я за работу, ёнъ за вуркоту —
На мяне;
Я за короўку, ёнъ за вяроўку —
Биць мяне;
Я за ложку, ёнъ за вожки —
Биць мяне;
Я за талерку, ёнъ за горэлку —
Еднаць мяне.

Зап. М. И. Хмѣлевской.

Когда расплетаютъ косу.

93.

Той же губ., Леп. уѣзда, с. Вѣтрино.

А ў городзи кубками рожа вилася,
Ў кого-жъ ты, молода Таклюська, удалася?
По поясочикъ ў золота увилася,
Пусьцила косу́ по золотому поясу́:
Нихай моя русая косица лялѣиць,
Нихай мяне матулька жалѣиць,
А ужо моя руса косица одлялѣла,
А ужо мяне матулька оджалѣла.
Лялѣла коса, лялѣла руса семь нядзѣль,
Жалѣла мату́лька одзинъ дзень.

94.

Ай свѣтъ свитаиць,
Зара займаиць.
А тамъ Па́вачка
Коня сидлаиць, —
Коня сидлаиць,
Цяжинька ўздыхаиць.
Пришоў татулька,
У яго пытаиць:
«Чаго, Па́вачка,
«Чаго, дзицятка, ўздыхаишъ?»
— Бяру сабѣ дзѣваньку
— Повыше сябе, 2
— Пониже Бога:
— Шатами шасниць, —
— Ажъ я улякнуся;
— Ключами бразниць, —
— Ажъ я повалюся.
«Ни плачь, Павачка,
«Ни плачь, дзицятка:
«У насъ побудзиць, —
«Гэтого ня будзиць;
«Подзерыць шаты,
«Тоўкачи — мелючи,
«Погубляиць ключи,
«По воду идучи».

Когда женихъ съ дружиной ѣдетъ къ невѣстѣ:

95.

Ой выйдзимъ мы да послухаимъ:
Ци ня ѣдуць, ци ня гойкаюць?
Чуваць, сваты, чуваць, —
Кованыи ихъ колы стучаць,
Шоўковыи пувады звиняць.
Знаць сваты богатыи,
Шапочки на ихъ рога́тыи,
Знаць сваты хваслы́выи,
Коники ихъ пляснивыи.

96.

Ай бо́рамъ, бо́рамъ цямненьки,
Ѣхаў Павачка пьяняпька;
Хмѣль яму голоўку разобраў,
Конь яму шубачку разодраў.
А учула яго Таклюська:
«Ни тужи, ни бядуй, Павачка,—
«Есь у мойго дзядзички соболи:
«Сорокъ соболеў ра́бленыхъ,

«Чатыры бобры купленыхъ;
«Пошлемъ по краўца до дворца,
«Пошымъ шубаньку до долу,
«Поѣдзимъ, Павачка, до дому.»

97

Ай бо́рамъ, бо́рамъ, борами —
Ѣхали сваты рада́ми.
И увидзили яны чорный пень; —
Одзинъ сватъ кажиць: «вунъ мядзвѣдзь»,
А другій кажиць: «Ѣдзьце, свято́чки,
«Ня брэшьце: гэта ни мядзвѣдзь!
«Гэта ни мядзвѣдзь, а чорный пень.
«*Гэйный* чорный пень объѣдзимъ,
«До своей Гапульки доѣдзимъ».

98

Зяленая руточка,
Жоўтый цвѣтъ;
Пыталася Агапачка:
«Ци ужо свѣтъ,
«Што мойго Павачки
«Дома нѣтъ?
«Писала-бъ листы,
«Дакъ ня умѣю;
«Послала-бъ послы,
«Дакъ ня смѣю;—
«Пошла-бъ я сама,
«Дакъ боюся:
«Гибки кладачки, —
«Уломлюся:
«Быстрая рэчинька, —
«Утоплюся;
«Яны-жъ мяне
«Тамъ поймаюць.
«По русай косѣ
«Спознаюць».

99.

Цёмная ночь,
Да нявидная,
Новая каморочка
Ясяновая,
Ўся ина золотомъ
Высажоная.
Якъ пошла Таклюська
Ў коморочку,
Капнула золота
На голоўочку.
«Гдзѣ-жъ мои брацитки—
«Подзѣлимся?
«Бярице що́тачки,
«Грыбянёчки,
«Чишице золота
Зъ голо́ўочки,
«Пляцице золота
«Ў косочки,
«Поѣдзице со мной
Ў надо́кснички,

«Ня бу́дзице, бра́цитки,
Ў зниваги,
«Да будзице, бра́цитки,
«Ў пова́ги;
«Будзице пиць мёдъ, вино
«И горэлочку,
За мине учциваю
«Паненачку».

100.

Раззиляніўся зялёнъ яворъ ў горо́дзи,
Развисяліўся молодэй Па́вачка ў дорози,
А до своей Та́клюськи ѣдучи,
Дорогіи подарочки визучи.
Ина-жъ яго подарками гордуиць,
Ина-жъ яму полѣпшіи готуиць,
Йна яму глаўкомъ хустачку зубкуиць,
Пры цемной ночѣ, пры ясной свѣчѣ,
Пры ясной свѣчѣ ў коморы.

101.

Разщибитаўся соловей,
Ў щирымъ бору сидзючи,
Ў чистое поля глядзючи.
Разсварыўся Павачка,
Ў полъ-дорожки уѣхаўши,
Подъ бѣлой бярозай стоючи:
«Бярозка моя бѣлая!
«Голоўка моя бѣдная!
«Што мои коники ни ядуць?
«Ни пьюць, ни ядуць,
«Тольки рзуць?»
А учила яго дзѣванька Таклюська:
— Ни тужи, ни бядуй сужинька:
— Я твоихъ коникоў напасу,
— Ў ранній росѣ, ў оўсѣ́,
— На вячерній зарэ, на травѣ,
— Ў цихимъ Дунаю напою,
— Ў новую стаенку завяду,
— Сѣна, оброку подложу.

102.

А хто-жъ тамъ ў воротцахъ колота́ицца?
Павачка къ цешчухни дозволяицца:
«Цешчухна-матухна, пусьци ў дворъ:
«Ужо мои коники прытомилися,
«Ужо мои сваточки прымовилися,
«Ужо моя свацица прыпіялася,
«Ужо моя дуданька проигралася,
«Ужо мяне Гапулька прыждалася».

103.

Кыла горы дорожичка лижала;
Ай тамъ ѣхаў Павачка жаницца.
Якъ учуў жа ёнъ одголо́сочки по бору, —
Ёнъ жа подумаў, што зязюлька кукуиць,
А по имъ яго матулька бядуиць:
«За што мойго дзицятки доўга нѣтъ?
«А ци яго сіўцы-воронцы прыстали?
«Ци яму прыгоданька тамъ стала?
«Ци яму дзѣванька тамъ надала?»

Передъ выѣздомъ невѣсты въ церковь:

104.

Стала Таклюська поконецъ стола́,
Молилася Богу:
«Матулька моя родная!
«Богослови мнѣ дорожку».
— Таклюська моя, дочу́шка моя!
— Табѣ дорожка богословёна,
— Царкоўка одчинена,
— Свѣчки пылаюць,
— Дзяки ўспиваюць,
— И цябе дожидаюць.

105.

«Якъ ты будзишь жиць,
«Моя Дарачка, безъ дочки́?
«Порастуць за лаўкай козлячки́,
«А ня будзишъ по грыбочкамъ ходзици,
«А будзишъ за лаўкай збираци.

Когда молодыхъ выводятъ изъ клѣти:

106.

Звонкоя дзиравцо-калинка
По бору йшла, звинѣла,
Вулицай йшла, шумѣла,
А къ воротцамъ прышла, гука́ла:
«Ци ў доми дзѣванька, ци ў доми?
«Одчини калинцы воротцы».
— Ў доми, калинка, ў доми,
— Да ни одчиню калинцы воротцы:
— Загадаў сужинька работу —
— Зяленый виноградъ садзици,
— Зъ крыницы водой полици,
— А кручками виноградъ, кручками;
— Прыѣдзиць сужинька съ дружками.

Когда молодую везутъ въ домъ молодаго:

107.

Чувацъ, сваты, чувацъ:
Кованыи ко́лы стучацъ,
Шоўковыи пуводы звинящъ,
Равуцъ кони, равуцъ, —
Богатырачку вязуцъ —
Зъ скрынями, зъ пярыними,
Зъ пуховыми подушками,
Зъ чырвоными истушками.

108.

Ко́цицца, ва́лицца
Молода на дворъ —
И зъ конемъ, и зъ воломъ,
И со ўсимъ добромъ.
«А выйдзи свякроўка горбатая,
«Пирайми нявѣсточку богатаю;
«А выйдзи свякроўка хвасливая,
«Пирайми нявѣсточку щасливаю».

109.

«Приданыи удалы́и,
«Одъ кого вы присланы́и?
— А прыслала насъ мацп —
— Поглядзѣци дзицяци:
— Якъ яно́ прибяро́ноя,
— Гдѣ яно посажо́ноя.
«Прыбяро́но, якъ пынятачка
«Посажано, якъ сироточка».

Всѣ 16 зап. свящ. Я. В. Копецкимъ. Ср. мой бѣлорусск. сб., стр. 486, № 104.

Пѣсни передъ свадьбою и во время ея.

110.

Той же губ., Леп. уѣзда, дер. Орѣховна.

Я-й родзилася ни была,
Куды мяне матулька отдала:
Ци за цёмныя борочки?
Ци за синія озёры?
Я тыя борочки посяку́,
Синія озёры замощу,
И у своей матульки погощу

111.

А бѣленькій, кудравенькій Иванька!
А хто яму и кудрики разчесаў?
Разчесала яго матулька родная.
Ў суботучку ўвесь дзянёчикъ часа́ла,
А ў нядзѣличку по нявѣстычку послала:
Ды ѣдзь-поѣдзь, мое дзиця, ня баўся,
Привязи мнѣ нявѣстычку въ атласѣ,
Хоць ня въ атласѣ, дыкъ ў бѣлинькой сирмязѣ,
А ў сирмязѣ работычку робиць.

112.

На кимъ, на кимъ кошуличка хороша?
— На Иванькѣ кошуличка лучши ўсихъ.

Ды хто-жъ яму тую кошульку вышпваў?
— Вышивала яго матулька родная,
— При цёмной ночи, при ясной свячи, сидзючи,
— А ў конерочикъ зара́ночку ўшила,
— Кабъ-же яму ўсю дорожиньку свяцила.
«Свяци, свяци, зара́ночка до конца,
«Покуль же я заѣду до вянца!
«Свяци, свяци, зара́ночка до конца,
«Покуль-же я совярнуся одъ вянца!»

113.

«Подъ кимъ, подъ кимъ вороный конь гарцуець?»
— Подъ Иванькой ёнъ но́жичакъ ня чуець.
— Пероскочіў трое воротъ ў горо́дъ,
— Поцёръ, помяў руту мяту-жоўтый цвѣтъ.
— Разсердзилася яго дзѣванька на яго.
«А ня сердзися, моя дзѣванька, на мяне,
«У мяне ёсь бо́льшія сады за твое,
«Ты-жъ ня будзешъ вяночкоў вить у мяне,
«Ды ты-жъ будзешь чепчики шиць у мяне.»

114.

А въ борку, въ борку на клинку́
Висѣла колыска на шоўку́,
А ў тэй колыски Иванька,
Коло тэй колыски бояры:
Бояры мои пышныя,
Бояры мои славныя!
Сколыхнице мяне високо,
Кабъ я увидзѣў далёко:
Гдзѣ моя дзѣванька гуляець,
Шоўковымъ платочкомъ махаець, 2
Садовымъ яблочкомъ качаець.

Зап. М. Пизелко. Доставлен. инспекторомъ народн. училищъ С. К. Шимковичемъ. Поется и въ другихъ мѣстахъ. Ср. мой бѣлорусскій сборникъ, стр. 202, № 340.

115.

Той же губ. и уѣзда, м. Коптіевичи.

Прыѣхали да заручнички, 2.
Кого яны заручаць будуцъ? 2

Пошла ў ягóдки — чорныя сморóдки.
Ягодоньки-жъ мое!
Я жъ васъ бяру,
Да ня вѣдаю кому.
Свякроўка ягóдки любиць,
А мяне ня голубиць.
Спѣленькія ў рукавóчакъ,
А няспѣлые ў прикюлочакъ,
Спѣленькія — то мамульцы,
А няспѣлые — то свякроўцы.

116.

Край поля широкого,
Сяродъ мора глубокого,
Макъ рожа зацвицѣла,
Маковка поспѣла.
Цвитуцъ кудры у молода Янки,
Коло шапочки пуховыя,
Коло пояса кованыго,
Коло ботоў козловыхъ. 2

117.

Во зъ подъ лѣсу, лѣсу цёмнаго,
Во зъ подъ гайку зялёнаго,
А ўзнималися нипогодычки,
А ўзнималися дзвѣ стадычки:
Перша стадо лябедзиная,
А другоя стадо гусиная,
А за ними шэрый лябедзець ляцѣў.
«Ахъ, вы, гуси, ахъ, вы, шэрые,
«Ахъ, вы, гуси, билакрылые!
«Ци ни прыблудзилася наша лябедка къ вамъ?
«Ци ни прыблудзилася наша шэрая къ вамъ?
— Ни сама-жъ яна прыблудзилася къ намъ:
— Прынясли яе шуры буры, —
— Шуры буры, дробныя дожджи.
«Вы сваточки-голубочки
«Ци ни прылучилася наша сястрица къ вамъ?
— Ни сама-жъ яна прыблудзилася къ намъ:

— Прывязли яе кони добры,
— Кони добры усё молойчиковы.

(Каждый стихъ повторяется два раза).

Всѣ три зап. учителемъ народн. учил. г. Бородонокъ.

III.

Минской губ., Борисовскаго уѣзда, въ с. Побережьѣ и Скуплинѣ, на берегу Березины [1]).

ЗАПОИНЫ.

Важнѣйшими лицами во время свадьбы бываютъ сваты. Они рекомендуютъ жениха, они уговариваются о времени, порядкѣ и способѣ отбыванія имѣющагося совершиться брачнаго пира; между ними и родителями невѣсты ведутся переговоры относительно приданаго и предстоящей судьбы сочетающейся бракомъ пары. Обыкновенно молодая вступаетъ въ домъ нареченнаго, иногда же и молодой идетъ въ домъ своей жены, если родители ея уже въ преклонныхъ лѣтахъ и хозяйство ихъ въ хорошемъ состояніи: такой молодой называется *примакъ*, потому что принимается въ домъ и на хозяйство своей жены. Старшій сватъ, обыкновенно человѣкъ въ возмужаломъ возрастѣ, велерѣчивый, веселый, пользующійся уваженіемъ въ обществѣ, сговорясь предварительно съ обѣими сторонами, въ назначенный часъ является въ домъ невѣсты съ водкою и привѣствуетъ присутствующихъ старосвѣтскимъ: «Niech będzie pochwalony Iesus

---

[1]) Въ этомъ, какъ и въ слѣдующемъ за нимъ, описаніяхъ, переведенныхъ съ польскаго, при передачѣ текстовъ приводимыхъ въ нихъ пѣсенъ русской транскрипціей, мы старались сохранить въ строгой неприкосновенности фонетическую сторону мѣстнаго говора, за исключеніемъ только неударяемаго *о*, который мы позволили себѣ и тутъ не перегласовать въ *а*. Мотивы къ этому будутъ, между прочимъ, изложены въ особой статьѣ о бѣлорусскихъ говорахъ, которая будетъ приложена къ 3-му или 4-му тому этого изданія. *Ш.*

Chrystus». Хозяева, отвѣтивши: «во вѣки вѣковъ», сажають его за столъ. Между тѣмъ невѣста отправляется собирать подругъ и кто нибудь изъ хаты посылается за крестными отцомъ и матерью и за родными. Когда всѣ соберутся, дѣвицы вводятъ невѣсту съ слѣдующею пѣснiю (имя свата напр. Василiй):

1.

Отожъ табѣ, Василька,
Увядзёнка Агатка [1]),
Коли яе любишъ, — дай пирогъ,
Коли ня любишъ, то вонъ за порогъ.
Не хвалисю, што у насъ быў,
Што нашей Агатки не злюбiў.

Въ это время сватъ пожатiемъ руки привѣтствуетъ невѣсту, подаетъ ей пирогъ, сыръ, печенку, наливаетъ водку въ чашку, въ которую кладетъ нѣсколько монетъ. Послѣ этого дѣвушки молча, выходятъ въ *истопку*[2]), угощаются и поютъ пѣсни для невѣсты; собранная же дружина усаживаются съ хозяевами за ужинъ.

2.

Ой горосю! горосю!
Сѣили цябю хорошо,
Пры лузѣ, пры дорозѣ,
Пры битымъ госьцинцу.
Ай ты красна Агатка,
Заручали цябю хорошо,
Пры родни и племени,
Пры роднымъ татэчку.

3.

Прыѣхали заручники;
Чаму яны безъ дудэчки?
Агатка не ўдовачка,
Захочець погуляць,

---

[1]) Въ подлинникѣ Agatka, а не Ahatka, какъ слѣдовало бы ожидать. Далѣе тоже вездѣ *Agatka*. Ш.

[2]) Истопка — чистая изба по другой сторонѣ дома, иногда ее называютъ и свѣтлицей, такъ какъ она свѣтлѣе курной, задымленной.

Таткоў дворъ раўновацъ
Ножками, остро̀жками,
Чорными чаботами,
Зъ молодыми сватами.

4.

Кабъ я вѣдала
Близкіе заручинки,
Послала-бъ я сво́йго татэчку
Ў логъ по калину. —
Татэчка идзецъ,
Калинки ня нясєцъ,
Вѣтры ня вѣюцъ,
Слоньца ня греецъ,
Калинка ня спѣецъ,
Што моя за доля!

5.

Мовила бочечка,
Ў пивницы стоючы:
Коли мянє ня выпьецє,
Сама выкачусє,
По дворэ разліюсє
Крыницой сьцюдзиней водзицы.
Мовила Агатка у татки сѣдзючы:
«Коли мянє ня выдаси,
«Такъ я сама пойду;
«По дворэ по маленьку иду,
«За варота ў грунь побягу.»

Ср. мой бѣлорусскій сборн. стр. 218, № 377.

6.

Зыбнўла мора, зыбнўла,
Тамъ наша Агатка утонула!
Прышоў къ ей татка:
«Подай ручку, Агатка.»
— Не подамъ я ручки,
— Хоць я ў моры утону,
— Нехай никому не застанусє,
— Застанусє однаму,
— Янечку милому.

7.

Сягодня заручынки, — Богъ намъ даў;
Проціў понядзелку, — Богъ намъ даў;
Шли дары, на три столы:
Тому, сяму по подарку,
Нашаму Янечку тры подарэчки,
Тры подарэчки, — Богъ яму даў.
Одзинъ подарекъ — золоты персьцень,
Други подарекъ — шоўковая хустка,
Треци подарекъ — красная Агатка.
Золоты персьцень на мѣняньне,
Шоўковая хустка на уцераньне,
А красная Агатка на коханьне.

8.

Ў горо́дзѣ, на частоколѣ,
Зязюлька куковала;
Ў лазни на крэсьлѣ
Косу Агатка чэсала,
А чэшучы косу русу,
Зъ косой размоўляла:
«Моя косица, моя русая!
«Нѣгдзѣ я татку ня мила?
«Я табѣ, мой татэчка,
«Зъ вясны говорыла:
«Ня дзяры бора,
«Ня сѣй лёну, —
«Некому будзе полоць.
«Гдзѣ я пойду, гдзѣ я жиць буду,
«Тамъ я и робиць буду.
«Я табѣ свекрадка,
«Зъ вясны говорыла:
«Надзяры бору, насѣй лёну,
«Я прыйду и полоць буду.»

9.

Дзешова была мойму татэчку
Да горэлэчку пиць;

Якъ пойдзець на токъ,
Возьмецъ цапóкъ,
Не́ съ кимъ молоцицъ:
Цапóчкомъ махнéцъ,
Цяжка ўздыхнецъ,
Сильненька заплачецъ,
Што дочушки не бачецъ.
Дорога была до мойму свекрадку
Горэлэчку пицъ,
Якъ пойдзецъ на токъ,
Возьмецъ цапокъ,
Ёсьцъ зъ кимъ молоцицъ.

10.

Камора звинѣла, гдзѣ Агатка сядзѣла:
Сядзѣла ў каморы, тонкіе обрусы ткала,
Мыслями узоры дзіўные поклала.
Прыѣхаў сужененьки самъ дзесятъ,
Попущаў коники ў вишнёвы садъ;
Ня ржицє, коники, ня ржицє,
Я́нечка напасецъ на жицѣ,
Ядранымъ оўсомъ обсыпецъ,
Червонымъ сукномъ обшыецъ.

Этимъ кончается первая вступительная часть свадьбы, послѣ которой наступаетъ другая, именуемая *сговорами*; въ промежуткѣ времени сватъ приходитъ во второй разъ съ квартою водки, спрашивая: сколько потребуется напитковъ и пироговъ на сговоры.

СГОВОРЫ, ПЕЧЕНІЕ КОРОВАЯ.

Дружина, имѣющая составлять поѣздъ молодаго и съ молодой, созываніе друзей и родныхъ, способъ потчиванія, однимъ словомъ, весь порядокъ этого обряда бываетъ предметомъ совѣщаній и условій между сватомъ и родителями невѣсты. Сватъ во время возни съ короваемъ привозитъ водку, кладетъ ржаной пирогъ на столъ для крестныхъ родителей и бабки, которая находилась при рожденіи невѣсты. Если же

бабки нѣтъ уже въ живыхъ, то ея мѣсто заступаетъ ея дочь, или кто либо изъ ея семьи. Затѣмъ дѣвушки вводятъ невѣсту въ избу съ тѣми же обрядами и пѣснями, какъ и на запоинахъ: сватъ подаетъ невѣстѣ пирогъ съ медомъ и макомъ внутри, сыръ, жареную говядину и наливаетъ водку въ миску; невѣста съ дѣвицами выходятъ изъ хаты. Теперь стороны окончательно условливаются обо всемъ, выговоренномъ на заручинахъ. Дружина жениха обыкновенно состоитъ: изъ трехъ свахъ, изъ которыхъ старшая — его крестная мать, двѣ младшія — сестры или ближайшія его родственницы, изъ двухъ дружковъ, двухъ ихъ замѣстителей и крестнаго отца жениха, который привозитъ свахъ и называется *возиломъ*. Его сажаютъ на концѣ стола и не оказываютъ такихъ почестей, какія оказываются крестной матери, которая занимаетъ уголъ стола, самое почетное мѣсто. Сватъ, окончивши переговоры съ хозяиномъ, садится за ужинъ, хозяйка же занимается пріемомъ гостей и угощеніемъ коровайницъ. Она разсказываетъ какой и кому посылаетъ подарокъ; потому что сколько есть женатыхъ мущинъ въ хатѣ, въ которую идетъ молодая, столько нужно послать головныхъ повязокъ связанныхъ кушаками, а сватъ получаетъ боченокъ, обвязанный холстомъ, или головную повязку (наметку), обернутую въ кушакъ; и когда коровай уже замѣшанъ, идетъ съ боченкомъ за водкою, ибо угощеніе коровайницъ исключительно лежитъ на его обязанности. Коровай мѣсятъ въ субботу утромъ. Крестная мать или старшая въ хатѣ, всыпая муку въ дежу, молитъ о благословеніи такъ: «Ёсьць здѣсь Богъ, бацька, матка, родзо́ные и сусѣды близкіе и дальные, мужи статэчные, бабки запѣчные, дзѣтки заплечныя, благословиць красней паннѣ коровай учиниць.» Это повторяется три раза; потомъ тѣсто ставится въ теплое мѣсто. Вечеромъ приглашаются 5 или 7 коровайницъ и трое мущинъ для замѣса и печенія коровая. Мущины, неся дежу, должны три раза перевернуть ее и поставить на крестѣ противъ печи. Между тѣмъ сватъ подаетъ водку, а хозяева сыръ или оладья для закуски; старшая коровайница проситъ о благословеніи и всѣ хоромъ поютъ слѣдующую пѣснь:

11.

Благославицк людзк,
Близкіе сусѣдзи,
Гэтому дзицяци
Коровай замясиць
Ручками бялѐнькими,
Пкрсьцьнями золоцкнькими,
Пѣснями вксяленькими.
Ты заступь Боже зъ неба,
Якъ намъ цяпкръ треба!
Помогаў разчиниць,
Помогай замясиць
Ручками бяленькими,
Пкрсьцьнями золоцкнькими,
Пѣснями вксяленькими.
«Ня сто́й, Боже, за дзьвярми,
«Да идзи, Боже, ў хату,
«Да сядзь, Боже, на куцѣ́,
«Да дай долю молодзѣ́.»
— Я ў хату ня пойду,
— Я за дзьвярми постою,
— Молодзѣ долю пкрашлю.
Збкрайск родзк
Да къ бѣленькому короваю!
Старыя бабы для порадку,
Молодыя молодзицы пѣсни пѣць,
Удалые молойцы коровай пкчь.

Принимаются за работу: 5 или 7 коровайницъ по очередно, одна за другою, мѣсятъ тѣсто и, окончивши это, ставятъ на дежу тарелку, на которую кладутъ свои подарки для молодой. Въ это время сватъ опять угощаетъ ихъ водкой, а хозяйка зякусками, мущины становятъ дежу на мѣсто, перевертывая по прежнему.

12.

Хвала-жъ табѣ, Боже!
Што мы дзѣла зробили,
Коровай замясили,
Ручками бѣленькими,
Пкрсьцьнями золоцкнькими.
Чатыры ножи ў дзяжи,
Пятая моя сила
Коровай замясила;
Да упала я ў дзѣла,
Цѣла моё упоцѣла,
Горэлочки захоцѣла,
Горэлочки, акавитэчки,
Для мяне працовитэчки,
Горэлочки, тащанэчки,
Для мяне мѣщанэчки.

Идутъ плясать, а послѣ поютъ:

13.

У нашаго господара
Кудравая галава,
Кудзѥрками потрасѥць,
Намъ гарэлки прынясѥць,
А кудзѥрками поколоциць,
Намъ горэлки прысолодзиць.

Послѣ такого намека, подаютъ водку и закуски и опять продолжаютъ плясать.

14.

Коровай ў дзяжи играець,
До *вѣка* [1]) поднимаець,
Коровайницъ жидаець.
«Гдзѣ-жъ мое коровайницы?
«Чы на мяду́ запилисѥ,
«Што на мяне забылисѥ?
«Господынечка, вутка,
«Ворочайсѥ хутка,
«Уже на дворѣ вѥчеръ,
«Коровай нашъ ня пѥченъ.»

Пока тѣсто подходитъ, шутки и пляска не перестаютъ; затѣмъ мущины берутъ дежу, 3 раза обносятъ ее кругомъ и ставятъ на крестѣ, а старшая изъ коровайницъ, собираясь сажать въ печь коровай, молитъ о Божьемъ благословленіи и всѣ хоромъ поютъ:

15.

Соступъ, Боже, зъ неба,
Якъ намъ цяпѥръ треба,
Помогаў замясиць,
Поможи и садзиць
Ручками бѣленькими, и т. д.

---

[1]) Вѣко — крышка квашни (дежи).

16.

Нихто ня угадае, што ў нашымъ коровою:
Дзкваци пудоў муки, осьми короў масла, а яецъ поўтараста.
Зъ суботы на нядзѣлю собираласк Агаты родзина,
Знясьли-жъ яны скмъ ситъ муки на коровай, —
Хвала-жъ Богу! вяликъ будзк коровай.
Знясьли-жъ яны скмъ фасокъ масла на коровай, —
Хвала-жъ Богу! пушонъ будзк коровай.
Знясьли-жъ яны скмъ ситъ яецъ на коровай, —
Хвала-жъ Богу! румянъ будзк коровай.

17.

Да, богатъ, Агатка, татка твой,
Добра пшаница што ў новинѣ,
Да вяликіе стырты ў гумнѣ,
Поўные оруды ў клеци;
Подышоў коровай ў дзяжи,
Зашумѣў коровай ў дзяжи.
Да чаму яму не шумѣць?
Хорошая учиняла,
Румяная мясила,
Господа Бо́га просила,
Кабъ нашъ коровай удаўск.
Стояла калина кольки лѣтъ,
Сячице, рубайцк на загнѣтъ.
Кабъ нашъ загнѣцкцъ ясны быў,
Кабъ нашъ коровай красенъ быў,
Кабъ наша Агатка вескла была,
Кабъ наша рутэчка зклена была.

18.

На дворэ яворъ сяку́ць,
А ў хатэчку трэсечки лятуць,
Кола явору трэсечки,
Кола коровою молодзкчки,
Пкршая квятка,
Наша Агатка.
На дворэ яворъ сякуць,
А ў хатэчки трэсечки лятуць.

Когда тѣсто уже взойдетъ, сбираются сажать. Дѣлаютъ одинъ коровай въ видѣ полумѣсяца, который служитъ для обмѣна; другой, называемый «перепеча», въ формѣ большой булки, третій такой же, но поменьше. Съ этою послѣднею булкою молодая идетъ первый разъ полоскать бѣлье на рѣку; сосѣдки, подстерегши ее, спѣшатъ къ ней на помощь, пьютъ водку и закусываютъ пирогомъ. Эти три булки должны быть украшены различными оттисками. Сажаютъ также 4-ю булку—безъ украшеній, плоскую, чтобъ поскорѣй испеклась, и, когда выпутъ ее изъ печи, дѣлятъ ее между присутствующими. Кромѣ того, для каждой коровайницы, каждаго коровайника и каждаго ребенка, находящагося въ хатѣ, долженъ быть особый пирожекъ, называемый «кроскою». Надъ сажаніемъ короваевъ въ печь поочередно трудятся обыкновенно двое коровайниковъ и при каждой посадкѣ ударяютъ по краю стола лопатою такъ, чтобы ея конецъ непремѣнно отломился; третій же коровайникъ, разведя на загнѣткѣ изъ прутьевъ чистаго и сухаго вѣника огонь, старается поддержать его, для того, чтобы коровай вышелъ румянымъ. Дѣвицы между тѣмъ непрерывно поютъ:

19.

Щербаты, лупаты загнѣтъ-закладаець,
Яму Богъ не помогаець.

Окончивши сажаніе короваевъ, поютъ, приплясывая и ударяя въ ладони:

20.

Хвала-жъ Богу!
Што мы дзѣла зробили
Коровай усадзили,
Ручками бѣленькими,
Пierсьцьнями золоценькими,
Пѣснями вieсяленькими.
Коровайницы піяныя,
У́сё цѣсто покрали,
По кieшеняхъ поклали,
Ахъця мнѣ прышло
Ў кieшени цѣста подышло.

Чыя жена го́жа,
Языкомъ дзяжу гло́жа,
Чыя жена хи́жа,
Языкомъ дзяжу лижа.
Дайцѣ мнѣ чарку,
Я тую выпью,
Дайцѣ другую,
Я выпью и тую,
А за трецію подзѣнкую.

Всѣ хлопоты съ короваемъ предоставлены исключительно коровайникамъ и коровайницамъ: молодая и окружающія ея дѣвицы сидятъ въ это время въ сторонѣ. Рѣзвость, веселье, танцы съ пѣснями, рукоплесканіе, шутки и смѣхъ производятъ весьма оживленное настроеніе, и чѣмъ больше веселости, тѣмъ больше славы для хозяевъ и коровайницъ. Изрѣдка и дѣвицы вмѣшиваются въ танцы, но коровайницы имъ препятствуютъ. Когда тѣсто уже испеклось, коровайницы и коровайщики съ рукоплесканіемъ, приплясывая и съ пѣснями, бѣгутъ къ печи:

21.

Стану я для пѣчи
Короваю глядзѣць,
Кабъ ёнъ не одпёкся,
Кабъ ёнъ не обжогся,
Кабъ намъ со́ромъ ня быў
Да ў чужые людзѣ.

Вынимаютъ пирожки (кроски) и раздаютъ по числу взрослыхъ и дѣтей, разламываютъ также плоскую булку и ѣдятъ; начинается угощеніе водкою и закуской, потомъ пойдутъ танцы и пѣсни. Ставятъ на столъ *вѣко*, покрываютъ ее скатертью, сверхъ которой кладутъ коровай и тарелку для сбора подарковъ:

22.

Положыли коровай на столѣ,
Столовыя ножки гыблюцся,
Ўсѣ людзѣ дзивуюцся,
Што удаўся нашъ коровай.

Да Пану Богу на хвалу,
Добрымъ людзямъ на славу,
А прыяцелямъ на дзива.
Вы, прыяцели, глядзице
И по таляру кладзице.

Тутъ всѣ выходятъ изъ избы: впереди идетъ хозяинъ, за нимъ коровайники несутъ каравай, три раза перевертываются, за ними выбѣгаютъ коровайницы съ рукоплесканіемъ, распѣвая:

23.

Пытаўся коровай у пекарнечи:
«Да куды сцежка да клеци?»
— А ты, короваю, векрапаю,
— Часта ў клеци бываешъ,
— Сцежки, дорожки пытаешъ!
— Возьми посошокъ[1]) поперайся,
— Да ў клетку добывайся.

Хозяинъ, войдя въ клѣть, потчуетъ водкою коровайниковъ, коровайницъ, потомъ всѣхъ прибывшихъ гостей. Коровайницы возвращаются въ хату, приплясывая, съ рукоплесканіемъ и пѣснями:

24.

Мы-жъ были на короваю,
Тамъ насъ частовали,
Піўцомъ молодзенькимъ,
Мядкомъ солодзенькимъ.

Садятся за столъ, подаютъ въ изобиліи напитки и кушанья, а коровайницы поютъ:

25.

Цымбалы заиграли,
Кола оконъ забражджали.
Ага́тчина челядзь
Захоцѣли вячерать.
Ляцѣли гусечки зъ выраю,
Да пыталися короваю:

---

[1]) Въ подлинникѣ *pažažok* — явная опечатка: такого слова въ бѣлорусскомъ нѣтъ. Ср. мой бѣлор. сборн. стр. 341, № 614.

«Чы ужо вы коровай спласкали?
«Чаму насъ, гу́сочекъ, не ждали?
«Мы-бъ вамъ коровай спласкали,
«Крылькамп, ножками спласкали.»

Этимъ оканчиваетси обрядъ печенія коровая въ домѣ молодой. Въ то же самое время и такимъ же образомъ этотъ обрядъ совершается и въ домѣ молодаго. По окончаніи всей церемоніи молодой со всей своей свитой отправляется къ своей нареченной. Передъ отъѣздомъ его сажаютъ на кадку съ рожью и въ это время крестная мать подстригаетъ ему волоса, а сестра подпаливаетъ ихъ восковою свѣчею. При этомъ свахи поютъ:

26.

Янечка брахна по гумнѣ ходзиць,
Да тры сады садзиць, ўсѣ тры хмялёвые,
Війсь, хмѣлю, війсь да кола тычки,
Да ў садъ шишечками; подстрыгайсь Янечка,
Зъ ребяцкаго стану, да ў мужескую славу.

27.

Да у мѣсяца два рожки́ крутые,
Да у Янечки два браты родные,
Одзинъ брахна коня сядлаець,
А други брахна яго научаець:
«Да будзь, брахна, разумненьки,
«Да поѣдзешь, брахна, ў чужые людзь
«Выйдзьць къ табѣ тавокъ дзѣвекъ:
«Ня бяры таей, што ў золоцѣ,
«Да бяры таю, што ў разумѣ,
«Мы золота ў кромѣ достанемъ,
«Мы ро́зуму свойго ня уставимъ.

Ср. мой Бѣлор. сборникъ, стр. 334, № 571. Тотъ вар. гораздо полнѣе и лучше.

28

Синее озкро на лугахъ стоиць,
Нашъ Янечка на думкахъ сядзиць.
Думаець думу вяликую,
Поняў родзину богатую,

Зъѣздзіў коника, гарцуючы,
Стоптаў боцики, таньцуючы,
Сцёръ шапачку, кланяючися,
Змочыў хустэчку уцкраючыся.

29.

«Кляновы листочекъ
«Куды-жъ ты кацишься?
«Чы ў лугъ, чы ў долину,
«Чы зноў на клянину?»
— Да не самъ я качуся,
— Коциць мяне буенъ вѣцкръ.
— Ни ў лугъ, ни ў долину,
— Да и зноў на клянину.
«Янечка молодзенки!
«Куды жъ ты ра́здзишъся,
«Чы ў госьци, чы ў дорожку?»
— Да не самъ я раджуся,
— Радзиць мянк мой татэчка,
— Ни ў госьци, ни ў дорожку;
— Къ цксьцятку на подворъе,
— Къ Агатцэ на застолье.

Вся дружина усаживается за столъ, молодой прилично одѣтый, имѣетъ на головѣ баранью шапку съ бантомъ изъ красной ленты, на шеѣ платокъ, перевязаный красною же лентою. Во время стола женщины поютъ:

30.

Чые то коники
Для стаёнки стояць,
Сивые, буланые,
Ў дорожку прибраные?
Чые-жъ то свашечки
За столикомъ сѣдзяць,
Бѣлые, румяные,
Ў дорожку прибраные?
Янечковы коники,
Для стаенки стояць,

Сивые, буланые,
Ў дорожку прибраные;
Янечки свашечки
За столикомъ сѣдзяць,
Бѣлые, румяные,
Ў дорожку прибраные.

31.

Собираўся роёчекъ
Да ў цёмны куточекъ,
Хочець поляцѣць
На щырые бори́,
На жоўтые цвяты,
На солодкіе мяды.
Собраўсь Янечекъ
Зъ своей родзиной
Тесьцятку звоеваць,
Агатку къ сябѣ ўзяць.

32.

Янечка ў обозѣ,
Неукованы коникъ што ў возѣ;
Ёсьць у мяне ковали ў дорозѣ,
Подкуюць коника што ў возѣ.
Ёсьць у моей Агатки пярсьцёнки,
Будуць конику подкоўки;
Ёсьць у моей Агатки каралі́,
Будуць конику ухнали;
Ёсьць у моей Агатки пояски,
Будуць конику подаски.

Пѣвцамъ предлагаютъ водку и закуску и за тѣмъ всѣ, взявши со стола по куску хлѣба съ солью и спрятавши его за пазуху, отправляются къ свату. Болѣе прилично одѣтые парни, въ фуражкахъ съ кокардами на бекрень, садятся на коней, а съ ними непремѣнно скрипачъ; дѣвицы же и женщиоы помѣщаются на телѣгахъ. Въ это время мать молодаго, въ вывороченномъ шерстью вверхъ тулупѣ, обходитъ 3 раза весь поѣздъ, осыпая

его овсомъ, а дружко подгоняетъ ее кнутомъ. Дорогою безпрестанно поютъ:

33.

Да боромъ, боромъ, борами
Ѣхали сваты радами,
А молодъ Янечка напяродъ,
А яго брахнечко посяродъ.
«Стойцѣ, постойцѣ, сватовѣ!
«Чы не зязюлька кукуець?
«Чы не соловѣйка щабечець?»
Янечка одказываець:
— Што не зязюлька кукуець,
— Не соловѣйка щабечець, —
— Гэто моей Агатцѣ пѣсни паюць,
— Мнѣ, молодому, вѣдома даюць.

34.

Да зъ борку, зъ борку на колку,
Висиць колыска на шолку,
А ў тэй колысцэ Янэчка:
«Да милые мое сватовѣ!
«Сколыхницѣ мянѣ высоко,
«Кабъ я забачыў далеко,
«Гдзѣ моя Агатка гуляець,
«Садовымъ яблачкамъ шыбаець,
«Да яна ў орешки цалуецъ,
«Зъ молодыми рабятами жартуець.»

Ср. стр. 66 № 114.

35.

Для сватняго двора
Да высокая гора:
Ни ўзыйци, ни ўзъѣхаць,
Соколомъ ни ўзляцѣць.
Што даци, што даци
Тую гору раскопаци,
И ўзыйци, и ўзъѣхаць,
Соколомъ ўзляцѣць,
А Яночку узъѣхаць?

36.

Да зажурыўся Янечка,
Ў полдорошки ѣдучы,
На бѣлыя бярезки глкдзючы.
«Да моя бярозка бѣлая,
«Да моя голоўка бѣдная!
«Я ў гэтымъ дзѣлѣ не бываў,
«По цёмныхъ ночкахъ не ѣжджаў.»
— Да не журыся, Янечка,
— Мы цябк одного не пошлемъ, —
— Мы цябк пошлемъ зъ дружиною,
— А ўся дружина зъ своей родзиной.

Сватъ верхомъ на лошади встрѣчаетъ поѣздъ молодаго и всѣ съ пѣніемъ и музыкою подъѣзжаютъ къ хатѣ молодой:

37.

Бѣлыя бярозки,
Да не развивайцксю!
Крутыя дорожки,
Да не разминяйцксю! —
Янечка къ цксьцю ѣдзкць.
Ёнъ дзиця разумное,
Ёнъ море селезнемъ плывець,
Ёнъ поле соколомъ ляциць,
Ў вороцяхъ росой падзкць,
На дворэ — князкмъ станець,
За столомъ госьцемъ сядзець.
Частуйцк жъ, частуйцк
Небывалаго госьця,
Свойго любого зяця.

Въѣзжая на дворъ, поють:

38.

Боже мой, Боже, мы боромъ ѣхали,
Вѣтры ня вѣяли, боры ня шумѣли,
Прыѣхали къ свату, такъ дзѣўки запѣяли,
Якъ сучки забрэхали.

Чы на гэто сватъ запросіў,
Кабъ сельскими сучками напусьціў?
«Возьмій, сватокъ, помяло,
«Да гони сучекъ за сяло,
«Альбо возьмій добры лутъ [1]),
«Да гони сучекъ ў цёмны кутъ.»
Да дзѣвочки мое
Не лайцю мяню!
Да прыѣдзюцю и вы къ намъ,
Будзюць гэто и вамъ.

Парни слѣзаютъ съ лошадей, дѣвицы съ телѣгъ, и вся дружина выходятъ изъ избы на встрѣчу прибывшихъ гостей, и радость и веселье становятся всеобщими.

Между тѣмъ въ хатѣ приготовляются къ новому обряду: сажать молодую на посадъ. Молодая, оставшаяся одна въ хатѣ съ одной дѣвицею, сидитъ въ это время на лавкѣ; ея братъ, держа въ рукахъ пирогъ, чашку съ водой, березовую вѣтку—три предмета сельской жизни, входитъ въ хату и, сказавши «бендзе похвалёны Езусъ Христусъ», останавливается на порогѣ, не затворяя за собою дверей. Послѣ этого молодая беретъ за руку находящуюся при ней дѣвицу, покрываетъ ее и себя платкомъ и поетъ плачевнымъ голосомъ:

39.

А мой брахненька! пошто увышоў
Со ржанымъ пирогомъ, зъ дубовой ражкой,
Зъ пшонымъ пивемъ, зъ бярозовой розгой?
— Ржаны пирогъ дзѣўкамъ подзялю,
— А дубовой ражкой ў ягоды пойду,
— Пшоная пива подъ уголъ подлію,
— Зъ барозовой розгой на паству погоню.

Братъ беретъ молодую за руку и ведетъ на посадъ, дѣвушки поютъ:

40.

Братъ сястру на посадъ вядзюць,
Шоўкомъ зюмюлька мяцюць,

[1]) Лыко.

Сытой поливаець,
Зъ сястрой размоўляець:
«Сястрыца роднáя,
«Да ня будзь гордая,
«Да ня жалѣй голоўки,
«Да кланяйсе мамцѣ ў ножки:
«Нехай мамка знаець,
«Да объ долю угадаець.»
— Знаю, дзѣцятка, знаю,
— Да объ долю не угадаю.
— Дасьць Богъ долю, дасьць добрую—
— Хвала тябѣ, Боже!
— А коли якую проклятую, —
— Ахъ моцны мой Боже!

Ср. мой Бѣлорусск. сборн. стр. 360, № 672.

Братъ, стоя передъ порогомъ хаты, проситъ о благословеніи слѣдующими словами: «ёсьць тутъ Богъ, бацька и матка хрыщоные и родзóные, сосѣдзи близкіе и дальняе, мужи статэчные и бабки запечные и дѣтки заплечные, благословице молодую панну на посадъ посадзиць.» Всѣ отвѣчаютъ: «Богъ благослови.» Такимъ образомъ эта формула благословенія, какъ и отвѣтъ на нее, повторяется три раза къ ряду. Послѣ этого братъ возвращается въ избу, ставитъ чашку съ водою на полку, а молодая вмѣстѣ съ своей подругой (держащей ее въ своихъ объятіяхъ), обѣ покрытыя платкомъ, ставши передъ порогомъ, причитываютъ: «Добрый вечеръ! да ў гэту хату мужомъ статэ́чнымъ, бабкомъ запечнымъ, дзѣткомъ маленькимъ. Сусѣды мое, да идзице ко мнѣ, на мое вяселе.» При этихъ словахъ молодая падаетъ къ ногамъ отца и матери, прося у нихъ благословенія:

«Мамечка моя, благослови мяне на посадъ сѣсьци, на Божея мѣсца, подъ выжшимъ окномъ, подъ Божымъ крыломъ, гдзѣ Богъ разсказаў, гдзѣ людъ разгадаў.» Послѣ этого она обходитъ поочередно всѣхъ родныхъ, обнимая ихъ и причитывая, туже просьбу. Въ это время дѣвушки поютъ:

41

Ходзиць, походзиць зязюлька
По щырымъ борочку,

Садзиць, посадзиць дзѣтэчекъ своихъ
На бѣлымъ паўчынѣ,
Покуль прыляцидь соловей зъ лугу,
Ёнъ васъ разгониць, 2
А мяне зъ собой возьмець.

На лавку за столомъ, противъ печи, кладутъ кожухъ. Братъ, взявши за талію молодую и сдѣлавши съ нею 3 оборота, сажаетъ ее на кожухъ и ожидаетъ прибытія сватовъ. Въ это время дѣвушки поютъ:

42.

Што то за зора,
Ў татки на дворэ
Дзѣвечка зъ цяпломъ ходзиць,
Дзѣвечекъ побуджаець:
«Ўстаньце дзѣвечки,
«Бярыце щоточки,
«Чашыце головочки!
«Ўжо моя учеса́на,
«Косникомъ упляцёна,
«Ужо-жъ мое прыѣхали,
«Ужо-жъ мою развіюць коску,
«Мамчыную разліюць слёзку.

Сваты остаются на улицѣ, дружки подходятъ къ порогу хаты со ржанымъ пирогомъ и произносятъ: «Добры вечеръ, пане сваце и той свенцовой хацѣ, тому міру хрэщоному. Прыслаў сватъ до свата, сваха до сваци, молоды князь до молодой князи; ёсьць тутъ пана заручона, кабъ намъ была выдадзёна; чы чули?» Отвѣчаютъ: «ня чули.» Это повторяется дружкою 3 раза, и наконецъ ему отвѣчаютъ: «Чули.» Тогда дружко, одѣтый въ вывороченный на изнанку кожухъ, опоясанный кнутомъ чрезъ плечо, входитъ въ избу, кладетъ одинъ пирогъ на столбикъ около печи, другой на столъ, противъ печи для дѣвицъ и 3 гроша. Когда дружко, приблизившись къ печи, кладетъ пирогъ, дѣвицы поютъ:

43.

Ўлѣзъ дружко ў хату,
На пѣчь зазираець,
Чы вяликъ горшокъ кашы,
Чы поядуць нашы?
Одзинь кажець: «мала»,
Други кажець: «годзя»,
Трэци каже: «моўчы»,
«Бо загадаюць тоўчы.»

Дружки берутъ невѣсту, дѣвки ее не даютъ, бьютъ по лежащему на столѣ *трёшнику* [1]), сбрасывая его, со словами:

44.

Бяры сабѣ гэто,
Купи сабѣ мыла,
Кабъ цябѣ жонка любила,
Кабъ дзѣци познали,
И бацькомъ назвали.

Завязывается торгъ и споръ. Дружко сначала уговариваетъ дѣвицъ принять 3 гроша и выдать ему молодую, наконецъ онъ прибавляетъ нѣсколько монетъ и хочетъ взять невѣсту; дѣвицы на это не соглашаются и дѣлаютъ разные препятствія: однѣ, забравшись подъ лавку, хватаютъ ее за ноги, другія — за руки и силятся, на сколько возможно, затруднить ему эту выдачу и, сдѣлавши съ ней три оборота, поютъ:

45.

Вѣробѣй дружко, вѣробѣй,
По сумѣтнику поскакаў,
Ногой шелягъ выкопаў,
Свою дзѣўку выкупіў.

Въ это время дружко отталкиваетъ дѣвушекъ на сторону, поворачиваетъ три раза молодую, которая при этомъ жалобно распѣваетъ:

---

[1]) Трехкопѣечную монету.

46

Дружко, дружко, не ворочай мяне,
Я не колода табѣ, *я ня бяроза табѣ* [1]);
Кабъ я колода [2]), ў бору-бъ лежала,
Кабъ я бяроза — на мяжы-бъ стояла.

Тутъ пойдутъ шутки, смѣхъ и перекоры съ дружкомъ, котораго связываютъ полотенцомъ. Затѣмъ пьютъ водку и закусываютъ.

47.

Звязали дружко, звязали,
Гдзѣ-жъ яго поймали?
Запіўся, дружко, запіўся,
И на дружыну забыўся.
А гдзѣ-жъ твоя дружына?
Чы ў поли подъ шатромъ
Подъ бѣлинькимъ полотномъ?

48.

Дружка жена досужа была,
Семъ годъ кросна ткала
Семъ нядзѣль фартухъ шыла
До обѣду зносила,
На порозѣ згубила.

49.

Дзѣўки дружка били,
Чупрыну залупили.
Хто идзець — смяецса,
Што чупрына трасецця

50.

Да у нашаго дружка
Голымъ гола голоўка,
Добра дзѣўкамъ бобъ молоциць,
На закутэчкахъ не ляциць.

---

1) Эти слова въ подлинникѣ по недосмотру пропущены.
2) Тутъ, какъ и въ слѣдующемъ стихѣ, подразумѣвается: была.

51.

Прыѣхали поцярэбнички,
Да цярэбяць, цярэбяць зубечки,
Цѣлое жеробя зъѣли
По столу качаючы,
И попялъ мачаючы.

52.

Пкрадъ дружкомъ сорока,
Ляжыць яна безъ ока,
Яна лежучы сокочець,
А ёнъ яе ѣсьци хочець.

Не смотря однако на эти припѣвки и шутки, дружки спокойно пьютъ и ѣдятъ, обращаясь по временамъ къ надоѣдливымъ пѣвицамъ, такими словами: «бряшиця, бряшиця!» или подаютъ имъ, вынувши изъ кармана, куски сыра или оладьевъ; однакожь это не дѣйствуетъ на пѣвицъ. Онѣ пляшутъ около дружковъ, ударяя въ ладони и припѣвая: «у нашего дружки голымъ гола голова» и т. д., и тащатъ ихъ за волоса. Прочіе гости въ это время остаются на улицѣ, въ ожиданіи возвращенія дружковъ, которые, наѣвшись и помолившись, вскакиваютъ на лавку, ударяютъ 3 раза по стѣнѣ нагайкою, какъ бы надписывая квартиру для стоящихъ на улицѣ, и выходятъ изъ хаты; дѣвицы, выглядывая въ окно, поютъ стоящимъ па дворѣ сватамъ:

53.

Сваты боромъ ѣдуць и іграюць,
Нашая дзѣвечка не даець вѣры — не плачець.
Ужо сваты полемъ ѣдуць и играюць,
Нашая дзѣвечка не даець вѣры — не плачець.
Ужо сваты сяломъ ѣдуць и играюць,
Нашая дзѣвечка не даець вѣры — не плачець.
Ужо сваты на дворъ ѣдуць и играюць.
А наша дзѣвечка не даець вѣры — не плачець.
Ужо сваты въ хату идуць и играюць,
Нашая дзѣвечка не даець вѣры — не плачець.
Ужо сваты за столъ идуць, за ручку бяруць, —
Тогды дала вѣры наша Агатка и плачець.

54.

Прыляцѣла сорока — чы, чы, чы, чы, чы.
Сѣла у дзѣвечки на плечы.
Скажу табѣ дóбрую вѣсьцю — чы, чы; чы,
Што у цябе на дворэ сваты — чы, чы, чы.

55.

«Прыѣхали тры казаченьки на дворъ къ намъ,
«Познай, познай дзѣвечка, который нашъ?
«Чы то, што ў синимъ на коню сивымъ,
«Чы то твой?
«Самъ молодзеньки, конь вороненьки,
«Чы то твой?
«Чы то, што ў атласѣ, ў жоўтымъ пасѣ.
«Чы то твой?»
— Што ў синимъ, на коню сивымъ —
— То дзѥвѥръ мой;
— А што ў атласѣ, ў жоўтомъ пасѣ, —
— То свѥкѥръ мой;
— Самъ молодзеньки, коникъ вороненьки,
— Гэто мой.

(Эта пѣсня поется на свадьбахъ и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи).

56.

Прыѣхали сваты на дворъ,
Пусьцили стралý ў окно:
«Страла моя, страла,
«По што ты прышла?
«Чы по мёдъ, чы по горэлку,
«Чы по красную дзѣўку?»
— Ни по медъ, ни по горэлку,
— Але по красную дзѣўку.

Наступаетъ моментъ пріема жениха; на дворѣ вся дружина, съ женихомъ во главѣ, толпится предъ хатою, сваты выносятъ изъ избы столъ, становятъ его передъ порогомъ хаты, мать же невѣсты, въ вывороченномъ вверхъ шерстью кожухѣ, съ хлѣбомъ и солью выходитъ на встрѣчу жениху.

Къ ней подходятъ дружки съ одной и другой стороны, и она

съ рюмкою водки въ рукѣ, привѣтствуетъ жениха слѣдующими словами: «Зяцкнька! пью на цябк поўнымъ кубкомъ, добрымъ здоровкмъ, што мысля сабѣ, то и табѣ» и подаетъ ему, а онъ выливаетъ вино чрезъ голову. Мать повторяетъ тоже самое и снова подаетъ, а молодой опять выливаетъ; и въ третій только разъ онъ принимаетъ кубокъ, и, дотронувшись до него губами, кладетъ въ него нѣсколько монетъ и возвращаетъ его матери, которая осушаетъ его до дна и забираетъ деньги. Между тѣмъ, крестные отцы 3 раза поднимаютъ вверхъ короваи жениха и невѣсты, покрытые скатертями, приговаривая: «мой выше, мой выше!» Это называется *мѣна короваевъ*. Затѣмъ они кладутъ короваи на столъ, одинъ на другой, но такъ, чтобъ коровай невѣсты былъ внизу, и выносятъ ихъ въ клѣть. Послѣ этого собраніе раздѣляется: женщины входятъ въ хату, мущины остаются на дворѣ, свахи же въ это время поютъ:

57.

У грознаго цксьця
Стоиць зяць за воротами,
Сняжкомъ пкрэпаўшы,
Дождҗомъ пкрэмокшы.
Крыйск, зяцю, кунимп, бобрами,
Чорными соболями.

Пѣсня стоящихъ на дворѣ о пропускѣ въ хату:

58.

Ужъ мы позябли
Ў доўгой дорозѣ,
На тугимъ морозѣ,
Нашые зубки сокочуць. —
Ў хаточку хочуць,
Нашые коники гогочуць, —
Ў ста́енку хочуць.

59.

Цксьця зяця ждала,
Кунами дворъ слала,

Кунами, бобрами,
Чорными соболями.
Кабъ же моя змога,
Выслала-бъ я много.
Пышна цесьця, пышна,
Да къ зяцю ня вышла.
Чы у яе кожуха нѣтъ?
Чы у яе кубка нѣтъ,
Чымъ зяця витаць?

Столъ относятъ на мѣсто и просятъ сватовъ въ хату. При ихъ входѣ поютъ:

60.

Зъ циха бояры идзице,
Хороямъ не вярнице!
Хоромы ўсё новые,
Столики цисовые,
Обрусы двойчастые,
Мы госьци не частые.

61.

Наляцѣли гуси,
Да зъ Бѣлинькой Руси,
Сѣли, пали на крыницу,
Стали яны воду пиць.
Наѣхали госьци,
Да зъ чужой волóсьци,
Сѣли яны за столомъ,
Стали яны мёдъ, вино пиць,
Да кулаками объ столъ биць.

Домогаясь подарковъ отъ свахъ, дѣвицы поютъ. Первая пѣсня относится къ молодому и всей дружинѣ.

62.

У нашей тесцянки
Пироги зъ кяшени кóцюцса,
А намъ же ихъ хочецса.
Ей даваць моркотно,
А намъ браць охотно.
Яна даець плачучы,
А мы бяромъ скачучы.

Веселье становится общимъ: танцы, пѣсни, рукоплесканіе и громко высказываемая благодарность за угощеніе.

63.

Дзякую табе, цесцянка,
Нѣгдзѣ твое пироги
Ў медзяной печы были,
Да хорошо яны росли.
Золотымъ вясломъ выйманы,
Большаночкамъ даваны.

Пѣсня свахъ передъ кушаньемъ:

64.

Дметса сваха, дметса,
Къ намъ не хинетса,
Кола прыпечка трецса.
Чы мы ей ня любы?
Чы мы ей ня милы?
Мы госьци зазваные,
Любые коханые.

Начинается угощеніе водкою, подаютъ миску капусты и раздаютъ подарки мущинамъ—полотно или поясы; свахи поютъ:

65.

Казали намъ людзи,
Што наша Агатка
Ни ткаха, ни праха,
Ажъ наша Агатка
И тонка прала,
И дзвонка ткала,
И бѣла бѣлила,
И ўспхъ сватоў дзѣлила.

66.

«Нашъ сватъ соловейка!
«Частуй насъ хорошенько,
«Мы госьци зазваные,
«Любые, коханые.»

— Коли мы не зналися,
— Сватами не звалися,
— А цяперъ познаёмся,
— Сватами назовёмся.

67.

Казали намъ людзи:
Хоць ѣдзицк, не ѣдзьцк —
Вашъ сватъ не богатъ.
Ажъ у нашаго свата
Да зъ явору хата,
Золотое подстрэше,
Сѣначки зъ папиѓрочки,
Лавочки зъ китаячки,
Пкчь яго кафля́ная,
Чесьць яго коха́ная.

Пѣсня дѣвушекъ:

68.

Ялиночка зиму и лѣто зялена,
Наша Агатка не што дзень вясела,
Ў суботу косу чесала—слёзки разливала,
Ў нядзѣлю рана до шлюбу ѣхала.

69.

Ў нядзѣлечку поранкничку
Агатка сѣнцы мяцець,
Вѣничкомъ махнець,
Жалосно плачець.
У яе мамечка пытаець:
«Чаго, моя дочу́шка любая,
«Такъ жалосно плачешъ?
«Чи ты жалуешъ старосьци моей?
«Чы подворыйка мойго?
— Моя мамечка, моя родная,
— Ўсяго я жалѣю:
— Жалѣю старосьци твоей
— И подворыйка твойго,
— Жалѣю косы русой,
— Ўсией дзявочей покрасы.

Пѣсни для сиротъ:

70.

Хто ў поли поцихусенку гукáецъ?
Тамъ Агатка своей мамки шукаецъ.
Хоць шукаецъ, не шукаецъ — не знайдзець.
Ой далёко ей мамечка, далеко,
Ў сырой зямли, ў жоўтымъ пяску глыбоко.
«Да зробили добрые людзи вѣчны домъ,
«Безъ дзвярэй, безъ оконочки, безъ слонца,
«Не промоўлю, дзѣцятка, ни слоўца.»

71.

Чые то слёзки зъ боръ кацилисе?
Агатчиныя слёзки зъ боръ кацилисе,
Пяски разрывали, мамечки доставали.
Далёка мамечка за тремя замочками:
Перршы замочекъ — сосновьце рамочекъ,
Други замочекъ — жоўты пясочекъ,
Треци замочекъ — дожки сосновые,
Сосновые дожки да сьциснули ножки,
Да сьцинула ножки, нельга мнѣ крануць,
Сырая земля грудцы налегла — нельга крануць,
Жоўты пясочекъ засыпаў вочки — нельга проглянуць,
Сырое камене позабочу ляжиць — нельга повярнуць.

72.

Агатцина мамка
Передъ Богомъ стоиць,
Ручки на крыжъ дзяржыць,
Да у Бога проситца:
«Пусьци мене Боже,
«Да зъ неба до долу!
«*Дзѣцяй* поглядзѣць:
«Якъ яно прыбрано,
«На посадзѣ посаджоно.»
— Прыбярона якъ лябёдка,
— Посаджона якъ сиротка.
— Прыбярона бѣлая,
— Посаджона, якъ бѣдная.

73.

Ишла пошла дорожечка по нєбу,
Туды-жъ ишла молодзєнька Агата,
Прышла яна до шкля́ного коньца,
Угледзѣла свою ма́мечку сѣдзючы,
Стала яна у Господа Бога просиць:
«Пусьцижъ, пусьцижъ, мой Божечка, мамечку,
«Бѣдному дзѣцяци да благословиць.»
(Богъ отказаў):
— Штожъ бы то за свѣтъ настаў,
— Коли Богъ зъ неба людзєй пущаў?

74.

Гдзѣ слонца ўсходзиць,
Тамъ Агатка ходзиць,
Свою мамку просиць:
«Моя мамка родная!
«Пєрайдзи дорожку, 2
«Тройца зъ Миколай
«Щасьцямъ и доляй.»

75.

Знаць Агатка по вясєли,
Што не татэчка даець.
Што не татэчка родны благословиць.
Дворъ вялики, зборъ не вялики:
Бо ня ўся родня.
«Пошли, Агатка, хоць солоўя,
«До милого родного татэчку!»
— Соловєйку пошлю по татэчку,
— Сама пойду на Украи́ну,
— По свою любею родзи́ну.
— Соловєйка ляциць да не долятая.
— Татэчка мой родны догадаўсє:
«Ляци, не ляци, мой соловєйка,
«Ужо мнѣ не ўставаць.
«Радъ бы я ўстаць до свояму дзицяци
«Порадочекъ даци,

«Да сырая земля грудцы налегла, —
«Нельга мнѣ ўстаць.»

76.

Нѣту, нѣту Агатки дома,
Пошла до Пана Бога.
Стоиць годзину, стоиць другую,
Покуль одчынили *марвововые* дзвюры.
Тамъ углюдзиць свою мамечку.
Якже обачыць — сильна заплачець:
«Боже, Боже, прошу на вяскле!
«Чы самъ прыдзи, чы мамку пусьци.
— И самъ не прыду, и мамки не пущу,
— Да щасьця и долю пкрашлю.

77.

Ўстала Агатка ў нядзѣльку рано,
Молиласк Богу. Богу молитца
Только кланитца ў ножки низюшэчко [1]).
«Благослови мяне татэчка
«До шлюбу зъ Богомъ ступаць!
— Зъ Богомъ, зъ Богомъ дзицятка,
— Зъ ўсими святыми,
— Зъ дзѣўками молодыми,
— Табѣ дорожка благослаўлёна,
— Церкаў одчынёна.
— Табѣ дорожку Богъ благословіў,
— А церкоў ксендзь одчыніў.

Ср. въ моемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, стр. 293, № 556, 328, № 588, 344, № 652, и 366 № 691.

Приступая къ убранству невѣсты, насыпаютъ кадку ржи, которую покрываютъ кожухомъ, шерстью вверхъ, и на него сажаютъ невѣсту. Тутъ дѣвушки заплетаютъ невѣстѣ двѣ косы,

---

[1]) Неладность этихъ стиховъ въ пѣньѣ должна сглаживаться. Они пѣлись, вѣроятно, такъ:

Ўстала Агатка ў нядзѣльку рано.
У нядзѣльку рано молилася Богу.
Богу молитца, только кланятся,
Только кланятся ў ножки низюшэчко. *Ш.*

чтобы закосникамъ трудно было ихъ расплести, кладутъ ей на голову вѣнокъ изъ ленточекъ и завязываютъ узломъ

78.

У Васильки на дворэ стоиць бяроза для плота,
Кола таей бярозы — бярэзничекъ,
А на таей бярозцэ листочекъ,
А на листочку росица.
Ажъ то не бяроза — да Агатка,
Не бярэзничекъ — да дзѣвечки,
Ажъ не листочекъ — а дружечки,
А не росица — слёзочки.

Невѣста, вставая, кланяется окружающимъ. Затѣмъ всѣ идутъ за столъ, взявшись за руки.

79.

Агатка за столъ идзяць,
Шубочку ў рукахъ нясяць:
«Дзѣвочки, дружачки,
«Ня трыця шубачки,
«Да ня тутъ яна спраўляна,
«Шили яе краўцы нѣмцы,
«Брали сукно ў Кролеўцы [1]),
«Ў Кролеўцы ў городзѣ,
«Прыслана мнѣ молодзѣ.»

За столомъ невѣста сидитъ окруженная дѣвушками, за которыми слѣдуютъ закосники. Подаютъ водку и закуску. Невѣста и каждая изъ дѣвицъ берутъ по кусочку хлѣба и, обмакнувши его въ соль, прячутъ за пазуху.

80.

Ишла Агатка зъ поля,
Нясла краски ў прыполѣ,
Звила вянокъ пры столѣ,
Покацили по столѣ,

---

[1]) Т. е. въ *Кенигсбергѣ*.

Задала жалосьци ўсей сямьи,
Не такъ сямьи, якъ татцэ и мамцэ.
Агатчина мамка у коньцы стола стоиць,
На дзѣвочекъ глядзиць.

Ўсѣ дзѣвочки, якъ дзѣвочки,
Одно моё дзицятко слёзками залѥваѥтца,
Слёзками залѥваѥтца, волосками уцѥраитца.
По чымъ же познаци калинку ў лузѣ?
Низѥнка сядзиць, бѣлинька цвицѥ.
По чымъ же познаць Агатку у мамки?
Мижъ дзѣвекъ сядзиць, жалосно плачець.

81.

До дубу зязюлька, до дубу...
Часъ табѣ, Агатка, до шлюбу.
Што табѣ, зязюлька, до того?
Ёсьць у мянѥ татка для того:
Благословиць пойсьци — я пойду,
Посьцѥлиць ручничокъ — я стану.

82.

Поставимъ церкву
На крутымъ бярэжку,
На дробной жарествицы:
Кабъ добро ходзиць,
Пана Бога просиць:
Дай же, Боже, долю,
Щасливую годзину,
Нашаму челядзину.

Закосники вскакиваютъ на лавку: одинъ изъ нихъ проситъ о благословеніи: «Ёсьць тутъ Богъ, бацька, матка хрыщоные и родзоные, сусѣдзы близкіе и дальніе, благословицѥ красной паннѥ косу расплятаць». Послѣ трехкратнаго повторенія косникомъ этой просьбы, косу расплетаютъ, послѣ чего ее уже нельзя вновь заплести; послѣ запоя дѣвка обыкновенно не заплетаетъ косы, а связываетъ ее только лентою. Во время расплетанія косы дѣвушки поютъ:

83.

Благословицѣ людзи,
Близкіе сусѣдзи,
Гэтому дзицяци
До шлюбу стаци.

Дѣвушки идутъ за столъ и молодая, преклоняясь къ тому его концу, гдѣ находится образъ, плача, поетъ:

84.

Таткоу куточекъ,
Божы домочекъ,
Благослови до шлюбу ступиць!
Коли ты благословишъ,
Самъ Богъ благословиць.

Сирота прибавляетъ:

85.

Мяне молоду,
Мяне сироту.

Дѣвушки же поютъ:

86.

Скочыла Агатка зъ лаўки до лаўки,
Склонилася мамцэ низко ў ножки,
Кóрками зямельку порыла,
Слёзками ножки помыла.

Молодая, падая отцу и матери въ ноги, обнимаетъ ихъ и, плача, припѣваетъ:

87.

Да мой татэчка! благослови мяне до шлюбу ступиць;
Коли благословишъ — самъ Богъ благословиць.

Дѣвушки продолжаютъ пѣть:

88.

Корыся, Агатка, старому,
Кланяйся и малому,
Съ поклону голова не болиць,
Старый и малый благословиць.

Ср. въ моемъ Бѣлор. сборн., стр. 316.

Невѣста обходитъ всю родню свою и нареченнаго: всѣхъ обнимаетъ и проситъ о благословеніи. Между тѣмъ молодые парни садятся верхомъ на лошадей, пожилые мущины и женщины на телѣги, а также молодая съ дѣвицами (большанками); закосники ѣдутъ впередъ. Дѣвушки въ это время поютъ:

89.

Закладайцѥ сѣнца,
Поѣдзѥмъ до вѣнца.
Да нѣтъ ксяндза дома,
Поѣхаў до Львова:
Ключыки купляць,
Церкоўку одчыняць,
Двое дзѣтекъ вѣнчаць.
Дзѣтки не однолѣтки,
Ни одного ойца:
Пѥрвое родзоное,
Другая судзоное,—
Янечка родзоны,
Агатка судзоная,
Янечку оддадзёна.

Молодая, во время пѣнія, кланяется на всѣ стороны. Если молодымъ приходится ѣхать мимо мельницы, то мельникъ останавливаетъ мельницу. Молодая даритъ ему поясъ, чтобъ пустилъ воду, въ противномъ случаѣ проѣхать не возможно. Таковъ предразсудокъ.

90.

Ѣхала Агатка до вѣнца,
Сыпала золото зъ рукаўца.
«Хто гэта золота подбѥрець,
«Той мяне на вѣнѥцъ повядзѥць.»
—Побярэць золото мѥншы братъ,
—Повядзѥць на вѣнѥцъ большы братъ.

91.

Ѣхала Агатка до вѣнца,
Зломала бярозку зъ вѥрха.

«Будзь, моя бярозка, безъ вкрха,
«Чы будзкшъ такова, якъ была?
«Ня будзкць вѣцкйка шумѣць,
«Ня будзкць лисьцкйка шумѣць.
«Будзь, моя мамэчка, безъ мяне,
«Але ня будзкшъ такова, якъ пры мнѣ,
«Ня будзкць ножка разута,
«Ня будзкць посьцкылька послана,
«Ня будзкшъ мамкой названа.»

92.

За воротами трава-мурава золотомъ посыпана;
Агатка ишла, золото нксла, золото разсыпала,
За слезками за дробными золота не собрала,
За жалосьцай за вяликой мамэчка не познала.

93.

«До вѣнца, Агатка, до вѣнца,
«Да не забывай грэбкнца,
«Да подай, Янячка, грэбкнецъ.»
— Яжъ табѣ, Агатка, не молодзкцъ,
— Што буду подаваць грэбкнецъ.

94.

Зажурылася Агатка,
Што рано зимечка настала,
Сняжкомъ рутечки прыпала,
Не зъ чаго молодзѣ вѣнка звиць,
Да на голоўку ўзложыць.
Да зачуўже гэто Янечка:
«Да не журыся, Агатачка,
«Я учора на торгу пробываў,
«И табѣ вянокъ сторговаў,
«Хоць не руцяны, але парловы,
«Абы быў до шлюбу готовы.»

95.

Богъ табѣ даў, Янечка,
Што твоя Агатка богата.

Не поѣдзэшъ къ Вильну по уборы,
Прыбярэтца яна ў коморы,
Да надзѣнэць шубу до шлюбу:
Бѣлы коўнэръ зъ папэры,
Чорные соболи ў крылѣ,
Жоўтые лисечки ў рукавы.

96.

Дымъ, дымъ по долинѣ,
Шумъ, шумъ по дубровѣ,
Агатка къ вянцу ѣдзэць:
Свѣчкой накурона,
Хустэчкай нахилёна.
Агаточка на Бога нарэкала,
Сырую зямлю проклинала:
«Сырая зямля, сырыца!
«Ўзяла мою мамэчку старую,
«Покинула мяне молодую,
«Зъ кудравай головою.»

Пріѣхавши къ вѣнцу, невѣста должна поклониться каждому, стоящему близь церкви, а въ самой церкви становится къ стѣнѣ, — дѣвицы ее окружаютъ. Женихъ съ дружкомъ къ нимъ подходятъ, чтобы взять невѣсту, дѣвицы ее имъ не выдаютъ, пока они имъ не поклонятся. Нѣкоторые не хотятъ кланяться и берутъ невѣсту силою. Женихъ ведетъ невѣсту за руку и ставитъ ее на разостланное полотенце, самъ же становится по правую ея сторону; одна изъ родственницъ невѣсты должна дать дьячку полотенцо и поясокъ. Во время вѣнчанія вниманіе всѣхъ обращено на то, какъ горятъ свѣчи и по блеску свѣта угадываютъ будущее счастіе вѣнчающихся. Если, Боже сохрани, свѣча погаснетъ, то это по ихъ мнѣнію ужъ несомнѣнный признакъ несчастія.

Выйдя изъ костела или церкви дружка поетъ:

97.

Мы были ў косьцэлѣ,
Стояли пры сьцянѣ,

Молилися Богу
И Духу Святому.
Нашъ ксендзь молодзѥньки,
Да вусокъ золоцѥнки,
Бородка шоўкова,
Голоўка кудрава;
На ёмъ чырвоные квѣцѥ,
Звѣнчаў нашые дзѣци.
Дзѣтки, не однолѣтки,
Ни одного ойца, матки:
Пѥрвое родзоное,
Другое — судзоное, —
Янэчка родзоны,
Агатка судзона,
Максимку одадзёна.

Изъ церкви заходятъ къ священнику. Молодой, по заведенному обычаю, приноситъ съ собою кварту водки и пирогъ. Записавши новобрачныхъ въ церковную книгу, священникъ потчуетъ ихъ водкой. Затѣмъ всѣ отъѣзжаютъ въ домъ молодой:

98.

Зъ горы, зъ горы, зъ дали,
Бѣгли коники чатыры,
Вязли карэтаю синію,
Звязали Агатку сильнія,
Да ня дармо яе звязали, —
Звязали за гроши.
«И хорошъ, и прыгожъ, и вяликъ!
«Чаму не прывёзъ чаравикъ?»
— Якъ же я маю возиць,
— Коли яна ня умѣе носиць,
— Хоць червоные прывязи,
— Буду носиць по гразаи.
Зажигай, мамка, свѣчку,
Да выходзь на сустрэчку,
Да выходзь, мамечка, *прэціў* насъ,
Да витай кубечкомъ ўсихъ насъ,
Да пытайся у дочки: чы твоя?
— Не твоя, мамечка, не твоя,

— Да того пана, короля,
— Зъ кимъ я на шлюбѣ стояла,
— За бѣлую ручку дзержала,
— Золоты персьцень мѣняла.

Молодого съ дружиною сажаютъ за столъ въ почетномъ углу (на кутѣ), а молодую съ ея подругою противъ печи. Подаютъ водку и закуску:

99.

По бору по верэсу
Роевые пщолки,
А у Васильки на куцѣ
Шлюбовыё госьци,
Да пьюць яны зялёное вино,
Мёдомъ запиваюць.
Хвала-жъ Табѣ, Боже,
Што на нашымъ стала,
Што мы раненько ўстали,
Ксендза ошукали,
Да ня дорого оддали
За свою панэнку —
Цѣлаю копѣйку,
А за того молодца
Поў золотаго.

Всѣ пускаются въ танцы, и увеселенія продолжаются безъ перерыва. Вечеромъ дружина сбирается за столъ, даютъ водку и кушанье; для молодыхъ отдѣльно, въ свѣтлицѣ, подаютъ на сковородѣ яичницу, которую они должны ѣсть одною ложкою, въ знакъ того, чтобы въ дальнѣйшей жизни все дѣлили пополамъ. Гостей молодого кормятъ два раза, между тѣмъ молодые исчезаютъ и могутъ бесѣдовать, гдѣ имъ вздумается. Вскорѣ они опять присоединяются къ гостямъ, и тогда мать молодой садится противъ печи, беретъ къ себѣ на колѣни дочь, которая поетъ слезливо:

100.

Моя мамечка
Приступъ къ столочку,

Къ мойму славкчку.
Ня сына женишъ,
Ня нявѣстку барэшъ,
Мянк, молодзкньку, оддаешъ.
Моя мамечка, што-жъ табѣ ляхчэй:
Чы милую бало ховаць.
Чы цацкръ зъ сулоня оддаваць?

На столѣ, въ шайкѣ, стоитъ водка: молодой черпаетъ ее кубкомъ или ковшомъ и, обращаясь къ молодой, говоритъ: «Агатка, пью на цябк поўнымъ кубкомъ, щирымъ сердцемъ, добрымъ здоровьемъ, што мыслю (желаю) сабѣ, то и табѣ». Три раза онъ это повторяетъ, а за третьимъ выпиваетъ; молодая отвѣчаетъ, плача:

«Чужы, чужаньцинъ, ня пій на мяне, пій самъ на сябк, на свою сястру, што для цябк сядзиць, што съ тобой говорыць».

101.

Дѣвушки поютъ:

Шоўковая ниточка къ сьцянѣ льгнець,
Агаточка за мамкой чоломъ бьець,
Добра ночь мамцэ оддаець:
«Добра ночь, мамка, добра ночь,
«Ня той добра ночь, што на́ ночь,
«Але той добри ночь, што на ўвесь вѣкъ·
«Не на одну мяне, але на ўвесь свѣтъ,
«Не на одну ночку, але на ўвесь вѣкъ.

102.

Жаль намъ, Агатка, на цябк,
Што ты насъ гонишъ одъ сябк.
Чы мы табѣ косачки не пляли?
Чы мы табѣ вяночки не вили?
Пляли табѣ косачки ў чатыры ряды.
Ня будзимъ плясьци ни разу,
Ня будзишъ у татки ни году.

Въ это время отецъ или братъ молодой беретъ ее за руку и ведетъ на кутъ къ молодому; она поетъ, плача:

103.

А мой татачка за ручку бярэшъ,
Чы за постаць увядзешъ?
Коли за постаць? займай широка,
Погоню далека.

Усѣвшись между сестрою и мужемъ, она продолжаетъ:

104.

Цяцкръ я сѣла мижъ шыпшыничку,
Мижъ шыпшиничку, мижъ крапіўку,
Жижка крапіўка — пожигаць будзкць,
Сухы шыпшыникъ — сушыць будзкць.
А мой татэчка оддавай и пытай:
Кабъ не пропою, кабъ не разбою, —
Коли пропою,— ў корчмѣ пропьецъ,
Коли разбою — на дорожцэ забьецъ.

Отецъ говоритъ молодому:

«Зяцкнка! (зятекъ) даю табѣ дочку не хромую, не сляпую. Даўшы жыта — проси хлѣба; даўшы лёну — проси сорочку; даўшы ячменю — проси крупъ; и коли того не послухаицъ, — возьми нитку, навяжи на соломку, да дай, дай! а коли не послухаицъ,—возьми гужъ, да дай, дай гу́жомъ, кабъ звала му́жомъ.»

Мать молодого подстригаетъ нѣсколько голову молодой, кладетъ на нее три пасмы льну, подпаливаетъ свѣчкою на крестъ волоса, а сястра молодого въ это время ножницами ихъ подстригаетъ; въ такомъ положеніи молодая и остается, свахи поютъ:

105.

На синимъ озёры,
Сядзѣла лебедзька,
Крылками опусьцяся,
Пкркйкамъ осыпяся.
Прыходзиць къ ей лебядзь:
«Бѣла́я моя лебкдзька
«Узнійми своё крыле,
«Збяры своё пкрья,
«Полецимъ зъ тобою
«Гдзѣ голубы злеталися,
«Насъ зъ тобой сподзѣвалися,

«Цёплоё гнядзечко вьюць,
«Бѣлинькой лебедзьки ждуць.»
Да за новой скамьёй
Сядзѣла Агатка,
Косками спусьціўшися,
Слёзками обліўшися.
Прыѣхала Янэчка:
«Милая моя Агатка
«Збяры свое коски,
«Да утрый же дробные слёзки,
«Поѣдзимъ зъ тобою
«До свойго дому:
«У насъ госьци съѣжджалися,
«Насъ зъ тобой сподзивалися,
«Бѣлая ложе слали,
«Зёлки ў голоўки клали,
«Насъ молодзенькихъ ждали.»

Дѣвицы поютъ:

106.

Матка дочку пропила,
Мошну грошы набила,
Волосомъ зашыла,
Голосомъ завыла:
Пропила матка дочку
На солодкимъ мядку;
Да упіўшися скачець,
А выспаўшися, плачець.

Въ это время сваха снимаетъ съ головы молодой ленъ, подбираетъ волоса, завязываетъ вверху пасмой льна. Этотъ ленъ, зашитый въ сукно, она всегда носитъ при себѣ.

Послѣ этого, приступаютъ къ возложенію на голову молодой чепчика или шапочки, которую она три раза сбрасываетъ съ головы: одинъ разъ на печь, другой — подъ лавку, со словами:

107.

На што мнѣ чапецъ?—
Я кину на печь.

На што мнѣ тканка? —
Кину подъ лаўку.

Въ третій же разъ старается выбросить чепецъ за окно, но ее до этого не допускаютъ и какъ бы насильно надѣваютъ его ей на голову; при чемъ свахи поютъ:

108.

Хвала-жъ Табѣ, Боже,
Надзѣли Агатцэ чапкцъ,
Да не кидай же его на пкчь.
Уложили Агатцэ тканку,
Да не кидай же подъ лаўку.
Чарнкцъ Янечка, чарнкцъ,
Да уложыў Агатцэ чапецъ,
Да на чепчикъ намётку,
Прыбраў, какъ лябёдку.

Дѣвки, вскочивши на лавку, стараются ударить молодого, оттаскать за волосы и, ударяя въ ладони, поютъ:

109.

Бяры, блазнякъ, бяры,
Да умѣй шановаци,
Якъ родную маци,
Якъ вишеньку ў са́дзѣ,
Якъ пщолочку ў мя́дзѣ.
У насъ была работница,
У васъ будзкць свовольница, —
У насъ была — ткала и прала,
У васъ будзкць попихайла, —
Наша Агатка сыръ налиты,
Вашъ Янэчка надуты.
У вашаго Янэчки оўсяные зубы,
Оўсяные зубы, ячны носъ,
Бруха зъ ночоўки, ледзь *прывёзъ*[1]).
Наша Агатка зъ вкрея́,
Вашъ Янэчка зъ вкребья.

---

[1]) Въ подлинникѣ *prywioz*. Подобные полонизмы прорываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ у польскаго записывателя. *Ш.*

110.

Ѣдзьцѥ сваты до дому,
Мы вамъ Агатки не дадзёмъ:
Бо наша Агатка — сястрыца,
Зъ нами ў ягодки ходзила,
Да ў одну лубочку збѥрала,
Зъ одной лусточки ядáла.
Ужо познинька, ужо не раненько,
Сонѥчка на заходзѣ,
Да ужо Агатка молодзѥнька
У мамки на выѣздзѣ;
Яе мамечка унимаець:
«Ня ѣдзь, дочушка моя зюбая,
«Ужо рожа зацвитаець,
«Барвинечекъ зѥленѣець,
«Зямлю укрываець.»
— Моя мамечка, моя родная!
— Мнѣ ужо рожы не дождаць,
— И барвинечки зялёнэй
— Вяночка не звиваць.
— Гдзѣ буду жыци,
— Хопь буду выци,
— Да ужо мнѣ не носици.

111.

Зъ нядзѣли по понядзѣлокъ
Васильку бѣда стала:
Пропала скрыня малявана,
Дочýшка кохана.
Я твою скрыню малеванаю
За дзѥнь прызабуду,
Своей дочушкѣ коханай
По вѣкъ нэ забуду.

112.

Да гуляй, гуляй щука-рыбочка
  Ў синимъ моры,
Якъ же ты пойдзѥшь на лугú, ракú
  Ня будзѥшъ гуляць,

Уловюць цябѣ молодые рыболовы,
Да знимуць зъ цябѣ молодую лускавицу,
Покроюць рыбочку на стольницу,
  Ў святлицу.
Зготуюць рыбочку молодые кухары,
Да зъядуць цябе пановѣ, сенаторовѣ.
Да гуляй, ґуляй Агатка у родного татки,
Пойдзѣшъ къ чужому,
Да не къ родному,
Не будзѣшъ гулящь.
У свойго татэчки — крутые горы,
  Да гуляла по воли,
А у чужаго ўсё поле роўна,
  Да гулящь ня вольна.
У свойго татки что дзѣнь —
  Голоўка ў вяночку,
А што надзѣлю — ў таночку,
  А у чужаго татэчки
  Будни дзѣнь ў рабоцѣ,
  А святы — ў болоцѣ.

113.

Чаму Агатка не вячерэла
  У свайго татэчки?
Пойдзѣшъ къ чужому,
Да не родному,
Не будзѣшъ вячериць.
Цябѣ, молоду,
Пошлюць по воду,
Сами сядуць вячерацъ.
Прыняси воды
На сябе бяды,
Каждому пиць дацъ,
Якъ старому, такъ малому,
Янэчку молодому.
Не сварыся, мамечка, со мною,
Сядзѣмъ же мы,
Повячераимъ зъ тобою.

114.

Хопь ты мяне, татка.
Малую замужъ оддавай,
Только ты ў свою хатку
Чужого не прымай.
Прыняўшы зяца—
Только будзѥмъ сварытца,
Ня буду вѣдаць
За кого ўступитца:
Ўступіўшыся за татэчку, —
Буду бита,
Ўступіўшыся за милого, —
Вонка быдзь.

115.

Болицъ моя голоўка одъ вѣнца,
Не оддавай мой татэчка за ўдовца,
Оддай мяне, мой татэчка, ў сямью.
Ў сямьи ёсьцъ порадочекъ ўсяму:
Ў истопку тоўчы, молоць, — золоўка,
Дзяжу мясиць, хату топиць — ятроўки,
А ў крыницу по водзицу — я молодая.

116.

Да мой татэчка покинаўся мною,
Якъ нелюбою, якъ садовымъ яблочкомъ недоспѣлинкимъ.
— Ня бядуй же ты, сястрыца моя!
— Я-жъ буду недалеко одъ цѥбя;
— Будзимъ ў чистымъ поли жита жаць,
— И ранной и вячорной зарою, —
— Зайдутцѥ нашые голоски зъ тобою.

Берутъ крышку отъ дежи (вѣко), кладутъ на нее суконную юбку, отецъ приноситъ непочатый хлѣбъ, немного соли и говоритъ: «дару цябѥ дзѣцятко хлѣбомъ солей», и положивши на хлѣбъ нѣскольцо денегъ, продолжаетъ:

117.

На гэта не сподзевайцѥ,
Да рано ўставайцѥ,
Одно другого побудзайцѥ».

Дѣвицы поютъ:

118.

Добрая Агатка, — твоя доля,
Што цябѣ татка дарицъ,
Щастливо будзиць годзи́на,
Цябѣ дарипь ўся родзина.

Между тѣмъ дружко становится на скамейку съ лучинкою въ рукѣ и, ударяя ею по столу, приглашаетъ всѣхъ, чтобъ дарили молодой, которая въ это время поетъ:

119.

Да мой татэчка,
Щыро табѣ робила,
Вѣрно служыла,
Выслужыла хлѣба кусочекъ,
Соли дробочекъ.

Молодая, покрытая новой наметкой, не видитъ, кто и сколько ей даритъ. Дружко ей объясняетъ: «Агатка, дарицъ цябѣ братъ, сястра» и пр. Дарятъ обыковенно деньгами, телушкою, овцою, свиньею, холстомъ — кто чѣмъ желаетъ. Если какимъ-либо животнымъ, то дружко старается подражать голосу каждаго изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ плещетъ въ потолокъ изъ рюмки вино, чтобъ подаренное животное подпрыгивало, и приговариваетъ: «если кто не одасть обѣщанной скотинки, то пусть волкъ ее съѣстъ» [1]). Молодая кланяется и благодаритъ за подарокъ:

120.

Да мой брахнѣнка,
Дзякую табѣ
За дары великіе твое;
Коли жива буду,
Да спомогуся,
Табѣ прыгожуся,
А коли не табѣ,
То дзѣткамъ твоимъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ эти слова дружка приводятся въ польскомъ переводѣ, а не по-бѣлорусски, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ этого описанія. *Ш.*

Такъ она приговариваетъ лишь близкимъ роднымъ, дальнимъ же — только кланяется.

По окончаніи даренія, молодая, прислонившись въ уголъ, гдѣ образа, голоситъ:

121.

Татковъ куточекъ —
Божы домочекъ,
Заставайся здоровъ,
Живи богато!

Прощаніе наступаетъ при отъѣздѣ молодой —у ногъ матери:

122.

Моя мамечка,
Заставайся здорова,
Живи богата,
Не забывайся на мяне, молодую;
Коли буду жеброваци,
Воротца одчиняйцѥ,
Хоць по кусочку хлѣба давайцѥ.

При прощаніи съ отцомъ, она обращается къ нему съ тѣми же словами, у ногъ его. Потомъ обходитъ всѣхъ родныхъ, обнимая ихъ и цалуя.

Свахи поютъ:

123.

Хоць я ночки не спала,
Я свою свацьку ошукала,
Сабѣ нявѣхну дождала:
Да къ сьцюдзёной зимѣ-плацѥ працъ,
А къ красной вяснѣ — кросны ткацъ,
А къ цихому лѣту — жыто жацъ,
А къ цёмной ночы—на току молоцицъ.

124.

Прыбѥрайцѥся, брахны,
Пора намъ домоў ѣхацъ.
Доўгая дорожечка:
Чатырэ мили боромъ ѣхацъ,
Пятая — мо́рамъ плысьци.
Хоць бы мы морамъ плыли,

Абы мы дома были.
Поѣдзимъ домоўки
Цкразъ *валотоўки.*
Наша дорожка доўга,
Цкразъ дорожку — рэ́чки,
Цкразъ рэ́чку — кладка,
Будзк сварэцися матка,
Што насъ доўга нѣтъ.
Поѣдзкмъ къ *Вайцкху*,
На даўную уцѣху,
Гдзѣ мы пили, ѣли,
Добрыя мысли мѣли.

125.

Ночь по ночы, цёмненькая ночка!
Зажурылаcк соколики цырэчка:
Да зачымъ же мойго сокола доўго нѣтъ?
«Нѣгдзѣ ёнъ цкразъ сады поляцѣў?
«Нѣгдзѣ яго ўсѣ пташечки злюбили?
«Нѣгдзѣ яго яблоками кормили?
«Нѣгдзѣ яго зъ лисьциночки поили?
«Нѣгдзѣ яго шэрой зязюлькой дарыли?»
Ночь по ночы, цёмненькоя ночка!
Зажурылаcк Янэчка мамечка:
«Зачымъ же гэто мойго сыночка доўго нѣтъ?
"Да нѣгдзѣ ёнъ цкразъ мѣсто ѣхаў?
«Нѣгдзѣ яго мѣщаночка злюбила?
«Нѣгдзѣ яго за столикомъ садзили?
«Нѣгдзѣ яго зялёнымъ виномъ поили?
«Нѣгдзѣ яго красной дзѣўкой дарыли?»

126.

Отъ табѣ, мамка, шыпки и пятки,
Што нема кому мясьци хатки.
Ой цяжко табѣ будзк безъ дочки,
Поростуць по залаўкой козлочки.
Людзямъ трэба ў боръ ходзиць,
А табѣ будуць позалаўкой радзиць.

Всѣ садятся за столъ и свахи поютъ:

127.

Да я говорыла: «соколы лятуць!»
Ажъ мое брахны на кони сядаюць.
Говорыла я, што мѣсяцъ ўсходзиць,
Ажъ мой татэчка по дворэ ходзиць,
Мяне, молодую, проводзиць.

Наступаетъ отъѣздъ молодой четы въ домъ родителей молодаго. Встрѣча ихъ и угощеніе всего поѣзда составляютъ послѣдній актъ пиршества и свадебныхъ обрядовъ. Всѣ предшествовавшіе обряды и пѣсни или были изображеніемъ сельской жизни, или выражали пожеланія предстоящей счастливой будущности; кое-гдѣ однакожъ проявляются въ пѣсняхъ вѣковые обычаи, оставшіеся отъ временъ язычества. У нашего простонародья, какъ у всѣхъ народовъ этого слоя людей, дѣвичья непорочность служитъ признакомъ счастливой доли того дома, въ который вступаетъ молодая и вмѣстѣ съ тѣмъ есть доказательство тщательнаго воспитанія ея въ домѣ родителей. Наши старинные земледѣльцы хотѣли имѣть въ этомъ отношеніи явныя доказательства. Если молодая оказалась нецѣломудренною, то она теряла почетъ и должна была просить прощеніе; все считалось тогда испорченнымъ и не всѣ обряды выполнялись; невинная же пользовалась полнымъ почетомъ и вносила въ домъ радость, веселье и надежду и составляла предметъ всеобщаго уваженія.

На ту телѣгу, на которой молодые намѣрены ѣхать въ домъ родителей, кладутъ подушку и бѣлую сорочку, завернутую въ простыню. Молодая садится съ мужемъ и плачетъ, причитывая:

128.

Татова ніўка да не уляжайся:
Родзила пры мнѣ, родзи и безъ мяне.
Добрая доля да идзи за мной:
Зъ пячы пламянёмъ,
Зъ хаты ко́миномъ.

За телѣгою ѣдутъ два закосника, свахи ѣдутъ или идутъ; по прибытіи всѣхъ къ дому, поютъ:

129.

Звонко дзкрэво калина,
Да боромъ ишла, шумѣла,
А полемъ ишла — звинѣла,
А къ двору йшла говорыла:
Отчини, мамочка, новый дворъ,
Вязёмъ нявѣхну, якъ яворъ;
Отчини, мамочка, оконца,
Вязёмъ нявѣхну, якъ слонца;
Отчини, мамочка, хижа,
Вязёмъ нявѣхнў грызе.

Когда молодые ѣдутъ чрезъ село, парни зажигаютъ имъ по дорогѣ куль соломы и ихъ нужно дарить, чтобъ погасили огонь. Когда же они подъѣхали къ самому дому, то останавливаются передъ дверью и стоятъ до тѣхъ поръ, пока мать не выйдетъ съ вѣкомъ (крышкою отъ дежи). Молодая наклоняется низко и остается въ такомъ положеніи, пока мать, прикоснувшись ея головы этой крышкою, не скажетъ слѣдующихъ словъ: «свякроў нявѣхну научаець, да ў лобъ вѣкомъ лучаець; не ходзи, нявѣхна, по сялў, не судзи объ мою сямью̆, ни ранняго обѣду, ни познай вячеры». Послѣ этого молодая кладетъ на вѣко пирогъ, завернутый въ полотно, а молодой, взявши ее за руку, вводитъ въ хату. Войдя туда, молодая бросаетъ поясокъ на печь, причемъ свахи поютъ:

130.

«Милые мои сватовк,
«Чы добро было ў дорозѣ?
«Чы бѣлые были тарэлки?
»Чы давали вамъ горэлки?»
— Да, добро было ў дорозѣ,
— Да, бѣлыя были тарэлки,
— Да, давали намъ горэлки.

Прибывшихъ гостей сажаютъ за столъ и потчуютъ всѣмъ, что найдется въ домѣ, молодымъ же подаютъ по куску хлѣба съ медомъ. Въ это время угощающая ихъ женщина поетъ: «пятухъ курку

маниць, на куросáдникъ садзиць, даець мёду ѣсьци». Между тѣмъ сестра молодаго выноситъ постель въ клѣть или овинъ, стелетъ ее, при входѣ, на порогѣ, разстилаетъ кожухъ и ожидаетъ молодыхъ. Сперва черезъ кожухъ переходитъ молодая, а за нею слѣдомъ молодой. Послѣ этого сестра помогаетъ молодой раздѣться, складываетъ снятую одежду, подаетъ ей чистую сорочку и уходитъ. Спустя нѣсколько времени, молодой выходитъ одинъ и посылаетъ въ клѣть сестру. Молодая между тѣмъ одѣвается: надѣваетъ прежнюю сорочку, а ту, въ которой ложилась спать, отдаетъ сестрѣ; послѣдняя съ этою сорочкою вбѣгаетъ въ избу, ударяя въ ладоши, и поетъ:

131.

Добрые наши морозы,
Не зморозили намъ рожи.
Покраса наша Агатка,
Да покрасила два дворы:
Одзинъ дворокъ, гдзѣ росла,
Други, гдзѣ прышла.
Гуляйцк прыданки
У Агатки коханей,
Да вялѣла намъ маци
Хорошенько гуляци,
Слаўку учыниць,
Да лаўка поломиць.
Да ў горóдзѣ ячмкнь,
Ёнъ золотомъ зацвіў,
Лѣпша того злота,
Агатчина цнота;
Коли наша Агатка швачка была,
Вышыла кошулю зъ подола и т. д.

Ср. въ моемъ Бѣлор. сборн. стр. 352, №№ 654—55, и выше стр. 29, № 33.

Входитъ молодая и кланяется всѣмъ; родители провожаютъ молодыхъ въ клѣть, угощаютъ ихъ тамъ сладкою водкою и закусками, подаютъ яичницу, которую молодые ѣдятъ одною ложкою. Вскорѣ молодой идетъ за прида́нками и вмѣстѣ съ ними отправляется въ домъ родителей молодой и съ тою же сорочкою,

въ которую на этотъ разъ завернута горсть ржи и нѣсколько монетъ. Прибывшаго зятя чествуютъ самымъ радушнымъ образомъ, и съ нимъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Всѣ въ восторженномъ состояніи поютъ:

132.

Ўчора зъ вкчора
Пкрапёлка зляцѣла;
Мы сегодня сьвѣтомъ,
Пкрапёлчынымъ слѣдомъ,
Гдзѣ мы яе услядуемъ,
Тамъ мы заночуемъ;
Тамъ же намъ добра будзкць,
Коникамъ оброкъ будзкць,
Коникамъ будзкць оброкъ — сянцо,
А намъ самимъ — мядокъ, винцо.

133.

Да, умная, разумная дзѣвечка,
Поставила сторожечку на броду,
Сама сѣла подъ вишенькой ў саду:
Буду сядзѣць,
Буду глядзѣць —
Подъ зару,
Откуль же ясккъ мѣсячекъ ўзойдзкць,
Откуль же мое сястрыцы ўзъѣдуць?
Да ўзойдзк ясккъ мѣсяцъ съ подъ зары,
Ўзъѣдуць мое сёстры зъ за горы.
Яны-жъ мнѣ на намёточку прывязуць,
Яны-жъ мою головечку прыбяруць,
Яны-жъ мяне съ цямницы вывядуць.

Всѣ отправляются съ музыкой и пѣніемъ обратно въ домъ молодаго. Дорогою поютъ:

134.

Да ў чистымъ полю прыданые блудзили,
Нѣгдзѣ яны дорожку згубили,
Да споткали маленькую хлопчынку:
«Таки, сяки маленьки хлопчына,
«Укажы намъ дорожку ў сяло,
«Куды нашая сястра вязёна?»

— Тая ўся дорбжка мураўкой утрасёна,
— Будзкць нашая головечка вясёла.

Въѣзжая на дворъ молодаго, поютъ:

135.

Прыданые на дворъ ѣдуць,
Курки подъ клѣць бягуць;
Не бойцкск, курви,
Нямного-жъ васъ надо:
Скмъ на вкчеру,
А осьмую на пкчень,
Дзквятая на снѣданк,
Дзксятая на одъѣзжджанк [1].

136.

Вышла дзѣвочка на ганокъ,
Да послухала прыданокъ:
Чы не зязюльки кукуюць,
Чы не соловкйки щебечуць?
Ажъ не зязюльки кукуюць,
И не соловкйки щебечуць,
Але мое родные поюць,
Мнѣ, молодой, вѣсьци даюць.

Молодая выходитъ изъ хаты встрѣчать прибывшихъ гостей, кланяясь всѣмъ и каждому. Въ это время вносятъ въ клѣть кубелъ съ посудой и бѣльемъ и сколько на этомъ кублѣ обручей, столько денегъ молодой дастъ тому, кто его привезъ. Всѣ входятъ въ хату, садятся за столъ и поютъ:

137.

Зъ циха бояре ходзицк,
Хоро́мъ на вярницк и т. д.

Пьютъ водку, закусываютъ:

138.

Дали намъ ѣсьць и пиць,
Дайцк погуляць,

---

[1] Эта пѣсня имѣетъ много разновидностей и поется на свадьбахъ чуть ли не во всей Бѣлоруссіи. *Ш.*

Дайцк намъ волю,
Пусьцицк ў комору.
Хоця-бъ мы поглядзѣли,
Гдзѣ нашу сястру дзѣли,
Поглядзѣць на калинку,
Подняць пяринку:
Чы хорошо развилася,
По кошули разлилася?

Приданки выпроваживаютъ молодую въ сѣни, для завязыванія платка на головѣ: ибо гдѣ есть столъ, а на немъ поясокъ, этого дѣлать нельзя. Женщинѣ въ интересномъ положеніи не годится браться за это дѣло; думаютъ, что иначе молодая будетъ цѣлый годъ сонлива. Молодымъ подаютъ воду для умыванія. Оба они должны умытьcя вмѣстѣ. Молодая даритъ за принесеніе воды, поясомъ; молодому подаютъ бѣлую и чистую рубашку. За тѣмъ молодая садится на лубокъ, и приданки, развязавъ ей платокъ, накрываютъ ей голову новою наметкою и поютъ:

139.

Посярёдъ хаты стоицъ пкчь,
Ня умѣла Агатка пкчь пкрапкчь.
Нечего на яе дзивовацъ,
Бо недаўно стала *женовацъ*,
Ўчора была дзѣвою,
А сегодня — женою.
Якъ мы захоцѣли,
Такъ мы нарадзили:
Зъ жита половицу,
Зъ дзѣвки молодзицу.

140.

Пошоў Яночка ў калиновы лугъ,
Наломаў калины кольки *змугъ*.
«Отъ табѣ, Агатка, калина моя,
«Нехай гуляецъ родзина твоя.
«Гуляйцк, прыданки, гуляйцк,
Жаднай тревоги не майцк.

Молодая чета съ приданками входитъ въ избу и садится. Передъ ними за столомъ становятъ метлу; они притворяются,

будто ѣдятъ что-то, а между тѣмъ стараются другъ другу выпачкать лицо; приданки при этомъ поютъ:

141.

Гдзѣ-жъ-то свекоръ дзѣўск?
Зними покрывало сушы,
Скмянина, свойго челядзина.

Отецъ молодаго, свекоръ, взбирается на лавку, и прутикомъ изъ метлы выгоняетъ изъ-за стола молодыхъ. Молодая старается выскочить первою, и если она оказалась невинною, перепрыгиваетъ чрезъ столъ и кланяется родителямъ, въ противномъ же случаѣ, обходитъ вокругъ съ большимъ стыдомъ, падаетъ къ ногамъ родителей, прося прощенія. Всѣмъ присутствующимъ дѣтямъ молодая даритъ по пояску. Приданки принимаются за ѣду, а молодую вводятъ въ хозяйство. Приданки въ это время поютъ:

142.

Прыѣхали прыданки зъ *Гданя* [1]),
Попросили у Агатки снѣданя.
«Пождзицк, мое сястрицы, пождзицк,
«Покуль я свою свякрўвку познаю;
«Тогды и вамъ сняданя згадаю».
Отчинице дзвкры!
Да нехай вѣцкръ вѣпць;
Подъ новыя лаўки,
Гдзѣ сѣли прыданки,
Здрыгнулися лаўки.
А чы такъ здрыгнутца,
Якъ приданки напьютца!
Гдзѣ сѣли, — запѣли,
Гдзѣ стали, — заиграли,
Хто зъ кимъ прыткнетца,
То и пива напьетца,
Дзиво наглядзитца.

Наступаетъ страшная возня. Гости скачутъ по лавкамъ и стараются ихъ опрокинуть и переломать; хозяева ихъ удерживаютъ. Своевольство доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Нарушается вся-

---

[1]) Гданя — старин. лѣтоп. Гданскъ, т. е. соврем. Данцигъ. *Ш*.

кій порядокъ: закосники ловятъ куръ, рѣжутъ, готовятъ, словомъ — гостямъ предоставляется полная свобода, если молодая того заслуживаетъ; въ противномъ же случаѣ, нѣтъ такой свободы, всѣ пасмурны; не только не скачутъ по лавкамъ и куры внѣ опасности, но даже иногда закоснику надѣваютъ хомутъ на шею и стрѣляютъ въ воздухъ; словомъ всѣ удовольствія отравлены; закосники сами садятся за столъ, передъ ними постоянно стоитъ водка и закуска; скрипачъ молодаго, сидящій около нихъ, играетъ и иногда припѣваетъ:

141.

«Милые закосники!
«Чаму-жъ вы ня вясёлы?
«Чы вашіе коники не ў злоцѣ?
«Чы ваша сестра не ў цноцѣ?»
— Гэта-жъ вашые коники ў злоцѣ,
— Гэта-жъ вашая сястра ў цноцѣ.

142.

На дворѣ сняжокъ прыпаў,
Ой рана! рана! [1])
У Агатки Янечка просіў:
«Агаточка, подай боцики!»
Агатка не послухала,
Боцикоў не подала.
Возьму-жъ я пўжку свистўнку.
Да выгоню бацьковые гнѣвы,
Да перевярну на свой обычай.
  «Закосники, паничы,
  «Чаго ѣздзице по ночы?»
  — Да мы ѣздзимъ тропой,
  — Да за русой косой,
  — Да за родной сястрой.
Закосничекъ, вкробкій,
Чаго рано прыляцѣў?
Чы ѣсьци захоцѣў?
Дайце яму грэчки снопокъ,
Нехай клюець, якъ пѣтушокъ,

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется, вѣроятно, послѣ каждаго стиха. Въ подлинникѣ указанія на это нѣтъ. *Ш.*

Нехай скачець, якъ бѣлка,
Нехай пяець, якъ дзѣўка.

Музыка и танцы продолжаются долго; передъ отъѣздомъ приданкамъ предлагаютъ кушать. Усадивши съ собою за столъ молодую, онѣ поютъ:

143.

Агатка, сястрыца моя!
Стань же ты у коньцы стола,
Хоця мы наглядзимсє,
Покуль мы разъѣдзимсє.
Агатка, сястрыца моя!
Ужо-жъ мы домоў ѣдзимъ,
Мы цябє научаемъ:
Ўставай ранюсенька,
Мый лаўки бялюсинька,
Мяци́ хату чысцюсєнька,
Какъ табѣ не упикали,
Што мы у цябє гуляли.

144.

Поѣдзицє, сястрицы, домоўки,
Поклоницися мамцэ ў ножки,
Што яна мяне, маленькую, ховала,
Тридцаць ночекъ цямнусєнькихъ не спала,
Покуль мяне, маленькую, выховала;
Сорокъ свѣчекъ яснюсєнькихъ спалила,
Покуль мяне, маленькую, ўросьцила,
Ўросьціўшы, ў чужіе людзи пусьцила.

145.

Ў чужіе людзи, да чужому дзицяци,
Свацєчка, голубечка, спомогай,
Кабъ не было нашей сястрыцы знєваги.
— Што намъ за знєвага?
— Чымъ наша сястра блага?
— Наша сястра гожа.
— Якъ чырвоная рожа.

Приданки уѣзжаютъ: молодая, оставшись за столомъ, плачетъ, а кто-нибудь изъ родныхъ молодаго, усѣвшись около нея, старается утѣшить ее, какъ можетъ.

Перезоу. На эту послѣднюю свадебную бесѣду молодой приглашаетъ людей почетныхъ: крестныхъ родителей, дядей, тетокъ и т. п. Всѣ они приносятъ съ собою по корзинкѣ, наполненной пирогами, оладьями со сметаною и разнымъ печеньемъ; мать дѣлитъ все это между своимъ семействомъ. Пьютъ водку и поютъ:

146.

У насъ сягодня перезоў,
Самъ Богъ перайшоў,
Зъ Святой Троицой, зъ Прачистой,
За ўсими Святыми, зъ счасцемъ и долей.

Гости остаются довольно долго, хозяева ухаживаютъ за ними больше, чѣмъ за приданками. Танцуютъ немного. Предметомъ бесѣдъ на этотъ разъ служитъ преимущественно предстоящая будущность молодой четы; пѣсни повторяются тѣ же, какія распѣвали приданки.

Зап. въ 1846 г. Е. М. Изъ сочин. гр. Е. Тышкевича: «Opisanie powiatu Borysowskiego». Wilno. 1847, стр. 288 — 347.

IV.

Описаніе свадебныхъ обрядовъ крестьянъ Минской губерніи, Борисовскаго уѣзда, которые были наблюдаемы въ 1800, 1801 и 1802 годахъ, съ нѣкоторыми относящимися къ нимъ пѣснями [1]).

Въ первыхъ числахъ октября крестьяне обыкновенно начинаютъ помышлять о женитьбѣ своихъ взрослыхъ дѣтей. Брачные союзы совершаются въ ихъ средѣ и въ другое время года, но только вслѣдствіе крайней необходимости, для поддержанія хозяйства и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, а въ такомъ случаѣ, если въ жизни супруговъ не окажется должнаго согла-

---

[1]) Въ выноскѣ, которую передаемъ здѣсь сокращенно, гр. Тышкевичъ замѣчаетъ:

Это описаніе дастъ читателю случай сравнить сообщенные здѣсь обряды съ обрядами Березинскими, описанными въ предыдущей статьѣ и оправдаетъ помѣщеніе его въ нашемъ сочиненіи, хотя оно и было уже разъ напечатано въ «Tygodnik Wileński» 1819 г., т. VII. Нужно только прибавить, что это описаніе составлено Игнатіемъ Шидловскимъ.

сія, или произойдетъ какое либо несчастіе, то все это обыкновенно припишутъ именно такому отступленію отъ общепринятаго обычая. Напротивъ того самыя счастливыя супружества, по понятіямъ нашего народа, суть тѣ, которыя совершаются между Покровомъ и Филипповымъ постомъ [1]).

Въ это время дѣвушки, помышляющія о своей судьбѣ, замѣтно находятся въ безпрестанномъ движеніи и суетѣ; кромѣ того, что занимаются, усерднѣе обыкновеннаго, всѣми домашними работами, онѣ обращаютъ особенное вниманіе на чистоту въ хатѣ и опрятность собственнаго своего наряда; въ особенности онѣ суетятся по четвергамъ и субботамъ, потому, что въ эти именно дни *сватъ* пріѣзжаетъ. Поэтому въ хатѣ, гдѣ ожидаютъ такого гостя, невѣста, дочь хозяина, моетъ тщательно столъ, лавки, полки, всякую утварь и посуду, подметаетъ нѣсколько разъ избу, сама-же надѣваетъ бѣлье чистое и тоньше обыкновеннаго, бѣлую юбку, такой же фартучекъ и повязываетъ голову платочкомъ, изъ-подъ котораго виситъ коса, заплетенная розовою ленточкою. Нарядъ этотъ, хотя очень старательный, долженъ имѣть видъ совершенно простой, ежедневный. Вечеромъ, когда ожидаютъ свата, все семейство и работники одѣваются чище, нежели при работѣ, сидятъ кучками, ничего не дѣлая, разговариваютъ только между собою, кромѣ дѣвушки, которая постоянно суетится изъ угла въ уголъ, то прибирая разбросанную одежду, устанавливая на полкахъ посуду, то обметаетъ уголь, падающій отъ горящей лучины.

Въ это-то время пріѣзжаетъ наконецъ и сватъ. Онъ входитъ,

---

[2]) У здѣшнихъ крестьянъ существуетъ пѣсня или молитва, распѣваемая обыкновенно дѣвушками и содержащая въ себѣ просьбу къ Покрову о замужествѣ:

Святы Покроу, Покроу!
Покрыў зямлю́ и воду́,
Покры и мяне молоду и т. д.

Свадьбы, совершаемыя въ осеннее время потому болѣе предпочитаются нашими крестьянами, что тогда, по снятіи хлѣба съ поля, они имѣютъ болѣе возможности устроить лучшимъ образомъ свадебныя пиршества, а чѣмъ, по ихъ мнѣнію, богаче свадьба, тѣмъ лучше пойдетъ жизнь молодыхъ.

останавливается по серединѣ избы, кланяется на всѣ стороны, но никто не обращаетъ на него вниманія, въ особенности дочь хозяина, которая въ это время еще больше хлопочетъ. Самъ хозяинъ сидитъ неподвижно въ углу, напротивъ дверей (почетное мѣсто), притворяясь задумчивымъ, но увидѣвъ подходящаго къ нему свата, дѣлаетъ ему довольно равнодушный привѣтъ, не трогаясь даже съ мѣста: «Сядзь у насъ, сусѣдзѣ, дома госьць будзишъ». — Дзякуй, сядзѣли дома, але што съ того будзя [1]):

Нашъ быкъ
Да до вашай цялушки привыкъ,
Кабъ даў Богъ дождаци,
Вашую цялушку до нашаго быка загнаци.

При этихъ словахъ хозяинъ вдругъ поднимается съ мѣста, беретъ свата подъ руку и, указывая на уголъ, очень привѣтливо приглашаетъ его садиться. Сватъ охотно помѣщается въ углу, а дѣвушка въ туже минуту выбѣгаетъ изъ хаты и спѣшитъ къ близкой родственницѣ или, по недостатку таковой, къ самой лучшей своей подругѣ и, разсказавши ей все, что случилось, возвращается съ нею домой, входя однакожъ не въ избу, а въ такъ называемую *истобку*, или кладовую, гдѣ сохраняется молоко, мука, крупа и т. п. для ежедневнаго употребленія. Тамъ онѣ шепчутся межъ собою потихоньку, — хозяинъ же между тѣмъ ведетъ разговоръ со сватомъ о цѣли его посѣщенія. Сватъ высчитываетъ качества и имущество молодаго человѣка, котораго предлагаетъ въ мужья для дочери хозяина, распространяется объ счастіи той дѣвушки, которая согласится избрать его себѣ въ супруга, расхваливаетъ также родныхъ и всѣхъ его домашнихъ. Но всѣ эти похвалы не производятъ, повидимому, никакого впечатлѣнія на хозяина, и человѣкъ, незнакомый съ заведенными изстари порядками свадебнаго обычая, могъ бы даже подумать, что

---

[1]) Достойно замѣчанія, что въ дальнѣйшемъ разсказѣ всѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ передаются по-польски и даже самыя пѣсни приводятся въ подлинникѣ только въ выноскахъ, въ текстѣ онѣ сообщаются въ весьма разжиженномъ польскомъ переводѣ. *Ш*.

жениха вовсе здѣсь не желаютъ, а сватъ напрасно тратитъ свои рѣчи: но въ сущности дѣло идетъ на ладъ. Какъ только услышится стукъ дверей въ истобкѣ, которая находится чрезъ сѣни,— сватъ прерываетъ вдругъ свои хвалебныя рѣчи и, посматривая на дворъ, говоритъ:

«Что-же это, не всѣ дома?... гдѣ-же наши?... гдѣ же...?»

Отецъ: «Извѣстно, молодые люди всегда имѣютъ свои занятія и хлопоты».

Вдругъ между женщинами начинаетъ происходить какое-то движеніе. Ничего межъ собою не говоря, онѣ знаками даютъ знать другъ другу, что понимаютъ въ чемъ тутъ дѣло и наконецъ выходятъ одна за другой въ сѣни, чтобы привести оттуда дѣвушку въ избу. Однакожъ онѣ возвращаются безъ успѣха, повторяютъ свою попытку нѣсколько разъ, пока наконецъ имъ удается привести невѣсту. Общее молчаніе: всѣ глаза обращены къ ней; она, бѣдная, не смѣетъ поднять своихъ, и, ставши въ углу при печкѣ[1]), скребетъ пальцами стѣну.

Собравшіеся гости прерываютъ наконецъ молчаніе, заговариваютъ сперва потихоньку промежду собою, потомъ рѣчь ихъ становится все громче и громче. Наконецъ сватъ обращается къ невѣстѣ, произнося громкимъ голосомъ: «Чтожъ, — я сюда пріѣхалъ не даромъ!»

Дѣвушка молчитъ и все скребетъ стѣну. Отецъ и мать, какъ бы помогая свату, говорятъ: «Нечего сказать, парень умный, корить его нельзя, не пьяница, не буянъ, не воръ; хата богата, семья честная, никто надъ ними не смѣется.» Какъ думаешь дитя мое? отвѣчай, вѣдь ты уже не ребенокъ.

Молчаніе. Всѣ ожидаютъ приговора, наконецъ, закрывая лицо руками, невѣста отвѣчаетъ едва слышнымъ голосомъ: «Какъ хотите». Тутъ отецъ или мать ей говоритъ: «нѣтъ, моя родная, скажи

---

[1]) Уголъ этотъ называется у крестьянъ *кочарэжникомъ*. Туда ставится обыкновенно кочерга, вилы и другія кухонныя принадлежности.

откровенно, любишь ли ты его? вѣдь ты у насъ не лишняя, мы не желаемъ тебя выгнать изъ дома, не потому мы тебя возлелеяли, чтобы ты насъ послѣ проклинала. Скажи же, скажи, какъ думаешь?» Дѣвушка, отвернувшись отъ стѣны, отвѣчаетъ: «Чтожъ дѣлать, коли ужъ нужно отпраздновать этотъ праздникъ, то пусть такъ будетъ», и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ на середину избы. Нѣкоторые при этомъ начинаютъ улыбаться, и скоро подымается общее веселье, всѣ по очереди стараются сказать что нибудь приличное къ случаю; продолжаются шутки и веселый разговоръ. Въ это время сватъ, вынимая изъ кармана бутылку вина, ставитъ ее на столъ и, обращаясь къ невѣстѣ, говоритъ: «поищи-ка только чарки». Она стыдливо начинаетъ искать между посудой, а мать между тѣмъ раскладываетъ огонь на загнеткѣ, чтобы приготовить яичницу. Въ одну минуту рюмка отыскана и яичница готова: и та и другая ставятся на столъ и сватъ, наливая рюмку водки, придвигаетъ ее къ невѣстѣ, та къ отцу, отецъ къ женѣ, жена къ подругѣ дочери, а затѣмъ пьютъ по очереди всѣ домашніе работники, которые однако къ закускѣ не садятся, а только сватъ, родители и невѣста съ своей подругой наслаждаются ею. Послѣ яичницы, когда бутылка водки опорожнена, хозяйка дома беретъ аршинъ или два ткацкаго холста, завертываетъ въ него бутылку и отдаетъ свату, который, простившись со всѣми, уѣзжаетъ домой и тѣмъ кончается обрученіе или первые пропоины, названные *малыми*, потому что онѣ не обязываютъ къ исполненію даннаго обѣщанія. Напротивъ *великія пропоины* имѣютъ бо̀льшее значеніе и послѣ нихъ никакъ нельзя измѣнить слову; онѣ являются какъ-бы торжественною присягою.

Еслибы послѣ *малыхъ пропоинъ* невѣста или ея родители раздумали и не пожелали привести въ исполненіе задуманную свадьбу, то они обязаны только возвратить свату двадцать грошей (10 ко̀пѣекъ) за водку [1]).

---

[1]) Долгъ этотъ считается священнымъ, и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ задержанъ. Сватъ же, какъ бы далеко не жилъ, долженъ непремѣнно пріѣхать для полученія его. Выплачивается этотъ долгъ изъ назначеннаго для невѣсты приданаго.

Такой поступокъ не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій, кромѣ вѣчной иногда вражды между родными дѣвушки и молодаго человѣка, и эта вражда иногда, при случаѣ проявляется чувствительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ. Но если не желаютъ перемѣнить своихъ намѣреній, то все время отъ перваго обрученія до самаго окончанія свадьбы и переѣзда молодыхъ, есть время очень торжественное, въ которое обѣ семьи смотрятъ на себя съ уваженіемъ, а къ невѣстѣ всѣ такъ хорошо относятся, что она сама себя не понимаетъ и кажется себѣ выше и достойнѣе чѣмъ прежде. Ея родители, на другой день послѣ перваго обрученія, приглашаютъ къ себѣ двухъ дѣвушекъ, если нѣтъ родственницъ, то самыхъ близкихъ подругъ своей дочери, которыя остаются при ней неразлучно до самой свадьбы, эти дѣвушки называются *большанками*. Живя въ домѣ невѣсты, онѣ почти безпрерывно поютъ пѣсни, подходящія къ даннымъ обстоятельствамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1.

Наша Тацянка, наша,
Поймала сабѣ пташа
Да ў зялёнымъ жыцѣ,
Ў чырвонымъ аксамицѣ.

2.

Ой цёмна, цёмна на дворѣ,
Ой цямнѣй того за дворомъ:
Бояры вороты облягли,
Посыпали золота на сками [1]),
Да ходзюць походзюць по двору,
Да попросюць Тацянки.
Тацянка татульки просила:
«Дорожы, татулька, дорожы!
«Да сто чырвонцоў запраси;
«Тогды мяне, молоду, оддаси».

Черезъ недѣлю послѣ перваго обрученія слѣдуютъ *великія пропоины*, или *вяликая горьлка*. Пить ее пріѣзжаетъ сватъ съ

[1]) Вѣроятно: скамьи.

молодымъ, съ которымъ дѣвушка послѣ даннаго слова обмѣняется обручальными кольцами. Пиръ въ этотъ вечеръ бываетъ очень скромный: на него приглашаютъ только родственниковъ невѣсты. Они внимательно присматриваются къ молодому человѣку, шепчутъ другъ другу на ухо свое мнѣніе и это называется: *судзиць яго.* Послѣ ужина мать невѣсты завертываетъ въ кусокъ холста бутылку (какъ при малыхъ пропоинахъ) и отдаетъ ее въ руки молодаго, который привозитъ *великую горѣлку.* Всѣ отправляются на отдыхъ, а молодой со сватомъ уѣзжаютъ.

Въ слѣдующее воскресенье, послѣ втораго обрученія, отецъ невѣсты отправляется на торгъ въ ближайшій городъ, чтобы тамъ понакупить нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей для свадебнаго наряда молодой. По его возвращеніи, *большанки*, постоянно окружающія невѣсту, поютъ пѣсни, выражающія любовь дѣвушки, ея безпокойство и желаніе видѣть милаго. Пѣсни эти очень разнообразны и многочисленны, однѣ выражаютъ чувства влюбленной, другія—прекрасныя качества милаго, и т. д.; нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ приводятся здѣсь:

3.

Мижы новыхъ клѣтачакъ
Спижачки помяцёны;
Хто-жъ ихъ тамъ помятаў?
Тацянка помятала,
Яна къ себѣ госьцей ждала,
Да ждала не дождала, 2
Да у татульки пытала:
«Да татулька родниньки!
«Ты ўчора на торгу быў,
«Чы не видзіў Василька?»
— Да, дзѣцятка родная!
— Хоць видзіў — ни знаю.
«Якъ-же яго ни познаци? 2.
«Подъ имъ коникъ бро́я, 2
«Копытомъ землю кро́я,
«Вушками войну чуя,
«Вочками звѣзды ли́ча.»

— Праўда, ўчора на торгу бываў,
— Я табѣ вяночакъ сторговаў,
— Да зъ руты, да зъ мяты,
— Да зъ бѣлай лилеи,
— Да зъ чырвонай папѥры,
— Што ни дожджыкъ яго ня замоча,
— Да ни сонца яго ня зсуша,
— Да ни вѣтрикъ яго ня звѣя;
— Вѣтрыкъ повѣя — лилея,
— Сонца прыгрѣя — ёнъ спѣя,
— Дожджыкъ покропя — позлоця.

4.

Звинѣла камора, звинѣла,
Гдзѣ наша Тацянка сядзѣла:
Тонкія обрусы заткала,
Мыслями узоры наклала.
Прыѣхаў Василька самъ дзѥсятъ,
Пусьціў коники ў вишнёвы садъ,
Да ни даў обрусоў доткаци,
Да просіў зъ собою сядаци.

Въ это время невѣста занимается тонкими и требующими большаго искусства работами, какъ-то: тканіемъ скатертей, вышиваніемъ узоровъ на рукавахъ сорочекъ, шитьемъ бѣлья и т. п. Если дѣвица неспособна къ такому рукодѣлью, то ее обыкновенно называютъ *«неумѣкою, нядзѣльницею»*, и такія дѣвушки не скоро выходятъ замужъ; напротивъ-же рукодѣльныя и способныя, слывущія по бѣлорусски *«работницами, здзѣльницами»*, такъ скоро находятъ себѣ жениховъ, что даже не могутъ покончить начатаго рукодѣлья, потому что имъ мѣшаютъ постоянныя ухаживанія молодыхъ людей, что и выражаетъ послѣдняя пѣсня.

СГОВОРЪ.

Среди такихъ занятій и пѣсней наступаетъ пятый день послѣ большаго обрученія. Тогда въ домѣ родителей невѣсты объявляется большой пиръ, называемый *сговоромъ*, на который должны быть приглашены непремѣнно всѣ жители деревни. Приглашеніе

это дѣлается самой невѣстой, которая, въ сопровожденіи старшей *большанки*, ходитъ отъ хаты до хаты всѣхъ сельскихъ хозяевъ и кланяется каждому въ ноги, не исключая даже дѣтей и работниковъ. Родственники, какъ близкіе, такъ и дальніе, должны явиться всѣ на сговоръ, какъ бы далеко они не жили. Рѣдко однако случается, чтобы крестьянская родня удалялась на далекое разстояніе другъ отъ друга, обыкновенно начинаютъ они и кончаютъ свое поприще въ тѣсномъ кругу. По этому родственники очень легко всѣ могутъ собраться на такой праздникъ, который домашніе стараются сдѣлать какъ можно блистательнѣе. По этому случаю молодые парни зажигаютъ кругомъ хаты смолистыя бревна, что составляетъ въ темную ночь прекрасную иллюминацію, извѣщающую далеко кругомъ о совершающемся здѣсь празднествѣ.

Гости однако сходятся довольно рано, въ 8 час. (утра?)[1]) можно найти ихъ тутъ уже немало, въ особенности родныхъ, изъ которыхъ женщины со всѣми своими дѣтьми занимаютъ хотя не первое, но самое удобное мѣсто, т. е. на *полу*[2]), гдѣ онѣ помѣщаютъ около стѣны маленькихъ дѣтей, сами же садятся рядомъ съ краю, и занимаются бесѣдой, въ которой никто изъ постороннихъ не принимаетъ участія. Избѣгаютъ даже тщательно, чтобы посторонняя женщина не помѣстилась на полу, и если случится, что, по незнанію или разсѣянности, какая нибудь молодая женщина усядится на запрещенномъ мѣстѣ, то ей приходится плохо, потому что родственницы хозяйскія разными колкостями и насмѣшками заставляютъ ее удалиться. Говорятъ напримѣръ: «Посунься, дзяцей

---

[1]) Въ подлинникѣ не обозначено.

[2]) *Полъ*—это очень широкая лавка, на довольно большомъ отъ земли возвышеніи, между печкой и противоположной стѣной и такъ устроенъ, что его нельзя перенести на другое мѣсто.

Надъ поломъ укрѣпленъ горизонтально длинный *шостъ* (жердь), на которомъ вѣшаютъ бѣлье для просушиванія. Полъ есть предназначенное для ночнаго покоя зимою и осенью мѣсто, которымъ имѣютъ право пользоваться только хозяева и маленькія дѣти; остальное же семейство и работники помѣщаются ночью на скамьяхъ кругомъ хаты или на печкѣ. Въ теплое время года обыкновенно всѣ уходятъ спать въ сараи на сѣно или въ клѣти.

негдзя дзѣць» и слова эти иногда сопровождаются безцеремоннымъ дѣйствіемъ. Но кромѣ всего этого такая ошибка не скоро забывается и долго не прощается провинившейся противъ уважаемаго обычая и при случаѣ, въ особенности въ ссорѣ, непремѣнно выставляютъ ей эту вину на видъ съ новыми насмѣшками. Нельзя однако удивляться, что родственницы хозяевъ такъ строго соблюдаютъ это правило этикета: потому что въ этотъ торжественный вечеръ онѣ смотрятъ за порядкомъ и приличіемъ въ домѣ; такъ какъ сами хозяева вмѣстѣ съ дочерью и большанками до нѣкотораго времени не показываются гостямъ и скрываются въ истобкѣ. По этому родные принимаютъ на себя обязанность не только привѣтствовать и усаживать гостей на приличное мѣсто, но и ввести невѣсту съ ея родителями въ назначенный часъ.

Въ десять часовъ обыкновенно пріѣзжаетъ женихъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, между которыми сватъ и родные жениха считаются самыми важными. Все это общество входитъ въ хату съ великою важностью и въ глубокомъ молчаніи, котораго собравшіеся гости ни однимъ словомъ не нарушаютъ. Пріѣхавшіе молодцы ни съ кѣмъ не здороваются, одинъ только сватъ привѣтствуетъ всѣхъ важнымъ наклоненіемъ головы, не обнажая однако ея, точно такъ же какъ женихъ и его сопровождающіе не снимаютъ шапокъ, которые у нихъ такъ надвинуты на лобъ, что чуть-чуть не закрываютъ глазъ. Всѣ они идутъ прямо на конецъ хаты и занимаютъ оставленное для нихъ мѣсто за столомъ. Женихъ садится въ уголъ, сватъ возлѣ него, далѣе двое или трое молодыхъ людей, которыхъ называютъ *дружками*, обыкновенно родные жениха, наконецъ музы́ка (музыкантъ) [1]).

[1]) *Музыкой* не можетъ быть никто иной, какъ только родственникъ жениха, но случается очень часто, что во всей его роднѣ нѣтъ никого, кто бы могъ играть на скрипкѣ, дудѣ или жалейкѣ; въ такомъ случаѣ мнимый артистъ привозитъ скрипку и когда начинаются танцы, то разъ только проведетъ фальшиво смычкомъ во всю скрипку и сейчасъ-же отдаетъ ее настоящему музыканту, который веселитъ все общество до окончанія танцевъ, не будучи удостоенъ названіемъ *музы́ки*.

Прочая молодежь, прибывшая съ женихомъ, не обязана садиться, тѣмъ болѣе, что обыкновенно и мѣста нѣтъ; поэтому она становится рядомъ около стѣны, или по серединѣ хаты, если слишкомъ много гостей. Не смотря на такое многочисленное собраніе, долгое время въ немъ царствуетъ глубокое молчаніе, на лицахъ всѣхъ присутствующихъ выраженіе пасмурной строгости: не видно ни улыбки, ни радости, ни привѣтливости, кажется, какъ будто-бы всѣ разсердились другъ на друга. Одинъ только сватъ, который всегда долженъ быть остроумнымъ и находчивымъ человѣкомъ, обращается то къ тѣмъ, то къ другимъ, больше къ женщинамъ и въ особенности къ дѣвушкамъ, пробуетъ шутить, не очень задумываясь о приличіи, потому что для пущей смѣлости онъ пріѣзжаетъ, какъ говорится, подъ хмѣлькомъ; но всѣ его старанія оживить общество — напрасны: всѣ молчатъ и сидятъ въ раздуміи съ опущенными внизъ глазами. Наконецъ, недовольный неудачей своего остроумія, сватъ начинаетъ очевидно скучать въ отсутствіи хозяевъ и говоритъ: «Что это? гдѣ же господа хозяева? видно они не ждали къ себѣ гостей»? И въ эту же минуту, вскочивши съ своего мѣста, выходитъ въ сѣни, гдѣ непремѣнно долженъ встрѣтиться съ хозяиномъ дома, къ которому и обращается съ слѣдующими словами: «Хвала-жъ Богу! кого шукали, того споткали, просимъ конечнѣ, просимъ до хаты.» — «Да ни потребенъ я тамъ».

«Алежъ просимъ, просимъ пане свацк»[1]), и т. д.

Пока такимъ образомъ одинъ сопротивляется, а другой настаиваетъ напрасно, — выходитъ изъ хаты женихъ (панъ млодый) съ дружками и настоятельно проситъ, чтобы хозяинъ соблаговолилъ войти въ избу. Чѣмъ усиленнѣе эта просьба, тѣмъ упорнѣе хозяинъ отказывается ее исполнить. Въ тоже самое время, когда мущины занимаются такимъ споромъ, женщины подъ разными пред-

---

[1]) Настоящій сватъ называетъ съ своей стороны этимъ именемъ отца невѣсты, съ которымъ онъ считаетъ себя въ нѣкоторой степени породненнымъ съ этого времени, такъ что еслибы случилось, что молодые люди этихъ домовъ вздумали жениться межъ собою, то это родство считается до такой степени важнымъ, что не посмѣютъ устроить свадьбы безъ разрѣшенія приходскаго священника, которое не легко получается и дорого стоитъ.

логами выманиваютъ невѣсту изъ истобки и вмѣстѣ съ *большанками* приводятъ ее къ гостямъ. Невѣста, явившись въ общество, должна всѣмъ по порядку поклониться въ поясъ, въ чемъ ей помогаютъ *большанки*, придерживая ее и поднимая во время поклоновъ. Послѣ этой церемоніи невѣста (панна млода) подходитъ къ одной изъ женщинъ, сидящихъ *на полу* и проситъ установленными изстари на этотъ случай выраженіями, чтобы она во все время свадьбы была при ней. Та сначала отнѣкивается, но вскорѣ принимаетъ приглашеніе, встаетъ съ своего мѣста и, присоединясь къ *большанкамъ*, не отходитъ отъ невѣсты до конца свадьбы. Приглашенная женщина должна быть замужемъ не больше года или двухъ лѣтъ, ее называютъ *молодзицей* [1]), и это имя обрядовое.

Между тѣмъ хозяинъ, смягчившись наконецъ просьбами свата и жениха, соглашается войти въ хату. Онъ первый отворяетъ дверь, а за нимъ входитъ женихъ съ дружками и занимаютъ свои, оставленныя ими передъ тѣмъ мѣста. Первое мѣсто на лавкѣ, за столомъ, въ углу (у кута) занимаетъ женихъ, послѣднее — отецъ невѣсты. Вдругъ женщины сходятъ съ *полу* и садятся на скамьи около стола, напротивъ лавки, гдѣ мужчины. Невѣста садится напротивъ жениха, старшая *большанка* напротивъ свата, младшая напротивъ старшаго дружка, *молодзица* напротивъ *музы́ки* или младшаго дружка и т. д. Какъ только усядутся въ описанномъ порядкѣ, мать невѣсты, которая до тѣхъ поръ еще не показывалась, приходитъ изъ истобки и занимаетъ послѣднее мѣсто на скамьѣ, напротивъ своего мужа. Сейчасъ выносятъ изъ истобки водку, чарку и закуску: сыръ, вареную или жареную говядину, ставятъ все это передъ хозяйкой, которая, наливая чарку, выпиваетъ *къ* [2]) свату и, опять наливши ее, покрываетъ бѣлымъ платкомъ и такъ подноситъ ему. Сватъ выпиваетъ, наливаетъ опять и подаетъ невѣстѣ, та передаетъ старшему дружкѣ, накрывая чарку также какъ и мать, цвѣтнымъ, обыкновенно крас-

---

[1]) Молодзица — это замужняя женщина, но въ данномъ случаѣ означаетъ дружку панны млодой.

[2]) Вмѣсто пить на чье-либо здоровье — по-бѣлорусски говорятъ: пить *къ кому*, а чаще *до кого*. *Ш.*

нымъ, платкомъ; дружко, принявши чарку и спрятавши платокъ въ карманъ, выпиваетъ къ невѣстѣ, которая, взявши изъ его рукъ полную чарку и чуть прикоснувшись къ ней губами, опять накрываетъ ее другимъ платкомъ и передаетъ младшему дружкѣ; послѣдній пьетъ къ *молодзицѣ*, та къ жениху, женихъ къ старшей *большанкѣ*, а эта пропивая къ *музыкѣ*, обвиваетъ чарку поясомъ [1]) работы невѣсты. *Музы́ка* выпиваетъ чарку, наливаетъ ее снова и подаетъ невѣстѣ, которая выпиваетъ къ свату, тотъ къ ея отцу, отецъ къ жениху, на которомъ и оканчивается обрядъ. Затѣмъ уже гости начинаютъ пить обыкновеннымъ порядкомъ. Въ это время *молодзица* разстилаетъ бѣлый платокъ на столѣ, на который женихъ и невѣста кладутъ обручальныя кольца, снятыя съ пальцевъ. Какъ только они это сдѣлаютъ, сейчасъ же двѣ *большанки* съ одной стороны, а два дружка съ другой берутся каждый за конецъ платка, поднимаютъ выше головы положенныя въ платкѣ кольца, а сватъ громкимъ голосомъ восклицаетъ по латынѣ: «виватъ!» Всѣ присутствующіе, прежде сидящіе за столомъ, а потомъ другіе, стоящіе посреди хаты, должны повторить дружно: «виватъ!» послѣ чего платокъ съ кольцами кладется на столъ. Нѣсколько минутъ всеобщаго молчанія.... Опять подносятъ платокъ и опять повторяется общій «виватъ!» И это повторяется до трехъ разъ. Затѣмъ *молодзица* беретъ изъ платка кольцо невѣсты и надѣваетъ его на палецъ жениху, такимъ же образомъ сватъ надѣваетъ на палецъ невѣсты — кольцо жениха [2]). Послѣ этого обряда сватъ снимаетъ платокъ со стола и прячетъ его въ карманъ, изъ котораго достаетъ пару башмаковъ (черевиковъ), предлагая ихъ въ подарокъ невѣстѣ, которая принимая ихъ легкимъ наклоненіемъ головы, выражаетъ ему свою благодарность, но

---

[1]) Поясомъ называется тесьма, шириною въ два пальца, на основу которой (уснова) употребляютъ льняныя бѣлыя нитки, а на *утóкъ* красную шерсть по преимуществу, или другихъ цвѣтовъ. Такихъ поясовъ невѣста должна раздарить больше ста и потому дѣвушки съ двѣнадцати лѣтъ жизни начинаютъ ихъ ткать.

[2]) Выше сказано было, что *на великой* горѣлкѣ *молодые* обмѣнялись кольцами, теперь они возвращаютъ ихъ и обмѣняются ими уже окончательно подъ вѣнцомъ.

вслѣдъ за тѣмъ бросаетъ ихъ съ презрѣніемъ за себя на полъ. Молодые хлопцы, занятые чаркой посреди хаты, ихъ поднимаютъ и подаютъ невѣстѣ. Та опять отбрасываетъ ихъ прочь. Тогда сватъ уговариваетъ ее: «Я не совѣтовалъ бы бросать черевиковъ: въ нашей сторонѣ земля не ровная, — пригодятся» и предлагаетъ ей опять поднятые черевики. Напрасно,—невѣста все не принимаетъ подарка. И такая церемонія повторяется три раза. Наконецъ невѣста отдаетъ черевики старшей *большанкѣ* на сохраненіе, а сама, какъ бы пристыдившись своего поступка, опускаетъ внизъ глаза, или смотритъ въ сторону; *большанки* же съ молодзицей при этомъ поютъ слѣдующую пѣсню:

5.

Ни сядзи Тацянка бокомъ,
Гэта табѣ ни знарокомъ;
Сядзь сабѣ просьцюсенька,
Будзе табѣ милюсенька.

И эту пѣсню онѣ повторяютъ три раза. Наконецъ сконфуженная дѣвушка поднимаетъ глаза, а женихъ встаетъ, снимаетъ передъ ней шапку, подаетъ ей руку и выходитъ изъ за стола. Его примѣру слѣдуютъ другіе молодые люди и каждый беретъ напротивъ себя сидящую дѣвушку. *Музыка* начинаетъ играть, если умѣетъ, если же нѣтъ, то онъ передаетъ скрипку умѣющему: нѣсколько паръ вышедшихъ изъ за стола дѣлаютъ сперва два, три обхода по хатѣ и тѣмъ открываютъ балъ. Начинаются общіе танцы и настоящее веселье, во время которыхъ происходитъ ужасный шумъ, говоръ, смѣхъ, сливающіеся со звуками скрипки и дуды, не перестающими играть ни на минуту. Молодые хлопцы, подхвативши любимыхъ дѣвушекъ, стараются ихъ смѣшить разными поговорками, короткими стишками, которые часто заставляютъ краснѣть стыдливыхъ и невинныхъ дѣвушекъ. Нѣкоторые молодые люди, въ особенности дружки, потихоньку проводятъ своихъ дамъ въ истобку, гдѣ ихъ угощаютъ привезенной съ собою водкой и медомъ; на закуску даютъ пряники, баранки, а на память и въ доказательство любви дѣлаютъ разные подарки какъ то: кольца, бусы,

ленты, образки и т. п. Такимъ образомъ забавляясь, всѣ пьютъ много водки и пива, что всегда бываетъ въ изобиліи приготовлено въ хатѣ. Достаточный хозяинъ обыкновенно готовитъ къ свадьбѣ по три вари пива и браги, да водки столько, сколько нужно.

Женихъ, разъ проплясавши съ своей невѣстой, почти не видитъ ея во весь вечеръ, но за то постоянно ухаживаетъ за ея родственницами, въ особенности за пожилыми, и всѣхъ ихъ по очереди приглашаетъ танцовать.

Въ три часа послѣ полуночи подаютъ ужинъ, къ которому садятся только тѣ лица, о которыхъ выше было сказано и въ такомъ же порядкѣ. Остальные же гости размѣщаются кто въ истобкѣ, кто въ разныхъ углахъ хаты и угощаются иногда привезенною съ собою провизіей, потому что хозяину трудно было бы накормить столько людей. Хозяева больше всего обращаютъ вниманіе и оказываютъ большое уваженіе роднымъ, которые понимаютъ свое значеніе и гордятся этимъ, такъ что подвыпивши, стараются иногда унижать менѣе зажиточныхъ хозяевъ (галетниковъ). Послѣ ужина, всѣ расходятся по домамъ, хозяева и всѣ домашніе тоже идутъ на отдыхъ.

Послѣ этого вечера для родителей невѣсты начинаются самые важныя хлопоты и занятія около приданаго, которыя и продолжаются почти до самой свадьбы. Невѣста же, будучи постоянно въ обществѣ *большанокъ* и *молодзицъ*, слушаетъ ихъ пѣсни и иногда сама съ ними поетъ.

Пѣсни между сговоромъ и свадьбою выражаютъ обыкновенно грусть, что не тотъ будетъ ея мужемъ, кого она любила, или тоску, по той причинѣ, что она должна будетъ оставить всѣ дѣвичьи занятія, забавы и удовольствія. Вотъ двѣ изъ нихъ такого рода:

6.

Да циразъ мой дворъ,
Да циразъ мой дворъ,
    Да цяцкра ляцѣла;
Да ни даў мнѣ Богъ,
Ни судзіў мнѣ Богъ,
    За кого я хоцѣла:

Зъ кимъ я стояла,
Размоўляла,
    Да пода́рачки орала,
За кого кпила,
Сміялася,
    Сама тому досталася.

7.

Выйду я да на ганочакъ,
Гляну я да на красочки,—
Ажъ мое краски зянуць,
Ажъ мое ручки вянуць,
Зіяйця, красочки, зіяйяця!
Мнѣ-жъ васъ ни носици,
Я одзинъ вянокъ звила,
Да и той повѣсила
Ў каморы на прутόчку,
На ядвабнымъ шнурочку,
На чырвоной нитачца,
Меньшай сястрычачца.

Кромѣ пѣсней такого рода, которыя выражаютъ тихую грусть, поютъ и другія, веселыя, вспоминающія церемоніи сговора, танцы, забавы и ухаживанья дружковъ за *большанками.* Однако чаще всего повторяютъ пѣсни, въ которыхъ подсмѣиваются надъ страстью отца къ пьянству, будто бы онъ дочь свою на водку промѣнялъ.

Вотъ одна изъ такихъ:

8.

Да пропою! пропою!
Да Тацянкинъ татулька,
Да пропіў свое дзиця;
Да на новымъ ганачку,
Да за мёду шкляночку,
За горѣлки чарочку.
Добра-жъ было пропиваци;
Кимъ будзець посылаци
  Ў крыницу
  По водзицу,
Ў шеры боръ по брусьницу.

Въ такихъ пѣсняхъ проходитъ цѣлая недѣля; въ слѣдующую субботу невѣста въ обществѣ большанокъ и молодзицы идетъ на исповѣдь; вечеръ же этого дня, какъ послѣдній передъ вѣнцомъ посвящается разнымъ приготовительнымъ обрядамъ къ слѣдующей на другой день свадьбѣ; на этомъ вечерѣ могутъ только присутствовать однѣ дѣвицы и по этому онъ называется *дѣвичій* вечеръ.

Обѣщанное окончаніе и ноты напѣвовъ не были напечатаны въ «Tygodnik'ѣ». Изъ того же сочиненія гр. Тышкевича, стр. 346—368. Переводъ этой и предыдущей статьи сдѣланъ, г-жею Ст. Мих. Цѣханской.

V.

Нѣкоторыя данныя изъ свадебныхъ обрядовъ въ с. Латыголычахъ, той же губ. и уѣзда.

Въ день, назначенный для сватовства, вечеромъ, сватъ со стороны жениха приходитъ въ домъ отца намѣченной дѣвушки, становится возлѣ порога и говоритъ: «Добрый вечеръ вамъ!» и продолжаетъ обыкновенно такъ: «нашъ быкъ до вашей цялушки привыкъ!» и т. д. (см. выше стр. 128). Если по совѣщаніи отца съ дочерью и семействомъ дѣвушка изъявитъ свое согласіе идти замужъ за жениха, предложеннаго сватомъ, то послѣдній немедленно садится возлѣ стола, достаетъ изъ кармана штофъ или бутылку водки, наливаетъ въ рюмку, куда вбрасываетъ какую-либо монету, и угощаетъ водкою отца, невѣсту и домашнихъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней и по совѣщаніи со сватомъ отецъ невѣсты предлагаетъ ей пригласить къ себѣ въ домъ своихъ подругъ дѣвушекъ. Когда онѣ соберутся, приходитъ и сватъ. Дѣвицы становятся въ рядъ, а сзади нихъ посватанная. Первая изъ стоящихъ въ ряду дѣвушекъ беретъ въ руку горсть льну и, обращаясь къ свату, спрашиваетъ: «Чы не гэты товаръ вамъ потребенъ?» На это сватъ даетъ уклончивые отвѣты. Тотъ же вопросъ повторяютъ поочереди всѣ дѣвицы и наконецъ и сосва-

танная. Тогда сватъ, указывая на нее, говоритъ наконецъ: «гэты товаръ мнѣ потребенъ! Ёнъ хорошъ». И съ этими словами беретъ невѣсту и ведетъ ее къ столу; руку подаетъ она ему черезъ кожухъ. Тогда ужъ пьютъ, такъ называемые *барыши*, причемъ дѣвушки поютъ:

1.

Цяперъ, матка, повячераемъ,
Цяперъ, матка, да подзѣлимся:
Табѣ хатка ўся и каморка,
А мнѣ кубелъ трубокъ и короўка.
Кабъ я знала, вѣдала, коли мое весельце,
Я-бъ послала свойго татульку
Ў лѣсъ по калину, а ў долину по малину.
Сонце не грэецъ, вѣцеръ не вѣецъ,
Калинка не спѣецъ, на голову не поспѣецъ.

За тѣмъ пойдутъ танцы и угощеніе.

Вечеромъ наканунѣ бракосочетанія молодую сажаютъ на *дзежу*, покрытую вывернутымъ шерстью вверхъ кожухомъ, если невѣста невинна, и начинаютъ расчесывать ей волосы, причемъ дѣвицы поютъ:

2.

Ци выплыла вуточка зъ-подъ берэжку,
Ци вынесла рыбью грэбёночку?
Не чымъ расчесаци (имя дѣвицы) головочку.
А уже выплыла вуточка зъ-подъ берэжку,
А уже вынесла рыбью грэбёночку,
Ёсь чымъ расчесаць (имя) головочку.

Далѣе невѣста прерываетъ дѣвушекъ слѣдующимъ плачемъ:

3,

Суббота позная, недзѣлька ранная,
Недзѣля ранная, земелька сырая.
Божечка высоки, бослови мяне.
На посадзѣ сѣсьци, на счасливомъ мѣсьци,
«Дзѣвочки сястрицы! ци-были вы у Бога,
«Ци позволiў вамъ Богъ грэбёнку ўзяць,

«Грэбёнку ўзяць, голоўку часаць?
«Коли Богъ позволіў — и я позволю.
«Берыце грэбенки, чашице голоўку.
«Чашице слизненько, плецице крэпенько:
«Волосокъ не урывайце, голосокъ не унимайце,
«Але мой голосокъ и тонокъ, и высокъ,
«Ёнъ и ярокъ, по родзинцѣ жалокъ.»

Передъ началомъ этого плача мать три раза обводитъ невѣсту вокругъ *дзежи*, на которую ее и сажаетъ три же раза.

Когда невѣстѣ расчешутъ волосы, то она снова плачетъ:

4.

«Брациткородненьки!
«Куды-жъ ты пошоў?
Ў дзѣво́чки цяро́мъ,
А дзѣво́чки цяромъ
Зъ русыхъ косъ спляцёнъ,
Жалосццю накрыты,
Слезами облиты.

Послѣ этого невѣста слѣзаетъ съ *дзежи*, благодаритъ присутствующихъ и кланяется всѣмъ, говоря: «Дзинкуе за ваше часаньне, за ваше уплатаньне! Послѣ вашыхъ ручекъ хоць буду часацца, не буду уплятацца».

Далѣе невѣсту сажаютъ за столъ. Предъ выѣздомъ въ церковь она поетъ, плача:

5.

Божачка высоки, бослови мяне
Ў церкоўки ўстўпиць подъ голосны звоны,
Подъ ясны свѣчачки, подъ руцвяны вѣночыкъ.

По совершеніи бракосочетанія молодой ѣдетъ къ себѣ домой, а молодая къ себѣ. И тутъ и тамъ собираются родственники; здѣсь же играетъ *музы́ка*, танцуютъ сосѣди, ихъ угощаютъ. Вечеромъ же, по испеченіи коровая, молодую съ ея подругами ставятъ въ сѣняхъ вблизи дверей. Отецъ ея беретъ въ обѣ руки по маленькому хлѣбу и благословляетъ ее, но передъ этимъ кто-нибудь изъ званныхъ, или сватъ говоритъ слѣдующую рѣчь *музы́кѣ*:

«Домъ свянцоны, пиръ вяселы, скрыпки звонки, грае громко. Проше, пане музыканце, перестаць играць, будемъ княгиню бословляць». Когда музыка утихаетъ, онъ произноситъ слѣдующее *бословéнство:*

6.

Якъ быў дзень недзѣльны,
Якъ Панъ Богъ милосерны,
Сотворіў небо, землю и воду
И нащу княгиню млоду.
Наша княгиня расчёна, печёна,
До гэтого часа не бословёна.
Капланство, малженство,
Наша княгиня просиць бословенства:
На первѣй ни у кого,
Якъ у Господа Бога
У Духа Святого,
У яснаго сонца,
У широкаго мѣсéнца,
У дробныхъ звѣздъ,
У ойца и матки,
У цётокъ и бабки,
Што пры́ роду бывали,
У бацьки хроснаго,
У матки хросной,
Што подъ хростъ подносили,
У Бога доли просили,
Бословице княгиню ў церомъ уйци.

Послѣ этой раціи отецъ невѣсты троекратно благословляетъ хлѣбомъ-солью свою дочь, которая въ это время падаетъ отцу въ ноги и съ плачемъ, очень серьезнымъ, поетъ:

7.

Татулька мой родненьки!
Не надзѣляй мяне ни хлѣбомъ, ни соллю,
Ни хлѣбомъ, ни соллю, ни злотомъ, ни срэбромъ,
Надзѣляй мяне и долей и счасьцемъ,
Долей и счасьцемъ и добрымъ здороўемъ.

Съ этимъ же плачемъ невѣста обращается къ матери и къ братьямъ, только замѣняя, разумѣется, слово *татулька* — словомъ *мамулька* или *братулька*.

Затѣмъ невѣсту вводятъ въ хату, сажаютъ за столъ, а присутствующіе къ ней подходятъ и подносятъ подарки, кто что можетъ. За каждый поднесенный подарокъ невѣста благодаритъ низкимъ поклономъ, а даришій получаетъ ковшъ *горѣлки* съ приличной закуской.

Вечеромъ того же дня къ дому невѣсты пріѣзжаетъ съ дружиною и женихъ, но его подкарауливаютъ на улицѣ и не пускаютъ прямо войдти въ домъ, безъ слѣдующей предварительной церемоніи: мать невѣсты, надѣвши кожухъ шерстью вверхъ, беретъ ведро воды, куда и всыпаетъ овесъ и такимъ образомъ выходитъ на встрѣчу къ молодому князю. Невѣста же въ это время поетъ, плача:

8.

Матулькародненькая!
А куда-жъ ты идзе́шъ,
Што кожухъ надзѣе́шъ?
Ци ў млынъ по муку?
Ци ў Дунай по воду?
Коли ў млынъ по муку́, —
Я муку прынесу;
Коли ў Дунай по воду́, —
Я воды прынесу.
Што гэто, матулька родненькая,
За война прышла?
Ци ѣсьци просяць?
Ци пици просяць?
Ци дорожки пытаюць?
Мамулька родненькая!
Коли ѣсьци просяць — накорми,
Коли пици просяць — напои,
Коли дорожки пытаюць, — покажи.
Мамулька родненькая!
Куды-жъ ты идзешъ,
Што кожухъ надзѣешъ?

Ци на зяця витаць?
Мамулька родненькая!
И витай и пытай:
Ци не пьяница ёнъ?
Ци не разбойникъ ёнъ?
Ци не картыжникъ ёнъ?
Коли пьяница, —
Ў дорожцѣ пропьецъ,
Коли разбойникъ —
Ў дорожцѣ забьецъ,
Коли картыжникъ, —
Ў карты проиграецъ.

Во время этого плача ворота отворяютъ и мать невѣсты, въ описанномъ выше видѣ, встрѣчаетъ жениха съ ведромъ воды, смѣшанной съ овсомъ, но бѣгаетъ такъ скоро вокругъ него и въ сторону, что онъ вынужденъ бываетъ ее ловить. Эту попытку онъ обязанъ повторить до трехъ разъ, и если въ третій разъ ея не словитъ, то долженъ дать ей выкупъ, т. е. бросить въ ведро какую-либо серебряную монету. Послѣ описанной церемоніи невѣсту выводятъ изъ-за стола и ведутъ на дворъ къ жениху, просившему *бословенства* у матери, причемъ невѣста, плача, поетъ:

9.

Дзѣвочки сястрицы
Не вядзице мяне
По лѣвомъ боку,
А вядзице мяне
По правомъ боку.
По правомъ боку
Скрыпочки играюць, 2
Дзѣвочку гуляюць.
По лѣвомъ боку
Скоморохи стояць, 2
Медзвѣдзя дзержаць:
Ланцугъ золоты́,
Медзвѣдзь молоды́,
Якъ рыкнецъ, якъ раўнéцъ, —
Мое серце уякнéць.

Послѣ этого женихъ съ невѣстой сходятся и скачутъ вмѣстѣ на дворѣ, не смотря ни на какую погоду: ни на грязь, ни на морозъ, ни на что. Затѣмъ всѣ гости пьютъ и гуляютъ до упаду всю ночь на пролетъ. Предъ отъѣздомъ въ домъ жениха (женихъ уѣзжаетъ впередъ) невѣста заводитъ слѣдующій плачъ:

10.

Татулька родненькій! Добра ночь даю,
Добра ночь даю на чужую сторону,
Къ чужому татулькѣ, къ чужой матулькѣ;
Чужая сторона безъ вѣтру сушиць,
Чужій татулька, чужая матулька безъ вины журыць.
Таткова нива якъ родзила, такъ родзи,
Коли доля моя, такъ ходзи за мной,
Коли недоля моя, такъ не ходзи за мной.
Татулька родненьки!
Тогды-жъ ты мяне жалѣў, якъ я служка была,
Цяперъ, татулька, я госьційка твоя.
Татулька родненьки!
Коли добро будзиць — ко мнѣ прыѣзжай,
Коли дренно будзиць, — мяне прынимай.

Выѣзжаютъ со двора. Если невѣста цѣломудренна, то она приглашаетъ родственниковъ въ домъ жениха слѣдующимъ плачемъ:

11.

Матулька родная
И сама выѣзжай,
И родзи́ну созывай,
На куцѣ посаджу
И медкомъ напою;
Я и сама, молода,
Напередъ поѣду,
Ў царэмокъ ўступлю,
Зъ церема выступлю,
Я свою родзинку
Зъ царэмы вывяду.

Въ домѣ жениха, еще на дворѣ встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ солью и со свѣчами и вводятъ въ хату. Свекровь, становясь возлѣ печки, покрываетъ невѣсту наметкою. Послѣ этого женщины дарятъ музыканта полотенцами или поясомъ, вечерникамъ и свату даютъ такіе же подарки. Затѣмъ, накрывши столъ скатертью и поставивши на нее образъ, отводятъ молодыхъ въ клѣть спать, и если молодая окажется невинною, то вся компанія пляшетъ до изступленія, пьетъ сладкую водку, а женщины поютъ: «Добрые наши морозы и т. д., см. выше стр. 119.

Если же окажется противное, то поютъ:

12.

Дренные морозы
Заморозили нашу рожу,
Апсикъ, апсикъ подласа!
Гдзѣ твоя покраса?
Апсикъ, апсикъ кóточка!
Гдзѣ твоя цноточка?

Когда пріѣдутъ приданицы, молодой завязываютъ глаза и женихъ сажаетъ ее на кубло. Собираются тётки и надѣваютъ на голову молодой чепецъ. Та не позволяетъ, желаетъ спрятать отъ жениха и, плача, поетъ:

14.

На што мнѣ чапецъ?
Подкиньце подъ печь!
На што мнѣ тканка?
Подкиньце подъ лаўку!
На што мнѣ тканка?
Ци кони путаць?
Ци рыбу ловиць?
Коли кони путаць,
Ёсьць у свекра путы,
Коли рыбу ловиць,
Ёсьць у свекра сѣци.

Послѣ этого плача молодой покрываютъ голову платкомъ, а вѣнокъ снимаютъ. Затѣмъ снова пляска, попойка и угощеніе.

Зап. П. В. Шолковичемъ. Сообщ. инспектор. народн. училищъ Минской губ. Лазаревымъ.

VI.

Той же губ. и уѣзда м. Холопеничи.

Цѣль настоящаго очерка — описаніе свадебнаго обряда съ предшествующими ему обрядами сватовства, запивинъ и заручинъ, — обрядовъ, нѣкогда выполнявшихся въ м. Холопеничахъ во всей ихъ полнотѣ и неприкосновенности, но въ послѣднее время во многомъ измѣнившихся.

Съ измѣненіемъ бытовыхъ условій народа — измѣняются и его обряды.

Въ прежнее время, т. е. до реформы 19-го февраля 1861 года, крестьяне Борисовскаго уѣзда отбывали «пригонъ» (барщину), обработывали землю, отведенную каждому семейству по благоусмотрѣнію помѣщика или его «коммисаровъ» (повѣренныхъ) и экономовъ; отхожими промыслами не занимались и вообще рѣдко оставляли свое пепелище. Послѣ же освобожденія крестьянъ значительная часть помѣщичьей дворни, оставшаяся безъ земельныхъ надѣловъ, вынуждена была искать занятій въ городѣ.

Крестьянскія семьи, увеличившись за 25-лѣтній періодъ времени въ своемъ составѣ, не находя возможности существовать исключительно обработкою земельнаго надѣла и вообще сельскимъ хозяйствомъ, также принуждены были выдѣлить часть своихъ членовъ для заработковъ на сторонѣ: въ городахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, заводахъ и проч.

Эти-то «лишніе люди» въ деревнѣ, побывавъ въ городахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ, заражаются пошлостью и мерзостью жизни большихъ промышленныхъ центровъ, теряютъ свою первобытную чистоту нравовъ, основанную на бы-

товыхъ условіяхъ и семейныхъ преданіяхъ, и искажаютъ свою рѣчь изряднымъ количествомъ имъ самимъ непонятныхъ словъ. Періодически возвращаясь на родину, они стараются блеснуть передъ простаками-родичами своей лакейской или фабричной *образованностью*, относятся съ презрѣніемъ къ крестьянскому быту, обрядамъ и воззрѣніямъ, клеймя все безъ разбору *мужичествомъ* и *невѣжествомъ*.

Точно также относятся къ народнымъ воззрѣніямъ возвращающіеся изъ военной службы солдаты. Результатомъ ихъ совокупныхъ усилій являются нѣкоторыя измѣненія въ обрядовой жизни крестьянина и совершенное уничтоженіе нѣкоторыхъ обрядовъ.

Къ слову сказать, особеннымъ успѣхомъ пользуются эти піонеры городской культуры среди крестьянскихъ дѣвушекъ, прельщая ихъ разсказами о прелестяхъ городской жизни, смѣлостью или, вѣрнѣе, грубостью своего обращенія и своею рѣчью, переполненною непонятными словами. Результатомъ ихъ успѣха является увеличеніе въ метрическихъ спискахъ числа незаконнорожденныхъ.

Въ послѣднее время особенно рьяно накинулись на искорененіе народныхъ обрядовъ священники, становые пристава и урядники: первые убѣждаютъ крестьянъ въ грѣховности нѣкоторыхъ обрядовъ, какъ ведущихъ свое начало отъ временъ язычества, а послѣдніе, не знаю въ силу какихъ соображеній, но также являются ревнителями искорененія суевѣрій и безцеремонно разгоняютъ плетью молодежь, собравшуюся праздновать Купалу.

Вотъ по моему мнѣнію главныя причины, повліявшія на измѣненіе міросозерцанія крестьянина и на измѣненіе обрядовой стороны его жизни.

Послужитъ ли это измѣненіе къ лучшему или къ худшему — рѣшать не берусь.

Все вышесказанное относится къ моей родинѣ — Борисовскому уѣзду и по преимуществу къ Холопеничской волости, кото-

рая граничитъ съ Лепельскимъ уѣздомъ Витебской губерніи и Сѣнинскимъ — Могилевской губ.; какъ обстоитъ дѣло въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи — не знаю.

Нижеслѣдующее описаніе свадебнаго обряда пишу по воспоминаніямъ и разсказамъ и имѣю въ виду свадебный обрядъ прежняго времени: теперь онъ значительно измѣнился.

Настоящій очеркъ не можетъ считаться полнымъ, такъ какъ почти половину пѣсенъ, относящихся къ свадебному обряду, я перезабылъ.

СВАТОВСТВО И ЗАПИВИНЫ.

Въ настоящее время на моей родинѣ при сватовствѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ взаимная склонность и нерасположеніе жениха и невѣсты; по крайней мѣрѣ согласіе ихъ или несогласіе принимаются родителями въ разсчетъ. Женихъ и невѣста, сходясь на «игрыщахъ», «кирмашахъ», ѣздя совмѣстно на ночлегъ, ночуя на сѣновалахъ, имѣютъ возможность изучить нравственную сторону другъ друга, узнать пригодность къ супружеской жизни, физическія достоинства и недостатки. Правда, что подобная близость отношеній нерѣдко ведетъ къ плачевнымъ послѣдствіямъ для невѣсты.

Получивъ предварительно согласіе невѣсты, женихъ посылаетъ сватовъ больше для соблюденія формальности и для установленія брачныхъ условій.

Нѣсколько иначе было въ прежнія времена. Желанія жениха и невѣсты въ разсчетъ не принимались, сватовство обусловливалось главнымъ образомъ соображеніями чисто матеріальнаго свойства. Родители произвольно выбирали невѣсту для своего сына, заручаясь лишь согласіемъ ея родителей. Потомъ испрашивалось согласіе на бракъ мѣстнаго помѣщика, который, въ видахъ улучшенія породы своихъ рабовъ, дѣлалъ иногда извѣстнаго рода подборъ: соединялъ хилаго жениха со здоровою невѣстою и наоборотъ. Въ большинствѣ случаевъ сопротивленія волѣ помѣщика не встрѣчалось. Иногда помѣщикъ или его управляю-

щій пользовались и правомъ первой ночи, избѣгнуть котораго можно было только посредствомъ выкупа.

Тѣмъ не менѣе отъ «ревнителей старины и отеческихъ преданій» мнѣ не рѣдко приходилось слышать похвалы старому порядку сватовства, гдѣ личнымъ склонностямъ жениха и невѣсты давалось мало простора, и порицаніе новому обыкновенію — справляться съ желаніемъ ихъ. Въ подтвержденіе своего воззрѣнія ревнители старины приводили въ большинствѣ случаевъ соображенія, что обязанность «невѣстки» *шановаць* свекра и свекровь, во всемъ имъ повиноваться, быть хорошей работницей; а когда «молодые» сдѣлаются самостоятельными хозяевами, то къ этому времени успѣютъ слюбиться, попривыкнуть другъ къ другу; да и «дурь» въ это время въ голову не полѣзетъ: придется заботиться о хозяйствѣ, о дѣтяхъ и пр. И тутъ же приводятся примѣры счастливыхъ браковъ, которые состоялись противъ воли жениха и невѣсты, по настоянію родителей. Правда, что въ такихъ бракахъ женѣ частенько приходилось терпѣть побои мужа и свекора, приходилось и убѣгать къ родителямъ, гдѣ тоже несчастная встрѣчала нерѣдко побои и была препровождаема къ своему мужу, который, конечно, за подобные поступки по головкѣ не гладилъ. Все это знаютъ ревнители старины, иногда на себѣ испытавшіе послѣдствія хваленаго ими порядка, но, надѣясь вновь не быть въ такомъ же положеніи, расхваливаютъ произволъ родителей.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что у родителей жениха при выборѣ невѣсты для сына на первомъ планѣ стоятъ хозяйственныя соображенія, у жениха къ хозяйственнымъ соображеніямъ присоединяются и расположеніе къ невѣстѣ.

Когда такъ или иначе родители столкуются съ сыномъ относительно выбора невѣсты, тогда стараются развѣдать стороною — можно ли разсчитывать на благопріятный исходъ сватовства. При полученіи на сей счетъ удовлетворительныхъ свѣдѣній — посылаютъ сватовъ.

Сватами выбираютъ людей извѣстныхъ родителямъ невѣсты,

знающихъ ихъ домашнія обстоятельства и умѣющихъ красно и убѣдительно говорить.

Если женихъ извѣстенъ невѣстѣ и ея родителямъ, то онъ можетъ и не присутствовать при сватовствѣ, въ противномъ случаѣ — его присутствіе обязательно.

Особенныхъ обрядовъ сватовство не имѣетъ; тѣмъ не менѣе извѣстныя обыкновенія, обусловливаемыя народными понятіями о приличіяхъ, — выполняются.

Пріѣзжаютъ сваты; входятъ въ хату; здороваются съ хозяевами. Ихъ приглашаютъ садиться. Начинается разговоръ по обыкновенію о сельскомъ хозяйствѣ и сводится сватами незамѣтно на хозяйство жениха, при чемъ сватъ старается выставить товаръ лицомъ, т. е. выхвалястъ достоинства жениха, какъ работника и пр. Родители невѣсты съ своей стороны дѣлаютъ сообщенія о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, но стараются не упоминать о своей дочери: приличія не позволяютъ. Сватъ ловко и незамѣтно старается направить разговоръ въ пользу своего дѣла и, наконецъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, говоритъ о цѣли своего посѣщенія. Со стороны родителей невѣсты, въ силу приличій, слѣдуетъ отказъ; но, если они не прочь выдать дочь, отказъ основывается на самыхъ незначительныхъ причинахъ, такъ, наприм., что дочь недостаточно пожила въ дѣвушкахъ, что въ этомъ году урожай былъ «несамовитый» — свадьбу трудно будетъ устроить, и пр. Сватъ убѣждаетъ родителей въ несостоятельности этихъ причинъ для отказа. Побѣжденные родители ссылаются на волю дочери-невѣсты. Отыскиваютъ ее гдѣ-нибудь въ гумнѣ или въ «истопкѣ» и приглашаютъ въ хату. Невѣста нерѣдко «отнѣкивается» и уступаетъ только усиленному зову; иногда мать или отецъ втаскиваютъ упрямицу за руку.

Мать сообщаетъ невѣстѣ о сдѣланномъ ей предложеніи; она ссылается на волю родителей, которые, въ свою очередь, предоставляютъ рѣшеніе ей. Сватъ вмѣшивается со своими убѣжденіями и, наконецъ, получаетъ согласіе и невѣсты. Невѣста уда-

ляется. Поставляется въ извѣстность количество «посага» (приданаго), назначаются дни заручинъ и свадьбы.

Когда относительно брачныхъ условій договаривающіяся стороны придутъ къ соглашенію, тогда начинаются *запивины* или «барыши». Сваты ставятъ на столъ привезенную съ собой водку, а родители невѣсты закуску. На запивины приглашаются только ближайшіе родственники невѣсты.

Бывали случаи, что послѣ сватовства родители невѣсты свидѣтельствовали дѣтородныя органы жениха, если были какія нибудь сомнѣнія на счетъ его способности удовлетворительно выполнять назначеніе мужа.

ЗАРУЧИНЫ.

Цѣль заручинъ — публичное заявленіе о состоявшемся сватовствѣ и о согласіи невѣсты и ея родителей на бракъ.

Заручины устраиваются въ домѣ родителей невѣсты. Присутствіе брачущихся на заручинахъ обязательно.

Въ назначенный день по приглашенію собираются въ домѣ невѣсты ея родственники, подруги и ближайшіе сосѣди. Подъ вечеръ пріѣзжаетъ женихъ со своими родителями и сватами (мать жениха пріѣзжаетъ рѣдко). Они останавливаются предъ запертыми воротами дома невѣсты. Сваты стучатъ въ ворота и въ окна и просятъ пустить ихъ въ хату.

— «Кто вы такіе и что вамъ нужно?» слышится голосъ хозяина изъ хаты.

Сваты выдаютъ себя за купцовъ проѣзжихъ, покупающихъ дорогой товаръ. Говорятъ: — мы слышали, что у васъ найдется нужный для насъ товаръ, а мы цѣной скупиться не будемъ.

— «Мы ничего не продаемъ! говоритъ хозяинъ.—Хозяйство у насъ незначительное—ничего продажнаго нѣтъ. При этомъ хозяинъ совѣтуетъ «купцамъ» ѣхать къ такимъ-то (называетъ сосѣдей, у которыхъ есть взрослыя дочери). Сваты отвѣчаютъ, что ночь темна, что они могутъ съ дороги сбиться. Кромѣ того—они сдѣлали длинный путь—утомились и проголодались. — «Пустите

хоть переночевать», говорятъ. Хозяинъ отвѣчаетъ, что хата у него тѣсная, при томъ у него въ домѣ уже есть ночлежники. Сваты настаиваютъ; говорятъ, что мѣста имъ нужно не много, они народъ невзыскательный—улягутся и на полу.

Хозяинъ сердито гонитъ ихъ прочь и говоритъ, что онъ даже сомнѣвается, честные ли они люди, и купцы ли на самомъ дѣлѣ?—«Вы разбойники»! кричитъ наконецъ онъ увѣренно.

Сваты съ своей стороны увѣряютъ хозяина, что они люди честные, всѣмъ извѣстные и выражаютъ негодованіе за такое оскорбительное о нихъ мнѣніе. Потомъ сваты называютъ деревню, изъ которой они пріѣхали, и удивляются, какъ хозяинъ ихъ не узналъ, такъ какъ они съ нимъ знакомы. Тогда, наконецъ, отворяютъ ворота, и сваты въѣзжаютъ на дворъ.

Бываетъ, что, иногда, женихъ, перелѣзши черезъ заборъ, самъ отворяетъ сватамъ ворота, а сваты только просятся въ хату; бываетъ, что женихъ выбиваетъ даже двери, ведущія въ хату.

Иногда сваты выдаютъ себя за охотниковъ и говорятъ, что выслѣженная ими дичь забѣжала на дворъ къ хозяину и пр.

Сваты съ женихомъ, войдя въ хату, застаютъ родственниковъ невѣсты за столомъ; выражаютъ удивленіе относительно скопленія такого числа людей; просятъ, чтобы и ихъ, подорожниковъ, пустили бы за столъ. Родня невѣсты не пускаетъ. Сваты ставятъ на столъ «баклагу» съ водкой.

Тогда гости тѣснятся и уступаютъ сватамъ мѣсто въ почетномъ углу.

Начинается угощеніе. Невѣста, находившаяся въ это время въ другой половинѣ избы, разставляетъ подругъ своихъ въ ряды и сама становится между ними. Они начинаютъ пѣть:

1.

Ляцѣли коршуны чиразъ боръ,
А сѣли коршуны къ намъ на дворъ.
Чаго-жъ тые коршуны литаюць?
Яны шѣру вуточку шукаюць.
Ловице коршуноў ў клѣтку,
Гоните вуточку ў хатку.

Хозяинъ или хозяйка отворяютъ двери, и дѣвушки входятъ въ хату. Онѣ останавливаются около порога и поютъ:

2.

Приляцѣли коршуны съ соколомъ,
Посадзили коршуноў за столомъ.
Частуюць коршуноў, вяльмуюць [1]),
Шѣрую вуточку ни ратуюць.
А ты, шѣра вуточка, ховайся.
Лютому соколу не давайся:
Бо ёнъ цябе, вуточку, приклюе,
Ў чужую сторону понясе.

Послѣ окончанія вышеприведенной пѣсни, женихъ встаетъ изъ-за стола, отыскиваетъ среди дѣвушекъ невѣсту, беретъ ее за руку и выводитъ на средину избы.

Къ нимъ подходятъ ихъ родители и сваты. Отецъ невѣсты складываетъ вмѣстѣ молодыхъ руки, приговаривая: «дай, Божа, у добрый часъ, на вяселье житця, на доброе здороўе, на доўгій вѣкъ, на дзяциное счасьця»! Сваты и родственники восклицаютъ: «дай, Божа»!

Послѣ этого женихъ наливаетъ рюмку водки, отпиваетъ немного самъ и подаетъ невѣстѣ; они же угощаютъ водкой и всѣхъ дѣвушекъ. «Молодыхъ» сажаютъ за столъ посреди сватовъ и родственниковъ. Они пьютъ за здоровье «молодыхъ», а дѣвушки въ это время поютъ:

3.

Дзякуй Богу,
Што заручинки
Богъ намъ даў!
Заручили дзѣўку
Проци понядзѣлку,
Богъ намъ даў!
На вясела житця,
На добра здороўе,
Богъ намъ даў!

[1]) Ублажаютъ.

На дóбра здороўе,
Ды на доўгіі вѣкъ,
Богъ намъ даў!
На многа богатця,
На дзяцино счасьця,
Богъ намъ даў!
Заручили дзѣўку,
Попили горѣлку,
Богъ намъ даў!

Ср. выше стр. 16, № 4, стр. 48, № 64 и въ моемъ Бѣлорусск. сб. стр. 338, № 605.

Угощеніе продолжается до полуночи. Гости ведутъ приличные случаю разговоры, а дѣвушки по временамъ поютъ «заручинскія» пѣсни. Привожу одну, сохранившуюся въ моей памяти:

4.

Хмурытца на дворѣ, хмурытца;
Ганнульки мамулька журытца:
Бирыгла дочушку, якъ вока,
А цяперъ отдаець далёка.
Хмурытца на дворѣ, хмурытца;
Ганнульки мамулька журытця:
Треба свою дочушку выпраўляць,
Ў чужую сторону отдаваць;
Будзе чужой мамульцы годзици,
Отъ зары до зары рабици.
Хмурытца на дворѣ, хмурытца;
Ганнульки мамулька журытца:
Годовала дочушку на долю,
А цяперъ отдае ў няволю.

Предъ разъѣздомъ гостей родители невѣсты подносятъ старшему свату въ подарокъ новые холщевые штаны и «пирогъ» пшеничный или ржаной.

ВЕСЕЛЬЛЯ (СВАДЬБА).

Оставляя въ сторонѣ приготовленія къ свадьбѣ, условіе со священникомъ и проч. тому подобное, такъ какъ все это не представляетъ ничего особеннаго или важнаго въ этнографическомъ отношеніи, и приступая къ описанію самой свадьбы съ

ея обрядами, предварительно считаю нужнымъ сдѣлать краткую характеристику свадебныхъ чиновъ, чтобы впослѣдствіи не повторяться.

Самыми почетными гостями считаются *сваты* и *сватьи*, которыхъ вовсе не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ называемыми «свахами»: сватами и сватьями могутъ быть лица и неучаствовавшія въ сватовствѣ. Старшими сватами обязательно назначаются крестный отецъ съ матерью; потомъ — ближайшіе родственники, но непремѣнно солидныхъ лѣтъ; и, наконецъ, лица, принимавшія участіе въ сватовствѣ. Сваты занимаютъ почетныя мѣста за столомъ; имъ — первая чарка (впрочемъ, какъ говоритъ вторая половина пословицы, — и первая палка, — въ случаѣ неудачнаго исхода свадьбы съ ея послѣдствіями); сватамъ оказываютъ преимущественные, по сравненію съ прочими свадебными гостями, почетъ, вниманіе и уваженіе и въ обрядовой сторонѣ свадьбы они играютъ видную роль.

Послѣ сватовъ слѣдуютъ *бояре* и *боярки*; это — почетные гости, выбираемые изъ близкихъ родственниковъ брачущихся.

За боярками, въ нисходящемъ по значенію порядкѣ, слѣдуютъ *приданки* — женщины среднихъ лѣтъ, родные и сосѣдки родителей невѣсты; спеціальная обязанность приданокъ — сопровожденіе приданаго невѣсты въ домъ жениха. Приданки бываютъ только у невѣсты, и то въ томъ случаѣ, когда она идетъ въ семью жениха.

Коровайницъ набираютъ изъ сватей, боярокъ, а у невѣсты — и изъ приданокъ.

Кромѣ того, женихъ составляетъ себѣ свадебную дружину изъ молодыхъ людей (неженатыхъ), родственниковъ и знакомыхъ, съ которыми ѣдетъ забирать въ свой домъ невѣсту. Одинъ изъ нихъ, по выбору жениха, назначается *старшимъ* дружкой; онъ же держитъ вѣнецъ во время брака.

Мнѣ осталось сказать о дружинѣ невѣсты, состоящей изъ «*снѣданокъ*» и «вечерниковъ». Первыя — родственницы и по-

други невѣсты, вторые — исключительно ея родственники. Изъ снѣданокъ выбирается «дружка», которая имѣетъ держать брачный вѣнецъ надъ невѣстой.

Вотъ и всѣ свадебные чины, выбираемые изъ числа приглашенныхъ гостей; при выборѣ ихъ принимаются во вниманіе ихъ лѣта и главнымъ образомъ — близость родства. По порядку старшинства и родства ихъ сажаютъ за столъ, обносятъ водкой, чествуютъ и угощаютъ.

Нерѣдки бываютъ пререкательства и недовольства между хозяевами и гостями, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если кому нибудь назначается мѣсто не по родству. Поэтому передъ свадьбой родители брачущихся строго обсуждаютъ и взвѣшиваютъ степень родства и значеніе каждаго гостя, чтобы знать, кого куда выбрать и на какое мѣсто посадить и избѣжать этимъ недовольства и нареканій. Нужно сказать, что все описанное мною свадебное чиноначаліе вступаетъ въ свои права только послѣ «шлюба» (брака).

Теперь обратимся къ самой свадьбѣ. Онѣ, по различію ихъ обрядовой стороны, могутъ быть раздѣлены на четыре вида: a) свадьба — когда невѣста «выходитъ замужъ», т. е. идетъ въ семью мужа; b) «*примацкая* свадьба», когда женихъ *принимается* въ домъ родителей невѣсты въ качествѣ «примака́»; c) сиротская свадьба, когда у жениха или у невѣсты умеръ кто-нибудь изъ родителей и d) вдовецкая свадьба.

Свадьбы первыхъ двухъ видовъ очень мало отличаются одна отъ другой: разница въ томъ, что въ примацкой свадьбѣ выбрасываются обряды, сопровождающіе отправленіе невѣсты въ домъ жениха.

Сиротская свадьба отличается спеціальными свадебными причитаніями невѣсты, особенно печальными, въ которыхъ она сокрушается объ отсутствіи родителей на ея свадьбѣ, проситъ ихъ явиться на ея свадьбу, благословить ее на брачную жизнь, помогать своими молитвами и заступничествомъ въ ея будущей жизни.

Вдовцы — женихъ и невѣста — ограничиваются однимъ церковнымъ бракомъ, безъ всякихъ народно-обычныхъ свадебныхъ обрядовъ. Если же дѣвушка выходитъ замужъ за вдовца или вдова за «дзяцюка» (парня), то народно-обрядовую свадьбу справляетъ тотъ изъ нихъ, кто не испыталъ еще прелести брачныхъ узъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я буду имѣть въ виду свадьбу перваго типа, чаще случающуюся, т. е. ту свадьбу, которая справляется въ томъ случаѣ, когда невѣста идетъ въ домъ родителей жениха.

Въ первый день свадьбы, часа въ 4 утра, собираются въ домъ невѣсты ея подруги, будущія снѣданки, и приносятъ съ собою «истужки» (ленты).

Самая искусная изъ дѣвушекъ принимается убирать голову невѣсты къ «шлюбу». Для этого братомъ невѣсты ставится въ почетномъ углу, передъ иконами, «дзежа хлѣбница», крышка которой покрывается кожухомъ, шерстью вверхъ. Обращаясь къ невѣстѣ, братъ говоритъ:

Чи садися,
Чи откажися?

Садится на «дзежу» только невѣста-дѣвственница. Бываютъ случаи, что невѣсты отказываются сѣсть на дзежу, боясь осквернить ее и этимъ повредить своему будущему семейному счастію, хотя этимъ самымъ заявляютъ передъ подругами о потерѣ дѣвственности, что бываетъ для нея не особенно пріятно. Въ такихъ случаяхъ братъ уходитъ, а невѣстѣ ставятъ менѣе почетное сѣдалище, — простую скамейку. Впрочемъ, невѣстѣ придется еще публично, фактически доказать свою невинность.

Прежде чѣмъ садиться, невѣста кладетъ предъ иконами три земныхъ поклона и кланяется на всѣ четыре стороны. Одна изъ подругъ расчесываетъ ей волосы и заплетаетъ ихъ въ косу. Потомъ голову повязываютъ платкомъ, который прикрѣпляютъ къ волосамъ; на платокъ нашиваютъ разноцвѣтныя ленты, складывая ихъ стоячими бантиками. По окончаніи уборки головы, невѣста опять кладетъ предъ иконами три земныхъ поклона и

кланяется до земли подругѣ, наряжавшей ее къ вѣнцу. Затѣмъ невѣста, обнявши свою подругу, благодаритъ ее за ея труды, плача и причитывая:

5.

N (Маринька), сястрица,
Ды дзенькую-жь табѣ,
Я дзенькую табѣ
За твое чесаньня,
За твое ўплетаньня,
За твое ўбираньня:
Гладзенько чесала,
Крѣпенько ўплетала,
Хóрошо ўбирала!
Посли твоихъ ручекъ
Ня буду чесана,
Ня буду ўплетана,
Ня буду ўбирана! [1])
Зъ моей русой косы
Выпадуць волосы,
Мои ясны вочки
Выцякуць слезами.

Послѣ этого причитанія, невѣста трижды кланяется въ ноги каждой подругѣ и всѣмъ присутствующимъ, не исключая и дѣтей. Каждый трижды креститъ ее. Тѣмъ и оканчивается обрядъ убиранія головы невѣсты.

Съ наступленіемъ утра разсылаются родителями брачущихся къ роднымъ и знакомымъ «позыватые» — такъ называются мальчики, приглашающіе гостей на свадьбу. Войдя въ избу, они выкрикиваютъ скороговоркой обычную пригласительную формулу: «Дзень добрый вамъ! Просіў (имена родителей жениха или невѣсты) Ригоръ зъ Ригорихой и я прошу на ўзглядзины!...» [2]).

— Придземъ!... Будземъ!... отвѣчаютъ имъ.

---

[1]) Въ Борисовскомъ уѣздѣ замужнія женщины не заплетаютъ косъ.

[2]) Значеніе слова «ўзглядзины» я вполнѣ точно не уяснилъ себѣ; нѣкоторые отождествляютъ его со словомъ «весельля», а другіе со словомъ—зрѣлище.

— «Ни позницеся! скорѣй приходзице!» говорятъ позыватые и спѣшатъ въ слѣдующую хату съ тѣмъ же обычнымъ приглашеніемъ. И вотъ званые и незваные гости являются къ обряду благословенія на бракъ. Доступъ на свадьбу всѣмъ свободный: «весельля не богомольля (не богослуженіе), поглядзѣць ўсякому вольна», говоритъ народная пословица. Разница между зваными и незваными гостями только та, что послѣднимъ не предоставляется никакой брачной обязанности и они не имѣютъ права требовать мѣста за столомъ.

Въ большинствѣ случаевъ благословляютъ жениха и невѣсту по одиночкѣ, каждаго въ домѣ его родителей, а иногда, впрочемъ очень рѣдко, и обоихъ вмѣстѣ. Благословеніе жениха менѣе сложно, по сравненію съ благословеніемъ невѣсты; главная разница въ томъ, что невѣста непремѣнно должна плакать и причитывать, а жениху плакать — совсѣмъ неприлично.

Когда всѣ непремѣнные свадебные чины въ сборѣ, приступаютъ къ обряду благословенія. Для этого кладутся на столъ, съ этой цѣлью испеченные ржаные свадебные хлѣбы, внутри которыхъ находятся мѣдныя монеты и поверхность которыхъ покрыта нажатыми кружочками, величиною въ пятакъ; ставится съ хлѣбомъ и соль и въ корзинкѣ — овесъ. Родители становятся около стола съ иконами въ рукахъ. Свадебные чины занимаютъ соотвѣтствующія ихъ значенію мѣста: старшіе — ближе къ родителямъ невѣсты, а младшіе по чину — ближе къ порогу, а иногда даже — въ сѣняхъ или на дворѣ. Передъ родителями, впереди гостей, становится такъ называемый «благословенникъ», — одинъ изъ сватовъ, знающій «благословенныя» формулы. Онъ заправляетъ обрядомъ благословенія. Благословенникъ, перекрестившись, возглашаетъ:

6.

Дай, Божа, ў добрый часъ начаць,
Ў злый — помоўчаць!
Родные бацька и маци!
Станьце на постаци,

Дайце благословенья
Своему дзицяци!
Хрыстицеся, молитеся Богу,
Благословице свое дзѣцяце
Ў дальнюю дорогу 2,—
Ажъ къ Господу Богу
На шлюбѣ стаци,
Вянецъ прыняци;
Вянецъ ўзяўши,
Вѣкъ вѣковаци,
Дзяцей годоваци,
Добро наживаци,
Ў добрымъ здороўи,
Ў вяселымъ житци,
Людзямъ на поцѣху,
Сабѣ на пожитокъ,
Господу Богу на хвáлу!

Невѣста бросается къ ногамъ родителей и, плача и причитывая, проситъ благословенія:

7.

Татулька, рóдный мой,
Я табѣ коруся, 2 —
Ў ножиньки кланюся!
Падаю до ножекъ
И прошу до слёзокъ:
Благослови-жь ты мяне,
Надары-жь ты мяне:
И счасьцемъ, и долей,
И добрымъ здороўемъ!
Божухна высокій,
Ўзгляни-жь на мяне (2),
Благослови-жь ты мяне,
Надары-жь ты мяне:
И счасьцемъ, и долей,
И добрымъ здороўемъ,
На жонюцкій мой вѣкъ
И на ўвесь бѣлый свѣтъ!

Слезныя причитанія невѣсты перемежаются душу раздирающими воплями и рыданіями. Зрители тоже плачутъ, слыша рыданія невѣсты, хотя и считаютъ ихъ дѣломъ обычнымъ, что такъ и быть должно: жену ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ далеко незавидная доля. Они даже выражаютъ полнѣйшее недовольство, если невѣста недостаточно жалобно причитываетъ.

По окончаніи причитанія, отецъ крестообразно осѣняетъ иконой распростершуюся у ногъ его невѣсту, приговаривая: «Богъ благословиць и долю дасць!» Благословивши ее иконой, онъ беретъ со стола хлѣбъ и соль, осѣняетъ ими рыдающую невѣсту, со словами: «Благослоўляю цябе хлѣбомъ, сольлю, счасьцемъ, долей и добрымъ здороўемъ, не на одну годзину, а на увесь доўгій вѣкъ!»

Хлѣбъ обратно кладется на столъ.

Невѣста же, кланяясь матери, обращается и къ ней съ слѣдующимъ причитаніемъ:

8.

Ма́мунька родная,
Благослови-жь ты мяне!
Благослови-жь ты мяне,
Надары-жь ты мяне:
И счасьцемъ, и долей,
И добрымъ здороўемъ.

Мать, нерѣдко тоже рыдающая, благословляетъ свою дочь сначала иконой, а потомъ хлѣбомъ и солью.

На свадьбѣ «сироцкой» молодая обращается къ покойнымъ родителямъ съ причитаніемъ, содержаніе котораго приведено мною выше; благословляютъ же ее такъ называемые «посаженые» родители, которыми по преимуществу бываютъ крестные отецъ и мать.

По окончаніи родительскаго благословенія, *благословеньникъ* обращается съ воззваніемъ къ крестнымъ:

9.

Хрóсные бацька и мацп!
Станьце на постаци,
Дайце благословеньня
Свойму хрóсному дзицяци! и т. д., какъ въ предыдущемъ.

Невѣста съ особымъ причитаніемъ, нѣсколько видоизмѣненнымъ, по сравненію съ предыдущими, кланяется крестнымъ и они также благословляютъ ее иконой и хлѣбомъ-солью, со словами: «Богъ благословиць и долю дасць!»

Послѣ этого благословенникъ обращается съ призывомъ ко всѣмъ присутствующимъ:

10.

Госьційки званые,
Госьци незваные!
Близкіе — прыхожіе,
Дальніе — прыѣзжіе,
Ў добрую годзину
Благословице молодую княгиню
(или: «Ў добрымъ часи
Благословице молодаго князя»)
На шлюбѣ стаци, и пр.

Всѣ трижды восклицаютъ: «Богъ благословиць!»

Невѣста каждому изъ присутствующихъ кланяется въ ноги (иногда 3 раза) и ее крестятъ, приговаривая: «Богъ благословиць!»

Пока молодая получаетъ благословенія отъ гостей, поютъ:

11.

Корыся, дзѣвунька, корыся —
Старому — малому кланися!
Старому — малому до ножекъ —
Татуньку зъ мамунькой до слезокъ.

Ср. въ моемъ Бѣлорусск. сб. стр. 316, № 00.

Эта коротенькая пѣсенка повторяется нѣсколько разъ, поется во все время благословенія. Благословеніе жениха менѣе продолжительно и болѣе просто.

«Молодые» кланяются каждому изъ присутствующихъ и всѣмъ встрѣчнымъ.

Существуетъ повѣріе, что разъ какіе-то молодые, ѣдучи къ вѣнцу, не поклонились встрѣтившемуся имъ на дорогѣ старичку. Онъ пожелалъ имъ зла, и, благодаря этому, ихъ семейное счастіе разстроилось навсегда. Зложеланіе въ это время считается крестьянами-бѣлоруссами особенно вреднымъ и потому они всѣми силами стараются избѣгать его.

Когда обрядъ благословенія конченъ, и молодая, помолившись образамъ, выходитъ изъ хаты на дворъ, чтобы идти или ѣхать въ церковь, присутствующіе обсыпаютъ ее овсомъ, взятымъ изъ корзинки, стоявшей на столѣ во время благословенія.

Сходя или съѣзжая со двора и во все время пути, женщины и дѣвушки поютъ «дошлюбныя» пѣсни:

12.

Ляцѣли журавы до дубу —
Часъ табѣ, Ганнулька, до шлюбу.
Богъ табѣ дорожку перейдзе,
Самъ цябе до шлюбу повядзе;
А Прачистая Мацъ
Будзе табѣ помогацъ,
Якъ на шлюбѣ стояцъ.

13

Ой, попе, попе — добродзѣю!
Не звони рано ў недзѣлю;
А звони позна ў субботу —
Загадай дзѣвочкамъ работу:
Кабъ была вулочка мяцёна,
Кабъ была Ганнулька проведзёна.
Мяцена вулочка съ конца ў конецъ,
Провядзена Ганнулька подъ вянецъ.

14.

До вѣнца, Ганнулька, до вѣнца!
Не забывайся гребенца,
Ни дротовыя щеточки,
Ни восковыя свѣчечки,
Ни бялевыя хусточки.
Щеточки зъ гребенцомъ — чесатца,
Бялевая хусточка — ўциратца,
Восковая свѣчечка — вѣнчатца.

Дошлюбныхъ пѣсенъ поется гораздо больше. Я привелъ здѣсь только тѣ, которыя запомнилъ.

Когда «молодые» приступаютъ къ церковно-брачному обряду, то кладутъ себѣ подъ ноги деньги, чтобы прожить всю жизнь въ довольствѣ. Еще крестьяне вѣрятъ, что тотъ изъ молодыхъ, который первымъ ступитъ на коверъ или разостланное полотно, долженъ раньше и умереть; поэтому брачущіеся стараются стать одновременно.

Во время бракосочетанія одинъ изъ «молодыхъ» наровитъ поставить свою ногу на ногу другого: сдѣлавшій это, по повѣрію, будетъ главенствовать надъ другимъ во всю совмѣстную жизнь.

Послѣ бракосочетанія женихъ съ невѣстой въ большинствѣ случаевъ ѣдутъ вмѣстѣ; но, если свадьба несовмѣстная (совмѣстныя свадьбы, для избѣжанія излишнихъ расходовъ, бываютъ довольно часто), то, подъѣхавъ къ дому невѣсты, они разлучаются.

По дорогѣ изъ церкви также поются пошлюбныя пѣсни, которыхъ, къ сожалѣнію, я не могу привести.

Подойдя къ дому родителей невѣсты (жениха — тожъ), поютъ:

15.

Запали̇, маци, свѣчку,
Выйдзи на сустрѣчку;
Спотыкай дзицятко,
Проси насъ ў хатку.

Мать появляется въ воротахъ или въ дверяхъ избы, держа въ рукахъ свадебные хлѣбъ и соль, положенные на крышку «хлѣбницы», къ которой также прикрѣпляется зажженная «громничная» свѣча.

Невѣста проходитъ въ избу, наклоняясь подъ крышку «хлѣбницы». Въ домѣ жениха продѣлывается та же церемонія.

Гостей сажаютъ (по чину) за столъ. Начинается угощеніе. Всѣхъ обносятъ водкой, которую наливаютъ ложками въ рюмки изъ глиняной миски (въ бутылкахъ въ деревнѣ всегда чувствуется недостатокъ). Тутъ же подается въ большихъ мискахъ деревенская закуска всѣхъ родовъ, которую гости, безцеремонно, берутъ руками: вилокъ въ деревнѣ, понятно, не водится, да и не чувствуется въ нихъ потребности.

На хозяевахъ лежитъ обязанность угощать и «примушать» присутствующихъ къ угощенію. Это долгая процедура. Въ деревнѣ на этотъ счетъ свои правила приличій: безъ «примусу» (принужденія) гости не будутъ пить и ѣсть.

Я забылъ упомянуть о свадебномъ музыкантѣ, безъ котораго, какъ безъ плача невѣсты, и свадьба не въ свадьбу. Онъ выступаетъ на сцену тотчасъ послѣ благословенія молодыхъ. Онъ играетъ по дорогѣ въ церковь и изъ церкви, во время свадебнаго угощенія и въ другихъ подобныхъ случаяхъ одинъ и тотъ же мотивъ, называемый «весельлемъ».

Онъ же наигрываетъ «лявониху» или «крутуху», «барыню», «бычка», «воробья» и другіе мотивы деревенскихъ танцевъ, которые устраиваются въ сѣняхъ, въ другой избѣ, а лѣтомъ — на дворѣ. Молодежь танцуетъ, солидные люди угощаются, при чемъ женщины распѣваютъ застольныя свадебныя пѣсни.

Послѣ угощенія приступаютъ къ печенію свадебнаго коровая. Кромѣ случаевъ совмѣстнаго празднованія свадьбы, коровай печется отдѣльно у жениха и у невѣсты. Хозяйка дома назначаетъ коровайницъ изъ сватей, боярокъ и приданокъ, причемъ званіе старшей коровайницы присвоивается крестной матери, если она жива, а въ противномъ случаѣ — ближайшей родственницѣ каждаго изъ брачущихся.

Коровайницамъ отводится отдѣльный столъ, на немъ ставится водка и закуска; около стола — необходимые припасы и принадлежности для печенія коровая. Коровай печется изъ пше-

ничной муки. Изъ этой муки старшею коровайницей при помощи младшихъ дѣлается сначала «расчи́на» (жидковатый растворъ), которую ставятъ въ теплое мѣсто киснуть (въ послѣднее время вѣ этотъ растворъ стали класть дрожжи).

Приступая къ приготовленію коровая, коровайницы напѣваютъ:

16.

Ой дай намъ, Божа,
Свое дзѣла зробици:
Коровай расчиници!

17.

Большая коровайница
По полю гарцала, —
Черавикъ поцерала (2).
Вярнуўшись до дому,
Ни кажиць нико̂му:
Боялася мужа,
Што пабьецъ ёнъ дужа.
. . . .

(Окончаніе пѣсни не можетъ быть приведено по причинѣ его нецензурности).

Пока коровай киснетъ, коровайницы угощаются, распѣвая коровайныя пѣсни. Если же водка изсякнетъ, то требуютъ ее у хозяевъ при помощи особой припѣвки:

18.

А барашка черненькій, черненькій, и т. д.
См. выше стр. 38, № 60, и мой бѣлор. сб. стр. 221, № 386.

Или:

19.

Кацяринка (имя хозяйки) ли́сычка,
Ли́сычка!
Покажи намъ мисочку,
Мисочку;
Мы на яе̂ поглядзимъ,
Поглядзимъ,
Назадъ табѣ отдадзимъ,
Отдадзимъ.

Когда коровайная росчина вкиснетъ, подбавляютъ въ нее муки и начинаютъ ее мѣсить. Мѣсятъ всѣ коровайницы, напѣвая:

20.

Дай намъ, Божа,
Своё дзѣла зробици —
Коровай замѣсици. 2

21.

А ў цёмнымъ лѣси
Самъ Богъ коровай мѣси,
А Прачистая свѣцицъ,
А анёлы воду носюць,
У Бога доли просюць:
«Дай же-жъ, Божа, долю
«Нашаму молодому:
«Одну долю грошовую,
«А другую збожовую,
«А трецьцію дзяцинуюǃ 2

Ср. въ моемъ Бѣлорусск. сб. стр. 340, № 611.

(Эта пѣсня поется, когда мѣсятъ коровай у жениха).

Замѣсивши коровай, начинаютъ его катать (иногда въ средину коровая кладутъ серебряныя монеты). Коровай имѣетъ круглую форму. На верху женихова коровая сажаютъ селезня, сдѣланнаго изъ тѣста, а на верху невѣстина — уточку.

Вокругъ этихъ сдѣланныхъ птицъ кладутъ подобія яицъ (знакъ дѣтородія) и нѣсколько рядовъ «шишечекъ», звѣздочекъ и другихъ украшеній, грубо сдѣланныхъ изъ того же коровайнаго тѣста. Эти «шишечки» относятъ гости домой, какъ свадебный гостинецъ, не бывшимъ на свадьбѣ старикамъ и дѣтямъ. Дѣлаютъ одинъ главный коровай и нѣсколько второстепенныхъ (не обязательныхъ).

Когда сажаютъ коровай въ печку, одинъ изъ молодыхъ людей подаетъ лопату, и послѣ каждой посадки трижды ударяетъ лопатой въ потолокъ. Посадивъ коровай въ печку, поютъ:

22.

Дзякуй Богу,
Што мы свое дзѣла зробили,
Коровай ў печку ўсадзили. 2

Пока коровай сидитъ въ печкѣ — коровайницы еще не выполнили своего дѣла: въ ожиданіи высаживанія изъ печи коровая, угощаясь, распѣваютъ коровайныя пѣсни.

Испеченный коровай выносятъ до поры до времени въ клѣть.

Дѣлятъ его между присутствующими передъ обрядомъ даренія невѣсты или жениха.

Передъ этимъ обрядомъ почетные гости садятся за столъ. Невѣста или женихъ садятся на пóкути. У жениха приглашаетъ гостей дарить его старшій дружка, а у невѣсты — вечерникъ.

Молодую дарятъ отдѣльно отъ молодаго. Полученные ею подарки составляютъ часть ея приданаго.

По возгласу старшаго вечерника:

23.

Гдзѣ жь тые бацька и маци?
Чи маюць што даци
Свойму родному дзицяци?

родители подходятъ къ столу и кладутъ въ тарелку или въ миску, поставленную передъ невѣстой съ этой цѣлью, по серебряному рублю, а иногда и по червонцу, кладутъ хлѣбъ, соль, полотно и проч. Иногда отецъ перечисляетъ «посагъ», который онъ имѣетъ выдать молодой. Невѣста, кланяясь, благодаритъ родителямъ. Нерѣдко свою благодарность она выражаетъ въ особомъ причитаніи, которое, въ большинствѣ случаевъ, импровизируется ею.

Потомъ вызываются крестные, словами:

24.

Хрёсные бацька и маци!
Чи маюць што даци
Хрёсному дзицяци?

Крестные подходятъ и дарятъ молодую. Затѣмъ приглашаются сваты:

25.

А што маюць даци
Сватове и свацьци?

Наконецъ слѣдуетъ общее приглашеніе къ даренію:

26.

Сусѣдзи й сусѣдочки,
Што ў нашей бясѣдочцы,
Хлопчики-малойчики,
Кладзице червончики!
Дзѣвочки-паненочки,
Кладзице копѣечки!

Кладутъ деньги, полотно, намётки, платки и пр. Всѣмъ постороннимъ, положившимъ подарки, тотчасъ же даютъ по рюмкѣ водки.

Во все время даренія невѣсты, поется укоризненная пѣсня:

27.

Казали, што ў нашей Маринки
Родни много, родни много!
Стали дарыць, стали дарыць —
Нѣтъ никóго, нѣтъ никóго!
Гдзѣ-жь тая родзина подзѣвалася?
По цёмныхъ куточкахъ поховалася!

Все описанное мною происходитъ въ теченіе первыхъ сутокъ свадьбы. Утромъ или нѣсколько ранѣе пріѣзжаетъ женихъ со сватами и дружиной. Передъ ними запираютъ ворота. Женихъ, при помощи дружины, отворяетъ ихъ. Всѣ входятъ на дворъ. Это пріѣхали за невѣстой. Начинается продолжительный пріемъ жениха и не менѣе продолжительная выдача невѣсты. Дѣвушки поютъ пѣсню:

28.

Што за сватове, што за панове на дворѣ?
По-панску мовюць,

Юстынку просюць до сябе:
«Ой, выйдзи, выйдзи, наша Юстынка,
Къ намъ на дворъ. (Далѣе не помню).

Ср. въ моемъ Бѣлорусск. сб. стр. 294, № 546, и стр. 326, № 578.

По окончаніи этой пѣсни слѣдуетъ плачъ невѣсты:

29.

Татунька, ро́дный мой,
Ты воротъ не запе́ръ:
Мужикоў-чужакоў
Понайшло къ намъ на дворъ;
Стукуюць-грукуюць
Ды на нашемъ дворѣ,
И дзвери ломаюць
Яны ў хатку къ табѣ;
Заграбуць, повязуць
Мяне, млоду, къ сабѣ.
Татунька, ро́дный мой,
Ты ратуй жа мяне!
Брацитка, ро́дный мой, —
Чужанинъ на дворѣ, —
Коли любишь мяне,
Дыкъ ратуй жа мяне!...

Причитанія сопровождаются продолжительными рыданіями. Какъ бы для ободренія невѣсты, дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой выхваляются достоинства пріѣхавшихъ (всего содержанія этой пѣсни я не помню), что «одѣтый въ шаты — бо́льшій сватъ, а въ атласѣ, въ желтомъ поясѣ, — дзеверь; женихъ же — на ворономъ конѣ, а самъ молоденькій».

Во время пѣнія этой пѣсни мать невѣсты, накрывшись кожухомъ, вывернутымъ наизнанку, выходитъ встрѣчать жениха. Она становится въ дверяхъ сѣней; ее окружаютъ родственники невѣсты. Женихъ долженъ схватить ее; родственники невѣсты не допускаютъ его сдѣлать это; въ дверяхъ избы его ожидаетъ отпоръ со стороны дѣвушекъ, которыхъ онъ подкупаетъ подар-

ками; далѣе ему приходится подкупить боярокъ, и такъ, пока не доберется до невѣсты.

Этотъ обрядъ иногда замѣняется другимъ, состоящимъ въ томъ, что мать невѣсты, одѣвши кожухъ наизнанку, выходитъ на встрѣчу жениху съ ведромъ воды въ рукахъ, поитъ этой водой женихова коня; женихъ бросаетъ ей деньги въ воду и потомъ безпрепятственно входитъ въ хату.

Послѣ совершенія перваго или втораго обряда, невѣста, сопровождаемая подругами, несущими «рушники» (утиральники), выходитъ на дворъ и повязываетъ, по порядку старшинства, всю дружину жениха рушниками, перебрасывая ихъ черезъ плечо и завязывая концы съ боку. Въ этихъ повязкахъ дружки ходятъ во все время пребыванія въ домѣ невѣсты. Всѣ входятъ въ хату и, по указанію хозяевъ, садятся за столъ между родственниками невѣсты. Угощеніе, сопровождаемое пѣснями и перемежающееся плясками, продолжается цѣлый день. Вечеромъ совершается обрядъ отправленія невѣсты въ домъ жениха. Онъ начинается предложеніемъ свата, обращеннымъ къ невѣстѣ,—прощаться съ родителями. Прощанье состоитъ изъ отдѣльныхъ причитаній, обращенныхъ къ Богу, угодничкамъ и святымъ праздничкамъ, къ родителямъ и родственникамъ. Причитаніе сопровождается страшными, потрясающими душу рыданіями: почти всѣ, присутствующіе при этомъ, плачутъ. Къ сожалѣнію, я не могу привести этихъ причитаній, такъ какъ ихъ не запомнилъ. Выходя изъ дому, невѣста три раза садится на отцовскомъ порогѣ и, рыдая, уѣзжаетъ, сопровождаемая дружиною жениха, сватами и боярками.

Встрѣча пріѣхавшей невѣсты домашними жениха имѣетъ болѣе миролюбивый характеръ, по сравненію со встрѣчей, оказываемой родителями невѣсты жениху: невѣсту и жениха встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью, сажаютъ за столъ и угощаютъ. По обычаю, невѣста, входя въ домъ жениха, должна трижды присѣсть на порогѣ, трижды поклониться печкѣ, потомъ иконамъ и всѣмъ присутствующимъ. Начинается угощеніе въ ожиданіи дальнѣйшихъ гостей изъ дома невѣсты, откуда, спустя не болѣе часа

по отъѣздѣ ея, высылаются вечерники и снѣданки. По дорогѣ они зычно выкрикиваютъ:

Ухъ чуць, гдзѣ молойцы идуць!

Подойдя къ дому жениха, они отворяютъ ворота, входятъ непрошенные на дворъ и начинаютъ пѣть:

30.

Мы борами йшли — гукали,
Сваю Ганнульку шукали;
Мы полями йшли — гукали,
Свою сяструльку шукали;
Городами йшли — пытали,
Свою Ганнульку шукали;
Мы селами йшли — пытали,
Свою сяструньку шукали.
Къ гэтому сялу подыйшли,
Яе слядочки мы знайшли;
Къ вашаму дому подыйшли,
Свою дзѣвоньку мы знайшли.
Абы ў хатку насъ прымайце,
Абы дзѣвоньку отдайце.

Изъ хаты никто не показывается и никто не отвѣчаетъ вечерникамъ и снѣданкамъ. Но въ хатѣ уже приготовились къ пріему ихъ, только ожидаютъ съ ихъ стороны болѣе покорной просьбы. И вечерники со снѣданками, перемѣняя свой заносчивый тонъ на болѣе скромный, поютъ:

31.

У нашаго свата
Кругомъ хаты мята,
А ў хаци богата 2.
У нашаго свата 2
Кругомъ хаты рожа,
А ў хаци прыгожа 2.
Ой сватку нашъ, сватку,
Проси насъ ў хатку,
Дай-жашь намъ пиць-ѣсьци
И лавочку сѣсьци.

Хозяинъ-сватъ появляется въ дверяхъ и говоритъ: коли съ добрымъ вы — заходзице къ намъ; а съ благимъ прышли — поворачивайце.

Вечерники и снѣданки входятъ въ хату, ихъ сажаютъ за столъ и угощаютъ. Послѣ угощенія они уходятъ въ сѣни или въ другую хату плясать, напоминая по временамъ о своемъ присутствіи пѣснею:

32.

А ў городзи жоўта моркоўка цвицѣла,
Наша Ганнулька да за пьяницу хоцѣла:
Ёнъ куды идзе́ць, дыкъ корчомки ни мине́ць,
И чарычки, яндовычки ўси побьець;
Домоў прыдзець, тое поплациць,
Наша Ганнулька ўсё тое прыплачыць.

Золоўка поетъ молодой:

33.

Ты ня гнѣвайся, братóвычка, на мяне,
Што я сѣла близюсинька ли цябе.
А было-жъ табѣ по кирмашикахъ ни ходзиць,
А было-жъ табѣ мойго брацитки ни любиць;
А было-жъ табѣ горѣлычки ня пици,
А было-жъ табѣ мойго брацитки ни любици.
Чи будзешъ, будзешъ нашаму дому радзѣци?
Чи будзешъ, будзешъ мойго брацишку жалѣци?

34.

Ой, сватку нашъ, сватку!
Проси насъ ў хатку,
Дай-жашь намъ пиць-ѣсьци
И лавочку сѣсьци.

Часа три спустя по прибытіи вечерниковъ и снѣданокъ, являются на дворъ приданки; они становятся чинно въ рядъ въ такомъ порядкѣ, какъ ихъ разставили родители невѣсты, и распѣваютъ свадебныя пѣсни, въ которыхъ выхваляется тороватость отца невѣсты, давшаго баснословное приданое, состоящее изъ

городовъ, селъ, полей, коровъ, воловъ, кубловъ съ платьемъ, сундуковъ съ деньгами и проч.

Приданкамъ [1]) предшествуетъ приданое—кубелъ съ платьемъ и бѣльемъ, везомый братомъ невѣсты. Оостальная условленная часть приданаго выдается позже, иногда черезъ годъ и болѣе, смотря по условіямъ. На дворѣ встрѣчаетъ приданокъ отецъ жениха или старшій сватъ; онъ вступаетъ въ переговоры съ братомъ невѣсты относительно выкупа приданаго; торгуются немилосердно. Братъ ломитъ громадную цѣну, ссылаясь на слова пѣсни, что приданое баснословное; сватъ даетъ самую незначительную, начиная съ пятака. Торгъ сопровождается шутками и прибаутками; порѣшаютъ его на полтинѣ или рублѣ, который тутъ же и вручается продавцу. Кубелъ вносится въ хату приданками, ихъ угощаютъ свадебнымъ короваемъ жениха. Послѣ угощенія приданокъ, «сводятъ», какъ говорятъ у насъ, жениха и невѣсту. Ставятъ кубелъ посреди хаты, и приданки усаживаютъ на него невѣсту; снѣданки же поютъ слѣдующую пѣсню:

35.

Кукувала зязюля ў садочку,
Приклаўши галоўку къ листочку и т. д. [2]).

Во время пѣнія этой пѣсни приданки снимаютъ съ невѣсты ея вѣнчальный головной уборъ и бросаютъ его подъ печь (онъ тутъ же поднимается). Начинается выкупъ женихомъ у брата невѣсты ея дѣвичьей косы. Братъ, вооружившись ножемъ, держа сестру-невѣсту за косу, проситъ выкупа, назначаетъ количество его и грозитъ, въ случаѣ неуплаты, отрѣзать косу; происходитъ то-же, что и съ выкупомъ приданаго, — оканчивается торгъ на

---

[1]) Слово «приданки» народъ, по всей вѣроятности, производитъ отъ словъ «дать», «дань», но не отъ «приданое», которое не встрѣчается въ бѣлорусскомъ языкѣ, а замѣняется словомъ «посагъ». *Богд.*

[2]) См. выше стр. 49, № 66, и въ моемъ Бѣлор. сб. стр. 354 и 481. Эта замѣчательная по своей трогательной задушевности свадебная пѣсня весьма распространена по Бѣлой и Малой Россіи. *Ш.*

незначительной цѣнѣ, которую братъ и получаетъ. Въ это время снѣданки поютъ ироническую пѣсню:

36.

А Ганнулькинъ братъ быў лайдакъ:
Прадаў косу за пятакъ,
А бѣлае личка отдаў такъ.

Приданки повязываютъ голову невѣсты платкомъ по-женски и покрываютъ ее кожухомъ, потомъ подводятъ къ ней жениха, который снимаетъ съ невѣсты кожухъ и, взявши ее за руку, стаскиваетъ съ кубла. Ихъ ведутъ въ клѣть или истопку; музыка играетъ «весельля», а присутствующіе поютъ пѣсню, которую я не привожу здѣсь, по причинѣ ея сплошнаго нецензурнаго содержанія. Оставивъ наединѣ жениха и невѣсту, гости принимаются за пляску, сальныя пѣсни и такія же остроты. Женихъ выходитъ изъ клѣти одинъ; къ нему обращаются съ вопросомъ: «Солодкая, чи горькая? съ *данинкой*, чи безъ данинки?» Если его отвѣтъ утвердительный, приданки и боярки входятъ въ клѣть къ невѣстѣ, переодѣваютъ ее, выводятъ изъ клѣти и за ней торжественно несутъ рубашку, которую и показываютъ присутствующимъ, какъ фактическое доказательство дѣвственности невѣсты. Жениха и невѣсту сажаютъ за столъ, родителей и родственниковъ ея — на почетныя мѣста; всѣхъ угощаютъ «солодкой горѣлкой» — водкой, подслащенною медомъ. Если же невѣста не представитъ такихъ фактическихъ доказательствъ своей дѣвственности, солодкой горѣлки не бываетъ, и по этому случаю обрушиваются на невѣсту упреки и ругательства, особенно со стороны ея родственниковъ, хотя бы прошлое поведеніе невѣсты и не было для нихъ тайной. Но иногда этимъ дѣло не ограничивается; бываетъ, что брату невѣсты, за то, что не оберегалъ чести своей сестры, надѣваютъ на шею хомутъ и въ этомъ, не совсѣмъ удобномъ, ожерельи заставляютъ сидѣть за столомъ.

Какъ ни дикъ, съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка, описанный обрядъ, но мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ жалобъ и плача невѣсты, когда болѣе просвѣщенные ихъ женихи отказы-

вались слѣдовать этому варварскому обряду. Невѣсты сѣтовали на то, что у нихъ отнимаютъ возможность всенародно, на міру, засвидѣтельствовать свою, такъ называемую въ крестьянствѣ «честность».

Послѣ этого вечерники принимаются выполнять лежащую на нихъ обязанность угощенія приданокъ и снѣданокъ. Съ этою цѣлью, они, продѣвъ пойманному пѣтуху въ клювъ лычко, водятъ его, подъ именемъ медвѣдя, по дворамъ бывшихъ на свадьбѣ хозяевъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ избиваютъ ихъ куръ; а кто изъ хозяекъ желаетъ защитить свое пернатое племя, то въ видѣ выкупа даетъ вечерникамъ сало, баранину и проч. Все собранное вечерниками идетъ на угощеніе, какъ выше было сказано, снѣданокъ и приданокъ.

Свадьба, по пословицѣ: «кочаргá казала гуляць вясельля до чацьвергá», обыкновенно и продолжается пять дней. По истеченіи этого срока, родители невѣсты отправляются домой. Окончательное прощаніе молодой съ родителями отличается тѣми же іеремiадами — причитаніями, — и только.

Свадьба иногда продолжается и дольше. Чтобы не вводить хозяевъ въ излишніе расходы, отправляются по домамъ бывшихъ на свадьбѣ гостей, такъ называемые цыгане, для сбора подаяній. Цыгане берутъ все, что даютъ. Все собранное продается, и на эти деньги покупается водка, которая сообща и распивается засидѣвшимися на свадьбѣ гостями.

Иногда кто-нибудь изъ сватовъ или близкихъ родственниковъ брачущихся подымаетъ «перезоў», то есть перезываетъ, или приглашаетъ къ себѣ большинство гостей, бывшихъ на свадьбѣ. Особенно характерныхъ обрядовъ «перезоў» не имѣетъ.

Зап. А. Е. Богдановичъ.

Дополненія къ предыдущимъ пѣснямъ.

Той же губерніи и уѣзда, м. Хотаевичи.

Поется подругами невѣсты въ то время, когда сваты отправляются за нею:

1.

Ходзили *стралцы* лоўцы́ по полю
А забили стараго ло́ся ў лѣсѣ.
Якъ зачула старая лосица ў бору́,
Якъ кинула крутые ро́ги подъ но́ги:
«Нехай мое́ крутые роги пропаду́ць,
«Куды мойго стараго лося повядуць?»
Ходзили красные моло́йцы по двору́,
А зловили красную паненку ў саду́.
Якъ зачула яе́ ма́мочка ў комо́ры,
Якъ ки́нула золоты́е ключи подъ но́ги:
«Нехай мое́ золоты́е ключи пропаду́ць,
«Куды моё милоё дзицятко повядуць?»

Дѣвушки поютъ въ то время, когда сваты въ сѣняхъ пьютъ вино:

2.

Дзѣўки сватку били.
Подъ печь подогнали,
Кошками *зацковали*,
А *дошками* засовали.
Нѣмы свацци, нѣмы,
Грэ̀цкую муку́ ѣли;
Грэцкяя мука́ лѣпка,
Захрасла сваццямъ глотка.

Какъ пріѣдетъ женихъ къ невѣстѣ въ первый разъ:

3.

Чаго сядзишъ, што думаешъ дзѣвочка?
А хто за тобой зако́сничкомъ поѣдзе,
Твой браточка, твой родниньки ня хо́ча,
А вышоўши на вулічку рогоче.
«Поѣдзь, поѣдзь, мой бра́точка, за мною,
«Хоць ня за мною, за русою косою.
«Будзешъ пиць и ме́дъ, вино, горэлку,
«А за мяне прекрасную паненку.»

Когда ѣдутъ къ жениху:

4.

Звалилася шапка зъ стоўпу долоў,
Ѣдуць сваты къ бѣсу домоў.

Ужо-жъ вы доѣли,
Кони солому поѣли,
Оржаную мякину,
Коля плоту крапиву.

Когда подружки уѣзжаютъ къ жениху:

5.

Выши, сватко, выши,
Ды твой кожухъ зъ мыши,
Ў понядзѣлокъ мыши были,
А въ оўторокъ лупили,
А ў сераду ў квасъ клали,
А ў чацверъ вымáли,
А ў пятницу бялили,
А ў субботу кожухъ шили,
А ў нядзѣльку надзѣли,
Кабъ людзи глядзѣли.

Поютъ дружки въ домѣ жениха передъ выѣздомъ:

6.

На вóзяры, на сининькимъ ляляе,
Тамъ суженька перапёлочки стрѣляе,
Быстрымъ вокомъ ды на дзѣвочку миргае:
«Ў кого, кого молода дзѣвочка удалася:
«Ци ў бацюшки, ци ў матушки, ци ў мяне?
— Я родзилася ў счасливую годзинку,
— Я удалася ў суженькаго родзинку

7.

Отдали, отдали свою сыровѣжку,
Да за гэту головѣшку;
Отдали, отдали ягóду
За гнилую колоду;
Отдали, отдали, якъ сыръ бѣлы,
За гэты пень горѣлы.

Поетъ маршалокъ, т. е. шаферъ, оставшись у жениха, послѣ отъѣзда гостей:

8.

Да на старой же свацци,
Да на ей голецъ пляше,

Да не самъ же ёнъ пляше,
Залото подымаё,
Срыбро повышаё.

Сосѣдки въ это время поютъ:

9.

Ходзила дзѣвочка по бóру,
Ды вилá вянóчки зъ чабóру,
Не зъ чабору, зъ росúцы.
Стала-жъ ена мамочки просице:
«Докуль же мнѣ вяночки носице?»
— До вечера, дзицятко, поноси,
— А ў вечера дзѣвочкамъ отдаси,
— Дзѣвочки яго разоўюць,
— Ды на красацьце разбяруць.

А мать невѣсты, обращаясь къ матери жениха, поетъ:

10.

Ай сваццúца голубúца,
Прошу цябе съ поваги,
Кабъ не было мойму дзицяци зневáги.
Я стояла цёмной ночечкой подъ окномъ.
Кабъ ня ўцирала дробныхъ слезочёкъ рукаўцомъ,
Кабъ ня была повѣточка за хатку,
Кабъ ня была сосѣдочка за матку.
Повѣточка — ня цёплая хаточка,
А сусѣдочка — ня родная маточка.

Когда женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ передъ свадьбою:

11.

«Дзѣвочки подружачки,
«Выйдзиця, послухайця:
«Ци шумиць дубровочка?
«Ци стучиць дорожичка?
«Ци звяняць подковочки?
«Ци ѣдуць золовочки?»
— Шумиць дубровочка,
— Звеняць подковочки,
— А стучиць дорожачка,
— А ѣдуць подружачки.

— А ѣдзець *расплесьць коски*,
— А ѣдзець *розліў слезки.*

12.

Ѣздзили два бра́точки по по́лю,
Ды сгубили сиваго коня подко́ву.
«А ни жаль жа намъ сиваго коня подко́вочки,
«Да и жаль жа намъ родной сястрички размо́вычки;
«Да не жаль жа намъ сиваго коня, што скача,
«А жаль жа намъ родной сястрицы, што плача;
«Ни жаль жа намъ сиваго коня, што бяжиць,
»Ай жаль жа намъ родной сястрицы, што тужиць.

13.

За сѣньми, за сѣньми мѣсяцъ гораецъ,
Тамъ суженька коня сядлаецъ,
Коня сядлаецъ, сильненько плачецъ
Прышоў до яго брахнійко:
«Чаго, браточка, гэтакъ сильно плачешъ?»
— Бяру крулёўну за сябе ня роўну:
— На дворъ ўзъѣдзе — увесь дворъ освѣця,
— Ў покоикъ увойдзе — ножачкой тупне,
— Ножачкой тупне, отступіўся — хлопне,
— За столикомъ сядзе — ключемъ бразьне.

Когда дружки выкупаютъ молодую:

14.

Голышъ, сватко, голышъ!
По горѣ козы гоняе,
Да по шелягу збирае,
Нашу молодую выкупляе.

15.

Ты-жъ поѣдзешъ мой брахонько ў людзи,
Набирайся-жъ-тко людзько́сьци,
Будуць цябе ды сваточки витаци,
Будуць цябе зяленымъ виномъ упиваци.
Налей, брацитко, до чарочки ажъ до дна,
Да вылли свому конику на грыўце:
Кабъ твой коничекъ плясніў быў,
Кабъ цябе зъ чужихъ людзи домоў уносіў.

16.

Казауся нашъ сватъ богаты,
Ажъ только рызы да латы.
Положы рызы на печи,
Прикажы жонцѣ глядзѣци,
Кабъ хто рызоў не одрэзаў,
Кабъ хто латаў не кратаў.

Когда женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ передъ вѣнчаніемъ:

17.

Братъ сястру на посадъ вядзе,
Сястра брату до ногъ падзе:
«Браточка мой родниньки!
«Чымъ я табѣ надокучила?
«Ци русою косою, ци своею красотою?
— Ничѣмъ же ты мнѣ не надокучила,
— Ни русою косою, ни своей красотою.
— Докучили твое госьцики,
— Што ў субботку прыѣзжаючы,
— Што ў нядзѣльку не зъѣзжаючы.

Когда сажаютъ невѣсту на посадъ:

18.

А пташечка-*заломай* пріѣхаў,
Заломаў мнѣ ножачки
У козиные ро́жочки.
Наша Улляна, наша,
Споймала сабѣ пташа,
Думала борового,
Цярэшку молодого:
Ў зяленинькимъ жицѣ,
Ў чарвониникимъ аксамицѣ.

19.

За новою святлицею
Стоицъ верба съ росицею.
Кому тую вербу ломаци?
Кому тую росу сбираци?

Суженьку вербу ломаци,
А дзѣвочцѣ росу сбираци,
Росою умывацися,
До шлюба прибирацися.

Когда ѣдутъ въ церковь:

20.

Го́ницца братъ за сястрою, го́ницца,
Грозной шабелькой гро́зицца:
«Дамъ табѣ коника воронца,
«Вярни мою сястрицу одъ вянца,
«Оддамъ табѣ коника и зъ сядломъ.
«Вярни мою сястрицу и зъ вянкомъ
«Дамъ табѣ коника ў злоцѣ,
«Вярни мою сястрицу ў цноцѣ.»

Послѣ вѣнца:

21.

Сядзиць соловей, да на пераплотахъ — бобъ клюець.
А для яго зязюлька яго — пшаничку.
Лѣпей же табѣ, мой соловейко, чымъ-ся мнѣ,
Ты-жъ поляцишь ў свое гнѣздзѣчко, а я не.
Халимонъ сядзиць за столикомъ — вино пье,
А для яго дзѣвочка мядочекъ пьецъ.
Лѣпей же табѣ, мой суженька, чымъ-ся мнѣ,
Ты поѣдзишь ў свою хатку, а я не.
А хто-жъ мяне ў чужой хаточцѣ прыхиле?
А хто мяне роднымъ дзицяткомъ назове?

22.

Скакаў зайчикъ по чистымъ бору, ды ў жито.
Не разъ будзешь молода ў набита;
Скакаў зайчикъ по ельничку, ды ў лозу́,
Не разъ будзешь молода ў грозу́.

23.

Не зважай, што я плачу,
Погоняй свою клячу;
Не зважай, што я тужу,
Погоняй цыразъ лужу;

Не зважай, што я рыѓаю,
Погоняй свою рыжаю;
Не зважай, что я . . . ,
Погоняй свою кобылу;
А ци конь, ци кобыла,
Погоняй ты, Данила.

24.

»Пойдзешь дзѣвочка, ў чужіе людзи,—
«Тамъ вулочки нивядомыя,
«Молода блудзиць будзешъ,
«Тамъ сусѣдочки незнаёмыя,
«Объ цябѣ судзиць будуць,
«Ни такъ сусѣдочки, якъ сусѣдныя дзѣтки.»
— Я тамъ вулочка поразвѣдаю,
— Блудзиць ня буду,
— А съ сусѣдками разспознаюся,
— Судзици ня будуць.

25.

Дзѣвочка одъ вѣнца ѣдзе,
Ни́зинька кланяицца:
Была я, мамочка, при вѣнцу.
Яй, сватко, нашъ сватко!
Пусьци насъ ў хатку,
Хоця ручки погрэци,
На людзей поглядзѣци.

Когда ведутъ молодыхъ въ клѣть, невѣста поетъ:

26.

«А мамка, ў клѣць вядуць!»
Мать: — Цихо дзицятко, цацку дадуць.

27.

Кацилося колясо зъ клѣци,
А вы коўзайцяся хорошо дзѣци.

Когда ѣдутъ изъ дома невѣсты къ жениху:

28.

Ци ѣхаць, ци ня ѣхаць,
Еще ў свата *пялихаеціа*
Зеленоё вино ў боццѣ,
Горѣлочка ў барылоццѣ.

29.

Наши домы, якъ городы,
А вашы свинаринки,
А ни клѣци, ни повѣци,
Нѣгдзе кубла намъ подзѣци.

30.

«Ци у цябе, сужинька, сокольли вочки,
«Што ты ня боисся цемнинькой ночки?»
— Чаго-жъ бояцца цемнинькой ночки? —
— Конь подо мною, Богъ надо мною,
— Молода дзѣвочка побочь со мною.

VII.

Минской губ., Минскаго уѣзда, Бѣлоруцкой волости, села Лускова.

Коли хлопцу подобаецца якая дзѣўка, дыкъ приходзиць яго бацька и сватъ до гэтой дзѣўки и пытаюцца, чи пойдзець гэта дзѣўка за яго сына. Тогды дзѣўка отговариваецця и кажець: «Я ня вѣдаю, якъ тата и матка скажуць». Тогды сватъ начинаець просиць бацькоў. Коли дзѣўка надумаецця выйсци замужъ за гэтого хлопца, дыкъ яна поклоницця бацьку и матцѣ и кажець: «Ня вѣдаю, чи потомъ здарицця хто, чи не лепѣй цяперъ пойду». Тогды бацька кажиць: «Коли маешъ охвоту, дыкъ идзи, а коли табѣ потомъ будзець кепска, дыкъ на мяне не крыўдуй». Коли ужо бацьки сгодзяцця отдаць дочку, и коли дзѣўка сама сгодзицця, тогды дзѣўка накрыець столъ и положиць хлѣба, а сватъ поставиць горэлки. Тогды ужо начинаюць пиць горэлку. Сватъ пьець до бацьки дзѣўки, а бацька до своей дочки́. Потомъ

дзѣўка пьецъ до бацьки своягo нареченнаго, а гэтый ужо до сямьи. Якъ выпьюць ўсю горэлку, тогды дзѣўка обвяжецъ пляшку поясомъ зъ красной ўлучки и отдаецъ свату пляшку разомъ съ поясомъ. Гэтые першіе запоины называюцця *малою горэлкою*, потому што сватъ прывозицъ тольки кварты дзвѣ, чи тры горэлки. Сватъ найчаще прыѣзжаецъ зъ первою горэлкою ў суботу. Коли сватъ выѣзжаецъ отъ першей *малой горэлки*, тогды ёнъ пытаецця, коли прыѣхацъ зъ другой *вяликой* горэлкой. Найчаще зъ другой вяликой горэлкой прыѣзжаюцъ ў слѣдующій чацвергъ. Ў другій разъ прыѣзжаецъ ужо и нареченый и сватъ прывозицъ гарцы два, чи тры горэлки. Найчаще прыѣзжаюцъ подъ вечеръ. Тогды молодая ўстанецъ, засьцелецъ столъ и сватъ поставицъ горэлки, а молодая положицъ хлѣба. Сватъ пьецъ до бацьки молодой, а бацька молодой до молодого; а молодый, укинуўши ў чарку сорокъ грошей, чи поўрубля, а бога́чшій и рубля, нальлецъ молодой. Тогды молодая, забраўши гроши и выпиўши горэлку, нальлецъ изноў горэлки и отдаецъ молодому, а молодый, выпиўши водку, изноў нальлецъ и отдасьцъ матцѣ молодой, а матка выпьецъ водку и, изноў наліўши, поставицъ чарку на столъ и скажецъ бацьку, кабъ послацъ за своякамп. Тогды молодая идзецъ просицъ на *вёску* сабѣ дружки и зъ нею идзецъ просицъ ў кажную хату на запоины. Тогды зходзяцця людзи и выпиваюцъ ўсю горэлку до рэшты. Тогды бацька молодой кажецъ свату, кабъ молодый, якъ прыѣдзецъ на вяселье, прывозіў по пирогу рожоному бацьку и рожоной матцѣ, хрещеному бацьку и хрещеной матцѣ, а пятый пирогъ на столъ, и кабъ купиў молодой черэвики. Кто богачшій, той купицъ, а бяднѣйшій и ня купицъ.

Тогды ужо ўсѣ расходзюцця. Вяселье у мужикоў заўсягды биваецъ ў нядзѣлю. У суботу нирадъ вяселлемъ молодая идзецъ на вёску запрашивацъ народъ и музыки, ўсимъ кланяецця и просицъ ў кажной хацѣ устўжекъ. Вечеромъ прыходзюцъ зъ устўжками и дружки ро́бяцъ вяпокъ. И потомъ гуляюцъ цѣльную ночь, поку́ль молодый не прыѣдзецъ. Тогды молодая отъ сябе просицъ

свата, двухъ дружекъ и двухъ закосникоў. А молодый отъ сябе маець свата, свацу и двухъ *брусникоў*, такъ што ўсяго выходзиць двухъ сватоў и одна свацця.

Молодый, якъ прыѣдзець, не идзець ў хату, а остаецця на дворы. Якъ прыѣдзець молодый, тогды бацька пытаецця у молодой, на чемъ яна сядзець. Тогды тая дзѣўка, которая не спала напершъ зъ хлопцомъ (безпорочная), скажець: «Постаўце дзяжу, накрыйце кожухомъ, положице подушку и посадзице мяне». А тая дзѣўка, которая напершъ спала зъ хлопцемъ (порочная), скажець: «Посадзице мяне на топчанѣ, подослаўши хустку». Такую дзѣўку бацька заўсягды пры ўсихъ соромиць и ўсѣ смяюцця. Якъ дзѣўка сядзець, тогды ей заплятаюць и чешуць косы и кладуць вянокъ. Якъ звядуць зъ дзяжи, чи зъ топчана, тогды молодая поклонницця бацьку и матцѣ и ўсяму народу. Потомъ молодую ховаюць ў сѣнёхъ, кабъ молодый, якъ будзець исьци, яе не убачіў, и молодого уводзюць ў хату. Коли молодый увойдзиць ў хату, тогды садзяць яго за столъ и *ченстуюць*. Тогды, поченстоваўши, выводзяць молодого на дворъ, а молодую уводзюць ў хату и садзяць яе на посадъ.

Дружки положуць на лавѣ подушку, а закосникъ вядзець молодую за руку. Потомъ закосникъ окружиць яе на рукахъ тры раза и садзиць на подушку. Пры гэтомъ закосникъ кажець: «Также просимъ першимъ разомъ, Боскимъ прыказомъ, напершъ Пана Бога, войца и матки, брацьця и сестры, дзяцьки и цётки, сусѣдзей, пріяцелей, дальніе и ближніе и невыборные и вшистки покорные, молодую благословице и на посадъ садзице». Якъ только закосникъ посадзиць яе на посадъ, дыкъ заразъ яна соскочиць. Тогды закосникъ другій разъ яе садзиць и изноў поўторяець тое самое, только кажець: «Также просимъ другимъ разомъ» и т. д. Потомъ молодая изноў соскочиць. Тогды закосникъ трецції разъ яе садзиць и яна ужо не соскакиваець. Коли закосникъ са́дзиць молодую трецції разъ на подушку, (т. е. на посадъ), тогда ёнъ кажець: «Также просимъ трецьцимъ разомъ» и т. д. Потомъ ужо ўсѣ благославляюць молодую. Тогды закосники

стануць коло молодой на лавѣ по бокамъ и одзинъ дзержиць свѣчку надъ головой и обнясець свѣчку тры разы коло головы. Потомъ одзинъ закосникъ чиразъ пярсьцёнокъ выставиць трошки волосоў и подсмалиць свѣчкой и разомъ просиць благословиць молодую пострыгаць. Коли ужо застрыгуць молодую, тогды закосникъ косу расплетаець. Потомъ молодая слѣзець, ўсимъ поклоницця и сама ховаецця, а молодого кличуць ў хату. Коли молодый сядзець за столъ, тогды молодая за сваццей идзець ў хату и свацця витаецця со сватомъ, зъ молодымъ и зъ *брусниками*. Молодая витаецця только со сватомъ, а молодому тольки подсунець руку, и якъ только ёнъ захочець яе ўзяць за руку, тогды яна сыпнець яму ў вочи житомъ. Потомъ ужо дружки витаюцця со ўсими. Потомъ молодый зо своей дружиною, а молодая со своей садзяцця за столъ и молодый обсылаець ўсихъ госцинцами, и тогды ёнъ отдаець тые пироги, которые бацька молодой загадаў свату пры *вяликой горэлицѣ*. Якъ молодый обошлець госьцинцами, тогды ўсѣ начинаюць дарыць молодую: бацька даець свинню, чи корову, чи грошы, а матка даець соли и хлѣба и кажець: «Дару цябе, дочка, хлѣбомъ, сольлю, счасццемъ и дольлю; потомъ ужо кросные да́раць молодую. Тогды молодые кланяюцця ўсимъ, выходзяць на дворъ и садзяцця на возы́. Тымъ часомъ свацця обвязываець ручникомъ свата, ў которымъ ёнъ ѣдзиць ў церкоў. Гэтый ручникъ даець молодая. Якъ тольки сядуць на возы́, тогды бацька нальлець ў миску трошки горэлки, положиць на тарелку хлѣба и соли и подаець ўсякому, хто сядзиць на возѣ. Молодая садзицця зъ дружкою и однымъ закосникомъ. Другая дружка, свацця и другій закосникъ садзяцця на другомъ возу. Молодый зъ двумя брусниками садзяцця на трецимъ возу, а два сваты и музы́ка на чатвяртымъ. Якъ ужо разсядуцця, тогды якая-нибудзь баба вывярнець кожухъ, насыплець ў триполы оўса и сыплець ўсимъ на возахъ ў вочи, а яе каженъ пугою сцябаець. Яна такъ обяжи́ць тры разы коло возоў. Тогды ужо ѣдуць ў церкоў. Коли попъ обвѣнчаець, тогды молодые идуць ў корчму и тамъ трошки гуляюць и пьюць горэлки. Якъ

выйдуць зъ корчмы и якъ ужо садзяцця на возы́, тогды молодый къ собѣ молодую цягнець, а дружка къ собѣ, но ўсё-таки молодый къ собѣ перецягнець и посадзиць на свой возъ, и тогды ўсѣ ѣдуць до молодого. Якъ тольки прыѣдуць до молодого, дыкъ молодая сидзючи на возу, ў водзинъ бокъ двора кинець пирогъ, а ў другій поясъ, альбо гроши, для того, кабъ жицьцё было богатое. Потомъ молодая якъ злѣзець зъ воза, сама выпрагаець коня и дугу кидаець на страху́. Потомъ бацька и матка молодого статнуць на порозѣ хаты и держуць вѣко отъ ку́бла, чи отъ дзяжи́, на которомъ кладуць коровай и еще молодая положиць на верхъ полотна, альбо гроши, и молодые подъ гэтое вѣко ўходзюць ў хату. Гэтый коровай пячецся у молодого; ў суботу пирадъ вясельемъ пяць коровайниць (двѣ дзѣўки и тры бабы) яго разчиняюць, а ў нядзѣлю мѣ́сюць й пякуць. Якъ ёнъ добра упячецся, тогда яго нясуць ў *свиренъ* и тамъ ёнъ стоиць, покуль молодые не прыѣдуць изъ церкви. Якъ молодые ўвойдуць ў хату, ўсѣ садзяцся за столъ, пьюць горэлку, яду́ць и гуляюць. Якъ трошки погуляюць, молодая садзицця за столъ со своею дружиною и сватъ молодого выкупляець молодую, поставіўши горэлки, сыръ и пирогъ; дружкамъ положиць гроши, а свацци достаецця пирогъ и сыръ. Потомъ молодая выходзиць сза стола и садзицця молодой со своей дружиною и бацьки яго ченстуюць. Послѣ сваццця знимаець вѣнокъ, разплетаець косу и наложиць чапецъ на молодую. Сваццця знимаець со свата той ручникъ, который яна яму завязала, якъ выѣзжали ў церкоў, а надзѣваець другій. Гэтые ручники достаюцця свату. Потомъ молодый выходзиць сза стола, и на лавѣ садзицця молодая со своею дружиною и ещо шматъ бабъ и ўсѣ накрываюцця хустками, кабъ молодый не познаў молодую. Потомъ ўпусцяць молодого и погасюць огонь. И молодой перелѣзиць черезъ столъ и поцалуець молодую. Коли попадзець отъ разу на молодую, то добра, а коли попадзець на якую старую бабу, тогды ўсѣ зъ яго смѣюцця. Потомъ запаляць огонь и пьюць горэлку. Потомъ сваццця ўзяўши за руки молодыхъ, вядзець ихъ коли лѣткою дыкъ ў пуню, а зимою — ў

варыўню и тамъ яны разомъ спяць. На заўтра сватъ, одвязаўши вторый ручникъ и обвязаўшися трецьцымъ, идзець до молодыхъ и бацьки молодого, нясуць горэлку и госьцинцы. И сватъ и мацъ молодого глядзяць: чи дзѣўка была добрая? И коли дзѣўка пирадъ шлюбомъ была добрая (безпорочная), дыкъ даюць госьцинцы, а иначей не даюць. По́томъ молодыхъ вядуць ў хату, даюць имъ водки и закуску и потомъ трошки гуляюць. Якъ трошки погуляюць, дыкъ сватъ молодого позываець молодыхъ ў свою хату и тамъ ихъ *ченстуець*, по́томъ сватъ молодой такъ само къ собѣ вядзець молодыхъ и ченстуець, а молодые скачуць у няго тры разы́ коло стола. Отъ свату идуць до молодого и дзѣ́ляць тамъ коровай, который лежаў на вѣ́кѣ, когды молодые прыѣхали отъ шлюбу, и подъ который яны ўходзили ў хату. Сватъ садзицця за столъ, отрэжець кусочекъ короваю, положиць на талерку и кажець: «Маленькіе и старенькіе, прошу на коровай». Ўсякій, хто бярэць коровай, кладзець на талерку чи копѣйку, чи дзѣсятку, а крэўные часами дарацъ чи короўку, чи свинку. По́томъ еще разъ погуляюць и ўсѣ разходюцца и ужо конецъ вясельлю.

Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, относящихся къ предыдущему описанію.

Когда настаетъ время идти молодой на посадъ:

1.

Ляцѣли гу́сочки черезъ садъ, 2
Крикнули, гу́кнули на ўвесь садъ: 2
«Часъ тобѣ, дзѣ́вочка, на посадъ». 2
— А што вамъ, гу́сочки, до того?
— Ёсьць у мяне бацюшка для того
— Якъ скажець сѣсьци, — я и сяду,
— Заложу коники и поѣду,
— Отчинюць церкоўку, — я ўвойду,

— Засьцелюць коберэцъ, — я и стану,
— Звяжуць ручечки, — я и звяну.

Ср. въ моемъ Бѣлор. сб., стр. 325, № 574, и стр. 343, № 621.

Сиротѣ:

2.

Знаць и познаць по вясельлейку
Дзѣвочку сироточку;
Дворъ вяликій, але зборъ не вяликій,
Не ўся ея родзиночка.
Сошлю, пошлю сызую зязюлечку
Ў свою родзиночку,
А соловейку щебятливую
По родную маточку.
Зязюля ляциць, родзина ѣдзець,
А соловейка отказываець:
«Ня будзець маточка на вясельли;
«Сырая земля дзьверы залегла,
«Оконце заслонила,
«Твоей маточки на вясельле не пусьцила,
«Смоляныя дóшки
Сьциснули ношки;
Не можець ўстаць
И своему дзицяци
Счасцце и долю даци.

3.

Станьце, бояре, ўсѣ ў радъ,
Будзець исьци дзѣвочка на посадъ,
Голоўку низенько наклóнючи,
Межъ бояръ маточки ищучи.
«Я ўсихъ бояръ перэйшла,
«Нигдзѣ свой маточки не найшла.
«Голоўку мою ў вяночку,
«Нема моей маточки ў радочку.
«Голоўочка моя ў квѣцѣ,
«Нема моей маточки на свѣцѣ.
«Голоўочка моя убрана,
«Ужо моя маточка схована.

Когда молодая, сидя на посадѣ, не плачетъ:

4.

Ходзила дзѣвочка по нóчи,
Шукала цыбульки подъ óчи:
Чи ня будзець цыбулька счастлива,
Кабъ зъ вочоў слёзочки кацила.
Вялпкая цыбулька, якъ колясо, —
Якъ плачець дзѣвочка,
Глядзѣць хорошо.

Когда выѣзжаютъ за ворота въ церковь:

5.

Загрэбай матка жаръ,
Будзець табѣ дочки́ жаль;
Закидай матка дрова,
Оставайся здорова.

По дорогѣ, въ церковь:

6.

Ѣхала дзѣвочка до вѣнца,
Сорвала бярозки верхоўца.
Росьци моя бярозка безъ верха́,
Живи моя маточка безъ мяне,
Росьци, моя бярозка, кунатая,
Живи, моя маточка, богатая.
Росьци, моя берозка, кунацѣй,
Живи, моя маточка, богацѣй.

7.

Червоная рожа,
Ня стой на дорозѣ;
Что дзень сваты ѣдуць,
Червоную рожу щиплюць,
За шапки тыкаюць,
Кабъ насъ людзи знали,
Ды сватами называли.

Когда́ отъѣзжаютъ отъ церкви:

8.

Были мы у Бога,
У Духа Святого,
У попа молодого,
Въ краи, въ краёчку,
У попа на дворочку.

На возвратномъ пути изъ церкви:

9.

Хвала-жъ Тобѣ, Боже,
Что попа ошукали,
Ня дорого за шлюбъ дали.
За нашаго молодого
Полтора золотого,
А за нашу молодую
Копѣечку цѣлковую.

Когда подъѣзжаютъ къ деревнѣ:

10.

Запали́, маци, свѣчку,
Идзи на сустрэчку,
Сустрэнь двое дзѣтокъ
Однолѣтокъ.
Ў водно лѣто рожалися,
На другое позналися,
На трецьце увѣнчалися.

На дворѣ у молодого:

11.

Кола новаго двора
Не голубо́чка шла,
Тамъ дзѣвочка плакала.
Отъ шлюбу прыѣхаўши;
Маточцѣ до ногъ пала:
«Маточка моя родная!
«Развѣнчай мяне, молодую,
«Развяжи бѣлы ручечки,
«Размѣняй персьцёночки,
«Развѣнчай насъ, молодзенькихъ».

Въ домѣ у молодого:

12.

Не сядзи, молодый, бо́комъ,
Гэто табѣ не зъ наро́комъ;

Сядзь собѣ близюсенько,
Будзець тобѣ милюсенько;
Сядзь собѣ ближей за ўсихъ,
Будзець тобѣ милѣй отъ ўсихъ.
Ѣшьце, сваты, капусту,
Наша капуста тлуста,
Мы муху подойли,
И капусту забялили;
Комаровы ножки
И крылейка трошки.
Ѣшьце, сваты, рэпу,
У насъ моркоўки нѣту.
Быў у насъ парсюкъ Максимъ,
Зъѣў моркоўку соўсимъ.
У насъ сягодня вячéра,
Пирадъ сватомъ пячеля (витчина).
А пирадъ брусникомъ сорóка,
Сорока безъ бока.
Соче, соче, сокочець,
Брусникъ ѣсьци ня хочець.
Дайце ей конопель,
Нехай ѣсьць, якъ воробей,
Нехай скачець, якъ бѣлка,
Нехай плачець, якъ дзѣўка.

Зап. ученикомъ VII класса минской гимназіи Михаиломъ Яновскимъ.

VIII.

Той же губ., Слуцкаго уѣзда, м. Шацкъ.

Когда родители замѣчаютъ, что ихъ сынъ на игрищахъ, вечеринкахъ и кирмашахъ обращаетъ особенное вниманіе на какую-либо дѣвушку, часто ходитъ къ ней, то они, особливо, если нуждаются въ рабочихъ рукахъ, рѣшаютъ женить хлопца. Не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, они немедленно обращаются къ сосѣдямъ и знакомымъ намѣченной сыномъ невѣсты и наводятъ у нихъ справки о ея поведеніи, объ ея умѣньѣ хозяйничать, въ

особенности о томъ: умѣетъ ли она ткать? Если собранныя свѣдѣнія окажутся удовлетворительными, и вообще если дѣвушка имъ понравится, то отецъ, выбравъ удобный случай, говоритъ сыну: «ци хочешь женицца?» На что послѣдній обыкновенно отвѣчаетъ: «якъ бацько хочецъ». Разумѣется за этимъ дѣло не останавливается и *бацько* немедленно даетъ ему на это свое дозволеніе и нашъ хлопецъ, выбравъ изъ среды своихъ знакомыхъ въ сваты человѣка, отличающагося ловкостью въ обращеніи и краснорѣчіемъ, отправляется съ нимъ, большей частью, въ субботу, въ домъ невѣсты. Войдя въ хату, оба они, какъ водится, кланяются образамъ и здороваются съ родителями молодой. Затѣмъ сватъ говоритъ послѣднимъ: «покажице мнѣ ту квѣтку, што цвице зимою и ў лѣтку, а я на тоя присланъ, какъ быў столъ засланъ».

Въ отвѣтъ на это радушные хозяева исполняютъ тотчасъ желаніе свата и по ихъ приглашенію является невѣста. Дорогихъ гостей угощаютъ, чѣмъ Богъ послалъ. Во время угощенія сватъ заводитъ съ родителями невѣсты разговоръ о томъ: желаютъ ли они отдать свою дочь за этого хлопца и пойдетъ ли она за него? Послѣдняя сначала долго отказывается тѣмъ, что еще молода, а наконецъ все таки скажетъ, — понятно, если женихъ ей по сердцу. «якъ баця хоче». Родители тоже не съ разу, а лишь послѣ долгихъ, окольныхъ разговоровъ и переговоровъ скажутъ: «пріѣзжайце ў други разъ, тогды побачимъ и подумаемъ», и назначаютъ для того день. Съ тѣмъ сватъ съ женихомъ и уѣзжаютъ.

Въ условленный день они опять отправляются въ домъ невѣсты, но уже не съ пустыми руками, а съ водкой и закуской. Но за часъ до отъѣзда въ домѣ жениха бываетъ угощеніе, передъ которымъ сватъ, взявшись за платокъ съ женихомъ, обводитъ его вокругъ стола, испрашивая ему благословенія у родителей слѣдующими словами: «оцець и маци, добрые людзи, благословице на запоины». На это ему отвѣчаютъ обыкновенно три раза: «Богъ благословиць». Затѣмъ уже они отправляются въ путь.

Въ домѣ родителей невѣсты ихъ угощаютъ, и они въ свою очередь стараются угостить своихъ гостепріимныхъ хозяевъ при-

везеннымъ запасомъ водки и закуски. За водкой разговоръ, разумѣется, опять идетъ о молодыхъ. Между прочимъ сватъ спрашиваетъ про *посагъ* [1]), и когда замѣтитъ, что невѣста окончательно рѣшилась выдти за мужъ за его кліента, то онъ спѣшитъ условиться съ ея родителями на счетъ дня свадьбы, который обыкновенно назначается на воскресенье, и затѣмъ, поговоривши еще немного, уѣзжаетъ вмѣстѣ съ женихомъ.

Въ первое же затѣмъ воскресенье нашъ хлопецъ отправляется въ церковь, гдѣ по его просьбѣ (разумѣется за приличное вознагражденіе) священникъ *говоритъ заповѣдь*, т. е. оповѣщаетъ о предстоящемъ его бракѣ съ такой-то. По возвращеніи жениха домой начинается угощеніе, которое продолжается весь день. Этимъ оканчиваются *запоины*, которыя большей частью бываютъ въ субботу.

Заручины. За нѣсколько дней до воскресенья, назначеннаго для свадьбы, женихъ въ сопровожденіи своего дружки, котораго называютъ *брусникомъ*, а невѣста съ своей дружкою, отправляются каждый по своей деревнѣ и просятъ всѣхъ къ себѣ на свадьбу слѣдующими словами: «просіў бацько и маци и я прошу — придзице на веселля». На это имъ вездѣ отвѣчаютъ: «дзякуй за доброе слово, придземъ».

Въ субботу же передъ свадебнымъ воскресеньемъ бываютъ *заручины* въ домѣ невѣсты, куда съѣзжаются родные и знакомые, пріѣзжаетъ также и музы́ка — скрипачъ. Отца жениха, какъ почетнаго гостя, сажаютъ въ переднiй уголъ, *на кутъ*. Вечеромъ всѣхъ угощаютъ *богатымъ* ужиномъ, во время котораго играетъ музы́ка. Послѣ ужина молодыя дѣвушки пляшутъ съ мущинами, поютъ вмѣстѣ съ женщинами свадебныя и другія подходящія пѣсни и веселятся. Хорошенько нагостившись и нагулявшись, женщины начинаютъ *росчинять* (растворять) коровай, при чемъ онѣ говорятъ: «оцецъ и маци, добрые людзи,

---

[1]) Приданое.

благословицк молодой коровай росчиницъ». На это имъ отвѣчаютъ: «нехай Богъ благословиць!»

Утромъ въ воскресенье, т. е. въ день свадьбы, передъ выѣздомъ молодыхъ, т. е. жениха и невѣсты, сватовъ, со стороны молодой и молодого обвязываютъ лентами черезъ плечо, и затѣмъ начинается уборъ невѣсты къ вѣнцу. Для этой цѣли ставятъ среди комнаты *дзежу* (квашню), накрываютъ ее тулупомъ, сверхъ котораго кладутъ подушку и на это сидѣнье сажаютъ молодую. Братъ невѣсты при этомъ обращается къ родителямъ и, испросивъ у нихъ благословенія для сестры, начинаетъ расчесывать ей косы. Въ это время дѣвушки поютъ:

2.

Разжени, разбросай Боже,
Братово жито по поли по колосочку!
Роскидаў братъ сестрину косу
На плечахъ по волосочку.
Да збери, Боже, братово жито
Ў поли по колосочку!
Позбираў братъ сестрину косу
На плечахъ по волосочку!

Затѣмъ дружки одѣваютъ невѣсту, кладутъ ей на голову вѣнокъ, сплетенный изъ разныхъ цвѣтовъ, а если ихъ нѣтъ, то дѣлаютъ его изъ разныхъ ленточекъ, убираютъ разноцвѣтными перьями и блестящими *пацюрками* (стеклярусомъ).

Передъ отъѣздомъ подъ вѣнецъ, жениха и невѣсту три раза обводятъ вокругъ стола, предварительно испросивши имъ благословенія у родителей. Послѣ этого они сами съ низкимъ поклономъ испрашиваютъ благословенія у всѣхъ присутствующихъ въ хатѣ, а вслѣдъ за этимъ отецъ невѣстинъ окропляетъ ихъ пивомъ, послѣ чего всѣ отправляются въ церковь: невѣста съ дружкою садится на одной повозкѣ, а женихъ съ брусникомъ на другой. Когда поѣздъ двинется въ путь, поѣзжане затягиваютъ слѣдующую пѣсню:

3.

До руты, дзѣвочка, до руты!
До вяжице руту ў пучечки,
Да мяцице улицу до конца, —
Поѣдзе молодая до вѣнца.
Корися, дзѣвочка, корися,
Старому, малому клонися;
Старому, малому до ножакъ,
Родному войченку до слёзакъ.

Пріѣхавши въ церковь, сваты кладутъ на аналой, въ видѣ жертвы, привезенный хлѣбъ, который послѣ обѣдни освящается и дается молодымъ. При концѣ обѣдни, послѣ заамвонной молитвы, священникъ еще разъ читаетъ оглашеніе.

Передъ самымъ вѣнчаніемъ женихъ подбрасываетъ деньги себѣ подъ ноги, чтобы быть богатымъ. Во время совершенія церковнаго обряда вѣнецъ жениха держитъ брусникъ, а вѣнецъ невѣсты — дружка. Послѣ бракосочетанія молодые возвращаются уже въ одной повозкѣ, сопровождаемые музыкой, а дружка въ это время поетъ:

4.

На ручничку Пилипка постояў,
Ганнульку за ручку потрымаў,
Золотыя персьценки помѣняў,
Вѣрно слоўце ей сказаў,
И къ сабѣ яе ўзяў.

5.

Приляцѣли сороки зъ озярца́,
Пріѣхала Ганнулька одъ вѣнца,
Да у яе матухна пытае:
«Ци полюбоўно, дзицятко, шлюбъ брала»?
— Попытай, мамухна, у дружки моей:
— Коло мяне дружачки стояли
— И мнѣ, молодзѣ, шлюбъ дали.

Изъ церкви весь поѣздъ ѣдетъ въ домъ молодой. Тамъ молодые и дружки не входятъ съ разу въ хату, но останавливаются на дворѣ,

гдѣ и ожидаютъ встрѣчи родителей невѣсты. Мать молодой въ тулупѣ, шерстью вверхъ, встрѣчаетъ ихъ съ хлѣбомъ и медомъ, который даютъ имъ пить черезъ порогъ, потомъ выходитъ къ нимъ отецъ съ деньгами, лежащими на тарелкѣ, возлѣ поставленнаго на ней штофа съ водкой, и говоритъ: «ци ёсьць тутъ оцецъ и маци, добрые людзи, благословицк молодыхъ ў хату ввесьци»? Всѣ отвѣчаютъ: «Богъ благословиць» (3 раза) и входятъ въ хату. Всѣ пріѣзжіе размѣщаются за столомъ и тутъ-то пойдетъ угощеніе, которое начинается съ молодыхъ: отецъ беретъ стаканъ водки и обращаясь къ зятю говоритъ: «ну благословляю васъ счасцьцемъ и долею, будзьце здоровы», на что зять отвѣчаетъ «на здороўе» и выпиваетъ свой стаканъ, но послѣ отца. Затѣмъ ужъ пьетъ молодая и всѣ гости, кругомъ по 3 раза, послѣ чего закусываютъ. Послѣ закуски вся молодежь идетъ плясать подъ звуки скрипки и бубна. Немного времени спустя, начинаютъ дѣлить коровай, для чего его и ставятъ на столъ. Сватъ садится возлѣ молодыхъ, беретъ въ руки тарелку, накрываетъ ее платочкомъ, нарѣзываетъ куски коровая, кладетъ ихъ въ тарелку подъ платочекъ и говоритъ: «ци ёсьць тутъ войцецъ и мацъ? Молодый и молодая короваемъ обсылая, няхай ласковы будуць, да скоряй прибудуць». Вызванные идутъ и принимаютъ, а въ тарелку кладутъ деньги и говорятъ: «дару житомъ и бытомъ, я ихъ не за помогу, няхай ихъ Богъ да поможе». Дѣлежъ этотъ продолжается такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ гости не получатъ по частичкѣ короваю и не положатъ что нибудь на тарелку. Всѣ собранныя деньги сватъ, послѣ ужина, отдаетъ молодымъ. За дѣлежемъ коровая еще долго пируютъ, играютъ, поютъ и пляшутъ, почти до разсвѣта. Наконецъ всѣ ложатся спать. Молодыхъ кладутъ въ клѣть и передъ тѣмъ родители благословляютъ ихъ ложе. Утромъ молодые благодарятъ родителей за благословеніе, а затѣмъ опять начинается попойка и пляска. Послѣ обѣда молодая собирается въ дорогу на новое житье въ семейство своего мужа. Дружки въ это время поютъ:

6.

Да стоиць коникъ на стаенца, рогоча,
Братъ съ сястрою ростацися ня хоча.
Да стоиць коникъ на стаенца, а ножками тупъ!
«Оставайся моя сястрица одна тутъ».

Въ домѣ молодаго уже ждутъ давно новобрачныхъ и по пріѣздѣ ихъ встрѣчаютъ еще на дворѣ съ хлѣбомъ и солью и приглашаютъ въ комнату. Молодая даритъ всю семью мужа разными подарками: дѣтей — кушачками, взрослыхъ — платками, а старыхъ — деньгами. Отецъ молодаго приглашаетъ за столъ всѣхъ пріѣхавшихъ съ молодой гостей. Но прежде чѣмъ садиться къ столу, всѣ поочередно здороваются съ новобрачными, а затѣмъ уже начинается пиръ горой, пойдутъ разные тосты: сватъ пьетъ до молодого (т. е. на его здоровье), молодой до сваци, послѣдняя до молодой и т. д. и все по 3 раза.

Начинается плясъ, особливо въ сѣняхъ (такъ какъ тамъ просторнѣе). Вечеромъ того же дня сватъ невѣсты и дружка идутъ за короваемъ жениха, который раздается всѣмъ присутствующимъ съ такой же церемоніей, какъ у невѣсты. Передъ дѣлежемъ коровая молодой убираютъ голову и для этого сажаютъ ее на дежу. Братъ ея расчесываетъ ей волосы, а дружки зачесываютъ. Молодой на это время уходитъ изъ комнаты. По возвращеніи его туда, онъ, замѣтивъ, что братъ молодой сидитъ возлѣ нея, предлагаетъ ему деньги, чтобы тотъ уступилъ ему это мѣсто. Дружки поютъ:

7.

Молодая наша зловила пташа,
Да ужо-жъ ёнъ налятаўся,
Покуль ў клѣтку достаўся.
Цяперъ годзи лятаць,
Трэба клѣтку пильноваць.
Пильнуйця одзинъ другóго,
А боляй никóго.

Въ то время, когда новобрачные сидятъ рядомъ, всѣ ихъ поздравляютъ *счасьцьцемъ, долею и всего доволю.* Гости начинаютъ

собираться въ путь, по домамъ и тутъ-то опять устраивается угощеніе, *отъѣздное*, на которомъ уже такъ наклюкаются, что едва держатся на ногахъ и только къ вечеру насилу выберутся въ дорогу.

Этимъ собственно и оканчивается свадьба.

По прошествіи же недѣли, когда всѣ вещи молодой уже перевезены къ ней, въ ея новую семью, то свадьба какъ бы опять возобновляется, по сему случаю. Дѣвушки и всѣ занимавшіеся означенной перевозкой называются на этотъ разъ *придаными*, приданками.

Ихъ встрѣчаютъ обыкновенно слѣдующей пѣсней:

8.

Да блудзили, приданочки, блудзили,
Ў чистомъ поли дороженьки сгубили,
Выскочила маленькая *маленя*,
Указала дороженьку до села,
Куды наша молодая везена и т. д.

По пріѣздѣ въ домъ молодого и спѣвши сейчасъ приведенную пѣсню еще разъ, всѣ приданочки, свекровь и молодая отправляются въ гумно *одѣваться* (т. е. завивать наметку). По возвращеніи же изъ гумна и послѣ благословенія отца молодого открываютъ сундукъ и входятъ въ компату, гдѣ именно и возобновляется свадьба, потому что кромѣ пріѣзжихъ собираются сосѣди, знакомые и музыканты. Старые угощаются, а молодежъ пляшетъ, конечно, не безъ предварительной выпивки. Послѣ ужина невѣста даритъ деньгами, а иногда съѣстными припасами всѣхъ гостей, которые занимались укладкой и перевозкой сундука. Затѣмъ гости прощаются съ хозяевами и новобрачными и разъѣзжаются по домамъ.

По записи учен. Несвижской учительской семинаріи Игнат. Липницкаго.

IX.

Той же губ. и уѣзда, с. Семежово.

«Якъ не зналися, то и сватами не звалися, а якъ познались, то и сватами назовемся». Съ этими словами крестьянинъ-старикъ входитъ въ сопровожденіи трехъ или четырехъ болтливыхъ женщинъ, въ домъ родителей намѣченной имъ невѣсты. Это — сватъ.

— Дзень добры! продолжаетъ онъ.

— Добры дзень! отвѣчаютъ ему, — якъ маяцеся?

— Отъ, *помаленькуй живоўмъ*.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ разговоровъ о работѣ, косьбѣ, молотьбѣ и проч., сватъ обращается къ хозяину съ такими словами:

— Ну што, Сьцепанъ, вѣдаешь, чаго до цебе пришли?... и до цебе Параска (имя хозяйки)?

— А чаго?

— У васъ ёсьцика товаръ, а у насъ купецъ, дакъ ци ни можна намъ гэта зробиць гандаль?

— Мы ни вѣдаемъ, якъ сабѣ яна захоче; хоць намъ шкода ее оддаваць.... яна у насъ такая работница и жнé и пóле — и все што треба, вѣдома, колé дому зробиць.

— А и нашъ Езепъ гожій хлопецъ, господаръ, лѣпшаго ни треба, ганьбы яму нима якъ даць.

— Да мы трохи и сами ужо вѣдаемъ.

Нужно замѣтить, что переговоры ведутся такимъ образомъ только тогда, когда сваты жениха уже заранѣе имѣли возможность удостовѣриться въ успѣхѣ своего посредничества.

Невѣста во все это время стоитъ съ опущенными глазами гдѣ-нибудь въ углу, обратившись лицомъ къ стѣнкѣ. Сватъ обращается къ ней съ такими словами: «Якъ жа ты, Аўдоцьця, хочашъ, кабъ гэты хлопицъ, Езепъ, быў твоимъ господаромъ?— Послѣ долгихъ обычныхъ отговорокъ, она наконецъ говоритъ: «Якъ бацька и маци, то и я».

Тутъ отецъ невѣсты говоритъ:

— Алежъ вѣдай, пане сваце, што мы людзи, якъ бачишь самъ, не богатые, великаго посагу не можемъ даци.

— Якъ сабѣ хочеце, ёнъ казаў, што готоў брацъ, якъ стоицъ.

Нужно сказать, что приданое у нашихъ крестьянъ почти вездѣ одинаковое: сундукъ, наполненный холстомъ, рубашками, сермягами, наметками, *гарсетами* и прочими вещами, составляющими костюмъ нашихъ щеголихъ-женщинъ; затѣмъ корова, двѣ-три овцы, свинья, полдюжины гусей и, въ рѣдкихъ случаяхъ, конь.

Такимъ образомъ дѣло, какъ видно, идетъ на ладъ, слово дано, остается только, по выраженію крестьянъ, запицъ невѣсту.

Для этого тотъ же сватъ вынимаетъ изъ своего кармана одну или двѣ бутылки водки, перевязанныя красной ленточкой и булку хлѣба съ положеннымъ ва ней кусочкомъ соли и начинается попойка. Въ рѣдкихъ случаяхъ приглашаютъ музыканта, который па своей скрыпицѣ аккомпанируетъ пѣнію женщинъ-гостей, которыя поютъ:

1.

У насъ сягодня да заручеськи,
Богъ намъ дай!
Бацька дочку да заручіў,
Богъ ему дай!
Умна разумна назовися
Свекраткомъ ру͡однымъ бацькомъ
И свекраткой ру͡одной маткой т. д.

Окончивъ такимъ образомъ обрядъ сватовства, гости возвращаются домой весьма довольными какъ успѣхомъ своего предпріятія, такъ и обильнымъ угощеніемъ брагой, оставляя въ глубокой задумчивости семью Степана. На другой день послѣдній, въ знакъ своего согласія выдать дочь за извѣстнаго Езепа отсылаетъ къ его родителямъ оставленную наканунѣ сватомъ бутылку, которую наполняютъ рожью и перевязываютъ красной ленточкой.

На этомъ зарученьи кончаются и обѣимъ сторонамъ остается только ожидать свадьбы, которая, по общему соглашенію, должна совершиться въ условленное время.

За день или за два до свадьбы невѣста приглашаетъ къ себѣ молодыхъ дѣвушекъ, «дружекъ», которыя моютъ избу и всю домашнюю утварь, при громкомъ смѣхѣ и пѣньѣ свадебныхъ пѣсенъ. Затѣмъ пекутъ, варятъ, жарятъ и проч. — однимъ словомъ приготовляютъ все, что нужно для приличной встрѣчи торжественнаго дня свадьбы и для пріема многочисленныхъ гостей. Тоже самое дѣлается почти одновременно въ домѣ жениха.

Наконецъ, все приготовлено, наступаетъ день свадьбы.

Утромъ въ домѣ жениха собираются его знакомые и родные; онъ имъ всѣмъ, безъ изъятія, долженъ поклониться до земли, на что тѣ ему говорятъ: «Нехай цебе Богъ благословиць счасьцемъ, долей и вѣкомъ довгимъ». Отецъ же и мать говорятъ ему: «Глядзи-жъ ты, Езепка, насъ, бацько и матку, шануй.... живи *хороше*, гэтакъ якъ и впередъ живъ, то цебе и Богъ благословиць, и людзи будуць гоноровацьг». Затѣмъ снимаютъ икону и отецъ и мать по очереди благословляютъ ею сына, который въ это время кланяется имъ до земли. Окончивъ благословеніе, родители сажаютъ сына въ почетный уголъ, или, по выраженію крестьянъ, «на покуцѣ», на подостланномъ кожухѣ, и начинается маленькое угощеніе, въ которомъ впрочемъ Езепъ не участвуетъ. Вслѣдъ за этимъ угощеніемъ всѣ отправляются въ церковь.

Оставимъ ихъ пока идущими въ церковь и посмотримъ, что дѣлается въ это время въ домѣ невѣсты.

Тамъ тоже собрались родные, сосѣди и молодыя дѣвушки, помогавшія невѣстѣ чесаться, одѣваться и проч. Нарядившись, невѣста, обыкновенно съ распущенной косой, кланяется всѣмъ своимъ подругамъ и цѣлуется съ ними въ знакъ дружбы и всѣ вмѣстѣ плачутъ, причитывая объ ожидающей ея долѣ. Затѣмъ невѣста становится впереди, а дружки, по старшинству, за нею гуськомъ, держась за концы платковъ. Подойдя къ двери комнаты, сватъ перебрасываетъ черезъ порогъ платокъ и даетъ

конецъ его въ руки невѣсты, произнося при этомъ вслухъ: «Благословице, бацько и маци и вся *весёда*, молодую на посадъ весьци». Отецъ говоритъ: «Нехай цебе Богъ благословиць!» Сватъ въ томъ же порядкѣ вмѣстѣ съ дружками ведетъ невѣсту въ комнату, гдѣ ее и исповѣдуютъ, а именно: она должна чистосердечно сознаться, честно ли вела себя до брака, и если окажется нечестною, то лишаютъ ее возможности сидѣть на посадѣ, что, разумѣется, служитъ къ чувствительному огорченію родителей. Окончивъ этотъ обычай, невѣсту сажаютъ на покрытую кожухомъ дежу (квашню), гдѣ она сидитъ нѣсколько времени закрывши лицо платочкомъ, а дружки между тѣмъ поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Лецѣли гу́сочки черезъ садъ,
Крикнули, гу́кнули на весь садъ:
«Часъ табе, Аўдоцька, на посадъ».
— Да што же вамъ, гусачки, до того?
— Есть у мяне ба́цюкна для того;
— Да ёнъ жа мнѣ радочку порадзи,
— Ёнъ мене на посадъ посадзи,
— Ёнъ мнѣ дзѣжачку постави — я и сяду.
Перейдзе сцежачку, — я й пойду,
Ни такъ жа я пойду, якъ стою:
Треба мнѣ шкляночки повненькой,
Треба мнѣ кубачка повнаго,
Треба мнѣ бацюхна ро́дного.

Ср. выше, стр. 193, № 1.

Если невѣста сирота:

3.

Заграйце музыка жа́лосне,
Постаньце бояре роскошне!
Постаньце бояре да ўсѣ въ радъ,
Будзе ици молода Аўдоцька на поса́дъ,
Низенько *голуовку* кланяючи,
Дробненьки слёзки роня́ючи.
Вся ее головка ў квѣцѣ,
Нима *ее* бацюхны на свѣцѣ,

Вся ее *голоўка* ў вѣно́чку,
Нима ее бацюхны въ домо́чку:
Якъ бѣла лялѣя глыбока,
Такъ ее бацюхна далека.

Ср. выше, стр. 194, №

Затѣмъ сватъ говоритъ: «Благословице бацько и матка, вся *весёда*, молодую подъ вѣнецъ весьци». Отецъ беретъ въ руки икону и ею благословляетъ дочь, которая лежитъ у его ногъ. Также поступаетъ и мать. При этомъ отецъ говоритъ дочери слѣдующее: «Ну, Аўдоцька.... ты уже идзешъ ў церкоў и тамъ повѣнчаешъся.... глядзи-жъ, будзь ласкова со ўсѣми.... слухай *ко͡ўжнаго*.... не заслуживайся, капъ цебе называли благою.... Богъ вѣдая, якая цебѣ спотыкая доля». Невѣста кланяется также и всѣмъ присутствующимъ, которые, съ своей стороны, высказываютъ ей такія же благія желанія, какъ и ея родители.

Вслѣдъ за этимъ совершается хожденіе около стола, и именно такъ: братъ невѣсты, если есть таковой, а если нѣтъ, то кто-нибудь изъ родныхъ берется за одинъ конецъ платка, а другой даетъ невѣстѣ; за ней въ такомъ же порядкѣ слѣдуютъ дружки и всѣ вмѣстѣ обходятъ вокругъ стола три раза, останавливаясь каждый разъ передъ иконой, чтобы перекреститься. Потомъ всѣ садятся за столъ и начинается угощеніе. Невѣста, какъ и женихъ, сидятъ, въ красномъ углу, она на подостланномъ кожухѣ, и также *поститъ*. Дѣвушки въ это время поютъ слѣдующую пѣсню:

4.

Да не выпивай кубка до дзенца́,
Да выпраўляй мене до вѣнца.
А прями цёплую шубу,
Да выпраў мене до шлюбу,
Бо у мене мой цещь горды,
Да не пусьциць на дворъ скоро,
Да ни коня вороного,
Да ни мене молодого,
Ни дзѣвчиначки мое,
Да не оддасьць дочки́ свое и т. д.

Тутъ ужь непремѣнно есть музыкантъ, который на своей скрыпицѣ играетъ тó, что они поютъ. Всѣ съ музыкой отправляются въ церковь, соблюдая тотъ же порядокъ, въ какомъ они шли за столъ. Вѣнчаніе въ церкви идетъ обычнымъ порядкомъ. Вѣнцы надъ головами молодыхъ обыкновенно держатъ ихъ родные или двоюродные братья, сваха же держитъ верхушку съ булки хлѣба, въ которую вставлены двѣ зажженныя свѣчи. Послѣ церковнаго обряда молодая должна оттащить ногами *подножникъ*[1]) до самаго порога (это дѣлается, по повѣрію крестьянъ, для того, чтобы дружка скорѣе вышла замужъ). По выходѣ изъ церкви молодой опять берется за одинъ конецъ платка, за другой — молодая, за ней шаферы и такимъ образомъ гуськомъ идутъ домой, въ сопровожденіи своихъ дружекъ, которые при акомпаниментѣ скрипки, поютъ слѣдующія пѣсни:

5.

Ой радъ радзенекъ Езепка,
Што ў Божумъ домѣ побываў, 2
Да съ правое рученьки персьцень сняў.
Носи, носи здорова персьцень мой,
Бо я цеперъ у цебе вѣчный твой.

6.

Да хвала-жъ Табѣ, Боже,
Што мы попа ошукали, и т. д.

7.

«Бацюкна родненьки!
«Перемай на ганочку,
«Расьцели китаечку,
«Развяжи бѣлы ручки,
«Размѣняй персьценочки».
— Мое дзиця! лѣпи табѣ долю дацъ,
— Нижли ручки развязацъ.

---

[1]) Кусокъ чистаго холста, аршина въ три или болѣе, нарочно постланный свахой на то мѣсто въ церкви, гдѣ назначено стоять молодымъ во время вѣнчанія. *Ш.*

Окончивъ торжественное шествіе, они останавливаются передъ воротами дома молодой (гдѣ бо́льшею частью совершается и самая свадьба). Здѣсь кладутъ крестообразно два пучка соломы, зажигаютъ ихъ и черезъ этотъ огонь переводятъ молодыхъ во дворъ. Подойдя къ сѣничнымъ дверямъ, сватъ, у котораго за поясомъ виситъ кнутъ для водворенія порядка, даетъ знать о прибытіи новобрачныхъ словами: «Гоцъ! гоцъ!» Въ это время выходитъ навстрѣчу мать молодого въ вывороченномъ шерстью вверхъ кожухѣ и, обмакнувъ въ находящійся у нея въ стаканѣ медъ мизинецъ, подноситъ его, дразня, къ губамъ молодыхъ, и только за третьимъ разомъ даетъ имъ его облизать. Дружки въ это время поютъ:

8.

Ой знаци, знаци,
Што чужая маци
Не хоче приняци
Чужого дзицяци.
Вывернула кожушокъ,
Да хоче спужаци.
«А я цебе маци ни боюся,
«Низко въ ножки поклонюся» и т. д.

Тутъ является какой-нибудь мальчикъ, конечно изъ родныхъ, и выхватываетъ у старухи стаканъ съ медомъ, съ тѣмъ, чтобы, забравшись въ какой-нибудь укромный уголокъ, полакомиться всласть. Эта выходка мальчика вызываетъ громкія рукоплесканія со стороны присутствующихъ. Здѣсь же начинается угощеніе молодыхъ и гостей брагой. Затѣмъ идутъ въ комнату, гдѣ по старшинству всѣ гости занимаютъ мѣста за столомъ и начинается угощеніе, или, какъ говорятъ крестьяне: *банкетъ*.

Пиршество продолжается оживляясь все болѣе и болѣе, тостъ за здраіве молодыхъ непрестанно повторяется. Веселые разговоры подгулявшихъ, пѣніе дружекъ, крикливые голоса женщинъ, игра музыкантовъ, непрерывное провозглашеніе сватомъ слова: «гоцъ, гоцъ!» — все это сливается въ одинъ общій разноголосный гулъ, который съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе увеличивается. Въ это время начинаютъ торговать молодую

съ цѣлью выкупить ее у брата и дружекъ. Выкупъ этотъ совершается слѣдующимъ образомъ: сватъ, взявши чашку, кладетъ въ нее 5 копѣекъ и, накрываетъ ее булкой хлѣба, наверху которой ставитъ рюмку водки и все это подноситъ брату молодой съ слѣдующими словами: «На, Трохишка, возьми за свою сестру госьцинецъ, да не журися».

— Моя сестра ни гэтакая дзешовая, капъ я за дзисятку оддаў, — на сабѣ бери назадъ гэта

— И, яки-жъ ты горды.... на цеперъ уже бери, да и напійся горѣлки.

— Да я табѣ кажу, што николи ни оддамъ и за двацпатку.

— Да уже якъ сабѣ хочешъ, а мусишъ оддаць, бо уже бачь самъ, ни рана, еще-жъ и тыхъ козъ треба *улагодзиць*, на циперака бери и горѣлки напійся.

— Ну што зробиць, нима якъ *жупиць*, треба уже оддаць за золотоўку, ци што.

Такимъ образомъ онъ беретъ 15 коп., выпиваетъ водку и, въ знакъ благодарности, цѣлуется со сватомъ и сестрою. Въ это время дружки поютъ слѣдующую пѣсню:

9.

Торговый маршалокъ, торговый:
За горой козы торговаў,
Молоду дзѣвачку выкупляў.
Не тýпай, маршалокъ, не тýпай!
По колѣни землю вытопчешъ,
Покуль молодую выкупишъ.
Не гнися, маршалокъ, не гнися,
Покаци таляръ по мисѣ.

10.

Казали сваты богаты,
Ажно сваты худаки,
Да по ельничку ѣздили,
По вѣничку вязали,
Ў нашемъ N продавали,

Молоду дзѣвачку выкупляли,
Сами ены́ пѣшкомъ ишли,
Молодую ў мѣшку несли.

Точно также сватъ подноситъ деньги дружкамъ со словами: «Наце, мое паннaчки, возьми́це и горѣлачки выпьеце».

— Ахъ ты, стары, еще хо́че насъ, молодыхъ, ошукаць! идзи, коли хочь гдзѣ-нибудзь достань другую молодую, и мы за поўзлотку не оддадзимъ *свае* Аўдо́цьци.

— Ахъ вы, *тарада́нскiя* козы, аще ены будуць сопроціў-ляцца и отсылаць назадъ даръ Божій. Ну што зъ вами зроби́ць? берице изноў.

Подбавивъ немного денегъ, онъ вновь имъ предлагаетъ, на што тѣ и говорятъ ему:

— Капъ ты-жъ, якъ будзешъ ѣхаць, то и колёсы сабѣ поломаў и ногу выкруціў, коли даешъ, якъ бы на смѣхъ сорокоўку, — на сабѣ назадъ: мы при своемъ, а ты при своемъ.

— Ну вже цеперъ угадайце, ни бачіўши кольки я положу сюды, да и берице.

— Яки-жъ ты разумны, лѣпи покажи.

— Коли такъ, то я вамъ ничагусинки ни дамъ.

Обращаясь къ молодой:

— Пойдземъ, Аўдоцьця, нихай ены сѣдзяць, якъ *патаро́чи*.

— Не, я не пойду, отвѣчаетъ на это молодая, — покуль ихъ не улагодзишъ.

— Ну што-жъ будзе? наце цеперика да и выпьемъ горѣлки.

— Ну што дзѣўки, ничего не зроби́ць, возьмемъ, возьмемъ уже дваззлотку, ци якъ уже возьмемъ.

Молодая стало быть выкуплена и дружки на радостяхъ цѣлуются съ молодою и молодымъ. Теперь молодыхъ ведутъ спать въ сарай или въ амбаръ. Это совершается въ такомъ порядкѣ: старыя женщины ведутъ изъ комнаты молодую, которую въ это время дружки выгоняютъ платками. Выведенная такимъ образомъ изъ комнаты молодая окружается толпою женщинъ, которыя, при пѣніи пѣсенъ, подобныхъ слѣдующей:

11.

«Да вжей матка въ клѣць ведуць!»
— Циха, дзѣтки, цацку дадуць!
«Да вжей, матка, чир.... развязаў».
— Циха, дзѣтки, такъ Богъ приказаў,

и пр. ведутъ ее на назначенное мѣсто, гдѣ она кланяется всѣмъ присутствующимъ тамъ до земли. Въ это время, забывъ всякое приличіе и стыдъ, женщины снимаютъ съ молодой все платье и надѣваютъ на нее другую рубашку; затѣмъ, указавъ ей мѣсто на постели, онѣ, послѣ краткаго наставленія относительно повиновенія жены мужу, — ее оставляютъ тамъ одну. Такимъ же образомъ ведутъ туда же и молодого, только его не раздѣваютъ, предоставляя этотъ обычный трудъ ему самому. Что дальше — я не знаю; знаю только то что молодая обязана тамъ же, во временной своей спальнѣ, снять у молодого сапогъ съ правой ноги и еще то, что архитриклинъ поминутно подходитъ къ воротамъ сарая (въ которомъ находятся наши затворники) и, стуча въ нихъ, произноситъ: «гоцъ!» Въ комнатѣ же въ это время молодые парни и дѣвушки шумятъ, смѣются, пляшутъ «барыню», польку, а чаще всего «казачка».

Въ это же время свахи начинаютъ приготовлять коровай. Для этой цѣли муку просѣваютъ сквозь густое сито, такъ вольно, т. е. не трутъ ея руками объ сито. Затѣмъ *расчиняютъ*, какъ слѣдуетъ, только каждая сваха обязана подбивать нѣсколько тѣсто. Пѣсенъ въ это время поютъ много и по большей части непечатныхъ, — вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

12.

Я-жъ была коровайничка,
Я-жъ умѣла коровай расчиняць:
Ручками да бѣленькими.
Перстнями золоценькими и т. д.

13.

Ў садзѣ, ў садзѣ да въ зеленомъ руцѣ,
Скаче коничекъ ў шелковумъ пуцѣ.

Ѣхаў Езепка, засмѣяўся:
«Чаму мой ко́ничекъ разгуляўся?
«Нехай мой ко́ся по росѣ поска́че,
«Нехай молода Аўдоцька по косѣ по́пла́че,
«Нехай мой коникъ по росѣ гарцу́е,
«Нехай дзѣвочка по косѣ бѣду́е.»

14.

Нашъ маршалокъ горда пышны,
Не ѣсьць мяса, ни слонины,
Ўзяў ружейко на плечки,
Пошоў сабѣ коле́ лѣсу.
Въ цемномъ лѣсѣ забіў ло́ся,
Подъ е́лочкой дзвѣ бѣлачки,
Длѣ крыницы — дзвѣ куницы,
Середъ добри́ — забіў бобри́,
А соро́ку — середъ то́ку.
Пошіў шубу жанѣ и сабѣ,
А зъ оста́нку — ката́нку,
А зъ хвосто́чки — ногавицы,
А зъ лапочекъ — рукавицы.

15.

Въ огородзѣ макъ поломаўся,
До дзѣвакъ Езепъ прикасаўся.
Собралися дзѣўки поганки,
Привезали Езепа до лаўки
Бронь Боже языкъ одорвецця,
Негдзѣ будзе дзѣўкамъ подзѣцця.

Расчинивши коровай, его сажаютъ въ печь. Окончивши печеніе коровая, все собраніе, съ музыкой, идетъ поднимать молодыхъ. На молодую женщины одѣваютъ чистое бѣлье. Рубашку, въ которой она ночевала, сваха свертываетъ въ катокъ, обвязываетъ ее красной ленточкой и кладетъ на чашку, наполненную рожью; все это называютъ *корогодомъ*, который служитъ основаніемъ всей свадьбы. Затѣмъ всѣ, не исключая молодыхъ, идутъ въ хату. Тамъ пьютъ *солодкую* водку. Въ это время родители мо-

лодого или молодой, смотря по тому, гдѣ совершается свадьба, тутъ не присутствуютъ, поэтому къ нимъ отправляютъ *корогодъ*. Освидѣтельствовавши его, они кладутъ на него какой-либо подарокъ и отсылаютъ назадъ.

На другой день вечеромъ начинается дѣленіе коровая, которое происходитъ такъ: маршалокъ вноситъ на головѣ коровай и, провозглашая обычное: «гоцъ!», ставитъ его на столъ и начинаетъ дѣлить. Взявъ въ руки кусочекъ коровая и кусочекъ сыра, онъ кладетъ ихъ въ чашку и подноситъ, положимъ, къ дядѣ молодого съ такими словами: «У нашаго пана молодого есьцека дзядзька Кузьма Макуцикъ, такъ не забываемъ — короваемъ посылаемъ: проша! проша». Кузьма беретъ поднесенное и въ ту же чашку кладетъ копѣекъ 5 — 10, или же обѣщаетъ молодымъ дать пару гусей, полъ осьмины ржи и т. п. и тутъ же благодаритъ молодыхъ и ихъ родню слѣдующими словами: «Дзякуй пане млоды и пани млода и табѣ, Сьцепанко, дзякуй и табѣ, Параска, и табѣ, малое, што ў колыбели». — Молодые тоже выражаютъ свою благодарность жертвователю. Тутъ нужно прибавить, что обыкновенно тотъ, кому подносятъ коровай, кладетъ еще особо копѣйку или двѣ «маршалку за труды».

Такимъ образомъ дѣленіе коровая продолжается въ означенномъ порядкѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ не получатъ, по ихъ выраженію, «по ковалачку весельнаго госьцинца». Нужно замѣтить при этомъ, что у нашихъ крестьянъ такой обычай: приглашенный на свадьбу несетъ съ собою полъ осьмины ржи и въ продолженіе цѣлаго дня пьетъ много водки «за полосьминку»; на другой же день несетъ только чашку ржи, за то и водку пьетъ меньше, хотя она составляетъ у нихъ главный предметъ угощенія. Когда на свадьбѣ не было недостатка въ водкѣ, то обыкновенно послѣ каждый изъ приглашенныхъ говоритъ: «Весельле у Сцепана было отъ дзивяче гоже, дакъ гоже: горѣлки хоць залися».

На третій день свадьбы молодую везутъ къ молодому, вмѣстѣ съ ея приданымъ, заключающимся въ сундукѣ. Это совершается такъ: на одинъ возъ кладутъ сундукъ, покрытый кожухомъ, на

него садятся братъ молодой и музыкантъ; на другой возъ садятся свахи, на третій — молодые и нѣкоторые изъ родныхъ. Когда, простившись съ родителями, молодые выѣзжаютъ со двора, то мать кнутомъ выгоняетъ ихъ отъ себя. Музыкантъ играетъ свои обыкновенныя пьесы, пособляя пѣть свахамъ слѣдующія пѣсни:

16.

А ни стуку, ни груку,
Повезли молодую, якъ суку, и пр.

17.

Чаму N ни *пришоў*,
Чаму ни *пріѣхаў*?
Ци коня *не мпў*?
Ци матка не пущала?
Меншая сестра
Капъ замужъ пойшла,
Дакъ тая не пущала:
Не ѣдзь брацейко,
Не ѣдзь родненьки,
Бо коники потрацишъ.
Страцишъ коника родненькаго,
По полю гарцуючи,
Стопчешъ боцики козловенькіе,
Съ дзѣўками танцуючи,
Сотрешъ шапочку бобровеньку,
Голоўку кланяючи,
Змочишъ хустачку шоўковеньку,
Слёзки уцираючи.

18.

У нашаго свата
Да зъ явору хата:
Ни клѣци, ни повѣци,
Негдзѣ скрыни подзѣци, и т. д.

Подъѣзжая къ самой двери хаты молодого, братъ молодой и музыкантъ остаются сидѣть въ повозкѣ на сундукѣ, въ ожиданіи пока имъ не дадутъ вознагражденія за труды, или, по ихъ выраженію, «за турбацу». Имъ даютъ деньги или длинные утираль-

ники, которыми они обвиваютъ себѣ плечи, спуская два длинные конца до земли. Гулянье здѣсь идетъ обыкновенное, только къ вечеру молодую учатъ носить воду и прясть. Сватъ беретъ новое ведро и несетъ его къ колодцу, въ сопровожденіи музыканта, гостей и молодой, которая помогаетъ ему несть. Набравъ воды, молодая обязана повѣсить на коромысло наметку (въ даръ тому человѣку, кому принадлежитъ колодезь), а воду съ музыкой и пѣснями несутъ домой, гдѣ ее и пьютъ.

Затѣмъ молодую учатъ прясть: берутъ новую прядилку, навязываютъ на ней немного хорошаго льна и на ней-то молодая должна выпрясть нѣсколько нитокъ.

Свахи въ это время поютъ:

19.

Казали намъ людзи,
Што наша Аўдоцька —
Ни ткаха, ни праха.
Ажъ наша Аўдоцька
Тонко прала,
Звонко ткала,
И бѣло бѣлила,
И всѣхъ сватовъ подзѣлила.

Потомъ прядилку забрасываютъ черезъ трубу на крышу, гдѣ она и остается.

Дальнѣйшій обрядъ свадьбы состоитъ въ томъ, что молодые съ пирогами ѣздятъ гостить къ родителямъ и роднымъ. Это называется перезовы.

Записалъ ученикъ III-го класса молодеченской учительской семинаріи Анастасій Кипріяновичъ.

X.

Новогрудскаго уѣзда.

Парень, задумавшій жениться, приглашаетъ, разумѣется, съ предварительнаго вѣдома своихъ родителей, кого либо изъ сосѣ-

дей или родственниковъ, въ сваты, и взявъ съ собою бутылку водки съ закуской, отправляется вмѣстѣ съ нимъ въ домъ родителей невѣсты, понравившейся ему пріятной наружностью, состоятельностью, трудолюбіемъ и хозяйливостью, качествами, которыми дорожитъ всякій изъ современныхъ деревенскихъ парней. Пришедши или пріѣхавши туда, они какъ водится помолятся на образа, поздороваются, потомъ поставятъ на столъ бутылку водки и положатъ кусокъ хлѣба. При этомъ сватъ спрашиваетъ родителей дѣвицы: согласны ли они выдать дочь за мужъ за этого парня? если они показываютъ видъ, что не очень-то согласны, то сватъ всѣми силами старается уговорить ихъ согласиться, и если ему это удастся, то послѣдніе говорятъ, указывая на дочь: «коли яна скаже, што пойду, то и мы позволимъ». Послѣ этихъ словъ сватъ обращается къ дѣвицѣ и спрашиваетъ: «чи пойдзешь за яго замужъ»? Она обыкновенно не смотритъ ему въ глаза, а, обернувшись задомъ ко всѣмъ, ничего не говоритъ, только пальцемъ ковыряетъ стѣнку. Сватъ употребляетъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы добиться отъ дѣвушки согласія: выхваляетъ своего *дзѣцюка*, что онъ-де хорошаго поведенія, хорошаго характера, спокойный, богатый и т. п., пока наконецъ не услышитъ отъ нея: «якъ бацькѣ, такъ и я». Тогда мать невѣсты беретъ со стола водку и хлѣбъ, привезенные женихомъ, а дѣвушка накрываетъ столъ скатертью, ставятъ свою водку и кладутъ хлѣбъ. Затѣмъ сватъ говоритъ: «Напродъ пана Бога, покуця святого, пане ойче, пани матко, благословице и позвольце геты трунакъ пици». Родители на это отвѣчаютъ. «Нехай Богъ благословиць». Эти слова они повторяютъ три раза и каждый разъ говорятъ по командѣ свата: «други разъ», «треци разъ». Послѣ благословенія начинаетъ пить.

Это бываетъ или въ субботу или въ воскресенье и называется «малая водка» или «запоины». Надо замѣтить что послѣ запоинъ, если дѣвка *раздумается* и не захочетъ выйдти замужъ за этого парня, то должна возвратить потраченное женихомъ на запоины.

Около четверга той же недѣли, молодой со сватомъ, взявъ съ собою въ большемъ, противъ перваго раза, количествѣ водки, опять отправляются въ домъ невѣсты и тамъ ее распиваютъ; закуска же на этотъ разъ должна быть со стороны молодой. Эта попойка называется: «вяликая водка».

Послѣ двухъ-трехъ такихъ попоекъ, женихъ отправляется къ приходскому священнику того прихода, откуда невѣста, даетъ ему 15 или 20 копѣекъ съ тѣмъ, чтобы онъ объявилъ въ церкви народу о томъ, что такой-то желаетъ вступить въ бракъ съ такою-то, оттуда-то. Такого рода оглашеніе (заповѣдь) священника объявляется три раза, т. е. въ продолженіе трехъ воскресныхъ дней. Затѣмъ устраиваютъ *«заручины»*, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: въ домъ родителей невѣсты собираются со стороны молодого сватъ, *свация* (или иначе выбранная женщина изъ среды знакомыхъ или родственниковъ и называемая *маткою*), «дружко», а со стороны молодой, кромѣ родителей, нѣкоторые изъ сосѣдей и устраивается опять попойка, на которой и выпиваютъ водки изрядное количество, гарнцевъ до 10 и болѣе; водка покупается женихомъ, закуска же бываетъ со стороны невѣсты. На заручинахъ иногда, или лучше сказать въ нѣкоторыхъ деревняхъ, молодые мѣняются перстнями, преимущественно же заручины состоятъ только въ попойкѣ. На заручинахъ или даже передъ ними обѣ стороны уговариваются какъ о матеріальныхъ условіяхъ свадьбы, такъ и о самой свадьбѣ, о свадебныхъ подаркахъ и наконецъ о приданомъ. Если дѣвушка согласится дарить родителей молодого и всю его *дружбу*, то молодой также долженъ стараться приготовить подарки для молодой — своей невѣсты. Подарокъ молодого состоитъ изъ пары башмаковъ и чулковъ съ подвязками. Нерѣдко и послѣ заручинъ, дѣвица, раздумавъ, отказывается отъ свадьбы, въ такомъ случаѣ она обязана возмѣстить жениху всѣ понесенные имъ убытки. А если послѣдній этого не пожелаетъ, то всѣ его расходы пропадаютъ.

Для церковнаго обряда бракосочетанія обыкновенно избирается воскресный или праздничный день. Наканунѣ этого дня,

родители дѣвушки приглашаютъ къ себѣ въ домъ женщинъ сосѣдокъ, потчуютъ ихъ вволю водкой и закуской и затѣмъ просятъ ихъ *расчинить* коровай. Сосѣдки тотчасъ приступаютъ къ дѣлу такъ: приносятъ *дежу* муки и выбираютъ изъ своей среды одну, которая получаетъ названіе «коровайница». Она въ присутствіи всѣхъ говоритъ: «напродъ пана Бога, *покуця* святого, пане ойче, пани матко, панови пріяцели, панови сусѣдзи, проша гетому дзицяци благословици, коровай расчиници». Всѣ отвѣчаютъ: «Нехай Богъ благословицъ!» Это, по командѣ коровайницы, повторяется три раза. И опять всѣ: «Нехай Богъ благословицъ!» Послѣ благословенія расчиняютъ коровай и поютъ:

1.

Подыходзь, подыходзь, нашъ коровай
Да вышей печи муравой,
Да вышей стоўпа золотого,
Да вышей князя молодого.

Расчинивши коровай, выпиваютъ еще водки и расходятся по домамъ. Это обыкновенно бываетъ въ субботу вечеромъ и называется: «дзявичи вечаръ». Утромъ, въ день свадьбы, молодая съ другою дѣвицею, называемою въ этомъ случаѣ «дружкою», наряжаются въ свадебное платье и отправляются по деревнѣ, заходятъ въ каждую избу, гдѣ молодая, кланяясь всѣмъ, отъ мала до велика, проситъ благословенія. На это ей обыкновенно отвѣчаютъ: «Нехай Богъ благословицъ». Обошедши такимъ образомъ всю деревню, молодая съ дружкою и свахою забираются въ особую комнату, если она есть въ избѣ, и тамъ, въ ожиданіи жениха, наряжаются и приготовляются къ вѣнцу. Пріѣзжаетъ женихъ со сватомъ и дружкою. Послѣдніе, посидѣвъ немного, отправляются въ ту комнату, гдѣ невѣста, даютъ ей въ руки одинъ конецъ небольшаго бѣлаго платка, за другой берутся сами, да еще и сваха, также: сватъ, дружко, дружка и ведутъ ее къ порогу. Остановившись предъ нимъ, сватъ говоритъ: «Напрадъ пана Бога, покуця святаго, пане

ойче, пани матко, панове пріяцели, панове сусѣдзи, проша гетому дзицяци благословици въ хату войсьци!» Всѣ говорятъ три раза: «нехай Богъ благословиць!» Послѣ благословенія молодая входитъ въ хату и кланяется всѣмъ безъ исключенія, и каждый говоритъ: «нехай Богъ благословиць!» А людей въ это время въ хатѣ бываетъ не мало, всѣ любопытствуютъ видѣть, какъ отправляютъ невѣсту къ вѣнцу. Затѣмъ молодая по указанію свахъ садится на ту дежу, въ которой расчинили коровай. Это называется «сѣсть на посадъ». Но прежде, чѣмъ посадятъ молодую на посадъ, сватъ испрашиваетъ для нея благословеніе у всѣхъ присутствующихъ. А когда наконецъ ее посадятъ на посадъ, то поютъ:

Да ляцѣли гусачки черасъ садъ, и т. д.

Посадивъ невѣсту на посадъ, выбранный или родной ея братъ беретъ восковую свѣчу, а сватъ возглашаетъ: «Напродъ пана Бога, покуця святого, пане ойче, пани матко, панове пріяцели, панове сусѣдзи, проша благословици молодую постригчи!» Всѣ говорятъ три раза: «нехай Богъ благословиць!» Получивъ благословеніе, братъ обноситъ свѣчу вокругъ молодой три раза и послѣ поджигаетъ понемногу волосы крестообразно тоже три раза. Затѣмъ всѣ садятся за столъ и начинаютъ пить водку и закусывать, послѣ чего собираются ѣхать къ вѣнцу. Въ это время поютъ:

3.

Поѣзждай сужонко ў дорогу,
Проси свойго войчинька вспомогу.
«Вспоможи, войчинька, вспоможи,
«Битаго талера положи».
— Нехай табѣ, дзицятко, Богъ ўспоможе
— На моемъ першомъ порозѣ,
— У той счасливой дорозѣ.

Предъ самымъ отъѣздомъ выбранный говоритъ: «напрадъ пана Богъ покуця святого, пане ойче, пани матко, панове сусѣдзи, панове пріяцели, проша благословици гетому дзицяци до шлюбу выѣзджацы». Всѣ говорятъ обыкновенно три раза: «нехай Богъ бла-

гословиць!» Надо замѣтить, что какъ молодой подстригаетъ волосы братъ, такъ и молодому сестра. Послѣ всего этого молодые садятся на повозку, запряженную парою лошадей; сватъ въ это время беретъ бутылку водки, наливаетъ полную рюмку и, обносивъ ее три раза вокругъ повозки молодыхъ, выливаетъ ее на лошадей. Мать же насыпаетъ въ передникъ нѣсколько горстей ржи и съ нею въ одно время со сватомъ обходитъ тоже три раза вокругъ повозки молодыхъ и послѣ засыпаетъ имъ немного за воротникъ. Затѣмъ сватъ другой разъ обноситъ рюмку водки вокругъ повозки и даетъ каждой лошади пить или хоть понюхать водки. Въ это время пѣвицы поютъ:

4.

Сестра брату коня съ двора звела,
Добрую долю дала.
«Вотъ табѣ, братко, дорожка,
«Якъ дожка.
«Колеинка, якъ стрѣлка.
«Ѣдзь мой ты братко
«Якъ дзѣцка!»

Обнесши водку вокругъ воза, сватъ наливаетъ ее изъ бутылки въ рюмку и всѣ поочереди пьютъ, пока она не выйдетъ вся. Затѣмъ, благословивши еще разъ молодыхъ прежнимъ порядкомъ, отправляютъ ихъ къ вѣнцу. Дорогою поютъ:

5.

Ксенже, ксенже, ойче нашъ,
Одчини церкоўку проци насъ.
Да коли приступишъ — одчинишъ,
Да коли приступишъ — звѣнчай.
Ясныя свѣцы на аўтары стали,
А дробныя слезки на зямли пали.
Ясныя свѣцы да загорѣлися,
Дробныя слёзы да покацилися,
Да на землю пали, крамни разбили,
Пясочакъ размыли.

Крамянецъ рабеньки,
Пясочекъ жоўценьки.

По пріѣздѣ въ церковь, передъ вѣнцомъ, сваха беретъ кусокъ полотна въ 3 аршина или болѣе и постилаетъ его въ церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ вѣнчать. Послѣ вѣнца молодые выходятъ изъ церкви и садятся въ повозку къ отъѣзду. Молодыя дѣвушки, собравшіяся посмотрѣть свадьбу, выходя изъ церкви, ногами стараются вытянуть на дворъ то полотно, на которомъ стояли подъ вѣнцомъ молодые.

Когда ѣдутъ изъ церкви домой, поютъ:

6.

Радъ сужонко, вельми радъ,
Што ў боскомъ домѣ побываў,
На бѣломъ ручнику постояў,
Съ своей дзѣванькой шлюбъ ўзяў,
Съ правой ручки персьцёнки посмѣняў.

7.

Ци была дзѣўка ў боскомъ домѣ,
Ци пытала дзѣвачку боскаго слова?
Пытали дзѣвачки
Мусяла промовиць.
Ясныя свѣцы да загорѣлися,
Дробныя слёзы покацилися,
Да на земли пали,
Крамни разбили,
Крамни разбили,
Пясокъ размыли.
Крамянецъ сѣреньки.
Пясочекъ бѣленьки.

8.

Съ подъ гаю зеленого,
Съ подъ вишання чирвоного,
Не соколикъ вылятае, —
Сивы коникъ выбягае;
Сивая зюзюлька вылятая,

А сужонко на конику выѣзджае.
Подъ имъ коничекъ бро́пць,
Копы́цечкомъ зямлю кропць.
«Коню мой, коню, не брой подо мной,
«Копы́цечкомъ зямли не крой.
«Кроцца на моимъ сердачку,
«Што я безъ роду, безъ плямени,
«Безъ родного войчанька.
Зюзюлька си́венька,
Твоё крыленько подвязано,
А ножачки спутаны.
Просиць сиваго сокола:
«Развяжи мое крылейко,
«Распутай мое́ ножки».
— Зюзюлька сивенька,
— Чаму дау́ней не казала,
— Якъ крыленькаў не вязали,
— А ножекъ не путали?
Зъ подъ церкоўки, зъ подъ косцёла
Выязджала молодая дзѣвочка,
Яе ручки звязаны, яе коски сплецены,
Персьцёночки помѣняны,
Яна молодая звѣнчана,
Просиць своей родной маточки:
«Да маточка моя родная!
«Развяжи мое ручки,
«Да сплящи мое коски,
«Размѣняй персьцёночки».
— Дзиця моё маленькое!
— Чаму даўней не казала,
— Якъ ручакъ ня вязала,
— Косокъ твоихъ ня сплятала?
— Ня развяжу твоихъ ручакъ,
— Ня расплятy твоихъ косокъ,
— Ня развѣнчаю цябе, молодзенька,
— Ты звѣнчана зъ чужимъ чужаницаю,
— Съ своею вѣчною *полавицею.*

Послѣ проводовъ молодыхъ къ вѣнцу, въ избу собираются женщины и нѣкоторыя дѣвицы — коровай мѣсить. Та женщина,

которая мѣситъ главный коровай, называется *старшею* коровайницею, другая, которая мѣситъ пшеничный, называется *младшею* или просто другою старшею, а которая мѣситъ остальные, называется тоже третьею старшею. Приготовившись къ короваю, старшая коровайница говоритъ: «напродъ пана Бога, покуця святого, пане ойче, пани матко, панови сусѣдзи, панови пріяцели, проша басловици, молодому дзицяци коровай расчиняци». Всѣ отвѣчаютъ: «Нехай Богъ басловиць» (три раза). Послѣ благословенія начинаютъ мѣсить коровай, предварительно выпивъ водки. Коровай мѣсятъ старшія коровайницы, а остальныя лѣпятъ изъ тѣста украшенія — шишки и т. п. При этомъ поютъ:

9.

У нашаго господара
Кудравая голова,
Ёнъ кудзерками потрясе,
Намъ горэлочки принясе и т. д.

Хозяинъ тотчасъ имъ подноситъ водки. Онѣ живо ее выпиваютъ и опять принимаются за работу, продолжая неустанно пѣть разныя коровайныя пѣсни. Коровайницъ обыкновенно набираютъ отъ 5 до 11, но всегда въ нечетномъ числѣ. Короваевъ малыхъ приготовляютъ до 30, по числу лицъ, входящихъ въ составъ *дружбы*, именно: свату, свахѣ, дружкамъ и дружко, брату, сестрѣ и нѣкотор. другимъ. На каждый малый коровайчикъ налѣпливаютъ по 2 или по 3 и болѣе шишекъ изъ тѣста для украшенія. Самый главный коровай ржаной, верхъ котораго накрываютъ пшеничнымъ блиномъ; кромѣ того, на него налѣпливаютъ множество шишекъ, птичекъ, которыя, когда его сажаютъ въ печь, прикалываютъ соломинками, чтобы не свалились. Большой коровай дѣлятъ обыкновенно въ концѣ свадьбы, предъ отъѣздомъ молодыхъ въ домъ молодаго. Замѣсивши коровай, его ставятъ *подойти*, при чемъ поютъ:

10.

Подыходзь, подыходзь нашъ коровай
Да вышей печи муравой,
Да вышей стоўпа золотого,
Да вышей князя молодого... и проч.

Когда наступаетъ время сажать коровай въ печь, то поютъ:

11.

Кухарко матко,
Завихайся гладко,
Коровай рогоче,
Да до печи хоче,
А печь рогоче,
Коровай хоче.

Чтобы посадить коровай въ печь приглашаютъ кого либо изъ мущинъ, и для этого даютъ ему лопату, устланную хмѣлемъ. По окончаніи этой операціи, онъ, закрывши печь, стукаетъ лопатою три раза въ потолокъ, причемъ еще каждый разъ подпрыгиваетъ. Посадивши коровай въ печь, коровайницы начинаютъ пить водку и обѣдать. Послѣ обѣда коровайницы поютъ:

12.

Дзякуемъ Богу,
Дай за даръ Божи,
Што ў гетомъ дому
Господаръ гожи,
Што пили, ѣли, —
Приспарай Боже,
А съ купы тачили,
Приспарай Боже.

Когда молодые пріѣдутъ изъ церкви, то мать молодой набрасываетъ на себя шубу, вывернувъ шерстью наружу, беретъ крышку отъ дежи, насыпаетъ туда рожь, кладетъ поверхъ ея кусокъ хлѣба и идетъ навстрѣчу, говоря: «басловляю и сустрѣчаю васъ дзѣтки житомъ, бытомъ, доўгимъ вѣкомъ, добрымъ здороўемъ, кабъ доўго жили, мяне ня забыли, одно одного шановали, што маю, тымъ ўстрѣчаю, и на бытъ добры и на вѣкъ доўги. Прошу Бога и добрыхъ людзкй басловиць, кабъ яны одно одного шановали и радзицоў успоминали». Молодые кланяются матери, а сватъ говоритъ: «кланяйцеся ўсѣмъ и старо̀му и мало̀му», и они кланяются всѣмъ, кто только есть въ избѣ. Когда войдутъ въ избу, сватъ сажаетъ молодыхъ за столъ, а

остальныхъ, принадлежащихъ къ свадьбѣ, лицъ вокругъ молодыхъ. Садясь за столъ, молодой ставитъ гарнецъ водки, а мать молодой съ своей стороны тоже ставитъ водку съ медомъ или съ масломъ и начинаютъ пить и обѣдать. За обѣдомъ поютъ много пѣсенъ и пьютъ водку тоже въ изрядномъ количествѣ. Послѣ обѣда всѣ благодарятъ родителей молодыхъ и близкихъ родственниковъ, а затѣмъ начинаютъ гулять, плясать и проч.

Послѣ гульбы, которая обыкновенно длится до поздней ночи, чуть-ли не до утра, молодой съ своею дружбою уѣзжаетъ къ себѣ домой и, тамъ запасшись въ достаточномъ количествѣ водкой и закуской, опять пріѣзжаетъ, какъ будто за молодой. Въ это время отецъ молодой ставитъ на столъ бутылку водки, а сватъ свою и вмѣстѣ съ нею пустую глиняную миску и говоритъ: «Напродъ пана Бога, покуця святого, пане ойче, пани матко, панове сусѣдзи, панове пріяцели, проша басловици, гэты трунакъ злучици». Всѣ говорятъ три раза: «нехай Богъ басловиць!» Затѣмъ выливаютъ водку изъ бутылокъ въ миску и послѣ ложкою наливаютъ въ рюмки и пьютъ. Спустя немного пріѣзжаетъ изъ дома жениха выбранный отецъ и сваха, привозятъ съ собою бутылку водки, убранный коровай и кусокъ мяса. Въ это время изъ дома невѣсты выходятъ собранные тамъ сосѣди и загораживаютъ ворота скамейкою, застланною кускомъ холста, на которомъ положенъ кусокъ хлѣба. Пріѣхавшіе, сходятъ съ воза, кладутъ на скамейку привезенные съ собою коровай, кусокъ мяса, и ставятъ бутылку водки. «Боже побаслови!» говорятъ имъ въ это время, на что они отвѣчаютъ: «нехай Богъ басловиць!» Тогда скамейку отставляютъ въ сторону и пріѣхавшіе въѣзжаютъ на дворъ. Къ нимъ на встрѣчу выходятъ родители молодой и говорятъ: «проша, сватки, до хаты, за мой столъ и за Боски даръ». Они входятъ въ хату, ставятъ на столъ коробку съ пирогами и другими яствами. Затѣмъ родители молодой ставятъ миску, а сватъ, или выбранный молодымъ вмѣсто отца (за отца), наливаетъ туда водки и всѣ родные начинаютъ пить, пока не опорожнятъ миску; затѣмъ сватъ снова ее наливаетъ водкою и обноситъ прежде

всѣхъ родныхъ, сидящихъ около стола, а послѣ выходитъ даже въ сѣни, гдѣ подноситъ всѣмъ безъ исключенія собравшимся тамъ гостямъ. Если женихъ богатый, то каждый выпиваетъ по 3 рюмки водки, если же бѣдный, то по одной. Послѣ этого отецъ молодаго вѣшаетъ на кнутѣ свата для молодой башмаки, чулки и другіе подарки, заготовленные для нея; а мать ея приноситъ много кусковъ полотна и разныхъ лентъ, которыми она и надѣляетъ свата, дружка и брата молодого. При этомъ она говоритъ: «Ня тутъ роблено, але куплено въ *Арданску*, гдзѣ ходзяць по панску, кабъ богаты были и родзицоў успоминали». Молодая надѣляетъ полотномъ деверей и говоритъ: «ня тутъ роблено, але куплено въ Арданску [1]), гдѣ ходзяць по панску, проша, кабъ было *пріенто* и *подзеньковано*». Затѣмъ молодая даритъ сестеръ молодого и дружекъ, причемъ и говоритъ: «обдарвае шелкомъ молодая и молодой, матка свое золувицы, кабъ одно зъ одного раилися и нигды ня журилися».

Во время даренія бабы поютъ:

13.

Збя́рися, збя́рися племячко,
Близкоё и далёкоё,
Старо́е и мало́ё,
Войчаньку на пара́даньку,
Дзѣвочцы на вяселяйко.
Да здарэце Марисеньку
Черными да овечками,
Даси на ўспомо́гу,
Марисьцы да ў дорогу.

Послѣ даровъ мать молодой садится на *стоўпъ* (на столбѣ, подпирающемъ потолокъ и имѣющемъ мѣсто для сидѣнія), беретъ миску и кладетъ туда юбку «андаракъ» (покупается гдѣ-либо въ городѣ изъ хорошей матеріи за 10 — 12 рублей). Сватъ говоритъ: «Змерзла матка, змерзла, на печь залѣзши; што яна тамъ мае за подарокъ? треба, кабъ одъ яе было

[1]) Арданскъ — это, вѣроятно, не что иное, какъ *Гданскъ*, т. е. Данцигъ, о которомъ подъ часъ упоминается въ пѣсняхъ и сказкахъ Бѣлоруссовъ. Совершенно сходному искаженію подверглось въ народной фонетикѣ (въ Моск. и Смоленск. губ.) слово Гжатскъ, которое въ устахъ простолюдина издавна превратилось — въ Аржатскъ. *Ш.*

пріенто и подзеньковано». Сватъ беретъ отъ молодаго 20 — 30 копѣекъ и передаетъ матери, а она отдаетъ андаракъ (юбку), который передается молодой. Затѣмъ сажаютъ за столъ отца и мать молодаго, только не родныхъ, а выбранныхъ, и сватъ говоритъ: «Естъ тутъ у нашаго молодаго и молодой матка родная и вóйцецъ рóдныя, у Бога гóдныя, чимъ яны будуць свое дзѣтки обдарвацъ? Чимъ могуць, тымъ и обдóруць». Отецъ говоритъ: «Обдарваю своихъ дзяцей житомъ, бытомъ, счастливымъ вѣкомъ, доўгимъ жи́цьцямъ и добрымъ срэбромъ» и въ это время даетъ нѣсколько серебряныхъ монетъ молодымъ. Мать въ свою очередь говоритъ тѣ же слова, замѣняя только послѣднія слова: «добрымъ срэбромъ» словами: «и короваемъ». Сватъ послѣ этихъ словъ прибавляетъ: «кабъ былó пріентó и подзеньковано».

Надо замѣтить, что послѣ этихъ подарковъ дружко рѣжетъ коровай на куски и обдариваетъ тестя, тещу и всѣхъ родныхъ, говоря: «Обсылае молоды́ и молода́я короваемъ — Боскимъ даромъ, тестя, тещу и проч. проша, кабъ было пріенто и подзеньковано». Получившіе коровай, говóрятъ: «Дзянкуемъ молодой и молодому за коровай — за Боски даръ и тому колу, што сѣдзи у стòлу».

Послѣ этого сватъ, нарѣзавъ достаточное количество кусковъ коровая, трясетъ бизуномъ (кожанымъ кнутомъ) и громко восклицаетъ: «Проша (такого-то) на подарунакъ». Всѣ подходятъ, берутъ коровай и объявляютъ, чѣмъ дарятъ. Изъ родныхъ кто даритъ овцою, кто свиньею, кто деньгами, а женщины и дѣвушки полотномъ въ размѣрѣ 3 — 5 локтей (14½ вершковъ). Къ подарку сватъ вызываетъ всѣхъ, кто только находится въ избѣ, и всякій долженъ что-либо подарить.

Послѣ подарковъ сваха надѣляетъ короваемъ молодую и дружку. Послѣ всѣхъ подарковъ (мать только не родная, а избранная женщина) зажигаетъ восковую свѣчу, обноситъ три раза вокругъ молодыхъ и говоритъ: «Ёсьц тутъ вóйцецъ и матка, сусѣдзи и пріяцели, проша побасловици гэтыя дзѣтки злучиць!» Всѣ говорятъ три раза: «Нехай Богъ басловиць!» Она продолжаетъ: «За трецимъ разомъ, да Боскимъ приказомъ»; въ это время бе-

ретъ нѣсколько волосинокъ и, соединивъ ихъ въ пучекъ, поджигаетъ. Теперь приходитъ очередь надѣть чепчикъ; для этого мать съ молодою отправляется въ сѣни, и первая говоритъ: «Напродъ пана Бога, покуця святого и проч. проша побасловиць стушки зняць!» Когда сниметъ ленты съ головы молодой, то мать опять проситъ благословенія надѣть чепчикъ, чему молодая сопротивляется; она долго не даетъ совершить надъ собою эту операцію, но мать употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы ее совершить, даже проситъ какую-либо бабу помочь ей. Женщины и дѣвки въ это время поютъ разныя пѣсни, которыми уговариваютъ молодую не давать надѣть на себя чепчикъ. Дѣвки въ это время даже плачутъ.

Надѣвши наконецъ чепчикъ, мать беретъ большой платокъ, обвертываетъ имъ голову молодой, сажаетъ ее за столъ и нагибаетъ голову къ столу на кусокъ хлѣба. Тогда призываютъ молодого, который долженъ былъ во все это время находиться на дворѣ, и говорятъ ему: «Войдзи, подглядзи на вочи молодой». Молодой входитъ, и если онъ былъ *честный*, то черезъ столъ перелѣзаетъ къ молодой и цѣлуетъ ее, а она не дается; если же не честный, то долженъ, когда вызовутъ, лѣзть къ ней на колѣнки.

Послѣ этого, усѣвшись за столъ, всѣ начинаютъ ужинать; водка за ужиномъ со стороны родителей. Родители молодой плачутъ, такъ какъ близка разлука съ дочерью. Послѣ ужина молодой и молодая собираются ѣхать въ домъ жениха. Когда они садятся на подводу, чтобы отправиться въ путь, поютъ:

14.

Да хвала Табѣ, Боже,
Што у мяне да куна ў возѣ,
Да хоць я *знебылася*,
Да такихъ я ўспомоглася,
Да уловила, уловила,
Да ў вишневомъ садочку,
Да ў зелёномъ кусточку,
Да ў чирвонымъ *чубочку*.

Когда отъѣзжаютъ, поютъ:

15.

«Одчини, свякратко, ворота,
«Бо ѣдзе нявѣхна, якъ злото,

«Одчини, свякратко, оконцо».
Да ужъ мѣсячикъ на перекрои,
Да уже суженко ў поўдороги,
А яго матка сустрэчае,
Свою нявѣхну виномъ, медомъ витае:
«Да нявѣхно-жъ моя,
«Да молодзенька,
«Да ня будзь хлуслива,
«Будзь счасьлива,
«Распусьци долю
«Да по своёмъ поли;
«Счасьце пры доли,
«По моёмъ подворъи,
«Кабъ у мене на поли
«Да жито родзи́ло,
«Кабъ моя сямейка
«Весёло ходзила;
«Кабъ мое подворъе
«Не схмурнѣло,
«Кабъ у мяне на поли
«Да жито родзило».

Молодыхъ встрѣчаютъ у родителей молодаго точно такъ же, какъ встрѣчали ихъ послѣ вѣнца, и мать молодаго точно такъ же говоритъ: «Сустрѣчаю васъ, дзѣтки, житомъ» и проч. Пріѣхавши въ домъ молодаго, гуляютъ еще 2 дня, а иногда и болѣе. Сосѣди же поютъ:

16.

Наѣхало пахнурейко
На свёкрово подворейко,
Съ пыхи не говóрыць,
А съ жалю не *прословиць*,
Только промовила:
«Золувица сястрица,
«Посьцяли посьцель бялéньку,
«Положи спаць молодзéньку».

Погулявши цѣлый день, вечеромъ укладываютъ молодыхъ спать. Утромъ, если дѣвушка была честна, то поютъ ей:

17.

Зародзи, Боже, жито
На пришлое лѣто:

Моя нявѣхна мала
Кабъ стоячи жито жала,
А у колѣно снопъ вязала.

18.

Счасьливая сужонко калина,
Што ў пятницу до соўнейка зробёна,
А ў суботу короватунька злащёна,
А ў нядзелю бѣлое ложе послано,
Ў понядзелокъ чужаземачка спаць лягла́,
Подъ ёю молодою чирвоная рожа цвѣла.
Сышлисе сястрыцы ее глядзѣци,
Якъ чирвоная рожа цвице.
«Глядзице, сястрыцы, глядзице,
«Чирвонае рожи не спала,
«Кабъ чирвонае рожи не сьцерала».

На третій или на четвертый день свадьбы собирается въ домъ молодой нѣсколько человѣкъ мужчинъ и женщинъ, преимущественно изъ родственниковъ, забираютъ на возы приданое, какое есть, и ѣдутъ всѣ, человѣкъ 14 или болѣе, къ молодому и тутъ, передавъ ему приданое, гуляютъ еще день или болѣе.

Здѣсь, какъ пріѣдутъ «прида́ные», то свату и нѣкоторымъ другимъ навязываютъ на шею кусокъ полотна, или подпоясываютъ полотномъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что во время свадьбы молодая израсходуетъ очень много поясковъ, такъ что на всякую мелочь ей приходится давать поясокъ. Напримѣръ, когда запоины бываютъ, то она молодаго опоясываетъ поясомъ, на вторыхъ запоинахъ тоже и свата, также бутылку или боченочекъ и при многихъ другихъ случаяхъ.

Что касается водки, то ее у богатаго расходуется 70 — 80 гарнцевъ, а у бѣднаго 25 — 30, а закуски трудно и опредѣлить сколько выходитъ.

Свадьба у богатыхъ продолжается 7 — 8 дней, а у бѣдныхъ 3 — 4 дня, и каждый день напиваются до пьяна, слѣдова-

тельно можно судить, сколько нужно вина при такомъ большомъ количествѣ людей (до 20 человѣкъ, проводящихъ день и ночь на одномъ мѣстѣ, кромѣ приходящихъ знакомыхъ).

Зап. Иваномъ Васильевичемъ Якубчикомъ, уроженцемъ города Новогрудка, и доставлено учителемъ Свислочской учительской семинаріи Никол. Яковл. Никифоровскимъ.

XI.

Той же губ. и уѣзда, д. Крутовцы.

Въ сваты отправляются обыкновенно отецъ жениха, а если отца нѣтъ въ живыхъ, то старшій братъ жениха, со сватомъ. Для этого посѣщенія выбирается одинъ изъ слѣдующихъ дней недѣли: воскресенье, вторникъ, четвергъ или суббота и непремѣнно, когда мѣсяцъ въ ущербѣ (на ветохъ). Въ другіе дни недѣли въ сваты не ѣздятъ. Сваты привозятъ съ собою въ домъ родителей невѣсты гарнецъ или полъ гарнца водки. Послѣ разныхъ околичныхъ рѣчей свата, онъ предлагаетъ дѣвушкѣ, «кабъ яна здѣлала почáтокъ и поставила чарку на столъ», что обыкновенно считается знакомъ согласія съ ея стороны[1]). Когда она

---

[1]) Того же уѣзда въ деревнѣ Ярошевѣ (въ 5—6 в. отъ Крутовицъ) сватовство, по собраннымъ г. Машурко свѣдѣніямъ, отличается слѣдующими особенностями:

Сватъ, взявши невѣсту подъ мышки (подъ пахи), выхваляетъ ей жениха: «у яго тоя ёсьць, тоя ёсьць» и т. п. Невѣста иногда убѣгаетъ изъ хаты, чтобы не пить. Ее разыскиваютъ по хатамъ. Если она, послѣ долгихъ упрашиваній согласится наконецъ поставить на столъ чарку, то сватъ «налле и пье до яé, а посли ей даё. Яна пье до матки, ци до отца, ци до брата — хто у жявыхъ. Ето яще не запоины, — яна такъ только попила. Яна попила во второкъ, дыкъ дзяцюкъ яё пріѣдзе ў чацвергъ или ў субботу; якъ попьецъ у чацвергъ, дыкъ ёнъ прыѣдзя ў субботу или ў второкъ». Если парень понравится дѣвушкѣ, то дѣлаютъ запоины. «Нявѣста на яго кишень (т. е. на счетъ жениха) зовецъ сосѣдзей и родственниковъ изъ своей дзяреўни. Тутъ поюць пѣсни и пьюць. Ето запоины и малыя и вяликія — ўсе ўмѣсьцѣ. Коли запоины были ў во второкъ, молодый прыѣдзя къ нявѣстѣ на *змóвины* ў чацвергъ, или ў субботу, а коли запоины у чацвергъ, то ёнъ прыѣдзя на змовины въ субботу или во второкъ. Нявѣста на змовинахъ яго спрашивае: «сколько у цябе роду?» штобы знаць, сколька рѣзаць подаркоў изъ холста». Тутъ же женихъ обѣщаетъ своей будущей тещѣ за *«годоўлю»*, т. е. за воспитаніе дочери, «ци чаро-

это исполнитъ, то сватъ наливаетъ въ рюмку водки и подноситъ сперва молодой дѣвушкѣ, потомъ ея матери, отцу и роднымъ, находящимся на ту пору въ хатѣ. Это — «малыя запоины». Если послѣ нихъ, вслѣдствіе какихъ-либо неблагопріятныхъ слуховъ на счетъ жениха, дѣло разстроится, то невѣста обязана заплатить за водку. Тотчасъ послѣ малыхъ запоинъ невѣста отправляется по деревнѣ съ приглашеніемъ на «великія запоины», которыя чаще всего бываютъ по субботамъ.

Родственниковъ приглашаютъ только изъ дальнихъ деревень, а изъ своей они сами приходятъ.

На большихъ запоинахъ бываетъ отецъ и мать жениха. Отецъ, въ качествѣ свата, бываетъ и на малыхъ запоинахъ. Передъ сборами свата въ обратный путь домой, молодая обвязываетъ *барылокъ* (деревянный боченокъ), въ которомъ привезена была водка, ручникомъ и поясомъ. На *змовинахъ*, за недѣлю до свадьбы, молодой даетъ невѣстѣ за большія запоины рублей 5—6 денегъ, или «горэлки и чаровики».

вики и панчохи, ци грошы». Тоже самое онъ обѣщаетъ дать и невѣстѣ. Эти подарки онъ обыкновенно посылаетъ изъ сѣней въ избу послѣ шлюба и гулянья въ корчмѣ. Чаровики для обѣихъ онъ вмѣстѣ съ невѣстой покупаетъ на ярмаркѣ въ условленный для того обоими день. Далѣе на змовинахъ женихъ даетъ рублей 5—6 на водку для свадьбы тому, *хто весельля спрауляиць*. На змовинахъ бываетъ невѣстина семья и молодой со сватомъ. Тутъ назначаютъ и день свадьбы.

На запоинахъ дѣвушки поютъ:

Да пеця горэлку,
Запивайця дзѣўку;
Да няхай молойцы
По двору ня ходзюць,
Мойму войчанку
Да воротъ ня ломяць:
У мойго войца ворота —
Срэбро да злото,
А я у войчанька
Вяликая цнота.

—

Ой пи матко, 2
Горкую горэлочку! 2
Пропила дочку́,
Якъ мали́ночку,
За малую вячяры́ночку

Наканунѣ свадебнаго дня, въ субботу, родители молодого приглашаютъ своихъ сосѣдей и кумовей на *подвячорокъ*, если же молодой сирота, то онъ это дѣлаетъ и самъ. Тогда же приглашаютъ и «музыку» (музыканта). «Ёнъ починаецъ вясельля». Послѣ подвячорка *расчиняюцъ* коровай, ў нядзѣлю (воскресенье) подбаўляють яще муки».

Къ молодой, въ воскресенье, еще до разсвѣта приглашаютъ всѣхъ на *внѣдання* (завтракъ), послѣ котораго приглашенные расходятся по домамъ, а молодая съ коровайницами, дружками и *сваньками* остается въ своей семьѣ ждать прибытія жениха.

Передъ отъѣздомъ жениха къ невѣстѣ, чтобъ ѣхать къ вѣнцу, въ домѣ его родителей испрашивается («выкликаетца») сватомъ «басловенство»: «Нихай бэ́ндзе похвалёны Панъ Іезусъ Хри́стусъ! Ци ёсьцъ тутъ панъ о́тецъ, пани матка, — панове сусе́дзи, прыяцели! Просимъ до басловенства етаго молодого до вянца выпроводзицъ».

Всѣ: «Нихай Панъ Бугъ басловицъ»!
Сватъ: «Проша другій разъ» —
Всѣ: «Нихай Панъ Бугъ басловицъ»!
Сватъ: «Проша трэцій разъ» —
Всѣ: «Нихай Панъ Бугъ басловицъ».
Послѣ третьяго раза, сватъ произноситъ:
«За трэтцимъ разомъ, за боскимъ разсказомъ».

Тутъ дѣвушки поютъ:

1.

Ты, калинка-малинка!
Да ни стой, развивайся,
И ў цвятокъ закладайся,
Ў цвятокъ да бялю́сянькій,
Ў листочакъ драбню́сенькій.
Молодый да молойчыку!
Ни сядзи, размышляйся 2.

Затѣмъ женихъ отправляется въ путь къ невѣстѣ «съ своимъ *музыкой*», который во всю дорогу играетъ. Женихъ привозитъ «на косу» полгарнца водки. Передъ выѣздомъ его дѣвушки поютъ:

2.

«Ў дорожаньку прыбирайся,
«Ци до короля самъ поѣдзяшъ,
«Ци до цесьця послэ́ й пошлемъ?»
— Я до короля й послэ́ пошлю,
— А до цесьця самъ поѣду.
— Бо й у короля што дня война,
— А у цесьця да жына й моя.
— Ой, у короля бьюць, страляюць,
— А у цесьця пьюць, гуляюць;
— Тамъ мяне поджыдаюць,
— Ворóцячка отчыняюць,
— Столики засьцилаюць,
— Кýбочки да наливаюць:
— Столики да цисовыя,
— Обрусики да бялёвыя,
— Кубочки да мядóвыя.

Слѣдующія пѣсни дѣвушки поютъ молодому передъ вѣнцомъ и послѣ вѣнца:

3.

Ой, ў огородзи да ў зялёной рýци
Ловили коника ў шоўковымъ пýци;
Ловили (2), ёнъ имъ ня даўся,
Да вышыў молойчыкъ зъ ихъ насмяяўсё,
Што яго коничакъ никому не даўсё.
Я-жъ яго соймаю да й осядлаю,
Да сяду, поѣду къ цесьцю къ обѣду, —
Да ни такъ къ обѣду, якъ на сняданьнё,
Да свое дзѣвоньки на размоўляньне.

4.

Прыѣхаў къ намъ да жоўнеръ на дворъ;
Зъ возанька ни ссядая, 2

Зъ коникомъ размоўляя:
«И коню мой да вороненькій!
«Я твой панъ й молодзенькій;
«Я на табѣ ўвесь свѣтъ зъѣздзіў.
Нйдзѣ во́ды ни погожыя, 2
Нйдзѣ дзяўки ни хорошыя,
А тутъ во́ды ўсё пого́жыя
И дзяўки ўсё хорошыя:
Дадуць мойму конику воды напицьца,
А мнѣ зъ дзѣўкою полюбицьца.

Передъ вѣнцомъ поютъ еще:

5.

Да ня стой, Божа, на дворѣ;
Войдзи, Божа, ў хату,
Да стань, Божа, на куцѣ,
Да дай долю сироцѣ.

Когда ѣдутъ до вѣнца, дѣвушки, провожая невѣсту, поютъ:

6.

Развиваятца, раскладаятца
Ў огородзи зеллейко,
И ў огородзи зелье.
Почынаятца, размышляятца
И дзѣвоччыно вясельля.
Божа, дай, Божа, помогай,
И войчаньку до помочы.

Передъ шлюбомъ и по шлюбу:

7.

И бѣгли коники зъ украю, 2
Ня пили воды зъ Дунаю. 2
«И куда, коники, бяжыця, 2
«Чаму вы коники зъ Дунаю
«Быстрай й воды не пьеця»? 2
И бяжымо, дзѣвонька, по цябе, 2
По твое́ ку́блы новы́я, 2
По подарочки доўгія. 2

И ящэ, коники, ня пора, 2
Занесъ войчанько ключики до двора
И одъ моихъ кублуў новянькихъ, 2
Одъ подарочкуў доўгинькихъ 2.

Передъ отъѣздомъ въ церковь къ вѣнцу молодыхъ обсыпаютъ рожью.

Къ вѣнцу невѣста ѣдетъ на одной телѣгѣ съ дружкой и братомъ. Молодой-же со сватьей со стороны невѣсты и дружкомъ ѣдутъ въ другой телѣгѣ; сватья сидитъ на возу «очыма» къ молодому и дружку, сидящимъ «поручъ».[1]) Въ церкви надъ невѣстой вѣнецъ держитъ братъ или дружки, надъ женихомъ — дружко.

Отъ вѣнца молодыя заѣзжаютъ на *снѣданне* въ корчму. Молодой везетъ съ собой водку. Поѣзжане дѣлаютъ складчину, коп. по 10 съ брата, для покупки бо́льшаго количества водки. Около Почекъ[2]) «свадьба» заѣзжаетъ къ дружку жениха. Какъ въ корчмѣ, такъ и у дружка поѣзжане гуляютъ до тѣхъ поръ, пока солнце не станетъ садиться. Когда же наступитъ эта пора, они отправляются въ домъ родителей невѣсты.

По прибытіи туда свадебнаго поѣзда сватъ первый входитъ въ хату и извѣщаетъ родителей о пріѣздѣ молодыхъ. Тогда на встрѣчу къ нимъ выходитъ невѣстина мать, а если родной нѣтъ, то крестная или тетка — взявъ съ собой вѣко съ дежи, накрытое чистою скатертью, на которой положенъ цѣльный хлѣбъ. Встрѣча происходитъ у сѣнныхъ дверей. Молодые становятся правою ногою на порогъ, наклонивъ голову. Мать или кто-либо изъ родныхъ, положивъ молодымъ на головы вѣко, благословляетъ ихъ слѣдующими словами:

«Божа годзи и жыто родзи, и пару дзѣтокъ баслови на бытъ добрый, и на вѣкъ доўгій: кабъ ни были пыхаты, да были богаты, кабъ шановали войца и матки и свенцоной хатки, и Бога на небѣ, и людзей на земли».

---

[1]) Въ задкѣ.
[2]) Селеніе.

Затѣмъ молодые входятъ въ хату, садятся за столъ вмѣстѣ съ гостями и пируютъ до утра.

Нужно замѣтить, что молодыхъ впускаютъ въ хату только послѣ того, какъ вынутъ изъ печи коровай.

При печеніи коровая бываютъ «и жанке́ и дзяўке́, хоць одна дзѣўка трэба».

Учыняиць[1]) коровай старшая коровайница, въ которыя выбирается непремѣнно замужняя. Старшей коровайницей у молодой бываетъ ея сестра, тетка или сосѣдка, а у молодого — «сватняя жонка». Передъ каждымъ дѣйствіемъ въ процессѣ приготовленія коровая, какъ напр.: передъ растворомъ, мѣсеніемъ и сажаніемъ его въ печь, испрашивается благословеніе по извѣстной уже намъ формулѣ: въ 1-й разъ послѣ словъ: «просимъ до басловенста» слѣдуютъ слова — передъ раствореніемъ: «позвольця молодой коровай расчыняць», — передъ мѣсеніемъ: «позвольця молодой коровай замясици», а передъ сажаніемъ въ печь: «позвольця молодой ў печь садзици». Во всѣхъ случаяхъ по 3 раза, — но послѣдвія два раза сокращенно. Послѣ благословенія, даннаго въ третій разъ, испрашивавшая это благословеніе старшая коровайница произноситъ слова: «за трэтцимъ разомъ, за боскимъ разсказомъ». И затѣмъ приступаютъ къ дѣлу.

Начиная мѣсить коровай, коровайницы поютъ:

8.

И да прыступъ, да Божа,
Къ нашаму ды початочку!
И што мы яго й да почынаямо,
Пана Бога зваличаямо.
И да хто гибля коровай,
Тому, Божа, помогай.
И гибля братко съ сястрою
Да за ясною свяцо́ю
И да бѣленькими ручками:
Пярсьцёночки зъ вочками!

---

[1]) Растворяетъ.

9.

Да дзѣвоччына матка
Да по улицы ходзиць.
Да сусѣдочыкъ просиць:
«Да сусѣдочки-жъ вы мое,
«Да войдзéце-жъ вы ко мнѣ».

Когда катаютъ коровай:

10.

Да дзѣвоччынъ войчанько!
Ня ўсядайся ў лавочцы,
И да возьми соколá ў ручки,
Да походзи колё пшонночки,
Да погони пярапёлочки.
Ой, кышъ-кышъ, пярапёлочки!
Ня псуйця мое пшóнночки,
Бы мнѣ пшонки да много трэба:
Да на тры ды коровая,
И на чатвертыя кветки.
Злучы, Божа, да мое дзѣтки:
И одно дзиця да родзоноё,
А другоя дзиця суджоноё,
Дзѣвонька — да родзоноё,
Молойчыкъ — да суджоноё.

Когда, посадивши коровай въ печь, усядутся за столъ:

11.

И погибалися а й сѣни,
Якъ коровайначки сѣли.
Ящэ ляпи́ да погиблютца,
Якъ яны мёду напьютца,
И да у нашаго господара
Кудравая голова и т. д.

12.

И гдѣ ты, дзѣвонька, ѣдзишъ, поязджаешѣ,
Чаму короваю да ни доглядаишъ?!
И да поздороў, Божа, да мойго вóйчанька:
Мой коровай доглѣджанъ будзя, 2
Доглѣджанъ будзя и спéчанъ будзя.

Молодой, находившійся во все это время въ сѣняхъ, теперь проситца въ хату и посылаетъ брату молодой отъ 15—20, а сватьѣ и дружкамъ по 10 коп. Также онъ шлетъ изъ сѣней молодой чаровики и *панчохи*, а если у нея есть мать, то и для нея чаровики или рубль денегъ, и только тогда онъ входитъ въ хату. «Передъ выѣздомъ, молодой платитъ брату невѣсты за косу, а дружкó платитъ дру́жкамъ и сватьямъ за мѣсто». Дружки, братъ и *сватьé* садятся за столъ послѣ коровайницъ. Послѣ вынутія изъ печи коровая послѣднихъ угощаютъ ужиномъ (вячэрой). Расплетаніе косы происходитъ въ воскресенье рано, до выѣзда молодыхъ къ вѣнцу — въ присутствіи дружки и роднаго брата; если же нѣтъ брата, то своякъ принимаетъ на себя его роль и получаетъ временно названіе брата.

Косу расплетаетъ молодой ея братъ. Передъ этимъ молодую сажаютъ на посадъ, т. е. на дежу, покрытый ея «ху́сточкой», «коли варта, колú ни спрóку́дзитца».

Когда братъ ведетъ сестру на посадъ, поютъ:

13.

Братъ сястру й на посадъ вядзé,
Гибкую кладку кладзе:
«Кла́данька ни сгибнúся,
«Сястрыца, ня ўлякнúся»!
Кладанька сгибну́лася,
Сястрыца улякну́лася.

Съ посада братъ ведетъ молодую за столъ и тамъ, испросивъ благословленіе, расплетаетъ ей косу.

Послѣ словъ: «За трэтцимъ разомъ, за боскимъ разсказомъ» онъ приступаетъ къ расплетанію косы. Въ это время дѣвушки поютъ:

14.

И да сядзиць дзѐвонька за столомъ,
Да цякуць слёзки ручаёмъ.
И да на яе матка споглядая,
Якъ бобъ слёзки роняя:

«Якъ я цябе, дзѣцятко, годовала,
«То й такого жа́лю ня мѣла, —
«Якъ я стала цябе равновацъ,
«Стала ты мнѣ го́ршаго жалю додавацъ.»

15.

И ци ня жаль табѣ, дзѣвонька
Да дзѣво́цкаго гуляньня?
Дзявочки идуць,
Ко́сочки маюць, —
А цябе сострыгаюць.

Когда братъ беретъ выкупъ за косу:

16.

И да збяры, Божа, сванчыну копу·
И по поли по *ко́лоси:* 2
И собрала мою русую коску
И по плéчахъ по *во́лоси.* 2

17.

Да раскидай, Божа, братнюю копу
И по поли по ко́лоси: 2
Раскидау мою русую коску
И по плéча́хъ по во́лоси. 2

18.

Ня братъ (2), — татарынъ:
Продаў сястру за та́ляръ,
Да русую косу за шаста́къ,
А бѣлоя лицо отдаў такъ.

По расплетаніи косы:

19.

«И да чаму, зязулька, ня куéшъ,
«У Бога росы ня просишъ?!»
— И да ци вы, пташычки, ня чули,
— Якъ я й рано кова́ла,
— У Бога росы просила;
— И да за пташачками ня видно,
— За соловейками не чутно!

«И да чаму, дзѣвонька, ня плачешъ,
«У Бога доли ня просишъ?!
— И да ци вы, дзѣво́чки ня чули,
— Якъ я й рано плакала,
— У Бога-жъ я доли просила;
— И да за дру́жачками ня видно,
— Да за сва́нячками ня чутно.

Сватья замужняя беретъ сестру молодой, или кого-либо изъ ея родственницъ и отправляется за молодыми. Съ собою приглашаетъ она еще двухъ мужчинъ, непремѣнно женатыхъ (*пара людоў — ня удоўиэ*), чтобы вдовства никогда бы не было ни со стороны молодого, ни со стороны молодой.

«Сватье» забираетъ съ собою «бутэ́льку горэлки», (гарнца въ 3—4), купленной на деньги жениха, «штобъ дарыць невѣсту». Когда сватье съ своей дружиной пріѣзжаетъ, тогда хлопцы и женатые стараются загородить ей жердью ворота, чтобы не впустить ихъ во дворъ, пока не получатъ отступнаго. Хлопцамъ дается «бутэличка горэлки, кручкуў съ 4».

Когда сваты входятъ въ хату, дѣвушки поютъ:

20.

Да ступай, сванька, шыроко, 2
Да ящэ́ по́кутъ далёко!
Да ступай, сванька, цяра́зъ порогъ,
Да у цябе баранъ помёжъ ногъ!

Сватье́ отвѣчаетъ:

21.

И да вотъ вамъ, піўчы́цы,
Да чэ́рэпъ горчыцы:
По болоци ходзи́ци,
Да жабы личы́ци.

«Дзѣўки» поютъ много подобныхъ пѣсень. Сватье съ своей стороны старается унять ихъ укорительной пѣсней и горэлкой, чтобы только не драли уши гадкими (бры́дкими) своими пѣснями.

Теперь начинается обрядъ даренія невѣстѣ. Въ это время молодые сидятъ за обѣденнымъ столомъ. Жениховъ сватъ, держа въ рукахъ тарелочку, покрытую хусточкой, выкликаетъ: «Пр́оша прыбывацъ! Будзимъ по семъ чарокъ давацъ! На уѣздѣ уже стою»!

Иной, даря полотномъ, кладетъ его на *смыкъ*, т. е. покрываетъ имъ смычекъ у музыканта. Тогда сватъ беретъ *смыкъ* у послѣдняго и говоритъ: «Даруя кита́имъ, ве́лькимъ поставомъ. Ня тутъ роблёно, въ Арда́ньску. Кабъ нашъ млоды и мло́да зносили по панску»!

Если дарятъ льномъ, то онъ говоритъ: «Дарую лномъ, бы яна зробила за сномъ».

Если деньгами, положенными на тарелочку, то произноситъ: «Родная цётка положыла кильконáсьцы злоты. Даруя, ни жалуя: Не на се́бѣ сподзѣвацьца, можа на свое дзѣтки».

По замѣчанію свахи послѣднее выраженіе означаетъ: «Штобъ етые дары́ быля отдарэны». «Распоражаитца грошы́ма», говорила она далѣе, «сватъ». «Молодымъ» сыплетъ «дзеньги на хусточку».

Холстъ, ленъ сватье́ съ невѣстой прячетъ. Дарящимъ молодые даютъ водку. Если у невѣсты не хватитъ водки для потчиванія дарящихъ, то заставляютъ жениха добавить недостающее, и для этого онъ или отправляется за водкой домой, или же идетъ въ ближайшую корчму.

Застриженіе. «Сватье» прибывшая со старостой и подстаростой, «здымáя зъ молодой вянокъ изъ стужокъ, на хустку нашываюць», запалицъ свѣчку и вызываецъ:

— «Просимъ до басловенства: ци позволиця етому дзицяци вянокъ знаци»?

Всѣ: Нехай Панъ Бугъ басловицъ.

«Проша дру́гій разъ».

Всѣ: Нехай Панъ Бугъ басловицъ.

«Проша трэтця разъ.»

Всѣ: Нехай Панъ Бугъ басловицъ.

— За трэтцимъ разомъ, за боскимъ разсказомъ.

Произнесши послѣднія слова, «сватье́» обноситъ вокругъ головы молодой свѣчку, обернутую ея поясомъ, «застрыга́я яе» этой свѣчкой.

Въ это время дѣвушки поютъ:

22.

Сцяражыся, дзѣвонька,
Застрыгалночка ѣдзя:
Яна цябе застрыгаць будзя.
Застрыжэ твою коску,
Разольле́ твою слёзку.

23.

И бодай цябе, сванька,
Трасца порвала, —
Якъ ты мою русую коску
И сьце́рла да змяла,
Свяцо́ю спалила, —
Нядога́рки чапцомъ закрыла.

Послѣ поджиганія волосъ, молодой надѣваютъ на голову чепецъ.

Когда въ понедѣльникъ собираются везти молодую къ молодому, то ей обвиваютъ голову *хусткой*, платкомъ, сшитымъ подъ подбородкомъ, вѣнокъ пришпиливаютъ къ платку, по которому спускаютъ ленту, *стужку*, а по стужкѣ — букеты. Подъ хусткой — маленькій чепчыкъ, — большой привозюць въ ку́блѣ, гдѣ находится и «коровайчыкъ». Въ понедѣльникъ рано молодую везутъ къ молодому. Родня молодой не принимаетъ участія въ поѣздѣ. Передъ выѣздомъ молодой, дѣвушки поютъ:

24.

И да на рыби лу́зка, 2
А на козлику воьсци,
Да на козлику восьци.
Частуй (2), мой войчанько,
Мое́ милыя госьци, — 2
И кабъ яны мяне ня оглуми́ли
Ў вялику́й дорози, 2

Кабъ яны мяне сухваля́ли
Ў свякра́тка на поро́зи. 2

25.

И да ходзила пава по крутой горэ,
Погубила перъё ў шоўковой травѣ.
Да ни жаль мнѣ павы да ни перъя яé,
Жаль мнѣ дзицяци на чужой сторонѣ.

26.

И шоўковая ниточка
Ў сьцѣну бье,
Дзѣвонька войчаньку
Добраноцъ дае.

Да ня той добраноцъ.
Што на́ ночъ;
И да той добраноцъ,
Што на ўвесь вѣкъ.

Ср. выше, стр. 107, № 101.

Передъ выѣздомъ молодой дѣвки ей поютъ:

27.

Гра́ча утонька коля лугонька
Да и ў лухъ ня ўлята́я,
Ходзиць дзѣвонька коля во́занька,
И да ў возъ ня ўсядая.
Подай, войчанько, бѣлаю ручку,
Да подай мнѣ другую; 2
И ночова́ла я у цябе ночаньку,
И да позволь мнѣ другую.

Когда молодая садится на возъ, чтобы ѣхать къ жениху:

28.

Во́йчаньку мой родненькій,
Высьцилай да высоко возъ, —
Кабъ мяне конь съ двора ня свёзъ,
Кабъ гужэ́ порвалися,
Кабъ я тутъ засталася.

Сватьé, увозящая молодую, сѣвши на возъ, поетъ:

29.

«И обличэ́цяся, жоночкé,
«Ци ўсѣ вашы дзявочкé».
— И да й ўчора лычыли:

— Было двадцать чатэ́ры;
— И а сягодня одна на во́зи
— На счастливой доро́зи.

А привезши молодую къ ея свекру, она тамъ и на дворѣ и въ хатѣ поетъ:

30.

И да хоць я знябыла́ся
Ды болозѣ спомоглася:
Тры нядзѣли кони гони́ла,
Покуль вуточку уловила.
И отчыни, свякра́тко, око́нцо,
Вязу табѣ нявѣхну, якъ сонца;
И отчыни, свякра́тко, другоё,
Вязу табѣ дзѣтки обоя.
И дзякуй Богу и понядзѣлочку!
Прывязла къ табѣ дзѣвочку,
Да ни съ горъ прыкаци́лася,
На моемъ дворэ прыпыни́лася.

Сватье́ пріѣзжаетъ на одной телѣгѣ съ молодыми, а сидитъ съ нимъ «вочы́ма». Молодые сидятъ въ задкѣ на постели, «на ко́лдрэ» [1]), а *сватье́* на передкѣ; рядомъ со сватьей сидитъ дружко́, который погоняетъ лошадей; послѣднихъ — пара.

Молодыхъ, по прибытіи къ свекру, кладутъ спать въ гумнѣ, даже зимою, для чего дружко приготовляетъ тамъ постель. Онъ же ведетъ молодыхъ въ гумно спать, а то и сваха и присутствующіе тутъ гости. Введеніе молодыхъ въ гумно, равно какъ и «подыманіе» ихъ происходитъ днемъ, при звукахъ скрипки. Послѣ угощенія сватъ, ведя молодыхъ въ гумно, поетъ, а *молодзицы* ему подпѣваютъ слѣдующую пѣсню:

31.

Вядуць (2) молодзицу
Да ў новую святлицу, —
Да вядуць (2) ў клѣць спаци 2,

[1]) На одѣялѣ, покрывающемъ перину.

Да будуць (2) праўды пытаци;
Да ўсю праўду сказаўшы, — 2
Да будуць бици, звязаўшы;
Да ўсю праўду зговорыўшы, — 2
Да будуць бици, положыўшы.

Тутъ еще поютъ:

32.

Закладайця быке́ не́уки ў вярмо [1]),
Ды будзимъ да нови́наньку й ораци!
Ды коли-жъ будзя да нови́нанька цале́нька,
То тоды́ будзя да яе́чэнка смачненька;
А коли-жъ будзя новинанька ора́на,
То тоды-жъ будзя да рѣдзячка скрыляна.

Пріѣзжаютъ приданки (придане) съ кубломъ невѣсты. Число приданокъ должно быть непремѣнно нечетное (лишка): 7, 9, 11: «людзей 6 и кубялъ 7-й, людзей 10 и кубялъ 11-й». А выбираются они съ приданымъ къ свекру только на трехъ возахъ. «Приданыя вязуць кубялъ, ци ку́форъ, наполненный полотномъ; тамъ же «кожухъ и сермяга», если дѣло не зимой, и большой чепецъ. «Цяпе́ръ палита́ [2]) якъ анге́рки: свѣтъ стаў стройнѣйшый — ў капта́нички убираютца и мужычке́». Въ числѣ *приданей* ѣдетъ и невѣстина сватья, которая провожала молодого къ вѣнцу. А братъ невѣсты, также принимающій участіе въ поѣздкѣ *приданей*, ѣдетъ на кублѣ.

Ѣдучи, *придане* поютъ:

33.

Да вышай (2) да ясенъ мѣсяцъ надъ нами,
Да даляй (2) й вороные кони подъ нами. 2
Яцэ-жъ ѣхаць да чатэ́ры мили бора́ми, 2
И а пятую да жалѣзными мостами, 2
И а шо́стую къ свекру на дворъ госьцями.

---

[1]) Непріученныхъ еще къ сохѣ. *Вярмо* — ярмо.

[2]) Пальто.

34.

Да бѣгъ зайко да цяра́зъ га́йко
И ў навозъ.
Поѣхаў братко й по сястрыцу,
И ня прывезъ.
Стоиць ко́ничэкъ на стаянцы
И рого́ча;
Братъ съ сястрой разстацися
Ня хоча.
Стоиць коничэкъ на стаянцы,
Ножкою тупъ!
Оставайся й родная сястрыца
Ужо ты тутъ.

Брату, сидящему на кублѣ, во дворѣ свекра поютъ:

35.

Да ня сядзи, бу́бня, на кубли,
Ды полядзи, бу́бня, што ў кубли!
Да мы кубла выкупимъ,
А цябе, бубня, выбубнимъ.

Брату за кубелъ даютъ «два злотыхъ».

Сватъ отпираетъ клѣть и вгоняетъ туда всѣхъ родныхъ и гостей. При этомъ поютъ:

36.

«Сванички-рыбочки, Боже нашъ!
«Ци не въѣхала дзѣвочка наша тутъ до васъ?
«Альбо-жъ вы намъ нашу дзѣвоньку верните,
«Альбы яе русу косу покажыце».
— Вотъ мы ужъ вашей дзѣвоньки не ве́рнемъ,
— Ей русой косы не покажемъ,
— Бы [1]) ето уже́ дзѣвонька не ваша,
— Ета уже дзѣвонька наша.

Прибывшихъ *приданей* ведутъ въ гумно «поднимать молодыхъ». Туда несутъ яичницу, сыръ и водку: «водочка бываиць красная, чырвоная — съ цукромъ, ци зъ медомъ. Ў гумнѣ малая

---

[1]) Вм. *бо*.

угощеньня». Новобрачный послѣ подъема удаляется изъ гумна на нѣкоторое время. Молодой надѣваютъ на голову «чэпокъ», привезенный въ кублѣ и покрываютъ голову платкомъ. Затѣмъ приглашается молодой. Ему, по возвращеніи въ гумно, поютъ:

37.

Ўвойдзи, поглядзи,
Ў кого Ра́ся (?) удала́ся!
Ци ў мяне, ци ў цябе,
Ци ў того казака
Што мядэ пье.

«Иншый открыицъ платокъ и поцалуя молодую жану, а другій ня хоча цаловацъ передъ людзьми». Послѣ этого молодыхъ ведутъ въ хату.

По приходѣ ихъ туда, поютъ:

38.

И да уле́цѣла цы́рочка
Да ў вишнёвый садо́чакъ;
И да сюды пырхъ, да туды пырхъ, —
И некудо́ю вылятаци:
И да науко́ло вишніў садъ,
По сярэдзини виноградъ.
И да уѣхала дзѣвонька
Ў свякратково подворъё,
И да сюды гляня, да туды гляня, —
И некудо́ю выяжджаци:
Да науко́ло піўни́ца,
По сяр́эдзини святли́ца.

Дѣленіе коровая.

У молодой дѣлитъ коровай братъ или «сусѣдъ»; у молодого — сватъ. Выкликая, они приговариваютъ: «проша прыняцъ и подзяньковацъ!» Если выкликаемаго нѣтъ въ хатѣ, то кусокъ коровая отдается хозяйкѣ дома.

Перезвы:

Пярэзвы начинаются во вторникъ и продолжаются — у богатаго до четверга, когда оканчиваются вечеромъ, у бѣднаго — до вечера середы.

Когда молодой ѣдетъ къ тестю и тещѣ приглашать на *пярэзвы*, то везетъ съ собой на показъ тещѣ рубаху молодой жены, въ которую, «коли варта», завязанъ рубль. Рубаху онъ получаетъ отъ своей матери. Везетъ молодой и фляжку горэлки, перевязанную красной ленточкой.

Изъ записей кандидата филологич. факульт. С.-П. Университ., уроженца Могил. губ. М. Гр. Машурко.

XII.

Той же губ., Бобруйск. уѣзда, д. Михалёвъ.

Сватанье здѣсь бываетъ за мѣсяцъ, или даже недѣли за двѣ до свадьбы.

На заручины отправляются къ невѣстѣ въ воскресенье рано утромъ самъ женихъ, отецъ его родной, отецъ и мать крестные, родныя сестры и тетки, еще своякъ; бываетъ, что къ нимъ ко всѣмъ пристанутъ многіе другіе, любопытствующіе. Приносятъ или привозятъ съ собою въ боченкѣ ведро водки и 9 ржаныхъ пироговъ. Войдя въ хату и перекрестившись, прибывшіе гости разсаживаются въ слѣдующемъ порядкѣ: женихъ, съ одной стороны его крестная мать, съ другой его подбояринъ (не женатый), возлѣ послѣдняго бояринъ (женатый). Отцы жениха и невѣсты ударяютъ по рукамъ, сцѣпляя ихъ, т. е. заложивши пальцы одной руки въ промежутокъ пальцевъ другой и покрывши ихъ полой своей одежды, предлагаютъ ихъ разнимать кому нибудь изъ родныхъ невѣсты, а если ихъ нѣтъ на лицо, то и постороннему. По совершеніи этого обряда сватъ потчуетъ всѣхъ (всю бесѣду) водкой, которую онъ черпаетъ ложкой изъ поставленной на столѣ миски. Затѣмъ онъ требуетъ показать ему невѣсту. «За што я

піў горѣлку? Покажь мнѣ дзѣўку». Братъ вводитъ сестру и подведя ее къ (будущему) шурину, говоритъ:

«Дзинь добры табѣ пане швагру! съ чымъ ты прыѣхаў»?

Женихъ: Зъ жытомъ. А ты съ чымъ?

Братъ: Съ пшаницэю, съ красной дзѣвицею. Даю тябѣ сяструни крывую, ни сляпую. Дай муки — проси хлѣба и т. д. (см. выше, стр. 108).

Въ день свадьбы въ домѣ невѣсты, передъ вѣнцомъ.

Вся бесѣда сидитъ за столомъ. Братъ вводитъ сестру — невѣсту изъ сѣней, вслѣдъ за ними туда входятъ и дружки въ числѣ 4—5. Какъ только братъ переступитъ порогъ, дружки запоютъ:

1.

Ступила Евачка *на порогъ*, 2
Махнула ручками *на подругъ:* 2
Раступисцяся, *бояры* 2
Сунимайцяйся *музыки*, 2
Будзя бацюхна *дарыци*, 2
Ни вяликимъ даромъ — *посадомъ*, 2
Ды молодзинькимъ *Пятрачко́мъ*. 2

По окончаніи этой пѣсни бесѣда встаетъ и идетъ на встрѣчу молодой, держась за красный вышитый большой (аршина въ $1^1/_2$) ручникъ. Впереди всѣхъ идетъ бояринъ, за нимъ подбояринъ, а за послѣднимъ — женихъ; позади же ихъ всѣхъ шествуетъ крестная его мать, неся въ рукахъ двѣ восковыя свѣчи, перевязанныя красной ленточкой и обернутые холстомъ. Бояринъ испрашиваетъ у бесѣды благословеніе «зводзиць» молодыхъ слѣдующими словами:

«Есть тутъ оцецъ и маци, и мужы, жоны,
«И весь міръ хрыщо́ны.
«Басловиця молодыхъ зводзиць»!

Всѣ: «Богъ басловиць»!

Это повторяется три раза и за третьимъ разомъ, послѣ произнесенія бояриномъ словъ: «Богъ басловіў и на порадокъ насъ

напуціў», молодыхъ сводятъ слѣдующимъ образомъ. Братъ невѣсты подводитъ сестру къ жениху и соединивъ ихъ руки, обводитъ молодыхъ по хатѣ 3 раза и затѣмъ приводитъ ихъ къ столу, къ сидящей тамъ *бесѣдѣ*.

Во время этого обряда дѣвушки поютъ:

2.

«Да якъ табѣ, бяроза
«Да зъ яворомъ сыйцися?»
— Да я коренійкомъ сыйдуся,
— Да я гольлійкой щаплюся.
— Ой оттуль, отсюль буйные вѣтры
— Да отъ насъ тихѣйшыя.
«Да якъ табѣ, Евачка,
«Ды съ Пятрачкомъ сыйцися?»
— Да я ручками щаплюся.
— Да оттуль, отсюль любыя госьци,
— А отъ насъ любѣйшія.

Ср. выше, стр. 21. № 12.

Послѣ этого старшая дружка беретъ шапку жениха и, испросивъ по извѣстной уже намъ формулѣ благословеніе «кветку къ шапкѣ прышывацъ», заводитъ слѣдующую пѣсню, которая подхватывается другими дружками:

3.

Дай, маточка, иголку, 2
Да й ниточку шоўку
Прышываци кветку
Къ зялёному барвеночку,
А къ зяленой китайцы,
Къ Пятровой шапцы.

4.

Полядзи, Пятрочыкъ, на мяне
Лѣпшый я казакъ за цябе:
Ни смѣшъ, ни умѣшъ прыступиць,
Шапки прышыць.

По окончаніи этой пѣсни сватъ даетъ старшей дружкѣ за кветку 10 коп., предлагая ей предварительно выпить рюмку водки. Но она, опасаясь обмана съ его стороны, требуетъ напередъ денегъ. По полученіи же ихъ она поетъ:

5.

А за ети грошы 2
Купи сабѣ мыла, 3
Подмый своё рыло, 3
Кабъ жонка любила, 3
Штобъ дзѣци спознали,
Кабъ бацькомъ назвали.

Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу бояринъ испрашиваетъ (по приведенной выше формулѣ) у всѣхъ присутствующихъ благословенія молодымъ къ вѣнцу ѣхать — 3 раза. За третьимъ разомъ бояринъ произноситъ:

«Богъ басловіў, на парадокъ насъ просіў»!

Послѣ этого молодые, поклонившись всѣмъ, ѣдутъ къ вѣнцу. Дорогой *бесѣда* поетъ:

6.

Ѣдзя сястрыца *до шлюба*, 2
Богъ ей вороты *отчыняў*, 2
Да Прачистая *зачыняла*, 2
Янгали коники дзяржали 2
Да покуль Евцы *шлюбъ дали.* 2

Послѣ вѣнца вся *бесѣда* пріѣзжаетъ въ домъ родителей молодой и усаживается тамъ за столомъ. Родная мать невѣсты даетъ всей жениховой роднѣ подарки, состоящіе изъ холста и пр., въ замѣнъ которыхъ получаетъ отъ нихъ по рублю отъ хаты. При дареніи холстомъ она отливаетъ себѣ сватней (жениховой) водки столько рюмокъ, сколько выдала подарковъ: отрѣжетъ кусокъ холста, отдастъ его вызванному лицу и тутъ же отольетъ въ свою посуду рюмку водки. Передъ отъѣздомъ молодого въ свой домъ, молодая всовываетъ ему въ поясъ ручникъ. Вмѣстѣ

съ молодымъ отправляется къ нему въ домъ вся его родня. Молодая съ своими подружками провожаетъ молодого, который выйдя изъ избы въ сопровожденіи боярина и подбоярина, становится вмѣстѣ съ ними въ воротахъ. Противъ нихъ становится молодая съ подружками. Бояринъ и подбояринъ приглашаютъ молодыхъ поклониться другъ другу, что они и исполняютъ три раза. Первая начинаетъ кланяться молодая. Послѣ этого новобрачный, подаривъ своей молодой женѣ нѣсколько денегъ (отъ 50 коп. до рубля), отправляется домой. Въ это время поютъ:

7.

Якъ бываў Пятрочыкъ, дакъ ни бываў, —
Ёнъ своёй Еваццы ни дзяньковаў. 2
Вярнися, Пятрочыкъ, подзинькуй, 2
Золотого чырвонца подаруй.
А наша Евачка ня ўдова́,
А кладзи, Пе́трыкъ, хоць и два.

Теперь какъ въ домѣ молодого, такъ и въ домѣ молодой начинаютъ мѣсить коровай. Къ этому времени молодой успѣваетъ пріѣхать домой. Растворъ же коровая, какъ у молодого, такъ и у молодой дѣлается до вѣнца и у обоихъ крестными матерями: у перваго послѣ отправленія его къ молодой, для слѣдованія въ церковь съ нею, у послѣдней же послѣ того, какъ она вмѣстѣ съ прибывшимъ женихомъ уѣзжаетъ къ вѣнцу. Передъ каждымъ дѣйствіемъ въ производствѣ коровая: передъ его раствореніемъ, мѣсеніемъ, катаніемъ, сажаніемъ въ печь и выниманіемъ его оттуда, испрашивается у присутствующихъ благословеніе по одной и той же формулѣ, измѣняя только каждый разъ названіе дѣйствія, совершаемаго въ данный моментъ, такъ напр., когда растворяютъ, говорится: «басловиця молодой или молодого коровай учыняць», или «расчиняць», когда мѣсятъ — «мѣсиць или катаць, у печь сажаць, вынимаць» и пр.

Когда коровай растворяють, поють:

8.

Злятайцяся, соколы́, 2
Да ўсе съ чужой стороны; 2
Да збирайцяся родъ къ роду, 2
Да старыя мужы на пораду, 2
Молодыя молодзички къ короваю; 2
Да старымъ мужомъ медъ вино пиць, 2
Молодымъ молодзичкамъ коровай учыняць.

Когда мѣсятъ коровай:

9.

А коли я коровай мясила, 2
Тойды́ я Бога просила: 2
«Ой дай, Божа, семъ дзявероў, 2
«А ни водныя золви́цы. 2
«Ой семъ дзявероў — красота, 2
«Й одна золва́ — сухота. 2
«Ой семъ дзявероў пиць подаваць,
«Одна золва́ — ноги разуваць».

При катаніи коровая:

10.

А коли я коровай качала, 2
То́йды́ я жыботомъ крычала. 2
Ой искорка, искорка 2
Съ прыпячка скакала 2
Да у Евачки пытала: 2
«О, Евачка, Евачка! 2
«Ци ў ласцы ты зъ маткой? 2
«А коли-жъ бы ты ни ў ласцы, 2
«Дыкъ твой коровай ни удастца. 2
«Шкода была да етого дару, 2
«Што подала до столу гаду [1]), 3
«А ни рукъ ни помыла,
«А ни Бога ни ўсхвалила».

---

[1]) Т. е. коровайницѣ.

— А я и ручачки мыла,
— Я и Бога хвалила.

11.

Старшая коровайница пьяна, 3
Ўсё цѣсто покрала — 3
То ў мѣхъ, то ў кишеню, 3
А дзѣцямъ на вячэру.
Кишенячка оторвалась,
Яна сорома набралась.

Когда сажаютъ коровай въ печь:

12.

А хвалилося помяло́: 2
«Ужэ-жъ мяне вясельля проняло́, 2
«Жаркія печы мятучы,
«Частыя коровая пякучы».

13.

Кудравый печъ мяце́, 2
А холо́стый саджая — 2
Богъ яму́ помогая.
Ўсё дзѣло зробили: 2
Коровай усадзили
Ручками да бѣле́нькими,
Перстьнями золотенькими.

Коровайницъ во все это время потчуютъ щедро водкою и напившись до пьяна онѣ поютъ между прочимъ слѣдующую пѣсеньку:

14.

Старшая коровайница!
Ни стой коля́ печы:
А *ба* [1]) ты хвартукъ спалишъ,
А *ба* курку осмалишъ.

---

[1]) Въ пересказѣ слышалось: *бы*. М.

Пока коровай сидитъ въ печи, поютъ:

15.

Коровай ў печы играя, 2
Заслонки отбивая. 3
А куды коровай понéсьци? 2
Понесьци коровай до клѣци, 2
А покласьци на матчыной скрыни: 2
А нихай матчыно сярдзечко радуятца, 2
Што на короваю шышачка сядзиць, якъ лебядзь.
А шышачка моя бялéсенька,
Дочка моя милéсенька.
Ой понесьць, понесьць до клѣци
И покласьць, покласьць
На батьковой скрыни:
А нихай батька радуятца и т. д.

Вынувши изъ печи коровай — чему, какъ и прочимъ дѣйствіямъ надъ нимъ, предшествуетъ благословеніе — его кладутъ на вѣко, покрытое холстомъ и несутъ въ клѣть въ десятеромъ (ў дзесяцёхъ). Въ это время поютъ:

16.

А ни пытайся, коровай, у перапечы: 2
«А куды сцежка до клѣци?» 2
— Ни пытайся, коровай, ни пытайся, 2
— Возьми пирожокъ, попирайся, 2
— Я ў клѣточку добивайся!
— Я [1]) ў клѣтоццы на полицы.
— А ляжыть сырокъ бѣленькій, —
— Ой зяць цещы миляинькій.

17.

Зъ Могалёва купцы ѣдуць,
Золотый обручъ вязуць,
А на нашъ коровай кладуць, —
Золотыя шпылячки
Анп наши шышачки.

---

[1]) *Я* вмѣсто *а*, полагаю, явилось вслѣдствіе смягчающаго вліянія гласной *я* послѣдняго слова въ каждомъ изъ предыдущихъ стиховъ. *М.*

Отнесеніемъ коровая въ клѣть зтаканчиваются свадебные обряды, совершаемые въ воскресенье.

Въ понедѣльникъ, въ домѣ молодой.

Въ ожиданіи пріѣзда молодого супруга она сидитъ со своими дружками за столомъ, поставленномъ противъ печи. Пріѣзжаетъ молодой съ своимъ поѣздомъ и останавливается передъ воротами, которыя передъ ними запираютъ жердями; ихъ не впускаютъ во дворъ, пока отъ нихъ не получатъ выкупа въ видѣ бутылки водки.

Съ молодымъ пріѣзжаютъ: бояринъ, подбояринъ, его отцы— крестный и родной, также и своякъ. Они привозятъ съ собою жениховъ коровай и 9 ржаныхъ (житныхъ) пироговъ, которые, по совершеніи подлежащихъ обрядностей, вносятъ въ хату и кладутъ тамъ на кутъ. На приготовленномъ на дворѣ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, лежитъ вынесенный изъ клѣти братомъ молодой ея коровай. Бояринъ беретъ съ возу жениховъ коровай и также кладетъ его на этотъ столъ. Молодой не слѣзаетъ съ воза и продолжаетъ сидѣть на немъ. Бояринъ идетъ въ хату, чтобы учинить тамъ выпивку съ невѣстиными дружками (перепиваць дружекъ), которымъ сверхъ того даетъ еще по копѣйкѣ. Невѣстину же брату онъ даетъ копѣекъ 10 и больше. Всѣхъ пріѣзжанъ однако въ хату еще не пускаютъ и придумываютъ для этого разныя препятствія. Въ это время прибывшіе поютъ:

18.

Пусьци, сватка, ў хату,
Будомъ сядзѣци, моўчаци,
Молодую къ сабѣ прывучаци.

Со стороны невѣсты поютъ:

19.

Литва, Литва,
Будзя у насъ битва:

Братъ будзя воеваци
И сястры ни оддаваци
За рубъ, за чатыры,
За два золотыхъ.

Изъ другихь препятствій, сверхъ приворотнаго, приведемъ слѣдующее: въ сѣняхъ дѣвушки въ два толкача толкутъ въ ступѣ лузгу и не пропускаютъ никого въ хату, пока не получатъ отъ боярина водки.

На встрѣчу къ зятю выходитъ наконецъ теща въ вывороченномъ шерстью вверхъ кожухѣ, со штофомъ водки въ рукахъ и тарелкою ржи, по верхъ которой положенъ пирогъ, хустка и поясъ (послѣдній на пирогѣ). Подойдя къ телѣгѣ, на которой сидитъ ея зять, она высаживаетъ его и затѣмъ опоясываетъ его поясомъ, за который втыкаетъ хустку. Сдѣлавши это, она три раза подаетъ молодому водку, которую онъ, принимая, не пьетъ. Первую рюмку онъ льетъ себѣ черезъ голову, вторую — черезъ правое плечо, третью — черезъ лѣвое. Въ это время изъ хаты выходитъ молодая и становится противъ молодого своего супруга. Братъ молодой и бояринъ молодого подымаютъ поочередно свои короваи другъ надъ другомъ, стараясь, поднять свой выше и пригаваривая каждый разъ: «нявѣста вышэ». — «Не, женихъ вышэ». Въ концѣ концовъ коровай молодого беретъ верхъ. Затѣмъ оба коровая вносятся въ клѣть и бояринъ ведетъ молодыхъ въ хату, за столъ. Въ хатѣ въ это время находятся девять свахъ и пять дружекъ. Когда всѣ усядутся за столъ отецъ молодухи предлагаетъ собранію водку и закуску, послѣ чего всѣ приглашаются «погуляць трошку». Устраиваются разныя забавы, что продолжается часъ — другой. Между тѣмъ накрывается столъ и всей бесѣдѣ, за исключеніемъ молодыхъ (и вѣроятно невѣстиныхъ дружекъ, боярина, подбоярина и музыки), подается обѣдъ, послѣ котораго всѣ въ немъ участвовавшіе отправляются гулять въ сѣни. Молодые же, а съ ними невѣстины дружки, бояринъ, подбояринъ и *музыка* остаются въ хатѣ. Имъ подается теперь особый обѣдъ, который состоитъ изъ яичницы,

колбасы, каши и борща[1]). По окончаніи этого отдѣльняго обѣда разгулъ становится общимъ: въ хатѣ и въ сѣняхъ.

Во время отдѣльнаго обѣда дружки поютъ боярину:

20.

Нѣтъ табѣ боярынъ сорома, 2
Подъѣў *ба* дома *спрокъ* вола, 2
По вяликомъ куску кусаяшъ,
По чаранки́ ложки саджаяшъ.

Зятю:

21.

«Чыя-то цещухна
«Коля рѣчачки ходзила, 2
«Утки, цяцерки ловила, 2
«А лю́бого зяця кормила?» 2
— Пятрочко́вя цещухна
— Коля рѣчички ходзила,
— Утки, цяцерки ловила,
— А любезнаго зяця кормила.

Свахи и дружки поютъ другъ другу бранчивыя пѣсни. Приведемъ изъ нихъ только нѣкоторыя.

Дружки свахамъ:

22.

А у старшыя свахи 2
На головѣ да чапецъ пляша; 2
А ни самъ ёнъ пляша, 2
Вошы яго подымаюць, 2
А гниды помогаюць. 2

Свахи:

23.

А у старшыя дружки 2
Цыцки, якъ подушки: 3

---

[1]) Моя разскащица подавала супъ, макароны (лапшу), колбасу, бутылку вина. *М.*

Цыцкою порося убила, 3
Подъ печь подсадзила, 2
А ступою закацила, 2
А соломою запалила. 2

24.

Ни чапися, дружачка, ни чапися,
Идзи за уголъ да по...ся!...

Дружки:

25.

А у старшыя свахи 2
Крапивная сорочка, 3
Лубяная споднице, 3
Смоляная рукавица: 3
Крапивная пячэтца, 2
Лубяная ни гнетца, 3
Смоляная прыстаня, — 2
Сваха зъ лаўки ни ўстаня. 2

Свахи:

26.

Старшая сваха сёмъ нядзѣль ня`ѣла, 2
Да ў сватэ хоцѣла,
А у сватокъ подъѣла
Гусяцины, кобыляцины,
Молодой жарабяцины.

Нѣкоторое время спустя, вся *бесѣда* (душъ 20—30) приглашается за столъ и на этотъ разъ не для ѣды. Дружко (бояринъ) начинаетъ испрашивать благословенія выгонять дружекъ, по извѣстной уже намъ формулѣ:

— Есть тутъ отецъ и мати, и мужы, жоны и весь міръ хрыщоны, басловиця дружекъ выгоняць!

Присутствующіе: «Богъ «басловиць!»

Дружко: «Ў другій разъ!»

Присут.: «Богь басловиць!»

Дружко: «Ў трэтій разъ!»

Присут.: «Богъ басловиць!»

Послѣ этого дружко вѣшаетъ себѣ черезъ плечо баклажку водки въ гарнецъ, въ одну руку беретъ двѣ зажженныя свѣчи, завернутыя въ полотно и перевязанныя красной лентой, а въ другую руку кнутъ, вскакиваетъ на лавку и, становясь между сидящими рядомъ младшей и старшей дружкой, начинаетъ стучать въ стѣну и кричать: «вонъ, вонъ, дружачки!»

Дружки поютъ:

27.

Головою, дружко, головою!
Дай ни нашаю сцяною, 2
Вой наша сцяна косьцяна, 2
Дружку голову расцяла.

28.

А у нашаго друццатка
Гладка голоўка, якъ ублядка, 2
Добро будзя бобъ молоциць:
А ни куды зерня ды ни поляциць.

29.

«А што ў лузѣ вы́я?»
— Дружко сучку мы́я.
«А што ў лузѣ квóкча?»
— Дружко сучку смóкча.
«А што ў лузи пищиць?»
— Дружко чэрци цисnуць.

30.

У нашаго друццатка
Шубка цялячьча,
Шапка собачьча,
Чаботки поросячьчы:
Шубка ры́кне,
А шапка брэхне,
А чаботки пискнуць,
А дружка чэрци цисnуць.

31.

А хваліўся дружко да своею жаною:
«Моя жана да работница:

«Семъ тыдней кросны ткала,
«А тыдзянь фартухъ шила,
«До обѣда ёна зносила.»

Дружко даетъ пѣвицамъ по рюмкѣ водки и по одной копѣйкѣ каждой. Онѣ прощаются съ молодой, цѣлуются съ нею, а затѣмъ поютъ:

32.

Валѣй было ни знатца, 3
Якъ намъ растатца. 3
А ни сами къ вамъ йшли, 3
А по насъ послы йшли — 3
По тры, по чатыры. 3
Займитя дудачки, 3
Привядзитя дружачки. 3

Пропѣвъ эту послѣднюю пѣсню и сказавъ «пуйдомъ!» уходятъ.

Расплетаніе косы.

Возлѣ молодзицы садится братъ ея и крестная мать. Братъ, вставъ, испрашиваетъ благословеніе «косу расплетаци» по той же извѣстной формулѣ, повторяемой три раза. Получивъ благословеніе, братъ принимается за дѣло, во время котораго свахи поютъ:

33.

Нима горшаго ка́та 2
Надъ родного брата: 3
Якъ сѣў за плячыма 3
Зъ ясными свячыма, 3
Расплёў ёй косочку, 2
Разліў ёй слёзочку.

34.

Ци ни жаль табѣ, Мяръячка,
Што твоя родзина за стоўпомъ,
А Петрыко́ва родзина за столомъ:
Маръячына родзина слёзки лье,
А Пятрочко́ва мёдъ, вино́ пье.

35.

Раскидай, Божа, батьково жыто
По полю по колосочку,
Якъ ёнъ раскидаў мое косочки
По плечамъ по волосочку.
Собяры, Божа, свекрово жыто
По полю по колосочку,
Якъ ёнъ собраў мое косочки
По плечахъ по волосочку.

Ср. выше, стр. 243, № 16.

По окончаніи расплетанія косы сестрѣ, братъ садится возлѣ нея. Дружко, держа въ рукахъ свѣчку и водку, подходитъ къ брату и предлагаетъ ему выпить *магарычъ* за косу. Но тотъ требуетъ, чтобы дружко далъ ему сперва деньги. «Не», говоритъ онъ, «кладзи дзеньги ўпяродъ, тоды́ будзимъ магарычи пиць». Получивъ деньги, братъ выпиваетъ поднесенную ему рюмку водки. Затѣмъ дружко подноситъ водку крестной матери невѣсты и 10 коп., родной ея матери, теткамъ и всей остальной роднѣ.

Родная мать молодухи приноситъ изъ клѣти ея коровай съ чепцомъ и платкомъ и кладетъ все это на столъ, а крестная мать вслѣдъ затѣмъ, испросивъ благословенія «чапецъ молодой на голову класьць», поджигаетъ ей съ 3-хъ сторонъ волосы, которые и кладетъ ей на голову, а сверху надѣваетъ чепецъ. Сваха въ это время поетъ:

36.

Сьце́рва, цётка, сьце́рва, 2
На што мою коску сьцерла? 3
И сьцерла, и змяла, 3
Подъ чэпчыкъ подпхала.

Поджигаютъ волосы дѣвушкамъ, имѣющимъ отъ роду не менѣе 20-ти лѣтъ, а дѣвушкамъ 16, 17-ти лѣтъ не поджигаютъ.

Послѣ надѣванія чепца крестная мать испрашиваетъ и получаетъ благословеніе возложить платокъ на голову молодой. Къ платку она пришпиливаетъ ленту. Покрытая такимъ образомъ (захихланная) молодуха, прикладываетъ голову къ своему коро-

ваю, положивъ сперва на него обѣ руки и оперщись локтями на столъ. Въ это время поютъ:

37.

Ой ишла, ишла по полю, лягла, 2
А наша Евачка къ скамьи прылягла. 2
«Ўстань, Евачка, вунъ Пятрочыкъ идзе!» 2
— Ни ўстану, ни прывитаю:
— Сильненько плачу, кубка ня убачу.
«Ўстань, Евачка, вунъ Пятрочыкъ идзе!»
— Я й ўстану, и прывитаю [1]):
— Сильненько плачу, а Петрачка убачу.

Затѣмъ крестная мать подзываетъ къ себѣ боярина (дружко), для полученія съ него платы. Подойдя къ ней съ водкой, бояринъ сперва предлагаетъ ей выпить, но крестная мать требуетъ, чтобы онъ напередъ далъ ей деньги. «Давайця дзенегъ», говоритъ она, «я годовала хрестницу». Бояринъ даетъ ей за захихлянне *грошы* (10 коп.), послѣ чего она, выпивъ предложенную водку въ одно время съ родней своей крестницы, опять подзываетъ къ себѣ боярина, подбоярина и молодого. Послѣдній взобравшись на лавку, заходитъ позади своей новобрачной и приложивъ свои ладони къ ея вискамъ, быстро, какъ бы отдергивая (моя разскащица, для большей наглядности, продѣлала это со мною), три раза подымаетъ ея голову отъ коровая. За треть имъ разомъ онъ цѣлуетъ свою супругу и садится возлѣ нея.

38.

Спознай, спознай, Пятрочыкъ
Свою Евачку!
Ци ни бабочка старая? 2
Ци ни подмана якая? 2
Коли бабочка — отопхни, 2
Коли Евачка — прыгарни. 2

---

[1]) Тутъ, видимо, не достаетъ одного или двухъ стиховъ. *Ш.*

39.

Сваха сваси покорылася,
Низенько ў ножки поклонилася:
«Свахночка моя, маточка моя!
«Прошу я у васъ,
«Штобъ ни было мойму дзицяци
«Ганьбы у васъ,
«Штобъ ни стояла позно звечера
«Подъ окномъ,
«Штобъ ни уцирала дробныхъ слёзокъ
«Рукавомъ».
— Да коли будзя нашаму добру прыяти,
— Дакъ ня будзя подъ окóнячкомъ стояти.

Въ то время, когда молодой сидитъ возлѣ своей супруги дружко испрашиваетъ у присутствующихъ благословенія 3 раза «молодымъ ў дорогу ступаць». Послѣ этого молодые, бояре и всѣ участвующіе въ поѣздѣ встаютъ и попарно выходятъ изъ хаты. При этомъ свахи поютъ:

40.

Ў дорози Пятрóчыкъ, ў дорози, 2
Да ни кованъ коникъ ў вози. 2
Да ни буду коника ковати ў вози, 2
Ё у мяне ковале ў дорози, 2
Подкуюць коники и ў вози. 2
Ё у моей Маръячки косничкé, 2
Тожъ мойму конику поводкé, 2
Ё у моей Маръячки пярсьценочки, 2
Тожъ мойму конику подковочки, 2
Ё у моей Маръячки коралькé, 2
Тожъ мойму конику ухналькé.

Возлѣ крыльца дружко беретъ на руки молодую и сажаетъ ее въ телѣгу, гдѣ заранѣе положены уже перина и двѣ подушки. Рядомъ съ молодой садится ея супругъ. Онъ везетъ свой коровай обратно. Напротивъ молодыхъ («очыма» къ молодымъ) садится крестная мать. Съ ними же ѣдетъ и подбояринъ, который теперь исполняетъ должность возницы и погоняетъ лошадей.

Впереди этой телѣги ѣдетъ бояринъ со сватомъ. Поѣздъ, смотря по количеству «рода», составляется изъ 4, 5, 10 и 15 телѣгъ. Выѣзжаютъ со двора около 10 часовъ утра. За воротами свахи поютъ:

41.

Выкруцили, вымуцили
У пана свата бочку мядочку,
А выкруцили, вымуцили
У Куземки дочку.
А посадзимъ, а посадзимъ
Да на новымъ возо́чку,
А повязомъ, а повязомъ
До свойго домо́чку,
Я положымъ, *я* положымъ 2
Да на нової кроваци:
Што захочымъ, тоя зробимъ
Съ чужою дзицяци.

По пріѣздѣ къ свекру молодая соскакиваетъ съ телѣги, распрягаетъ свою лошадь и снова садится на свою телѣгу. Женихъ же, въ это время распрягаетъ всѣхъ лошадей, потому, что всѣ лошади его и ставитъ ихъ «на мѣсто». Дружко снимаетъ съ телѣги постель и относитъ ее въ клѣть, гдѣ кладетъ на приготовленную кровать. Свахи при этомъ поютъ:

42.

Выйдзи, маточка, поглядзи! 2
А што табѣ бояре прывезли. 2
А прыве́зли скрыню и пярыню;
А ў той пярыни сыну спаць
Да нявяхною посылаць.

43.

А прывязли мядзвѣдзицу —
Сопливую хрипливую;
Треба яе да пона́дзици,
По чэрэву погла́дзици.

44.

Сюды, туды я нявѣхну пошлю,
А сама ў пяро́дъ пойду:
Моя лытка тоўстѣйшая,
А я сама воротнѣйшая.

45.

А бяжыть тараканъ по сцѣнѣ,
А Евачка кажа: «вохъ ця мнѣ!
«А вядуць мяне ў клѣць спаць,
«А будуць у мяне праўду пытаць,
«А ўсю праўду сказаўшы, —
«А будуць биць, звязяўшы,
«А половину сылгаўшы,
«А будуць цѣловаць обняўшы.

На встрѣчу молодой выходитъ свекровъ, въ вывороченномъ шерстью вверхъ кожухѣ, неся въ рукахъ водку и тарелку ржи. Ссадивъ невѣстку съ телѣги и взявъ ее за руку, онъ подаетъ ей, три рюмки водки. Первую рюмку невѣстка выливаетъ черезъ голову, вторую — черезъ правое плечо, третью — черезъ лѣвое. Послѣ этого пріѣзжихъ приглашаютъ въ хату, гдѣ ихъ сажаютъ за столъ и потчуютъ водкой и закуской. Послѣ угощенія нѣкоторое время гуляютъ, танцуютъ, веселятся и затѣмъ крестная мать молодой снимаетъ съ нея *«захихланьне»*, для чего молодую чету предварительно посадятъ на кубелъ *«плечыма»* и тутъ крестная мать *расхихлаетъ* свою крестницу, а снявши *захихланьне*, она накладываетъ молодухѣ на голову другой чепецъ, а сверху небольшой платокъ, иногда шелковый. Исполнивъ этотъ обрядъ, крестная мать сталкиваетъ (штурхне) съ кубля свою крестницу и садится сама на ея мѣсто, «плечыма» къ молодому. Послѣдній, будто осмотрѣвшись, сталкиваетъ крестную мать и начинаетъ искать свою молодую жену. Онъ ее, разумѣется, скоро находитъ и оба они снова садятся на кублѣ въ прежнемъ положеніи. Затѣмъ ихъ покрываютъ холстомъ и бояринъ ведетъ ихъ въ такомъ видѣ за столъ. Тамъ свекоръ снимаетъ съ молодыхъ холстъ

и говоритъ: «Дарую счастья и долю и вѣкъ доўгій, штобъ пуза́цяли и бога́цяли, штобъ одно одного поважали и кабъ маткой и батькомъ называли. Дарую коня» [1]).

Вслѣдъ за молодыми къ свекру пріѣзжаютъ приданки. Пока послѣднія гуляютъ, молодая помогаетъ свекрови приготовить для нихъ угощенія. Она ходитъ съ ведромъ за водой и пр., во время угощенія прислуживаетъ приданкамъ, подаетъ имъ блины и пр. Тутъ приданкамъ еще подаютъ сырого сала и «пячо́наго» и колбасъ. Закусивши, приданки снова гуляютъ и поютъ. «Вычухаўшысь», говорила моя разскащица, «дзѣда дзѣлаюць»: возьмуць женскую сорочку, напхаюць яе соломой, надзѣюць штаны и сверху наложаць шапку, на яйцы повѣсяць ему буракъ и поставяць яго на кутъ. Одна приданка пилнуя, штобъ не обрывали, не скубли дзѣда, голосиць: «Дзѣдка мой»! Остальныя приданки, забравшись на лаўку, стучатъ и поютъ:

46.

Стоиць цэрква склята,
Изъ блиноў злята,
А ў тэй цэркви
Стоиць попъ
Зъ грэцкій снопъ:
Попъ сморкачъ,
... съ тоўкачъ.

Одна изъ болѣе бойкихъ приданокъ вноситъ въ это время борону, сверху которой положитъ заслонку, изображающую листъ писанной бумаги, а если въ хатѣ попадетъ лоскутокъ настоящей бумаги, то кладутъ его, и читаетъ. Въ это время стоящія на лавкѣ поютъ:

47.

Горэлки, сваця, горэлки!
Ни братци было у насъ дзѣўки,
Ни робици было ей дзирки,

[1]) Меньшому сыну отецъ даритъ больше, чѣмъ старшему, напр. даетъ ему лошадь рублей въ 50. — М.

А вязлиця ѣхаць до короля,
Залячыця дзирочку якъ была.

Послѣ этого приданкамъ даютъ водки, и свекровь приноситъ имъ для закуски ржаной пирогъ, обвязанный краснымъ поясомъ. Приданки, поплясавъ немного, поютъ:

48.

А ходзила паненочка по избѣ,
Носила лучыночку ў п...ѣ,
А хоцѣла домъ запалици,
А убачыла ... на полицы,
А ня буду дома палици,
Нихай ляжыць на полицы,
Вытращаўшы вочыцы,
Да на насъ, молодзицы.

49.

Прыданочка католичка,
Яе п.... не вяличка:
Семъ копъ конопель мокло.
Ўсё тыя нидоросточки
Поломали ў п.... косточки.

50

Х...но, х...но, х...но,
Ни ходзиця ў гумно:
Абы мышка зъѣсьць,
Абы яшерка попадзе,
Абы дзѣўки попадуць,
Да на сябе ўзволокуць.
Одна кажа: «рэзьма!»
А другая кажа: «зъѣзжма!»
А трэтья кажа: «ни псуйма!»
Сама сабѣ ўсуйма!

Эту пѣсню, по словамъ разскащицы, свахи-приданки поютъ любопытнымъ дѣвкамъ, которыя подслушиваютъ ихъ пѣсни.

Вечеромъ, когда сидятъ за столомъ, приданки даютъ молодому въ руки держать «почынокъ», который молодая должна сма-

тывать въ клубокъ. Подъ конецъ вечера молодые сами отправляются спать въ клѣть, гдѣ постель приготовила для нихъ сестра молодой. На другой же день рано по утру они встаютъ сами, безъ всякихъ особыхъ обрядностей, рубаху же осматриваетъ только свекровь да родная мать молодой. Это теперь. Прежде было не такъ. Постель сталъ дружко; въ клѣть вводили молодыхъ одни мужчины. Они заставляли молодую при себѣ снять рубашку и надѣть другую. На другой день молодыхъ поднимали съ разными обрядностями, рубаху разсматривали дружко, крестная мать и вся дружина жениха. Послѣ этого осмотра, мужчины рубаху передавали приданкамъ, которыя играли съ нею, выдѣлывали съ ней разныя штуки, катали ее по столу и т. п.

Приданскія забавы начинаются въ понедѣльникъ послѣ обѣда и кончаются въ тотъ же день вечеромъ.

Вторникъ.

Отецъ молодой, взявъ пирогъ, отправляется приглашать къ себѣ въ гости мать молодого и самихъ молодыхъ.

Въ домѣ свата онъ оставляетъ принесенный пирогъ, въ замѣнъ котораго получаетъ другой. Приглашенные являются и часто въ изрядномъ количествѣ, смотря по количеству родни, «рода». И на этотъ разъ изъ женихова дома привозится 9 *житныхъ* пироговъ. Прибывшихъ гостей сажаютъ за столъ и имъ подаютъ водку, блины (блинэ), яичницу, колбасы, мясо, квашенину (застуженную, по словамъ разсказчицы). Послѣ закуски гости отправляются въ сѣни гулять. Затѣмъ, если нѣтъ «пярезвоў», дѣлятъ коровай; послѣ чего продолжаютъ гулять. Если же есть *«перезвы»*, то послѣ первой закуски изъ дома отца молодой всѣ отправляются къ тому хозяину, кто пригласилъ на перезовъ, «ўзяў пярезоў», тамъ снова закусываютъ, гуляютъ и наконецъ ужинаютъ. Послѣ ужина возвращаются въ домъ отца молодой, у котораго только теперь дѣлятъ коровай.

Этотъ обрядъ совершается такъ: всѣ усаживаются за столъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на кутѣ — крестный отецъ молодой,

возлѣ него — крестный отецъ молодого, далѣе крестныя матери молодого и молодой, на краю — родные отцы и матери молодыхъ. Родная мать молодой вноситъ въ хату изъ сѣней коровай и кладетъ его на столъ. При этомъ дружко возглашаетъ: «Дайця воды руки помыць и рушникъ руки поцерци!» Хозяйка дома тотчасъ исполняетъ требуемое и подаетъ ему то и другое. Помывши и вытерши руки поданнымъ ручникомъ (который остается въ его пользу), дружко испрашиваетъ, по заведенной формулѣ, у присутствующихъ благословенія «коровай дзялиць» и только за третьимъ разомъ, произнесши: «Богъ благословіў на порадокъ насъ напуціў», онъ начинаетъ рѣзать коровай, средину котораго отдаетъ молодымъ. Дружко выкликаетъ: «Эй, есть тутъ молодой батька и матка, кабъ ены на етый часъ прыбыли, намъ што кольвикъ подаривали». Оба подходятъ вмѣстѣ, берутъ съ тарелки куски коровая и говорятъ: «Дарую счасьцьця и долю, и хлѣба ў волю, и чырвонца, и корову», и кладутъ деньги, которыя тутъ же отдаются молодымъ. Молодые кланяются. Дарятъ и свинью, и овцу, и гусей. А денегъ — по словамъ разсказчицы — даютъ кто рубль, кто пять рублей (въ послѣднемъ можно усумниться). Затѣмъ вызывается отецъ и мать молодого, его крестные и вся родня. Во все это время возлѣ стола стоятъ 10 мальчиковъ, называемыхъ *запоро́зцами*, и если кто подаритъ, они стараются звукоподражательно заявить присутствующимъ о качествѣ полученнаго дара. Такъ напр., если кто подаритъ гуся, то они кричатъ: «го, го, го!», свинью — «куги́, куги́!», овцу — «бя, бя!»; если дадутъ деньги, они произносятъ: «дзинь, дзинь!» и пр. Послѣ всѣхъ дружко вызываетъ въ заключеніе и этихъ «запорозцевъ», для которыхъ у него уже заранѣе нарѣзаны мелкіе кусочки коровая; онъ обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Эй запорозцы! кабъ ласковы были, на етый часъ прибыли, намъ што кольвикъ подаривали?» — «Дарую счасьцьця и долю, и хлѣба ў волю. Табѣ дарую, дружко, тые пчёлы, што ў осиновымъ *рози*, и тую козу, што трасе лозу, и того вола, што бѣгая кругомъ млына. А ты, дружко, поймай, да ў ср . . . поцирай!»

Въ среду бываетъ дѣлежъ коровая въ домѣ молодого, для чего отцемъ послѣдняго приглашаются родители новобрачной и вся ея родня.

Изъ многихъ пѣсенъ, которыя поютъ на *перезвахъ*, приведемъ одну, которую намъ удалось записать:

51.

Да чаго вы сядзиця ни вясёлянькія? 2
Я-жъ васъ попрошу, я-жъ вамъ подношу.
Будзя вашымъ коникамъ оброкъ тоўчоный,
А для васъ, госьцики, мядокъ сычоный.

По записямъ того же кандидата.

Нѣкоторыя свадебныя пѣсни изъ разныхъ уѣздовъ той же губерніи.

Минск. уѣзда, дер. Гричино.

1.

СИРОТѢ.

Яблонька зялёненька,
Чаму яблокоў на табѣ много,
Винпаго — ни водного?
У цябе, Анетка, матокъ много,
Ро́дной — ни во́дной;
Есть кому пиць и ѣсьци,
Да ни́кому до *ладу* весьци;
Есть кому вясяли́цися,
Да ни́кому зажури́цися.

2.

Чиразъ сѣни ў зяленомъ зельи
Соловейка щабеча;
Цябе, Анетка, твоя мамка кличa;
Ой кличь, ня кличь — я же табѣ
Да не потрэбна,
Шыю хусточку, шыю шарыночку,
Шолкомъ вышываю

И зъ Костусемъ зъ молодзѣнькимъ
Въ Божій домъ выѣзджаю.
Анéтчина матка передъ Богомъ стоиць,
Господа Бога просиць:
«Госпóдухна, Божухна!
«Спусьцися до мяне зъ неба,
«Тамъ мнѣ вельме трэба
«Поглядзѣць своягo дзиціяци,
«Ци хорошо наражона,
«На посадзи ци посажона?»
— Нарадзили, якъ лебёдку,
— Посадзили, якъ сиротку,
— Наражона по Божыму,
— Посажона по сирочыму

3.

Братъ сястрицу на посадъ вядзе.
(См. выше, стр. 85, № 40).

4.

Стояць садочки ў три радочки:
Ў первомъ садочку — зязюля кукуе,
Ў другомъ садочку — соловей щабеча,
Ў трэцьцимъ садочку — Анетка плача.
Зязюля кукуе — дзѣтки годуе;
Соловей щабеча — гнядзечко вьючы;
Анетка плача — замужъ идучы.

5.

Вязли карету синюю,
Взяли Анетку силою,
Не такъ силою, — за грошы,
Што яе Костусь хорошы.
Ой хорошъ, хорошъ!
Лѣпшъ за ўсихъ,
Да склоніў голоўку
Нижы ўсихъ.

6.

Да не жаль же намъ бѣленькаго сыра, 2
Ой жаль же намъ Анетки семянина: 2

Ци ей не было якого дворанина, 2
Што ёна идзе за мужицкаго сына. 2.

7.

Ў нядзельку да ранюсенько
Синя мора колохалося;
Два бобра да купалися,
Два стральцы намоўлялися
Тыхъ боброў побици:
Анетцѣ на шубочку,
Костусю на шапочку.
Анетка на посадъ идзе,
Ў ручкахъ шубочку нясе:
Дѣвочки сястрицы,
Помаленьку идзице,
Шубочку не сотрице:
Шубочка моя дорогая
Ня тутъ ёна спраўляна,
Спраўляна на *Урадзѣ* (?),
Прыслана мнѣ младзѣ,
Зъ руцьвянымъ вяночкомъ,
Зъ золотымъ пярсьценёчкомъ.

8.

Ў нядзельку ранёсенько
Анетка по двору ходиць,
Бѣлыя ручки ломиць,
Своихъ панойцоў просиць:
«Панойцы, мое рóдненькіе,
«Ня познеце мяне позьненько,
«Тамъ же мяне ксяндзы ждали,
«Косьцелы поодмыкали,
«Коберцы порасьцилали,
«Да ужешъ на молодыхъ
«Давно ждали».

9.

Ня стой, Боже, подъ окномъ,
Да идзи, Боже, ў хату,

Поможы, Боже, вянки виць,
Нашимъ молодымъ доўго жиць.
Поможы, Боже, повиваць,
Нашимъ молодымъ пановаць

10.

Повили вяночки, повили
Ни зъ руты, ни зъ мяты,
Зъ шалавея, зъ дробныхъ злачекъ,
Зъ дробныхъ злачекъ, зъ лилей.

11.

Собралися паненочки,
Увили вянóчки.
Зъ *романитыхъ*[1]) квятоў ввили,
Жыбы панство прыняць рачыли.
Вяншýю вянками:
Дзевяць сыноў — ксендзами,
Дзесята дочка — мнишка.

12.

Сваци наши,
Гдзѣ-жъ кавалеры ваши?
Одного прывéзли —
У того ноги облѣзли,
А другого молилися —
У того соўсимъ одвалилися.
Дай жа намъ потпоры:
Будземъ попираць,
Кабъ было зъ кимъ танцоваць.

13.

«Чаго-жъ, Анетка, чаго-жъ, молодая,
«Такъ сильно плачышъ?»
— Моя маточка, моя рóдная,
— Якъ же мнѣ не плакаць —
— Чужіе людзи судзяцъ, говóрацъ,
— Што я ваша ня буду.
«Мое дзицятко, мое роднос,
«Ня слухай тыхъ людзи!

---

[1]) Не *«розмаитыхъ»* ли? *Ш.*

«Пойдзи ў садочакъ,
«Свій вяночакъ,
«*Сяць* сабѣ межъ дзѣвочакъ.
— Дзявоцкія лаўки отъ вянкоў *зіяюць*,
— Яны мяне прыймаюць,
— А жаноцкія, якъ бѣль, бѣлыя,
— Яны мнѣ ня милыя.

14.

«Ни думай, моя Анетка!
«Пераѣдзешь рэчачку и Дунай,
«Стань сабѣ подумай:
«Не слала посьцельки — трэба слаць,
«Не знала свякроўки — треба знаць.»
— Свякроўка маткою ня будзе,
— Только моему сердзячку жаль будзе.

15.

Шумяць, шумяць шолковые поводы,
Бягуць, бягуць вороные кони одъ воды,
Почувацися вороные кони подъ нами,
Да ещо бѣгчи чатыры мили борами,
А пятую милю — жалѣзными мостами,
Кабъ мы свою Анетку дома застали.

16.

Подъ горою, надъ долиною,
Сядзиць голубчикъ зъ голубицою.
Ены сядзѣли и говорыли
Правымъ скрылечкомъ сябе покрыли.
Прыѣхаў казакъ зъ Чорнаго мора,
Забіў голубца — голубка вдова.
Стаўлю водзицу, сыплю пшаницу:
«Ѣшъ голубица — млада вдовица».
— Ня буду ѣсьци, ня буду пици,
— Нима милого и не съ кѣмъ сѣсьци.

17.

Ой знаци, знаци,
Што чужая маци,

Вывярнула кожушокъ,
Да хочс спужаци,
Я-жъ того страху
Да не боюся,
Горэлки ня пью,
Да зъ воза не звалюся.

18.

Стукъ, стукъ по сѣняхъ,
Стукъ, стукъ по новыхъ;
Свекратка ходзиць,
Да нявѣхну будзиць:
«Встань, нявѣхна, встань нябога,
«У людзкй тоўкуць и мелюць,
«А у насъ, нябога, не чуваць ничого,
«Ни тоўкучи, ни мелючи,
«Ни по воду идучи».
А встала нявѣхна,
Зирнула ў оконце:
— Ты мяне не родзила,
— Кабъ ты мяне будзила,
— Кабъ ты не дождала,
— Кабъ ты мяне посылала.

19.

Ѣхали сваты кола тыну,
Вырвали свату чупрыну,
Да ўзбили на тычыну:
Кто ѣдзе — смяёцца,
Сватняя чупрына трасёцца;
Кто ѣдзе — пытае,
Сватняя чупрына летае.

20.

У старшаго свата — голая голова,
А у другого свата — крывая нога,
А у трэцьяго свата — сивая борода:
На голой головѣ бобъ молоциць,
Крывою ногой жаръ загребаць,
Сивою бородою печь выметаць.

21.

Старшей сваци споднща
Ў тры *брыта* пошыта:
Одна брыта — смоляная,
А другая — лубяная,
А трэцьця — скураная.
Смоляная — къ лавѣ прыстае,
Лубяная — по пятамъ бье,
Скураная — хороша.

22.

Дай намъ сваци пирога, —
Возьчемъ вола за рога,
Сивую кобылу за грыву,
Поставимъ яе на рынку,
Поставимъ яе ў раду́,
Пропьемъ яе на мяду.

23.

Гдзѣ родзилася — тамъ не была.
Куды мяне цёмная ночь завяла?
Ў тое сяло крывое
Ў мужиръе дурное:
Што пьюць горэлку бязъ мѣры.
Бяруць дзѣвочекъ бязъ вѣры.

24.

Сватове, панове
Чрызъ боръ ѣхали,
Чаму хвойну не нарвали?
Чаму молодого не обували?
Наша молодая, якъ суровещечка,
А молоды, якъ головешечка;
Наша молодая, якъ сыръ бѣлая,
А вашъ молоды, якъ пень горэлы;
Наша молодая, якъ зо́лото,
А вашъ молоды, якъ до́лото;
Наша молодая, якъ суница,
А вашъ молоды, якъ дурница.

25.

У нядзельку вячаркомъ
Ўсѣ столы да кругомъ;
Стали за тыми столами
Костуська зъ сватами.
Ў дорожку выбираецца,
У матушки пытаецца:
«Матушка, моя родная,
«Да кого мнѣ ў сваты садзиць?»
— Костуська, мое дзицятко,
— Сажай свою всю родзиночку,
— Худобую и богатую:
— Богатая пыховаць будзе,
— А худобая вспоминаць будзе.

Всѣ 24 зап учен. VII кл. Слуцкой гимназіи Сикорскій. Сообщен. директоромъ той гимназіи В. И. Носовичемъ.

Того-же уѣзда, Гатовскаго прихода.

1.

Горда была гордóвица
Ў городзѣ стоючи,
А якъ тольки защипали,
Тикъ бордзенько извяла,
Свое лисьцяйко зеляненько
Ў борозеночку склала.
Горда была, пышна была
Дзѣвочка у мамки,
А якъ только заручали,
То покорненька стала,
Своей мамотцѣ, своей родненькой
Да до ножечекъ пала,
Слёзками дробненькими
Землицу укрыла.

2.

Бѣгъ зайка черезъ гайку, — да ў овёсъ;
Ѣздіў братка по сястрицу, да ня привёзъ.
Да стоиць коникъ на стиянцѣ рогоче,
Братъ съ сястрицей растацися ня хоче.
Да стоиць коникъ на ганочку, ножками тупъ—
Оставайся моя сястрица тутъ.

Ср. выше, стр. 250.

3.

Зажигай, мамка, свѣчки,
Да выйдзи на ўстрѣчки —
Сустрѣнь двое дзѣтокъ:
Одно съ однимъ распознались,
Ў нядзѣльку звянчалися;
Одно дзиця да родзо́ное,
А другое судзоное.
Родзоное годовать будземъ,
А судзоное посылать будземъ.

4.

«Отчини, мамочка, новый дворъ,
«Ой ѣдзе, ѣдзе сынокъ твой».
— Ня успѣю, сынокъ, ня успѣю:
— По двору хожу, макъ сѣю,
— Сподзяюся цвѣту чирвонаго
— Съ той маковки золотой
— Жду къ сабѣ нявѣхны молодой.

5.

Братъ сястру на посадъ вядзе,
А яна яму до ногъ падзе.
«Мой брацейко, мой родненькій!
«Чи додзѣла я табѣ?»
— Моя-жъ сястрица, моя родная!
— Да ня ты-жъ мнѣ додзѣла,
— Да додзѣли-жъ мнѣ, додзѣли
— Частые госьци твои:
— Изъ подворья ня съязжаюць,
— И съ коникоў не слязаюць,

— И коники томяць,
— И шапочки ломяць.
— Кони потомили
— И шапочки поломили,
— Покуль тябе молодзенькую ўзяли.

6.

За стяной, за кремяной
Шепчуць, говоруць,
Поцихоньку мовяць, —
Сужонки съ дзѣвочкой
Хорошо говоруць:
«Слухай мяне, дзѣвочка,
«Якъ я тябе слухаю.
«Съѣздзіў коники неѣзджалаго,
«Стоптаў боцики подкованые,
«Зломаў шапочку ў рукахъ носючи,
«Тябе, молодзенькую, у родзицелей просючи».

7.

Сядзѣла дзѣвочка за столомъ,
Поклала ручки на столѣ:
«Бѣлы мои ручки у мамки,
«Да чи будуць таковы у свякрови —
«Грецкую нявѣйку тоўкучи,
«Сырую пшонку подсѣючи»?
Зачуў тое сýженка:
— Ня журися, дзѣвочка, ня журися!
— Грецкую нявѣю перавѣю,
— Сырую пшóнку подсушу,
— Табѣ ручки подлячу.

8.

Черезъ море да лежала кладка,
Тудою шла да Божія Матка.
Ой чую, чую пахучее зелье,
Ой знаю, знаю сироты вяселье,
Пошлю ангелоў да на погулянье,

Дамъ имъ свѣчачекъ на застрѣчанье,
А сама сяду у сироты на пораду.

Всѣ 8 зап. учит. народн. учил. О. Солнцевой. Сообщ. директ. народн. уч. Минской губ. Е. Е. Тимоѳеевымъ.

Того-же уѣзда, м. Ячонки, близь мѣстечка Столбцы.

(Поютъ, когда молодые идутъ на другой день свадьбы съ короваемъ къ помѣщику).

1.

Чый-то *корогодъ* [1]) ходзиць? 2
Семь сотъ людзей водзиць?
Да не самъ же ёнъ ходзиць, —
Молоды дружко водзиць.
Мы до пана съ поклономъ,
До пани съ *куницею*,
Зъ молодою молодзи́цею.

2.

Да у нашаго пана 2
Свѣтлица — не́ хата,
Покуце ўсе ў золоцѣ,
А запечэкъ ў аксамици,
Печь его да кахля́ная, 2
Чесьць его да коханая.

3.

Нашъ панъ якъ цихо́е ля́то, 2
Щасьць ему, Пане Божэ, за́ то;
Сама пани якъ богиня,
А дзѣ́точки якъ квѣ́точки,
Самъ панъ якъ цихо́е ля́то,
Щасьць ему, Пане Божэ, за́ то.

4.

(На обратномъ пути отъ помѣщика).

Ой были мы у па́на,
Ѣли мы барана,

---

[1]) Подъ словомъ *корогодъ* тутъ разумѣютъ — *коровай*. *О.*

Съ перцамъ, съ шафранáми,
Съ дорогíми прыправами.

Всѣ 4 зап. учен. VIII кл. Слуцкой гимназіи П. Оскерки. Сообщ. директоромъ той же гимназіи В. И. Носовичемъ.

Игум. уѣзда, с. Микуличи.

1.

Ў нядзѣлячку поранý
Приплыла прыплаўка къ бярагу,
А на той прыплаўци — мураўка;
Да на той мураўци конь ходзиць,
Да на томъ конику — сядзѣлца,
А на томъ сядзѣлцу — Павялка.
Ёнъ яго водой обливая,
Ёнъ у яго праўды пытая:
«Ой косю, косю, ты сивы!
«Ци завязешъ мою княгиню?
«Ци завязешъ мяне подъ тую гору крутую,
«Подъ тую зару я́сную,
«Подъ тую дзѣўку красную?»

2.

Цёмна ночачка, нявидна, —
Зажурылася соколикова мамочка:
«Чаму мойго сына-сокола дома нѣтъ?
«Ой, нѣйдзя ёнъ у щырія боры поляцѣў;
«Нѣйдзя его дробныя пташачки зьлюбили;
«Яны яго ў гнядзечко ўсадзили;
«Яны яго ягодками кормили;
«Яны яму дробну пташачку сулили!»
Ой, цёмна, нявидна ночачка, —
Зажурылася Прокóпкова мамочка:
«Чаму мойго сына Прокóпки дома нѣтъ?
«Ой, нѣйдзя ёнъ цяразъ мѣсцячки поѣхаў;
«А нѣйдзя яго мѣщаночки зьлюбили;
«Яны яго ў свяцёлочку усадзили;

«А яны яго мёдомъ-виномъ поили
«И красную дзѣвочку сулили».

3.

Ляцѣли гусачки цяразъ садъ,
Крикнули-гукнули на ўвесь садъ:
«Пора табѣ, Павялка, на посадъ!»
— Што-жъ вамъ, гусачки, до того?
— Ё у мяне браточка ля того.
— Ёнъ жа мнѣ порадокъ повядзе,
— И мяне подъ вянецъ повядзе!»

4.

Готовала Аўгинка [1]) вячеру,
Ждала къ сабѣ служаньку ў нядзѣлю;
«А коли ня будзя ў нядзѣлю,
«Дакъ я табѣ шкоданьку учиню:
«На Дунаи мосты размощу,
«Ў бору дорогу завалю,
«А ў поли коники сунишу,
«А ў воротахъ сторо́жу поставлю».
— Молодая Аўгинка!
— Я-жъ твое шкоданьки ня боюся:
— Я ў поли коники подгоню,
— А ў бору дорогу прыбяру́,
— На Дунаи мосты намощу,
— А ў воротахъ сторожу упрошу;
— На куцѣ́ дружакъ разгоню, —
— Ля [2]) свое́ дзѣвочки самъ саду.
Якъ сядзѣли дзѣвочки — дакъ пѣсни,
А якъ сужанька [3] — дакъ уцѣшна!

5.

«Прыбирайся, Сямёнка,
«То ў атласъ, то ў золото,
«То ў чырвоную шапку;

---

[1]) Собственное имя «Аўгинки» выставлено для примѣра.
[2]) Т. е. около.
[3]) Женихъ, будущій супругъ.

«Кабъ отъ цябе вулочка *ззьяла*,
«Кабъ цябе дзѣвочка знала!»
— Вулочка отъ сонца ззьяя,
— Дзѣвочка даўно зная!

6.

Ко́ли са́ду, ко́ли виногра́ду дорожка;
Тудэ́ю ѣхаў молодъ Сяменка;
А прывязаў вороного коня къ дубра́вя,
А самъ пошоў ў садъ-виноградъ слухаци,
А што ў садзя-виноградзя пташки пяюць?
Ажъ его дзѣвочка хусточку шыла-рубила:
«Прыняси, Божа, мойго Сяменка, што люблю,
«Дарую яму хусточку, што рублю!»

7.

Пяразъ садъ зялененькій
Бяжыць конь вороненькій;
А за тымъ за коникомъ —
Молодзеньки Па́вялка.
Забачыў ёнъ дзѣвочку
На высокумъ ганочку:
— А дзѣвочка душачка!
— Пярайми мойго коня!
«Рада-бъ я пяраняць,
«Дакъ боюся мамочки.
— А ня бойся ты мамочки,
— Да побойся ты Бога,
— И мяне молодо́го;
— Мяне молодого,
— Канчука рамяно́го!

ПѢСНИ КОРОВАЙНЫЯ.

8.

Сыйдзи, Божа, зъ неба!
Цяперъ ты намъ треба.
Помогаў учыняци,
Поможи й замясици,
Помогаў усадзици,
Поможи й надзялици!

9.

Охъ вы, хлопцы,
Милые молойцы!
Побяры́ця топорцы,
Да идзи́ця ў лясо́къ!
Отрубиця ясяно́къ,
А й вязиця ў гумно;
Посячиця на загнетъ:
Кабъ нашъ коровай я́сянъ быў,
Кабъ нашъ Сяменка кра́сянъ быў!
А я́сянъ коровай, ясне́някъ,
А кра́сянъ Сяменка—красне́някъ!

10.

До бору, молойцы, до бо́ру!
Да бярице топоры съ собою,
Рубайце сосну до до́лу.
Стояла сосонька килько лѣтъ,
Зрубили сосну на загнетъ,
Кабъ нашъ загнетъ ясенъ быў,
Кабъ нашъ коровай красенъ быў.
Подыхоць коровай
Вышай печи мурованой,
Вышай князя молодого.
А ў нядзѣлю рано
Бояръя ў печки затопили,
Да жалѣзными дровами.

11.

Я коровайница молодая,
Да не молодая — мядовая!
Хоць пчёлочку задавиця, —
Мнѣ горэлочку подсыщиця.

12.

(Когда вынимаютъ коровай изъ печи).
А дзѣ тыя ковали́,
Што етую печку ковали́?
Нехай яны йдуць — разкую́ць,
Сабѣ золота побяруць,
А нашъ коровай—намъ отдадуць!

13.

(Когда несутъ коровай въ клѣть)
А пытаўся коровай у пярапечи:
«Куды тутъ сцежка да клѣци?
— А ты, короваю, ня пытайся!
— Возьми пирожокъ, попирайся!
— А цяразъ порогъ, а цяразъ други́,
— А цяразъ треци — ў клѣци.
Положиця яго на жиця,
Дай Божа яго спожици!
А нашимъ дзѣцямъ — доўга пожици!

Всѣ 13 зап. учен. минской духовной семинаріи А. Порф. Ральцевичъ.

Слуцк. уѣзда, Царевск. волости, д. Островки.

1.

Леци соколъ попередъ сватоў,
Неси матцѣ да повѣсточку —
Везе сынокъ да невѣхночку,
Да ў хату да работницу,
А ў полѣ охвотночку...
Да ў хацѣ не наро́битца,
А ў поли не наохвоцитца.

2.

Да за бу͡оръ сонейко заходзиць,
Ганульку свекратка проводзиць
Да ў той гаечекъ зелены,
Да ў той садочекъ вишнёвы,
Да ў ту͡омъ садочку розица,
Да на её свекратко грозитца.
Яжъ тую розицу отрошу,
Таки свойго свекратка упрошу.

3.

Да съ суботы да на недзѣлю
Гануля сонъ сосни́ла
Да матотцѣ да сповѣсьцила:
«Ой мамочка моя ру͡одная!
«Ой штожъ бо я да за сонъ снила:
«Сивы голубы да полецѣли,
«Бѣлы жемчугъ разверцѣли,
«А золото посыпали».
— Ганулечко, мое дзицетко!
— Дурны ты ра́зумъ маешь,
— Свойго сну не разгадаешь:
— Сивы голубы, — то сваты твое,
— Бѣлы жемчугъ — ку͡оски твое,
— А золото — слю͡озки твое.

4.

Да бѣгуць дзѣвки, бѣгуць,
Да не красокъ ирваци,

А Ганульку пытаци:
«Ганулька, моя сестрица!
«Гдзѣ персьцёнки подзѣла,
«Што на ру́ченькахъ мѣла»?
— Да дзѣвочки, мое сестрицы!
— Ци вы сами не знаеце,
— Што у мене да пытаеце?
— Я подъ шлюбомъ стояла,
— Персьцёнки обмѣняла:
— На свое елавяны
— Да золотыя вымѣняла.

5.

Да ходзила Гануля по полю,
Да сѣяла виноградъ зъ припо́лу,
Вила себѣ вѣночекъ зъ куко́лю,
Да просила бацюхна, просила,
Штобъ я гэты вѣночекъ [1]) носила.
— Хоць проси, дзицетко, хоць не проси,
Таки до вечера вѣночекъ поноси,
А зъ вечера дружкамъ отдаси.
Дружки вѣночекъ разовьюць,
Дру̑бныя слёзочки разольюць.

6.

Ой у поли да стояў га́ёкъ, 2
Той гаёкъ да повенъ га́локъ, 2
Старшая да попереду. 2
Скуль узяўся сивы силизе́не,
Всѣ галочки да поразгоняў, 2
Старшую до себе ўзяў.
Ена у него да просилася:
«Пусьци мене, сивы силезёне, 2
«Съ соловьями на кукованьейко». 2
— Тогды я цебе пущу, 2
— Якъ крылца распущу.
— Съ подъ вишневаго саду 2

---

[1]) Передникъ. *Пл.*

Выбѣгало да дзѣвокъ стадо, 2
Молодая Ганулька да попереду. 2
Скуль ўзяўся молоды Иванька
Ўсѣ дзѣвочки да поразгоняў, 2
Ганульку за себе ўзяў,
Ена у него да просилася: 2
«Пусьци мене, молоды Иванька,
«Съдзѣвочками на погуляньейко, 2
«Съ молодыми на повиданьейко».

7.

Да сокоче курочка, сокоче,
Зъ бору лецѣци не хоче.
Ой добре было мнѣ ў бо́ру:
Солодкія ягодки на до́лу;
Екъ полечу ў поле,
То не будзе ягодокъ на долѣ.
Молодая Ганулька
Отъ бацька ѣхаци не хоче:
«Выйду на улочку — гуляю,
«Войду ў рыдзеньку [1]) — не дбаю,
«А екъ поѣду къ свекратку,
«То не къ родному бацьку:
«На улычку выйду — стыжуся,
«А въ рыдзеньку войду — боюся».

8.

Да на небѣ зоры зорѣли,
А въ коморы свѣчки горѣли, 2
Сестры брацейка вбирали,
Да вбираючи научали:
«Да поѣдзишь, брацейко, ў чужій край,
«То при соби, брацейко, разумъ май:
«Повнаго ку́бочка не выпивай,
«Бо тамъ чужая сторона,
«Штобъ намъ не было сорома».

---

[1]) Въ избу. *Пл.*

9.

Да ходзила Гану́ля,
Дзинковала бацюхна
За хлѣбъ — суоль:
«Дзякуой, дзякуой, ба́цюхно,
«За хлѣбъ — суоль,
«Уже жъ бо я не пойду
«За твой стуолъ,
«Да екъ прійду въ госьци́ну,
«Принесу хлѣба луcьцину.»

10.

Ишла Гануля горо́ю
Да заросла рожа лебедо́ю.
«Да чаму ты, Гануля, не поло́ла»?
— Шкодовала рученекъ, — не полола.
— Уже жъ бо мой Пилипка ў дорозѣ,
— Да стояць коники въ обозѣ,
— Не пьюць, не ѣдзяць, муой Боже!

11.

Да лецѣла ластовка
Съ подъ небіуосъ,
Да у тое ластовки
Золоты хвуостъ.
Сцережи, Маръечко,
Русыхъ куосъ,
Штобы твой Антуонко
Не раструосъ.

Да ў лузѣ калиночка
Зъ цвѣтами,
Разлука, Маръечко,
Зъ дзѣвками;
Да ў лузѣ калиночка
Зъ росою,
Разлука, Маръечко,
Зъ косою.

12.

Да не зуорка свѣцила,
Тамъ Гануличка ходзила,
Тамъ Ивановна ходзила,
Зъ золотыми ключами
Кублики отмыкала,
Подарочки [1]) выбирала, 2
Давала, не шкодовала.
Рѣзала да не мѣрала. 2

---

[1]) Подъ словомъ «подарочки, подарки» въ свадебныхъ обрядахъ нашихъ крестьянъ подразумѣвается небольшой, аршина въ два, кусокъ холста. *Пл.*

13.

Тамъ на мори, мори,
Щука рыба грае,
Свекоръ невѣхну
Да перепивае,
Да перепивае,
Сто злотыхъ дае.
Ена ему за тое
Да кужелемъ ў двое:
«Не дзиви, свекратко,
«Не дзиви, бацюхно! —
«Не сама жъ я ткала,
«Не сама жъ пряла,
«Подолянки пряли,
«Мѣщанки ткали,
«А бѣлыя лебёдки
«Бѣлили до бѣло,
«А я, молодзенька,
«Всѣ сваты дзѣлила».

Всѣ 13 зап. народн. учит. г. Плѣханомъ.

XIII.

Могилевской губ., Рогачевскаго уѣзда, д. Дворцы.

Чтобы высватать невѣсту для парня сваты отправляются въ домъ дѣвушки, но не прежде того, какъ между ею и парнемъ уже состоялось предварительное соглашеніе. Дѣвушка предупреждаетъ свою мать о посѣщеніи сватовъ. Въ назначенный день парень является съ однимъ или двумя сватами, людьми женатыми, захвативъ съ собой гарнецъ водки. Сватать обыкновенно ходятъ во вторникъ, четвергъ или субботу по вечерамъ «ў скоромный дзень». Робкій парень не ходитъ самъ, а посылаетъ однихъ сва-

товъ. Какъ только сваты входятъ въ хату, дѣвушка тотчасъ выбѣгаетъ вонъ и отправляется по деревнѣ собирать родныхъ, если только заранѣе она увѣрена въ благопріятномъ исходѣ сватовства.

Войдя въ избу, сваты привѣтствуютъ хозяевъ словами: «Добрый вечыръ». «Здороў, проходзиця», — отвѣчаютъ имъ — «садзитцяся, хвалитцяся, за чымъ прышли, ци гуляць». Сваты: «Будзимъ хвалитца, чаго прышли, за чымъ. Вотъ нашъ кавалеръ прыходзитць къ вамъ проситць васъ, штобъ дзѣло дзѣлали: вотъ дзѣтци нашы уподобалися, будземъ дружбу дзѣлатць; ци отдасьцё, ци откажиця; ци нравитца жанихъ нашъ вамъ; а можа, ня хо́чатца отдаць». Хозяева: «Мы людзями ни бракуимъ, будзитць згода». Иной сватъ спроситъ еще въ шутку: «Ци ня забѣгла къ вамъ наша цяли́ца, ци кобылица». Ему отвѣчаютъ: «А глядзитця, шукайтця, можа и забѣгала». Когда наконецъ переговоры доведутъ до желаннаго согласія со стороны родителей невѣсты, пьютъ «мыгаричи», распивая въ этомъ случаѣ женихову водку. Сватъ приглашаетъ на первую чарку отца и мать невѣсты. У свата своя чарка. Къ этому времени невѣста между тѣмъ уже успѣла обѣгать нѣсколько хатъ, приглашая къ себѣ подружекъ, и вернуться въ хату. Послѣ «мыгаричей» сватъ съ невѣстиной стороны идетъ въ сѣни, подходитъ къ невѣстѣ и, подавъ ей одинъ конецъ платка, вводитъ ее въ избу. Вслѣдъ за невѣстой входятъ ея три подружки и нѣсколько другихъ дѣвушекъ.

Введя невѣсту въ избу, сватъ обращается къ женихову свату съ слѣдующимъ словами:

— «Добрый вечыръ вамъ, сватъ, вяду вамъ товаръ — ни сляпы́й, ни хромый. Дай Богъ и мнѣ такій. Даю вамъ, говору вамъ, штобъ вамъ ни было обиды на нашъ товаръ». Послѣ этого невѣста беретъ у женихова свата водку и угощаетъ ею сперва подружекъ, а затѣмъ и другихъ дѣвушекъ. Сама же она не пьетъ, а только пригубливаетъ. Тутъ дѣвушки всѣмъ «своимъ кругомъ» начинаютъ пѣть «запоинскія» пѣсни, между тѣмъ какъ сваты и хозяева, сидя за столомъ, ведутъ между собой разговоръ.

1.

На горэ, на горэ новый домъ.
Што ў тымъ жа доми змоўляння:
Братка сястрыцу змоўляя,
Ёнъ у яе праўдочки пытая:
«Хто-жъ табѣ, сястрыца, наймилѣйшый?»
— Наймилѣйшый жа мнѣ браточка.
«Ни праўда твоя, сястрыца,
«Ни праўдзивая словечко».

2.

Ой, сватка, сватка убóжка,
Што у тябе горэлки нямножко!
Ой и самъ жа ня пьешь и намъ ни даешь:
Мы твойго коника украдзёмъ,
А ды за тихій Дунай зявядзёмъ,
Поставимъ яго ў крапиви,
Да пропьемъ яго на пиви,
Поставимъ яго на лядóчку, — 2
Пропьемъ яго на мядóчку.

3.

На запоинки насъ позвали,
Чарки горэлки ни дали.
Кабъ я вѣдала, ни пошла,
Ти я-бъ сабѣ работы ни нашла?
Напрала-бъ я ручайку [1]) съ качалку,
Напрала-бъ почынокъ [2]) зъ зачынокъ.

4.

«Чаму ни прышоў,
«Чаму ни прыѣхаў
«На мое заручыны?
«Ци коня ни маў,
«Ци дорожки ни знаў,

---

[1]) Ручайка — веретено съ небольшимъ количествомъ намотанныхъ на него нитокъ. *М.*

[2]) Почынокъ — «ручаякъ» 6 — 7 намотанныхъ нитокъ. *М.*

«Ци маци ни пусьцила»?
— Я и коника маў,
— Я и дорожку знаў,
— Мине маци выпраўляла.
— Ё у мяне систра,
— Лѣтъ ни доросла,
— Яна мяне ни пусьцила:
«Ни ѣдзь, браточка,
«Ни ѣдзь, родниенькій,
«На чужыя сёлы:
«Часомъ и упье́сься,
«Съ коника убье́сься;
«Сь тебе людзи насміютца:
«Чыя ето костыра [1]),
«Чыя ето пьяница
«Подъ конемъ валяетца?»

Послѣ пѣсенъ и застольныхъ бесѣдъ всѣ расходятся по домамъ. Сваты назначаютъ празднованіе свадьбы въ воскресенье черезъ недѣлю, въ теченіе которой дѣлаютъ всѣ нужныя приготовленія къ свадьбѣ. Въ этотъ же промежутокъ времени, если успѣютъ — въ четвергъ, если же нѣтъ, то наканунѣ дня свадьбы, въ субботу, женихъ и невѣста пересылаются подарками. Женихъ шлетъ свои, обыкновенно съ роднымъ отцемъ или родною матерью, или же со сватомъ, который ходилъ съ нимъ сватать дѣвушку; въ даръ невѣстѣ посылаются башмаки, чулки, платокъ, баранки. Посланный кромѣ того приноситъ кварту водки. Хозяева радушно его принимаютъ, сажаютъ его за столъ и садятся сами. Гостя угощаютъ яичницей и колбасой. Наливъ рюмку водки, хозяинъ пьетъ къ гостю, а послѣдній къ хозяйкѣ. Подарки, разумѣется, принимаются съ благодарностью; въ замѣнъ ихъ невѣста посылаетъ въ подарокъ жениху, чрезъ того же посла, поясъ, штаны, рубаху и платочекъ на шею.

---

[1]) Кость. *М.*

Тотчасъ же послѣ ухода посла невѣста приглашаетъ къ себѣ дѣвушекъ на елку и проситъ всѣхъ приносить съ собою «косники» [1]). Собравшіяся дѣвушки сперва убираютъ голову невѣсты — лентами или *«папяровыми»* цвѣтами, т. е. сдѣланными изъ бумаги, а потомъ «вьюць» елку, украшая ее тоже бумажными цвѣтами, соломенными крестиками (*«крыжыками»*), свѣчами, которыхъ однако не зажигаютъ до *посада*, то есть пока не сводятъ и не посадятъ молодыхъ вмѣстѣ. Въ это время дѣвушки поютъ:

5.

Да ўсѣ мы луги выходзили,
Да ўсю мы калину выломали;
Ня мусили дзѣвоццы елки [2]) звиць
Да зъ руты, зъ мяты, зъ ялины
Да зъ чырвоныя калины —
Ўсё зъ чырвоныя калины.
А вили мы елочку на сялѣ,
Поставили у таточки на столѣ.
Такъ наша елка на столѣ,
Якъ золотъ перстцень на руцѣ;
Такъ нашу елочку шануютць,
Якъ золотъ перстцень шаруютць.

6.

Зъ Могилева купцы ѣдутць, 2
Хорошыя ленты вязутць 3
Да на нашу елку кладутць.
Наша елка ни звяня, 2
Якъ золото зъяя:
Якъ золотъ перстцень на руцѣ,
Такъ наша елочка на куцѣ;
Якъ золотъ перстцень шаруютць,
Такъ нашу елочку шануютць.

Когда окончатъ убранство елки, дѣвушекъ сажаютъ за столъ и даютъ имъ водку и закуску.

---

[1]) Ленты. *М.*

[2]) Въ подлинникѣ написано *елка*, — безъ обозначенія ¨ надъ е, почему и трудно рѣшить, какъ данное слово произносится. *Ш.*

Выправляютъ жениха къ невѣстѣ. Къ жениху приходятъ крестные отецъ и мать его, сваты и добрые сосѣди. Всѣхъ посадятъ за столъ, въ томъ числѣ и жениха, послѣдняго — на кожухѣ; возлѣ жениха садятся его крестные. Послѣ выпивки и закуски всѣ встаютъ. Столъ отодвигаютъ на средину хаты и зажигаютъ передъ образомъ свѣчу. Сватъ испрашиваетъ благословенія выправлять молодого къ вѣнцу слѣдующими словами:

— «Ци естць тутъ отецъ и матць»?

Присутствующіе: «Ма́я бытць»!

— Сватъ: «Благословитця свойму дзитцяци къ винцу ступатци»!

Присутствующіе: «Богъ благословитць»!

Сватъ: «Якій Господзь народзіў, такій и благословіў». Вслѣдъ за тѣмъ женихъ начинаетъ молиться и кладетъ поклоны передъ отцемъ и матерью. Отецъ, благословляя сына иконой, говоритъ: «Дай Богъ табѣ счастья, долю и вѣкъ доўгій».

Женихъ садится въ телѣгу со сватомъ и крестной матерью. Послѣдняя беретъ съ собой «у наби́рочку жыта» и двѣ восковыхъ свѣчи, завернутыя въ платокъ.

Составляется свадебный поѣздъ, чтобы ѣхать за невѣстой и съ нею въ церковь. Къ этому поѣзду кромѣ свадебныхъ чиновъ присоединяются и «добрыя сусѣдзи».

Въ это время въ домѣ жениха мать его приступаетъ къ изготовленію коровая. А въ домѣ невѣсты за это самое дѣло принимается ея мать какъ только выпроводитъ ее къ вѣнцу. Какъ свекровь, такъ и теща посылаютъ къ «*мужнимъ*»[1]) сосѣдкамъ мальчика или дѣвочку, пригласить ихъ придти растворить коровай. Приглашенныя женщины («кобеты») являются съ хлѣбомъ солью. Кромѣ того онѣ приносятъ съ собой крупу, сало, хлѣбъ. Когда коровайницы уже всѣ въ сборѣ, хозяйка ставитъ на столъ ночвы, подаетъ пшеничную муку и воду. Затѣмъ передъ образомъ зажигается свѣча, коровайницы становятся вокругъ стола и одна

---

[1]) Замужнимъ. *М.*

изъ нихъ, «старшая», испрашиваетъ благословенія растворять коровай[1]). Вдова не избирается для испрашиванія благословенія, «хоть до цара жалобу подавай». «Удова бѣдная голова: некому ўступитца. У кого естьць мужъ, тая жасцѣйшая, смялѣйшая; а ўдова постой сзади». Выбираютъ ту, которая вызовется «взять пиразву».

Благословенія испрашивается слѣдующими словами:

«Ци есьтць тутъ отецъ и матць»?

Другія отвѣчаютъ: «Мая быць».

Первая: «Благословиця свойму дзицяцци коровай учынятци».

«Богъ благословитць».

Послѣ благословенія бабы принимаются за дѣло. Всѣмъ хочется принять участіе въ растворѣ коровая и каждая старается непремѣнно хоть разъ помѣшать ложечкой растворъ. Въ это время поютъ слѣдующія пѣсни:

7.

Богослови Божа! 2
    Да Прачыста зможа 3
Коровай учынятци, 3
    У Бога доли проситци:
»Ой дай, Божа, счастливу годзину
    «Ды нашему молодому
«Коровай учынятци«.

8.

Злитайтцяся соколы, 2
    Да ўсё съ чужыя стороны!
Да зъизджайтцися родъ къ роду,
    Да старыя мужи на пораду, 2
Молодыя молодзички къ короваю!

9.

Стояла святлица 2
    Вокнами ды на улицу.
Што ў той жа святлицы 2

---

[1]) Избирается обыкновенно сестра или тетка. *М.*

Молодыя молодзицы —
Да ўсе хорошыя коровайницы.
Ня шкода-жъ имъ датци 3
Коровай учынятци.

Пріѣзжаютъ къ невѣстѣ. Теща сажаетъ «бясѣду» за столъ. Сватъ невѣсты наливаетъ водки и идетъ за ней (она въ это время отсутствуетъ и находится въ другой избѣ). Сватъ находитъ невѣсту, окруженною дѣвушками и въ томъ числѣ ея подружками, — даетъ водку всѣмъ дѣвушкамъ, кромѣ невѣсты: она въ этотъ день постится. Послѣ этого угощенія сватъ подаетъ невѣстѣ платочекъ, за который и ведетъ ее въ избу. Невѣста сопровождается тремя подружками. Остальныя дѣвушки не входятъ. При ихъ входѣ, женихъ встаетъ съ мѣста и становится посреди избы передъ столомъ. Возлѣ жениха—бояринъ, возлѣ невѣсты дружки и зажигаютъ свѣчи на елкѣ. При чемъ сватъ испрашиваетъ благословеніе слѣдующими словами:

Сватъ: «Благословицця молодыхъ ў кучу звесьтць»!

Присутствующіе: «Богъ благословиць!»

По полученіи благословенія тотъ же сватъ обводитъ молодыхъ 2 раза кругомъ по избѣ. Въ это время поютъ:

10.

«Да якъ табѣ, бяроза,
«Да и зъ яворомъ сыйтцися?»
— Я кореннийкомъ сыйдуся,
— Да я голлійкомъ сщаплюся.
— Ой оттуль, отсюль буйные вѣтры,
— Ой отъ насъ буйнѣйшые.
«Да якъ табѣ, дзѣвочка,
«Да и съ дзяцинкомъ сыйцися?»
— Да я ножками сыйдуся,
— Да я ручками сщаплюся.
— Ой оттуль, отсюль любыя госьтци,
— Ой отъ насъ любѣйшыя.

Затѣмъ сватъ сажаетъ молодыхъ за столъ на кожухѣ. Старшая дру́жка принимается пришпиливать «кветку» къ шапкѣ же-

ниха, на что она предварительно испрашиваетъ благословеніе: «Благословитя молоду кветку прышпылятць» [1]). Получивъ благословеніе, старшая дружка прикалываетъ квѣтку. Въ это время поютъ:

11.

Ай дай, мамка, иголку, 2
А ў иголку шоўку: 3
Кветку прышпылятць 3
Къ зялёный китайцы,
Ды къ дзятцинковой шапцы.
Ня смѣ́ятця и ня ўмѣетце
Ко мнѣ прыступитци,
Со мной говорытци:
Я-жъ войтова дочка, 2
Я съ Кіева швачка:
Кветку прышпыляла 2
И по талеру брала,
По талеру золотого 2
Отъ князя молодо́го.

«Якъ кветку прышпыляютць, народу даютць закуситць». Теща препоясываетъ жениха поясомъ и за поясъ затыкаетъ платочекъ; далѣе она даетъ полотно крестнымъ жениха, сестрѣ его и теткамъ, а они «скидаюць» ей по пятачку, гривеннику, пятялтынному, «заможнѣйшей» боли даетць». Послѣ этого жениховъ сватъ обводитъ молодыхъ 3 раза вокругъ стола.

Затѣмъ молодые, помолившись Богу, кладутъ поклоны передъ отцемъ и матерью невѣсты и уѣзжаютъ къ вѣнцу. Иногда женихъ, не заѣзжая къ невѣстѣ, прямо отправляется въ церковь. Къ вѣнцу съ молодыми ѣдутъ со стороны жениха: мать крестная, сестра, сватъ и сосѣди; со стороны невѣсты: крестные, отецъ и мать, сватъ и сосѣди. На одной телѣгѣ съ женихомъ ѣдутъ крестная мать, сватъ и бояринъ, послѣдній вмѣсто кучера (за кучера), съ невѣстой же — старшая дружка, крестная мать и маль-

[1]) Благословеніе по извѣстной формулѣ повторяется 3 раза.

чикъ «за фурмана». Когда къ вѣнцу выправляютъ сироту, дружки въ избѣ поютъ:

12.

Ой нѣту, нѣту дзѣвочки дома:
Пошла дзѣвочка до Пана Бога —
Стоитць годзи́ну, стоитць другую.
Покуль отчынуць царскія дзьверы,
Покуль упусьтцютць дзѣвочку къ матцы.
«Прошу мамочка къ сабѣ на вясельля!»
— Гуляй, дзитцятко, гуляй, висялися;
— Ужэ-жъ мое руки на крыжъ складзёны,
— Ужэ-жъ мое ножки за трымя замками:
— Первый замочыкъ — зялёный дзярночыкъ,
— Другій замочыкъ — жоўтый пясочыкъ,
— Трэтцій замочыкъ — гробовыя дошки;
— Гробовыя дошки стцисн улі ножки.

13.

Пылъ, пылъ по дорози,
Дымъ, дымъ по дубро́ви.
А дзѣвочка къ вянцу ѣдзя:
Коскою напылила,
Свѣчкою надыми́ла.

14.

Ой попе, по́пе, батцька нашъ,
Звинчай парочку — двойка насъ;
А коли ни будзишъ винчатци,
Будуць твое кудзярки трыщатци,
Якъ лютый морозъ на дворэ́,
Такъ твое кудзярки на головѣ.

Если на пути къ вѣнцу попадается мельница, то кто нибудь изъ поѣзжанъ даетъ мельнику бутылку водки съ просьбой отпустить «заставки» для того, чтобы жизнь ни *воловодзилась.*

Въ домѣ родителей невѣсты, послѣ отправленія молодыхъ къ вѣнцу, начинается пирушка. Хозяева угощаютъ присутствующихъ при отправленіи молодыхъ, но не состоявшихъ въ числѣ

поѣзжанъ. Посторонніе вслѣдъ за выѣздомъ молодыхъ уходятъ, но хозяева ихъ ворочаютъ. Водка здѣсь со стороны жениха; сватъ его, передъ отъѣздомъ въ церковь, наливаетъ ее въ миску. Послѣ пирушки мать принимается «учынять» коровай. Старшая коровайница испрашиваетъ благословеніе растворять коровай.

Пѣсни поютъ при этомъ тѣ же, что и въ домѣ жениха.

Въ церкви жениховъ сватъ стелетъ предъ налоемъ подъ ноги молодымъ ручникъ [1]), привезенный на этотъ конецъ невѣстой. Она беретъ съ собой и *руковязникъ* [2]), которымъ священникъ, водя молодыхъ вкругъ налоя, покрываетъ имъ руки, какъ бы связывая ихъ. Въ подручникъ сватъ кладетъ копѣйку или двѣ. Ручникъ и деньги, лежащія подъ нимъ, достаются дьячку, а платочекъ—священнику. Отъ вѣнца молодые ѣдутъ вмѣстѣ, а съ ними и бояринъ со стороны жениха. Остальные поѣзжане разсаживаются безъ разбору: гдѣ кто сѣлъ, такъ и поѣхалъ. Ѣдучи, дружки поютъ.

15.

Звинчали дзѣвочку, звинчали,
Шоўковымъ шнуромъ звизали.
Да ни яго разрѣзатць, ды ни развязатць,
Тольки-бъ дзитцинкомъ вѣкъ вѣковатць.

16.

Хвалитця Бога, попа ошукали, 2
Нямного за шлюбъ дали:
За нашу дзѣвочку 2
Одну да копѣячку,
За вашаго молодого
Поўтора золотого.

17.

Ой зъ горы, зъ горы крытыя,
Бѣгли коники си́вые, 2
Ве́зли карэту синяю, 2

---

[1]) Подножникъ. *М.*
[2]) Платочекъ. *М.*

Звинчали Маланью силою.
Да ни даромъ яе звинчали,
Звинчали яе за грошы,
Што яе Данилка хорошы.
Ёнъ хорошъ, прыгожъ, ростомъ вяликъ,
Ни купіў Маланки чаровикъ,
Да купіў тольки ей панчешки
На бѣлыя яе ножки.

18.

Зъ горы, зъ горы, зъ долины
Бѣгли коники чатыры,
Везли карэту си́няю.
Звинчали дзѣвочку си́лою,
Да ни такъ силою, за грошы,
Коли яе дзятцинка хорошы.[1])

19.

Схилилася верба
Зъ верху ды до ко́раня;
Винчаўся дзятинка
Зъ рання ды до вечара.
Винчаў дзѣвочку одзинъ попъ,
Ўзяў за яе восимъ копъ;
Винчали дзѣвочку чатыры попы
Да ўзяли за яе чатыры копы.

Въ свадебномъ поѣздѣ къ вѣнцу и обратно ѣдетъ и музыкантъ. Ѣдучи къ вѣнцу, онъ играетъ очень мало, на обратномъ же пути онъ играетъ, почти не переставая. Когда свадебный поѣздъ приближается къ дому родителей невѣсты, или ужъ въѣдетъ на дворъ, дружки поютъ:

20.

Зажыгай, маци, свѣчку,
А выходзь на сустрэчку!
Сустрэнь своихъ дзятцей:
Одно роджоная,
А другое суджоная.

---

[1]) Это, какъ видно, продолженіе предыдущей пѣсни. *Ш.*

Молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ солью, который лежитъ на столѣ, поставленномъ посреди двора. Мать невѣсты выходитъ на встрѣчу къ молодымъ, которые, поклонившись ей въ ноги, входятъ въ домъ. Молодыхъ угощаютъ обѣдомъ, послѣ котораго хлѣбъ-соль вносится обратно въ хату. Послѣ обѣда женихъ вмѣстѣ съ молодой уѣзжаетъ въ домъ своихъ родителей.

По отъѣздѣ молодыхъ въ домъ молодой начинается настоящее весельле [1]): хлопцы, дѣвки — бабки молодыя, мущины — всѣ гуляютъ, пляшутъ то въ сѣняхъ, то на дворѣ. Въ это же время собираются коровайницы мѣсить коровай. Приступая къ этому дѣлу, коровайницы поютъ:

21.

А на печы коровай *рэ́ча*,
Ёнъ сабѣ коровайницъ клича:
«Дзѣ-жъ мое коровайницы,
«Ци на мяду да запили́ся,
«Што на мяне ды забылися?»

Послѣ этой пѣсни испрашиваютъ благословеніе какъ указано выше.

Во время мѣсенія коровая поютъ:

22.

Да чыя-то сястрыца
Хорошо коровай мясила?
Золотыя *заковрашачки*
За поясъ затыкала.

23.

На неби жарко соўнiйко ўзыйшло.
Зачымъ, дзѣвочка, твойго таточки ни видно?
Чаму ни выходзя зъ новыя каморы,
Чаму ни выноси зялёнаго вина съ собою,
Чаму ни частуя коровайниц*аў* доволи!?

Послѣ того коровайницы начинаютъ гулять и плясать «скакухи» [2]) и поютъ, а хозяйка затапливаетъ печь и готовитъ ужинъ.

---

[1]) Должно быть подъ вечеръ. *М.*

[2]) Плясовыя. *М.*

Только что успѣютъ справиться съ этимъ дѣломъ, какъ уже коровай поднялся.

Передъ начатіемъ *качанія* коровая опять испрашивается на то благословеніе.

Затѣмъ начинаютъ дѣлать «шышачки» (предназначаемыя для дѣтей) и разныя фигурки: «бо́чочки съ обручиками, *птушакъ*, *мѣсячокъ*. При этомъ поютъ:

24.

Якъ мы шышки качали,
Тогды́ мы жывотомъ крычали;
Якъ мы шышачки ляпили,
Тогды мы жывоты кропили;
А старшая коровайница
По полю гарцовала,
Цаловала зайцу ў яйцы,
А лиспцы ў мандзицы.

25.

Покачавши:

Хвалитця Бога, мы дзѣло зробили.
Коровай покачали.
Горэлочки ды ни кушали;
Горэлочки ды наливочки,
Ды дли мяне працавиточки.

Тутъ одинъ изъ присутствующихъ холостыхъ мущинъ, по приглашенію старшей коровайницы, выметаетъ печь.

Затѣмъ, испросивъ снова благословеніе, старшая коровайница вдвоемъ съ выбраннымъ своимъ помощникомъ несутъ коровай на лопатѣ къ печи и суютъ его въ печь («гу-хись яго ў печъ»). Потомъ старшая коровайница бросаетъ шишки въ печь и заслоняетъ ее заслонкой.

26.

Ой кудравый печь мятце,
А холостый сажая,
Богъ яму помогая.

Какъ метеніе печи, такъ и сажаніе въ нее коровая исполняются или однимъ и тѣмъ же мущиной или двумя разными, но непремѣнно холостыми. Старшая коровайница пачкаетъ «кудраваго» по лицу помеломъ, а несшаго съ ней коровай, послѣ посадки послѣдняго, хватаетъ лопатой по лбу. Завязывается борьба изъ-за лопаты, и ей наконецъ удается вырвать лопату изъ рукъ — а то и ее самоё треснутъ. Коровайницы, въ ожиданіи испеченія коровая, начинаютъ подъ звуки музыки гулять и «корогодъ водзитць».

27.

Припѣвки:

Ну-те жонка, корогодъ —
Курками попяродъ!
Которая хвора,
Сядзѣтць было дома,
Которая пышна,
За вороты вышла.

Если поздняя пора, тогда коровайницы дождутся только испеченія шишекъ, вынимаютъ ихъ и дѣлятъ между собой. Хозяйкѣ же скажутъ достать изъ печи коровай самой. Если же еще не поздно и коровайницы «ни позморылись», то дожидаются испеченія коровая; вынимаетъ его изъ печи старшая коровайница, кладетъ его на вѣко, застланное полотенцемъ, на которомъ насыпанъ овесъ или жито «зёрня овса, ти жыта». Въ клѣть несутъ коровай «хотць ў четырохъ». Принесшихъ хозяинъ угощаетъ въ клѣти водкой.

Въ понедѣльникъ, какъ только начинается разсвѣтать, отецъ жениха посылаетъ сына въ деревню просить сосѣдей прибыть съ подводами, чтобы ѣхать «ў сватохъ» за молодой. Собирается подводъ 7, 8, 10. Собравшихся угощаютъ тѣмъ, что готовилось во время печенія коровая. Отправляясь къ невѣстѣ, женихъ беретъ свой коровай и ѣдетъ на одной телѣгѣ съ крестною матерью и бояриномъ, а на каждой изъ остальныхъ подводъ ѣдутъ парочки — мужъ съ своей женой. Когда поѣздъ приближается къ дому невѣсты, передъ поѣзжанами затворяются ворота. Дѣлаютъ это

мущины; послѣднимъ даютъ «воротнаго» и они пропускаютъ гостей во дворъ. Въ это время дѣвушки поютъ:

28.

«Стукнуло, грукнуло на дворѣ!
«Да полядзи, мамочка, ти ни по мяне.»
— А по тябе, дочушка, по тябе.
«Готуй, мамочка, кубликъ мнѣ!»
— А чаму, дочушка, кудзельки ня скубла?!
— Ай скубла, скубла шуматцѣло,
— Замужъ захотцѣла — полятцѣла.

Со двора гости идутъ въ избу и садятся за столъ. Если мущины не получатъ «воротнаго», то они хотя и пропустятъ свадебниковъ во дворъ, но сейчасъ же бросаются въ избу и тамъ занимаютъ всѣ нужныя для гостей мѣста, которыя не иначе уступаютъ, какъ подъ условіемъ приличнаго угощенія водкой со стороны жениха. Очистивъ такимъ образомъ мѣста для своихъ, женихъ выходитъ на дворъ и садится на возъ и, передавъ своему свату «беклажку горэлки и гроши», предоставляетъ ему сдѣлаться какъ онъ знаетъ съ тещей. Послѣдняя же въ это время сидитъ въ избѣ на печи босая «на стоўпѣ» и молча плететъ лапти. Сватъ долженъ дать ей или рубль на «боты», или же «готовыя боты». Получивъ то или другое, теща слѣзаетъ съ печи, обувается, набрасываетъ на себя вывернутый шерстью вверхъ кожухъ и, взявъ бутылку водки, ржи и воду въ «казанѣ», выходитъ къ зятю и обходитъ 3 раза вокругъ тѣлеги, на которой онъ сидитъ, обсыпая его житомъ. Затѣмъ она дастъ ему три рюмки водки: онъ первую рюмку переливаетъ чрезъ голову, а двѣ другія по сторонамъ, крестъ на крестъ «на крыжъ». Послѣ этого теща вновь наливаетъ рюмку водки и, пригубивъ ее, подаетъ зятю. Онъ немножко отпиваетъ. Тутъ теща беретъ зятя за руку и, ссадивъ его съ тѣлеги, ведетъ въ избу, гдѣ и сажаетъ его за обычный столъ; за другимъ же свадебнымъ столомъ, поставленнымъ противъ печи, сидятъ невѣста и дружки.

На этомъ столѣ теперь стоитъ елка. Жениховъ сватъ подходитъ къ дру́жкамъ, чтобы ихъ «пярапитць», и предлагаетъ имъ водку и деньги — старшей дружкѣ, которая пришпиливала въ воскресенье «кветку» къ шапкѣ молодого, даетъ 10 коп., а остальнымъ по 5, или одной, двумя копейками больше или меньше.

Дружки поютъ свату:

29.

За етыя грошы
Купи, сватка, мыла!
Помый сабѣ рыло,
Кабъ жонка любила,
Кабъ дзѣтци спознали,
Ды й батцькомъ назвали.

Послѣ этого дружки оставляютъ молодуху, за плечами которой теперь становится ея холостой братъ. Онъ испрашиваетъ благословеніе «молодой косу расплятатци»[1]). Во время расплетанія дружки поютъ:

Если сирота

30.

Куковала зязюлячка на страсѣ.
Да плакала дзѣвочка по косѣ:
«Да косица-жъ моя русая —
«Отдыха моя частая; 2
«Я дворъ пирайду чэшучы, 2
«Ў сѣни ўвыйду, плетучы, 2
«Ў хату ўвыйду, заплачу, 2
«Што русыя косочки ни бачу».

31.

Ой рѣчка, рѣчка быстрая,
Да учора звячо́ра быстро йшла,— 2
А сягодни ранинько тцихонько. 2
«А якъ жа мнѣ, рѣчацци, быстро итци: 2

---

[1]) По извѣстной формулѣ «тройчэ».

«Обсѣла мине ракита 2
«Своими корнями глыбокими.
Ой, дзѣўка, дзѣўка Ганночка,
А учора звячора весёла была, 2
А сягодни ранинько смутнинька. 2
«Ой, якъ жа мнѣ, дзѣвоццы вяселой бытци: 2
«Обсѣла мяне чужына —
«Ўсе й Данилкова родзина.
»А чужая чужына медъ-вино пье,
«Да моя-жъ родзина слёзки лье;
«Чужая чужына за столомъ,
«А моя-жъ родзинка протци печы.»

32.

Братка косочку расплятаў,
Да идзѣ ёнъ уплёты подзиваў?
Ти на мѣсто занесъ, попродаваў.
Ой братка, братка цыганчу́къ:
Отдаў сястрыцу за канчукъ [1]),
А русую косу за шастакъ,
Молодую дзѣвочку даромъ такъ.

По окончаніи расплетанія косы тотъ же сватъ предлагаетъ ему водки и денегъ 10, 15, 25 коп. Теперь сватъ беретъ за руку молодуху и ведетъ ее за тотъ столъ, гдѣ сидитъ молодой, и сажаетъ ее рядомъ съ нимъ. Дружки тоже садятся за этотъ столъ. У стола же, стоящаго противъ печки, садятся жениховы сваты. Елка съ этого стола переносится теперь на столъ къ молодымъ. Обѣдаютъ. За обѣдомъ жениховы свахи поютъ невѣстину отцу:

33.

У нашаго свата
Побяляная хата,
Печь яго кахля́ная, —
Чэсь яго коханая.

---

[1]) Братъ себѣ беретъ ленту. *М.*

Дружки же поютъ во время обѣда жениховымъ свахамъ:

34.

Подай, сваха, съ куту пирога!
Ти хорошъ, ти бухонъ, ти смашонъ,
Ти на чэрэви ёнъ качанъ,
Ти подъ цыцкою ёнъ пе́чанъ?

По окончаніи обѣда свахи разрываютъ елку. Сваха молодого вынимаетъ пирогъ и подаетъ его дружкамъ, которые, получивъ его, поютъ:

35.

И хорошъ, и бухонъ, и смашонъ:
И на столику ёнъ качанъ, 2
И на соўнику ёнъ печанъ.

Дружки поютъ свахамъ:

36.

А бѣлы свахи, бѣлы! 2
Да ти лебядзя стрэли,
Ти на моры вымывалися,
Ти у коморы прыбиралися?

37.

У старшыя свахи 2
Чапецъ на головѣ пляша.
А ни самъ жа ёнъ пляша: 2
Вошы его подымаютць,
А шолодзи подмогаютць.

Свахи:

38.

А у старшыя дружки 2
Цыцки, якъ подушки:
Цыцкой порося убила, 2
Подъ печь подсадзила, 2
Ступой закатцила.

Жениховъ сватъ беретъ «бизунъ» и, ставъ на лавку, ходитъ по ней, хлопая имъ въ воздухѣ «ляскаить бизуномъ», и гонитъ дружекъ: «Вонъ дружки». Уходя, дружки поютъ свату:

39.

Ни ля́скай дру́жку канчукомъ,
Лясни дружку головою 2
Ды надъ нашыю молодою.
Ой, наша стцяна костцяна,
Свату голову растцяла!

Дружки могутъ остаться, присутствовать и смотрѣть «якъ расхухлютць» молодую.

Къ невѣстѣ подходятъ мать крестная, тетка и сестра и приносятъ (захихлання) чапецъ и платочекъ съ красной квѣткой [1]). Съ невѣсты снимаютъ косники [2]). Мать крестная испрашиваетъ благословеніе «свойму дзитцятци захихлання узложытци». По полученіи благословенія, невѣстѣ накладываютъ на голову чепецъ и платокъ съ косникомъ. Молодуха опускаетъ голову на коровай. Въ это время къ ней подзываютъ жениха. Онъ, подойдя къ ней, три раза поднимаетъ ей голову, — послѣ третьяго раза онъ ее цѣлуетъ и садится рядомъ. Немного спустя всѣ встаютъ изъ-за стола. Сваты собираются въ дорогу. Молодая, забравъ съ собой постель, отправляется на одной подводѣ съ крестной матерью жениха и бояриномъ. Въ это время поютъ:

40.

Захихланочка плача, 2
А чаго-жъ яна хоча?
Хоча яна поўзолотого 2
Отъ князя молодого.

---

[1]) Лентой. *М.*
[2]) Ленты и цвѣты, украшавшіе голову. *М.*

41.

Да стояла бояла 2
Ў городзи конопелячка;
Да ни дали ей вѣтры 2
Ў городзи постоятци, 3
Гольлейкомъ помахатци.
Да гуляла, красовалася 2
Дзѣвочка у своей мамочки;
Да ни дали ёй людзи 3
Ищэ боли погулятци, 3
Коскою помахатци.

Захихлавши, поютъ:

42.

Захихлала мяня дзядзинка, 2
Да ни жалосливая:
Чэпчыкъ ўзложыла, 2
Слёзки ни уронила.

44.

Ў комороцци голубокъ гудзе, 2
По святлицы голосокъ вядзе.
А ни голубъ то гудзе, 2
Да дзятцинка тещу прося:
«Тещухна-жъ моя, мамочка, 2
«Пусьтци мяне зарани до дому!
«Кони-жъ мое настоялися, 2
«И музыки пирыйгралися, 2
«И свахночки пирапѣлися.

Съѣзжая со двора, поютъ:

45.

До дому, сваты, до дому!
Да поѣли кони солому.
А коли-жъ будзитця тутъ ночеватць,
Дакъ будзятця соломку куплятць:
А соломки жменька копѣйка,
Вой сѣна клочокъ — осмачокъ.

Въѣзжая къ свекрови во дворъ, свахи поютъ:

46.

Рысью кони, рысью!
А до дому съ корысью:
И скрыни, и пярыны
Молодыя княгини.

По пріѣздѣ, молодая соскакиваетъ съ телѣги, распрягаетъ свою лошадь и, кинувъ дугу черезъ сарай, снова садится на телѣгу. Бояринъ вноситъ постель молодой въ клѣть. Къ молодой выходитъ свекровь, набросивъ на себя вывернутый кожухъ и взявъ съ собою водку. Подойдя къ невѣсткѣ, свекровь подаетъ ей три рюмки водки: невѣстка первую рюмку льетъ черезъ голову, а другіе двѣ по сторонамъ на крестъ[1]). Затѣмъ свекровь разстилаетъ возлѣ телѣги фартукъ, беретъ невѣстку за руку, и та соскакиваетъ на фартукъ. Свекровь покружитъ 3 раза невѣстку на фартукѣ и ведетъ въ избу. Тамъ ей сейчасъ же подается угощеніе. Затѣмъ свекровь заставляетъ невѣстку топить печь, готовить обѣдъ для приданокъ и печь блины. Пріѣзжаютъ приданки и привозятъ сундукъ съ невѣстинымъ приданымъ, къ сундуку прицѣпленъ флагъ («хлагъ»). По дорогѣ приданки поютъ:

47.

Прыданія выбираныя, 2
Ня ўсѣ мы собраныя! 3
Возы нашы муляваныя,
И коники вороненькіе. 2
Дзѣ стали, зайграли, 3
А дзѣ сѣли — запѣли.

Въѣзжая во дворъ къ свекру, приданки поютъ:

Прыданія на дворъ ѣдуть и т. д.

---

[1]) Ср. выше, стр. 309.

Ни клѣти, ни повѣти,
Нейдзѣ кубла дзѣти и т. д.

Къ пріѣзду и встрѣчѣ приданокъ у свекра выносятъ на дворъ столъ и ставятъ на немъ водку и кладутъ хлѣбъ-соль. Подойдя къ братьямъ молодой, привезшихъ сундукъ и находящихся при немъ, жениховъ сватъ предлагаетъ имъ водку и деньги за выкупъ сундука: старшему брату сватъ даетъ обыкновенно копѣекъ 15—20. Выкупленный сундукъ относится въ клѣть, а всѣхъ прибывшихъ гостей тоже угощаютъ водкой тутъ же на дворѣ. Приданокъ приглашаютъ въ хату.

Въ хатѣ приданки садятся за столъ и достаютъ свою водку и закуску — коровайный пирогъ и «обварыное мясо, ти сало». Все это приданки передъ выѣздомъ получаютъ «па сниданьня» отъ невѣстиной матери. Доставъ закуску, приданки разрѣзываютъ ее на кусочки. Отдѣливъ часть коровайнаго пирога «скварочыкъ обварку» и наливъ рюмку водки, приглашаютъ отца принять все это. Тоже онѣ предлагаютъ матери и наконецъ всей роднѣ. Сами же приданки не ѣдятъ привезеннаго ими «снидапьня». Послѣ этого свекровь угощаетъ ихъ своимъ обѣдомъ, во время котораго онѣ поютъ:

48.

Добрый вечыръ, добрые людзи,
И мы къ вамъ!
Ти ни залятцѣла наша галочка
Сюды къ вамъ?
Хотць залятцѣла, ни залятцѣла,
Ни ўзятць вамъ!
Хотць вы ей пирца и крылца́ отсячытця,
Тольки яе часто ў гостційки пусьтцитця!

Послѣ обѣда приданки пляшутъ подъ звуки скрипки, устраиваютъ разныя забавы, напр.: выбираютъ какую либо женщину въ «породзиху» (роженицу) и взявъ котенка, его спеленаютъ, затѣмъ кладутъ мнимую *породзиху* съ котенкомъ за пологъ въ по-

стель. Для мнимаго новорожденнаго изъ среды присутствующихъ выбираютъ отца, кума и куму, а для роженицы — бабку. Котенка тискаютъ, чтобы онъ кричалъ, а бабы лечатъ его и шепчатъ надъ нимъ и еще сильнѣе давятъ его. Свекоръ вноситъ водку. «Породзиха» все время кричитъ: «животъ болитць». Ей льютъ въ ротъ водку съ золой или «накрошутць ў водку хлѣба, такъ и даютць». Вѣшаютъ веревку на воротахъ и качаются на «ёй». Вносятъ въ хату ступу и колесо: въ ступѣ толкачами будто сукно валятъ, а при ступѣ вертятъ на палкѣ колесо; иной льетъ воду на колесо и въ ступу. Смѣхъ, хохотъ. Глазѣющіе гости становятся на лавки, чтобъ лучше видѣть. Хозяинъ наконецъ проситъ оставить забаву и подноситъ приданкамъ водку. Случается, что кто либо изъ присутствующихъ приглашаетъ къ себѣ приданокъ «на чэсь» и угощаетъ ихъ водкой, «бярэтць по народу гарнецъ и поўтора», и закускою.

По уходѣ приданокъ изъ дома свекра «на чэсь», молодыхъ кладутъ въ клѣти спать. Предварительно бояринъ стелетъ въ клѣти ту самую постель, которую самъ внесъ туда по пріѣздѣ молодой къ свекрови. Постлавши постель, бояринъ ложится на нее и ожидаетъ прихода молодыхъ. Сватъ приводитъ молодыхъ въ клѣть, и молодая даетъ боярину ручникъ съ завернутымъ въ него хлѣбомъ. Получивъ даръ, бояринъ удаляется. Уходитъ оттуда и сватъ. Съ «чести» приданки возвращаются къ свекру. Свекровь со сватомъ, осмотрѣвъ рубаху невѣсты, показываютъ ее приданкамъ, и когда молодая оказалась честной, приданки поютъ:

Добрые наши морозы и т. д. См. выше.

Приданокъ угощаютъ ужиномъ. За ужиномъ на послѣднее кушанье подаютъ сладкую кашу съ воткнутымъ въ нее цвѣткомъ, при чемъ горшокъ бываетъ обвязанъ лентой, «косничкомъ», и сладкую красную водку, съ сахаромъ или съ медомъ. Каши приданкамъ достается очень мало, потому что ихъ очень много: «изъ одной ложки душъ пять обдзѣлающца для *поспыту*». Когда

красной водки не хватаетъ, то хозяинъ вноситъ для приданокъ обыкновенную водку, «холостую».

Если молодая оказалась не честною, то каша подается уже поковыряна, «поколышана», и нѣтъ цвѣтка на ней, но горшокъ все-таки обвязанъ «косничкомъ». И въ этомъ случаѣ приданки послѣ ужина поютъ пѣснь:

49.

Ой дайтця намъ наша!
А нихай наша пляпа.

«Коли не хорошая дзѣвушка, тогды прыданямъ ни дадутць ни пѣць, ни гуляць». Послѣ ужина онѣ уѣзжаютъ.

На обратномъ пути приданокъ отъ свекрови, если ея невѣстка оказалась честной, скрипку ѣдущаго съ ними музыканта обвязываютъ красной ленточкой.

Черезъ недѣлю, много черезъ двѣ родные начинаютъ ѣздить другъ къ другу въ гости. Сперва женихова родня ѣдетъ къ невѣстиной. Это бываетъ въ воскресенье. Прибывшихъ угощаютъ. Молодыхъ на этотъ разъ сажаютъ на кутѣ. Послѣ угощенія дѣлятъ коровай молодой. Это исполняетъ или сватъ молодой, или ея братъ, или своякъ. Дѣлить коровай можетъ и женатый и холостой. Передъ дѣлежемъ испрашивается надѣляющимъ благословеніе тѣмъ, кто будетъ дѣлить:

«Ти есьць тутъ отецъ и матць»?

— Мая быть.

«Благословитця початць коровай дзялитць».

Разрѣзанный на кусочки коровай кладутъ на вѣко, застланное холстомъ.

Сперва вызываются отецъ и мать невѣсты.

Ёсьць тутъ отецъ! Желаемъ на коровай, на Божый даръ; маитць, можа, што подарыць, дыкъ просимъ.

Вызванный подходитъ, беретъ коровай и говоритъ:

50.

Дарую счастья и долю,
И вѣкъ доўгій

И Бога хвалю, —
Што Богъ даруя,
То и я дарую.

Вызванные изъ родныхъ кладутъ: кто по рублю, кто по полтиннику; а изъ чужихъ 2, 3 копейки. Тутъ даже стоящіе мальчики звукоподражаютъ подареннымъ животнымъ; подарятъ, напр., гуся, они кричатъ: «ке, ке», свинью — запищатъ: «хрю, хрю» и т. п.[1]) Послѣ дѣлежа коровая, гостей приглашаютъ къ себѣ крестный отецъ, крестная мать невѣсты и другіе. Вездѣ гостямъ подаютъ яичницу, колбасы, студень, молочную кашу. Возвращаются къ родителямъ невѣсты ввечеру. Гостямъ даютъ ужинъ. Черезъ недѣлю или въ ближайшій праздничный день, если таковой случится, родители молодой и тѣ, кто перезывалъ къ себѣ въ гости молодого, отправляются погостить къ свекру молодой. Здѣсь также сперва угощаютъ обѣдомъ, во время котораго молодые сидятъ на кутѣ; затѣмъ дѣлятъ коровай, чѣмъ распоряжается сватъ молодого. У молодого подается коровай сперва его роднѣ, начиная съ отца и матери. Послѣ раздѣла коровая, гости ходятъ «по пярэзвамъ». Обойдутъ домовъ 8 и возвращаются къ свекру уже вечеромъ.

Если молодая оказалась честною, то гости, ходя по улицѣ изъ дома въ домъ, поютъ:

51.

Ходзя Раю да по улицы, —
Раю мой!
Нихто Раю ў дворъ ни пуская,
Раю мой!
Вышоў жа дятцинкоў таточка,
Раю мой!
Просіў Раю да къ сабѣ ў хату,
Раю мой!
Ой, сядзь жа Рай да на покутѣ,
Раю мой!
Ой, радзь, Раю, добрую раду!
Раю мой!

---

[1]) Ср. выше, стр. 274.

Я сына жаню, я Бога хвалю,
Раю мой![1])

Ср. Бѣлор. Сборн. Шейна, отд. Скорыш. пѣсни, стр. 209—211.

Слѣдующіе двѣ пѣсни поютъ въ избѣ и на улицѣ:

52.

Хто нашъ пиразоў подоймя,
Дай я́му, Божа, здароўя.
И зъ дзѣтками да и зъ жаною,
Да и съ ўсёю сямьею.

53.

Гостци мое да любовыя, 2
Ой, питця-жъ, вы, ѣштця;
А на медъ ни дзивитця! 2
Правая пчелочка
Поляцѣла за бродъ по мёдъ; 2
Якъ прыляцитць съ броду, 3
Прынясе гостцямъ мёду.

Сиротская:

54.

Ты мой садыньку, винаградыньку,
Нима табѣ доглядыньку!
Стоятць яблоньки расхиліўшыся,
Некому подпиратци;
Лижатць яблочки раскатціўшися,
Некому собиратци.

---

[1]) Вар. Той же губ., Игум. уѣзда, с. Микуличи.

Ходзиць Рай по вулицы,
Раю мой. (Припѣвъ этотъ повторяется за каждымъ стихомъ).
За Раямъ ходзиць Ганина мама:
«Ходзи, Раю, ко мнѣ ў хату,
«Ко мнѣ ў хату, ко мнѣ ў сѣни;
«У мяне ў хаця надобьяйка,
«Надобьяйка, вясе́лляйка:
«Дочку́ оддаю, пиву вару,
«Сына жаню, горэлку гоню».

Зап. А. П. Ральцевичемъ.

Стояць столики ўсё тисовые,
Некому застилаци;
Стояць шкляночки, ўсе неполныя,
Некому наливаци;
Сидзять гостiйки, ўсё любовые,
Некому частовати;
Сидзиць Ганночка да расплакаўши,
Некому сунимати.

Изъ зап. того же.

XIV.

Той же губерніи.

Сватьба у Копысскихъ мѣщанъ.

Дѣвушку пропивали во вторникъ на Илью. Косочки плели невѣстѣ вечеромъ въ субботу; затѣмъ принялись тогда же, уже часовъ въ 10, за печенье коровая. Вотъ какія къ этому приготовленія: на столъ, передъ образами, покрытый скатертью, поставили тарелку съ бѣлымъ хлѣбомъ и бутылку водки, которой налили и въ рюмку. Когда все это было приготовлено, всѣ присутствующіе начали молиться Богу. Помолившись, невѣста сдѣлала земные поклоны передъ матерью, *дядзиной* и за тѣмъ начала угощать водкой дѣвушекъ, заставляя ихъ выпивать по полной рюмкѣ, — пила также сама, но понемногу. Все это продѣлывала невѣста со слезами: плакала она оттого, что не присутствовалъ тутъ ея отецъ. Его присутствіе, по требованію обычая, было необходимо. Послѣ потчеванія дѣвушекъ водкой, со стола было все снято. Вслѣдъ за тѣмъ избрана была коровайница-зачинальщица. Она сѣла за столъ подъ образа и начала свое дѣло, сваливать въ рукахъ кусокъ тѣста, приготовленнаго для коровая, на что испросила у матери невѣсты благословеніе, приговаривая при этомъ: «благослови мати свойму дзитяци короваю качаци». Мать отвѣчала: «Богъ благословиць», что повторялось три раза. При-

ступили къ валянью (качанью) коровая съ пѣснями. Когда дѣло было въ полномъ ходу, явилась родная сестра невѣсты и пошли слезы: она плакала о томъ, что коровайницей-зачинальщицей была избрана не двоюродная сестра, а посторонняя дѣвушка и о томъ, что ее не обождали къ благословенію коровая. Валяли коровай нѣсколько дѣвушекъ [1]). Онъ былъ украшенъ пѣтушками, шишками, боченками съ обручами и витушками.

Когда коровай былъ сваленъ, вновь избранная коровайница (избраніе послѣдовало вѣроятно, послѣ заявленія сестрой невѣсты нежеланія первой коровайницы) положила его съ помощью другихъ дѣвушекъ на лопату, покрытую «прыспакомъ» [2]), и унесла въ печь въ сѣняхъ. Пока коровай былъ въ печи, дѣвушки танцовали. Невѣста же не принимала участія въ танцахъ. Она приносила дѣвушкамъ шишки, которые пеклись отдѣльно. Когда коровай испекся и объ этомъ объявили дѣвушкамъ, то избраны были изъ ихъ среды три: (родная сестра невѣсты и двѣ двоюродныхъ), — которыя понесли его изъ сѣней въ хату. Коровай лежалъ на решетѣ, посыпанномъ рожью. Неся его, дѣвушкя произносили слѣдующія слова:

1.

Коровай нашъ на жици,
Судзи, Божа, молодымъ пожици.
Коровай нашъ на скамьи,
А судзи-жъ, Божа, ўсёй сямьи.

Въ хатѣ коровай обносили три раза вокругъ стола, идя слѣва на право, а потомъ положили его на столъ (а не на скамью, какъ гласитъ пѣсня, записанная мной, впрочемъ, не на самой сватьбѣ, но также въ Копысѣ). Началась пирушка. Рюмка дѣлала круговую. Въ концѣ ужина раздавались «подарки» (конфекты).

---

[1]) Чаще всего приготовленіемъ коровая занимаются однѣ только замужнія женщины, *молодухи*, во многихъ мѣстахъ дѣвушекъ не допускаютъ къ участію въ этомъ обрядѣ. *Ш.*

[2]) Лепешки изъ ячменной, гречневой и пшеничной муки. *М.*

Послѣ ужина танцы возобновились, изъ избы танцующіе перешли на дворъ. Затѣмъ всѣ отправились по домамъ. — Въ воскресенье рано невѣста выкупалась, надѣла свадебную рубашку и ей начали расплетать коски. Расплели невѣстѣ косочки (а ихъ было нѣсколько десятковъ и всѣ весьма тонкія) и наложили ей на голову вѣнчальныя цвѣты. Скоро въ невѣстинъ домъ пришла сторона жениха (сваты) съ женихомъ во главѣ; ихъ посадили за столъ, на которомъ стояла большая фляга водки, до которой, впрочемъ, не дотрагивались. Невѣста еще не была готова. Сваты дождались, пока уборы ея окончились. Тогда ее посадили на дѣжу, покрытую вывороченнымъ кожухомъ, и «начали дарить». Одинъ изъ дружковъ (ихъ было два) былъ выбранъ «ораторомъ». И вотъ онъ, подавая невѣстѣ ботинки отъ жениха, произносилъ: «даруиць васъ князь млоды, прошу подарокъ принять, на бóльшее сподиватца». Невѣста приняла подарокъ, сказавъ: «давайця» и тутъ же надѣла ботинки, сидя на дѣжѣ. Потомъ всѣ помолились Богу, послѣ чего невѣста сдѣлала земные поклоны предъ всѣми присутствующими, при чемъ каждый изъ нихъ крестилъ ей голову, а она въ свою очередь цѣловалась со всѣми, даже съ молодыми хлопцами. Кончилось это прощанье и благословенье, какъ и началось и продолжалось, при мертвой тишинѣ.

Прежде всѣхъ ее благословляли отецъ и мать. Сваты съ женихомъ ушли въ церковь. Музыкантъ заигралъ какую-то піесу, невѣста же опять сѣла на дѣжу и просидѣла на ней, пока онъ не окончилъ своей игры. За тѣмъ и она съ дѣвушками отправилась въ церковь. Въ церкви оба, женихъ и невѣста, бросили себѣ подъ ноги по двѣ монеты, на которыя и стали. Послѣ вѣнца обѣ стороны отправились вмѣстѣ пѣшкомъ въ домъ невѣсты. Во дворѣ новобрачныхъ встрѣтила мать невѣсты въ вывороченномъ кожухѣ, съ тарелкой ржи въ рукахъ и хлѣбомъ солью. Она стояла передъ порогомъ въ сѣняхъ, а новобрачные передъ нею на дворѣ. Осыпавши молодыхъ рожью, мать передала дочери хлѣбъ-соль, а отецъ (тесть) молодому икону.

Молодые вошли въ избу и положили принесенный хлѣбъ и

икону возлѣ коровая. Въ хатѣ, за разставленными столами, сѣли пировать сватьи, сваты, женихъ и званые гости. Молодая съ дѣвушками угощалась въ сѣняхъ. Часа черезъ два послѣ свадебнаго обѣда, женихова дружина отправилась въ домъ жениха, гдѣ, до того времени, послѣ вѣнца пировали родные молодого. Когда наконецъ пришелъ онъ, его въ вывороченномъ кожухѣ встрѣтила замѣнившая обязанность матери тетка (или м. б. какая либо другая его родственница, такъ какъ мать его умерла) и обсыпала его рожью. Черезъ нѣкоторое время женихъ и дружки отправились отсюда въ домъ невѣсты для поднесенія ей въ подарокъ платка. Пришли, усѣлись за столомъ; сѣли также и всѣ гости, остававшіеся въ домѣ молодой послѣ свадебнаго пира. При воцарившейся тишинѣ «ораторъ» со словами: «даруицъ васъ князь млоды, прошу подарокъ принять, на бо́льшая ни сподзиватца», обращенными къ невѣстѣ, подалъ ей на мисочкѣ, обернутой ситцевымъ платкомъ, большой цвѣтной платокъ (на мисочку рядомъ положенъ былъ дружкомъ цвѣтокъ). Послѣ принятія молодой подарка, на дворѣ начались танцы, перешедшіе вскорѣ и на улицу. Молодые не принимали участія въ этихъ танцахъ. Танцы на улицѣ продолжались до поздняго вечера. Молодой во время танцевъ оставался у своей новобрачной недолго, и скоро ушелъ къ себѣ. Дружки же его пробыли здѣсь до тѣхъ поръ, пока танцовавшихъ не пригласили въ избу, т. е. до поздняго вечера; а затѣмъ они, не заходя къ молодой, отправились въ домъ молодого. Всѣ остальные вошли въ хату, продолжая тамъ танцы. Часа за полтора до прихода молодого со сватами, танцы прекратились у молодой, съ головы ея сняли лучшіе цвѣты и надѣли худшіе. Дѣвушки стали ворожить: завязавши глаза молодой, дали ей въ руки первые цвѣты и заставили ее возложить ихъ на голову одной изъ стоявшихъ въ рядъ трехъ дѣвушекъ. Какъ только молодая положила, на угадъ, на голову какой-нибудь изъ дѣвушекъ одинъ цвѣтокъ, всѣ радостно кричали: «Машѣ, Машѣ, выходить замужъ въ будущемъ году! счастливица Маша!» Тутъ дѣвушки распрощались съ моло-

дой и ушли. Между тѣмъ къ молодой стали собираться званые: предстоялъ обрядъ даренія новобрачной, выкупъ ея самой и ея имущества, и наконецъ ея увозъ. Начались приготовленія: къ лѣвой стѣнѣ отъ входа былъ приставленъ столъ, покрытый скатертью, на столѣ положили икону и хлѣбъ. Лавку передъ столомъ, на которой должна была сидѣть невѣста, покрыли вывороченнымъ кожухомъ. Приготовившись такимъ образомъ, «посадили невѣсту на посадъ». По сторонамъ ея сѣли двѣ ея сестры, родная и двоюродная. На столѣ же была положена шапка (требовалась теплая: «давайця цеплую!» провозглашалъ отецъ. — «Я свое цеплыя не дамъ» отзывались иные...) Въ поданную шапку ссыпались подаренные невѣстѣ деньги. Затѣмъ выбрали молодого изъ женатыхъ въ «оратора». Онъ взялъ мисочку, обернулъ ее платочкомъ и началъ подходить къ роднымъ новобрачныхъ, переходилъ потомъ къ ихъ родственникамъ, и наконецъ обращался къ званымъ гостямъ за подарками для молодой. Ораторъ называлъ по имени и отчеству каждаго, къ кому подходилъ, и потомъ спрашивалъ его: «чымъ дару́йци княгиню, ти конемъ, ти во́ломъ, ти злотомъ сребромъ, ти добрымъ словомъ». Тотъ, къ кому обращалъ ораторъ этотъ вопросъ, отвѣчалъ «дарую и конемъ, и воломъ и зло́томъ сребромъ и добрымъ словомъ». Сказавъ это, онъ клалъ на мисочку (или тарелочку) нѣсколько копѣекъ. Получивъ подарокъ, ораторъ подходилъ къ посаду, обращался къ молодой и говорилъ: «даруиць васъ (имя рекъ подарившаго) и конемъ, и воломъ и злотомъ-сребромъ, и добрымъ словомъ. Подарокъ принимайця, сами ранинько вставайця́ и мужа побужайтя». Послѣ этого обращенія, ораторъ ссыпалъ деньги въ шапку. Молодая за дареніе благодарила поклономъ, что дѣлали и ея подружки. Дарили молодую и послѣднія. Больше 10 к. никто не клалъ. Скоро раздалось: «сваты идуць». Пришли сваты и сватьи. Молодухи со стороны новобрачной вышли къ нимъ на встрѣчу. Пришедшая сторона остановилась на дворѣ; а молодухи (со стороны молодой) стояли въ сѣняхъ и пѣли пришедшимъ насмѣшливыя пѣсни; тутъ же сыпались и такія шутки: «а злодзѣи, воры пришли, ў хату ихъ ни пускай, коли ты

чэстный человѣкъ, дыкъ ходзи ў хату». Вотъ пѣсня, пропѣтая сватьямъ:

2.

А сваттяйки пышны, пышны,
А у васъ шубы мышьи, мышьи.
Ў понядзѣлокъ мышей ловили,
Въ оўторокъ душили,
А ў сериду лупили,
А ў чатвéръ ў квасъ клали,
А ў пятницу сушили,
А ў суботу шубы шыли,
А ў нядзѣлю надзѣли
И ў сваттяхъ поспѣли.

Ораторъ и у пришедшихъ требовалъ подарковъ для невѣсты. Затѣмъ пришедшихъ впустили въ избу. Начался выкупъ невѣсты у ея подружекъ, а сундука у брата. Выкупáли молодую такъ: на тарелочкѣ подавали подружкамъ рюмку водки, пряникъ и нѣсколько копеекъ. Въ это же время производился выкупъ сундука. Послѣ долгаго спора сундукъ былъ уступленъ за 45 коп. По продажѣ молодой отецъ ея предложилъ подружкамъ оставить ее. Онъ тутъ же взялъ ее за руку и передалъ свату, а послѣдній передалъ уже ее молодому. Начали пировать. Усѣлись за столъ въ такомъ порядкѣ: слѣва званые гости, за нимъ сватъ, дальше женихъ, а за нимъ молодая, рядышкомъ, еще дальше сватьи и за ними гости. Пировали долго, общая чара сдѣлала много круговъ. Во время этого пира молодухи (со стороны невѣсты), вошедшія теперь въ роль, хлопая въ ладоши, пѣли пѣсни, приличныя настоящему и предстоящему моментамъ; сватьямъ пѣли они особо шутливыя пѣсни, а тѣ, чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ молодухъ, давали имъ подарки. Тутъ въ шутку сосѣди вырывали подарки. Кончился пиръ. Невѣстѣ надѣли полушубокъ и набросили на голову платокъ. Она должна была уѣхать въ домъ жениха. Составился поѣздъ изъ двухъ телѣгъ. На одной запряженной парой, сѣли женихъ съ невѣстой, сватьи (со

стороны жениха) и дружки, на другой, позади, уложили постель и сундукъ. Двинулся поѣздъ и пѣсни раздались. Молодыхъ встрѣтили въ домѣ новобрачнаго въ вывороченномъ кожухѣ и осыпали ихъ рожью. Послѣ этого молодые по холсту, разостланному отъ сѣней до клѣти, прошли прямо туда, женихъ, держа въ рукахъ икону, а невѣста хлѣбъ. Тамъ они хлѣбъ и икону положили на столъ, и легли на приготовленную постель.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты продолжалось веселье, пляски. Уже часовъ въ шесть утра сюда пришли съ пѣснями сватьи, принесли невѣстину рубашку, чтобы показать ее родителямъ. Онѣ сѣли за столъ вмѣстѣ съ другими гостями, но всѣ усѣлись на мѣстахъ не прежде, какъ когда прошли по лавкѣ слѣва направо. Пока кружокъ гостей сидѣлъ за столомъ, мать разсматривала въ хатѣ рубашку дочери. Попировали, поплясали сватьи съ другими и затѣмъ ушли.

3.

Добры нашы морозы
Ни зморозили намъ рожы,
Пусьцили квѣти по клѣти,
А зялеӊый листóкъ подъ мостокъ,
А чырвоную рóжыньку
Ды ны подолокъ.
Ня то-жъ намъ честно,
Што на рукавѣ,
А то намъ честно,
Што на подолѣ.

Ср. въ моемъ бѣлор. сборн., № 654.

Такую пѣсню пѣли потому, что дѣвушка оказалась честною, въ противномъ же случаѣ поютъ другія.

Часа черезъ полтора по уходѣ свахъ, въ домъ родителей невѣсты пришелъ съ своими дружками женихъ поздравить съ добрымъ утромъ тестя и тещу и опять сѣли за столъ. Одинъ изъ дружковъ, въ качествѣ оратора, началъ угощать присутствующихъ водкой и пряниками и сперва обращаясь къ роднымъ не-

вѣсты, переходя постепенно къ менѣе важнымъ гостямъ, называлъ каждаго по имени и отчеству, предлагалъ угощенье и произносилъ:

«Даруютъ васъ пара млóдыхъ злучóныхъ за круты подушки, мягки пярины, бѣлы простыни и за панну учтиву» (честную). Принимавшій угощеніе, высказывалъ пожеланіе молодымъ всѣхъ благъ. Послѣ этого обряда женихъ и съ нимъ дружки, получившіе здѣсь по полотенцу черезъ плечо, перевязанному красной ленточкой, ушли обратно въ домъ жениха. А въ домѣ невѣстиныхъ родителей скоро начали дѣлить коровай, который и достали для того съ наддверья (съ полицы). (Когда его туда положили, не примѣтилъ).

Дѣлили коровай и одѣляли, начиная съ болѣе близкихъ: роднымъ, родственникамъ и болѣе знатнымъ давали пѣтушковъ и другія фигурки, а менѣе почетнымъ — шишки. Насталъ понедѣльникъ. Теперь уже молодые могли плясать. Въ теченіе цѣлаго дня дружки оставались съ полотенцами чрезъ плечо. Веселіе въ понедѣльникъ происходило въ домѣ сосѣда, а не въ домѣ жениха, такъ какъ на него была *«жалóба»*. Музыкантъ пилилъ и въ понедѣльникъ въ домѣ сосѣда; здѣсь плясали вмѣстѣ и дѣвушки и молодухи. Отсюда гости заходили къ жениху поужинать.

Въ дополненіе къ тому, что сообщено было женщинами о церемоніи при входѣ въ клѣть, я узналъ кое-что отъ мужчинъ, что было въ этой именно свадьбѣ.

Въ клѣть вели молодыхъ, давъ по краюшкѣ хлѣба, а передъ тѣмъ сватьи повѣсили въ клѣти образокъ.

Разсказывали мнѣ также мѣщане, что въ понедѣльникъ и слѣдующіе дни до четверга обыкновенно ходятъ по корчмамъ и пьютъ водку, а въ четвергъ потчуютъ гостей блинами.

По записямъ того же.

XV.

Той же губерніи.

Свадьба крестьянина деревни Стаекъ, женившагося на Копысской мѣщанкѣ.

На свадьбу я прибылъ подъ вечеръ, и потому сообщаю нѣкоторые факты на основаніи разсказовъ. Именно послѣ вѣнца обѣ стороны, женихова и невѣстина, пообѣдали вмѣстѣ въ домѣ невѣсты; а послѣ обѣда женихова сторона отправилась въ Стайки. Самъ же я былъ очевидцемъ слѣдующихъ фактовъ: въ ожиданіи пріѣзда жениха съ дружиной, сватъ собиралъ дары для невѣсты, которую я нашелъ сидящей уже на посадѣ. Сидѣла она на кожухѣ, ближе къ образамъ. Подружекъ было три и всѣ онѣ сидѣли по одну сторону невѣсты. Посадъ былъ устроенъ подальше отъ образовъ, какъ и въ мѣщанской свадьбѣ. На первомъ столѣ, что́ передъ образами, лежалъ коровай. Сватъ изъ мужичковъ (кажется Левко́вскихъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Стаекъ) заявлялъ просто, напр.: «А во тутъ тетка ёсьць? Чымъ даруишъ княгиню?» При этомъ подносилъ миску, покрытую платочкомъ. Получивъ нѣсколько копѣекъ, сватъ ссыпалъ предъ невѣстой деньги, которыя она не тотчасъ брала изъ шапки, а потомъ на той же мискѣ, на натянутомъ платкѣ ставилъ рюмку водки и угощалъ подарившаго. Кто больше давалъ, тотъ и больше водки получалъ. Пока дарили невѣсту, подружки ея пѣли пѣсни (были пѣсни, выражавшія недовѣріе къ жениху). Вотъ одна пѣсня, которая пѣлась въ тотъ моментъ.

1.

«Ды ни жалосливая Аксинка, 2
«Ни разжа́лила матуньки». 2
— А коли-жъ захочу — рожжа́лю, 2
— А повѣшу уплетъ зъ русыхъ косъ 2
　　— На приклецъ.
— Куды моей матынцы ў клѣть итци: 2
— Йна ў клѣць идучи забачыць, 2
— А съ клѣти идучи заплачыць. 2

— Гэто-жъ моя дочу̀шка носила, 2
— Йна-жъ мое подворъя красила, 2
— А цяперъ жа пошла йна ў чужыя людзи, 2
— Йна на тоя бялила забыла, 2
— Йна свойго личинька ня умыла 2
— И русой ко́сыньки ни часала. 2

Когда окончилось дареніе невѣстѣ, подружки переставши пѣть, начали танцовать. Невѣста же все сидѣла на кожухѣ. Ее хотѣли держать на мѣстѣ до пріѣзда жениха. Наконецъ по настоянію сострадательныхъ дѣвушекъ, ее отпустили, чтобы немного погуляла. Начались танцы: танцовали сперва въ избѣ *жидовочку*, русскую, потомъ перешли на дворъ. Тамъ, на просторѣ танцовали *воробъя*, *чижика*, *цыганку*. Танецъ *жидовочки* производился такъ: Выступали двѣ пары дѣвушекъ, изъ которыхъ каждая пара, становилась другъ противъ друга, потомъ дѣвушки брались за руки такъ, что образовали крестъ, и такимъ образомъ кружились и пѣли, потомъ вдругъ взяли другъ друга за таліи, продолжая кружиться; круженіе и пѣніе продолжалось; затѣмъ, опустивъ руки, всѣ четыре стали ходить одна позади другой и хлопать въ ладоши. Затѣмъ онѣ продѣлывали все это по нѣскольку разъ. *Воробъя* танцовали въ нѣсколько паръ такъ: танцующіе составили кругъ, внутри котораго ходили дѣвушки, снаружи — хлопцы; сперва двигались въ одну сторону, тихо, прогуливаясь, а потомъ, когда музыка становилась живѣе, всѣ пары вдругъ поворачивались и начинали попрыгивать веселѣе. Затѣмъ опять то же. Пары ходили, обнявши другъ друга за таліи. Чижика танцовали въ четыре пары.

Часовъ въ 11 вечера пріѣхала дружина жениха. Впереди, на парѣ женихъ со сватомъ. Выпрягши изъ телѣги одну лошадь, онъ подвелъ ее ко входу въ избу и поставивъ ее задомъ къ воротамъ, сѣлъ на нее верхомъ. Тотчасъ вышла къ нему мать невѣсты въ вывороченномъ кожухѣ, держа въ рукахъ миску съ водой и пучекъ березовыхъ вѣточекъ. На вопросъ, что ей нужно дѣлать? она получила въ отвѣтъ нужное указаніе и приступила

къ дѣлу такъ: обошедши одинъ разъ (хотя, кажется, отъ нея требовали трехъ обходовъ) вокругъ лошади, она подошла къ ней съ принесенной водой, стала мыть ей морду, а вѣничкомъ провела по ней три раза, обмакивая вѣничекъ вновь послѣ каждаго раза. То же она сдѣлала съ женихомъ, который каждый разъ нагибался къ ней. Помывъ жениха, она отдала ему воду. Онъ же, послѣ предупрежденій, высказанныхъ со стороны: «берегись, хлопцы!» бросилъ миску съ водой черезъ свою голову. Чтó этотъ обычай знаменуетъ — я не могъ узнать. Сойдя съ лошади, женихъ вошелъ въ сѣни, и тамъ пришлось ему пробыть довольно долго. При немъ были и братъ его и сваты. Мать невѣсты вышла къ нимъ изъ избы угощать водкой. Жениху поднесла послѣ всѣхъ. Братъ его въ это время все острилъ: «А Михалку ни давать! ни дадзимъ!» Сватьи послѣ угощенія водкой, вышли на дворъ и стали принимать участіе въ танцахъ. Сваты же вошли, послѣ угощенія водкой, въ избу, а женихъ остался въ сѣняхъ. Одна изъ свахъ припѣвала къ танцамъ такъ:

2.

Люблю ни того,
Хто ботциками: лясь, лясь;
А люблю того,
Хто лапциками: шась, шась!

Пока сватьи танцовали, женихъ все стоялъ въ сѣняхъ, а сваты — въ избѣ. Какъ только они вошли въ избу, невѣстины сваты спросили ихъ, уже усѣвшихся у стола: «Ти благополучно вы доѣхали, ти ни случылось чаго, ти сдалека сами?» Жениховы сваты отвѣчали: «Благодаримъ васъ, слава Богу». Войдя въ избу, сваты поставили на столъ привезенную ими водку. Но кварты водки, какъ оказалось, «не довезли». Мать невѣсты была этимъ очень обижена и завязала съ пришедшими споръ и съ досадой произносила: «Обманщыки вы! Нихай моя дочка остается у мяне, ни пущу яе; вядро посли винца и тяперь полвидра обѣщали, скольки-жъ вы прывязли, идзѣ ето бывало?» Незамужняя

дочь подливала еще масла въ огонь. Наконецъ угомонили раздосадованную старуху. И вотъ теперь только впустили въ избу жениха и пріѣзжихъ свахъ.

Когда всѣ собрались въ избѣ, пріѣзжіе сваты начали одаривать и угощать подружекъ невѣсты, а затѣмъ ее самоё. Они передавали, черезъ домашнихъ, подружкамъ водку, по копѣйкѣ денегъ и по два баранка; невѣстѣ дали пирожокъ, пряникъ и нѣсколько копѣекъ. Одарены были и два мальчика, навѣрно братья невѣсты, — только этимъ способомъ они могли выкупить постель невѣсты. Кончился этотъ обрядъ, и сошли съ посада невѣста и ея подружки. Съ этого стола сняли булку чернаго хлѣба, икону, шапку, куда ссыпались деньги; съ другаго стола сняли коровай. Очистивши столы, ихъ покрыли чистыми скатертями. Мать достала изъ сундука свѣчи и тонкій ручникъ, которымъ она покрыла образъ и сложила его, обративъ ликомъ внутри, съ булкой хлѣба, помѣстивъ между тѣмъ и другимъ свѣчу; пригласила сѣсть за столъ и затѣмъ отдала *все это* невѣстѣ, дочери своей. Та приложила къ груди булку хлѣба и, по требованію пріѣзжихъ свахъ, встала на лавкѣ, обратясь къ иконамъ. Молодой тоже сталъ на лавкѣ и черезъ булку хлѣба и икону поцѣловалъ свою жену. Тутъ вышло что-то не такъ, какъ хотѣлось сватьямъ, по этому послѣднія съ неудовольствіемъ проговорили: «Прыѣхаувши домой, здѣлаимъ по своему».

Невѣста спустилась съ лавки и сѣла рядомъ съ женихомъ, продолжая держать данное матерью и во время ужина. Было два стола. За однимъ, подъ образами, сидѣла невѣста, вправо — женихъ, еще далѣе отъ задняго угла къ переднему — сваты.

Сватьи, сидѣвшія за вторымъ столомъ во время ужина пѣли пѣсни (въ одной пѣснѣ ввернулось сравненіе грудей съ яблочками). Послѣ ужина женихъ сперва сдѣлалъ земной поклонъ предъ тестемъ, а невѣста въ тоже время передъ родною матерью. Потомъ женихъ предъ тещей, а невѣста предъ отцомъ. Женихъ и невѣста дѣлали, наконецъ, земные поклоны всей невѣстиной роднѣ, каждому въ одиночку. Незамужняя сестра не приняла покло-

новъ ни отъ своей сестры, ни отъ своего новаго *швагра* (зятя). Невѣста была этимъ очень огорчена и заливалась горькими слезами, а женихъ тоже загрустилъ и понурилъ голову. Мать плакала, жаловалась на судьбу, досадовала на дочь, что та захотѣла поставить на своемъ и выходитъ за мужика, противъ родительской воли. Сватьи подобрали пѣсню:

3.

А у васъ выютць, плачутць,
А у насъ пяюць, скачутць,
А у васъ ды на жалотсць,
А у насъ ды на радотсць.

Въ поѣздѣ, на телѣгѣ, запряженной парой лошадей, была положена постель невѣсты, на постель сѣли молодые, двѣ сватьи и братъ жениха, который погонялъ лошадей. Невѣста везла съ собой хлѣбъ, икону и свѣчки. На другой телѣгѣ, въ одну лошадь, сѣли сваты. Поѣздъ помчался, раздались пѣсни, и вскорѣ онъ скрылся.

По записямъ того же.

XVI.

Той же губ., Гомельскаго уѣзда.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Старо-Юрковической волости.

Мѣстныя свадьбы по обрядамъ не похожи на бѣлорусскія: онѣ сходны съ малороссійскими; по крайней мѣрѣ очень мало отъ нихъ отличаются [1]).

Молодые люди женятся здѣсь очень рано, большею частью $17^1/_2$ лѣтъ, и постоянно посылаютъ прошеніе въ Могилевъ, къ архіерею о разрѣшеніи вступить въ бракъ. Причиною тому — же-

---

[1]) Насколько это мнѣніе г. Батурина основательно, благосклонному читателю не трудно будетъ провѣрить, сравнивъ описаніе данной свадьбы съ цѣлымъ рядомъ предыдущихъ и послѣдующихъ описаній бѣлорусскихъ свадебъ. *Ш.*

ланіе родителей жениха (особенно въ семействахъ, гдѣ мало лицъ женскаго пола) имѣть въ домѣ работницу. Свадьбы болѣе всего совершаются въ маѣ, на «Гряной» недѣлѣ, передъ началомъ жатвы. Невѣсты тоже бываютъ очень молодыя: 16 — 17 лѣтъ; дѣвушки 19—22 лѣтъ считаются устарѣвшими.

Парень въ играхъ и на «вячоркахъ» намѣчаетъ себѣ невѣсту. Когда родители объявляютъ ему свою добрую волю — женить, онъ и совѣтуетъ «батьку» посылать сватовъ къ выбранной — Ганнѣ, Лексѣ или Авдюхѣ[1]). Сваты приходятъ въ домъ невѣсты и приносятъ ей «чоботы», а родителямъ ея вѣно отъ 10 до 15 руб. по условію. Тѣ принимаютъ чоботы (знакъ согласія) и назначаютъ день свадьбы.

Свадьбы совершаются большею частью въ воскресные дни. Наканунѣ званые на свадьбу «гуляють дявиччи вечиръ» — пируютъ почти цѣлую ночь въ домѣ жениха. Играетъ музыка, состоящая изъ скрыпки и «цимбалы»; парни танцуютъ русскую «трясутку» (что-то въ родѣ казачка) въ три-четыре и болѣе паръ, поставленныхъ vis-à-vis. Три раза подходитъ одна сторона къ другой, потомъ отойдя, обѣ дѣлаютъ поворотъ назадъ; при этомъ громко ударяютъ чоботами въ землю, придерживаясь такта музыки. Такимъ образомъ они скачутъ до утомленія. Другихъ фигуръ не существуетъ.

Старшіе въ это время сидятъ за столомъ и поютъ пѣсни; впрочемъ никогда ихъ не оканчиваютъ, потому что ихъ то и дѣло прерываютъ выпивкою, которая идетъ въ рядъ съ одного конца въ другой и обратно. На столѣ стоитъ большая чашка, наполненная водкой и въ ней ложка, которой хозяинъ наливаетъ рюмку. Рядомъ съ чашкой лежитъ «коровай», въ который воткнута «елка» [2]),

---

[1]) Если у жениха двѣ невѣсты, одинаково любимыя, то, отправляясь, сваты пускаютъ лошадь по произволу; въ какую сторону поворотитъ лошадь, на той сторонѣ живущую невѣсту и сватаютъ. *Б.*

[2]) Такъ называется вѣтка вишневаго дерева, длиною около аршина; лѣтомъ она убирается зеленью, а зимою искусственными цвѣтами. Обычай употреблять вишневую елку ведется искони. *Б.*

убранная цвѣтами. Между тѣмъ женихъ съ боярками и невѣста съ подружками находятся на «вячоркахъ». Всѣ кушаютъ сѣмячки, пряники и орѣхи.

На слѣдующій день женихъ съ дружками[1]) и боярками[2]), невѣста съ подружками идутъ къ обѣднѣ, по окончаніи которой совершается таинство брака. Вышедши изъ церкви, дружко вынимаетъ изъ кармана бутылку водки и тутъ же, на «цвинтарѣ», угощаетъ бояръ и подружекъ. Женихъ и невѣста ожидаютъ выхода батюшки (священника) изъ церкви; тотъ, вышедши, благословляетъ ихъ; они ему кланяются до земли три раза. За тѣмъ новобрачные подъ пѣніемъ пѣсенъ идутъ въ домъ невѣсты, кланяясь по дорогѣ до земли каждому встрѣчному старшему знакомому, въ сопровожденіи подружекъ, которыя поютъ пѣсни. Придя къ дому невѣсты, они останавливаются у порога, гдѣ ихъ встрѣчаютъ родители съ хлѣбомъ-солью и музыкой. Трижды поклонившись до земли и поцѣловавъ въ уста родителей, женихъ и невѣста входятъ въ хату и садятся вмѣстѣ съ дружками, боярами и подружками за столъ. Подаютъ обѣдъ, кушаютъ всѣ, исключая жениха и невѣсты.

Свадебное пиршество идетъ особо въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты. И бояре, и дружки, и родственники, и знакомые, и свахи напиваются допьяна. Невѣста разъ двадцать поплачетъ, не потому, чтобы она не любила жениха, а такъ, для обычая, и откуда только берутся у ней слезы! Ея подружки напляшутся вдоволь и чуть не надорвутся отъ пѣсенъ. Наконецъ, пообѣдавъ еще разъ (здѣсь уже принимаютъ участіе женихъ и невѣста), вся компанія отправляется по *боярахъ* (т. е. заходитъ въ домъ каждаго боярина, дружки, родственника и знакомаго и вообще участвующаго въ свадьбѣ. Такимъ образомъ перебываютъ въ 15 домахъ и въ каждомъ угощаются[3]). Выходя изъ одного

---

[1]) Дружки—женатые люди, которые дѣлятъ коровай, наливаютъ водку. *Б.*

[2]) Бояре — неженатые (шафера). *Б.*

[3]) Самая бѣдная свадьба стóитъ жениху не менѣе 50 руб. При состоятельности жениха и невѣсты на нее израсходуется до 100 руб. и болѣе. *Б.*

дома и направляясь въ другой, въ сопровожденіи музыки, молодицы, дружки и бояре танцуютъ. Въ это время невѣста въ сопровожденіи дѣвушекъ-подружекъ ходитъ по подружкамъ. Обойдя всѣхъ, женихъ съ боярами и дружками возвращается въ домъ своихъ родителей, а невѣста съ подружками — въ домъ своихъ. Этимъ завершается первый актъ свадебнаго обряда.

Около 12 часовъ ночи женихъ съ боярами и дружками, имѣющими перевязанные черезъ плечо ручники, идутъ «завивать нявѣсту». Подойдя къ воротамъ невѣстина двора, они останавливаются, такъ какъ ихъ предварительно запираютъ. Здѣсь они стучатъ, требуя, чтобы имъ отворили. Родственники невѣсты не отворяютъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ «уплаты», состоящей въ томъ, что каждому даютъ по рюмкѣ водки. Тоже происходитъ и у дверей, ведущихъ въ хату. При входѣ гостей, невѣста сидитъ на лавкѣ за столомъ, склонивъ голову до прикосновенія къ столу; за ней на лавкѣ, стоитъ братъ ея и сосѣдніе мальчики отъ 8 до 11 лѣтъ. Дружки подходятъ къ мальчикамъ съ *пугой*, чтобы отогнать ихъ отъ невѣсты. Тѣ сопротивляются, требуя денегъ. Дружки ихъ удовлетворяютъ. Тогда мальчики соскакиваютъ съ лавки. Женихъ быстро вскакиваетъ на лавку къ невѣстѣ, сидящей въ наклоненномъ положеніи и, взявъ ее за лобъ, поднимаетъ ей голову и садится по правую ея сторону; она должна сидѣть прямо. Затѣмъ меньшій ея братъ снова становится за ея плечами и говоритъ: «Есть тутъ отецъ и мать?» — «Есть». — «Благословите сястру косу́ разплесть!» — «Богъ благословить». — «И въ дру́ги разъ!» — «Богъ благословить!» — «И въ третти разъ!» — «Богъ благословить». Потомъ начинаетъ расплетать косу. Когда коса расплетена, братняя жена или старшая замужняя сестра, становится на мѣсто мальчика, беретъ «гребенку» и чешетъ невѣсту, а другая родственница становится передъ ней, держа въ рукахъ «вѣко» съ положеннымъ на немъ «чепцомъ. Первая, почесавъ невѣсту, беретъ у стоящей передъ ней чепецъ и надѣваетъ его на голову невѣсты. Та начинаетъ

плакать и сопротивляться, сбрасывая чепецъ. Но послѣ долгихъ усилій, чепецъ надѣваютъ, завязываютъ завязкой и покрываютъ «наметкой». Дѣвушки, подружки невѣсты, пѣвшія при каждомъ дѣйствіи, послѣ этого оставляютъ невѣсту и идутъ домой. Бояре еще остаются.

Старшій дружко беретъ ножъ и говоритъ: «Есть отецъ и мать?» Тѣ отвѣчаютъ: «Есть». — «Благословите честный, важный коровай покроить!» — «Богъ благословить!» — «И въ дру́ги разъ!» — «Богъ благословить». — «И въ третти разъ!» — «Богъ благословить». Дружко начинаетъ кроить. Свахи [1]) поютъ:

«Крой дружко́, козиная ножка, на тарелкѣ, на кружкѣ!» Разрѣзавъ коровай, дружко ставитъ на тарелку рюмку съ водкой и кладетъ кусочекъ коровая и, приподнимая тарелку, обращается къ свату, отцу невѣсты: «Эй старшій сватъ! еслибъ ты ласковъ бувъ, да сюды прибывъ, да нашъ честны-важный корвай принявъ, да нашихъ молодыхъ чимъ-нибудь подаровавъ: чи конемъ, чи воломъ». Приглашенный подходитъ, беретъ кусочекъ коровая и рюмку, и говоритъ: «Дарю я вашихъ молодыхъ счастьимъ да здоровьимъ, да чирвонымъ золотымъ, да конемъ». Кладетъ на тарелку монету, смотря по состоянію, и выпиваетъ вино. Дружко, затѣмъ, съ тѣми же словами обращается къ свахѣ, родственникамъ и знакомымъ. Раздѣливъ коровай, всѣ садятся «вячеряти», послѣ чего свахи и бояре жениха расходятся. Женихъ и невѣста начинаютъ молиться Богу, потомъ подходятъ къ родителямъ невѣсты, сидящимъ на «услонѣ» [2]) и кланяются имъ три раза. Родители благословляютъ ихъ иконой и, кромѣ того, жена старшаго брата невѣсты даетъ ей курицу. Затѣмъ выносятъ приданое невѣсты, помѣщаютъ его на телѣгу, въ которую садятся молодые и ѣдутъ въ домъ жениха. На дворѣ жениха зажигаютъ куль соломы, которую тушатъ только тогда, когда молодые черезъ нее проѣдутъ.

---

[1]) Свахи — родственницы жениха. *Б.*

[2]) «Услонь» — скамейка. *Б.*

Вслѣдъ за молодыми приходятъ «придани» [1]), каждая съ «лустой» хлѣба. У жениха садятся за столъ. Покушавъ, выходятъ изъ-за стола полукругомъ, причемъ дружко держитъ за руку жениха, а тотъ — невѣсту. За тѣмъ дружко обращается къ родителямъ жениха: «Есть тутъ отецъ и мать?» — «Есть». — «Благословите молодыхъ на впокой!» — «Богъ благословить». (Повторяется три раза). Въ сопровожденіи дружки, музыки и «придань» молодые идутъ въ амбаръ, гдѣ для нихъ приготовлена постель. Женихъ садится на постель, невѣста его «разуваеть» — снимаетъ сапоги. Оба разоблачаются. (Придани въ это время поютъ, музыка играетъ). Женихъ беретъ невѣсту въ охабку и бросаетъ на кровать. Всѣ выходятъ изъ амбара, который запираетъ дружко, а ключъ хранитъ у себя. Затѣмъ гуляютъ цѣлую ночь.

На завтра, чуть день, музыка, дружко и тѣ же придани входятъ въ амбаръ. Молодые встаютъ изъ «свойго корватя», перемѣняютъ бѣлье, умываются, идутъ въ хату молиться Богу и садятся противъ печи «завтракать», при чемъ пьютъ красное вино. Затѣмъ невѣста лѣзетъ на печку, а женихъ отправляется къ роднымъ звать на коровай. Затѣмъ дѣлятъ коровай, какъ въ домѣ невѣсты.

Если невѣста была цѣломудренная, то придань хорошо подчуютъ въ домѣ жениха и отправляютъ съ подарками, въ противномъ случаѣ съ позоромъ выгоняютъ. Сопровождая придань, свахи въ первомъ случаѣ перевязываютъ дуги красными лентами, а также привязываютъ красную ленту къ тестю и прикрѣпляютъ къ воротамъ дома невѣсты; во второмъ случаѣ и дуги, и ворота обозначаютъ «карявками».

Послѣ этого сваты и дружки начинаютъ ходить по бесѣдамъ; такимъ образомъ свадьба у богатаго крестьянина продолжается около недѣли.

Каждое дѣйствіе (входъ жениха въ домъ невѣсты, расплетеніе косы) сопровождается пѣснею; изъ нижеслѣдующихъ пѣсенъ

---

[1]) Придани — родственницы невѣсты. *Б.*

можно заключить по содержанію, какая именно пѣсня подходитъ къ какому дѣйствію:

1.

«Та́точка, мой родненькій!
«Да на що ты пива варишь,
«Горѣлочку гонишь,
«Ти ты мине
«Да й оддать хочишь?»
— Да, дитятко, дѣвочка!
— Молоды ро́зумъ ма́пшь;
— Ти ты того ни знаишь,
— Що мой дворъ при дорози,
— Въ мене гости на порози,
— Просять меду
— И горѣлочки, —
— Горѣлочки солоде́нькія,
— Да дѣвочки молоденькія?

2

Да разгорѣлася калина,
Да пирядъ со́нцемъ сто́ечи,
Дробныя искорки ро́нечи.
Тушивъ вѣтреньку, не потушивъ,
По полю искорки разносивъ.
Расплакалася дѣвочка,
Да пирядъ таточкомъ сто́ечи.
Сунимавъ таточка, ни сунявъ,
Большія жалости що задавъ.
«Да дитятко мое любо́е!
«Оддаю тибе отъ себе
«Ў тые люди дивные,
«Що миняютъ коней безъ цаны́,
«Да що бьють жонокъ безъ вины́».

3.

Неправдивая калина казала:
«Цвисти ня буду»;
Икъ пришла пора — зацвила,
Сильные ягоды вродила.

Неправдивая дѣвочка казала:
«Замужъ ни пойду»;
Икъ пришла пора, дакъ пошла,
Молодого хлópчика полюбила.

4.

Литѣвъ горносадъ
Чиризъ садъ,
Наронявъ перечикъ
На весь садъ;
Да збырайтя дѣвочки
Перочки,
Завивайтя хлопчику
Éлачки
Зъ руты, зъ мяты [1])
Зелині́,
Зъ чирвоніе
Калині́.

5.

Хоть куй [2]) зязюля, хоть ня куй —
На богатька [3]) табе ковать:
Отъ Вялика дня до Питра́;
А посли Питра, дакъ ни дня.
Хоть плачь дѣвочка, хоть ни плачь —
Ни богатька табѣ въ татки буть:
Отъ Вялика дня до Питра,
А послѣ Питра, дакъ ни дня.

6.

«А вже позненька, ни раненько —
«Сонейко на заходи,
«Навучай мине, да мой таточка,
«Якъ свекорку годить.»
— Годи́ дитяточко, годи́ роднóя,
— Якъ родному таточку:
— Раненько ўстань, да добри́ день оддай,
— Зирни вядерцы;

---

[1]) Не вѣрнѣе ли *мъяты? Ш.*
[2]) Т. е. кукуй. *Б.*
[3]) Немного. *Б.*

— Ти ё водо́чка
— Свекорку умыцца;
— Зирни на кручокъ,
— Ти ёсьть рушничокъ
— Свекорку утерется.
«Ожъ ў вядерцы повна водицы
«И рушничокъ на крючочку.»

7.

А хло́пчичокъ думая, гадая,
А дѣвочка на вдогадъ зная,
Да вивела коня вороного,
Да винесла и сиделичко:
«На! хло́пчичокъ, мое серца.»

8.

«Да куды да дѣвочки
«Сами идите́?
«Чому мине молодой
«Да й ни видетё?»
— Ходемъ, ходемъ, да дѣвочка!
— Знай — мы
— Совёмъ табе вяночикъ
— И съ орламы.
«На що мине, да дѣвочки,
«Съ орламы вянокъ,
«Ё у мине да хло́пчичокъ,
«Ясной соколо́къ.

9.

А въ борку́, борку́,
На клинку,
Да висить люличка
На шнурку;
А въ той люлички
Хло́пчичокъ,
А подъ люличкой
Бояри.
«Бояре моё
«Любые!

«Сколихните мине
Високо,
Щобъ я побачивъ
Далеко,
Дѣ моя дѣвочка
Гуляя,
Да въ орѣшечки
Цотая.
Ти цотъ, ти лишко,
Орашёкъ?
Тамъ мой хлопчикъ
Женижёкъ.

Ср. въ моемъ Бѣлорусск. Сборн., стр. 202, № 340.

10.

А дѣвочка (имя) сироточка,
А хлопчикъ (имя) панъ.
«Шукай собѣ да такую,
«Ой икъ молоды самъ».
— Да объѣздивъ ой два городы,
— Да не найшевъ
— Да такія,
— Ой икъ самъ молоды.
Перебравъ ёнъ усѣ краски,
Ой все васильки,
Да ни найшевъ да такой
Ой чернобривыя.

11.

Литѣли голубьяты
Молодыя
Черезъ наши да сѣнички,
Ой ще й новыя;
Пыталися у дѣвочки:
«Ти готова?»
— Ни готова, голубьятка,
— Ой ни готова.
— Що купила мотокъ шовку —
— Загубила;
— А я свойму да хлопчику
— Хусты няшила.

12.

А на дворѣ ду́дочка играе,
А хлопчичекъ коня сидлае;
У яго таточка питая.
«А шо тибѣ, мой татка, до того?
«Я сидлаю коника ни твого,
«Я сидлаю коника самъ свого.
«Дли того я зимочку годовавъ,
«Щобъ я сюю но́чочку погулявъ,
«Щобъ я сабѣ дѣвочку
«Въ дворъ ўзявъ».

13.

«На подмости да сѣнички,
«Ой на подмости!
«Наѣхали, дитя мое,
«Икъ намъ гости».
— Сховай мине, моя матко,
— Ой ў комору,
— Щобъ не взяли тые гости,
— Ой и съ собою.
«Не такіе, дитя мое,
«Ой наѣхали,
«Щобъ безъ тибе, дитя мое,
Ой поѣхали.

14.

Нави́ли дѣвочки
Елочки,
Да ввесь чириборъ
Виходили,
Чирвоную кали́ночку
Виломили,
Да все хлопчику (имя)
Елцы вили
Изъ руты, мяты,
Изъ ялины,
Изъ чирвоныя
Калины.

15.

Тройца по церкви ходила,
Спаса за руку водила.
Ой Спасу, мой Спасу!
Ходи ко мнѣ въ хату
Елечекъ довивать,
Пѣсенку допѣвать.

16.

Хло́пчика (имя) мати родила,
Мѣсяцемъ обгородила,
Зарей подпириза́ла [1])
И дорожку указала.
«Ой, хло́пчичекъ, ня стой,
«Въ тибѣ кони найманые
«И бояри *прохание*;
«Ужѐ кони потомилися,
«И бояре подбилися,
«И музы́чиньки перейгралися,
«А сваточки пирескакалися».

17.

Тестю загодѣй [2])
Мосты мостя,
Столенымъ гвоздемъ.
Гвоздемъ;
Щобъ и мостъ
Ни сколыхнувся,
Щобъ и конь
Ни спотыкнувся,
Щобъ и зять
Ни влекнувся,
Да й назадъ
Ни вярнувся,
Отъ дѣвочки
Ни открекнувся.

---

[1]) Подпоясала. *Б.*
[2]) Заранѣе. *Б.*

18.

Ой якъ були мы да въ нидѣлечку
Рано да ў церковцы, —
Бачили мы тройчастую [1]) свячу́.
«А чія свича ярка горѣла?»
— А хлопчикова ярко горѣла,
    Що у свого таточки;
— А дѣвочкина да й потухала —
Слезками обливала.

19.

Да ти густа пшеница
        На ввинѣ [2])?
Да ти ё господарь
        На дворѣ?
Ти выкупи елочки
        На столѣ?

20.

«На добранычь, моя матка,
        «Ой на добранычь;
«Это табѣ на добры́нычь,
        «Да й ни на́ нычь;
«Да не на'дну на ночиньку —
        «Да на весь вѣкъ;
«Не на'дну, да на мене —
        «Да и на весь свѣтъ.»
Убиралась да дѣвочка
        Отъ таточки прочь;
Чорнымъ шолкомъ колясочку
        Устилала,
По пе́реду соколика
        Посилала:
«Лятп, ляти, соколичокъ
        «Въ мою сторону;
«Накажи ты соколичокъ,
        «Свекорку мойму —

---

[1]) Соединенная изъ трехъ отдѣльныхъ свѣчей. *Б.*
[2]) Т. е. на новинѣ. *Б.*

«Нехай яго чилядочки
«Ни гуляють,
«Нехай дворы миравіе
«Умитають,
«Нехай столы тесовіе
«Застилають,
«Нехай кубки медовіе
«Наливають,
«Нехай свѣчи до полночи
«Не стухають,
«Нехай мене молодой
«Дожидають.
«Ляти голубиночку
«На вкрайночку,
«На вкрайночку,
«На мою родиночку».

21.

Зборница дѣвочка, зборница!
Назбирала изборъ въ батьковъ домъ,
Насаджала вишеникъ на вибо́ръ.
Сама сѣла више всѣхъ,
Надумала думушёкъ больши всѣхъ:
«Да чимъ минѣ свекора називать?
«Назову я свекорку роднымъ таточкой,
«А свякрухну назову мамочкой,
«А дивяро́чка — браточкомъ.

22.

Шашнули колёсочки
Подъ вокно.
«Поляди, моя мамка,
«Ти ни по мяне?»
— Да по тябѣ, дитя́точко,
— По тябѣ,
— По твою русую косочку,
— По дяво́цкую.

23.

Икъ зарзали сивые кони въ поли,
Заплакала дѣвочка Кулина:

«Ни оддай, ни оддай, мой таточка отъ сибѣ,
«Застаницца моя руточка вся тибѣ.
«Ўстань, ўстань, мой таточка, ранéнько,
«Поливай мою руточку частéнько,
«Поливай жа дробну зелену частенько».

24.

Ишла дѣвочка зъ застолля,
Сыпала руту зъ приполля.
«Рута моя дробна зиляна!
«Зъ кимъ тибе подбирать?»
— Проси, дѣвочка, таточку,
— Щобъ помогъ руты збирать.
«Ня буду таточки прохать,
«Ня вмѣвъ мине кохать;
«Ня викохать, ня лелѣить,
«У своемъ доми диржать».

25.

Ня гляди, дружко, скóса,
Що на печи прóса.
Одинъ каже: «товчи!»
Други каже: «мовчи!»
Третти догодався —
За ступу схowався,
Ступой накотився,
Рукавицей накрывся.

26.

Свѣтилка, шпилька при стинѣ,
На ёй сорочка ни яе;
На ёй сорочка съ брижиками [1]),
На ей короста съ прищиками.
«Иди домовъ, и скинь долой,
Твое ризейко подъ поломъ.

27.

А ты хлопчикъ, больши братъ,
Оччини ворощы до конца:

[1]) Рубашка съ широкими рукавами, концы которыхъ съуживаются посредтвомъ складокъ. *Б.*

Ѣде твоя сястрица съ подъ вѣнца́.
Да стояла подъ вянцомъ съ молодцомъ,
И чесала косочку грибянцомъ,
Примачувала росою —
Все дявоцкою красою.
Упалъ грибянецъ подъ столецъ.
«Подыми, Пятро́чикъ, грибянецъ!»
— Що я табѣ, Варичка, за молодецъ!

28.

Казали сваты богатые,
Ажъ ени́ убогіе:
Сами пяшкомъ идуть,
Жаниха въ мяшку нясуть,
И ноги стирчать,
И собаки гирчать.

29.

Чиризъ сватни дворъ рѣчичка,
А въ той рѣчицы все караси.
Наши дружочки хороши.

30.

«Да куды ты, Маринка, глядѣла,
«Що ты сабѣ ротозѣя полюбила?»
— Ротозѣй, моя мамка, ротозѣй!
— Совиныя вочачки, цаплинъ носъ;
— Коли-бъ яму ще и други —
— Повязли́бъ Маринку съ тирама.

31.

Трахнули колесцы повзъ вокно.
«Погляди, моя мамочка, ти ни по мене?»
— По тибѣ, датяточко, по тебѣ,
— По твою по русою косочку.
«Ти ня лучча косѣ въ лантусѣ?
«Ти ня лучча головцы въ намеццы?
«Ти ня лучча косацы ўстрэчаццы?

Зап. наст. народн. училища П. С. Батуринымъ.

Того же уѣзда, с. Даниловичи.

Въ день заручинъ:

1.

Коса моя русая! мнѣ тибе не плесьть,
Мамка моя родная! мнѣ у тибе не жить.
Зъ вéчара мамочка кóсочку плила,
Шовковыя вплеточка уплетывала,
Пріѣхали сваточки ни жалосливыя,
Стали мою косочку торговать и шмиргать,
Стали мою русую растроповать.

Выходя изъ церкви:

2.

Ой радъ радинякъ Иванька,
Што въ Божжомъ дому побывавъ,
На бѣломъ рушничку постоявъ,
Золотые персьники поминявъ,
Понёсъ мамотцы на значóкъ,
Моёй Гапочки пирсьнячокъ.

Подходя къ родительскому дому:

3.

«Запалляй, матка, свѣчку,
«Выходь на сустрѣчку.
«Ти угадаишь, мати,
«Свойго дитяти?»
— Якъ я ни вгадáю,
— Якъ я ни познаю?
— У мойго дитята
— Да на плечкахъ коски,
— А ў ручкахъ ширанка, —
— Тонки и бяленьки
— Отъ слезокъ мокреньки.

Вышедши изъ церкви:

4.

Ни дякуимъ попу,
Да ни дякуемъ попу,
Якъ тому да поповичу,
Што нимножко ўзявъ,

Двойко зьвинчавъ:
Повтора золотого,
Князя молодого.

Входя въ хату:

5.

Матка моя, вишанька!
Приди ко мнѣ близинько,
Поклонюсь табѣ низинько,
Косками зямельку устялю,
Сьлёзками ножачки оболью.

Садясь за столъ:

6.

А въ конца стола яворка стояла,
Што подъ той яворкой дѣвочка сядѣла,
Дѣвочка сядѣла, столы засьтилала,
Столы засьтилала, гостей частовала:
«Питя, ѣзьтя, мои гостійки,
«Тольки мине ни бяритя,
«Я-жъ у таточки одна, якъ рожа въ огороди,
«Яжъ кора въ огороди, якъ вишня въ саду.

Зап. учит. народн. училища. Сообщ. инспекторомъ народн. училищъ Могилевской губ. А. С. Небогимъ.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, с. Игрушка.

1.

У насъ сягодни суглядинки,
Богъ намъ давъ [1]),
Пошли дары на вси столы,
А всимъ сватамъ по подарочку,
Одному Яхишку два подарочка:
Первый подарокъ — бѣла хусточка,
Другій подарокъ — красна дѣвочка;
Бѣлу хусточку ёнъ носить буде,
Съ красной дѣвочкой ёнъ жить буде.

На заручинахъ:

2.

Пріѣхали сва́тти;
А якіяжь у ихъ шубки?

---

[1]) Повторяется послѣ каждаго стиха.

Яны въ понѣделокъ мышей ловили,
А во второкъ лупили,
А в' середу в' квасъ клали 2
А в' чатвергъ съ квасу вымали,
А в' пятницу сушили,
А в' субботу пошили,
А в' нядѣлю надѣли
И в' сва́тти поспѣли.

3.

У нашаго свата борода руда́я,
Борода руда́я, а правда худая.
Якъ заручавъ, тоды́ казавъ:
Што у ихъ всяго много,
А якъ пришлося, въ кучу сышлося, —
Ажно у яго ничогу́синька [1]).

4.

Ти ня пылъ въ поли разстилаитца,
Зяленая травушка шатаицца?
А шатаицца бѣлъ молойчикъ по чужой сторонѣ,
Ды ёнъ ходючи, ды высматриваючи:
«Сторона-жъ ли ты моя, сторонушка,
«Нивядомая, низнакомая.
«А ни самъ жа я на тябе зашовъ,
«А ни вороный конь мяне занесъ,
«Завела-жь мяне красна дѣвица.
«А *бы́гдай* же яна скрозь землю пройшла,
«Якъ яна мяне въ чужу сторону звела.»

5.

А сватичка-жь наша!
Прошу-жь я тебе спу́ваги
Кабъ ни было нашей сястрицы-зневаги,
Кабъ ни было: гдѣ сусѣдочка—маточка,
Гдѣ повѣточка-хаточка.
Хоть вы ей товчи-молоть давайте,
Тольки часто в гости не пускайте,

---

[1]) Конецъ этой пѣсни трудно было разобрать въ рукописи. *Ш.*

Ня бейте яе дубцами,
А учите словцами:
Дубцы будуть болѣть,
А словцы будуть разумѣть.

Во время обѣда въ домѣ родителей невѣсты передъ отъѣздомъ оттуда послѣдней:

6.

«А почёмъ же намъ свата спознать?»
— А высока гора ды для двора.
— А чирвона калина ў вокнѣ,
— А зяленый яворъ ў воротикахъ.

— Чирвона калина дыкъ дѣвочка,
— А зяленый яворъ дыкъ дятюкъ.

7.

Яду́ть сваты, яду́ть,
Якъ мятлой мяту́ть.
Цѣлаго жеребя зъѣли,
По столу кача́ючи,
Въ попилу моча́ючи.
А подружки ядуть,
Якъ пташечки клюють,
На столѣ повню́сенько,
Сами-жь яны сытю́сеньки.

Поютъ жениху:

8.

А хитёръ-мудёръ Яхишка [1])
Подъ дворъ подыйшовъ рѣко́ю,
Ў воротикахъ ставъ вярбо́ю,
По двору пойшовъ свячо́ю,
А ў сѣни влятѣвъ соколо́мъ,
А ў хату ўвыйшовъ молойцо́мъ,
А за скамьей сѣвъ паничо́мъ.
Доставъ дзѣвочку за скамьёй,
Мидяны кубочки наливая,
Яна свойго Яхишку поджидая.

---

[1]) Каждый стихъ повторяется 2 раза.

«Пей, мой Яхишка, чай, вино,
«Вязи мяне домовъ съ собой;
«Мнѣ ужо у татыньки надоѣло,
«Съ клѣти да ў хату ходючи,
«Золоты ключи носючи.
«Свои руки помарала,
«Я ужо отъ гэтыхъ ключовъ
«Свои персни поломала.
«Твои коники сивенькіе,
«Нехай яны бягуть домовъ скóринька,
«Кабъ мяне Богъ и люди ня видѣли,
«Якъ я отъ татыньки отъѣхала,
«Якъ ў гости приду, дыкъ подкрадня,
«Погляжу ў воконца, ти здорова мамка?
«Коли ня спить, дыкъ день добрый дамъ,
«А коли спить, дыкъ тихонько пойду,
«Коли любо съ мамкой погомоню,
«А коли съ таткомъ, дыкъ буде бранитца.

Поютъ сватамъ, когда они послѣ свадьбы пріѣзжаютъ за молодой:

9.

Мы думали пріѣхали [1]),
Ажъ яны пяшкóмъ пришли,
Жениха въ мяшкý нясли́,
А ноги торчѐли, собаки брехали,
Чуть жениха не отобрали,
Сваты утикаючи, якъ ни обырвалися,
Чуть къ намъ жениха принясли,
Нашей молодуси на показъ.
Наша молодуха, якъ сыръ налитый,
А вашъ молоденецъ, якъ мѣхъ надутый,
Поляди ў вяршокъ, вунъ стоить якъ мяшокъ.
Вашему молодому только дать пугу:
Нихай свиньней гоне коло лугу,
Свиньнямъ хвосты закручивать;

[1]) Каждый стихъ повторяется 2 раза.

А то ёнъ лаптей ня плёвъ,
Дыкъ ня умѣе кураковъ [1]) закручивать,
Дыкъ нехай поучитца у нашей молодуси
Лапти поплятать.

10.

Пріѣхали маршáлочки [2]),
Подъ поясомъ мѣшáлочки,
Ня шкода имъ дать,
Свиньнямъ замѣшать.
А пріѣхали дрýжки,
За поясомъ крýжки,
А у большаго дружка
Шолудивая голова,
Только дѣвкамъ бобъ молотить,
Ни куды зерня ни залятить.
Дѣвки дружка ўзяли,
Подъ печь загнали, 2
И дóшками заставили, 2
И кóшками затравили:
«Гужъ, гужъ, мои кóшечки,
«Съѣшьте яго на крóшечки.»
Большій дружокъ на вясельля прибрався,
Лычкомъ подпиразався,
Съ рогожи носовъ пошивъ,
Борода съ соломы сшита,
А шапка собачьча, 2
А шубка телячьча,
А ботики поросячьчи,
Шубка рыкнéть,
Шапка брахнéть,
Ботики заскрогочуть,
Якъ ѣсти захочуть.

Когда везутъ невѣсту изъ дома родителей, поютъ матери невѣсты отъ лица послѣдней:

11.

«Ты моя липочка, а я твой листочикъ,
«Якъ жа намъ съ тобой растатися?»

---

[1]) Кураки — ушки въ лаптяхъ. Свид.

[2]) Каждый стихъ повторяется 2 раза. Свид.

— Ты обсыпишься. а я застануся,
— Съ тобой и растануся.
«Ты-жь моя мамулька, а я твоя дочулька,
«Якъ жа намъ съ тобой растатися?»
— Тябе повязуть, а я застануся,
— Съ тобою и растануся.

12.

Ходила Маруся по новинѣ,
Кидала корчевья сама на себе;
«Тутъ вамъ, корчевья, ни лижать,
«А мнѣ въ гэтой новинѣ ни вѣковать.»
Ходила Маруся по клѣти,
Кидала подушки на плечи:
«Тутъ вамъ подушки ни лижать,
«А мнѣ у татыньки ни зимувать.»

На другой день брака по перевозѣ приданаго невѣсты въ домъ жениха:

13.

А у нашаго свата ни клѣти, ни повѣти,
Негдѣ и кубла дѣти,
Ти намъ яго домовъ везти?
Ти намъ къ яму ў хлѣвъ нести?
«А вы жоночки, вы лябедочки, чаломъ вамъ.
«Ти ни прилятѣла наша чирочка ўчóра къ вамъ?
«Наша чирочка знаковистянька съ чубкомъ.»
— Хоть прилятѣла, хоть ни прилятѣла,
— Ни отдадимъ вамъ.
— Крупы посыпайте, воды наливайте,
— Воды наливайте, — привчите [1]).

Зап. учителемъ Игрушецкаго народнаго училища Р. Свидерскимъ.

Той же губ., Мстиславскаго уѣзда, с. Монастырщина.

1.

Ни вечерися на дворѣ,
Ни позднися, Иваничка!

---

[1]) Т. е. пріучите. Свид.

Уже тябе Марьичка давно жде,
За воротами стоючи,
Въ рукахъ ку́бочки держучи.
Уже мое́ кубочки зповнѣли,
Уже мое́ ручачки замлѣли,
Косухна плечухны обломала.
Послала-бъ послы — ня смѣю,
Написала-бъ письма — не умѣю,
Сама-жъ ба пошла — боюся, —
На тэй дорогѣ сторо́жа;
Тая мяне сторожа споймае,
По русой косѣ спознае:
То была косухна подъ вѣнцомъ,
Ена расчесана гребенцомъ.

2.

Ты гуляй, гуляй, рыба плотица!
Якъ переплывешь къ синему морю,
Дакъ минетца твое гуляньня.
Ты гуляй, гуляй, молодая Маръичка!
Якъ перейдешь къ лиху свекору,
Такъ минетца твое гуляньня.
У ўси сядуть обѣдъ обѣдать,
А мяне пошлють по водицу,
Воды принесла, обѣдъ не знашла.
  Охти мнѣ горькая доля!
Я за кусочекъ, а мужикъ за гужочекъ,
  Охти мнѣ безчастная!
Я за ло́жачку, мужъ за во́зжачку, —
  Охти мнѣ безчастная!
«Ты иди, иди, чужоя дитя,
«Ў поля жито жать,
«Ты нажни снопокъ, сотри колосокъ —
«Вотъ тымъ и пообѣдаешь».

3.

Ни жарко горить лучина,
Ни жалко плачеть Марьичка, —
Ни разжалила нико́го:
Ни свойго рода, ни чужо́го.

«Коли захочу, дакъ и разжалю, —
«Косухнуй плечухны устелю».

4.

Мы у свата были,
Медъ, вино пили,
Горелочку солоденькую,
За Марьичку молоденькую.

5.

Ликсандровцы старцы,
Ни поѣли васъ пранцы.
Сами пѣшкомъ ишли —
И ноги тырчали,
Собаки хватали.

6.

Недоросточекъ Иванька
Зъ плетня на коня садився,
Пенькóвы штаны разодравъ,
Шовкову хусточку потерявъ.
Не жаль жа штановъ пенькóвыхъ,
Жаль жа хусточки шовкóвой:
Пяньковы штаны маткины,
Шовковы хусточки Марьины.

7.

Чортъ васъ, бояре, прозмутивъ
Етаго чартёнка жанить.
У его ноги коротки —
Подставьте ему колодки,
У его ноги кривыя, —
Подставьте ему другія.

8.

Поджанишничакъ соколокъ.
Ни сяди близко для воконъ:
Тамъ совиный пиралётъ, —
Ўлятить тябѣ сова ў ротъ.

9.

Поджанишничакъ собрався.
На ёмъ кафтанъ —

Лыкомъ напханъ,
  Да то ни яго.
На ёмъ свита—
Мочалиной зшита,
  Да то ни яго.
Шапка сибирка,
Посерёдъ дирка —
  Да то ни яго.

10.

Затужилася Маръичка,
Што рано зима настала,
Снѣжкомъ рутухна завяла.
Якъ зачувъ, почувъ Иванька:
«Эй ни плачь, Маръичка!
«Вчора была пятница, торговъ день,
«А я ў торгу побывавъ,
«Табѣ вяночикъ зторговавъ
«Зъ руты, зъ мяты, зъ лялею,
«Зъ тоненькаго ру́бочку,
«На твою головку любочку.

11.

У воротъ бяроза стояла.
Маръичка со двора зъѣзжала,
На тэй верхъ барози сорвала.
«Стой, моя бяроза, бязъ верху,
«Живи, моя матушка, бязъ мяне,
«Бязъ русой косы бязъ мое́,
«Бязъ шавковыхъ уплетовъ.
«Повѣшу уплётъ на пролётъ,
«Будишь, моя матушка, ў клѣть ити —
«Ў клѣть идучи, заглянишь,
«А зъ клѣти идучи, заплачишь:
«Во мое дочухны уплёты,
«Повѣсили мнѣ ихъ на слёзы».

Всѣ 11 записаны учит. народн. учил. Агаѳ. Гашкевичемъ. Дост. инспекторомъ народн. учил. Могил. губ. Анѳ. Степ. Небогинымъ.

XVII.

Гродненской губ. и уѣзда, Лашинской волости.

Какъ только отецъ крестьянинъ замѣчаетъ, что сына пора женить, онъ обращается къ кому-либо изъ сосѣдей или знакомыхъ, обыкновенно къ такому, который отличается ловкостью и краснобайствомъ, съ просьбою взять на себя роль свата и высватать для его хлопца подходящую невѣсту. По изъявленіи на это согласіе, новый сватъ, заурядъ человѣкъ бывалый и опытный, въ назначенный день вечеромъ беретъ съ собою кварту водки и кусокъ хлѣба и вмѣстѣ съ женихомъ отправляется къ родителямъ извѣстной ему невѣсты. Вошедши въ домъ, сватъ говоритъ: «*Панеусъ*[1]) *похвалёны!* Доброживы, здоровые, дзяцьку, цётко Мадуля, Гапуля, Петруля, Евдось, Антось, Баутрукъ и прочіе», т. е. вообще здоровается со всѣми домашними. Поговоривъ кое о чемъ, сватъ вынимаетъ изъ-за пазухи бутылку водки со словами: «Нехъ бендзе похвалёны!» или: Панеусъ похвалёны» и проч. «Дзяцьку! поище чарку, мы пришли до вашей, кажу, Гаруни», т. е. Анны или другой, т. е. называетъ по имени невѣсту. Чарку должна подать сама невѣста, если ей понравился женихъ, въ противномъ же случаѣ, ее подаетъ отецъ или мать. А если женихъ не понравится послѣднимъ, то они велятъ подать чарку кому-либо изъ домашнихъ и во время выпивки, узнавши ближе отъ свата цѣль его пріѣзда, обыкновенно скажутъ: «дзѣ намъ до добрыхъ людзей!» и непремѣнно заплатятъ за водку [2]). Въ такомъ случаѣ сватъ съ женихомъ поворачиваютъ оглобли назадъ и уже больше сюда не покажутся. Если же родителямъ невѣсты понравится женихъ, то онъ со сватомъ пріѣзжаетъ опять, сперва черезъ недѣлю, а потомъ черезъ двѣ, привозя съ собою каждый разъ двѣ, либо три кварты водки. При вторич-

---

[1]) Искаженное: Панъ Езусъ. *Ш.*

[2]) Часто подобные отказы подавали поводъ дочкамъ къ довольно дерзкимъ выходкамъ противъ своихъ родителей. Такъ, напримѣръ, въ дер. Бартовѣ, дочь крестьянина, услышавши такой отказъ въ ся рукѣ нравившемуся ей жениху, обратилась къ лежавшей въ это время на полу собакѣ съ слѣдующимъ саркастическимъ замѣчаніемъ: «Што ты такъ подло хвостъ отвѣсіў, якъ бацька зъ мацеръю на весельлѣ?» *Карск.*

номъ пріѣздѣ дѣлается совѣщаніе, на которомъ назначается день для *великой горѣлки* и свадьбы. *Великая горѣлка* обыкновенно бываетъ за недѣлю до свадьбы и на нее съѣзжаются всѣ родные и знакомые, болѣе расположенные къ дому невѣсты. Къ этому вечеру женихъ привозитъ съ собою 5 гарнцевъ водки, а иногда и болѣе. Великую горѣлку можно назвать дѣвичьимъ вечеромъ, на которомъ обыкновенно пируютъ всю ночь на пролетъ. За недѣлю же до свадьбы, въ субботу, женихъ и невѣста идутъ въ церковь къ исповѣди, а отъ исповѣди они отправляются по всѣмъ окольнымъ деревнямъ — женихъ къ своимъ роднымъ, невѣста къ своимъ и просятъ ихъ къ себѣ на свадьбу, причемъ каждый изъ нихъ, вошедши въ хату, кланяется въ ноги хозяину, хозяйкѣ и всѣмъ, кто бы не находился на ту пору тутъ, даже ребенку въ люлькѣ. При этомъ жениху сопутствуетъ дружко, а невѣстѣ дружка. Какъ женихъ, такъ и его дружко являются въ это время украшенными съ правой стороны кускомъ бѣлаго ситцу, аршина въ $1^1/_2$, одинъ конецъ котораго привязанъ поясомъ, а другой засунутъ въ карманъ. У жениха, кромѣ того пришпиленъ къ шляпѣ цвѣтокъ *руты*, у невѣсты же и у ея дружки на головѣ тоже по рутвянному вѣнку, къ которому кругомъ пришпилены разноцвѣтныя ленты, аршинъ до 20.

По возвращеніи невѣсты домой, къ ней собирается множество гостей и при веселыхъ шуткахъ и пѣсняхъ начинается печеніе коровая, т. е. большой ковриги хлѣба изъ ржаной муки, фунтовъ въ 50, а иногда и болѣе, смотря по размѣру печки. Коровай усаживается кругомъ фигурками птицъ и животныхъ разной породы, сдѣланными изъ муки пшеничной, пеклеванной, на что расходуется не менѣе двухъ фунтовъ, и только въ рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ эти фигурки дѣлаются изъ той же ржаной муки, изъ какой и коровай. Дѣланіе фигуръ предоставляется изобрѣтательности дѣвочекъ и мальчишекъ; а иногда, что нерѣдко случается, на короваѣ можно видѣть цѣлый рядъ изображеній нескромнаго свойства. Изображенія эти называются *пташке* и представляютъ

слѣдующее: Стоитъ невѣста по колѣна въ короваѣ и правой рукой держитъ поднятыя къ верху платье и рубашку, — женихъ стоитъ такимъ же родомъ насупротивъ невѣсты и держитъ въ правой рукѣ рѣпу; остальныя же фигуры состоятъ изъ домашнихъ животныхъ и птицъ, которыя представляются все парами, въ такомъ видѣ: боровъ верхомъ на свиньѣ, гусакъ на гусынѣ, жеребецъ на кобылѣ, пѣтухъ на курицѣ и т. д. Сверху этихъ фигуръ кругомъ коровая усаживаютъ солнце, луну, зори (звѣзды). Когда коровай вынимаютъ изъ печи, то дѣвицы поютъ разныя пѣсни, которыя изгладились уже у меня изъ памяти. Затѣмъ въ коровай втыкаютъ вилы величиною въ аршинъ такой формы Ѵ, покрываютъ его бѣлою простынею и привязываютъ руту къ обоимъ *рожкамъ* вилъ. Вмѣстѣ съ этимъ короваемъ приготовляютъ и другой, меньшей величины, такъ фунтовъ въ 6, въ который тоже вставляютъ вилы такого вида: V. Его тоже покрываютъ бѣлой простыней и къ концамъ вилъ тоже прикрѣпляютъ руту. По испеченіи коровая одинъ изъ участниковъ свадебной церемоніи, подъ названіемъ «*маршалокъ*» беретъ коровай, покружится съ нимъ три раза, приговаривая: «раю короваю, раю, раю, я съ тобою погуляю», послѣ чего кладетъ его на вѣко и ставитъ на столъ. Тогда невѣста садится къ столу и, положивъ голову на коровай, плачетъ, причитывая, въ продолженіе всего вечера, т. е. часовъ около 5. А дѣвушки, между тѣмъ, припѣваютъ разныя подходящія свадебныя пѣсни.

Около 3-хъ или 4-хъ часовъ ночи всѣ отправляются по домамъ спать, а на слѣдующій день, часовъ около 6 утра, т. е. спустя 2 часа, опять собираются. Женщины начинаютъ готовить обѣдъ, а къ 8 часамъ утра пріѣзжаетъ и женихъ. Вошедши въ домъ, онъ всѣмъ кланяется въ ноги и садится съ лѣвой стороны, ни съ кѣмъ не здороваясь. Черезъ часъ подаютъ обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ двухъ блюдъ: 1) изъ капусты съ мясомъ и 2) гороха, тоже съ мясомъ. По окончаніи втораго блюда, маршалокъ, отличающійся бойкостью и ловкостью, беретъ миску съ оставшимся горохомъ и бросаетъ ее на голову жениху, за что

сватъ ударяетъ его *арапникомъ*, но женихъ по большей части счастливо ускользаетъ отъ такого сюрприза, благодаря своей увертливости, перескочивъ черезъ столъ, при чемъ, разумѣется, испортитъ нѣсколько ложекъ. По окончаніи обѣда братъ невѣсты даетъ ей одинъ конецъ платка, а за другой берется самъ и, отодвинувши столъ, обводитъ ее такимъ образомъ три раза вокругъ него. Женихъ и невѣста за всякимъ разомъ кладутъ земные поклоны въ кутокъ, такъ называемый *по́куць*; затѣмъ они па́даютъ по очереди въ ноги отцу и матери невѣсты со словами — отцу: «А мой тату́лечку, а мой родненькій, будзь на мяне ласкаў!» —матери: «а моя мату́лечка, а моя родню́сенька, будзь на меня ласка́ва» и, цѣлуя у нихъ ноги, плачутъ, приговаривая: «охъ, охъ, охъ!» Затѣмъ братъ, отдѣливъ невѣсту отъ жениха, подводитъ ее, держась съ нею за тотъ же платокъ, ко всѣмъ, безъ различія возраста, присутствующимъ гостямъ, которымъ она, плача и рыдая, кланяется въ ноги. Женихъ же въ это время, шествуя позади ихъ одинъ, тоже кланяется. Послѣ этого они, какъ и всѣ присутствующіе, выходятъ во дворъ, гдѣ приготовлены уже лошади, чтобы ѣхать къ вѣнцу. Тутъ женихъ снова кланяется всѣмъ, держа подъ мышкой лѣвой руки малый коровай съ вилами. По окончаніи всѣхъ поклоновъ, онъ съ невѣстой опять входитъ въ хату, опять они обходятъ три раза вокругъ стола, уже безъ предводительства брата, кладя по три поклона въ покуць, отцу и матери и снова выходятъ къ ожидающимъ ихъ подводамъ. Но, прежде чѣмъ имъ сѣсть, мать беретъ ковригу хлѣба и, обошедши три раза назначенную для нихъ подводу, перебрасываетъ хлѣбъ черезъ лошадей, а женщина, стоящая по другую сторону подводы, перебрасываетъ ей, какъ бы въ отвѣтъ, другой хлѣбъ. Наконецъ всѣ усаживаются на повозки и отправляются въ церковь. Проѣзжая деревни, сваха, запасшись краюшками хлѣба, бросаетъ ихъ встрѣчающимся по дорогѣ ребятамъ, музыканты же, сидящіе на особой подводѣ, играютъ въ это время приличныя торжеству пѣсни.

Если на дорогѣ какъ-нибудь распряжется лошадь, то это не-

premѣнно сочтутъ предвѣстникомъ несчастной жизни для молодыхъ, а если лошадь упадетъ, то это явное указаніе, что невѣста скоро умретъ.

Во время вѣнчанія невѣста развязываетъ юбки, передникъ и чулки для того, чтобы легче было впослѣдствіи дѣтей родить, и старается наступить мужу на ноги для того, чтобы имѣть верхъ надъ нимъ. Если свѣча въ это время ясно горитъ у каждаго изъ брачущихся, то это предвѣщаетъ имъ долголѣтіе, а если у кого изъ нихъ она горитъ тускло, то это значитъ, что ранѣе умретъ. Послѣ вѣнчанія невѣста старается ногою притянуть къ дверямъ входнымъ въ церковь *подножникъ* съ той цѣлью, чтобы все хорошо *родило*, т. е. чтобъ былъ во всемъ урожай. Наконецъ всѣ отправляются домой и тамъ пируютъ всю ночь на пролетъ. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, а чаще всего во вторникъ везутъ невѣсту къ жениху и передъ отъѣздомъ маршалокъ и дружки стараются обыкновенно похитить какія-нибудь, не предназначенныя невѣстѣ вещи, какъ-то разную утварь домашнюю и все, что только можно взять секретно, лишь бы не знали родители и домашніе невѣсты.

Привезутъ къ молодому жену и прямо, т. е. не входя въ хату, ихъ обоихъ ведутъ спать, большею частію въ клѣть, на солому или сѣно, хотя бы былъ 25-градусный морозъ, и затѣмъ всѣ удаляются. Но по истеченіи двухъ часовъ вся публика, находящаяся въ хатѣ, съ водкой и закуской отправляется будить молодыхъ. Новобрачные встаютъ, пьютъ поднесенную имъ водку, закусываютъ хлѣбомъ или сыромъ, а принесенную яичницу хватаютъ всѣ: кто голыми руками, кто вѣялкой или чѣмъ попало. Невѣста, вошедши въ домъ, бросаетъ маленькіе хлѣбцы, каждый однакожъ около двухъ фунтовъ вѣсомъ, на всѣ четыре угла хаты. Маршалокъ въ то же время быстро входитъ въ хату и разламываетъ печку. При входѣ же въ хату невѣсты, передъ нею заметаютъ полъ, за что она бросаетъ поясъ; затѣмъ кто-нибудь зажжетъ лучину и на нее молодая бросаетъ другой поясъ, третій поясъ она бросаетъ тому, кто принесъ яичницу; четвер-

тый — тому, кто приготовилъ постель. Наконецъ новобрачные садятся за столъ. Тутъ маршалокъ снова схватываетъ большой коровай со словами:

Короваю, раю
Я съ тобою погуляю!

и кладетъ его на столъ вмѣстѣ съ крышкою. Послѣ этого молодая встаетъ, беретъ мать мужа и, протанцовавъ съ нею нѣсколько минутъ, сбрасываетъ съ себя шерстяную, большею частію синяго цвѣта юбку, которую тутъ же ей и отдаетъ, затѣмъ танцуетъ съ отцомъ и даетъ ему холстъ, аршинъ 6, на рубаху и подштанники, и только теперь она садится за столъ. Тутъ маршалокъ беретъ такъ называемую *вѣтку* (въ родѣ вѣника), приготовленную изъ можжевельника и по возможности убранную цвѣтами и овсянными колосьями (что считается необходимымъ условіемъ) и ударяетъ ею въ балку со словами: «Панеусъ похвалёны, шапка черна, верхъ зелёнъ» и тутъ же кладетъ на вѣтку кусокъ холста въ три аршина, такъ называемый подарокъ, со словами: «отóйдзе подáрокъ, плóтна ковáлокъ одъ Бога милéго Духа Свентéго! а дзѣ тутъ ёсьць цётка Ганузя (т. е. Анастасія) или Барбуша (Варвара), или Гануля (Анна), проша прыёнць, бо цянжко трьмаць». Тетка въ свою очередь благодаритъ: «Дзянкую пану млодéму, пани млóдуй и тому кóлу, цо сѣдзи въ стóлу» и кланяется низко. Затѣмъ по старшинству дарятъ всѣхъ родныхъ такимъ же образомъ, а если кто-либо вдругъ не окажется на лицо, то маршалокъ продолжаетъ бить въ балку вѣткою и говоритъ: «а дзѣ ёнъ или ена, дзяцка, подзѣўси, а можа дзѣ за печь заваліўся, альбо дзѣ запирся, чи дзѣ скрыўся? — проша прыёнць, бо цянжко трымаць. Подходзь, дзяцьку Сцепукъ, беры!»

Дзяцько Сцепукъ или Петрукъ принимаетъ подарокъ и, въ свою очередь, также благодаритъ: «Дзянкую пану млодéму, пани млодýй и таму колу, цо сѣдзи въ стóлу».

Во время стола поютъ:

А што жъ ў лузи и квóкча и квóкча?
Молоды свиньню и смóкча, и смокча,
А молодая помогая, помогая,
За хвостъ свиньню поцегая, поцегая.
«А ты, сваце, ни глядзи, ни глядзи,
«Лѣпей свинню за хвостъ поцегни, поцегни.
— Я не буду свинню за хвостъ цегаци, цегаци,
— Лѣпей зъ дзѣўками гуляци, гуляци.
«А ты, сванька, ни глядзи, ни глядзи,
«Лѣпей за столомъ посѣдзи, посѣдзи».
— Мнѣ нема коли сѣдзѣци, сѣдзѣци,
— Ажъ треба за порóндкомъ глядзѣци, глядзѣци.

Пиръ не прекращается и въ продолженіе вторника. На слѣдующій же день, въ среду, всѣ свадебные гости переодѣваются въ цыганъ и цыганятъ и отправляются по деревнѣ, преимущественно къ тѣмъ хозяевамъ, которые принимали участіе въ свадьбѣ. Цыгане идутъ съ музыкой и въ добавокъ берутъ косу или двѣ, въ которыя бренчатъ подъ музыку. Угощенія въ это время не бываетъ никакого, а лишь хозяева даютъ цыганамъ сало, мясо и колбасу, а иногда и хлѣбъ, послѣ чего цыгане всей гурьбою отправляются въ корчму, гдѣ пируютъ до 2-хъ часовъ ночи. На слѣдующій день, въ четвергъ, собираются къ жениху лишь члены свадебнаго чина и ближайшіе родственники. Панъ маршалокъ съ разными приговорами раздаетъ имъ коровай. Средину его съ вилами онъ оставляетъ для хозяина дома, а остальной рѣжетъ на куски по числу бывшихъ на свадьбѣ гостей. Каждый кусокъ вѣсомъ около фунта и кто-либо изъ домашнихъ разноситъ эти куски по деревнѣ къ участникамъ свадьбы, чѣмъ она и заканчивается.

Во время танцевъ поются разныя пѣсни, но такъ какъ онѣ исключительно не цензурныя, то я и не рѣшаюсь сообщить ихъ здѣсь.

По записямъ псаломщика соборной церкви въ г. Шавляхъ Ив. Карскаго.

XVIII.

Свадьба у при-нѣманскихъ бѣлоруссовъ.

Женитьбы почти всегда устраиваются родителями, при чемъ все основано на взаимныхъ выгодахъ и разсчетѣ. Бываютъ, однако, рѣдкія исключенія, когда парень, влюбленный въ другую дѣвушку, не охотно подчиняется волѣ своихъ родителей. Заранѣе все обдумывается и принимаются всѣ мѣры предосторожности, чтобы неудачнымъ сватовствомъ не пристыдить себя. Когда все улажено, отецъ, желающій женить сына, выбираетъ свата или сваху, развѣдывающихъ о согласіи дѣвушки. Сватъ отправляется съ парнемъ въ домъ родителей избираемой дѣвушки и спрашиваетъ подъ окномъ: «Чи не маецѣ цѣлушки до продажи?» Отецъ дѣвушки отвѣчаетъ: «Маемъ и просимо васъ до хаты». Дѣвушка накрываетъ столъ чистой скатертью (обрусомъ) и кладетъ хлѣбъ и соль; парень ставитъ водку, пьетъ за здоровье дѣвушки, та къ отцу, отецъ къ свату (или свахѣ), сватъ къ матери. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ случаѣ отказа, боченокъ, въ которомъ была водка, отецъ наливаетъ водкою же и тогда сватъ съ парнемъ возвращаются домой безъ всякихъ разсужденій; напротивъ, рожь, насыпанная въ боченокъ, означаетъ согласіе и тогда невѣсту отправляютъ на *распытное* къ сосѣдямъ, т. е. спрашивать у нихъ одобренія. Сватъ условливается о приданомъ, являются сосѣдки съ поздравленіями, назначаются члены свадьбы: сватъ, чашникъ, староста, музыкантъ, сваньки, дружки и возница. День оканчивается ужиномъ, предсвадебными пѣснями и попойкою. Это *заручины*, вѣроятно, такъ названныя потому, что сватъ подаетъ руку невѣстѣ, требуя отъ нея согласія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заручины бываютъ на другой день и соединяются вмѣстѣ съ запоинами. У другихъ запоины бываютъ послѣ первой *заповѣди* [1]). Сватъ отправляется къ священнику для заключенія условій объ оглашеніи и женитьбѣ. При оглашеніи первой заповѣди, въ церковь идутъ женихъ съ невѣстой, ихъ родители и ближайшіе родственники; по окончаніи

---

[1]) Первое оглашеніе въ церкви. *Б.*

обѣдни отправляются въ корчму для запоинъ. Послѣ двукратнаго оглашенія, жениховъ сватъ снова отправляется въ домъ невѣсты — узнать о приготовленіи къ свадьбѣ: «Може часомъ кто разгудзиiу отпыты».

Наканунѣ свадьбы, въ одно и то же время, въ домахъ жениха и невѣсты совершается печеніе коровая. Всѣ дѣйствія, относящіяся къ этому печенію, производятся особо-избранными лицами и сопровождаются обрядами и пѣснями.

Къ печенію коровая въ домѣ жениха и невѣсты приглашаются всѣ члены свадебной церемоніи и всѣ дѣвушки. Передъ засыпкой муки въ дежу, крестная мать или старшая лѣтами изъ семьи говоритъ: «Есць тутъ Богъ, бацка, маци, родные и сосѣди близкіе и дальные — мужи статéчные, бабки запечные, дзѣтки заплечныя, благословицѣ красной паннѣ коровай учиниць». Въ домѣ жениха тѣсто мѣсятъ двѣ коровайницы, а староста въ печь сажаетъ; у невѣсты мѣсятъ одна коровайница и невѣстинъ братъ.

При раствореніи коровая поютъ всѣ или старшая коровайница:

1 [1]).

Разчиняетцся зѣлечко въ водзѣ,
Зачиняетцся весіеллечко у Гандзи.
Панъ Боўгъ юй дае,
Матухна помогае.
Ой я вѣдаю, ой я вѣдаю,
Што въ тумъ коровáѣ:
Ой три бочки, ой три бочки
Да криничной воды,
Ой три копы, ой три копы
Перепелочныхъ яецъ,
Ой три фаски [2]), ой три фаски
Да дровичнаго [3]) масла.

---

[1]) Способъ написанія мы сохранили подлинника. *Ш.*

[2]) Родъ ведра для масла. *Б.*

[3]) Скопъ молодой коровы послѣ перваго теленка. *Б*

Или:

2.

Догадайцѣся добрые людзи,
Што въ гэтоўмъ короваѣ ёсць?
Тридцать бочекъ пшеничной муки,
А три бочки криничной воды,
Сорокъ копъ молодыхъ курей яецъ
И три паски дровичныхъ коровъ масла и пр.

3.

Биты короваю густо,
Подъ бѣльюхно хусто,
Мѣсяцомъ окружоны,
Зорами осадзоны.

4.

Росци, росци, коровай,
Выше печи мѣдзяной,
Выше столи[1]) золотой,
Выше Гандзи молодой.

Когда посадили въ печь:

5.

Дзякуемъ Тобѣ, Боже,
Же нашъ коровай гожи;
Хороше спородзили
И ў печь посадзили, и т. д.

Когда вынимаютъ изъ печи:

6.

Запытаўся коровай у вѣсильнаго кóла:
А дзѣшь тая дороженька одъ печи до стóла?
Чи баркунцомъ заросла, чи калиною зависла? и т. д.

По испеченіи коровая, въ него вставляются три палочки, на которыхъ развѣшивается бѣлый платочекъ; платочекъ образуетъ три пучка, украшенные цвѣтами. Потомъ коровай переносится въ клѣть, или камору (кладовую).

---

[1]) *Столь* — потолокъ. *Б.*

7.

Просіўся коровай у припечи:
Куда сцѣжоньки до клѣци и т. д.

Вечеромъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ бываетъ дѣвичникъ, сопровождаемый пѣснями и попойкою.

Въ день свадьбы сватъ, женихъ, чашникъ и сваньки отправляются къ невѣстѣ съ подарками. Невѣста, принявъ башмаки, вѣнокъ изъ руты (руцяной вѣнокъ) и деньги около 30 коп. сер., даритъ жениха бѣлымъ платкомъ (хусцинка), который сваха привязываетъ къ его поясу, прочимъ мужчинамъ по 4 аршина холста и пристегиваетъ къ плечу каждаго по одному поясу. Въ это время поются пѣсни.

Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу невѣста съ подругами отправляются къ сосѣдямъ и друзьямъ просить благословенія. По возвращеніи ее сажаютъ за столъ на́ краю, припѣвая:

8.

Молодая-Гандзенька
Рано сѣла на поса́дзѣ, —
Кто дзись ціебѣ пора́дзи?

Передъ самымъ отъѣздомъ въ церковь между членами свадьбы въ домѣ невѣсты начинаются забавныя аллегоріи и двусмысленности, продолжительные споры. Женихъ съ четою дружекъ, сватовъ и родственниковъ, предшествуемый скрипачемъ, является на нѣсколькихъ повозкахъ передъ воротами невѣсты. Между тѣмъ братъ обводитъ за конецъ платка свою сестру-невѣсту. Потомъ начинается трогательное прощаніе, сопровождаемое грустными пѣснями. Невѣста въ слезахъ бросается въ ноги отцу и матери, обнимаетъ, цѣлуетъ и проситъ благословенія. Въ нѣкоторыхъ приходахъ отецъ невѣсты надѣваетъ вывороченный тулупъ и подчуетъ всѣхъ водкою. Затѣмъ женихъ и невѣста, особо со своими поѣзжанами, отправляются въ церковь.

9.

Ойченьку муй рудненьки, перейдзи дороженьку,
Ойченьку муй рудненьки въ счастливу годинóньку:
Ой до шлюбу поѣду, тамъ же мнѣ свяжуць,
Тамъ же мнѣ ручки свяжуць, вѣрненькое слово скажуць.

Встрѣтить другую свадьбу на дорогѣ считается величайшимъ несчастіемъ. Женихъ и невѣста кланяются всѣмъ встрѣчнымъ. Когда проѣзжаютъ мимо мельницы, мельникъ останавливаетъ воду, невѣста отдаетъ ему свой поясъ. Въ церкви женихъ съ своими дружками подходитъ къ невѣстѣ, кланяется подругамъ, ее окружающимъ и проситъ, чтобы тѣ отдали ему невѣсту. Передъ налоемъ подъ ноги молодымъ стелютъ утиральникъ, а на него кладутъ поясъ. Неравное горѣніе свѣчей считается дурнымъзнакомъ; во время чтенія евангелія сваха развиваетъ косу у невѣсты.

Послѣ бракосочетанія молодые со всею свитою отправляются къ священнику, а потомъ въ корчму на завтракъ, приготовленный родителями молодой. На возвратномъ пути ѣдутъ тѣмъ же порядкомъ, поютъ пѣсни съ криками: «гу!.. гу!.. гу!..» Молодой и молодая особо съ своими партіями отправляются въ домъ своихъ родителей. Родители встрѣчаютъ ихъ водкой. Вечеромъ большею частью собираются въ домъ родителей молодой. Молодую встрѣчаютъ пѣснями:

10.

У гордаго цѣсця стоиць зяць за воротами.
На іого дожчикъ идзѣ, зъ іого дробнюсенькій.
На іомъ сукни мокнуць, подъ нимъ коники охнуць.
Вышла, выбѣгла красна Анулька.
«Ойченько! соловейко! што за госци маешь?
«Чомъ на двоуръ не спускаешь?
«Чомъ за стоулъ не упрошаешь?»
— Анулько мое дзицятко!
— Молодой разумъ маешь,
— Што всіого не згадаешь.
— Якъ я ихъ на двоуръ спущу?

— Якъ я ихъ за стоўлъ попрошу?
— Іоны міодъ вино попьюць,
— Золотые кубки побьюць
— И ціебѣ молодзіеньку возьмуць.

Молодой входитъ.

11.

Ой войдзи, поглядзи: ци твоя, ци не твоя?
Будзіемъ дзѣўку сповиваци,
Будзіемъ праўду пытаци.... и т. д.

Молодая съ своими подругами сидитъ у печки, а молодой въ углу. Начинается попойка, пѣсни и пляски. Всѣ члены изъ партіи молодого подаютъ членамъ изъ партіи молодой по куску хлѣба и сыра, а отъ нихъ получаютъ въ замѣнъ деньги, или что-нибудь другое — *замѣнное.* Молодыхъ хозяйка угощаетъ яичницей. Потомъ отецъ или братъ беретъ молодую за руки, подводитъ къ мужу и сажаетъ обоихъ за столъ. Затѣмъ на молодую надѣваютъ наметку (сповиваюць молодую); при этомъ торжественномъ обрядѣ присутствуютъ однѣ женщины.

12.

Не скидай вѣнца, не кладзи чепца.
Скинь чепецъ на градзицы,
Бо зробяць молодзицей.

Затѣмъ сваху, невѣсту и одну изъ дружекъ, сидящихъ за столомъ, покрываютъ простыней, вводятъ молодого и опять поютъ:

Ой водзи, поглядзи — ци твоя, ци ни твоя и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрядъ спознаванія совершается на другой день. Послѣ пиршества, а иногда на другой день молодая отправляется въ домъ мужа. Разлука съ родителями и домашними весьма трогательна. Молодая, обращаясь сперва къ отцу, а потомъ къ матери, въ пѣсняхъ желаетъ имъ здравія, богатства и пр.

13.

Не забывай ни менѣ молодую,
Коли буду жеброваци
Воротци отчиняйцѣ,
Хоць по куску хлѣба дайцѣ....

Молодой въ своемъ домѣ даритъ сваху или свата и дружку. На приготовленной постели онъ ложится спать, а молодая бросаетъ въ него пояскомъ, въ знакъ освобожденія брачнаго цѣломудрія ея отъ постороннихъ искушеній. Между тѣмъ молодые моются, сватъ привозитъ приданое и заводитъ съ молодымъ торгъ, ибо все, доставшееся даромъ, не пойдетъ въ прокъ. Молодой оцѣниваетъ приданое по числу обручей на коробѣ, содержащемъ холстъ и одежду его молодой супруги, и даетъ свату не болѣе 30 копѣекъ.

Матеріалы для географіи и стат. Россіи. Гродненск. губ., Бобровскаго, ч. I, стр. 827—32.

Изъ западной части Гродненской губ.

На заручинахъ:

1. [1])

Дозволялисѣ дзѣвоньки
У Марысиной матоньки:
«Ойчи скажэ, чи позволитъ,
«Вѣсјѣлѣ засьпиваци?»
— Спивайцѣ, дзѣвоньки, спивайцѣ,
— И вы, молодзицы, зачинайцѣ;
— Нѣ руокъ, нѣ два мы тоho ждали,
— Марысю годовали.

2.

Зѣлёна рутонька, жоуты цвјѣтъ;
Чомъ цѣбѣ, Ясѣньку, доуго нјѣтъ?
Зѣлёна рутонька, зѣлёна,
Доукола сэрдэнька дробнѣнька;
Нѣ сѣдзи, Касѣньку, смутнѣнька.

---

[1]) И въ слѣдующихъ семи пѣсняхъ мы сочли нужнымъ, для соображеній лингвистическихъ, сохранить способъ написанія подлинника. *Ш.*

3.

Чомъ соловѣйка нѣ щэбѣтала,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ ты, Касѣнька, нѣ заплакала,
Якъ цѣбѣ заручали?

Поются, когда отъѣзжаютъ «до шлюбу»:

4.

Чомъ, Марысѣньку, такъ сѣдзишь,
На доруожэньку нѣ һлѣдзишь?
Уже-жъ коліоса заточо́ны,
Коники заложо́ны.
Кажу й коникомъ обруокъ дацъ,
Нѣхай коники постоятъ,
Пуоки придзѣ моя матѳнька
Зъ саду винограду.

5.

Кланяйсѣ, Марысю, кланяйсѣ,
Кланяйсѣ старому й малому;
Старому й малому до ручокъ,
Своjой матоньцы до ножокъ.

6.

Ой одъ вина доруожэньки, одъ вина,
Зъѣжджаѣцэ Ясѣнькова родзина.
А Ясѣнько своѣ матоньки пытаѣ:
«На што-жъ тая родзинонька зъѣжджаѣ?»
— Ой на то́ѣ, моѣ дзjэцятко, на то́ѣ,
— Ой на твоѣ вѣсjѣлѣчко слауно́ѣ.
А Ясѣнько сво́ѣ сjѣструонки пытаѣ:
«На што-жъ» и пр, (какъ выше).
А Ясѣнько свого брацишка пытаѣ:
«На што-жъ» и пр.

7.

Черезъ двуоръ новы, мураў зѣлёны
Золотомъ потрушо́ны,
Ой туды бjѣһла красна Марыся
Зъ своими дружэчками.

Наупроціу ѣјѣ матонька ѣјѣ
Зъ своими поуночками:
«Витамъ, дзицятко, витамъ роднѣнько,
«Зъ твоими дружэчками».
Вона молода й һордая была
Привјѣту нѣ приняла;
За слјозоньками, зи друобнѣнькими
Матоньки нѣ познала.

Изъ ст. «Замѣтки о западной части Гродненской губ.» Этногр. сборникъ, изд. Имп. Р. Геогр. Общ., вып. III, стр. 98—99.

XIX.

Виленск. губ., Лидск. уѣзда.

Выборъ невѣсты въ большинствѣ случаевъ предоставляется жениху, хотя нерѣдко на этотъ выборъ оказываетъ свою долю вліянія и воля его родителей. При этомъ обращается вниманіе на слѣдующія качества невѣсты: чтобы она была хорошая работница въ семьѣ, кроткаго нрава, почтительна къ старшимъ, чтобы умѣла хорошо ткать полотно и была хорошихъ родителей. Послѣднее условіе не всегда соблюдается, смотря потому, какихъ родителей и каковъ самъ женихъ.

Намѣтивъ себѣ невѣсту, парень отправляется въ домъ ея родителей со сватомъ, своимъ помощникомъ въ дѣлѣ сватовства. Въ сваты обыкновенно выбирается человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, степенный, распорядительный и умѣющій красно говорить. На самой свадьбѣ онъ исполняетъ роль распорядителя и руководителя.

Явившись въ домъ родителей невѣсты, сватъ проситъ ея мать накрыть столъ чистой скатертью. На этотъ столъ онъ кладетъ привезенный съ собою хлѣбъ, ставитъ бутылку водки и требуетъ рюмки, причемъ проситъ родителей невѣсты сказать: согласны ли они выдать свою дочь за прибывшаго съ нимъ парня? Тѣ обыкновенно отвѣчаютъ: «якъ Марися хоче». А Марися на обращенный къ ней вопросъ относительно ея согласія на этотъ

счетъ, въ свою очередь отвѣчаетъ: «якъ бадьки хочуць? Иногда и родители и невѣста долго чванятся такимъ образомъ и въ концѣ концовъ откладываютъ свое рѣшеніе до другаго раза, съ цѣлью пообдумать это дѣло пообстоятельнѣе, успѣть разузнать хорошенько о семейномъ и имущественномъ положеніи жениха, а впрочемъ бываетъ, что согласіе дается скоро. Въ послѣднемъ случаѣ начинаютъ распивать горѣлку, на которую родители невѣсты сзываютъ немедленно своихъ родственниковъ и лучшихъ сосѣдей. Это называется попить «малую горѣлку». Сватъ съ женихомъ угощаетъ всѣхъ, а родители невѣсты — разными закусками. Иногда попойка продолжается нѣсколько часовъ къ ряду, а водка все идетъ насчетъ кармана жениха.

Послѣ этой попойки женихъ въ продолженіе нѣкотораго времени не посѣщаетъ своей невѣсты, предоставляя ей досугъ взвѣсить и лучше обдумать свое рѣшеніе. Если она раздумаетъ и найдетъ, что женихъ этотъ не по ней, или же явится другой болѣе подходящій искатель ея руки, то она обязана возмѣстить жениху понесенные имъ убытки. Если же невѣста не перемѣняетъ своего первоначальнаго намѣренія и свадьба не разстроивается, то женихъ, запасшись порядочнымъ количествомъ водки, за недѣлю, или за двѣ до свадьбы, въ одну изъ субботъ въ сопровожденіи свата отправляется къ невѣстѣ на «великую горѣлку». Тамъ въ это время уже въ сборѣ созванные родные и хорошіе знакомые хозяевъ; устраивается пиръ, который зауряд продолжается долго за полночь. Между тѣмъ, какъ старшіе пируютъ въ хатѣ, парни и дѣвушки односельцы подъ звуки музыки отплясываютъ разнообразные свои танцы. Ихъ тоже угощаютъ водкой. Подъ конецъ вечера женихъ подноситъ рюмку водки и невѣстѣ. Она выпиваетъ и передаетъ рюмку обратно жениху, который бросаетъ въ нее нѣсколько мѣдныхъ или серебряныхъ монетъ. Невѣста же съ своей стороны подноситъ въ подарокъ свату кусокъ полотна домашняго издѣлія, аршина въ три, а жениху — бѣлый ручникъ (полотенце), тоже домашняго производства.

Въ послѣдній передъ свадьбой четвергъ женихъ отправляется въ «отвѣдзины» къ невѣстѣ. Пришедши къ ней въ домъ, онъ ставитъ на столъ бутылку водки и когда ее выпьютъ, родители невѣсты ставятъ другую. Бутылка эта нарочно оставляется отъ «великой горѣлки». Когда выпьютъ и ее, невѣста подноситъ въ подарокъ жениху кусокъ домашняго полотна, поясъ и самую бутылку, наполненную рожью и обвязанную поясомъ. Послѣднимъ подаркомъ она даетъ намекъ жениху, что онъ можетъ отправиться домой въ полной надеждѣ на желанный для него успѣхъ. Если же и послѣ этого невѣста вздумала бы разстроить свадьбу, то жениху стоитъ только высушить и смолоть въ жерновахъ рожь изъ означенной бутылки, чтобы и невѣсту высушило и сокрушило, какъ эту рожь. Поэтому сельскія дѣвушки не прежде даютъ своимъ женихамъ подобныя бутылки, какъ по зрѣло обдуманномъ рѣшеніи непремѣнно выйти за мужъ за своего нареченнаго.

Послѣ «отвѣдзинъ» женихъ и невѣста начинаютъ серьезно приготовляться къ свадьбѣ. Кромѣ свата, женихъ приглашаетъ еще и дружка, который во время свадьбы тоже исполняетъ нѣкоторыя обязанности. При невѣстѣ же находятся почти безотлучно приглашенныя ею дружки и сваньки, женщины замужнія, которыя въ свою очередь тоже играютъ немаловажную роль въ свадебномъ церемоніалѣ.

Наканунѣ свадьбы, въ субботу, въ домѣ жениха совершается обрядъ печенія коровая. Пекутъ собственно не одинъ хлѣбъ, а нѣсколько, и все различной формы и величины, которые употребляются въ продолженіе всѣхъ свадебныхъ дней. Для этого съ утра приглашаются дѣвушки односелянки, которыя сейчасъ по приходѣ начинаютъ убирать хату, чистить, мыть стѣны, лавки, посуду и затѣмъ приступаютъ къ печенію коровая — мѣсить тѣсто и пр. Всѣ эти работы онѣ исполняютъ при пѣніи слѣдующихъ пѣсенъ:

Когда моютъ хату:

1.

Пристань, Боже, пристань
Нашему початку,
Што мы начинаемъ,
Пане Бога взвеличаемъ,
Пане Бога Збавицеля,
Высокого Створицеля,
Што створіў небо и землю,
Што злучіў двое дзѣтокъ:
Одно дзиця родзóное,
А другое судзóное.
Трохимушку *король* (?) створіў,
А Мариську Богъ судзіў.

2.

Да дзѣ пошоў, да дзѣ пошоў
Трохимоў ойченька,
Ўзяўши сокола въ руки?
Да пойдзи коло пшонки,
Погоняй перепелки
Съ колосистой пшонки.
Шуги! шуги! перепелки
Съ колосистой пшонки,
Бо мнѣ пшонки многа треба:
Да и на два коровая —
На райскія пташки,
На сельскія дзѣўки.

3.

Коровайное цѣсто
Злипайся ты вмѣсто.
Коли ты не злѣписься,
То мы цябе полѣпимъ;
Полѣпимъ на пташечки,
Да подзѣлимъ на дзѣвочки:
На пташечки райскія,
На дзѣвочки сельскія.

4.

«Да Трохимоў ойченька!
«Чаму не стоишь близко короваю?
«Чаму не дзержишь тройчатой свѣчки?»
— Ой я стою, ой я стою
— Близко короваю,
— Ой я прошу, ой я прошу
— Свойму дзицяци доли.
— Коли будзя добрая доля,
— То давай табѣ Боже,
— А коли будзя лихая,
— То ахъ мой Боже.

Когда коровай замѣсятъ, то двѣ дѣвки берутся за руки накрестъ черезъ квашню и пляшутъ около нея, а когда тѣсто скиснется, какъ слѣдуетъ, то начинаютъ лѣпить изъ него булки и сажать ихъ въ печь, причемъ поютъ:

5.

Во саду голья висяць,
Самъ Богъ коровай мѣсиць,
Пречистая воду носиць,
Анёлы муку сыплюць,
А Панна Марья качая,
Мѣсяцъ ў печь сажая,
Зоренька закладая,
Слонейко запекая.

Когда коровай посадятъ въ печь, то дѣвки, мѣсившія его, ужинаютъ и поютъ:

6.

Брязнули ложечки, тарелочки
Зъ высокого церема Трохимовы дружины,
Што ему вѣрно служили.

7.

У нашего господаря кудрявая голова,
Енъ кудрями потрясе и т. д.

Вечеромъ собирается молодежь и затѣваются танцы подъ музыку; пьютъ водку и снова приступаютъ къ печенію коровая. Пекутъ пташки, пирожки цилиндрической формы, съ пятью рожками въ одномъ концѣ, круглый хлѣбъ съ разными украшеніями, въ средину котораго вставляется вершина молодой сосенки съ пятью вѣточками, очищенными отъ коры. Этотъ хлѣбъ сватъ возитъ съ собою во все время свадьбы, беретъ его и въ церковь. Затѣмъ сажаютъ въ печь собственно коровай — огромную булку хлѣба съ украшеніемъ на верху, въ средину котораго тоже вставляется вершина молодой сосенки со многими вѣточками. Тутъ же пекутъ для веселящейся молодежи *пѣтуха* — хлѣбъ, формою нѣсколько похожій на настоящаго пѣтуха. По испеченіи этого хлѣба молодежь опять угощаютъ водкой и *пѣтухомъ* для закуски. Подросткамъ, не пьющимъ водки, даютъ тоже нѣчто изъ коровая — сырое тѣсто.

Въ это время и въ домѣ невѣсты происходитъ обрядъ печенія коровая, но онъ совершается не съ такой торжественностью, какъ въ домѣ жениха. Пѣсни при этомъ поются почти тѣ же.

Въ воскресенье утромъ женихъ начинаетъ собираться къ невѣстѣ. Прежде всего онъ одѣвается. Одѣваніе это происходитъ во второй половинѣ хаты (стоппѣ), или амбарѣ, съ нѣкоторыми церемоніями. Такъ, напримѣръ, его братъ, родственникъ, или добрый знакомый выходитъ въ сѣни, гдѣ къ этому времени уже собрано много молодежи и проситъ у всѣхъ благословенія для жениха: «Пане ойче, пани матко, панове сусѣдзи, благословице молодого ѣхаць до вѣнцу!». «Якъ Богъ благословиць, такъ и мы благослоўляемъ», отвѣчаютъ на это всѣ присутствующіе. Эту просьбу братъ повторяетъ три раза. Послѣ этого жениха одѣваютъ и сажаютъ на посадъ, т. е. на дѣжу, покрытую вывороченнымъ шерстью вверхъ кожухомъ (тулупомъ). Тутъ съ ножницами и *громничной* свѣчей къ нему подходятъ родители, и, подстригши ему крестообразно на лбу, затылкѣ и возлѣ ушей волосы, ихъ поджигаютъ. Обычай сажать на посадъ есть способъ узнать цѣломудріе жениха или невѣсты. Нарушившій цѣло-

мудріе ни за что не сядетъ на дѣжу. Вставши съ посада, женихъ низко кланяется родителямъ и всѣмъ присутствующимъ въ хатѣ, по два раза съ одной и съ другой стороны, при чемъ ему, снявъ шапки, говорятъ: «нехай цябе благословиць Богъ щасьцьцемъ, долею и усимъ добрымъ». Затѣмъ, зашедши въ хату и поклонившись всему собравшемуся тамъ народу, женихъ со всей своей дружиной отправляется за невѣстой. Когда онъ входитъ въ домъ къ ней, ему поютъ:

Да поѣдзешь Трохимка женицися,
Да не стаў коники подъ калиною,
Бо калина дзерево несчастное;
Да постаў коники подъ яворо́мъ,
Бо яворъ дзерево счастливое,
Да на верхи въ явори синій соколикъ,
Посредзинѣ въ явори роевыя пчолки,
А въ комли въ явори чорные бобры.
Чорные бобры на шапочку,
Роевыя пчелки на прививаньне,
А синій соколикъ на вѣнчаньне.

Надо замѣтить, что предъ *короваемъ* родители жениха просятъ бойкаго мальчика быть имъ *просильникомъ*. Обязанность просильника состоитъ въ томъ, что въ день *коровая* онъ заходитъ въ деревнѣ къ каждому хозяину и приглашаетъ на коровай. Коровай бываетъ днемъ, а вечеромъ того же дня и свадьба. На послѣднюю приглашаются не всѣ, а только одни избранные хозяева. Просильника посылаютъ и въ сосѣднія деревни съ приглашеніемъ на свадьбу живущихъ тамъ родныхъ. Войдя въ домъ, просильникъ говоритъ: Трохимъ и Мариса просюць васъ на весельля.

Въ воскресенье утромъ и невѣста въ сопровожденіи дружки тоже отправляется по деревнѣ, заходитъ въ хату къ каждому хозяину и, кланяясь низко, проситъ благословенія. Во время поклона ей отвѣчаютъ: Нехай цябе Богъ благословиць счасьцьцемъ, долею и усимъ добрымъ. Обойдя такимъ образомъ всю де-

ревню и испросивъ себѣ благословенія отъ всѣхъ, невѣста возвращается домой и ожидаетъ пріѣзда жениха. Онъ вскорѣ пріѣзжаетъ прямо на дворъ невѣсты и останавливается у порога сѣней. Къ нему на встрѣчу выходятъ съ хлѣбомъ-солью родители невѣсты и просятъ его съ дружиною войти въ хату: «просимъ васъ сваточки войци до насъ». А дѣвушки въ это время поютъ:

9.

«Чаму Мариська на посадъ не йдзешь,
«Чаго ждзешь?»
— Дзіўные людзи! ци такъ пойду,
— Якъ стою.
— Расьцилайце шоўкоў коверъ —
— Я сяду,
— Да благословиць мой ойченька, —
— Я поѣду.
— Благослови, мой ойченька, словами
— Добренькими,
— А я до цебе слезами
— Дробненькими.

Женихъ входитъ въ сѣни и здоровается съ родителями невѣсты, обернувъ платкомъ руки и садится за столъ. Онъ тутъ же отдаетъ невѣстѣ чулки и башмаки. Сватъ достаетъ бутылку водки и ставитъ на столъ, гдѣ уже приготовлена закуска. Когда гости выпьютъ эту бутылку, родители невѣсты ставятъ другую, третью и сколько потребуется. Послѣ этого начинаютъ одѣвать невѣсту въ подвѣнечное платье. Во время этого одѣванія, которое происходитъ въ амбарѣ или стопкѣ, родители невѣсты плачутъ, а дѣвушки поютъ:

10.

Спѣшай, спѣшай, красна Мариська до церкоўки,
Бо вже звоны даўно звонили,
Звонили, звонили ды посцихали,
Цябе, молодзенькой, до шлюбу не прождали,
Да вжо свѣчки даўно горѣли, горѣли
Да постухали;

Да вжо попы на мши стояли, стояли
Да поступали,
Цябе, молодзенькую, до шлюбу ждали, ждали,
Не приждали.

Когда невѣста одѣта, братъ ея выходитъ въ сѣни и троекратно проситъ отца, мать и всѣхъ присутствующихъ благословить невѣсту. Благословеніе это совершается такимъ же образомъ, какъ и надъ женихомъ (т. е. при предварительномъ подстриганіи и поджиганіи волосъ на головѣ). Затѣмъ невѣсту сажаютъ на посадъ, послѣ чего она кланяется родителямъ и всѣмъ присутствующимъ и идетъ въ хату, куда приглашаютъ жениха съ дружиною. Тамъ невѣста съ своей дружиной садится съ одной стороны стола, а женихъ съ своей — съ другой. Имъ подаютъ закуски, послѣ которой столъ ставится на средину хаты. Всѣ присутствующіе обходятъ вокругъ него три раза и затѣмъ молодые выходятъ изъ хаты, чтобы ѣхать въ церковь. Когда они, каждый съ своей дружиною, разсядутся по возамъ, отецъ невѣсты беретъ стаканъ, наполненный чистою водою, накрываетъ его платкомъ, поверхъ котораго кладетъ кусокъ хлѣба и обходитъ съ нимъ три раза всѣхъ отправляющихся въ церковь, благословляя ихъ крестообразно рукою и тогда только поѣздъ отправляется въ путь. Дѣвушки въ это время поютъ:

11.

Хлопче, молойче,
Погоняй барждждей коня
Зъ ойцоўскаго двора,
Кабъ я, млада, не чула,
Што мой ойченька плаче,
По новыхъ сѣняхъ ходзячи,
Бѣлыя руки ломячи.
Боже мой единенькій!
Годоваў свое дзицятко,
Да некого посылаци,
Милымъ дзицемъ называци.

Впереди на одной лошади ѣдетъ сватъ съ музыкантомъ, который во всю дорогу играетъ какой-то грустно-однообразный мотивъ. Сватъ держитъ въ рукахъ коровай, накрытый бѣлымъ платкомъ. За сватомъ, на парѣ лошадей, ѣдетъ женихъ съ дружкомъ, имѣя при себѣ возницу; за ними ѣдетъ невѣста со своею дружиною, т. е. сванькою и дружкою.

Пріѣхавши въ церковь, сванька кладетъ тамъ на столикѣ хлѣбъ. Затѣмъ, предъ самымъ вѣнчаніемъ, она разстилаетъ передъ налоемъ ручникъ, поверхъ его кладетъ поясъ, на который становятся молодые. Уходя изъ церкви послѣ вѣнчанія, молодые ногами тащутъ за собою тотъ ручникъ, на которомъ они стояли. Изъ церкви свадебный поѣздъ отправляется домой въ томъ же порядкѣ, но прежде всего заѣзжаютъ непремѣнно въ кабакъ того села, гдѣ вѣнчались, и тутъ садятся за столъ: невѣста съ своей дружиной съ одной стороны, а женихъ съ своей — съ другой. На столъ ставятъ водку, выкладывается заготовленная холодная закуска, состоящая изъ свинаго мяса и колбасъ. Музыкантъ въ это время играетъ разные мотивы для увеселенія собравшейся мѣстной молодежи.

Послѣ закуски молодые, распростившись другъ съ другомъ, разъѣзжаются, каждый изъ нихъ въ свой домъ. По пріѣздѣ молодого домой, ему подается обѣдъ, послѣ котораго онъ отправляется за новобрачной. Ѣдетъ онъ къ своей женѣ только со сватомъ и дружкомъ.

По пріѣздѣ молодого къ своей молодой, собравшаяся передъ хатой мѣстная молодежь запираетъ передъ нимъ ворота и не впускаетъ его на дворъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ должнаго выкупа въ видѣ бутылки водки. Отецъ молодой, или кто-либо другой, заступающій его мѣсто проситъ молодого съ его дружиной войти въ домъ. Тамъ ихъ угощаютъ обѣдомъ, во время котораго молодой съ своей дружиной сидитъ съ одной стороны стола, а молодая съ своей — съ другой. Послѣ обѣда идетъ попойка на цѣлую ночь, спятъ очень мало, а иногда и вовсе не ложатся.

На другой день, въ понедѣльникъ, послѣ закуски, совершается обрядъ выкупа молодымъ своей жены у ея родителей и родныхъ. Сватъ приглашаетъ сперва отца новобрачной взять выкупъ за свою дочь, для чего онъ беретъ тарелку, на которую молодой кладетъ нѣсколько денегъ на выкупъ своей жены и, накрывъ эту тарелку платкомъ, подноситъ отцу молодой. Тотъ снимаетъ платокъ и говоритъ: мало. Тогда молодой прибавляетъ еще нѣсколько монетъ и это повторяется до тѣхъ поръ, пока этотъ торгъ не уладится. Такая же церемонія продѣлывается и съ матерью и съ другими родными молодой.

Послѣ выкупа невѣсты сванька свивши изъ ручника нѣчто въ родѣ веревки (жгутъ), бьетъ ею брата молодой, который до того времени сидѣлъ по правую ея сторону. Онъ быстро вскакиваетъ съ своего мѣста, которое также быстро занимаетъ молодой. Въ это время молодая замѣняетъ свой дѣвичій головной уборъ замужнимъ. До сихъ поръ онъ состоялъ изъ вѣнка, сплетеннаго изъ разныхъ цвѣтовъ, перевитый разноцвѣтными ленточками и убранный пацюрками (стеклярусомъ). Замужній же уборъ состоитъ изъ чепчика, поверхъ котораго повязывается платокъ такимъ образомъ, чтобы обшитый кружевами край чепчика былъ хорошо видѣнъ.

Когда молодой сядетъ рядомъ со своей новобрачной, со стороны присутствующихъ родныхъ начинаются поздравленія и всякаго рода благожеланія. Затѣмъ приступаютъ къ надѣленію молодой подарками по вызову. Вызываетъ сватъ, по очереди, сперва отца, мать, а затѣмъ и всѣхъ родныхъ. Вызванные дарятъ молодую кто чѣмъ можетъ: кто деньгами, кто холстомъ, а кто на обзаведеніе хозяйства и домашними животными. Молодые кланяются и благодарятъ [1]).

Послѣ ужина молодая начинаетъ собираться въ дорогу. На возъ, запряженный парой лошадей, кладутъ перину и подушки,

[1]) Затѣмъ слѣдуетъ обрядъ дѣлежа коровая, который, по записи г. К., ничѣмъ не отличается отъ описанія этого обряда въ другихъ мѣстахъ. *Ш.*

на которыя садятся новобрачные. Впереди, на другомъ возу садится сватъ, за возомъ молодыхъ — дружки, а за нимъ братъ ея съ кубломъ [1]), въ которомъ находится приданое молодой. Когда всѣ усядутся на возы, отецъ невѣсты съ такой же церемоніей обходитъ три раза поѣздъ отъѣзжающихъ, благословляя своихъ дѣтей, какъ это было описано выше при отправленіи въ путь молодого изъ дома родительскаго (см. выше, стр. 382). Сидя на возахъ, вся дружба выпиваетъ еще бутылку водки. Послѣ благословенія родительскаго поѣздъ отправляется въ домъ молодого. И тутъ мѣстная молодежь затворяетъ передъ поѣздомъ ворота и не пускаетъ его на дворъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ свахи бутылки водки. Дѣвушки въ это время поютъ:

12.

Сватовье, братовье
Чиразъ мѣсто ѣхали,
Чаму мыла не набрали?
Чаму молодой не умыли?
Нашъ молодой, якъ сыръ бѣлый,
Ваша молодая, якъ пень обгорѣлый,
Нашъ молодой, якъ суроѣжка,
А ваша молодая, якъ головешка.

Съ молодыми ѣдутъ приданныя, отецъ, мать и нѣсколько человѣкъ родныхъ невѣсты.

Подъѣзжая къ дому новобрачнаго, молодые останавливаются противъ двери, ихъ встрѣчаютъ родители молодого, мать въ вывороченномъ шерстью вверхъ кожухѣ, опоясанномъ скрученной соломой. Молодые, сидя на возу, кланяются. Возлѣ порога на землю стелютъ солому и на нее кладутъ подушку. Новобрачные, покрывшись холстомъ, спрыгиваютъ съ воза прямо на подушку и наклоняются къ землѣ. Тогда мать жениха беретъ вѣко, покрытое скатертью, съ положенными на ней хлѣбомъ и поясомъ и благословляетъ ихъ, послѣ чего молодые идутъ, покрытые хол-

[1]) Цилиндрическій, аршина въ два съ половиною сундукъ.

стомъ, въ хату. Тамъ на услонѣ[1]), спиной къ столу, уже сидятъ родители молодого. Новобрачные, подойдя къ нимъ, кланяются низко, цѣлуя ихъ руки, а молодая кладетъ имъ на колѣни ручникъ и булку хлѣба. Родители снова ихъ благословляютъ и забираютъ тотъ холстъ, которымъ были покрыты новобрачные. Затѣмъ молодая выходитъ на дворъ и покрываетъ лошадь, везшую кубелъ, холстомъ, длиною локтей въ пять, который забирается владѣльцемъ лошади. Затѣмъ молодые садятся за столъ, ихъ угощаютъ яичницей, которую они ѣдятъ одной ложкою. За яичницу молодая бросаетъ на тарелку 10—15 коп. и даетъ поясъ матери жениха. Дѣвушки между тѣмъ поютъ пѣсни.

По окончаніи своей краткой, обрядовой трапезы, молодые отправляются въ клѣть, куда приглашаютъ и приданныхъ. Тамъ все собраніе обѣдаетъ, а молодежь, оставшаяся въ хатѣ, или сѣняхъ затѣваетъ разные танцы подъ игру деревенскаго скрипача. Разгулъ продолжается во всю ночь. Передъ уходомъ изъ клѣти родители благословляютъ брачное ложе молодыхъ, бросаютъ туда поясъ и уходятъ, оставляя новобрачныхъ однихъ.

На слѣдующій день (въ среду), послѣ обѣда происходитъ церемонія одариванія молодыхъ. Дарятъ сперва отецъ и мать, братья, сестры, а потомъ хорошіе знакомые, каждый чѣмъ можетъ. Дарящій пьетъ со сватомъ по рюмкѣ водки, а молодые ему кланяются. Въ этотъ день приданные даютъ свою закуску, состоящую изъ отвареннаго мяса, колбаса, сыра, масла, блиновъ, ставится въ случаѣ надобности и ихъ водка. На другой день (въ четвергъ) молодой ѣдетъ въ домъ новобрачной за новыми приданными, въ числѣ которыхъ опять попадаютъ отецъ и мать невѣсты. Тамъ онъ ставитъ бутылку водки, убранную цвѣтами и обвязанную поясомъ. Тесть и теща даютъ закуску и затѣмъ всѣ вмѣстѣ отправляются къ молодому въ домъ. Тамъ въ этотъ день происходитъ дѣлежъ коровая и затѣмъ вся компанія отправляется въ кабакъ, гдѣ на складчину, покупается водка, которая тутъ же и распивается, и тѣмъ оканчивается свадьба. При этомъ поютъ:

13.

Ѣдзьце сваты вонъ, вонъ,
Будземъ церци лёнъ, лёнъ.
Не лёнъ — конóпли,
Кабъ наши сваты помокли.

Изъ записи ученика Виленскаго учительскаго института И. Костюкевичемъ. Сообщ. учит. того же института П. Гр. Бывалькевичемъ.

XX.

Смоленск. губ., Бѣльск. уѣзда, Поникольской волости.

Сейчасъ послѣ помолвки, или запоинъ, невѣста отправляется по деревнѣ, обходитъ всѣхъ своихъ родныхъ, приглашая ихъ къ себѣ на свадьбу. Родные сбираются въ назначенный день вечеромъ и невѣста, встрѣчая ихъ, кланяется каждому изъ нихъ въ ноги въ знакъ благодарности за то, что они исполнили ея просьбу. Принимая гостей и отецъ невѣсты благодаритъ ихъ за оказанную ему честь и когда наконецъ соберутся всѣ, то онъ приглашаетъ ихъ ужинать. Послѣ ужина онъ назначаетъ изъ ихъ среды дружка, поддружье, т. е. помощника дружку, сверхъ того кого-нибудь вмѣсто крестнаго отца и крестной матери невѣсты (необходимыхъ членовъ свадебнаго чина) если ихъ нѣтъ въ живыхъ, или находятся гдѣ-нибудь въ отлучкѣ. По совершеніи этого выбора, гости, покалякавши нѣсколько времени съ хозяиномъ, въ ожиданіи главнаго пира, ложатся спать, что въ свою очередь дѣлаетъ и хозяинъ съ своей семьей, убравши предварительно столы и все что слѣдуетъ въ горницѣ. Часа за три до разсвѣта, дружко встаетъ, спѣшитъ разбудить хозяина, гостей и невѣсту съ боярками и объявляетъ имъ, что пора пиръ начинать. Когда всѣ встанутъ, умоются, одѣнутся и приберутся, то отправляютъ кого-нибудь по деревнѣ созывать на свадьбу сосѣдей. Каждый изъ приглашенныхъ, являясь по зову въ домъ невѣсты, непремѣнно приноситъ съ собою на пиръ хлѣбъ и мясо. Покуда сосѣди собираются, дружко съ хозяиномъ при-

готовляютъ все нужное для пира, а боярки одѣваютъ невѣсту. Когда наконецъ сосѣди окажутся всѣ въ сборѣ и боярки успѣютъ одѣть невѣсту, дружко беретъ на руку платокъ, поясъ и верхнюю одежду невѣсты, вещи, которыми невѣстѣ придется довершить свой нарядъ; невѣсту сажаютъ за столъ. Въ это время входитъ въ избу, давно ожидаемый собравшимся народомъ, дружко, который, помолившись Богу, начинаетъ говорить слѣдующую рѣчь: «Господзи Боже бласлови! Господзи Боже бласлови! Господзи Боже бласлови! День священный, пиръ веселый, тихая гридня, веселая бесѣда, прицишиꙇесь на малое время. Ёсьць ли въ этомъ домѣ, въ веселомъ пиру, у нашей княгини молодой, бацюшка *ронной*, матушка роннáя? Бацюшка хрёсный, матушка хрёсная, бабушка-пупорѣзница, топоромъ пупы рубила, въ сыру мацьземлю хоронила, сёстры, брацьця, цётки, дзядзьки? Ены кормили, поили это чадо милое, дзиця любимое съ малыхъ лѣтъ до совершенныхъ: по рукамъ качали, въ сахàрныя уста цѣловали. Вотъ ены вскормили, вспоили свое чадо милое, дзиця любимое. А цеперь, народъ православный, прошу васъ, благословице это чадо; нужно его пріобуць, пріодзѣць, весь обрядъ наложиць: бѣлъ чулокъ, сахьянъ сапогъ, кунью шубу, гарсòвый поясъ подпоясаць и голову шоўковымъ платкомъ покрыць. Бласловице братцы!» Народъ, стоящій въ избѣ громко отвѣчаетъ: «Богъ бласловиць».

Послѣ этого дружко кланяется и уходитъ въ ту избу, гдѣ находятся княжна съ боярками. Минутъ черезъ пять онъ вновь приходитъ и, обращаясь къ народу, говоритъ «Вотъ, братцы, вы бласловили нашу княжну молодую обуць, одзѣць и весь обрядъ наложиць, цеперь, братцы, бласловице нашу княжну молодую въ эту горницу вступиць».

— «Богъ бласловиць».

Тутъ дружко кланяется народу и уходитъ за невѣстой, беретъ ее за руку и приводитъ въ эту избу, гдѣ уже ее ожидаетъ не мало собраннаго любопытствующаго народа. Останавливаясь съ нею среди избы, дружко говоритъ: «Вотъ народъ православный, вы бласловили нашу княжну молодую обуць, одзѣць, обрядъ

наложиць, въ веселую горницу вступиць, цеперь бласловице ее за дубовый столъ посадзиць, за скацерци набира́нныя, за ширинки вышива̀нныя, за напитки пьяные, за явства саха́рныя, добрыхъ рѣчей послушаць, бѣлаго лебедзя разру́шаць». Народъ опять отвѣчаетъ: «Богъ бласловиць». Во время этой рѣчи дружко и человѣка два или три изъ гостей садя́тся на назначенное для невѣсты съ боярками мѣсто, на которомъ для первой поставлена елка, убранная цвѣтами, лентами и зажженными свѣчами. Видя, что это мѣсто заняли гости, дружко подходитъ къ нимъ и говоритъ: «Господа честные людзи, какъ вы могли занять это мѣсто, оно вѣдзь для нашей княжны молодой?»

— «Мы вашей княжны не знаемъ», отвѣчаютъ гости, «мы наняли это мѣсто еще даўно, и потому можемъ тутъ пѣць, гуляць и веселицьця, а вамъ, если угодно, то милосци просимъ, садзицесь съ нами рядомъ или на любомъ мѣсьцѣ, только кромѣ этого». «Нѣтъ братци», отвѣчаетъ дружко, «наша княжна не можець ни гдзѣ веселицьця, окромѣ этого мѣста». — А если вамъ это мѣсто такъ нужно, говорятъ гости, то извольце у насъ откупиць его, только ено у насъ очень дорого». Споръ этотъ кончается тѣмъ, что послѣ приличнаго угощенія со стороны дружка, гости уступаютъ ему спорное мѣсто. Тогда дружко, возвышая голосъ, кричитъ на весь народъ: «Ну что, братцы, нѣтъ ли здѣсь молодыхъ молодцоў, или серёдовыхъ мужикоў или старыхъ старикоў, охотникоў? Не ловіў ли хто куницъ, лисицъ, рысей, волкоў или медзьвѣдзей, а мнѣ бы очень нужны звѣринныя шкуры». При этомъ кто-нибудь изъ толпы беретъ на руку одежду, подходитъ къ дружку и говоритъ: «ёсьць». Дружко беретъ эту одежду, какъ будто звѣриную шкуру, осматриваетъ ее и говоритъ, что она весенняя, да и шерсть на ней выпрѣла, что эта шкура неважная.

Охотникъ же напротивъ хвалитъ ее и оцѣниваетъ очень дорого. Такимъ образомъ торгъ продолжается нѣсколько минутъ и въ концѣ концовъ однако, за приличное угощеніе, охотникъ уступаетъ свой товаръ дружку. Послѣдній беретъ у него шкуру, т. е. одежду, кладетъ ее на лавку, и хлеснувъ ее три раза ременнымъ

кнутомъ говоритъ: «нѣтъ ли въ этой шкурѣ пыли или блохъ? Нужно ихъ выбить». Вслѣдъ затѣмъ онъ беретъ невѣсту съ боярками, и сажая ихъ на эту одежду, заставляетъ ихъ три раза привстать съ мѣста, и затѣмъ громкимъ голосомъ вызываетъ мать невѣсты, величая ее по имени и отчеству. Та немедленно подходитъ къ нему и онъ ей говоритъ: «Дай ты намъ серебрянное блюдо и шоўковый платокъ, мы будземъ начинаць торги заводзиць, да дзеньги копиць». Мать невѣсты выноситъ блюдо и платокъ или ширинку и отдаетъ ихъ дружку. Онъ беретъ все это изъ ея рукъ, ставитъ на столъ передъ княжной съ боярками блюдо, накрываетъ его платкомъ, наливъ туда предварительно стаканъ вина, и начинаетъ выкликать поочередно родныхъ и сосѣдей слѣдующимъ образомъ: Иванъ Андреевъ! Иванъ Андреевъ! гдзѣ-бъ не быў, да сюда прибыў: просиць цебя наша княгиня молодая, твоя дочь ронная на коўшъ пива, на чарку вина, штобъ ты да испіў, да веселъ быў и некручиноваў; нашу княгиню подаріў ни рублемъ, ни полциной, а одной золотой гривной. Не дорого твое даренье, дорого родзицельское бласловенье». Княгиня въ это время воетъ и причитываетъ тѣ же слова: «родзицель мой бацюшко (имя и отчество) не дорого мнѣ твое даренье, дорого родзицельское бласловенье». Потомъ отецъ княгини подходитъ къ столу, кладетъ на блюдо денегъ и кланяется своей дочери, въ отвѣтъ на что и она съ боярками отвѣшиваетъ ему низкій поклонъ; дружко наливаетъ ему стаканъ вина, а поддружій ковшъ пива. Выпивши предложенное, отецъ невѣсты уходитъ. Послѣ родителей дружко выкликаетъ поочередно родственниковъ, а княгиня во все это время продолжаетъ выть. Вызванные такимъ образомъ родственники садятся за разставленные столы, а дружко продолжаетъ перекликать сосѣдей и всѣхъ, кто только, даже изъ чужой деревни, пришелъ на свадьбу и когда наконецъ перекличетъ весь народъ, находящійся на свадьбѣ, онъ наливаетъ стаканъ вина и говоритъ: «ну што братцы! нѣтъ ли изъ васъ кого подурнѣе?» Тутъ кто-нибудь изъ толпы выходитъ и дружко подаетъ ему налитый стаканъ вина и возвысивъ голосъ спрашиваетъ: «всѣ ли вы сыты,

всѣ ли пьяны, всѣ ли довольны?» Народъ отвѣчаетъ: «всѣ сыты, всѣ пьяны, всѣ довольны!» Тогда дружко еще громче продолжаетъ свой возгласъ такимъ образомъ: «братцы! нѣтъ ли изъ васъ, изъ молодыхъ молодцоў, серёдовыхъ мужикоў, старыхъ пѣсенникоў?» Тутъ, кто умѣетъ запѣвать первую свадебную пѣсню, выходитъ къ дружку и говоритъ: «ёсьць! только позвольце васъ спросиць, господзинъ дружко, какая для васъ нужна пѣсня: «*Калинка съ малинкой*», «*разворонушка*» или спѣць вамъ «молодку» во всю глотку»?

Дружко отвѣчаетъ: «Нѣтъ, господзинъ рядчикъ, намъ нужно пѣсенку съиграць, штобы было почомъ свадьзебку спознаць». Рядчикъ отвѣчаетъ: «такъ вотъ господзинъ дружко, какая вамъ нужна пѣсня! А у насъ эта пѣсня очень дорога, потому што ена очень цяжела; для того, штобы эту пѣсню спѣць, нужно шесцьдзесяць молодцоў, — голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ и одзинъ подъ одзинъ, куда хочешь подвинь». И когда дружко наконецъ найметъ пѣсеннаго подрядчика, то послѣднiй говоритъ ему: «Ценерь, господинъ дружко, намъ нужны пара пирогоў, какъ сумы, штобы было можно сразу въ ротъ всунуць и штобы были на мёду творёны, въ печи печены и какъ огонь горячи». Дружко призываетъ мать невѣсты и спрашиваетъ у ней такiе пироги. Та тотчасъ приноситъ ихъ и отдаетъ дружкѣ, а онъ пѣсенному подрядчику. Послѣднiй беретъ въ руки принесенные пироги и начинаетъ говорить: «Домъ священный, пиръ весёлый, цихая гридня, веселая бесѣда прицишúцесь на малое время. Ёсьць ли въ этомъ домѣ на весёломъ пиру у нашей княгини молодой, бацюшка родной, матушка родная, бацюшка хрёсный, матушка хрёсная, брацьця, сёстры, цётки, дзядзьки; ены кормили, поили чадо милое, дзиця любимое съ малыхъ лѣтъ до совершенныхъ: по рукамъ качали, въ сахарныя уста цѣловали. Вы госьцики зазваные: захожiе, заѣзжiе; вы народъ православный, изъ васъ кого конь привёзъ, кого Богъ принёсъ, хто самъ пришоў, хто бокомъ прикацiўся, хто рáкомъ приполóзъ; вы молодыя молодзицы, пѣсенныя пѣвицы; вы красныя дзѣвицы, пирожныя масце-

рицы; вы старыя старушки, горшечныя пагубницы; вы малые ребя́тки, узенькія пя́тки, на печи лежали, потолокъ считали, тараканамъ глаза вонъ ковыряли; вы молодыя молодзицы, пѣсенныя игрицы; вы старые старики, бороды ваши широки́, колдуны на улицу выходзили, звѣзды на небѣ считали, свои примѣты примѣчали. Всѣ вы басловице нашу княгиню молодую: обуць ее, одзѣць, въ веселую гридню вступиць, за дубовый столъ засадзиць, за скацерци набира́нныя, за ширинки вышива́нныя, за напитки пьяные, за явства саха́рныя, добрыхъ рѣчей послушаць, бѣлаго лебедзя разрушиць; цеперь вы басловице насъ ей пѣсенки съиграць, штобы было почомъ свадьзебку спознаць». На это всѣ отвѣчаютъ: «Богъ басловиць».

Тутъ подрядчикъ обращается къ дружку съ крестнымъ отцомъ и говоритъ: «А ты, дружко наряженный и тысяцкій посаженный, вы пьёце и гуляеце, а про насъ молодыхъ молодцоў, пѣсенныхъ игрецоў забываеце; если бы вы на привѣтъ дали намъ по дзвѣ рюмочки винца, на закуску коне́чикъ пирожка, а на забаў красну дзѣўушку, мы бы спѣли вамъ пѣсню до конца; если же не будзець отъ васъ привѣту, то отъ насъ вамъ и пѣсни нѣту».

Дружко угощаетъ пѣсеннаго подрядчика и его помощниковъ. Послѣ угощенія, подрядчикъ беретъ пару пироговъ, становится на скамью, его помощники — около него, на полу, и начинаютъ первую свадебную пѣсню:

1.

Баслови, Боже Боженько,
Свадзьбу играць, разыгриваць!
Свадьзбу играць Иванову,
Пиво пици Алексѣевича,
Пироги [1]) ѣсьци — то Аленушкины
То Аленушкины Егоровны.

---

[1]) Вар. курники.

Ты, Святый Боже, Кузьма Демьянъ,
Приходзи на свадьзбу къ намъ [1])
Со твоими апостолами
За столы дубовые,
Да за скацерци браныя,
За явства саха́рныя,
За напитки сладкіе.
Изъ-за моря синяго,
Изъ-за лѣса цемнаго,
Изъ-за поля чистаго
Выходзіў ясмёнъ мѣсяцъ
По за утраль ранешенько,
Ўсё по заутренней зорюшки
Выходзило красно-солнышко.
Ясмёнъ мѣсяцъ-то Иванушка,
То Иванушка Алексѣевичъ,
Красно солнце-то Алёнушка,
Аленушка Егоровна.
Ты святой Лука-Боже!
Солучи нашу свадьзебку
Двухъ молодыхъ въ одно мѣсто:
Первый молодзёжъ Иваншука,
Иванушка Алексѣевичъ.
Другой молодзёжъ Аленушка,
Аленушка Егоровна.
Дожджемъ мочицъ Боженька,
Не замочицъ Исусъ Христосъ;
Солнцемъ сушицъ Боженька,
Не засушицъ Исусъ Христосъ [2]).
Віўся хмѣль со тычинкою,
Свіўшійся не разовьецця.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ послѣ этого стиха поютъ:

Со своею кузенькой!
Ты скуй намъ свадьзебку
Крѣпко, крѣпко — накрѣпко.

[2]) Въ иныхъ мѣстахъ Поникольской волости послѣ этого стиха прибавляютъ:

Бласловицъ Боженька, —
Не расханцъ Исусъ Христосъ. *С. Н. Рач.*

Віўся Иванъ кругъ Алёнушки,
Свіўшійся, не разовьецця.
Ены ўстрѣцяцця поклонюцця,
Разошедшись, поцѣлуюцця.

По окончаніи этой первой пѣсни, пѣсенный подрядчикъ бросаетъ въ порогъ пироги, которые онъ во время пѣнія имѣлъ въ рукахъ. Женщины же и дѣвушки, собирающіяся густою толпою въ избу во время пѣнія мужиковъ, съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ заключительныхъ словъ ихъ пѣсни, и какъ только послѣднія замолкнутъ, онѣ тотчасъ начинаютъ слѣдующую пѣсню отцу и матери княгини:

2.

«Не лежи, бобрюшко, на крутомъ берегу!
«Не сидзи Иванъ-свѣтъ во бесѣдушкѣ, [1])
«Соряжай свадзебку Аленушки,
«Соряжай свадзебку Егоровны».
— У меня свадзебка соряжена:
— Дзевяць варовъ 2 пива сварено,
— Дзесятый варъ зелена вина [2]).
«Не лежи, бобрюшко, на крутомъ берегу,
«Не сидзи, Иванушка, во бесѣдушкѣ, [3])
«Соряжай свадзебку Аленушки,
«Соряжай свадзебку Егоровны».
— У меня свадзебка соряжена:
— Дзевяць печей 2 пироговъ пекла,
— Дзесяту печь 2 все курничковъ, [4])
— Курничковъ, 2 да защипничковъ [5]).

---

[1]) Вар.: во чужомъ, во пиру.

[2]) Вар.: Зеленаго вина да накурено. *Рач.*

[3]) Вар.: во чужомъ во пиру.

[4]) Вар.: Во дзевяци во печахъ пироги стояць,
Во дзесятой печи ну все курнички. *Рач.*

[5]) Въ другихъ мѣстностяхъ этой же губерніи пѣсня эта поется и такъ:

«Не сѣдзи *бебря* въ березѣ,
«Колыши водою,
«Што волною;
«Волочи трусточекъ
«На бережечекъ,
«Намосци мосточекъ
«Калиновый.

«Не сѣдзи, бацюшко ў бесѣдзѣ,
«Собирай свадзебку».
— Моя свадзебка собрана
— И давно соряжена,
— И ужъ коники запряжены.

Затѣмъ пѣвицы поютъ пѣсню княгинѣ:

3.

А не ярко горицъ калина,
А не жалко плачецъ Аленушка,
Ня жалѣецъ ёна своего бацюшки,
Но только жалѣецъ свою русу́ косу́.
«Ты косица моя, коса русая,
«Вы уплёты мои шелковые!
«Хто ету косицу расплецецъ?»
— Расплетуцъ косицу братчики,
— Оберуцъ уплёты сестрицы.

Если невѣста сирота:

4.

«Ахъ ты ёлка, ёлушечка!
«Золотая макушечка!
«А и все-ль твое вѣційце?
«А и все-ль зеленое?»
— Вотъ и все мое вѣційце,
— Вотъ и все мое зеленое,
— Токько нѣту макушечки,
— Золотой верхушечки.
«Ты дзяця-ль мое, Алёнушкя,
«Ты дзиця-ль мое Егоровна!
«А и вся ли твоя родня позозвана,
«Позозвана, запрошена?»

Памятная книжка Смоленской губ. на 1859 г. Статья г. Невѣровича «О праздник., повѣр. и обычаяхъ у крестьянъ бѣлорусск. племени Смол. губ.», стр. 174. Вмѣсто приведенной пѣсни въ названной статьѣ приводится и нижеслѣдующая, которая поется тотчасъ послѣ *столбовой* индѣ въ Смоленской губ. (а гдѣ именно — не указано):

Стой не стой вербушка,
Не стой, развивайся.
«Не сѣдзи бацюшка,
«Не сѣдзи, размышляйся.
«Снаряжай ты свадзебку,
«Свадзебку N» (имя жениха).
— Ахъ да моя свадзебка,
— Давно соряжена:
— Дзесять печей хлѣба
— Давно спечено;
— Дзесятую печь
— Спекли перепечь,
— Дзесять варовъ пива
— Давно сварено,
— А дзесятый варъ
— Есть горѣлки станъ.

См. тамъ же, стр. 173—174.

(Тутъ если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца, то упоминаютъ его, а если нѣтъ матери, то ее).

— И только нѣтъ бацюшки роднаго
(или: матушки родной).
— Нарядзиць меня есць кому,
— Бласловиць меня некому.

Отцу крестному поютъ:

5.

Хто-шъ бы у насъ на куцѣ впередзи?
Да хрестный бацюшко Никитишко Егоровичъ,
Надъ его головушкой не рои ройлися,
Надъ его головушкой благодать Господняя.
Благодарю цебя, Господаи,
И въ корысци, и въ радосци!

Дружкѣ:

6.

Друженько хорошенькій, друженько пригоженькій,
Кудрявая голова, шелковая борода.
Друженько хорошенькій, друженько пригоженькій,
(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).
Какъ у насъ про цебя пиво вареное,
Какъ у насъ про цебя вино набранное,
Какъ у насъ про цебя крыватушка цесова,
Крыватушка цесова, перинушка пухова,
Перинушка пухова, изголовье крутое.

Молодому женатому парню:

7.

Плéщецця, льецця у береговъ вода,
У береговъ вода ключевая,
Сцелецця, вьецця во лугахъ трава,
Во лугахъ трава зеленая.
Цѣлуець, милуець Иванъ свою жóнушку,
Свою жóнушку Аленушку:
«Душечка жóнушка спородзи,
«Спородзи, спородзи, спородзи,

«Родзи сына, родзи сына съ дочерью,
«Родзи сына, какъ меня,
«Родзи дочерь, какъ цебя.
«Сына отдадзимъ грамоцѣ учиць,
«Дочку отдадзимъ шоўкомъ шиць.
«Сына оженимъ—сборъ на конѣ,
«Дочку отдадзимъ съ церема» 2 [1]).

Ср. въ моемъ великор. сб. ч. I, стр. 422, 11 и 438, 8.

8.

«Ахъ вы соколы, соколы,
«Далеко ли вы летали?»
— А мы летали да съ моря на море,
— Видзѣли, видзѣли сизу уцицу на морѣ.
«Чего-жъ вы не соймали?»
— Хоць мы соймаць и не соймали,
— Сизы крылушки разбили,
— Горячую кровь разлили.
«Вы сваты, сватовики!
«Далеко ли вы ѣздили?»
— Все изъ города на городъ.
«Что вы слышали, видзѣли?»
— Красну дзѣвицу въ церемѣ.
«Чего же вы не взяли?»
— Хоць мы взяць и не взяли,
— Съ отцемъ съ мацерью развели.

9.

«Ахъ ты сизенькій, селезеньки,
«Ты бываў ли, бываў на морѣ?»
— Я бываў, я бываў на морѣ,
— Я видаў, я видаў уцицу:
— Изъ тросника въ тросникъ полецѣла,
— На ней крылушки зашумѣли,
— На ней перушки забрезжили.

---

[1]) По другому варіанту изъ той же волости эта пѣсня поется послѣ вѣнца и начинается:

Сцелецьца, да вьецьца
Во лугахъ трава шоўкова и т. д

Пѣвицы поютъ пѣсни во все время ужина. По окончаніи его гости и княгиня встаютъ изъ-за стола, княгиня кланяется въ ноги отцу и матери, благодаритъ ихъ за хлѣбъ за соль, и потомъ уходитъ съ боярками въ другую избу, гдѣ и остается до пріѣзда жениха. У жениха женщины также поютъ пѣсни пока сидятъ за столомъ. По окончаніи же стола, женихъ, поблагодаривъ отца съ матерью за хлѣбъ-соль, начинаетъ вмѣстѣ съ дружкомъ и гостями приготовляться въ путь за невѣстой. Дружко беретъ въ одну руку ковригу хлѣба, сверху которой насыпаетъ нѣсколько соли, а въ другую — икону и говоритъ: «Народъ православный, пристаньце къ одной сторонкѣ». Народъ подвигается на правую сторону, а дружко съ женихомъ, съ крестнымъ отцомъ, съ крестной матерью и нѣкоторыми гостями садятся на лавку и послѣ нѣкотораго молчанія встаютъ, молятся Богу, и съ ними весь народъ, находящійся въ избѣ. Послѣ молитвы дружко призываетъ отца жениха, называя его по имени и отчеству, и говоритъ: «Благослови своего сына роднаго на пуць, на дорожку: суженую взяць, съ ней въ Божій храмъ стаць, вѣнчацця, обручацця, на перстни помѣняцця, въ сахарныя уста цѣловацця».

Такимъ же образомъ дружко призываетъ поочередно мать жениха, крестнаго отца, крестную мать, родственниковъ, прося всѣхъ благословить князя молодаго. По окончаніи обряда благословенія, дружко съ женихомъ и гостями отправляются за невѣстой. Въ домѣ же послѣдней въ это время происходитъ слѣдующее: какъ только дружко ея увидитъ, что пріѣхалъ женихъ, онъ тотчасъ усаживаетъ ее съ боярками и всѣхъ гостей за столъ и они опять начинаютъ пировать. Когда дружко съ женихомъ и гостями подъѣдутъ ко двору, гдѣ имъ нужно взять невѣсту, то кто-нибудь изъ ея гостей выходитъ на улицу къ дружкѣ жениха и спрашиваетъ: «Откуда вы, какъ вы сюда заѣхали? Ёсць ли у васъ паспорта?» и т. п. Дружко жениха отвѣчаетъ на всѣ вопросы и проситъ отворить имъ ворота. Эта просьба тотчасъ исполняется: ворота отворяютъ, женихъ съ гостями въѣзжаютъ на дворъ, дружко и всѣ гости идутъ въ избу, а женихъ съ под-

княжимъ ходятъ по двору. Какъ только дружко невѣсты увидитъ гостей жениха, то онъ сейчасъ всѣхъ ихъ перекличетъ съ приглашеніемъ принять участіе въ свадебномъ пирѣ, начиная съ дружка, называя его по имени и отчеству: «Гдзѣ бы ты не быў, да сюда прибыў, просиць цебя наша княгиня молодая, на коўшъ пива, на чарку вина, штобъ ты испіў, да веселъ быў и нашу княгиню подаріў, не рублемъ, не полтиной, а одной золотой гривной». Потомъ онъ кличетъ всѣхъ пріѣзжихъ гостей и подкняжаго съ женихомъ. Затѣмъ дружко невѣсты спрашиваетъ у дружки жениха: «Какъ вы могли къ намъ заѣхаць? Вы потоптали нашъ садъ; какъ вы могли пробраццця сквозь наши запоры?» Тутъ дружко жениха отговаривается тѣмъ, что у нихъ есть ключи отъ крѣпкихъ запоровъ и письмо отъ княгини. Но когда дружко княгини проситъ показать это письмо, то они показываютъ только ширинку жениха, полученную послѣднимъ въ подарокъ отъ невѣсты, когда ее заручали. Когда все это дѣло наконецъ уладится, дружко жениха проситъ, чтобы ему выдали невѣсту, на что дружко послѣдней отвѣчаетъ слѣдующимъ вопросомъ: «Што господзинъ дружко, гдзѣ ты желаешь свести нашихъ молодыхъ: въ избѣ ли, на дворѣ, или подъ небесной высотой?» На это дружко отвѣчаетъ: «Какъ вамъ будзець угодно».

Сводятъ же они молодыхъ такъ: дружко невѣсты беретъ на руку тотъ хлѣбъ, которымъ благословляли молодыхъ, затѣмъ беретъ за руку невѣсту съ боярками и съ хлѣбомъ-солью, выводить ихъ къ жениху, дружко котораго въ то же время держитъ на одной рукѣ хлѣбъ, другою ведетъ за руку жениха навстрѣчу невѣстѣ. Не доходя другъ къ другу, шаговъ на шесть, оба дружки останавливаются и дружко жениха говоритъ: «Мы къ вамъ шагъ». Дружко невѣсты: «Мы къ вамъ тоже». Такимъ образомъ, переговариваясь, они сходятся все ближе и ближе, пока наконецъ не сведутъ вмѣстѣ жениха съ невѣстой. Тогда оба дружка, держа въ рукѣ по булкѣ, переносятъ ихъ одну черезъ другую три раза и только въ третій разъ дружко жениха, поднявши свою булку повыше, кладетъ ее на булку товарища и

восклицаетъ: «Нашъ верхъ!» Затѣмъ оба дружки берутъ жениха съ невѣстой, сводятъ ихъ и заставляютъ сдѣлать вмѣстѣ три круговые оборота и поцѣловаться, причемъ они стараются наступить другъ другу на ногу, въ той увѣренности, что кому изъ супруговъ это удастся, тотъ будетъ имѣть верхъ надъ другимъ въ супружеской жизни.

По совершеніи этого обряда, дружко жениха становится смѣлѣе и грубѣе въ обращеніи съ невѣстинымъ дружкомъ. Онъ обращается къ послѣднему и гостямъ и говоритъ: «Ну, цеперь прощайце!» Тутъ дружко невѣсты приглашаетъ всѣхъ въ избу. Всѣ направляются туда, и какъ только женихъ возьметъ за руку невѣсту, всѣ боярки тотчасъ оставляютъ ее, спѣшатъ вернуться за столъ и сѣсть на то мѣсто, гдѣ онѣ сидѣли на вечерѣ съ невѣстой. Едва только онѣ успѣютъ это сдѣлать, какъ дружко жениха приходитъ со своими молодыми, откупаетъ мѣсто у боярокъ и сажаетъ за столъ жениха съ невѣстой, гостей и снова начинается у нихъ пиръ горой. Женщины опять поютъ величальныя пѣсни жениху, невѣстѣ и всѣмъ пріѣзжимъ гостямъ. Въ это время боярки берутъ шапку жениха и подкняжаго, уходятъ съ ними въ другую избу, гдѣ нашиваютъ ня нихъ красивыя ленты и когда наступитъ пора ѣхать жениху съ невѣстой къ вѣнцу, онѣ приносятъ эти шапки и женихъ долженъ выкупить ихъ у боярокъ. Къ вѣнцу ѣдутъ такъ: дружко ѣдетъ напередъ, женихъ съ невѣстой и съ подкняжимъ вмѣстѣ ѣдутъ за дружкомъ, а за ними и гости. Двое изъ оставшихся въ домѣ невѣсты гостей, послѣ вѣнца, берутъ постель невѣсты, дары и отправляются съ ними въ домъ жениха. Здѣсь ихъ встрѣчаетъ отецъ жениха, а женщины поютъ имъ слѣдующую пѣсню:

10.

Вечернички, пѣтушки!
Зачѣмъ рано прилецѣли?
Или пиць, ѣсць захоцѣли?

Изъ-подъ вѣнца женихъ везетъ свою жену къ себѣ въ домъ. При въѣздѣ ихъ на дворъ въ воротахъ зажигаютъ сложенный

изъ соломы костеръ. Весь свадебный поѣздъ переѣзжаетъ черезъ огонь. Затѣмъ мать жениха одѣваетъ шубу шерстью вверхъ, беретъ кружку пива и выходитъ на дворъ къ своему сыну съ невѣсткою. Наливши стаканъ пива, она подаетъ его сыну. Тотъ беретъ этотъ стаканъ, чокается со своею матерью и выливаетъ пиво черезъ себя; тоже самое дѣлаетъ и невѣстка съ поднесеннымъ ей напиткомъ. Со двора молодыхъ ведутъ въ избу, гдѣ ихъ засаживаютъ за столъ, а съ ними и всѣхъ гостей, и затѣмъ подаютъ кушать. Молодую въ это время еще не раскрываютъ, и поэтому ни она, ни молодой съ гостями не ѣдятъ. Послѣ обѣда молодую ведутъ въ отдѣльную комнату, гдѣ ее раскрываютъ, сажаютъ за столъ рядомъ съ ея мужемъ и подаютъ имъ кушать. Когда они откушаютъ, сватьюшки, которыя пріѣхали съ молодой, берутъ гребень, причесываютъ молодую и надѣваютъ ей на голову женскую шапку. Во все это время новобрачный сидитъ противъ своей молодой и какъ только сватьюшки повяжутъ ей голову, онѣ тотчасъ и крикнутъ: «Хто нашу молодую поцѣлуець?» Молодой подходитъ и цѣлуетъ свою жену, а сватьюшки при этомъ поютъ:

11.

Хороша наша изба да подъ крышею,
Хороша наша Аринушка подъ повязкою,
Хоць яна маленька, но ужъ умненька.

Послѣ этого молодой князь беретъ свою княгиню за руку, приводитъ ее опять въ эту комнату, гдѣ они садятся снова за столъ. Вечерники берутъ сундукъ съ дарами, вносятъ его сюда и становятъ около молодыхъ. Тутъ дружко молодой княгяни беретъ лучшее полотенцо и, повѣсивъ его на кнутъ, призываетъ отца молодого князя, подаетъ ему это полотенце и говоритъ: «Наша молодая княгиня около рѣкъ не ходзила, зуевъ не ловила, а все вашей милосьци дары готовила. Малое примице, на большое не судзице». Отецъ молодаго князя беретъ полотенце, кладетъ своей невѣсткѣ на блюдо денегъ, самъ утирается полотенцемъ и говоритъ: «Вотъ когда я буду молодымъ!». Потомъ дружко вызы-

ваетъ мать молодаго князя, всѣхъ гостей и каждому изъ нихъ подноситъ подарки, которые они берутъ и въ свою очередь отдариваютъ молодую княгиню деньгами. Во все время этой раздачи молодые стоятъ и кланяются.

Затѣмъ отецъ молодаго приноситъ гостямъ вина, которое дружко его наливаетъ въ стаканъ и подаетъ дружкѣ княгини; последній принимая стаканъ, подноситъ его къ губамъ и говоритъ: «Горько». Молодые должны цѣловаться. Дружко снова пробуетъ пить и говоритъ: «Да здѣсь и мухи плаваюць». Молодые берутъ другъ друга за уши и опять цѣлуются. Послѣ ужина и гости и княгиня съ своимъ мужемъ, протанцовавъ немного, снова ужинаютъ и затѣмъ ложатся спать. На другой день послѣ обѣда, молодой князь со своею княгинею, отцомъ и матерью и всѣми гостями отправляются къ отцу княгини, гдѣ и остаются ночевать. На третій же день послѣ обѣда молодые приглашаютъ къ себѣ въ гости отца и мать княгини. Тѣ пріѣзжаютъ и гостятъ у своего зятя съ денекъ, потомъ, распростившись со своимъ сватомъ, со сватьюшкой, съ зятемъ и дочерью, отправляются домой. Тѣмъ свадьба и кончается.

Изъ записей учен. народнага училища С. А. Рачинскаго.
Сообщ. С. Н. Рачинскій.

Изъ другихъ мѣстъ Поникольской волости.

Когда просватаютъ невѣсту:

1.

И какъ Аленушка у матушки
Дорогая госьцейка,
И дорогая госьцейка [1]),
Золотая мецёлочка,
Трое горницъ вымела,
Четвертый высокъ церемъ,
Да нашла подъ лавочкой
Бѣло горностаюшко.

---

[1]) По всей вѣроятности такимъ же образомъ повторяется каждый второй стихъ двухстишій этой пѣсни. У г-жи *Р.* указаніе на это нѣтъ. *Ш.*

Сохвацила на рученьки,
Понесла къ своей матушкѣ.
«Ты родзимая матушка!
«Што это за звѣрюшко?»
— Ты дзиця ли родзимое,
— Што Аленушка Егоровна,
— То не бѣлъ горностаюшко,
— То нашъ князь Егорушко
— То душа-ль свѣтъ Алексѣевичъ!
— Што къ табѣ ёнъ прикинулся,
— Обернуўся звѣрюшечкой,
— Штобы ты не плакала,
— Горючихъ слезъ не роняла,
— Бѣла лица не порцила.

Поется, когда дядя или тетка благословляютъ сироту:

2.

Ужъ ты ель, ты елўшечка,
Золотая макўшечка!

—

Да и всѣ ли твои вѣтвицы
Да и всѣ ли зелёныя?

—

Вотъ и всѣ мои вѣтвицы,
Вотъ и всѣ мои зелёныя,

—

Только нѣту макушечки,
Золотой ли верхушечки.

—

Ты дзиця-ль моя свѣтъ,
Ты вставай-ка ранешенько,

—

Ты вставай-ка ранёшенько,
Ты умойся бѣлёшенько.

—

Ты пройдзись по избушкѣ,
Посмотри на своихъ госьцей.

—

Вотъ и всѣ ли твои госьцинки?
Вотъ и всѣ ли зазваные?

—

Одного нѣтъ госьця милаго,
Мойго бацюшки родзимаго.

—

Ты родной ли мой дзядзюшка
Ахъ Данилушка Алексѣевичъ!

—

Ты ступай къ церкви Божжай,
Ты ударь въ большой колоколъ,

—

Ты ударь въ большой колоколъ,
Штобъ земля содрогнўлася.

—

Разступися мацъ-сыра земля!
Ты откройся гробова доска!

—

Ты откройся гробова доска,
Ты возстань родной бацюшка!

—

Ты взойдзи во избушку,
На сиротскую свадзебку,

—

Посмотри на сиротинушку:
Хорошо ли наряжена?

—

Хорошо ли наряжена,
Высоко ли посажена?

—

Наряжена какъ боярышіня,
Посажена какъ сироцинка.

—

Нарядзиць ее есьць кому,
Благословиць ее не кому.

(Ср. выше, стр. 395, 4).

Накануне свадьбы, на вечеринкѣ, въ домѣ невѣсты:

3.

«Ахъ ты мацъ моя, матушка,
«Ахъ ты мацъ государыня!
«Я сегодня ў ночи мало спала,
«Мало спала, много сноў видзѣла:
«Прилетали ко мнѣ семь голубей
«Што восьмой младъ ясенъ оролъ,

«Чорный шоўкъ мой попўтали,
«Крупенъ жемчугъ разсыпали».
— Ты дзиця-ль мое, Алёнушка,
— Вотъ я знаю, какъ твой сонъ разскáзать:
— Семь голубей — то сваты твои,
— Сизой оролъ — то женихъ твой
— Чорный шоўкъ — то коса твоя,
— Крупенъ жемчугъ — то слеза твоя.

Наканунѣ свадьбы, на вечеринкѣ невѣстѣ:

4.

Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, по новымъ,
И какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, по новымъ,
Тамъ ходзила, гуляла свѣтъ Алёнушка,
Свои бѣлы руки ломала, 2
Своихъ да подружекъ сзывала:
«Сестрицы вы мои подруженьки!
«Не кидайце вы мяне во печали!
«Прiѣдуць сватацца — приходзице,
«Да буйную голову вы чешице, 2
«Да русыхъ волосъ вы не дзерице:
«Родная матушка ихъ глáдзила,
«Родная матушка ихъ хóлила!»

Тогда же — жениху:

5.

По улицѣ, по широкой,
По широкой, по муравой,
Тамъ шли мальцы веселые,
Стрѣляючи, играючи, 2
Чернымъ шляпамъ махаючи.
Со высокого со церема
Со краснаго со окошечка
Завидзѣла свѣтъ матушка.
Ну спрашивала государыня:
«Чего-жъ ты, мое дзицятко,
«Не весело, не радосно, 2
«Повѣсiў буйную головушку
«На правую сторонушку?»

— Родзимая душа матушка!
— Не завтра ли мнѣ въ дорогѣ быць?
— Дороженька моя трудная,
— Сторонушка вся незнакомая.
«Не бось же, мое дзицятко, 2
«Не бось, мое милое,
«Пошлю я съ тобой слугу вѣрную,
«Да брацика родзимаго,
«Сторонушку признако́мици,
«Дороженьку пріукра́сици, 2
«Боярышню пріуговорици».
— Не бось ты, родна матушка!
— Идзець же со мной добръ вороный конь, 2
— Еще впередзи сокола лецяць,
— Еще по бокамъ ўсе друзья идуць,
— Мяне, молодца, не выдадуць 2
— Да суженую мнѣ выведуць.

Невѣстѣ, когда ее одѣваютъ къ вѣнцу:

6.

Цихія воблака на Дунай кацяць, 2
Красныя дзѣўшки на думахъ лежаць, 2
Ахъ што дума то дума, дума горькая,
Што дума думушка вѣковѣчная:
Какъ мнѣ стаць, какъ мнѣ стаць, 2
Свекра бацькой звать, 2
Свекровушку, свекровушку
Родной матушкой?
Припаду, припаду ко сырой землѣ,
Припаду я, млада, ко сырой землѣ,
Назову, назову свекра ба́цюшкой, 2
Свекровушку, свекровушку — родной матушкой. 2

Жениху, когда онъ ѣдетъ за невѣстой. Эта пѣсня поется преимущественно вдовцамъ, которые женятся во второй разъ:

7.

И какъ за лѣсу, лѣсу цёмнаго,
Изъ-за садзика зелёнаго

Собиралась непогодушка,
Собираўся князь Егорушка,
И ёнъ дунець, дунець по вулицѣ
Да къ цесьцюшкѣ въ подворьице,
Стукнець, грохнець ў вереюшкѣ—
Вереюшка покачнулася.
Подъѣзжаець князь Егорушка,
Подъѣзжаець — Богу молицца.
Подъѣзжаўши, Богу молицца, 2
Низко ў землю поклоняецца.
Увидала свѣтъ ли Алёнушка
Да со краснаго окошечка:
«Вотъ ѣдзець погубицель мой,
«Погубиць мяне, дзѣўку красную.
«Распущу я косу русую,
«Да пролью слезу горючую».

Жениху передъ его отъѣздомъ къ невѣстѣ:

8.

Вдоль по лугу, лугу, 2
  Лугу зеленому 2
Бѣжаць, бѣжаць кони, 2
  Кони вороные, 2
Брезжаць, брезжаць узды, 2
  Узды золотыя.
Тамъ ѣхаў, проѣхаў
  Да зяць къ цещѣ ў госьци. 2
А цеща про зяця 2
  Пиво наварила, вино накурила, 2
Вино накурила,
  Невѣсту снарядзила.

9.

Какъ въ Кремлѣ славномъ городѣ,
Ахъ на коврѣ-то было на золоцѣ,
Тамъ чесаў кудри князь Егоръ,
Ахъ чесаўши, приговариваў:
«Прилегайце русы кудзерки
«Ахъ къ моей ли буйной головушкѣ,

«Къ моей буйной ли головушкѣ,
«Къ моему лицу румяному.
«Привыкай душа Алёнушка
«Къ мойму ли уму-разуму,
«Къ мойму ли нраву молодецкому».
— Привыкаць мнѣ не хоцѣлося,
— За досаду показалося.
— Спѣси-гордости убавишь ты,
— Ума-разума прибавишь ты.

Ему же, когда уже онъ ѣдетъ къ невѣстѣ [1]):

10.

«Ахъ ты сизенькій голубокъ!
«Ты летаў ли, летаў ли за моря?
—
«Ты летаў ли, летаў за моря?
«Ты видаў ли, видаў сѣру уцицу?»
—
— Я летаў, я летаў за моря,
— Я видаў, я видаў сѣру уцицу:
—
— Съ тросника ў тросникъ летала,
— Ена крылышками да брезжала,
—
— За ей пташечки ў три ряды,
— Да не то, што ў три, да и ў четыре.
—
«Ты молодзенькій князь Егоръ,
«Ты биваў ли, биваў да у цещеньки?
—
«Ты биваў ли, биваў у цещеньки?
«Ты видаў ли, видаў свѣтъ Алёнушку?»
—
— Съ церема во церемъ бѣжала,
— Башмачками ена стучала,
—
— На ней плацьице шумѣло,
— Да повязка алѣла.
—

[1]) Ср. выше, стр. 397, № 9.

— На мяне ена только глянула,
— Шоўховымъ платкомъ только махнула.
—
— За ней дзѣушки ў три ряда,
— Да не то што ў три, да и ў четыре.

Передъ пріѣздомъ жениха, — въ домѣ невѣсты:

11.

Ой рано, рано, да по зарѣ,
Ой рано, рано.
—
Да по свѣтломъ ходу мѣсяца,
Да по свѣтломъ ходу.
—
Летаў соловей да по вишни,
Да летаў соловей.
—
Пробудзіў соловей да соло́вушку,
Пробудзіў соловей.
—
«Ты вставай, не лежи, свѣтъ соло́вушку,
«Ты ўставай, не лежи.
—
«По табѣ пташечки щебетали,
«По табѣ дробныя».
—
— Не тоскуйце по мнѣ, дробны пташечки.
— Не тоскуйце по мнѣ;
—
— Я даўно съ солоўемъ да знаюся,
— Я даўно съ солоўемъ:
—
— Мы на одномъ кусьцикѣ да съ нимъ сиживали,
— Да на одномъ кусьцикѣ.
—
— Мы съ одного лисьцика росу пили,
— Мы съ одного лисьцика.
—
— Мы одну ягоду съ нимъ склёвывали,
— Мы одну ягоду.
—
Ой рано, рано, да по зарѣ,
Ой рано, рано.
—

Гулялъ-то Егоръ по терему,
Гулялъ-то Егоръ.

—

Пробуждаў-то Егоръ свѣтъ Алёнушку,
Пробуждаў-то Егоръ:

—

«Ты вставай, не лежи, свѣтъ Алёнушка,
«Ты вставай, не лежи!

—

«По табѣ подружки горько плакали,
«По табѣ подружки.

—

— Ахъ не плачьце по мнѣ подруженьки,
— Ахъ, не плачьце по мнѣ.

—

— Я даўно съ Егоромъ да знаюся,
— Я даўно съ Егоромъ.

—

— Мы ў одномъ во саду съ нимъ гуливали,
— Ў одномъ во саду,

—

— Мы за однимъ столикомъ съ нимъ сиживали,
— Мы за однимъ,

—

— Мы съ одной ложечки съ нимъ прихлёбывали,
— Мы съ одной ложечки,

—

— Мы ў одзинъ бѣлъ калачъ мы съ нимъ прикусывали,
— Мы ў одинъ бѣлъ-калачъ.

—

— Мы съ одной кружечки пиво пили,
— Мы съ одной кружечки.

12.

Што грозенъ, грозенъ Егорушка князь,
Што грозенъ Алексѣевичъ быў,

—

До чужихъ ёнъ женъ не милосьціў быў,
Што не милосьціў, да не ласкоў быў.

—

Ёнъ берець, берець набирную узду,
Ёнъ сѣдлаець свойго ворона коня,

—

Да зъѣзжаець со широкаго двора,
Подъѣзжаець ко сосѣдскому двору;

—

Подъѣзжаець ко сосѣдскому двору,
Стукнець, грохнець ёнъ копьемъ ў ворота.

—

Стукнець, грохнець ёнъ копьёмъ ў ворота:
«Дома-ль, дома-ль свѣтъ Алёнушка моя?

—

«Коли спиць, не будзице вы яе,
«А не спиць, — повстрѣчала бы мяне,

—

«За бѣлы руки хватаець пусьць мяне,
«Золоты персни принимаець отъ мяне».

—

Алёнушка по сѣнюшкамъ похаживала,
Каблучкомъ сѣни проламывала,

—

Каблучкомъ сѣни проламывала,
Золоты ключи обранивала.

—

«Вы сестрицы, вы подруженьки мои,
«Подымице золоты мои ключи,

—

«Отпирайце вы цяжелые замки, 2
«Доставайце само лучшаго сукна,

—

Доставайце само лучшаго сукна,
Да вы сшейце мойму мужу армякъ,

—

Штобъ не долог, не коротокъ ёнъ быў,
Штобъ ў распашечку, ў размашечку быў.

Ему же, когда онъ подъѣзжаетъ:

13.

Изъ-за лѣсу, лѣсу цемнаго,
Изъ-за садзика зеленаго,
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебедзиное.
Отставала лебёдушка,
Отставала лебедзь бѣлая
Прочь отъ стада лебедзинаго,
Приставала лебёдушка,

Приставала лебедзь бѣлая
Да ко стаду ко гусиному;
Стали гуси сѣрые пощипиваци,
А лебёдушка покрикиваци:
«Не щиплице мяне гуси сѣрые!
«Не сама я къ вамъ залецѣла,
«Не своею охотою,
«Занесло мяне буйнымъ вѣтромъ, 2
«Крупнымъ дожджемъ, непогодушкой».
Отставала Алёнушка,
Отставала Егоровна
Да отъ стада красныхъ дзѣвушекъ.
Приставала Алёнушка,
Приставала Егоровна
Да къ молодымъ ко моло́душкамъ.
Стали молодушки пobраниваци,
А Алёнушка поплакиваци:
«Не бранице вы, молодушки,
«Не бранице вы молодушки,
«Не сама я къ вамъ заѣхала,
«Не своею охотою, —
«Привезли мяне быстры кони,
«Што цѣ кони Егоровы».

Ср. мой великорусскій сборн., ч. I, стр. 477, 2, 491.

Ему же:

14.

И какъ соколъ лецицъ,
Колоколъ гудзицъ ли,
Какъ Егоръ ѣдзецъ,
Ўся земля трясецца.
Поѣзжай князь Егоръ
Къ своей цесьцѣ ў госьци,
Даўно цещушка дожидаецца:
На семи воротахъ
Сторожа стояць,
На широкомъ двору
Вотъ и цещушка ли
Во рукахъ ли дзержиць

Да бѣлое блюдо,
На бѣломъ ли блюдѣ
Да солодкій сахаръ.
А бѣлое блюдо,
То нашъ князь Егоръ ли,
А солодкій сахаръ, —
То наша Алёна.

Невѣстѣ передъ пріѣздомъ жениха:

15.

Ой лецѣли голуби черезъ дворъ, 2
Ударили крылышкомъ объ церёмъ, 2
«Дома-ль, дома-ль Алёнушка или нѣтъ,
«Дома ли Егоровна или нѣтъ?
«Ну несемъ мы Алёнушкѣ добрую вѣсьць,
«Ахъ да у Егорушки дома што есць?
«Ну есць у Егорушки конь вороной,
«Конь вороной, самъ удалой.
«Собираўся Егорушка ў дорогу,
«Просиць ёнъ у бацюшки подмогу:
«Сорокъ лошадзей беру вороныхъ,
«Да двадцаць каретъ беру золотыхъ,
«Да еще дзвѣ гудўшки-свистўшки,
«Да еще дзвѣ сватьюшки-плясушки.
«Гудзице вы гудушки изъ села до села,
«Штобъ моя Алёнушка была весела».

Ей же, когда подъѣзжаетъ женихъ:

16.

Прилетали соколы
Съ чужой дальней стороны,
Сѣли, пали соколы
На высокій на церёмъ.
«Выходзи-ка Алёнушка,
«Узнай своiго сокола».
— А мой соколъ знакомёнъ,
— На ёмъ шапка съ соболёмъ,
— На шапочкѣ вѣночекъ,

— На вѣночкѣ цвѣточекъ,
— На цвѣточкѣ пташка.
— Сидзяць пташки дробныя, 2
— Поюць пѣсни громкія.

Поется подругами невѣсты, когда подъѣзжаетъ женихъ:

17.

Што рядкомъ березы стояли,
Што лужкомъ, бережкомъ,
Сваты ѣхали.
Ў погоню гналась
Свѣтъ Алёна душа,
Ў погоню гналась.
Вы постойце, сваты,
Подождживе мяне,
Вы постойце, сваты!
Ци не дасьць ли бацюшка
Воронаго коня,
Ци не дасьць ли бацюшка?
Не даець бацюшка
Вороного коня,
Не даець бацюшка.
Вы постойце, сваты,
Подождживе мяне,
Вы постойце сваты.
Ци не дасьць ли матушка,
Короба съ добромъ,
Ци не дасьць ли матушка?
Не даець матушка
Короба съ добромъ
Не даець матушка.
Вы постойце, сваты,
Подождживе мяне,
Вы постойце сваты.
Ци не дасьць ли матушка
Благословеньеце свое,
Ци не дасьць ли матушка.
Вотъ даець матушка,
Благословеньеце свое,
Вотъ даець матушка.

Передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ вѣнцу:

18.

Во ключахъ да во ключахъ,
Во холодныхъ колодзезяхъ
Тамъ стояла вишенька,
Дорогая вѣточка.
Какъ Алёнушка у матушки
Дорогая госьцьюшка
Унимала матушка,
Да просила рóдная:
«Ты ли дзиця, мое дзицятко,
«Перегодуй хоць годъ со мной».
— Ты сударыня матушка,
— Я бы рада вѣкъ вѣковаць, 2
— Кабы не князь Егорушко:
— Ёнъ вѣнкомъ по дворику, 2
— Соколомъ кола церему, 2
— Добрымъ молодцомъ во высокъ церемъ.
Унимаець бацюшко:
«Ты ли дзиця, мое дзицятко,
«Переночуй-ка ночь со мной».
— Я-жъ бы рада вѣкъ вѣковаць,
— Кабы не князь Егорушко:
— Ёнъ вѣнкомъ по дворику, 2
— Соколомъ коло церему, 2
— Добрымъ молодцомъ во высокъ церемъ.

Когда молодые, послѣ вѣнца, подъѣзжаютъ къ дому:

19.

Цихія пташечки перепелочки, да и цихія
Пташечки перепелочки

—

Цише того вотъ Егоръ князь, да на бацькинъ дворъ,
Цише того, да и ахъ, цише того.

—

«Бацюшка мой, отворяй ворота, принимай госьцей,
«Бацюшка мой, и ахъ, отворяй ворота.

—

«Ты бери коникоў да за уздушки, 2
«Ты ведзи коникоў на широкій дворъ. 2

—

«Ты давай коникамъ да и сѣна и овса, 2
«Ты бери госьцикоў за бѣлыя руки.

—

«Ты ведзи госьцикоў во высокъ церемъ, 2
«Ты саджай госьцикоў за дубовый столъ, 2

—

«Ты давай госьцикамъ да и пива и вина,
«Ты давай госьцикамъ да и пива и вина.

—

«Вотъ мои коники перебѣгались, 2
«Вотъ мои дружки перегойкались.

—

«Вотъ моя суженая переплакалась, 2
«Вотъ и я, молодзецъ, перезябъ, передрогъ». 2

Когда пріѣзжаютъ съ вѣнца и открываютъ лицо невѣстѣ:

20.

По сѣнямъ, по сѣнямъ,
По новымъ по сѣнямъ.

—

Ой люли, люли —
По новымъ по сѣнямъ [1])

—

Тамъ ходзиць гуляець
Егоръ дружечикъ.

—

Ёнъ ходзиць, гуляець,
Во гусли играець.

—

Во гусли играець,
Жену поцѣшаець.

—

«Попляши ты, душка,
«Попляши, женушка,

—

«Пойдземъ-ка, душка,
«Пойдземъ, женушка,

—

[1]) Припѣвъ: «Ой люли, люли» повторяется такимъ образомъ и далѣе послѣ каждаго втораго стиха двустишій, съ повтореніемъ его самого.

«Ў садъ погуляци,
«Вишни заломаци.

—

«Вишневый цвѣточекъ —
«Егорушко дружочекъ».

Поется молодому послѣ вѣнца:

21.

Я пойду млада младзенька 2
Во зеленую рощу, 2

—

Ужъ я выломлю, младзенька, 2
Доску кленовую,

—

Ужъ я сдзѣлаю, младзенька, 2
Гусли звончатыя, 2

—

Звончатыя, громчастыя, 2
Громче, звонче нѣту. 2

—

Да кому же ў гусли играци? 2
Да кому плясаци? 2

—

Ивану ў гусли играць, 2
Алексѣю плясаць.

—

Иванушкѣ погромче, 2
Алёнушкѣ пошибче. 2

—

Какъ сказали Алёнушкѣ: 2
«Иванъ домой ѣдзець», 2

—

За рукаў шубу хватала, 2
Ў сѣняхъ надзѣвала. 2

—

А ў сѣняхъ-то надзѣвала, 2
Ивана ласкала.

—

Я скажу табѣ ўсю праўду, 2
На новой кварцирѣ,

—

На новой кварцирѣ,
На мяккой пяринѣ.

—

Ахъ рожу табѣ сына, 2
Будзець бѣлый сыръ. 2

—

Ахъ рожу табѣ дочку, 2
Какъ бѣлую лебёдку.

Когда молодыхъ послѣ вѣнца за столъ сажаютъ:

22.

Что и рано раненько было по зарѣ,
Было по зарѣ,
Щебетала ласточка на рѣкѣ,
На рѣкѣ,
На бѣломъ на камнѣ сѣдзючи,
Сѣдзючи,
На быструю рѣчушку глядзючи,
Глядзючи.
Идзець, идзець бацюшка крутымъ бережкомъ,
Крутымъ бережкомъ:
«Сюда, сюда бацюшка, ля Бога,
«Ля Бога!
«Возьми мяне съ камешка съ бѣлóго,
«Съ бѣлóго».
У бацюшки жалосьци немного,
Немного,
Не сняў мяне съ камушка съ бѣлóго,
Съ бѣлóго.
Идзець, идзець матушка крутымъ бережкомъ,
Крутымъ бережкомъ...

Далѣе повторяется все тоже, что съ бацюшкой, затѣмъ продолжается такъ:

Идзець нашъ Егорушка ли, князь, крутымъ бережкомъ,
Крутымъ бережкомъ.
Сюда, сюда Егоръ князь, сюда,
Князь сюда.
Возьми мяне съ камешка съ бѣлóго,
Съ бѣлóго.
У Егора жалосьци да много,
Да много,
Ўзяў мяне ёнъ съ камешка съ бѣлóго,
Съ бѣлóго.

Поется молодому послѣ вѣнца за обѣдомъ (плясовая):

23.

Свалялись, свалялись, свалялись, свалялись,
Егоровы кудри свалялись, Егоровы кудри свалялись.

—

Чѣмъ чесаць, чѣмъ чесаць, чѣмъ чесаць, чѣмъ чесаць,
Егоровы кудри чѣмъ чесаць, Егоровы кудри чѣмъ чесаць?

—

Кинемся, бросимся, кинемся, бросимся,
Во новые торги бросимся, во новые торги бросимся.

—

Накупимъ, накупимъ, накупимъ, накупимъ,
Самыхъ частыхъ гребешковъ, самыхъ частыхъ гребешковъ.

—

Расчешемъ, расчешемъ, расчешемъ, расчешемъ,
Егоровы кудри расчешемъ, Егоровы кудри расчешемъ.

—

Чѣмъ прибраць, чѣмъ прибраць, чѣмъ прибраць, чѣмъ прибраць,
Егоровы кудри чѣмъ прибраць, Егоровы кудри чѣмъ прибраць?

—

Накупимъ, накупимъ, накупимъ, накупимъ,
Зеленыхъ цвѣтковъ накупимъ, зеленыхъ цвѣтковъ накупимъ.

—

Прикрасимъ, приберемъ, прикрасимъ, приберемъ,
Егоровы кудри приберемъ, Егоровы кудри приберемъ.

Всѣ 23 зап. С. Н. Рачинской.

Той же губ., Порѣчскаго уѣзда, с. Ришево.

На вечеринкѣ:

1.

Ў во мху, ў во мху, да и на купинкѣ,
Сидзѣла да и голубушка,
На свое перъе дзивувалася:
«Перъе мое, перъе шизое!
«Ци будзешь таково,
«Какъ на морѣ было?»
Въ церемъ Сохфеюшка собиралася,
На свои косыньки дзивувалася:
«Коса моя, коса русая,

«Ци будзешь такова,
«Какъ у бацька была?
«Къ Восипу перейдзешь
«Перемѣнишься;
«Не будзешь такова,
«Какъ у бацьки была».

2.

Комо́ра моя новая,
Зъ сыраго дуба зрублена!
Ў тый коморѣ никого нѣтуци,
Только ў тый коморѣ
Дробные пташецки,
Межъ тыхъ пташецекъ кукуша;
Ня *залко* яна кукуець.
«Кукуй, кукаша, *позалцѣе!*
«Ня долго табѣ кукуаць:
«Зъ цистаго цетверга
«До Петрова дня».
Комора моя новая
Зъ сыраго дуба зру́блена,
Ў тый коморѣ никого нѣтуци,
Только сидзѣли дзѣўшки,
Межъ тыхъ дзѣўшекъ Сохфейка;
Ня залко яна плацець.
«Поплаць, Сохфейка, позалцѣе;
«Ня долго табѣ плакаци:
«Ў субботу позненько,
«Ў воскресе́нье раненько».

3.

Молода Настасья
Руту мяту полола;
Горько плакала, рыдала,
Руту мяту полоўши.
Ѣхаў коло тыно́цка,
На молодомъ конёцкѣ,
Да молодой князь Якоў.
«Помоги, Боже, Настасьѣ,
«Руту мяту поло́ци!»

— Спасибо табѣ, Якоў,
— За доброе слово!
«Сорви мнѣ, свѣтъ Настасья,
«Мя́цину за шляпу».
— Боюсь, боюсь, свѣтъ Якоў,
— Я бацюшки роннóго.
«Ня бойся, свѣтъ Настасья,
«Ты бацюшки роннóго,
«А бойся, свѣтъ Настасья,
«Мяня молодого,
«Бацюшкина гроза».

Передъ пріѣздомъ жениха:

4.

Солнышко рано вската́лася,
Настась душа разгуля́лася.
Гуляла молода да и цѣлый дзень,
Да и цѣлый дзень, што до вецера,
Гука́ла яна́ да перевозчцикоў:
«Ужъ вы гой, погой перевощики!»
А нихто да ей не откликнецца;
Откликаўся ей молодъ Якоў князь:
«Я тобе, свѣтъ Насьценька, на коняхъ по́двезу,
«На коняхъ подвезу, переходъ найду».
— Боюсь коней тыхъ, Якоў князь:
— Я въ бацюшки на коникахъ не ѣзживала.

(Видно не конченная).

Передъ пріѣздомъ жениха:

5.

Лецѣў соколъ черезъ три́ поля,
Церезъ три́ поля, церезъ цеты́ре,
На цетвертомъ полѣ сѣў на межѣ.
«А што табѣ, соколъ, сподобала туто:
«Ци ель, ци берёза, ци зеленый дубъ?»
— Ни ель, ни берёза, ни зелёный дубъ,
— А сподобалась мнѣ, соколу, шѣрая кукуша.
Ѣхау князь Иванъ церезъ три́ села,
Церезъ три села, церезъ цетыре,
На цетвертомъ селѣ ёнъ стаў на дворѣ.

«Што-жъ тобѣ, Иванушка, сподобало туто?
«Ци домъ, ци дуŏръ, ци ворóный конь?»
— Ни домъ, ни дуŏръ, ни вороный конь,
— А сподобалася мнѣ Сохфеюшка душа.

6.

Дунули вѣтры вдоль по вулицѣ,
Растворялися ворота да й Ивановы,
Ёкнуло сердецусько да й Натальины.
«Бацюшко роннóй! затворяй воротá,
«Затворяй ворота, не впускай казакá!
«Придзець казакъ, завоюець насъ.
«Бацюшко роннóй ни давай воеваць,
«Ни давай воевацъ, ни вези мяня брацъ».
— Доцуська моя нáдзецъ воткупъ дацъ.
«Бацюшка мой, мы расплацимся».
— Доценька! цымъ расплацимся?
«Бацюшка! конёмъ воронымъ».
— Доценька! цымъ конёмъ воронымъ,
— Тобой молодой, твоей русой косой.

7.

«Ци ты соловей, ци ты молодой кукушу зазываў?»
— Ни я, соловей, ни я, молодой, кукушу зазываў,
— Сама кукуша, сама шѣрая ў боръ прилетала,
— Ў боръ прилетала, со мной гуркуала.
«Ци ты Якоў, ци ты молодой Настасью зазываў?»
— Не я, Якоў, не я, молодой, Настасью зазываў,
— Сама Настасья, сама, молодая, ко мнѣ пришла,
— Сама говорила: возьми замужъ мяня;
— У мяня, молодой, у мяня, молодой, приданнаго много:
— Ёсьць и подушки, ёсьць и дзеру́пки,
— Шубонька нова, платоцки шоўковы,
— Платоцки шоўковы, я замужъ готова.

8.

Дзѣўшки мои подружки,
Бярице вы мяня подъ руцки,
Ня киньце вы мяня при гóрѣ,
Вы вядзице мяня ў высокъ церемъ,

Вы садзице мяня за дубовый столъ,
Вы пляцице мою косыньку цисьценько,
Вы ня рвице волосъ зъ русой косы,
А мой жа волосъ ёнъ жа *матушки дорогъ*, 2
Ёнъ жа бацюшки залокъ.

Послѣ вѣнца по дорогѣ домой:

9.

Какъ и вылетаў сизъ голубцикъ изъ шыраго бору,
Ёнъ и вывёў голубку изъ зелёнаго саду.
«Цаго ты, голубка, со мной не гурку́ешъ?»
— Голубцикъ мой да и сизенькій!
— Слетаемся, спознаемся — гуркуаць будземъ.
Какъ и выѣхаў Восипъ со богатаго двора,
Ёнъ и взяў Сохфейку зъ разумнаго рода.
«Што-жъ гэта, Сохфея, ты со мной ня гово́ришь?»
— Восипъ мой! я-жъ ня знаю цебя;
— Звѣнчаемся, спознаемся, — говорнць будзимъ.

Когда женихъ подъѣзжаетъ къ дому невѣсты:

10.

Ягода брусница ў бору сукацилася,
Сукаціўшись — ня раска́цицца.
«Глупъ ты, глупъ, голубокъ, не разуме́некъ,
«Отпирай шатрину, — полѣзай ў шацёръ».
Сохфея Иваноўна да зъ бацькомъ жила,
Зъ Егоромъ Андреевымъ суходзилася.
Суходзіўшись зъ нимъ, не разыйдзецца.
«А глупъ ты, глупъ, Егорушка, не разуменекъ!
«Отхутай ворота, полѣзай на дворъ».

Поется въ началѣ вечеринки:

11.

Ў поли, подъ зяленой дубровой,
Тамъ стоиць воронъ конь привязанъ.
Колы́ того коня, колы́ вороно́ва,
Натальинъ бацюшка хо́дзиць,
Сѣно откладаець, оўса засыпаець,
Оўса засыпаець, коня проклинаець:

«Пусь цебя, коня, пусь воронóва
«Шѣры волки зъѣли!
«Звезъ ты мнѣ, коникъ,
«Звезъ ты вороны́й
«Со двора подворницу,
«Зъ поля работницу,
«Зъ клѣци приклюшницу,
«Госьцямъ пріемницу».

Ў поли, подъ зяленой дубровой,
Стоицъ воронъ конь да привязанъ.
Колы тово коня, колы́ воронóва,
Иваноў бацюшка ходзиць,
Сѣна закладаець, оўса засыпаець,
Оўса засыпаець, коня бласлоўляець:
«И дай табѣ, Боже коникъ здороўя!
«Привезъ ты мнѣ, коникъ,
«Привезъ ты мнѣ вороный
«Ў дуо̂ръ да подворницу,
«Ў поли да работницу,
«Ў клѣци приклюшницу,
«А госьцямъ пріемницу».

Въ началѣ вечеринки:

12.

Бѣлая заря зорюшка занималася,
Тамъ наша Настасья разгулялася,
Гуляла Насьценька дзень до вечера.
Стаў ея бацюшка домоў зазывацъ:
«Дзѣтушка да и Насьценька да и ходзи домоў».
— Бацюшка роннóй ня пойду я домой:
— Ноць цемна да не мѣсяцна,
— Дорога широкая да и не вѣдома,
— Рѣценька глубокая да и переходу нѣтъ.
Бѣлая заря зорюшка занималася,
Тамъ наша Настасья разгулялася,
Гуляла Насценька дзень до вецера.
Стаў князь Якоў домоў ее звацъ:
«Свѣтъ Насьценька, ты домоў идзи!»
— Пойду зъ тобой, князь Якоў, иду домоў,
— Ноць свѣтла да и мѣсяцна,

— Дорога вузкая да и знакомая,
— Рѣцка цихая да и мосьцикъ ёсь».

Изъ записей А. Ив. Елишева, сообщ. С. Н. Рачинскій.

XXI.

Смоленской губ., Духовщинскаго уѣзда, д. Буланина.

Въ домѣ жениха.

Вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго для вѣнчанія, женихъ съ подкняжимъ идутъ въ баню. По выходѣ изъ нея женихъ одѣвается въ праздничную одежду и возвращается въ избу, гдѣ уже накрытъ столъ, на которомъ красуется круглая булка, соль и пр., передъ образами зажжены свѣчи, всѣ присутствующіе долго молятся Богу. По окончаніи молитвы женихъ кланяется въ ноги родителямъ, которые благословляютъ его иконой, хлѣбомъ и солью. Послѣ благословенія всѣ садятся за ужинъ. За послѣднимъ блюдомъ дружко встаетъ, кланяется на всѣ четыре стороны и говоритъ: «Домъ священный, міръ хрященный, басловице нашего князя молодаго прибуць, пріодзѣць, кунью шубу надзѣць, басловице разъ, басловице два, басловице три».

Сидящіе за столомъ встаютъ и отвѣчаютъ: «Богъ багословиць».

Дружко: «За ваше благословленіе вамъ низкое поклоненіе. Домъ священный, міръ хрященный, ёсьць ли у нашего князя молодаго бацюшко родный, матушка родная, бацюшка хрёстный, матушка хрёстная, бабушка пупорѣзница, брацьця, сёстры, дзядзьки, цётки, грицы-пѣвицы, красныя дзѣвицы, госьци заѣзжіе, сусѣдзи приближенные, сваты тысячные, басловице нашего князя придзѣць, прибуць, кунью шубку надзѣць, басловице за отцовскій столъ посадзиць, *моленницу*[1]) разложиць, басловице разъ, басловице два, басловице три». Сидящіе за столомъ опять отвѣчаютъ: «Богъ багословиць». Дружко: «За ваше благосло-

---

[1]) *Моленницей* называется круглая булка, которою благословляютъ жениха.

вленіе вамъ низкое поклоненіе, а нѣтъ ли охотника на столбъ ўлѣзць? Ня будзець охотничка, погонимъ нявольничка». Ему отвѣчаютъ: «Ёсьць охотникъ на столбъ, да что будзець за столбъ? Хозяинъ домовой, подай доходъ столбовой; пару курей, пару гусей, оўцу па́леную, свинью жа́реную, ня будзець доходу даваць, станемъ стольлю подымаць, печь выдвигаць; печь выдвинемъ, избу выстудзимъ, свадзьбу заморозимъ».

Хозяинъ отвѣчаетъ, что за плату не постоитъ. Тогда дружко становится передъ столомъ, ему подаютъ пару *посоховъ* (двѣ длинныя хлѣбныя булки); онъ ударяетъ одной булкой о другую и говоритъ: «Домъ священный, міръ хрященный, басловице разъ, басловице два, басловице три». Гости и хозяева снова отвѣчаютъ: «Богъ басловиць».

1.[1]).

СТОЛБОВАЯ ПѢСНЯ.

Святой Кузьма батюшка,
Боже мой, Боже мой[2]).
Прячистая Матушка,
Заиграй намъ свадьбку,
Звядзи-жъ ты нашихъ дружекъ,
И младенцоў Марью съ Иваномъ
И дай же имъ Богъ на любоў, на совѣтъ,
Да на долгій вѣкъ,
На сыноў пакарёў,
На дочёкъ вышивалокъ.
Святой же Ягорій
Ў полѣ гулянть,
Коней загонянть,
Святой же Андроній
Яму помогаить,
Микита попутчикъ

---

[1]) Въ подлинной записи звуковое изображеніе мѣстнаго говора не строго соблюдено, замѣтно нѣкоторое колебаніе. Мы не считали себя въ правѣ его выровнить и исправить его здѣсь. *Ш.*

[2]) Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Коникоў бротаить,
Подъ крыльцо подводзить,
Младенцоў са́дзить.
Хванасій-Ўласій
Стоить у воротъ,
Ворота отворяить,
Рабоў провожаить:
«Ѣдьте же вы ра́бушки
«Да ко Божью храму,
«Къ вѣнчальному вѣнцу,
«Къ золотому хресту».
Святой же Миколушка
По крылецку ходить,
Ключи ў рукахъ носить,
Замки отпираить,
Двери растворяить.
Прячистая Мацерь
Сама выходила, 2
Рабоў сустрѣкала,
Пяляною укруала,
Долей надзѣляла.
Возьмите-жъ вы ра́бушекъ
За правыя руки,
Поставьте вы рабушекъ
На правую сторонку, 2
На ядиную доску,
И дайце-жъ вы рабушкамъ
Вобимъ по свѣчкѣ,
Во правую ручку.
Самъ Сусь Христосъ
Свадзьбу вѣнчаить,
На кольца мѣняить,
Вѣнцы надѣваить.

Послѣ этой пѣсни близкіе родные и гости дарятъ жениха деньгами; потомъ, помолившись Богу, женихъ, дружко и гости ѣдутъ къ невѣстѣ. Передъ отъѣздомъ родные жениха осыпаютъ хмѣлемъ весь поѣздъ. Все это происходитъ обыкновенно въ двѣнадцать часовъ ночи.

Въ домѣ невѣсты.

Въ этотъ же канунъ, какъ только начинаются сумерки, дѣвушки берутъ невѣсту и ведутъ ее въ баню, все время распѣвая свадебныя пѣсни. По возвращеніи изъ бани, невѣста съ подружками идетъ въ чуланъ, гдѣ послѣднія ее одѣваютъ, а она все время плачетъ и причитываетъ. Затѣмъ всѣ онѣ вмѣстѣ выходятъ въ большую избу, зажигаютъ у иконъ свѣчи и молятся Богу, послѣ чего невѣсту сажаютъ за столъ. Подруги садятся подлѣ нея, старшая родственница становится противъ невѣсты и, глядя на нее, начинаетъ выть и причитывать. Затѣмъ подруги невѣсты поютъ пѣсни вплоть до пріѣзда жениховскаго поѣзда. Когда же наконецъ послѣдній подъѣзжаетъ къ воротамъ, которыя въ ожиданіи его заранѣе нарочно запираютъ, то молодой стучится въ нихъ, прося впустить его на дворъ. Въ это время подруги невѣсты поютъ слѣдующую пѣсню:

2.

«Ай пышные, *гурные* бояре, 2
«Слышице, видзице, ня скажеце,
«Што моя разлука
«По вулицѣ ѣдзець».
— Ня бось, ня бось, Машенька,
— Ня отдадзёмъ цябя.

Пока дѣвушки поютъ эту пѣсню, женихъ и дружко продолжаютъ стучать въ ворота; наконецъ хозяинъ ихъ отворяетъ, они входятъ, и дружко немедленно угощаетъ водкой хозяина, который ведетъ послѣдняго въ избу; онъ кланяется на всѣ четыре стороны и говоритъ: «Здравствуйце добрые людзи, мы купцы заѣзжіе, заѣхали ў чужую сторону и ня знаемъ, какъ быць, зъ дороги посбились, кони притомились, ци ня пусьцице ли ночуаць?» На это дѣвушки отвѣчаютъ: «У насъ госьцей много; изъ города пришли, изъ-за моря понаѣхали, ня будзець вамъ мѣста». Тогда дружко обращается къ хозяину и, низко ему кланяясь, говоритъ: «Хозяюшко, бацюшко, измучились ў конецъ, взмилуйся хошь ты надъ нами, пусьци ночуаць!» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Коли мои

госьци согласны, отъ меня запрета ня будзець». Тутъ дружко обращается къ подругамъ невѣсты и спрашиваетъ: «нѣтъ ли у нихъ продажнаго товара и *слободнаго* мѣста». Подруги отвѣчаютъ: «Заплацице за мѣсто, тогда товаръ покажемъ и ночуаць будзеце у насъ, только плата будзець ня маленькая». Дружко: «Дзеньги ў насъ есьць, и плата будзець; покажьце свой товаръ». Дѣвушки показываютъ вмѣсто невѣсты одну изъ ея подругъ. Дружко притворяется сердитымъ и кричитъ: «Энта ня нашъ товаръ; я яго своимъ ня признаю»; дѣвушки продолжаютъ свои шутки, не показывая дружку невѣсты. Тогда дружко выходитъ изъ избы и приводитъ жениха, предлагаетъ дѣвушкамъ пряниковъ и водки; тутъ только онѣ говорятъ: «Ну, откупили товаръ» и выходятъ изъ-за стола, женихъ беретъ невѣсту за руку, подводитъ ее къ ведру съ брагой, которое стоитъ тутъ же подлѣ стола; женихъ и невѣста пьютъ брагу и, не допивая кружки, выливаютъ остатокъ черезъ голову. Въ это время дружко и сватъ жениха поютъ слѣдующую пѣсню:

3.

А ўси людзи дивятся,
Какъ комаръ къ мухѣ двинется.
А не такъ ёны будуць дiуаться,
Какъ ёны стануць цѣлуаться.

Потомъ женихъ и невѣста садятся рядомъ за столъ, дѣвушки продолжаютъ пѣть пѣсни, и сбыкновенно такiя, въ которыхъ бранятъ жениха и весь его поѣздъ. Дружку они поютъ:

4.

А у дружка да коротка ножка,
Дайце яму да дубовую колоду,
Чтобъ ёнъ стаў, чтобъ ёнъ стаў
И горѣлки достаў.

Дружко угощаетъ дѣвушекъ пряниками и водкой, онѣ же продолжаютъ бранить его:

5.

На дворѣ пороша, ня вяликій снѣгъ.
На дружко короста, ня великій смѣхъ,
Дружко въ избу лѣзеть,
Ў пець поглядаить,
Ти густа капуста и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ бранная пѣснь подкняжему (другу жениха):

6.

Да хорошъ же дружко прибраўся:
На ёмъ же шапка плиса,
Шапка плиса, голова лыса;
Да хорошъ же дружко прибраўся:
А на ёмъ же каўтанъ
Хлопьемъ натканъ,
И тотъ не яго.

Подкняжій въ свою очередь угощаетъ дѣвушекъ; причемъ онѣ, обращаясь къ невѣстѣ, поютъ:

7.

Да куда-жъ ты, Машенька, глядѣла,
Што за гриботаго захотѣла?
А ёнъ же грибатъ, ня пригожъ,
Поляди-ко, Машенька, ў кадушку,
А твой Ванюшка съ лягушку;
Поляди-ко, Машенька, ў вяршокъ,
А твой Ванька какъ сопаршокъ.

Получивъ отъ жениха желаемое угощеніе, дѣвушки поютъ сватамъ жениха:

8.

Говорили, сваты богаты,
Да чорта ёны богаты,
На дорогѣ старца разбили,
Тымъ ёны подружекъ дарили.

Сваты отвѣчаютъ имъ:

Бряшите, сучки, бряшите,
Со стола вонъ выходзите.

Дѣвушки выходятъ изъ-за стола и перестаютъ бранить жениха и сватовъ; женихъ, невѣста и весь поѣздъ жениха ужинаютъ, а дѣвушки поютъ сватамъ:

9.

Сватъ свата просить,
Ў рукахъ шапку носить:
«Ой свате мой, свате,
«Побывай ў моей хатѣ,
«Попивай мово пива,
«Поглядай мово дива:
«Мое пиво пьяно,
«Мое диво дивно,
«Вокругъ избы елья,
«Ў серёдки весельле,
«Мое што весельле,
«Ўси куры ў корогоды,
«Боровы ў органы,
«А тёлки ў свистёлки,
«А сѣрое свинище
«Со смѣху катилось».

Пѣсни и пляска продолжаются и послѣ ужина, до самаго утра. Наконецъ всѣ выходятъ изъ избы на дворъ, гдѣ стоитъ поѣздъ и осыпаютъ всѣхъ хмѣлемъ; дружко обводитъ жениха и невѣсту вокругъ телѣги или саней и слегка бьетъ ихъ *пугомъ* (большимъ кнутомъ), послѣ чего всѣ ѣдутъ въ церковь. Дорогой подружки поютъ:

10.

Тарарай колёса, тарарай,
Повязли Анютку съ пеклы ў рай.
Ой пекла, пекла — бацькинъ дворъ,
Ой рай, раёчикъ — Миколкинъ дворъ.

Послѣ вѣнца всѣ гости ѣдутъ къ новобрачному; дорогой, кромѣ разнообразныхъ пѣсень, сваты непремѣнно поютъ слѣдующую:

11.

Ой радъ, радзенёкъ Ванюшка,
Што ў церкви побываў,
Што Машеньку за ручку подержаў и т. д.

Приближаясь къ дому, они поютъ:

12.

Божья радость перелетѣла
Черезъ тынъ гридзеньку,
Играючи свадебку Иванову.

Мать или старшая родственница молодаго въ тулупѣ, вывороченномъ шерстью вверхъ, встрѣчаетъ на крыльцѣ молодыхъ, которыхъ она осыпаетъ хмѣлемъ. Вошедши въ избу, молодые и всѣ гости молятся Богу и садятся за столъ; послѣ обѣда молодая выходитъ изъ-за стола, ее сажаютъ на дежку и повязываютъ платкомъ.

Вечеромъ поютъ:

13.

Ишло, ишло солнышко коло лѣску, 2
Роняло искорья по закустьецу. 2
Ишла, ишла Машенька коло столика, 2
Ставила ноженьки на суноженьки, 2
Клонила ручушки на бѣлыя колѣна, 2
Роняла слёзы на бѣлую скатерть. 2

14.

Да гулянка-жъ наша Машенька! 2
По вулицамъ гуляла, ,
Ўсихъ рябятъ гудила:
Ўси-жъ рябята грибаты,
Только бѣлъ, хорошъ Миколка,
Ти ня сонце яго спородило,

Ци ня мѣсяцъ всколыхаў?
Спородзила яго матушка,
Всколыхала его рóнная,
По сѣнямъ ходзила, какъ пáва,
Родзила сына, какъ пáна.
А и Миколка паномъ быў,
Ў Кіеву вянокъ віў,
У маслеўки маслеваў,
Ўсимъ дзѣвушкамъ продаваў,
Оннóй Машеньки даромъ даў.

15.

Ой боромъ, боромъ, борами
Выбита дорога коўрами.
Хто-жъ тую дорожку убиваў?
Князь Сергѣй ко Машенькѣ ѣздзючи,
Дороги́ подарки возючи.
Первый подарокъ — мыла брусъ,
А и второй подарокъ платокъ шелкóвой,
А и третій подарокъ — самъ на дворѣ:
«Вотъ табѣ, Машенька, гость дорогой!»

Сообщ. С. Н. Рачинской.

XXII.

Свадебный обрядъ въ Смол. губ. и уѣздѣ, с. Прудки.

а) Сватаньс или сугляды.

Если женихъ выбираетъ себѣ невѣсту въ той деревнѣ, изъ которой самъ, то невѣста заранѣе предупреждаетъ своихъ родителей, что къ ней будутъ свататься, и къ тому времени она и родители ея приготовляются къ пріему гостей: уберутъ хату, помоютъ столы и лавки, сами пріодѣнутся по праздничному, уберутся и изготовятъ къ обѣду какое-нибудь лишнее лакомое кушанье. И женихъ со сватами приходитъ, по обыкновенію съ своей горѣлкой и закуской, объясняя, что пришелъ смотрѣть товаръ; его сажаютъ за столъ со сватами и начинается попойка. А если

женихъ со сватами пріѣзжаетъ изъ другой какой-нибудь деревни, то дѣло иначе: невѣста и родители ея, непредупрежденные, могутъ быть неготовы къ пріему гостей, хотя они всегда являются съ своей горѣлкой и закуской, а потому женихъ со сватами не взъѣзжаетъ на дворъ, а останавливается на улицѣ и, стучась въ окно, просится, чтобъ его пустили на ночлегъ [1]). По убранству коней, по шуму, съ которымъ подъѣзжаютъ къ дому, и по праздничному наряду, какъ только смекнутъ, что пріѣхали сватать, то подъ разными шуточными предлогами отказываютъ въ ночлегѣ жениху. Послѣдній въ свою очередь отшучивается подобнымъ же образомъ. А между тѣмъ въ это время невѣста успѣваетъ одѣться по праздничному, умыться и натереть лицо *купѣной* [2]) и домашніе выметутъ избу и также немного принарядятся, застелютъ и столъ чистою скатертью, пошлютъ за сосѣдками или свахами съ невѣстиной стороны, которыя скоро являются, вмѣшиваются въ разговоръ и въ свою очередь тоже подшучиваютъ надъ женихомъ и его сватами въ родѣ того, что-де вы можетъ быть люди бѣглые, безбилетные, однимъ словомъ, бродяги, и васъ пускать нельзя на ночлегъ; а женихъ со сватами съ своей стороны старается разубѣдить ихъ въ этомъ. Пока дѣло не дойдетъ почти до перебранки, и пока не натѣшутся вдоволь обѣ стороны, — до тѣхъ поръ имъ не отворяютъ воротъ. Въ это время невѣстины свахи, сидя за столомъ поютъ:

1.

Подъѣхавъ Петрушка (имя жениха)
Подъ окошко: 2
«Ти совсѣмъ Авдотья
«Ти собралася?» 2
— Стой, постой, Петрушка,
— Во чистомъ полѣ. 2

---

[1]) Не по одной приведенной причинѣ женихъ со сватами останавливается передъ домомъ невѣсты, — но болѣе и потому, что этого требуетъ самолюбіе невѣсты и ея родителей, въ угоду которому женихъ и жертвуетъ стоянкою на улицѣ, чтобы всякій прохожій видѣлъ, что идетъ сватовство, что онъ ее искалъ, а не она его. *Некр.*

[2]) Въ словарѣ Носовича: «Купе́на-трава, Соломонова печать. Крестьянскія дѣвицы употребляютъ ее для умыванія лица, чтобы быть бѣлыми». *Ш.*

«Лацвѣй табѣ, Авдотка,
«За столомъ сядзѣць, 2
«Трудно мнѣ, молодцу,
«Во чистомъ полѣ стояць, — 2
«Полозы къ дорогѣ
«Примерзаюць, 2
«Вѣтрики кудзерки
«Поддуваюць,
«Сапожки ноженьки
«Поцискаюць, 2
«Молодые сваточки
«Захрипаюць». 2
— Не положице зо́лотца —
— Не пусьцице мо́лотца. 2

Во́ время пѣнія этой пѣсни или по ея окончаніи входятъ въ хату невѣсты женихъ и сваты и здороваются съ присутствующими. Невѣста и ея свахи выходятъ изъ за-стола въ сторону, въ уголъ горницы, и садятся на лавки, жениха же со сватами сажаютъ за столъ, а съ нимъ вмѣстѣ садится и отецъ невѣсты, или тотъ, кто заступаетъ мѣсто отца, и мать. Женихъ ставитъ на столъ свою водку и закуску, и начинается попойка, во время которой рѣшается и судьба невѣсты. Водкой угощаютъ всѣхъ кто въ хатѣ, особенно когда не встрѣчаютъ отказа. Во все время сговора и попойки невѣстины свахи поютъ слѣдующія пѣсни:

2.

Налецѣло голубей полонъ дворъ:
«Познай, познай, голубушка, который твой?»
Наѣхало боярей полонъ дворъ:
«Познай, Авдотка, который твой?»
— Противъ печи, ла́плиныя плечи, — то не мой,
— На прыпечкѣ, со скрипочкой — скоморошка,
— На вслончику, во каворчику (полжупанъ) — дзеверь мой,
— На куцѣ́, въ золоцѣ — свекорь мой,
— На ко́никѣ, въ черво́никѣ (армякъ) — вотъ то мой.

3.

Авдоточка свою матушку
За вороты высылала:
«Ты выйдзит-ка, моя матушка,
«За новы́я воро́ты,
«Разсыпаны, моя матушка,
«Червонныя иглы».
— А минутца табѣ,
— Дзѣточка Авдоточка,
— Всѣ дзѣвотчія игры.
Авдоточка свою матушку
За вороты высылала:
«Ты выйдзит-ка, моя матушка,
«За новы́я воро́ты,
«Разсыпаны, моя матушка,
«Все червонные пе́рсни».
— А минутца табѣ, дзѣточка,
— Всѣ дзѣвотчія пѣсни.
Авдоточка свою матушку
За вороты высылала:
«Ты выйдзит-ка, моя матушка,
«За новыя вороты,
«А разсыпаны, моя матушка,
«Все червонныя карты».
— Да минутца табѣ, дзѣточка,
— Всѣ дзѣвотчія жа́рты.

4.

«Вы гуси, гуси, лебедзи!
«Яткель вы съ далека лецѣли?» 2
— Съ синя моря да на озеро. 2
«Ахъ вы госьци, госьци любые,
«Яткель вы съ далека ѣхали?»
— Съ Новагорода да въ дзеревню.
«Охъ и что вы чули-видзѣли?»
— Чуць мы чули, видзѣць видзѣли
— Младу Авдотку въ céремѣ.
«Ахъ и что жъ вы яе не взяли?»
— Хоць не взяли, дакъ подмѣцили,
— Будзець нашею любимою.

5.

Рута мята, не жовтый цвѣтъ,
Што тябе, Петрушка, долго нѣтъ.
Цябе Авдотушка долго ждзець,
За воротами стоючи,
Полны кубки дзержучи.
Уже мои кубочки сповнѣли,
Уже мои рученьки замлѣли,
А въ чисто поле глѣдзючи.
Написала-бъ письмо, — не умѣю,
Послала-бъ посла — не смѣю,
Сама-бъ я пошла — боюся,
Съ чиста поля вернуса,

А въ чистомъ полѣ стор́ожа.
Тая мяне сторожа поймаець,
По русой косѣ спознаець,
Съ молодымъ Петрушкой свѣнчаець.

Ср. Бѣлор. н. п. Шейна, стр. 468, 52.

Какъ кончится сговоръ и отецъ-съ матерью и невѣста согласятся на предложеніе жениха, то встаютъ изъ за стола, бьютъ по рукамъ и молятся Богу, а за тѣмъ поютъ:

6.

Зародзи, Боже, жита 2
Въ прибудущіе годы, 2
Колосомъ колосисто, 2
Ядромъ ядренисто, 2
Наша Авдоточка ма́ла, 2
Штобъ стоючи жала, 2
Сѣдзя снопы вязала, 2
А въ полѣ копами, 2
А въ гумнѣ стогами. 2

Ай у насъ сягодни 2
Заученье Богъ давъ, 2
Заручили Авдоточку молодую, 2
Посадзили за цесовенькій столикъ. 2
Авдотушка головушку склонила, 2
А у матушки сердзечушко заныло. 2 [1])

По окончаніи этой пѣсни начинается общій кутежъ, какъ на счетъ жениха, такъ и на счетъ невѣсты, пьютъ водку, пляшутъ; женихъ съ невѣстою садятся рядомъ и знакомятся, а свахи и сваты въ перемежку поютъ подходящія пѣсни, которыхъ безчисленное множество. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ:

7.

Ой гули, гули,
Голуби 2
Вокругъ города
Летали, 2
На Авдоткинъ жемчугъ
Напали. 2
Шугу голуби
Во лугу́! 2
Не клюйце моего
Жемчугу́! 2
А мой жемчужо́къ
На вѣнокъ, 2
Багрова красочка
За платокъ 2.

---

[1]) Эта пѣсня образована, какъ видно, изъ двухъ, поэтому мы отдѣлили ихъ чертою. Первые 9 стиховъ ср. выше стр. 232 съ № 17. *Ш.*

8.

Расколыхалась тонка былина,
Въ лозѣ стоючи,
Ой расплакалась младая Авдотка,
У бацюшки живши.
«Все горе мое, вся бѣда моя!
«Все буйные вѣтры,
«Якъ стали дуци,
«Якъ стали колыхаць —
«Былинку сломили».
Якъ расплакалась Авдотка
У бацюшки живши:
«Все горе мое, вся бѣда моя!
«Все злые людзишки, 2
«Якъ стали ходзиць, 2
«Бацюшку просиць,
«Просили и упросили,
«Мяне просватали».

9.

По си́тничку, по ракитничку,
Ухъ ци мнѣ!
Ходзиць Петрокъ съ ружейцемъ,
Да ў перепелокъ стрѣляиць,
Да Авдоточку взглядаиць:
«Ў кого, ў кого Авдоточка удалася,
«Во золота ввилася,
«Ай по поясъ въ чистое серебро»?
— Ў цябе, Петрушка, удалася,
— По колѣно въ золото ввилася,
— Ай по поясъ въ чистое серебро.

10.

Ай што въ сѣнюшкахъ за дзверьми
Ткала Авдоточка кросе́нцы,
Слёзками прошёстку смочила,
Золотыми перстнями замшила.
Ой туды ишёвъ Петрушка:
«Боже табѣ поможи, Авдотка!»
Авдотка Петрушкѣ ни слова.

«Горда Авдотка, да не гордуй!
«Да не гордуй мною, молодцомъ,
«Быць тебѣ, дзѣвицѣ, за мною.
«Моей вѣрною слугою.

11.

Горóшекъ мой сѣрый,
Горошекъ мой бѣлый,
Ой люли, ой люли!
Горошекъ мой бѣлый,
Люблю цябе сѣпць
При пуци, при дорозѣ,
Ой люли, ой люли!
При пуци, дорозѣ 2
При бѣлой березѣ,
Ой люли, ой люли!
При бѣлой березѣ, 2.
Петрушка молодой
Ти любишь женитца
При роду, при племени,
При родномъ же бацюшкѣ?

Послѣ многихъ подобныхъ пѣсень, когда всѣ находящіеся въ хатѣ, за исключеніемъ жениха и невѣсты, которые сохраняютъ трезвость во все время попойки, напьются до пьяна горѣлкой, назначается день свадьбы и гости, женихъ и сваты, уѣзжаютъ, сопровождаемые всѣми на улицу. При этомъ сватамъ въ шутку поютъ разныя укорительныя, нерѣдко почти ругательныя пѣсни.

б) Канунъ свадьбы (дѣвичникъ).

Накапунѣ свадьбы въ домѣ невѣсты бываетъ вечеринка (дзѣвишникъ), на которую приглашаются дѣвушки изъ всей деревни, гдѣ живетъ невѣста. Сюда является и женихъ со своими дружками. Безъ водки дѣло не обходится. На вечеринку приглашаютъ непремѣнно скомороха (скрипача) для плясокъ. Хотя молодежъ и танцуетъ, но пѣсни, распѣваемыя дѣвушками въ этотъ послѣдній вечеръ пребыванія невѣсты въ домѣ отцовскомъ, отличаются грустнымъ содержаніемъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

12.

Липушка зеленая
Всю ночку шумѣла,
Люлюшки, люлешеньки,
Всю ночку шумѣла,
Всю ночку шумѣла,
Съ листьемъ говорила:
«Лисьцики широкіе
«Будзець намъ разлука,
«Разлучуць мяне съ вами
«Все буйные вѣтры,
«Да дробные дожджики».
Авдотцюшка молодая

Всю ночку не спала,
Съ маткой говорила:
«Матушка родзимая,
«Будзецъ намъ разлука,
«Разлучаць меня съ тобой
«Князи да бояре,
«Мужички-крестьяне, —
«Молодой Петрушка».

13.

Ай по бору дороженька лежала,
Туды ѣхавъ старе́шенекъ старичекъ,
Привязавъ коня къ зелёному дубу,
А самъ пошевъ зезюлюшку слухаць.
«Мнѣ не й тыя зезюлечки кукуютць,
«Ажно свашки коровай пекуць,
«Коровай пекуць, пѣсни пѣюць».
Ай по бору дороженька лежала,
Туды ѣхавъ молодой Петрушка,
Привязавъ коня къ зеленому дубу,
А самъ пошевъ зезюличекъ слухаць.
«Мнѣ не й тыя зезюлечки кукуюць,
«Ажно дзѣвки вѣночки вьюць,
«Вѣночки вьюць, пѣсни пѣюць.

14.

Петрушка бацюшкѣ
Сонъ говоривъ.
«Разгадай, бацюшка
«Ты мой сонъ»:
«Что у нашихъ у воротъ
«Быстра рѣчушка протекала,
«А ў той рѣчушки плаўнецъ,
«А за плаўнцомъ лодочка,
«А въ той лодочкѣ маковка».
— Разгадаю сыночекъ
— Я твой сонъ;
— Быстрая рѣчушка — дорожка,
— А плаўнецъ — коничекъ,
— Лодочка — возочекъ,
— Красная маковка — Авдотка.

15.

Ай по бору дороженька чернеземъ,
Туды ѣхавъ Петру́шечка чернобровъ,
Завидзѣла Авдоточка съ церема:
«Заѣдзь 2 Петрушечка ко мнѣ въ домъ».
— Не заѣду Авдоточка къ табѣ въ домъ —
— Я не маю злата, серебра при себѣ,
— Нечимъ дарицъ родню твою и цябе.
Ай по бору дороженька чернеземъ,
Туды ѣхавъ Петрушечка чернобровъ.
Завидзѣла Авдоточка съ церема:
«Заѣдзь 2 Петрушечка ко мнѣ въ домъ».
— А заѣду Авдоточка къ табѣ въ домъ,
— Я маю злато, серебро при себѣ,
— Ёсьцъ чимъ дарицъ родню твою и цябе.

16.

По лугамъ вода йшла,
А крутымъ бережкомъ Авдотка.
«Нехай я тута утóну,
«Не застануся никóму,
«Ни свойму бацюшкѣ родному».
По лугамъ вода йшла,
А крутымъ бережкомъ Авдотка.
Утонула Авдотка, утонула, 2
Только ручками всплеснула,
Золотымъ перстнемъ блеснула.
Ой туды побѣжавъ Петрушка,
«Подавай, Авдотка. ручки мнѣ».
— На табѣ, Петрушечка, обѣи,
— Да нехай я тута не утóну,
— Я застануся табѣ одному.

17.

Во моху, моху
Журавины дробненьки.
Сваловскіе ребяты
Ой глупы дурненьки,
Не умѣли Авдотку
На церемъ водзиць, 2

Сытою поиць,
Пирогами кормиць.
Прудковскіе ребяты
Ой умны, умны 2
Да и умнешеньки:
Умѣли Авдотку
На церемъ водзици,
Хлѣбомъ кормици,
Водой поици.

18.

Якъ вылецѣвъ голубчичекъ
Съ цёмнаго лѣсу,
Якъ вывевъ же голубушку
Да за собою, за собою,
Якъ засѣвъ же тотъ голубчичекъ
Да близенько для голубки,
Зачепаець ёнъ голубку
Съ собой гурковаць:
«Голубушка моя сизая
«Погуркуемъ со мною».
— Голубчичекъ да мой сизенькій
— Не знаюсь съ тобою.
Якъ выѣхавъ да Петрушечка
Съ великаго роду,
Ёнъ вывевъ же да Авдоцюшку
За собою, за собою,
Якъ сѣвъ же ёнъ для Авдоцюшки,
Близенько для боку:
«Авдоюшка да Прохоровна,
«Поговоримъ со мною».
— Ай Петрушечка да Ивановичъ
— Не знаюсь съ тобою;
— Разузнаюся, распознаюся —
— Буду говорицъ.

19. а)

Вылетавъ соколъ
Семь луговъ,
Наломавъ стрѣлокъ
Семь пуковъ,

А всѣ стрѣлочки
Хороши,
Лучше нѣтутци
Малиновой.
Выѣздзивъ Петрушка
Семь городовъ,
Завидзѣвъ дзѣвушекъ
Семь танковъ,
А всѣ дзѣвушки
Хороши,
Лѣпше жъ нѣтутци
Авдотки,
Хоць яна маленька —
Красненька,
Межъ всѣхъ дзѣвокъ
Знáшненька.

19. б)

Якъ вылецѣвъ да соколикъ
Съ цёмнаго лѣсу,
Якъ вывсвъ же черную галочку
За собою,
А завидзѣла черная галочка
Галокъ стадо,
Якъ просилась черная галочка
У сокола:
«Пусьци-жь мяне, да сокóличекъ,
«Съ галками погуляць».
— Пусьцивши цябе, черную галку,
— Ты не придзешь,
— На мяне-жъ што на сокола
— Позабудзешь.
Якъ выѣхавъ да Петрушечка
Съ великаго рода,
Ёнъ вывезъ же Авдоточку
За собою,
Завидзѣла да Авдоточка
Дзѣвокъ танокъ,
Просилася да Авдоточка
Да у Петрушечки:
«А Петрушечка, да миленькій другъ,
«Пусьци-жь ты мяне,
«Красну дзѣвицу,
«Съ дзѣвками погуляць».
— Ай Авдоточка да Прохоровна,
— Ты не придзешь,
— На мяне, што ты на молодца,
— Позабудзешь.

Пропировавши на дѣвичникѣ до полночи, женихъ съ своими дружками уѣзжаетъ домой за благословеніемъ и чтобы приготовиться къ поѣзду къ священнику, дѣвушки же съ невѣстой остаются и не спятъ во всю ночь, проводя время въ пѣсняхъ и приготовленіяхъ невѣсты къ вѣнцу. Пѣсни эти слѣдующія:

20.

Ой съ борку, борку,
Съ пригорку,
Рубицъ Петрушка
Коморку.
Откуль ўзошла
Авдотка:
«Боже табѣ поможи,
«Петрушка!
«Руби коморку
«Щитненько,
«Просѣкай оконце
«Противъ сонца,
«Штобъ было соловью
«Куда летаць,
«А насъ молодыхъ
«Пробуждаць,
«Наша ма́тынька
«Старинька,
«Ўстанецъ яна
«Раненько,
«А къ людзямъ пойдзець
«Осудзиць,
«А моя невѣстка
«Негодзяйка,
«Бѣлъ кужель пряла —
«Дремала,
«Кросе́нцы ткала
«Ирвала.
«Моя жъ дочушка
«Досужка,
«Бѣлъ кужель пряла —
«Звенѣла,
«Кросёнцы ткала —
Гремѣла.

Ср. Бѣлор. н. п. Шейна, стр. 206 и 121, № 172.

21.

Дзѣвушки, мои подру́женьки,
Возьмице мяне подъ ру́ченьки,
Ведзице мяне на церемъ,
Посадзице мяне на дзежу,
Чешице вы мнѣ голову,
Плецице вы мнѣ русую косу,
Свейце вы мнѣ вѣночекъ,
Надзѣньце вы мнѣ на головку.

22.

Крякала сѣра уцица
На морѣ.
Плакала да Авдоточка
Въ неволѣ:

«Ой и выкупи, 2
«Мяне бацюшка,
«Мяне родненькій
«Съ неволи».
— Ой идзѣ-жъ мнѣ взяць
— Моя дзѣточка выкупу?
«Ахъ и сто рублей бацюшка
«Ў ку6лѣ».
Ой крякала сѣра уцица
На морѣ,
Ой плакала да Авдоточка
Въ неволѣ:
«Охъ и выкупи мяне матушка
«Съ неволи».
— Идзѣ мнѣ взяць, мое дзицятко,
— Выкупу?
«Охъ и въ клѣци, моя матушка,
«Въ сундуцѣ
«Охъ и сто холсцинъ, моя матушка,
«Сто холсцинъ».

23.

«Ты рѣченька, ты быстрая,
«Што не быстро цякёшь?»
— Я и такъ цяку, я и сякъ цяку,
— Да бережка не размыю,
— Да крутого не размыю,
— Я и размыю, не размыю
— На весеннюю воду.
«Ты, Грипинушка, ты молодая,
«Што не жалко ты плачешь?»
— Я и такъ плачу, я и сякъ плачу,
— Да бацюшки не разжалю,
— Я разжалю, я разжалоблю
— Въ понедѣлокъ раненько,
— Раненько встанець,
— Мяне не застанець —
— Сильно заплачець.

Если сирота, то поютъ:

24.

Цячецъ рѣчка не всколыхнетца,
Съ бережками не взровнуетца,
Жолтымъ пескомъ не замуцитца.
«Ты, Матренка, молодая
«За столомъ сидзишь, не всмѣхнешься».
— Якъ же мнѣ веселой быць,
— Наѣхало полонъ дворъ госьцей,
— Полонъ дворъ стоицъ каретъ,
— Мойго-жъ госьцика, какъ нѣтъ—такъ нѣтъ—
— Моей матушки родзимыя;
— Снарядзицъ мяне ёсьцъ кому,
— Благословицъ мяне не́кому.
— Ай запрягице коня вороного,
— Охъ и ѣдзьце-ка къ Божьей церковки,
— Ахъ ударьце-ка во большой ў звонъ,
— Разбудзице мою матушку.

Съ русск. Ср. Сахарова сказанія р. нар. т. I, кн. 3, стр. 150, № 168 и мой сб. р. н. п. ч. I, стр. 479.

25.

Ни по чемъ узнаць
По веселійку
Сиротскую свадзебку:
Пиво не пьяно,
Мёдъ не солодокъ,
Горѣлка не горька,
Го́сьци не веселые,
Не́кого наняць,
Не́кого послаць,
На той свѣтъ по матку.

«Мы наймемъ,
«Мы пошлемъ,
«Сѣрую зезюлю.
— Сѣрая зезюля
— Не долетаецъ,
— Моя матушка
— Про все знаицъ.
«Рада-бъ я встатси,
«Къ своему дзѣцяци,
«Порядочекъ даци и т. д.

26.

Грипина маци
У Бога просилась, 2
У Духа Святого,
Пусьци мяне, Боже и т. д. [1])

---

[1]) Подобныя сиротскія пѣсни и еще болѣе обстоятельныя поются на дѣвичникѣ по всей почти Бѣлоруссіи. *Ш.*

27.

Ты дуброва, ты зеленая,
Што у цябе дубья много,
Зеленаго да ни вóдного,
Отросточка нѣтъ отвóдного,
А нéкому пошумѣць,
Дубровушку взвеселиць.
— Гришиночка ты молодая,
Кажуць у цябе матокъ много,
А рóдненькой да не вóдненькой,
А и нéкому пожалѣць,
А ёсьць кому пожуриць.

Во все время пѣнія этихъ пѣсень и убиранія невѣсты къ вѣнцу, она плачетъ, а съ окончаніемъ уборки ея, кончается и дѣвишникъ. Тогда и приступаютъ къ благословенію, которымъ и начинается собственно свадьба.

в) Свадьба или вѣнецъ.

Благословеніе, называемое «радою», одинаково происходитъ, какъ въ домѣ невѣсты, такъ и въ домѣ жениха. Родители берутъ булку хлѣба, посыпанную солью и образъ, и благословляютъ ими своихъ дѣтей, которые въ это время кланяются имъ въ ноги, за тѣмъ отдаютъ этотъ хлѣбъ и образъ свахамъ или дружкамъ. Вслѣдъ за симъ дружки и свахи берутъ со стола горѣлку и пирогъ и взлѣзши на столбъ, или на перекладину, что посреди хаты служитъ для рукавицъ и шапокъ, ставятъ тамъ этотъ пирогъ и горѣлку, и оттуда во время благословенія кто нибудь изъ нихъ кричитъ:

28.

Въ этой хатцѣ
Ёсьць оцецъ и маци,
Жоночки бѣлоголовочки,
Пановья, мужовья,
Смирная бесѣда,
Иглицы, полицы,
Красивыя дзѣвицы,

Благословице.
Свадзьбу зачаць
Якъ мацъ народзила,
Такъ и благословила.

Ср. выше стр. 5.

За тѣмъ всѣ находящіеся въ хатѣ поютъ хоромъ:

29.

Божія радынька, радовалося сердынько
Петрушкино,
Божія радынька перелецѣла черезъ всю родзину
Петрушкину
Радуйся сердынько моей матушки.
Радуйся!
Тоды́ мое сердынько радовалося,
Якъ мое чадынько зарождалося,
А цяперь сердынько якъ въ унывъ пошло.

Ср. Терещенко: Бытъ русск. нар., ч. II, стр. 450.

30.

Ты святой 2 Кузьма Дземьянъ,
Скуй ты намъ свадзебку,
Вѣковѣчную, крѣпкую,
Штобъ и людзюшки не разгудзили,
Штобъ и солнышко не разсушило,
Штобъ и вѣтрики да не раздули,
Штобъ и дождзики не размочили [1]).

Когда женихъ собирается ѣхать къ невѣстѣ, чтобы потомъ отправиться къ вѣнцу, ему поютъ:

31.

Петрушка по сѣнёхъ ходзивъ,
Свойго батцюшку попросивъ:
«Станька батцюшка, очнися,
«Собирай мяне въ дорогу,
«Дай мнѣ кониковъ въ подмогу,

---

[1]) Эти 7 строкъ есть не иное что, какъ лишь незначительный отрывокъ зачинальной свадебной пѣсни, такъ называемой «*столбовой*» или «Кузьмы». Ср. выше стр. 392, 426. *Ш.*

«Дай мнѣ скакунцовъ молодыхъ,
«Дай мнѣ свашекъ пѣвуньевъ:
«Скакунцы-молодцы — братцы мои,
«Пѣвуньи свашечки — сестрицы.

А передъ самымъ отправленіемъ соединенныхъ поѣздовъ жениха и невѣсты къ вѣнцу поютъ:

32.

Што по морю, по синему
Волна бьець,
Ай по полю, по чистому,
Ирда [1]) идзець.
Петрушечка въ тэй ирдзѣ,
Привевъ ирду
Ко цесьцевому ко двору:
«Ай цещухна, да матухна,
«Ци тутъ ты?
«Ай выведзь же
«Дорогой товаръ,
«Товаръ слюбленный».
Вывела цеща
Коня вороного при сѣдлѣ:
— Ай зяцюхна, Петру́шечка,
— Ци этотъ тотъ товаръ,
— Товаръ слю́бленный?»
«Ай матухна, ай цещухна,
«Не этотъ же товаръ слюбленный»
Ай по морю, по синему
Волна бьець,
Ай по полю, по чистому,
Ирда идзець,
А въ той ирдзѣ Петрушка
Ѣдзиць впереди;
Привевъ ирду
Ко цещиному ко двору:
«Ай матухна, ай цещухна,
«Ци тутъ ты?

---

[1]) Орда.

«Ай выведзь же 2
«Товаръ дорогой,
«Товаръ слюбленный».
Вывела цёшща
Дзѣвку съ танку,
Въ золотомъ вѣнку.
«Ай цещухна, ай матухна,
«Вотъ мой товаръ,
«Дорогой товаръ,
«Товаръ слюбленный».

Затѣмъ соединенный поѣздъ невѣсты и жениха, вмѣстѣ съ пѣвуньями, свахами и дружками, при крикахъ пѣсень, отправляется въ церковь. Невѣста ѣдетъ однако отдѣльно отъ жениха на своихъ лошадяхъ. — По дорогѣ въ церковь поется слѣдующая пѣсня:

33.

Цвѣла верба зеленая
Ранымъ рано, душель мой! [1])
Зеленая, душель мой.
Пріѣхали къ вербѣ
Семьсотъ боярей.
Стали сѣчь, рубици,
Гусли дзѣлаць.
«Играйце гусли,
«Играйце звонко:
«На лужечку, на зеленомъ:
«Стоиць кузня золотая,
«А ў той кузнѣ Петрýшечка
«Куецъ коня воронóго,
«Подкуецъ же вороного,
«Якъ поѣдзиць къ вѣнчанью,
«Ко вѣнчанью, къ обрученью,
«Якъ и стануць вѣнчаци —
«Золоты персни смѣняци,
«Петрушечка ко двору ѣдзиць»;
За рѣкою за быстрою
Сѣно косивъ, коню носивъ:

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

«Ѣшь мой конь, конь вороный,
«Быць табѣ, коничекъ, въ дорозѣ,
«Подъ тымъ княземъ подъ молодымъ,
«Подъ княгиней, подъ молодою.
«Молодэй князь — Петру́шечка,
«Княгинюшка — Авдоцюшка.
«Посадзяць ихъ за престоломъ,
«Взносяць имъ разное кушанье:
«Ѣшьце, госьци молодые!»

По выходѣ изъ церкви свахи поютъ:

34.

Спасибо попу и поповичу,
Скоренько свѣнчавъ,
Немножко дзержавъ.

Невѣста съ женихомъ садятся теперь ужъ вмѣстѣ въ одну телѣгу и свадебный поѣздъ отправляется къ жениху въ домъ. По прибытіи его туда свахи поютъ:

35.

Взошёвъ мѣсячекъ
Надъ избою,
Ёнъ ўзвёвъ зореньку
За собою,
Поставивъ зореньку
Поплечъ сябѣ:
«Стой моя зоренька,
«Якъ я стою».
— Я уже, мѣсячекъ,
— Настоявся.
«Свѣци, моя зоренька,
«Якъ я свѣчу.
— Ой я уже, мѣсячекъ,
— Насвѣцився,
— По цемныхъ тученькахъ
— Находзився.
Взъѣхавъ Петрушка
На бацькинъ дворъ,

Ёнъ ўзвёвъ Авдотку
  За собою,
Поставивъ Авдотку
  Поплечь съ собой:
«Стой, моя Авдотка,
  «Якъ я стою,
«Служи, моя Авдотка,
  «Якъ я служу.
— «Ой я, молодецъ,
  — Наслужився,
— «По цемныхъ ночкахъ
  — Находзився».

36.

Ой боромъ 2
Боровинкою,
Ой хто тамъ ѣдзиць
Со лучинкою?
Ѣдзиць, не ѣдзиць
Петрушка пьяный
Ко Авдотушкѣ,
Ко своей коханой:
«Отчинись, Авдотка, 2
«Я твой коханый!» 2
— Право не о́тчинюсь,
— Бацюшки боюсь.
«Не бойся бацьки,
«Побойся мяне,
«Не также мяне,
«Што моей нагайки;
«А моя нагайка
«И бьецъ, и сяке́ць,
«На-работушку шлецъ,
«Плакаць не велицъ».

37.

Якъ пойду я по лужо́чку,
По крутенькомъ бережо́чку,
Наломаю 2 смородыни
Я не чорненькой—червонниинькой.
Наберу я 2, на берема,
Я по дворику раскидаю,
Сама-жъ стану да послухаю:
Ци жалѣиць мяне свёкорка,
Ци смородыню жалѣиць?
«А свѣтъ моя смородыня,
«Не чорнинька — червоннинька,
«Што йна́ рано заломана».
Якъ пойду я по лужочку,
По круценькомъ бережочку,
Наломаю смородыни,
Не чорнинькой — червоннинькой,
Я по двору раскидаю,
Сама-жъ стану послухаю:
Ци жалѣиць мяне бацюшка,

Ци смородыни жалѣиць?
«Ай свѣтъ моя дѣвчóночка,
«Што ёна рано заручена
«И што рано замужъ отдана» [1]).

Всѣ садятся за столъ, — женихъ съ невѣстой на кутѣ, и начинается пиршество, на которомъ горѣлки выпиваютъ не менѣе 10, а у богатаго не менѣе 25 ведеръ. Послѣ стола, наплясавшись и накричавшись вдоволь, жениха съ невѣстой запираютъ въ клѣть. А свахи и дружки, пьяные, съ раскраснѣвшимися глазами и лицами, остаются въ хатѣ и производятъ разныя безчинства. Когда же они опять захотятъ горѣлки, то отправляются въ клѣть подымать молодыхъ. Впереди идутъ *скоморохи*, играючи, за ними свахи, припѣваючи слѣдующія пѣсни:

38.

Ты крапивушка зелёная,
Ты все поле привзеленила
И всѣ сьцеженьки, дороженьки.
Распроклятая дзеревнюшка,
Гонюць коней табунами,
Одзинъ конь вороной
Напередъ идзець,
Буйну голову повѣсивши,
Ясны глазы привзаплакавши,
Нигдзѣ на ночь не допроситца.
Овса сѣна не докупитца.

39.

Бережися бѣлорыбица,
Бережися.
Ой ли лелешеньки,
Бережися!
Понаѣхали рыболовщики
Все изъ-за Дону,
Хочуць, хочуць бѣлорыбицу
Уловици,
На дзвѣнадцаць часьцей
Разсѣкаци,

---

[1]) Вѣроятно послѣдніе два стиха были пѣты такъ:
Што ёна рано заручóна
И што рано замужъ отдадзёна. *Ш.*

На дзвѣнадццаць горшковъ
  Раскладаци,
Молодую Авдоточку
  Честоваци.
Бережися Авдоточка,
  Бережися!
Понаѣхали любы госьци
  Все изъ города,
Хочуць Авдоточку
  Заручици,
Хочуць 2, Авдоткину русу косу
  Распускаци,
Подъ платочекъ
  Завязаци,
На бѣлеву китайку
. . . .
. . . .
Завыла Авдоточка
Ў три голоски,
Засвисцѣла, запищѣла
По змѣиному...

Затѣмъ отворяется клѣть, свахи входятъ и, когда находятъ невѣсту понравившеюся жениху, то продолжаютъ пѣть:

40.

Величья, наша Авдотка,
  Величья!
Узвеличила два дворы,
  Узвеличила:
Первый дворо́чекъ
  Бацюшкинъ,
Другій дворо́чекъ
  Свекровъ и т. д.

Полнѣйшій списокъ этой пѣсни см. выше, стр. 119.

А если находятъ что женихъ не въ духѣ, то поютъ:

41.

Наша Авдоточка
Пашню пахала,
На рогачь попала,
Съ рогача свалилась,
На колъ взбилась.

Ср. Бѣлор. н. п. Шейна, стр. 353.

И въ послѣднемъ случаѣ для шутки и смѣху надѣваютъ по хомуту матери и отцу невѣсты, которые сверхъ того должны еще угощать всѣхъ водкою. Затѣмъ весь свадебный поѣздъ отправляется за невѣстинымъ имуществомъ и для кутежа въ домъ невѣсты. Въ это время поютъ слѣдующую пѣсню:

42.

Стукнули возки на дворѣ.
«Поглядзи, матушка, ци не по мяне?
«По мяне, матушка, по мяне!
«Собирай, матушка, кубла мнѣ».
— Ѣдзь-ка, дочу́шка, безъ ку́бла!
— Чаму-жъ мы́чечки не скубла?
— Не сядзѣць было на печи,
— Не махаць было ногами,
— Шевелиць было руками.
— По ночлежичкамъ ходзила,
— Въ цѣсномъ мѣсьцечкѣ сядзѣла,
— Короткія ниточки водзила.

Ср. Бѣлор. н. п. Шейна, стр. 305.

Съ окончаніемъ пирушки въ домѣ невѣсты, забираютъ ея пожитки на телѣги или сани и молодые отправляются въ домъ жениха, а поѣзжане по своимъ домамъ. При томъ невѣста поетъ слѣдующія пѣсни, заканчивая ими свадьбу:

43.

Ай клёнъ же бывъ ци не дзерево?
А я-жъ, млада, ци не дзѣвушка?
Якъ выйду я да на га́ночки,
Якъ гляну я да на кра́сочки,
Играйце вы краски, играйце,
А мнѣ васъ не рваць,

Въ вѣнокъ не ввиваць;
Одзинъ было сябе свила,
Да и той не сносила,
Во церемъ положила,
Я ў церемѣ, да на дзеревѣ
Да на полицѣ,
Своей маленькой сестрицѣ.

Ср. выше, стр. 141, 7.

44.

Ой, да я не думала,
Ой, да я не вѣдала,
Што ко мнѣ сваты пріѣхали.
Яны гордые, спѣсивые,
Богатые, просмѣшливые,
Выхваляюць свою сторонушку,
Выхваляюць незнакомую:
«Ахъ, и наша-то сторонушка,
«Ахъ, и наша-то незнакомая,
«Виноградомъ поле усѣяно».
Якъ узнала я чужую сторонушку,
Якъ узнала я незнакомую, —
А и все-то поле слезами усѣяно,
А и все горемъ пригорожено [1]).

Зап. С. П. Некрасовымъ.

XXIII.

Той же губ. (уѣздъ и вол. не указаны) [2]).

Прежде браки у простого народа заключались родителями невѣсты и жениха безъ согласія послѣднихъ и о взаимномъ расположеніи ихъ не спрашивали. Ежели у отца было нѣсколько дочерей, то просить руки слѣдовало непремѣнно старшей;

---

[1]) Весьма сокращен. передѣлка съ русск. Ср. Сахарова, Ск. Р. н., т. I, кн. III, стр. 160. *Ш.*

[2]) Эта статья, появившаяся впервые въ печати почти 30 лѣтъ тому назадъ, заключаетъ въ себѣ не мало выдающихся подробностей свадебнаго обряда въ средѣ бѣлорусскаго населенія Смоленской губерніи. Подробности эти, полагаемъ, окажутся небезполезными для ученыхъ, занимающихся спеціально историко-сравнительнымъ изученіемъ этнографіи русскихъ племенъ, особливо въ провинціи. Руководствуясь желаніемъ представить въ своемъ сборникѣ какъ можно бо́льшее количество достовѣрныхъ данныхъ для означеннаго способа изученія изо всей обширной области бѣлорусскихъ говоровъ, я не могъ удовольствоваться однимъ лишь указаніемъ на существованіе въ печати приводимой статьи, тѣмъ болѣе, что изданія, въ которыхъ она была помѣщена (въ 1862 г. она была перепечатана г. Цебриковымъ въ его «Матеріалахъ» по Смоленской губ.) сдѣлались почти библіографической рѣдкостью. Остается только пожалѣть, во-первыхъ, о томъ, что г. Невѣровичъ не указалъ, изъ какой именно мѣстности и какимъ путемъ онъ добылъ матеріалы для своей статьи, а во-вторыхъ, что онъ не сохранилъ вполнѣ оттѣнковъ бѣлорусской рѣчи. Кромѣ того пѣсни напечатаны весьма небрежно съ частыми колебаніями въ способѣ ихъ буквеннаго изображенія, что̀ и повторено въ перепечаткѣ г. Цебрикова. Мы старались, по возможности, исправить то и другое, какъ и нѣкоторыя довольно рѣзкія неровности въ слогѣ. *Ш.*

сватать же младшую значило бы безчестить семейство. Въ настоящее время[1]) большею частію женихъ и невѣста другъ друга знаютъ и ихъ желаніе или нежеланіе вступить въ бракъ принимается иногда въ уваженіе родителями или родственниками, которые являются въ свадебныхъ обрядахъ, преимущественно въ сватовствѣ, главными дѣйствующими лицами. Имъ довѣряется смотръ жениха и невѣсты, окончательное изъявленіе согласія на бракъ и условіе о приданомъ.

Церемоніальному сватовству, предшествуетъ предварительный сговоръ — *подбарышекъ.* Отецъ жениха, или уполномоченный отцемъ, братъ или другой родственникъ жениха отправляется къ родителямъ невѣсты, заводитъ разговоръ о разныхъ разностяхъ и наконецъ объявляетъ причину своего посѣщенія. Въ случаѣ согласія родителей невѣсты, сваты, осмотрѣвъ ее, уѣзжаютъ, предварительно условившись о времени для осмотра жениха. Этотъ осмотръ разительно сходенъ съ осмотромъ невѣсты. За осмотромъ послѣдняго назначается день окончательнаго сговора — *барышей.* Они заключаются въ переговорахъ съ родителями невѣсты о приданомъ и о подаркахъ. По опредѣленіи условій того и другого, обѣ стороны бьютъ по рукамъ, молятся, и затѣмъ уже родители невѣсты изъявляютъ полное согласіе на бракъ. Во время барышей женихъ присылаетъ въ домъ родителей невѣсты водку. Невѣста даритъ жениху черезъ его свата полотенце, а женихъ черезъ того же свата отдариваетъ невѣсту деньгами. Кромѣ того отцу жениха приносится отъ невѣсты въ даръ нѣсколько аршинъ холста. Во время обмѣна подарками жениха и невѣсты приглашенныя на вечеръ родственницы и сосѣдки поютъ:

Ай сяння жъ у насъ заручeнки
Богъ давъ и т. д.

Когда сваты и родные невѣсты запиваютъ водкою дары и согласіе на бракъ, пѣсенницы поютъ:

---

[1]) Статья написана, какъ указано выше, въ 50-хъ годахъ. *Ш.*

1.

Пойду я по улицы,
Два двора минуючи,
А ў трецьемъ дворѣ
Стану да послухаю, 2
Што людзи говорюць,
Ци не судзяць бацюшку,
Бацюшку ро́днаго?
«Пропоецъ, пропоецъ
«Ее родной бацюшка!
«Пропивъ свое чадынко
«На горѣлкѣ горькой,
«На меду солодкомъ».
Выйду я, выйду
И стану на га́ночки;
Тамъ я посмотрю,
Посмотрю на кра́сочки.
«Расцвѣтайце кра́сочки!
«Мнѣ васъ ужъ не рваць,
«Въ вѣнки не виваць,
«На головку не вскладаць».

За сговоромъ условливаются съ священникомъ, который будетъ вѣнчать, и при этомъ дарятъ ему курицу или пѣтуха. Потомъ въ установленный на послѣднемъ сговорѣ (барышѣ) день, въ домѣ родителей невѣсты готовятся къ пріему жениха, а женихъ въ домѣ своихъ родителей готовится къ отъѣзду, въ домъ невѣсты. На совѣщаніяхъ назначаютъ не только день брака, но и число гостей со стороны жениха. Обыкновенно со стороны послѣдняго бываютъ: дружко, поддружье, подженишникъ (шаферъ) и свашки, а со стороны невѣсты тѣ же лица, съ тою только разницею, что вмѣсто подженишника бываетъ подневѣстница. Наканунѣ свадьбы въ домахъ жениха и невѣсты, вѣнчающихся первымъ бракомъ, поютъ: *Кузьму*. Пѣсню эту не могутъ пѣть вдовцы и вдовы. Поющіе *Кузьму* становятся на *полъ* (возвышенное мѣсто возлѣ печи, гдѣ спятъ), предъ ними на столбѣ кладутъ пирогъ. Невѣста и ея родные начинаюць выць (рыдать), а пѣсенники затягиваютъ:

2.

Домъ священный,
Хозяинъ хрещенный,
Ци есть ў этой хацѣ
Отецъ и мацъ?
Благословице
Пѣсню запѣць,
Свадзебку заиграць!
Я ў вашемъ дому́,
Якъ лебедзь на Дону́:
Лебедзь окунёцца —
Прочь полециць,
А я тутъ останусь
Бесѣду заводзиць.
Цётки, дзядьки,
Госьци пріѣзжіе,
Сусѣдзи приближенные. —

Благословице!
Ребятки, золотыя пятки,
Благословице!
Дзѣвицы-пѣвицы,
Пирожныя масьцерицы,
Горшешныя пагубницы,
И вы благословице!
Мацъ Пречистая народзила
И давно благословила.
Воколо двора, двора (имя отца невѣсты)
Пролегали сцеженьки,
Торныя дороженьки.
А по первой сцеженькѣ
Самъ Господзь Богъ шовъ,
По другой же сцежинькѣ
Мацъ Пречистая шла,
А по трецей сцежинькѣ
Шовъ Кузьма-Дземьянъ.
Ахъ да мое сердынько
Тройжды радовалось:
А ў первый разъ
Яно радовалось,
Якъ моя чадынька
Еще нарождалась;
Ў другій же разъ
Яно радовалось,
Якъ моя чадынька
Хрестомъ охресцилась;
А ў трецій разъ
Яно радовалось,
Якъ моя чадынка
Замужъ снаряжалась
И потомъ вѣнчалась.
Святый Кузьма-Дземьянъ!
Скуй намъ свадзебку,
Свадзебку крѣпкую,
Долговѣшную,
На вѣки не разлушную!

Ср. выше, стр. 392, 426 и 448.

Послѣ этой пѣсни приступаютъ къ другимъ. Затѣмъ женихъ готовится къ отъѣзду за невѣстой. Предъ отъѣздомъ садятся всѣ за столъ, а свашки начинаютъ пѣть:

«Стой, не стой вербушка» и т. д. или:
«Не сѣдзи бебря въ березѣ» и т. д.

См. выше, стр. 324 и 395 въ выноскахъ.

3.

Ахъ да ходзиць молодзецъ,
Ходзиць вокругъ столика, 2
Ў рукахъ шапку дзержиць, 2
Идзець бацюшку просиць:
«Не побавъ мене, бацюшка,
«Не побавъ тутъ много;
«Моя цеща грóзна,
«Не пусьциць ў дворъ пóзно,
«Не дасьць дочки скоро».

4.

Полно цебѣ, молодзецъ,
Тутытка бесѣдовацъ:
Твои ужъ скрыпочки
Давно перейгрались,
Молодыя свашечки
Давно перепѣлись,
Вороные коники
Стоя пержались,
Хомуты и шлеи
На ихъ ўсе порвались.
«Бывъ бы здоровъ мой бацюшка,
«Будуць у мене
«Кони перемѣнны,
«А шлеи, хомуты —
«Всѣ будуць ременны».

Ср. Бѣлор. н. п. Шейна, стр. 466—7.

5.

Не паси коня,
Коня ў лугахъ,
Не кладзи сѣдла,
Сѣдла подъ ку́стомъ,

Не вѣшай узды,
Узды на кусьцѣ.
Поспѣшай ты къ цещѣ,
Скорѣй на вечерю;
Для цебе вечеря
Дороже обѣда.

Затѣмъ встаютъ изъ за стола, молятся. Отецъ и мать благословляютъ жениха образомъ, хлѣбомъ и солью, а женихъ послѣ благословленія выходитъ съ поѣзжанами изъ избы.

Во время выхода свашки поютъ:

6.

Поѣдзешь ты, чадо мой,
Поѣдзешь ты ў суглядзи,
Не глядзи ты, чадо мой,
Ни на золото, ни на серебро,
Поглядзи на N (имя невѣсты):
На лицо яна бѣлёшенька,
На станъ становёшенька,
На работу людзи хваляць,
Про обычай Богъ знаець.

7.

N (имя жениха) по сѣнюшкамъ ходзиць,
Свойго бацюшку будзиць:
«Встань, бацюшка, встань,
«Сходзи къ ковалю.
«Не куй, не куй, бацюшка,
«Золота ножа,
«А подкуй ты, бацюшка,
«Ворона коня.
«Золотому ножу
«На столѣ лежаць,
«Вороному-жъ коню
«По дорогѣ бѣжаць.
«Цеща послышиць —
«Готовацца будзець,
«А невѣста послышиць —
«Снаряжацца будзець.

Между тѣмъ въ домѣ родителей невѣсты идутъ приготовленія къ свадьбѣ и къ пріему жениха. Невѣста плачетъ, а свашки поютъ ей пѣсни:

8.

Не стрѣляй N (имя жениха)
Сокóлика ў полѣ,
Стрѣльни, стрѣльни N (имя невѣсты)
На цесцьевомъ на дворѣ.
На цесцьевомъ на дворѣ
Три сторожки стояць:
Первая сторожка
У воротъ стоиць,
Другая-жъ сторожка
Середзи двора,
А трецін сторожка
На ганочкахъ стоиць.
А сама ужъ цещинка
Ждзець на переходзѣ,
Дзержиць бѣлъ сахаръ,
Бѣлъ сахаръ на блюдзѣ,
Дзержиць зрѣлы ягодки,
Дзержиць на тарелочкѣ.
«Ахъ да сокоцися
«Бѣлъ-сахаръ съ малиной,
«Сойдзись, сойдзись N (имя жениха),
«Сойдзись ты съ N (имя невѣсты)».

9.

«Поле, поле чистое!
«Да ци маешь коники?»
— Маю, маю я коня,
— Коня злóго, якъ орла,
— Не стыдно проѣхаць,
— Королю съ королевой.
Королёчикъ нашъ,
Королевна наша!

Дорогою пѣсни не умолкаютъ. Поютъ обыкновенно слѣдующія пѣсни:

10.

Не жарко горнць лучинушка,
Не жалко плачецъ дзѣвушка.
Не разжалила никóго,
Ни своего бацюшки родного,
Ни своей матушки родной.
«Захочу разжалю
«И выплету уплетъ
«Я зъ русынькой косы;
«Выплету, повѣшу
«Уплетъ на приклѣць,
«А вѣнокъ на тынокъ,
«Куды бацюшкѣ ў клѣць ходзиць,
«А государынѣ матушкѣ — слѣдъ лежиць.
«На вѣнокъ заглянецъ — цяжело вздохнецъ,
«На уплётъ заглянецъ — горько заревецъ,
«Мене, молоду, вспомянецъ
«И не разъ со слезами скажецъ:
«То моей дочýшки качаецця уплетъ,
«То моя дочушка у дзѣвкахъ носила,
«Ў дзѣвкахъ носила, подворье красúла,
«Подворье красила, семью веселила.

Ср. Бѣлор. н. п. Шейна, стр. 327.

11.

«Куды вишенка нахúнулась
«Черезъ тынъ на улицу?»
— Не сама я нахинулась,
— Нахинули вишенку
— Буйные вѣтры,
— Дробные дождзи.

«Куды молода задумала
«Изъ своей сторонушки?»
— Не сама я задумала,
— Задумалъ мой батюшка,
— Загадали людзи,
— Добрые сусѣдзи.

12.

Пошелъ виноградъ
По закустовью,
Сцелючи листочки
По сырой землѣ.

Пошла молода
По застоликамъ,
Сцелючи скацерци
Ўсѣ бѣлёвыя,

Роняючи слёзы,
  Ўсѣ горючія.
Слезыньки со скацерци
  Да не ко́цюцца,
Дзѣвушки отъ бацюшки
  Да не хочецца.
Слезынки со скацерци
  Струйкой покацились,
Дзѣвушкѣ отъ бацюшки
  Видно захоцѣлось

13.

Шла дзѣвушка съ поля,
  Несла кра́сочки ў приполѣ,
Завила дзѣвушка вѣночекъ
  На широкомъ столѣ,
На широкомъ столѣ,
  На бѣлевой скацерци.
Свивши вѣночекъ,
  Ўзела покацила:
«Кацись, мой вѣночекъ,
  «Кацись подъ порогъ;
«Кацись прямо къ бацюшкѣ,
  «Прямо подъ ножки.
  «Ты подай мнѣ бацюшка,
  «Подай мнѣ вѣночекъ!»
— Не подамъ, дочушка,
  — Не подамъ вѣночекъ:
— За слезами не вижу,
  — За жалосьцью рукъ не двину.

Продолженіе этой пѣсни состоитъ въ обращеніи съ такими же выраженіями къ матери.

14.

Затужилась дзѣвочка,
Што рано зимонька напала,
Подъ снѣгомъ рутынька завяла.
Зачувъ, завидзѣвъ дзѣвушку
До́брый молодзецъ.
«Не хлопоцися, дзѣвочка,

«Я ў торгу побывавъ,
«Тамъ цебѣ вѣночекъ
«Я самъ сторговавъ:
«Головку наклонишь,
«А его не сронишь;
«Подруженьки придуць,
«Вѣнку не снимуць,
«Вѣтри́къ повѣець,
«Его не свѣсць,
«Солнышко встанець,
«Вѣнокъ не завянець,
«Дождзичекъ пойдзець,
«А вѣнка не смоець».

15.

Синія воблоки
По тучамъ пошли,
Молодая дзѣвушка
На думахъ засѣла.
Думаець думушку,
Думушку крѣпкую:
Какъ пристаць ей, горькой,
Ў чужіе людзи,
Какъ бацюшкой свекра,
А свекрову матушкой
Стаць называць.
Припаду я, молодая,
А ужъ припаду,
Припаду я ластушкой,
Къ землѣ припаду,
И лютаго звѣра
Назову я бацюшкой,
А лютую свекровушку
Назову я матушкой.

Ср. выше, стр. 406, 6.

16.

На дворѣ снѣжочекъ
Сыпкомъ сыплець,
По двору дзѣвочка
Дыбкомъ дыблець.
«Охци мнѣ, Боже мой!
«Видно война ѣдзець;
«Защици, мой бацюшка,
«Щитомъ ворота,
«Ўпусьци, ты бацюшка,
«На дворъ воды подъ щитъ».
— Дурочка, ты глупочка!
— Щитъ ены разломюць,
— Щитъ ены разломюць,
— Коней ў плынь пусьцюць,
— Сами ў бродъ пойдуць,
— И мене старую
— Тогда развоюють,
— А цебе, молоду,
— Ў плѣнъ полонюють.

17.

Ранымъ рано по зари
Да не въ трубочку трубили.
Ранымъ рано по зари
Плакала дзѣвочка
По русой по косѣ и т. д. [1]).

Такъ какъ свадьбы большею частью устраиваются чрезъ мѣну дѣвокъ одного селенія на дѣвокъ другаго и такъ какъ поэтому нередко, въ одно и тоже время бываетъ два жениха и двѣ невѣсты, то дѣлается предварительно условіе, чтобы поѣзды жениховъ

[1]) Эта пѣсня поется, и въ лучшихъ варіантахъ, на свадьбахъ во всей средней полосѣ Великороссіи, поэтому мы сочли лишнимъ выписать ее всю. *Ш.*

ѣхали за невѣстами разными дорогами, но отнюдь не одною во избѣжаніе встрѣчи, которая, по мнѣнію народа, въ подобныхъ случаяхъ предвѣщаетъ несчастіе. Поѣзду жениха, на пути его чрезъ деревню *закидываютъ зайца*, т. е. бросаютъ шестъ, переѣхать чрезъ который никакъ нельзя, не заплативши предварительно надлежащаго выкупа: деньгами или водкой. Тоже повторяется и при поѣздѣ жениха съ невѣстой въ церковь.

Когда женихъ съ поѣздомъ приближается къ деревнѣ, въ которой живетъ невѣста, свашки поютъ:

18.

N (имя невѣсты) матушка высылала:
«Ты выйдзи, матушка, послухай:
«Ци *рехицць* дорога широкая?
«Ци скрипяць са́ночки-малива́ночки?
«Ци звеняць подковы золотыя?
«Ци поюць свашечки молодыя?»

Въ деревню и на дворъ невѣсты они въѣзжаютъ тоже съ пѣснями:

19.

Лецѣвъ соколикъ
Чрезъ три бора,
Чрезъ четыре;
Ў четвертомъ бору́
Ёнъ сѣвъ на клену́.
Коло его пташечки
Ўсе полётавали.
«Штожъ цебѣ, соколе,
«Сподобало тута?
«Ци ёлка, ци сосна,
«Ци бѣлая берёза?»
— Сподобало мнѣ тута
— Сѣрая зезюля.
Ѣхавъ, ѣхавъ N (имя жениха)
Черезъ три села,
Черезъ четыре;
Ў четвертомъ селѣ
Ёнъ ставъ на дворѣ.
Коло его свашечки
Ўсё поскакивали
Да спрашивали:
«Што цебѣ N
«Сподобало тута?
«Ци мёдъ, ци пиво,
«Ци горькая горѣлка?»
— Сподобала мнѣ тута
— Молодая N (имя невѣсты).

Ср. Бѣлор. н. п Шейна, стр. 459.

20.

По морю, по синему,
Волна синяя бьецъ,
По полю, по чистому
Орда сильная идзецъ,

А ў той ордзѣ
Молодзецъ ў передзѣ,
Прибиваецца ёнъ
Къ цесьцеву двору.
«Цесьцонько, мой бацюшка,
«Выйдзи къ намъ скорѣй,
«Выведзи товаръ,
«Товаръ дорогой,
»Дорогой, злюбовой!»
Ёнъ вышёвъ и вывёвъ
Ворона коня
Изъ-подъ сѣдла.
«Зяцинька, дзицянька!
«Ци этотъ товаръ?»
— Цесьцонька, мой бацюшка!
— Не этотъ товаръ.
По морю, по синему
Волна синяя бьецъ,
По полю, по чистому
Орда сильная идзецъ,
А ў той ордзѣ
Молодзецъ ў передзѣ,
Прибиваецца ёнъ
Ко цещину двору.
«Цещинька, матушка,
«Выйдзи къ намъ скорѣй,
«Выведзи товаръ,
«Товаръ дорогой,
«Дорогой, злюбовой».
Яна вышла и вывела
Имъ корову за рога.
«Зяцинька, дзицинька!
«Ци этотъ товаръ?»
— Цещинька, матушка,
— Не этотъ товаръ.
По морю, по синему,
Волна синяя бьецъ,
По полю, по чистому,
Орда сильная идзецъ,
А ў той ордзѣ
Молодзецъ ў передзѣ,
Прибиваецца ёнъ
Къ шурьякновому двору.
«Шуренька мой, браценька!
«Выйдзи къ намъ скорѣй,
«Выведзи товаръ,
«Товаръ дорогой,
«Дорогой, злюбовой».
Ёнъ вышёвъ и вывёвъ
Молодую N (имя невѣсты)
За бѣлую ручку.
«Зяценька, мой браценька,
«Во, этотъ товаръ!»

Ср. выше, стр. 449.

21.

Ай сватъ, сватушка,
Пусьци насъ въ избу,
А на твоемъ зяцюшкѣ
Ўсе сукно смякнецъ.
И къ стру́менькамъ ноженьки
Крѣпко не прилипнуцъ,
А къ уздынькѣ ручецьки
Вобѣ попримерзнуцъ.
Ай сватъ, сватушха,
Пусьци насъ въ избу:
Ужь подъ коника вѣтры
Стали подвиваць,
Ужь коника стала
Дрожь пронимаць.

Пока свашки поютъ, дружко, который долженъ быть порядочный краснобай, отправляется въ избу къ отцу невѣсты просить позволенія обогрѣться и переночевать. «Нейдзѣ» отвѣчаютъ

ему: «у насъ госьци». Дружко выходитъ изъ избы и чрезъ нѣсколько минутъ возвращается съ тою же просьбою. Ему снова отказываютъ. Дружко приходитъ въ третій разъ, истощаетъ все свое краснорѣчіе, разсказываетъ о своемъ путешествіи съ товаромъ по разнымъ городамъ, далекимъ странамъ, гдѣ онъ искалъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ, но не нашелъ; проситъ убѣдительно сжалиться надъ нимъ, увѣряя, что заплатитъ за ночлегъ. Наконецъ его впускаютъ въ избу. Въ это время свашки со стороны невѣсты поютъ:

22.

Дружко ў избу лѣзець,
Ў печь поглядаець и т. д. [1])

Между тѣмъ на дворѣ стоитъ женихъ съ своими свашками, которыя поютъ:

23.

Цемно ў лозѣ, не видно,
Цемнѣй у свата на дворѣ;
Бояре ворота обняли,
Не такъ обняли, што облегли,
Торгуючи N (невѣсту) молоду.
«Торгуйся, бацюшка, торгуйся,
«Да великой цѣны дзержися,
«Сталенаго города запроси.
«Сталёный городъ не цѣна,
«И я цебѣ, бацюшка, больше не слуга,
«А слуга я N (имя жениха)».

Съ окончаніемъ этой пѣсни дружко выходитъ изъ избы за женихомъ и его поѣзжанами: вводитъ ихъ въ избу, гдѣ невѣста сидитъ за столомъ, на почетномъ мѣстѣ, *на куть*, подъ иконами, окруженная своими поѣзжанами и родными. Музыканты въ это время играютъ. На накрытомъ бѣлой скатертью столѣ поставлены щи, лапша, пироги, жареныя курицы, тѣсто изъ пшеничной муки, приправленное мелко изрѣзанными кусками свинаго сала или баранины и т. д. Дружко обращается къ сидящимъ за столомъ съ

[1]) Эта шуточная пѣсня поется на свадьбахъ, съ незначительными измѣненіями, почти по всей Бѣлоруссіи. *Ш.*

просьбою пустить жениха съ поѣзжанами за столъ, и подноситъ имъ водку. Выпившіе выходятъ, а не пившіе занимаютъ ихъ мѣста. Такимъ образомъ дружко долженъ напоить всѣхъ гостей невѣсты и тогда только жениху съ поѣзжанами уступается мѣсто за столомъ. Уступившіе свои мѣста выходятъ, если можно, въ другую избу. Давши время жениху съ его поѣзжанами занять мѣста, дружко начинаетъ кашлять и проситъ водицы промочить горло. Дѣвушки, если онѣ выходили въ другую избу, снова появляются и поочереди подносятъ ему воды. Но вода оказывается ему не по вкусу: то она горька, то солона, то кисла, то нечиста. Наконецъ ему невѣста подноситъ воду, смѣшанную съ золою, пескомъ, углями и т. п. Онъ похваливаетъ, говоритъ, что никогда не пилъ такой славной воды и даетъ пробавать жениху и прочимъ поѣзжанамъ. Дѣвушки, подносившія дружкѣ водку, отъ него и жениха съ поѣзжанами получаютъ въ подарокъ деньги. Эти подарки даются по условію, сдѣланному на сговорѣ, во время барышей. Женихъ, кромѣ того, что даритъ невѣсту деньгами, даетъ еще роднымъ ея пряники, а стороннимъ приглашеннымъ на свадьбу, мыло. Невѣста же даритъ жениху, дружку, подженишнику по полотенцу, а свашкамъ по нѣсколько аршинъ холста. Полученное въ подарокъ полотенце дружко надѣваетъ черезъ плечо. Во время раздачи подарковъ свашки припѣваютъ:

24.

Спасибо цебѣ, N (имя невѣсты),
За твои подарки:
Тонко пряла,
Часто ткала,
Бѣленько бѣлила
И насъ, свашекъ, дарила.

По размѣнѣ подарками, невѣста, молча и опустивъ голову, садится рядомъ съ женихомъ. Усаживая невѣсту, стараются, чтобы они сидѣли, какъ можно ближе другъ къ другу, чтобы между ними не могло ничто пройти. Простой народъ вѣритъ, что если между женихомъ и невѣстой нарочно продернетъ руку или что-нибудь другое, то будетъ разладъ въ супружествѣ. За общимъ

столомъ женихъ и невѣста не ѣдятъ. Свашки продолжаютъ пѣть. Вотъ одна изъ пѣсенъ, которую поютъ въ то время, когда женихъ и невѣста съ поѣзжанами сядутъ за столъ:

25.

Кацилася грушка
Съ макушки,
Просилася дзѣвушка
У своихъ подружекъ:
«Пусьцице мене, молоду,
«Пусьцице изъ застолья,
«Пусьцице оглядзѣць
«Бацькино подворье».
Кацилася шишечка
Кацилася съ елочки:
«Не кидайце мене, молоду,
«Не кидайце женочки!»

Поужинавъ, встаютъ изъ за стола, благодарять отца и мать, а свашки въ это время поютъ:

26.

Спасибо цебѣ, матушка,
За твою хлѣбъ-соль.
Не придзецца мнѣ больше
За твоимъ столомъ ужь быць;
Побуду госьциной
И скажу спасибо.

Затѣмъ отецъ и мать выходятъ изъ избы на дворъ; дружки выводятъ свои поѣзды. На дворѣ сводятъ жениха и невѣсту. Послѣдняя при этомъ старается, какъ будто нечаянно, наступить жениху на ногу, полагая, что чрезъ это она получитъ власть надъ нимъ. Во время этой церемоніи припѣваютъ:

27.

Свився хмѣль съ овсомъ,
Спознався зяць со тесьцемъ и т. д.

По окончаніи же этой пѣсни, свашки, не входя въ избу, бьютъ въ ладоши, пляшутъ и поютъ:

28.

Дураки, мужуки,
Упусьцили ры́бочку
Бѣлокры́лочку.
Поѣхали ў городъ,
Побывали ў рынкѣ,
Купили пеньки
На три рубли,
Сдѣлали сѣточку,
Сѣточку пенько́вую,
Закинули ў рѣченьку,
Ўпусьцили рыбочку,
Бѣлокрылочку.
А вумные мужуки
Поѣхали ў городъ,
Закупили шо́лку,
А изъ того шолку
Сдѣлали сѣточку,
Сѣточку шолко́вую,
Закинули ў рѣченьку
И поймали рыбочку,
Бѣлокрылочку.
Ены́ думали, што рыбочка,
Што то бѣлокрылочка,
Ажну вышла дзѣвочка,
Вышла чернобровочка.

Послѣ свода всѣ, а женихъ съ невѣстой взявшись за руки, возвращаются въ избу съ пѣснями:

29.

Вылецѣвъ голубочикъ
Зъ цёмнаго лѣса
И вывевъ голубку
Ўмѣсьцѣ съ собою.
«Нутка голубка
«Погуркуемъ цеперь!»
— Отойдзи, голубчикъ, —
— Не знаю цебе,
— А когда узнаю,
— Тогда погуркую.
Выѣхавъ молодчикъ
Зъ великого роду
И вывезъ молодку
Ўмѣсьцѣ съ собою.
«Нутка, молодка,
«Поговоримъ цеперь!»
— Отойдзи прочь N (имя жениха),
— Не знаю цебе,
— А когды узнаю,
— Тогды погово́римъ.

Окончивъ эту пѣсню, вновь садятся за столъ и свашки начинаютъ пѣть слѣдующую пѣсню:

30.

Цихонькій Дунай
По песочку бѣгиць,
NN (женихъ невѣсту)
За ручку ведзець.
«Пойдземъ N (имя невѣсты)
«Дунаю глядзѣць».
— Бацюшки боюсь.
«Не бойся бацюшки,
«А бойся мене.
«Бацькина гроза,
«Якъ утрення роса,
«А мой же *грозъ*,
«Якъ лютый морозъ, —
«Не такъ бойся мене,
«Што нагайки моей:
«Нагайка моя
«Бьець и журиць,
«Плакаць не велиць.

Затѣмъ отецъ и мать отправляютъ жениха и невѣсту въ сопровожденіи родныхъ и поѣзжанъ ужинать въ подклѣть. Всю ночь веселятся: пьютъ, пляшутъ, музыканты со скрыпкою и волынкою, а свашки съ своими пѣснями не умолкаютъ ни на минуту. На слѣдующій день готовятся къ вѣнцу. Братъ, а если его нѣтъ, то кто-нибудь изъ родственниковъ, расплетаетъ невѣстѣ косу и, держа въ рукѣ ножъ, грозитъ отрѣзать ее. Дружко жениха вступается за невѣсту: сначала грозитъ расплетающему палкою, потомъ переходитъ къ просьбамъ и успѣваетъ наконецъ умилостивить его деньгами. Когда молодая почти готова къ отъѣзду подъ вѣнецъ, начинается одариваніе. Каждый изъ присутствующихъ даритъ что-нибудь невѣстѣ. Дружко при этомъ провозглашаетъ: «Дарице молодого князя и княгиню! «Хто будзець дариць, тотъ будзець семи коровъ доиць, а хто не будзець дариць

тотъ не будзець и доиць». Свашки при каждомъ подаркѣ припѣваютъ:

31.

Раступицесе бояре,
Идзець матушка съ дарами.
Цемись, цемись N (имя невѣсты),
Чѣмъ цебѣ дариць:
Ци бѣлой намёткой?
Ци славной китайкой?

Эта пѣсня поется и другимъ изъ дарящихъ, замѣняя только слово матушки названіемъ другаго изъ присутствующихъ, смотря по тому, къ кому оно должно относиться.

Предъ самымъ отъѣздомъ къ вѣнцу, всѣ садятся и, посидѣвъ нѣсколько минутъ, встаютъ, молятся, а отецъ и мать благословляютъ невѣсту и жениха. Отецъ держитъ въ рукѣ образъ, а мать — хлѣбъ-соль. Женихъ и невѣста по три раза кланяются до земли отцу и матери и цѣлуютъ образъ. Когда невѣста кланяется своимъ родителямъ, свашки поютъ:

32.

Благослови, матушка,
Ў чужи людзи ици,
Благослови долею,
Долею счастливою.

Эта пѣсня также поется и другимъ, замѣняя слово *матушка* именемъ отца и другихъ родныхъ, благословляющихъ невѣсту. Затѣмъ сестра невѣсты или другая родственница беретъ булку хлѣба и образъ, которыми благословили невѣсту, и везетъ ихъ съ собою въ церковь, и оттуда въ домъ жениха. Невѣста плачетъ и выходитъ изъ избы, а свашки поютъ:

33.

Жаль, жаль мнѣ цебе,
  Моя матушка,
Остаецца у цебе
  Только рута-мятушка.

Ты вставай, матушка,
Вставай раненько,
Поливай руту-мятушку,
Поливай часценько.
Ранними, поздними
Какъ и зарями

Польешь ты ее
Своими слезами,
Завтра ты встанешь,
Мене не найдзешь,
Горько заплачешь,
А мене не вéрнешь.

Невѣста садится въ сани или телѣгу. Отворяются ворота и поѣздъ не успѣваетъ еще тронуться съ мѣста, какъ свашки затягиваютъ:

34.

У воротъ береза стояла,
Ворота вѣтками заслала,
Туда N (имя невѣсты) въѣзжала
И верхъ той березы сломала.
Стой, моя березынька,
Стой цеперь безъ верху.
Живи, мой бацюшка,
Цеперь безъ мене,
Безъ кóсынки русой, —
Безъ моей косы.

Едва поѣздъ тронется, какъ дружко жениха останавливаетъ его и возвращается въ избу за *яловицсю*. Тамъ въ это время дѣлаютъ *сливины*, т. е. привезенную съ собою водку сливаютъ съ водкою родителей невѣсты для угощенія ея родныхъ. При этомъ дружко говоритъ родителямъ невѣсты: «отдали дочу́шку, дайце-жъ и целу́шку». Въ отвѣтъ ему даютъ перепéчь, а родные невѣсты снаряжаютъ *вечернихъ свашекъ*, для отвоза постели невѣсты въ домъ жениха. По пріѣздѣ туда, онѣ поютъ:

35.

Прислала насъ маци
Ни пиць, ни гуляци,
А бѣлое ложе слаци
На цесовой кроваци.

Дружко, окончивъ между тѣмъ сливины и угостивъ родныхъ невѣсты, возвращается къ поѣздамъ, которые отправляются въ

церковь въ слѣдующемъ порядкѣ: поѣздъ жениха, дружко и *подружье*, женихъ и *подженишникъ*, у нихъ *повозникъ* (кучеръ), свашки; потомъ поѣздъ невѣсты: дружко и *подружье*, невѣста съ подневѣстницей, у нихъ *повозникъ* и свашки. Послѣ вѣнца новобрачные садятся уже въ одни сани или телѣгу и отправляются въ домъ родителей молодого, за ними слѣдуетъ весь поѣздъ. Едва успѣютъ выйти изъ церкви, какъ свашки запоютъ:

36.

Радъ, радехонекъ нашъ N (имя молодого),
Што ў церковкѣ побывавъ, и т. д.

Во всю дорогу свашки неумолкаемо поютъ пѣсни. Подъѣзжая къ дому, онѣ поютъ слѣдующую:

37.

Хушь мы ноченьку не спали,
Да добраго челядзина дождались:
Добрый челядзинъ Ванюша,
Добрая челядка Алёнушка.

Останавливаясь у воротъ, онѣ пѣсней вызываютъ свекровь:

38.

Растворяйцеся вороты,
Раздвигайцеся верея:
Ѣдзець княгиня богатая.
Выходзи свекровь горбатая
Стрѣкаць невѣстку богатую,
Выходзи свекровь носатая
Стрѣкаць невѣстку счастливую.

За этимъ чрезъ пылающій костеръ, куда молодая между прочимъ бросаетъ деньги, въѣзжаютъ на дворъ при слѣдующей пѣснѣ:

39.

Взъѣхавъ, взъѣхавъ нашъ...
Да на бацькинъ дворъ,

И привезъ ёнъ N (имя молодой)
Умѣсьцѣ съ собою.
Стань моя N
Поплечь со мной,
Служи бацюшкѣ,
Бацюшкѣ мойму,
Служи ему вѣрнѣй,
Вѣрнѣй за мене.

Между тѣмъ является свекровь и встрѣчаетъ молодыхъ въ вывороченной шубѣ съ рѣшетомъ на головѣ и съ ведромъ браги въ рукѣ. Она потчуетъ ихъ съ поѣзжанами брагою, а они, только прикоснувшись къ кружкѣ губами, выливаютъ брагу за себя. Изъ рѣшета же, наполненнаго овсомъ и хмелемъ, она обсыпаетъ новобрачныхъ. За это дружко преслѣдуетъ свекровь съ плетью въ рукахъ, приговаривая: «зачѣмъ ты засорила молодыхъ?» Пока все это происходитъ, свекоръ стоитъ съ хлѣбомъ-солью; къ нему вскорѣ присоединяется и свекровь. Молодые, три раза поклонившись имъ, входятъ въ избу, гдѣ садятся за столъ. Свашки кричатъ:

40.

Король, король!
Королевскій сынъ,
По полю ѣдзець —
Василёчкомъ сце́лецца,
А ў вороты ѣдзиць —
Воронымъ конемъ хвалицца,
Ў избу входитъ —
Молодымъ княземъ кажецца,
А за столъ садзицца, —
Княгинею хвалицца.

Затѣмъ садятся за столъ и обѣдаютъ. Молодые сидятъ рядомъ и ничего не ѣдятъ: ложки, лежащія передъ ними, остаются нетронутыми. Молодая все время сидитъ, склонивъ голову. Дружко между тѣмъ беретъ ложку каши, пробуетъ ее, похваливаетъ и подноситъ молодой. Она, не говоря ни слова, выры-

вастъ у него изъ рукъ ложку съ кашею и бросаетъ на печь или за печь. Во время обѣда играютъ скрипачъ, волынщикъ, а свашки поютъ:

41.

Ай шутъ подманщикъ
 Иванушка,
Подшуцивъ, подманивъ
 Алёнушку:
«Перейдзи, Алёнушка
 «На мою сторону,
«На моей сторонѣ
 «Не такъ, какъ у васъ:
«Возяць на гору
 «На волахъ воду,
«А ў котлахъ обѣдаць
 «Ўсѣ у насъ варяць,
«Дождзичкомъ чистымъ
 «Ложечки моюць,
«Вѣтрикомъ цеплымъ
 «Избы метуць».
— И дзѣ-жъ твои, Иванушка,
 — Волики стояць?
— И дзѣ-жъ твои, Иванушка,
 — Коцелки висяць?
«Дурочка ты,
 «Глу́почка,
«На моей сторонѣ
 «Ўсё какъ у васъ:
«Носюць на гору
 «На плечахъ воду́,
«А ў горшкахъ обѣдаць
 «Ўсѣ у насъ варяць».

Предъ окончаніемъ обѣда поютъ:

42.

Ци слѣпы дружки,
Ци не видзѣли —
Молодая молодого
Подъ бокъ толкаець,
Подъ бокъ толкаець,
Ў клѣць гукаець.

Вслѣдъ за этимъ выходятъ изъ-за стола. Дружко и свашки провожаютъ молодыхъ въ клѣть, гдѣ прибывшими туда заблаговременно *вечерними* уже приготовлена постель. Старшая изъ свашекъ раздѣваетъ молодую и укладываетъ въ постель. Музыканты продолжаютъ играть или въ сѣняхъ, или въ избѣ, а вечернія пляшутъ и поютъ:

43.

Ўся-жъ наша родня
 Гуляець на волѣ,

Одна только Алёнушка
Сидзиць ў неволѣ,
Сидзиць ў неволѣ,
Ў свекровиной коморѣ.

Какъ только молодые оставятъ клѣть, туда входятъ музыканты, свашки и вечернія, тамъ играютъ, поютъ и пляшутъ и затѣмъ дружко и свашки ѣдутъ въ домъ родителей молодой съ знаками ея непорочности; съ ними-жъ ѣдетъ и молодой благодарить тестя и тещу и приглашать ихъ къ себѣ на другой день. По возвращеніи оттуда, попойка, пляска и пѣсни начинаются снова, при чемъ *вечернія* снимаютъ съ молодой вѣнокъ и повязываютъ наметку или платокъ, припѣвая:

44.

Учора-жъ у насъ морозъ бывъ,
А сяння у насъ иней павъ,
Не на землю ёнъ павъ,
Да на Алёнушку.

Остальныя затѣмъ пѣсни въ это время большею частью неблагопристойнаго содержанія, такъ какъ поются пьяными бабами. Когда же молодая окажется нецѣломудренною, то вечернихъ прогоняютъ и поютъ:

45.

Ахъ матушка, матушка,
Ўся женняя родня,
Пора ее матушка
Жердью со двора.

При этомъ прибавляютъ такія ругательныя, нескромныя выраженія, отъ которыхъ, какъ говорится, уши вянутъ. Иногда, впрочемъ, по желанію молодого или изъ особеннаго уваженія къ отцу и матери молодой, хотятъ скрыть нецѣломудренность молодой, но пьяныя свашки, если не пѣснями, то приговорками и тѣлодвиженіями обнаруживаютъ истину. Этимъ оканчивается первый день брака.

На другой день, прежде чѣмъ молодые встанутъ, свашки поютъ:

46.

Што это у насъ
Коло клѣци стучиць?
Невѣстку свекровь
Стала будзиць:
«Встань же, встань,
«Ты дочýшка моя!
«Ужь и куры встали,
«Взошла бѣлая заря».
— Я-жъ тыхъ куръ
— Да не слыхивала,
— Я-жъ тыхъ зорь
— Да не глéживала,
— До бѣлаго свѣта
— Пролéживала.
Сыночекъ мой
У воротъ стоиць,
У воротъ стоиць,
На все глядзиць.
Сыночка жена,
На цебе ждала,
На цебе ждала
Перемѣны себѣ.
Свекровь ведзерцы взяла,
Съ ними по воду пошла.
«Не тряссу [1]) трясешь,
«Сама принесешь.
«Женочка моя,
«Не холопка твоя.»

Послѣ этого молодая выходитъ изъ клѣти, ее встрѣчаютъ слѣдующей пѣсней:

47.

Летала павушка
По крутой горѣ,
Роняла перушки
По зеленой травѣ.
Не жаль же мнѣ той павушки
И перушковъ ея,
Жаль же мнѣ бацюшки,
Што далече отъ мене.
Родный мой бацюшка
Провѣдай мене,
Какъ я, молода,
На чужой сторонѣ.

За этимъ молодая беретъ ведра и въ сопровожденіи свашекъ и родственниковъ отправляется за водой къ ближайшему источ-

---

[1]) Не *трясца* ли, т. е. лихорадка? *Ш.*

нику (или къ рѣкѣ, когда нѣтъ послѣдняго). За нею слѣдуютъ музыканты и раздаются пѣсни:

48.

Ў понедзѣлокь рано
  Сине море гуляло,
Да бѣлая рыбка
  Ў водзѣ играла.
Молода съ ведзерцами
  По воду пошла,
По воду пошла
  И водзицу брала,
А ў свою сторонку
  Ўсё поглядала:
«Ци не ѣдзиць бацюшка,
  «Ци не везець выкупъ?
«Ци не выкупиць ёнъ
  «Мене, молоду,
«Съ чужоі стороны,
  «Со свекровиной коморки».

49.

Погнали молоду́,
  Погнали по̃ воду́,
Побила молода
  Ведра на леду́.
Ее матушка бранила.
  Што ведзерцы побила.
«На кого дочу́шка
  «Ты такъ заглядзѣлась,
«Ци на коня вороно́го,
  «Ци на Ванюшку молодо́го?
— Мой Иванушка бондарь:
— Ёнъ обручики цесовые набьецъ.
— Ёнъ почопочки шелковыя совьецъ».

По возвращеніи отъ источника, молодая наливаетъ воду въ кружку, подноситъ гостямъ, которые за это дарятъ ее деньгами. Послѣ этого, молодая начинаетъ печь блины, или правильнѣе, дѣлать видъ, будто печетъ: на горячую сковороду набросаетъ золы, овса, мякины и всю эту смѣсь ставитъ на столъ гостямъ. Всѣ похваливаютъ и дарятъ ее снова.

Къ обѣду являются приглашенные молодымъ тесть и теща и приносятъ съ собою водку, пирогъ, баранину и прочее, однимъ словомъ все, что позволяетъ ихъ достатокъ. Теща накрываетъ столъ своею скатертью, а свашки между тѣмъ припѣваютъ:

50.

Снимайце скацерци пенькóвыя,
Цеща засьцелиць намъ шелкóвыя.

Когда садятся за столъ, то свашки затягиваютъ слѣдующую пѣсню:

51.

«Матушка моя,
«Я цеперь ужь не твоя!
«Матушка моя,
«Государыня моя,
«Возьми ты мене
«Снова къ себѣ!»
— Дзиця мое, дзицятко,
— Дзиця дорогое!
— Я-бъ рада взяць,
— Да воля не моя.
— Ци будзешь такова,
— Якъ учора была?
«Я учора была,
«Якъ роза цвѣла,
«А сяння стала
«Якъ рута завяла.
«Я учора была
«Красною дзѣвицню,
«А сяння стала
«Молодзицею».

Молодая принимаетъ не только прозвище мужа, но и имя его отъ крещенія (съ суфик. женск. рода — ха), такъ жена Прокопа (Прокофія) — Прокопиха, жена Самуся (Самуила) — Самусиха, Змитрока (Дмитрія) — Змитрочиха, Тимохи (Тимоѳея) — Тимощиха, Микипора (Никифора) Микиториха и т. п.

Изъ статьи г. В. Невѣровича: «О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ крестьянъ бѣлорусскаго племени, населяющ. Смоленск. губ.», помѣщенной въ Памятной книжкѣ этой губ. на 1859 г., стр. 169—202.

XXIV.

Тверской губ., Ржевск. уѣзда, с. Бобровки и окружный его околотокъ [1]).

Къ одному и тому же крестьянину ходятъ свататься раз два, или три. Отецъ невѣсты, по обычаю, никогда при первом

[1]) Предѣлы области говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія простираются, какъ извѣстно, гораздо дальше и шире административнаго очертанія территоріи, занимаемой бѣлоруссами. Бѣлорусская рѣчь и въ настоящее время, какъ извѣстно, почти нерушимо преобладаетъ не только во многихъ уѣздахъ Смоленской, но и въ пограничныхъ съ Бѣлоруссіей уѣздахъ Псковской, Тверской, Калужской, Орловской и Черниговской губерній. (См. Отчетъ отдѣленія русской слов. и языка за 1877 годъ академика А. Ѳ. Бычкова въ Сборникѣ отдѣл., т. 18-й стр. XX).

Такъ какъ всѣ попытки мои добыть изъ указанныхъ мѣстностей данныя изъ круга свадебныхъ обрядностей и пѣсенъ рѣшительно не удались, то я увидѣлъ себя вынужденнымъ пополнить отчасти этотъ крупный пробѣлъ тѣми немногими фактами, которые я нашелъ у другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ мѣстныхъ собирателей прежняго времени.

Изъ сообщенныхъ здѣсь отрывка изъ статьи отца Разумихина и пѣсенъ Суражскаго уѣзда г. Л. читатель безспорно замѣтитъ поразительное сходство, почти тождество обрядовъ и языка пѣсенъ изъ Ржевскаго и Суражскаго уѣздовъ съ однородными данными предлежащаго сборника. Остается только пожалѣть, что при пѣсняхъ изъ послѣдняго уѣзда нѣтъ описанія свадебнаго обряда.

Способъ буквеннаго изображенія звуковъ мѣстной рѣчи гг. Разумихина и Л.... я сохранилъ неприкосновеннымъ (за исключеніемъ только неударяемаго о, которое въ той и другой мѣстности, по передачѣ названныхъ собирателей, звучитъ вполнѣ, какъ *а*). Это я счелъ необходимымъ для соображенія лингвистовъ-физіологовъ. Достойно пристальнаго вниманія то обстоятельство, что ржевскій собиратель передаетъ мягкое бѣлорусское т не черезъ *ц*, какъ обыкновенно, а черезъ *тс*. Любопытно тутъ то, что этотъ чисто бѣлорусскій звукъ совершенно такимъ же образомъ отражается въ слухѣ и другихъ, какъ прежнихъ, такъ и современныхъ мѣстныхъ собирателей памятниковъ народнаго творчества. Такъ, напр., означенный звукъ передается въ свадебныхъ пѣсняхъ изъ Бѣлоруссіи у Терещенко (Бытъ Русск. н., ч. II, стр. 461 *) — 469); такъ онъ изображенъ въ нѣкоторыхъ имѣющихся у меня записяхъ мѣстной рѣчи учениковъ одной учительской семинаріи и сельскихъ училищъ и, наконецъ, онъ находится въ оригиналѣ всѣхъ пѣсенъ, сообщенныхъ въ описаніи г. Некрасова. *Собиратель Ш.*

«Околотокъ, къ которому относятся наблюденія автора, сколько можно судить по названіямъ селъ и деревень, встрѣчающимся въ сообщаемомъ здѣсь этнографическомъ описаніи, обнимаетъ, приблизительно, юго-западную четверть Ржевскаго уѣзда. Самое село Бобровки (на картѣ Шуберта: Шипшковъ-Бобровка) расположено въ юго-западной части уѣзда».

Послѣднее примѣчаніе принадлежитъ редакціи Этнографич. Сборника.

*) Ошибочно напечатано 561

сватовствѣ не соглашается выдать свою дочь въ замужество, хотя бы онъ этого и желалъ. Такъ водится, чтобы показать, что отецъ выдаетъ свою дочь не охотно.

Сначала бываетъ рукобитье. Оно происходитъ такъ: отецъ жениха приходитъ къ отцу невѣсты, приноситъ штофъ вина и пирогъ, и послѣ привѣтствія начинаетъ такую рѣчь: «ну *зватъ*[1]), тсяни столъ на кутъ, я (= а) ву миня горѣлка и пирогъ тутъ, давай мы *свадзъбу*[2]) свою скряпимъ». Послѣ этихъ словъ подается и кушанье (столъ) и отецъ жениха угощаетъ отца невѣсты, съ слѣдующею приговоркою: «нутка, зватушка любезный, прошу водку моей кушатсь, да моихъ ряци́въ добрыхъ слушатсь». Затѣмъ такимъ же образомъ и съ такою же приговоркою онъ угощаетъ сватью и все семейство. Наконецъ является невѣста, которой даютъ стаканчикъ вина, положивъ въ него денежный подарокъ— четвертакъ или полтинникъ, смотря по состоянію. Она выпиваетъ вино и вынимаетъ подарокъ, а въ замѣнъ его даритъ отцу жениха три ширинки, то есть три небольшихъ холстинныхъ платка. Этимъ рукобитье и кончается.

Въ день самой свадьбы, утромъ, бываетъ такой обрядъ:

Собираются всѣ родные и знакомые, и изъ нихъ избирается дружко отцемъ жениха. Какъ скоро онъ избранъ, его сажаютъ въ переднiй уголъ, и отецъ обращается къ нему съ такою рѣчью: «я табѣ даю яднаго, а ты привядзи мнѣ пару». Дружко отвѣчаетъ: «ни яднаго, ни пару, а я привяду табѣ троихъ и цатсвёрыхъ». — «Не надобитсь мнѣ» говоритъ на это отецъ жениха, «ни трёхъ, ни цатсвёрыхъ, а надобитсь мнѣ пару: троихъ и цатсвёрыхъ яны сами наживутсь». — Ну, ладно, говоритъ дружко — дзядзюшка старай! привядзёмъ табѣ пару.

Послѣ этого отецъ жениха замолкаетъ, а дружко начинаетъ

---

[1]) Когда послѣ *с* стоитъ *в*, то *с* всегда почти произносится какъ *з*, напримѣръ: звиданне, вм. свиданіе, звиння, вм. свинья и т. п. *Р.*

[2]) Это слово и далѣе вездѣ изображено черезъ *с*. Чѣмъ объясняется противорѣчіе сейчасъ указанному правилу, г. Разумихинъ не говоритъ. *Ш.*

говоритъ такъ: «ёсьли у нашаго князя молодого батсюшка роднэ́й, матушка родная? бласловится нашаго князя молодого прибутсь, придзѣтсь, прирядзитсь, обрядъ положитсь, бѣлъ цулокъ, сахьянъ сапогъ, кунню шубу, соболлю шапку, гарцовай (гарусный) подпоясатсь, шалко́вую петлю застсябатсь» (застегнуть). Затѣмъ отводятъ жениха въ другую избу, гдѣ его и наряжаютъ. Когда его нарядятъ, приносятъ сковороду, и на нее ставятъ его обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за невѣстою — не менѣе 6-ти или 7-ми человѣкъ вмѣстѣ съ женихомъ — становятся вокругъ него на сковороду, только правыми ногами. Послѣ этого всѣ, стоявшіе на сковородѣ цѣлуютъ образъ, причемъ дружко говоритъ: «ну, цалуйтсе Божіе милосердіе, щобъ стоятсь другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь каплю (т. е. каплю крови)». Все это, какъ видно, составляетъ у нихъ родъ присяги. По совершеніи этого обряда, всѣ опять идутъ въ избу, гдѣ собраніе, въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ съ образомъ тысяцкій — крестный отецъ жениха или невѣсты, за нимъ женихъ, потомъ дружко, а за нимъ поѣзжане, которые ѣздятъ съ женихомъ за невѣстою. Войдя въ избу, они останавливаются посреди ея, и дружко начинаетъ такую рѣчь: «Ти ёсь у нашаго князя молодого батсюшка родзимой, матушка родзима? Благословитсе насъ за столы дубовые, за скатсирьтси браныи, за напитки пьяныи, за ѣства саха́рныи». Послѣ этого всѣ садятся за столъ и дружко продолжаетъ: «Агапъ Кузьмицъ, Агапъ Кузьмицъ! (имя женихова отца), подзь сюда къ намъ, скажи намъ, що у васъ будзитсь: хлѣбъ съ соллю, аль бласловле́нне, аль кликанне?» Отецъ жениха отвѣчаетъ: «кликанне». — «Ну, коли такъ — говоритъ дружко — такъ пожалуйтсе намъ златоя блюдо, шолко́вый платъ, золотую казну збиратсь». Ставятъ на столъ блюдо и дружко начинаетъ *кликанье.* Сначала кличетъ отца женихова такъ: «ну, батсюшка родзимай, вскорміў ты цада милая, дзитсяс свое родзимая» таперь проситсь нашъ князь молодэй, а твой сынъ роднэй сладкимъ мёдомъ, низкимъ поклономъ, щобъ зелена́ вина выпіў, да веселъ ты быў; я (а) нашаго

князя сярябромъ надзяліў, да родзитсяльскимъ бласловленнемъ». Отецъ выпиваетъ поднесенный ему стаканчикъ вина и даритъ жениха деньгами, которыя кладетъ на блюдо. Потомъ дружко такимъ же порядкомъ вызываетъ всѣхъ родныхъ и сосѣдей и наконецъ спрашиваетъ: «ўсѣль?» Отецъ отвѣчаетъ: «ўсѣ».

По окончаніи кликанья, дружко обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «тсихая бясѣда, веселая игриня, гостсики званыи, браныи (избранные)! Ти нѣтъ такихъ охотниковъ изъ молодыхъ рябятъ (молодыхъ холостыхъ мущинъ) пѣсню сыгратсь, звадьбу нацатсь, было бъ поцёмъ пиръ спознатсь?». Молодые холостые парни отвѣчаютъ: «гостсики браные! знаимъ мы пѣсни и голосные и плясовыи, какую вамъ пѣсню сыгратсь?» Дружко говоритъ: «нѣтъ, плясовыхъ намъ не надо, а сыграйтсе намъ пѣсню голосную: Басла Божа (благослови Боже), Божунька». — «Знаимъ мы ету пѣсню» отвѣчаютъ холостые, «да дорого яна стоитсь: сто рублёў дзенегъ, три скирды сѣна, двадцатсь ковригъ хлѣба, да двадцатсь цатсвертсей овса; насъ двадцатсь пятсь цаловѣкъ игряцовъ, мы людзи заѣжжіе, ётсимъ корьмимся мы и поимся». «Нѣтъ, много такъ», говоритъ дружко, «вы и тутъ пѣтсь не станитсе, и ў другомъ мѣстси прозѣваитси, а вотъ штохъ горѣлки, пива много, да какъ сумы два пирога». Пѣвцы на это соглашаются, становятся на скамью и говорятъ: «Нужъ давайтси пива много, да какъ сумы два пирога». И имъ даютъ два пирога. За симъ они начинаютъ такую рѣчь: «ти ёсь в'нашаго князя молодого батсюшка роднэй, матушка родная, сестрицы родзимы, брайцыки родзимы и госьтсики званыи, браныи? Блаславится нашему князю молодому пѣсинку сыгратсь, свадзьбу поцатсь, было бъ поцомъ пиръ спознатсь, а намъ низкій поклонъ отдатсь». На это всѣ кричать: «Богъ бласловитсь, Богъ бласловитсь». Тогда пѣвцы поютъ слѣдующую пѣсню:

1.

Баслави Боже, Божунька,
Свадзьбу игратсь, заигрыватсь!

Свадзьбу игратсь такого-то (имя жениха),
Пиво питсь N (имя отца женихова),
Пироги йсь N (имя матери жениховой).
Ну дай же намъ, Божунька,
Ўсимъ людзёмъ на зависъ,
Батьски съ маткой на ра́дось.
А двумъ молодымъ
На любовь, на совѣтъ
И на долгій вѣкъ.

Полный текстъ этой пѣсни см. выше, стр. 392, 426 и 458.

Во время пѣнія этой пѣсни, одинъ изъ пѣвцовъ держитъ въ рукахъ два небольшихъ пирога и бьетъ ихъ одинъ объ другой, по окончаніи же ея онъ бросаетъ къ порогу, гдѣ ихъ подхватываютъ ребятишки. У жениха женщины поютъ затѣмъ еще слѣдующую пѣсню [1]):

2.

Затопися банюшка,
Разгорися каминки!
И расплацься, молодзитсь!
И по волѣ батскиной,
И по нѣгѣ маткиной,
По своимъ русымъ кудрямъ [2])

У невѣсты поютъ эту же пѣсню, измѣняя только послѣдній стихъ такъ: «По своей русой косѣ».

Послѣ того наступаетъ обѣдъ, который начинается слѣдующими словами дружка: «ну батьски мои родзимои, молодою дали мнѣ, таперь дайтси водки, пива сколькп нада, сорокъ сорокоў, (у) большихъ пирогоў, а малинькихъ змѣту нѣту, да тысяцу ложикъ». Когда дружка это скажетъ, собираютъ на столъ, и всѣ

---

[1]) Надобно замѣтить, что всѣ эти обряды во время свадьбы совершаются въ одно и тоже время и у жениха и у невѣсты, безъ измѣненій, только съ примѣненіемъ къ полу. *Р.*

[2]) Эти немногіе стихи составляютъ отрывокъ изъ прекраснаго цѣлаго у Сахарова т. I, кн. III, стр. 195 и въ моемъ Великор. сб. ч. I, стр. 462, 485 и 495. У настоящихъ бѣлоруссовъ въ свадебномъ ритуалѣ не встрѣчается обряда веденія въ баню. *Ш.*

становятся вокругъ него, а онъ снова говоритъ: «людзи добраи, разумнаи, распривкрасныи, прявумныи, и батсюшка родзимай (такой-то) зъ ма́тушкой родзимой (такой-то)[1]) бласловится насъ за столы дубовые, за скатсирьтси браныи, за напитки пьяныи, за ѣствы сахарныи, хлѣба-соли кушатсь, да добрыхъ ряцовъ слухатсь». Всѣ кричатъ: «Богъ бласловитсь!» и усаживаются за столъ.

По окончаніи обѣда, благословляютъ жениха. Благословеніе начинается такими словами дружка: «ти ёсь ли въ нашаго князя новображнаго (такого-то) раднэй батсюшка? Подь сюды, выступи, бласлови насъ на добра коня сѣсь, ў цисто поле выѣзжатсь, съ буйнымъ вятро́мъ воеватсь, въ зелёныи дубровы, въ соборной черькви статсь, златъ вянецъ полуцатсь, сваво сужану понятсь (взять), Божій за́канъ принятсь». На эти слова выходитъ отецъ и благословляетъ жениха. Такимъ же образомъ дружко вызываетъ и всѣхъ родныхъ. Потомъ обращается онъ къ гостямъ и говоритъ: «госьтси званыи, браныи, веселая игреня (игрище), тсихая бясѣда, уштсиваи жо́ны, поцотныи мужья, малаи рябяты; ўсѣ бласловится нашаго князя молодо́го! а хто ни бласловитсь, тому своихъ дзятсѣй ни бласловлятсь, своихъ сыновъ ни жанитсь, доцо́къ замужъ ни даватсь». На это всѣ кричатъ: «Богъ бласловитсь, Богъ бласловитсь, Богъ бласловитсь»! Послѣ благословенія жениха, всѣ поѣзжане выходятъ на дворъ, имъ предшествуетъ дружко съ образомъ. Вышедши, они становятся среди двора, а дружко, обращаясь къ отцу и матери жениха, говоритъ: «Пожалуйтсе намъ куль хмѣлю, да цатсвярикъ яцмѐню». Мать выноситъ нѣсколько хмѣлю и ячменю. Тогда дружко съ образомъ, а мать съ хмѣлемъ и житомъ обходятъ кругомъ всѣхъ поѣзжанъ, и мать всякому изъ нихъ бросаетъ въ шапку по нѣскольку хмѣлю и ячменю, для того, чтобы молодымъ богато и весело было жить. Затѣмъ отецъ и мать жениховы даютъ дружкѣ вина, пива, пирогъ, кусокъ мяса, и поѣзжане отправляются за невѣстою

---

[1]) **Если у жениха, или у невѣсты нѣтъ отца или матери, или того и другой, то мѣсто ихъ заступаютъ ближайшіе родственники, хозяинъ и хозяйка того семейства, въ которомъ они живутъ.** ***Р.***

Пріѣхавъ къ воротамъ ея дома, поѣзжане останавливаются. Дружко сходитъ съ саней, или съ телѣги, подходитъ къ воротамъ, у которыхъ уже стоитъ сватъ (отецъ невѣсты) и обращается къ нему съ рѣчью: «Зватушка любезнай! Мы совѣтъ совѣта́ли, и слова́ клали, и Бога цаловали; у насъ ёсь князь молодэй, а у тсебя княгиня молодая; а лю́бы госьтси — примитсе, а не любы — назадъ пошлитсе». Сватъ отвѣчаетъ: «милостси просимъ» и при этихъ словахъ отворяетъ ворота, въ которыя всѣ, какъ сидятъ, въѣзжаютъ въ саняхъ, или на телѣгахъ, и остаются, не слѣзая съ нихъ и на дворѣ, кромѣ дружки и крестнаго отца женихова, которые, вмѣстѣ со сватомъ, идутъ въ избу. Входя въ нее дружко говоритъ: «Здрастуй, зватушка любезнай, зваттюшка любезная! ти ждали вы гостсей къ сабѣ, и какъ мы таперь сходзитца изволимъ на хлѣбѣ-соли?» Сватъ говоритъ: «милостси просимъ, а пожалуйтсе хлѣбъ-соль свою, съ цѣмъ вы къ намъ пріѣхали?» «У насъ хлѣбъ-соль своя ёсь», отвѣчаетъ дружко, — «сійцасъ принясёмъ» и выходя изъ избы, говоритъ: «просшайтси, ўпярёдъ дожидайтси!» Дружко беретъ изъ саней, или телѣги, ведро пива, а тысяцкій ковригу (хлѣба) и съ этимъ опять входятъ въ избу. Въ тоже время и дружко съ невѣстиной стороны беретъ тоже ведро пива, а тысяцкій хлѣбъ. Тѣ и другіе обходятъ три раза кругомъ, другъ около друга, и затѣмъ крестные отцы мѣняются хлѣбами, а дружка, попивъ одинъ у другого пива, сливаютъ его въ одно мѣсто. Послѣ этого обряда, дружко съ жениховой стороны говоритъ дружку съ невѣстиной стороны: «нутка зватушка любезной, покажи-тка намъ свою невѣсту!». «А вы», говоритъ невѣстинъ дружко, «покажьтсе намъ свойго молодо́го». «Молодо́го свойго», говоритъ первый, «мы сійцась привядзёмъ, а отъ васъ що будзитсь милостси, мы трохи подождзёмъ». «Милостси просимъ» говоритъ второй, «приводзи́тся». Первый дружко, вводя въ избу жениха, говоритъ: «вотъ мой князь молодэ́й, отсецкій сынъ роднэ́й, бизъ хромоты́, бизъ худоты́, бизъ ўся́кія боли. Ну, покажьтежъ вы невѣсту?» Второй дружко́, указывая на четырехъ дѣвицъ, которыя съ невѣстою сидятъ за столомъ

съ закрытыми лицами[1]), говоритъ: «вотъ вамъ три и патыри, избирайтся сами любую, тае́ или другую». «Нѣтъ, зватушка (такъ обыкновенно называютъ дружки другъ друга) — возражаетъ первый дружко: вы насъ въ обманъ ни вводзится, а нашу княгиню молодую привядзитси». Послѣ этихъ словъ выводятъ изъ за стола невѣсту, и въ то время, когда она сходится съ женихомъ, оба (женихъ и невѣста) всячески стараются прежде наступить другъ другу на правую ногу правою же ногою. Какъ скоро они сойдутся, женщины поютъ:

3.

Ягода зъ ягодой сокатсили,
Ягода ягоду за руку ўзяли.

Послѣ этого стиха, дружко жениховъ, обращаясь къ отцу и къ матери невѣсты, говоритъ: «зватушка любезной и затьюшка любезна! пожалуйстси намъ стола, у насъ хлѣбъ соль своя». «Милостси просимъ», отвѣчаетъ сватъ: «извольтси садзитца». Дружко продолжаетъ: «зватушка любезной, зваттюшка любезна! пожалуйтси намъ шубу, которую старай дзѣдъ носiў сто сорокъ лѣтъ и износу нѣтъ». Ему даютъ шубу; онъ разстилаетъ ее за столомъ на лавкѣ, шерстью вверхъ, сажаетъ на нее жениха и, посадивъ, говоритъ: «зватушка любезной! отъ звата любезнаго (т. е. женихова отца) дано намъ много хлѣба и соли, горѣлки вядро и пива мно́го, сорокъ сороковъ большихъ пироговъ, а маленькихъ и змѣту нѣту. Зватушка любезной и зваттюшка любезна! Просится нашъ князь *новображный* съ княгиняй новображняй ко бѣлому сыру и цы́стому серебру, вина, пива кушатсь; коли будзитсе — скажи́тси, а ня будзитси — откажи́тси». Послѣ этого бываетъ угощеніе сыромъ, виномъ и пивомъ, а затѣмъ обѣдъ невѣстинъ. Между тѣмъ женщины поютъ:

---

[1]) Нужно замѣтить, что лицо невѣсты съ этого времени и до пріѣзда послѣ вѣнца постоянно бываетъ закрыто большимъ платкомъ и раскрывается только на время совершенія брака. *Р.*

4.

«Ни ляжи бобрá ў крутсѣй берегў,
«Ни сидзи такой-то (женихъ) ў цужомъ пиру, и т, д. [1]).

Ср. выше, стр. 394.

Послѣ этой пѣсни, отправляются къ вѣнцу, а ѣдучи оттуда, поѣзжане поютъ:

5.

«Охъ вы соколы, соколы, 2
«Далёко ли вы лётали?» 2
— А мы лётали, лётали, 2
— Да и съ моря на моря. 2
«А кого-жъ вы видзѣли?« 2
— А мы видзили, видзили
— Сѣру вутсицу въ зáводзи.
«Отъ цаго-жъ ни поймали?» 2
— А мы пóйматсь ня пóймали, 2
— Сиза перья рóщипли, 2
— Горюцýю кровь пролили. 2
«Ахъ вы бояры, бояры!
«А куды жа вы ѣздзили?»
— А мы ѣздзили, ѣздзили
— Да изъ города нá городъ. 2
«А кого жа вы цули, видзѣли? 2
— А мы видзили, видзили, 2
— Красну дзѣвицу въ тсерими. 2
«Отъ цаго ее нé взяли?» 2
— А мы ўзятсь её нé взяли, 2
— Русу косу рóспляли,
— Горюціи слёзы пролили. 2

Послѣ вѣнца всѣ ѣдутъ въ домъ жениха. Отецъ и мать его, одѣвшись въ шубы, вывороченныя шерстью вверхъ, выходятъ съ хлѣбомъ и солью за ворота и здѣсь встрѣчаютъ молодыхъ. Но-

[1]) Еще передъ отъѣздомъ къ вѣнцу невѣстинъ дружко даритъ жениховыхъ поѣзжанъ, отъ имени невѣсты, бѣлыми утиральниками, приговаривая: «Вотъ, наша молодая не спала, но пряла, да ткала, дары вышивала, да вашу милость дарила». Нужно замѣтить, что дружко не отдаетъ утиральники поѣзжанамъ въ руки, но поизываетъ имъ черезъ правое плечо и подъ лѣвую пазуху; съ этой перевязкой они ѣдутъ и къ вѣнцу. *Р.*

вобрачные при этомъ обыкновенно кланяются имъ въ ноги, а они благословляютъ ихъ и даютъ имъ хлѣбъ съ солью, который молодые должны нести вмѣстѣ, правыми руками. Когда они входятъ въ избу, дружко невѣстинъ, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, говоритъ: «Зватушка любезной, званттюшка любезна! пожалуйтси намъ стола, у насъ хлѣбъ-соль своя». «Милостси просимъ, отвѣчаетъ сватъ, извольтся садзитца». Затѣмъ точь въ точь повторяется описанное выше, но угощеніе бываетъ уже невѣстино. Молодые здѣсь хотя и садятся за столъ, но почти уже не сидятъ на мѣстѣ, ибо должны постоянно вставать и кланяться тому, кого дружко вызываетъ и угощаетъ отъ ихъ имени. Послѣ угощенія, дружки́ берутъ молодыхъ подъ руки, выводятъ ихъ изъ за стола и раскрываютъ голову и лице невѣсты двумя пирогами, съ слѣдующею приговоркою:

6.

Хороши новы избы подъ кровомъ,
А лучши за того наша княгиня безъ покрова.

Затѣмъ всѣ гости садятся за столъ и обѣдаютъ, молодые же обѣдаютъ въ особой избѣ.

Во время обѣда, послѣ свадьбы, женщины, собравшись у порога, поютъ слѣдующія пѣсни:

Молодымъ:

7.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тсёмнаго,
Изъ садзику зеленаго, 2
Вылетала тамъ стадо гуси́ноя,
А другоя лебядзиноя,
Отставала лебедушка и т. д.

См. выше 411—12.

Если у одного изъ молодыхъ нѣтъ отца, или матери, или нѣтъ вовсе родителей, то имъ поютъ слѣдующую пѣсню:

8.

«Ахъ ты ёлка ялу́шицка! 2
«Золотая маку́шицка, 2

«Ти ўсё-ль твое вѣтвица, 2
«Ти ўсё-ль пособрано?
«Да ў купу положано?»
— Вотъ ўсё мое вѣтвица, 2
— Только нѣту макушицки, 2
— Золотэй вярхушицки. 2
— Ахъ звѣтъ Сидоръ Ивановичъ (имя жениха 2.

Или:

«Марря [1]) Ивановна (имя невѣсты),
«Ти ўси-ль твой родъ-плямя́, 2
«Ти ўси-ль посо́брались?» 2
— Вотъ ўсѣ мои гостсики, 2
— Да ўсѣ посо́брались, 2
— Тольки жъ нѣтъ кормильца-батсюшки, 2

Или:

— Кормилицы-матушки. 2

(Ср. выше, стр. 395, 403 и мой Сборникъ великор. пѣсенъ, ч. I, стр. 457).

Или, если нѣтъ ни того, ни другой:

— И родной моей матушки.
— Знарядзитсь мяня ёсь кому, 2
— Бласловитсь мяня не́кому. 2
— Бизъ родзимаго батсюшки.

Или:

— Бизъ роднэй матушки.

Подкняжему поютъ:

9.

На подкняжемъ плаття
И [2]) зелена синя,
Ўсё златомъ шита,
Камкою покрыта, 3
Тавтою подбита,
Бобромъ опушо́на, 2
Только яму звѣту
При въ городзи житси, 4

[1]) Вѣроятно, Марья. *Ш.*
[2]) Вѣроятно: изъ. *Ш.*

Вояводой слытси,
Суды разсужатси, 2
Дзѣла разбиратси, 2
Бояръ разряжатси:
Который похудши —
Поѣдзь по уѣзду, 2
Который полуцци —
Того по приказу.
Стсяханушка (имя подкняжаго) догадаўся,
Въ приказу остаўся, 3
Казной расцитаўся. 2

Изъ поѣзжанъ, женатому поютъ:

10.

Горностай Сергѣюшка (или иначе),
Горностай Ляксѣивицъ, 2
Горда яго бояраня, 2
Да и Анна Андреивна! (или иначе)
Ницаго ня взлюбила: 2
Що ни пива пьянаго, 2
Ни вина зялёного, 2
Тольки взлюбила яна 2
У Сергѣя на руцки спатсь, 2
На рукѣ на правинькой, 2
У сярдзецка у здравинька, 2
А ляжитсь, какъ ко́пацка, 2
А дышитсь, какъ ду́шацка. 2
Вотъ душокъ малиновый, 2
Рукавкомъ накинувши, 2
Тонкимъ бѣлымъ, полотнянымъ.

Такимъ же образомъ пѣвицы поютъ пѣсни каждому изъ сидящихъ за столомъ и отъ каждаго получаютъ за это денежный подарокъ. Гости обыкновенно кладутъ подарокъ въ стаканъ съ пивомъ и изъ него заставляютъ пѣвицъ, по очереди, выпивать пиво и вынимать подарокъ. Получивъ подарокъ, онѣ поютъ подарившему:

11.

Подари табѣ Богъ, 2
Богъ милосттю, 2
А царь волосттю! 2
А создай табѣ Богъ 2
Полтораста быкоў, 2
Да сто нятселей. 2

Иному поютъ:

12.

Ахъ спасибо, Иванушка! (или иначе)
Ахъ спасибо Хведоровъ!
Не успѣли пѣсню спѣтсь, 2
Напередъ дары зайшли,
Ўсё дары богатыи:
Сто рублевъ съ полтсиною,
Съ золотою гривною.

Кто долго послѣ пѣсни не даритъ пѣвицъ, тому онѣ поютъ:

13.

Слышишь ли,
Да Иванъ государь? 2
Слышишь ли? 2
Про кого говорятсь? 2
Про твою голову! 2
Мы тсябя ўсё *хвáлили*, 2
Да ўсё по имяни *назы́вали*, 2
Да по отциству вили́цали. 2

Послѣ того всѣ отходятъ ко сну. Бо̀льшая часть гостей ложится спать въ той самой избѣ, гдѣ была свадебная пирушка, на соломѣ, настланной на полу.

На другой день, утромъ, когда всѣ встанутъ, входитъ въ избу молодая. и, поклонившись гостямъ, начинаетъ убирать съ полу солому. Тогда всѣ почти гости по немногу выходятъ изъ избы, берутъ на дворѣ еще по пуку соломы, приносятъ ихъ въ избу и бросаютъ, приговаривая съ насмѣшкой: «Молодая долго спала, да тсялёнка прозявала: ёнъ на дворѣ и замёрзъ; вотъ я пойшовъ,

да яго и знайшовъ; на вотъ, полядзи на няго» и т. п. Такимъ образомъ гости заваливаютъ соломой почти всю избу. Молодая выбившись изъ силъ отъ уборки ея, идетъ къ отцу, кланяется ему въ ноги и говоритъ: «помилуй батсюшка, заступись за миня! госьтси ўсю хату соломой нагрузили». Отецъ успокоиваетъ ее, беретъ штофъ вина, идетъ въ избу и потчуетъ гостей, послѣ чего они уже сами выносятъ принесенную ими солому, а молодая только выметаетъ изъ избы соръ.

Изъ стат. священника С. Разумихина: «Село Бобровки и окружной его околотокъ Тверской губ., Ржевскаго уѣзда» въ Этногр. Сб. Импер. Р. Геогр. Общ. вып. I, 1853, стр. 254—265.

Нѣкоторыя свадебныя пѣсни Черниговской губ., Суражскаго уѣзда.

Когда дѣвушка согласна выйти замужъ, то она подноситъ сватьямъ подарки. Присутствующія женщины и дѣвушки при этомъ поютъ:

1.

Не дзивицца сватóчки,
Што коротки платочки,
Илны [1]) не уродзúли,
Подарки не укороцили.

На заручинахъ поютъ:

2.

Ишла Марьичка по садочку,
За ней Ваничка по слядочку.
«Постой, постой Марьичка:
«А ужо-жъ ты моя!»
Стала и отказала:
— Еще я не твоя;
— А я у Бога сироточка,
— А ты сабѣ панъ,
— Шукай сабѣ панѣнычка,
— Якій же ты самъ.
«А выѣздзіў я ўси городы́,

---

[1]) Т. е. льны (мн. отъ ленъ) *Л.*

«Не нашоў сабѣ панѣнычки,
«Якая й ты».

Наканунѣ вѣнчанія (на дѣвичникѣ):

3.

Ци усподзѣшися конь вороный на бягу,
Ци увзвѣдзѣшь дзѣвочку на гору,
На тую гору крутую,
Подъ тую бярöзу бѣлую?
Ай тамъ дзѣвочки вѣнки вьюць,
Межъ собою мядки пьюць,
А ўсимъ дзѣво́чкамъ на вяно́чку,
Одной Ганкѣ вянка́ нѣтъ.
Якъ зачуў, почуў Ваничка:
«Ня журись, Ганочка, ня журись,
«А я ўчора на торгу побываў,
«Я-жъ табѣ вяночикъ сторговаў
«Изъ руты, изъ мяты, изъ лялѣи,
«Изъ бѣлинькія *паръры*.
«Соўнце грѣе — лялѣе,
«Вѣтрики повѣюць — ня звѣюць,
«И дожджики пойдуць — ня змоюць».

На дѣвичникѣ (суглядахъ), когда женихъ со сватами пріѣзжаетъ къ невѣстѣ, и за столомъ у нея замужнія женщины, то поютъ:

4.

Посадзюць дзяци́нку за столикомъ,
На столѣ посыплюць и золото, и серебро,
Подли боку посадзюць дзяўчиночку.
Ни глядзи ни на золото, ни на серебро,
Поглядзи на дзяўчиночку.
На работу, дзяўчиночку, людзи хвалюць,
А на обычай, самъ не знаю, якова́.

Дѣвушки поютъ:

5.

Кацилися иглицы зъ поли́цы,
Покидаюць дзѣвочку сястрицы.
«Сястрица наша подружка!
«Валѣшей намъ было не знацца,
»Якъ цяпѣрь зъ тобой растацца.»

Въ то же время, по отъѣздѣ жениха къ невѣстѣ, въ домѣ его поютъ:

6.

Поляцѣў соколъ, поляцѣў,
Только крылушкомъ задзвѣнѣў.
Поѣхаў дзяцинка, поѣхаў,
Только коники зарза́ли,
Въ скрипки дружки зайграли.

7.

Ни хорошъ дваци́нка, ни хорошъ
Только хорошо суряжёнъ.
Чи сонце яго родзило?
Чи мѣсяцъ ўскорміў?
— Родзила дзяцину ма́мочка,
Ўскорміў та́точка,
Колыхали яго сяястри́цы
Ў новенькой святли́цы,
Сповивали на лаўцы,
Ў червоной китайцы.

Когда невѣсту ведутъ къ вѣнцу:

8.

«До вѣнца дзѣ́вочку, до вѣнца.
«Чи пыталася у панъ-оца?»
— На што мнѣ пытацца у панъ-оца,
— Со мной брахнійка ў поѣздзѣ,
— Ёнъ менѣ подъ вянецъ подвядзѣ́ць,
— Русу косу распляцѣ́ць.

Или:

9.

Да ня лёнъ, мамочка, да ня лёнъ,
Да уже бѣленькій кужалецъ [1]), —
Часъ тобѣ, дзѣвочка, подъ вѣнецъ.
Бѣлыя кужали полагаць,
Дзѣвочку подъ вянѣцъ прибирацъ.

---

[1]) Кужаль — вычесанный, обработанный ленъ. *Л.*

Когда ведутъ съ подъ вѣнца:

10.

«А, мамочка, болозѣ́
«Поўзѣ червякъ по нозѣ;
«А, мамочка, боюся,
«Ёнъ жа мянѣ́ уку́сѣ.
«А, мамочка, ў клѣць вядуць».
— Не бойся, дочушка,
— Пирога дадуць.

При дѣленіи коровая:

11.

Дружко коровай кроицъ,
Золотый ножикъ мѣицъ,
Сребряная тарелочка,
Шоўковая широночка.

12

Дружко коровай кроицъ,
Назадъ позираицъ,
Тамъ яго да жена стоицъ,
Сѣмѣро дзяцей дзяржицъ,
Да ўси зъ кошелями —
Увесь коровай побрали.

Приговоры при окончательномъ пріѣздѣ за невѣстой:

13.

За сто́лья, дзѣўки, за сто́лья,
Якъ су́чачки зъ подпо́лья.

Когда невѣста покидаетъ домъ своихъ родителей:

14.

Ня стой, мамочка, у поро́зи,
А ужо-жъ я у цябѣ ў доро́зи.
Приступъ, мамочка, близѣнько,
Поклонюсь табѣ низенько,
Коскою зяме́льку усцялю,
Слёзками ножечки оболью.

Когда ее ведутъ къ молодому:

15.

У воротъ бяроза стояла,
Хаўронья зъ двора зъѣзжала,
Вяршокъ бярозы сорвала.
«Стой, моя бяроза, бязъ вѣрху,
«Живи, мой таточка, бязъ мянѣ,
«Бязъ румяного вяночка,
«Бязъ шоўковаго шнурочка».

При прiѣздѣ невѣсты въ домъ жениха:

16.

Отчини, мамочка [1]), твой дворъ,
Ѣдзиць табѣ сынъ на дворъ,
Ёнъ не зъ сяннóю копою,
А зъ молодою женою.

Вслѣдъ за молодою везутъ также и ея постель, и если она богата, то поютъ:

17.

Постой воронýшка (лошадь),
Звалилася подушка:
Постой воронáя,
Звалилася другая.

Если бѣдная, то припѣваютъ:

18.

Постойця, кони, ў чистомъ поли,
Постойця!
Забыла маци пярúнокъ даци,
Забыла!
Не такъ забыла, якъ не зробила —
Забыла!

Молодая, посаженная съ молодымъ за столомъ въ домѣ жениха, привѣтствуется слѣдующею пѣснею:

---

1) Мать жениха. *Л.*

19.

Чи вы, дружки, слѣпы,
Чи ни бачиця?
Хоўра Ваничкѣ
Ушки обмѣтала,
Бочки обтоўкала,
До коморочки звала.

Когда поведутъ въ клѣть, поютъ:

20.

До клѣци, Га́почка, до клѣци,
За нею нясуць три плѣци.
«Кажися, Га́почка, кажися:
«Зъ кимъ ты варешки щипала?»
— Щипала варешки зъ брата́ми,
— Брала ягодки зъ сестра́ми.
«Нуця вы, дружки, ворошицися,
«А нашему князю нѣко́ли,
«Тэй [1]) колочку дзяржиць,
«А тая лаўку грызѣць,
«До посцѣли зовѣць».

По окончаніи супружескаго обряда:

21.

Ня мѣсячка свѣцѣ,
Ня соўнико грѣе,
А ў нашея дзяўчиноньки
Калиночка зрѣе;
Зрѣе, вызрѣвае,
Къ свѣту поспѣвае.

Если невѣста найдена женихомъ цѣломудренною, то поютъ:

22.

Увзвяличили два двори, —
Ня то вяличья, што у бацьки,
А то вяличья, што у свёкра.

---

[1]) *Тотъ*, т. е. женихъ, *тая* — невѣста. *Л.* По извѣстнымъ намъ незамаскированнымъ разночтеніямъ изъ другихъ мѣстностей тутъ вмѣсто *тэй* и *тая* находится не употребляемыя у насъ въ печати слова. *Ш.*

Если же нѣтъ, то:

23.

Ня чуйця вы, кони,
Ня чуйця и коровы,
Ня чуй наша пашня,
Што къ намъ к... пришла.

Вотъ еще пѣсня, которая по всѣмъ признакамъ не бѣлорусская. Я ее слышалъ на заручанахъ, въ селѣ Дубовкахъ [1]):

24.

Ай чій же то конь
На стайни стоиць,
Самъ сабѣ говóриць:
«Чаму моя стаинька
«Не подмѣцина?
«Чаму моя грúвочка
«Не расчесана?
«Чаму мои нóжечки
«Не подкованы?»
— Мишечкоў конь
— На стайни стоиць.
«Да ня куй, Мúшечка,
«Стальнаго ножа,
«Подкуй, Мишечка,
«Вороного коня.
«Поѣдзимъ боромъ, борами,
«По сырымъ кореньямъ.
«Боръ будзѣ шумѣць,
«Камѣнь звинѣць,
«Людзи почуюць, —
«Дзивицца будуць,
«Цётки почуѣ —
«Готовацца будзѣ,
«Дзѣвочка почуѣ —
«Прибирацца будзѣ».

Изъ архивн. матеріаловъ Геогр. общ., изъ статьи: Краткія замѣтки о нарѣчіи, употребл. въ Суражскомъ уѣздѣ Черниг. губ. магистра Ф. Лыщинскаго, преподавателя въ суражскомъ уѣздномъ училищѣ. 30-го декабря 1850 года.

---

[1]) Что въ семи верстахъ отъ Суража. *Л.* — Мы съ своей стороны не находимъ въ этой пѣснѣ ничего такого, чтобы могло противорѣчить духу бѣлорусской народной поэзіи. *Ш.*

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОБРЯДЫ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ, ГОЛОШЕНІЯ ИЛИ ПРИЧИТАНІЯ НАДЪ ПОКОЙНИКАМИ.

Погребальные и поминальные обряды состоятъ въ такой между собой близкой связи, что казалось бы не слѣдовало ихъ раздѣлять и въ описаніи. Но такъ какъ мы, не нарушая разъ принятой нами системы, не могли рѣшиться на обобщеніе и переливку въ одну большую статью всего количества относящихся сюда разнохарактерныхъ данныхъ, такъ удачно собранныхъ нашими обязательнѣйшими сотрудниками изъ разныхъ мѣстъ почти всей Бѣлоруссіи, то во избѣжаніе возможнаго упущенія мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ оттѣнковъ подмѣченныхъ въ однородныхъ фактахъ, мы нашли болѣе цѣлесообразнымъ размѣстить эти факты въ двухъ отдѣльныхъ параллельныхъ группахъ, расположивъ всѣ относящіяся разновидности ихъ сподрядъ, согласно сущности основной идеи однородности, чѣмъ, какъ намъ кажется, значительно облегчится ихъ обозрѣніе и удобство сравненія для будущаго изучателя.

О спеціальномъ же раздѣленіи или подраздѣленіи довольно сложнаго ряда дѣйствій, совершаемыхъ собственно при погребеніи въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, нѣтъ, кажется, надобности говорить въ особенности. Всѣ эти дѣйствія исполняются, почти безъ перерыву, въ послѣдовательномъ другъ за другомъ порядкѣ, въ теченіе по большей части однѣхъ, рѣдко двухъ, а еще рѣже трехъ сутокъ, слѣдовательно уже самымъ единствомъ времени онѣ выдѣляются въ одну группу. Что же касается по-

минальной трапезы тотчасъ по возвращеніи съ кладбища въ домѣ хозяина, то она во всей Бѣлоруссіи считается уже неразлучной принадлежностью погребальнаго обряда[1]) и называется *жалóбнымъ*, *горячимъ* столомъ, или просто *горячимъ*, *горячкой*, а не поминками, хотя тутъ только и рѣчь что о покойникѣ, только о немъ и молятся.

Такою же необходимою принадлежностью похороннаго обряда составляютъ и *голошенія* или причитанія надъ покойникомъ со стороны его родныхъ и близкихъ, преимущественно женщинъ Тонъ, содержаніе и форма этихъ импровизованныхъ, подчасъ весьма трогательныхъ элегій, въ общемъ весьма сходны между собою въ разныхъ мѣстахъ бѣлорусскаго населенія. Поэтому мы ихъ, на основаніи вышеизложеннаго, и выдѣлили въ особую группу.

Такимъ образомъ весь предлагаемый въ этомъ отдѣлѣ матеріалъ распадается, какъ было упомянуто въ началѣ, на два главные разряда: А) обряды собственно погребальные и Б) поминальные. Къ нимъ, какъ неразлучный спутникъ тѣхъ и другихъ, такъ сказать, самъ собою присоединяется еще разрядъ В) голошенія или причитанія.

Относительно поминальныхъ обрядовъ и обычаевъ, должно замѣтить, что они, въ свою очередь, тоже распадаются на два главные отдѣла: а) на частные и б) на общіе или общественные, согласно установленію церковному, въ опредѣленные дни. Количество этихъ дней однакоже не вездѣ одинаково. Ихъ рѣдко бываетъ болѣе 6-ти въ году. Подробное ихъ раздѣленіе, значеніе и примѣненіе выяснятся въ своемъ мѣстѣ самыми предлагаемыми матеріалами.

Къ этому не излишне прибавить, что, насколько намъ извѣстно, нигдѣ въ остальной Россіи нищіе старцы (слѣпцы по большей

[1]) Какъ это и было, по изслѣдованіи А. Котляревскаго, у древнихъ славянъ. «Немедленно за погребальнымъ обрядомъ слѣдовали *страва* поминальный обрядный пиръ и попойки». О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. А. Котляревскаго, стр. 245.

части), *калѣки перехожіе*, не пользуются такимъ почетомъ, не играютъ такой важной роли на похоронахъ, какъ именно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Безъ нихъ здѣсь не обходятся ни одни похороны, ни одинъ поминальный обрядъ. Они заурядъ замѣняютъ въ этихъ случаяхъ священника. Ихъ пѣсни, молитвы, духовные стихи здѣсь находятъ себѣ полное и довольно выгодное для ихъ кармана примѣненіе. Народъ ихъ слушаетъ съ благоговѣніемъ. Во многихъ мѣстахъ Минской и Гродненской губерній они поютъ свои канты по польски.

А. ОБРЯДЫ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ.

ПОГРЕБЕНІЕ, ПОХОРОНЫ, *ХАЎТУРЫ*[1]).

I.

Витебской губ. и уѣзда, Велишковской волости.

(Изъ воспоминаній Н. Я. Никифоровскаго)[2]).

а) Настоящія воспоминанія о похоронахъ относятся къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Съ одной стороны близки ко

---

[1]) Въ иныхъ мѣстностяхъ произносится хоўтуры. Замѣчательно, что почти во всей области бѣлорусскихъ говоровъ похороны носятъ это нерусское названіе, заимствованное у литовскаго племени. *Ш.*

[2]) Эта статья, какъ и слѣдующая за ней, подъ литерой б) записанныя въ одной и той же мѣстности, на разстояніи 14 лѣтъ, хотя однимъ и тѣмъ же лицомъ, но тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ отличается какой-либо интересной стороной. Мы не обинуясь, для пользы дѣла, помѣщаемъ ихъ вполнѣ и рядомъ. Обѣ онѣ взаимно и весьма существенно дополняютъ одна другую, безъ рабскаго повторенія однихъ и тѣхъ же данныхъ. А если кое-гдѣ повтореніе слегка и проглядываетъ, то оно является съ какимъ-либо особымъ новымъ оттѣнкомъ факта. Тутъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что «воспоминанія» со стороны фактической гораздо обстоятельнѣе, полнѣе, чѣмъ то описаніе, которое явилось результатомъ болѣе свѣжихъ впечатлѣній окружавшей нашего автора дѣйствительности въ весьма недалекій отъ насъ періодъ времени. Этимъ вновь подтверждается вѣрность того психическаго наблюденія, что предметы и событія давно протекшей жизни нашей не такъ скоро забываются на старости лѣтъ, какъ тѣ, съ которыми мы приходили въ соприкосновеніе, такъ сказать, на дняхъ, вчера. *Ш.*

времени «заўніи», съ другой—къ «волѣ», съ которою начинается просвѣтленіе упоминаемой мѣстности. Съ тѣхъ поръ стали пропадать, если еще не совсѣмъ пропали во всеобщемъ употребленіи: Виляшкоўщина (пом. Веляшковичи), Мильяныўщина (фольв. Емельяново), Палёныўщина (пом. Палёновка), Михайлоўщина (пом. Михайлово) и Бáбаўщина (фольваркъ); вмѣсто этихъ крѣпостническихъ названій появились «общества» подъ тѣми же именами, вошедшія въ составъ нынѣшней Веляшковичской волости. Какъ теперь, такъ и въ воспоминаемое время эти общества издавна составляли Веляшковичскую «парáфію» (приходъ), ближе другихъ знакомую мнѣ съ самаго ранняго дѣтства. То свободными, то подневольными путями я наблюдалъ тогда жизнь «парафіянъ» во всѣхъ ея проявленіяхъ на родинахъ, крестинахъ, свадьбахъ, игрищахъ, похоронахъ, поминаньяхъ покойниковъ и другихъ случаяхъ, какъ выходящихъ изъ обыденности, такъ равно и будничныхъ. Я нисколько не преувеличу, когда скажу, что тогда мнѣ приходилось видѣть болѣе тридцати «хаўтýръ», отправленныхъ надъ лицами разныхъ возрастовъ, матеріальнаго достатка, значенія въ мѣстной средѣ и семьѣ; приходилось видѣть «хаўтýры» завѣдомыхъ чароўниковъ»[1]).

Какъ только бывало «спрáвюць» покойника, старшій членъ семьи отправлялся въ село для оповѣщенія и приглашенія причта «ховáць нябóщика». Здѣсь онъ бралъ изъ церкви: «крыжъ» (распятьтё), «прочéсину» (хоругвь), покрывало, вѣнчикъ и ручной звонокъ, величиною въ почтовый колокольчикъ. Особенностью звонка было то, что онъ издавалъ дребезжащіе звуки; предпочитался звонокъ съ отбитымъ краемъ. Это называлось «брать вещи», при выдачѣ коихъ совершалось «позвóнное» (короткій трезвонъ по покойнику). Вмѣстѣ съ «вещами» наниматель договаривалъ и увозилъ съ собою «писалтырника», которому вмѣнялось въ обязанность держать обнаженный псалтырь подъ мышкой во весь путь, не смотря ни на какія дорожныя случайности. Во время слѣдованія съ

[1]) Авторъ этихъ «воспоминаній» сынъ мѣстнаго дьячка. *Ш.*

«вещами» и «писалтырникомъ» наниматель часто сворачивалъ съ дороги: то въ попутную деревню, для оповѣщенія родныхъ, то въ корчму; встрѣчнымъ же знакомымъ объявлялось въ короткихъ словахъ — кто именно и когда умеръ: «вещи» ясно говорили о постигшемъ несчастіи. Обыкновенно въ домъ покойника «вещи» прибывали послѣ сумерекъ, а нерѣдко и около полуночи.

Прежде всего хозяева торопились накормить «писалтырника», что̀ происходило или въ истёбкѣ (избѣ черезъ сѣни), или въ сѣняхъ, и въ свою очередь торопили его приниматься «за чтеніе». Тѣмъ временемъ «прочесу» утверждали на древкѣ и ставили съ наружной стороны избы у окна, передъ которымъ лежалъ «нябо́щикъ». «Крыжъ» помѣщали у изголовья покойника, въ «божницѣ», а звонокъ ставили на столъ, за которымъ предстояло читать «писалтырнику». Подъ псалтырь подстилался кусокъ новаго холста, поступавшій обыкновенно въ собственность чтеца. Въ этомъ случаѣ единственный въ избѣ столъ относился изъ своего «кутняго» мѣста и ставился къ серединѣ лѣвой лавки; на правой же отъ входа лавкѣ обыкновенно лежалъ покойникъ. На столѣ, застланномъ чистою скатертью, лежалъ цѣлый хлѣбъ и стояла деревянная солонка съ солью. Иногда звонокъ ставился на хлѣбъ. Какъ хлѣбъ, такъ и соль оставались на мѣстѣ до выноса покойника изъ дома. Нужно отдать справедливость, что чтенію псалтыря посвящалось должное вниманіе: неизбѣжные разговоры велись тогда наскоро и шопотомъ. При чтецѣ неотлучно сидѣло нѣсколько любителей псалтырнаго чтенія, которые посмѣнно вечеромъ и ночью держали предъ чтецомъ горящую лучину, если только средства не позволяли жечь восковой свѣчи домашняго изготовленія. По окончаніи каѳизмы чтецъ звонилъ въ колокольчикъ: самъ онъ и всѣ присутствующіе тогда вставали и въ такомъ почтительномъ положеніи слушали молитвословія, положенныя послѣ каѳизмы. Чтеніе прерывалось только послѣ полуночи, когда чтецу давали короткій срокъ (около трехъ часовъ) для сна. Правда, почтительная тишина при псалтирномъ чтеніи иногда рѣзко и неожиданно нарушалась тѣмъ, что какая-нибудь женщина стремительно под-

ходила къ покойнику и начинала надъ нимъ свои причитанія. Чрезъ это псалтирное чтеніе однако не прерывалось, но оно въ это время ужъ не было такъ слышно; притомъ же вниманіе присутствующихъ привлекалось къ голосу и словамъ причитывающей женщины, которая оканчивала свой вопль такъ же нежданно, какъ и начинала, и стремительно отходила къ толпѣ. — О причитаньи надъ покойниками мною будетъ сказано въ особой замѣткѣ.

Трудно представить, какъ безстрашно и покорно встрѣчаетъ смерть бѣлорусскій крестьянинъ! За рѣдкими исключеніями, умирающій дѣлаетъ свои устныя завѣщанія съ поразительнѣйшею подробностью, при чемъ имъ не будутъ забыты не только всѣ родные, ихъ послѣдующая жизнь въ тонкихъ мелочахъ, знакомые и друзья, съ коими умирающій спѣшитъ проститься на смертномъ одрѣ, но и указаны будутъ обстоятельства и обстановка предстоящаго погребенія. Такъ можетъ встрѣчать смерть одна только высокая христіанская душа!

Я не удивлю сообщеніемъ, что бѣлоруссъ среднихъ лѣтъ, въ особенности женщина, запасаетъ «смертную» рубаху, которую она бережно хранитъ въ своемъ «ку́блѣ», разсматриваетъ ее въ досужіе часы и бесѣдуетъ съ нею, будущею спутницею въ вѣчную жизнь: это у насъ слишкомъ извѣстно. Въ дѣтствѣ я встрѣчалъ такихъ стариковъ, у которыхъ приготовлено было на смертный случай «домовье» (гробъ), обыкновенно хранившееся въ клѣти; помню, что эти старики показывали свое «домовье» мнѣ и отцу моему, какъ нѣчто священное; стояли передъ нимъ безъ шапокъ.

При наступленіи агоніи, умирающему давалась въ руки зажженная «громничная свѣча», которую часто безъ помощи окружающихъ онъ удерживалъ и при послѣднемъ вздохѣ. Это считалось особенно благопріятнымъ для «нябо́щика». Не смотря на муки и горе окружающихъ, именно тутъ можно было наблюдать, такъ называемое, гробовое молчаніе: кажется, вмѣстѣ съ умершимъ умерли и всѣ окружающіе его. Такая тишина продолжалась обыкновенно минутъ десять, пока ближайшій къ «нябощику» не погаситъ свѣчи. Все это дѣлалось для того, чтобы душа

умирающаго свободнѣе отходила отъ своего тѣла. При продолжительности предсмертныхъ мукъ, болѣе близкія къ умирающему лица удалялись отъ смертнаго одра; этимъ, по мнѣнію народа, устранялась тяжесть мукъ умирающаго.

Тотчасъ по потушеніи свѣчи и сдѣланномъ наблюденіи надъ дымомъ — стлался ли онъ по избѣ и направлялся ли къ выходной двери, или же поднимался надъ умирающимъ къ потолку — сдерживаемый вопль и горе разомъ, бывало, вырывались изъ всѣхъ грудей; женщины, особенно близкія къ умершему, начинали «выть», приникая головой къ остывающему трупу. Нужно замѣтить, что во всѣхъ случаяхъ при «голошеньи» приникаютъ головой къ трупу только родные и особенно близкія къ умершему женщины; остальныя только наклоняются надъ трупомъ. Какъ тѣ, такъ и другія остерегаются, чтобы на «нябóщика» не падали ихъ слезы: всякая такая слезинка усугубляетъ-де тяжесть могильной насыпи; а между тѣмъ всѣ оставшіеся въ живыхъ единодушно желаютъ, чтобы надъ «нябощикомъ» земелька была пухомъ (легка, какъ пухъ).

Это первоначальное «вытьё» могло бы продлиться еще долго, особенно если умеръ слишкомъ дорогой членъ семьи, если бы не нужно было спѣшить омыть тѣло умершаго, пока оно еще не «околя́нило». Поэтому обыкновенно кто-нибудь изъ близкихъ сдерживалъ плачущихъ и горюющихъ благоразумнымъ указаніемъ на время. Мытье трупа и одѣванье покойника совершали стороннія лица, но не родственники: почти въ каждой деревнѣ есть безкорыстные служители этого дѣла, которые не замедлятъ явиться къ одру умершаго по первому зову. Обыкновенно «обража́ли нябощика» и присутствовали при этомъ въ избѣ только лица того пола, къ которому принадлежалъ умершій. Каждое свое дѣйствіе, по отношенію къ трупу, «ображающій» сопровождалъ сердечнымъ обращеніемъ къ покойнику: «прости Якупка, коли́ ни такъ зро́бивъ»! — «Обрадзили мы вамъ го́сьцика поча́снаго, поку́тнаго: прыма́йця, шану́йця, часту́йця яго, кабъ ёнъ су ўсвяты́ми спочиваў ў чарьстви нябе́снэй, раю просвѣтлымъ, зы васъ Бога

замовляў»,—говорили тогда эти добрые люди, обращаясь къ хозяевамъ, послѣ того, какъ «обра́дзюць» покойника. Съ появленіемъ хозяевъ и вообще близкихъ къ покойнику лицъ происходила укладка его на «кутъ», подъ чѣмъ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ разумѣть угла подъ иконами, а лавку противъ входныхъ дверей.— Вмѣстѣ съ другими пожеланіями касательно «люцке́й» себѣ смерти, какъ, напримѣръ — чтобы при «смяро́тнымъ ча́си» присутствовали всѣ родные, чтобы сынъ закрылъ глаза, чтобы дочь «поголоси́ла» и пр., — бѣлорусскій крестьянинъ хочетъ лежать послѣ смерти на своей «ла́ўцы»: онъ не по «лю́цки» умеръ, когда лежалъ на «кутѣ» въ чужомъ домѣ.

Одновременно съ укладкою покойника на «кутъ» открывался «душникъ» (небольшое отверстіе въ стѣнѣ, подъ потолкомъ, между печью и полатями, въ обычное время затыкаемое тряпкою, набитою сѣномъ, или соломою) и вынимался верхній косякъ дверей, чтобы душа покойника могла свободно выходить и снова возвращаться къ тѣлу, пока оно находится въ домѣ. Иногда душникъ открывался при продолжительной агоніи умирающаго, по той же причинѣ.

Каждаго покойника одѣвали въ чистую, бѣлую одежду домашняго изготовленія и новыя лапти, замѣняемыя сапогами, или «чарови́ками» только у болѣе зажиточныхъ семей; еще рѣже можно было увидѣть цвѣтные платки на головѣ женщины, или на шеѣ мужчины: и тутъ преобладали домашнія холстяныя издѣлія. Я неоднократно видывалъ, что мужчину «обража́ли» между прочимъ и въ шапку, преимущественно — войлочный колпакъ. Тогда же меня увѣряли, что въ «кишени носо́ва», надѣтаго на покойника, кладутъ «пи́пку съ капшукомъ», кремень и кресиво, если онъ курилъ при жизни, и табакерку, если «заживаў» табакъ. Къ поясу мужчины поверхъ рубашки привѣшивали *калиту*, убранную гладкими мѣдными пуговицами и небольшой ножъ въ кожанномъ чехлѣ — предметы, съ которыми крестьянинъ не разстается въ ежедневной жизни. Какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ, за пазуху «носо́ва» клали чистую «ху́стычку» (холстинный пла-

токъ, называемый «носови́чкой»), чтобы покойникъ могъ въ нужныхъ случаяхъ вытереть свои «во́чки, носъ и ву̑стинки».

Сколько помню теперь, семья не только не тяготилась присутствіемъ часто въ единственной избѣ дорогого, «поча́снаго госьцика», а напротивъ дорожила днями и минутами, которые онъ проводитъ въ родной семьѣ. Мнѣ иногда наивно думалось, что семья нарочно медлитъ погребеніемъ покойника: «ропа», опухлость, невыносимый смрадъ отъ разлагающагося трупа, обезображеніе его не наталкивали семьи къ немедленному погребенію, которое протягивалось до «трохъ дзёнъ». Въ это время на дворѣ покойника, при содѣйствіи умѣлыхъ людей, приготовлялась «труна́» («домовьё»), если только она не была приготовлена уже заранѣе, какъ объ этомъ было упомянуто выше. «Труна» выстилалась стружками отъ досокъ, кои «геблева́лись», а подушка дѣлалась изъ листьевъ вѣника.

Если для «поднятія тѣла» былъ приглашенъ священникъ, то онъ кропилъ гробъ освященною водою; то же дѣлалось и въ томъ случаѣ, когда погребеніе происходило безъ священника. Только послѣ этого окропленія покойника клали въ «труну̑» и немедленно выносили изъ избы. На приготовленную телѣгу, или сани, стоящія среди двора, ставили гробъ, подостлавъ подъ него кусокъ новаго холста, и увязывали возжами. На гробъ клали хлѣбъ и ставили солонку съ солью, которые до сего времени находились на столѣ «писалты́рника». Для присмотра за тѣломъ оставлялись у гроба, такъ сказать, второстепенныя лица; все же остальное общество, со священникомъ во главѣ, возвращалось въ избу «править столъ». Подъ этимъ разумѣлось поминальный обѣдъ по покойникѣ, продолжавшійся отъ двухъ до четырехъ часовъ. Когда тѣснота избы не позволяла присутствующимъ помянуть покойника одновременно, тогда поминальный обѣдъ проходилъ въ нѣсколько смѣнъ: въ первой смѣнѣ обѣдали, кромѣ хозяевъ, родные и почетныя лица, во второй — сосѣди и вообще, кто помельче и, наконецъ, въ третьей — убогіе. Священникъ первоприсутствовалъ на всѣхъ смѣнахъ; хозяева же угощали поминаю-

щихъ. Иногда они садились за столъ въ послѣдней смѣнѣ, — что считалось великою честью для покойника и его дома. Чаще всего поминающіе группировались за однимъ столомъ и поминали одновременно, хотя и садились за столъ по старшинству.

Поминальныя кушанья бывали обыкновенно слѣдующія: кутья (пшеничныя или перловыя зерна), за недостаткомъ меда, приправленная коровьимъ или постнымъ масломъ, клёцки (въ большинствѣ случаевъ ячменныя, съ кусочкомъ сала внутри), блины и каша. Началу поминанья и каждому блюду предшествовала рюмка водки, подносимая хозяевами каждому печальному гостю. Прежде, чѣмъ выпить водку, поминающій набожно крестился и говорилъ: «помяни, Господзи, яго душиньку, пошли ей чарьства нябесны и рай прасвѣтлы», — при этомъ онъ вспоминалъ какую-нибудь особенную добродѣтель усопшаго, или же свое, общее съ нимъ дѣло. Эти воспоминанія касались исключительно только хорошихъ сторонъ. До сей поры я храню почтительное уваженіе къ этому «жало́бному столу»: здѣсь не было мѣста нескромнымъ разговорамъ, пересудамъ, спорамъ, препирательствамъ, брани, «жартамъ» и вообще всему, что сопровождаетъ крестьянскія сборища; многолюдное собраніе говорило сдержанно, безъ повышенія голоса, и въ своей бесѣдѣ, то общей, то частной, не отходило отъ покойника, его дѣлъ и мелочныхъ подробностей угасшей жизни. Припоминали рѣчи и наставленія покойника, опять же такія, въ которыхъ просвѣчивалась доброта его души. Нѣтъ надобности увѣрять, какъ цинична бываетъ ругань бѣлорусскаго крестьянина и какими рѣжущими ухо словами переполняетъ онъ свою, даже пріятельскую бесѣду: это знаетъ каждый, кто такъ или иначе приходилъ въ соприкосновеніе съ будничной жизнью бѣлорусса. Но за то приходиться сознаться, что трудно найти гдѣ-нибудь столько ласкательныхъ словъ, сколько ихъ находитъ тотъ же бѣлоруссъ, когда произноситъ ласковую рѣчь; самыя непечатныя слова, по необходимости введенныя въ его рѣчь (?), непремѣнно принимаютъ ласкательную форму. Если гдѣ, такъ преимущественно и даже исключительно при «хаўтурахъ» можно на-

слушаться ласкательныхъ бѣлорусскихъ словъ; «голошенье» переполняется ими отъ начала до конца. Даже такія упрямыя части рѣчи, какъ глаголъ, переходятъ въ ласкательную форму — «ѣстыньки», «питыньки» и пр.

Пока шелъ «жало́бный столъ» и покойникъ находился среди двора, лошадь въ полной, но сравнительно бѣдной упряжи, стояла подъ навѣсомъ и кормилась лучше обыкновеннаго. Эту лошадь впрягали лишь за нѣсколько минутъ до отправленія со двора, причемъ оказывали ей разнообразную почтительность; вмѣсто поводьевъ къ недоуздку привязывали поясъ, или полотенце, за которое и вели лошадь. Считалось крайне неблагопріятнымъ чиханье лошади, ея бодрый видъ и даже испражненіе, пока она не сошла со двора.

Похоронная процессія обыкновенно шла въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди кто нибудь съ «крыжомъ» въ одной рукѣ и звонкомъ въ другой; онъ звонилъ почти неустанно отъ дома до кладбища. За нимъ несли «прочесу», непосредственно за которою слѣдовалъ гробъ; замыкали процессію всѣ собравшіеся. Само собою разумѣется, что «голосящія» женщины шли ближе къ гробу, причемъ иногда онѣ держали свои руки на гробѣ. Кончившія «голошенье» уступали мѣсто новымъ плакальщицамъ. Этотъ строй похоронной процессіи нѣсколько видоизмѣнялся, если тѣло сопровождалъ священникъ. При отдаленности кладбища отъ деревни, священника приглашали ѣхать на отдѣльной лошади впереди гроба.

Если покойникъ заносился въ церковь для отпѣванія, то, какъ мнѣ сообщала жительница Городокскаго уѣзда, всѣ родственныя женщины и жена покойника, держа другъ дружку за руки, вереницею проходили подъ гробомъ въ то время, когда онъ находился на пути отъ катафалка до дверей. На спросъ, для чего это дѣлается, крестьяне уклончиво отвѣчали: «гэто такъ треба». Ничего подобнаго мнѣ не приходилось видѣть ни въ дѣтствѣ, къ которому относятся мои настоящія воспоминанія, ни въ послѣдующее время.

Могильная насыпь увѣнчивалась обыкновенно небольшимъ

временнымъ крестомъ, сработаннымъ, при помощи ножа, тутъ же изъ сырого сука ольхи, или березы. Сѣно же или солома изъ подъ гроба тщательно выгребалась и бросалась на окраинѣ кладбища. Пастухамъ вмѣнялось въ обязанность не допускать скота къ такому сѣну въ случаѣ, когда они его пасутъ по близости. Хлѣбъ и соль, сопровождавшіе покойника, отдавались невзыскательному нищему, который нарочно являлся къ мѣсту погребенія, или же отсылался къ завѣдомому бѣдняку, если таковой не являлся самъ.

Лошадь изъ подъ «нябóщика» возвращалась домой порожнемъ; на ней ѣхать можно было развѣ только немощному старику, или старухѣ не состоявшимъ, впрочемъ, въ родствѣ съ покойникомъ. Лошадь выпрягалась на гумнѣ, гдѣ оставался до надобности и экипажъ; лѣтнею порой лошадь непосредственно отсюда же отводилась въ поле, а зимой — оставалась и кормилась отдѣльно отъ другихъ лошадей, пока на другой день не выносила какой-нибудь хозяйственной работы.

Слѣдуетъ отмѣтить, что обычныя, часто безотлагательныя работы рѣшительно пріостанавливались не только въ хозяйствѣ умершаго, но и во всей деревни, до погребенія покойника. По крайней мѣрѣ, въ такую скорбную пору никто, бывало, не пашетъ, не жнетъ, не убираетъ сѣна. Если не совсѣмъ пріостанавливались, такъ по крайней мѣрѣ въ значительной мѣрѣ сокращались празднества по случаю свадьбы, крестинъ. Послѣдніе, впрочемъ, откладывались до другого времени.

Кстати замѣтимъ, что рожденіе дитяти въ такое «жалóбное» для всей деревни время считалось неблагопріятнымъ и для него самого, и для его семьи. Далѣе: мягкость тѣла покойника свидѣтельствовала о томъ, что онъ, или вернется за кѣмъ-нибудь изъ оставшихся въ живыхъ своихъ родныхъ, или же крайне неохотно умиралъ, не выполнивъ важнаго дѣла. Открытые глаза покойника — это несомнѣнный знакъ, что они высматриваютъ и намѣчаютъ новую жертву. Какъ единичный, такъ и повторяющійся обвалъ могильныхъ стѣнъ считали указаніемъ на то, что

скоро придется рыть новую могилу. Провалъ могильной насыпи иногда принимали за доказательство, что покойникъ занимался «волшѐбствомъ» и что его безпокойная душа возвращается къ тѣлу ради особыхъ мукъ; иногда же это самое служило указаніемъ на близкую смерть родственника.

Мнѣ случалось слышать многочисленныя увѣренія въ томъ, что при копаніи могилъ находятъ иногда бутылку съ водкой, которая положена была въ гробъ покойника въ давнее время. Могильщики не только не гнушались подобной находкой, а съ удовольствіемъ истребляли ее тутъ же на мѣстѣ. Но за то «ўмоцова́вшаяся»[1]) водка такъ скоро и сильно дѣйствуетъ, что они едва успѣваютъ отойти прочь отъ могилы, какъ свалятся съ ногъ и засыпаютъ наикрѣпчайшимъ сномъ. Въ свое время я выспрашивалъ, не кладутъ ли въ «труну́» бутылку съ водкой? Меня тогда же увѣряли, что «цаперь гэтого ня робюць, а давнѣй, кажуць, е́тая водзи́лося».

Заключая свои воспоминанія, я невольно спрашиваю: дѣлается ли теперь что-нибудь подобное, и что именно дѣлается изъ «даўнѣйшихъ хаўтуръ», видѣнныхъ мною лѣтъ тридцать пять тому назадъ?

Записано учителемъ приготовительнаго класса Н. Як. Никифоровскимъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1888 г.

Той же губ. и уѣзда.

б) Когда жизнь видимо оставляетъ больнаго, къ нему собирается множество его родныхъ, друзей и знакомыхъ. Общее, единодушное сожалѣніе и длинныя разсужденія о предметахъ, касающихся загробной жизни, въ которую больной готовится вступить, не только не скрываются отъ него, а напротивъ высказываются громко, безъ малѣйшей утайки, и даже подъ-часъ вовлекаютъ его самого въ общую бесѣду, разумѣется, если только онъ не потерялъ еще сознанія и способности говорить. И каждый изъ

---

[1]) Окрѣпшая. *Ш.*

присутствующихъ обыкновенно плачетъ и, прощаясь съ умирающимъ, проситъ его молиться о немъ предъ престоломъ Всемогущаго, обѣщаясь ему, со своей стороны, поминать его, покойника, и молиться о немъ здѣсь на землѣ.

Умирающему дается обыкновенно въ руки *громничная свѣча*, и если она не выпадаетъ у него изъ рукъ во время агоніи, то это считается особенно благопріятнымъ предзнаменованіемъ для покойника и его семейства.

Прослѣдивъ, при глубокой тишинѣ, царствующей въ жилищѣ умирающаго, послѣднія его посмертныя судороги, всѣ присутствующіе тутъ въ моментъ его кончины разомъ поднимаютъ невыразимый плачъ и крикъ надъ его трупомъ. Въ первыя минуты никто не скажетъ, что такой-то умеръ, а вмѣсто того обыкновенно говорятъ *переставился* (преставился) и т. п., короче сказать всѣ избѣгаютъ въ этомъ случаѣ слова *смерть* и другихъ его напоминающихъ, до той минуты, пока покойника не положатъ въ почетный уголъ, передъ образами, — въ *кутнее мѣсто*.

Закрыть глаза покойнику непремѣнно должны его близкіе родные, причемъ имъ вмѣняется въ обязанность стараться предотвратить всякое возможное искаженіе въ его трупѣ, который немедленно принимаются мыть, пока онъ еще не остылъ. Мужчину моютъ мужчины, а женщину — женщины [1]). Кромѣ двухъ, трехъ человѣкъ, необходимо нужныхъ при этомъ дѣлѣ, никто не входитъ въ это время въ хату, холостымъ же ребятамъ рѣшительно возбраняется не только присутствовать при омываніи, но даже и входить въ это время въ домъ покойника.

Одѣваютъ покойника въ полную лѣтнюю одежду, т. е. поверхъ нижняго бѣлья, въ балахонъ (который и перепоясывается), на голову же по большей части надѣваютъ шапку.

---

[1]) Это однакожъ не вездѣ. Такъ напр. въ Городѣйской волости Новогрудскаго уѣзда, Минской губ., «если кто либо изъ крестьянъ лежитъ на смертномъ одрѣ, то родственники его приглашаютъ старыхъ бабъ, которыя неотступно сидятъ при больномъ до самой его кончины. Эти бабы смотрятъ за нимъ и въ крайности даютъ ему свѣчу въ руки, а послѣ кончины онѣ же его

Существуетъ довольно распространенное вѣрованіе, что до истеченія 40 дней покойникъ является въ свой и чужіе дома и можетъ дѣлать всевозможныя непріятности тѣмъ изъ живыхъ, съ которыми при жизни онъ былъ въ враждебныхъ отношеніяхъ, и тѣмъ вѣрнѣе, что послѣдніе лишены возможности отмстить своему обидчику, такъ какъ онъ, прикрываясь своей невещественностью, является невидимкой, или же въ видѣ различныхъ животныхъ, что ему даетъ широкую возможность вредить своему врагу всюду. На этотъ счетъ существуетъ безчисленное множество характеристичныхъ разсказовъ, въ родѣ того, какъ мать приходила въ свой домъ и кормила своего ребенка, какъ покойникъ-ростовщикъ явился въ домъ къ своему должнику чернымъ боровомъ, долго искалъ тамъ чего-нибудь такого, чѣмъ бы можно было возмѣстить съ него свой долгъ и, увидѣвъ на лавкѣ шубу, схватилъ ее и утащилъ, но не могши пронести ее черезъ могильную насыпь, онъ ее уронилъ тамъ, гдѣ на другой день хозяинъ ее нашелъ и взялъ и т. п.

Если же умершій былъ чаровникъ, то послѣ смерти онъ является въ видѣ самыхъ нечистыхъ животныхъ, въ родѣ кошки, простой и летучей мыши и проч., и даже самая кончина такого человѣка совершается самымъ чудовищнымъ образомъ: изъ его утробы или рта выбѣгаетъ кошка, или мышь, или другое какое-либо животное. Старикъ-крестьянинъ (Городокск. у., Вит. губ.), сообщившій намъ эти факты, доказывалъ, что въ моментъ смерти чаровника разомъ совершается 12 чертовскихъ свадебъ, для празднованія которыхъ загубляется 12 невинныхъ душъ. Для того, чтобы чаровникъ не могъ, послѣ своей смерти, вредить добрымъ людямъ, слѣдуетъ вбить въ его могилу осиновый колъ [1]). Это средство такъ чудотворно дѣйствуетъ, что чаровникъ не

моютъ, одѣваютъ въ бѣлое платье и кладутъ на коврѣ въ кутнее мѣсто». Изъ записи учен. приготовит. класса Несвижск. учит. семинаріи Ф. Яновича. Сообщ. учит. той же сем. П. А. Введенскій.

[1]) Повѣрье это весьма распространено и въ средѣ великорусскихъ крестьянъ. *Ш.*

только лишается способности превращаться въ какое-либо животное, выходить изъ могилы и пр., но даже и тѣ чары, которыя онъ натворилъ при жизни, теряютъ совершенно свою силу.

Когда тѣло уложено на *кутнее* мѣсто, въ избѣ немедленно выбивается дверный косякъ, а за окно, передъ которымъ находится покойникъ, перевѣшивается полотенце, съ одной стороны, какъ знакъ траура, а съ другой для нуждъ покойника, который иногда, по вѣрованію нашихъ крестьянъ, возвращается въ покинутый имъ домъ.

Посѣщающіе покойника стараются высказать свою непритворную печаль, причемъ вспоминаютъ различные случаи изъ своей жизни, такъ или иначе имѣвшіе отношенія къ его собственной. Женщины выражаютъ это въ печальномъ, слезливомъ голошеніи, а мужчины въ долгой бесѣдѣ, въ которой бесѣдующій зачастую обращается къ покойнику съ различными вопросами совершенно такъ, какъ бы къ живому, при чемъ не преминетъ повторить нѣсколько разъ, что хотя покойникъ и не живъ, но онъ очень хорошо все слышитъ и понимаетъ и только не можетъ обнаружить своихъ мыслей и чувствъ.

Приглашается ли причтъ для сопровожденія тѣла на кладбище или нѣтъ, но съ наступленіемъ времени похоронъ, гробъ съ тѣломъ выносится изъ избы и уставляется въ телѣгѣ, гдѣ и остается до тѣхъ поръ, пока не отойдетъ *жало́бный столъ*. Поверхъ гроба постилается холстина и кладется хлѣбъ съ солью, который слѣдуетъ съ покойникомъ до кладбища. Возница обыкновенно обѣдаетъ при гробѣ, а самыя кушанья подаются ему одновременно со *столомъ* и ставятся на гробъ, который замѣняетъ въ этомъ случаѣ столъ. Но если кладбище близко отъ деревни, то *жало́бный столъ* совершается послѣ похоронъ. Въ противоположность хрезбинскому и свадебному, *жало́бный столъ* составляется изъ нѣсколькихъ, отдѣльно другъ отъ друга стоящихъ столовъ. За недостаткомъ же послѣднихъ и при тѣснотѣ помѣщенія чаще всего идетъ къ ряду два, три и болѣе обѣда за однимъ и тѣмъ же столомъ. Въ такомъ случаѣ соблюдается только тотъ поря-

докъ, что сперва обѣдаютъ лица познатнѣе, затѣмъ лица средней руки и т. д., а въ заключеніе идетъ обѣдъ для бѣдныхъ и нищихъ, изъ которыхъ послѣдніе обязаны пѣть за столомъ приличные обстоятельству духовные стихи и пѣсни.

При раскопкѣ новой могилы нерѣдко случается, что нападаютъ на старую, отъ которой уцѣлѣли самые ничтожные слѣды: часть черепа и костей. Въ такихъ могилахъ неоднократно находили, какъ разсказываютъ, бутыль съ водкой, которая будто сохранила чистый свой вкусъ и доброкачественность. Увѣряли также, что въ такихъ могилахъ иногда находили топоры, долота, бурава, мелкія деньги и т. п. предметы.

Возвращающіеся съ кладбища прежде всего подходятъ къ печи и, погладивъ ее три раза руками, приговариваютъ: «нихай умираюць прусаки ды тырыка́ны, а не людзи!» послѣ чего каждый умываетъ руки.

Сѣно, на которомъ лежалъ покойникъ на кутѣ, выносится на телѣгу вмѣстѣ съ гробомъ и служитъ ему подстилкою. Строго возбраняется употреблять это сѣно на какія бы то ни было нужды, поэтому оно и выбрасывается вонъ изъ телѣги, при самомъ кладбищѣ.

Зап. тѣмъ же въ концѣ 1874 г.

По поводу замѣчанія почтеннаго Н. Я. Никифоровскаго въ предыдущей его статьѣ (подъ лит. *а*) относительно того почтенія, которое оказывается бѣлорусскими крестьянами Витебской губерніи лошади, везущей гробъ покойника, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь два относящіяся сюда сообщенія, напечатанныя въ первомъ нашемъ бѣлорусскомъ сборникѣ (Бѣлор. народн. пѣсни П. Шейна Спб. 1874 г., стр. 373):

1) Отъ того же г. Никифоровскаго: «Повсемѣстно въ Витебской губерніи лошадь, которая отвозитъ *нябощика* (покойника) на кладбище, пользуется почетомъ и уваженіемъ, которое сказывается въ томъ, что ее ведутъ не за поводья, нарочно на ту

пору отвязываемыя, а за полотенце, или поясъ, которыя замѣняютъ поводья. Въ Себежскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Рѣжицкимъ, этой лошади кланяются до земли. Замѣчательно также, что подъ *нябощика* впрягаютъ именно ту лошадь, которую онъ преимущественно любилъ при жизни».

2) Изъ Станиславовской волости Лепельскаго уѣзда, Витебской же губерніи, зап. волостнымъ писаремъ Тишецкимъ, по порученію бывшаго мироваго посредника М. Ѳ. Сазонова: «Тѣло умерщаго, не далѣе, какъ на другой день послѣ смерти, везутъ для погребенія на ближайшее кладбище. Для этого закладываютъ лошадь въ телѣгу, кладутъ гробъ на нее съ покойникомъ и здѣсь родственники и сосѣди снова прощаются съ нимъ, цѣлуя его въ лицо, а хозяинъ, остающійся въ домѣ, цѣлуетъ копыта какъ запряженной, такъ и другимъ своимъ лошадямъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ подобныхъ случаяхъ даже и прочему скоту цѣлуютъ копыта».

Послѣдній фактъ по своей единичности и первобытной дикости не могъ не возбудить во мнѣ нѣкотораго недовѣрія къ его дѣйствительности, хотя съ одной стороны волостному писарю, его записавшему, не было никакой надобности, никакой корысти выдумать такую диковину, особливо для передачи ея мировому посреднику, своему прямому начальнику, который имѣлъ въ рукахъ всѣ средства для уличенія его въ сочинительствѣ нелѣпостей, еслибъ только того захотѣлъ. Тѣмъ не менѣе это соображеніе не могло окончательно подавить во мнѣ разъ возбужденное сомнѣніе. Оно искало болѣе удовлетворяющаго, болѣе твердаго доказательства. Случай къ этому мнѣ представился только въ 1877 г. во время моей академической командировки, въ планъ которой между прочимъ входила строгая провѣрка на мѣстахъ тѣхъ изъ прежде напечатанныхъ мною матеріаловъ по бѣлорусской этнографіи, которые я получилъ изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ. Для достиженія этой цѣли я, разумѣется, не пропускалъ ни одного удобнаго, подходящаго случая. И вотъ будучи (въ концѣ сентября означеннаго года) въ с. Ратути-

чахъ (Бор. у. Минск. г.) въ гостяхъ у почтеннаго священника Дан. Евст. Мироновича, я, въ бесѣдѣ съ нимъ и его любезнымъ семействомъ, завелъ рѣчь о существующихъ въ ихъ мѣстностяхъ обычаяхъ и обрядахъ, при чемъ выразилъ тревожившее меня сомнѣніе относительно возможности существованія такого факта, какъ цѣлованіе копыта у лошади. Слушавшая меня весьма внимательно почтенная попадья не дала мнѣ продолжать и замѣтила: «И батюшка! не сомнѣвайтесь, это вѣрно, вамъ не солгали, это и до сихъ поръ ведется и у нашихъ крестьянъ, только не много иначе. А вотъ какъ: когда покойника вынесутъ и поставятъ на колёсахъ (телѣгѣ), то старшая дочка, или вообще старшая въ семьѣ кланяется запряженной въ этихъ колёсахъ лошади до земли, цѣлуетъ у нея копыта, приговаривая на распѣвъ:

«Мой коникъ ворою́сеньки,
Вязи татку помалю́сеньки;
Яго косточки болю́чія,
Штобъ яны не здрыгну́лися,
Штобъ яны не сколыхну́лися»!»

Дальше, къ сожалѣнію, почтенная матушка не могла припомнить. Понятно, что послѣ такого рода сообщенія со стороны почтеннаго лица, непосредственно наблюдавшаго этотъ обрядъ на мѣстѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, нѣтъ болѣе возможности сомнѣваться въ его дѣйствительности. Теперь остается только разыскать какъ можно болѣе разновидностей этого весьма замѣчательнаго обряда древняго языческаго культа въ другихъ губерніяхъ сѣверо-западнаго края, чтобы вѣрно опредѣлить границы его этнографической области. Замѣтимъ пока, что Ратутичи отъ раіона Станиславовской волости находятся на разстояніи не болѣе 100 верстъ.

II.

Той же губ., Динабургскаго уѣзда.

Едва только душа оставитъ тѣло человѣка, какъ уже члены семьи и родственники, не смотря на плачъ и рыданія, стараются закрыть умершему глаза и вообще придать тѣлу благообразныя черты. Изъ многихъ причинъ, побуждающихъ родныхъ къ этой заботѣ, есть одна, которая основана на вѣрѣ въ чародѣевъ. По мнѣнію народа, чародѣй (*колдунъ* и *чаровникъ* по мѣстному выраженію), умирая, много мучится, у него не легко душа разлучается съ тѣломъ, такъ что даже принуждены бываютъ вынимать доску изъ потолка для свободнаго прохода души, ибо она, какъ душа грѣшная, которую сопровождаютъ черти, не можетъ пройти обыкновеннымъ путемъ чрезъ окно или дверь, которыя были окропляемы св. водою и выжигаемы *страстною* свѣчею. Вслѣдствіе продолжительныхъ предсмертныхъ мученій тѣло чародѣя искажается. А потому вообще искаженныя черты лица и всего тѣла покойника считаются признакомъ нехорошимъ, «неприличнымъ». Затѣмъ покойника моютъ, вытираютъ, причесываютъ волосы, одѣваютъ въ чистое, бѣлое бѣлье и, положивъ на столѣ или на лавкѣ головою къ иконамъ, складываютъ ему руки крестообразно на груди, связавъ ихъ ленточками, чтобы онѣ отвердѣли въ такомъ положеніи; послѣ чего кладутъ ему на грудь икону и покрываютъ все тѣло бѣлымъ полотномъ. Когда все это сдѣлано, женщины принимаются за формальный плачъ, «голосятъ», по мѣстному выраженію, съ различными причитаніями, смотря по личности покойника и поэтическаго таланта причитывающей.

Поплакавъ и «поголосивъ», женщины принимаются за приготовленіе всего необходимаго для положенія покойника въ гробъ: шьютъ саванъ, бѣлыя туфли, подушку и проч.; одинъ изъ мужчинъ семьи — отецъ, сынъ или братъ покойника отправляется исполнять всѣ необходимыя приготовленія къ похоронамъ: заказываетъ гробъ, приглашаетъ дьячка или просто грамотея читать по покойникѣ псалтырь, проситъ священника отслужить панихиду или только заявляетъ ему о смерти члена его семьи и со-

вѣщается о времени погребенія. Относительно заготовленія гроба нужно замѣтить слѣдующее: если умеръ человѣкъ бѣдный, то всякій, имѣющій матеріалъ, отпускаетъ его безплатно для гроба покойника, а плотникъ или столяръ дѣлаетъ его тоже безвозмездно.

Въ то время, когда дѣлается гробъ, никто изъ входящихъ въ избу не долженъ говорить свое обычное «Богъ въ помощь», чтобы этимъ пожеланіемъ не усилить работы и не по способствовать, такимъ образомъ, увеличенію смертности. Похороны взрослаго человѣка совершаются у насъ на третій день по смерти, а до этого времени покойникъ лежитъ въ домѣ предъ иконами, предъ которыми теплятся свѣчи, и читается псалтирь день и ночь; если же близко церковь, то покойника, по положеніи въ гробъ, относятъ туда наканунѣ дня погребенія. Въ продолженіе этого времени въ домъ покойника приходятъ родственники и знакомые, творятъ при входѣ крестное знаменіе, плачутъ, вздыхаютъ и тихо разговариваютъ о жизни усопшаго, о его болѣзни и послѣднихъ минутахъ, сожалѣютъ о его сиротахъ, если таковыя остаются. Женщины изрѣдка принимаются «голосить» съ причитаніями. Этому акту придаютъ здѣсь важное значеніе. Если женщина, знакомая или родственница, пришедши въ домъ, не проголоситъ надъ покойникомъ нѣсколько стиховъ причитаній, то это считается неуваженіемъ къ покойнику и его ближнимъ роднымъ. Отъ этой обязанности освобождаются только совершенно безголосыя женщины, да старухи. И нужно замѣтить, что женщины обладаютъ большимъ искусствомъ въ этомъ дѣлѣ. Варьируя причитанія, онѣ придаютъ разнообразные оттѣнки мотивамъ и выраженію въ голосѣ. Встрѣчаются такія, которыя, обладая пріятнымъ голосомъ, выражаютъ въ этомъ плачѣ такую глубину чувствъ, что самые крѣпконервные люди не могутъ при этомъ удержаться отъ слезъ; плачутъ всѣ отъ ребенка до старика. Въ день погребенія отпѣваніе тѣла происходитъ въ церкви, если таковая близко, или священникъ приглашается на домъ, если покойникъ въ какой-нибудь дальней деревнѣ. Предъ отпѣваніемъ или выносомъ тѣла въ церковь происходитъ актъ положенія покойника

въ гробъ. Кладутъ его туда въ бѣломъ платьѣ и облекаютъ въ саванъ (въ черномъ платьѣ не принята). Относительно костюма покойника заботятся старушки и не пропускаютъ ни одной мелочи, потому что, по мнѣнію народа, умершій долженъ предстать въ этомъ одѣяніи предъ Богомъ на страшномъ судѣ. Многія старушки еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти заботятся о своемъ смертномъ одѣяніи: шьютъ бѣлые «картунники» (родъ сарафана безъ складокъ и сборокъ) и другія принадлежности[1]). При отпѣваніи присутствуютъ родственники и знакомые съ зажженными свѣчами въ рукахъ и нищіе, которыхъ на похоронахъ кормятъ и одѣляютъ подаяніемъ. Послѣ отпѣванія гробъ несутъ съ крестомъ и иконами въ присутствіи священника и при пѣніи «Святый Боже»... и въ сопровожденіи народа, бывшаго при отпѣваніи. Обычай погребальныхъ процессій здѣсь такъ строго соблюдается, такое значеніе придаетъ ему народъ, что священникъ не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этого обычая, не смотря ни на какія препятствія. На кладбищѣ священникъ служитъ литію, и гробъ опускается въ могилу при громкомъ плачѣ родныхъ. Надъ могилой ставится деревянный осьмиконечный крестъ или каменная плита съ надписью; иногда крестъ и плита ставятся по истеченіи нѣкотораго времени, потому что ко времени похоронъ не успѣютъ ихъ заготовить.

Когда все покончатъ съ могилою, то старшій изъ родственниковъ (хозяинъ) тутъ же на кладбищѣ приглашаетъ духовенство и весь народъ, шедшій за гробомъ, на обѣдъ—поминать покойника. Обычай устраивать похоронные столы свято соблюдается; всякій считаетъ своимъ долгомъ пригласить родственниковъ и знакомыхъ на поминовеніе. Разумѣется, количество гостей на похоронахъ обусловливается состояніемъ родственниковъ покойника. Бѣдный ограничивается лишь приглашеніемъ близкихъ родственниковъ да раздачею подаянія нищимъ; зажиточный же приглашаетъ всѣхъ, бывшихъ въ церкви и сопровождавшихъ покойника на кладбище; а богачи даже разсылаютъ наканунѣ гонцовъ въ окрест-

[1]) Ср. выше, стр. 510.

ныя деревни, приглашая народъ на похороны. Нищіе, зная, что на похоронахъ всѣхъ напоятъ, накормятъ и одѣлятъ щедрыми подачками, стекаются туда массами со всѣхъ сторонъ. По приходѣ въ домъ приглашенные размѣщаются по мѣстамъ за столомъ. Затѣмъ по данному знаку священника всѣ встаютъ и, пропѣвъ вмѣстѣ съ духовенствомъ «Со святыми упокой», принимаются за трапезу. Обѣдъ происходитъ въ тихихъ бесѣдахъ на темы большею частію религіознаго характера, а также о жизни поминаемаго и о различныхъ житейскихъ дѣлахъ.

Не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ относительно похороннаго стола. Въ противоположность бѣлорусскимъ уѣздамъ нашей губерніи [1]) здѣсь употребленіе водки и вообще крѣпкихъ напитковъ на похоронахъ считается не только поступкомъ неприличнымъ, но даже и грѣховнымъ. Мясная пища тоже не употребляется, хотя бы это было въ такіе дни, въ которые по уставу церковному употребленіе мяса разрѣшается. Прежде всего подается кутья, а затѣмъ разныя кушанья съ масломъ, молокомъ и рыбою, а также пшеничные пироги. Въ большомъ употребленіи тутъ сладкія кушанья, въ которыя входитъ медъ. Благодаря этимъ особенностямъ похороны здѣсь отличаются трезвостію, а вслѣдствіе этого всѣ присутствующіе находятся въ какомъ-то печальномъ, важно-религіозномъ настроеніи. — По истеченіи 40 дней со времени смерти покойника родственники и знакомые его собираются въ церковь на заупокойную литургію, послѣ которой устраиваются поминки точно также, какъ и на похоронахъ, и раздается подаяніе нищей братіи. Тоже самое дѣлается и по истеченіи года.

Зап. учен. виленской учит. института г. Сивицкимъ. Сообщ. учителемъ того же института П. Гр. Бывалькевичемъ [2]).

---

[1]) Динабургскій, Люценскій и Рѣжецкій уѣзды Витебской губ. называются Инфляндіей и населены въ значительной степени латышами и старообрядцами. *Ш.*

[2]) Всѣ записи учениковъ названнаго института вызваны по иниціативѣ многоуважаемаго его директора М. Арх. Дурова при усердномъ содѣйствіи г. Бывалькевича. *Ш.*

III.

Той же губ., Люцинскаго уѣзда.

Въ мѣстности Люцинскаго уѣзда, Витебской губерніи, находящейся на границѣ уѣздовъ Рѣжицкаго и Дриссенскаго, похоронные и поминальные обычаи мало отличаются отъ таковыхъ же обычаевъ другихъ губерній Бѣлорусскаго края. Жители этой мѣстности живутъ преимущественно отхожимъ промысломъ и, бывая подолгу какъ въ губерніяхъ Западнаго края, такъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи, вносятъ въ свою жизнь общіе взгляды, общіе воззрѣнія, понятія и обычаи. Такимъ образомъ, въ теченіе какихъ-нибудь двадцати пяти лѣтъ, почти совсѣмъ исчезли прежніе суевѣрные обычаи и нравы, которые были присущи этой мѣстности, когда здѣшній народъ еще жилъ отдѣльною, замкнутою жизнью. Обрядовая сторона, какъ при крещеніи, такъ при погребеніи и свадьбахъ, также значительно измѣнилась. Часто приходится слышать отъ стариковъ горькое сожалѣніе объ утраченныхъ обычаяхъ прошедшихъ годовъ и выраженіе неудовольствія новому поколѣнію (т. е. за отступленіе отъ завѣтной старины). Такъ напримѣръ по старинѣ: покойника нужно мыть на соломѣ съ обращеніемъ его лица на востокъ, а солому сжечь гдѣ-нибудь на перекресткѣ дорогъ. Мыть умершаго позволяется только чужимъ или самымъ отдаленнымъ родственникамъ. Выносить его изъ хаты нужно ногами впередъ. На кладбище слѣдуетъ нести дорогою, а не тропинкою и ни въ какомъ случаѣ нельзя переносить гробъ чрезъ чей-либо огородъ или черезъ поле, если тамъ нѣтъ большой дороги, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по вѣрованію здѣшнихъ крестьянъ, хлѣбъ не будетъ рости.

Въ настоящее время поминальные и похоронные обычаи состоятъ въ слѣдующемъ: когда больному дѣлается очень худо, то онъ, предчувствуя свою близкую кончину, созываетъ все свое семейство и близкихъ родныхъ, преподаетъ имъ совѣтъ, какъ жить послѣ него, гдѣ и какъ похоронить его тѣло и т. д. Потомъ онъ благословляетъ всѣхъ членовъ семейства, надѣляя каждаго деньгами, преимущественно серебряными. Жена и дѣти, видя

близкую кончину больнаго, не отходятъ отъ него, наблюдая каждый вздохъ, каждое его движеніе. Когда же больной начнетъ «конать» (умирать), то въ правую руку ему даютъ «громничную» (освященную на Срѣтеніе Господне или на Вербное воскресенье) свѣчу. Не успѣетъ больной испустить духъ, какъ по всему дому раздается плачъ. Вѣсть о смерти быстро разносится по всей деревнѣ. Собираются сосѣди, чтобы вознести свои молитвы за душу усопшаго. Надо замѣтить, что лица, долго не ходившіе въ домъ умершаго вслѣдствіе какой-нибудь ссоры съ хозяиномъ или съ кѣмъ либо изъ членовъ его семьи, теперь считаютъ своей обязанностью придти и помолиться за его душу. Между тѣмъ жена или взрослая дочь умершаго подходитъ къ трупу и начинаетъ голосить, сопровождая свой плачъ различными причитаніями.

Вслѣдъ затѣмъ, снявши съ умершаго одежду, въ которой онъ умеръ, его обмываютъ, одѣваютъ на него нижнее платье и кладутъ на лавку, головой въ передній уголъ, сверху же покрываютъ саваномъ.

Не только въ домѣ, гдѣ находится покойникъ, но и во всей деревнѣ въ эту пору замѣтна какая-то тишина и уныніе; всѣ становятся молчаливыми, грустными. Проѣзжій въ это время не можетъ не замѣтить, что въ селеніи что-то случилось особенное, такъ какъ на всѣхъ лицахъ видны какое-то горе и печаль.

Гробъ для покойника дѣлаютъ тотчасъ по его кончинѣ, обыкновенно, свои же деревенскіе, — безвозмездно. Внутри гробъ обиваютъ полотномъ и кладутъ туда подушечку, наполненную сухими листьями съ вѣника. Сдѣлать гробъ при жизни больного, хотя бы и не было надежды на его выздоровленіе, считается большимъ грѣхомъ[1]). Когда гробъ готовъ, его окуриваютъ различными травами, освященными 24-го іюня и въ Вербное воскресенье, и положивъ въ него покойника, выставляютъ его въ сѣняхъ.

---

[1]) А въ Витебскомъ уѣздѣ (а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ) на этотъ счетъ существуетъ другое воззрѣніе. См. выше, стр. 510. *Ш.*

На другой день по положеніи мертваго въ гробъ, опять собираются сосѣди, близкіе и дальніе родственники. Жена, сестры, дочери и другія родственницы, по принятому обычаю, начинаютъ голосить надъ гробомъ съ причитаніями.

Причитанія бываютъ самыя разнообразныя, смотря потому, кто голоситъ и по комъ: по отцѣ-ли, мужу, сыну или дочери. Чѣмъ даровитѣе плачущая, тѣмъ обильнѣе и содержательнѣе бываютъ ея причитанія. Голосятъ не только родные, но и знакомые.

На ночь гробъ выносятъ или въ амбаръ, или въ другое нежилое помѣщеніе. Чтеній псалтыри надъ покойнымъ у насъ почти не бываетъ.

На третій день послѣ смерти больного, а иногда и на второй, бываетъ погребеніе. Гробъ въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ приносятъ въ церковь, гдѣ служится панихида, послѣ которой его, въ сопровожденіи священника, относятъ на кладбище, гдѣ послѣ литіи опускаютъ въ могилу; при этомъ каждый изъ присутствующихъ считаетъ необходимымъ своимъ долгомъ бросить горсть земли на гробъ и воздать такимъ образомъ послѣдній долгъ умершему.

Зап. ученикомъ того же института г. Кунцевичемъ.

IV.

Минской губ., Игуменскаго уѣзда.

а) м. Шацкъ.

Въ послѣдніе моменты жизни человѣка окружающіе его родные или сосѣди считаютъ своею непремѣнною обязанностью дать ему въ руки зажженную свѣчу, изображающую, съ одной стороны, Предвѣчный Свѣтъ, предъ лице котораго предстаетъ человѣкъ по смерти, а съ другой, знакъ благоговѣнія, почтенія и жертвы Богу, — знакъ послѣдняго служенія человѣка Богу, покаянія и искупленія грѣховъ. Вотъ почему, не дать свѣчи «конающему» (кончающемуся) считается большимъ грѣхомъ. Непо-

средственно по кончинѣ человѣка ему закрываютъ глаза, что также считается непремѣнною обязанностью, вѣроятно, потому что умершій съ открытыми глазами производитъ непріятное впечатлѣніе, кажется весьма страшнымъ[1]). Такъ какъ закрытіе глазъ обыкновеннымъ способомъ — прижиманіемъ верхнихъ вѣкъ пальцами — не всегда удается, то для этого придуманы другія средства, какъ напр., накладываніе на глаза мѣдныхъ пятаковъ, оттягиваніе большихъ пальцевъ на ногахъ и т. п. Спустя нѣкоторое время, собираются родные, сосѣди и совершаютъ омовеніе «тѣла»; затѣмъ одѣваютъ его въ чистое, большей частью новое, бѣлье и лучшее платье, часто въ то, которое особенно любилъ покойный, и кладутъ на длинную, широкую скамью или на нарочно-приготовленный помостъ посрединѣ хаты, головой къ красному углу, къ иконамъ. Въ руки даютъ покойнику платокъ, а въ карманъ кладутъ мелкую монету, за которую онъ «на томъ свѣтѣ» покупаетъ себѣ мѣсто. Послѣ этого, мать, жена или ближайшая родственница принимаются за плачи съ причитаньями. Между тѣмъ приглашаютъ псаломщика или когольбо изъ сельскихъ грамотеевъ читать надъ покойникомъ псалтырь, за что, кромѣ выпивки и закуски, полагается еще денежное вознагражденіе. Надо сказать, что выпивка и закуска на похоронахъ имѣютъ очень важное значеніе: не будь ихъ, не открылъ-бы дверей къ покойнику никто не только изъ сосѣдей, но даже, пожалуй, изъ родныхъ. На второй, иногда на третій день приглашаютъ священника для отпѣванія и, такъ называемыхъ, «проводовъ» до мѣста погребенія. Но такъ какъ отпѣваніе на-дому и «проводы» обходятся, обыкновенно, очень недешево, то большей частью священника приглашаютъ прямо на кладбище. Иногда предъ выносомъ тѣла изъ дома въ гробъ кладутъ любимые предметы покойника, напримѣръ, трубку, табакерку и др. «Проводы» совершаются при пѣніи «Святый Боже»

---

1) Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ объясненіе этого факта, данное выше, на стр. 524. *Ш*.

или польскихъ пѣсенъ; впереди несутъ крестъ, хоругви и медленно звонятъ въ колокольчикъ. Заслышавъ его, поселяне выходятъ изъ своихъ домовъ, совершаютъ молитву, провожаютъ покойника до конца деревни и, возвращаясь домой, возлѣ своихъ воротъ отгребаютъ снѣгъ или песокъ и бросаютъ въ ту сторону, куда понесли покойника. Это дѣлается для того, чтобы покойникъ не имѣлъ возможности ходить въ эту деревню, какъ говорятъ нѣкоторые; я-же полагаю, что это есть обыкновенный обрядъ, установленный церковію. Войдя въ хату проводившіе покойника, нѣсколько разъ проводятъ обѣими руками по печкѣ для того, чтобы не заводились клопы.

Зап. учен. Виленск. учительск. института И. Михалковичъ.

V.

Того же уѣзда.

б) Бродецкой волости.

Умирающему, какъ и вездѣ въ нашей мѣстности, по существующему искони обычаю, даютъ въ руки восковую свѣчу, освященную въ церкви въ день Срѣтенія Господня, и всѣ родственники обоего пола собираются въ избу покойника, чтобы раздѣлить съ членами его семейства постигшее ихъ горе. Начинаются плачи съ причитаніями.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда уже вполнѣ стало ясно, что въ человѣкѣ нѣтъ ни малѣйшаго признака жизни, свѣчу вынимаютъ изъ его рукъ и ставятъ на покутѣ въ подсвѣчникъ, а за неимѣніемъ послѣдняго насыпаютъ въ какой-либо сосудъ зерна ржи, и ставятъ ее туда [1]). Въ это время одна изъ приглашенныхъ сосѣдокъ затопляетъ печку, грѣетъ воду для омовенія тѣла покойника и варитъ обѣдъ—скоромный или постный, смотря

---

[1]) Въ с. Новоселкахъ того же уѣзда зажженную свѣчу прямо ставятъ въ сосудъ со ржаными зернами, поставленный на кутѣ въ головахъ покойника. Изъ записк. учен. Молодеч. учит. семинаріи И. Сиротко. *Ш.*

потому въ какой день недѣли случилась смерть. Нагрѣтую воду наливаютъ въ новое корыто и сосѣди или знакомые (но отнюдь не родственники), заранѣе приглашенные для этой цѣли, приступаютъ къ омовенію тѣла покойника. Женщину обмываютъ женщины, мужчину — мужчины[1]). Послѣ омовенія покойника одѣваютъ въ чистое платье и кладутъ на покутѣ. Въ этотъ самый моментъ выступаетъ плакальщица и начинаетъ свои раздирающіе душу вопли. Плачетъ она до устали, до изнеможенія, пока ее не смѣнитъ другая. Всѣ почти присутствующіе, растроганные плакальщицами, плачутъ втихомолку. Нѣкоторое время спустя къ плакальщицѣ-родственницѣ умершаго подходятъ другія женщины и начинаютъ ее уговаривать, чтобы не мучила себя, перестала бы плакать: «Докуль табѣ плакаць, ищэ наплачэсься!» и съ этими словами отводятъ ее отъ покойника, трупъ котораго остается на мѣстѣ въ теченіе сутокъ. Всю ночь наканунѣ погребенія присутствующіе въ домѣ проводятъ безъ сна до самаго утра. Мѣстный псаломщикъ или кто-либо изъ грамотныхъ крестьянъ читаетъ надъ покойникомъ псалтырь. Чтеніе это по временамъ прерывается подкрѣпленіемъ присутствующихъ водкою и легкою закуской. Какъ только настанетъ день, приглашаютъ священника. Онъ служитъ панихиду, послѣ которой тѣло кладутъ въ гробъ. На голову покойнику надѣваютъ новую шапку, а въ руки даютъ ему платочекъ, для того, какъ говорятъ, чтобы онъ на томъ свѣтѣ не встрѣтился съ покойниками, съ голой головой и руками. Кто при жизни курилъ табакъ, тому въ гробъ кладутъ трубку или табакерку, если любилъ нюхать табакъ, часто и деньги, для покупки себѣ на кладбищѣ мѣста между покойниками, чтобы его послѣдніе не тревожили. Нѣсколько человѣкъ берутъ гробъ и выносятъ

---

[1]) Въ с. Новоселкахъ (того же уѣзда) омовеніе покойника заурядъ совершается бабами. — Тамъ же. Если умирающій долго страдаетъ предсмертными муками, то говорятъ: мусиць быць еты чаловѣкъ быў вялики грѣшникъ, альбэ волшебникъ и къ яму прилятаюць за душою черци, а коли ёнъ свое волшебство передае другому, то черци яго остаўляюць, бо имѣюць другую душу». Изъ зап. учен. Молодеч. учит. сем. И. Сиротко.—*III.*

его изъ хаты, а одна изъ родственницъ покойника въ это время беретъ въ сосудъ ржаныя зерна и бросаетъ горстью вслѣдъ покойнику для того, чтобы онъ и по смерти своей не лишилъ оставшихся въ живыхъ родственниковъ насущнаго хлѣба. Это она продолжаетъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока умершаго не вынесутъ за ворота со двора. Выбросивъ послѣднія зерна изъ сосуда, она его разбиваетъ объ уголъ хаты.

Зап. учит. народн. учил. Н. Г. Яцко.

VI.

Того же уѣзда [1]).

в)

По выносѣ покойника изъ дома, мѣсто его осыпаютъ овсомъ, въ который втыкается восковая свѣча. По отпѣваніи покойника по церковному обряду, тѣло его опускаютъ въ могилу съ принадлежностями, особенно покойниками уважаемыми и въ жизни ими любимыми. Если, напримѣръ, онъ былъ мастеръ плесть лапти, то непремѣнно туда кладутъ заплетенный лапоть съ пичикомъ и спицами, если плотникъ, или какой либо ремесленникъ, то топоръ, долото, скобель, пилу и пр. Кромѣ этихъ вещей съ каждымъ покойникомъ кладутъ въ гробъ: хлѣбъ — соль, яйца на *яичню* (яичницу), орѣхи, пиво и водку въ бутылкѣ, равно какъ и люльку съ табакомъ и огнивомъ, или табакерку съ табакомъ. Хозяинъ дома, изъ котораго вынесли покойника, идя съ кладбища въ домъ свой впереди всѣхъ, беретъ упомянутую выше свѣчу, ударяетъ ею въ верхній косякъ сѣнной двери крестообразно и бросаетъ ее отъ себя на отмашъ. Потомъ крестьянки собираютъ овесъ, которымъ было осыпано то мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, въ особый сосудъ и высыпаютъ въ мѣсто, никѣмъ не попираемое. Войдя въ избу, одна изъ старшихъ женщинъ беретъ горбушку хлѣба, оборачивается къ двери и, скобля мѣд-

---

[1]) Ни волости, ни деревни не обозначено. *Ш.*

ный грошъ, говоритъ слѣдующія слова, включающія покойника въ общій списокъ ея умершихъ родныхъ: «дзѣды, бабульки, бацьки, матульки, дзядзюхны, цетухны, примеце къ себѣ помершаго нашаго бацюхну (если умеръ отецъ) и живице тамоки зъ имъ добре, не спорецеся и пр.» Затѣмъ начинается угощеніе.

Семинаристъ П. Валюковичъ. Минск. Губ. Вѣдом. 1867 г., № 12.

VII.

Минской губ., Новогрудскаго уѣзда.

а) м. Негнѣвичи.

Умирающіе очень часто дѣлаютъ завѣщанія и распоряженія (преимущественно устныя) о своемъ имуществѣ. Какъ письменнымъ, такъ и устнымъ завѣщаніямъ родными покойнаго и общиной придается вполнѣ законная сила.

Когда человѣкъ умираетъ, его обмываютъ, одѣваютъ въ чистое бѣлье и кладутъ на лавкѣ—притомъ такъ, чтобы головою онъ былъ обращенъ въ красный уголъ, а ногами къ выходной изъ избы двери. Изба, гдѣ находится покойникъ, оглашается плачемъ и воплемъ какъ родныхъ умершаго, какъ сосѣдей и знакомыхъ. Особенной чувствительностью въ данномъ случаѣ отличаются, разумѣется, женщины: ихъ вопль, стонъ и отчаяніе доходятъ иногда до того, что невольно, смотря на нихъ, начинаешь какъ-то опасаться не только за здоровье нѣкоторыхъ, но даже за самую ихъ жизнь.

Посѣтить покойника, отдать послѣднюю подобающую честь его праху и помолиться за него считаютъ священной обязанностью не только сосѣди умершаго, но весьма нерѣдко и нѣкоторые изъ жителей окрестныхъ ближайшихъ селеній. Надъ гробомъ своихъ родныхъ и вообще близкихъ сердцу людей дѣвицы, въ знакъ глубокой печали, расплетаютъ свои косы.

Хоронятъ покойника обыкновенно на второй день послѣ его смерти (рѣдко на третій день, а еще рѣже въ самый день смерти); на кладбище его сопровождаютъ родственники и ближайшіе зна-

комые, а если покойникъ былъ богатъ, то и священникъ. Говорю послѣднее потому, что священники за сопровожденіе умершаго на кладбище берутъ плату, которая бѣднякамъ не всегда бываетъ подъ силу. Если священникъ не сопровождаетъ покойника, процессія представляетъ слѣдующій видъ: впереди, съ крестомъ въ рукахъ, идетъ старикъ, а за нимъ — два-три также по возможности пожилыхъ мужчины съ хоругвями (число хоругвей также обусловливается матеріальнымъ состояніемъ родственниковъ покойнаго, ибо за нихъ взимается извѣстная плата); за несущими хоругви везутъ на телѣгѣ покойника, за которымъ уже слѣдуютъ всѣ прочіе, участвующіе въ процессіи. Нельзя не упомянуть также про явленіе, бросающееся въ глаза при шествіи погребальной процессіи чрезъ селеніе: жители домовъ, мимо которыхъ проносятъ покойника, выходятъ на улицу, читаютъ приличныя случаю молитвы и цѣлуютъ предшествующій процессіи крестъ, затѣмъ, когда уже пронесутъ покойника, берутъ немного земли и бросаютъ вслѣдъ за процессіей. Этотъ обычай, надо полагать, аналогиченъ обычаю бросать землю въ могилу умершаго и выражаетъ ту же идею: «ты изъ земли взятъ и въ землю отыдеши». Богатые хоронятъ своихъ покойниковъ съ обѣдней, а бѣдные ограничиваются одной панихидой.

Понятія нашихъ крестьянъ о загробной жизни весьма смутны. Они признаютъ существованіе рая и ада. Въ раю обитаетъ Богъ съ сонмами своихъ ангеловъ,—тамъ очень хорошо праведникамъ жить «якъ ни одному мильянеру на зямли». Адъ же—есть безпредѣльная бездна, находящаяся подъ землею. О размѣрахъ его они говорятъ: «якъ небо высоко, такъ пекло глыбоко». Они вѣрятъ, что въ моментъ смерти человѣка къ его одру является ангелъ и дьяволъ, — послѣдній предъявляетъ воловью кожу, на которой записаны всѣ грѣхи умершаго. Тогда между добрымъ и злымъ духомъ происходитъ споръ, который оканчивается тѣмъ, что тотъ или другой завладѣваетъ его душой, смотря потому, насколько человѣкъ былъ грѣшенъ. Что-же касается до смерти вѣдьмъ, то онѣ, разставаясь съ земной жизнію, должны передать свое вѣдь-

марство кому-либо изъ родныхъ, желающихъ воспользоваться имъ. Если же подобное лицо не скоро является, то вѣдьма испытываетъ страшнѣйшія мученія, которыя оканчиваются вмѣстѣ съ жизнію только тогда, когда оно явится. Душа вѣдьмы уносится дьяволомъ въ адъ, гдѣ подвергается самымъ жестокимъ истязаніямъ. Ее нечистые духи жгутъ, варятъ въ кипящей смолѣ и т. д. Изо всѣхъ грѣшниковъ вѣдьма подлежитъ самой тяжелой отвѣтственности предъ Богомъ за свои грѣхи. По представленіямъ многихъ (но далеко не всѣхъ) крестьянъ душа человѣка, чтобы попасть въ рай, должна предварительно пройти четыре огня, въ которыхъ она очищается отъ грѣховъ.

Зап. учен. Виленск. учительск. института Котляръ.

VIII.

Той же губ. и уѣзда.

б) м. Еремичи.

(Изъ воспоминанія дѣтства).

Я былъ еще 8-ми лѣтнимъ ребенкомъ, когда лишился дорогой своей матери. Какъ теперь помню моментъ ея кончины. Это было зимою въ праздничный день, когда совсѣмъ уже стемнѣло. Я, какъ деревенскій мальчикъ, вмѣстѣ съ сотоварищами по школѣ и сверстниками, до сумерекъ катался по льду на салазкахъ и, возвратясь домой съ мороза и утомленный, не дожидаясь ужина, заснулъ. Въ дремотѣ мнѣ слышались тяжелые вздохи моей больной матери. Но эти вздохи меня мало безпокоили, потому что мать хворала и раньше, а я еще такъ мало понималъ страданія больныхъ, что мнѣ казалось, будто больные не особенно сильно страдаютъ, ибо и мнѣ было довольно легко, когда я болѣлъ корью. Шумъ и смятеніе въ комнатѣ разбудили меня. Я вскочилъ. Около одра матери стоялъ отецъ и всѣ домашніе. Она лежала съ полуоткрытыми туманными глазами, сложивъ на груди руки; въ рукахъ ея теплилась восковая свѣча. Окружающіе читали молитву. Я, ничего не понимая, смотрѣлъ на все это въ какомъ то испугѣ. Ровное ея дыханіе становилось все тише и тише;

наконецъ, она поворотила лицо въ сторону окружающихъ, открыла глаза, уста чуть зашевелились: она хотѣла что-то сказать, но вмѣсто словъ изъ груди вырвался чуть слышный вздохъ; вѣки глазъ опустились, ротъ такъ и остался полуоткрытымъ. Всѣ стояли какъ окаменѣлые. Я началъ звать: «Мама!..» Отвѣтомъ на мой зовъ были рыданія окружающихъ умершую... Меня подвели къ ней, и что послѣ этого случилось, не помню. Когда я проснулся, уже было свѣтло. Тѣло усопшей было убрано по праздничному и лежало «на лавкѣ», у стола «подъ образами». Въ комнатѣ, кромѣ домашнихъ, было много крестьянъ односельчанъ обоего пола и разнаго возраста. Многіе стояли на колѣнахъ предъ иконами и про себя творили молитву; другіе, окончивши молитву, стояли ближе къ двери и что-то полушопотомъ говорили, посматривая изрѣдка то на умершую, то на меня и мою младшую сестру. Одна изъ молящихся, дѣвушка лѣтъ 18-ти, заходившая къ намъ довольно часто, встала и, поцѣловавъ руку усопшей, огласила комнату истерическими рыданіями. Изъ словъ, произносимыхъ рыдавшей, я понялъ, какъ дорога была для меня мать, какую потерю принесла она своею смертью для всей нашей семьи вообще и для каждаго ея члена въ отдѣльности; мало этого, я уразумѣлъ (изъ произносимыхъ рыдавшею словъ) отношенія моей матери къ односельчанамъ. Да, это не былъ плачъ, понимаемый въ обыкновенномъ смыслѣ, — а цѣлое надгробное слово, выраженное рыданіями въ поэтическихъ образахъ Но рыдавшая еще не кончила причитаній, какъ къ ней подошла другая дѣвушка, наша сосѣдка, и тоже начала рыдать и причитывать, въ сущности то же самое, что и первая, но совершенно въ иныхъ выраженіяхъ и образахъ. Каждое выраженіе, сравненіе плакавшихъ разрывало мнѣ сердце; думаю, что и другіе чувствовали то же, ибо всѣ заливались слезами. Помолившись и наплакавшись вдоволь, селяне уходили; за ними приходили другіе — и опять повторялось то же. Нужно сказать, что покойница была любима селянами, какъ женщина, откликавшаяся на чужое горе и знавшая лѣчебныя травы отъ нѣкоторыхъ болѣзней, а въ деревнѣ это кладъ.

Когда гробъ (домовина) былъ готовъ, пригласили священника. Послѣ панихиды, когда усопшую собирались класть въ гробъ, женщины начали тѣсниться къ ней для прощанія, и комната наша опять наполнилась рыданіями. Наконецъ, чуть-ли не силой отстранили плакавшихъ отъ умершей; послѣдней дали въ руки восковую свѣчу и носовой платокъ съ мѣдной монетой, которая, по понятіямъ народа, нужна усопшему для покупки себѣ мѣста тамъ, куда онъ переходитъ на жительство. Гробъ съ конца въ конецъ обмотали нѣсколько разъ ярко-красной шерстяной нитью (значенія этого обычая не знаю), послѣ чего положили въ него усопшую. У ногъ ея положили мыло, оставшееся послѣ омовенія ея тѣла какъ и срѣзанные при этомъ концы ногтей. Ногти, по вѣрованію народа, нужны усопшему для того, чтобы дѣлать изъ нихъ лѣстницу при восхожденіи на небо, когда за какіе либо грѣхи ему придется нѣкоторую часть пространства идти самостоятельно. Вотъ почему у насъ никто никогда не бросаетъ зря срѣзанные свои ногти, а кладетъ ихъ непремѣнно за пазуху [1]). Такое вѣрованіе въ народѣ еще и теперь не рѣдкость. — Когда все нужное было сдѣлано, гробъ съ усопшей вынесли изъ хаты, ногами впередъ и такъ несли до кладбищенской церкви, гдѣ на слѣдующій день была совершена заупокойная литургія. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, всѣ присутствующіе, по примѣру священника, бросили на гробъ по три горсти земли; меня заставили сдѣлать то же. Не дожидаясь окончанія зарытія могилы, я поспѣшилъ домой, потому что было очень холодно.

Къ этимъ воспоминаніямъ не лишнимъ считаю прибавить слѣдующія наблюденія, сдѣланныя мною впослѣдствіи. Когда похоронная процессія проходитъ мимо домовъ обывателей, то у насъ каждый изъ взрослыхъ, замѣтивши ее, обязанъ проводить гробъ до ближайшаго креста, стоящаго при дорогѣ, гдѣ обыкновенно шествіе останавливается и читается молитва вслухъ. Кто этого не сдѣлаетъ, того усопшій будетъ долго безпокоить. Если процессія пройдетъ мимо дома въ тотъ моментъ, когда тамъ

---

[1]) А потомъ куда ихъ дѣваютъ? *Ш.*

обѣдаютъ, то всѣ встаютъ изъ-за стола и обѣдъ прекращается на время; если же кто изъ взрослыхъ въ то время спитъ, то его непремѣнно разбудятъ; спящему же ребенку кладутъ въ изголовье головную щетку, а въ ногахъ — столовый ножъ. Если при выносѣ покойника изъ деревни встрѣтится прохожій, направляющійся въ деревню, то онъ обязанъ посторониться съ дороги, иначе онъ будетъ причиной новой смерти, долженствующей послѣдовать въ этой деревнѣ черезъ нѣсколько дней. Провожавшіе покойника, возвратясь домой, потираютъ руки о печку, для того, чтобы въ домѣ не разводились клопы.

Одежду для умершаго приготовляютъ безъ употребленія ножницъ, а гдѣ нужно разрѣзать матерію, то ее разрываютъ.

Зап. учен. Виленск. учит. института Н. Сучко.

IX.

Той же губ. Мозырскаго уѣзда.

а) м. Вересница.

Умершаго обмываютъ и одѣваютъ какъ слѣдуетъ и затѣмъ кладутъ на лавкѣ подъ образа (къ покутью). Сапоги надѣваютъ на покойника безъ подковъ и желѣзныхъ гвоздей. Въ лѣвую руку влагаютъ ему восковую свѣчу, правую же оставляютъ свободною для крестнаго знаменія. Если покойникъ молодыхъ еще лѣтъ, то кладя его въ гробъ, ему развязываютъ воротникъ рубашки, для того, чтобы оставшіеся вдовецъ или вдова скорѣе могли вступить въ бракъ. Когда покойника выносятъ изъ хаты, то одна баба становится у двери, около печи, а другая съ противоположной стороны за дверью, въ сѣняхъ и какъ только гробъ пронесутъ въ дверь, то баба, стоящая въ сѣняхъ передаетъ черезъ гробъ хлѣбъ-соль той, которая стоитъ у печки, что́ означаетъ: покойникъ изъ хаты, а хлѣбъ-соль въ хату. Этотъ обычай у насъ повсемѣстный [1]).

---

[1]) Въ Оздомическомъ приходѣ (въ 15-ти верстахъ отъ Вересницкаго) «при выносѣ покойника изъ дома его непремѣнно нужно обсыпать хмѣлемъ и зернами ржи, такъ какъ за несоблюденіемъ сего покойникъ не будетъ благопріят-

Въ моемъ приходѣ покойника везутъ на кладбище не иначе, какъ на телѣгѣ, запряженной парой воловъ.

По выносѣ покойника изъ хаты оставшіяся тамъ бабы тотчасъ же принимаются очищать ее, мыть лавку, на которой лежалъ покойникъ и затѣмъ осыпаютъ всю внутренность хаты рожью и хмѣлемъ.

Прежде, чѣмъ опустятъ гробъ въ могилу, бросаютъ туда копѣйку; это значитъ купить себѣ мѣсто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ еще въ гробъ покойнику одну смѣну чистаго бѣлья.

На другой день нѣкоторые изъ родныхъ покойника идутъ на могилу *побужаць*, послѣ чего просятъ позвонить по покойнику.

Сообщ. свящ. Ст. Сулковскій, 17-го окт. 1887 г.

X.

Того же уѣзда.

б) м. Петриковъ.

Когда дѣлаютъ гробъ для покойника — никто не долженъ переступить черезъ гробовую крышку, и кто переступитъ, того умершій по ночамъ будетъ безпокоить. Послѣ выноса изъ дома покойника тотчасъ же посыпаютъ на полъ и лавки немного сѣмянъ ржи, чтобы оставшіеся въ домѣ живы были. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ покойникъ до положенія его въ гробъ, старшій въ домѣ непремѣнно долженъ посидѣть, для того, чтобы на томъ мѣстѣ сидѣли, или лежали живые[1]). При опущеніи въ могилу гроба съ тѣломъ покойника, кто-либо изъ родныхъ его старается непремѣнно бросить въ могилу копѣйку или двѣ, съ цѣлью купить землю покойнику. Въ гробъ покойнику кладутъ любимые имъ

ствовать съ того свѣта роднымъ и знакомымъ, чрезъ что между ними будетъ скоро другой покойникъ». Изъ ст. свящ. Ѳ. Чистякова: «О бытов. и религіозно-нравственномъ состояніи Оздомич. прихода», въ Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г., № 20, ч. неоф.—*Ш.*

[1]) Тоже самое дѣлается и въ селѣ Бучатинѣ (Вызнянской волости Слуцк. уѣзда) въ силу того повѣрья, что тотъ, кто сядетъ на ложе умершаго большака, непремѣнно утвердится на вѣки въ этомъ домѣ. (Изъ записи ученика Несвяжс. учит. семинаріи Лягуна.) *Ш.*

при жизни предметы и принадлежности его привычекъ, напр., трубку, если покойникъ курилъ табакъ и т. п. Одному покойнику просили дозволить положить въ гробъ скрипку, на которой онъ игралъ при жизни, и когда это не было дозволено, просили положить хоть однѣ струны, и когда и это не было допущено, съ объясненіемъ при этомъ, что въ такомъ случаѣ много разныхъ орудій и инструментовъ пришлось бы положить покойнику, напр., соху, косу, топоръ и пр. и что на томъ свѣтѣ не сѣютъ, не жнутъ и не играютъ на скрипкѣ и пр., то родные покойника остались этимъ очень недовольны, но украдкой все-таки положили въ гробъ струны. Веревки, которыми опускаютъ гробъ въ могилу, оставляютъ на кладбищѣ и вѣшаютъ на деревѣ, если таковое есть около могилы, или же на надмогильномъ крестѣ, такъ что деревья и кресты увѣшаны истлѣвшими, или еще довольно прочными веревками, которыхъ однако никто не посмѣетъ взять для употребленія. Во время эпидемій, когда часто умираютъ люди отъ одной и той же болѣзни, отъѣзжающему послѣ погребенія священнику кладутъ въ повозку тайкомъ небольшіе остатки дерева отъ гроба покойника.

Изд. ст. свящ. Димитрія Пашина (помѣченной 1859 г.): Нѣкотор. суевѣрные обычаи и предразсудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда, Минск. Епарх. Вѣдомости. 1880 г. № 3. Ч. неоф., стр. 58—9.

XI.

Гродненской губ. Волков. уѣзда, м. Старина.

Когда человѣкъ умираетъ, то ему, при послѣднемъ издыханіи, даютъ въ руки громничную свѣчу. Старшій изъ присутствующихъ въ домѣ осѣняетъ умирающаго крестнымъ знаменіемъ. Замѣчательно, что крестьяне въ нашей мѣстности, большею частью, умираютъ безъ исповѣди: не введено почему-то въ обычай приглашать священника для исповѣди опасно больного.

Когда же человѣкъ, какъ говорятъ крестьяне, окостенѣетъ, то посылаютъ за повивальною бабкою, которая съ помощью другихъ женщинъ должна омыть умершаго, за что, конечно, полу-

чаетъ извѣстную плату. Умершаго омываютъ теплою водою въ большихъ «ночевкахъ», послѣ чего его одѣваютъ въ чистую, бѣлую рубаху изъ тонкаго холста и таковые же штаны; женщинамъ надѣваютъ сподницу (юбку) своего издѣлія; на ноги надѣваютъ бѣлые чулки; а въ послѣднее время часто стали надѣвать сапоги, женщинамъ — башмаки. Головы, большею частью, не покрываютъ, но иногда надѣваютъ шапку: мужчинамъ мужскую, а женщинамъ женскую, сдѣланную изъ красной матеріи. Если же умираетъ дѣвица или юноша, то ихъ одѣваютъ какъ къ вѣнцу: голову дѣвицы украшаютъ лентами разныхъ цвѣтовъ; если же это бываетъ лѣтомъ или весною, то кладутъ на голову вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, на руку надѣваютъ кольцо. При положеніи въ гробъ мертваго покрываютъ полотномъ. Гробъ дѣлается изъ сосновыхъ досокъ крестьянами, не находящимися съ покойникомъ въ родствѣ. (Крестьяне считаютъ по чему то грѣхо́мъ дѣлать гробъ или рыть могилу для своего близкаго родственника). Также гроба не красятъ ни какою краскою.

Когда покойника одѣнутъ, то его кладутъ въ почетномъ углу, на лавкѣ, помѣщенной около наружной стѣны, головою къ образамъ. Затѣмъ начинается плачъ по покойнику. Плачутъ жена, мать, дѣти, родственники, конечно, если они есть; плачутъ наконецъ и знакомые присутствующіе. Этотъ плачъ не для формы только, напротивъ, въ немъ выражается истинная скорбь и сожалѣніе объ умершемъ. Тутъ вы услышите, какъ отъ избытка сердца уста глаголютъ. Нерѣдко дѣвицы слагаютъ цѣлыя элегіи, которыя полны поэзіи, художественности и красоты. Вы, слушая ихъ, невольно плачете.

Въ деревнѣ, какъ только узнаютъ о смерти кого нибудь, тотчасъ начинаютъ собираться въ домъ къ покойнику. Всякій, приходя въ домъ, становится на колѣни и читаетъ шепотомъ молитву объ упокоеніи души умершаго. По окончаніи молитвы онъ подходитъ къ покойнику, цѣлуетъ его, прощается съ нимъ, снова читаетъ молитву, снова его цѣлуетъ, и, если его не пригласятъ закусить и выпить водки, которая тутъ же на столѣ,

то онъ уходитъ вскорѣ домой. Приглашенные же остаются, чтобы поплакать по покойникѣ, утѣшать его семью и помочь приготовить его къ погребенію. Если семья покойнаго въ постигшемъ ея горѣ обратится къ кому-либо за нужною помощью, какъ напримѣръ, состроить гробъ и т. п., то ей въ томъ никто не откажетъ, потому что неисполненіе подобной просьбы считается страшнымъ грѣхомъ.

Болѣе зажиточные крестьяне приглашаютъ чтеца, знающаго польскую грамоту. Онъ, вмѣсто псалтыри, читаетъ надъ покойникомъ польскія заупокойныя молитвы, а то часто и поетъ тѣ же самыя молитвы, въ чемъ ему помогаютъ другія лица.

Спустя сутки, а то и болѣе, послѣ смерти покойника, его отвозятъ въ церковь, а чаще всего прямо на кладбище. Гробъ провожаетъ чуть не цѣлая деревня, только нѣкоторые крестьяне, занятые неотложной работой выходятъ только въ это время на улицу и, ставъ на колѣни, читаютъ молитву. Толпа народа не отстаетъ отъ подводы съ гробомъ и по выѣздѣ ея изъ-за околицы деревни. Когда гробъ на пути поровняется съ большимъ деревяннымъ крестомъ, который можно встрѣтитъ въ концѣ каждой деревни, шествіе останавливается, и водворяется тишина, всѣ становятся на колѣни и молятся объ упокоеніи души усопшаго. Послѣ молитвы каждый изъ провожающихъ беретъ въ руки по горсти земли, а зимою—снѣга и бросаетъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ гробъ, въ замѣнъ того, что приходилось бы ему дѣлать на кладбищѣ при зарытіи гроба въ землю. Наконецъ подвода съ гробомъ, который въ это время закрывается уже крышкою, трогается съ мѣста и народъ съ печалью въ сердцѣ расходится по домамъ. Но съ раздирающимъ сердце рыданіемъ и воплемъ оставляютъ покойника его родные. Иногда приходится только съ большимъ усиліемъ оттащить ихъ отъ гроба и отвести домой. Случается, хотя очень рѣдко, что проводить покойника, приглашаютъ священника, но крестьяне охотнѣе берутъ для отпѣванія своего грамотея, потому что съ нимъ они могутъ и сами пѣть заупокойныя пѣсни, хотя и польскія.

Если церковь недалеко, то покойника отвозятъ туда, гдѣ онъ и остается въ теченіе двухъ сутокъ. На третьи же сутки по отслуженіи панихиды, а иногда и обѣдни, его отвозятъ на кладбище, гдѣ онъ и предается землѣ. Присутствованіе при погребеніи покойника не считается непремѣннымъ долгомъ, почему изъ родственниковъ и знакомыхъ мало кто при этомъ и остается.

При опусканіи гроба въ могилу, или какъ крестьяне выражаются, *въ долъ*, всѣ присутствующіе бросаютъ туда по горсти земли, послѣ чего могилу зарываютъ и ставятъ на ней небольшой деревянный крестъ, а иногда сажаютъ деревья и цвѣты, для того собственно, чтобы потомъ можно было легко узнать могилу, когда придутъ на кладбище поплакать и помолиться, что̀ наши крестьяне очень часто дѣлаютъ. Небольшой крестъ иногда замѣняется впослѣдствіи большимъ, который служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и памятникомъ. Другихъ памятниковъ не дѣлаютъ.

Изъ записи ученика Виленск. учительск. института Попенюка.

XII.

Того же уѣзда.

б) Лашинской волости.

Умершаго, по обыкновенію, обмываютъ теплою водою и одѣваютъ въ самую лучшую праздничную одежду. Умершую дѣвицу одѣваютъ, какъ подъ вѣнецъ: на головѣ бѣлый платокъ, въ который втыкаютъ 2 букета цвѣтовъ, преимущественно изъ руты, если лѣтомъ, а зимой — изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Покойника, какого бы онъ ни былъ пола и возраста кладутъ на лавку (неподвижную скамью вдоль стѣны), головою къ почетному углу, такъ называемому *покуцю*, а ногами къ полу [1]). Никогда покойниковъ не кладутъ ногами къ порогу, а непремѣнно такъ, чтобы вошедшему въ хату голова его пришлась съ лѣвой, а ноги съ

---

[1]) Нары, помѣщающіяся между печкой и задней стѣной хаты. См. выше стр. 124. *Ш.*

правой стороны. На покуцѣ, позади головы умершаго немедленно ставятъ цѣльный ржаной хлѣбъ, *бохонъ*. Родные, преимущественно женщины, становятся у ногъ покойника и начинаютъ его оплакивать съ разными причитаніями, въ которыхъ часто высказывается цѣлый очеркъ его жизни.

Крестьяне Гродненской губерніи всегда любили и любятъ хоронить своихъ покойниковъ съ подобающей торжественностью, и поэтому къ выносу изъ дома тѣла умершаго на кладбище всегда приглашаютъ священника, если только онъ есть по близости. Въ дальнихъ же деревняхъ вмѣсто священника приглашаютъ для этой цѣли причетника. За молитву и проводы платятъ — священнику 50 коп., а причетнику, если онъ служитъ одинъ, безъ священника — два гарнца гороха, или чечевицы, а иногда — бобовъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ крупъ ячменныхъ и 15 к. Когда кладутъ въ гробъ покойника, то ему съ правой стороны въ головахъ кладутъ то, что любилъ онъ при жизни, напр. водку (въ бутылкѣ), табакъ въ табакеркѣ или трубку съ нѣсколькими листочками махорки.

При выносѣ покойника изъ дома, кто-нибудь изъ домашнихъ или родственниковъ наливаетъ въ миску около гарнца чистой воды, всыпаетъ туда съ кварту овса и, обойдя три раза вокругъ запряженной лошадью подводы съ этой смѣсью, обливаетъ ею послѣднюю. При этомъ нужно замѣтить, что на жеребной кобылѣ покойника ни за что не повезутъ, потому что говорятъ: «выбросиць ена жеребенка, ажъ до трецьцяго дня и самя здохнець». Выносятъ покойника непремѣнно ногами впередъ. «Коль небощики вынесуць» говорятъ, «ўперодъ головою, то ў доми ўси до одного вымруць». Если умершій хозяинъ дома и у него есть дочери, то онѣ садятся на его гробъ, припадаютъ къ нему головою и, поддерживая ее руками, плачутъ, приговаривая: «А мой же ты, татулечка! а мой же роднюсеньки (печальная процессія въ это время трогается съ мѣста)! да пожегнайся[1]) ты съ цэлымъ свѣтомъ, да съ сусѣ-

[1]) Т. е. прощайся.

дами! да попроси ты ихъ, кабъ яны насъ не гнеўбили, да не крыўдзили». Подъѣзжая къ дому, хозяинъ котораго жилъ не въ ладахъ съ умершимъ, плачущія говорятъ: «А мой ты, татýлечка, а мой ты роднюсенькій! да перепроси ты дзядзьки, што межъ вами была незгóда, да нареканьне, а цеперь одзинъ другому даруйце, бо вы, бывало, одзинъ на другого воўкомъ глядзѣли, а цеперь уже нема за што гнѣватца. И ты, дзядзинько, Петрукъ или Боўтрукъ». А *дзядзько* если прощаетъ умершему, то, выйдя изъ своей хаты, становится на колѣни и взявъ немного земли, потряхиваетъ ее руками и говоритъ: «добрый быў чаловѣкъ Езыбъ, или Михасъ (Іосифъ или Михаилъ, т. е. имя покойника); дарую я тобѣ, братóчка! Нехай тобѣ Бохъ дасьць небо»! Если же этотъ хозяинъ прощать умершему не желаетъ, то онъ не выходитъ изъ своего дома. Во время провоза покойника обыкновенно на дорогу выходятъ всѣ домохозяева со своими семействами, становятся на колѣни и читаютъ молитвы (Отче нашъ, Богородицу и вѣчную память), по окончаніи которыхъ берутъ съ наперстокъ земли въ руки, трутъ ее ладонями и говорятъ: «нехай ему, или ей Бохъ ласкáвы дасьць небо!» и выбросивши затѣмъ изъ рукъ землю, расходятся по домамъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Лашинскаго прихода, какъ напримѣръ: въ Козлахъ, Конюхахъ, Могилянахъ и друг., по возвращеніи съ кладбища телѣгу, на которой везли умершаго, ставятъ оглоблями вверхъ на крышу, такъ что задні колеса стоятъ на землѣ, а переднія висятъ на воздухѣ. «Гэто на тое» говорятъ крестьяне, «штобъ небощику легчей було ѣхаци до неба».

О завѣщаніяхъ крестьянъ могу сообщить весьма точныя свѣдѣнія, доходящія, впрочемъ, только до 1860 года.

Мнѣ случалось быть очевидцемъ при завѣщаніи двухъ крестьянъ, бывшихъ въ отчаянно-больномъ состояніи. Первый изъ нихъ крестьянинъ Лашинскаго прихода (Гродненскаго уѣзда), деревни Концовщины, Степанъ Кравцевичъ предъ смертью призвалъ своихъ 4 сыновей (пятый въ то время былъ въ солдатахъ) и сказалъ имъ слѣдующее: «Дзѣтки мои роднюсеньки! вы бачице,

што я зусимъ цеперъ хворы и здаетца, што ужъ не выду зъ гэтой хворобы, то ты Ясю (т. е. Иванъ, имя старшаго сына) застае́шса господаро́мъ, а вы дзѣтки слухайце его, якъ старшаго брата, шануйце его, бо ёнъ вартъ, кабъ его слухаць, бо ёнъ не распусникъ, уже жанатый, хоць вы всѣ ничо́го хлопцы (т. е. хорошіе), але ёнъ старши, то треба его слухаць, якъ мене. А коль захочице женитца и другіе зъ васъ который колвѣкъ, то раздзѣлецеся промежъ собой, да не забывайце, дзѣтки, и брата своего Каземера, што у москалёхъ (т. е. въ солдатахъ)». Потомъ онъ обратился къ *сыно́вой* (т. е. къ невѣсткѣ): «И ты, Багуська, не крыўдзь ни кого, але всѣ шануйце одно другого, то васъ людзи будуць и Богъ будзе любици. Мене поховайце, дзѣтки, зъ *имшою* и каждой осени повинно быць *акзефія* (т. е. обѣдня съ панихидой). А гроши, што я виненъ жиду съ Намодръ[1]) 30 рублей, то глядзице, дзѣтки, оддайце ему, кабъ ёнъ не тривожіў моихъ косьцей и не проклинаў мене́ на томъ свѣцѣ, бо зъ чужихъ грошей не велика наўда (польза)». Пять дней спустя Степанъ Кравцевичъ умеръ и сыновья въ точности выполнили волю своего отца. Старшій Андрей, — калѣка, не женатый, и Иванъ, женатый на Богумилѣ, остались на отцовскомъ мѣстѣ, а Михяилъ и Николой поселились въ той же деревнѣ на другомъ участкѣ, отведенномъ для нихъ управляющимъ Копчевскимъ.

Въ другой разъ мнѣ довелось въ Лашѣ присутствовать при завѣщаніи крѣпостнаго крестьянина помѣщика Буховецкаго, Степана Лиды. Онъ за три дня предъ смертью призвалъ трехъ своихъ сыновей и по обыкновенію внушилъ имъ жить по-христіански и въ особенности молиться за его душу, давать деньги на обѣдни и на акзефію[2]). Вмѣстѣ съ этимъ онъ имъ выразилъ свою волю, чтобы они отдали нѣкоторымъ крестьянамъ-сосѣдямъ

---

[1]) Намодры — мѣстечко въ 6-ти верстахъ отъ Лаши. *И. К.*

[2]) Панихиду. Слова панихида наши бѣлоруссы не знаютъ. Въ Кобринскомъ, Брестскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ панихида называется *молэбенъ*. *И. К.*

около 25 рублей долга. Дѣти въ точности исполнили волю завѣщателя.

Вообще крестьяне-бѣлоруссы до 65-го года никогда не дѣлали завѣщанія на бумагѣ, были ли они богаты, или бѣдны, а всегда на словахъ и, обыкновенно, передъ смертью. Зналъ я, напримѣръ, одного крестьянина Лашинскаго же прихода, деревни Конюховъ, по имени Ивана (фамиліи не помню). У него было состояніе тысячъ на 6 руб. сер. Держалъ онъ всегда около 8 хорошихъ степныхъ лошадей, изъ которыхъ штукъ до 4 ежегодно продавалъ, выручая за каждую отъ 80 до 120 рублей. Такимъ образомъ онъ и составилъ себѣ капиталецъ. Деньги свои онъ давалъ въ ростъ, а нѣкоторымъ даже безъ процентовъ (*безъ квиты* — по-бѣлорусски). Сумма такимъ образомъ розданныхъ Иваномъ въ долгъ крестьянамъ денегъ передъ смертью его дошла до 3,000 р. слишкомъ. Но такъ какъ покойникъ не оставилъ по себѣ дѣтей, то наслѣдникомъ всего его добра сдѣлался единственный его братъ и, не смотря на отсутствіе письменныхъ обязательствъ и бумажнаго завѣщанія, — всѣ должники, въ томъ числѣ дьячекъ Лашинской церкви Михаилъ Гаконовичъ, за которымъ числилось 40 руб., сполна возвратили взятыя въ заемъ у покойнаго Ивана деньги наслѣднику его имущества. Жидки же должники и доднесь не отдаютъ своихъ долговъ, пользуясь отсутствіемъ письменныхъ доказательствъ, такъ какъ все это дѣлалось на честномъ словѣ.

Иногда случалось, что умирающій, во время послѣдней исповѣди, высказывалъ волю свою священнику при всѣхъ, но и тутъ все творилось на однихъ лишь словахъ.

Относительно самоубійцъ могу сообщить слѣдующее. Гробъ для нихъ сколачиваютъ кое-какъ изъ самыхъ дрянныхъ досокъ и мертвеца кладутъ туда не омытаго и не убраннаго. Въ гробъ самоубійцы кладутъ и то орудіе, которымъ онъ лишилъ себя жизни, какъ напр. ножъ или веревку (послѣдняя встрѣчается весьма рѣдко). При этомъ нужно замѣтить, что жиды, въ особенности корчмари, изо всѣхъ силъ хлопочутъ добыть себѣ веревку,

на которой повѣсился самоубійца и затѣмъ стараются подбрасывать изъ нея клочекъ въ рюмку водки человѣку не пьющему, въ полной увѣренности, что послѣдній сдѣлается пьяницей, пропьетъ ему, корчмарю, все свое состояніе[1]). Это случалось мнѣ не разъ слышать отъ многихъ крестьянъ не только Гродненской, но и Виленской и Ковенской губерній и жителей Царства Польскаго.

Гробъ съ тѣломъ самоубійцы относятъ обыкновенно въ какое либо болотистое мѣсто или въ лѣсъ, если онъ близко, гдѣ при дорогѣ и зарываютъ. По Гродненской и Виленской губерніямъ всякому проѣзжающему, особенно въ лѣсу, бросается въ глаза то мѣсто, гдѣ погребенъ самоубійца, на немъ всегда навалена громадная куча всякой всячины. Дѣло въ томъ, что въ силу повѣрья нашихъ поселянъ, каждый прохожій или проѣзжій непремѣнно долженъ на могилу такого несчастнаго бросить что-нибудь: камень, полѣно, сучекъ и т. п., иначе умершій будетъ за ними долго гнаться.

Если дитя умерло и погребено безъ крещенія, то, по вѣрованію народа, часто можно слышать, какъ оно жалобно плачетъ, а если приложиться ухомъ къ его могилѣ, то этотъ плачъ слышится еще явственнѣе. Чтобы его успокоить, нужно тогда сказать, если мужскаго пола: «будь Иванъ, или Сцепанъ», а если женскаго то: «будь Анна, или Марія!»

По вѣрованію поселянъ Гродненскаго уѣзда, умершіе безъ исповѣди и причастія, какъ напр. вѣдьмари, вѣдьмы и пр., ходятъ ночью по домамъ и тревожатъ покой живущихъ. Поэтому, если по деревнѣ разнесется молва о подобномъ хожденіи, крестьяне немедленно собираются на сходъ и говорятъ: «Треба пойци ноччи да одрубаць голову покойнику и положиць ему ў ноги, тулько глядзице, кабъ ёнъ руками не достаў головы, бо

---

[1]) Тоже самое, какъ мы недавно узнали, практикуется и въ средѣ великорусскихъ кабатчиковъ сѣверн. губерній, на основаніи того же повѣрья. По недостатку относящихся сюда свѣдѣній трудно пока рѣшить кто отъ кого его *заимствовалъ*: жиды ли корчмари отъ великорусскихъ кабатчиковъ, или на оборотъ? *Ш.*

ёнъ зноў будзе ходзиць». Такой приговоръ они, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, исполняютъ, разумѣется секретно, чтобы ни священникъ, ни полиція объ этомъ не узнали.

Въ заключеніе долженъ сказать, что всѣ приведенные здѣсь факты совершались на моихъ глазахъ, я былъ не разъ ихъ очевидцемъ, такъ какъ въ каникулярное время 1854 и 55 годовъ, за болѣзнію моего родителя, я самъ по Лашинскому приходу совершалъ неоднократно проводы покойниковъ на кладбище.

Сообщ. псаломщик. Ив. Онуфр. Карскимъ.

Для большей полноты относящихся сюда свѣдѣній изъ бѣлорусской части Гродненской губ. позволяемъ себѣ привести то небольшое количество относящихся сюда фактовъ, которые сообщаются достопочтеннымъ знатокомъ бытовой жизни крестьянъ сѣверо-западнаго края, г. Бобровскимъ въ его книгѣ: «Матеріалы для геогр. и статистики Россіи, Гродн. губ.», ч. I, стр. 838.

«Умершаго кладутъ по срединѣ избы, ногами къ дверямъ; въ руки даютъ икону, за головою зажигаютъ восковую свѣчу. Предъ выносомъ кладутъ на стулѣ булку хлѣба; подъ подушку покойнику кладуть разныя зелья и травы, освященныя въ день Успенія, а поперегъ тѣла кладутъ шерстяную нитку краснаго цвѣта. Послѣ выноса кто-нибудь изъ пріятелей дома по всей избѣ разбрасываетъ зерна хлѣба, чтобы осиротѣвшее семейство впредь не нуждалось. Тѣло сопровождаютъ родные и знакомые съ жалостными воплями, нанимая по языческому обыкновенію особыхъ лицъ для голошенія. Весьма часто крестьяне хоронятъ сами безъ священника, который, по отдаленности, не всегда можетъ присутствовать. По окончаніи погребенія говорятъ: «Дай Боже, душенцы его (ея) свѣтлость вѣкуистую, а цѣлу легкую землицу». Здѣсь видно убѣжденіе въ безсмертіи души. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай носить на могилу съѣстное: горшокъ съ кашей и ложкою, чтобы умершій могъ чѣмъ подкрѣпиться».

XIII.

Могилевской губ. и уѣзда, Нѣжковской волости.

Умирающему даютъ въ руки «громничную свѣчу», и при этомъ наблюдаютъ, куда наклонится пламя при тушеніи свѣчи: если къ двери, — жди еще смерти въ домѣ, если же къ верху, — нѣтъ.

Въ деревнѣ Гута умирающему даютъ покурить трубку, чтобы «на томъ свѣтѣ не ѣли черви».

Какъ только умирающій скончается, то кто-либо изъ мужчинъ семейства, или ближайшій родственникъ идетъ заявить объ этомъ священнику и взять изъ церкви «параты»: крестъ (крыжъ), хоругвь (пратэсу) и «вянокъ» (вѣнчикъ) и проситъ позвонить. Принесенный крестъ нужно накрыть холстомъ, иначе «мяртвецъ на тымъ свѣти будя голый ходить». Между тѣмъ покойника обмываютъ: мужчину — мужчины, а женщину — женщины. При этомъ наблюдаютъ: если тѣло при мытьѣ окажется мягкимъ, то кто-нибудь въ скоромъ времени еще умретъ, а если твердымъ, — такъ нѣтъ. При подобныхъ гаданьяхъ берутъ иногда во вниманіе не только домъ умершаго, но и всю деревню.

Лица, мывшія покойника, по окончаніи своей работы, непремѣнно должны выпить водки, иначе «мяртвець ня будя пріять яму съ того свѣту».

Кто боится мертвецовъ, тому слѣдуетъ помыться тою водою, которою обмывали покойника, и страхъ этотъ у него пройдетъ: «яму ня будуть здавацца ниякея зданки».

Обмытое и одѣтое тѣло покойника кладутъ на лавкѣ (скамейкѣ), подъ образами: мужчину — по правую сторону отъ входа, а женщину — по лѣвую. Въ деревнѣ Руднѣ, Новоселкахъ и Свѣтловичахъ молодыхъ, умершихъ до 20-ти лѣтъ, одѣваютъ въ рубашку «пяркалевую» (коленкоровую), а постарше этого возраста — въ холщевую, своего издѣлія.

Если у покойника окажется открытыми одинъ или оба глаза, то въ скоромъ времени нужно ожидать смерти въ семействѣ или въ деревнѣ.

Если у умершаго, пока онъ лежитъ въ гробу, идетъ изо рта «ропа» (влага), то чтобы остановить ее, долженъ кто-нибудь изъ тѣхъ, «ктовъ першій разъ иде на хаўтуры, подложить миртвяцу, подъ пятку лѣвой ноги кусочекъ хлѣба, дыкъ ропа остановицца».

У кого болятъ зубы, тому нужно только подойти къ умершему и пальцемъ его руки потереть ихъ — и боль прекратится.

Пока умершій лежитъ въ избѣ, все семейство этого дома, — а въ деревняхъ Руднѣ и Свѣтловичахъ — и все родные не должны предпринимать никакихъ работъ вообще и для умершаго въ особенности. Поэтому для постройки гроба, шитья подушки и бѣлья для покойника, а также для варки «галушекъ» или, какъ ихъ еще называютъ, «клёцекъ» (для ужина), просятъ сосѣдей, не принадлежащихъ къ роду умершаго.

Пока тѣло умершаго не обмыто и не одѣто, всѣ плачутъ про себя, въ тихомолку, а когда его уберутъ и уложатъ въ гробъ, то начинаютъ «голосить», т. е. плакать громко съ причитываніями.

Приглашенный грамотный въ это время читаетъ псалтырь. Къ этому чтенію крестьяне охотнѣе приглашаютъ грамотѣя доморощеннаго, чѣмъ псаломщика.

На ночь, въ домъ, въ коемъ лежитъ тѣло умершаго, собирается все больше и больше людей и преимущественно стариковъ и старухъ. Въ деревнѣ Свѣтловичахъ старуха или старикъ подкуриваютъ умершаго, его постель и всю избу травой, освященной въ день Сошествія Святаго Духа.

Гробъ дѣлаютъ на дворѣ или въ другой избѣ. Въ деревнѣ Мостищѣ его не вносятъ въ горницу до пріѣзда священника; въ другихъ же деревняхъ его вносятъ туда, какъ только онъ готовъ. Пустымъ во всякомъ случаѣ вносить его нельзя, непремѣнно надо туда положить какой либо инструментъ, который былъ употребляемъ при изготовленіи гроба: буравъ, стаместку, рубанокъ и т. п.

Внесши гробъ въ хату, его ставятъ на полъ, возлѣ лавки, на которой лежитъ тѣло покойнаго, — параллельно послѣднему.

Пока дѣлаютъ гробъ и пока тѣло покойника лежитъ въ хатѣ, сосѣди не должны брать изъ этого дома ничего, изъ опасенія перенести къ себѣ смерть.

Когда тѣло кладутъ въ гробъ, то незамѣтнымъ для священника образомъ туда положатъ любимую вещь покойника, напр. шапку, если курилъ,—трубку, если нюхалъ табакъ,—табакерку. Портному кладутъ ножницы, сапожнику—шило, плотнику—долото и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также незамѣтно для священника, любителямъ горячихъ напитковъ и людямъ почетнымъ ставятъ въ гробъ бутылку водки. Но этотъ обычай мало по малу выходитъ изъ употребленія.

При выносѣ покойника изъ хаты, пока его донесутъ до порога, кто-либо изъ ночевавшихъ при немъ, или дѣлавшихъ для него гробъ, посыпаетъ вслѣдъ ячменемъ, а въ деревняхъ Каменицѣ, Гутѣ и Гнѣздинѣ—рожью.

Если священникъ во время несенія покойника на кладбище часто мигаетъ вѣками глазъ, то это означаетъ, что скоро еще будутъ хавтуры.

Если при опусканіи гроба въ могилу тамъ окажется кость человѣческая или остатокъ гроба, то непремѣнно должно бросить туда нѣсколько монетъ, иначе, раньше здѣсь погребенные будутъ вѣчно его гнать съ этого мѣста. Въ деревнѣ Сивояхъ полагаютъ, что это преслѣдованіе продолжится только три дня.

Гробъ нужно *печатать*, т. е. опустивши его въ могилу, сдѣлать надъ ней съ четырехъ сторонъ заступомъ крестики, «штобы помершій въ повночь и въ повдень ни выходивъ оттулитьки».

Зарывая могилу, не слѣдуетъ утаптывать землю ни заступомъ, ни ногами. «Ни зямлю́ топчите, а боки́ мертваго».

Похоронивши тѣло, священникъ ѣдетъ домой, иногда его приглашаютъ и въ домъ умершаго; всѣ же остальные, присутствовавшіе при погребеніи, непремѣнно отправляются въ домъ покойника «на клёцки». Здѣсь прежде всего всѣ, помывъ руки, молятся Богу про себя, или, если тутъ оказывается чтецъ изъ

своей среды, — вслухъ и потомъ садятся за столъ. Чтецъ и рывшіе могилу садятся въ почетномъ углу. Мужчины садятся за одинъ столъ, повыше (на кутѣ), а женщины — за другой. Тутъ хозяйка дома подаетъ на столъ сна́чала канунъ; его беретъ и начинаетъ ѣсть кто-либо изъ стариковъ, или чтецъ, или же кто-нибудь изъ работавшихъ что-либо при похоронахъ покойника, а за нимъ уже всѣ другіе. Канунъ варятъ обыкновенно изъ толченыхъ ячменныхъ или пшеничныхъ крупъ, которыя потомъ разводятъ сытою. Иногда вмѣсто крупъ употребляютъ просто ржаной или пшеничный хлѣбъ. За кануномъ пьютъ водку. Чарка также обходитъ гостей по старшинству, а пьютъ ея столько, сколько хозяинъ назначитъ. Людямъ нужнымъ и почетнымъ достается больше. Такимъ образомъ чарка совершаетъ свой обходъ нѣсколько разъ. Затѣмъ подаютъ подливку (квасокъ), и если она варилась съ мясомъ, а въ постный день съ . . . . .[1]), то ее подаютъ не сейчасъ, а отдѣльно, послѣ всѣхъ кушаньевъ, какъ отдѣльное блюдо. За поливкой ѣдятъ «клёцки». Это кушанье изъ ячменной или пшеничной муки, варятъ его въ скоромные дни съ коровьимъ молокомъ, а въ постные — съ коноплянымъ. За клёцками подаютъ «пампушки» и въ деревняхъ Студенкахъ и Свѣтловичахъ подаютъ «жаврунки». Пампушки — это нѣчто въ родѣ оладей, ихъ подаютъ въ скоромные дни со стертымъ съ сметаной творогомъ, а въ постные — съ коноплями. «Жаврунокъ» — это нѣчто въ родѣ птицы; пекутъ его изъ одной муки съ пампушками и въ одно время. Жаврунка не всегда пекутъ, а преимущественно на хавтуры дѣтей. Когда пекутъ пампушки, то мать спрашиваетъ: «што жъ табѣ спечь, мое дитятко?» (называя его по имени), а кто-либо находящійся вблизи отвѣчаетъ за умершаго: «спячи яму жаврунку». За пампушками слѣдуетъ каша изъ какихъ-либо крупъ, съ саломъ, съ масломъ коровьимъ или съ постнымъ, а въ деревняхъ Мостищѣ и Свѣтловичахъ въ постные дни прибавляютъ еще по-

---

[1]) Нельзя было разобрать въ рукописи слово. *Ш.*

хлебку изъ гороха или бобовъ. За кашей подаютъ похлебку изъ картофеля, который иногда варять съ крупами, и въ такомъ случаѣ онъ называется *крупеней* или *груцей*. Кушанье это иногда варятъ съ саломъ, мясомъ или съ постнымъ масломъ. За этимъ, какъ уже сказано, подаютъ мясо. Затѣмъ чара обойдетъ еще разъ, другой застольниковъ и «клёцки», — такъ называютъ этотъ ужинъ — кончаются. Встаютъ изъ за стола, молятся Богу, каждый про себя, а чтецъ читаетъ громко молитву по книгѣ, послѣ чего, поблагодаривъ хозяевъ, расходятся по домамъ. Въ деревнѣ Свѣтловичахъ при выходѣ изъ хаты умершаго гладятъ руками печь, «штобъ ета болѣсть ни приходила въ другея хаты, а кабъ на етомъ и кончилася».

Когда съ кладбища на «клёцки» заходитъ священникъ, то его угощаютъ отдѣльно, прежде всѣхъ, а все собраніе садится за столъ только по его отъѣздѣ.

Всѣ остатки отъ ужина вмѣстѣ съ ложками собираютъ въ большія чашки отдѣльно съ каждаго стола, и если ихъ было три, то съ послѣдняго стола собираютъ все это на *вѣко*[1]) отъ *хлѣбницы* (квашни), а въ деревнѣ Мостищѣ — въ рѣшета. Остатки эти и ложки или ночуютъ на столѣ, или стоятъ только, пока сосѣди разойдутся.

Ложась спать, въ домѣ умершаго ставятъ въ «чарцы» подъ образами воду, чтобы прогнать умершему *смагу*, а то ему тамъ «дужи млосно». На другой день, если вода значительно убыла, то значитъ: отпилъ; «яму стало тамо лягчей и про свою сямью не забывъ — оттуль пріяить». Что члены семейства и послѣ смерти своей не перестаютъ *пріять* своему дому, народъ нашъ потверждаетъ слѣдующимъ разсказомъ: «живъ чаловѣкъ и любивъ ёнъ дужа кони. Якъ ёнъ помёръ, то, бывало, пойдуть зъ вечера давать конямъ сѣно, дадуть, сколькя надо, а на другій день пойдуть глидѣть — ажны кони повныя, повныя и сѣно растягнута по всяму хляву́. Тогды стали яны давать мени, — ўсё равно. Перестали совсимъ сѣно давать, — и тэды́ кони были сыты и на

---

[1]) Крышка.

пуни было сѣно. Яны и догадалися, што ето имъ пріяить ихъ любитель».

Зап. учит. народн. училища, Н. Рачковскій. Сообщ. директ. народн. учил. Могил. г. Н. А. Поповымъ.

XIV.

Той же губ., Быхов. уѣзда, Церковно-Осовецкой волости, с. Кутня.

Тяжкая болѣзнь вынуждаетъ каждаго крестьянина подумать о смерти, въ другое время думать ему о ней некогда, и приготовиться къ ней по христіански; для этого, по желанію больнаго, домашніе призываютъ священника, который исповѣдуетъ и причащаетъ больнаго. Послѣ причащенія, зажженную предъ образами свѣчу, тушатъ и наблюдаютъ, какъ отъ нея пойдетъ дымъ: если онъ подымется вверхъ — больной выздоровѣетъ, если же разстелется по лавкѣ, по столу — больной неминуемо помретъ. Когда же послѣднее предзнаменованіе сбывается, то осиротѣвшая семья зоветъ четырехъ работниковъ, по преимуществу родственниковъ, которые ни въ какомъ случаѣ и почти никогда не отказываются, считая отказъ тяжкимъ грѣхомъ; двое изъ нихъ принимаются сколачивать домовину (досчатый гробъ), изъ принесенныхъ благотворителями сосновыхъ досокъ, и деревянный дубовый крестъ, а двое другихъ работниковъ идутъ на кладбище копать могилу. Между тѣмъ въ хатѣ, собравшіеся на «хавтуры» старики моютъ и одѣваютъ покойника въ его лучшее платье; воду, въ которой обмываютъ умершаго, выливаютъ въ такое мѣсто, гдѣ не ходятъ ни люди, ни животныя. Бываютъ иногда примѣры, что часть этой воды похищаютъ, считая ее вѣрнымъ средствомъ отъ зубной боли; съ этою же цѣлью нѣкоторые, страдающіе зубами, берутъ въ ротъ руку мертвеца, другіе снимаютъ съ головы повязку — платочекъ, подвязанный чрезъ голову подъ подбородкомъ. Одѣтаго покойника кладутъ на лавку за столомъ, головою къ образамъ — мужчину на правую, а женщину — на лѣвую, и тогда, послѣ молитвы, выпивки за упокой души усопшаго и закуски, кто-нибудь изъ семьи, чаще всего новый хозяинъ, идетъ къ ба-

тюшкѣ сообщить о постигшемъ несчастіи, и просить позволенія позвонить по покойникѣ и взять вещи, т. е. крестъ и двѣ хоругви, которые по принесеніи приставляются снаружи къ стѣнѣ избы. Пришедшій дьячекъ на распѣвъ читаетъ по покойникѣ псалтырь, иногда эту обязанность отправляютъ сами грамотные крестьяне или школьники; изба оглашается монотоннымъ чтеніемъ псалтыри и «голошеніемъ» женщинъ: голосятъ жена, дочери, невѣстки, дальнія родственницы и даже сосѣдки, голосятъ громко съ причитываніемъ и всхлипываніемъ; причитыванія очень разнообразны, но одна въ нихъ общая мысль — жалоба на понесенную потерю, на свою несчастную жизнь и тяжелый трудъ. Когда крестъ и гробъ изготовлены, то послѣдній вносятъ въ избу; гробъ обыкновенно обиваютъ наметками или полотномъ. Приглашенный священникъ совершаетъ отпѣваніе, послѣ чего, съ плачемъ и рыданіемъ, покойника кладутъ въ *домовину*, оставляя крышку закрытою, но не приколоченою, — что̀ дѣлается уже на кладбищѣ, послѣ послѣдняго цѣлованія. При выносѣ домовины съ покойникомъ всѣхъ присутствующихъ осыпаютъ тремя горстями пшеницы или ржи, чтобы Господь-Богъ, по молитвамъ усопшаго, благословилъ народъ свой изобиліемъ хлѣба; вынесенная домовина, смотря по времени года, ставится на телѣгу или на сани, а на верхъ кладется деревянный крестъ и печальная похоронная процессія, съ причтомъ во главѣ, впереди котораго несутъ крестъ и двѣ хоругви, слѣдуетъ къ послѣднему жилищу человѣка на землѣ, при чемъ пѣніе причта заглушается голошеніемъ женщинъ. Въ проводахъ принимаютъ участіе по большей части всѣ жители селенія: мужчины, женщины и дѣти. Лошадь, везущую домовину, ведутъ за кусокъ полотна, въ локоть длины, который называется поводкомъ [1]). Поводокъ этотъ въ продолженіе шести недѣль ежедневно, вечеромъ, разстилается на кутѣ, на лавкѣ за столомъ подъ образами и на него ставится стаканъ съ водою, которая

---

[1]) Ср. выше, стр. 515.

каждый день вечеромъ до шести недѣль мѣняется; послѣ сего времени поводокъ отдается нищимъ. Крестьяне вѣрятъ, что въ продолженіе шести недѣль, послѣ смерти, душа умершаго каждыя сутки, обыкновенно ночью, прилетаетъ въ избу и пьетъ воду, поставленную въ стаканѣ на поводкѣ. Бѣлье, въ которомъ скончался покойникъ, на другой день моется, чтобы легче было душѣ его. Прежде, лѣтъ 10—12 тому назадъ, мужчинъ хоронили у насъ въ шапкахъ, теперь же шапку только кладутъ въ домовину, куда, если смерть случится, на Святой Недѣлѣ кладутъ также пару крашеныхъ яицъ для христосованія за гробомъ. Какъ хорошо помереть на Пасху! по мнѣнію крестьянъ, душа, минуя тогда всѣ мытарства, попадаетъ прямо въ рай.

Помолившись на кладбищѣ и бросивъ въ могилу горсть земли, а если была разрыта старая могила, причемъ потревожены кости прежде въ ней похороненнаго, то одинъ изъ присутствующихъ, какъ выкупъ, бросаетъ въ нее мѣдную монету или кольцо, участники процессіи возвращаются обратно, и многіе изъ нихъ: родственники и сосѣди заходятъ въ домъ покойника на поминки. Придя въ избу, полъ которой уже выметенъ и лавки тщательно вымыты, каждый непремѣнно помоетъ себѣ руки и послѣ всеобщей молитвы за упокой души усопшаго садятся за столъ для поминовенія. Хозяинъ или хозяйка, наливъ чарку водки и отливъ изъ нея немного на скатерть, обращается къ присутствующимъ со словами: «За упокой умершаго и за здоровье живыхъ; дай же Боже ему царство небесное, а намъ здоровья, будьте живы!» и выпиваетъ ее. Вслѣдъ затѣмъ начинается угощеніе, причемъ каждый непремѣнно долженъ съ первой чарки и первой ложки каждаго кушанья отлить немного на скатерть съ произнесеніемъ вышесказанныхъ словъ. Въ числѣ кушаньевъ должны быть галушки пшеничныя или гречневыя.

45 Зап. учит. народн. учил. І. Лещенко. Сообщ. тѣмъ же.

XV.

Той же губ. Горецк. у. Святошицкой вол.

Когда больной, глава семейства, почувствуетъ скорое приближеніе смерти, но еще достаточно владѣетъ сознаніемъ и способностью говорить, то онъ созываетъ сосѣдей, съ которыми дружилъ, и въ присутствіи ихъ дѣлаетъ наставленіе собраннымъ тутъ же членамъ семьи, чтобы они послѣ его смерти не ссорились, а жили межъ собою въ мирѣ и согласіи, уважали его намѣстника и въ случаѣ раздѣла не обижали другъ друга, причемъ указываетъ, что каждый изъ нихъ долженъ получить. Это наставленіе считается завѣщаніемъ. Воля завѣщателя, по его смерти, исполняется въ точности, за исключеніемъ, когда между наслѣдниками возникаетъ впослѣдствіи споръ о наслѣдствѣ. Тогда при веденіи тяжебнаго процесса, устному завѣщанію не придается особеннаго значенія, что весьма естественно, такъ какъ каждый изъ наслѣдниковъ, не будучи въ состояніи помнить въ точности подлинныя слова завѣщателя, старается измѣнить ихъ въ свою пользу.

Впрочемъ не всегда и не всякимъ умирающимъ главою семейства дѣлается завѣщаніе, а при слѣдующихъ только обстоятельствахъ: 1) когда дѣти, пасынки и т. д. не выказывали къ нему при жизни подобающаго уваженія; 2) когда они дѣлили межъ собою свое имущество помимо его воли; 3) когда то и дѣло вооружались противъ него, дѣлали ему непріятности и пр.

Въ подобныхъ случаяхъ чаще всего дѣлается письменное завѣщаніе. Оно составляется уже въ присутствіи священника и свидѣтелей, подписывается ими всѣми, запечатывается въ конвертъ и отдается больному спрятать, гдѣ ему угодно. Если онъ выздоровѣетъ, то завѣщаніе обыкновенно уничтожается, если же умретъ, то оно достается изъ конверта, прочитывается въ присутствіи священника и свидѣтелей, его подписавшихъ, и все въ немъ написанное исполняется въ точности. Такъ какъ въ Могилевской губерніи пользованіе землей общинное, то въ завѣщаніи

почти ничего не упоминается относительно земли, а если и упоминается, то только въ такихъ случаяхъ, когда умирающій передаетъ свой земельный участокъ своему прямому наслѣднику, — сыну. Если же у него земля собственная, купленная, то онъ распоряжается ею, какъ ему вздумается, можетъ передать ее кому захочетъ, даже не родственнику.

Обрядъ похоронъ во всей Святошицкой волости, состоящей изъ 39 селеній и двухъ застѣнковъ, почти одинаковъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ незначительныхъ различій.

Кто-нибудь изъ присутствующихъ при смерти — старшій членъ семейства, родственникъ, или сосѣдъ даетъ въ руки умирающему восковую свѣчу, освященную въ церкви въ праздникъ Срѣтенія Господня. При испусканіи умирающимъ послѣдняго вздоха хата оглашается плачемъ и рыданіемъ женщинъ-родственницъ. Во время рыданій часто случается, что умирающій приходитъ въ мучительное, повидимому, движеніе, но безъ всякаго сознанія. Тогда кто-либо изъ присутствующихъ посторонних лицъ устраняетъ плачущихъ отъ умирающаго, часто дѣйствіемъ, а иногда словами, говоря: «Ну досыць вамъ выць! цыць! дайця яму спокойно кончицца».

По кончинѣ больнаго кто-либо изъ женщинъ своей семьи, или добрая сосѣдка затапливаетъ въ хатѣ печь соломой или сухими тонкими полѣнцами и грѣетъ воду для мытья покойника, а одинъ изъ мужчинъ въ тоже время отправляется къ мѣстному священнику какъ для сообщенія ему о смерти, такъ и для трезвона въ церковные колокола по умершемъ и полученія вѣнчика. Когда вода, поставленная въ печь, нагрѣется до лѣтней температуры, человѣка два-три изъ стариковъ, съ которыми умершій особенно дружилъ, принимаются за мытье его. Покойника раздѣваютъ, сажаютъ на скамью, подъ которою ставятъ большія ночвы и омываютъ все тѣло, а иногда эту операцію совершаютъ прямо въ ночвахъ. По окончаніи этой работы покойника одѣваютъ въ чистую бѣлую, холщевую рубаху, въ такіе же штаны и въ жилетъ, если онъ есть, а на ноги — въ селеніяхъ Святоши-

цахъ, Ланскѣ, Чиринѣ, Кобызевѣ и Синицевѣ — одѣваютъ неподплетенныя лапти, или чулки безъ лаптей, смотря по завѣщанію умершаго. Въ Вечеринѣ, Посудьевѣ, Пищикахъ, Добрыни и Глѣбовѣ одѣваютъ лапти съ онучами; въ остальныхъ же селеніяхъ волости — одни чулки, и за неимѣніемъ ихъ, — ноги обвязываютъ чистыми холщевыми тряпками. Воду же, которою мыли умершаго, выливаютъ въ такое мѣсто, гдѣ не ходятъ люди, какъ напр., подъ уголъ какого-либо нежилаго строенія.

По окончаніи процесса мытья и одѣванія, умершаго кладутъ навзничъ на лавку отъ улицы, на тюфякѣ, или подушкѣ, головою въ красный уголъ, ему складываютъ на груди на крестъ руки, въ которыя всовываютъ чистый платочекъ, сжимаютъ вѣки глазъ (если они въ моментъ кончины сами не закрылись) въ силу повѣрья, что если покойникъ останется съ открытыми глазами, то скоро послѣдуетъ новая смерть въ семействѣ. Около иконъ зажигаютъ свѣчи и приглашаютъ изъ мѣстныхъ грамотѣевъ одного, двухъ и болѣе для чтенія псалтыри. Это чтеніе повсемѣстно составляетъ какъ бы необходимую принадлежность погребальныхъ обрядовъ. Если чтецъ одинъ, то онъ читаетъ сподрядъ псалмы, если два, то одинъ псаломъ читается, другой поется, если же чтецовъ болѣе двухъ, то всѣ уже псалмы поются по порядку. Напѣвъ этого пѣнія печальный и унылый. Одновременно съ приглашеніемъ чтецовъ старшій членъ семьи приглашаетъ кого-либо изъ сосѣдей для вырытія могилы и для постройки гроба. Гробъ устраивается преимущественно изъ еловыхъ досокъ, некрашеный, обыкновенной нечистой работы. Въ промежутокъ устройства гроба и вырытія ямы свободные члены семьи женскаго пола находятся при покойникѣ и поочередно плачутъ надъ нимъ съ причитываніями. При появленіи же въ хатѣ священника начинается усиленный плачъ семьи и родственниковъ и опять-таки съ причитаніями. Плачъ этотъ понемногу уменьшается, какъ только священникъ приступаетъ къ литіи, въ продолженіе которой онъ совсѣмъ почти затихаетъ. Послѣ литіи въ хату вносятъ покойника, кладутъ въ гробъ, при вносѣ котораго всѣ беременныя женщины

уходятъ изъ хаты для того, чтобы ожидаемый младенецъ при рожденіи не былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, что было, какъ увѣряютъ, доказано на практикѣ. Гробъ выстилаютъ березовыми листьями съ сучками, добытыми черезъ рубку вѣниковъ. Подъ голову кладутъ подушку, состоящую изъ бѣлой наволочки, набитой тѣми же листьями. Внутри гробъ обиваютъ бѣлымъ холстомъ, края котораго выходятъ наружу на полчетверть аршина.

Послѣ положенія въ гробъ начинается всеобщее рыданіе семьи и окружающихъ, съ причитаніями со стороны женщинъ. Въ селеніяхъ: Пищикахъ, Посудьевѣ, Святошицахъ, Гудовѣ, Коробановичахъ, Тилевичахъ, Волевѣ, Пневичахъ, Вечеринѣ, Глѣбовѣ и Баховѣ кладутъ въ гробъ восковую свѣчу, для того, чтобы она служила умершему для освѣщенія пути во время слѣдованія его на страшный судъ. Въ селеніяхъ: Святошицахъ, Гудовѣ, Горянахъ, Ланенкѣ, Антоненкахъ, Хастчинѣ, Ловевщинѣ, Красной Слободѣ кладутъ въ гробъ и шапку. Въ остальныхъ же селеніяхъ волости не кладутъ ни шапки, ни свѣчи. Въ прежнее время, лѣтъ 15 тому назадъ, во всей волости ставили въ гробъ водку въ бутылкахъ, курящимъ клали трубку, нюхающимъ табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, что доказывается находками водки въ бутылкахъ при рытьѣ могилъ въ настоящее время и разсказами старожиловъ. Причину помѣщенія въ гробъ водки объясняютъ тѣмъ, что покойникъ при появленіи своемъ на тотъ свѣтъ долженъ угостить своихъ родныхъ и знакомыхъ. Положенному въ гробъ священникъ читаетъ отпустительную молитву, написанную на листѣ бумаги, по прочтеніи которой листъ даютъ въ руки умершему. Затѣмъ гробъ выносятъ изъ хаты такъ, чтобы ноги покойника были впередъ, противъ двери. Лѣтомъ гробъ ставятъ на телѣгу, а зимою на сани и везутъ на кладбище (по мѣстному — могильникъ). Въ селеніяхъ: Горянахъ, Баховѣ, Чиринѣ, Путятинѣ, Быстріевкѣ, Піевичахъ, Бирсукахъ и Бѣскахъ покойниковъ носятъ. Во время слѣдованія похоронной процесіи священникъ служитъ «проводъ», а по прибытіи процесіи на кладбище и постановкѣ гроба на край могилы онъ слу-

житъ малую литію; предъ началомъ ея крышка снимается съ гроба, который остается открытымъ до окончанія службы. Затѣмъ родные и знакомые прощаются съ покойникомъ. Родные, братья, сестры и знакомые старшіе цѣлуютъ покойника въ лобъ, щеку и уста, а дѣти, внуки и знакомые младшаго возраста цѣлуютъ только въ руку. Въ это время плачъ съ причитаніями возобновляется еще въ сильнѣйшей степени. По окончаніи прощальнаго обряда, гробъ закрываютъ крышкой, опускаютъ на веревкахъ въ могилу и по установкѣ его тамъ, веревки вытаскиваютъ наверхъ. Тогда священникъ дѣлаетъ лопатою по сторонамъ могилы кресты и затѣмъ бросаетъ три раза въ могилу по горсти земли. Его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствующіе. Послѣ этого похоронная процессія направляется обратно въ путь, а гробъ зарываютъ тѣ же люди, которые копали могилу. Хоронятъ обыкновенно ногами на востокъ. Въ селеніяхъ: Пищикахъ, Посудьевѣ, Гудовѣ, Бородинѣ, Коробановичахъ, Кленахъ, Добрыни, Цибульскихъ и Радякахъ присутствующіе при погребеніи бросаютъ въ могилу деньги, кольца и т. п., а если у нихъ ничего такого нѣтъ при себѣ, то часть одежды, напр., платки, шарфы, пояса и пр. На вопросъ мой: почему это такъ дѣлается? я получалъ, обыкновенный въ такихъ случаяхъ, отвѣтъ: «Такъ дзѣлали наши дзѣды и отцы, такъ и мы дзѣлаимъ».

На обратномъ пути съ кладбища старшій членъ семьи приглашаетъ священника и всѣхъ бывшихъ тутъ на похоронахъ на поминки, по мѣстному названію, на *хаўтуры*. Отказъ священника въ данномъ случаѣ считается обидою для семьи покойника и потому, зная это, батюшка никогда не отказывается отъ приглашенія.

Похоронный обрядъ мужчинъ и женщинъ всѣхъ возрастовъ схожъ межъ собою, только замужнюю женщину одѣваютъ въ холщевую рубаху, юбку, лавочную кофту, на голову же надѣваютъ чепецъ, повязанный платкомъ темнаго цвѣта, устройствомъ и формою напоминающій турецкую феску, только безъ кисти и мельче, а сзади забранный на шнурокъ, охватывающій го-

лову вмѣстѣ съ чепцомъ, на ноги же суконные чулки бѣлаго цвѣта. Дѣвушку-невѣсту наряжаютъ какъ подъ вѣнецъ, на руку надѣваютъ кольцо, въ руки даютъ свѣчу и платочекъ, голову убираютъ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, — лѣтомъ изъ живыхъ, или кусковъ матеріи, а остальной нарядъ, какъ обыкновенно у женщины, исключая чепца и платка на головѣ, которые замѣняются вѣнкомъ и заплетенной косою.

Парня жениха наряжаютъ тоже какъ подъ вѣнецъ: на руку надѣваютъ кольцо, въ руки даютъ свѣчу и платочекъ, на шею тоже навязываютъ платочекъ, остальной же уборъ, какъ у женатаго мужчины. Дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, убираютъ одинаково: на нихъ одѣваютъ бѣлую рубаху, чулки и тряпочки; гробъ убираютъ цвѣтами.

По возвращеніи съ кладбища похоронной процессіи, старшій членъ семьи приглашаетъ лицъ, участвовавшихъ въ похоронахъ, садиться къ заранѣе приготовленному столу, гдѣ поставлена мисочка съ пшеничною кашею (кутьѣю), заправленною медомъ, въ знакъ того, чтобы умершему на томъ свѣтѣ было сладко (по выраженію крестьянъ). За неимѣніемъ меда кашу заправляютъ коровьимъ масломъ, а въ постъ — постнымъ. Священника сажаютъ на кутъ (въ красный уголъ), псаломщика на лавку, болѣе старшаго сосѣда или родственника, отличающагося богатствомъ, умомъ или хорошимъ поведеніемъ, около священника, а остальные стоятъ. Благословивъ кутью и отвѣдавъ ея немного, священникъ кладетъ ложку и отправляется домой. Послѣ его ухода всѣ присутствующіе трижды пробуютъ кутью, приглашая при этомъ покойника, примѣрно такъ: «Данила, Данила! ходзи куцьцю ѣсьци!» Затѣмъ начинается самый разгаръ поминокъ: хозяинъ размѣщаетъ своихъ гостей за столомъ по достоинству лицъ и начинается угощеніе водкою. Пьютъ всѣ изъ одной рюмки по два раза къ ряду, чередуясь другъ съ другомъ въ томъ же порядкѣ, какъ сидятъ за столомъ. Хозяинъ самъ, наливая каждому, приговариваетъ: «Ну, выпи, сватуля, кумокъ» и пр., а угощая постороннихъ, онъ говоритъ: «Ну, брахнейка, выпи, выпи, што

здѣлаць, што несчасцьце, а выпиць надо, слава Богу, за усе». Закусываюць въ скоромный день — мясомъ, бараниной, свининой и пр., а въ постный — *шмайкой* (астраханской сельдью). Послѣ закуски начинается обѣдъ. Подаютъ на столъ сначала, въ большой мискѣ, капустный борщъ, потомъ клецки (галушки) и наконецъ картофель съ брюквой или одинъ картофель. Въ скоромный день капусту и картофель подаютъ съ масломъ, а клецки — съ молокомъ, въ постный же — съ вяленой рыбой, а клецки съ постнымъ масломъ (олеемъ). Кушаютъ всѣ обыкновенно изъ одной миски, послѣ каждаго блюда пьютъ водку, приговаривая: «Што страўка[1]), то и попраўка». При этомъ приглашаютъ и покойника: «Данила, Данила! ходзи, выпи чарочку горѣлки!» Когда выпивка произведетъ наконецъ свое дѣйствіе въ головѣ обѣдающихъ, то между ними начинаются сужденія про покойника, каждый высказываетъ свое о немъ мнѣніе, прерывая и не слушая другъ друга: «Ну, добры, добры, быў! ну Богъ зъ имъ, знёсъ мойго рубля на тэй свѣтъ; вугольками отдась, якъ сустрѣцимся». Пошумѣвъ за столомъ вдоволь, гости благодарятъ хозяина и уходятъ домой, а домашніе покойника ложатся спать.

Зап. учителемъ народн. училища Н. Николаевичемъ.

XVI.

Той же губ. и уѣзда, въ раіонѣ Городищенской волости.

Когда силы больнаго до того ослабнутъ, что не остается никакой надежды на его выздоровленіе, домашніе начинаютъ наблюдать за нимъ съ особеннымъ вниманіемъ, не спятъ въ продолженіе цѣлой ночи и поочередно сидятъ около него, иногда, даже, приглашается для сидѣнія и наблюденія за больнымъ кто либо изъ сосѣдей, по преимуществу, въ такихъ случаяхъ, приглашаются старики, или же старухи, и тѣ именно, съ которыми уми-

1) Кушанье.

рающій при жизни былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ. Въ моментъ самой смерти больному даютъ въ руки зажженную восковую свѣчу, такъ называемую «громничную», или же «Страстную», принесенную изъ церкви, послѣ чтенія 12 страстей Господа, въ Великій четвергъ Страстной недѣли. Женщины же въ это время начинаютъ плакать вслухъ протяжнымъ голосомъ (по мѣстному выраженію — «выть» или «голосить»), чего впрочемъ имъ не дозволяютъ остальные члены семейства мужскаго пола. Всѣхъ женщинъ на время высылаютъ вонъ изъ избы, такъ какъ полагаютъ, что плачъ можетъ помѣшать больному умереть и продлитъ его жизнь на нѣсколько минутъ, что заставляетъ его, нѣсколько лишнихъ минутъ, страшно мучиться и страдать. Умирающему плотно зажимаются глаза и ротъ, чтобы они не оставались открытыми. Затѣмъ, когда больной испуститъ послѣднее дыханіе, приглашаются сосѣди — мужскаго или женскаго пола, смотря по полу умершаго, мыть и одѣвать его; одѣваютъ, обыкновенно, въ чистое бѣлье: рубаху и «штаны», если мужчина и если женщина, то въ рубаху и «споднпцу» (юбку), которыя опоясываютъ тесемкою; мужчинѣ въ гробъ кладутъ шапку, съ боку около головы, а женщинѣ повязываютъ голову платкомъ, по преимуществу бѣлаго цвѣта, кромѣ того дѣвицѣ одѣваютъ на руку кольца, на ноги же всѣмъ, безъ различія пола, одѣваютъ чулки, а за неимѣніемъ ихъ — обвертываютъ ноги въ бѣлыя тряпочки и обуваютъ въ лапти. По окончаніи одѣванья тѣло умершаго кладутъ на лавкѣ (длинныя скамьи, устраиваемыя вдоль стѣнъ, на высотѣ 1 аршина отъ пола и служащія для сидѣнья) подъ иконами, при чемъ, если умершій — мужчина, то тѣло его кладется на лавкѣ по правую сторону стола, а если — женщина, то по лѣвую сторону, такъ, чтобы ноги ея приходились къ двери. Затѣмъ приглашается кто либо изъ грамотныхъ для чтенія псалтыри. Сосѣди, услышавши, что въ ихъ деревнѣ есть «покойникъ», собираются сами, безъ зова; всѣхъ ихъ угощаютъ водкой, которая впрочемъ дается не прежде, какъ по прочтеніи первыхъ двухъ каѳисмъ псалтыри, раньше же этого времени угощаться

водкой считается большимъ грѣхомъ. Одинъ изъ членовъ семейства покойника безотлагательно отправляется къ мѣстному священнику повѣстить его о случившейся смерти и попросить, чтобы по покойникѣ потрезвонили и потомъ беретъ у него разрѣшительную молитву, а изъ церкви крестъ, хоругвь и вѣнчикъ, который обыкновенно возлагается на голову умершаго и, условившись съ батюшкой о времени погребенія, съ этими вещами возвращается домой. Если случится, что умершій не можетъ быть погребенъ въ самый день смерти, то на ночь являются въ его жилище, безъ зова, сосѣди, для сидѣнья при немъ. Они всю ночь не спятъ; имъ по нѣскольку разъ подносятъ водку. Гробы устраиваются самые простые — некрашеные, ихъ дѣлаютъ обыкновенно, сосѣди безъ всякаго вознагражденія, при чемъ нужно замѣтить, что дѣлать гробъ и рыть могилу въ праздникъ не считается грѣхомъ, хотя-бы это случилось и въ двенадесятый праздникъ. Пока умершій находится въ домѣ по немъ плачутъ, при чемъ женщины плачутъ (голосятъ или воютъ) вслухъ и облокотясь надъ покойникомъ.

Вообще плачущая подбираетъ слова, выражающія душевную скорбь, сообразно съ своимъ положеніемъ и отношеніемъ къ умершему. Какъ замѣтно изъ причитываній крестьянскихъ женщинъ, такъ равно и личныхъ мнѣній крестьянъ, онѣ не потому горюютъ, что разстаются на всегда съ умершимъ, а потому собственно, что въ лицѣ его имъ приходится терять работника и помощника въ хозяйственныхъ работахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старики и старухи, сидящіе ночью при умершемъ, поютъ протяжнымъ, заунывнымъ голосомъ, въ одинъ тонъ, такъ называемыя «псальмы».

По изготовленіи гроба и могилы, приглашается въ домъ священникъ, который совершаетъ обрядъ погребенія и потомъ провожаетъ тѣло умершаго до могилы на кладбище. При выносѣ гроба съ тѣломъ умершаго изъ избы, его обсыпаютъ пшеничными, или же другими какими нибудь хлѣбными зернами; это дѣлается потому, что крестьяне вѣрятъ, что урожай хлѣба зависитъ отъ

особеннаго счастья того, или другаго члена семьи и что, если въ этомъ случаѣ, счастье это принадлежало умершему, то чтобы оно осталось въ домѣ и послѣ его смерти. Гробъ съ тѣломъ умершаго всегда сопровождается до кладбища множествомъ народа, потому что, быть на похоронахъ и провожать покойника до кладбища, считается христіанскимъ долгомъ каждаго; крестьяне убѣждены, что многолюдность въ такихъ случаяхъ пріятна для души умершаго и на оборотъ, если на похоронахъ, по какимъ либо причинамъ, бываетъ мало народа, то родственники умершаго выражаютъ неудовольствіе, а посторонніе говорятъ: «видно покойникъ бывъ ни достойный чилавѣкъ». На кладбищѣ надъ гробомъ совершается литія, послѣ чего гробъ опускается въ могилу, причемъ иногда бросаютъ туда кольцо или же копѣечную монету въ знакъ какого то выкупа за ту землю, которая занята могилой. Затѣмъ каждый, сопровождающій гробъ, старается бросить въ могилу хотя одну горсть земли въ знакъ отданія послѣдняго долга. Изъ кладбища всѣ, сопровождавшіе гробъ, приглашаются въ домъ на обѣдъ (на столъ). При входѣ въ избу, каждый непремѣнно умываетъ руки, въ особенно приготовленной для этого въ корытѣ водѣ; этимъ выражается искреннее желаніе всѣхъ, чтобы и душа умершаго была очищена Господомъ Богомъ отъ всѣхъ грѣховъ. Во время похороннаго обѣда прежде всего подаютъ «канунъ», а потомъ ужъ и прочія обыкновенныя крестьянскія кушанья, кромѣ этого непремѣнную принадлежность составляютъ блины и клецки (галушки изъ пшеничнаго тѣста). Предъ употребленіемъ «кануна» каждый крестится и говоритъ: «вѣчный покой, царство небесное такому-то (имя умершаго), честные и праведные родители ходите съ нами обѣдать». Во время обѣда всѣхъ угощаютъ водкой. Въ теченіе шести недѣль, въ томъ домѣ, гдѣ былъ умершій, на ночь подъ образами на лавкѣ, застланной кускомъ холста, ставится въ стаканѣ вода, для того, что, по выраженію крестьянъ, душа въ продолженіе всего этого времени находится еще въ домѣ и пьетъ эту воду; по прошествіи шести недѣль

холстъ, на которомъ стояла вода, отдается нищимъ, или же въ церковь.

Крестьяне вѣрятъ въ существованіе чародѣевъ и убѣждены, что смерть такихъ людей бываетъ продолжительна и очень мучительна: умереть такому человѣку мѣшаютъ злые духи, которые тутъ же при немъ невидимо присутствуютъ и, всячески, стараются издѣваться надъ умирающимъ. Чтобы увидѣть присутствіе злыхъ духовъ около умирающаго чародѣя, слѣдуетъ только, по вѣрованію крестьянъ, посмотрѣть на умирающаго чрезъ хомутъ «третьяка» (хомутъ, который надѣваютъ на лошадь трехъ лѣтъ) и тогда глазамъ наблюдателя ясно представятся злые духи и ему видно станетъ, какъ они издѣваются надъ умирающимъ. Но этотъ способъ теперь почти не практикуется, изъ боязни увидѣть «чертей». Чтобы ускорить смерть чародѣя и этимъ избавить его отъ мучительныхъ страданій, слѣдуетъ, по убѣжденію крестьянъ, вынуть одну доску изъ потолка того дома, въ которомъ находится умирающій, и тогда, чрезъ образовавшееся въ потолкѣ отверстіе, улетятъ злые духи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и душа умирающаго чародѣя разстанется съ тѣломъ.

Зап. учит. народн. учил. Шибановъ. Сообщ. тѣмъ же.

XVII.

Той же губ., Чаусскаго уѣзда, Горской волости.

Къ больному человѣку, если по явнымъ признакамъ предполагать можно, что онъ скоро умретъ, приходятъ въ домъ нѣкоторые изъ его родственниковъ и сосѣдей и остаются неотлучно при немъ до самой его кончины. Въ числѣ собравшихся бываютъ обыкновенно и грамотные; они читаютъ псалтырь. Въ послѣднія минуты умирающему даютъ въ лѣвую руку зажженную восковую свѣчу, а правою рукою крестятъ его, сложивъ для этого, какъ надо, пальцы. Если умирающій, какъ говорятъ, «не скоро кончится», то, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, особенно въ удаленныхъ на значительномъ разстояніи отъ своей

приходской церкви, принято задувать свѣчу по направленію къ носу покойника, для того, чтобы онъ вдохнулъ въ себя дыму, подымающагося отъ фитиля. Впрочемъ это теперь дѣлается очень рѣдко. Большею частью въ подобныхъ случаяхъ свѣчу просто тушатъ и зажигаютъ ее снова, когда потребуется, чтобы снова дать ее умирающему. Когда замѣтятъ, что умирающій кончился, то изъ хаты уходятъ всѣ и съ покойникомъ остаются только нѣкоторые изъ пожилыхъ людей того пола, къ которому принадлежалъ умершій. Они берутъ покойника съ постели, сажаютъ на скамью, совсѣмъ раздѣваютъ, обмываютъ тепловатою водою и одѣваютъ въ приготовленное заранѣе чистое бѣлье. На ноги ему надѣваютъ чулки или обуваютъ въ лапти, а болѣе состоятельныхъ — въ сапоги. Затѣмъ умершаго кладутъ на лавку и складываютъ ему на груди крестообразно руки. Мужчину кладутъ непремѣнно на лавкѣ съ правой стороны, а женщину съ лѣвой — если стать лицомъ къ куту.

Пока покойника моютъ и одѣваютъ, кто-либо изъ родныхъ или сосѣдей отправляется къ священнику, чтобы взять изъ церкви вѣнчикъ на голову умершему и хоругви, при которыхъ несутъ хоронить и также, чтобы священникъ приказалъ звонарю позвонить по душѣ. Прибравши и положивши покойника на лавку, кто-либо изъ присутствующихъ начинаетъ читать на распѣвъ особымъ жалобнымъ голосомъ псалтырь. Если грамотнаго не найдется, то за нимъ посылаютъ въ другую деревню. При чтеніи послѣ двухъ-трехъ прочитанныхъ псалмовъ или цѣлой каѳисмы произносится особая молитва.

Если грамотныхъ соберется человѣка два-три и при томъ такихъ, которые могутъ пѣть, то псалтырь не читаютъ, а поютъ. Между тѣмъ, не теряя времени, родственники умершаго просятъ сосѣдей, близко знакомыхъ, сдѣлать гробъ и вырыть яму. Для послѣдней цѣли нѣсколько человѣкъ отправляются на кладбище, которые, вырывши въ опредѣленномъ заранѣе мѣстѣ яму, кладутъ на краяхъ ея крестообразно другъ на друга два заступа.

Прежде чѣмъ изготовленный гробъ внесутъ въ хату, гдѣ

лежитъ покойникъ, туда предварительно входитъ кто-либо и говоритъ: «выходите!» Немедленно оттуда выходятъ всѣ беременныя женщины вслѣдствіе повѣрья, что если та изъ нихъ, которая не успѣетъ во время выйти, должна родить несвоевременно мертваго ребенка. Впрочемъ и безъ предупрежденія беременныя женщины въ это время сами выходятъ. Затѣмъ вносятъ гробъ, обиваютъ его холстомъ и окропляютъ водою, освященною въ церкви въ праздникъ Крещенія Господня 6-го января, хранящеюся въ небольшомъ количествѣ почти въ каждомъ дворѣ, какъ говорятъ: на всякій случай. Гробъ также окуриваютъ воскомъ, положеннымъ на горячіе уголья. На дно гроба кладутъ немного березовыхъ прутьевъ, а подъ голову умершему—небольшую подушку изъ холста, набитую сѣномъ. Участвовавшіе въ постройкѣ гроба и прочіе присутствующіе молятся Богу, послѣ чего ихъ угощаютъ водкой и блинами. Чтеніе псалтыри продолжается до прибытія священника, за которымъ посылаютъ подводу. Читаютъ попеременно по очереди всѣ мѣстные грамотные люди, которые считаютъ даже нѣкоторымъ священнымъ долгомъ «сходить и почитать по покойнику». Прибывшій священникъ совершаетъ панихиду, называемую «проводъ», послѣ чего умершаго кладутъ въ гробъ, который четыре человѣка несутъ на кладбище. При выносѣ гроба кто-нибудь изъ домашнихъ бросаетъ горстями ржаныя зерна вслѣдъ ушедшимъ. Случается часто, что гробъ везутъ на лошади. По дорогѣ священникъ служитъ литію. Умершаго провожаютъ при пѣніи «Святый Боже» и «Со святыми упокой!» По прибытіи печальной процессіи на кладбище, гробъ, бывшій доселѣ закрытымъ, открываютъ и священникомъ совершается положенная по уставу церковному служба; затѣмъ, прочитавъ напечатанную на особомъ листѣ отходную молитву, онъ кладетъ этотъ листъ на умершаго. Въ это время родственники и знакомые покойника плачутъ, прощаясь съ нимъ и отдавая ему послѣднее цѣлованіе. Гробъ закрываютъ и опускаютъ на веревкахъ въ яму, послѣ чего священникъ «печатаетъ могилу», т. е. обходя вокругъ ямы, на четырехъ ея сторонахъ

крестообразно ударяетъ въ землю заступомъ и первый начинаетъ зарывать гробъ [1]). Его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствую-

---

[1]) Ср. выше, стр. 554 и 564. «По имѣющимся у насъ подъ руками записямъ изъ Могилевской губерніи видно, что печатаніе могилъ практикуется и въ волостяхъ Гордецкой — того же уѣзда и Высоцкой—уѣзда Оршанскаго. Кромѣ того этотъ обычай сильно распространенъ и, не смотря на борьбу съ нимъ мѣстнаго духовенства и администраціи, крѣпко держится до сихъ поръ въ губерніяхъ Полтавской и въ особенности Черниговской. Весьма поучительныя свѣдѣнія о немъ, о его исторіи, а равно о соприкасающихся съ нимъ другихъ погребальныхъ обрядахъ, мы находимъ въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» за 1880 г. въ № 4, стр. 94—102, и въ № 5, стр. 138—147 *). Приводимъ изъ первой нѣкоторыя мѣста, могущія служить достаточнымъ освѣщеніемъ для предлагаемыхъ нами фактовъ: «Печатаніемъ умершихъ называется у народа то заключительное дѣйствіе въ христіанскомъ погребеніи, при которомъ священникъ, со словами: «Господня земля и исполненіе ея», мещетъ землю на гробъ и дѣлаетъ лопатою крестъ на могилѣ умершаго съ четырехъ сторонъ ея. Это печатаніе, по убѣжденію нашего простолюдина, составляетъ сущность всего погребенія и непремѣнное условіе неприкосновенности могилы умершаго. Нашъ прихожанинъ готовъ скорѣе извинить вамъ, если вы, вмѣсто полнаго чина погребенія, совершите надъ могилою умершаго одну литію, или прочитаете изъ требника только одну разрѣшительную молитву, — но не сдѣлаете вы крестообразнаго знака лопатою по четыремъ сторонамъ могилы, тогда и самое торжественное отпѣваніе въ церкви не будетъ имѣть у него своего значенія».

«Погребеніе умершаго совершается народомъ обыкновенно такъ: умершаго въ день его смерти, но не дальше, какъ на второй день, прихожане сами погребаютъ безъ церковнаго отпѣванія, гдѣ вздумаютъ, подчасъ въ огородѣ или саду, священника же оповѣщаютъ только о смерти покойника и о томъ, что хоронить теперь «ні на що», что тоже «не имѣю средствъ». У нихъ первая и важная забота о томъ, чтобы выполнить въ точности требованія обычая и обставить дѣло похоронъ своего рода обрядностью, а именно собрать людцівъ, т. е. извѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ бабъ и стариковъ, — помимо родныхъ и рабочихъ, — которые бы сидѣли надъ умершимъ, или, какъ сами они говорятъ, «надъ кануномъ», курили ладономъ, возжигали свѣчу, налили и поставили въ стаканѣ воду для души умершей и т. п.» (Стр. 93—4).—«Что же касается до молитвъ церкви, каковы: отходная (канонъ), чтеніе псалтири, панихиды (о великой панихидѣ и заупокойной литургіи наши прихожане не имѣютъ и понятія) и самаго отпѣванія по чину православной церкви, то это дѣло, по мнѣнію нашего прихожанина, не особенной важности, или, по крайней мѣрѣ,

---

*) Обѣ статьи носятъ общее заглавіе: «Обычай такъ называемаго печатанія умершихъ на юго-западѣ Россіи и борьба изъ-за него». Первая, какъ видно, редакціонная, вызывательная, вторая за подписью: Кошарскій св. А. Пригоровскій.

щіе, бросая каждый горсть земли. Яма зарывается и на верху ея дѣлается возвышеніе, называемое *могилой*, на которомъ впослѣдствіи ставятъ деревянный крестъ.

Зап. волостнымъ писаремъ Яновичъ.

не такъ настоятельно для него, какъ требованіе обычая. Рѣдкій прихожанинъ по этому проситъ отпѣвать чинъ погребанія надъ тѣломъ умершаго, да и то только взрослымъ и при томъ въ то время, когда онъ къ тому приготовится, а не въ другое; младенцы же исключительно почти всѣ зарываются безъ отпѣванія и остаются не отпѣтыми до тѣхъ поръ, пока укажетъ случай прихожанину, обратиться за этимъ къ священнику, или самому священнику случится быть на кладбищѣ, по приглашенію другаго прихожанина. Случается, что умершихъ, не отпѣтыхъ, собирается 5—10 душъ и священникъ въ одинъ разъ, надъ могилою одного изъ нихъ, отпѣваетъ одну панихиду за всѣхъ, и затѣмъ уже надъ могилою каждаго вычитываетъ изъ требника разрѣшительную молитву и дѣлаетъ крестъ лопатою съ четырехъ сторонъ ея, со словами «Господня земля». Стр. 95, 96. — Нѣсколько далѣе: «Изъ одного стараго документа 1817 г., хранящагося въ копіи при нашей приходской церкви (Указъ св. синода 1812 г. февраля 4-го съ мнѣніемъ правит. сената по дѣлу о печатаніи умершихъ), видно, что обычай печатанія считался уже глубоко укоренившимся въ Полтавской и Черниговской губ. еще въ 1812 г.; слѣдовательно онъ существовалъ уже въ 18 вѣкѣ и начало свое получилъ чуть ли не отъ времени изданія Высочайшаго именнаго указа царя Петра Алексѣевича, по которому предписано: умершихъ всякихъ чиновъ людей мужскаго и женскаго полу... до трехъ дней не погребать, а выносить ихъ изъ домовъ въ церкви, а въ третій день ихъ погребать по обыкновенію. Если и въ наше время законъ о трехдневномъ погребеніи служитъ камнемъ преткновенія для священниковъ и прихожанъ, вызывая неудовольствіе и явную вражду послѣднихъ къ первому, почему рѣдко гдѣ и выполняется, не смотря на преслѣдованіе закона (107 Уст. о наказ., налаг. мир. суд.), то тѣмъ болѣе это можно предположить во время, близкое къ изданію помянутаго высочайшаго указа, требованіе котораго трудно примѣнимо къ условіямъ крестьянской жизни, а въ иныхъ случаяхъ при разбросанности прихода и неудобоисполнимо. Отсюда естественно уклоненіе отъ требованія закона въ пользу обычая, какъ со стороны прихожанъ, такъ и со стороны духовенства. Прихожанинъ, стѣсненный условіями своей жизни и обстоятельствами времени, и, въ то же время, успокоивая себя дѣдовскимъ примѣромъ, спѣшитъ сбыть своего покойника съ рукъ, а священникъ, не желая стѣснять его, но въ то же время, въ виду неприкосновенности закона о трехдневномъ погребеніи, отказывается совершать преждевременно погребеніе и предоставляетъ прихожанина самому себѣ. Отсюда, по нашему, произошелъ обычай погребенія безъ священника и затѣмъ печатаніе могилъ умершихъ». Стр. 96—97. Надѣемся, что дальнѣйшіе розыски наши доставятъ намъ возможность опредѣлить географическія границы обычая печатанія могилъ, а пока отсылаемъ нашихъ читателей къ самимъ статьямъ, оглавленіе которыхъ выписаны выше. *Ш.*

XVIII.

Чериковскаго уѣзда, Кричевской волости, м. Кричево [1]).

Голову покойника украшаютъ вѣнкомъ изъ мѣстныхъ душистыхъ травъ, если таковыя найдутся по времени года, а въ руки даютъ ему икону. Пока тѣло покойника приготовляютъ къ погребенію, хозяйка дома варитъ канунъ изъ пшеницы съ медомъ, печетъ лепешки изъ пшеничной же муки и все это по изготовленіи ставитъ на столъ вмѣстѣ съ водкой. Приглашенные мѣстные мастера сколачиваютъ досчатый гробъ, который обиваютъ (внутри) холстомъ мѣстнаго издѣлія, или же коленкоромъ, смотря по матеріальнымъ средствамъ семьи покойника. Тѣло покойника лежитъ въ домѣ обыкновенно одинъ день, а иногда и два и во все это время читается псалтырь, а если покойникъ изъ богатаго дома, то поются псалмы по двѣ перемѣны, для чего приглашаются грамотные сосѣди, знающіе болѣе или менѣе печальные напѣвы псалмовъ Давида. Во все время нахожденія покойника въ домѣ, туда то и дѣло приходятъ сосѣди и знакомые, которые, войдя въ избу, произносятъ шопотомъ молитву Господню и вѣчную память. Хозяинъ дома угощаетъ посѣтителей рюмкой водки.

Когда ужъ все приготовлено къ похоронамъ, въ домъ покойника приглашаютъ священника, который, по отслуженіи панихиды, освящаетъ гробъ и кладетъ въ него тѣло. Мужчинѣ обыкновенно въ гробъ кладутъ шапку. На вопросъ для чего это дѣлается, крестьяне отвѣчаютъ: «а якъ жа ёнъ явитца на страшный судъ безъ шапки?» Если покойникъ изъ дѣтей и умираетъ въ первые три дня Святой недѣли, то въ его гробъ кладутъ яйцо, а если въ день Преображенія Господня, то — яблоко. Но какое значеніе имѣетъ яйцо и яблоко — объяснить не могутъ и вообще ссылаются на обычай предковъ.

---

[1]) Мы здѣсь опускаемъ описаніе пріемовъ опрятыванія тѣла покойника и приготовленія его къ погребенію. Эти пріемы въ данной мѣстности не отличаются ничѣмъ отъ тѣхъ, которые приведены весьма подробно въ предыдущихъ №№. *Ш.*

Послѣ прощанія съ покойникомъ родныхъ и знакомыхъ, гробъ несутъ на плечахъ на кладбище. Тамъ, по окончаніи литіи священникомъ, гробъ спускаютъ въ могилу. Могилы роются по указанію избраннаго члена семьи, на намѣченныхъ заранѣе мѣстахъ, т. е. преимущественно тамъ, гдѣ уже прежде похоронены были умершіе родственники. По выносѣ покойнаго изъ дома кто-либо изъ членовъ его семьи посыпаетъ въ избѣ полъ или землю (гдѣ пола нѣтъ) зерномъ ржи, а въ воротахъ двора зажигаетъ небольшой пучекъ соломы, лежавшей на лавкѣ, подъ тѣломъ покойника.

По окончаніи похоронъ священникъ, родственники и лица, принимавшія участіе въ приготовленіи къ погребенію покойника, приглашаются старшимъ въ семьѣ послѣдняго въ домъ къ обѣду. Первымъ блюдомъ на этомъ обѣдѣ служитъ — канунъ съ медомъ, а затѣмъ предлагается водка. Каждый посѣтитель, взявъ въ руки рюмку, говоритъ: «Нихай жа нашъ покойникъ со святыми почиваить и намъ съ того свѣту пріяить и хлѣба соли засылаить!» На этомъ обѣдѣ въ числѣ блюдъ непремѣнно должны быть галушки, иначе *клёцки*. На ихъ счетъ среди здѣшняго населенія существуютъ даже поговорки: «Былъ на клецкахъ», или, если человѣкъ опасно боленъ и нѣтъ надежды на его выздоровленіе, то говорятъ: «Ну, клёцки ему!» Разговоръ за обѣдомъ посвящается исключительно памяти покойника. По окончаніи же обѣда, когда всѣ гости разойдутся, хозяйка дома наливаетъ рюмку воды и ставитъ на лавку, въ углу, подъ образами, гдѣ она остается въ теченіе 6 недѣль.

Зап. волостнымъ писаремъ.

Той же губ., Гомельскаго уѣзда, заштатнаго города Бѣлицы, селеніяхъ Хуторѣ и Севрюкахъ.

Къ опасно больному приглашаются на ночь сосѣдки-старухи, которыя не оставляютъ больного до смерти или выздоровленія. Когда больной обнаруживаетъ признаки скорой смерти, начинаетъ

«кончаться», «конáть», тотчасъ даютъ ему въ руки зажженную свѣчу, *страстную*[1]) или срѣтенскую (освященную въ церкви въ праздникъ Срѣтенія Господня). Убѣдившись въ смерти умирающаго, на немъ раздираютъ, начиная съ вóрота, рубашку и, посадивши покойника на скамью, моютъ ему тѣло теплой водой: женщину — моютъ женщины, а мужчину — мужчины; одѣваютъ въ лучшую праздничную одежду, ноги обуваютъ въ чулки, сшитые изъ какой-нибудь черной ткани, затѣмъ на лавкѣ — съ правой стороны къ образамъ—приготовляютъ изъ сѣна постель, застилаютъ ее простыней, и, положивши подъ голову подушку, кладутъ тѣло (гдѣ лавокъ нѣтъ — такъ сдвигаютъ вмѣстѣ двѣ-три скамейки) и покрываютъ платкомъ; руки и ноги связываютъ до совершеннаго охлажденія тѣла. Открытый ротъ подвязываютъ платкомъ, открытые глаза стараются, какъ можно плотнѣе закрыть, для чего кладутъ на нихъ старыя мѣдныя монеты [2]); когда же и послѣ этого глаза не закрываются, то старухи-сидѣлки начинаютъ перешептываться между собою: «Вотъ побачишъ, моя сястрица (или кумычка), што ёнъ (или инá) кого-нибудь да выглядзить, мнѣ ужо это ни въ пярви́нку примѣчать; вотъ покойный такой-то (или такая-то), царства яму́ нябесное, ни противъ ночи помянуть, якъ разъ такъ глядзѣвъ, такъ жа и выглядзѣвъ, ни взабáви (спустя недолгое время), такой-то (или такая-то) — Богу душичку и отдавъ». Такіе или подобные имъ разговоры продолжаются цѣлую ночь.

Поубравши, какъ слѣдуетъ, покойника, просятъ грамотнаго сосѣда или мальчика читать псалтырь, подъ который подстилаютъ платочекъ (подпсалтырникъ) и черезъ кого-либо близкаго или хорошо знакомаго человѣка оповѣщаютъ священника, даютъ

[1]) Т. е. имѣвшуюся въ рукахъ молящагося въ церкви во время выноса плащаницы и чтенія Страстей Господнихъ въ Великій четвертокъ или пятницу на Страстной недѣлѣ. *Ш.*

[2]) Такими монетами народъ очень дорожитъ, въ силу того, весьма распространеннаго, повѣрья, что онѣ совершенно излѣчиваютъ отъ запоя, если настоять на нихъ водку и давать ее пить одержимому этой болѣзнію въ теченіе пяти дней по стакану натощакъ. *Ш.*

копѣекъ десять церковному старостѣ на *позвонное* и забираютъ въ церкви: вѣнчикъ и рукопись (разрѣшительная молитва), крестъ и хоругви, заказываютъ сдѣлать «домовину»[1]) и просятъ кого-нибудь вырыть яму. Гробъ внутри обиваютъ бѣлымъ коленкоромъ или холстомъ, а подушечку подъ голову набиваютъ сѣномъ или листьями изъ березоваго вѣника. По приготовленіи всего нужнаго для погребенія, просятъ священника хоронить; священникъ, совмѣстно съ псаломщикомъ, идетъ или ѣдетъ, смотря по отдаленности разстоянія, въ домъ покойника, гдѣ, отслуживъ панихиду, освящаетъ гробъ, послѣ чего въ него кладутъ покойника. При этомъ родные и знакомые прощаются съ нимъ, цѣлуя у него руки и лицо. Въ этой мѣстности, по отдаленности кладбища, покойниковъ большею частію туда везутъ, а священникъ съ псаломщикомъ, идущіе впереди процессіи, поютъ «Святый Боже». По пути на кладбище, предъ домами родственниковъ, а также на перекресткахъ дорогъ, останавливаются и священникомъ говорится ектенія съ возгласомъ. По приходѣ на кладбище, служится панихида, послѣ которой родственники съ покойникомъ снова прощаются и крышка гроба заколачивается гвоздями нáглухо. Гробъ опускаютъ въ могилу на двухъ длинныхъ кускахъ холста, послѣ чего священникъ беретъ лопатою землю и бросаетъ крестообразно на гробъ, говоря: «Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней», а по молитвѣ Господней начинаютъ зарывать,—причемъ каждый изъ присутствующихъ тутъ бросаетъ на гробъ три горсти земли: «чтобы покойничекъ не сердился, не имѣлъ гнѣва», но близкіе родные не бросаютъ; «всякая горсть земли, брошенная роднымъ на гробъ, говоритъ народъ, тяжела для покойничка».

Съ кладбища всѣ возвращаются въ домъ умершаго, въ которомъ послѣ панихиды садятся за столы (столовъ бываетъ два-три). Священникъ, благословивши канунъ (изъ риса, а въ другихъ мѣстахъ кутью изъ пшеницы), вкушаетъ его самъ, а потомъ его передаютъ поочередно прочимъ. Послѣ кануна на столъ ставятъ борщъ,

---

[1]) Т. е. гробъ. Кстати напомнимъ, что и во многихъ великорусскихъ губерніяхъ какъ и въ Малороссіи гробъ тоже называется домовиною. *Ш.*

красное церковное вино («для батюшки») и водку. «Благословитя батюшка!» говоритъ при этомъ хозяинъ или хозяйка и начинаютъ обносить гостей по одной и по двѣ рюмки водки; при этомъ многіе, держа въ одной рукѣ рюмку, приговариваютъ: «Дай жа Богъ нашему покойничку царства нябесное, пярóмъ яму зимля, а намъ на довгій вѣкъ и доброе здоровье, будьте здоровеньки!» и, перекрестясь, выпиваетъ. За борщомъ подаютъ лапшу, а потомъ кашу, и, смотря въ какіе дни: въ постные—съ рыбой, постнымъ масломъ, а въ скоромные—съ мясомъ, молокомъ; передъ каждымъ кушаньемъ непремѣнно выпиваютъ по одной и по двѣ рюмки водки, съ разными причитываніями въ честь покойника: «славный бывъ человѣкъ, воды никому ни замутивъ и малому ребенку, бывало, уважитъ», хотя въ жизни тотъ же покойникъ не особенно пользовался уваженіемъ и любовью сосѣдей, такъ какъ не давалъ «спуску» и старшимъ. Обѣдъ продолжается такимъ образомъ чинно, въ тихихъ разговорахъ, пока батюшка здѣсь, а послѣ его ухода начинаютъ поминать душеньку славнаго покойника въ болѣе шумной формѣ.

Зап. учител. мѣстн. училища (ни имени, ни фамиліи въ рукописи не значится. Сообщ. директоромъ народн. учил. Могилевской губ. А. Н. Поповымъ).

ПРИМѢТЫ, ПРЕДВѢЩАЮЩІЯ СМЕРТЬ.

(Дополненіе къ предыдущимъ описаніямъ).

Витебск. губ. и уѣзда.

Случается, что кукушка сядетъ на домъ, или хлѣвъ, или другое какое хозяйственное строеніе и начнетъ куковать. Въ первомъ случаѣ она предвѣщаетъ смерть семьянина, во второмъ — падежъ домашней скотины, а въ послѣднемъ — вообще неудачу въ хозяйствѣ, напр.: неурожай, воровство и пр.

Каша, высоко поднявшаяся изъ горшка во время варки, предвѣщаетъ смерть семьянина. Иногда впрочемъ случается, что вмѣсто человѣка умираетъ одно изъ тѣхъ домашнихъ животныхъ, которыя прежде жили въ избѣ.

Выпавшій нечаянно изъ рукъ (на Рождество Христово) хлѣбъ, въ особенности у хозяина или хозяйки дома, предвѣщаетъ скорую смерть одного изъ членовъ семейства.

Во время исповѣди больнаго зажигаютъ восковую свѣчу, которую и тушатъ по уходѣ священника отъ больнаго, но такъ, что даютъ свѣтильнѣ пускать дымъ до тѣхъ поръ, пока она сама собою не погаснетъ. При этомъ примѣчаютъ: если дымъ направится къ выходу чрезъ двери, больной непремѣнно умретъ, если же дымъ разстилается по избѣ и преимущественно въ противоположную сторону отъ двери, то больной выздоровѣетъ.

Если у умершаго, но еще не остывшаго человѣка, правая нога короче лѣвой, то первымъ въ домѣ умретъ мужчина, а если лѣвая короче, то очередь смерти за женщиной.

Встрѣча погребальной процессіи съ *ѣдущимъ* предвѣщаетъ скорую смерть кого-нибудь изъ взрослыхъ въ томъ домѣ, откуда покойникъ, а съ пѣшеходомъ — смерть дитяти, и то не всегда; встрѣча же этой процессіи съ ребенкомъ, все равно коннымъ, или пѣшимъ, всегда почитается особенно благопріятной.

Если въ могилу, до опущенія въ нее покойника, попадетъ лягушка, а въ особенности мышь, то это означаетъ, что умершій былъ чаровникъ и что злой духъ въ видѣ этихъ животныхъ дѣлаетъ ему могильную встрѣчу.

Когда покойника везутъ на кладбище, то сопровождающіе его не должны идти по колеѣ, оставляемой колесами, или санями, потому что они этимъ какъ-бы подготовляютъ себѣ путь къ могилѣ.

Когда гробъ съ покойникомъ опущенъ на дно могилы и съ краевъ ея будутъ обрываться землянные куски и падать во внутрь, то это означаетъ, что скоро кто-нибудь изъ присутствующихъ сойдетъ въ могилу. Если эти комки падаютъ прямо на гробъ, то означаютъ смерть родственника покойника, а если между гробомъ и могильной стѣной — смерть сторонняго лица.

Возвращающійся съ кладбища домой послѣ погребенія по-

койника обязанъ потереть руками печь[1]). Если кто этого не сдѣлаетъ, тотъ видимо желаетъ несчастія такого же рода тому дому, изъ котораго вывезенъ покойникъ. Кромѣ того всякій, по возвращеніи съ похоронъ, обязанъ немедленно вымыть руки.

Сообщ. Н Я. Никифоровскимъ.

Могилевск. губ. и уѣзда, Нѣжковской волости.

Если въ домѣ есть опасно больной, то, чтобы узнать останется ли онъ живъ, у нашихъ крестьянъ въ ходу слѣдующія гаданія: 1) Когда мѣсятъ тѣсто для хлѣба, то продѣлываютъ въ немъ глубокую ямку, которую наливаютъ водой: если вода эта успѣетъ впитаться въ тѣсто, пока сажаютъ хлѣбы въ печь, то больной умретъ, если же нѣтъ, то останется живъ. 2) Берутъ кусокъ воска и въ черепкѣ растапливаютъ его въ горячей печи, и, посадивъ больнаго, сажаютъ на порогъ избы, ставятъ ему на голову миску съ холодной водой и выливаютъ туда воскъ, который потомъ, когда затвердѣетъ, достаютъ и смотрятъ, какая вышла фигура: если нижній слой воска вышелъ крестикомъ, то больному умереть, а если слился въ форму одного или нѣсколькихъ кружковъ, или шариковъ, больной останется живъ. Если гаданье покажетъ послѣднее, то воду изъ чашки выливаютъ, куда вздумается; если же оно покажетъ, что больной умретъ, то воду льютъ за двери, возлѣ нижней завѣси, или если двери на петляхъ, воду льютъ на нижнюю петлю. Воду льютъ за дверь въ знакъ того, что больной скоро умретъ, выбудетъ изъ избы.

За опасно больнымъ слѣдятъ въ продолженіе 12 ти дней, и если на двѣнадцатый ему станетъ лучше, то значитъ, что онъ выздоровѣетъ, въ противномъ же случаѣ умретъ.

Если черезъ домъ, въ коемъ есть больной, перелетитъ воронъ и при этомъ перекувырнется надъ домомъ три раза вверхъ погами, то больной непремѣнно умретъ

---

[1]) Этотъ обычай, почти повсемѣстный въ Бѣлоруссіи, существуетъ и въ другихъ губерніяхъ. *Ш.*

Если въ домѣ есть, хотя не опасно больной, а только слабый здоровьемъ и собака изъ этого дома станетъ выть, опустивъ голову, то жди смерти. Иногда, чтобы избавиться отъ такой бѣды, собаку эту прогоняютъ со двора.

Если у больнаго изо рта «смердитъ землей», значитъ умретъ.

Наблюдаютъ также за лошадью, на которой привозятъ священника исповѣдывать больного: если она, пока больной исповѣдывается не сгоняетъ мухъ или комаровъ, не переступаетъ съ ноги на ногу, стоитъ смирно, то больной будетъ живъ, въ противномъ случаѣ онъ умретъ. Иногда, чтобы предотвратить это зло, лошадь покрываютъ «костылкой» (широкимъ холстомъ) или запрягаютъ что ни на есть худшую клячу.

Если лошадь, на которой везутъ священника исповѣдывать больного, бѣжитъ быстро, такъ что и мало приходится ее погонять, то больной умретъ.

Если больной послѣ исповѣди попроситъ ѣсть, то умретъ, а нѣтъ, — такъ останется живъ.

Если сова кричитъ возлѣ дома, гдѣ есть больной, то онъ умретъ.

Подобныхъ гаданій и примѣтъ у нашихъ крестьянъ очень много. Они во всемъ видятъ что-то необычайное. Напримѣръ, если случайно раздвоится посаженный въ печь хлѣбъ, то и это у нихъ служитъ явнымъ доказательствомъ убыли въ семействѣ, въ особенности гдѣ есть больной.

Зап. учит. народн. учил. П. Рачковскій. Сообщ. директоромъ народн. учил. Могилевской губ. А. П. Поповымъ.

Б. ОБРЯДЫ ПОМИНАЛЬНЫЕ, ПОМИНКИ, ДѢДЫ (ДЗЯДЫ́).

Они, какъ уже замѣчено выше (стр. 506), распадаются на частные и общіе или общественные. Первые совершаются въ кругу семьи или близкихъ родныхъ, отдѣльно по каждомъ умершемъ родственникѣ, въ теченіе одного только перваго года и

хотя въ опредѣленные промежутки времени, но не въ одни и тѣ же числа и мѣсяцы, ведя имъ счетъ со дня погребенія усопшаго: на 3-й, 6-й, 9-й, 20-й, 40-й день, въ полгода, а затѣмъ періодически по истеченіи года въ день смерти (годовщина). Эти поминки не рѣдко обходятся безъ участія и благословенія церкви; въ нихъ преобладаетъ завѣтная прадревняя до-христіанская обрядность.

Вторыя же, общія поминовенія бываютъ въ одни и тѣ же дни, издревле установленные православной церковью и нигдѣ не совершаются безъ ея почину и освященія. Эти поминки отправляются отъ 4-хъ до 6 разъ въ году, и уже за разъ обо всѣхъ умершихъ родственникахъ, какъ въ близкомъ, такъ и въ далекомъ прошедшемъ. По всей Бѣлоруссіи, какъ и въ остальной Россіи, поминки эти совершаются по субботамъ и зовутся дѣдами (дзядами, дядами, а въ Великороссіи — *родительскими* субботами), кромѣ радуницы, которую большею частью празднуютъ во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ и не вездѣ называютъ *дѣдами.* Такъ напр. между прочимъ въ Старо-Юрковской волости, Гомельскаго уѣзда, Могилевской губ., народъ называетъ радуницу «мяртвыхъ великодня»[1]). Радуница же по нижеслѣдующимъ описаніямъ ея вполнѣ оправдываетъ названіе общественныхъ поминокъ.

По временамъ года общія поминки раздѣляются на осеннія, зимнія, весеннія и лѣтнія.

а) ПОМИНКИ ЧАСТНЫЯ.

I.

Минской губ., Новогрудскаго уѣзда, с. Еремичи.

Въ третій день послѣ смерти совершаются «третины», въ девятый — «дзевятины», а въ сороковой — *столъ.* Это *вечеря* въ память усопшаго, на подобіе *горячихъ. Столъ* — послѣдняя вячеря въ

---

[1]) Изъ записи волостнаго писаря (имени въ рукописи не выставлено) уѣзда Могилевской губ.; доставлено статистическимъ комитетомъ названной губерніи. *Ш.*

память усопшаго и потому вѣроятно отличается отъ предыдущихъ, какъ по составу гостей, такъ и по времени. Обыкновенно *столъ* бываетъ съ субботы на воскресенье и продолжается всю ночь; на этой обрядовой трапезѣ присутствуютъ только родственники усопшаго. Наканунѣ какой-либо членъ семьи покойника отправляется приглашать на *вечерю* родственниковъ, для чего онъ, заходя въ домъ каждаго, произноситъ: «Прошу Бога и васъ на *столъ*». Въ дальнія деревни посылаютъ нѣсколькими днями раньше. Въ назначенную субботу вечеромъ приглашенные собираются. Каждое семейство приноситъ съ собою булку хлѣба, формой напоминающую куличъ, и передаетъ хозяину или хозяйкѣ дома. Выпивъ и закусивъ, гости въ теченіе цѣлой ночи поютъ священныя пѣсни изъ польскихъ книгъ о страданіяхъ Спасителя какъ напримѣръ: «Ogrodzie olivny, Jezus mądrosc i prawda, Juź cię źegnam» и многія другія, перемежая свое пѣнье отдыхомъ, выпивкой и закуской, при чемъ ведутъ разговоры о дѣлахъ житейскихъ. Такимъ образомъ они проводятъ всю ночь на пролетъ до зари. Собственно къ вечерѣ приступаютъ только тогда, когда начинаетъ разсвѣтать. Читаютъ *литанію* [1]) и затѣмъ подаются на столъ разныя блюда, заканчивающіяся *кануномъ*. Этого блюда, какъ послѣдняго приношенія, *дара* усопшему, обязанъ отвѣдать каждый изъ присутствующихъ, не исключая и дѣтей. Въ заключеніе читается молитва и гости расходятся.

«Столомъ» оканчиваются спеціальныя поминовенія усопшаго.

Зап. учен. В. уч. института Сучко.

II.

Той же губ., Игум. уѣзда.

Дни поминовенія усопшихъ — это третій (трецина), девятый (дзевяцина), сороковой (сорочина), въ полгода (поўгодки), въ годъ (угодки) и наконецъ послѣдній день — это такъ называемые *прикладзины*, какъ бы добавокъ ко всѣмъ днямъ поминовенія. Въ

---

[1]) Т. е. литію.

виду того, что каждый изъ вышеупомянутыхъ дней поминовенія сопряженъ съ довольно чувствительными расходами, то ихъ большей частью переносятъ на одинъ изъ нихъ, излюбленный, и заказываютъ одну общую заупокойную обѣдню, а въ остальные дни зажиточные крестьяне совершаютъ такъ называемую *отправу* столовъ у себя въ домахъ при участіи всѣхъ своихъ родственниковъ.

Наканунѣ дня поминовенія, когда предположено служить заупокойную обѣдню, въ семьѣ потерявшаго своего сочлена приготовляется постный ужинъ, хотя бы и не въ постный день, и печется *заздоровный хлѣбъ*, созываются потомъ всѣ родственники умершаго и тѣ, что совершали омовеніе тѣла, что дѣлали гробъ, наконецъ и тѣ, кто выкапывалъ могилу для покойника. Самыя необходимыя кушанья жалóбнаго стола — это кануна [1]). За столъ, установленный постными яствами, садятся всѣ гости, кромѣ своего семейства. Передъ кушаньемъ подается канунъ, который каждый изъ сотрапезниковъ беретъ по четыре ложки: одну изъ нихъ выливаетъ возлѣ себя прямо на столъ, остальныя три, по требованію обычая, съѣдаетъ всѣ безъ остатка. Изъ всѣхъ кушаньевъ, а ихъ на этотъ разъ бываетъ не мало, застольники должны оставлять по частицѣ для умилостивленія покойника, чтобы онъ не лишилъ родныхъ своихъ земныхъ даровъ. Къ этому нужно еще прибавить, что одинъ какой-либо изъ членовъ семьи, собравшейся поминать покойника, соблюдаетъ строгій постъ съ самаго вечера до утра другого дня, пока не отойдетъ заупокойная обѣдня. Часть заготовляемаго до наступленія этого времени обѣда, какъ напр. канунъ, каши, яичница, молоко, шесть-семь блиновъ и одна-двѣ кварты водки семья забираетъ съ собою изъ дома въ церковь, гдѣ все это остается до окончанія заупокойной обѣдни, послѣ которой выносится на могилу покойника, на которой оставляютъ изъ каждаго припаса по частицѣ, а самыя яства относятъ въ домъ священника и тамъ раздѣляютъ трапезу. Затѣмъ священ-

---

[1]) Въ другихъ мѣстностяхъ Минской губ. употребляется форма *кануна* вм. канунъ. *Ш.*

ника приглашаютъ въ домъ хозяина, справляющаго поминки, для освященія *заздоровнаго* хлѣба, изъ котораго онъ вынимаетъ частицу и даетъ тому изъ членовъ семейства, который постился. Остальной заздоровный хлѣбъ разрѣзывается на части, по числу семействъ въ селеніи или деревнѣ и разносится по домамъ наканунѣ одного изъ праздничныхъ дней вечеромъ, чтобы каждый могъ съѣсть ее натощакъ и помянуть покойника добрымъ словомъ.

Отправа столовъ совершается на подобіе поминовенія усопшихъ, когда отправляется заупокойная обѣдня, разница только въ томъ, что *жало́бные* столы отправляются безъ участія священника самыми поминальщиками, которые предварительно молятся Богу, а потомъ уже принимаются за кушанья. Такимъ же образомъ ежегодно (четыре раза въ годъ) устраиваются всѣ остальныя поминки, такъ называемые дѣды.

Изъ записи учит. народн. училища Н. Гр. Яцко.

III.

Минской губ., Борис. уѣзда.

Въ Бѣгомльскомъ приходѣ нѣтъ обычая совершать церковное поминовеніе по усопшимъ съ цѣлью тѣмъ облегчать загробную участь своихъ родныхъ. Заупокойныхъ богослуженій здѣсь никогда не бываетъ; за то крестьяне строго соблюдаютъ обычай совершать два раза поминовенія; первый разъ въ сороковой день послѣ смерти каждаго изъ членовъ семейства, а другой — въ осеннее время.

а) Шестины. Въ сороковой день послѣ смерти кого-либо изъ членовъ семейства приглашаются родственники, друзья и знакомые, болѣе уважаемые. Когда изба наполнится зваными, близкіе родственники покойнаго выходятъ изъ хаты; остаются въ ней только дальніе родственники и знакомые. По выходѣ изъ хаты, женщины и дѣвушки съ обнаженными головами, съ распущенными волосами садятся на завалинахъ дома въ ожиданіи начала богомоленія.

Когда послышится пѣніе въ избѣ, женщины, сидящія на за-

валинахъ, начинаютъ плакать, качаться изъ стороны въ сторону, припѣвая похвалы умершему. Пѣніе это бываетъ довольно продолжительно; за каждымъ словомъ слышится «ія»—«уя». Этими непонятными выраженіями: *ія* — *уя* вызывается умершій для богомоленія. По окончаніи богомоленія запѣвало выходитъ изъ хаты въ сѣни, громогласно восклицая: «Душечку N поминаемъ, — васъ, господарю, въ хаточку позываемъ».

Послѣ сего всѣ собираются въ избу и начинается попойка.

б) Осеннія поминки, по мѣстному выраженію, *хавтуры*. Наканунѣ дня, въ который предназначено совершить поминовеніе, приглашаются для участвованія въ богомоленіи по усопшемъ: родственники, друзья и знакомые, по уваженію домохозяина. Вечеромъ этого дня являются званые. Домашніе и гости, прежде всего, идутъ въ баню, моются, отливая воды и оставляя вѣникъ для умершаго. Затѣмъ, по захожденіи солнца, отправляются на могилу умершаго, везутъ съ собою дернъ, вѣникъ и дрова, и при огнѣ облагаютъ дерномъ могилу поминаемаго и обметаютъ возлѣ могилы; вѣникъ полагаютъ на могилу и оставляютъ. Вѣникъ оставляется на могилѣ для того, что усопшій, когда разойдутся живые, встанетъ изъ могилы и самъ очиститъ ее. Хотя церемонія эта продолжается довольно долго, но къ полуночи всѣ спѣшатъ уйти съ кладбища, почему въ полночь на кладбищахъ водворяется мертвая тишина; одни только зажженные костры горятъ до бѣлаго дня.

Причина, по которой крестьяне спѣшатъ, до наступленія полуночи, удалиться съ кладбищъ, по ихъ вѣрованію, слѣдующая: въ полночь всѣ мертвые, въ поминальные дни, встаютъ и выходятъ изъ гробовъ своихъ. Если бы кто-нибудь изъ живыхъ, на эту пору, остался на кладбищѣ, то мертвые непремѣнно задавили бы его и снесли въ могилу. На завтрашній день, съ полудня, снова отправляются на кладбище и «будятъ» умершаго. Послѣ сего приходятъ въ домъ, въ которомъ совершается поминовеніе. Церемонія отбывается также, какъ и на шестинахъ, т. е. близкіе родственники не участвуютъ въ богомоленіи, а выходятъ изъ

хаты, садятся на завалинахъ, качаются, плачутъ, зовутъ умершаго. По окончаніи богомоленія, запѣвало приглашаетъ близкихъ родныхъ въ хату. Начинается столъ, т. е. угощеніе, которое обходится не дешево. Боже храни, чтобы послѣдовалъ въ чемъ-либо недостатокъ; тогда и столъ — не столъ, говоря языкомъ крестьянъ: это значитъ не почтить память поминаемаго. Въ наказаніе, за непочтеніе умершаго, непремѣнно послѣдуютъ семейныя распри, падежъ скота, неурожаи въ полѣ, словомъ на живыхъ обрушатся горы и холмы. Въ силу такого убѣжденія, крестьянинъ старается запастись въ избыткѣ какъ съѣстнымъ, такъ, въ особенности, водкой, которой не мало употребится въ воспоминаніе умершаго, особенно, если употреблялъ водку поминаемый усопшій. По окончаніи угощенія, хозяйка дома приноситъ рѣшето кочановъ и ставитъ на столъ. Каждый имѣетъ въ карманахъ капустныя *хряпки* (кочерыжки). Первенствующій беретъ кочанъ и бросаетъ въ хозяина дома, затѣмъ (всѣ) начинаютъ биться кочанами и хряпками. При недостаткѣ кочановъ и хряпокъ начинаютъ бросать другъ въ друга чѣмъ попало, что находится подъ рукою. Однажды случилось такъ: одному не достало кочана и хряпокъ, чтобы исполнить обрядъ бросанія, передъ нимъ стояла деревянная тарелка. Схвативъ тарелку, онъ бросилъ въ сосѣда такъ мѣтко, что тарелка попала въ лобъ: смиренный богомолецъ облился кровью. За обиженнаго вступились, какъ говорится, братъ и сватъ, явились и съ другой стороны защитники и дошло до общей драки. Рѣдкій бываетъ случай, чтобы поминки обошлись безъ драки. За церемоніею бросанья или біенія кочанами слѣдуютъ пѣсни, маскарады, музыка и пляска (послѣ скорби и печали — радость и утѣшеніе). Такъ совершаются поминки, называемыя хавтурами.

Изъ ст. свящ. Симеона Нечаева: «Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисовскаго уѣзда», въ неоффиціальной ч. Минск. Епарх. Вѣдомостей 1874 г., стр. 227—29.

IV.

(ПРИКЛАДЗИНЫ).

Минской губ., Борисовскаго уѣзда

Существуетъ у народа обычай ставить на могилу умершаго крестъ, камень или доску съ крестомъ, но не сейчасъ послѣ похоронъ, а въ слѣдующую за ними осень.

Въ этотъ день совершаютъ панихиду по душѣ усопшаго или усопшей, созываютъ потомъ сосѣдей въ помочь для выдѣлки и постановки креста и угощаютъ ихъ потомъ разными яствами и напитками. При освященіи могилы съ крестомъ, какъ и при похоронахъ вновь представляется случай для изліянія воплей и жалобъ на свою судьбу. Это называется *голошеніемъ*. Оно состоитъ изъ длинныхъ бесѣдъ съ усопшими. Въ этихъ бесѣдахъ осиротѣвшіе выхваляютъ обыкновенно добродѣтели умершаго, описываютъ свое несчастное положеніе, тоскуютъ о томъ, что ихъ не зарыли вмѣстѣ съ покойникомъ, просятъ прощенія за обиды и т. д. Все это произносится жалобнымъ, протяжнымъ речитативомъ, прерываемымъ рыданіями. Кто хочетъ получить понятіе о содержаніи этихъ жалобъ, тотъ пусть прочтетъ въ Витолораудзѣ[1]) погребальныя пѣсни, въ которыхъ сохранены вѣрность этихъ печальныхъ, но отличающихся возвышенною красотою слога, бесѣдъ съ покойниками.

Мы видимъ также, что съ перемѣною своего положенія нашъ народъ измѣнилъ и свой взглядъ на обрядовую сторону празднованія дѣдовъ. Утихли пѣсни пѣвца-гусляра. Отецъ семейства управляетъ обрядомъ. Военные подвиги, могущіе воодушевить пѣвца, тихія домашнія добродѣтели получаютъ теперь свою награду въ простомъ задушевномъ воспоминаніи. Обычай этого празднованія выставляетъ въ прекрасномъ свѣтѣ характеръ

---

[1]) «Witolarauda (пѣсня о Витолѣ) есть названіе первой части эпической поэмы Игн. Крашевскаго подъ названіемъ Anafielas (гора вѣчности). Канвой для этой поэмы послужили исторія и древности Литвы. Вся поэма дѣлится на три части». Этимъ указаніемъ мы обязаны многоуважаемому А. Н. Пыпину, которому не можемъ не выразить за это свою искреннюю признательность. *Ш.*

честнаго нашего народа. Онъ безпрерывно находится въ общеніи со своими предками, 4 раза въ году онъ вызываетъ ихъ тѣни и представляетъ себѣ ихъ наружность, не прерывая сердечныя о нихъ воспоминанія, которыя его соединяютъ съ міромъ духовъ. Вотъ отчего онъ честностью и обрядностями не отличается отъ нихъ. Это празднованіе, ведущееся со временъ язычества, есть доказательство ранней выработки идей сродственныхъ христіанству, ибо служитъ безошибочнымъ свидѣтельствомъ вѣрованія въ будущую жизнь, которая такъ облагораживаетъ и возвышаетъ душу.

Изъ соч. гр. Е. Тышкевича: Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno 1847, стр. 380—81.

V.

Могилевской губ. и уѣзда, Нѣжковской волости.

И въ третій день послѣ погребенія — въ *тратьтины* и въ девятый — *девятины* поминаютъ покойниковъ такимъ же образомъ какъ въ день погребенія по возвращеніи съ кладбища, т. е. поминаютъ только кушаньями. Къ этимъ днямъ собираютъ родныхъ, сосѣдей, гробовщиковъ, чтеца псалтыри и рывшихъ могилу и совершаютъ обрядовый ужинъ, *вечерю*. Церковныя молитвы и духовенство тутъ не имѣютъ мѣста. Заботятся только о соблюденіи строгаго порядка въ подачѣ кушаньевъ и чтобы число ихъ не переходило въ четное. Но когда настанетъ шестая недѣля, то правятъ *шастины*. Въ предшествующее этому дню воскресенье хозяинъ отправляется въ церковь и проситъ священника отслужить панихиду и при этомъ *правится дара*, т. е. возношеніе панагіи [1]). *Дара* эта лежитъ въ домѣ до сороковаго дня. Въ этотъ день утромъ одолжаютъ у сосѣдей столы, ложки и чашки; бабы варятъ тѣ же кушанья, что и на хавтурахъ: поливку, клёцки, пампушки и пр. въ перечисленномъ выше порядкѣ. Вмѣсто канупа въ нѣкоторыхъ деревняхъ подается дара (пшеничный хлѣбъ). Когда кушанья готовы посылаютъ кого-либо (преимущественно

[1]) Очевидно пропущено: «надъ принесеннымъ хлѣбомъ». *Ш.*

дѣтей) пригласить къ трапезѣ сосѣдей и тѣхъ же извѣстныхъ лицъ, какъ и на хавтуры. Посланные, входя къ нимъ, говорятъ: «Просють тата и мама на *шастины*», а въ дер. Студенкахъ и Свѣтловичахъ—на жалобный столъ! Всѣ приглашенные являются натощакъ, такъ какъ тутъ раздается *дара*. Ее раздаетъ кто-либо изъ старшихъ въ родѣ. Если канупа нѣтъ, ее ѣдятъ вмѣсто него, т. е. съ сытою. На столъ *дару* подаютъ на *вѣнѣ* отъ квашни, которое остается тутъ до конца обѣда, послѣ чего на него складываютъ остатки хлѣба и другихъ густыхъ кушаньевъ, ложки же остаются на этотъ разъ неприбранными, въ знакъ того, что умершій, ѣвшій съ ними невидимымъ образомъ на *тратьтинахъ*, *девятинахъ* и *шастинахъ* теперь уже больше не явится и удалится отъ нихъ. *Шастины* и *дару* нужно править непремѣнно, а то душа, которая до шастинъ находится здѣсь же въ своемъ домѣ, за образами, послѣ сороковаго дня, «коли ее ни помянуть, идетъ страдать по болотахъ и будя страдать, покуль ее ни помянуть, а коли ни помянуть, дыкъ цѣлый вѣкъ будя страдать».

Кромѣ указанныхъ дней поминовенія у крестьянъ существуютъ еще: уго́дки, *дяды́* и *бабы*.

Угодки или годовщина, т. е. тотъ день, которымъ заканчивается годъ послѣ смерти члена семейства.

Годичныя поминки или угодки состоятъ въ томъ, что къ вечеру этого дня соберутъ къ себѣ въ хату ближайшихъ родственниковъ, дядей съ *дядинами*, тетокъ съ дядьками, «тьстя» съ тёщей, сестеръ съ *шваграми*, а иногда и лучшихъ сосѣдей.

Ужинъ на угодкахъ отличается тою особенностью, что водку подаютъ тутъ прежде канупа и обходъ *чарки* повторяется чаще, чѣмъ на хавтурахъ, хотя нужно сказать, что и на послѣднихъ ей мало отдыха и она иногда доводитъ пирующихъ до того, что многіе изъ нихъ не прочь затянуть лихую пѣсню или отплясать трепака. Другая особенность этого вечера та, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ напримѣръ въ «Мостищѣ», не варятъ *клёцекъ*, въ другихъ же, въ томъ домѣ, гдѣ *угодки*, кромѣ приготовленія кушаньевъ и уборки хаты для пріема гостей, никакихъ другихъ

работъ не дѣлаютъ. Церковнаго поминовенія въ этотъ день также не дѣлаютъ, но иногда просятъ какого-нибудь «умѣющаго» нищаго помолиться за упокой души умершаго.

Изъ записи учит. н. учил. П. Рачковскаго. Сообщ. директ. народн. учил. Могил. губ. А. Н. Поповымъ.

VI.

Горецкаго уѣзда, въ районѣ Городищенской вол.

На третій день послѣ похоронъ умершаго, домашніе совершаютъ поминки по немъ у себя дома. Поминовеніе это, называемое «третьтины», обыкновенно совершается вечеромъ, для чего приготовляется множество разныхъ кушаньевъ, въ числѣ которыхъ непремѣнно должны быть блины и каша. Предъ началомъ ужина зажигается предъ иконами восковая свѣча и всѣ домашніе молятся Богу объ упокоеніи души усопшаго, послѣ чего садятся за столъ. Ужинъ начинается съ каши, первую ложку которой каждый членъ семейства выкладываетъ на столъ, прямо на скатерть, равно также и всѣ кушанья, оставшіяся отъ ужина, оставляются на всю ночь на столѣ. Это въ видахъ того, что, какъ говорятъ крестьяне, ночью приходитъ покойникъ и съѣдаетъ все тамъ оставленное. Нѣкоторые, кромѣ того, въ этотъ день съ блинами и кашею ходятъ на могилу умершаго и тамъ молятся о покойникѣ; но это встрѣчается очень рѣдко и при томъ, если тому благопріятствуетъ время года. На девятый день или «девятины» поминовеніе совершается точно такъ же, какъ и на третій. Чрезъ три недѣли на кладбище приглашается священникъ и тамъ на могилѣ ставится каша и кладутся блины; священникъ служитъ панихиду, по окончаніи которой приглашаются въ домъ сосѣди, приготовлявшіе гробъ и могилу, и здѣсь ихъ угощаютъ обильнымъ обѣдомъ и водкою.

Шестинедѣльное поминовеніе, называемое «останье» или просто «шестины», совершается слѣдующимъ образомъ: кто-либо изъ семьи умершаго отправляется въ церковь съ блинами, пшеничною кашею и пирогомъ, называемымъ «проскурой», и ставитъ все при-

несенное предъ мѣстными иконами на полу. Священникъ совершаетъ заупокойную обѣдню, называемую «закупную», а затѣмъ и панихиду. По окончаніи службы въ церкви, каша, блины и «проскура» приносятся въ домъ, куда приглашаются и близкіе сосѣди «на столъ» (на обѣдъ). Здѣсь, помолившись Богу предъ зажженною свѣчею, всѣ усаживаются за столъ и въ началѣ ѣдятъ «проскуру», говоря: «Вѣчный покой, царство небесное (имя умершаго), честные и праведные родители ходите съ нами обѣдать», а потомъ подаются и всѣ остальныя приготовленныя кушанья; водка непремѣнно бываетъ всегда при каждомъ поминовеніи. Годичное поминовеніе или «годовщина» ничѣмъ не отличается отъ шестинедѣльнаго и совершается точно такимъ же образомъ, съ тою только разницею, что на это поминовеніе никто изъ сосѣдей не приглашается въ домъ для угощенія.

Зап. учит. народн. училища К. Шибановъ. Сообщ. тѣмъ же.

б) ПОМИНКИ ОБЩІЯ: ДЗЯДЫ (ДЯДЫ́, ДѢДЫ).

Витебской губерніи.

Подъ словомъ *дзяды́*, когда рѣчь заходитъ о поминовеніи усопшихъ, крестьянинъ нашъ разумѣетъ своихъ умершихъ предковъ, безъ различія пола и, отчасти, возраста: прадѣдъ, бабка, тетка, сестра и отецъ, умершіе еще молодыми — одинаково называются *дзида́ми*. Какъ это ни наивно, къ *дзида́мъ* причисляются иногда и умершія малолѣтнія дѣти.

Почтительное памятованіе о *дзида́хъ* крестьянинъ выражаетъ при всякомъ подходящемъ случаѣ: въ ежедневной молитвѣ, семейной и общественной бесѣдѣ и при различныхъ торжественныхъ событіяхъ, — къ чему обязываетъ многое. Всякое хозяйственное и житейское благополучіе созидалось, по его убѣжденію, послѣдовательными трудами предковъ и поддерживается благословеніями и молитвами ихъ предъ Всевышнимъ. Они заводили настоящую *сямі́бу*, производили постройки, уцѣлѣвшія и понынѣ:

тамъ дѣдъ выкопалъ канаву, въ другомъ мѣстѣ расширялъ пашню, *сѣкъ ляды*. Внукъ колетъ дрова топоромъ дѣда, внучка жнетъ серпомъ своей бабки; въ приданомъ дочери найдется *саянъ*, *крáли* и даже черевики бабки; вороной игривый конь произошелъ отъ дзядиной кобылки. Словомъ: какъ отдѣльные предметы, такъ и весь строй жизни, мало пошатнувшійся послѣ предковъ, напоминаетъ о нихъ не только ежедневно, но и ежечасно [1]).

Болѣе же сильное воспоминаніе о предкахъ проявляется въ тѣ дни, когда умершіе родственники обще съ живыми людьми выходятъ изъ обычной трудовой, будничной колеи жизни, какъ напр., въ коляды (рождественскую, новогоднюю и крещенскую), заговѣнье къ постамъ, разговѣнье послѣ нихъ и проч. Вѣдь въ эти дни и *дзяды́* вспоминали своихъ *дзядовъ* такъ же, какъ теперь вспоминаютъ ихъ внуки. Въ описаніи бѣлорусскихъ колядъ, заговѣнья и разговѣнья достаточно было сказано о томъ, какъ происходитъ это воспоминаніе [2]). Здѣсь я хочу сообщить все то, что знаю объ особенныхъ, дѣдовскихъ дняхъ, опредѣленныхъ и церковью для поминовенія умершихъ [3]). Въ Витебской губерніи эти дни извѣстны подъ названіемъ *дзядовъ*, коихъ здѣсь въ году четыре: *пéршіи*

---

[1]) Это толкованіе, не лишенное само по себѣ интереса, какъ раскрывающее передъ нами глубоко почтительное отношеніе бѣлорусса къ памяти и дѣяніямъ своихъ предковъ, едва ли примѣнимо къ объясненію названія *дѣдовъ* въ данномъ случаѣ. И въ Великороссіи поминальныя субботы повсюду называются *родительскими*. Мало того и самое слово: *родитель* во многихъ мѣстахъ Архангельской и Тверской губерній означаетъ покойника; такъ тамъ говорятъ: «чьего несутъ родителя?» (Оп. областн. великорусск слов. (стр. 191). Въ Калужской и Орловской губ. употребляютъ это слово въ томъ же смыслѣ, но только въ числѣ множественномъ: *родители*, хотя бы оно относилось къ одному лицу, даже малолѣтнему обоего пола: «несутъ хоронить родителей», т. е. кого-нибудь умершаго (тамъ же). Въ Олонецкой же губерніи кладбище зовется *родительскимъ мѣстомъ*, а въ Сибири вмѣсто *радуницы* говорятъ: родительскій день (Дополн. къ Оп. областн. великор. слов., стр. 231). Отсюда ясно, что какъ бѣлорусскія *дзяды́*, такъ и великорусское «родитель», «родители» въ смыслѣ покойника еще ждутъ своего истолкователя. *Ш*.

[2]) См. ч. I эт. тома «Матер.», въ отдѣлѣ Рождеств. праздники etc, стр. 37—55. *Ш*.

[3]) Эти сообщенія автора, слѣдующія у него сподрядъ тотчасъ за этими замѣчаніями, мы размѣстили ниже по рубрикамъ согласно тому основанію, которое положили въ основаніе дѣленія *дѣдовскихъ* дней. *Ш*.

дзяды́, *товстая суббота* (передъ заговѣньемъ на масляную), *Великодныи дзяды́*, *радыница* (во вторникъ Ѳоминой недѣли), *троецкіи дзяды́* (въ субботу передъ Троицынымъ днимъ) и *остатніи дзяды́*, *Змитровка* (суббота передъ 26 октября). Названіе — «першіе дзяды» не показываетъ главенства этого дня передъ другими, а только порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ одни за другими. Главными *дзида́ми* считаются Великодныи и Змитровскіе (въ Витебскомъ уѣздѣ)[1]).

Замѣчанія Н. Я. Никифоровскаго.

ДѢДЫ ОСЕННІЕ, ОСЕНИНЫ, ДМИТРОВСКІЕ (ЗМИТРОЎСКІЕ).

I[2]).

Той же губ., Полоцк. и Дриссенск. уѣздовъ.

Дзяды осенніе, извѣстные подъ названіемъ *осянины* и *змитроўка*, совершаются обыкновенно въ субботу, по истеченіи трехъ недѣль отъ Покрова Пресв. Богородицы. Начало вечера служитъ началомъ и празднества. Весь же предшествующій празднеству день проходитъ въ заботахъ объ опрятываніи дома и приготовленіи яствъ. Мужчины выметаютъ дворъ, укладываютъ чинно дрова, прибираютъ къ мѣсту всѣ хозяйственныя снасти и земледѣльческія орудія, словомъ заботятся, чтобы все было чисто и въ порядкѣ. Женщины же хлопочутъ внутри дома: приготов-

---

[1]) Великодные или радуницкіе дѣды не вездѣ однако-жъ считаются главными, поэтому мы и, какъ намъ кажется, безъ всякаго ущерба сущности дѣла, позволили себѣ размѣстить описанія этого разряда поминокъ въ нѣсколько иномъ порядкѣ, начиная его съ осеннихъ, дмитровскихъ, и заканчивая троицкими. *Ш.*

[2]) Ср. съ описаніемъ этого обряда въ ст. Дмитріева: «Обряды и обычаи западно-русскихъ крестьянъ» въ «Памятной книжкѣ Гродненской губ. на 1869 г.», стр. 84—7. Источникъ тамъ не указанъ. Стихи искажены, нѣкоторыя мѣста сокращены, другіе распространены и украшены, нѣкоторыя черты упущены, но въ общемъ статьи сходятся. Случайное ли это сходство или же оно произошло вслѣдствіе заимствованія и кто именно отъ кого позанялъ — рѣшить не беремся, а вмѣсто того обращаемъ особенно вниманіе нашихъ читателей на значительно болѣе раннюю запись этого обряда, помѣщенную далѣе на стр. 600—2 подъ № III, и взятую нами изъ Тышкевича; она отличается далеко не меньшимъ сходствомъ. *Ш.*

ляютъ кушанья, варятъ и жарятъ, моютъ столъ и скамейки (лавы), тщательнѣе же всего очищаютъ почетнѣйшее мѣсто въ дому — уголъ, такъ называемый *кутъ*, и *запечекъ*, т. е. мѣсто за печью. Обиліе вкусныхъ яствъ и всецѣлая хозяйственная опрятность дома приманиваетъ, говорятъ, души отшедшихъ дѣдовъ и доставляетъ посѣщенію ихъ пріятность и радость. Когда же настанетъ вечеръ и въ домѣ все успѣютъ прибрать и приличнымъ образомъ приготовить, тогда семейство покойника и приглашенные гости-родственники собираются въ его хату, въ одну комнату. Отецъ, глава семейства, зажигаетъ свѣчу, прилѣпливаетъ ее къ углу — *на кутъ* и начинаетъ молитву, по окончаніи которой свѣча потушается. Всѣ садятся за столъ, уставленный яствами, среди которыхъ находится пиво и вино, и читавшій молитву говоритъ слѣдующее:

Святые дзяды́, зовемъ васъ,
Святые дзяды́ идзице до насъ!
Ёсьць тутъ ўсё, што Богъ даў,
Што я ли васъ охвяроваў,
Чимъ только хата богата.
Святые дзяды, просимъ васъ,
Ходзице, ляцице до насъ!

За симъ наливаетъ рюмку водки, такъ, чтобы черезъ края пролилось нѣсколько на скатерть,—для дѣдовъ, какъ говорятъ, и выпиваетъ; всѣ старшіе и взрослые пьютъ также, немного проливая. Кушать никто не начинаетъ раньше, пока не отольетъ отъ каждаго кушанья по ложкѣ и не отложитъ по кусочку въ отдѣльный сосудъ, который непосредственно за симъ ставится для этой цѣли на окошкѣ, а иногда и за онымъ, если только есть тамъ для этого удобное мѣсто. Затѣмъ продолжаютъ пить и ѣсть, но бесѣда не оживляется веселостью. Замѣтно, что какая-то грусть наполняетъ сердца всего собранія. Старики, стоящіе, какъ говорится, одной ногой въ другомъ уже мірѣ, бываютъ въ это время грустнѣе и задумчивѣе прочихъ: нерѣдко поднося чарку ко рту, они вдругъ останавливаются, не пьютъ, прислушиваясь къ нечаянно проис-

шедшему шороху, къ дуновенію вѣтра или шуму сосѣдняго дерева, сбрасывающаго послѣднія уже листья свои. Скрыпнутъ ли ворота, тронется ли дверь, всколыхнется ли накладка у ней, задребезжитъ ли полуразбитое стекло въ окошкѣ — отъ чего бы то ни было — прилетитъ ли, привлекаемая свѣтомъ, запоздалая бабочка или другое подобное насѣкомое — все это служитъ имъ несомнѣннымъ признакомъ посѣщенія душъ усопшихъ родныхъ дѣдовъ. Разговоръ бываетъ самый прерывистый, состоящій въ однихъ лишь замѣчаніяхъ: то о несомнѣнномъ присутствіи отшедшихъ, ихъ участіи въ угощеніи, то о прежнемъ бытѣ ихъ, болѣе достаточномъ, болѣе счастливомъ, чѣмъ настоящее ихъ существованіе. *Наши дзяды́*, — повторяютъ тутъ каждый разъ, *не знали бяды́, но ўнуки набралися му́ки. «Штошъ робиць»*, замѣтитъ иногда при семъ старикъ, смиренно покоряющійся судьбѣ настоящаго бѣднаго быта, — «*штошъ робиць, не отъ того зганѣли, што соло́дко ѣли, а такъ Богъ даў. Надо жиць, якъ набѣжиць*, или: *штошъ робиць, свой квасъ дзяцей попу*» и проч.

По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола и расходятся, простившись напередъ съ неземными жителями:

Святые дзяды! вы сюды приляцѣли,
Пили и ѣли,
Ляцице-жъ цяперь до сябе!
Скажице, чаго еще вамъ треба?
А лѣпій, ляцице до неба!
Акышъ, акышъ!

Оставляемыя для дѣдовъ яства и питье поутру отдаются обыкновенно мѣстнымъ нищимъ.

Хозяинъ дома еще заблаговременно весною избираетъ изъ своихъ стадъ какую-нибудь скотину и предназначаетъ ее на убой въ день дѣдовъ, говоря: «Гэта нехай Богъ пасець на осянины». Неисполненіе этого обѣта влечетъ за собою непремѣнную гибель опредѣленнаго на жертву животнаго.

Сообщ. въ 1877 г. Ю. Ѳ. Крачковскимъ и зап. однимъ изъ его родствен. свящ. N.

II.

Той же губ., и уѣзда.

Остатніи по хронологическому порядку, но едва ли не главные *дзяды* (суббота передъ 26 октября) называются *Змúтровкой*. Не говоря о томъ, что къ этому времени закончены почти всѣ сельско-хозяйственныя работы, за исключеніемъ молотьбы и обработки льна, подведены итоги прошлаго лѣта, большое изобиліе въ мясѣ, — семья успѣла отдохнуть отъ лѣтнихъ трудовъ и воспользоваться тѣмъ, что бѣлоруссъ называетъ *сытьцё*, благодаря которому *щеки ўспухнули*. Такимъ образомъ *святковáнню*[1]) *Змитрóвскихъ дзядовъ* благопріятствуетъ и матеріальное довольство и досужество, — чего недостаетъ, напр., въ *Радыницу*. Въ эти *дзяды*, какъ и въ заговѣнье, «нужно поѣсть семь разъ», — шутливо говорятъ крестьяне. На самомъ дѣлѣ ѣдятъ только четыре раза, какъ и всегда: снѣдаютъ, обѣдаютъ, посýднуютъ (подвячерниваютъ) и вячéрюютъ.

Капунъ *Змитровки* заканчивается *лазней*, мытьемъ стѣнъ и чисткой даже пола. Убравъ со стола будничный ужинъ, хозяйка *шаруетъ* лавки, столъ и на почь застилаетъ его чистою скатертью, приспособляя это послѣднее къ тому времени, когда всѣ семьяне начинаютъ засыпать. Скоро и она ложится спать, чтобы не опоздать предстоящей утренней стряпней, когда ей нужно будетъ въ изобиліи приготовить и *прыжанúну* съ блинами, и *юшку* съ мясомъ, и *пячистоя*, и кашу, и *стюдзинь*, и многое другое.

По мѣрѣ того, какъ стряпня приближается къ окончанію, мужчины и дѣти встаютъ, моются и одѣваются по *святóшниму*[2]). Когда уже все готово къ *снѣданню*, хозяинъ зажигаетъ въ *божницѣ* восковую свѣчу. Семьяне собираются и начинаютъ молиться, или порознь, или слушая общую молитву старшаго, по окончаніи которой безмолвно садятся за столъ, на всегдашнія свои

---

[1]) Празднованію.

[2]) Праздничному.

мѣста. Передъ каждымъ семья́ниномъ[1]) хозяйка кладетъ груду блиновъ (штукъ 10) для *прыжанiны* и ставитъ миску съ кутьей, которая на этотъ разъ не сладкая, а *заволожена* коровьимъ масломъ. Сама хозяйка тоже садится за столъ. Тогда хозяинъ наливаетъ рюмку водки *ко́птырымъ* (выше краевъ) и, держа ее передъ собой, внятно и торжественно говоритъ: «Пымяни́, Божухна, нашихъ святыхъ дзядовъ! пошли имъ рай прасвѣтлый, чарстве набесны! нехай яны су святыми опочиваюць, а намъ хлѣба-соли засылаюць». (Хозяинъ и вся семья набожно крестятся) «Будь здорова, бабка (жена), и вы ўси!» — «Пій ны здоровiйка!» — отвѣчаютъ хоромъ всѣ семьяне. Выпивъ рюмку водки, хозяинъ снова крестится и угощаетъ водкой всѣхъ, начиная съ жены и кончая «близнюка́ми»; при этомъ каждый вторитъ то, что говорилъ и дѣлалъ хозяинъ. Только послѣ этого принимаются ѣсть *кутьцю*, а за нею блины съ *прыжаниной*. На тарелку, покрытую блиномъ, хозяинъ откладываетъ немного съ каждаго подаваемаго кушанья и, присоединяя туда иногда рюмку водки, ставитъ тарелку, или на подоконникъ, или на особо придѣланную полочку съ наружной стороны главнаго окна и съ тѣмъ вмѣстѣ произноситъ: «Святыи дзяды! придзитя сюды́ — ета ли васъ!» Всѣ семьяне иногда вторятъ словамъ хозяина, а иногда только крестятся. Эта *дѣдовская тарелка* вмѣстѣ съ водкой отдается нищему, если онъ подойдетъ; въ противномъ случаѣ съѣстное изъ тарелки отдается чистымъ домашнимъ животнымъ.

Обильное праздничными кушаньями *снѣданне* длится довольно долго, тѣмъ болѣе, что рюмки водки передъ каждымъ кушаньемъ развязываютъ языки. Единственнымъ предметомъ застольной бесѣды служатъ, разумѣется, поминаемые *дзяди́*. Общими усиліями семьи припоминаются не только мельчайшіе случаи изъ жизни поминаемыхъ, ихъ слова и наставленія, но и ничтожныя физическія особенности, въ родѣ родинки на подбородкѣ и т. п. И во всей этой продолжительной бесѣдѣ нѣтъ мѣста сужденію объ отрицательныхъ сторонахъ *дзядовъ*.

---

[1]) Т. е. членомъ семейства. *Ш.*

Сытая до крайности, спокойная отъ мирной бесѣды, встаетъ семья изъ-за стола и, послѣ прочитанной молитвы, каждый направляется полежать на печь, палати и *полъ* (нары), «кабъ сало обвилось коло ки́шекъ». То же не замедлятъ сдѣлать и женщины, послѣ того, какъ только успѣютъ убрать со стола, покрыть его чистою скатертью и положить на нее неизмѣнный хлѣбъ съ солью. Кое-гдѣ *дѣдовская тарелка* не опоражнивается до вечера, а остается на столѣ вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью. Внушительныхъ размѣровъ восковая свѣча негасимо горитъ въ *божницѣ* до окончанія *вячéри*.

Послѣ *снѣдання* и отдыха отправляются въ гости къ отдаленно живущимъ роднымъ и поспѣваютъ туда къ обѣду (около 11 час.), или полднику (около 2 час.). «Авой! здаетца дзяцька съ дзядзиный пріѣхали; идзитя сустрикáть», — скажетъ первый замѣтившій гостей. Кое-кто выбѣжитъ навстрѣчу пріѣхавшимъ; остальные не покидаютъ мѣста отдыха, откуда и *витáютьца* съ гостями. Скоро семья и гости садятся за столъ. Гощеніе въ *Змитровку* не ограничивается остаткомъ дня, а иногда доходитъ до *трёхъ дзёнъ:* это зависитъ отъ взаимныхъ отношеній хозяевъ и гостей, которые тутъ же заручаются обѣщаніемъ хозяевъ на «гости́ны — альбо въ зáпосты, альбо въ Рожствó».

Зап. Н. Я. Никифоровскимъ.

III.

Минской губ., Борисовскаго уѣзда.

Дѣды въ теченіе года празднуются нѣсколько разъ; они бываютъ: а) осенніе — *Змитроўскіе*, б) передъ масляницей, в) весенніе, подъ названіемъ *Радуницкіе* и г) *Стаўроўскіе*, передъ праздникомъ Троицы. Къ дѣдамъ можно тоже причислить и *прикладзины*[1]), въ общемъ мало чѣмъ отличàющіеся отъ предыдущихъ.

ДЗЯДЫ́ ЗМИТРОЎСКІЕ.

Главная пора для ихъ празднованія — вечеръ. Цѣлый день служитъ только на приготовленіе къ нему: готовятъ кушанья,

[1]) Смотри выше, стр. 589.

приводятъ все въ хатѣ въ порядокъ, старательно очищаютъ *кутъ* и запечекъ, выметаютъ хату и дворъ. Опрятность въ хатѣ и вкусныя кушанья привлекаютъ души дѣдовъ и заставляютъ ихъ на минутку покинуть свою небесную обитель, чтобы снизойти на родную землю. Когда вся семья и всѣ приглашенные родственники окажутся въ сборѣ, то отецъ, заправляющій обрядомъ, велитъ прилѣпить въ передній уголъ зажженую восковую свѣчу, читаетъ «Отче нашъ», «Богородицу», «Вѣрую» и «Anioł pański». По окончаніи молитвъ свѣчу погашаютъ. Столъ въ это время бываетъ уже уставленъ кушаньями (непремѣнно нечетнымъ числомъ), пивомъ и горѣлкой. Всѣ садятся вокругъ стола. Хозяинъ, наливъ рюмку водки, сливаетъ съ нея нѣсколько капель на скатерть для духовъ, вслѣдъ за нимъ поочередно такимъ же порядкомъ пьютъ всѣ прочіе. И никто не дотронется до кушанья пока не отольетъ предварительно по ложкѣ въ поставленную на столѣ миску, которая, по наполненіи ея выдѣленными частичками кушаньевъ для дѣдовъ, ставится на окно. Затѣмъ продолжаютъ пить и ѣсть, но говорятъ ма́ло и разговоръ не отличается оживленной веселостью. Всѣ въ грустномъ настроеніи и не разъ во время трапезы передаютъ другъ другу свои замѣчанія на счетъ того, что души дорогихъ имъ покойниковъ несомнѣнно тутъ присутствуютъ, принимаютъ ихъ угощенія, съ безпокойствомъ озираются при малѣйшемъ шумѣ и заключаютъ свою бесѣду сожалѣніемъ, что не могутъ ихъ видѣть воплощенными въ осязательной формѣ. Налетаетъ ли въ это время на огонь ночная бабочка, — на нее всѣ уже смотрятъ какъ на Божью посланницу, явившуюся за волосами и ногтями тѣхъ умершихъ лицъ, которые въ жизни пренебрегали ихъ сохраненіемъ, — первыхъ въ обуви, а вторыхъ на печи. По окончаніи вечери всѣ расходятся, прощаясь съ неземными гостями такъ: «Святые дзяды ѣли и пили, идзице до сябе». Кушанья и питье, оставляемыя для дѣдовъ, иногда съѣдаются шаловливою молодежью, увѣряющею потомъ всѣхъ, что это было дѣло дѣдовъ, но чаще всего,

согласно обычаю, эти кушанья на другой день отдають мѣстнымъ бѣднякамъ.

Еще за долго до дзядовъ домохозяева рѣшаютъ, какими изъ домашнихъ животныхъ и другихъ запасовъ могутъ жертвовать для предстоящаго празднества; при такомъ выборѣ обыкновенно говорятъ: «гэто нехай Богъ насець на дзяды». Неисполненіе такого рода обѣта влечетъ за собою непремѣнно гибель обреченнаго для дзядовъ животнаго.

Зимніе дзяды празднуются передъ масляницей. Обрядность при нихъ соблюдается та же, что и на дзядахъ Дмитровскихъ, только кушанья тутъ иныя, болѣе соотвѣтствующія этому времени года: ноги кабана и блины.

Изъ гр. Тышкевича. «Opisanie powiatu Borysowskiego» etc. стр. 378.

IV.

Минской губ. и уѣзда, м. Заславль.

Поминовеніе по усопшихъ совершается у насъ, хотя разновременно, но по большей части въ осеннюю пору и по преимуществу въ октябрѣ мѣсяцѣ. Причину разновременности установленныхъ для поминокъ дней, даже въ одномъ и томъ же приходѣ, одинъ крестьянинъ объяснилъ мнѣ такъ: когда царь Дмитрій отправился на войну съ невѣрными, то онъ, проѣзжая по разнымъ мѣстамъ, просилъ православныхъ христіанъ молиться объ упокоѣ душъ тѣхъ воиновъ, которые, по волѣ Божіей, падутъ на войнѣ. Вотъ съ той поры установленные поминки во многихъ деревняхъ совершаются въ разное время потому, что царь Дмитрій не въ одно и то же время проѣзжалъ по разнымъ деревнямъ.

На поминкахъ болѣе всего обращаютъ вниманіе на то, чтобы приготовить какъ можно больше и разнообразнѣе кушаньевъ, между которыми должна быть непремѣнно вареная голова свиная, или баранья, а въ крайнемъ случаѣ, хотя и куриная — все равно пѣтуха или курицы. Голова эта въ поминальномъ обрядѣ занимаетъ весьма видное мѣсто.

Усадивъ гостей за поминальный столъ, хозяинъ беретъ въ

одну руку свѣчу, обернувъ ее блиномъ, а въ другую — булку хлѣба и обноситъ ихъ три раза вокругъ поставленной на столѣ головы, поминая громко по имени не только всѣхъ умершихъ родныхъ и близкихъ, но даже и тѣхъ, которые прежде когда-либо жили на принадлежащей ему, хозяину, землѣ, приглашая ихъ словами: «Прибывайце къ этому столу!» Сидя за столомъ, всѣ гости, каждый разъ при выпиваніи водки, что повторяется довольно часто, отливаютъ изъ рюмокъ на столъ нѣсколько капель, приговаривая: «прибывайце!»

По окончаніи поминальной трапезы, на столѣ оставляютъ на ночь всѣ кушанья, при полной ихъ обстановкѣ: съ ножами, ложками и пр., въ полной увѣренности, что покойники придутъ ночью и воспользуются приглашеніемъ.

Сообщ. свящ. Ѳ. И. Смородскій.

V.

Той же губ., Новогрудскаго уѣзда, м. Еремичи.

Кромѣ спеціальныхъ поминаній, предназначенныхъ памяти одного усопшаго, четыре раза въ году устраиваются *дѣды*, въ память всѣмъ умершимъ родственникамъ. Дѣды отличаются отъ прочихъ поминокъ тѣмъ, что устраиваются въ субботу вечеромъ, въ присутствіи только членовъ семьи. Въ «дѣдахъ» замѣчателенъ подборъ блюдъ, лежащій на обязанности хозяйки дома. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: на двухъ противоположныхъ концахъ стола кладется по цѣлой булкѣ хлѣба, на каждую изъ нихъ кладется еще пшеничная булка, которая смазывается на верхней коркѣ масломъ и называется *перепечкою*; слѣдовательно употребляются двѣ ржаныя и двѣ пшеничныя перепечки. На перепечки кладутся по 6—8, или даже 12 блиновъ (оладокъ), то есть четное число на каждый конецъ стола. Число блюдъ должно быть тоже четное [1]), количество же ихъ обусловливается изобрѣтательностью хозяйки и зажиточностью семейства. Обыкновенно изо

[1]) Въ другихъ мѣстностяхъ наоборотъ: это число должно быть непремѣнно нечетное, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ описаній. *Ш.*

всѣхъ силъ стараются, чтобы *дѣды* вышли приличными. *Вечеря* эта, какъ и спеціальныя поминки, начинаются и кончаются молитвою. Въ продолженіе вечери у иконы горятъ восковыя свѣчи. Хозяинъ или старшій членъ семейства, сидящій за отсутствіемъ хозяина на почетномъ мѣстѣ, руководитъ вечерей: благословляетъ крестнымъ знаменіемъ каждое подаваемое на столъ блюдо, отливаетъ изъ него первую ложку въ особый сосудъ и непремѣнно пробуетъ отъ каждаго блюда. Сосудъ съ пищей, отлитой отъ каждаго кушанья, ставятъ за окно, или же, какъ это дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, на могилы усопшихъ. Въ иныхъ же деревняхъ первую ложку съ каждаго блюда выливаютъ подъ столъ, вѣроятно для умилостивленія усопшихъ.

Изъ зап. учен. виленскаго учит. института Н. Сучко.

VI.

Той же губ., Слуцкаго уѣзда, Синявской волости.

Поминаніе дѣдовъ бываетъ въ этой мѣстности три раза въ годъ: 1) *осеннее*, въ концѣ октября, 2) *зимнее*— передъ Масляницей, и 3) *весеннее* — незадолго передъ Вознесеніемъ. Дѣды передъ масляной недѣлей отличаются отъ осеннихъ только тѣмъ, что въ этотъ день на кладбище не ходятъ; весенніе дѣды проводятъ очень скромно, вѣроятно, потому, что большихъ запасовъ въ это время года почти ни у кого изъ крестьянъ нѣтъ. Здѣсь мы сообщаемъ наши наблюденія о дѣдахъ осеннихъ, какъ о главныхъ и богаче обставленныхъ. Они празднуются 26-го октября.

Въ этотъ день съ утра женщины приготовляютъ опару для блиновъ, прибираютъ все въ хатѣ и къ вечеру приготовляютъ разныя кушанья, въ числѣ которыхъ однако должны быть непремѣнно блины, каша, *верещага*[1]), капуста съ саломъ и овся-

---

[1]) Т. е. похлебка, сваренная изъ кусковъ свинаго мяса, сала и колбасы. *Б.*

ный кисель. У богатыхъ количество кушаньевъ доходитъ до шести. Трапеза завершается блинами и первый, снятый со сковороды, горячій блинъ разрываютъ на столько кусковъ, сколько въ хатѣ оконъ, на каждое изъ которыхъ кладутъ его по куску. По окончаніи стола всѣ отправляются на кладбище, захвативъ съ собою туда водку, блины и кашу. Тамъ каждое семейство молится на могилахъ своихъ родственниковъ за упокой ихъ душъ. Затѣмъ выпиваютъ, закусываютъ, проливая на могилу немного водки и бросая по нѣскольку кусковъ изъ каждаго кушанья. Если тутъ случится нищій, то и его заставятъ поминать усопшихъ. Помолившись, всѣ расходятся по домамъ, гдѣ снова садятся за столъ, на который женщины-хозяйки кладутъ блины и ставятъ медъ. Въ медъ набрасываютъ по нѣскольку кусочковъ блиновъ. Каждый членъ семьи (за исключеніемъ дѣтей) долженъ непремѣнно съѣсть по три ложки этого кушанья. Немного этой смѣси оставляютъ нарочно въ мискѣ для умершихъ дѣдовъ. Послѣ блиновъ ѣдятъ и остальныя изъ приготовленныхъ кушаньевъ. Поужинавши и помолившись Богу, ложатся спать, а остатки смѣси размѣщаютъ по окнамъ; остатки же изъ остальныхъ кушаньевъ разливаютъ по маленькимъ мискамъ, которыя также разстанавливаютъ по окнамъ. Хлѣбъ и ложки остаются на столѣ во всю ночь. Дверей въ хатѣ въ эту ночь тоже не запираютъ, ихъ только немного притворяютъ для того, чтобы умершіе могли войти.

Существуетъ повѣрье, что если въ эту ночь послѣ ужина сѣсть на полъ, не спать и не говорить, то можно будетъ увидѣть тѣхъ изъ умершихъ дѣдовъ, о которыхъ совершали поминки. Много ходитъ въ народѣ суевѣрныхъ разсказовъ на эту тему, приведемъ одинъ изъ нихъ. Разсказываютъ, что въ одной семьѣ баба не поставила на окно поминальныхъ кушаньевъ и во всю ночь никто въ домѣ заснуть не могъ. Кто-то все стучалъ въ окно, ходилъ по хатѣ, искалъ чего-то (блиновъ должно быть), а бабѣ чудилось, что кто-то говоритъ: «За то́е што ты намъ пошкодова́ла ѣсьци, будзишь и ты ходзиць по смерци» и т. п.

Очень можетъ быть, что это выдумки, или воображеніе, случайно чѣмъ-нибудь напуганной бабы, но все-таки это указываетъ на то, какъ крѣпко вкоренился о томъ обычай у нашихъ крестьянъ.

Канунъ поминальной субботы у здѣшнихъ крестьянъ зовется «бабы». Въ этотъ день скоромнаго не варятъ и на кладбище не ходятъ. Пекутъ только постные блины и варятъ квасъ съ грибами или таранами и кисель (больше ничего не варятъ, даже богатые). Изъ каждаго кушанья оставляютъ по немногу и ставятъ на окно для дѣдовъ.

Во всѣхъ почти деревняхъ Синявской волости и вообще въ здѣшнихъ мѣстахъ «дѣды» проводятся одинаково съ незначительными только измѣненіями. Напр. нѣкоторые ѣдятъ поминальныя кушанья утромъ, дверей на ночь не оставляютъ открытыми и допускаютъ мелкія отступленія отъ завѣтныхъ обычаевъ предковъ. Надо полагать, что современемъ выведутся и остальные, почти языческіе обряды. Это отчасти и замѣтно въ настоящее время; есть уже и теперь такіе (хотя ихъ пока очень мало), которые кромѣ того, что пренебрегаютъ мелкими сторонами установленной изстари для дѣдовъ обрядности, но не соблюдаютъ даже обрядовой трапезы и послѣ сытнаго, богатаго ужина и обильной выпивки предаются веселью и пляскѣ подъ музыку. Вообще религіознаго настроенія у нашихъ крестьянъ въ этотъ день почти не замѣтишь; они даже въ этотъ день въ церковь не ходятъ. Зависитъ ли послѣднее обстоятельство отъ того, что дѣды всегда приходятся въ будни, или отъ чего иного? — рѣшить трудно.

Изъ записи учительницы Синявскаго народнаго училища Степаниды Берестовичъ. Сообщ. инспекторомъ народныхъ училищъ Минской губ. Квасницкимъ.

VII.

Могилевской губ., Быховскаго уѣзда, Церковно-Осовецкой вол., с. Кутка.

Общія поминовенія, или дяды, слѣдующія: Дмитровка, Родительская суббота, Радуница и Семуха; эти поминовенія имѣютъ веселый характеръ. Дмитровка справляется осенью, когда у

крестьянъ всего вдоволь, въ субботу передъ Димитріемъ Солунскимъ (26-го октября).

Наканунѣ этого дня мужчины убираютъ, выметаютъ дворъ, приводятъ его въ порядокъ, между тѣмъ какъ бабы хлопочутъ въ хатѣ: моютъ столъ, лавки, посуду, выметаютъ полъ, пекутъ блины и стряпаютъ. При заходѣ солнца, когда всѣ успѣютъ помыться въ банѣ, нарочно истопленной по этому случаю, вся семья *вечеряетъ* (ужинаетъ); *вечéря* бываетъ постная. Утромъ бабы хлопочутъ у печки: пекутъ блины, жарятъ мясо, стряпаютъ самыя разнообразныя и въ изобиліи яства: ладки, борщъ изъ капусты, изъ свеклы, картофель вареный, картофель тертый, супъ и каша разныхъ сортовъ и названій: гречневая, просяная, яшная, яичная на маслѣ, яичница на салѣ, грибокъ и пр., и пр., непремѣнно надо 12 кушаньевъ (потравъ); мужчины же справляются по хозяйству, а одинъ изъ нихъ съ блинами отправляется на панихиду въ церковь. По возвращеніи его вся семья собирается въ избу, хозяинъ варитъ въ горшечкѣ съ водкою перецъ, хозяйка накрываетъ столъ чистою скатертью, вѣшаетъ на иконы вышитыя *набожники*, зажигаетъ у божницы свѣчку и кладетъ на столъ стопу блиновъ. Послѣ долгой и усердной, съ земными поклонами, молитвы, вся семья садится за столъ. Хозяинъ, сидя на кутѣ, прячется за блинами и вопрошаетъ жену, которая садится послѣ всѣхъ и на самомъ концѣ: «Баба, а баба! ти бачишь ты меня?» Та отвѣчаетъ: «Ни бачу». — «Дай же, Божа, штобъ ты и на лѣто меня ни бачила», говоритъ хозяинъ [1]). Потомъ наливаетъ онъ чарку перцовки и, осѣнивъ себя крестомъ, продолжаетъ: «Святые родительки, ходите къ намъ обѣдать! Баба, будь здорова!» При этихъ словахъ онъ выпиваетъ чарку, плеснувъ изъ нея предварительно нѣсколько капель на скатерть. Хозяйка, взявъ налитую чарку изъ рукъ мужа и, тоже плеснувъ изъ нея на скатерть, произноситъ: «Нехай со святыми почиваютъ и намъ хлѣба-соли засылаютъ, будьте вси живы!». И вслѣдъ за тѣмъ начи-

---

[1]) Ср. въ 1-й ч. этого тома, стр. 47. *Ш.*

нается за упокой «родителей» усердное истребленіе горѣлки и приготовленныхъ яствъ, каждый членъ семьи наѣдается до отвалу, до пресыщенія. Такимъ же образомъ справляютъ и Родительскую субботу въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ, и Семуху — въ седьмую субботу по Пасхѣ, наканунѣ пятидесятницы. На Семуху до обѣда каждый крестьянинъ спѣшитъ непремѣнно отсѣять коноплю. Въ числѣ яствъ на этотъ разъ непремѣнно долженъ быть зажаренный пѣтухъ или курица, а вечеромъ всѣ ставятъ на дворѣ, на улицѣ передъ хатою «май», т. е. втыкаютъ въ землю заостренными концами молодыя деревца.

Зап. народн. учит. Лещенко. Сообщ. директоръ народн. учил. Могил. губ. А. Н. Поповъ.

VIII.

Могил. г. и у., Нѣжковск. волости.

Дядовъ у крестьянъ, какъ и по уставу церкви — четверо: Духовскіе, Дмитровскіе, предъ Масляной недѣлей и Радуница, а въ деревняхъ Новоселкахъ и Василькахъ есть пятые—предъ Покровомъ: Покровцы. Въ обрядахъ всѣхъ этихъ дней, кромѣ Радуницы, особенностей нѣтъ, всѣ они между собою схожи.

Когда настанетъ день дѣдовъ, то съ самаго ранняго утра по деревнѣ можно замѣтить повсюду снующихъ нищихъ; на дѣды ихъ обыкновенно приглашаютъ; но не всѣмъ имъ равный пріемъ: крестьяне наши всегда отдаютъ предпочтеніе тому изъ нихъ, кто пользуется славой лучшаго пѣвца и чтеца, «хто боли причитываеть и лѣпи поеть». Прежде всего онъ читаетъ молитву за *умарлыхъ* (за упокой), потомъ за здоровыхъ, а въ концѣ, если попросятъ и за скотинку. За это ему платятъ деньгами отъ 5-ти до 10 коп., а за скотинку отдѣльно и чаще всего даютъ кусочекъ «*салца*» или «мясца», а нѣтъ, — такъ два или три яйца. Муки нищимъ не даютъ и въ особенности за молитву заупокойную, а то покойникамъ «будя пылко на тымъ свѣти».

Бабы въ этотъ день моютъ столъ, лавки, скамейки, окна, незастланный конецъ скамейки, стоящей сбоку печки и служащей подставкой для *пола* (т. е. наръ): тамъ будутъ сидѣть поминаемые

дѣды въ ожиданіи ужина; перетираютъ и самыя нары. Подъ вечеръ бабы начинаютъ топить печку, готовить кушанья и пекутъ блины. При этомъ нужно замѣтить, что въ деревняхъ Студенкахъ и Вишовѣ первый блинъ рвутъ на части и кладутъ на окна «для дядовъ» [1]).

Зная пору приготовленія кушаньевъ, пастухъ отправляется по деревнѣ, и, останавливаясь возлѣ окна каждаго дома, спрашиваетъ: «Эй, хозяйка! ти пикла́ блины? Прислали дяды́ по блины, сви́нки по соляни́нки, ове́чки по яе́чки, баранки по соль, а коровки по сыръ». При этомъ хозяйки выносятъ пастухамъ просимое. Иные просятъ и такъ: «хозяйка! ти пикла блины? Кабъ ласкова была, пастуху дала».

Кушанья на «дѣды» тѣже, что и на погребеніи, только если у кого часто умираютъ дѣти, то для нихъ пекутъ ладки, чтобы живые ребята не умирали.

Передъ ужиномъ моются въ банѣ и когда всѣ перемоются, то ставятъ на полокъ ведро чистой воды съ чистымъ вѣникомъ— «для дядовъ». Такъ непремѣнно нужно дѣлать, утверждаютъ крестьяне, потому, что умершіе только и моются всего четыре или пять разъ въ году и только на это время ихъ отпускаютъ. Разсказываютъ при этомъ различные анекдоты, которымъ они вполнѣ вѣрятъ. Разсказываютъ, напримѣръ, слѣдующее: «давно ето было, ящо за *пригономъ* [2]); помылися ужӧ въ бани ўси силяни (деревня была небольшая, такъ въ одноі мылись) и стали за столъ садицца, ни было тольки Арины Янкивой: была йна ящо на пригони, али вотъ и йна пришла и спрашивая: ти помылися въ лазни?»—Помылися. «Ну дыкъ и я скоренько збѣгаю, помыюся». Побѣгла и только стала раздѣвацца въ прилазнику [3]), якъ видить много-много людей. Впереди старики и старухи, за ими мужчины и молодицы и вядуть маленькихъ дѣтей и вси идуть къ лазни. Пирайшли яны́ и кладку, што тутъ была тира́зъ ручей, пошли

---

[1]) Ср. выше, стр. 605.

[2]) Т. е. во время барщины. *Ш.*

[3]) Т. е. въ передбанникѣ. *Ш.*

въ лазню и стали мытцца. Тогды Арина прибѣгла ў хату и вся трясецца; чуть у яе допытали, што ето было, и яна скоро помёрла». «У лазню на дяды», прибавляетъ при этомъ обыкновенно разскащикъ или разскащица, «ня можно ходить, якъ ужо са́дяцца за столъ». Другой разсказъ: «Пошла матка мыцца въ баню и сказала доццѣ́: Прійди за мною, якъ я помыюся». Скоро пришла дочка́ и въ вокно спрашиваеть: «Ти скоро ты?» — «Только ящо почала мыцца». Йна постояла нямного и взновь кричить: «ти скоро?»—«тольки плечи помыла» отвѣчаюць изъ лазни. За третьтимъ разымъ сказала: «помыю только руки, а за чатвертымъ— пальцы». Дычка́ тоды увѣдала, што тамъ нѣшто неладное; отчинила яна двери,—ажна та́мотьки повная лазня чартей. Йна тогды утикать, а яны за ей, ды ни дыгна́ли. А якъ пойшли на завтры въ лазню, то тольки кости нашли». Въ деревнѣ Гутѣ разсказываютъ: «пошли бабы ў лазню; было уже дужа позно. Тольки яны мыюцца, якъ чують, што хто запирая зъ двора двери; якъ заперъ, то зъ столи[1]) стала капать кровь и бабы ети уси тамъ помёрли». Изъ такихъ и другихъ подобныхъ разсказовъ дѣлаютъ обыкновенно выводъ, что въ дѣдовскую субботу поздно мыться въ банѣ не слѣдуетъ. Хозяева бань поступаютъ даже такъ: если кто изъ моющихся въ эти дни въ банѣ слишкомъ тамъ замѣшкается, то ихъ просто выгоняютъ оттуда, говоря: «пуститя ужо покойниковъ».

Когда всѣ возвращаются изъ бани, хозяйка вынимаетъ изъ печки горшки съ кушаньями и ставитъ ихъ на лавку (скамейку) противъ печки въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ они будутъ подаваться къ столу: тѣ, которыя подадутъ сначала, ставятся ближе къ столу, которыя потомъ, — немного подальше и т. д. Хозяинъ въ это время зажигаетъ *громничную* свѣчу предъ божницей и всѣ молятся Богу. Въ деревнѣ Студенкахъ во время молитвы кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи беретъ черепокъ ѿтъ горшка, кладетъ туда нѣсколько горящихъ угольковъ, а сверху траву, освященную въ Духовъ день и ею обкуриваетъ горшки съ кушаньями, столъ съ ложками, хлѣбомъ и чашками и всю

[1]) Т. е. потолка.

избу[1]). Зажженная свѣча горитъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ кануна. Кушанья на «дяды» между прочими бываютъ слѣдующія: канунъ, поливка, молоко, «клёцки», «яѐшня» и каша. Мясо тоже считается за особое блюдо. Количество кушаньевъ должно быть непремѣнно нечетъ. Подаютъ кушанья на столъ въ намѣченномъ выше порядкѣ, только мясо изъ поливки иногда оставляютъ напослѣдокъ или же его ѣдятъ сейчасъ послѣ поливки. Всѣ кушанья ѣдятъ съ блинами вмѣсто хлѣба. Какъ только гости и члены семейства усядутся за столъ, ихъ подчуютъ кануномъ и горѣлкой. За столомъ нужно непремѣнно отвѣдать всѣхъ кушаньевъ, иначе покойники будутъ сердиться. Первую ложку или хоть нѣсколько капель отъ каждаго кушанья нужно вылить на столъ. Ложку за каждымъ пріемомъ пищи нужно класть на столъ, чтобы ею ѣли *дяды*, а класть ложку нужно непремѣнно выемкой не внизъ, а вверхъ, иначе покойники перевернутся въ могилахъ лицами внизъ, и если кто по ошибкѣ или по неопытности положитъ ложку ничкомъ, то старшіе поправляютъ эту оплошность съ надлежащими замѣчаніями. Если во время трапезы что-нибудь изъ съѣстнаго упадетъ со стола или съ лавки, то это поднимать нельзя: «ето *нѣхто* ѣсти хоча». Вставать изъ-за стола по окончаніи ужина непремѣнно слѣдуетъ всѣмъ разомъ; если кто нечаянно поспѣшитъ встать раньше другихъ, тотъ скоро умретъ. Когда собираютъ послѣ ужина со стола, то собираютъ и блины съ окна. Ложки немытыя связываютъ ниткой и кладутъ на лавкѣ подъ образами. Во время ужина никакое платье не должно висѣть на *курчинѣ* (шестку). Въ подтвержденіе того, что *дяды* должны быть именно поминовеніемъ усопшихъ кушаньями въ народѣ разсказывается слѣдующее: «Въ одной деревнѣ жили хозяинъ съ хозяйкой, на дяды (т. е. во время дѣдовъ) яны посердилися и посварилися одинъ съ однымъ, и ходяйка не стала варить на вячеру ничо́го. Лягли яны спать ни вячеравши. На другій день встали до свѣта и хозяйка пошла зъ лучинкой въ истопку[2]) и видитъ, што коло дежки стоитъ баба

[1]) Этотъ обрядъ практикуется и въ другихъ мѣстностяхъ. См. ниже стр. 613 *Ш.*

[2]) Хата, гдѣ сберегаются на зиму овощи.

и ѣсь сырую капусту изъ дежки. Ина у яе спросила: «Чаго ты тутъ?» — «Ѣсь хочу» — и стала нявидима. Съ той поры, коли только яны ня пойдуть въ истопку до свѣ́та, ўсё баба тамъ коло капусты, покуль яны не сдѣлали дяды, тогды только баба и пропала». Есть еще разсказъ такого рода: «Въ одной дяревнѣ жила семья ды мижъ собой яна не ладила. Одинъ нѣшто разъ, на дяды, наварили яны вячеры и мижъ собой узновь заспорили. Взлѣзли яны на печь, вячерять няйдуть. На тую пору сядѣ́ла у ихъ изъ другея хаты молодица и вотъ въ это время отчиняецца дверь и входитъ нѣкая баба, — остановилась у *кочережнику*[1]) и кажить: «Ахъ, кабъ ваша кореньня перевялося, якъ вы все грызетеся! Вамъ николи миру нима» и сама пошла, якъ пришла На завтраго тая баба, сусѣдка, што у ихъ была, убачила, што яны уси помёрли».

Зап. учит. народн. учил. П. Рачковскій. Сообщ. директ. народн. училищъ Могилевск. губ. А. М. Нотовымъ.

ДѢДЫ ЗИМНІЕ.

I.

Витебской губ. и уѣзда.

Совершенное сходство съ *Змитровкой* представляютъ *першіи дзяды* (суббота передъ заговѣньемъ), *то́встыя суббота:* тѣ же обильныя поминальныя кушанья, тотъ же порядокъ въ ѣдѣ и препровожденіи времени и то же ожиданіе гостей послѣ *снѣдання*, или отправленіе въ гости.

Примѣчаніе. Могилы родныхъ рѣдко посѣщаются въ *осеньскіи* и *зимніи дзяды* и при томъ немногими, безъ поминальныхъ кушаній. Все поминанье отправляется дома: утромъ — среди семьи, а въ остальную часть дня — совмѣстно съ пріѣхавшими или пришедшими родными *госциками*. Неродственныя между собою лица не ѣздятъ другъ къ другу въ гости.

Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.

---

[1]) Въ углу возлѣ печи, гдѣ стоятъ ухваты, кочерги. *Ш.*

II.

Минск. губ., Рѣчицкаго уѣзда, Якимецкой волости.

Всѣхъ въ году въ этой мѣстности поминальныхъ дней, или какъ говорятъ крестьяне, дзѣдоў, четыре: 1) передъ Масляной недѣлей, 2) Радуницкіе — во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, 3) Троицкіе — въ понедѣльникъ предъ Троицынымъ днемъ и 4) предъ днемъ св. Михаила (8 ноября).

На обрядовой *вечерѣ* (ужинѣ) въ эти дни число кушаньевъ должно быть непремѣнно нечетное, по силѣ возможности не менѣе 9, у зажиточныхъ оно часто доходитъ до 15 и болѣе.

Когда хозяйка окончитъ свою стряпню и выставитъ всѣ приготовленныя кушанья на припечекъ или на лавку, то хозяинъ беретъ горшокъ съ горячими углями, кладетъ туда нѣсколько кусковъ воску и обводитъ имъ по три раза вокругъ каждаго сосуда съ кушаньемъ, обкуривая его вощанымъ дымомъ изъ своей незатѣйливой кадильницы. Потомъ все семейство, съ хозяиномъ во главѣ, становится, по порядку старшинства, предъ иконами и молится, кладя по три поклона въ началѣ и по окончаніи молитвъ, послѣ чего всѣ садятся за столъ. Первымъ блюдомъ подается такъ называемая *сыта* или *кануна*. Открываетъ обрядовую трапезу хозяинъ. Взявъ ложку съ *кануной* и частицею хлѣба, онъ выливаетъ ее на столъ и вслѣдъ за тѣмъ съѣдаетъ изъ этого блюда три ложки, что̀ за нимъ поочередно повторяетъ каждый изъ присутствующихъ тутъ членовъ его семейства. Послѣ этого кануна снимается со стола. Изъ остальныхъ же кушаньевъ каждый изъ застольниковъ беретъ, сколько ему угодно, только непремѣнно отдѣливъ отъ него предварительно по частицѣ на столъ — для *дзѣдоў*. Отъ этихъ частицъ къ концу ужина на столѣ образуется порядочная кучка какого-то кавардака. Число блюдъ, какъ замѣчено было выше, у зажиточныхъ крестьянъ доходитъ до 15 и болѣе. Порядокъ подачи блюдъ приблизительно слѣдующій: 1) сыта или кануна, 2) постный квасъ, 3) квасъ съ саломъ или мясомъ, 4) каша постная (съ макомъ), 5) каша съ саломъ, 6) каша съ молокомъ, 7) одно молоко нагрѣтое, 8) яичница,

9) рыба вареная, 10) рыба жареная, 11) супъ съ мясомъ, 12) поросятина, 13) супъ съ молокомъ, 14) сырники. 15) молоко перетопленное.

По окончаніи ужина свѣчу погашаютъ хлѣбомъ, при чемъ наблюдаютъ, куда пойдетъ дымъ: если прямо вверхъ, то все въ домѣ, въ семействѣ будетъ благополучно, если же онъ наклонится по направленію къ дверямъ хаты, то это предвѣщаетъ скорую смерть кого-либо изъ членовъ семейства. Затѣмъ хозяйка выливаетъ по четыремъ угламъ стола, прямо на скатерть, изъ сосуда весь остатокъ *кануны*. На столѣ же остается до утра и кучка смѣси, накопившейся изъ выдѣленныхъ сотрапезниками частей кушаньевъ для дѣдовъ. Послѣ этого хозяинъ или хозяйка отодвигаютъ отъ лавокъ столъ и поливаетъ водой весь полъ хаты до самыхъ дверей, говоря при этомъ: «Што не доѣли и не допили, то идзице на попоў дворъ». Этими словами выпроваживаются вонъ души покойниковъ.

Изъ зап. учит. народн. училища Н. Гр. Яцко.

III.

Гродненской губ. и уѣзда, Лашинской волости.

Дзѣды празднуются у насъ два раза въ годъ: 1) за недѣлю до заговинъ Рождественскихъ и 2) передъ заговинами Великаго поста, но въ обоихъ случаяхъ въ субботу.

Наканунѣ этого дня, т. е. съ пятницы на субботу, съ 12 часовъ ночи хозяйка дома встаетъ и принимается за приготовленіе обѣда, состоящаго обыкновенно изъ слѣдующихъ обрядовыхъ кушаньевъ: 1) квашанины или холдца изъ бараньихъ ногъ, головы и брюха, 2) гречневаго пирога, 3) гречневой каши съ масломъ, 4) капусты съ мясомъ, 5) супа ячменнаго съ мясомъ, 6) сушенаго гороха, такъ называемаго пороны, 7) оладьевъ изъ гречневой муки и 8) мяса жаренаго. При этомъ нужно замѣтить, что крестьяне наши всякаго рода мясо вареное называютъ *дзъля̀нкою*, а жареное — *печенкою*.

Къ 5 часамъ утра обѣдъ уже бываетъ готовъ и тогда все семейство отъ мала до велика уже на ногахъ. Чинно по̀молив-

шись Богу, всѣ садятся за столъ и приступаютъ къ трапезѣ. Хозяинъ, сидя на *покуцѣ* (на почетномъ мѣстѣ подъ образами), наливаетъ какъ можно полнѣе въ рюмку водки, съ которой сливаетъ немного на край стола со словами: «Припомни, Боже, ду́шачки!» и, выпивъ ее, приказываетъ сдѣлать то же самое всѣмъ застольникамъ. Затѣмъ начинается самый обѣдъ. Хозяйка ставитъ на столъ одно за другимъ кушанья, начиная съ горячихъ щей. Возлѣ мисокъ съ кушаньями ставится одна пустая для сливанья и кладки туда кушанья для умершихъ. Начиная отъ хозяина до послѣдняго ребенка, работника или работницы — всякій непремѣнно отольетъ по ложкѣ отъ всякаго кушанья въ тарелку со словами: «Припомни, Боже, душачки! Дай имъ, Боже, небо, а намъ ащé пожици на гэтумъ свѣци!» Во все время этого обрядоваго обѣда верхникъ[1]) въ хатѣ долженъ быть непремѣнно открытъ, чтобы «душачки приходзили съ того свѣта». По окончаніи обѣда тарелку со сливками ставятъ на окнѣ, снаружи дома, для *ду́шачакъ*, но по обыкновенію все въ одну минуту пожирается свиньей или собакой.

Въ теченіе поминальнаго дня не работаютъ, а вечеромъ за ужиномъ повторяется та же церемонія, что за обѣдомъ.

Наши крестьяне бѣлоруссы хотя и празднуютъ дѣдовую субботу, но въ церковь ходятъ не въ этотъ, а въ слѣдующій день, т. е. въ воскресенье. Въ этотъ день встаютъ въ 8 часовъ и обѣдаютъ только то, что осталось отъ вчерашняго ужина; варить же что-либо къ этому обѣду никто не рѣшается. Это строго запрещается преданіемъ старины. «Гэто вяликій грѣхъ», говоритъ народъ, «ў нядзѣлю дзѣдовую варицъ». — Послѣ обѣда, часовъ въ 10 всѣ отправляются въ церковь, куда забираютъ съ собою, въ видѣ жертвы ляшку баранины, гречневый пирогъ, а иногда и кусокъ топленаго бараньяго жиру, около фунта вѣсомъ. Все это, разумѣется, остается въ пользу причта, кромѣ того берутъ съ собою въ церковь много хлѣба для раздачи нищимъ, которыхъ въ это утро накопляется немало около церковной паперти. По-

[1]) Оконце, прорубленное подъ потолкомъ для выпуска чада и дыма въ курныхъ избахъ. Слов. Носовича (стр. 49).

давая нищему хлѣбъ, крестьяне обыкновенно говорятъ: «Помолися Богу за души умарлыя (имя рекъ): Рыгора, Петрука, Боўтрука, Тумаша, Гануши, Галены» и пр. Нищій въ свою очередь отвѣчаетъ: «Припомни, Боже, душачки змарлыя: Рыгора, Петруха» и пр. «при мшахъ, при нешпорахъ, при рожанцахъ, при голосныхъ звонахъ» и т. д. Чѣмъ болѣе нищій болтаетъ въ подобномъ родѣ при пріемѣ подаянія, тѣмъ въ бо́льшемъ количествѣ оно достается на его долю. Обѣдню же или панихиду во время *дзѣдоў* нашъ крестьянинъ-бѣлоруссъ никогда не заказываетъ[1]). Часу въ 12-мъ всѣ отправляются въ корчму, гдѣ проводятъ время до поздней ночи: молодежь танцуетъ подъ звуки скрипки и бубна, а старики — въ пьянствѣ и балагурствѣ.

Изъ записи псаломщика И. Онуф. Карскаго.

ДѢДЫ ВЕСЕННІЕ, ВЕЛИКОДНЫЕ.

а) СТАРЫЙ ВЕЛИКЪ ДЕНЬ.

Той же губ., Слонимскаго уѣзда.

Четвергъ Святой недѣли во многихъ мѣстностяхъ Слонимскаго уѣзда носитъ, неизвѣстно почему, названіе «Стараго Великодня»[2]) и празднуется наравнѣ съ первымъ днемъ Пасхи. По совершеніи въ церкви богослуженія, приглашаютъ священника, въ сопровожденіи котораго мужчины и женщины отправляются на кладбище, захвативъ съ собою по дорогѣ *«горэлку»* и закуску. Пришедши на мѣсто, всѣ усаживаются около могильныхъ насыпей тѣхъ покойниковъ, которые окончили дни своей многотрудной жизни въ этомъ году. Тутъ они произносятъ установленныя молитвы о блаженномъ упокоеніи ихъ душъ, какъ напр.: «Анѣлъ

---

[1]) Въ подлинникѣ: «закупаетъ». *Ш.*

[2]) Въ Пинск. и Мозырск. уѣздахъ Минской губ. и отчасти Пружанск. Гродненской губ. этотъ день празднуется почти такимъ же образомъ, только названіе носитъ иное, весьма древнее: *навскій* великъ дзень (вэликъ дэнь и т. д.). По убѣжденію народа этихъ мѣстностей, покойники въ этотъ день являются христосоваться съ своими родными и близкими. *Ш.*

Паньски», поплачутъ, погорюютъ и наконецъ открываютъ пирушку въ честь покойника. Среди оховъ и вздоховъ кто-либо изъ старшихъ по лѣтамъ нальетъ въ рюмку *«горэлки»*, прочтетъ молитвы: «Анёлъ Паньски» и «Здровясь Марья», отольетъ нѣсколько капель на могилу и, обращаясь съ благожеланіями къ присутствующимъ, скажетъ: «Нехъ яму Панъ Бухъ дась отпущеньне грѣхоў и крулеўство нябесно, а намъ ўсимъ здоровьё» — и выпьетъ водку. Рюмки наполняются вновь, пока поочередно не обойдутъ всѣхъ. Затѣмъ закусываютъ. Первый кусокъ всякой закуски кладется непремѣнно на могилу, для души умершаго. Когда рюмки съ *горэлкою* обойдутъ нѣсколько разъ кругомъ, то грустное настроеніе собравшагося сюда общества мало по малу измѣняется на веселое. Между тѣмъ, какъ одни изъ присутствующихъ плачутъ навзрыдъ, другіе смѣются, шутятъ; иные, приникнувъ головою къ могилѣ дорогихъ имъ покойниковъ, произносятъ на распѣвъ печальныя причитанія, въ родѣ слѣдующаго:

Ахъ мой же ты дорогéньки!
Да на што-жъ ты помираў?
Ци ты забыў, якъ мы лѣтось
Да сюды, да разомъ да приходзили,
Своихъ мярцаў да поминали?
А цяперь, якъ самъ бачишъ,
Мы пришли по таби поминки чиници,
Да твою душу споминаци,
Кабъ ей было мягчей ў могильцы ляжаци.
Вотъ добро ты зробіў бы,
Кабъ ты ўстаў, да зноў померъ,
То на други рокъ мы тутъ были-бъ,
Да твою душу споминали-бъ!

Такія и тому подобныя причитанія продолжаются иногда по нѣсколько часовъ. Для утоленія «жалю» поминальщики время отъ времени обращаются къ своей утѣшительницѣ—*горэлкѣ*. Въ концѣ концовъ однакожъ поминанія эти доходятъ до того, что причитанія незамѣтнымъ образомъ переходятъ въ веселыя пѣсни.

Нищіе, какъ это всегда бываетъ, чутьемъ догадываются, гдѣ

имъ будетъ пожива. Они постоянно собираются къ концу такихъ поминокъ цѣлыми толпами и своимъ плаксивымъ клянченьемъ выпрашиваютъ себѣ подачекъ разнаго рода. Отъ подгулявшаго нищаго между его причитаніями о желаніи умершему царствія небеснаго не рѣдко можно слышать и пожеланія живымъ въ такомъ родѣ: «Кабъ здоровы были и на други́ рокъ приждали, зноў сюды пришли». Хорошо, если участники поминокъ напились до того, что не могутъ отличить добрыхъ пожеланій отъ худыхъ, то нищему его дерзость сходитъ съ рукъ благополучно, но бываетъ и такъ, что его избиваютъ до полусмерти, и онъ, лежа въ изнеможеніи на кладбищѣ, всю ночь поминаетъ лихомъ, какъ умершихъ, такъ и живыхъ.

Къ вечеру всѣ поминальщики не прямо отправляются по домамъ, а среди плача однихъ, и веселыхъ пѣсенъ другихъ, наровятъ заворотить въ ближайшій по дорогѣ кабачекъ, гдѣ снова устраиваютъ попойку. Подвернись имъ въ это время скрипачъ — и непремѣнно затѣется пляска. Усовѣщеваніе постороннихъ тутъ ничего не поможетъ. Отвѣтомъ всегда будетъ: «Чаму не повясялицца? Нихай Богъ и найсвентшая Матка дадуць яму крў-леўство нябесно, а мы поплакаўши, погораваўши, можимъ саби и повясялицца. Богъ вѣдая, можа на други Вяликодзянь и по насъ само будуць спраўляци поминки».

Завершивъ такимъ образомъ поминовеніе усопшихъ (хотя это и рѣдко бываетъ), всѣ расходятся по домамъ. Нѣкоторые изъ нихъ благополучно добираются до дома, но многіе остаются гдѣ-нибудь подъ заборомъ или подъ лавкою въ корчмѣ.

Изъ рукописн. сборн. учит. Рогочевскаго городскаго училища И. И. Овсейца. Сообщ. Ю. Ѳ. Крачковскимъ.

б) ДЗЯДЫ РА́ДУНИЦКІЕ

I.

Витебской губ. и уѣзда.

Вели́кодныи дзяды, *Ра́дыница*, бываютъ во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Хотя большинство семей успѣло посѣтить дорогія

могилы умершихъ еще въ пасхальные дни, похристосовалось съ родными катаньемъ *свяицо́наго* яичка по могилѣ, воткнувъ кстати и вербочку, если это не сдѣлано было въ *вербницу*; но полное торжественное поминовеніе предковъ дѣлается въ *Ра́дыницу*. Въ прибранной по праздничному избѣ хозяйка готовитъ двоякія кушанья: для домашняго обѣда — *юшку*, клёцки и кашу, имѣющую значеніе кутьи, — и блины, *драчаны*, *сочни*, *ляпни*[1]), разное *пячи́стоя* — для поминальной ѣды на кладбищѣ. Къ послѣднимъ кушаньямъ прибавляются и остатки отъ пасхальнаго *свянцонаго*, особенно сыръ и яйца. Все это укладывается въ кошель, или въ сѣвалку, или въ большую *шенотпну* (холстинный платокъ). Послѣ краткой молитвы передъ домашними иконами, вся семья, или только главные члены ея отправляются на кладбище, куда поочередно несутъ поминальныя кушанья. На пути покупается водка, если таковой не оказалось дома въ запасѣ. Тѣ семьи и лица, кои имѣютъ родныхъ на различныхъ кладбищахъ, выходятъ изъ дому около полудня; другія же, которыя не поставлены въ такое положеніе, обыкновенно выходятъ изъ дому послѣ полуденнаго отдыха.

Когда семья придетъ на мѣсто, женщины начинаютъ голосить и причитывать, припавъ лицомъ къ могилѣ; иныя начинаютъ голошенье издали, какъ только завидятъ родную могилу. Мужчины тѣмъ временемъ развязываютъ корзину съ поминальными кушаньями и, вынувъ *свянцоное* яичко, катаютъ его по могилѣ со словами: «Христосъ воскрёсъ!» То же дѣлаетъ и каждый членъ семьи, начавъ съ главной могилы и кончая могилами друзей и сосѣдей. Корзина до поры стоитъ или у изголовья могилы, или привѣшивается на сукъ ближайшаго дерева, даже на могильный крестъ.

По окончаніи христосованья и *голошенья*, хозяйка разстилаетъ *шенотку* на болѣе удобной родственной могилѣ и раскла-

---

[1]) Ляпень — этимъ словомъ въ Велишковской волости обозначаютъ хлѣбную тонкую лепешку (сочень), съ припекой, сложенной на двое и покрытую тонкимъ слоемъ творогу съ яйцомъ, картофелемъ или толченой конопли, мака и пр. *Н.*

дываетъ принесенныя кушанья; хозяинъ же ставитъ *сулéйку* съ водкой и чарку. Если къ могилѣ принесенъ новый *крыжъ* (крестъ), или требуетъ поправленія упавшій старый, равно какъ и могильная насыпь, то указанный поминальный столъ устраивается послѣ того, какъ все *обрадзютъ*. Кстати: существуетъ распространенное положеніе, что могильный крестъ ставится на данной могилѣ одинъ только разъ и что нельзя даже возстановлять упавшихъ отъ ветхости крестовъ, а слѣдуетъ класть ихъ на могильную насыпь, гдѣ они и догниваютъ окончательно. Несмотря, однако, на это, иныя семьи все-таки ставятъ новые кресты на мѣсто упавшихъ старыхъ и пріурочиваютъ эту замѣну къ *Радыницѣ*. На свѣжей же могилѣ крестъ обязательно ставится въ этотъ же день.

Семья располагается вокругъ могильнаго стола и поминаетъ, т. е. пьетъ водку и закусываетъ, при соблюденіи всего того, что дѣлается за поминальнымъ домашнимъ столомъ, при чемъ мужчины остаются безъ шапокъ. Къ поминанью приглашаются и проходящіе родственники и знакомые; но они только *принесутъ честь* и уходятъ къ своимъ роднымъ могиламъ. Если священникъ посѣтитъ кладбище, то, послѣ литіи надъ могилой, семья приглашаетъ и его помянуть *дзядовъ*, и въ этомъ случаѣ не начинаетъ поминанья до литіи.

Независимо отъ церковнаго поминанія, сдѣланнаго священникомъ на могилѣ, *дзяды* поминаются здѣсь же чрезъ *старцевъ* (нищихъ), кои появляются на кладбищѣ въ это время. Если *старецъ знаетъ спѣвы*, то онъ поминаетъ умершихъ поименно, подъ диктовку; въ противномъ случаѣ при подаяніи старца просятъ помянуть *усихъ нашихъ дзядовъ*. При такихъ могильныхъ поминаніяхъ не всегда можно видѣть кутью, такъ какъ ее удобно замѣняетъ *свяцоное яйцо;* еще рѣже можно увидѣть здѣсь зажженную восковую свѣчу.

Остатки поминальныхъ кушаній не уносятся домой, а отдаются бѣднымъ, которыхъ при каждомъ кладбищѣ въ день Радуницы очень много, или же просто оставляются вмѣстѣ съ крошками на могилѣ: «нехай и птушки помянуть нашихъ дзядовъ!»

Яичная скорлупа, а иногда и цѣлое яйцо зарываются въ могильную насыпь.

Во время поминальной закуски *голошенье* съ причитаньями возобновляется нѣсколько разъ то на одной, то на другой родственной могилѣ; голошеніемъ и заканчивается поминаніе. Часто бываетъ, что голосящая женщина доканчиваетъ свое голошеніе на пути отъ могилы.

Все послѣдующее время дня, по возвращеніи домой, проводится нашими крестьянами особенно благопристойно и безъ малѣйшихъ работъ. Порядочный хозяинъ проводитъ время дома, совѣтуясь съ семьею о наступающихъ полевыхъ работахъ, которыя тутъ же распредѣляетъ между ея членами, и затѣмъ уходятъ ко сну безъ ужина.

Сказанное мною про *Радуницу* замѣчено въ Витебскомъ уѣздѣ. Не могу не отмѣтить здѣсь, какъ проходитъ то же поминаніе въ Витебскѣ, на окрестныхъ кладбищахъ. Благочестивыя мѣщанскія семьи и проживающіе въ городѣ крестьяне являются на могилы родныхъ съ поминальными кушаньями и неизбѣжной водкой, христосуются катаньемъ яицъ по могилѣ, приглашаютъ священника служить литіи, послѣ чего совершаютъ поминки такимъ же образомъ, какъ и въ деревнѣ. Но тамъ поминовеніе происходитъ скромно, прилично; здѣсь же, въ отдѣльныхъ, впрочемъ, случаяхъ, оно переходитъ въ разгулъ, заканчивающійся иногда вмѣшательствомъ полиціи. Близость кабаковъ даетъ возможность нѣсколько разъ принести къ могилѣ новыя бутылки на смѣну выпитымъ, такъ что иного сердобольнаго поминателя отвозятъ домой на извощикѣ. Здѣсь нѣтъ голошенья съ причитаньями; ихъ замѣняютъ брань и крики подгулявшихъ поминальщиковъ.

Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.

II.

Минской губ., Борис. уѣзда.

Такъ[1]) называются весенніе дѣды, празднуемые во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Торжество это празднуется также въ честь

[1]) Т. е. словомъ радоница. *Ш.*

предковъ; единственная его разница отъ прочихъ состоитъ въ томъ, что траурный пиръ празднуется не въ хатахъ, а на могилахъ. Характеръ этого торжества превосходитъ печалью другіе. Собравшись въ полдень на кладбищѣ, обступаютъ могилу, катаютъ по ней красныя яйца, которыя послѣ отдаютъ стоящимъ тутъ же вблизи нищимъ. Изо всѣхъ кушаньевъ оставляютъ понемногу на могилѣ, которую покрываютъ скатертью и поливаютъ напитками. Затѣмъ вызываютъ: «Святые родзицели, ходзице къ намъ, ѣсьце, што Богъ даў!» Ѣда состоитъ изъ разныхъ кушаньевъ, смотря по состоянію хозяина. Кончаютъ тризну прощаньемъ съ умершими и желаніемъ, чтобы земля имъ не отягчала грудь и не мѣшала имъ дышать весеннимъ воздухомъ, который имъ такъ пріятенъ. Часто плачутъ, какъ при похоронахъ, но порывъ чувствъ тутъ не простая форма и не долгъ обычая, какъ на похоронахъ, при многолюдной толпѣ народа, но просто изливающееся прямо изъ сердца горе отъ обновленной раны. На могилы кладутъ камни или куски дерева, формою похожіе на гробовыя доски, съ вырѣзанными на нихъ крестами.

Кладбища чаще всего расположены около дорогъ и на горахъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями, посаженными руками родственниковъ печальными елями, символомъ неизмѣнности, или плакучими березами, означающими печаль.

Изъ «Opisanie powiatu Borysowskiego» гр. Тышкевича, стр. 379—81.

III.

Гродненской губ., Волковыскаго уѣзда, с. Левково.

Самый важный изо всѣхъ поминальныхъ дней въ нашей мѣстности считается *Радуница* — вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ.

Въ этотъ день крестьяне собираются въ церковь, служатъ панихиду по умершимъ родственникамъ и общую обѣдню, послѣ которой отправляются на кладбище, гдѣ вновь заказываютъ панихиду. Однажды и мнѣ довелось быть въ этотъ день на кладбищѣ.

Въ два часа пополудни большая толпа крестьянъ во главѣ

со священникомъ, облаченнымъ въ траурныя ризы и съ крестомъ въ рукѣ, вышла изъ церкви и направилась къ кладбищу. Впереди несли запрестольный крестъ и хоругви. До кладбища было версты три. На дворѣ вылъ вѣтеръ и препятствовалъ нести хоругвь. Было довольно холодно. Природа пробуждалась отъ зимняго сна: на деревьяхъ распускались листья. Псаломщикъ, а съ нимъ нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ на пути пѣли пасхальные ирмосы, а жаворонки весело вторили имъ. Наконецъ мы пришли на кладбище. Крестьяне начали зажигать свѣчи и ставить ихъ на могилахъ своихъ умершихъ родственниковъ, куда клали также крашеныя яйца. Раздался громкій басъ псаломщика, запѣвшаго «вѣчную память». Голосъ псаломщика сливался съ разносившимся со всѣхъ сторонъ плачемъ крестьянъ и крестьянокъ и выходило что-то трогательное, печальное, захватывающее душу. Панихиды служились долго и прекратились только съ закатомъ солнца.

Зап. учен. Виленскаго учительскаго института

IV.

Могилевской губ. и уѣзда, Нѣжковской волости.

Когда настаютъ «Радуницы», то еще утромъ кто-либо изъ мужчинъ семейства идетъ на кладбище поправлять «могилки». Здѣсь онъ насыпаетъ земли, или починяетъ памятникъ, сдѣланный изъ дерева, а то и новый сдѣлаетъ. По окончаніи работы онъ отправляется домой. Къ этому времени дома уже готовъ обѣдъ, за который садятся всѣ. Даже пастухи къ этому времени пригоняютъ стада домой. За обѣдомъ прежде всего ѣдятъ «свящоное», т. е. остатокъ пищи, освященной на Пасхѣ, а потомъ уже принимаются за *дѣдовыя* кушанья.

Послѣ обѣда въ этотъ день нельзя приниматься за какія бы то ни было работы. Нѣкоторые изъ членовъ семейства отправляются на кладбище и забираютъ съ собою крашеныя яйца, *яѐшню*, вареное мясо, густое молоко (сметана съ творогомъ) и, если у кого есть, берутъ и медъ и непремѣнно водку. Какъ только придутъ

на кладбище, такъ тотчасъ начинаютъ катать по могилкамъ крашеныя яйца,—христосоваться съ покойниками Сюда пріѣзжаетъ и священникъ и служитъ панихиду для всѣхъ тѣхъ, кто его о томъ попроситъ. По отъѣздѣ священника всѣ собираются къ одной какой-нибудь могилѣ, преимущественно почетнаго старика или старухи, сносятъ сюда всѣ свои закуски и водку и начинаютъ сообща свою тризну. Иногда приглашаютъ и священника благословить ихъ столъ. Пока еще пьютъ и ѣдятъ, любители игръ катаютъ яйца по лубку. Если на нѣкоторыя кладбища не приглашаютъ священника, то все-таки поминки и тамъ не измѣняются, за исключеніемъ панихиды. Такъ же ѣдятъ да пьютъ, а если тутъ окажутся нищіе, то ихъ приглашаютъ помянуть усопшихъ. Ходить въ Радуницу на *могильникъ* непремѣнно надо. «Въ одной дяревнѣ жила женщина, имѣла яна двѣнадцать сыновъ и уси яны́ помёрли. Вотъ яна́ ў Радуницу пошла на *могильникъ* и тамъ дужа плакала. Увидавъ яе батюшка (священникъ) и сказавъ: «Чаго ты плачешь? Коли хочешь, дыкъ ты увидишь своихъ дятей; приди только завтра рано въ церковь». На другій день яна пришла. Батюшка помолився и яна увидила, што бягуть яе дѣти. Ёнъ у ихъ спрашиваеть, показывая на женщину: «хто ето?» А яны кажуть: «мяшокъ той, што насъ пускавъ» — и скрылися. Тогды и ина пиристала плакать по ихъ».

Вообще говорятъ, что въ день дѣдовъ можно видѣть своихъ умершихъ родственниковъ, стоитъ только сѣсть на печку или возлѣ нея на *рочнику* (лежанку) и просидѣть цѣлый день, не ѣвши ничего и ничего ни съ кѣмъ не говорить и тогда, какъ только станутъ вечеромъ садиться за столъ, то непремѣнно увидишь всѣхъ своихъ родственниковъ, при томъ узнаешь даже, что они при жизни своей украли: они все это потащутъ за собой. Разсказываютъ, что одинъ молодецъ такъ и сдѣлалъ, и вечеромъ, когда стали ужинать, онъ ясно увидѣлъ, что раскрылась *столь* (потолокъ), «оттуль ишла ўся родня и батька понесъ за собой борону. Хлопецъ, якъ увидивъ ето, засміявся и тогды ўсё скрылося».

«Если глядѣть со двора въ вокно, якъ вячерують на *дяды*», еще увѣряетъ народъ, «дыкъ увидишь, якъ миртвяцы́ сидять рядомъ съ живыми за столомъ. Той, хто увидя миртвицовъ въ вокно на дяды, дыкъ ужо года не вы́живя».

Бабами крестьяне называютъ день, предшествующій дню дядовъ. Особаго празднованія для этого дня у нашихъ крестьянъ нѣтъ.

Зап. учит. народн. училища П. Рачковскій. Сообщ. директоромъ народн. училищъ Могилевской губ. А. Н. Поповымъ.

V.

Той же губ., Горецкаго уѣзда, въ районѣ Городищенской вол.

Общія поминовенія всѣхъ умершихъ совершаются въ поминальныя субботы, установленныя церковью и на Радоницу, во вторникъ Ѳоминой недѣли. Въ поминальныя субботы въ церкви совершается заупокойная литургія, куда приходитъ непремѣнно кто-либо изъ каждаго дома и приноситъ «поминальницу», т. е. книжечку, въ которой записаны имена умершихъ для поминовенія ихъ во время обѣдни и панихиды. На Радоницу поминовеніе совершается на кладбищѣ, куда въ полдень собираются рѣшительно всѣ крестьяне, отъ стараго до малаго, и приносятъ съ собою водку и безчисленное множество лучшихъ яствъ, которыми уставляютъ могилы старшихъ родственниковъ. Скоро пріѣзжаетъ священникъ и начинаетъ служить на могилахъ панихиды. Старики, усѣвшись на могилахъ, вспоминаютъ прошлое; предметомъ ихъ разговора по преимуществу бываютъ умершіе; молодые парни катаютъ по могиламъ красныя яйца, а нѣкоторыя изъ женщинъ плачутъ по недавно умершимъ родственникамъ съ причитываніемъ, подбирая изъ своей жизни подходящія слова, въ родѣ слѣдующаго: «а мой-жа ты татычка (или мамочка), чаму-жъ ты къ намъ ня придишь, а намъ-жа по табѣ ску́шнинька, а вси твои сте́жички и дорожиньки заросли, а вси-жъ насъ бизъ тябе обижають, а бизъ тябе насъ зату́кыли и залю́кыли, а мы-жъ приглядѣли вси во́чички, ды ня видимъ-жа мы тябе» и т. п.

Затѣмъ, когда священникъ окончитъ панихиды и оставитъ кладбище, каждая семья отдѣльно, а нѣкоторые и съ родственниками другого двора, усаживается на могилахъ и начинаетъ выпивать и закусывать, говоря: «честные и праведные родители, ходите къ намъ ѣсть». Предъ первою рюмкою водки говорятъ: «честные и праведные родители, ходите къ намъ горѣлку пить». Подъ вечеръ старики, старухи и дѣти расходятся по домамъ, а молодые парни и дѣвицы собираются въ деревнѣ на улицѣ около котораго-либо дома, а если въ деревнѣ есть корчма, то около корчмы и устраиваютъ танцы и веселятся чуть не до утра. Такимъ образомъ этотъ день-Радоница дѣлится на три части: до полудня крестьяне работаютъ, въ полдень идутъ на кладбище и тамъ угощаются, а вечеромъ веселятся и пьянствуютъ.

По поводу неумѣстности въ этотъ день плясокъ и пьянства крестьяне сами говорятъ, что это большой грѣхъ, но не могутъ искоренить этого обычая, основываясь на томъ, что это ведется издавна и что такъ поступали ихъ дѣды и отцы.

Зап. учитель народн. учил. К. Шибановъ. Сообщ. тѣмъ же.

VI.

Той же губ., Бых. уѣзда, Церковно-Осовецкой вол., с. Кутки.

Подъ Радуницею разумѣется празднество въ память умершихъ, которое празднуется весною, во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Утромъ въ этотъ день мужчины поправляютъ могилки: обсыпаютъ ихъ землею, обкладываютъ дерномъ и садятъ на нихъ деревья. Кушанья на Радуницу готовятся двойныя: одни съѣдаются дома, во время обѣда, а другія часа въ три-четыре дня несутся бабами на кладбище; куда отправляются всѣ: мужчины, женщины и дѣти. Могилы накрываются скатертями, на нихъ ставятъ принесенныя яства и горѣлку, нищіе поминаютъ умершихъ, по могиламъ всѣ катаютъ крашеныя яйца; многія изъ женщинъ голосятъ по недавно умершимъ покойникамъ, причемъ громко высказываютъ свои жалобы на обиды и притѣсненія,

причиняемыя имъ другими членами семьи[1]). По совершеніи приглашеннымъ священникомъ панихиды по умершимъ, всѣ садятся на могилахъ кучками и поѣдаютъ принесенныя яства, а остатки отдаются тутъ же присутствующимъ нищимъ. Вечеромъ молодые парни и дѣвки устраиваютъ игрища по преимуществу въ кабакѣ, такимъ образомъ въ этотъ день вполнѣ оправдывается поговорка, что «утромъ пашутъ, въ полдень плачутъ, а вечеромъ скачутъ».

Зап. учит. народн. учил. Іоанникій Лещенко. Сообщ. тѣмъ же.

ДѢДЫ ЛѢТНІЕ: ТРОИЦКІЕ, (ТРОЕЦКІЕ ИЛИ ДУХОВСКІЕ).

I.

Витебской губ., Динабургскаго уѣзда, с. Малиновки.

Въ дни, установленные церковью для поминовенія усопшихъ, какъ напр. въ Дмитровскую субботу, въ Радуницу, Троицкую субботу и др. всѣ поселяне приготовляютъ кутью, блины, лепешки, пироги и крашеныя яйца. Все приготовленное относятъ въ церковь къ обѣднѣ и ставятъ по обѣимъ сторонамъ средней части храма. Къ сосудамъ съ кутьею, какъ и къ лепешкамъ и пирогамъ ставятся свѣчи, кои и зажигаются во время общей панихиды, послѣ которой священникъ и псаломщикъ непремѣнно должны съѣсть хоть немного кутьи у каждаго изъ принесшихъ кушанья домохозяевъ. Священнику же и псаломщику отпускается часть яицъ и пироговъ, другая часть раздается нищимъ, а все остальное уносится домой, гдѣ и съѣдается домашними.

Изъ всѣхъ поминальныхъ дней наиболѣе чествуется въ означенной мѣстности Троицкая суббота. Въ этотъ день всѣ рѣши-

---

[1]) «Мстить за такое голошеніе», замѣчаетъ извѣстный собиратель памятниковъ народнаго творчества бѣлоруссовъ Дмитріевъ (Памятная кн. Гродн. губ., 1869 г. стр. 89), «считается тяжкимъ и непростительнымъ грѣхомъ». Это убѣжденіе, какъ видно, раздѣляютъ бѣлоруссы не одной только Гродненской губ. *Ш*.

тельно отъ мала до велика отправляются на кладбище, потому что пріѣхавшимъ туда причтомъ панихиды совершаются на могилахъ. За каждую панихиду причтъ получаетъ 5—10 коп. и часть яицъ, лепешекъ и пироговъ, привезенныхъ сюда прихожанами. Помолившись Богу, мужчины, въ особенности старики, сядятся на могилы и мирно бесѣдуютъ о жизни родственниковъ, друзей и знакомыхъ, покоящихся тутъ подъ деревянными крестами и каменными плитами, а женщины заводятъ свое обычное голошеніе съ причитаніями. Затѣмъ всѣ садятся на могилы и ѣдятъ блины, лепешки и пироги, а дѣти затѣваютъ разныя игры съ яйцами. Къ вечеру всѣ отправляются по домамъ.

Изъ зап. ученика виленскаго учит. института Сивицкаго

II.

Той же губ. и уѣзда.

Въ свою очередь *Пятро́вскіи*, или правильнѣе — *Трое́цкіи дзяды* имѣютъ сходство съ *Ра́дыницей*, потому что поминанье происходитъ не дома, а на могилѣ. Въ эти *дзяды* обычныя работы прекращаются въ полдень и *святкуетца* [1]) *остатняя часть дзядовъ*, сколько потому, что въ это время работы много, столько и потому, что впереди предстоятъ праздники: Троица, Духа и *Тройчены* (третій день).

Родныя могилы убираются *маемъ*, аиромъ, цвѣтами. Чрезъ это поминальный столъ на могилѣ бываетъ красивѣе, хотя и бѣднѣе, чѣмъ въ *Радыницу*, «бо мужикъ николи вволю ни поѣсьць хлѣба съ *бе́рькой*» (березовый сокъ). Между прочимъ на могилу приносятся зеленыя яйца, выкрашенныя въ отварѣ изъ молодой зелени. Эти *несвянцоныя* яйца не катаются по могилѣ, а съѣдаются послѣ молитвы и голошенья, за исключеніемъ одного, оставляемаго на могилѣ для бѣдныхъ. За невозможностью посѣтить отдаленныя родныя могилы дѣлаютъ это въ Троицынъ день, послѣ обѣдни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Городокскаго уѣзда и самые *дзяды* бываютъ именно въ Троицынъ день. Но

[1]) Т. е. празднуется. *Ш.*

это — новшество и началося оно не съ очень отдаленныхъ временъ.

Изъ записи Н. Я. Никифоровскаго.

III.

Той же губ., Себежскаго уѣзда.

Въ Троицынъ день поминовенiе совершается также, какъ и въ Радоницу, съ тѣмъ только различiемъ, что въ этотъ день прибывшiе на кладбище родные вѣтками березы опахиваютъ[1]) могилы. Это дѣлается такъ: мужчины и женщины отламываютъ нѣсколько вѣтокъ съ березъ, и старшiй въ семействѣ мететъ ими могилу. Затѣмъ это же самое повторяютъ младшiе, и при этомъ читаютъ, какiя умѣютъ, молитвы.

Изъ ст. г. Ѳ. Серебренникова «Обычаи и обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда». Памятная кн. Витебской губ., на 1865 г., стр. 90.

IV.

ДЗѢДЫ СТАЎРОУСКIЕ.

Минской губ., Борисовскаго уѣзда.

Обыкновенные осеннiе дѣды художественно изображены въ поэмѣ Мицкевича «*Дзяды*». Кто ея не знаетъ? Оттого я опишу здѣсь Стаўроўскiе, какъ менѣе извѣстные. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, около Докшичъ, на Березинѣ и на границахъ Бѣлоруссiи и понынѣ справляютъ Стаўроўскiе дѣды передъ праздникомъ св. Троицы.

При обыкновенномъ въ подобныхъ обрядахъ ужинѣ хозяинъ, взявши часть поставленнаго на столъ кушанья, кладетъ ее подъ столъ и говоритъ три раза: «Стаўры-Гаўры, гамъ! приходзице къ намъ!» Это вызыванiе составляетъ единственную разницу

---

[1]) Замѣч. (въ выноскѣ) редактора А. М. Сементовскаго: «Намъ положительно извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Себежскаго уѣзда обычай *опахивать* могилы называется *парить стариковъ*. Хлестая могилы покойниковъ березовыми вѣтвями, крестьяне думаютъ доставить имъ удовольствiе бани. Въ этомъ обычаѣ проглядываетъ грубая идея о загробной жизни. Въ эти же дни вывѣшиваютъ въ окна ручники для того, чтобъ души покойниковъ могли безошибочно узнать жилища своихъ родныхъ».

этихъ дѣдовъ отъ прочихъ. Преданіе о нихъ сохранилось не вездѣ. Приведенный обрядъ справляется только на Бѣлой Руси. Тамъ г. Барщевскій узналъ слѣдующую (объясняющую происхожденіе обряда) повѣсть: Надъ рѣкою Дриссою находится помѣстье Краснополь, окруженное со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Тамъ есть мѣсто, гдѣ въ языческія еще времена жилъ князь Бой, слывшій во всей Бѣлоруссіи сильнымъ богатыремъ. Онъ управлялъ всѣмъ народомъ, жившимъ въ тѣхъ дикихъ странахъ по берегамъ рѣки Дриссы. Обыкновенное его удовольствіе состояло въ томъ, чтобы объѣзжать боры и лѣса съ лукомъ и стрѣлою и охотиться на лосей и другихъ дикихъ звѣрей. Для этого у него были два вѣрныхъ пса, одинъ назывался *Стаўры*, а другой *Гаўры*. Оба они были очень сильны и умны. Самый сильный медвѣдь не могъ выдержать схватку съ ними: онъ тотчасъ былъ ими разорванъ, какъ заяцъ, схваченный гончими. Когда на охотѣ, отдѣлившись какъ-нибудь отъ своихъ товарищей, Бою случалось быть окруженнымъ разбойниками, то онъ ихъ разсѣевалъ и разбивалъ, науськивая и напуская на нихъ своихъ псовъ. Не разъ бывало, когда заблудится въ далекихъ лѣсахъ, они его выводили на дорогу, къ самому его дому. Часто эти псы спасали своего господина отъ большихъ опасностей и поэтому они составляли для него самой пріятнѣйшей забавой въ жизни. Онъ приказалъ своимъ подданнымъ отдавать имъ такія же почести, какъ важнѣйшимъ особамъ, при немъ состоящимъ, а когда отъ старости эти псы, одинъ за другимъ, перемерли, то онъ въ виду ихъ заслугъ, назначилъ особые дни въ году для торжественнаго чествованія ихъ памяти. Въ эти дни народъ собирался на тѣ мѣста, гдѣ были зарыты ихъ кости и приносилъ съ собою кушанья и напитки и пировалъ тамъ до поздней ночи; объѣдки и кости бросали въ огонь, произнося при этомъ имена обоихъ псовъ: *Стаўры* и *Гаўры*, какъ бы призывая ихъ тѣни съ того свѣта.

Изъ Тишкевича: Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno 1847, стр. 376—77. Ср. Дмитріева въ Памятн. кн. Гродн. губ. на 1869 г., стр. 89 и В. Миллера «По поводу одного литовскаго преданія» въ «Древностяхъ». Труды И. Моск. Арх. Общ. 1880 г., т. VIII, стр. 166—175.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя общія замѣчанія о дѣдахъ въ Витебской губерніи, сообщенныя намъ, въ видѣ тезисовъ, нашимъ многоуважаемымъ сотрудникомъ Н. Я. Никифоровскимъ:

1) «*Дзяды* празднуются наравнѣ съ воскресными и праздничными днями; 2) болѣе достойному поминанію умершихъ предшествуетъ обязательно *лазня* (баня), которая бываетъ или наканунѣ *дзядовъ*, или въ самые *дзяды*, въ полуденную пору (послѣднее распространено въ Городокскомъ уѣздѣ); 3) главная поминальная ѣда чаще бываетъ вечеромъ, а не въ *снѣданне*, какъ описано мною по Витебскому уѣзду; 4) въ Городокскомъ же уѣздѣ во всѣ дзяды работаютъ до полудня и *святкуютъ* только остальную часть дня, хотя при этомъ обходятъ наиболѣе тяжелыя и, особенно, начальныя работы; 5) обильный поминальными кушаньями столъ бываетъ, разумѣется, въ зажиточныхъ и богатыхъ домахъ, при условіи хорошаго урожая и другихъ сельскохозяйственныхъ благополучій; у бѣдняка онъ такъ же скуденъ въ дзяды, какъ и въ остальные дни; 6) при хронологическихъ распредѣленіяхъ дзяды служатъ основами, какъ и другіе выдающіеся дни, отъ которыхъ ведется календарный народный счетъ въ Бѣлоруссіи».

В. ГОЛОШЕНІЯ ИЛИ ПРИЧИТАНІЯ НАДЪ ПОКОЙНИКАМИ.

О характерѣ и значеніи голошенія или причитанія въ ряду погребальныхъ и поминальныхъ обрядностей бѣлоруссовъ было уже, хотя вкратцѣ, прежде упомянуто нѣсколько разъ въ статьяхъ мѣстныхъ наблюдателей (на стр. 511, 530, 533, 538, 543, 568 и 612). Предлагаемая ниже статья г. Никифоровскаго, дополняя предыдущія замѣтки нѣкоторыми новыми данными, передаетъ до извѣстной степени главную суть бѣлорусской похоронной причети, о которой доселѣ, къ сожалѣнію, имѣется такъ мало свѣдѣній въ нашей этнографической литературѣ. Впрочемъ, въ ней, за исклю-

ченіемъ сѣвернаго края, существуетъ поразительная скудость на этотъ счетъ и въ отношеніи къ остальной Россіи. Это въ значительной степени произошло оттого, что прежніе, отчасти и теперешніе мѣстные наблюдатели и собиратели съ совершеннымъ пренебреженіемъ относились и еще относятся къ этому роду народнаго творчества, т. е. къ причитаніямъ, считая его недостойнымъ ничьего вниманія. «Что можетъ быть интереснаго въ этихъ вопляхъ, въ этихъ причитаніяхъ», твердятъ они, «вѣдь въ нихъ каждая причетница вретъ, брешетъ, что ей только на умъ взбредетъ, всякую чепуху, безъ всякаго складу и ладу; что тутъ записывать, къ чему?» Монументальный сборникъ «Причитаній сѣвернаго края» почтеннаго Е. В. Барсова служитъ самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ такого взгляда на дѣло. Взглядъ же г. Никифоровскаго на формальную сторону голошенія интересенъ для насъ тѣмъ, что онъ раздѣляется многими образованными людьми. По нашему надгробныхъ и надмогильныхъ голошеній назвать въ настоящемъ смыслѣ слова *импровизацiей* никакъ нельзя. Если они не сохранились традиціоннымъ путемъ до нашихъ дней цѣликомъ въ совершенно законченной, сверстанной формѣ, подобно пѣснѣ, то тѣмъ не менѣе они безъ сомнѣнія подвергались и подвергаются въ весьма сильной мѣрѣ вліянію послѣдней, щедро заимствуя отъ нея слова, эпитеты, обороты, сравненія, которыми память сельскихъ женщинъ и дѣвушекъ та́къ насыщена, что каждая изъ нихъ, безъ затрудненія въ состояніи не только *уснастить* ими свою рѣчь, но даже въ случаѣ надобности сочинить цѣлую новую пѣсню на заданную тему. Это можно подтвердить цѣлымъ рядомъ примѣровъ, между прочимъ и изъ новѣйшей народной поэзіи. Нѣчто подобное можно подмѣтить и въ обычной рѣчи деревенскихъ начетчиковъ священнаго писанія и церковныхъ книгъ, которая заурядъ кишитъ словами и оборотами церковнославянскими. При томъ каждая крестьянка, а подавно каждая плачея ex professio (въ Бѣлоруссіи пока мы о такихъ еще ничего не знаемъ) наслушалась на вѣку своемъ, если не въ своей семьѣ, то въ своей деревнѣ, въ своемъ околоткѣ не

мало похоронныхъ и поминальныхъ причитаній, пропускать мимо ушей которыхъ она никакъ не могла ужъ въ виду того, что со временемъ, въ случаѣ печальной необходимости, по непреложнымъ требованіямъ завѣтнаго обычая, ей самой, быть можетъ, придется слагать свои голошенія по слышаннымъ образцамъ. Вѣдь не умѣть голосить по умершимъ роднымъ и близкимъ считается въ народѣ за большой стыдъ. Этому умѣнью учится вся прекрасная половина сельскаго населенія Россіи уже съ юныхъ лѣтъ, и поэтому не можетъ не дорожить примѣрами и образцами въ области искусства причитаній старшаго поколѣнія.

Изъ сказаннаго ясно, что для окончательнаго рѣшенія вопроса, насколько личное творчество участвуетъ въ составѣ причитаній, еще не наступило время. Чтобы его приблизить, такъ прежде всего нужно озаботиться собрать, пока еще не поздно, какъ можно больше фактовъ изъ этой области памятниковъ народной словесности со всѣхъ концовъ русскаго населенія Россіи, привести все это въ надлежащій порядокъ и издать. Тогда только выяснится вполнѣ занимающій насъ вопросъ. Съ своей стороны мы сдѣлали все отъ насъ зависящее для возможнаго пополненія въ нашей этнографической литературѣ крупнаго пробѣла въ занимающемъ насъ здѣсь отдѣлѣ погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ бѣлоруссовъ. Преобладающимъ обиліемъ данныхъ въ этомъ отдѣлѣ по Могилевской губерніи мы обязаны преимущественно просвѣщенному содѣйствію начальника этой губерніи А. С. Дембовецкаго и директору народныхъ училищъ А. Н. Попову, которымъ считаемъ пріятнѣйшимъ своимъ долгомъ выразить здѣсь свою искреннѣйшую благодарность. Не теряемъ надежды со временемъ расширить нашъ сборничекъ голошеній новыми, заслуживающими вниманія науки, данными изъ другихъ мѣстностей района бѣлорусскаго нарѣчія.

Витебскаго уѣзда, Веляшковичской волости.

На ряду съ другими заботами о «люцке́й смерти и похо́вѣ» бѣлорусскій крестьянинъ ставитъ и «голошенье» надъ собой.

Выращивая сына, отецъ вѣритъ, а мать, не скрывая, говоритъ, что «ёнъ закрыеть мои смяро́тныи во́чиньки и прыхова́ить (погребетъ) мои костыньки»; дочь же, такъ сказать, дополнитъ «люцкость»: «прылятит́ь шэрай зозу́лей и жалобо́сно прыку́ить». На этомъ покоится послѣдняя надежда крестьянина, въ немъ онъ видитъ вѣнецъ всѣмъ трудамъ, понесеннымъ при воспитаніи дѣтей.

Умираетъ захожій, безродный человѣкъ: первое сожалѣніе состоитъ въ томъ, что «по ёмъ некому повы́ть». Слабый, недостаточный плачъ по умершемъ вызываетъ укоризненное замѣчаніе со стороны мужчинъ: «што жъ ета наши бабы сдурѣли—ти нима́ ўжо кому голоси́ть?!» Пытая свои пѣвческія силы надъ различными пѣснями, пастушка въ полѣ, жница на нивѣ, искательница ягодъ и грибовъ въ лѣсу, за уборкой огорода и другихъ «жано́цкихъ» работахъ, упражняются и надъ «голошеньемъ», или, какъ называютъ эту попытку, «скуго́лютъ» [1]). Такимъ образомъ «голошенье» составляетъ необходимую принадлежность «хоўту́ръ по лю́цку»: къ нему заранѣе подготовляются, его требуютъ, и отсутствіе его клеймятъ «не-лю́цкостью».

«Голошенье» есть плачъ женщинъ съ причитываньемъ, въ которомъ обыкновенно перечисляются добродѣтели покойника, описывается горе по сему случаю оставшихся въ живыхъ родственниковъ и пріятелей и высказываются различныя благопожеланія въ вѣчной жизни, въ которую перешелъ умершій, называющійся уже «нябо́щикомъ» (небожителемъ). Безъ «голошенья» не обходится ни одно поминанье усопшихъ, какъ домашнее, такъ и внѣ дома, на могилѣ: во вторникъ Ѳоминой недѣли (Ра́доўница), въ Троецкую субботу (дзяды́) и при случайномъ посѣщеніи кладбища. Въ Городокскомъ уѣздѣ это бываетъ въ «кирма́шные» дни, тотчасъ по выходѣ изъ церкви, по окончаніи обѣдни. Но преобладающее значеніе голошеніе имѣетъ на «хоўту́рахъ», оно сопровождаетъ ихъ отъ начала до конца, особенно въ такіе вы-

---

[1]) У Носовича: «скуго́рить—плачемъ, воемъ выражать свое горе». *Ш.*

дающіеся моменты, какъ тушенье свѣчи, укладка покойника «на кутъ», въ «труну», выносъ изъ избы, выѣздъ со двора, подъѣздъ къ кладбищу и преданіе тѣла землѣ.

Бѣлорусское голошеніе, насколько мнѣ удалось его наблюдать въ разное время, по моему есть импровизація, не легко подающаяся обобщенію. Напрасно было бы искать здѣсь опредѣленныхъ, установившихся формъ, подобно тѣмъ, которыя видимъ въ пѣсняхъ крестинныхъ, свадебныхъ, игровыхъ и пр. «Якъ хто вѣдаеть, такъ той по своёму бацьку й пла́чить», говоритъ на этотъ счетъ бѣлорусская поговорка. Правда, въ устахъ отдѣльныхъ лицъ «голошенье» слагается иногда въ правильное стихотворное причитанье; въ большинствѣ же случаевъ оно — простая рѣчь, часто безсвязная, созидаемая подъ наплывомъ разнообразныхъ тяжкихъ чувствованій, но переполненная ласкательными словами и обращеніями, — короче: *рѣчь бѣлорусской* крестьянки, у которой «во́лысъ до́выгъ, ды вумъ коро́тыкъ» [1]). Такъ, напр., начавъ свое «голошенье» обращеніемъ къ покойнику — «на кого ты покинулъ меня? и вставивъ въ рѣчь какое-нибудь слово, съ которымъ неожиданно связалось воспоминаніе о событіи, плачущая круто переходитъ къ этому событію, и т. д., и т. д. При томъ же разность умершихъ лицъ и отношеній къ нимъ плачущей разнообразитъ и «голошенье». Во всякомъ случаѣ темою и предметомъ его являются: воспоминанія о личныхъ отношеніяхъ къ покойнику; различные случаи изъ его жизни, случаи доброты его души, его слова и наставленія; разстроенность, или упорядоченіе его личныхъ дѣлъ и дѣлъ оставленной семьи; просьбы молиться Богу за оставшихся въ живыхъ, просьбы передать нѣчто въ родѣ поклона «сво́йскимъ нябо́щикамъ», съ которыми несомнѣнно покойникъ встрѣтится на томъ свѣтѣ; обѣщаніе молиться за него и часто вспоминать среди живыхъ, обѣщаніе посѣщать могилу, какъ въ поминальные дни, такъ и въ другое время, воткнуть въ могилу освященную вербочку, пока-

---

[1]) Эта поговорка общерусская. *Ш.*

тать по могилѣ пасхальное яичко и мн. др. Вмѣстѣ съ этимъ часто даются обѣщанія о присмотрѣ и уходѣ за предметами, особенно близкими душѣ покойника: его вдовою, дѣтьми, скотомъ, полемъ и проч.

Одновременно «голóсють» нѣсколько лицъ только въ болѣе выдающіеся моменты, указанные выше; въ остальныхъ же случаяхъ «голошенье» бываетъ одиночное, по крайней мѣрѣ «чужáне», посѣщающіе покойника, «голóсють» въ одиночку и рѣдко присоединяются къ «голошенью» родственницъ умершаго. Грѣшенъ Богу: мнѣ думалось иногда, что въ одиночномъ «голошеньи» просвѣчиваетъ нѣчто въ родѣ состязанія между «чужáнами». Я замѣчалъ, что присутствующіе особенно внимательно прислушивались къ «голосу» плачущей и ея причитываньямъ, что такое голошенье связнѣе и толковѣе родственнаго и что, наконецъ, у «голосящей» не было заплаканнаго лица.

По окончаніи «голошенья» плачущая остается неподвижною минуты съ двѣ и словно шепчетъ про себя какія-то слова; только послѣ этого она стремительно отходитъ къ толпѣ, какъ передъ «голошеньемъ» подходила къ покойнику. Если плачущая не успѣла, по забывчивости, «вы́плакать» что-нибудь и потомъ припоминала это, то она снова подходитъ къ мѣсту, начинаетъ новое «голошенье» и досказываетъ пропущенное съ присоединеніемъ того, что подскажетъ ей горестное чувство. Часто собственное горе, нервозность и другія причины точно приковываютъ «голосящую» къ мѣсту; такихъ плачущихъ иногда уводятъ съ мѣста «голошенья», а въ исключительныхъ случаяхъ оканчиваютъ даже ведромъ холодной воды.

Разумѣется, что каждая «голосящая чу́жка» послѣ этого приглашается помянуть покойника, для чего ей подносится рюмка или двѣ водки, обыкновенно закусываемыя хлѣбомъ съ солью. Чѣмъ громче было «голошенье» и «жалобснѣе» причитыванье, тѣмъ бóльшее вниманіе оказывается плачущей не только при этомъ угощеніи, но и въ послѣдующее время.

Какъ между «свойскими», такъ и между «чужками» можно

встрѣтить женщинъ съ потерянными голосами. Онѣ все-таки «голосютъ» хоть и сиплымъ шопотомъ и, по окончаніи «голошенья», «чужки» поминаютъ покойника рюмкой водки.

Какъ на нѣчто выдающееся указывали мнѣ, что такой-то «голоси́въ якура́тъ, якъ вы̀ютъ жёнки — ду́жа дȍуго голоси́въ». Разумѣется, что такое необычное, исключительное явленіе дивитъ и крестьянъ, заставляя надолго говорить о «голосившемъ» самымъ почтительнымъ образомъ. Мнѣ же приходится съ сожалѣніемъ признаться, что свидѣтелемъ «голошенья» мужчинъ я не былъ ни разу.

Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.

Могилевск. губ., Горецк. уѣзда, Святошицк. вол.

Причитаньямъ или голошеньямъ надъ покойниками у насъ придается весьма важное значеніе. Вѣрятъ, что послѣ рыданій покойникъ получаетъ отпущеніе грѣховъ. Безъ причитываній и плачъ не въ плачъ. Если у умершаго не имѣется родныхъ, то по немъ плачутъ посторонніе лица, которымъ онъ при жизни оказалъ какое-либо добро словомъ или дѣломъ. Это преимущественно и составляетъ тогда предметъ причитанія.

Если умеръ человѣкъ взрослый, не имѣющій ни родныхъ, ни знакомыхъ, то по немъ плачетъ какая-либо сердобольная старушка съ причитываніями.

Плачъ старухъ болѣе уважается, чѣмъ плачъ молодыхъ женщинъ, плачъ взрослой дочери по отцѣ болѣе имѣетъ вѣса, чѣмъ плачъ жены по мужѣ, плачъ же малолѣтнихъ считается еще болѣе вѣскимъ.

Изъ записи учит. народн. училища Н. Николаевича.

ПРИЧИТАНІЕ ПО МУЖѢ.

1.

Витебской губ., Люцинскаго уѣзда.

Моя буйная головушка!
Какъ я буду жить съ малымъ милымъ дѣтушкамъ.
Кто имъ будетъ кормилецъ, родной батюшка?
Откуль повѣютъ вѣтры на нихъ теплые?
Не повѣютъ на ихъ вѣтры теплые,
А повѣютъ ўсё холодные.
Не будеть у васъ, умиленныя дѣтушки,
Вашего кормильца, роднаго батюшки,
Останется у васъ только родная матушка.
Теперь не скажеть мнѣ нихто щирой правдушки.
Поставлю умиленныхъ дѣтушекъ
На ўсихъ сторонушкахъ;
Сама выйду на крутую горушку,
Буду глядѣть на красно солнышко,
Откуль повѣють вѣтры теплые,
Обогрѣютъ моихъ умиленныхъ дѣтушекъ.
Какъ мои дѣтушки улаживають
Чужому не родному батюшкѣ,
Чужой не родной матушкѣ.
Вѣють вѣтры, идуть дожди холодные
На моихъ дѣтушекъ, сиротушекъ.
Моему сердечушку тошненько... и т. д.

Зап. учен. виленскаго учительскаго института Кунцевичъ.

2.

Минской губ., Игум. уѣзда.

А Боже-жъ, мой Боже!
На што-жъ ты насъ разлучыў?
А што-жъ мнѣ цяперъ робиць?
На што жъ ты мой господарочакъ мине покидаешъ
Зъ дробными да зъ дзѣтками?
А куды ты гэто прибраўся? въ якую дорошку?
Откуль цябе мнѣ ждаць?
Колишъ ты ко мнѣ ў госьци прыдзешъ?
А ци ты зимовой порой, а ци ты лѣтней?

Зимовой порой — холодная дорога,
Лѣтняю порою — зялёная дорога.
А мой господарочакъ! куда ты по́йдзешъ,
А ци у дуба, а ци на воду? [1])
Ци ты косицъ пойдзешъ, ци орацъ погонисься?
Куды мнѣ табѣ несьци обѣдацъ, а на якую полосу?
А мой господарочыкъ! ци ты ня чуешъ,
Што твои коники ирзуцъ и волики рыкаюцъ?
Што со́ха твоя ляжыцъ, хто ёю орацъ будзя?
И дзѣтки твои плачуцъ — хто ими посылацъ будзя?
Яны будуцъ на вулицы сядзѣцъ,
Будуцъ людзи ици, яны будуцъ звацъ «та́та!»
А людзи будуцъ казацъ: «щаня́та!»
А мой господарочыкъ, а мой яворочыкъ!
А мое ножачки! дзѣшъ вы ходзицъ будзиця?
А мое-шъ ручачки! што-шъ вы робицъ будзиця?
А мой господарочыкъ, а мой яворочыкъ!
Очаго ты отъ мене отваліўся?
А ци цябе вѣтры подвалили?
Ци цябе дожджы подмыли?
А мой господарочыкъ, а мой яворочыкъ!
Збудовали табѣ свяцёлочку цёмною, нявидною —
Нима ни дзверэй, ни вокошачыкъ,
Што ни зайдзе ясное соўняйко,
Ни вѣтрикъ ня повѣя, ни дожджыкъ ни за́йдзе.

3.

ПО НЕЛЮБОМЪ МУЖѢ.

Ой ту́жу я, тужу по чужомъ мужу;
Тольки ни вѣдаю, чымъ его зовуцъ?
По своёмъ тогды только потужыла,
Якъ на лаўцы положыла.
Цяразъ яго яму — на другого гляну.
Голоўку я наклопоцила,
И ни заробила бобу рашаци́ну.

Зап. учит народн. училища Н. Гр. Яцко.

---

[1]) Это — указаніе на то, что покойникъ въ живыхъ ходилъ весною на плотахъ при доставкѣ лѣса, а остальное время года отправлялся въ далекую мѣстность тесать изъ дуба клѣтки на подрядъ. *Н. Я.*

4.

Гродненской губ. и уѣзда, Лашинскаго прихода.

А мой родяю́сеньки, а мой милю́сеньки!
Да якъ ты мене цеперъ покидаешь?
Да хто цеперъ мнѣ дзѣтокъ будзе годова́ци,
Да и хлѣба заробици?
Якъ мнѣ цебѣ трудно будзе забыци.
Хоць ты мене, бывало, опага́нишь,
Вышколюешь, да набрешешь,
Але якъ на Сидору[1]) поѣдзешь, то ўсенько забудзешь,
То и што кольвекъ привезешь,
Альбо хусци́ночку, альбо запоночку,
Альбо што другое,
Хоць пирожокъ, альбо бараночокъ;
Альбо якъ до Городна, бывало, якъ поѣдзешь,
То и зноў привезешь мнѣ што кольвекъ.
А дзѣцямъ хоць стужачекъ.
Да я аще не успѣю выци, якъ ты пріѣдзешь,
Да ты мнѣ што кольвекъ тыкнешь,
А хто цеперъ мнѣ тыкаць будзе?

Зап. псаломщ. И. А. Карскимъ.

5.

Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, Высоцкой волости.

(если умеръ весною).

А мой ты голубчикъ!
Съ кѣмъ ты мяне покидаешь
Процивъ лѣтячка, процивъ цёплаго,
Процивъ праздничка годового,
Съ дробными дзѣтками.
А людзи будуць въ полѣ работаць,
А мои дзѣтки будуць плакаць и татульку гукаць.

6.

(если же зимою).

А мой ты голубчикъ!
Куды ты выражаешься: чи въ дорогу, чи въ лѣсъ,
А людзи будуць заработываць,
А дзѣтки твое будуць съ голоду помираць,

---

[1]) Мѣстечко торговое Гродненскаго уѣзда.

Откуль жа тябе дожидаць?
Чи зъ лѣсу, чи ты на ярманку поѣдзишь?
Голубчикъ жа ты мой!
А съ кимъ ты покидаешь своихъ дзѣтокъ?
А хто про ихъ будзиць клопотаць,
А хто имъ будзиць старанье даваць?
А мой ты голубчикъ!
Не захоцѣвъ ты въ етой хацѣ жиць,
А твоя хата будзиць цемная и безвоко́нная.

Зап. волостнымъ писаремъ Козловскимъ [1]).

7.

Той же губ., Горец. уѣзда въ районѣ Городищенск. волости.

А мой ты милинькій!
На што ты, господарочикъ, мяне покинувъ?
Тяперь я осталась съ дробными дѣткыми,
Всякій нада мной надругаетца,
А якъ ты живъ бывъ, то клопотъ мой не ввесь бывъ.
Дружечикъ ты мой милинькій!
Зрадивъ-жа ты мяне съ малымъ дитя́тычкымъ,
Идѣ мнѣ тяперь мѣ́стичка обубрать съ малымъ дитятычкымъ?
Здѣлывъ-жа ты мнѣ дысадочку вялику́ю.

Зап. учит. народн. училища г. Шибановымъ.

8.

Той же губ. и уѣзда, с. Святошицы.

Мой жа ты господарочекъ! Цяперь будуць замкнуты наши клѣци и амбары, и ключоў мнѣ не дадуць, да не буду-жъ я вѣдаць свойго добра.

Мой жа ты соколо́чекъ! Да мене-жъ цяперъ не пусьцюць ни къ печи, ни къ полу [2]), и ни къ столу; це́перъ жа мнѣ мѣсцечко у порози, а сто́личекъ на припечку, а кушаньне — што остане́цца.

Мой жа ты голу́пчичекъ! здзѣлали табѣ хатунку новую, не веселую, цёмную, безвоконную, да ты-жъ ў ей одзинъ будзишъ жиць.

А мой жа ты голу́пчичекъ! Да ты-жъ, бывало, то залупишъ, то

---

[1]) Всѣ записи волостныхъ писарей сдѣланы и доставлены могилевскимъ статистическимъ комитетомъ по распоряженію начальника губерніи. *Ш.*

[2]) Т. е. къ нарамъ.

задзерешъ, а мнѣ-жъ ўсе якъ прешь [1]), такъ прешь. То задзерешь, то залупишь, а мнѣ за тое хлѣба купишь [2].

А мой жа ты дзе́дзечка! да штошъ гэто ты зробіў? да самъ ты ляжишь на лаўцы, а твой пѣтухъ стоиць на я́мцы. А хто-жъ яго цяпера будзець ѣсьци? [3])

Зап. учит. народн. учил. Николаевичемъ.

9.

Той же губ., Чаусскаго уѣзда.

Мой жа господарочекъ, мой жа ты соколо́чекъ! [4])
А хто-жъ цяперь будзиць нашу нивку ораць?
Хто-шъ намъ будзиць хозяйство суповняць?
А ты-шъ, бывало, куды поѣдзишь, ты-шъ у мяне рупишся [5]),
Какъ и въ дворъ поспѣць и тамъ дзѣла суповняць;
Ты-шъ, бывало, ў поле поѣдзить—и въ дворъ рупишся,
Кабъ и копку привезьць и ў гумно поглядзѣць,
Кабъ жа мнѣ выцѣпляць, кабъ и змолоциць,
И въ поле поспѣць,— посѣиць и запахаць.
А цяперь жа мнѣ безъ цябе худзенько прожиць,
Мое межи позапали, моя нивка запустуиць—
Мое непаханое, мое несѣянное,
Мое прясло обломилось, мое все потравлено, свиньями поѣдзено,
Некому мнѣ жардзинки привезьць,
Некому мнѣ прясло разгордзиць.
Всѣ людзи на сѣнокосъ идуць—
Моё закашиваюць, моё вытравливаюць;
Кого попрошу, хоць ай дзѣ и скошу,
А покуль соберусь привезьць, дыкъ готовое поядуць.
А все-жъ людзи къ совнику сѣно раскидаюць,
Сушуць, грябуць и въ дворъ вязуць,
А мое ляжиць ня сушинное, не гребенное
И привезьць некому...

Зап. голеневскимъ волостнымъ писаремъ Рославцевымъ.

---

[1]) Несешь.

[2]) Мужъ былъ живодеръ, занимался съемкою шкуръ съ животныхъ, чѣмъ и содержалъ свою семью. *Н.*

[3]) Мужъ передъ смертью попросилъ сготовить ему жаренаго пѣтуха, и не дождавшись его, умеръ. *Н.*

[4]) Изъ содержанія видно, что это скорѣе *примакъ*, взрослый работникъ, принятый въ домъ вдовой, чѣмъ мужъ. *Ш.*

[5]) Ру́пицьца — безпокоиться, заботиться о чемъ. Слов. Носовича.

10.

Той же губ., Чериковскаго уѣзда, Комаровской вол.

Куды ты мой милый солове́йчка отлитаешъ?
На кого мяне, бѣдную вдовуху покидаешъ?
Заѣвъ ты мою бѣдную головухну,
Къ кому́ яе прихилитць, — ня вѣдаю.
Хто пожалѣиць мяне, вдовухну,
Осироцѣлую съ дзяцьми, бѣднаю;
Придзетца, якъ тэй зязюльки,
Куковаць, по свѣту литаючи,
Ў чужихъ гнѣздахъ пріючацца,
Отъ злыхъ языковъ всяго начуватца.
А гдзѣ бабскія сѣни ни стояли,
А ўсюдыхъ жа яны запустовали.
Смоги́ нима годоваць дзѣтокъ дробныхъ,
Нима кому пожалѣць нясчасныхъ.
Чы бословивъ жа ихъ, якъ бацька,
Щасцимъ-до́ляю, якъ ўси людзи.
Сложивъ ты свои ручухны,
Отказався помогаць имъ, нисцаснымъ.
Гу-у-у! Божа моё, горя моё — ухъ-ця мнѣ!

Зап. волостной старшина Серг. Я.

11.

Той же губ., Климович. уѣзда, Роднянской волости.

А мой жа ты господаро́чикъ!
Чаго-жъ ты на мяне разсердився,
Што ты мяне, горькую, бездольную покидаешъ?
Скажи-жъ ты мнѣ, мой господарочикъ,
Якъ мнѣ жить и быть?
Куды-шъ мнѣ свою головечку прихинуть?
А я теперь горькая и бездольная.
Кому-жъ ты, мой голубчикъ сизинькій,
Своихъ дѣточикъ покидаешъ?
Яны-жъ еще маленькія, несмышлененькія.
А хто-шъ нашихъ дѣточикъ приголубить и приглядить?
Дѣточки мои миленькія, сироточки мои дробненькія!
А нима-шъ жа вашаго таточки, а нима-шъ вашаго родниънькаго!
А нагорюютца-шъ мои дѣточки!

А тяперытька вамъ ўси и набьютца и наругаютца,
Да некому за васъ заступитца.
Тяперь жа то вжо моихъ дѣточикъ ўсюдыхъ будить повно,
И по завголью и по подстрѣшу,
А дѣточки мои и любыя мои и милыя.

(ЕСЛИ УМЕРЪ ПРЕДЪ ВЕЧЕРОМЪ, ТО ПРИПѢВАЮТЪ):

Куды-жъ ты мой господарочекъ протя нóчички собрався?
А куды-жъ ты нá ночки попрóсисься?
А нихто-жъ тябе ня пустить ў хату,
А на тябе-жъ были всѣ люди злые, сердитые, недобрые.

(ЕСЛИ УМЕРЪ ПЕРЕДЪ ПАСХОЮ):

А нямножичка-жъ ты, мой господарочикъ,
Не дождався до краснаго яичка.
А вси-жъ-то люди придуть къ праздничку,
А вси-то придуть веселые празнички,
Одной жа мнѣ зъ моими дѣточками празничекъ невеселый;
А вси-жъ-то люди придуть за столикъ зъ своими дѣточками,
Одна-жъ я, якъ тая птушечка непріютная;
Куды-жъ мнѣ свою головочку прихинуть?
А куды-жъ ты, мой соколикъ, мой сизинькій
Протя лѣтичка отъ насъ отлитаешъ?
А люди будуть, мой соколикъ, и пахать, и сѣить,
А хто-жъ намъ, мой соколикъ, земéльку припашить и присѣить?
А Божа, мой Божа, ухтя мнѣ! ня буду-жъ я жива.
Ай возьмитя-жъ мяне, забитя, ти зарѣжьтя!
А хозяинъ ты мой любый!
А хто-жъ твоихъ кониковъ повядеть на ношлегъ да и пáствить будить?
А ти видавъ ты, мой господарочекъ, што на твоимъ дворѣ дѣлаитца?
А строють жа табѣ хаточку темненькую и безвоконную.

(ЕСЛИ УМЕРЪ ПО ОСЕНИ):

Куды-жъ ты ета, мой господарочикъ, протя зимы выбирався?
А хто-жъ-то намъ, мой господарочикъ, дровъ привязеть изъ лѣсу?

А тяперь жа то померзнуть мои дѣточки ў хати,
А некому-жъ моихъ дѣточикъ приглядѣть.

Зап. волостнымъ писаремъ изъ унтеръ-офицеровъ К. М. Бураковымъ.

12.

Той же губ., Мстиславскаго уѣзда.

Якъ ставъ жа низдоровъ,
Дыкъ я-жъ табѣ завсёгды давала
Мылока́, меду и сала,
А коли дыкъ и ситнаго хлѣба,
Лишь бы было у тябе на што потреба.
Ну-жъ ты ничо́го отъ мяне не бравъ,
И все говоривъ, што табѣ ѣда не вставъ.

(ЕСЛИ МУЖЪ БЫЛЪ ПЬЯНИЦА).

13.

Бываложъ ты мяне, пріѣхавши зъ города, станешь ругать.
А яжъ табѣ тогды все буду зважать,
На завтраго-жъ я табѣ про ету нашну говорить
А ты у мяне тоды давай прощенійка просить.
Я табѣ больше ничо́го на ета ни скажу,
Только горѣлычку ня пить прикажу.
Вѣрно жа ты мяне ни дужа жалѣвъ,
Што все мало хлѣба-соли ѣвъ,
Кабъ ты больше хлѣба-соли ѣвъ,
А поменьши горѣлычки пивъ,
Дыкъ ба-жъ ты и на свѣтѣ больше живъ.
Тяперь жа съ кимъ ты мяне и дѣтокъ покидаешъ?
И на кого насъ ты горькихъ оставляешъ?

Зап. мѣстн. волостнымъ писаремъ.

14.

Той же губ., Сѣнвинскаго уѣзда, въ районѣ Бобрской волости.

А ты мой господарочикъ!
Откуль жа я цябе буду ждаць съ работки?
Идешь ты будишъ на рабоцѣ:
Ци на полѣ съ со́шкою,

Ци на пожни съ ко́скою?
А ўси людзи съ работы придуць,
А я-жъ цябе не дождуся.
Откуль цябе позирапь буду:
Ци съ ўсхода, ци съ захода сонца?
А якъ пойду на вулицу и на гумяную,
Ни гдзѣ цябе, господарочка, ни найду, и не загляну.
Сбудали табѣ хаточку цёмную и ня видную,
И воконца ни просѣкли.
А я-шъ цябе выправляю въ доўгую доро́шку—
Ни вядомую, ни знакомую,
Въ жоўты пяски, ў сырую зямельку.

15.

Мой ты господарочикъ!
А кому-шъ ты покинувъ дзѣточикъ?
Яны дужа маленькіе.
А хто-шъ ихъ будзиць доглидаць?
А ты-жъ, бывало, куды пойдзишъ —
Яны-шъ цябе на улицы пильнуюць:
Одно сядзиць подъ изгородой,
Другое — подъ заметомъ,
И яны-жъ цябе дождутца,
А цяперъ николи ни дождутца,
И домой николи цябе ни привядуць.

Зап. волостнымъ писаремъ.

16.

Той же губ. и уѣзда, Пустынской волости

Дружочикъ жа мой голубочикъ,
А куды-жъ ты выряжаешься,
А зъ кимъ жа ты мяне покидаешь,
А у мяне-жъ дѣточки дро́бненькія.
А кого-жъ ты обобравъ своимъ дѣткамъ за ро́днаго татуличку?
А яны-жъ тяперь вѣчные сироточки,
А яны-жъ будуть на вулицѣ гулять,
Яны-жъ будуць къ чужимъ таткамъ признаватца.
А будуть мужчинки на вулицѣ итти,
И дѣтокъ на рукахъ нясти,

А мои-жъ дѣтки будуть на вулицѣ стоять
И татки дожидать.
А я-жъ буду позирать и слёзками обливаться,
Ихный татулька ня придеть и ня возьмить ихъ.

17.

Тамъ же.

А сподарочекъ мой, щимялечекъ,
А зъ кимъ жа ты мяне оставляешь?
Ти мнѣ ў этомъ куточку жить,
Ти мнѣ другій находить?
Тяперь мои всѣ угольчики понямѣють бизъ тябе,
Ня будить мнѣ щираго тута куточка,
Тяперь объ насъ будуть люди и судить и говорить,
Ўсякими говóрками...
А кому-жъ ты своихъ дѣтокъ отказавъ?
А што-жъ ты ўсю родинку свою у головки заложивъ?
А ты-жъ, бывало, и стараўся,
А ты-жъ, бывало, и клопотаўся.
Якъ пойду я на твою работку,
А я буду слезками обливатца,
Якъ зирну я на чужихъ мужчинокъ,
А я одна, якъ шѣрая зязюля,
Мое добéрцо поѣдиное,
Мои и пóженьки постравленыя,
А якъ приду я домой, я слёзками обливаюся,
А моя хатка пустая,
А куды-жъ я прихинуся,
А мои-жъ ўсѣ угольчики понямѣли,
Нихто мнѣ щираго словца ни скажить,
Нихто ко мнѣ такъ щиро ни обернéтца,
А якъ приду я ў хатку, — мои дѣтки плачуть,
А якъ приду я зъ работки, — мои дѣтки плачуть,
А ни дождусь я щираго словца.
А скажи-жъ, мой дружочикъ,
А куды жъ мнѣ тябе дожидатца,
А куды жъ мнѣ тябе позирать?
А ўси мужчинки идуть зъ работы,
А тябе я и вѣкъ не дождуся.

Объ зап. волостной писарь Еліашевичъ.

18.

Той же губ., Сѣн. у., Высокогородецкой волости.

Мой миленькій дружекъ,
Съ кимъ ты мяне покидаешь,
Только съ дробными дѣтками.
Ай мой же ты пора́дничекъ,
А мой же ты работничекъ!
Съ кимъ же я остаюся,
Только съ дробными дѣтками.
Съ кимъ же ихъ годовать буду,
Чимъ я ихъ одѣвать буду?
Я жъ ихъ не одѣну,
Я жъ ихъ не пригодую,
Я жъ якъ причихаюся, — я и уликаюся.
Куды мой другъ вѣнчальный подѣўся,
Ти ёнъ поѣхаў ў дороженьку?
А ти ёнъ пошоў ў церковку?
У мяне дѣтки пытаются:
«Куды нашъ татка дѣўся?»
Дѣтки мои милыя,
Страшное гето словцо,
Што я зовуся «ўдовинька»,
А вы дѣ́туньки — «сиро́туньки».
Сяду съ вами обѣдати,
Вами, дѣтки, обсажуся
И слёзками обольюся.
Што вы, дѣтки, маленьки,
И слёзуньки ваши дробненьки,
А якъ дѣтки побо́льшують —
И слёзуньки пого́ршують,
Што ёсь кому загадать вами,
Да не кому пожалѣть васъ
Безъ свойго роднаго та́туньки.
И вы не будите вѣдать,
Што и быў у васъ родный татунька.
Теперь вы, дѣтки, сиротуньки,
А остаюся ўдовунькой.
Што жъ вы, дѣтки, не пытаетесь:

Хто васъ будить годовáти
И ў солдаты выправляти
Безъ свойго роднаго татуньки?
Людцкіе таки будуть выправлять дѣтакъ,
А одна ўдовунька, бѣдная моя головунька,
Нильзя мнѣ и словцомъ нигдѣ обозватца
Безъ свойго дрýжечка, безъ вашего тáтуньки.
Прйдить теплое лѣтичко,
Люди поѣдуть съ сóшками,
А я и съ кимъ, и съ чимъ?
У мяне земельки было немножко:
Полóсынька была и вýзинька, и коротенька,
А тяперь стала и довга, и широка,
И будеть стоять некóшена,
Будеть лежать неóрана,
А я буду ходить и рученьки ломать.
Якъ приду я ў хатуньку, —
Моя хаточка не мила:
Нѣтъ мойго порáдничка, а дѣткамъ татуньки.
Ўсё мнѣ не мило и хатунька постыла:
Якъ ўстануць дѣтки и спытаются татуньки, —
Отреклась бы лѣпи гетой хáтуньки.
Якъ же васъ годовать безъ тáтуньки:
Нима чего вамъ зварити,
Нима чимъ посолити.
Трудно рыбкѣ безъ водицы,
Трудно дѣткамъ безъ татуньки.
Дась Богъ теплое лѣтичко,
Возьму дѣтокъ за рученьку
И повяду на могилочку:
Гукайте дѣтки свойго татуньку:
«Ўстань, ўстань, нашъ татунька!
«Вѣрно въ гробѣ дошки
«Притиснули твои ножки,
«Что нельзя табѣ ўстати.
«Горе наше и сердцу тошно,
«Татки вернути зъ могилы не можно.
«Головочки наши бѣдныя,
«Остались мы сироты вѣчныя».

19.

Тамъ же.

Господаречекъ ты мой!
Што-жъ ты гето сабѣ сдумаў,
Што-жъ гето сабѣ змысліў,
Съ кимъ ты мяне покидаешь — съ дробными дѣтками?
А яны еще невзрослыя, а яны еще маленькія.
Господаречекъ мой миленькій,
Господаречекъ мой любенькій!
Куда-жъ ты гето прибраўся,
Ў якую дороженьку?
Откуль я тябе поглядать буду,
Откуль я тябе позирать буду?
Голубчикъ мой сызенькій!
Далеко ты отъ мене отлитаешь,
А мяне съ дѣтками покидаешь,
Яны-жъ еще не ў ро́зумѣ.
Хто-жъ имъ работку покажеть,
Хто-жъ имъ загадаеть безъ тебе, мой голубчикъ,
Безъ тябе, мой сызенькій?
Ти я жъ гетого подѣвалася,
Ти я жъ гетого надѣялася,
Што ты мнѣ гето сробишь:
Покинешь мяне ўдовою,
А дѣтокъ сиротками.
Я жъ ўсе́ думала,
Што мы горе погоруемъ,
Што горе поме́ншеить,
Ажъ яно побо́льшѣло.
Голубчикъ мой любенькій!
Съ кимъ я дѣтокъ годовати буду?
Съ кимъ работку прибирать буду,
Безъ тябе, работничка,
Безъ тябе, стара́нничка?
Ты жъ, бывало, обо всёмъ стараўся,
Ты жъ, бывало, на всемъ трудіўся,
Ты жъ ўсимъ запасаўся,
Ти смертуньки сподивався.

Працáвничекъ мой миленькій!
Ручки твои рабочія,
Яны жъ дуже мозолеваныя.
Боже жъ мой найвышненькій!
Бесѣда наша невеселая,
Пѣсеньки наши моркотныя!
Якъ же мнѣ съ тобой разлучиться?
Якъ же мнѣ съ тобой распрощаться?
Господаречекъ мой родненькій!
Возьми жъ ты лѣпи мяне съ собой,
Чѣмъ безъ тябе заставаться.
Сусѣдьки мое милые!
Простите мойму господаречку:
Може жъ ёнъ кому быў прикрій [1]),
Може жъ съ кимъ наприкрився,
Простите ему и не кляните его,
Любые сусѣдочки и милыя дѣточки.

Зап. волостнымъ писаремъ.

20.

Той же губ., Гомельскаго уѣзда, Поповской волости.

Дѣтки мои голубятки! Больши-жъ намъ батьки ни видать,
Якъ зимою ў поли цвѣтика.
Бывало-жъ ёнъ, покойничекъ, откуль ѣдя,
То такъ не приѣдя:
То бубличковъ, то балабушекъ — а всё дѣткамъ привязе;
Бывало, ляжешь спать, ёнъ совѣтъ мнѣ дасть:
Завтра што мы будимъ дзѣлать.
А тяперь же хто мнѣ дасть совѣтъ?
Сизенькій мой ты голубчикъ!
Куды-жъ ты отъ мяне отлитаешь?
Што-жъ я зъ ними буду дзѣлать?
Хто-жъ ихъ будя кормить?
Обзовися-жъ ты, мой сирденько, мой дорогéньки!
Дай мнѣ совѣту хоть одно словечко:
Якъ мнѣ въ свѣтѣ жить и гэтыхъ сиротъ ростить?
Сизинькій мой голубчикъ! отчего мнѣ не отвѣчаешь?
Все на мяне горе и бяду оставляешь.

---

[1]) «При́крый — докучливый, непріятный, укоризненный, досадный». Слов. Носовича. При́крицьца—измѣняться изъ пріятнаго въ непріятное. Тамъ же. *Ш.*

Чаразъ годъ яй сама къ табѣ приду;
Што-жъ нашимъ сироткамъ тоды дзѣлать,
Якъ мы въ сырой зямлѣ будимъ?
Разойдутся наши дѣтки по бѣлому свѣту,
Ня будить имъ нійдѣ мѣста и привѣту.
Соколикъ ты мой родный!
Бувало ты коней на ночь вядешь да и приказываешъ:
«Ты позно ня спи, а ранѣй ўставай,
«Да обѣдъ варить затѣвай,
«Печку стопи и борщу свари».
Тяперь же некому борщу варить
И не съ кимъ будя говорить.

Поповскій волостной писарь Коновъ.

21.

Той же губ. и уѣзда, Красно-Будской вол.

Ходяинъ мой милый,
Ходяинъ мой любый!
Сомкнулись твои губы:
Ничего мнѣ уже сказать не хочуть,
Хоть дѣти около тябе хлопочуть!
Почему-жъ ты мнѣ ничего не говóришь,
Какъ мнѣ на свѣтѣ съ сиротками прожити?
Да чѣмъ я ихъ буду кормити?
Яны еще у насъ мáлы,
На работу не удáлы.
Што я съ ними буду робити?
Што не чѣмъ хаты топити,
Хлѣба не на што купити,
Нечѣмъ и дѣтокъ кормити.
Староста придя за податями,
Што мнѣ яму казати зъ дѣтями?
Соколикъ ты мой ясный,
Труженикъ ты мой прекрасный!
На работу былъ большой охотникъ,
Одинъ у насъ ты былъ работникъ,
Одинъ пошелъ и ў могилу!
Я безъ тябе зъ дѣтьми загину!

Записано волостнымъ писаремъ В. К. Лебедевымъ.

МАТЬ ПО ДИТЯТИ.

22.

Той же губ., Горецкаго уѣзда, Городищенской волости.

«Дитятычка мое дыроженькыя!
Обломила ты мяне противь теплаго лѣтичка;
Людюхны будуть робить, а я буду слезками заливатца,
Мнѣ ни можна робить работычку,
Лучши-бъ ты мяне, старуху, пухувавъ,
А чимся я тябе пухуваю, соколикъ мой любинькій!
Вси дѣтухны будутъ ў грудочки собиратца,
А мою дѣтычки нійдѣ ня будить.»
А мое ты дѣтухна! я съ тобою ходила,
Я тябе носила, а тяпер ты мяне пыкидаишь!»

Зап. учит. народн. училища г. Шибановымъ. Сообщ. директ. народн. учил. Могил. губ. А. Н. Поповымъ.

23.

Той же губ., Быховскаго уѣзда, Пропойской волости.

Мое дитямочко родненькое,
Отлетаешь ты далеко,
Утратила-жъ я свою ягодку,
Моя ягодка недозрѣлая,
Отвалилась же ты бязъ поры.

(весной).

Теперь ўси пташечки зъ вырья литятъ,
А ты-жъ, мое дитяточко, полятѣло въ вырь на вѣки.

(осенью или зимой).

Не боишься, моя пролѣсочка,
Ни морозу, ни вѣтру, ни за́мети,
Хто-жъ тамъ тябе будзить доглядать,
Хто-жъ тамъ тябе будзить сповивать,
Къ кому-жъ ты тамъ прихинешься,
Хто тябе тамъ спозна́я,
Хто тябе тамъ угада́я?

24.

(МАТЕРИ, ЧАСТО ТЕРЯЮЩЕЙ ДѢТЕЙ).

Мои дзѣточки, мои милыя,
Не умѣю-жъ я васъ годовать,
Настоялась я ужó по заворотью,
Напросилась чужихъ слугъ.
Чужіе дзѣтки на ранки гонють,
А я своихъ нидзѣ не угадаю,
Нидзѣ не спознаю,
Не хотите вы у мяне годоваться,
Не умѣю дзѣточки я васъ ростить, годовать.

Зап. волостной писарь.

25.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Высокогородецкой вол.

Яблочко мое недоспѣлое,
Ягодка моя недозрѣлая!
Дѣтунько мое ми́ленькое.
Дѣтунько мое лю́бенькое!
Листочекъ мой зелёненькій,
Цвѣточекъ мой чирвóненькій!
Безъ поры ты отпадаешь,
А мнѣ печаль покидаешь.
Пташечка моя лю́бенькая!
Соловéинька шеринькій, щебетя́нничекъ мой!
Ты-жъ говоришь, якъ соловейко щебечешь.
Ты-жъ хотѣвъ быть татку перемѣночка,
А тяпер проти лѣтичка теплаго,
Сдѣлавъ намъ переломуньку вяликую.
Ўсѣ пташечки заспѣваюць,
Ўсѣ казя́вочки поодживаюць,
Ўсѣ мурашечки повыповзуюць,
Ўсѣ ребятки на вулку повыбѣгаюць,
А тябе нигдѣ не будеть:
Ў пясочекъ закопаюць.
Дуже мнѣ будетъ тóшненько,
Дуже мнѣ будетъ моркóтненько,
Што тябе, соловеюньки, ни чуть будеть щабечучи.
Откуль я буду тябе сподѣваться,

Откуль буду дожидаться?
Хто мою хатуньку доглядить,
Хто скотинку прогонить,
Хто татку по коника сбѣгаеть?
Потера наша великая,
Потера наша дорогая,
Потерали мы сыночка,
Потерали дорогого.
Вотъ послѣдній разочекъ
Цалую тябе, сыночекъ.

Зап. волостнымъ писаремъ.

26.

Той же губ. и уѣзда, Пустынской волости.

А дѣточко мое маленькое!
А дѣточки-жъ мои квѣточки!
Чаго-жъ вы отъ мяне отсыпаетесь?
Ти вы-жъ мяне жалѣете,
Што я дужа горатная (горемычная):
Вы-жъ ба ня были голыя,
Вы-жъ ня были голодныя,
А нехай бы вы годовалися,
А я бы зъ васъ утишалася.
Якъ увижу я вашихъ ровесниковъ,
Мнѣ-жъ будить дужа-жъ тошненько,
А мяне-жъ будитъ переломочка брати,
А якъ будуть чужія мамки
Своихъ дѣтокъ чухати,
А моихъ ня чуть нійдѣ не видати
Ти я васъ ня умѣла кукóбити,
Ти я васъ ня умѣла куковати?
Хто-жъ васъ тамъ лучши будить годовати?
Ти вы тамъ сабѣ луччую мамочку обобрали?
Ти вы тамъ сабѣ луччую няничку обобрали?
Хто-жъ по тябѣ сюды приходіў
Ти по тебѣ родная бабуличка приходила?
Што ина тябе отъ мяне отманила?
Ти твой дядуличка по тябѣ приходиў,
Ти по тябѣ родныя теточки приходили?
Ти яны табѣ лялички (игрушки) приносили?
Што яны тябе отъ мяне отманили.

А надѣлаў жа ты мнѣ пересадочки вяликія,
Хуть жа-бъ жа я горачко горевала,
Хай жа-бъ жа я своихъ дѣтокъ годувала,
Я-жъ ба за ихъ утишалася,
Я-жъ ба-жъ сабѣ отмѣночки дожидала,
Можа-бъ мои ручки-бъ поотмѣнили,
Можа-жъ бы мои плечечки отмѣнили,
Можа-бъ я до чаго догоревалася.

27.

А дитятко-жъ мое маленикое,
А дитятко-жъ мое дробненькое,
А куды-жъ ты выправилося,
А хто-жъ тябе тамъ будить доглидать,
А хто-жъ тябе тамъ будить кукобить?
А я-жъ тябе доглидала дужа щиренько,
А я-жъ тябе доглидала дужа вѣрнинько,
А я-жъ ўсю работку бросила,
А я-жъ тябе не закидала,
А кто-жъ тябѣ тамъ будить луччи родныя матки?
А кто-жъ табѣ будить постельку стлать мягчѣй за мяне?
Ти табѣ постелька луччи крестныя матки,
Ти яна-жъ тябѣ мягчѣйшая,
Ти яна-жъ тябѣ лѣпшая за мяне?
Дитяточко мое родное,
А ти видная жъ твоя будить хаточка?
А ета-жъ хатка и темная, бизъ угольчиковъ,
А тябѣ-жъ ня можно будить и ўстать и зъ лялькой погуляць.
Проси, мое дитятко, Господа Бога,
Бяри, мое дитятко, мяне съ собой,
Я-жъ буду табѣ постельку слать дужа мя́кинько,
Я-жъ тябе буду дожидать дужа-жъ щиренько;
А мнѣ-жъ тутъ дужа-жъ тошненько.
А мнѣ-жъ тутъ дужа бѣдненько,
Не могу-жъ я съ тобой разлучитися,
Не могу-жъ я съ тобой разойтитися,
А хто-жъ тябе подмовіў туды, мое дитятко?
Ти тябе родная бабуличка,
Ти тябе родная тятуличка?
А кого-жъ ты послухаў лѣпс за мяне,

А зрадило-жъ ты мяне
Противъ лѣ́течка теплаго.

Обѣ зап. волостнымъ писаремъ Еліашевичемъ.

28.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Высокогородецкой волости.

Дѣ́тятко мое родное, дѣ́тятко мое милое,
Куды-жъ ты отъ мяне отлитаешь?
И съ кимъ ты мяне покидаешь?
Ти ты отлитаешь ў лѣсъ за пташку,
Гдѣ я тябе глядѣть буду?
Ти съ пташками летаючи,
Ти съ дѣтками гуляючи?
Цвѣточекъ мойродненькій!
Што-жъ ты отъ мяне отсыпаешься:
Ти тябе вѣтрики отбили?
Ти тябе дождики отмыли?
А загадала ты мнѣ зага́дочку,
И сбудала собѣ ха́точку, —
Хаточку новую, за одинъ денёчекъ готовую.
Хаточка твоя темная,
И ходить мнѣ къ тобѣ нельзя будеть
Якъ придить тепло лѣтичко,
А пойду я въ зеленый лѣсъ,
Тамъ кукульки куковать будуть,
И соловейки щебетаць будуть,
И я буду слухать:
Ти ни мое чаденько съ пташечками пѣсеньки пѣеть?
Куды-жъ ты гето прибраўся.
Ў якую дороженьку и ў якую сторо́ночку —
Противъ лѣтичка тёплаго,
Противъ ўремечка вясёлаго?
Ўсѣ мурашечки пооживають,
Ўсѣ козявочки повыпоўзають,
А мнѣ будетъ тошненько,
Якъ рыбочки безъ водицы,
А травицѣ безъ росицы,

Што людскія дѣтки цвѣточки ирвать будуть,
А не будеть мойго дѣтуньки;
Будеть ирваться мое сéрдунько.
Я-жъ тябе годовала и думала,
Што ты мой прокопáнничекъ будешь.
Хто-жъ мою старость доглядить,
Хто-жъ мнѣ постельку постелить,
Якъ придить моя темна ноченька?
И хто-жъ мнѣ пи́туньки подась?
А безъ свойго дитяточки денечки мое будуть моркотные.
Бесѣдунька моя моркотная,
Бесѣдунька моя печальная! —
Музы́ки у мяне не играють,
И родинка моя пѣсеньки не пѣеть,
Только одна я горатни́ца,
Хожу да слезки лью.
Страшный мой денечекъ —
Похоронить мой милый сыночекъ.
Дѣтко мое милое!
Якъ я съ тобой разлучуся?
Людскіе дѣтки будуть на работи,
А моя головка будеть ў заботи,
Што я съ тобой разлучилася.
Кабъ ты отъ мяне было согнатое, —
Я-жъ бы ходила пыталася,
И я-жъ бы тябе находила;
Кабъ ты было забраное, —
Я-жъ бы тябе отсудила.
А якь ўзяла тябе земли́чка,
Дыкъ я тябе не найду,
Дыкъ я тябе не отсужу.

Зап. волостнымъ писаремъ.

КОГДА КЛАДУТЪ РЕБЕНКА ВЪ МОГИЛУ.

29.

Той же губ. и уѣзда, Пустынской волости.

Хто къ табѣ тутъ насустрѣчу выйдеть?
Ти къ табѣ тятуличка,

Ти къ табѣ родная сястру́личка?
А хто-жъ тябе будить кукобить тута?
Ти тябе родная бабу́личка,
Ти тябе сяструличка,
А яны-жъ тябе не знають,
А яны-жъ будуть дивитися,
Откуль гетакая дробная козявочка проявилася?
А якъ жа тутъ привыкнешь?
А тутъ жа дужа тямне́нько,
А туть жа вѣтрі́йки ни завѣють,
Ани сюды пташечки ни залетають.

Зап. волостной писарь Еліашевичъ.

30.

Минской губ., Игуменскаго уѣзда.

А мой ты сыночыкъ, мой яворочыкъ!
И куда-шъ ты поѣдзишъ?
А коли-шъ ты къ намъ ў госьци прыѣдзишъ?
А изъ якой дорошки я цибе буду ждаци?
А ци ў лѣтку ў чоўночку,
Ци ў зимку ў возочку?
Я-шъ буду прыслухацца:
Откуль ты будзешъ ѣхаць.
Мой сынокъ, а мой жэ ты яворокъ!
А коли-шъ мнѣ цибе забыци?
Будуць дзѣтки чародками исьци,—
Я-шъ буду прыгада́ци:
Ци ня сынокъ мой идзе?
А мой сыночыкъ, мой жэ ты яворо́чыкъ!
Дзѣ-шъ ты будзишъ щабетаци:
Ци ў борочку, а ци ў лужочку?
А ўсѣ пту́шачки зъ выраю ляця́ць,
И мура́шачки зъ выраю идуць,
А ты мой сыночыкъ отъ мене откаціўсе,
Отъ мене отваліўсе.
А Божа-шъ мой, Божа! а мой сыночыкъ!
Я-шъ цибе носила, голосила,
Роджала — умирала,
Годовала — горевала.

Зап. учит. народнаго училища Н. Яцко.

31.

Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, Кохановской волости.

А я-жъ на цябе, мой сыну́личка, спыдзивалыся,
Я-жъ ўсё ду́мыла, што ты мнѣ при старысьци лѣтъ будзишь хлѣ́б-
ничкымъ,
А цяперицки-жъ я ўсю мою надзѣюшку пыциряла.

Зап. волостной писарь Шамовскій.

ПО ВЗРОСЛОМЪ СЫНѢ:

32.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Пустынской волости.

А дѣтунько мое любое,
Куды-жъ ты выряжаешься,
Насупротивъ теплаго лѣтца,
А тяперь жа всѣ пташечки вылетають,
А тяперь жа всѣ козявочки выползають,
А ты глыбе поточилося;
А тяперь же будуть ўсѣ ребятки на улицѣ,
А тяперь будуть гулять,
А якъ жа увижу я ихъ,
А мнѣ-жъ дужа будить тошненько,
Дужа моркотненько;
А мнѣ-жъ мои пѣсеники надоѣли,
А яны-жъ мнѣ надокучили,
А яны-жъ мнѣ *наялычили.*
Вяселійко [1]) мое нивяселое!
Не такое-жъ яно, якъ людское:
А люди-жъ гуляютъ по два дни и по три дни,
А мы-жъ гуляемъ обыденные вяселійки,
А нехай жа-бъ гуляли-бъ мы по два дни и по три дни,
А мы-жъ бы-бъ висялились.
А насъ жа переломочка беретъ,
А кого-жъ ты будешь просить *подбратничкомъ?*
А кого-жъ ты будешь просить *подмузычникомъ?*
Кого-жъ ты будишь сабѣ ў сватійки брати?
Чаму-жъ ты свойго таточку не гукаешь на ра́дочку:
Котораго ёнъ табѣ будить коника выправляти?

---

[1]) Веселійко тутъ употреблено въ смыслѣ свадьбы. *Ш.*

Котораго ёнъ табѣ выводить будеть,
Табѣ выважививати?
Только нанявъ ёнъ табѣ плотничковъ;
Ти по табѣ яны хаточку сбудовали?
Сбудовали табѣ сяли́бочку новинькую и нивяселенькую.
А нима-жъ жа ўси угольчиковъ, ни оконцевъ,
Ни ўстанишь жа ты, ни полядишь ў воконце,
Хто-жъ табѣ на сустрѣчу выходить будить?
Хто-жъ тябе подмовивъ, подговоривъ?
Ти твои родныя теточки тябе туды подозвали?
А ти имъ тамъ скушнинько бизъ тябе,
Што яны тябе туды подмовили?
Табѣ-жъ *бытца* [1]) и тутъ было хорошо жити.
А чаго-жъ ты туды выправляешься?
А хто тябе сустрѣкать будить?
Ти твои сястрицы родныя?
А сыночекъ жа мой, а голубчикъ жа мой!
А ты-жа учора за таткомъ и за сошкой ходивъ,
А сягодня-жъ ты и не гукаешь мяне.
Што-жъ ты, мой сыночикъ, и на татку забыўся,
И ляжишь ты тихонько и никого не гукаешь къ сабѣ.

Зап. волостной писарь Еліашевичъ.

33.

Той же губ. и уѣзда, Высокогородецкой волости

Сыночекъ миленькій,
Дубочекъ мой зелененькій!
Вясельлійко наше не вясёлое
И дуже ено не радостно.
Што-жъ ты гето собѣ вздумаў,
Што-жъ ты гето собѣ змысліў?
Соколикъ нашъ ясненькій,
Лебедька нашъ бѣлинькій!
А што-жъ бы моя воленька,
Я-жъ бы тябе отмѣнила.
Ти табѣ у насъ наприкрило,
Ти табѣ у насъ наскучило?

---

[1]) Кажется, сдается, будто, словно. *Ш.*

Идуть святые празднички,
Идуть святые святочки,
Я-жъ буду поглядать
И я-жъ буду позирать —
Ти нейдеть мое дитятунько?
Ти нейдеть мое любое?
Ти нейдеть покорное?
Послѣднее наше повиданійко,
Послѣднее жа попрощаннійко!
Сусѣдьки наши милые,
Сусѣдьки наши любые!
Простите наше дѣтунько:
Послѣднее повиданнійко
И послѣднее попрощаннійко.

Зап. волостнымъ писаремъ.

ПЛАЧЪ МАТЕРИ ПО ДОЧКѢ МАЛОЛѢТНЕЙ.

34.

Минской губ., Игум. уѣзда.

Дочу́шка моя, зязюлячка моя!
А коли ты ко мнѣ ў госьци прыдзешъ?
Ци зимою ў возочку, а ци ў лѣтку ў чоўночку?
Ци зязюлькою закукуешь, ци соловейкою защабечышъ?
А я-жъ буду прыглядацца и прыслухацца:
Ци ня дочу́шачка моя ко мнѣ идзе?
Дочу́шачка моя, зязюлячка моя,
Ягодка моя, недоспѣлая моя!
Бизъ поры ты откацилася отъ мине,
Бизъ поры отвалилася.
Ци цибе вѣтрыки подвалили?
Ци цибе дожджыки подмыли?
Дочу́шка моя, кра́сочка моя!
Дзѣ-шъ ты будзишъ зацьвитаци:
Ци ў вишнёвинькимъ саду́?
Ци въ далёкинькимъ бору́?
Дочу́шка моя, зязюлька моя!
Съ котораго боку ты ко мнѣ ў госьци прыдзешъ?
Ци су сходу соўняйка, ци изъ заходу?

А я-жъ буду цибе сустрикаци,
Буду цибе пераймаци.
Весельляйко мое нивеселое!
А ни музы́ки нейграюць, а ни дзѣвочки ни гуляюць.
Дочу́шка-шъ моя, зрадни́ца ты моя! Зрадзила-шъ мине!
Я на цибе ни наглядзѣлася, ни нацѣшилася.
Мое ношки миленькія! дзѣшь вы будзеце ходзици:
По якихъ доро́жачкихъ, по якихъ сторо́жечкахъ?
А ты-шъ никого тамъ ни вѣдаишъ,
Ты никого тамъ ни знаишъ.
Дочу́шачка моя, зязюлячка моя!
Якъ мнѣ бисъ цибе остацца?
Якъ намъ съ тобою растацца?
Дочу́шачка моя, зязю́лячка моя!
А выйду я на вулицу, гляну я на дзѣвочукъ,
А мине сыра земля ломя.
Нихай да моя дочушка зъ дзѣу́ками погуляла!
Моя ты горатни́ца, моя ты бездольница!
А утрацила-шъ я свою дочу́шачку!

Зап. учителемъ народнаго училища П. Гр. Яцко.

МАТЬ ПО УМЕРШЕМЪ РЕБЕНКѢ-ДОЧЕРИ.

35.

Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, Кохановской волости.

Дзицятка-жъ ты мое́ роднинькыя,
Пташичка-жъ мыя́ ниныгля́дныя!
Куды-жъ ты далёка отъ мяне отлитаишь?
Чимъ жа табѣ у твоей ма́тухны ни спозри́лыся?
Яблычко-жъ ты мое са́харныя!
Чаго-жъ ты, ни созрѣвши, откаци́лыся?
Цяперъ жа ко мнѣ нихто ни прилыска́ицца и ни приго́рницца.
А бывало-жъ ты. якъ тая ластывычка, у́сё мнѣ рысщабечишь.
А совнинька-жъ ты мое́ красныя!
Чаго-жъ ты бизъ поры такъ ранинько зыкаци́лыся?
А цяперъ жа я куды ни пойду — цябе не знайду,
Откуль ни приду, ты мяне не встрѣцишь
И поцѣшныго словечка мнѣ не промолвишь.

Зап. волостной писарь Шамовскій.

36.

Той же губ., Чаўскаго уѣзда, Голеневской вол.

Моё-жъ ты дзицятухна, моё-жь любенькая!
Я-жъ цябе рожала, — умирала,
Я-жъ цябе годовала — горева́ла,
Цёмной ночки недосыпала.
А цяперь жа мнѣ некого зацѣвацъ,
Некого посылацъ.
Ты яблочко мое, сахарноё моё,
Недозрѣвши, отвалилося!
Головка моя буйненькая!
Чаго ты рано покатилась?
Во́чки мое ясненькіе!
Чаго вы рано заплющились?
Ру́чички мое бѣленькія!
Чаго вы рано сощапи́лися?
Но́жечки мое бодренькія!
Чаго вы рано подломилися?
Гостика моя любенькая!
Откуль жа мнѣ цябе дожидацъ?
Зъ якія дорожки?
Чаму ты со мною не вита́ишься?
Чаму ты со мною не прощаишся?
Чаму ты со мною не гово́ришь?
Откуль мнѣ цябе дожидатца?
Зъ якія дорожки и зъ якого боку?
Служечка моя любенькая!
На што-шъ ты меня покинула?
Кого-жъ мнѣ цяперь зацѣвацъ [1]), —
Моё горе помогацъ?
Выйду я на вулицу, погляжу —
Людскія конюхи вядуцъ,
Рави́шницы гонюцъ,
А я бѣдная, слезми обливаюсь,
Чужому уклоняюсь,
Што некого мнѣ зацѣвацъ.

---

[1]) Зацѣвацъ — понуждать къ чему, заставить что-либо дѣлать. Слов. Носовича. *Ш.*

Бывало-жъ я выйду на жниво ў поле,
Сама стану жаць, а ты коло мяне,
А у вечера ты мнѣ и снопóчки поносишь,
А я-жъ цяперь одинокая:
Мое и снопочки непоношенные.

Зап. голеневскимъ волостнымъ писаремъ Рославцевымъ.

37.

Той же губ., Горецкаго уѣзда, Городищенской волости.

«А дочýшичка мыя́ родныя,
Съ кимъ жа ты мяне пыкидáишь?
А на тябе мыя̀ вся надéждычка была.
А дочýшичка ты мыя, а хто-жъ мнѣ будить помогати?
У людей дочки растуть и красуютца,
А ты мыя́ дочушичка и ни напотѣшиши,—
Якъ ты мяне прежды пытишáла».

38.

«А мыя́ ты дочýшичка,
Съ кимъ ты мяне пыкидаишь?
А лучши-бъ ты мяне прибрала,
Чимь *прибрамъ* [1]) я тябе,
Дождала я слуги, сама што пожить,
А тяперь остаюсь одна,
Съ кимъ ты мяне пыкидáишь?
А вси твои дорожички и стежички, идѣ ты ходила,
Я слезками оболлю.
Хто мяне тяперь пирямѣнить?
Хто мяне пыжалѣить?»

Обѣ зап. учит. народн. училища г. Шибановымъ.

39.

Той же губ., Климовскаго уѣзда, Роднянской волости.

Моя голубочка, моя ласточка, моя залетная!
Лябёдочка моя бѣлинькая! зязюличка моя, кукушичка!
Отъ мяне отлитаишь, а съ кѣмъ жа ты мяне покидаишъ?
А хто-жъ цяперъ нашу рáдочку порáдить?

---

[1]) Интересная форма, свидѣтельствующая о живучести въ областныхъ нарѣчіяхъ слѣдовъ *юса. Ш.*

Да годува́ла я свою дочу́шичку любую и милую,
А я ўсё думала, што моя дочушичка будить рость годъ отъ году,
Дожидала сабѣ перемѣночку—да не дождала,
Ажно моя дочу́шка мяне зрадила.
На што-жъ ты мяне покинула горькую и нисчасную?
Да и возьми-жъ ты мяне съ собою!
Ни даромъ я сягоння сонъ видѣла:
Закатилась зо́ричка ясная —
Ажно моя дочу́шка отъ мяне отказалась.
Да ти-жъ то ета думала?
Чула моя дочу́шичка, чула,
Да ни разу я на свою дочу́шку ни надѣилась.
Якъ только мое дѣточка заплачить,
Дыкъ я къ ёй бягу, ажъ спытыка́юсь,
Ни давала ей ни пи́снуть, ни ви́снуть.
Да Божа мой, Божа! огорчилась я тяперитка на вѣкъ,
Да ня увижу я своей до́чечки ни разу!
А якъ жа ина хворала, дыкъ я ей и пирогъ и яблоко давала,
И медъ въ ро́тичикъ клала, штобъ моя дочу́шка выздоровила,
А ина-жъ ничого ни брала и на тэй свѣтъ душичку отправила,
А ина-жъ то мнѣ и пряла, и ткала, и хорошо вышива́ла.

ПО ВЗРОСЛОЙ ДОЧЕРИ.

40.

Гродненской губ.

А моя-шъ ты квѣточка,
А моя-шъ ты пташечка!
Куды-шъ гэто я цябе наряжаю?
Куды-шъ гэто я цябе выпраўляю?
Ахъ ня ў церкоўку, ни подъ вѣнецъ зако́ненькій, —
Ахъ на могилочку, ў пясокъ сы́ренькій!
Ахъ хто-шъ цяперъ мнѣ защебечыць?
Ахъ хто-шъ цяперъ мяне дай поцѣ́шиць?
Хто будзиць старосьци моей пилноваци?
Хто будзиць мяне мамкой цяперь зваци?
Ахъ ци-шъ гэто табѣ першъ умираци?
Ахъ ци-шъ гэто мнѣ надо цябе ховаци?

Изъ ст. Дмитріева: «Обряды и обычаи западно-русскихъ крестьянъ» въ Памятной книжкѣ Гродненской губ. на 1869 г.

41.

Могилевской губ., Сѣн. уѣзда, Высокогородецкой волости.

Гостійки мое любые, гостійки мое милые,
Собрались вы на бесѣдуньку на моркотную.
Повалилась наша бѣла березунька,
Повалилась наша кудрявая.
Дочушка моя любая!
Што-жъ ты гето сабѣ вздумала проти зи́муньки лютыя?
Я сама нездорова, хто же платійце помыить,
Хто мое ручки отмѣнить?
Я-жъ гетого не сподѣвалася,
Я-жъ гетого не надѣялась,
Кабъ ты зробила гету перело́муньку
Противъ зимуньки студеныя,
Противъ зимуньки лютыя.
Зробилось вясельлийко не вяселое.
Дочу́шечка моя любая,
Ты-жъ еще ўсихъ товаришекъ не поотда́вала (замужъ),
И ўсихъ вясельлійковъ не отгуля́ла,
А зробила мнѣ весельлійко печальное.
Наши пѣсни не вясёлыя,
Наши гости моркотные,
А ни музы́ки не играють,
А ни дѣвочки не скачуть,
А ўся наша бесѣдунька слёзками умывается.
Перамѣночка моя милая!
Чаму-жъ ты съ товаришками
На послѣдній разъ не прощаешься?
Дѣвочки, товаришки, простите мою дочу́шечку.
Послѣднее наше прошанійко,
И послѣднее наше повиданійко.
Я-жъ думала, што ты будешь моя кукованница,
Я-жъ думала, што ты будешь моя прикопанница,
А-жъ ты моя зра́дница,
Зрядила мяне безъ по́рочки.

Зап. волостнымъ писаремъ.

ПЛАЧЪ МАТЕРИ ПО ЗАМУЖНЕЙ ДОЧКѢ.

42.

Той же губ., Горецкаго уѣзда, с. Святошицы.

А моя-жъ ты дочу́лечка! Да хто-жъ цяперъ ко мнѣ придзець? да хто-жъ мене отвѣдаець? а хто-жъ мнѣ свое горечко раскажець? а хто-жъ мене уцѣшиць? Съ кимъ жа ты своихъ дробныхъ дзѣтушекъ покинула? да ты-жъ надъ ними траслась и ихъ шкудовала. Цяперъ жа у ихъ будзець чужая матка, — не родная. Да яна-жъ имъ и ѣсьци ни дась ў пору, а яна-жъ ихъ будзець поторговаць и посморговаць.

Зап. учит. народнаго училища г. Николаевичемъ.

ПЛАЧЪ ДОЧЕРИ НЕЗАМУЖНЕЙ ПО МАТЕРИ.

43.

Минской губ., Игуменскаго уѣзда.

А моя мамочка, а моя зязю́лечка!
А на што-шъ ты мяне покинула?
Наупроци цеплаго лѣцичка?
Зязюльки закукуюць, соловейки запѣюць —
Мое мамки ня чуць будзе.
Ўсѣ людзи выйдуць на вулку,
А мое мамки ни видаць будзе.
Я-жъ тутъ буду прыглядáци:
Ци ня мамка моя идзе
Зъ якой-нибудзь дорожачки,
Зъ якой колéкъ стороночки?
А ўсё людзи ици будуць и говóрыць,
А я буду прыслухацца и прыглядацца:
Ци ня мамка моя идзе за ими?
Ци ня мамка моя ко мнѣ идзе?
Ци ни яна навча мене?
Я ничóго ня умѣю, ничого нк знаю.
Я ще нивилика, я-жъ малая, ниразумѣлая,
А кóля мене чужына, ничóму яна мене ни науча,
А мнѣ трэба ўсякого просиць, ўсякому годзи́ць.

Моя-жъ ты маточка, якая-жъ ты го́рдая.
Ци во́сяя цибе прошу, а ни якъ ни упросиць.
Чаму ты мнѣ ни одгукнесься,
Чаму ты ни обзовесься?
Чаму ты ни встаешъ,
Чаму мнѣ ничого не скажешь?
Моя маточка! нимношко-шъ табѣ госьцицъ —
Ужъ послѣдніе прощаньнейка.

Зап. учит. народнаго училища Н. Гр. Яцко.

44.

Могилевской губ., Горец. уѣзда въ районѣ Городищенск. волости.

«А матуличка мыя́ ро́днинькая!
Кому ты насъ пыкидаишь дробныхъ?
Чаму ты насъ ни пыдрастила?
А мы тяперь набяремся горя,
Всякій насъ будить бить и драть.
Чаму ты намъ пыря́дку ни дала якого,
Наша и рыдня́ потряче́тца отъ насъ.
Вси дорожички и стежички, идѣ ты ходила,
Я слезкыми оболлю!»

45.

Тамъ же.

«Мамычка мыя́ роднинькая!
Хто-жъ насъ тяперь бу́дитъ рабо́тычку учить?
Хто-жъ мяне, моя мамычка, бу́дить на путь наворачивать?
А вси-жъ, мыя́ мамычка, будутъ дѣтычки въ грудочки сыбира́тца,
А мы, мыя́ ма́тычка, будимъ слезками обливатца;
Вси-жъ дѣтычки своихъ мамычикъ сустрика́ють,
А мы своей мамычки нійдѣ ни сустрѣтимъ.
Огорчила-жъ ты насъ и ослязи́ла,
Горкія мы, мыя́ мамычка, вѣ́шныя сироты,
Ни найдемъ-жа мы тяперь своей мамычки нійдѣ.
Съ кимъ-жа ты насъ тяперь, мыя́ мамычка, покинула,
А идѣ-жъ намъ, бѣднымъ, тяперь дѣтца?»

Обѣ зап. учитель народн. учил. Шибановъ.

46.

Гродненской губ.

Ахъ моя-шъ ты зязю́лечка,
Ахъ моя-шъ ты матулечка!
Ахъ чаму-шъ ты мяне покидаешъ?
Ахъ кому-шъ ты мяне остаўляешъ?
Хто-шъ мяне цяперъ будзиць научаци?
Хто шъ цяперъ мнѣ будзиць спогадаци?
Ахъ на што-шъ ты мяне осироцила?
Ахъ я бѣдная бездомница несчаслива!

Изъ вышеназванной ст. Дмитріева.

47.

Могилевской губ., Горецкаго уѣзда, Святошицкой волости.

Моя-жъ ты матулечка!
Много-жъ будзець мнѣ матушекъ,
А ро́дная ни о́дное.
А хто-жъ мене съ подъ вѣнца встрѣциць?
Да хто-жъ мнѣ трубочки [1]) ў порядокъ привядзець?
Ди къ кому-жъ я ў госьци приду?
Да хто-жъ мене такъ ласково встрѣциць и проведзець,
Якъ не ты, моя матулечка?

Зап. учит. народнаго училища Н. Николаевичъ.

48.

Той же губ., Климовскаго уѣзда, Роднянской волости.

Маму́личка моя, голубочка моя золотая!
Маму́личка моя дорогая!
А куды-жъ ты, моя мамуличка, отъ насъ отъѣзжаешъ?
Голо́вочка моя дорогая!
А наклопоталася-жъ моя головочка и наговорилася-жъ.
Ру́чички мои миленькія, ручички мои лю́бинькія!
А наработались-жъ мои ручички,
А яны-жъ-то, бывало, мои ручички,
А яны-жъ якъ день, такъ ночь ўсё работали.

---

[1]) Трубка — свертокъ холста. *Носов.*

Нóжички мои дорогія!
Да находилися-жъ яны ўсюдыхъ,
А имъ жа то ни было спокою ни въ день, ни вь ночь.
Моя пташачка!
А ты-жъ, бывало, моя мамýничка, на мяне усéрдисься, да пожалѣишъ,
Да и яще закричишъ: «дѣлай, сукина дочка, ни-лянись,
«А то будишъ голая и нагая»; а я этому не вѣрила,
Я думала, мамочка яще со мною поживеть
Хуть годочка два-три.
Зрадила моя мамочка мяне, а зрадила моя дорогая,
Зрадница моя золотая!
А нима-шъ мое зязюлечки!

Зап. волостной писарь.

49.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Высокогородецкой волости.

Мамочка моя родная,
Жалостнúца моя!
Хто-жъ мяне такъ пожалѣеть,
Якъ ты, моя мамочка?
Не на свѣтѣ купить можно
И не на свѣтѣ нажить можно,
И нима нигдѣ той лавочки,
Што купляютъ родимыя мамочки.
Никого на свѣтѣ нима милѣй того,
Якъ родная мамочка.
Кому я такую правдочку скажу,
Якъ родной мамочкѣ?
Къ кому я тяперь пойду
И къ кому прихúнуся?
Хто-жъ мяне сустрѣкать будеть?
Хто-жъ мяне проводить будеть?
И кому-жъ я вѣрное словцо скажу?
Тяперь, мамочка, съ тобой разлучаемся,
Разлука наша дужа страшная,
И дорожка твоя невозвратная.
А што-жъ бы моя вóличка,
Я-жъ бы лутчи разлилась водúцею,
Лутчи-бъ я разсыпалась бѣлою мучúцею!
Дужа мнѣ безъ тябе будеть тóшненько

И не къ кому ходить будить.
Дорожка моя заростеть.
Все свое я отходила,
И вся я свое отгостила.
Остается тяперь только моя волыночка
И мамкина могилочка.
Приду я на твою могилочку,
И жоўтый пясочекъ со мною говорить не будеть.
Мамочка моя жалкая!
Моги́лочка моя страшная!
Гдѣ-жъ моя мамочка закрыта,
И сырой зямелькой зарыта?

Зап. волостной писарь.

ПЛАЧЪ ЗАМУЖНЕЙ ДОЧЕРИ ПО МАТЕРИ.

50.

Гродненской губ.

Ахъ моя-шъ ты матушка,
А моя-шъ ты зкзюлечка!
Чаму-шъ ты, чаму помёрла,
Свою дочку осироци́ла?
Ахъ кабъ ты вѣдала, знала,
Якая мяне доля споткала!
Ухъ ўстала-шъ бы ты, ўстала,
Ра́дыньку бы ты мнѣ бѣдной дала.
Ахъ некому-шъ мнѣ пожалѣци, —
Яй ў хаци, яй ў клѣци
Слёзками, слезами плачу,
А счасьцьца-доли дай ни бачу.
Ахъ свякроўка-шъ мяне загоня́иць,
Николи мнѣ не спогада́иць,
Ласковаго слоўца не промовиць,
Ўсюды тольки гониць да гониць,
Плакаць по табѣ ни позволя́иць;
Ахъ хоць добро зробила — ўсё хаиць.
Чаму-шъ ты со мною да не погукаишъ?
Своей дочки да не распытаишъ?
Якъ живець да горуиць,
Якъ жа ночуиць, якъ днюиць?

Ахъ цяженько-шъ мнѣ, цяженько,
Ахъ трудненько мнѣ. трудненько
Ў чужой хаци жици,
У чужой матульки быци!

Изъ вышеозначен. стат. Дмитріева въ Памятн. кн. Гродненской губ. на 1869 г.

ЗАМУЖНЯЯ ДОЧЬ ПО МАТЕРИ:

51.

Могилевской губ., Сѣн. уѣзда, Высокогородецкой волости.

Маму́личка моя родная, жалостни́ца моя!
Вѣрная сустрѣканница моя прихильная,
Проводница моя щирая!
Хто-жъ мяне такъ сустрѣнить,
Хто-жъ мяне такъ проведець,
Якъ моя мамуличка, якъ ты моя ро́дная?
Хто-жъ у мяне о здоровьи попытаеть,
Хто-жъ про мою худобуньку провѣдаеть,
Хто-жъ про мойго неудалицу (мужа неудавшагося) такъ распросить,
Якъ ты моя мамуличка, якъ ты моя родная?
Хто-жъ по мойму гору такъ попечалится,
Хто-жъ моей добротѣ такъ урадуется,
Якъ ты моя мату́личка, якъ ты моя родная?
Къ кому я такъ пойду, кому щирую пра́вдоньку скажу,
Якъ ни тобѣ моя милая, якъ ни тобѣ моя родная?
А теперь, моя мамуличка, ўсе-жъ мое минуется:
Не къ кому мнѣ придти,
Не къ кому мнѣ щирой правды сказать,
Не къ кому мнѣ прихинуться,
Не къ кому мнѣ пригорнуться!
Мнѣ, бывало, ўсё мило,
Мнѣ, бывало, ўсё любо,
Якъ была моя мамуличка,
Якъ жила моя кукуличка.
Тяперь мы съ тобою ўсё перегу́кали
И ўсё перегомонили.
Теперь же мы разлучаемся разлукою вѣчною.

Зап. волостнымъ писаремъ.

52.

Той же губ. и уѣзда, Пустынской волости.

Маму́личка-жъ моя ро́дненькая,
Якъ жа ты мяне молоденькую оставила,
А якъ жа я тяперь буду разставаться,
А якъ жа я буду размышляться?
А я-жъ и молодая, и дурная, и неразумная,
А я-жъ ужо чужій поро́жекъ переступила,
А я-жъ ўсимъ нагодилася и наровилася,
Бяри-жъ ты луччи мяне ужо съ собой;
Ничимсе мнѣ горе горевати.
А маму́личка-жъ ты моя родная!
Ти мои-жъ слёзы Богу потѣшныя,
Што яны мою маму́личку отобрали?
Хоть ба-жъ я и горатная была у тябе,
Хоть ба-жъ я къ табѣ переходила,
Жуду, бяду́ подяли́ла.
Головочка-жъ моя буйная!
А зараненько-жъ ты склонилась,
А во́чечки-жъ мои яркія!
Зараненько вы зачинились.
А ру́ченьки-жъ мои бѣлыя!
Зараненько-жъ вы сосчапились.
А ножечки мои бордзыя!
Зараненько вы подломились.
А словечки мои вѣрныя,
А словечки мои щирыя!
А ти я свою мамуличку чимъ угняви́ла?
А я-жъ къ ей пришла бливю́сенько,
А я-жъ говорю зъ ей вярню́сенько,
И йна мнѣ ничого ни отвѣчаить.
А ти я тябе тымъ угнявила,
Што я къ табѣ частенько заходила?
Што я тебѣ частенько постельки не перестилала?
А моя маму́личка ро́дненькая!
А ти я-жъ тябе тымъ угняви́ла,
Што я табѣ частинько питки не давала?
А ти табѣ сянни полигчало?

А ни болять твои, мамочка, сянни грудочки,
А ни болять, моя мамочка, сянни плéчечки?
Ти табѣ-жъ сягодни полéгчало?
Ти табѣ-жъ сянни полѣпшило?
А пчелочка моя дорогая!
Куды-жъ ты ранинько полятѣ́ла?
Ти ты ў яровое пóличко, ти ты ў житовóе?
Откуль жа мнѣ тябе дожидати?
Откуль жа мнѣ тябе позирати?
Ти ты ранною зарей ўскинешься, ти ты позднею?
А маму́личка-жъ ты моя родная!
Ти ты ко мнѣ жаркимъ солненькомъ ускóтишься?
Ти ты ко мнѣ яснымъ мѣсяцемъ?
Ти ты, моя мамуличка, дробными звѣздами?
Ти мнѣ-жъ тябе по говóрунцѣ спознавати,
Ти мнѣ-жъ тябе по похóдунцѣ узнавати?
А словечки мои вѣрныя,
Ничого-жъ ты, моя мамуличка, ня слухаешь,
А я-жъ у тябе пытаюся щиру́сенько,
А я-жъ при табѣ стою близюсенько,
Чимъ жа я тябе, мáмочка, угняви́ла?

Зап. пустынскій волостной писарь Еліашевичъ.

53

Той же губ., Горецкаго уѣзда, Святошицкой волости.

Моя-жъ ты матулечка?
Къ кому-жъ я цеперь приду?
Зъ кимъ я порáдуюсь [1])?
Хто-жъ мнѣ цеперецьки вѣрное слово скажець?
Моя-жъ ты мату́лечка!
Цяперъ жа и дорожки позаростуць,
Якими я къ табѣ ходзила.
Да мнѣ цяперъ нихто и обѣдаць не дась.
Да хто-жъ цяперъ сустрѣнець?
Да хто-жъ моихъ дзѣтухноў поняньчиць?

---

[1]) Совѣтъ буду держать, съ кѣмъ посовѣтуюсь? *Ш.*

А хто-жъ мойго супостата[1]) цеперъ уймець,
Якъ ёнъ разгуляецца?
Цеперъ жа я и по подстрѣшейнамъ поночу́юса,
А дзѣточки зъ подпечи не будуць вылѣзаць.

Зап. учителемъ народнаго училища Н. Николаевичемъ.

ДОЧЬ ПО МАТЕРИ (УТРОМЪ):

54.

Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, Высоцкой волости.

Здоровь ты, моя маму́личка?
Што-жъ ты сягодня заспалася?
Не бу́дзишъ ты насъ, на работу не посылаешъ?

(ВЕЧЕРОМЪ):

55.

Моя-шъ ты маму́личка!
Куды-шъ собираешся
Процивъ но́ченьки, процивъ тцемныя,
Процивъ зимухны холодныя?
А моя-жъ ты мамуличка!
Ты-жъ боялась у насъ дужа холоду,
А тцяперь ничѣмъ ни жалишся,
Тцяперь тцибѣ тцепло стало.
Хто-жъ будзець безъ тцебѣ про насъ думаць?
Хто-жъ будзець безъ тцебе мнѣ ку́блечки соружаць?
Знаць мы тцебѣ, моя мамуличка, не вмѣли наровиць,
Вѣрно вгнѣвили, да не вноровили.

Зап. волостнымъ писаремъ Козловскимъ.

ДОЧЬ НЕДОРОСТОКЪ ПО МАТЕРИ.

56.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Пустынской волости.

Маму́личка моя ро́дненькая,
А куды-жъ ты выряжаешься?

---

[1]) Т. е. мужа. *Ш.*

А съ кимъ жа мяне покидаешь?
А я-жъ остаюся вѣчною сиротою,
Зъ мяне-жъ тяперь ўсякій надругается,
А я-жъ буду, мамка, и корявая, и дзерявая,
Я-жъ буду и го́лая, и голодная,
А мнѣ-жъ не къ кому прихинутца,
У мяне-жъ нима и тату́лички, и маму́лички.
Зъ которыя-жъ мнѣ стороночки позирать тябе,
Откуль жа ты ўсходить будишь ко мнѣ.
Ти ты-жъ ко мнѣ птушечкой ўзлятишь?
Ти ты-жъ ко мнѣ козя́вочкой ўсповзешь?
А по чимъ же тябе, моя мамка, узнавать?
Ти мнѣ-жъ тябе по похо́дунцѣ,
Ти мнѣ-жъ тябе по гово́рунцѣ спознавать?
А я-жъ буду, моя мамка, по вулицы гулять,
А я буду къ чужимъ мамкамъ признаватца.
Маму́личка моя родненькая!
Проси, моя мамка, Господа Бога,
Бяри, моя мамка, мяне съ собою,
А мнѣ-жъ тутъ дужа тошненько,
А я-жъ тутъ осталася, якъ шѣрая зязюлька,
Зъ мяне, мамка, ўсякій надругвется.

Зап. пустынскій волостной писарь Еліашевичъ.

ДѢТИ ПО МАТЕРИ.

57.

Той же губ. и уѣзда, въ районѣ Бобрской волости.

А маму́личка наша,
А зязю́личка ты наша!
А кому ты насъ покидаишъ?
Ты насъ, маленькихъ глядзѣла,
Ты насъ, маленькихъ, доглида́ла.
Мы у цябе годовалися,
И ничего ни знали, ни вѣдали,
А всѣ мы были хоро́шенькія,
И сдѣлу́хи, и работницы.
А цяперь ўсякому мы будзимъ —

И вялики, и гультайки, и нпзнайки.
А чужая мамка насъ ни доглядзпць,
И нашаго горя и работки ня будзиць видзиць,
Мы яе зыгнаны будзимъ.

Записана волостнымъ писаремъ.

58.

Той-же губ., Гомельскаго уѣзда, Красна-Будской волости.

Моя ма́мочка, голубочка!
Голубочка моя сызокрылая!
Мамочка моя дорогая,
Зязю́лечка моя лясова́я!
Да куда-жъ ты, моя ма́мочка, отъ насъ улята́ешь?
На кого ты, моя мамочка, насъ покидаешь?
Горе намъ, моя мамочка, безъ тябе будя:
Не будуть насъ кормить чужіе люди!
Куда намъ тяперь дѣватись?
Приходитца изъ хаты убиратись!
Горя ня будя нашему батьку:
Ёнъ во́зьмя сабѣ другую мамку!
Мамка ета насъ будя бити,
А мы будемъ по табѣ голоси́ти!
Вишинька наша, ты красна!
Покинула своихъ дѣтокъ напрасна.
О Боже мой милый!
Якъ намъ, моя мамка, проводить тябе до могилы,
А мы тяперь — горькія сироты — и слабы и хилы.
Нема у насъ той бодрости, потерялисы наши силы.
Пташечка наша малиновка!
Пташечка наша жавраночка!
Ты всегда намъ рано пѣ̀ла,
Загадывала намъ и дѣла.
А тяперь мы не будемъ знати,
Якую намъ работу начати,
Намъ тяперь ни шити, ни мыти,
А при́дитца милостины просити,
Подарить — малэ хто пода́ра, —
А по шеѣ всякій вда́ра.

Записана волостнымъ писаремъ В. К. Лебедевымъ.

ДОЧЬ ЗАМУЖНЯЯ ПО ОТЦѢ.

59.

Минской губ., Игум. уѣзда.

Мой та́тка, мой ро́дненькій,
Хъ кому-жъ мнѣ цеперъ ходзиць?
А дорошка моя цеперъ доўгая;
Лѣсомъ иду — татку гукаю,
Нидзѣ-шъ яго недогука́юсе.
Татка мой родненькій,
Моя-шъ цеперь дорошка заросьце е́льничкомъ,
Николя я табѣ ни дойду...
Мой татка родненькій!
Свя́цце [1]) прыдзе, а я буду глядзѣць:
Откуль мой татка будзе ици ко мнѣ ў госьци?
Зязюлька закукуе, а я слухаю, ўсе думаю:
Што мой татка ко мнѣ идзе.
Соловейки защебечуць и я ўсѐ прислухаю и думаю:
Што мой татка родненькій ко мнѣ идзе.
Выйду я на улицу, ўсе мужчыны ходзюць,
А мойго татки нема.
Нихто ни запытаицца:
Якъ ты моя дочу́шка жывешь тутъ?

Зап. учит. народнаго учил. Н. Гр. Яцко.

ДОЧЬ НЕЗАМУЖНЯЯ ПО ОТЦѢ.

60.

Той же губ., Климовичскаго уѣзда, Роднянской волости.

Тату́личка мой, голубчикъ мой ро́днинькій!
Татуличка мой роднинькій и любинькій!
Собрався-жъ ты, мой татуличка ў вяликую дорогу.
А кому-жъ ты, мой татуличка, своихъ дѣточекъ покидаешъ?
Ру́чички мои любыя и милыя,
Ручички мои дорогія, ручички мои золотыя!

---

[1]) Праздникъ.

А наработалися-жъ вы, ру́чички!
Но́жички мои дорогія!
А находилися-жъ етыя ножички ўсюдыхъ.
Отъижаишъ ты отъ насъ,
А тяперь жа мы съ тобою ня увидимся ни разу.
А приляти-жъ ты къ намъ хуть пту́шичкою.
Кому-жъ ты мине, таточка, покидаешь?
А тяперь я горькая и нисчасная сиротина;
А некуды-жъ мнѣ своей голо́вачки прихинути.
Куды ни пойду, ўсюдыхъ чужія люди будуть
Мой жа ты таточка, возьми-жъ ты мяне съ собою!

Зап. волостнымъ писаремъ.

61.

Той же губ., Черик. уѣзда, Комаровской волости.

Куды ты мой таточка-соловеичка отлитаешъ?
На кого мяне, сироцинку, покидаешъ?
Къ кому схилю я свою одзинокую,
Бѣднаю, сироцѣлую головухну?
Хто пожалѣиць, обласкаиць
Нисчасную сиротухну прегорькую?
Ни бачиць цябе боли, мой ты та́точка,
Придзитца гориваць, якъ тэй пташачки,
Кидатца по свѣту бѣлыму,
Шукаць щасьця, доли обыдзенныя.
Закацилися яны горьки ясныя,
Ли мяне сироты нисчасныя.
Вярнися, вярнися, милый таточка!
Пожалѣй мяне бѣдную сироциночку,
Лянь на мяне, бяздольную,
Якъ я слизами обливаюся,
На судьбину свою нарикаючи.
Асли [1]) одзинъ Богъ змилуитца,
Покажиць куды сироци́нки приту́литца.

Зап. волостнымъ писаремъ.

62.

Той же губ., Оршанскаго уѣзда, Высоцк. волости.

А мой ты татуличка!
Съ кимъ ты нас покидаешь?
А мы-жъ дробныя, неразумныя,

---

[1]) Если.

А наша хаточка развалитца.
А хто безъ цебе будзецъ объ насъ клопотацъ?
(Если есть братъ, то обращаясь къ нему, говоритъ).

63.

Мой татуличка, мой ты ро́дненькій!
Знаць угнѣвили мы свойго татуличку,
Людзямъ жа будзець пра́зничекъ веселый,
А намъ жа, сироцинкамъ, слезливый.
Мы-жъ горькіе, мы-жъ бѣдные!
Будуць людзи въ празникъ на улицѣ сидзѣць,
А мы-жъ будземъ свойго татуличку гукаць, гукаць,
Да нигдзѣ не догукаемся.

Зап. волостнымъ писаремъ Козловскимъ.

ПЛАЧЪ ДОЧЕРИ ПО ОТЦѢ (ОСЕНЬЮ).

64.

Минской губ., Игуменскаго уѣзда.

А мой жэ ты таточка, а мой жэ ты зезюлёкъ,
А мой жэ ты голубокъ, а мой жэ родненькій!
На што-шь ты насъ покидаешь?
А насъ жэ туть будуць биць, нихто не пожалѣе.
Ўсѣ пту́шачки у вырай поляцѣли,
И ты ў слѣдъ за ими.

ОНА ЖЕ (ВЕСНОЮ).

65.

А мой жэ ты таточка, ай мой жэ ты зезюлёкъ,
А мой жэ ты голубокъ, а мой жэ ты ро́дненькій!
Ўсѣ пту́шачки изъ вырья ляцяць,
А ты, мой таточка ў вырэй ляцишь.
Якъ ўсё пту́шачки будуць изъ вырья ляцѣць,
Я буду пилноваци, съ которой стороны мой таточка будзе исьци.
Ўсѣ птушачки пераляцѣли, — я глядзѣла...
Мойго таточки нигдзѣ ни видно.
А мой жэ ты, та́точка, мой жэ родненькій!
А мой жэ ты голубокъ, а мой жэ ты зезюлёкъ, мой ты кукулёкъ!

А къ кому я тутъ прихинуся?
На што-жъ ты насъ тутъ покидаешь?
Чаму ты насъ съ собой ни забираешь?
Насъ ты годоваў, годоваў да й покинуў.

(ОБРАЩАЯСЬ КО ГРОБУ).

66.

Збудова́ли табѣ, мой таточка, новую хаточку хорошенькую,
Только цѐсьненькую, невидьненькую, да холодненькую.
А мой жэ ты таточка, мой жэ ты родненькій, мой жэ ты голубокъ!
Збудовали-жъ табѣ хаточку безъ сѣнячакъ, безъ оконочакъ, —
А никого табѣ видно не будзе, никого бачиць не будзешь.

(КОГДА КЛАДУТЪ ВЪ ГРОБЪ).

67.

Пошоў мой таточка ў свою хаточу, ў новенькую
А хто-жъ цибе тамъ разбудзе?
Хто-жъ табѣ ону́чачки посушыць?
Да хто табѣ ихъ подась?
Хто-жъ табѣ посьцельку посьцели?

(ЕСЛИ ПОКОЙНИКЪ ПРИ ЖИЗНИ БЫЛЪ НЕРЯШЛИВЪ, ХОДИЛЪ ВЪ ГРЯЗНОМЪ И ДЫРЯВОМЪ ПЛАТЬѢ).

68.

А мой жэ ты таточка, а мой жэ ты родненькій! и т. д.
Чаму-жъ ты ходзіў тутъ каравый и дыравый,
А ў далёкую дорожэньку такъ хорошэнько прыбраўсе?

(ЕСЛИ ЖЕ НАОБОРОТЪ ПОКОЙНИКЪ ПРИ ЖИЗНИ ЛЮБИЛЪ ОДѢВАТЬСЯ ПОЧИЩЕ).

69.

А мой жэ ты таточка, а мой жэ ты родненькій! и т. д.
Якъ жа тамъ будзишъ ходзиць: ци каравый, ци дзиравый,
Ци такую одзѐжиньку будзишь носиць, якъ тутъ носіў?
А тутъ жэ ты ни ходзіў абы якой надзѣць.
А мой жэ ты таточка, а мой жэ ты родненькій и т. д.

Куды жъ ты идзешь, якой дорóжачкой? ў якую сторóночку?
А дзѣ-жь мнѣ цибе шукаць? съ котораго боку мнѣ цибе гукаць?

(НА КЛАДБИЩѢ).

70.

А мой жэ ты тáточка, а мой жэ ты родненькій! и т. д.
Якая-жъ твоя ямочка глыбокая!
А табѣ-жъ будзе тутъ цѣ́сьненько и невидненько.
Засыплюць жэ цебе жоўценькимъ песочкомъ...
А мой жэ ты, тáточка, а мой жэ ты родненькій! и т. д.
А прыду-жъ я домоў, погляджу я ў куточакъ,
Дзѣ мой таточка сядзѣў,
Дзѣ-жъ ёнъ дзѣўсе одъ насъ? а ёнъ жэ насъ покинуў!
Цяперъ татки у насъ немáшки, а яго-жъ ни видьненько тамъ.
Мой братка, мой родненькій! Не забывайся на насъ!
А мы цяперъ бѣдные си́роты засталисе!...

Зап. учит. народн. учил. Н. Гр. Яцко.

ДѢТИ ПО ОТЦѢ (ВО ВРЕМЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА).

71.

Гродн. губ. и уѣзда, с. Лаша.

А мой милю́сеньки, а мой роднюсеньки!
А на што ты насъ покинуў,
А цебе, якъ ты самъ казаў, татко да мамко
Маленькаго кинули.
Да табѣ было вельми трудненько на свѣци жици,
Да не было кому цебе глядзѣци,
Да цебе надто ўсѣ крыўдзили?
Да треба было для пáна пáнщину одбыци,
Да ў дома ўсенко зробици,
Да голодными рóками хлѣба прыкупици, —
Але трудно было скуль ўзяци,
Да треба было на шію свою набраци,
Да придумаць, да пригадаци,
Якъ пóтымъ гроши и *квоту* [1]) заплацици.

---

[1]) Проценты.

Да зноў, ты казаў, якъ выросъ, да ожаніўся,
Да зноў жиць пусціўся,
Матка, было, идзе съ серпомъ, а ты до дня съ косою.
Да ты казаў, што вельми быў ледáшты.
Окóманъ [1]) да за якое глупство
Заразъ зачне голови́ци, да ў морду бици.
Да ты быў ни піўши, ни ѣўши цѣлы дзень,
Да придзешь до дому голодны, якъ собака,
Да ужъ было табѣ не до яды́,
Але хоць хучей дзѣ кольвекъ голову привернуци,
А на заўтра треба было ўстаци,
Да работу ў руки ўзяци,
Да за своею господаркою треба было глядзѣци.
Да якъ табѣ Богъ даў дзѣци,
То и не было кому глядзѣци.
Да мы, якъ щаня́та, валилиса подъ плотомъ.
Да болозей што дзенекъ проживешь,
Да ты зъ мацерью зъ двора придзешь
Одъ окомана зъ крыўдзины:
Да кабъ ему руки позолоцѣли
Да по локоць одлецѣли,
А мы были аще маленькіе,
Да бульбы вамъ накопаемъ и зваримъ... и проч.

Зап. псаломщ. И. А. Карскимъ.

72.

Тамъ же.

А мой ты татулечка, а мой ты родненькій!
А якъ ты насъ покидаешь несчасныхъ и бѣдныхъ сирóточакъ?
Якъ ты жыў, то ты за насъ, бѣдныхъ, заступаўся, да за насъ занимаўса,
А хто цеперъ за насъ, бѣдныхъ сироточакъ, займéтца да заступитца?
Охъ! да каждый насъ цеперъ обрéша да осміе.
Да мы при табѣ жадыхъ николи недостаткоў не бачили.
Бывало якъ голодны годъ ты идзешъ до пана хлѣба просици,
А коль панъ не дасць, то ты кóника, альбо вóлика продаси

[1]) Перестановка слова: «окономъ» т. е. экономъ, управитель, управляющій. *Ш.*

И жи́тка купишь, альбо у жида пожи́чишъ,
А по́тымъ, бывало, отдаси ему гроши и кво́ту
Да цеперъ не будзе кому насъ годоваци да спогадаци.

(Вносятъ гробъ и плачъ усиливается).

Да вотъ принесли табѣ хату цёмную, безъ оконъ, безъ дзверей зроблёну,
Никуль поглядзѣци на своихъ дзѣтокъ моло́дзинькихъ, да табѣ дороге́нькихъ.
Да попроси ты Пана Бога и Матки Боской,
Кабъ насъ, бѣдныхъ, гэтта (здѣсь) хова́ли, а одъ лихихъ людзей охраняли,
Да своею ласкою святою опековали.
Да попроси ты сусѣдоў добрыхъ людзей, кабъ насъ не крыўдзили,
Да не глумилися надъ нами, сиротками, и пр.

(При входѣ брата съ женой умершаго.)

Да мой татулечку, да мой соколику! стань да поглядзи:
Хто до цебе прышоў? твой братъ роднюсеньки зъ дзядзиной.
Да нашъ дзяцька милю́сеньки! да попроси ты его,
Кабъ ёнъ нами опековаўса да ўсюды заступаўса да надъ нами спогаць (пощаду) мѣў.

(При входѣ священника):

Опошни [1]) разокъ прышоў ксёндзъ до цебе ў хату помолитца,
Да цебе до церкви святой довесци, да на вѣчносьць цебе оддаци и проч.

(Падая въ ноги священнику):

А мой ты ксенджульку, а мой ты добродзѣю!
Помолицеся за нашаго тату́лечка, да за нашаго милю́сенькаго.

Въ отдаленныя отъ церкви деревни вмѣсто священника, приглашается, причетникъ, который сопровождаетъ покойника до церкви. При входѣ причетника въ домъ умершаго, плачущія обращаются къ нему, цѣлуя у него руки и называя его *мосьць*, если онъ женатъ, если же нѣтъ, то: «паничу»:

Помолиса его мосцю́лечку за нашаго татулечка, да за нашаго роднюсенькаго и пр.

Зап. псаломщикомъ И. О. Карскимъ.

---

[1]) Послѣдній.

73.

Могил. губ., Горецкаго уѣзда, Городищенск. волости.

А тату́личка ты мой милинькій!
Куды-жъ ета ты отъѣжаешь,
А съ кимъ-жа ты насъ покидаишь?
А та́тычка, а сизинькій, а милинькій! —
Дай я табѣ хоть ў ручку пыцалую».
А татуличка мой родниникій,
На што ты насъ пыкидавъ,
А чаму-жъ ты пырядку намъ пидавъ? —
Лучши-бъ ты съ собою насъ узявъ,
Чимъ горевать насъ пыкидавъ!

Зап. волостнымъ писаремъ.

74.

Той-же губ., Горецкаго уѣзда, Святошичкой волости.

А мой жа ты тату́лячка!
Да куды-жъ ты собраўся ици?
А мой жа ты татулячка!
Цяперъ жа за насъ, сиротъ, не кому и заступицца,
Цяперъ жа насъ всяки будзець торгаць и смѣяцца,
А ты за насъ и словца никому не зюкаешъ.
А мой жа ты татулячка!
Цяперъ жа никто ни приголубиць, ни приласкаець такъ,
Якъ ты, нашъ тату́лячка!
Цяперъ жа мы вѣчныя сироты, горкія сироты.

Зап. учит. Народн. училища Н. Ѳ. Николаевичемъ.

75.

Той-же губ. Гомельскаго уѣзда, Красно-Будской вол.

Таточка, мой голубчикъ,
Голубчикъ ты мой сизый!
Куда ета ты, мой таточка, улята́ешь,
На кого ты насъ покидаешь?
Остаетца матка вдовою, —
Мы будемъ хитать по міру головою!
Тяперь намъ при́дитца милостины просити,

До ма́тцы кусочки носити!
Соколикъ ты нашъ ясный,
Работникъ былъ на полѣ прекрасный!
Работникъ ты былъ и въ домѣ,
Не видать намъ тябе болѣ!
Та́точка нашъ солове́ичка!
Куда-жъ ты отъ насъ улятаешь,
На кого ты насъ, своихъ сиротъ, покидаешь?

Зап. волостнымъ писаремъ В. К. Лебедевымъ.

76.

Той же губ., Сѣннинск. уѣзда, Высокогородецкой волости.

Тату́личка мой родненькій,
Куда же гето ты прибраўся,
Ў якую староночку, ў якую дороженьку?
Пора́дничекъ ты мой милый!
Порай ты мнѣ пора́дуньку,
Съ кимъ мнѣ тяперь порадиться
И у кого праўдочку попытаться?
Якъ мнѣ жить тяперь на свѣти безъ своего тату́лички,
Безъ своего пора́дничка?
Соколикъ мой ясненькій!
Лябедька мой бѣленькій!
Отлетаешь ты далеко,
Вѣкъ съ тобою не увидиться.
Солнце мое ненаглядное!
Я-жъ на тябе ни наглядѣлася
И ўсю праўдуньку не допытала.
Ани у мяне мамуньки,
Ани у мяне татуньки,
Ни у мяне питоманной хатуньки.
Я-жъ еще не ў разумѣ,
Я-жъ еще недорослая и ни ў якимъ способѣ.
Головка моя бѣдная, сиротунька я вѣчная!
Къ кому тяперь прихинуся,
Къ кому тяперь пригорнуся?
Людци будуць съ дороги татокъ сустрѣкать,
А я-жъ тябе не сустрѣну и съ тобою не увижуся.

Послѣднее наше съ тобой повиданійко,
Вѣчное мое горeваніійко.
Треба мнѣ по людяхъ ходить
И людцкимъ таткамъ годить,
Ў концы стола настояться,
У ўсимъ татуньки не подаваться.
Прогомонила я съ тобой ўвесь дянёчекъ,
А ты мнѣ словцемъ не сказаўся.
Што-жъ стаў ты такій гордый,
Што-жъ стаў ты такій пышный,
Што ты мнѣ и словца не промовишь.
Ци ты-жъ на мяне усердився?
Витца, я тябе доглидала
И питуньки подавала,
И ѣстуньки подносила,
И у Бога здоровійка тобѣ просила.
Прости мой тату́личка, прости мой ро́дненькій!
Сусѣдьки мое родные,
Сусѣдьки мое милые,
Срубите мойму татуличку домочекъ веселенькій,
Кабъ ёнъ быў роско́шненькій,
Просѣчите ў имъ воконочко,
Кабъ ёнъ одтуль могъ глядѣти
На мяне, бѣдную сироти́ночку.
Послѣднее наше повиданійко,
Послѣднее наше цалованійко!

Зап. волостн. писаремъ.

ДѢТИ МАЛОЛѢТНІЯ ПО ОТЦѢ.

77.

Той же губ. и уѣзда, Пустынской волости.

А таточка-жъ мой родненькій,
А зъ кимъ жа ты мяне покидаешь,
А я-жъ малая и неразумная,
А я-жъ вѣчная сироточка,
А мяне ўсякій натурхаетць,
А мяне ўсякій напихаетць,
Волосочковъ моихъ нарве́тца,
Личенька мойго набье́тца,

А я-жъ много напьюся,
А я-жъ много наѣмся,
А я-жъ рубашечекъ много носить буду,
А я-жъ маленька, неразумненькая,
А хто-жъ мяне будеть кукобить?
А тяперь жа ўсѣ козя́вочки выползають.
Ўсѣ мурашечки вылетають,
А мой татуличка ня будить,
А мнѣ не зъ кимъ выходить;
Зязюлички куковать будуть,
Солове́ички щебетать будуть—
А мой татуличка не коня будить.
Зрубили-жъ табѣ святёлочку тёмную,
Тёмную безъ вокошечка
А ни тямне́нько-жъ табѣ будить?
А ни бѣдне́нько табѣ будить?
Откуль тябе тутъ погляда́ти:
А зъ которыя сторо́ночки,
А зъ которыя доро́жачки?
А ти зоречкуй ўско́тишься?
А ти мѣсяцомъ ко мнѣ ўзойдешь?
Отлитаешь отъ мяне таточка,
Якъ пташечка отъ дробныхъ дѣточекъ.

78.

Тамъ же.

Куды-жъ ты, мой таточка, выряжаешься,
Откуль жа мнѣ тябе ожидать?
А ты-жъ поѣдешь ў доўгую дороженьку;
Заработковъ мнѣ твоихъ ня видѣть;
Мнѣ и корысти изъ нихъ ня имѣть.
А тяперь жа, таточка, якъ жа мнѣ съ тобой разставатца?
Откуль жа мнѣ тябе дожидатца?
А мнѣ-жъ бизъ тябе, мой таточка, ду́жо-жъ будить тошно,
Дужо-жъ моркотненько будеть.
А ты-жъ своихъ дѣточекъ кидаешь;
А хто-жъ ихъ будеть годовать?
А у ихъ жа роднаго таточки нимашъ,
А у ихъ жа дужо-жъ много тяперь будить батекъ,
Дужо много загадниковъ,

А некому-жъ будеть ихъ пожалѣть.
Можеть жа яны будуть подъ угольчикомъ ночевать,
Можеть жа яны будуть и оборваные, и обшарпаные,
А некому-жъ ихъ будеть пожалѣти,
А некому жа ихъ будеть словцо закинуть,
А дужо-жъ ены будуть горáтненькіе.

Обѣ зап. пустынскій волостной писарь Еліашевичъ.

ПО ДѢДУШКѢ.

79.

Той же губ., Рогачевскаго уѣзда (ни волости, ни деревни не показано).

Дзѣдка мой, голубóчикъ мой!
А хто-жъ мнѣ тяперь лаптяйки спляте?
А хто мнѣ тяперь обóрочки совье?
А хто-жъ мнѣ тяперь ворóшокъ пиравѣя?
Тяпелца доглéдзя ў гумнѣ?
Хто-жъ мнѣ тяперь мятéлочку звяжа?
А тяперь намъ съ тобой, дзѣдка, боли ни убачитца.
Ўсё ты мнѣ, дзѣдка, отказавъ;
Нахожуся босая и гóлая,
Не кому мнѣ бизъ цебя, дзѣдка, ни сплесьць, ни звиць.

ПО БАБУШКѢ.

80.

Тамъ же.

Бабка мòя, зязюлька моя!
Хоць ба ты ў запѐчку посядзѣла,
Дзицятки мойго поглядзѣла.
Хоць ба ты яго поняньчила,
Хоць ба ты яго поколыхáла.
А цяперь некому яго поглядзѣць,
Некому яго поколыхаць.
А якъ ты была, моя бабочка:
Куды я ни пойду, мой дворокъ бывъ завѣдумомъ.
Мое дзѣтки были приглéжаны.
А цяперъ нима моей бабочки;

Некому мнѣ скоцинку загнаць,
Некому мнѣ дзицятки поколыхаць.

Обѣ зап. волостнымъ писаремъ (имени и фамиліи въ рукописи не обозначено).

СЕСТРА ПО БРАТѢ.

81.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Пустынской волости.

А братýличка-жъ ты мой!
А гуляеть жа твоя кровáточка.
А братýличка-жъ ты мой!
А игдѣ-жъ мы будимъ тябе находить?
А братуличка-жъ мой,
А ты-жъ у насъ тяперь гостійка.
А братýличка-жъ ты мой!
Ты ужо ў гостійки выряжаешься,
А заранійко-жъ ты прибираешься.
Братуличка-жъ ты мой!
А твой жа татуличка старенькій.
Братуличка ты мой!
А мы-жъ думали, что ты татýличку поховáишь.
Братуличка ты мой!
А тябе-жъ татуличка сховавъ.
Братуличка-жъ ты мой!
А ёнъ жа тяперь старенькій и горечко горюеть.
Братуличка-жъ ты мой!
А мы-жъ думали, што ты мамýличку сховаишь;
Братуличка-жъ ты мой!
А мамулька тябе сховала,
А йна-жъ гóрочко горюить.
Братуличка-жъ ты мой!
Сынýличка-жъ твой, гýкавъ табѣ «тáточкой»,
А тяперь кого таточкой гукать будеть?
А братуличка-жъ ты мой!
А у яго жъ таточки тяперь ня будить,
А нихто-жъ яго не пожалѣеть.
А братецъ жа ты мой!
А яго-жъ тяперь ўсякій будить бить,
Ёнъ жа тяперь сироточко маленькое.

А у твоей жа жаны мужъ будить,
А у яго татулички ня будить.
А тяперь жа мой братуличка,
Твои и коники стоять такъ,
А тяперь жа мой братуличка,
Ўсю работочку твою видимъ;
А тябе только ня видимъ,
А тяперь жа, мой братуличка,
Мы твой хлѣбецъ ядимъ,
А коли-жъ мы свой заработаемъ?
А тяперь жа, братуличка,
И уго́льчики гуляють, и по́жнечки гуляють,
А мой братуличка, тябе не видать.
Тяперь жа, мой братуличка, у всихъ ёсь братцы,
А у насъ, мой братуличка, нима́шатки.
А братуличка-жъ мой родненькій!
И дѣ-жъ мы будимъ тебе шукать тяперь?
А мы-жъ, братуличка, дужо-жъ маленькія еще.
А тяперь жа, мой братуличка,
Ўси сястрицы къ тябѣ собралися,
А ты-жъ никого къ сабѣ ни гукаешь.
А ты-жъ, мой братуличка!
Якъ придуть къ табѣ людцы, усихъ сажаешь,
А тяперь ўсю лавочку занявъ,
Нико́го ни пускаишь.

Зап. волостнымъ писаремъ Еліашевичемъ.

82.

Той-же губ., Оршанскаго уѣзда.

А мой же ты голубчикъ!
Не захоцѣвъ же ты зъ нами и зъ татулькой жиць;
А тамъ же хто тцебе будзець женпць?
Хто объ тцебѣ будзець хлопотаць?
Зрадникъ же ты мой братецъ!
Зрадивъ ты намъ раду [1]) нехорошую,
Свойму татуличкѣ и мамуличкѣ.

---

[1]) *Радой* называется дѣвичникъ передъ свадьбой. *К.*

А тцеперь же ты, мой братецъ, собравъ свадзебку невеселую,
У тцебѣ-жъ нима ни сватциковъ, ни подбратциковъ,
А ни скры́почекъ и ни ду́дачекъ.
Проси-жъ свойго татуличку,
Кабъ осѣдлавъ ёнъ тцебѣ коника воро́нелькаго,
Кабъ выправивъ ёнъ тцебѣ въ дороженьку невеселую.

Зап. волостнымъ писаремъ Козловскимъ.

83.

Той же губ., Горецкаго уѣзда, Городищенской волости.

Бра́хнійка мой ро́днинькій!
Съ которыя намъ тябе доро́жички дыжидатца?
А ета-жъ доро́жичка довгая и нивяселая.
Здѣлывъ-жа ты намъ бясѣдычку нивяселую.
Вси лю́дюхны будуть висяли́тца,
А мы будимь слёзками обливатца.
Якъ жа намъ тяперь за работычку братца?
Отбилися мы отъ всяго и отлучилися.
Куды-жъ ты, мой брахнійка, надумывся?
Якъ-жа намъ тяперь, мой брахнійка, забытца?

Зап. учитель народнаго училища Щибановъ. Сообщ. директоромъ народн. учил. Могил. губ. А. Н. Поповымъ.

СЕСТРА ПО СЕСТРѢ.

84.

Той же губ., Быховскаго уѣзда, Пропойской волости.

Моя-жъ сестрицка, моя миленькая!
Якъ намъ зъ тобой разставаться?
Идѣ намъ зъ тобой сустрѣкаться?
Ўлюди сястра съ сястрой сойдутся,
Сястра зъ сястрой поговорить,—
А и съ кимъ жа мнѣ, сястрицка родная?

СЕСТРА ПО СЕСТРѢ, ОСТАВИВШЕЙ ДѢТЕЙ.

85.

Сястрицка моя миленькая,
На што-жъ ты дзѣтокъ покинула,

Настрадаются яны по свѣту ходючи,
Свою матку шукáючи.

Зап. волостнымъ писаремъ.

НЕВѢСТКА ПО СВЕКРУ:

86.

Той же губ., Горецкаго уѣзда, Городищенской волости.

«А мой ты тáтухна, на што ты насъ пыкидаишь?
Ты старый чиловѣкъ бывъ, все намъ лучши было.
Чаму ты моихъ дѐтухнывъ ни пыдростивъ?
Чаму-жъ ты намъ пыря́дку ни давъ?»

87.

«Ахъ мой ты татычка, хто-жъ наша будить приглидать ўсе?
А хто-жъ нашихъ дѣтычикъ и хызяйства приглѐдить?
Мы на работычку пойдемъ, а ты жъ намъ, бувало, все приглядишь.
Мы жъ съ работычки при́димъ, дыкъ у насъ усе готовыя».

НЕВѢСТКА ПО СВЕКРОВИ:

88.

Тамъ-же.

«Мыя́ ты мáтухна, на што ты насъ пыкидáишь? —
Моихъ-жа ты дѣтычикъ ни пыдростила,
Чаму ты намъ пырядку ни дала якаго?»

89.

«А матуличка мыя, а съ кимъ ты мяне пыкидаишь?
А хто моихъ дѣтычикъ бу́дить водити?
А ты-жъ, бувала, якъ родная матка, ихъ прикукóбишь,
А тяперь хто ихъ будить такъ забавляти, якъ ты ихъ забавляла?
А яны-жъ пы табѣ тяперь будуть скучати».

Зап. учитель народн. учил. Шибановъ.

ПО ТЕТКѢ.

90.

Той же губ., Сѣн. уѣзда, Пустынской волости.

А тяту́личка-жъ моя, а зязюличка моя!
А тёточка-жъ моя лебедочка!

А куды-жъ ты выправляешься?
Куды-жъ ты раненько выражаешься?
Не ўсю-жъ ты свою роди́ночку пособрала,
Ни послала-жъ ты сколи́ночку
По свою родную роди́ночку.
А тёточка моя зязюличка!
А нима-шъ жа ўсихъ твоихъ пляменничковъ,
А не́кому-жъ табѣ щебетати.
А тёточка-жъ моя зязюличка!
А покинула-жъ ты своихъ дѣточекъ дробныхъ,
А хто-жъ ихъ будить годовать?
А нимашь жа у ихъ таточки ро́днаго.
Тятуличка-жъ моя, зязюличка-жъ моя!
А яны-жъ ўси дробненьки и неразумненьки,
А некому-жъ ихъ будить годовать,
А ихъ жа будуть людцы забиждати,
А некому ихъ будить предостерегати.
Много будить зага́дниковъ —
А хто-жъ жа будить порядочекъ имъ показывать?
Хто зъ ими будить распоражаться?
А хто имъ будить путь показывать?
Ани во́дному ты порядокъ ни дала.
Хто имъ будить порядокъ давать?
Ни во́дному-жъ ты порядку не дала.
А тёточка-жъ моя, зязюличка!
А якъ же ты будишь тамъ привыкать?
А не болять жа сягодни твои ру́чечки, ноженьки,
А никого-жъ ты къ сабѣ ни гукаешь,—
Чимъ жа мы тябе угняви́ли?...

Зап. волостнымъ писаремъ Еліашевичемъ.

ПО ЧУЖЕСТРАНЦѢ.

91.

Той же губ., и уѣзда, Высокогородецкой волости.

Подоро́жничекъ чужестранный!
Ты-жъ намъ невѣдомый!
Некому тябе пожалѣть,
Некому по тобѣ поплакать,

Нéкому слёзуньки уронить.
Накажи ў свою сторóночку своимъ рóдненькимъ:
Може у тябе ёсь родный татка?
Може у тябе ёсь родна мамка?
Може у тябе ёсь родный братецъ,
Ти сестрица? нихай бы яны довѣдались,
Нихай бы яны твои кóсточки прикопали,
Нихай бы тябе приплакали.
А то-жъ лежишь якъ явочка,
Нѣтъ вѣрнаго человѣчка.
Може у тябе ёсь жóночка?
Може ена тобѣ вѣрная?
Ена-бъ по табѣ поплакала,
И всимъ нужду разсказала.
Може у тябе ёсь дѣтуньки?
Яны-жъ ничего не знаютъ,
Што сустрѣла тябе несчастная минуточка,
Повалила люта смертунька.

Зап. волостнымъ писаремъ.

92.

Тамъ же.

Што-жъ чужестранничекъ?
Ти у тябе ни было родной мамочки?
Ти у тябе не было таточки?
Ти ты отъ камушка откатіўся,
А не отъ родной мамки родіўся?
Ти знаеть твоя родимая мамочка,
Што ты, бѣдный человѣчекъ,
На чужей стороночкѣ положивъ свою головочку?
Кабъ у тябе родная мамочка,
Ена-бъ твое тѣло пріодѣла
И головку прикуковала,
И ўсѣ сестрицы собрались бы,
И ўсѣ по тобѣ покуковали-бъ.
А на чужей стороночкѣ сырая зямéлька прикопаеть,
На чужей стороночкѣ и жоўтые песочки засыпють,
А бѣла березунька пошумить по тобѣ,
Пошумить по тобѣ, на чужей сторонѣ.

Зап. волостнымъ писаремъ.

ДОПОЛНЕНІЕ къ стр. 652.

ЖЕНА, ОСТАВШАЯСЯ СЪ СИРОТАМИ, ПО МУЖѢ.

93.

Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, Кохановской волости.

А мой жа ты гылубо́чикъ сизинькій!
Соколо́чикъ жа ты мой ясьнинькій!
Куды-жъ ты отъ мяне далёко отлитаишь?
Ны кого-жъ ты мяне съ дробными дзѣтками пыкидаишь?
А ты-жъ у мяне бывъ ўся рада и пыра́дычка.
Чимъ жа я цябе, мое́ дырогоя, пригняви́ла?
А дзѣтухны-жъ мое́ дробныя!
Къ кому-жъ мы цяперь прихине́мся и пригорнемся?
А хто-жъ объ насъ поду́мыиць и пыгыда́иць?
Усякій жа цяперь ныдъ нами ныдруга́ицца и нысмяе́цца,
Якъ зы насъ цяперь не́ кыму заступацца.

БЫВШАЯ НЕ ВЪ ЛАДАХЪ СЪ МУЖЕМЪ-ПЬЯНИЦЕЮ.

94.

А мой жа ты гыспыдарёчикъ!
На што-жъ ты мяне съ дробными дзѣтками пыкидаешь,
Я-жъ ужо и такъ зы тобою ныгырева́лыся,
Ни знала-жъ я ни будня дня и ни праздника,
Съ тобою-жъ я ани въ пиръ, ани въ бясѣдычку.
Бывало-жъ я и збита и зжурина,
А цяперь жа мнѣ было горя дый погорша.
Ўсю силычку я пытра́цила и працухны приняла.
А чаго-жъ я ня выжила? только ўсё свое до́брыньныя пытра́цила.
А цяперь одзинешенька зъ дробными дзѣтками,
И го́линькыми, и бо́синькыми я зыста́лыся.
Ни́машь у мяне ни хлѣба ни крошечки, ни мучи́цы ни щапо́точки,—
Якъ-жа цяперь свою головычку прылажу?
И идзѣ-жъ я зъ дробными дзѣтками подзѣнуся?
Чимъ жа цябе пыху́вую и пумяну́?

Обѣ зап. волостной писарь Шамовскій.

ПРИМѢЧАНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ стр. 2. *Куницу мирыць* или *годзиць* во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи называется заявленіе, дѣлаемое священнику, касательно согласія брачующихся на вступленіе въ бракъ. Куницу мирить пріѣзжаетъ къ священнику или сватъ жениха или кто нибудь изъ его родителей, а иногда и самъ женихъ. Бываетъ и такъ, что всѣ поименованныя лица разомъ являются къ священнику и, во всякомъ случаѣ, не съ пустыми руками. Это-то именно приношеніе вмѣстѣ съ заявленіемъ и называется *куницу мирить.* При рѣшеніи вопроса объ имѣющемъ совершиться бракѣ *мирить куницу* играетъ не маловажную роль. «Ище Богъ знаиць, якъ придзецца *куницу мирыць*», говорятъ старики и вообще заинтересованные предстоящимъ бракомъ. «Ужу *хула*[1]) табѣ Господзи, *куницу помирили*, и запывидзи пошла». говорятъ другіе. «Хто ихъ знаиць, запоины были, а куницу ня мирыць», говорятъ третьи. Нужно замѣтить, что выраженіе *куницу мирить* можно слышать только на окраинахъ Витебскаго у., пограничныхъ съ Смоленской и Могилевскою губерніями, и притомъ въ уголкѣ, сравнительно небольшомъ Въ томъ же Витебскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Велижскимъ, Невельскимъ и другими уѣздами названной губерніи это выраженіе измѣняется такъ: *попа мирить*, хотя и сохраняетъ одинъ и тотъ же смыслъ. Видимую трудность выполненія факта, теперь выражаемаго словами *куницу мирить*, составляло въ дни оны то обстоятельство, что предметъ такой высокой важности, какъ бракъ, могъ состояться только тогда, когда панъ изречетъ свое «позволямъ». Не малая трата «добра» и не короткій срокъ требовались каждый разъ для того, чтобы, такъ или иначе, получить многозначительное «позволямъ». Стоитъ вспомнить, что многіе помѣщики дѣлали распоряженіе, чтобы брачныя дѣла крестьянъ устраивались только съ ихъ вѣдома, а, какъ извѣстно, многіе изъ такихъ законодателей часто проживали далеко отъ своихъ имѣній.

По сообщенію Н. Я. Никифоровскаго.

Куницей — во время крѣпостнаго права назывался выкупъ за жену, если вольный человѣкъ покупалъ ее себѣ у помѣщика или же крѣпостной у другаго помѣщика. Деньги, которыя они платили за дѣвку, и назывались *куница.* Кромѣ того и теперь еще куницей называется плата какъ деньгами, такъ и работой священнику за вѣнецъ. Такъ и теперь еще говорятъ: сваты пошли къ священнику *куницу годзиць.*

Зап. А. Фр. Лисовской.

Къ стр. 392—393, 426.

Столбовая или зачинальная свадебная пѣсня была и есть, какъ видно изъ собранныхъ доселѣ ея варіантовъ, существенной принадлежностью свадебнаго ритуала у бѣлоруссовъ губерній Витебской, Тверской (Ржевск. у.), Псковской (Великол. у.) и въ особенности Смоленской. Въ послѣдней она и сохранилась полнѣе и имѣетъ обширнѣйшее распростране-

---

[1]) Т. е. хвала.

ніе, чѣмъ въ какой-либо изъ остальныхъ, сейчасъ названныхъ губерній. Къ этому нужно прибавить, что ни въ другихъ губерніяхъ района бѣлорусскаго населенія, ни въ Великой и Малой Руси объ этой пѣснѣ и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать въ напечатанныхъ доселѣ сборникахъ народнаго творчества.

По богослужебному своему характеру и по торжественной драматической обстановкѣ, при которой она исполняется, столбовая пѣсня рельефно выдается изъ всего обширнаго цикла свадебныхъ обрядовыхъ пѣсенъ. Пѣть ее можетъ только мужчина и то не всякій, а только избранный, ревностный хранитель завѣтной прадѣдовской старины.

Во всѣхъ почти варіантахъ этой замѣчательной молитвенной пѣсни мы встрѣчаемъ, кромѣ обращенія къ Богу, Спасителю, Божьей Матери и святымъ угодникамъ, непремѣнно воззваніе къ святымъ Косьмѣ и Даміану (Кузьмѣ и Демьяну), которое заурядъ сливаетъ эти два имени въ одно, или же обращаетъ второе въ отчественное къ первому, считая его (на основаніи созвучія) *ковачемъ* и закрѣпителемъ брачнаго союза. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской губерніи эта пѣсня такъ прямо и называется *Кузьмою*:

Ты, Святый Боже, Кузьма Демьянъ
Приходзи на свадзьбу къ намъ
Со своею кузенькькой
Ты скуй намъ свадьзебку
Крѣпко, крѣпко на крѣпко. (См. выше стр. 393).
или:
Святый Кузьма-Демьянъ!
Скуй намъ свадьзебку
Свадьзебку крѣпкую,
Долговѣчную,
На вѣки не разлушную. (Стр. 459).

Въ иныхъ уѣздахъ Витебской губ. возсѣдающій, по вызову, у печнаго столба, вмѣсто пѣсни произноситъ заученную рѣчь (въ прозаической формѣ) того же содержанія, что и въ пѣснѣ. И по тождеству склада и близкому сходству оборотовъ рѣчи въ той и другой формѣ, нужно полагать, что въ обоихъ видахъ онѣ ведутъ свое начало отъ весьма древняго книжнаго общаго источника. Быть можетъ новѣйшимъ собирателямъ посчастливится напасть на его слѣдъ. Во всякомъ случаѣ намъ думается, что столбовая пѣсня заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія какъ ученыхъ этнографовъ, такъ въ особенности мѣстныхъ наблюдателей бытовой жизни народа въ провинціи. Наша пѣсня подъ названіемъ *рада* впервые стала извѣстна въ нашей этнографической литературѣ только въ концѣ 40-ыхъ годовъ изъ книги Терещенки «Бытъ русскаго народа», которая въ настоящее время становится уже почти библіографической рѣдкостью. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ какъ самую пѣсню, такъ и описаніе обстановки, при которой она исполняется.

При описаніи свадьбы въ Смоленской губ. во II-ой ч. названнаго сочине-

нія (стр. 447—448), перечисляя свадебные чины, авторъ сообщаетъ о запѣвалѣ слѣдующее.

«Но есть еще довольно замѣчательное, или лучше сказать важное лицо, — это *запѣвало*, который поетъ молодымъ, сидя на столбѣ... При отправленіи жениха въ домъ невѣсты, является въ избу запѣвало. Всѣ умолкаютъ. Женихъ, бывшій доселѣ въ числѣ шумныхъ гостей, садится тогда скромно за столъ на кутѣ; по правую руку жениха садится подженишникъ, а по лѣвую руку сватьи, отецъ посаженный и всѣ *поѣзжанные*. Запѣвало кладетъ предъ иконами земной поклонъ, произнося: «Николай пророкъ, Илья мученикъ и Пилипъ золотозубый и всѣ святые святители, молодого князя благословители, благословите на столбъ сѣсть, пѣсню спѣть, молодого князя овѣнчать». Потомъ обращается по очереди къ родному отцу жениха и посаженному, свату, дружкѣ и всему поѣзду и говоритъ: «Отецъ родитель! отецъ благословитель! Сватóкъ соколóкъ! швыдко-леталъ, ты молодому князю княгиню сыскалъ. Дружекъ молодчикъ, люди добрые, гостики заѣзжіе»! — и послѣ каждаго вызова повторяетъ: «благословите на столбъ сѣсть, благословите раду спѣть. Ему отвѣчаютъ: «Богъ благословитъ и мы благословляемъ». — «А Пречистая давно благословила» прибавляетъ отъ себя запѣвало: «какъ народила, такъ и благословила и долю показала». Обращаясь къ посѣтителямъ, не участвующимъ въ поѣздѣ, запѣвало говоритъ: мужички-колосовички, молоди́цы-бѣлоголовицы и дѣвушки-красноперушки, благословитце на столбъ сѣстць, благословитце раду спѣтць». Ему отвѣчаютъ прежнимъ благословеніемъ. Онъ кланяется святымъ иконамъ, но уже безъ всякаго причитанія, садится на столбъ и поетъ:

Около двора, около Агафоныча,
Пролегало тамъ три ступеньки,
Что ли торныя дороженьки,—
Какъ по первой ли по стеженькѣ,
По той ли торной дороженькѣ,
Тамъ шелъ самъ Іисусъ Христосъ,
Со всѣми со Апостолами.
По второй ли по стеженькѣ,
По той ли торной дороженькѣ,
Тамъ шла Матць пречистая.
Какъ по третьей ли по стеженькѣ,
По той ли торной дороженькѣ,
Тамъ шелъ самъ Кузьма Демьянъ,—
На свадьбу на Агафоныча.
Ты святой ли Козьма Демьянъ,
Да Козьма ли ты Демьяновичъ!
Да ты скуй ли-ка намъ свадзебку,
Вѣковѣчную неразрывную.

По окончаніи пѣсни подаютъ запѣвалѣ бутылку вина и пирогъ, и въ это время обводятъ жениха съ его поѣздомъ три раза вокругъ стола,—

послѣ усаживаютъ его въ прежнемъ порядкѣ. — Запѣвало, не сходя съ своего мѣста, посылаетъ каждому гостю по порядку, начиная съ жениха, рюмку вина и кусокъ пирога».

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ КОРОВАЙНЫМЪ ОБРЯДАМЪ.

Гродненской губ., Слонимск. у., Ружинской волости, деревни Верчицъ. Окрестности ея: Вороииловичи, Островокъ и Новосады.

Приготовленіе коровая сопровождается въ этой мѣстности слѣдующими суевѣрными пріемами и обрядами:

1. Хозяинъ того дома, гдѣ предстоитъ празднованіе свадьбы, еще за нѣсколько дней до этого хлопочетъ о томъ, чтобы добыть гдѣ-нибудь чистыхъ, безъ всякихъ плевелъ зеренъ, въ знакъ того, чтобы души жениха и невѣсты остались непорочными на всю жизнь. Зерна эти должны быть непремѣнно сырыя, ибо сухія, по повѣрью крестьянъ, означаютъ какой либо тѣлесный недостатокъ жениха или невѣсты.

2. Зерна эти хозяинъ свадьбы всыпаетъ въ чистый, незапятнанный мѣшокъ, дабы совѣсть брачующихся была непорочна. Завязать мѣшокъ этотъ слѣдуетъ самой крѣпкой проволокой, для того, чтобы жизнь молодыхъ была неразлучна до самой ихъ смерти.

3. Когда эти зерна повезутъ на мельницу, то ихъ непремѣнно нужно класть на повозку, наполненную сѣномъ, соломой, либо хворостомъ, въ знакъ того, чтобы Богъ далъ жениху и невѣстѣ больше богатство послѣ свадьбы.

4. Отправляться на мельницу нужно въ пятницу, или среду. Эти дни недѣли считаются у нашихъ крестьянъ самыми счастливыми.

5. Везти эти зерна на мельницу долженъ человѣкъ не пьющій, дабы женихъ или невѣста не были пьяницами. Съ мельникомъ этотъ человѣкъ долженъ торговаться до послѣдней возможности, въ знакъ того, чтобы молодые вели предстоящее имъ хозяйство бережливо.

6. Муку не слѣдуетъ выбрать всю изъ того ящика, въ который она сыплется изъ подъ жернова, ибо голый ящикъ предвѣщаетъ нищету вступающимъ въ бракъ.

7. Къ печенію коровая приступаютъ только по отъѣздѣ жениха и невѣсты къ вѣнцу. Тогда хозяинъ свадьбы приглашаетъ къ себѣ въ домъ въ распорядительницы опытную въ этомъ дѣлѣ женщину и поручаетъ ей вести весь обрядъ печенія коровая. Ей придается въ помощь еще нѣсколько женщинъ, тоже приглашенныхъ, которыя подъ ея руководствомъ, послѣ разныхъ церемоній, приступаютъ къ дѣлу. Хотя при входѣ въ домъ хозяина свадьбы старшая коровайница находитъ все нужное для изготовленія коровая, но, по ея мнѣнію, какъ-то не въ надлежащемъ видѣ. Подойдя къ кадкѣ съ тѣстомъ, она громогласно испрашиваетъ у хозяина позволенія приступить къ закваскѣ коровая. Позволеніе это она получаетъ только послѣ трехкратнаго его повторенія. Тогда, разостлавши среди комнаты

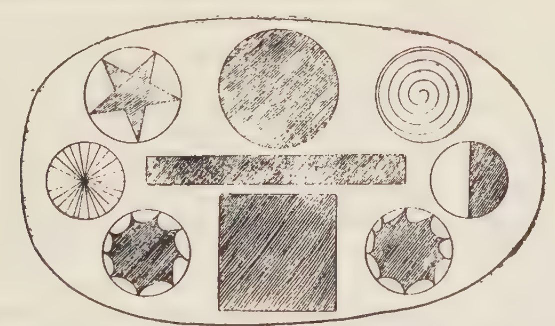
скатерть, она кладетъ на нее ковригу чернаго хлѣба, полушубокъ и накрываетъ все это рѣшетомъ,—въ предзнаменованіе того, чтобы Богъ уродилъ ленъ, хлѣбъ и размножилъ овецъ и другихъ домашнихъ животныхъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту. Заквасивши коровай, старшая коровайница садится отдыхать. Между тѣмъ приходятъ другія коровайницы съ разными приношеніями; кто съ хлѣбомъ, кто съ саломъ, кто съ крупой, словомъ — кто съ чѣмъ можетъ, въ знакъ того, чтобы жениху съ невѣстой со всѣхъ сторонъ шла прибыль. Когда младшихъ коровайницъ наберется человѣкъ шесть, или 12, то старшая коровайница проситъ у хозяина позволенія мѣсить *даръ Божій* (т. е. коровай). Хозяинъ на это обыкновенно отвѣчаетъ: «позволяець Богъ, и мы позволяемъ. Тогда старшая коровайница открываетъ кадку, сыплетъ туда муку и начинаетъ мѣсить; помощницы же ея въ это время моются и переодѣваются. Кончивши свой туалетъ, онѣ приступаютъ къ тому же дѣлу, при пѣніи слѣдующей пѣсни:

Сѣдзиць мѣсяцъ на дворѣ,
Гиблюць коровай на столѣ —
Бѣлыми рученьками,
Золотыми персьценками и т. д.

Остальныя присутствующія въ домѣ женщины поютъ:

Коровайницы нѣмы
Ўсё цѣсто поѣли:
Хто въ ротъ, кто въ кишеню,
Дзѣцямъ на вячеру.

Коровайницы въ отвѣтъ на это запѣваютъ такую пѣсню, въ которой онѣ себя оправдываютъ. Затѣмъ онѣ другой пѣсней выпрашиваютъ себѣ угощенія, послѣ чего опять принимаются за работу, которая на этотъ разъ состоитъ въ дѣланіи различныхъ фигуръ. Старшая коровайница беретъ нѣсколько большихъ комковъ тѣста и раздаетъ ихъ своимъ помощницамъ для приготовленія изъ нихъ кругло-продолговатыхъ хлѣбовъ. Затѣмъ изъ кусковъ тѣста меньшихъ размѣровъ онѣ, по указанію старшей же коровайницы, выдѣлываютъ солнце, луну, звѣзды и т. п.



Когда всѣ фигуры готовы, старшая коровайница беретъ ихъ, поправляетъ и насаживаетъ на ковригу коровая. Потомъ она сама или кто-

нибудь изъ ея пособницъ выметаетъ печь, достаютъ большую лопату, такую, на которой могъ бы помѣститься одинъ круглопродолговатый коровай, который не прежде посадятъ на нее, пока не обсыплютъ ее довольно густо овсомъ и хмѣлемъ. Сажаетъ же въ печь коровай мальчикъ, лѣтъ 12 или 15, послѣ чего лопату забрасываютъ на крышу хаты. Почему это дѣлаютъ? крестьяне объяснить не могутъ. Затѣмъ коровайницы, помывши руки, садятся за столъ и начинаютъ пить, ѣсть и веселиться. Другія присутствующія тутъ женщины поютъ въ это время пѣсенку, которою онѣ напоминаютъ коровайницамъ объ исполненіи ихъ обязанностей. Услышавши эту пѣсенку, коровайницы оставляютъ обѣдать, встаютъ изъ за стола и начинаютъ смотрѣть за короваемъ и приготовляться ко встрѣчѣ невѣсты съ женихомъ. Нужно замѣтить еще и то, что пока коровай не испечется, коровайницы не пустятъ въ домъ ни жениха, ни невѣсты. По испеченіи же коровая, коровайницы выносятъ его въ кладовую (въ клѣть), гдѣ онъ и остается до тѣхъ поръ, пока не пріѣдутъ отъ вѣнца молодые. По пріѣздѣ же послѣднихъ, ихъ тотчасъ накормятъ завтракомъ, послѣ котораго наступаетъ та торжественная минута коровайнаго обряда, которой всѣ участвующіе въ свадебномъ празднествѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. Всѣ свадебные чины отправляются съ музыкой въ клѣть, берутъ коровай и несутъ его въ хату, гдѣ происходитъ свадьба. Тамъ сватъ отрѣзываетъ отъ него два большихъ куска, изъ коихъ одинъ подаетъ отцу невѣсты или жениха, который тутъ же даритъ чѣмъ-нибудь молодыхъ, или обѣщается это сдѣлать впослѣдствіи, а другой подноситъ матери жениха, которая поступаетъ такимъ же образомъ, какъ и отецъ. Остальную же часть коровая сватъ разрѣзываетъ на весьма маленькія части, которыя и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ, причемъ проситъ ихъ обдарить чѣмъ нибудь вступившихъ въ брачный союзъ. Оставшуюся же нерозданную часть коровая сватъ уноситъ въ клѣть. Впрочемъ по числу гостей коровая никогда не доставало бы, если бы только сватъ не принималъ противъ этого мѣръ. Почему требуется, чтобы не весь коровай былъ съѣденъ на свадьбѣ— этого никто объяснить мнѣ не могъ.

Изъ записи восп. Несвижск. учит. семинаріи А. Юнаша.

Сообщ. учит. этой же сем. П. Гр. Бывальковичемъ.

Къ стр. 361. Описаніе фигуръ на короваѣ, такъ ясно указывающее на живучесть сохранившихся почти до нашихъ дней слѣдовъ фаллическаго культа въ свадебныхъ обрядахъ бѣлоруссовъ, не могло не направить мое вниманіе на посильное разысканіе такихъ же или, по крайней мѣрѣ, аналогичныхъ слѣдовъ среди бѣлорусскаго населенія и другихъ мѣстностей Сѣверо-Западнаго края. Зимою 1878 года, во время краткаго моего пребыванія въ Минскѣ, я прочелъ упомянутое описаніе многоуважаемому учителю тамошней гимназіи, извѣстному филологу, Н. И. Андерсону и онъ заинтересовался его содержаніемъ не менѣе меня. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по моемъ отъѣздѣ изъ Минска я получилъ отъ него письмо съ нелишеннымъ интереса сообщеніемъ новыхъ данныхъ касательно этого вопроса. Считаю вполнѣ умѣстнымъ привести его здѣсь цѣликомъ къ свѣдѣнію ученыхъ этнографовъ и мо-

лодыхъ, болѣе насъ счастливыхъ собирателей памятниковъ бытовой жизни и поэзіи бѣлоруссовъ:

«Что касается до фаллическаго культа, то только недавно мнѣ удалось записать нѣсколько скудныхъ замѣтокъ, которыя вамъ и сообщаю. Мой довѣритель не могъ, къ сожалѣнію, припомнить пѣсенъ, сопровождавшихъ наблюдавшійся имъ обрядъ. У него въ памяти остался только припѣвъ къ одной изъ нихъ:

Чи ты бачимъ мядзвѣдзей?
Чи по нашему...?

Пѣсня, къ которой относится этотъ припѣвъ, содержитъ, по его словамъ, курьезное приключеніе медвѣдя, который, принявъ пчелиный улей за свою самку, долженъ былъ поплатиться непріяными послѣдствіями своего недоразумѣнія. Эта пѣсня пѣлась впрочемъ не во время исполненія обряда, но до или послѣ него. Самый же обрядъ, который мой довѣритель, близкій мнѣ человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія, наблюдалъ во время свадьбы въ Березинской волости Борисовскаго уѣзда, гдѣ онъ служилъ акцизнымъ чиновникомъ, состоитъ въ слѣдующемъ: Когда молодые послѣ вѣнца пріѣзжаютъ въ домъ родителей молодого, на дворѣ передъ клѣтью растилаютъ кусокъ холста, а въ дверяхъ самой клѣти ставятъ соломенную куклу, одѣтую въ свитку бѣлаго холста, какую обыкновенно крестьяне носятъ въ этой мѣстности, и снабженную фаллусомъ. Послѣдній сдѣланъ изъ свеклы и двухъ маленькихъ брюквъ, прикрѣпленныхъ къ надлежащимъ мѣстамъ. Молодая выступаетъ впередъ, развязываетъ поясъ и подходитъ къ куклѣ. Если она еще невинна, то проходитъ туда по холсту, въ противномъ же случаѣ, она не смѣетъ это сдѣлать. Впрочемъ на этотъ счетъ не очень-то строго смотрятъ. Затѣмъ она набрасываетъ свой поясъ на фаллусъ и выдергиваетъ его. Этотъ обрядъ символически указываетъ на то, что жена имѣетъ исключительное право на фаллусъ. Послѣ описаннаго обряда молодыхъ вводятъ въ хату и вскорѣ затѣмъ ихъ уводятъ спать въ клѣть».— Замѣчательное сходство съ этимъ обрядомъ имѣетъ обычай, приведенный акдемикомъ А. Н. Веселовскимъ въ своемъ отчетѣ о 22 присужденіи наградъ гр. Уварова, (Зап. И. А. Н. т. 37, стр. 225—6.)... «въ Гоа (и у Нарсинговъ въ Гайдерабадѣ) когда дѣвушка готовится быть женою, ее ведутъ торжественно, при звукахъ музыки, въ пагоду, къ идолу, вооруженному фаллусомъ, изъ слоновой кости. Дѣвушку подводятъ къ идолу, родные и друзья окружаютъ ее, тѣсня ее къ фаллусу, не смотря на ея вопли, усиленно заглушаемые музыкой; они продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не лишится своей невинности, послѣ чего невѣста передается ликующему жениху».—

Ср. также въ соч. академика Видемана «Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten S. P. 1876, стр. 321—22.

Къ стр. 535—7. Дополненіе г. Котляра къ описанію погребальныхъ обрядовъ въ м. Негнѣвичахъ.

«Въ отсутствіе священника читаются и поются преимущественно польскія молитвы, которыя впрочемъ, по мѣрѣ распространенія между

крестьянами грамотности, уступаютъ мѣсто славянскимъ. Похоронные и поминальные обряды у крестьянъ католиковъ ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же у крестьянъ православныхъ.

Причитанія и плачи во время похоронъ всегда почти однообразны и выражаются приблизительно въ такой формѣ:

(Причитаніе матери надъ сыномъ)

Муой сынокъ, *муой* голубокъ!
Я цябе родзила, я цябе годовала,
На цябе вся была моя надзѣя.
На кого ты мяне остаўляешъ?
Хто мою старосьць приглѐдзиць?
Хто мое косточки прихорониць?

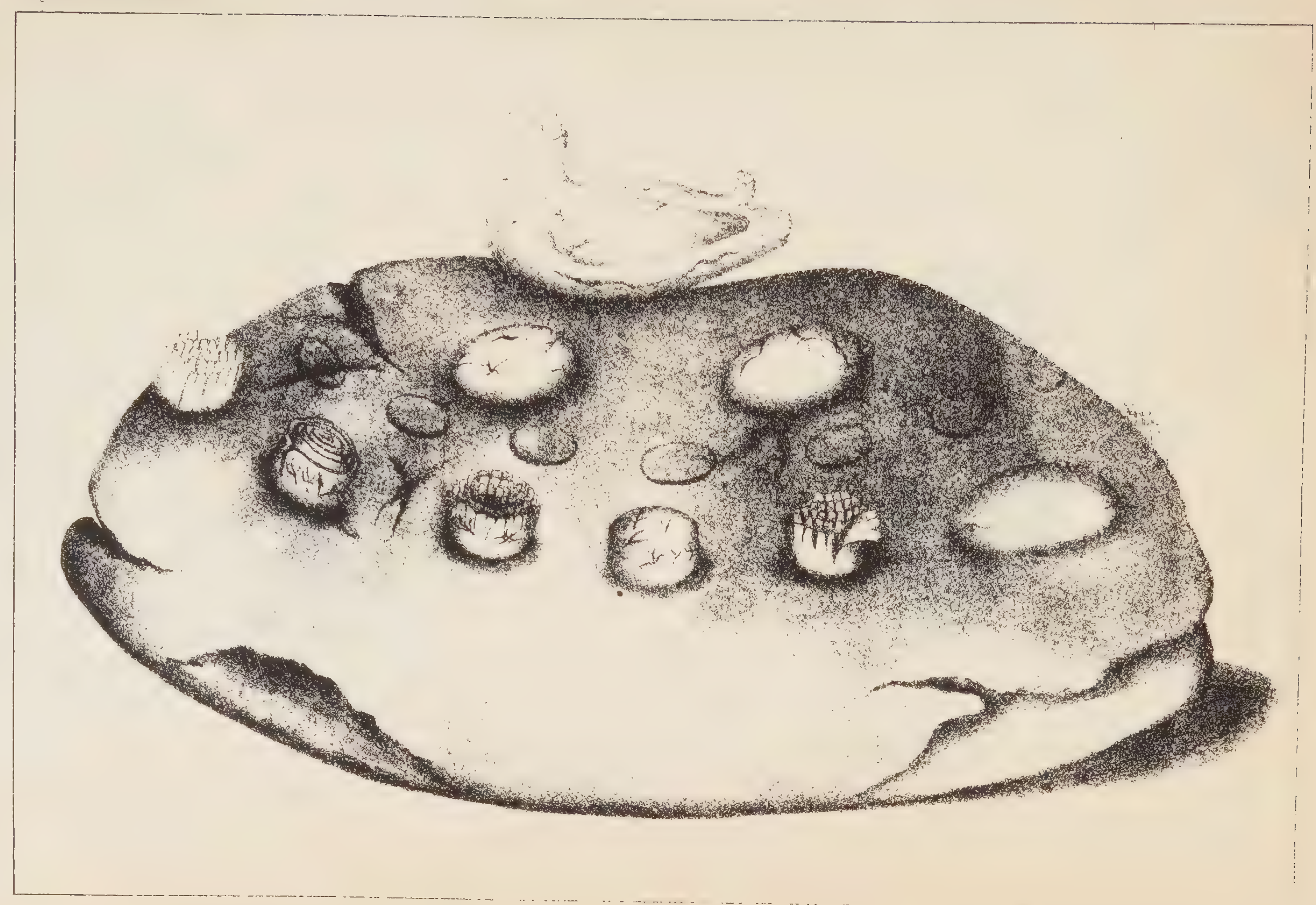
Въ такомъ же родѣ продолжаются какъ это, такъ и другія причитанія, видоизмѣняя только выраженія, а мысль основная остается вся таже. Такъ напримѣръ въ причитаніяхъ жены по мужѣ высказывается то безпомощное положеніе, которое ожидаетъ ее въ будущемъ; дочь въ своихъ голошеніяхъ по матери выражаетъ ту мысль, что со смертью родительницы она лишилась всѣхъ надеждъ на болѣе или менѣе приглядное будущее, т. е., что она можетъ быть осмѣяна и поругана злыми языками, что не будетъ кому ее «приласкаць и приголубиць, сказаць, што яна добрая *рабуотница* и *сердобуольная* въ доми помуошница».

РИСУНКИ КОРОВАЯ ИЗЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНОСТЕЙ

МИНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

№ 1. Изъ м. Холопеничъ Борисовск. у.; рисовалъ учит. Минск. приходск. училища А. Е. Богдановичъ.

№ 2 и 3. Изъ Слуцк. у.; рисовалъ бывшій ученикъ Несвижской учительской семинаріи А. Пономаревъ и доставленъ бывшимъ учителемъ той же семинаріи П. Гр. Бывалькевичемъ.



Короваи свадебные.

№ 1.

№ 2.

Рис. Г. Кохъ

Лит. Р. Кохъ В. О. 1 лин. № 44 СПБ.

НОТЫ.

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

Стр. 285, N. 1. Зап. г. П. Оскеркой въ с. Ячонкѣ Минской г. и уѣзда.

Умѣренно.

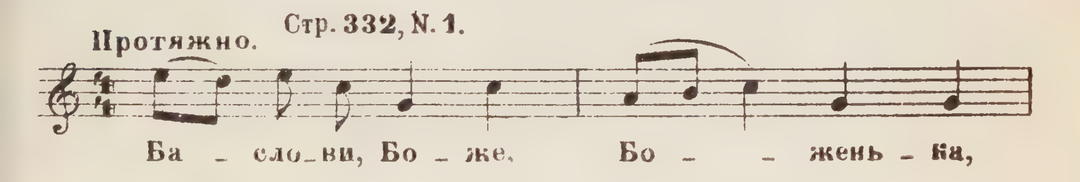
Чый то ко_ро_годъ ход_зиць? Чый то ко_ро_годъ ход_зиць?

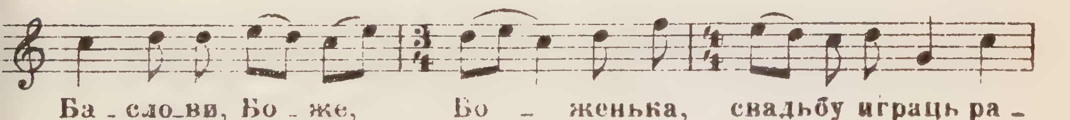
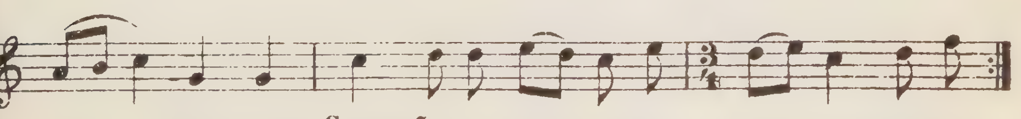
Семь сотъ да людзей вод_зиць; Да не самъ жа ёнъ ход_зиць,

Мо_ло_дый друж_ко вод_зиць. Мы до па_на съ по_кло_номъ,

До па_ни съ ку_ни_це_ю, Зъ мо_ло_до_ю мо_ло_дзи_це_ю.

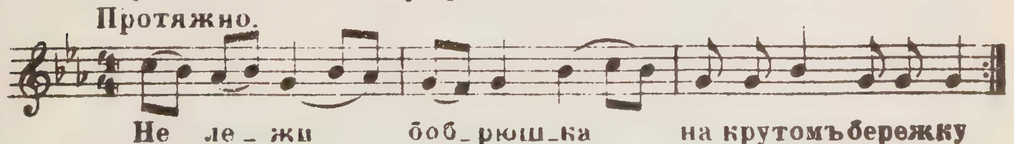
Протяжно. Стр. 332, N. 1.



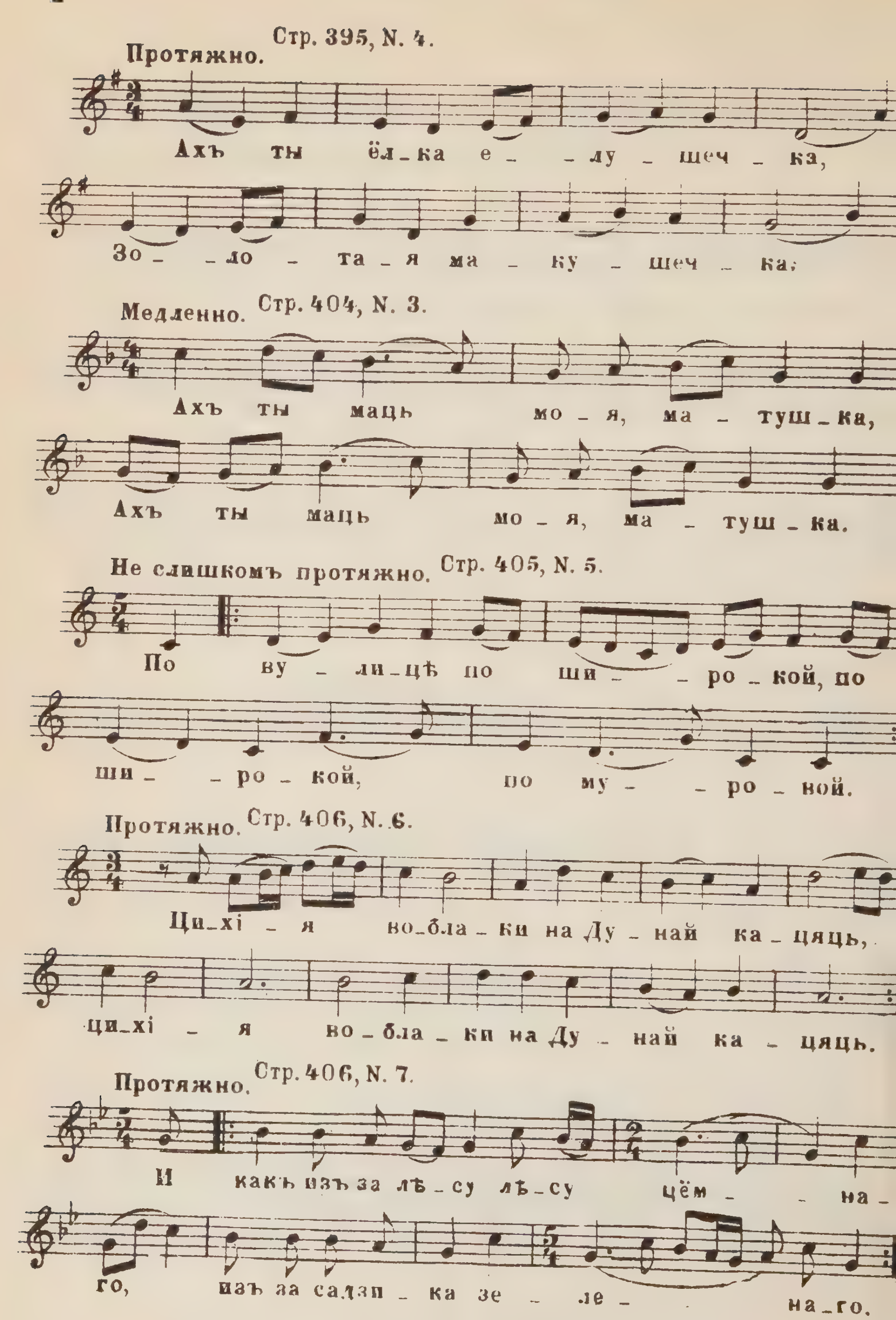
Ба - сло_ви, Бо - же, Бо - - жень - ка,

Ба - сло_ви, Бо - же, Бо - женька, свадьбу играць ра -

зы - гры_вацъ Свадьбу и_гра_ци ра - зы_гры_ва_ци.

Стр. 334, N. 2. Отсюда всѣ остальныя записаны С. Н. Рачинской въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи.

Протяжно.



Не ле_жи боб_рюш_ка на крутомъ бережку


Протяжно. Стр. 395, N. 4.
Ахъ ты ёл_ка е_ _лу_ щеч _ кз,
Зо_ _ло _ та_я ма _ ку _ шеч _ ка;
Медленно. Стр. 404, N. 3.
Ахъ ты мацъ мо _ я, ма _ туш_ка,
Ахъ ты мацъ мо _ я, ма _ туш_ка.
Не слишкомъ протяжно. Стр. 405, N. 5.
По ву _ ли_цѣ по ши_ _ро_кой, по
ши_ _ро _ кой, по му_ _ро_ной.
Протяжно. Стр. 406, N. 6.
Ци_хі _ я во_бла_ки на Ду_най ка_цяць,
ци_хі _ я во_бла_ки на Ду _ най ка _ цяць.
Протяжно. Стр. 406, N. 7.
И какъ изъ за лѣ_су лѣ_су цём _ _ на_
го, изъ за садзп _ ка зе _ ле_ _ на_го.

Стр. 407, N. 9.

Не слишкомъ протяжно.

Какъ въ Кремлѣ, слав – номъ го – – – ро – дзѣ

Ахъ, на ковpѣ то бы – ло на зо – – ло – цѣ.

Стр. 408, N. 10.

Протяжно.

Ахъ ты си – зень – кій го – лу – бокъ!

Ты ле – тау ли, ле – тау за мо – ря.

Стр. 409, N. 11.

Протяжно.

Ой, ра – но рано да по зарѣ, ой ра – но рано.

Стр. 41, N. 12.

Не слишкомъ протяжно.

Што гро – зенъ гро – зенъ Е – го – рушка князь,

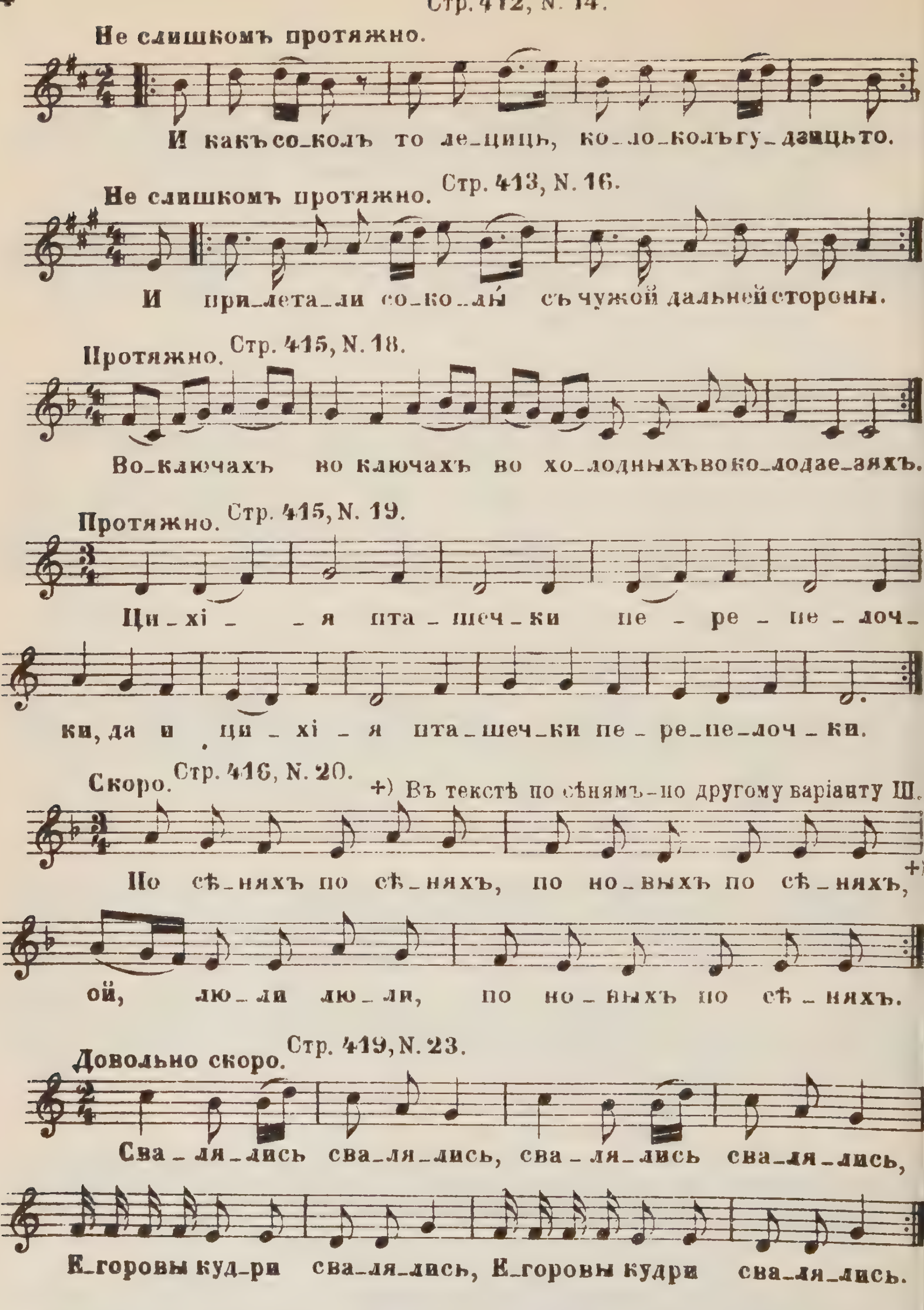
Што гро – зенъ А – лек – сѣ – е – вичъ быў.

Стр. 411, N. 13.

Протяжно.

Изъ за лѣ – су лѣ – су цём – на –

го изъ за са – дзи – ку зе – ле – на – го.



Печатается по распоряженію ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи наукъ.
Нотопечатня В. Бессель и Ко Троиц. ул. № 26.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LI, № 4.

МАТЕРІАЛЫ
и
ИЗСЛѢДОВАНІЯ
по
СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1890.

55*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1890 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

БЕСѢДА

О СВЯТЫНЯХЪ И ДРУГИХЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЯХЪ ЦАРЕГРАДА.

Въ 1886 году кандидатъ С.-Петербургскаго университета Ѳ. М. Истоминъ, отправленный Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ сѣверныя губерніи Россіи съ этнографическою цѣлью, привезъ изъ своего путешествія, между прочимъ, нѣсколько старинныхъ рукописей, которыя, по распоряженію совѣта Общества, были переданы въ 1889 году въ Императорскую Публичную Библіотеку [1]). Въ составѣ этого небольшаго собранія находится рукописный сборникъ XVII вѣка, полученный г. Истоминымъ отъ крестьянина Толвуйскаго погоста Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, Василія Ивановича Халтуринова, и въ этомъ сборникѣ оказался одинъ русскій литературный памятникъ, остававшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ: бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда, изображающая столицу императоровъ до взятія ея турками въ 1453 году.

1) Краткія свѣдѣнія объ этихъ рукописяхъ были сообщены въ статьѣ Ѳ. М. Истомина: «О рукописныхъ находкахъ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ лѣтомъ 1886 года» (Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общества за 1886 г., т. XXII, стр. 601—610).

Краткое сообщеніе объ этомъ любопытномъ произведеніи было сдѣлано мною на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ а въ августѣ 1887 года[1]). Затѣмъ, въ концѣ того же года, Россійскимъ Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ была пріобрѣтена рукопись, также XVII вѣка, въ которой встрѣтилось то же сочиненіе[2]). Наконецъ, въ собраніи рукописей, принадлежащемъ академику Н. С. Тихонравову, оказался также рукописный сборникъ, гдѣ нашелся отрывокъ изъ того же произведенія[3]).

Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ списковъ Бесѣды о Цареградѣ не представляетъ этого памятника въ полномъ видѣ: въ спискахъ Библіотечномъ и Музейномъ недостаетъ заглавія и начала, а Тихонравовскій отрывокъ заключаетъ въ себѣ лишь конецъ статьи, не болѣе четвертой части того, что̀ имѣется въ двухъ другихъ спискахъ. Не смотря на то, мнѣ показалось полезнымъ издать Бесѣду хотя бы въ тѣхъ видахъ, чтобы вызвать поиски новыхъ списковъ ея. Притомъ же, существенная часть этого произведенія, особенно важная въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ, то-есть, самое описаніе Цареграда, уже имѣется въ полномъ и довольно удовлетворительномъ видѣ въ спискахъ Библіотечномъ и Музейномъ.

Прежде однако, чѣмъ предлагать текстъ памятника, считаю не лишнимъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о составѣ тѣхъ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ онъ найденъ.

I. Сборникъ Н. С. Тихонравова, по каталогу его библіотеки № 223, писанъ въ 4-ку на 200 листахъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, весь однимъ почеркомъ, конца XVI или начала XVII вѣка; первоначально рукопись была объемистѣе,

---

1) См. отчетъ о Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1888 г., стр. 66.

2) Краткое извѣстіе объ этой рукописи сообщено Н. В. Рузскимъ въ Archiv für Slavische Philologie, 11-ter Band, S. 311; поправку къ этому сообщенію см. тамъ же стр. 632—633.

3) Считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность И. Е. Забѣлину за сообщеніе Музейной рукописи и Н. С. Тихонравову за присылку принадлежащаго ему сборника.

чѣмъ теперь, такъ какъ видно, что многіе листы изъ нея вырваны. Въ составъ сборника, въ нынѣшнемъ его видѣ, входятъ нѣсколько отеческихъ поученій, церковныя службы (между прочимъ Василію Блаженному), апокрифическія статьи (Первоевангеліе Іакова, житіе Ѳеодора Тирона, сказаніе о древѣ крестномъ), сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и наконецъ отрывокъ изъ издаваемаго памятника. Этотъ послѣдній находится на лл. 132—134 по нынѣшнему счету, а за нимъ на томъ же 134-мъ листѣ начинается сказаніе о градѣ Вавилонѣ; обѣ эти статьи, занимающія вмѣстѣ пять листовъ, вшиты въ рукопись не у мѣста; вслѣдствіе утраты листовъ или тетрадей, предшествовавшихъ нынѣшнему л. 132-му, сохранившійся отрывокъ представляетъ собою лишь окончаніе нашего памятника.

II. Сборникъ, привезенный Ѳ. М. Истоминымъ, по каталогу Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. № 184, есть рукопись въ 4-ку, писанная не ранѣе половины XVII вѣка скорописью, по 15 строкъ въ страницѣ, вся однимъ почеркомъ, на 167 листахъ; первоначально она была объемистѣе, ибо нынѣ недостаетъ начала первой читаемой статьи и конца послѣдней; кромѣ того, между лл. 80-мъ и 81-мъ, 96-мъ и 97-мъ, 128-мъ и 129-мъ, 136-мъ и 137-мъ по нынѣшнему счету видна утрата нѣсколькихъ листовъ или тетрадей. Составъ этого сборника, въ нынѣшнемъ его видѣ, слѣдующій:

1) Лл. 1—55 об. Хожденіе игумена Даніила въ Святую Землю въ одной изъ позднихъ сокращенныхъ редакцій. Начала недостаетъ; л. 1-й начинается словами: **перкыи мнозе ходи^в^ше Иер^ос^лма.** Въ изданіи Даніилова Хожденія, сдѣланномъ Русскимъ Палестинскимъ Обществомъ, эти слова читаются на стр. 3. Въ описываемой рукописи текстъ Хожденія оканчивается разсказомъ объ Антіохіи и о пути до Цареграда (по изданію Русск. Палестинск. Общества стр. 91), а затѣмъ слѣдуетъ такое заключеніе: **ѿ Црѧграда пріидохомъ скіи стыи гра^д^ ко [Б]елуграду к Рускую землю благи^с^тию Бжнею храними и до града Киева до-**

идохомъ а ѿ Киева до Москвы града доидохомъ[1]). Подобная же приписка отмѣчена М. А. Веневитиновымъ, въ его изслѣдованіи о Даніиловомъ Хожденіи (С.-Пб. 1877, стр. 130), въ одномъ изъ списковъ этого памятника, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ (Погод. № 1534, л. 47 об.).

2) Лл. 55 об.—70 об. **Кнга ѱалѡникъ** (то-есть, Паломникъ) **з Бгомъ починаемъ сказание мѣстъ стыхъ в Црѣграде і о стѣи Софѣи Прмрсти Бжіи и о мнтрех иже суть в Црѣграде Антониа архиепкпа Новгорцкихъ.** Текстъ весьма близкій къ изданному Археографическою Коммиссіей въ книгѣ: Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія съ предисловіемъ и примѣчаніями Павла Савваитова. С.-Пб. 1872, однако могущій служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ исправленію изданнаго.

3) Лл. 70 об.—71 об. Толкованіе надписей въ келліи Соломоновой въ цареградскомъ храмѣ св. Софіи. Нач.: **Во стѣи Софѣи есть келиа Соломона.** Сходная статья напечатана И. И. Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XL, стр. 96, и И. Я. Порфирьевымъ въ Апокрифическихъ сказаніяхъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, стр. 240—241; но въ изданныхъ текстахъ говорится, что надписи находились не на стѣнахъ келліи, а на потирѣ или чашѣ Соломонова дѣла, и толкованіе ихъ приписывается безыменному философу; философъ этотъ есть Кириллъ Словенскій, и выписка взята изъ его житія, помѣщаемаго въ Минеяхъ подъ 14-мъ февраля. Ср. также Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, А. Востокова, стр. 421 и 538; Описаніе русскихъ и церковно-славянскихъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, ч. I, стр. 167; Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, хранящихся нынѣ въ Казанской духовной академіи, т. I, стр. 556, и

1) Въ рукописи не встрѣчается буквы а, помѣщенной въ выпискахъ, которыя напечатаны церковно-славянскимъ шрифтомъ; вмѣсто нея стоитъ простое русское *я*.

Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи, Н. И. Петрова, стр. 563 и 564.

4) Лл. 71 об.— 96 об. Бесѣда между царемъ и епископомъ о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Заглавія и начала статьи недостаетъ, а вслѣдъ за окончаніемъ вышеуказанной третьей статьи на оборотѣ л. 71-го въ той же строкѣ читается: **и стыя Софѣя и чин ея** и т. д. Статья, издаваемая ниже. На л. 78 об. на половинѣ строки 10-ой текстъ Бесѣды прерывается, и читаемъ: **и есть моромор багрянъ** и т. д., то-есть, длинную, некстати и безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ внесенную сюда вставку изъ цареградскаго Паломника архіепископа Антонія; вставка эта, начавшись на оборотѣ л. 78-го, занимаетъ затѣмъ лл. 79—84 до половины строки 13-й и кончается словами: **и главы ею ту же лежатъ.** Заимствованное изъ Антонія соотвѣтствуетъ приблизительно столбцамъ 79—84 и 127—154 печатнаго изданія его Паломника; но такъ какъ въ описываемой рукописи между лл. 80-мъ и 81-мъ утрачена цѣлая тетрадь, то очевидно, въ этой тетради было написано и то, что̀ читается на столбцахъ 85—126 печатнаго изданія Антонія. Если исключить эту неумѣстную вставку, то текстъ Бесѣды получаетъ послѣдовательный порядокъ изложенія.

5) Л. 96 об. **Послание [в] великіи Новгород пресвщенному архиепкпу влдце Генадию из великого града Рима.** Только заглавіе, занимающее три послѣднія строки на страницѣ; самаго же посланія нѣтъ, такъ какъ листы, слѣдовавшіе въ рукописи за 96-мъ, утрачены.

6) Лл. 97—125 об. Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, безъ начала. Текстъ сходный съ пространною редакціей этого сказанія, напечатанною въ Памятникахъ стар. русск. литературы, вып. II, стр. 287—297. Находящіяся на л. 97 первыя слова: **о видѣніи нѣкая рече** читаются въ этомъ изданіи на стр. 289, столб. 2.

7) Лл. 125 об. — 126 об. Извѣстіе о ереси жидовствующихъ, то самое, которое напечатано А. С. Павловымъ въ Русск. Ист.

Библіотекѣ, т. VI, стт. 787 и 788, въ примѣчаніи, по рукописи XVI в., принадлежащей Чудову монастырю, подъ заглавіемъ: «Сказаніе о ереси наугородстѣ, како случися о ней уразумѣти». Въ описываемой рукописи нѣтъ этого заглавія, а текстъ статьи представляетъ лишь незначительныя отличія отъ изданнаго.

8) Лл. 127—128 об. **Поучение смирен"аго Зосимы митрополита всеа Русін і всего свщеннаго собора всему православному хртиянству и на еретики облучение** (то-есть, обличеніе), **и[зъ] сана извержение и о стыя бжия црвве олучение**. Напечатано А. С. Павловымъ по рукописи XVI вѣка, принадлежащей Чудову монастырю, въ Русск. Ист. Библіотекѣ, т. VI, стт. 785—788, безъ окончанія. Текстъ описываемой рукописи представляетъ нѣкоторыя отличія отъ изданнаго, но также безъ конца вслѣдствіе утраты листовъ, слѣдовавшихъ за л. 128-мъ по нынѣшнему счету; поэтому существующій въ печати текстъ дополняется изъ рукописи лишь слѣдующими словами: **во утріи же днь снидошася...**

9) Л. 129. Изъ сказанія о созданіи церкви св. Софіи въ Цареградѣ только послѣднія строки (вслѣдствіе утраты предшествовавшихъ листовъ): **многимъ же люи" стекши^х^ся.... яко цркви венецъ во[з]ложи на я.** Сказаніе это напечатано въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. III, отд. 2, стр. 17—28, въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства 1874 г., вып. 1—3, отд. II, стр. 5—9, и въ Памятникахъ древней письменности, LXXVIII: Сказаніе о св. Софіи Цареградской. Сообщилъ (по рукописи XIV—XV вв.) архимандритъ Леонидъ. С.-Пб. 1889.

10) Лл. 129—133. **Севериана епкпа Явасилскаго о древѣ спсеннаго крта гдѣ о^б^рѣтеся и како бысть.** Напечатано по весьма сходному списку И. Я. Порфирьевымъ въ Апокриф. сказаніяхъ о ветхозавѣт. событіяхъ и лицахъ по рукописямъ Солов. библіотеки, стр. 101—103, въ Великихъ Минеяхъ Четіихъ митрополита Макарія, изд. Археогр. Коммиссіи, подъ 14-мъ

сентября, стр. 763—766, и въ Памятникахъ ст. русск. литературы, вып. III, стр. 82—83.

11) Л. 133—133 об. **О дрѣвѣ живонѣ**. Напечатано въ Апокриф. сказаніяхъ И. Я. Порфирьева, стр. 206—207.

12) Лл. 133 об.—136 об. **Григориа Двоесловъца о крстѣ чтнѣм и о двою крту развоничихъ**. Напечатано въ Апокриф. сказаніяхъ И. Я. Порфирьева, стр. 216—220, и въ Памятникахъ отреч. литературы Н. С. Тихонравова, ч. I, стр. 305—307; но текстъ описываемой рукописи занимаетъ среднее мѣсто между двумя напечатанными, ибо въ цѣломъ онъ ближе къ тексту И. Я. Порфирьева, отдѣлъ же **о третиемъ древѣ** пополненъ сказаніемъ о Сатанаилѣ, которое есть только въ текстѣ Н. С. Тихонравова. Конца статьи недостаетъ вслѣдствіе утраты листовъ, слѣдовавшихъ за 136-мъ; послѣднія слова текста въ описываемой рукописи: **вѣвие древа того** читаются у И. Я. Порфирьева на стр. 218.

13) Л. 137. Мелкія замѣтки:

а) Окончаніе замѣтки о Господскихъ праздникахъ.

б) Выписка изъ Толковой Палеи объ Адамѣ, Каинѣ, Авелѣ и Энохѣ. Напечатано въ Апокриф. сказаніяхъ И. Я. Порфирьева, стр. 104.

14) Л. 137—137 об. **Ѿ Феодора**. Слово о перстосложеніи, приписываемое блаж. Ѳеодориту, въ редакціи сходной съ его древнѣйшими изводами, напечатанными въ брошюрѣ: Такъ называемое Ѳеодоритово слово въ разныхъ его редакціяхъ. Изданіе 2-е. М. 1886.

15) Лл. 137 об.—139 об. Мелкія замѣтки:

а) О познаніи грамоты Сиѳомъ, сыномъ Адама. Напечатано въ Описаніи ц.-слав. и русск. рукоп. сборниковъ Имп Публ. Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, т. I, стр. 495.

б) О писаніяхъ Соломона; выписка изъ Палеи Толковой. Напечатано И. Я. Порфирьевымъ въ Апокриф. сказаніяхъ, стр. 261.

в) **Азбука пермьскаꙗ**. Ср. сводъ записей пермскаго алфа-

вита въ сочиненіи П. Д. Шестакова: Св. Стефанъ первосвятитель Пермскій. Казань. 1868, стр. 55—57.

г) **О началѣ грамоты гречестия руския.** Выписка, съ небольшими измѣненіями, изъ сказанія черноризца Храбра «О письменехъ» о Паламидѣ, Кадмѣ и др., а потомъ о Кириллѣ Философѣ. Соотвѣтствующее мѣсто читается въ приложеніяхъ къ сочиненію К. Ѳ. Калайдовича: Іоаннъ ексархъ Болгарскій. М. 1824, на стр. 191.

16) Лл. 139 об.—140 об. **Во дни Фалековы бысть разделение языкомъ.** Перечисленіе народовъ, но безъ раздѣленія на колѣна Ноевыхъ сыновей. Составлено, по видимому, на основаніи Палеи Толковой, но безъ поименованія упомянутыхъ въ ней племенъ, обитавшихъ въ Русской землѣ. Ср. въ сочиненіи В. Успенскаго: Толковая Палея. Казань. 1876, стр. 61—66.

17) Лл. 140 об. —141. Мелкія статьи:

а) **О Непротѣ.** Краткій разсказъ объ основаніи Вавилона Немвродомъ, объ измѣреніи имъ всей земли и о началѣ идолослуженія. Весьма сходная статья читается въ Палеѣ Исторической; см. изданіе Андр. Н. Попова: Книга бытіа небеси и земли. М. 1881, стр. 20.

б) **Подобаеть вѣдати яко двадесятемъ потопе коле[с]ницѣ к мори** и пр. Разсказъ о потопленіи Фараонова войска въ Чермномъ морѣ.

18) Лл. 141—147. Хронологическія замѣтки, сперва краткія, а затѣмъ, со времени императора Августа до Константина Великаго, болѣе подробныя. Пособіемъ при ихъ составленіи служилъ главнымъ образомъ «Никифора патріарха Царяграда лѣтописѣцъ вскорѣ», напечатанный въ Полномъ собраніи русск. лѣтописей, т. I, стр. 248—250, и т. IX, стр. XVI—XX; но въ описываемой рукописи перечень гражданскихъ событій пополненъ событіями церковными.

19) Л. 147—147 об. Мелкія замѣтки:

а) О началѣ временъ года и сравненіе ихъ съ жизнью чело-

вѣка; ср. Описаніе ц.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова, т. I, стр. 256, 384 и 422.

б) **о во҆зрасте чл҃вчестимъ.**

20) Лл. 147 об. — 148. **О крѣпеніи сты҃х а҃птлъ.** Ср. тамъ же, стр. 185, 196 и 366.

21) Л. 148—148 об. **О величествѣ с҃лнца и луны и землѧ.** Ср. тамъ же, стр. 343.

22) Л. 149. Объ имени пророка Моисея и объ Іосифѣ.

23) Лл. 149—157 об. **О судѣ цр҃ѧ Соломона.** Текстъ вообще сходный съ тѣмъ, который изданъ Н. С. Тихонравовымъ изъ Толковой Палеи въ Памятникахъ отреченной русской литературы, т. I, но изложенный болѣе сжато и съ измѣненіемъ въ порядкѣ судовъ.

24) Лл. 158—167. **В лѣта ҂ѕцче мц҃а октѧбрѧ в г҃ день слово бл҃женнаго Зоровавѣлѧ.** Разсказъ о возстановленіи Іерусалимскаго храма (ср. 2-ю книгу Ездры гл. III и IV) и о дальнѣйшей судьбѣ Святаго Града. Ср. Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, т. II, стр. 555.

25) Лл. 167—167 об. **Притча нѣкаѧ о составленіи чл҃веческаго тел.** О преніи между чревомъ и прочими частями тѣла человѣка; конца недостаетъ.

III. Сборникъ Россійскаго Историческаго Музея, рукопись въ 4-ку на 223 лл., безъ начала и конца; бо̀льшая часть ея, до л. 198, писана скорописью XVII в. однимъ почеркомъ; меньшая — двумя другими, принадлежащими, быть можетъ, уже XVIII вѣку; первый почеркъ сходенъ съ почеркомъ писца Библіотечнаго сборника. По составу сборникъ этотъ, въ первой половинѣ своей, представляетъ значительное сходство съ вышеописанною рукописью Имп. Публ. Библіотеки: девять статей сего послѣдняго сборника, отмѣченныя въ представленномъ выше обзорѣ его подъ №№ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ, 6-мъ, 9-мъ, 10-мъ и 11-мъ, читаются на лл. 1—103 об. сборника Музейнаго, въ той же послѣдовательности и въ той же редакціи. Въ дальнѣйшемъ составѣ Музейнаго сборника могутъ быть указаны еще

двѣ статьи, встрѣчаемыя въ рукописи Библіотечной: Сказаніе о созданіи св. Софіи Цареградской и Суды царя Соломона; но отъ Сказанія уцѣлѣлъ въ Библіотечномъ сборникѣ только конецъ, почему и нельзя судить о степени сходства списковъ; что же касается Соломоновыхъ судовъ, то вмѣсто шести, описанныхъ въ Библіотечной рукописи, въ Музейной описано только три, при чемъ однако редакція этихъ разсказовъ одинакова въ обоихъ спискахъ. Остальныя статьи Музейнаго сборника, составляющія его особенность, суть слѣдующія: слово св. Іоанна Златоуста о св. Софіи церкви Божіей; сказанія свв. Евсевія Памфилійскаго, Василія Великаго и др. о составленіи Псалтыри; отрывки изъ соборныхъ правилъ и изъ отеческихъ толкованій на Священное Писаніе; толкованіе азбуки; статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ; посланіе Авгаря; слово Палладія мниха о второмъ пришествіи. Издаваемый нами текстъ читается на лл. 43 об.—65 об. Музейной рукописи.

Близкое сходство въ составѣ Библіотечнаго и Музейнаго сборниковъ могло бы подать поводъ къ предположенію, что одинъ изъ нихъ списанъ съ другого въ соотвѣтственныхъ частяхъ; но подробное сличеніе сходныхъ статей устраняетъ эту догадку. Музейный сборникъ писанъ болѣе внимательно и отчетливо, чѣмъ Библіотечный: въ семъ послѣднемъ замѣчаются случайные пропуски словъ и выраженій, восполняемые лишь изъ рукописи Музейной. Но обратно, болѣе краткій составъ статьи о Соломоновыхъ судахъ въ Музейной рукописи доказываетъ, что и она не могла служить оригиналомъ для рукописи Библіотечной. Поэтому приходится думать, что обѣ разсматриваемыя рукописи имѣли одинъ общій оригиналъ болѣе ранній и нынѣ неизвѣстный. Замѣчательно, что въ обѣихъ описываемыхъ рукописяхъ Бесѣда о святыняхъ Цареграда является въ одинаковомъ видѣ, то-есть, безъ начала и съ неумѣстною вставкой изъ Антоніева Паломника среди текста: это несомнѣнно доказываетъ, что въ такомъ же неудовлетворительномъ видѣ нахо-

дился этотъ памятникъ и въ той болѣе старой рукописи, изъ которой онъ внесенъ въ обѣ копіи, намъ извѣстныя.

Нельзя также не обратить вниманія на особый подборъ статей въ Библіотечномъ сборникѣ. Въ составѣ его явственно выдѣляется нѣсколько статей русскаго происхожденія, имѣющихъ отношеніе къ Новгороду: таковы по представленному выше описанію №№ 2-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 14-й. Это обстоятельство наводитъ на мысль о новгородскомъ происхожденіи самого сборника и, еще вѣроятнѣе, той болѣе старой рукописи, съ которой онъ списанъ. По времени составленія русскія статьи сборника относятся не позже, какъ къ концу XV вѣка или къ первой половинѣ слѣдующаго: исключеніемъ въ этомъ отношеніи могла бы быть считаема только Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, которой пространная редакція усвоивается обыкновенно патріаршему періоду; но едва ли не болѣе правильно признавать эту повѣсть произведеніемъ первой половины XVI вѣка[1]), а въ такомъ случаѣ становится возможнымъ допустить, что и весь сборникъ, послужившій оригиналомъ для Библіотечной рукописи, а частію для Музейной, былъ составленъ не позже 1550 года.

Представляя текстъ Бесѣды, встрѣченной нами въ вышеописанныхъ рукописяхъ, считаю нужнымъ замѣтить, что въ основу настоящаго изданія положенъ списокъ Библіотечный (съ сохраненіемъ его правописанія), а исправленія явно ошибочныхъ чтеній въ немъ, равно какъ и дополненія, взяты изъ списковъ Музейнаго и Тихонравовскаго. Дополненія эти внесены въ текстъ въ прямыхъ скобкахъ, а подвергшіяся исправленію ошибочныя чтенія основнаго списка обозначены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; тамъ же отмѣчены и важнѣйшія отличія побочныхъ списковъ; въ двухъ или трехъ случаяхъ пришлось пред-

1) О времени составленія Повѣсти о бѣломъ клобукѣ см. замѣчанія М. А. Дьяконова въ его сочиненіи: Власть Московскихъ государей. С.-Пб. 1889, стр. 70 и 71, прим.

ложить исправленіе явныхъ ошибокъ, находящихся во всѣхъ спискахъ [1]).

... и святыя Софѣя, и чинъ ея, и окрестная мѣста ихъ».

Онъ же начатъ глаголати: «Господи царю, Костянтину градъ такъ есть. Вкратъце повѣмъ, яже возмогу; а вся преславная града того не мощно поведати. Егда живяхъ тамо в монастырѣ святаго Андрѣя Юродиваго, и въ единъ отъ днеи изыдохъ на торгъ продаяти рукодѣлия моего, зиждаху же тогода стѣну святыя Софѣя, бѣ бо пала ся отъ труса. І видѣхъ стояща юношу всего огнена и крилата суща, зракъ имуще яко солнце; азъ же отъ страха не могохъ зрѣти нань; бѣх бо сторговалъ о рукодѣльи моемъ и отъиде отъ мене, хотя принести цѣну [2]) мою; азъ же ждахъ его. И рече ко мнѣ страшныи юноша, нарѣкъ мя именемъ: «Тебѣ глаголю, юноше, торгъ [3]) дѣющіи; иди и рцы царю Роману, да повелитъ мастеромъ скоро свершити церковъ сию святую Софѣю, да язъ буду стражъ ея и мѣсту сему». И рекохъ к нему: «Господине, страшное видение твое і свѣтъ ризъ твоихъ и осияетъ мя, и како імя твое? Ослаби ми, да дожду торгователя моего». И рече ко мнѣ: «Михаилъ есмь азъ, силы Господня; положь рукодѣль свою, азъ стрегу его». Азъ же идохъ и рекохъ царю Роману вся словеса его; онъ же возрадовася со всѣми сущими с нимъ. И азъ паки возвратихся скоро к нему и обретохъ ѝ стояща на прежнемъ мѣсте, и рукодѣлия [4]) своего не обретохъ, но подастъ ми цену мою; азъ же прияхъ отъ огненую руку его и поклонихся ему, и рече ми: «Іди в монастырь святаго Андрѣя Юродиваго». И се рѣкъ невидимъ бысть; азъ же цѣну мою раз[да]-

---

1) Означеніе рукописей: Имп. Публ. Библіотеки—Б.; Росс. Истор. Музея —М.; Н. С. Тихонравова—Т.

2) Въ Б. слово *цѣну* повторено.

3) Въ Б. *того.*

4) Въ Б. *рукодѣлие.*

вахъ нищимъ, а самъ поидохъ созерцати доброту града и святыи Софѣи.

«Во истину, господи царю, Божіи градъ есть, и стражъ есть ему великіи архистратигъ Михаилъ и до втораго п[р]ишествия Христова.

«И оттоле подвигся, поидохъ, мало всходя, к полате патриаршеи, к притвору святыя Софѣя среднимъ дверемъ западнымъ. У тѣхъ двереи есть дверь Ноева ковчега и чепь желѣзная, юже ношаше Павелъ апостолъ; ту християномъ много ісцѣление. А надъ дверьми есть икона святыи Спасъ чюдотворныи; та ікона [1]) многи исцеляетъ. И передъ тѣмъ Спасомъ виситъ паникаділо и ретяжъ желѣзенъ; и к то[и] ретязи привязанъ стекленикъ с масломъ, а подъ стекляникомъ столбецъ в мрамору; на столпцѣ стоитъ чаша отъ древа Ноева жъ ковчега, в нюже каплетъ масло; и урвася стекляникъ и разби чашу и столпецъ надвое каменныи разрази, а стекляникъ не разбися і масло не разлися. І тотъ столбецъ окованъ обручи желѣзными і чаша к нему прикована на видение християномъ и на исцеление больнымъ. Оттоле поити ко олтарю, прямо к Животворящему Кресту; ту есть во олтари Животворящии Крестъ, на коемъ распяша [2]) Жидове Господа нашего Исуса Христа. Ту есть направе в придѣле столбецъ, на коемъ сидѣлъ Христосъ с Самарянынею бесѣдуя. И дале поидя ко олтарю [на тои же руки есть Троица Святая икона, а предъ иконою] трапеза Авраамля, на не[и]же Ав[р]аамъ обѣдъ устрои передъ тою Троицею, і приходяще християне приемлютъ исцеление. Дале же поидя внутрь церкви, по правую руку олтаря есть одръ желѣзенъ к стѣне приклоненъ, на немъже святыи Георгіи и святыи Никита мученъ бысть; конецъ же одра того есть ларецъ великъ каменъ; в том ларцѣ мощи лежатъ святыхъ 40 мученикъ и 14000 младенецъ избиенъныхъ; у того одра и ларца бываютъ целбы многимъ. А с лѣвую руку лежитъ

1) Въ Б. *такова.*
2) Въ Б. *распяше.*

гробъ, а во гробѣ святыи патриархъ Арсенiи весь целъ в тѣлѣ, подавая больнымъ исцеление. Отъ двереи же Ноева ковчега поидя мало, по лѣвои странѣ есть беседа, на неиже плакалъ Иеремия пророкъ Иеросалима града, и столбецъ, подъ нимъже плакалъ Петръ апостолъ, и ту такоже проща бываетъ. Ту же есть на лѣвои странѣ замурованъ святыи Георьгiи и святыи Богословъ. Дале же пошедъ мало, по лѣвои сторонѣ есть теремецъ чюдно устроенъ; в немъ икона Пречистая Царица Богородица; та икона посылала мастеры на Киевъ ставитъ церковь в Печере [ко свя]тому Антонию и Феодосию; та же икона плакала, коли Фрязи [взя]ли Царьградъ и держали 62 лѣта, но вѣры ради не мучили никогоже, и пришедши предъ икону сию, имаша[1]) слезы ея и запечаташа в рачице златѣ на выделе стенномъ ту же предъ иконою, а самыхъ Фрязъ много крестися; и пришедъ калимохъ изо Аравия, изгна Фрязы, а градъ предася настасу царю; и тые слезы сседошася аки жемъчюгъ и до сего дни; тая же икона многiи целитъ больныхъ. А оттоле поити мало, есть дьска отъ Ноева ковчега: на неи покладаются Страсти Господни в Великiи Четвертокъ и до Суботы Великия; тогда бываетъ сходъ великъ християномъ с сторонъ, и знаменаются Страстми Святыми и много приемлютъ различная исцеления и прощения грѣхомъ. Дале же пошедъ лѣвыя страны церкви, есть вырезанъ на камени дорогомъ Спасъ на аспиду, [i] Iванна Святаго пасохъ к стенѣ прикованъ, и ту бываютъ исцеления и прощения многа. А в олтарѣ святыя Софѣя у великого престола есть гробъ святаго Iванна Златоустаго покровенъ дьскою, утворенною златомъ и камениемъ драгимъ, а самъ лежитъ аки живъ, бѣ бо весь целъ и ничтоже уныло имыи ни отъ ризъ, ни отъ власъ, но благоухание велие испущаетъ и доселе; в память же его велико бываетъ схождение, не токмо християне, но и Фрязи и Латыня, и многа исцеления бываютъ i прощения. А входя в церковъ, на правой странѣ есть кладязъ и чаша мраморъна 6 сажень, в неиже па-

---

1) Въ Б. *имаше*.

триархъ крещаетъ. И иная [1]) многа видесте очи мои, ихъже нѣсть потонку сказати. Оттоле [2]) жъ изыдохъ отъ святыя Софѣя церкви.

«Доселе сказание о церкви святыя Софѣя; преидемъ на градцское сказание. Се же о граде сказъ».

Отвещавъ царь и рече ему: «Господи епископе, Богъ да благословитъ тя! Много бо обвесели мя, господине! Но не [3]) облени ми ся исповѣдати о граде томъ, многа бо блага слышу о немъ.

И глагола ему епископъ: «Азъ, господи царю, елико возмогохъ, повѣдахъ ти, и исповѣмъ, елико еще могу; не бо [вся изслѣдовахъ, но желание имѣю тамо ми конецъ улучити; не бо] много пребыхъ тамо, но токмо лѣто едино; не же ходихъ куды, но токмо до Калуянова Городка, і приидохъ семо жъ; ты мя приятъ и сотвори мя емуже не бѣхъ достоинъ; обрете бо мя яко здрава, да дасть ти Господь милость обрести в день судныи».

И отвеща царь и рече: «Отче святыи, Богъ вѣсть всякого человѣка, и азъ желание [убо] имѣю [о]тъ многъ лѣтъ вся та видети глаголемая тобою [4]), да аще [5]) получю, дамъ благодарение Богу всѣхъ; ищу бо времени, да быхъ гоньзнулъ власти сея тлѣнная, да тамошъняя бы славы не лишенъ былъ, но бы сподобилъ мя Господь кончати животъ [6]) мои во страннѣ[че]ствѣ и убожествѣ. Что ми поможетъ тлѣнная сия [7]) багряница противу венца славы Христовы, егоже подастъ угодникомъ своимъ? Ты же повѣдаи ми яже обеща».

Отвеща епископъ, рече: «Богъ дастъ ти вся благая [и] испол-

---

1) Въ Б. *инная.*
2) Въ Б. *оттоголе.*
3) Въ Б. *на неи.*
4) Въ Б. *тои бою.*
5) Въ Б. *дающе.*
6) Въ Б. *живой.*
7) Въ Б. *кля.*

нитъ желание сердца твоего, азъ же ти не ленивъ буду поспешати молитвою, елико могу; а прежная наша рѣчь сица [1]) есть:

«Исходя [2]) изъ церкви святыя Софѣя полуденными [3]) дверми, по правои руки есть столпъ каменъ высокъ; на столпѣ томъ стоитъ Иусти[ни]янъ царь весь мѣдянъ на конѣ, и конь мѣдянъ; держитъ в руцѣ яблоко мѣдяно велие, поднялъ бо бѣ на землю Срачинску, а в правои руцѣ ему крестъ; а предъ нимъ 3 столпы камены, а на столпахъ 3 цари поганіи, всѣ слѣпи мѣдяны аки живы стоятъ, преклониша колѣни свои Іусти[ни]яну царю и предающе грады своя в руцѣ ему.

«Пошедъ же мало оттуду, отъ дверей полуденныхъ в лѣвои руцѣ есть церковъ святыи Спасъ; на стѣне надъ западными дверми есть образъ; того образа присла нечестивыи царь разбити, и полѣзе нѣкто по лѣствицы к нему, хотяи сокрушити; притекши же, святая Фе[о]досия сверже с лѣствицы, и разбився поганыи и умре; и емше же святую Фе[о]досию, начаша мучити и на конецъ заклаша ю козьимъ рогомъ; и царя того начатъ мучити невидимо [4]) аггели; онъ же устрашився, бысть християн[ин]ъ [5]): бо емше святіи аггели принесоша ко святому образу и начатъ бити нечестиваго, доньдеже обещася покаятися; поже пустиша его, [и] пришедъ царь к патриарху, исповѣда ему все и отречеся предъ патриархомъ всея своея вѣры и тако крещенъ бысть отъ патриарха царь. К сему Спасу весь градъ приходитъ на праздникъ, и Фрязове из Галатъ, и недужнымъ бываетъ ісцеление, не бываетъ бо безъ чудеси праздникъ.

«Созади же олтаря святыя Софѣя есть церкви святаго Николы; тая церковъ создана на Дмитреевѣ [6]) дворѣ, гдѣ посидилъ святыи Никола Дмитрея в полаты его, веземъ из моря. В тои же церкви направе есть икона святыи Спасъ; ту икону покололъ

1) Въ Б. *рѣчища.*
2) Въ Б. *исходятъ.*
3) Въ Б. *полуденныими.*
4) Въ Б. *невидимои.*
5) Въ Б. и М. послѣ *християнинъ* повторено *бысть.*
6) Въ Б. *Дмитреева.*

нѣкто Жидовинъ повыше лѣвои брови, и потече кровъ изъ раны тоя; і видевъ Жидовинъ [1]) чюдо страшное, ужасеся и веземъ икону верже в кладязь, а самъ о̑тъиде; и усрѣте и̓ християнинъ і виде кровавъ ножь въ руку его и рече ему: «гдѣ окровавленъ бысть ножь сіи», бѣ бо ему другъ; Жидовинъ же неутаенно [2]) рече: «прокололъ образъ Бога вашего, икону Спаса»; християнинъ же ятъ Жидовина; и стекошася людие і ведоша его к[о] царю; царь же вопроси его: «гдѣ скры образъ святыи?» онъ же рече: «в кладязи есть»; и того часа царь и патриархъ и множество людіи идоша со кресты на кладезь и ізвлекоша икону, і бѣ кровава, и запечаташа кровъ Христову, а икону поставиша во церкви святаго Николы; та жъ икона многи целитъ и чюдеса творитъ [и] до сего дни.

«А оттоле передъ задними дверми святыя Софѣя великаго олтаря приделано мѣсто, гдѣ воду крестятъ; ту есть чаша аспида зеленаго; туто в чаши погружаютъ кресты; надъ чашею киотъ свинцомъ обитъ; ту же и цареи крестятъ; ту ростутъ 4 кипарися и 2 фуника.

«А отъ святыя Софѣя на востокъ доле к морю есть направе монастырь, рекомыи Одегитрия; в томъ монастырѣ выходитъ икона святая Богородица на всякъ вторникъ на монастырь і велика чюдеса творитъ [3]) и много больнымъ цѣліи; утомъляетъ 4 человѣки; ту же святыи Семионъ в тѣле лежитъ; ту же есть и святая вода.

«А отъ монастыря Одегитрие на полунощи [4]) к Мангапомъ направе есть монастырь [святаго Лазаря; ту же лежитъ святый Лазарь другъ Божій в правомъ столпѣ запечатанъ; ту же и святый Мелентіи лежитъ, а в лѣвомъ столпѣ Мария Магдалыни замурована. Оттоле же к Манганомъ направе есть монастырь] женскіи

1) Въ Б. *Жидовину.*

2) Въ М. *не утай его и.*

3) Въ этомъ мѣстѣ въ Б. и М. находится вставка изъ Паломника архіепископа Антонія, о чемъ см. выше стр. 5.

4) Въ Б. *на полинощи.*

святая Богородица; в томъ монастырѣ уделе есть Страстеи Господнихъ; в тои же церкви есть икона святыи Спасъ; та икона ходила посолствомъ к Риму Великому з грамотою по морю и того жъ дни со иною грамотою пришла при Германе патриарси и при Львѣ папе. Ту же есть направе распятие Господне [1]); ту же есть Игнатия Богоносца голень [2]). Ту же есть близъ того монастыри инъ монастырь женскіи святыи Василіи; ту лежитъ глава святаго Василия Кесари[й]скаго на лѣвои сторонѣ, на другои службе.

«Оттоле притъти к Мангаромъ с полудни, воити в монастырь; есть предъ церковью чаша мѣдена велика, а надъ чашею киотъ свинцомъ побитъ; между столповъ каменыхъ брусьемъ огорожено, по брусью врѣзаны еvангелисты с вырезы. А [в]нидя в церковъ, предъ олтаремъ напра[ве] есть ларецъ великъ весь окованъ и замки серебряны; [в]верху ларца изваяно распятие Господне сребряно; в томъ ларцѣ Страсти Господни лежатъ; аще кто пріидетъ на поклонъ Страстьмъ Господнимъ до Великого [3]) Четьверга, іли по Четьвергу пришедъ, покланяетъся распятию [4]) Господню и целуетъ в распятие и в ларецъ, і приемлетъ греховъ отпущение. А во олтарѣ лежитъ святаго Андрея глава. И изшедъ [5]) из церкви направе в притворе есть двѣ иконе, ихъже написалъ Левъ Премудрыи; и на єдінои написани патриарси, [а] на друзеи [6]) же цари; отъ своего же царства писалъ до скончания Царяграда цареи 80, а патриарховъ 100, а послѣдніи царь будетъ сынъ Калуянъ, а потомъ Богъ вѣсть, а послѣдніи патриархъ Іоаннъ [7]).

«Позадѣ же Манганъ [8]) на востокъ надъ моремъ близъ есть церковъ святыи Спасъ, иже самъ ся преобразилъ на стенѣ,

---

1) Въ Б. *распятия Господня.*
2) Въ Б. *голены.*
3) Въ Б. *великогого.*
4) Въ Б. *распятие.*
5) Въ Б. и М. *исцедъ.*
6) Въ Б. *на дрьзіи.*
7) Въ Б. *Іона.*
8) Въ Б. и М. *многа.*

и многа отъ него исцеления бываетъ. В тои же церкви святыи Аверкіи лежитъ в тѣле и святая мученица Аня [1]) в тѣле же, и рука Іванна Предтечá бес пальцы, златомъ окована, і брада его, и [о]то лба его кость, и [отъ] мощіи святаго Николы, и [отъ] мощіи [2]) святаго Георгия, і апостола Иякова глава, и Стефана [3]) Новаго челюсть, и отъ мощіи [14000 младенецъ, и иныхъ много мощій] в рацѣ лежатъ златомъ оковано, и святыи Григор[и]и попъ лежитъ в телѣ. В тои же церкви святыи Спасъ икона, іже проглаголалъ Маврикѣеви царю моляшу бо ся и глаголющу: «Господи, отъими отъ мене времянную сию славу, да не лишенъ буду вѣчныя Ти славы!» И отвеща ему икона святыи Спасъ самъ воображеныи: «Здѣ ли хощеши мученъ быти, или на ономъ свѣтѣ [4])?» Царь же удивися великому чюдеси и рече: «Господи, тамо да не мученъ буду, здѣ наложи ми вся злая». [И] глагола ему Спасъ: «И отъиди отсуду [5]), [и] предстани отъ грѣхъ своихъ, вся ти сотворю [6]) хотения твоя». И абие блаженныи царь пострежеся, восприятъ мнишеское житие; тако преставися, ту же и положенъ бысть и лежитъ в тѣле благіи царь Маврикия.

«И отъ Переплета поити х Калуянову Городку, налеве есть монастырь Студиасъ; ту есть два тѣла нетлѣнна [7]): святыи Сава і святая Соломанида лежатъ [8]) внутрь церкви.

«А оттоле пошедъ мало, направе есть церковъ святыи Диомидъ близъ Калуянова Городка; в тои церкви трапеза Христова, на коеи со ученики вечерялъ; ту бываютъ и целбы многи.

А оттоле поити на полунощи есть монастырь святаго Ан-

---

1) Въ М. *Аия.*
2) Въ Б. *момощіи.*
3) Въ Б. *есть фана.*
4) Въ Б. *свѣта.*
5) Въ Б. *отнюду.*
6) Въ Б. *сотвори.*
7) Въ Б. *нетлѣны.*
8) Въ Б. *лежитъ.*

дрѣя; ту лежитъ Андрѣи Стратилатъ предъ царьскими дверми и многа исцеления [1]) даетъ приходящимъ.

«Ту же есть на полунощи близь есть другіи монастырь святаго Андрѣя Юродиваго; ту лежитъ святыи Андрѣи Юродивы[й] в тѣле і посохъ его, исцеляетъ многи; ту же святыи мученикъ Патрикѣя лежитъ; ту же и мое окоянство пострижено бысть.

«Близъ же Златыхъ Вратъ есть монастырь женскои: святыи Еудокимъ лежитъ в тѣле, а на другои странѣ монастырь женскіи [2]): святая Еѵфимия в тѣле, юже носятъ во всяку среду і в пятокъ.

«И оттоле по[и]ти ко святому Диомиду на лѣтніи западъ, есть монастырь женъскіи; ту лежитъ двѣ тѣле нетлѣнне: Елисавеѳъ мати Предтечева, а другое—рабы ея.

А оттоле по[и]ти на лѣтніи западъ ко святому Дани[и]лу, есть церкви святыи Дани[и]лъ; ту же самъ лежитъ святыи Дани[и]лъ въ послѣдн[е]и службе в рове на право[й] сторонѣ, а святыи Романъ Певецъ с лѣвои руце, а во олтарѣ святыи Никита, а верху гроба Данилова 2 аггела камены, аки живи, сотворени Лвомъ царемъ Премудрымъ: единъ у главы, а другіи у ногу; ту приходятъ странніи, поклоняются святому Данилу і взимаютъ печать на путь християне.

«Оттоле поити к Богатому монастырю, есть монастырь Богомъ богатъ Іоанна Предтечи; ту лежитъ святыи Иоанъ; а вшедъ в монастырь, есть вода ноли отъ Дуная приведена.

«А оттоле идохомъ на полунощи к Лахерне. Есть монастырь Лахерна близъ стены; ту лежитъ риза и поя[съ] святѣи Богородицы в каменомъ ларцѣ, оковано обруки желѣзными, а в другои службе святыи Потапіи [и] святая Анастасия.

«Отъ Лахерне [3]) идох[ом]ъ на встокъ лицемъ [4]), есть монастырь

1) Въ Б. *исцеление.*
2) Въ Б. *женскихъ.*
3) Въ Б. *Лехерне.*
4) Въ Б. *лица.*

святыи Козма и Домъянъ; ту лежитъ святаго Козмы и Домъяна главы златомъ окованы.

«И оттоле поидохомъ на встокъ, есть монастырь святыя Феодосіи; ту лежитъ святая Феодосия дѣвица в тѣле, и поднимаютъ на всякъ понедѣлникъ і в пятокъ, и исцеление [больнымъ] подаваетъ.

«А оттоле поити к Василькомъ на востокъ. Конецъ Васильковъ і Великаго Торгу есть церковъ фряжская; ту тоже есть распятие[1]) Христово изваяно в древе велми чюдно, аки живо суще, і гвозди[е] сребряно в ногу и в руку приковано; ту же и целъбы сицевы бываютъ: у ково зубы болятъ, и онъ имется за ножныя гвоздия, зубу прииметъ здравие.

«А отъ Васильковъ поити мало на встокъ, есть церковъ святаго Николы, и ту есть церкви[2]) святаго Николы на стѣнѣ вапы, устроенъ аки живъ. [И] пришедшу нѣкоему християнину, істопшу в мори и молящуся, и протяжеся к нему рука святаго Николы от образа того, а в руце мешецъ, а в мешцы 100 златыхъ великихъ фряскихъ отъ чистаго злата.

«А подъ Васильки есть пристаны кораблемъ і перевозъ к Галатомъ.

«Оттого мало пошедъ к Поручному Спасу; ту есть образъ Святаго Спаса, иже поручалъ по Федоре купцѣ, егда за[и]мовал у Жидовина у Аврамия сребро и злато и истопе; тогда Жидовинъ иде, поругатися хотя образу Святаго Спаса, і в томъ часѣ изве[р]же море суму злата и грамоту отъ купца і преписание Святаго Спаса писано сицево: «Не поруга[и] ми ся, о Жидовине; не могу в долгу быти, ниже оставляю раба моего стр[а]ждуща толико, но возми свое, лишше ти есть 15 гривенъ злата». Жидовинъ же видѣвъ чюдо крестися, [и] жена его, і весь домъ свои крести.

«А отъ Васильковъ поити на зимнои западъ к Пантократарю;

---

1) Въ Б. *распятия.*

2) Въ Б. и М. *церковъ.*

есть монастырь Пантократарь Иусти[ни]яна царя на горѣ учиненъ велми чюдно, озданъ каменемъ, и округъ его вода, и столпове в немъ камены, узорочья многа, в немъже и доска, на неиже Христа ко гробу принесли, да [1]) корчагъ, в немже Христосъ воду в вино претворилъ; да мученикъ Михаило въ тѣле лежитъ бе[зъ] главы, і глава Иякова Перскаго, и слѣзы святѣй Богородицы на дске.

«А оттоле поити к Подмакарис[ту] на [за]падъ. Идя к Подрому, на право есть монастырь; въ томъ монастырѣ глава Игнатия Богоносца и святіи апостоли в тѣле лежатъ [2]) Карпъ і Папилъ и Трофимъ и Филимонъ и Онсифоръ.

«А отъ апостолъ поити на полудни долу, есть [2] [3]) монастыря женскихъ: единъ царицынъ монастырь, а другои царевъ [4]); в перьвомъ монастырѣ святое [5]) двѣ телѣ [не]тлѣнни—Иоанъ Милостивыи, Мария Магдалыни, Феодосия дѣвица, а въ другомъ Стефан Новыи и Ирина святая даютъ християномъ просвещение. Отъ нея же подъ Спасомъ есть святая вода межъ стены городныи и моремъ заключена, и тою водою умываютъце людие і пиютъ ея, и исцелѣние отъ нея бываетъ; ту близъ [святыя воды въскрай моря есть песокъ, идѣже больніи погребаютъ ноги и изби]раютъ черви изъ носъ и изо всего телеси и здрави бываютъ.

«А Манганы изшедъ, на западъ к Василькомъ идя, есть церковъ святыи Андрѣи, [и] ту лежитъ святыи Андрѣи Критцкіи и целбы подаетъ людемъ мнозимъ.

«Отъ святыя Софѣя на полудни поити к Цареву двору Ко[нь]стянтинову, есть налевѣ церковъ, есть святая Еуфимия, идѣже соборъ июля въ 16 день бысть святыхъ отецъ 40 и утверженъ бысть вѣры святою Еуфимиею; ту же и святыи Михаило в тѣле лежитъ, и ту бы[ваютъ цель]бы многимъ.

---

1) Въ Б. *до.*
2) Въ Б. *лежитъ.*
3) Въ Б. и М. цифра пропущена.
4) Въ Б. *церковъ.*
5) Въ Б. *в тои.*

«Идохомъ же оттуду на Царевъ дворъ Ко[нь]стянтиновъ; есть Царевъ дворъ на полудни надъ моремъ великимъ, и есть на Царевѣ дворѣ узорочья много. Есть убо столпъ каменъ великъ; на томъ столпѣ 4 столпцы каменыхъ [же], а на столпахъ тѣхъ положенъ каменъ синего аспида, да в томъ же камени рѣзаны лвы крилатіи [и] орли каменіи и бораны камены; у борановъ же рога уже збита, тѣмъ же і столпъ единъ избитъ: то же портили Фряз[ов]ѣ в елико владѣли Царѣмъ градомъ; и инѣхъ убо узорочей много потравили. А подъ стеною вскрай [1]) моря есть медведи камены[и] изубри каменіи же, и иныхъ узорочья велми много и до сего дни. І есть мовница Костянтинова надъ моремъ высоко близъ стены, тамо же Левъ царь і воду возвелъ [2]) и корыто [3]) учини камено велико хитро и мудро, у негожъ корыта нищіи приходящіи мыяхутся, а во угли мовни тоя положъ бочку древяну велику, збиту обручи желѣзними, у неяже 7-мь гвоздь, да какову хто хочетъ воду, такову же и точитъ; а мзды не имаетъ ни у кого же мьющихся; на то же постави стражъ в другомъ угли болванъ аки человѣкъ каменъ, и лукъ [4]) мѣдянъ в руцѣ его и стрела мѣдяна жъ, да аще [кто у кого захочетъ] [5]) взяти мзда, то онъ уст[р]елитъ бочку, и не будетъ воды [6]) отъ нея. А возлѣ бочки [7]) устрои фонарь ограженъ стекломъ латыньскимъ, иже горяше день и нощъ непрестанно. Рекоша ми нѣцыи, яко после Лва царя 300 лѣтъ бысть мовница сіи, мьяхутся [в ней], и не престаяше вода текущи изъ бочки тоя, и фонарь горяше [8]), и егда [9]) Фрязи начаша взимати мзду, тогда той болванъ [и]спусти стрѣлу и удари в бочку, и бочка разсѣдеся и фонарь погаше;

---

1) Въ Б. *вскрамъ*.

2) Въ Б. *возвели*.

3) Въ Б. *корытои*.

4) Со словъ *и лукъ* начинается отрывокъ Т.

5) Только въ Т.

6) Въ Б. *воду*.

7) Въ Б. и М. *бочку*.

8) Въ Б. *горящъ*.

9) Въ Б. *едва*.

они же отроша главу болвану тому; тѣмъ же многа Фрязи истеряли узорочья. А подъ Царевымъ дворомъ [і] иные были [1]) полаты, і в тѣхъ полатахъ есть чаша царицына святые Елены; та [жъ] [2]) чаша была воды полна, и приходящіи християне, Фрязи [и] Латына, и Срачина взимаху воду комуждо колико надобѣ [3]); а безъ воды не бывало [4]) николиже, но исцеление даяше[ся] болнымъ; [а] ныне же та чаша праздна стоитъ и до сего дни [5]).

«Но, господи мои царю, и се дивное чюдо забыхъ повѣдати: быхъ бо о благихъ забытливъ. Егда во храмѣ Божіи ходихъ святыя Софѣя і видѣхъ ино чюдо: есть бо [6]) идущу во святую Софѣю отъ великаго оклада отъ первыхъ двереи до вторыхъ 50 лакотъ [7]), сіи рѣчь саженъ, а отъ втораго порога до амбона 70 лакотъ [8]); мало же не дошедъ амбона, есть ту горка мраморна, на неи стоитъ святая чаша потиръ, около же нее огражено каменемъ, а верху ея киотъ мѣдянъ позлащенъ. Егда бо хотяху Фрязи взяти Царьградъ, тогда патриархъ нача хранити сосуды і earthemъ чашу ту и [понесе изъ святаго олтаря; егда мимо идя амбонъ, тогда бысть ему гласъ глаголя: «Доселѣ дойдеши и не прейдеши». Онъ же слышавъ ту устрашися и изрути чашу ту и] хотѣ взяти и не возможе, и огради ю каменемъ. А отъ амбона до олтаря 30 лакотъ, а олтарь есть 50 [9]) лакотъ в долготу, а ширина 100. А ширина святыя Софѣя 200 лакотъ, а высота ея 108 [10]). А верхи ея чюдно украшены и утворены; а надъ прежними дверми на высотѣ ея написанъ Соломонъ мусиею аки живъ в кругу лазурне со златомъ; 6 саженъ — кажутъ — мѣра ему, а

1) Въ Б. *бымъ*; въ М. *быти*.
2) Только въ Т.
3) Въ Б. *недобѣ*.
4) Въ Т. *а вода не оубывало*.
5) Послѣ этихъ словъ въ Т. пропускъ.
6) Въ Б. *во*.
7) Въ Б. *латко*.
8) Въ Б. *латко*.
9) Въ М. *80*.
10) Въ М. *150*.

всѣхъ [престолъ во Святѣи Соѳѣи 84, а дверей всѣхъ] 72; а столповъ всѣхъ округъ ея і внутрь ея 300 и 62[1]). Здѣ же хощу составити повести моея конецъ»[2]).

Рече же ему: «Отче святыи, [много][3]) благодарю тя, но повѣждь ми, како взыде отъ Царска двора».

Отвѣща[въ][4]) же епископъ, рече: «Отъ Царска двора поидохомъ ко игрищу на западъ; есть убо игрище[5]) близъ Царева двора; то было игрище многими чюдесы украшены, тѣм же много и ныне есть. На немъ есть столповъ 30 стоитъ великихъ отъ великаго моря; у всякаго столпа колцы[6]) желѣзны, а верху столповъ брусьемъ каменымъ переходы мощены отъ краинево столпа и до краинево. А отъ тѣхъ столповъ поити по игрищу, есть на лѣвой сторонѣ на воротѣхъ 2 женѣ камени аки живы, и ти жены об[л]ичали женъ, коя жена отъ мужа буди, и не пускали ихъ[7]) во игрище, но отдале себѣ играли.

«Отъ игрища же пошедъ мало налѣво, в тои же сторонѣ есть 3 змеи мѣдяны, и тѣ змеи обращаютьца трижди лѣтомъ, коли солнце в лѣтнюю звѣзду поступитъ, да коли[8]) в зимнюю, да коли на істомъ високостѣ будетъ[9]). А туто же есть налеве[10]) столпъ каменъ великъ, поставленъ на четырехъ лодыгахъ мѣдяныхъ; а лодыги тѣ аки храмины велики слиты, ихже сотвори Левъ царь Премудрыи; на томъ столпѣ 16 мужеи: 8 мѣдяныхъ, а восмъ каменыхъ, держатъ в рукахъ своихъ кождо метлы[11]), — бѣ же древо незнаемо, но бѣ яко воскъ [овощало]; тѣ же мужие[12]) при

1) Въ М. *68*.
2) Послѣ этого слова начинается опять текстъ въ Т.
3) Только въ Т.
4) Только въ Т.
5) Вмѣсто *игрище* въ Т. позднѣйшею рукою приписано *врата*.
6) Въ Б. *па колцу*.
7) Въ Т. *іже кая жена отъ мужа блудитъ и тѣхъ не пускали*.
8) Въ Б. и М. *велико*.
9) Въ Т. *да коли начнетъ високосъ быти*.
10) Въ Б. *навели*.
11) Въ Б. *метля*.
12) Въ Б. *ту же можіе*.

Лвѣ царѣ пахали улицы, по граду ходяще нощию, а въ день стояху праздни. И ина бо хитра и мудра того творения: бѣ аки вторыи[1]) Соломонъ. Во дни же царства его была у него полата, в не иже солнце и мѣсяцъ и звѣзды хождаху аки на [не]беси; нынѣ же вся та праздна, якэ же рекохъ. А около игрища ины столпове, на нихъже рѣзаны людцы малы. А направе есть кладязь глубокъ велми, а въ немъ вода сладка; а с ыгрища на всѣ стороны ворота.

«И оттуду же идохомъ в лѣвая врата на западъ ко Спасову гвоздию: столпъ убо стоитъ с правую руку Великия улицы[2]) отъ святыя Софѣя к Правосудомъ; верху того столпа запечатано гвоздие Спасово і Ноева секира и кошница отъ двунадесятъ, что Христосъ в пустыни чюдо сотворилъ; а столпъ обитъ 15-ю обручи желѣзными, а верху его крестъ. Отъ столпа же поидохомъ по Великой[3]) улицы к Правосудомъ. Есть направе церковъ мирская, ис тои церкви[4]) выходитъ икона святая Богородица во всякое воскресение да велика чюдеса створяетъ, болнымъ подаетъ исцеление. Пошедъ же подале по Великои улицы, есть направе Правосуды отъ моря Чермнаго[5]), яже сотворилъ Левъ [царь][6]) Премудрыи горазд[н]о и хитро; какие[7]) людие, і порты на нихъ латы[нь]стіи, оба камены красного мрамору; и одинъ право суди[лъ] о поклепе, а друг[і]и о заиму и о торговляхъ і обо иныхъ вѣщехъ, — да [аще][8]) кого кто чѣмъ поклеплетъ, и онъ пришедъ да всыплетъ ему в руку, и колько будетъ правыхъ кунъ, только і приметъ, а лишнего никако же не прииметъ, но летятъ куны мимо; а о торговляхъ такоже[9]): стояти обѣма исцема руки вложивъ в ротъ

---

1) Въ Т. *премудрый.*

2) Въ Б. *улиты.*

3) Въ Б. *Велику.*

4) Въ Б. *и стоитъ церковъ.*

5) Въ Т. *Черленаго.*

6) Только въ М.

7) Въ Т. *паки.*

8) Только въ Т.

9) Послѣ *такоже* въ Б. слѣдуютъ слова *не приметъ*, которыхъ нѣтъ въ М. и Т.

болвану тому, и кто будетъ виненъ, и онъ ошибетъ руки [емоу][1]) прочь; но и то Фрязи попортили: единъ перебитъ на полы[2]), а другому руки и ноги перебиты и носа сражено.

«Оттоле же исшедъ и ідохомъ х Калуянову Городку цареву; есть у [того][3]) городка царева врата 3: на первыхъ воротѣхъ написано распятие Христово[4]), а другая сторона — Страшный Судъ. Та вра[та] прошедъ, поити влево к Великому морю, к Перивлепзому[5]); есть монастырь Перивлепзонъ[6]) горазъд[н]о велми строенъ, а церковъ в немъ Пресвятая Богородица, і въ ней много святыхъ мощіи. И много в томъ граде святыхъ телесъ лежитъ.

«И оттоле паки возвратихся во свои монастырь к святому Андрѣю, і паки придохомъ [сѣмо. I си вся сказахъ ти, яко же возмогохъ; но что си суть, колико] бо былъ Царьградъ при великомъ Ко[нь]стянтине и [о][7]) Елены матере его, не толико[8]) еще было чюдесъ и узорочья. Но се моея повести конецъ. Ты же аще хощеши, Богу ти[9]) помогающу, самъ да возриши, и азъ бо желаю и молюся Богу и святому архангелу Михаилу, да [сподобитъ мя тамо конецъ житию прияти во святыхъ] тѣхъ мѣстехъ, да бы ми хотя мало ослаба была множеству грѣхъ[10])».

Отвѣща царь: «Благодарю Бога і тебѣ, отче честныи, яко колико ми добра изглагола». И одари епископа многими честными дарми і отпусти его, и тако разыдостася[11]). По мале же дни[и], Божиимъ изволениемъ ідущимъ страннымъ во Иерусалимъ, царь же иземъ злата много и утаився всѣхъ, иде с нима во Иерусалимъ і пребысть тамо два лѣта и по всѣмъ Святымъ Мѣстомъ

1) Только въ Т.
2) Вмѣсто *на полы* въ Б. *руки*.
3) Только въ Т.
4) Въ Т. *Господне*.
5) Въ М. и Т. *к Перивлепкому*.
6) Въ М. *Перилъптонъ*; въ Т. *Перевлентовъ*
7) Только въ Т.
8) Въ Т. *не столко*.
9) Въ М. *тебѣ*.
10) Въ Т. *грехомъ моимъ*.
11) На этомъ кончается отрывокъ Т.

походи и оттуду иде в Синаискую гору і бысть тамо 1 мѣсяцъ, и по сихъ иде во Александрию лѣто едино. Тогда сниде епископъ Венединскій[1]) в Ко[нь]стянтинградъ и не обрете своего[2]) царя; но по лѣте единомъ при[и]де царь отъ Александрия со странники и обрете своего епископа в монастырѣ святаго Андрѣя, и целоваста.

Объясненіе издаваемаго нами памятника, и въ особенности опредѣленіе времени его написанія и его состава, сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями.

Съ одной стороны, если судить о немъ по его внѣшней формѣ, то слѣдуетъ отнести его къ довольно позднему времени нашей письменности: по крайней мѣрѣ, въ ранніе вѣка ея не встрѣчается оригинальныхъ русскихъ произведеній, изложенныхъ въ формѣ собесѣдованія; едва ли не первые случаи ея употребленія находимъ мы уже въ XVI столѣтіи — въ сочиненіяхъ Вассіана Патрикѣева («На Іосифа игумена Волоцкаго собраніе отъ святыхъ книгъ») и Зиновія Отенскаго («Истины показаніе»), и здѣсь діалогическая форма объясняется чисто полемическою задачею этихъ произведеній. Напротивъ того, въ нашемъ памятникѣ діалогическая форма не оправдывается цѣлью, которую преслѣдуетъ авторъ: между собесѣдниками не происходитъ никакого спора; вопросы царя и отвѣты епископа не представляютъ собою діалектическаго развитія основной идеи — о душеспасительной пользѣ паломничества; доказательства автора заключаются не въ опроверженіи возможныхъ возраженій, а только въ приведеніи примѣра: въ уста епископа вложенъ разсказъ, и притомъ не только объ его паломническомъ хожденіи, но и о томъ чудесномъ видѣніи, которымъ былъ освященъ его благочестивый подвигъ.

---

1) Въ М. *Ренедіиски*.

2) Въ Б. *своего* дважды.

Такимъ образомъ, не смотря на діалогическую форму, нашъ памятникъ сохраняетъ характеръ поучительнаго повѣствованія, тоесть, относится къ тому типу литературныхъ произведеній, который преобладалъ въ нашей письменности еще съ раннихъ ея временъ.

Съ другой стороны, издаваемая нами Бесѣда, вся посвященная Константинополю, не содержитъ въ себѣ никакого намека на то, что столица благовѣрныхъ царей находится во власти басурманъ. Взятіе Константинополя турками въ 1453 году произвело на Руси очень сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ поръ почти всякое упоминаніе о столицѣ православнаго востока въ нашихъ памятникахъ сопровождалось выраженіемъ скорбнаго чувства о порабощеніи ея подъ иго невѣрныхъ, или по крайней мѣрѣ, выраженіемъ негодованія на грековъ, своими грѣхами заслужившихъ такое порабощеніе. Нельзя представить себѣ, чтобы не высказался въ томъ или другомъ смыслѣ составитель нашей Бесѣды, еслибъ ему извѣстно было о водвореніи турокъ въ Константинополѣ. Только до половины XV вѣка было возможно поклоненіе цареградской святынѣ; напротивъ того, первый по взятіи Константинополя русскій путешественникъ на востокъ, описавшій свое странствованіе, гость Василій (1465—1466 гг.) ни словомъ не обмолвился о Цареградѣ, хотя едва ли могъ миновать его на своемъ пути, — не обмолвился, конечно, потому, что не зналъ, какъ ему описать поруганіе и погромъ тамошнихъ многочисленныхъ храмовъ и монастырей. Въ виду этихъ соображеній надобно полагать, что издаваемая нами Бесѣда написана не позже половины XV вѣка. А если прибавить къ тому, что еще до взятія Константинополя турками сдѣлана была, въ 1439 году, во Флоренціи попытка уніи между Восточною и Западною церквами, и что вѣсть о томъ, по принесеніи ея въ Москву, впервые возбудила здѣсь сомнѣнія на счетъ чистоты православной вѣры у грековъ, то прійдется еще нѣсколько отодвинуть время составленія Бесѣды, и именно признать, что памятникъ этотъ, столь благоговѣйно повѣствующій о православной кон-

стантинопольской святынѣ, могъ быть составленъ только до 1440 года.

Но это заключеніе опредѣляетъ лишь одну сторону хронологическаго вопроса. Чтобы выяснить другую, то-есть, ранѣе какого времени Бесѣда не могла быть написана, необходимо войдти въ болѣе подробное разсмотрѣніе ея состава.

Поучительныя повѣствованія Бесѣды заключаютъ въ себѣ два элемента — легендарный и историческій. Легендарный мотивъ положенъ въ самую основу нашего памятника: царь проситъ епископа разсказать объ его паломничествѣ и, выслушавъ его повѣствованіе, рѣшается самъ послѣдовать примѣру святаго отца. Какой страны это царь—не сказано; епископъ же названъ Венединскимъ или, по другому списку, Ренедійскимъ, и царь называетъ его своимъ [1]). Уже это отсутствіе точности въ указаніи именъ переноситъ описываемыя происшествія въ туманную область легенды; авторъ какъ бы намѣренно удерживаетъ читателя внѣ предѣловъ исторической дѣйствительности.

Вполнѣ легендарнымъ характеромъ отличается и начальная рѣчь епископа, его разсказъ о томъ чудесномъ видѣніи, котораго онъ сподобился въ юности, когда впервые пришелъ поклониться цареградской святынѣ. Ему явился тогда архангелъ Михаилъ и послалъ его къ императору Роману съ повелѣніемъ поспѣшить возстановленіемъ стѣны Софійскаго храма, разрушенной землетрясеніемъ, а самъ обѣщалъ быть стражемъ этого храма.

Преданіе о томъ, что архангелъ Михаилъ пожелалъ взять Юстиніанову церковь подъ свою охрану, тѣсно связано съ исто-

---

1) Г. Рузскій (Archiv für Slavische Philologie, 11-ter Band, S. 311) признаетъ болѣе правильнымъ чтеніе Ренедійскій, производя это названіе отъ македонскаго города Rendina — Rondino—Renthina — Rentine —Ῥυγχίνος. Въ пользу чтенія Венединскій можно припомнить названіе венеціанцевъ Венедици въ Сказаніи о перенесеніи мощей св. Николая въ Баръ-градъ, XI в., и въ Словѣ о полку Игоревѣ; у Игнатія Смольянина (1389—1465 гг.) они называются Венедики.

ріей ея сооруженія. Оно записано въ анонимномъ греческомъ сказаніи о созданіи этого храма, относимомъ къ началу XII вѣка [1]), и затѣмъ повторено въ русской передѣлкѣ этого сказанія, конца того же столѣтія [2]), а также въ «Паломникѣ» архіепископа Антонія [3]). По мнѣнію профессора Кондакова, поводъ къ возникновенію этого преданія подало колоссальное изображеніе архангела въ абсидѣ Софійскаго храма, остающееся нынѣ почти единственнымъ по стилю изображеніемъ Юстиніанова времени [4]). У греческаго анонима и въ его русской передѣлкѣ сообщается по этому поводу цѣлая легенда. Однажды, во время сооруженія храма, мастера, его строившіе, пошли обѣдать, оставивъ нѣкотораго благочестиваго отрока стеречь зиждительные сосуды. Въ эту-то пору на воздвигаемой стѣнѣ явился ему кажникъ въ бѣлыхъ ризахъ, объявилъ, что онъ будетъ стражемъ храма, а отрока послалъ къ императору Юстиніану съ повелѣніемъ не медлить постройкой. Распросивъ посланнаго, императоръ догадался, что кажникъ есть архангелъ Михаилъ.

Въ разсказѣ епископа нашей Бесѣды повторяются существенныя черты этой легенды, но съ нѣкоторымъ подновленіемъ сообразно обстоятельствамъ времени: храмъ уже не строится, а только исправляется послѣ землетрясенія,—поэтому архангелъ является не на воздвигаемой стѣнѣ, а на торгу; имя императора не Юстиніанъ, а Романъ. Не смотря на эти отличія, сходство между двумя варіантами легенды столь близко, что весьма возможно предположеніе: разсказъ епископа не есть ли только позднѣйшая книжная передѣлка прежняго сказанія, принадлежащая составителю нашей Бесѣды. Въ пользу такого предположенія говоритъ то,

---

1) Ant. Banduri. Imperium Orientale. T. I. Parisiis. MDCCXL. Anonymus de S. Sophia, pp. 71—72.

2) Памятники древней письменности. LXXVIII. Сказаніе о Софіи Цареградской. Сообщилъ архим. Леонидъ. С.-Пб. 1889, стр. 11—13.

3) Путешествіе архіепископа Антонія, ст. 70.

4) Византійскія церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1886, стр. 116.

что легенда въ варіантѣ, сообщаемомъ Бесѣдой, нигдѣ болѣе — сколько мы знаемъ — не встрѣчается. Замѣтимъ притомъ, что имя императора Романа могло быть названо тутъ не случайно: при одномъ изъ Византійскихъ государей, носившихъ это имя, при Романѣ III Аргирѣ (1028—1034 гг.), дѣйствительно было землетрясеніе въ Константинополѣ (13-го августа 1032 г.)[1]) и производились исправленія въ храмѣ св. Софіи; только извѣстія о нихъ намъ не встрѣтилось въ русскихъ памятникахъ, а сообщается оно у Кедрина[2]). Какъ бы то ни было, смыслъ легенды въ обоихъ варіантахъ одинъ и тотъ же: она указываетъ на исключительное, первенствующее значеніе константинопольскаго храма св. Софіи Премудрости Божіей, обусловленное тѣмъ, что надъ нимъ непосредственно блюдутъ небесныя силы. Наша Бесѣда расширяетъ даже это высшее блюденіе, ибо въ ней епископъ заключаетъ разсказъ о своемъ видѣніи слѣдующими словами: «Во истину, господи царю, Божіи градъ есть, и стражъ есть ему великіи архистратигъ Михаилъ и до втораго пришествия Христова».

На тѣ же легенды намекаетъ и Нестеръ Искендеръ въ своей повѣсти о взятіи Константинополя турками, когда упоминаетъ о пламени, исшедшемъ во время послѣдней осады города изъ оконъ Софійскаго храма и окружившемъ «всю шею церковную», а потомъ собравшемся въ одно мѣсто и отошедшемъ на небо. Патріархъ, по словамъ Нестера, объяснилъ это явленіе царю слѣдующимъ образомъ: «Вѣси, о царю, вся прежереченная о градѣ семъ, и се нынѣ пакы ино знаменіе страшно бысть: свѣтъ убо онъ неизреченный, иже бѣ съдѣйствуя въ велицѣй церкви Божія Премудрости съ прежними свѣтильникы и архіереи вселенскими, такоже и ангелъ Божій, егоже укрѣпи Богъ при Устиніанѣ цесари, на съхраненіе святыа великіа церкви и граду сему, въ сію бо нощь

1) Muralt. Essai de chronographie byzantine. St.-P. 1855, p. 608.

2) Ducange. Historia byzantina duplici commentario illustrata. Lutetiae Parisiorum. MDCCLXXXII. Constantinopolis christiana, p. 13; cf. p. 27.

отъидоша на небо: и се знаменуеть, яко милость Божіа и щедроты его отъидоша отъ насъ, и хощетъ Богъ предати градъ нашъ врагомъ нашимъ» [1]).

По мысли составителя нашей Бесѣды, явленіе небеснаго стража св. Софіи епископу должно знаменовать собою высокое благочестивое настроеніе, охватившее паломника, когда онъ приступилъ къ обозрѣнію цареградской святыни. Настроеніе это должно сообщится и читателю: впечатлѣніе, ожидающее послѣдняго, намѣчено авторомъ Бесѣды въ словахъ царя, который слушаетъ епископа и приходитъ въ умиленіе отъ его повѣствованій. Едва епископъ описалъ св. Софію, какъ царь выражаетъ желаніе послѣдовать примѣру своего собесѣдника, а изъ заключительныхъ строкъ произведенія оказывается, что онъ дѣйствительно привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Такимъ образомъ, указаніе на паломничество, какъ на долгъ всякаго истинно благочестиваго человѣка, и есть та поучительная мысль, которую авторъ Бесѣды если не высказываетъ прямо, то даетъ понять всѣмъ своимъ произведеніемъ.

Въ старинной русской письменности типическою формой для поучительныхъ повѣствованій служили житія святыхъ. По мѣрѣ ихъ размноженія выработывались для нихъ извѣстные пріемы изложенія — нѣкоторая витіеватость рѣчи, щедрое употребленіе церковно-славянскихъ словъ, болѣе сложное въ синтактическомъ отношеніи построеніе фразы. Тѣми же пріемами изложенія отличается и наша Бесѣда, но не вся, а только въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя имѣютъ легендарный характеръ, а также въ рѣчахъ царя [2]). Напротивъ того, въ той части разсказовъ епи-

1) Памятники древней письменности. Повѣсть о Царьградѣ Нестера-Искендера XV вѣка. Сообщилъ архим. Леонидъ. С.-Пб. 1886, стр. 24. Ср. статью Г. С. Дестуниса объ этомъ изданіи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 г., февраль, стр. 381.

2) Эти части Бесѣды любопытно сличить въ стилистическомъ отношеніи, между прочимъ, съ житіемъ Андрея Юродиваго, читаемымъ въ Макаріевскихъ Минеяхъ подъ 2-мъ октября; составитель Бесѣды, безъ сомнѣнія, зналъ его и заимствовалъ изъ него нѣкоторые обороты рѣчи.

скопа, гдѣ содержится собственно описаніе константинопольскихъ святынь, изложеніе сохраняетъ оттѣнокъ дѣловой сухости, свойственный какому-нибудь дорожнику или путеводителю. Уже одно это обстоятельство наводитъ на мысль, что разсказы эти извлечены составителемъ Бесѣды изъ какого-нибудь чужого сочиненія. Ближайшее разсмотрѣніе означеннаго отдѣла Бесѣды, отдѣла собственно историческаго, подтверждаетъ такое предположеніе.

Прежде всего, нельзя не замѣтить, что разсказы епископа о томъ, что̀ онъ видѣлъ въ Константинополѣ, хотя и прерываются вопросами и замѣчаніями царя, представляютъ собою нѣчто цѣлое. Далѣе, несомнѣнно, что они имѣютъ явные признаки исторической достовѣрности, какъ свидѣтельства человѣка, который самъ былъ въ столицѣ императоровъ: сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія отличаются отчетливостью и наглядностью, а порядокъ ихъ изложенія соотвѣтствуетъ той послѣдовательности, въ которой цареградскія святыни могли быть осматриваемы подъ руководствомъ мѣстныхъ проводниковъ. Проф. Н. П. Кондаковъ мѣтко указалъ эту особенность изложенія въ «Паломникѣ» архіепископа Антонія[1]); какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ разсказахъ епископа нашей Бесѣды представляется нѣсколько путей хожденія по великому городу: прежде всего описывается первый холмъ, съ храмомъ св. Софіи, съ церквами и монастырями, расположенными по берегу Босфора; затѣмъ во второй путь обозрѣвается юго-западная часть столицы, съ монастырями Перивлептомъ и Студійскимъ, съ Золотыми Воротами и Калуяновымъ Городкомъ; третій путь ведетъ въ сѣверную часть города, къ монастырю св. Іоанна Предтечи (Продромъ) и къ Влахернскому храму; на четвертомъ пути описываются внутренніе холмы — четвертый и пятый, съ монастырями Пантократора и Паммакаристы; пятый путь возвращаетъ повѣствующаго ко дворцу Константина, и притомъ снова дѣлаются общія замѣчанія о храмѣ св. Софіи, а далѣе обозрѣваются сосредоточенные около помянутаго дворца

1) Византійскія церкви и памятники Константинополя, стр. 89.

гражданскіе памятники; заканчивается разсказъ еще нѣсколькими свѣдѣніями о западной части Цареграда, такъ какъ въ этой сторонѣ находился монастырь св. Андрея Юродиваго, гдѣ повѣствующій имѣлъ, по видимому, свое пристанище.

Что мы имѣемъ предъ собою свидѣтельства очевидца—всего яснѣе обличается его многочисленными показаніями о слѣдахъ разоренія, оставшихся въ Константинополѣ послѣ господства въ немъ латинянъ въ XIII вѣкѣ. Правда, что періодъ ихъ владычества въ Цареградѣ (1204—1261 гг.) опредѣленъ невѣрно—въ шестьдесятъ-два года, а о возстановленіи власти Восточныхъ императоровъ упоминается въ выраженіяхъ болѣе изысканныхъ, чѣмъ точныхъ [1]), — тѣмъ не менѣе о бѣдствіяхъ латинскаго нашествія говорится съ живостью и ясностью свѣжаго впечатлѣнія, подобныя которымъ можно найдти только въ Сказаніи о погибели царства Греческаго, вставленномъ въ нѣкоторыя русскія лѣтописи подъ 1204 годомъ.

Наконецъ, можно считать несомнѣннымъ и то; что внесенные въ Бесѣду разсказы о Цареградѣ принадлежатъ русскому автору. На это въ особенности указываютъ слѣдующія слова нашего текста объ одной изъ иконъ Божіей Матери въ Софійскомъ храмѣ: «та икона посылала мастеры на Киевъ ставитъ церковъ въ Печере ко святому Антонию и Феодосию». Преданіе это могло быть интересно только русскому человѣку, и какъ извѣстно, оно встрѣчается въ Печерскомъ Патерикѣ, въ сказаніи о созданіи Печерскаго храма [2]), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что, по Патерику, икона эта находилась во Влахернскомъ храмѣ, а не въ Софійскомъ, какъ утверждаетъ нашъ памятникъ.

---

1) «И пришедъ калимохъ изо Аравия, изгна Фрязи, и градъ предася настасу царю». Выражаясь такимъ образомъ, то-есть, называя Михаила Палеолога настасомъ (анастасомъ), а его полководца Алексѣя Стратигопуло калимохомъ (калимахомъ), авторъ прибѣгаетъ къ довольно распространенному въ нашей старинной письменности обычаю украшать рѣчь греческими словами. Въ старинныхъ Алфавитахъ калимахъ переводится «доброборецъ», а Анастасій менѣе точно—«воскресеніе».

2) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Вл. Яковлевымъ. С.-Пб. 1872, стр. CXVII.

Установивъ такимъ образомъ фактъ, что разсказы епископа нашей Бесѣды о Цареградѣ содержатъ въ себѣ показанія очевидца, и притомъ русскаго, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ право сравнить эти разсказы съ другими описаніями Константинополя, оставшимися въ нашей старинной письменности отъ паломниковъ, посѣщавшихъ его до времени турецкаго завоеванія.

Такихъ описаній сохранилось пять: одно — Новгородскаго архіепископа Антонія — изъ самаго конца XII вѣка, три — Стефана Новгородца, Игнатія Смольянина и дьяка Александра — изъ XIV вѣка, изъ его средины и конца, и одно — іеродіакона Зосимы — изъ первой четверти XV вѣка. Всѣ эти описанія отличаются полною наивностью воззрѣнія и безыскусственностью изложенія, и тотъ же характеръ носятъ на себѣ разсказы о Цареградѣ въ нашей Бесѣдѣ. Но, кромѣ этихъ общихъ литературныхъ признаковъ, объясняемыхъ, съ одной стороны, однородностью содержанія, а съ другой — одинаковостью культурнаго развитія ихъ авторовъ, не можетъ быть указано другихъ чертъ сходства между разсказами нашей Бесѣды о цареградскихъ святыняхъ и записками о нихъ русскихъ паломниковъ XII и XIV вѣковъ. Каждое изъ этихъ произведеній, одно короче, другое пространнѣе, возникло самостоятельно: всѣ они говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, но каждое описываетъ ихъ въ особомъ порядкѣ, и притомъ либо выражается посвоему, либо употребляетъ выраженія общепринятыя въ подобныхъ случаяхъ, по образцамъ, даннымъ еще въ Хожденіи игумена Даніила въ Святую Землю[1]). Въ чисто фактическомъ отношеніи можно еще замѣтить нѣсколько разнорѣчій между свидѣтельствами архіепископа Антонія (1200 г.) и разсказами нашей

---

1) Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «и ту мы грѣшніи поклонихомся и цѣловахомъ», «на исцѣленіе больнымъ», «и много исцѣленія и прощенія бываютъ», «въ тѣлѣ лежитъ», «самъ лежитъ аки живъ», и т. п. обычны въ рѣчи нашихъ паломниковъ, начиная съ Даніила. Не забудемъ также, что многіе обороты рѣчи, какъ у Даніила, такъ и у другихъ паломниковъ, ведутъ свое начало изъ Библіи и житій древне-христіанскихъ святыхъ.

Бесѣды[1]); съ паломниками же XIV вѣка эти разсказы не представляютъ даже и такихъ разнорѣчій; разница лишь въ томъ что въ Бесѣдѣ сообщается больше фактическихъ данныхъ, что они изложены подробнѣе, и что больше вниманія обращено на связанныя со святынями легенды, а также на гражданскіе памятники Константинополя.

Въ иномъ свѣтѣ представляется литературное отношеніе между разсказами нашей Бесѣды и свѣдѣніями о Цареградѣ, сообщаемыми въ путевыхъ запискахъ іеродіакона Зосимы (1420 г.). Между тѣми и другими оказывается связь, которую нельзя уже объяснять только однородностью предметовъ описанія или употребленіемъ вошедшихъ въ обычай выраженій; приходится предположить прямое заимствованіе. Нижеслѣдующее сопоставленіе сходныхъ мѣстъ въ запискахъ Зосимы и въ разсказахъ Бесѣды подтвердитъ наши слова.

Зосима (**Правосл. Палест. Сборникъ, в. 24, стр. 4**).	**Бесѣда.**
Близь же святые Соѳѣи Христосъ Милостивыи, монастырь женьскии; вода есть святая въ немъ подъ церьковью: въ песокъ ноги копающе прокаженнии и болящи исцелевье приемлютъ безчисленно.	Подъ Спасомъ есть святая вода... и тою водою умываютъце людие і пиютъ ея, и исцелѣние отъ нея бываетъ; ту близъ святыя воды въскрай моря есть песокъ, идѣже больніи погребаютъ ноги и избираютъ черви изъ посъ и изъ всего телеси и здрави бываютъ.
(**стр. 5**).	
Предъ дверми жъ святые Соѳѣи столпъ стоитъ, на немъ же царь Устиянъ стоитъ на кони; конь мѣдянь и самъ мѣденъ вылитъ; правую жъ руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, хвалится на сороцинские цари, и сороцинские цари противъ	Исходя изъ церкви святыя Софѣя полуденными дверми, по правов руки есть столпъ каменъ высокъ; на столпѣ томъ стоитъ Иустиниянъ царь весь мѣдянъ на конѣ, и конь мѣдянъ; держитъ в руцѣ яблоко мѣдяно велие, поднялъ бо бѣ на землю

1) Такъ, Антоній видѣлъ икону «въ нюже уразилъ жидовинъ Христа въ гортань», а также мощи св. Аверкія, въ храмѣ св. Софіи (Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ 12-го столѣтія, ст. 80 и 81); въ Бесѣдѣ же говорится, что первая находилась въ церкви св. Николая на Димитріевомъ дворѣ, а вторыя хранились въ церкви св. Спаса близъ Манганскаго монастыря.

ему стоятъ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань и глаголютъ ему: Не хвалися на насъ, господине, мы ся тебѣ ради противити начнемъ. Въ друзѣи жъ руцѣ держитъ якъ яблокъ златъ, а на яблоцѣ крестъ.

Срачинску, а в правои руцѣ ему крестъ; а передъ нимъ 3 столпы камены, се на столпахъ 3 цари поганiи, всѣ слѣпи мѣдяны аки живы стоятъ, преклонша колѣни свои Іустинияну царю и предающе грады своя в руцѣ ему.

(стр. 5 и 7).

А оттуду есть, яко стреловище, мѣсто, зовесь Подорожье, урыстанье конское, и тутъ столпъ на сиѣ; сопъ есть — человѣки съ 3 высота его. На сиѣ томъ лодыги 4 марморены, а на лодыгахъ тѣхъ поставленъ столпъ, высота его 60 саженъ, а ширина его 3 сажени: единъ камень, безъ става....

Предъ враты монастыря того (Аполикаптии) лежитъ жаба каменна. Сия жаба при цари при Лвѣ Премудромъ, по улицамъ ходя, сметие жерла, а метлы мели, и востанутъ людия по ряду, а улици чистыи.

А туто же есть налеве столпъ каменъ великъ, поставленъ на четырехъ лодыгахъ мѣдяныхъ; а лодыги тѣ аки храмины велики слиты, ихже сотвори Левъ царь Премудрыи; на томъ столпѣ 16 мужеи: 8 мѣдяныхъ, а восмъ каменыхъ, держатъ в рукахъ своихъ кождо метлы,— бѣ же древо незнаемо, но бѣ яко воскъ овощало; тѣже мужие при Лвѣ царѣ пахали улицы, по граду ходяще нощию, а въ день стояху праздни.

(стр. 7).

Ту жъ, того монастыря близь (Перепта, то-есть, Перивлепта), доспѣты 2 болвана каменны велики: се жъ при Лвѣ царѣ Премудромъ Правосудьи.

Пошедъ же подале по Великои улицы, есть направе Правосуды отъ моря Чермнаго, яже сотворилъ Левъ царь Премудрыи гораздно и хитро...

Сравнивая приведенныя цитаты двухъ текстовъ, легко замѣтить, что слова іеродіакона Зосимы представляютъ путаницу иногда почти безсмысленную, тогда какъ текстъ Бесѣды даетъ ясный, полный и опредѣленный смыслъ. Изъ этого можно заключить, что не паломникъ, разсказы котораго читаются въ Бесѣдѣ, пользовался записками Зосимы, а напротивъ того, Зосима, писатель XV вѣка, имѣлъ предъ собою тѣ повѣствованія о Цареградѣ, которыя включены въ Бесѣду, и кое-что заимствовалъ изъ нихъ, притомъ плохо ихъ понимая. Давно уже замѣчена несамостоятельность многихъ извѣстій въ запискахъ Зосимы: указано было, что въ той ихъ части, которая содержитъ въ себѣ описаніе Па-

лестины, есть заимствованія изъ Хожденія игумена Даніила; случаи эти собраны Х. М. Лопаревымъ въ предисловіи къ новѣйшему изданію Зосимова «Ксеноса» [1]) и несомнѣнно доказываютъ, что этотъ путешественникъ былъ знакомъ съ Даніиловымъ Хожденіемъ и пользовался имъ какъ источникомъ. И. Я. Порфирьевъ догадывался, что есть заимствованія и въ той части «Ксеноса», гдѣ разсказывается о Цареградѣ; почтенный казанскій профессоръ полагалъ, что въ этомъ случаѣ Зосима дополнялъ свои свѣдѣнія изъ «Странника» Стефана Новгородца [2]). Но сдѣланныя нами выше сличенія убѣждаютъ въ томъ, что

1) Православ. Палест. Сборникъ, вып. 24, стр. VII—IX.

2) Исторія русской словесности. Т. I. Изданіе 2-е, стр. 474. Ставя разсказы Зосимы въ зависимость отъ «Странника» Стефана Новгородца, г. Порфирьевъ указывалъ въ особенности на сходство въ сдѣланныхъ ими описаніяхъ Юстиніанова памятника. Такое сходство дѣйствительно существуетъ, но описанія Стефана и Зосимы сходны, сверхъ того, съ описаніемъ того же монумента у нашего анонима. Основываясь на этомъ, мы могли бы предположить, что нашъ анонимъ былъ извѣстенъ не только Зосимѣ, но и Стефану, и такое заключеніе, разумѣется, было бы выгодно для того вывода, къ которому мы приходимъ ниже, о времени составленія разбираемаго нами разсказа о Цареградѣ. Мы однако предпочитаемъ воздержаться отъ предположенія, что Стефанъ пользовался нашимъ анонимомъ: дѣло въ томъ, что и у нѣкоторыхъ западныхъ путешественниковъ Юстиніановъ памятникъ описывается въ выраженіяхъ очень сходныхъ, напримѣръ, у путешественника 1322 г. сира Джона Маундвилля (см. Early travels in Palestine. Edited, with notes, by Th. Wright. London. MDCCCXLVIII, p. 130) и у путешественника 1403 г. Рюи Гонзалеса де Клавихо (см. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Переводъ И. Срезневскаго, въ Сборникѣ Отд. р. яз. и слов., т. XXVIII, стр. 66 и 67). Сходство этихъ описаній, какъ между собою, такъ и съ тремя русскими описаніями Юстиніанова памятника, очень просто объясняется тѣмъ, что и англійскій, и испанскій путешественники, и русскіе паломники, толкуя значеніе этого монумента, лишь передавали тѣ разсказы, какіе слышали отъ мѣстныхъ цареградскихъ проводниковъ: Маундвилль и Клавихо прямо ссылаются на нихъ.

Замѣтимъ кстати, что въ русской письменности XV вѣка есть еще одно упоминаніе о Юстиніановомъ памятникѣ: оно находится въ посланіи Епифанія Премудраго къ Кириллу Бѣлозерскому, писанномъ въ 1414—1415 гг., прежде чѣмъ Епифаній самъ побывалъ въ Цареградѣ. Ссылаясь на гречина изографа Ѳеофана, Епифаній говоритъ: «Написа ми нарицаемаго Іустиніана на конѣ сѣдяща и въ руцѣ своей десницы мѣдяно держаща яблоко, емуже рекоша величество и мѣра полтретья ведра воды вливаются» (Правосл. Палест. Сборникъ, вып. 15-й, стр. 5). Очевидно, Юстиніановъ памятникъ считался и на Руси одною изъ главныхъ достопримѣчательностей Цареграда.

авторъ «Ксеноса» пользовался тутъ не Стефаномъ, а тѣмъ анонимнымъ описаніемъ Цареграда, которое вошло въ составъ нашей Бесѣды. Дѣлая заимствованія, но не всегда ясно понимая слова своего источника, Зосима пріурочивалъ его показанія не къ тѣмъ цареградскимъ мѣстностямъ, къ которымъ они отнесены первоначальнымъ авторомъ. Эта наклонность Зосимы къ топографическимъ ошибкамъ также давно указана о. архимандритомъ Леонидомъ, который замѣтилъ, что Зосима злоупотребляетъ выраженіями «ту» или «ту близъ», вставляя ихъ только для связи рѣчи [1]).

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго обнаруживается, что читаемые въ нашей Бесѣдѣ разсказы о Цареградѣ были записаны ранѣе Зосимы, то-есть, ранѣе 1420 года. Но есть возможность идти дальше этого заключенія, которое само по себѣ все-таки недостаточно опредѣленно. Если, съ одной стороны, разсказы эти не могли быть записаны прежде исхода XIII вѣка—ибо ихъ составитель знаетъ объ освобожденіи Константинополя отъ латинскаго господства,—то, съ другой стороны, его частыя упоминанія о видѣнныхъ имъ слѣдахъ латинскаго грабежа несомнѣнно удостовѣряютъ, что авторъ этого описанія посѣтилъ Цареградъ вскорѣ по изгнаніи оттуда франковъ и, можетъ быть, еще засталъ живыми прямыхъ свидѣтелей ихъ владычества. Напротивъ того, Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ 1347—1350 годахъ, уже не занесъ въ свои путевыя записки никакихъ извѣстій и воспоминаній о разграбленіи, совершенномъ западными завоевателями въ императорской столицѣ, хотя, безъ сомнѣнія, и въ его время еще были видны слѣды погрома. На основаніи этихъ соображеній слѣдуетъ признать, что разсказы о Цареградѣ, читаемые въ Бесѣдѣ, записаны русскимъ паломникомъ, который посѣтилъ Константинополь не позже конца XIII или самаго начала XIV вѣка [2]).

---

1) Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по русскимъ паломникамъ. М. 1870, стр. 2.

2) Въ возраженіе противъ такого заключенія намъ могутъ, пожалуй, указать на то мѣсто въ анонимѣ, гдѣ онъ разсказываетъ, что въ притворѣ

Сношенія Руси съ Константинополемъ не прерывались даже въ первыя десятилѣтія монгольскаго ига, а въ исходѣ XIII вѣка были уже значительно оживленныя. Такъ, около 1276 года Сарайскій епископъ Ѳеогностъ отправлялся въ Цареградъ для участія въ церковномъ соборѣ; въ 1301 году съ такою же цѣлью ѣздилъ туда митрополитъ Максимъ, грекъ родомъ, въ 1283 году избранный и рукоположенный въ Константинополѣ; въ 1308 году ходилъ туда же игуменъ Ратскій Петръ, волынскій уроженецъ, для поставленія его на митрополичью каѳедру, которая стала праздною по кончинѣ Максима [1]). Эти путешествія въ Цареградъ предпринимались ради нуждъ церковнаго управленія. А въ то же время не прекращались и странствованія простыхъ паломниковъ, желавшихъ только поклониться святынямъ Константинополя и помолиться у Гроба Господня. Лѣтописи конца XIII вѣка сохранили любопытное упоминаніе о тогдашнихъ паломникахъ: въ Курской области, чрезъ которую еще въ XI вѣкѣ, какъ видно изъ житія св. Ѳеодосія Печерскаго [2]), лежалъ путь богомольцевъ, ходившихъ на поклоненіе святынямъ востока, произошла въ 1283 году схватка у русскихъ съ татарами и мѣстнымъ баскакомъ; татары взяли въ плѣнъ нѣсколькихъ бояръ и убили ихъ: «бѣ же ту переимани и переходници, иже ходятъ по землямъ, милостыни просяще, и тѣхъ (татары) тогда отпустиша, а подаваша имъ порты избитыхъ бояръ, и рекоша имъ: ходяще по землямъ тако глаголете:

церкви Манганскаго монастыря онъ видѣлъ «двѣ иконе, ихже писалъ Левъ Премудрыи: на единой написани патриарси, на друзіи же цари; отъ своего же царства писалъ до окончания Царяграда цареи 80, а патріарховъ 100, а послѣдніи царь будетъ сынъ Калуянъ, а потомъ Богъ вѣсть, а послѣдніи патріархъ Іоаннъ». Но здѣсь не можетъ быть рѣчи о Іоаннѣ III Палеологѣ или Калоіоаннѣ (1425—1448 гг.), ибо при немъ не было патріарха Іоанна; анонимъ говоритъ объ императорѣ Іоаннѣ II Комнинѣ, также который назывался Калоіоанномъ (1118—1143 гг.), и при которомъ дѣйствительно занималъ патріаршій престолъ Іоаннъ II (1111—1134 гг.). Такимъ образомъ, вышеприведенныя слова нашего анонима не могутъ служить къ опредѣленію времени его паломничества.

1) Русск. Ист. Библіотека, т. VI, ст. 129 и слѣд.; митроп. Макарій. Исторія Русск. церкви, т. IV, стр. 13, 14 и 17.

2) Уч. Записки втораго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. II, вып. 2, стр. 133.

кто иметъ споръ дръжати со своимъ баскакомъ, сице же ему будетъ» [1]). Такъ по Воскресенской лѣтописи; а въ Лаврентьевской эти переходники, питающіеся отъ мірского подаянія, прямо названы паломниками; слѣдовательно, это были странники, либо шедшіе въ Святую Землю, либо возвращавшіеся оттуда. Въ числѣ такихъ паломниковъ конца XIII или начала XIV вѣка былъ и новгородскій священникъ Григорій, ставшій впослѣдствіи Новгородскимъ же архіепископомъ подъ именемъ Василія; въ своемъ извѣстномъ Посланіи о земномъ раѣ онъ самъ свидѣтельствуетъ о своемъ путешествіи въ Святую Землю, а ходилъ онъ туда, разумѣется, не минуя Константинополя. При Ѳеогностѣ и другихъ іерархахъ должна была находиться какая-нибудь свита; Григорій ходилъ, конечно, въ составѣ какой-либо каличьей дружины (онъ и прозванъ былъ калѣкой); въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ одномъ изъ этихъ странствованій, могъ быть и авторъ того описанія Цареграда, которое включено въ составъ нашей Бесѣды.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ описаніе это, конечно, составляло отдѣльную статью, «повѣсть», какъ она и названа въ нашемъ текстѣ, на подобіе тѣхъ паломническихъ сказаній, какія оставлены намъ архіепископомъ Антоніемъ, Стефаномъ Новгородцемъ и другими. Въ этомъ видѣ «повѣсть» анонима-паломника была извѣстна, въ первой четверти XV столѣтія, троице-сергіевскому іеродіакону Зосимѣ, который внесъ нѣкоторыя изъ нея извлеченія въ свое Хожденіе, и тою же повѣстью обильно воспользовался составитель нашей Бесѣды.

Не представляется однако возможнымъ предполагать, чтобъ и вся издаваемая нами Бесѣда была сочинена около 1300 года, то-есть, тѣмъ самымъ паломникомъ, который написалъ вышеразобранную повѣсть. Вопервыхъ, какъ уже замѣчено выше, между слогомъ этого описанія Цареграда и слогомъ остальныхъ

---

1) П. собраніе р. лѣтописей, т. VII, стр. 177; ср. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. С.-Пб. 1872, стр. 457.

частей Бесѣды есть замѣтная разница. Вовторыхъ, и самъ составитель этого произведенія не сумѣлъ скрыть свое заимствованіе: онъ внесъ въ Бесѣду трудъ стариннаго паломника едва ли не цѣликомъ, только разбилъ его «повѣсть» на части краткими вставными рѣчами царя, но удержалъ изъ своего источника даже такія фразы, каковы: «Доселѣ сказание о церкви святыя Софѣя, преидемъ на градцкое сказаніе. Се же о граде сказъ», или: «здѣ же хощу составити повести моея конецъ», или еще: «но се моея повести конецъ», — фразы, не совсѣмъ умѣстныя въ діалогѣ, но вполнѣ возможныя въ описаніи путешествія. Наконецъ, втретьихъ, въ Бесѣдѣ, взятой въ цѣломъ, есть рѣзкій анахронизмъ: въ началѣ ея епископъ, ходившій на поклоненіе цареградской святынѣ, изображается современникомъ царя Романа, и какъ уже объяснено выше, тутъ слѣдуетъ разумѣть Романа III Аргира, царствовавшаго въ первой половинѣ XI вѣка; а въ дальнѣйшемъ изложеніи Бесѣды въ уста того же епископа влагаются разсказы о событіяхъ XIII вѣка; такимъ образомъ, Бесѣда пріурочиваетъ къ одному лицу обстоятельства двухъ разныхъ эпохъ, раздѣленныхъ между собою на двѣстипятьдесятъ и болѣе лѣтъ. Понятно, что такой грубой хронологической ошибки не могъ сдѣлать человѣкъ, который самъ былъ въ Константинополѣ около 1300 года и, разумѣется, зналъ, какой императоръ царствовалъ въ то время[1]).

Итакъ, несомнѣнно, что составителемъ Бесѣды было другое лицо, жившее позже автора «повѣсти». Но кто былъ этотъ книжникъ, рѣшившійся, при ея пособіи, написать поучительное сочиненіе о душеспасительной пользѣ паломничества,—мы не знаемъ и можемъ судить о немъ только по его литературнымъ пріемамъ, обнаруживающимся въ тѣхъ частяхъ Бесѣды,

---

1) Предполагать, для соглашенія указаннаго противорѣчія, что въ Бесѣдѣ говорится не о Романѣ III, а о другомъ которомъ-нибудь императорѣ того же имени, также не возможно: Романъ I Лакапинъ царствовалъ съ 920 по 944 г., Романъ II—съ 959 по 963, а Романъ IV Діогенъ—съ 1068 по 1071.

которыя не заимствованы изъ «повѣсти». Пріемы эти не чужды искуственности и обличаютъ въ употреблявшемъ ихъ извѣстное литературное умѣнье. Самостоятельныя части Бесѣды (то, что̀ не заимствовано изъ «повѣсти») слогомъ своимъ и способомъ своего изложенія напоминаютъ агіографическія произведенія митрополита Кипріана, Епифанія Премудраго и Пахомія Серба и похвальныя слова Григорія Цамвлака. Какъ у этихъ писателей, такъ и въ указанныхъ частяхъ Бесѣды, обиліе славянизмовъ придаетъ слогу особенный, нѣсколько высокопарный оттѣнокъ. Какъ у Кипріана и Епифанія, у Пахомія и Григорія замѣчается наклонность подкрашивать простую историческую истину риторическими распространеніями, такъ и въ анахронизмѣ, допущенномъ составителемъ Бесѣды, можно видѣть его стремленіе дать своему произведенію вящій поучительный смыслъ, даже въ ущербъ исторической точности. Судя по этимъ особенностямъ изложенія, составленіе Бесѣды, въ которую внесена «повѣсть», слѣдуетъ отнести къ началу XV вѣка.

Такое заключеніе можетъ быть еще болѣе подтверждено соображеніемъ нѣкоторыхъ бытовыхъ и культурныхъ условій того времени.

Обычай ходить на поклоненіе Святымъ Мѣстамъ привился на Руси съ перваго же вѣка по введеніи въ ней христіанства. Паломничество считалось тогда однимъ изъ высшихъ подвиговъ христіанской жизни, и въ числѣ такихъ подвижниковъ мы видимъ въ XI и XII вѣкахъ нѣсколькихъ замѣчательнѣйшихъ представителей христіанскаго сознанія среди народа, еще недавно принявшаго крещеніе. Но, вмѣстѣ съ религіознымъ увлеченіемъ, очень рано явились и злоупотребленія благочестивымъ обычаемъ: чрезмѣрное развитіе странничества отвлекало часть населенія отъ семейной жизни и земледѣльческаго труда. А такъ какъ церковь признавала паломниковъ за людей, подлежащихъ ея вѣдѣнію[1]), то

1) Уставъ в. кн. Владиміра Святаго о церковномъ судѣ по списку XV в. Уч. записки 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, кн. V, отд. III, стр. 54.

еще въ первой половинѣ XII вѣка среди духовныхъ лицъ возникло сомнѣніе: слѣдуетъ ли поощрять подобныя странствованія, о совершеніи которыхъ давались обѣты; на вопросъ о томъ священника Иліи Новгородскій епископъ Нифонтъ (1130—1156 гг.) положилъ такое рѣшеніе: «Повелѣ ми ӧпитемью дати: та бо, рече, рота гоубить землю» [1]). Вопросъ Иліи и отвѣтъ Нифонта повторяются въ каноническихъ сборникахъ болѣе поздняго времени, осложняясь притомъ любопытными бытовыми чертами. Приводимъ выписку изъ одного сборника XVI вѣка, содержащаго въ себѣ такъ-называемое Кириково вопрошаніе въ редакціи, которая можетъ быть отнесена къ XIII—XIV вѣкамъ: «Вопросъ 40: Кто во Іерусалимъ идетъ къ святымъ творяся, да инымъ азъ браню велми, и здѣ въ правдѣ пожити ци грѣхъ будетъ. Отвѣтъ. Велми се добро будетъ, рече, аже браниши; идетъ бо и да ему не дѣлати, туне ѣсти, въ празности обходити чюжая домы, яды и пія чюжая, не трудяся; и то не еще одино, прилыгая начнетъ повѣдати: тако на онои земли. Возбраняи велми, да не шли бы, велика бы за се мзда отъ Бога; чюжь бо есть вѣры порознъ ходя, яды и пия туне: лютъ судъ будетъ» [2]). Въ той же рукописи, изъ которой приведена эта выписка, находится еще слѣдующее любопытное свидѣтельство о темной сторонѣ паломничества: «Слово святаго отца Данила о мятущихся. Слышимъ оубо отъ нашихъ нѣкія блазнящихся о законѣ женитвы, недостойна творяща спасенія живущая в мире семъ; друзіи же отъ женъ отходяща не по закону острижаются и отходятъ во Іерусалимъ и въ прочая грады и тамо помятшеся возвращаются в домы своя, кающеся безумнаго труда своего» [3]). Такимъ образомъ, злоупотребленія рано побудили духовныя власти принимать мѣры къ ограниченію обычая, въ сущности

1) Русск. Ист. Библіотека, т. VI, ст. 61, 62.

2) Сборникъ Имп. П. Б-ки, Q. XVII, №178, лл. 147 об.—148. Ср. Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстн. и малоизвѣстн. памятникахъ, Срезневскаго. LVII, стр. 311.

3) См. въ томъ же сборникѣ Имп. П. Б-ки л. 257 об. Ср. у Срезневскаго, тамъ же, стр. 318.

вполнѣ благочестиваго. Когда же, съ теченіемъ времени, увеличилось на Руси число монастырей и въ нихъ сосредоточилась своя русская святыня, странствованія на поклоненіе святынямъ востока стали сами собою утрачивать свое исключительное значеніе; на нихъ уже переставали смотрѣть какъ на своего рода школу, живую и наглядную, христіанскаго просвѣщенія. Въ литературѣ XV вѣка находимъ нѣсколько указаній въ этомъ смыслѣ. Такъ, Пахомій Сербъ въ составленномъ имъ около 1440 года житіи Сергія Радонежскаго, разсуждая о томъ, какой великій подвижникъ былъ преподобный, въ особенности настаиваетъ на томъ, что онъ «возсіялъ не отъ Іерусалима или Сіона», а въ «великой Русской землѣ» воспиталъ свое благочестіе [1]). Еще раньше Пахомія, Епифаній Премудрый, въ похвальномъ словѣ тому же святому, написанномъ до 1420 года, выразилъ ту же мысль и притомъ привелъ ее въ прямую связь со своимъ воззрѣніемъ на паломничество. Епифаній слагаетъ Сергію между прочимъ такую похвалу: «Не взыска царьствующаго града, ни Святыя Горы, или Іерусалима, яко же азъ окаянныи и лишеныи разоума; оувы лютѣ мнѣ! ползаа сѣмо и овамо, и преплаваа судоу и овоудоу, и отъ мѣста на мѣсто преходя; но не хождааше тако преподобныи, но в млъчаніи добрѣ сѣдяше и себѣ внимаше; ни по многымъ мѣстомь, ни по далнимъ странамъ хождааше, но во единомъ мѣсте живяше и Бога въспѣвааше: не искаше бо соуетныхъ и стропотныхъ вещіи, иже не требѣ емоу бысть, но паче всего взыска единаго истиннаго Бога, иже чимъ есть доуша спасти» [2]). Впрочемъ, не смотря на выражающееся въ этихъ словахъ измѣненіе во взглядѣ на паломничество, странствованія русскихъ людей къ Святымъ Мѣстамъ не прекращались и въ XV вѣкѣ, какъ то

---

1) Великія Минеи Четіи. Изданіе Археографической Коммиссіи. Сентябрь, дни 25—30. С.-Пб. 1883, ст. 1409.

2) Памятники древней письменности. Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца и похвальное ему слово, написанныя ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV вѣкѣ. Сообщилъ архимандритъ Леонидъ. С.-Пб. 1885, стр. 159.

видно, между прочимъ, изъ примѣра іеродіакона Зосимы; но этотъ родъ подвижничества уже переставалъ въ то время считаться лучшимъ украшеніемъ христіанина, ибо онъ ставилъ человѣка въ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ соблазнами мірской жизни. Къ этой-то порѣ упадка или ослабленія той восторженности, которая увлекала нѣкогда цѣлыя толпы богомольцевъ на поклоненіе святынямъ востока, и слѣдуетъ пріурочить, согласно внутреннему смыслу, составленіе издаваемой нами Бесѣды.

Авторъ Бесѣды, очевидно, желалъ вновь возбудить энтузіазмъ къ паломничеству, остывавшій въ его современникахъ. На подвигъ странника онъ смотритъ исключительно съ идеальной точки зрѣнія, и въ этомъ случаѣ его воззрѣнія вполнѣ сходятся съ тѣми, какія мы встрѣчаемъ въ раннихъ памятникахъ нашей литературы. Преп. Ѳеодосій, по словамъ его житія, написаннаго Несторомъ, хотѣлъ начать подвигъ своей жизни посѣщеніемъ Святыхъ Мѣстъ; еще будучи юношей, онъ тайно ушелъ изъ родительскаго дома и присоединился къ проходившимъ мимо странникамъ, но, настигнутый погоней, долженъ былъ возвратиться на родину[1]). Въ житіи преп. Евфросиніи Полоцкой (уцѣлѣвшемъ только въ обработкѣ XVI вѣка, но сохранившемъ явные слѣды древняго состава) разсказывается, что она съ дѣтства питала влеченіе къ праведной жизни; когда отецъ предположилъ выдать ее замужъ, то, по словамъ житія, ее посѣтили такія мысли: «Како се будетъ, еже отецъ мой мыслитъ причтати ми браку мужеви; но аще таково будетъ, то печали міра сего гоньзнути лзѣ... А сія (земная) слава есть прахъ и пепелъ, и яко дымъ расходится». Княжна постриглась въ монашество и уже на старости отправилась поклониться Гробу Господню; тамъ она молила Спасителя: «Пріими духъ мой отъ мене во святѣмъ градѣ Твоемъ Іерусалимѣ, пресели мя въ вышній градъ Твой Іерусалимъ. Покои мя на лонѣ патріарха

---

1) Ученыя Записки 2-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 133, 134.

Авраама со всѣми угождшими Ти» [1]). Въ Патерикѣ Печерскомъ разсказывается о томъ, что преп. Антоній міряниномъ странствовалъ на Аѳонъ, принялъ тамъ монашество и принесъ оттуда Печерской обители благословеніе Святой Горы, славнѣйшихъ обителей Греческой земли [2]). Всѣ эти черты, которыми въ древнихъ памятникахъ нашей письменности характеризуется значеніе паломническаго подвига, воспроизводятся и въ нашей Бесѣдѣ. Одинъ изъ участниковъ ея, царь, выслушавъ разсказъ епископа о Софійскомъ храмѣ, съ умиленіемъ говоритъ, подобно Евфросиніи: «И азъ желание убо имѣю отъ многъ лѣтъ вся та видети глаголемая тобою, да аще получю, дамъ благодарение Богу всѣхъ; ищу бо времени, да быхъ гоньзнулъ власти сея тлѣнная, да тамошъняя бы славы не лишенъ былъ, но бы сподобилъ мя Господь кончати животъ мои во страннѣчествѣ и убожествѣ. Что ми поможетъ тлѣнная сия багряница противу венца славы Христовы, егоже подастъ угодникомъ своимъ?» Подобно Ѳеодосію, царь тайно удаляется изъ своей земли и въ дружинѣ странниковъ обходитъ Святыя Мѣста, а затѣмъ, какъ Антоній, выноситъ изъ своего странствія убѣжденіе въ высокой святости иноческаго житія въ тѣхъ странахъ, гдѣ взошла заря христіанскаго ученія. Другой собесѣдникъ, епископъ, еще міряниномъ посѣщаетъ Цареградъ и здѣсь постригается въ монашество; въ разговорѣ съ царемъ онъ дважды высказываетъ то самое желаніе, какое выражала Евфросинія, — кончить жизнь у Гроба Господня.

Такимъ образомъ, подъ перомъ писателя XV вѣка, апологія паломничества ограничивается лишь повтореніемъ того, что̀ еще задолго до него говорилось у насъ объ очистительномъ и душеспасительномъ значеніи этого подвига. Это безсиліе автора Бе-

---

1) Житіе преподобныя Евфросиніи княжны Полотскія. Изданіе А. Сапунова. Витебскъ. 1888, стр. 3, 4 и 18.

2) Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, изданные Вл. Яковлевымъ. С.-Пб. 1872, стр. LXXIII.

сѣды найдти новые доводы въ пользу старой мысли заслуживаетъ вниманія, особенно если сопоставить его съ тѣмъ оттѣнкомъ разочарованія, который слышится въ словахъ паломника XV вѣка, Епифанія Премудраго, объ его хожденіи къ Святымъ Мѣстамъ востока; безсиліе это является новымъ доказательствомъ тому, что въ это время пора восторженныхъ паломничествъ уже миновала. Поэтому призывъ составителя Бесѣды остался безъ отвѣта, и можно сказать, что взятіе Константинополя турками въ 1453 году и водвореніе мусульманской власти на всемъ пространствѣ бывшей Византійской имперіи послужили только внѣшними причинами для прекращенія паломническихъ хожденій съ Руси. Они возобновились у насъ впослѣдствіи при другихъ уже условіяхъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ становится понятнымъ, почему издаваемая нами Бесѣда была мало распространена въ нашей письменности. По видимому, мало разошлась въ спискахъ и та «повѣсть» о Цареградѣ, которая легла въ основу исторической части Бесѣды, а потому можно быть благодарнымъ составителю послѣдней за то, что онъ сохранилъ намъ эту «повѣсть» хотя бы въ своемъ извлеченіи. Даже и въ неполномъ своемъ видѣ сказаніе это, восходящее по времени сочиненія приблизительно къ 1300 году, должно занять видное мѣсто въ нашей паломнической литературѣ—на сто лѣтъ позже «Паломника» архіепископа Антонія и на пятьдесятъ лѣтъ раньше «Странника» Стефана Новгородца; «повѣсть» эта въ особенности цѣнна тѣмъ, что предлагаетъ большой запасъ самостоятельныхъ и любопытныхъ свѣдѣній о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Константинополя въ послѣдній періодъ существованія Византійской имперіи. Ближайшая оцѣнка этихъ извѣстій въ археологическомъ отношеніи должна быть предоставлена, разумѣется, византинистамъ; но мы, съ своей стороны, считаемъ возможнымъ замѣтить, что свидѣтельства «повѣсти», включенной въ составъ издаваемой Бесѣды, хотя и подтверждаютъ показанія другихъ источниковъ о великомъ разграбленіи Цареграда латинами, однако не рисуютъ

картины такого совершеннаго опустошенія, какое, по соображеніямъ новѣйшихъ изслѣдователей, засталъ Михаилъ Палеологъ при своемъ вступленіи въ столицу. По одной этой причинѣ важный историческій интересъ «повѣсти» паломника, который посѣтилъ Константинополь вскорѣ по оставленіи его латинами, долженъ быть признанъ внѣ сомнѣнія. Нельзя не пожелать, чтобъ она была найдена въ отдѣльномъ полномъ спискѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ

ВЪ LI ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Напечатанная жирнымъ шрифтомъ цифра означаетъ нумеръ статьи; другія же арабскія же цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены ссылки на извлеченія изъ протоколовъ и приложенія къ нимъ.